18+

СВЕТИЛА

Роман — лауреат Букеровской премии 2013

ЭЛЕАНОР КАТТОН

Светила

Элеанор Каттон

Аннотация
Элеанор Каттон. Светила
Примечание для читателя
Таблица персонажей
Часть I. Сфера внутри сферы
  Меркурий в Стрельце
  Юпитер в Стрельце
  Марс в Стрельце
  Сатурн в Весах
  Скорпион восходит в полночь
  Растущая Луна в Тельце
  Солнце в Козероге
  Зенит / Надир
  Истинный лунный узел в Деве
  Венера в Козероге
  Конъюнкции
  Меркурий в Стрельце
Часть II. Пророчества
  Эклиптика
  Овен в третьем доме
  Юпитер в Стрельце
  Меркурий в Козероге

Меньший злотворитель
Солнце в Водолее
Сатурн в Весах
Марс в Козероге
Кардинальная земля
Безлунный месяц
Венера в Водолее
Часть III. Дом саморазрушения
Меркурий в Водолее
Солнце в Рыбах
Сатурн в Деве
Венера в Рыбах
Юпитер в Козероге
Луна в Овне, неполная
Марс в Водолее
Nga potiki a rehua / Дети Антареса
Больший злотворитель
Равноденствие
Часть IV. Paenga-wha-wha
Первый градус Овна
Меркурий в Рыбах; Сатурн в соединении с Луной
Венера – утренняя звезда
Экзальтация в Овне
«Дом многих желаний»
Южный Крест

Сожжение
Закат Меркурия
Конъюнкция Солнца с Луной (новолуние)
Часть V. Груз и злато
Серебро
Золото
Медь
У-Син
Железо
Олово
Деготь
Довески
Часть VI. «Вдовушка» и платьишки
Неподвижная земля
Марс в Раке
Te-ra-o-tainui
Акцидентальное достоинство
Овен, управляемый Марсом
Солнце в Близнецах
Скорпион, управляемый Марсом
Часть VII. Обитель
Рак и Луна
Солнце, управитель Льва
Водолей и Сатурн
Долгое правление Юпитера
Эссенциальное достоинство

Асцендент
Часть VIII. Правда об «Авроре»
Сатурн в Деве
Юпитер в Стрельце
Луна во Льве, новолуние
Солнце во Льве
Иной рассвет
Часть IX. Мутабельная земля
Луна в Деве, неполная
Солнце в Деве
Частичное затмение солнца
Papa-tu-a-nuku
Часть X. Вопросы наследования
Изгнание
Падение
Десцендент
Часть XI. Закат Ориона, восход Скорпиона
Луна в Тельце (предел Ориона)
Солнце в Скорпионе
Часть XII. Старая Луна в объятиях новой Луны
Светила
Благодарности

Аннотация

Впервые на русском роман – лауреат Букеровской премии 2013 года и, пожалуй, наиболее яркое событие за всю историю этой престижной награды. Книга побила сразу два рекорда: «Светила» – самое крупное произведение, когда-либо получавшее «Букера», а Элеанор Каттон – самый молодой лауреат (28 лет).

Итак, добро пожаловать в Новую Зеландию в самый разгар золотой лихорадки. Двенадцать человек – включая священника, аптекаря, издателя местной газеты, двух китайцев и туземца-маори – сходятся в задней комнате захудалой гостиницы обсудить несколько таинственных происшествий, в которые они так или иначе оказались впутаны: бесследно исчез фантастически удачливый юноша, которому принадлежит львиная доля местных участков, а в хижине умершего той же ночью бедного старателя обнаружился огромный золотой клад, после чего самая популярная из «ночных бабочек» Хокитики решительно встала на путь исправления.

Двенадцать заговорщиков выкладывают все как на духу случайно затесавшемуся в их ряды незнакомцу. Тут и кораблекрушения, и контрабандное золото, и шантаж, и несчастная любовь, мошенничество, месть, случайные выстрелы, спиритический сеанс и суд; есть тут и пропавшие грузовые контейнеры, и спрятанные документы, и потерянные состояния. Казалось бы, «Светила» – это добрый старый детектив наподобие «Женщины в белом» Уилки Коллинза. Однако структура книги основывается на астрологии: автор рассчитывала движение звезд и планет по мере развития сюжета, ведь действующие лица связаны с небесными телами. Двенадцать «звездных» героев, соответствующих зодиакальным знакам, и семь «планетарных» – все вращаются вокруг героя-«земли», убитого при таинственных обстоятельствах.

Перевод, работа над которым заняла больше года, мастерски выполнен Светланой Лихачевой, известной своими интерпретациями таких классиков XIX–XX веков, как Дж. Р. Р. Толкин, лорд Дансени, Уильям Моррис, Г. Ф. Лавкрафт, Мэри Стюарт и др.

Элеанор Каттон
Светила

Eleanor Catton
THE LUMINARIES
Copyright © 2013 by Eleanor Catton
All rights reserved
This edition published by arrangement with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

© С. Лихачева, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

На первом плане роман Элеанор Каттон «Светила» — это добрый старый детектив. Энергичная, великолепно написанная история любви и похоти, алчности и убийства.

Однако на втором плане структура книги основывается на астрологии. Да-да, астрологии! Пользуясь звездными картами из журнала «Sky and Telescope» и компьютерной программой «Stellarium», автор рассчитывала движение звезд и планет по мере развития сюжета, ведь действующие лица связаны с небесными телами. Двенадцать «звездных» персонажей, соответствующих зодиакальным знакам, и семь «планетарных» персонажей — все вращаются вокруг персонажа-«земли», Кросби Уэллса, убитого при таинственных обстоятельствах.

Кто-то, пожалуй, решит, будто «Светила» — это пропахшая нафталином, оторванная от реальности сказочка, но нет. Хитрая структура придает роману чарующую многослойность, однако же можно с наслаждением оценить историю как таковую, астрологией вообще не заморачиваясь.

Это чертовски талантливое, до мелочей продуманное произведение — отчасти повесть о призраках, отчасти напряженный психологический триллер — лишний раз подтверждает, что Элеанор Каттон, несомненно, одна из ярчайших звезд в небесах мировой литературы.

The Bookseller

«Светила» — это подлинный шедевр. Каттон создала остроумную пародию на викторианский роман и одновременно — роман двадцать первого века, нечто совершенно новое. Шелестят страницы, массивная тяжесть книги смещается справа налево, целый мир открывается нашим глазам и снова исчезает за закрытой дверью, а душа человеческая предстает нам во всей своей противоречивой безысходности. Точнее, в славе. А что до объема, безусловно, такая замечательная книга слишком длинной никому не покажется.

New York Times Book Review

Каттон прорисовывает своих персонажей подробно и тонко… В результате мы получаем не просто роман, а великолепно продуманный павильон кривых зеркал. Добро пожаловать внутрь!

Washington Post

Роман виртуозный, невероятно сильный, от такого не оторваться… Захватывающий, ловко закрученный сюжет ведет нас к эффектному финалу — уверенно и властно… Подобно Куросаве в «Расёмоне», Каттон предоставляет голос то одному, то другому рассказчику, их истории переплетаются, противореча друг другу, и каждый успевает сыграть роль детектива… Как и Сара Уотерс, Каттон мастерски использует инструментарий старомодного сюжета… неудивительно, что столь многие талантливые писатели наших дней помещают своих вымышленных героев в прошлое.

The Telegraph

«Светила» вы проглотите за один присест, а дойдя до конца, пожалеете, что другой такой масштабной и увлекательной книги под рукой нет… Великолепно построенные композиция и сюжет — роман начинается неспешно, размеренно, а заканчивается головокружительным спуском с горы… Амбициозно, затейливо, зрелищно. Доставьте себе удовольствие, прочтите «Светила».

The Independent

Это шедевр… Талант и воображение автора таковы, что ей, видимо, под силу увести нас куда угодно; и всякий раз мы верим, что с таким вожатым не собьемся с пути… Замечательная книга.

Globe and Mail

Талантливо написанный, до абсурда смешной роман — нечто среднее между тайной запертой комнаты, спагетти-вестерном, игрой судоку и «Тайной Эдвина Друда».

New York Magazine

Сказать, что «Светила» не имеют себе равных по масштабности и размаху, — это ничего не сказать.

The Wall Street Journal

Густонаселенный, новаторский, грандиозный по замыслу роман. «Светила» — книга впечатляющая, захватывающая, яркая, полная всевозможных сюрпризов.

Times Literary Supplement

«Светила» — головокружительный детектив на восемьсот страниц, с хитроумно закрученным сюжетом и разношерстной толпой персонажей под стать многотомному роману девятнадцатого века. То, что увлекательный, тщательно продуманный, многослойный роман Каттон по сути своей оказывается совсем прост, лишь прибавляет ему очарования.

Daily Mail

Невероятная, фантастически изощренная книга. Проза Каттон безукоризненна вплоть до последнего штриха — а это немалое достижение для романа, жизнь и смерть которого зависят от аутентичности диалогов, стилизованных под викторианскую эпоху, от точности воссоздания мира двуличия и мошеннических махинаций во всей его экзотичной многогранности. Роман тянет на восемьсот страниц с лишним, но упорство читателя будет вознаграждено сторицей.

Evening Standard

Совершенно великолепный в своей щедрости роман. Каттон пишет по-настоящему умную, интеллектуальную прозу, с прихотливо закрученным сюжетом и тщательно выстроенными эпизодами.

Scotsman

В высшей степени оригинальный, до мелочей продуманный, тематически убедительный, исполненный экспрессии детектив.

Good Book Guide

Удивительно живая и яркая книга… «Светила» заслуженно удостоены Букеровской премии 2013 года. Полнокровные персонажи, нетривиальная детективная интрига. Обычно автор либо прекрасный стилист, либо прекрасный рассказчик, но и то и другое встречается редко. Этой книгой Каттон доказала, что она исключение из правил.

Booker Marks

Каждое предложение в этой завораживающей истории, действие которой происходит на диком западном побережье Южного острова Новой Зеландии во времена золотой лихорадки, написано мастерски, неожиданный поворот сюжета в конце каждой главы заставляет нас тут же погружаться в следующую. «Светила» продуманы до мелочей — не оторвешься… стилизация под викторианский сенсационный роман в том же изящном, озорном духе, как у Сары Уотерс. Хочется устроиться с этой книгой в уютном кресле — и читать, читать.

Guardian

Интеллектуальная деконструкция и занятная попытка литературного чревовещания; по ощущению, роман ничем не уступает тем образцам классики девятнадцатого века, которым искусно подражает. И хотя я стремительно листал страницы в поисках ответа, призванного утолить мое мучительно нарастающее любопытство, я то и дело сбавлял темп, чтобы сполна насладиться описаниями персонажей и мягким юмором автора. Судьи Букеровской премии воистину напали на золотую жилу.

Sunday Express

За размах замысла и красоту исполнения девчонка заслуживает медали.

Daily Telegraph

Тщательно проработанная, неправдоподобно талантливая, затягивающая с головой книга… Каттон пишет человеческую комедию, вознесенную над надеждами, грязью, ложью и тайнами времен золотой лихорадки. Это не столько моралите, сколько убедительная демонстрация всемогущества рассказчика.

Irish Times

От мысли о том, что кто-то способен писать настолько блестяще в свои двадцать восемь лет, я скрежещу зубами так, что мой дантист без работы не останется. Спору нет, этот реверанс в сторону викторианского детектива — головокружительный успех сам по себе, и читается взахлеб.

Vice (Books of the Year)

Увлекательный роман в старомодном духе… Его сюжетно-тематический план, зеркально отражающий астрологические закономерности в идеально срежиссированном менуэте, выгодно отличает книгу среди всех прочих.

Independent on Sunday (Literary Fiction of the Year)

Роман, о котором можно было только мечтать; звезда первой величины.

The Economist

Лауреат Букеровской премии 2013 года — том весьма увесистый. Замысловатый сюжет затягивает с головой, страницы так и мелькают. Благодаря живому, энергичному диалогу, искрометному юмору и масштабности ви́дения, книга далеко опережает своих конкурентов.

Daily Telegraph

Ошеломляюще.

Sunday Herald

Иногда, хотя и очень редко, появляется книга настолько замечательная, что остается только удивленно покачать головой. Великолепный по замыслу, блистательный по исполнению, этот роман — подлинный шедевр, произведение автора беспредельно, разносторонне талантливого. Окунуться в этот вымышленный мир — удовольствие невероятное.

Питер Хоббс

Все по-настоящему хорошие книги не поддаются жанровой классификации: они — вещь в себе. Захватывающий — во всех смыслах — роман Элеанор Каттон «Светила» наглядно подтверждает эту аксиому. Объем книги может показаться устрашающим — но бояться нечего! Автор, превосходный рассказчик, уверенно ведет нас через лабиринт человеческих жизней, и все они сходятся в одной точке самым неожиданным для нас образом. Ее историческое чутье таково, что под пером Каттон прошлое обретает актуальность будущего. В «Светилах» время отступает, и сквозь трещины сюжета просвечивает тайна мироздания. Мне страшно не хотелось, чтобы книга закончилась, — в определенном смысле этого и не произошло. Авторские озарения не гаснут.

Джей Парини (автор «Последнего вос-

кресения»)

«Светила» поразили меня в самое сердце. Этот мир, дикий и странный, эти незабываемые персонажи — и все сведены воедино так мастерски, что впору говорить о небесной гармонии. А то, что такая книга вышла из-под пера настолько молодого автора, заставляет с надеждой взглянуть на будущее романа как искусства. Звезда первой величины во всех смыслах.

Пол Мюррей (автор «Скиппи умирает»)

Встречаются иногда книги, которые возносят вас над хламом повседневной рутины, разбирают вас на части, собирают заново — и оставляют с ощущением, будто ты провел отпуск в компании гения. Новый потрясающий роман Элеанор Каттон «Светила» именно таков… Каттон — удивительная писательница, а это — удивительная книга.

The New Zealand Herald

Книга «Светила», удостоенная Букеровской премии за 2013 год, стала бы выдающимся достижением для автора любого возраста, не говоря уж о том, кого от тридцатилетнего юбилея отделяет еще несколько лет. Каттон создала масштабный, детально проработанный, великолепно написанный, увлекательный исторический роман… Объемом более восьмисот страниц, «Светила» — это своего рода реверанс литературе девятнадцатого века: список действующих лиц изрядно длинен; главы предваряются краткими аннотациями вроде: «Глава, в которой наши приверженности меняются, как явствует по нашим лицам»… Рассказ, насквозь пропитанный астрологией, прослеживает переплетение судеб расчетливых колониальных авантюристов, злополучных единокровных братьев, бесправных старателей-китайцев, аборигена-маори и оказавшейся в центре событий проститутки-опиоманки — молодой поклонник завещал ей целое состояние, а сам исчез бесследно: возможно, он мертв, а возможно, и нет. «Светила» — это книга, которой можно насладиться целиком, равно как и отдельными литературными находками, щедро разбросанными по каждой странице.

Quill & Quire

Южный остров Новой Зеландии, год 1866-й. Золотая лихорадка в разгаре, город Хокитика полон охотников за богатством и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Двенадцать человек сходятся в задней комнате захудалой гостиницы обсудить три преступления, в которые они так или иначе оказались впутаны: проститутка едва не умерла от передоза (уж не попытка ли самоубийства?), богатый юнец исчез бесследно, а в хижине покойного старателя обнаружился огромный золотой клад.

Эти двенадцать — включая священника и торгующего опиумом аптекаря, банковского служащего, двух китайцев и туземца-маори — выкладывают все как на духу случайно затесавшемуся в их ряды чужаку. Тут и кораблекрушения, и контрабандное золото, и шантаж, и опиумокурильни, мошенничество, месть, несчастная любовь, случайные выстрелы, спиритический сеанс и суд; есть тут и пропавшие грузовые контейнеры, и спрятанные документы, и потерянные состояния.

В этой книге, удостоенной Букеровской премии, викторианский роман сходится с Диким Западом (или Югом). Поневоле вспомнишь «Женщину в белом» Уилки Коллинза, а вот мне, скорее, мерещится песня Боба Дилана «Lily, Rosemary and the Jack of Hearts» («Лили, Розмари и Валет Червей»), растянутая на восемьсот с лишним страниц. Если это ваш глоток опиума, вы, того и гляди, на книгу подсядете — очень хорошо сделана!

The Times

Роман похож на гигантский кубик Рубика — грани сюжета сдвигаются и перестраиваются в новые комбинации и перспективы.

Vancouver Sun

«Светила» — удивительно многослойная книга: чем дальше читаешь, тем глубже погружаешься в бездны астрологической премудрости, просто дух захватывает. Истолковывать такую аллегорию — занятие увлекательное само по себе, все равно что кроссворды разгадывать. Но «Светила» интересны не только этим.

Brisbane Times

Посвящается папе, который видит звезды, и Джуд, которая слышит их музыку

Примечание для читателя

Положения звезд и планет в этой книге определяются астрономически. То есть мы признаем такое явление, как прецессия небесных тел, в силу которой смещается точка весеннего равноденствия — астрологический эквивалент Гринвичского меридиана. Прежде весеннее равноденствие (в южных широтах — осеннее) наступало, когда Солнце находилось в созвездии Овна, в первом из знаков. Сейчас оно происходит, когда Солнце находится в созвездии Рыб, в двенадцатом знаке. Следовательно, как непременно отметят читатели этой книги, каждый зодиакальный знак «начинается» примерно на месяц позже, чем принято считать. Этой поправкой мы никоим образом не пытаемся умалить ценность расхожих мнений, однако отмечаем, что вышеупомянутого заблуждения придерживаются вопреки такому материальному факту, как наш небесный свод XIX века; мы дерзнем предположить, что это убеждение отмечено знаком Рыб и, более того, показательно для тех, кто родился в эпоху Рыб — век зеркал, стойкости,

интуиции, двойничества и сокровенных тайн. Этим знанием мы и довольствуемся. Оно еще больше подкрепляет нашу веру в обширное и мудрое влияние *беспредельных небес*.

Таблица персонажей

СОЗВЕЗДИЯ — СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ДОМ

Те Рау Тауфаре, *добытчик нефрита* — Хижина Уэллса (долина Арахуры)

Чарли Фрост, *банковский служащий* — Резервный банк (Ревелл-стрит)

Бенджамин Левенталь, *издатель газеты* — Издательство «Уэст-Кост таймс» (Уэлд-стрит)

Эдгар Клинч, *отельер* — Гостиница «Гридирон» (Ревелл-стрит)

Дик Мэннеринг, *магнат, владелец золотых приисков* — Золотой прииск «Аврора» (Каньер)

Цю Лун, *златокузнец* — «Чайнатаунская кузня» (Каньер)

Харальд Нильссен, *комиссионер* — «Нильссен и К°» (набережная Гибсона)

Джозеф Притчард, *аптекарь* — Курильня опиума (Каньер)

Томас Балфур, *владелец транспортно-судоходной компании* — «Добрый путь» (барк, совершает регулярные рейсы до Порт-Чалмерса)

Обер Гаскуан, *секретарь суда* — Здание суда Хокитики (магистратский суд)

Су Юншэн, *«шляпник»* — «Удача путника» (Ревелл-стрит)

Коуэлл Девлин, *тюремный капеллан* — Хокитикская тюрьма (Сивью)

ПЛАНЕТЫ — СОПУТСТВУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ

Уолтер Мади — Интеллект

Лидия (Уэллс) Карвер, урожденная Гринуэй — Страсть

Фрэнсис Карвер — Насилие

Алистер Лодербек — Власть

Джордж Шепард — Ограничение

Анна Уэдерелл — В апогее (прежде в перигее)

Эмери Стейнз — В перигее (прежде в апогее)

TERRA FIRMA[1]:

Кросби Уэллс *(покойный)*

---

[1] Сноски: 1

Твердая земля *(лат.)*.

Часть I
Сфера внутри сферы

27 января 1866 года

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы

Балдур
Ласкуаи
Суд
Девиин
Инфернале
Ад реем
Делемнаи
Кашт
Лазеерин
Суе
Кинссеи
Нритгард

Меркурий в Стрельце

Глава, в которой в Хокитике объявляется новое лицо; сорван тайный совет; Уолтер Мади отказывается поделиться свежим воспоминанием, а Томас Балфур приступает к рассказу.

Двенадцать человек, собравшиеся в курительной комнате гостиницы «Корона», на первый взгляд сошлись вместе по чистой случайности. Судя по разнообразию в их одежде и манерах — тут и сюртуки, и фраки, и широкие норфолкские куртки с поясом и роговыми пуговицами, и желтый молескин, и батист, и твил, — с тем же успехом эти люди могли быть двенадцатью совершенно чужими друг другу попутчиками в железнодорожном вагоне, которым суждено разбрестись по разным кварталам города, где туманы и морские приливы навеки разделят их. Действительно, нарочитая отчужденность каждого из присутствующих: один углубился в газету, второй, наклонившись, стряхивал пепел в камин, третий, растопырив пальцы поверх зеленого

сукна, изготовился загнать шар в лузу — порождала ту самую осязаемую тишину, что нависает поздними вечерами над железной дорогой, вот только здесь вторгался в нее не глухой и невнятный лязг вагонов, но смачный шум дождя.

Во всяком случае, так показалось мистеру Уолтеру Мади, что стоял в дверном проеме, опершись рукою о косяк. Он понятия не имел, что нарушил какое-то тайное совещание, ведь все речи стихли, едва в коридоре послышались его шаги, а к тому моменту, как он открыл дверь, каждый из двенадцати вернулся к своему прерванному времяпрепровождению (игроки в бильярд встали куда придется, потому что все давно позабыли свои места), и так старательно все изобразили занятость, что, когда Уолтер вошел, никто даже глаз не поднял.

Полное единодушие, с каким эти люди его игнорировали, вероятно, возбудило бы любопытство мистера Мади, находись он в добром здравии и в подходящем настроении. Но сейчас его душевное равновесие было поколеблено, его слегка подташнивало. Он загодя знал, что плавание в

Западный Кентербери[2] в худшем случае сулит ему гибель: непрекращающаяся качка на утлом корыте посреди бушующих, вспененных волн закончится на бурлящем кладбище Хокитикской отмели, но к конкретным ужасам путешествия он готов не был — к ужасам, которые до сих пор не мог облечь в слова, даже про себя. Мади был от природы нетерпим к собственным слабостям — страх и болезнь вынудили его уйти в себя, и потому он, вопреки обыкновению, не распознал царящего в комнате настроя.

Обычно в лице Мади читался приветливый интерес. Его серые глаза, большие и немигающие, и изгиб упругих мальчишеских губ выражали вежливое участие. Волосы круто вились; в юности он носил локоны до плеч, но сейчас подстригал их совсем коротко, делил на боковой пробор и приглаживал с помощью ароматной помады, отчего золотистый оттенок темнел до маслянисто-русого. Лоб и щеки были квадратными, цвет лица — ровным. В его неполные двадцать восемь лет движения его, быстрые и четкие, дышали той проказливой, простодушной живостью, что не

[2] Сноски: 2

Кентербери — обширный регион Новой Зеландии, расположен в центральной части Южного острова, на западе граничит с регионом Уэст-Кост, на юге — с регионом Отаго. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

заключает в себе ни легковерия, ни вероломства. Он держался под стать тактичному, смышленому дворецкому, и в результате его дарили доверием самые немногословные натуры и приглашали стать посредником в отношениях между людьми, с которыми он только что познакомился. Словом, он обладал внешностью, которая мало что говорила о его истинном характере, зато немедленно к себе располагала.

Мади не то чтобы пребывал в неведении относительно того, какие преимущества дает ему эта отстраненная приветливость. Как многие из тех, кто красотою наделен в избытке, он придирчиво изучил собственное отражение в зеркале и в известном смысле лучше знал себя снаружи, чем изнутри; он вечно прятался в каком-нибудь из уголков своей души, наблюдая за собственным внешним состоянием. Немало часов провел он в алькове своей персональной гардеробной, где зеркало утраивало его образ: он видел себя в профиль, полупрофиль и фас — ни дать ни взять вандейковский «Карл I»[3], только куда более

[3] Сноски: 3

Антонис Ван Дейк (1599–1641) — фламандский художник, живописец и график, мастер придворного портрета и живописи на мифологические и религиозные сюжеты. Его портрет «Карл I в трех ракурсах» (1636) изображает английского короля словно бы глядящимся в трельяж, боковые зеркала которого отражают его под углом.

импозантный. В этой тайной практике он бы никогда не признался: ведь как решительно осудили самоанализ столпы морали нашего века! Как будто сущность человеческая — это звук пустой, а в зеркало смотрятся лишь затем, чтобы укрепиться в гордыне; как будто акт самосозерцания не столь же тонок, изменчив и непрост, как любая связь между родственными душами. Завороженный Мади стремился не столько восславить свою красоту, сколько подчинить ее себе. Безусловно, всякий раз, как он замечал свое отражение, будь то в коробчатом окне или в стекле с наступлением темноты, он трепетал от удовольствия — что-то подобное, должно быть, чувствует инженер, случайно столкнувшись с механизмом собственного изобретения и обнаружив, что механизм этот великолепен, весь блестит, хорошо смазан и работает в точности так, как задумывалось.

Вот и сейчас он мысленно видел себя в дверях курительной комнаты и знал, что выглядит воплощением безмятежной собранности. Он едва не падал с ног от усталости; на душу давило свинцовое бремя ужаса; ему казалось, за ним следят, его преследуют; его захлестывал страх. Он обвел глазами комнату с видом вежливо-от-

страненным и одновременно уважительным. Помещение выглядело так, словно его заново отстроили по памяти спустя немало лет, когда многое позабылось (железные подставки в камине, подходящая каминная доска, шторы), но мелкие детали сохранились, например: портрет покойного принца-консорта, вырезанный из журнала и обувными гвоздиками приколоченный к стене, обращенной во двор; шов поперек бильярдного стола, что был распилен надвое в Сиднейском порту для вящего удобства транспортировки; стопка широкоформатных газет на секретере — страницы их истерлись и засалились от прикосновений множества рук. Два маленьких оконца по обе стороны от очага выходили на задний двор гостиницы — заболоченный клочок земли, замусоренный деревянными ящиками и ржавеющими баками; от соседних участков его отделяли лишь заросли кустарника да низкий папоротник, а с севера — ряд клеток для несушек, с дверцами, скрепленными цепью для защиты от воров. За этими неопределенными рубежами виднелись провисшие бельевые веревки, протянутые туда и сюда между домами через квартал к востоку; штабеля необтесанных бревен, свинарники, горы металлического лома и

листового железа, поломанные лотки и желоба — все заброшенное, все так или иначе в состоянии неисправном. Часы уже пробили тот поздний сумеречный час, когда все краски словно бы разом теряют яркость. Ливмя лил дождь; сквозь подернутое рябью стекло двор казался обесцвеченным и поблекшим. Внутри спиртовые лампы еще не вытеснили сине-зеленый свет угасающего дня: их тусклость лишний раз подчеркивала общую безотрадность внутреннего декора.

Жалкое то было зрелище для человека, привычного к своему клубу в Эдинбурге, где все подсвечено алым и золотым, а обитые декоративными гвоздиками диваны упитанно поблескивают, отражая габариты сидящих джентльменов; где на входе выдают мягкий жакет, от которого приятно пахнет анисом или мятой, а потом стоит шевельнуть пальцами в направлении звонка, и сей же миг появляется бутылка кларета на серебряном подносе.

Но Мади был не из тех, для кого скверные условия — это повод для хандры, грубая простота обстановки лишь заставила его внутренне отстраниться: вот так богач, столкнувшись на улице с нищим, поспешно шагнет в сторону и словно остекленеет. Пока он оглядывался по

сторонам, кроткое выражение его лица нимало не изменилось, но каждая новая деталь — горка оплывшего воска под свечой, налет грязи на стекле — вынуждала его уходить все глубже внутрь себя и тем сильнее напрягаться всем телом в виду подобной картины.

Это отвращение, пусть и непроизвольное, объяснялось не столько пресловутой предвзятостью богатства — на самом деле Мади был лишь относительно богат и частенько бросал нищим монеты, хотя (надо признать) не без толики удовольствия при мысли о собственной щедрости, — сколько смятением чувств, которое он в настоящий момент незаметно для кого-либо пытался обуздать. В конце концов, это же городишко на золотом прииске, только-только построенный между джунглями и прибоем на южной оконечности цивилизованного мира; откуда тут взяться роскоши!

Правда заключалась в том, что еще шести часов не прошло с тех пор, как на корабле, доставившем его от Порт-Чалмерса до дикого клочка побережья, Мади стал свидетелем события настолько из ряда вон выходящего, настолько впечатляющего, что впору было усомниться в реальности как таковой. Эта сцена все еще стояла у него перед

глазами — словно на задворках сознания чуть приоткрылась дверь, впустив полосу тусклого света, и теперь он ни за что не захотел бы снова оказаться в темноте. Ему стоило немалых усилий не открыть дверь пошире. В столь уязвимом состоянии любая странность и любое неудобство способны были задеть до глубины души. Мади казалось, что вся эта гнетущая обстановка — не более чем совокупное эхо недавно пережитых испытаний; он с отвращением отстранялся от нее, чтобы помешать собственным мыслям отследить эту связь и вернуться к прошлому. На помощь пришло надменное презрение. Оно дарило стойкое чувство меры, правоту, к которой можно воззвать — и почувствовать себя в безопасности.

Мади обозвал комнату убогой, жалкой, унылой — и, укрепив тем самым дух противу обстановки, обратился к ее двенадцати обитателям. Пантеон наизнанку, подумал он, и вновь почувствовал себя увереннее, потешив тщеславие.

Это были типичные колонисты — закаленные, покрытые бронзовым загаром, губы их растрескались и побелели, весь облик свидетельствовал о лишениях и нужде. Двое, в совершенно одинаковых парусиновых туфлях и серых хлопчатобумажных рубахах, были китайцами; позади

них стоял абориген-маори, лицо его покрывали сине-зеленые спирали татуировки. О происхождении остальных Мади мог только гадать. Он еще не понимал, что работа золотодобытчика способна состарить человека за несколько месяцев; обводя взглядом комнату, он почитал себя самым юным из присутствующих, в то время как в действительности несколько человек были моложе его или приходились ему ровесниками. Пыл юности давно в них погас. Они навсегда останутся такими, как сейчас, — ворчливо-недовольными, беспокойными, хваткими, посеревшими, выкашливающими пыль в темные морщинистые ладони. Мади счел их неотесанными мужланами, по-своему колоритными, но… птицами невысокого полета; Мади взять не мог в толк, почему они все молчат. Ему хотелось заказать бренди, присесть где-нибудь и закрыть глаза.

Войдя, Мади выжидательно помешкал в дверях, но, видя, что его не спешат ни поприветствовать, ни прогнать, шагнул вперед и осторожно прикрыл за собою дверь. Он изобразил поклон, ни к кому конкретно не адресованный — в сторону окна, затем в сторону очага, — и, представившись тем самым всем и каждому, подошел к столику для закусок, где были выставлены несколько

графинов, и принялся смешивать себе напиток. Он выбрал сигару, обрезал ее и, стиснув между зубами, вновь обернулся и обвел глазами посетителей. Похоже, его присутствие никого не затрагивало. Что ж, его это вполне устроило. Мади уселся в единственное свободное кресло, закурил сигару и откинулся назад с тайным вздохом, как человек, который знает, что покой и отдых им в кои-то веки вполне заслужены.

Но блаженство его длилось недолго. Не успел он вытянуть ноги и скрестить лодыжки (соль на брюках уже высохла — белыми разводами, такая досада!), как сидящий в кресле справа от него человек подался вперед, ткнул в воздух огрызком сигары и поинтересовался:

— Послушайте, у вас тут, в «Короне», дело что ль какое?

Вопрос прозвучал несколько неожиданно, но Мади ничуть не изменился в лице. Учтиво поклонившись, он объяснил, что прибыл в город не далее как этим вечером и действительно снял комнату наверху.

— Только с корабля, стало быть.

Мади снова поклонился и подтвердил, что имел в виду именно это. А чтобы краткость ответа не сочли за грубость, он добавил, что приплыл от

Порт-Чалмерса с намерением попытать силы в золотодобыче.

— Славно, славно, — похвалил собеседник. — Тут выше по берегу новые россыпи обнаружили — прям прорва! Черный песок; о нем повсюду трубят; черный песок по дороге на Чарльстон. Чарльстон, он, натурально, отсюда к северу. Хотя и в ущелье пока еще есть чем поживиться. Вы тут с напарником или один приехали?

— Один, — кивнул Мади.

— То есть никаких связей! — воскликнул незнакомец.

— Ну, — отозвался Мади, вновь удивляясь его формулировке, — я собираюсь заработать здесь состояние, вот и все.

— Никаких связей, — повторил собеседник. — И никакого дела; у вас ведь тут, в «Короне», никаких дел нет?

Что за наглость — спрашивать об одном и том же дважды! Но незнакомец, казалось, глядел вполне дружелюбно и даже несколько рассеянно, теребя пальцами отворот жилетки. «Вероятно, — подумал Мади, — я недостаточно ясно выразился».

— В здешней гостинице я только отдохнуть собираюсь, вот и все мои дела, — отвечал он. — В

течение следующих нескольких дней я наведу справки обо всем, что касается золотодобычи: какие реки золотоносны, какие долины безрудны. Ознакомлюсь, так сказать, со старательским житьем-бытьем. Я намерен прожить в «Короне» неделю, а затем отправлюсь вглубь острова.

— То есть прежде вы золота не мыли?

— Нет, сэр.

— И даже «знаков» не видели?

— Золото я видел разве что в ювелирной лавке — на часах, на пряжке, там, а в чистом виде никогда.

— Но вы ведь о нем грезили, о чистом золоте! Мечтали, как будете стоять на коленях в воде, отделяя металл от шлихов!

— Пожалуй что и нет… наверное, нет, не то чтобы мечтал, — признался Мади. Столь экстравагантная речь его несколько озадачивала; несмотря на всю свою рассеянность, собеседник говорил так увлеченно и с таким жаром, что это уже граничило с назойливостью. Мади оглянулся, надеясь поймать чей-нибудь сочувственный взгляд, но никто даже не посмотрел в его сторону. Он откашлялся и добавил: — Наверно, я мечтал о том, что будет после… то есть к чему золото ведет и чем может стать.

Кажется, ответ пришелся незнакомцу по душе.

— Алхимия наоборот — вот как я это называю, — отозвался он, — ну то есть весь этот старательский бизнес. Алхимия наоборот. Вы ведь понимаете, трансмутация — превращение не в золото, а превращение золота во что-то другое…

— Интересный образ, сэр. — Лишь много позже Мади осознал, насколько это представление созвучно с его недавней фантазией про «пантеон наоборот».

— А насчет наведения справок… — рьяно заикивал незнакомец. — Справок, говорите. Вы небось станете расспрашивать про лопаты, про лотки для промывки, карты там, все такое…

— Да, именно так. Я намерен подойти к делу профессионально.

Незнакомец, развеселившись от души, откинулся к спинке кресла:

— Недельный пансион в гостинице «Корона», только чтобы вопросы позадавать! — Он громко хохотнул. — А потом две недели в грязи, чтобы вернуть свои денежки!

Мади вновь скрестил ноги. Он был не в том состоянии, чтобы разделить энтузиазм собеседника, но строгое воспитание не позволяло ему проявить неучтивость. Он мог просто изви-

ниться за свою безучастность, сославшись на какое-нибудь общее недомогание, — собеседник, казалось, был настроен вполне сочувственно, с его неспокойными пальцами и булькающим смехом, — но Мади не привык откровенничать с посторонними и уж тем более жаловаться кому-либо на недуги. Он внутренне встряхнулся и бодрым тоном осведомился:

— А вы, сэр? Вы, верно, здесь постоянно живете?

— О да, — откликнулся собеседник. — «Судоперевозки Балфура», да вы нас наверняка видели, сразу за складами, местечко что надо — Верфь-стрит, сами понимаете. Балфур — это я и есть. А звать меня Томасом. Вам тут тоже без крещеного имечка никуда; на приисках «мистерам» не место.

— Так, значит, надо начинать упражняться уже сейчас, — отозвался Мади. — Меня зовут Уолтер. Уолтер Мади.

— Понял; да только вас станут кликать как угодно, только не Уолтером, — промолвил Балфур, поглаживая колено. — Может, Уолт Шотландец или Двуручный Уолт. Уолли Самородок. Ха!

— Такое имя еще надо заработать.

Балфур расхохотался.

— Долго ли умеючи? — подмигнул он. — Тут самородочки попадаются размером с дамский пистолет, здоровущие, как дамские эти самые… и, в отличие от последних, пощупать их ничего не стоит — сами в руки идут.

Томасу Балфуру, плотному, крепко сбитому здоровяку, стукнуло около пятидесяти. Волосы его, совсем поседевшие, были зачесаны назад со лба и низко спускались на уши. Он носил бороду лопатой и в веселую минуту имел обыкновение поглаживать ее сверху вниз сложенной в пригоршню рукой — как вот сейчас, радуясь собственной шутке. Процветание ему шло, отметил Мади, распознав в новом знакомце то спокойное ощущение собственной значимости, что возникает, когда пожизненный оптимизм подкреплен успехом. Балфур был без пиджака; широкий шелковый, превосходно пошитый галстук был заляпан соусом и ослаб у шеи. Мади мысленно типировал собеседника как свободолюбца — безобидного нонконформиста, жизнерадостного во всех своих излияниях.

— Я ваш должник, сэр, — промолвил он. — Это первый из многих здешних обычаев, относительно которых я, по-видимому, пребываю в полном неведении. Если бы не вы, я непременно оплошал

бы, назвавшись на прииске по фамилии.

Действительно, представления Мади о золотодобыче в Новой Зеландии были весьма поверхностны и основывались главным образом на очерках о золотых приисках Калифорнии — бревенчатые бараки, суходолы, пропыленные повозки и смутное ощущение (он сам не знал, откуда оно взялось), что колония вроде как тень Британских островов, неразвитый, дикий придаток престола и сердца Империи. То-то он удивился, огибая оконечности полуострова Отаго двумя неделями ранее, при виде роскошных особняков на холме, набережных, улиц и возделанных садов — удивлялся он и теперь, отметив, как хорошо одетый джентльмен передал шведские спички китайцу, а затем потянулся через него за бокалом.

Мади был выпускником Кембриджа; родился он в Эдинбурге, был наследником скромного состояния и штата из трех домашних слуг. Его круг общения — сперва в Тринити-колледже, потом, в недавние годы, в «Иннер темпле»[4] — вовсе не был отмечен закостенелой церемонностью

[4] Сноски: 4

«Иннер темпл» (или «Внутренний темпл») — самый старый и известный из четырех «Судебных иннов», четырех корпораций барристеров в Лондоне.

высшей знати, где в том, что касается предыстории и среды, один отличается от другого разве что рангом. Тем не менее образование сделало его замкнутым и сдержанным, ибо научило, что лучший способ понять любую социальную систему — это взглянуть на нее сверху. Со своими однокашниками по колледжу (одетыми в мантии и упившимися рейнвейном) он отстаивал слияние классов со всей страстью и пылом юности, однако, сталкиваясь с ним на практике, всякий раз вздрагивал. До поры он ведать не ведал, что золотой прииск — место грязное и рисковое, где все друг другу чужие и чужие этой земле, где в лотке бакалейщика золотых «знаков» может оказаться полным-полно, а в лотке юриста хоть шаром покати; сословных перегородок здесь нет. Мади был моложе Балфура лет на двадцать и изъяснялся с ним почтительно, хотя и сознавал, что Балфур стоит ниже его по общественному положению, сознавал и то, насколько разношерстная компания подобралась в этой комнате, — о происхождении их и статусе ему приходилось только гадать. Потому его учтивость была несколько скованной: так человек, которому нечасто доводится общаться с детьми, слабо себе представляет, что уместно, а что нет, и держится отстраненно и

сурово, как бы ни хотел проявить сердечность.

Снисходительный тон не прошел незамеченным для Томаса Балфура — и он наслаждался от души. Он испытывал шутливую неприязнь к тем, кто, как сам он выражался, «уж больно красно говорит», и любил их подначивать, провоцируя не на гнев, ведь это скучно, а на вульгарность. Он смотрел на чопорность Мади, как на модный воротник в аристократическом стиле, что давит невыносимо, — именно так Балфур воспринимал все условности приличного общества — как никчемные украшательства; его забавляло, что из-за своей утонченной светскости чужак чувствует себя настолько не в своей тарелке.

Сам Балфур происходил из низов: Мади верно догадался. Отец Балфура работал в шорной мастерской в Кенте, и сын, вероятно, пошел бы по его стопам, если бы и отец, и конюшня не погибли при пожаре, когда ему только-только исполнилось десять; но он был тем еще непоседой, его обтрепанные манжеты и неугомонный нрав совершенно не вязались с мечтательным, слегка растерянным выражением его лица; упорный труд не пришелся бы ему по вкусу. Как бы то ни было, коню за паровозом не угнаться, любил повторять он, и ремесло не выдержало натиска

стремительных перемен. Балфуру очень нравилось думать, что он в авангарде эпохи. Когда он заговаривал о прошлом, казалось, каждое десятилетие, предшествующее нынешнему году, — это некачественная свеча, уже догоревшая и использованная. Он не испытывал ностальгии по атрибутам своей мальчишеской жизни — по темной жидкости дубильных чанов, по натянутым на каркасы шкурам, по мешочку из телячьей кожи, в котором отец хранил иглы и шило, — и редко вспоминал о них, разве что для сравнения с современным производством. Руда — вот где деньги. Угольные копи, сталь и золото.

Начал он со стекла. Проходив несколько лет в ученичестве, он основал собственное стекольное производство: скромный заводик, который со временем продал за долю в угольной шахте, что в свой срок расширилась до целого комплекса шахтных стволов; лондонские инвесторы выложили за него изрядную сумму. Балфур так и не женился. На свой тридцатый день рождения он купил билет в один конец на клипер, идущий в Веракрус, — то был первый этап девятимесячного путешествия, далее предстояло ехать по суше до калифорнийских золотых месторождений. Романтика старательской жизни для него скоро

поблекла, но бешеный темп и сладкие чаяния приисков — нет; на первую же добытую порцию золотого песка он купил акции банка, за четыре года построил три отеля и разбогател. Когда калифорнийские недра подыстощились, он все распродал и отплыл в австралийскую колонию Виктория — новое месторождение, новая, неисследованная земля — и оттуда, вновь услышав зов, долетевший из-за океана, словно напев эльфийской свирели на крыльях ветра, в Новую Зеландию.

За шестнадцать лет на золотоносных приисках Томас Балфур перевидал немало людей вроде Уолтера Мади и, надо отдать должное его характеру, сохранил за все эти годы глубокую симпатию и уважение к зеленым новичкам, еще не попробовавшим себя в настоящем деле. Балфур сочувствовал честолюбцам, как человек, добившийся успеха своими собственными силами, был выше стереотипов и обладал широкой душой. Он ценил предприимчивость, равно как и страстность. Он был склонен проникнуться к Мади симпатией уже просто потому, что этот человек взялся за род деятельности, о котором явно знал очень мало и от которого ожидал немалой прибыли.

Однако на тот вечер у Балфура были иные планы. Появление Мади застало врасплох двенадцать собравшихся, которые загодя позаботились, чтобы их не потревожили. Гостиную в передней части дома закрыли «на частное мероприятие», а под навесом поставили мальчишку наблюдать за улицей, на случай, если кому-нибудь придет в голову зайти пропустить здесь стаканчик, — маловероятно, поскольку курительная комната «Короны» обычно не славилась ни своим обществом, ни привлекательностью и на самом-то деле довольно часто пустовала, даже вечерами в выходные, когда старатели толпами стекались с холмов обратно в город потратить добытый песок на выпивку в веселых домах. Мальчишка-дежурный был от Мэннеринга и держал наготове толстую пачку билетов на галерку для бесплатной раздачи. Новый спектакль — «Дух Востока» — не мог не понравиться; в фойе оперы уже громоздились ящики с шампанским, любезно предоставленные за счет самого Мэннеринга, в честь премьеры. При наличии таких развлечений и полагая, что никакой корабль не рискнет осуществить высадку пасмурным вечером столь непогожего дня (все прибытия, запланированные согласно графику движения судового транс-

порта на страницах «Уэст-Кост таймс», к тому времени уже были учтены), собравшиеся и не подумали принять меры предосторожности против случайного чужака, который, возможно, зарегистрировался в гостинице за каких-нибудь полчаса до наступления темноты и уже находился в здании, когда мальчишка Мэннеринга заступил на свой пост у крытого входа, на мокром крыльце, выходящем на улицу.

Уолтер Мади, несмотря на располагающий вид и учтиво-отстраненную манеру держаться, тем не менее был здесь непрошеным гостем. Все в толк не могли взять, как бы убедить его уйти, не дав при этом понять, что его присутствие нежелательно, и тем самым не выдав подрывного характера своего собрания. Томас Балфур взял на себя задачу «прощупать» чужака лишь в силу случайности — раз уж они оказались рядом у очага: счастливое совпадение, ибо Балфур, при всем своем фанфаронстве и пустозвонстве, был куда как въедлив и умел повернуть обстоятельства к вящей своей выгоде.

— Ну да, — отозвался он, — обычаи-то перенимаешь быстро, и всем приходится начинать с того же самого места, что и вы, — то есть с ученичества, собственно говоря, с нуля. А могу ли я

полюбопытствовать, что заронило зерно в благодатную почву? Личный интерес у меня такой: больно уж хочется знать, что влечет людей сюда, на край земли? От какой такой искры человек так и зажигается?

Прежде чем ответить, Мади затянулся сигарой.

— Мое намерение объяснить непросто, — промолвил он. — Некие семейные разногласия, о которых мне больно говорить, послужили причиной моего приезда сюда, причем в одиночестве.

— О, но в этом-то вы как раз не одиноки, — весело возразил Балфур. — Здесь всяк и каждый от чего-нибудь да сбежал — уж не сомневайтесь!

— В самом деле? — отозвался Мади, сочтя это симптомом довольно-таки тревожным.

— Мы все тут нездешние, — продолжал Балфур. — Да, в том-то и суть. Мы все понаехали из других мест. А что до семьи — вы тут, на приисках, найдете сколько угодно и отцов, и братьев.

— Спасибо вам за поддержку; вы очень добры.

Балфур расплылся в широкой усмешке.

— Эка вы сказанули-то! — воскликнул он, размахивая сигарой так энергично, что осыпал перистым пеплом весь жилет. — *Поддержка!* Если это считается поддержкой, вы, мой мальчик, настоящий пуританин.

Мади не нашелся с ответом и поклонился снова, а затем, словно открещиваясь от какой бы то ни было причастности к пуританству, сделал большой глоток из бокала. Снаружи порыв ветра вторгся в ровный перестук капель, швырнув полосу воды в западные окна. Балфур, посмеиваясь про себя, разглядывал кончик сигары; Мади, удерживая свою между губами, отвернулся и легко затянулся.

В этот самый момент один из одиннадцати молчаливых незнакомцев встал, по ходу дела складывая газету вчетверо, и подошел к секретарю обменять номер на другой. На нем было черное верхнее платье без воротника и белый шейный платок — священническое облачение, с некоторым удивлением осознал Мади. Как странно! С какой бы стати духовному лицу знакомиться с последними новостями не где-нибудь, а в курительной комнате заурядной гостиницы поздно вечером в субботу? И почему при этом он молчит как рыба? Мади наблюдал, как его преподобие перебирает кипу газет, отвергая несколько номеров «Колониста» в пользу «Аргуса реки Грей»: с радостным возгласом он вытащил нужное издание из пачки и, держа на некотором расстоянии, удовлетворенно развернул к свету.

И снова, рассуждая сам с собою, Мади решил, что, возможно, ничего странного в том нет: ночь выдалась дождливая, а в городских трактирах и общественных зданиях, надо думать, не протолкнуться. Вероятно, священник отчего-то был вынужден временно укрыться от непогоды в гостинице.

— Итак, вы с кем-то поссорились, — изрек наконец Балфур, как будто новый знакомец пообещал ему увлекательный рассказ и напрочь о том позабыл.

— Я оказался вовлечен в ссору, — поправил Мади. — То есть конфликт возник не из-за меня.

— С отцом не поладили, надо думать.

— Мне тягостно об этом говорить, сэр. — Мади одарил собеседника строгим взглядом, пытаясь заставить его замолчать, но Балфур лишь еще сильнее подался вперед: торжественная серьезность Мади укрепляла его в убеждении, что эту исповедь стоит послушать.

— Да ладно вам! — воскликнул он. — Выкладывайте, облегчите душу!

— Об облегчении не идет и речи, мистер Балфур.

— Друг мой, так не бывает.

— Позвольте мне сменить тему…

— Но вы меня заинтриговали! У меня прямо-таки любопытство разыгралось! — Балфур широко ухмыльнулся.

— Прошу прощения, но я вынужден ответить отказом, — отозвался Мади. Он старался говорить тише, так чтобы их разговор не долетел до чужих ушей. — Это дело частное и огласке не подлежит. Мне бы отнюдь не хотелось произвести на вас скверное впечатление.

— Но вы же лицо пострадавшее, вы сами так сказали — конфликт возник не из-за вас.

— Именно так.

— Ну вот! Чего ж тут частного-то? — вскричал Балфур. — Разве я не прав? О чужих проступках скрытничать нечего! Нечего стыдиться чужих… деяний, скажем так! — Его гулкий бас разносился по всей комнате.

— Вы говорите о личной обиде, — отозвался Мади, понижая голос. — А в моем случае речь идет о позоре семьи. Я не хочу чернить имя моего отца; я ведь тоже его ношу.

— Отца, тоже мне! А что я вам только что объяснял? Уверяю вас: здесь, на прииске, вы отцов сколько угодно найдете! И это не фигура речи — таков обычай, такова насущная необходимость, так здесь принято поступать! Дайте-ка я

вам скажу, что считается позором на руднике. Выставить на продажу фальшивое месторождение — вот это я понимаю. Оспорить разметку чужого участка — вот это я понимаю. Ограбить кого-то, облапошить, убить — это я понимаю. Но позор семьи! Расскажите о том глашатаям, пусть объявляют по всей Хокитика-роуд — это для них будет новостью! Что такое позор семьи — без семьи как таковой?

Балфур завершил свою отповедь, резко стукнув пустым бокалом по ручке кресла. Широко улыбнулся собеседнику и воздел раскрытую ладонь, словно давая понять: он изложил проблему настолько наглядно, что никаких уточнений уже не требуется, но от знака одобрения он бы не отказался. Мади вновь автоматически дернул головой, но тон его ответа впервые выдал, насколько истрепаны у него нервы:

— Вы очень убедительны, сэр.

Балфур, все еще улыбаясь, от комплимента отмахнулся:

— Убедительность — это лишь ловкие трюки да находчивость. Я-то говорю прямо.

— Я вам за это весьма признателен.

— Да-да, — дружелюбно отозвался Балфур. Он, похоже, от души наслаждался ситуацией. — Но

теперь поведайте мне о вашей семейной ссоре, мистер Мади, чтобы я сам мог судить, запятнано ваше имя или нет.

— Прошу меня извинить, — пробормотал Мади.

Он оглянулся по сторонам, убедился, что священник вернулся на свое место и с головой ушел в газету. Сидевший рядом краснолицый тип с «имперскими» усами и рыжеватым оттенком волос, похоже, уснул.

Но Томас Балфур был не из тех, кто легко отступается.

— Свобода и обеспеченность! — воскликнул он, снова взмахивая рукой. — Не к этому ли все сводится? Видите ли, я уж загодя знаю, в чем причина несогласий! Знаю я, как оно бывает! Свобода над обеспечением, обеспеченная свобода… отец предоставляет средства, сын требует свободы. Разумеется, отцы бывают слишком властными… дело понятное… а сыновья бывают и мотами… блудные сыновья, как говорится, но всегда и везде ссора та же самая. Вот и с влюбленными так же, — добавил он, видя, что Мади не спешит его перебить. — С влюбленными все точно так же: по сути своей спор всегда об одном и том же.

Но Мади не вслушивался. На миг он позабыл и

про медленно обращающуюся в пепел сигару, и про теплый бренди на дне бокала. Он позабыл, что он здесь, в курительной комнате гостиницы, в городе, которому не исполнилось еще и пяти лет, на краю света. Мысли его выскользнули на волю и вернулись к той сцене: окровавленный шейный платок, судорожно сжатая серебристая рука, имя, что захлебывающимся вздохом долетает из темноты снова и снова: «Магдалина, Магдалина, Магдалина». Эта картина вновь возникла перед его внутренним взором, нежданно-негаданно, точно ледяная тень, скользнувшая по лику солнца.

Мади отплыл из Порт-Чалмерса на барке «Добрый путь» — крепком суденышке со стильно изогнутым носом и носовой фигурой из крашеного дуба, в виде орла, в честь святого Иоанна. На карте маршрут имел форму шпильки для волос: корабль отплывал на север, пересекал узкий пролив между двумя морями, а затем вновь поворачивал на юг, к приискам. Согласно купленному билету Мади имел право на тесное местечко под палубами, но в трюме было так душно и так мерзко пахло, что он был вынужден бóльшую часть путешествия провести на средней палубе, съежившись под планширем, прижимая к груди

влажный кожаный портфель и подняв воротник, чтобы защититься от морских брызг. Скорчившись в такой позе, спиной к борту, он береговой линии почти не видел — не видел желтых восточных равнин, что, плавно повышаясь, сменялись зеленоватыми холмами, а потом и горами, что синели вдалеке над ними; далее к северу начались изумрудные фьорды, убаюканные недвижной водой; на западе ветвились многорусловые реки — выплеснувшись на взморье, они тускнели и прорезали борозды в песке.

Когда «Добрый путь» обогнул северную косу и двинулся на юг, барометр начал падать. Не будь Мади так несчастен и болен, он бы, вероятно, испугался и принялся давать обеты: утонуть тут — дело обычное, рассказывали ему ребята в порту, это такая местная болезнь Уэст-Коста[5], и вправе он называть себя счастливцем или нет, выяснится задолго до того, как он доберется до золотых месторождений, и задолго до того, как, опустившись на колени, он впервые зачерпнет своим лотком песка и гравия. Гибнет народу не

[5] Сноски: 5

Уэст-Кост (*West Coast*, досл. «западное побережье») — один из регионов Новой Зеландии; протянулся узкой полосой вдоль западного побережья Южного острова, граничит с регионами Тасман, Кентербери, Отаго и Саутленд, омывается Тасмановым морем.

меньше, чем доплывает до берега. Капитан судна — капитан Карвер его звать — столько раз видел со своего места на квартердеке, как волна смывала за борт какого-нибудь увальня, что корабль его по праву стоило бы назвать «краем могилы»; последние слова произносились торжественным шепотом, с широко открытыми глазами.

Буря налетела на крыльях зеленых ветров. Сперва дал о себе знать медный вкус в горле, металлическая тупая боль, что нарастала по мере того, как облака темнели и надвигались все ближе; и вот наконец шквал обрушился сверху вниз — ладонью бессмысленной ярости. Заходила ходуном палуба, захлопали, заметались, затрещали паруса, отбрасывая странные полосы света и тени, — все это было атрибутами ночного кошмара, равно как и осязаемый страх матросов, что изо всех сил пытались удержать судно на курсе, — и Мади не оставляло жуткое ощущение, по мере того как корабль приближался к золотым приискам, что «Добрый путь» каким-то непостижимым образом сам призвал на себя эту инфернальную бурю.

Уолтер Мади суеверен не был, хотя получал немало удовольствия от чужих суеверий; внешние эффекты его не обманывали, притом что сам

он производимое впечатление тщательно продумывал. Объяснением тому служил не столько интеллект, сколько опыт — до отплытия в Новую Зеландию таковой не отличался ни широтою, ни разнообразием. До сих пор в своей жизни Мади знал только ту разновидность сомнения, что основана на трезвом расчете и незыблемой убежденности. Он изведал лишь подозрение, цинизм, вероятность — но не пугающее откровение, что приходит, когда перестаешь доверять самому себе; но не дикую панику, что следует за подобным откровением; но не унылую опустошенность, что нагрянет последней. Об этих типах неуверенности он пребывал в счастливом неведении, во всяком случае вплоть до недавнего времени. Его воображение не тяготело к фантастике, и теории он строил редко, разве что с какой-либо практической целью. Собственная смертность завораживала его чисто интеллектуально, отсвечивая тусклым глянцем, а не будучи человеком религиозным, он и в призраков не верил.

Подробный рассказ о том, что случилось в ходе этого последнего этапа путешествия, по праву принадлежит Мади и должен быть оставлен на его усмотрение. А нам на данной стадии довольно отметить, что, когда «Добрый путь» вышел из

гавани Данидина, на борту его было восемь пассажиров, а к тому времени, как корабль пристал у побережья, пассажиров стало девять. Девятый же не был младенцем, рожденным в пути, не был он и зайцем; впередсмотрящий отнюдь не углядел его среди волн, цепляющимся за обломок кораблекрушения, и не крикнул: «Человек за бортом!» Но рассказывать дальше означает ограбить Уолтера Мади на его историю — что несправедливо, ведь он все еще был не в состоянии полностью воскресить видение в памяти и уж тем более связно изложить случившееся, на радость третьему лицу.

В Хокитике к тому времени дождь лил ливмя уже две недели, не переставая. Городок впервые предстал взгляду Мади этаким подвижным грязным пятном: оно то придвигалось, то отступало, по мере того как туман наползал и развеивался. Лишь узкий равнинный коридор разделял береговую линию и резко воздвигшиеся горы; прибой неустанно бился об эту полосу, обращаясь на песке в туманную дымку. Полоса земли казалась еще более плоской и ограниченной благодаря облаку, что низко обрезало горы по склонам и образовало серый купол над скученными крышами города. Порт находился южнее: запрятался

в искривленном устье реки, богатой золотом; здесь река, прихлынув к соленой границе моря, вспенивалась, словно мыло. Бурая и безжизненная здесь, на побережье, выше по течению река текла прохладная, прозрачная и даже, говорят, искрилась в лучах солнца. А в самом устье разливалась спокойным озерцом: здесь густо торчали мачты и толстые трубы пароходов, ожидающих погожего дня; они-то знали, что рисковать не стоит: под водой таилась отмель, очертания которой менялись с каждым приливом. Бессчетное количество затонувших тут судов расшвыряло в разные стороны как злополучные свидетельства сокрытой под волнами угрозы. Тридцать с чем-то кораблекрушений в общем и целом; несколько — совсем недавние. Расщепленные корпуса кораблей образовали причудливый волнолом, что зловещим образом защищал город от натиска открытого моря.

Капитан барка не рискнул входить в порт, пока погода не улучшится, и вместо того дал сигнал везти пассажиров лихтером по бурным волнам к песчаному взморью. Лихтером управляли шестеро — все до единого мрачные Хароны, они лишь пялились во все глаза, не говоря ни слова, по мере того как пассажиров опускали в люльке со взды-

мающегося борта «Доброго пути». Это было ужас что такое: скорчившись в крохотной лодчонке, глядеть наверх, на неправдоподобные снасти нависшего над головой корабля, — раскачиваясь туда-сюда, он отбрасывал густую тень, и, когда наконец открепили канат и лихтер отошел от судна, Мади всей кожей ощутил, что посветлело. Остальные пассажиры веселились от души. Перекидывались восклицаниями о погоде и о том, до чего ж это здорово — пережить шторм. Проплывая мимо очередного остова корабля, толковали о крушении, выясняя, как судно называлось; рассуждали о приисках и о том, как сколотят целые состояния. Их радостное оживление казалось просто омерзительным. Какая-то женщина ткнула флаконом с нюхательными солями Мади прямо в бедро: «Возьмите потихоньку, а то остальные тоже захотят», но Мади оттолкнул ее руку. Эта женщина не видела того, что видел он.

По мере того как лихтер приближался к берегу, ливень словно бы усиливался. Морские брызги летели через борт в таком количестве, что Мади пришлось помогать команде вычерпывать воду: матрос, во рту которого не осталось ни одного зуба, кроме задних моляров, молча сунул ему в руки кожаное ведерко. У Мади недостало духу

уклониться. Лихтер миновал отмель и на белопенном гребне волны вплыл в спокойные воды речного устья. Мади даже не зажмурился. Как только лихтер пришвартовался у причала, он первым кинулся на берег. Он вымок насквозь, а голова у него кружилась так, что он споткнулся на трапе, и суденышко резко накренилось в противоположную от него сторону. Чуть прихрамывая, он резво заковылял вниз по пристани к твердой земле, точно за ним гнались.

Обернувшись назад, он едва различал в дальнем конце пристани хрупкий лихтер, что раскачивался на волнах, натягивая швартовы. Сам корабль давным-давно затерялся в тумане, что нависал полосами матового стекла, застилая и остовы погибших кораблей, и пароходы на рейде, и открытое море за ними. Мади пошатывало. Он смутно сознавал, как команда сгружает с лодчонки сумки и саквояжи, как пассажиры мечутся туда-сюда, как носильщики и портовые грузчики выкрикивают распоряжения сквозь дождь. Вся сцена тонула в белесой пелене, фигуры расплывались и таяли — как если бы и само плавание, и все, что имело к нему отношение, уже поглотил серый туман его помутившегося разума; как если бы память, обратившись против себя самой,

столкнулась со своей противоположностью, с властью забвения, и наколдовала и хмарь, и проливной дождь, точно некую призрачную ткань, дабы отгородить его от видений недавнего прошлого.

Мади мешкать не стал. Он повернулся и поспешил вверх по взморью, мимо скотобоен, мимо общественных уборных и ветрозащитного ряда хижин вдоль песчаной губы, вдоль палаток, что проседали под серой тяжестью двухнедельного дождя. Набычившись, Мади крепко прижимал к себе портфель и ничего этого не видел: ни скотопригонных дворов, ни высоких фронтонов товарных складов, ни сводчатых окон офисных зданий вдоль по Верфь-стрит, за которыми бесформенные силуэты двигались сквозь освещенные комнаты. Мади с трудом брел все вперед и вперед, по щиколотку в жидкой грязи, и, когда наконец перед ним воздвигся бутафорский фасад гостиницы «Корона», он кинулся к нему и, швырнув наземь портфель, обеими руками рванул дверь на себя.

«Корона» представляла собою заведение вполне сносное, непритязательное, без прикрас, в пользу его свидетельствовала разве что близость к набережной. Эта черта, вероятно, была подска-

зана целесообразностью, но вот за достоинство сошла бы вряд ли: здесь, в двух шагах от скотопригонов, кровавый запах бойни смешивался с кисло-соленым запахом моря, наводя на мысль о заброшенном холодильнике, где протух кусок сырого мяса. В силу этой причины Мади, возможно, погнушался бы этим местом и решился бы попробовать пройти севернее, вверх по Ревелл-стрит, туда, где фасады гостиниц делались шире и красочнее, обрастали портиками и посредством высоких окон и изящной лепнины предоставляли необходимые доказательства комфорта и роскоши, к которым он, как человек состоятельный, привык… но всю свою придирчивую взыскательность Мади оставил в мятущемся брюхе корабля «Добрый путь». Он искал лишь прибежища — и уединения.

Как только он прикрыл за собою дверь, заглушая шум дождя, тишина и покой пустого вестибюля произвели на него мгновенный физический эффект. Мы уже отмечали, что собственная внешность служила для Мади источником немалых личных выгод и он это прекрасно сознавал, так что он не собирался впервые сводить знакомство с чужим городом, пока выглядит как затравленный бродяга. Он стряхнул со шляпы водяные

капли, пригладил рукою волосы, потопал, чтобы колени не подгибались, энергично подвигал губами, словно проверяя их эластичность. Эти телодвижения он совершил быстро и без всякого смущения. К тому времени, как появилась горничная, лицо его уже приобрело свое обычное выражение благодушного безразличия и он внимательно рассматривал угловое соединение в «ласточкин хвост» на стойке регистрации.

Горничная оказалась туповатой девицей с бесцветными волосами и зубами такими же желтыми, как и кожа. Она продекламировала по памяти условия проживания, освободила Мади от десяти шиллингов (каковые бросила с глухим стуком в запертый ящик под стойкой) и устало повела гостя наверх. Мади осознавал, что оставляет за собою мокрый след и что на полу в вестибюле с него натекла изрядная лужица, и вложил девице в руку шесть пенсов; она с жалостным видом взяла монетку и собралась было уходить, но тут же, по-видимому, решила, что стоит быть подобрее. Она зарумянилась и, помявшись минуту, предложила принести из кухни поднос с ужином. «Чтоб вам согреться изнутри», — промолвила она, растягивая губы в желтозубой улыбке.

Гостиница «Корона» была построена не так дав-

но и все еще хранила пропыленное, сладковатое ощущение свежевыструганного дерева: на стенах вдоль каждого паза все еще проступали бусинки смолы, в очагах, еще ничем не заляпанных, до поры не накопилась зола. Номер Мади был меблирован весьма условно, как в пантомиме, где большой богатый дом моделируется одним-единственным креслом. В изголовье матрас истерся и был подбит чем-то вроде лоскутков муслина; одеяла были чуть широки, так что края их складками ложились на пол, отчего кровать, что ютилась под шероховатым наклонным карнизом, выглядела какой-то сморщенной и дряблой. Скудость меблировки придавала комнате некую призрачную незавершенность, что показалась бы даже пугающей, если бы за покоробленным стеклом взгляду открывалась иная улица и иная эпоха, но для Мади эта пустота была что бальзам на душу. Он утвердил отсыревший портфель на некое подобие подставки у постели, как смог отжал и просушил одежду, выпил до дна чайник чая, съел четыре ломтя черного зернового хлеба с ветчиной и, поглядев в окно на беспросветную завесу дождя над улицей, решил отложить свои дела в городе до утра.

Под заварочным чайником горничная остави-

ла вчерашнюю газету — до чего же тонюсенькую для крупноформатного-то номера ценою в шесть пенсов! Мади с улыбкой развернул его. Он питал слабость к дешевым новостям и немало позабавился, обнаружив, что «самая прельстительная танцовщица» города также предлагает свои услуги как «опытная, деликатная акушерка». Целый столбец посвящался пропавшим без вести старателям («Если это объявление попадется на глаза ЭМЕРИ СТЕЙНЗУ или кому-либо, кто знает о его местонахождении…»), и целая страница — объявлениям о найме: «В бар срочно требуется официантка». Мади перечитал этот документ дважды от корки до корки, включая уведомления об отправке грузов, рекламу съемного жилья, включающего скромный стол, и несколько чрезвычайно скучных предвыборных речей, напечатанных полностью. И обнаружил, что разочарован: «Уэст-Кост таймс» мало чем отличалась от приходской газетенки. А чего он, собственно, ожидал-то? Что золотой прииск окажется экзотической фантазией, сверкающей и обнадеживающей? Что старатели — отъявленные злодеи и проныры, все как один — убийцы и ворье?

Мади медленно сложил газету. Мысли его

вновь вернулись к «Доброму пути» и к забрызганному кровью контейнеру в трюме, и сердце его вновь неистово заколотилось. «Довольно!» — произнес он вслух и тут же почувствовал себя глупее некуда. Он встал, отшвырнул сложенную газету в сторону. В конце концов, уже вечереет, подумал он, а ведь он терпеть не может читать в сумерках.

Выйдя из номера, Мади вновь спустился. Горничная обнаружилась в уединенной нише под лестницей: она надраивала ваксой сапоги для верховой езды. Мади осведомился, нет ли тут гостиной, где можно провести вечер. Плавание очень его утомило, и он отчаянно нуждается в глотке бренди и тихом, спокойном местечке — дать отдых глазам.

Горничная сделалась заметно более услужлива, — видимо, шестипенсовики перепадали ей нечасто, подумал Мади; при необходимости этим можно будет воспользоваться впоследствии. Девица объяснила, что гостиная «Короны» на этот вечер зарезервирована для закрытой вечеринки («Друзья-католики», — пояснила она с ухмылкой), но, если гостю угодно, она проводит его в курительную комнату.

Встряхнувшись, Мади разом вернулся в настоя-

щее и обнаружил, что Томас Балфур по-прежнему не сводит с него глаз с видом выжидательно-заинтригованным.

— Я прошу прощения, — смущенно произнес Мади. — Кажется, я ушел в свои мысли… ненадолго…

— И о чем же вы думали? — осведомился Балфур.

О чем он думал? О шейном платке, и серебристой руке, и об имени, что захлебывающимся вздохом звучало в ночи. Эта сцена была словно мир в миниатюре, мир иных измерений. Пока мысли его блуждают там, обыкновенного времени может пройти сколько угодно. Есть большой мир, где своим чередом текут дни и часы и меняется пространство, и есть этот крохотный застывший мирок ужаса и тревоги; они заключены друг в друге, как сфера внутри сферы. Странно, что Балфур за ним наблюдает, что идет реальное время, все вращаясь и вращаясь вокруг него…

— Ни о чем особенном я не думал, — заверил Мади. — Я пережил тяжкое путешествие, вот и все, и я очень устал.

Позади него один из игроков в бильярд ударил по шару: двойной стук, бархатистый шорох; остальные игроки одобрительно загомонили.

Священник шумно встряхнул газетой, еще кто-то откашлялся, еще кто-то — стряхнул пылинку с жилета и заерзал в кресле.

— Я вас про ссору спрашивал, — напомнил Балфур.

— Ах, ссора… — начал было Мади и умолк на полуслове. Внезапно он почувствовал себя совершенно опустошенным: даже на разговоры сил не осталось.

— Ну, конфликт, — подсказал Балфур. — Между вами и вашим отцом.

— Прошу меня извинить, — отозвался Мади. — Подробности довольно деликатного свойства.

— Это вопрос денег! Я угадал?

— Простите, но нет. — Мади провел рукой по лицу.

— Не денег? Значит, любовная история! Вы влюблены… но ваш отец не одобряет вашу избранницу…

— Нет, сэр, — возразил Мади. — Я не влюблен.

— Какая жалость! — откликнулся Балфур. — Что ж! Я вынужден заключить, что вы уже женаты!

— Я не женат.

— Тогда, наверное, молодой вдовец?

— Я никогда не был женат, сэр.

Расхохотавшись, Балфур воздел руки, давая

понять, что находит скрытность собеседника забавно-несносной и совершенно нелепой.

Пока тот смеялся, Мади, опершись о подлокотники, привстал, развернулся и оглядел комнату из-за высокой спинки кресла. Он вознамерился как-нибудь втянуть в разговор остальных и по возможности отвлечь собеседника от его прицельных расспросов. Однако никто не поднял взгляда; Мади показалось, что эти люди сознательно его игнорируют. Как странно! Но стоять в такой позе было неудобно, молчать — неучтиво, так что он вновь неохотно опустился в кресло и скрестил ноги.

— Я вовсе не хочу вас разочаровывать, — промолвил он, когда Балфур наконец отсмеялся.

— Разочаровывать — да что вы! — запротестовал Балфур. — Ничуть не бывало. Держите ваши секреты при себе, если угодно!

— Вы заблуждаетесь на мой счет. Я не пытаюсь что-либо скрыть. Эта тема чрезвычайно для меня болезненна, вот и все.

— О, но в молодости так оно всегда и бывает, — возразил Балфур, — собственная история — всегда тема болезненная, всегда хочешь утаить ее и ни с кем не делиться, в смысле другим не рассказывать.

— Очень мудрое наблюдение.

— Мудрое! И только?

— Не понимаю вас, мистер Балфур.

— Вы решительно не желаете удовлетворить мое любопытство!

— Признаюсь, что оно меня несколько удивляет.

— Здесь вам не что-нибудь, а золотой город, сэр! — отозвался Балфур. — Здесь нужно быть уверенным в своих товарищах — нужно товарищам доверять — так-то!

Это прозвучало еще более странно. Впервые — вероятно, за счет нарастающей досады, что заставляла его сосредоточиться непосредственно на обстановке, — Мади почувствовал, как в нем в свою очередь пробуждается интерес. Загадочное молчание, царившее в комнате, служило не слишком-то убедительным свидетельством тесного братства, где все общее, где ты — свой человек… более того, Балфур мало что сообщил в отношении собственного характера и своей репутации в городе, а ведь благодаря такого рода сведениям новичок куда охотнее ему бы доверился! Мади скосил взгляд на толстяка перед очагом — его сомкнутые веки подрагивали в попытке притвориться спящим; Мади оглянулся на

блондина у себя за спиной — тот перекладывал бильярдный кий из одной руки в другую, словно бы вдруг утратив всякий интерес к игре.

Что-то тут нечисто — Мади разом в этом уверился. Балфур играл роль по поручению всех остальных: оценивал чужака, не иначе. Но с какой целью? За этой лавиной вопросов крылась какая-то система, определенный замысел, умело сокрытый за экстравагантной демонстративностью Балфура, его кипучим сочувствием и личным обаянием. Все остальные внимательно прислушивались, небрежно перелистывая страницы газет или притворяясь спящими. При этом нежданном открытии комната словно озарилась светом понимания — вот так беспорядочная россыпь звезд внезапно складывается в четкое созвездие. Балфур уже не казался Мади ни жизнерадостным, ни шумно-несдержанным, как поначалу, скорее уж взвинченным, напряженным и даже отчаявшимся. Мади задумался про себя: а не разумнее ли уступить этому человеку, нежели упрямо ему противостоять?

В том, что касается доверительных исповедей, Уолтер Мади накопил немалый опыт. Он знал, что, излив душу, ты тем самым получаешь подспудное право на чужое признание. Одна

тайна в обмен на другую; история за историю; ненавязчивое ожидание ответа в том же духе — этим способом давления он овладел в совершенстве. Он выведает куда больше, сделав вид, что доверился Балфуру, нежели демонстративно его подозревая; просто потому, что если открыться человеку свободно и безоговорочно, тогда и Балфур будет вынужден почтить его доверием в свой черед. Почему бы, в сущности, и не пересказать историю своей семьи — хоть вспоминать о ней и больно! — того ради, чтобы купить доверительное отношение этого человека. То, что произошло на борту «Доброго пути», Мади, конечно же, разглашать не собирался, но тут ему даже притворяться не надо было — не эту историю требовал от него Томас Балфур.

Хорошенько обо всем поразмыслив, Мади сменил тактику.

— Вижу, мне необходимо завоевать ваше доверие, — промолвил он. — Мне, сэр, скрывать нечего. Я поведаю вам мою повесть.

Балфур удовлетворенно откинулся к спинке кресла.

— Вы говорите — повесть? — просиял он. — Тогда я очень удивлен, мистер Мади, что речь в ней пойдет не о любви и не о деньгах!

— Боюсь, скорее, об отсутствии того и другого, — отозвался Мади.

— Об отсутствии — ну да, — кивнул Балфур, по-прежнему улыбаясь. И жестом пригласил Мади продолжать.

— Сперва я должен ознакомить вас с подробностями моей семейной истории, — промолвил Мади и на мгновение умолк, глаза его сощурились, губы поджались.

Кресло, в котором он сидел, было обращено к очагу, так что почти половина присутствующих оказались у него за спиной, где, сидя или стоя, предавались своим притворным занятиям. Выгадав несколько секунд, словно бы для того, чтобы собраться с мыслями, Мади скользнул взглядом направо и налево, отмечая слушателей, сидевших ближе к нему, вокруг огня.

У самого очага устроился тот самый толстяк, что притворялся спящим. Из всех присутствующих он был разодет наиболее броско: массивная цепочка для часов, толщиной с его пухлый палец, протянулась через всю грудь, между карманом бархатного жилета и передом батистовой рубашки, а к цепи тут и там крепились золотые самородки размером с сустав. Человека, сидевшего рядом с ним, по другую сторону от Балфура,

частично закрывало крыло его кресла, так что Мади мог различить лишь блик на лбу да блестящий кончик носа. На нем был пиджак из шеврона, плотной шерстяной ткани переплетения «елочкой»; в таком, конечно же, было невыносимо жарко вблизи от огня: незнакомец вольготно развалился в кресле, но предательская испарина заставляла усомниться в непринужденности его позы. Сигары при нем не было, зато он снова и снова вертел в руках серебряный портсигар. Слева от Мади стояло еще одно «крылатое» кресло, придвинутое едва ли не вплотную, так что он слышал гнусавый посвист дыхания своего соседа. Этот был темноволос, хрупкого сложения и так высок, что казалось, будто он сложился вдвое: он сидел, сдвинув колени и плотно утвердив на полу подошвы ботинок. Он читал газету и в целом изображал безразличие куда успешнее остальных, но даже у него взгляд порою стеклянел, как если бы не вполне сосредоточившись на печатном тексте, и страниц он не перелистывал уже давно.

— Я младший из двух сыновей, — начал наконец Мади. — Мой брат Фредерик старше меня пятью годами. Наша мать умерла, когда я заканчивал школу: я вернулся домой совсем ненадолго,

только на похороны; и вскорости после того мой отец женился снова. На тот момент я не был знаком с его второй женой. Она была — и есть — женщина кроткая, хрупкая, утонченная, всего боялась, часто хворала. Натура чувствительная, она ничуть не похожа на отца: отец мой — человек грубый и склонен к злоупотреблению спиртным… Брак не сложился; я так понимаю, обе стороны сожалели о заключенном союзе как об ошибке; и с прискорбием вынужден признать, что со своей второй женой отец обращался очень дурно. Три года назад он исчез, бросив ее в Эдинбурге безо всяких средств к существованию. Она бы пошла по миру или чего похуже — в такой страшной нужде она внезапно оказалась. Она обратилась ко мне — письмом, я хочу сказать; я на тот момент находился за границей, но тотчас же вернулся домой. Я стал ее заступником и покровителем — до некоторой степени. Я предпринял кое-какие шаги в ее интересах; она согласилась, хотя и не без горечи, ведь ныне ее положение существенно переменилось. — Мади сухо кашлянул. — Я обеспечил ей небольшой доход — или, скажем так, место с заработком, — а сам уехал в Лондон с целью отыскать отца. Там я исчерпал все возможные средства его обнаружить и в ходе

розысков потратил огромные суммы. Наконец я задумался о том, чтобы обратить полученное мною образование в какой-никакой источник прибыли, поскольку понимал, что на наследство более с уверенностью полагаться не могу, а свой кредит в городе я исчерпал… Мой старший брат ничего не знал о горестной участи нашей мачехи; он уехал попытать счастья на золотых приисках Отаго за несколько недель до исчезновения нашего отца. Он всегда был склонен к такого рода причудам, — полагаю, вы бы назвали его искателем приключений, хотя, выйдя из детского возраста, мы отдалились друг от друга, и, по правде говоря, он для меня, в сущности, чужой человек. Текли месяцы, минули годы; он так и не вернулся и никак о себе не известил. Мои письма к нему оставались без ответа. До сих пор не знаю, попали ли они ему в руки. Наконец и я тоже взял билет на корабль, идущий в Новую Зеландию; в мои намерения входило сообщить брату о переменах в положении нашей семьи и — конечно, если он жив, — может статься, какое-то время поработать на прииске с ним вместе. От моего собственного состояния ничего не осталось, процентный доход с пожизненной ренты давно был исчерпан, я оказался по уши в долгах. В Лондоне

я учился в «Иннер темпле». Наверное, я мог бы там и остаться и дождаться приема в коллегию адвокатов… но юриспруденция мне не по душе. Терпеть ее не могу. Так что я предпочел отплыть в Новую Зеландию… Когда я высадился в Данидине — с тех пор еще двух недель не прошло, — я узнал, что золото региона Отаго ничего не стоит в сравнении с только что открытыми месторождениями здесь, на побережье. Я колебался, не зная, куда сперва податься, и нерешительность моя оказалась вознаграждена самым неожиданным образом: я повстречался с отцом.

Балфур пробормотал что-то себе под нос, но перебивать рассказчика не стал. Он неотрывно глядел в огонь, предусмотрительно обхватив губами сигару и некрепко сжимая донце бокала. Остальные одиннадцать присутствующих тоже затаили дыхание. Даже партия в бильярд, похоже, прервалась: Мади больше не слышал за спиною сухого пощелкивания шаров. Тишина словно слегка пружинила: слушатели ждали, что чужак поведает нечто особенное… или страшились этого.

— Наше воссоединение счастливым я бы не назвал, — продолжал Мади. Он повысил голос, перекрывая шум дождя; говорил он достаточно

громко, чтобы все присутствующие в комнате его слышали, но не настолько громко, чтобы показалось, будто он сознает, что находится в центре внимания. — Отец был пьян и страшно разозлился, что я его отыскал. Я узнал, что он сказочно разбогател, что он женился снова, на женщине, которая, вне всякого сомнения, ничего о его прошлом не знает, как не знает и того, что он юридически связан с другой. Мне жаль признавать, что я не слишком тому удивился. Мои отношения с отцом никогда не отличались особой теплотой, и не в первый раз я обнаруживал его в сомнительной ситуации… хотя о преступлении такого масштаба речь не шла никогда, поспешу добавить… По-настоящему я изумился, когда спросил про брата, и выяснилось, что тот с самого начала был пособником отца; они вместе срежиссировали план, в результате которого законная жена оказалась злонамеренно брошена, и отплыли на юг как компаньоны. Я не стал дожидаться Фредерика — сама мысль о том, что я увижу их вместе, представлялась мне невыносимой — и повернулся уходить. Отец разъярился и попытался меня задержать. Мне удалось вырваться, и я тотчас же решил плыть сюда. Мне вполне хватило бы денег для того, что-

бы при желании вернуться прямиком в Лондон, но горе мое было таково, что… — Мади умолк и беспомощно пошевелил пальцами. — Право, не знаю, — докончил он. — Мне подумалось, тяжкий труд на золотых приисках пойдет мне на пользу. А юристом я быть не хочу.

Повисло глубокое молчание. Мади встряхнул головой и выпрямился в кресле.

— Грустная история, ничего не попишешь, — коротко подвел итог он. — Я стыжусь своего происхождения, мистер Балфур, но я не намерен о нем вспоминать. Начну все заново.

— Действительно грустная! — воскликнул Балфур, наконец-то извлекая сигару изо рта и с энтузиазмом ею размахивая. — Мне вас очень жаль, мистер Мади, и я всецело вас одобряю. Но над вами уже веет дух золотых приисков, верно? Обновление! Или даже осмелюсь сказать — революция! Человек может все начать заново — может *себя* переделать заново, вот честное слово!

— Вы меня ободряете.

— А ваш отец… по фамилии он тоже Мади, я полагаю.

— Да, верно. А зовут его Адриан. Может, вы о нем слыхали?

— Нет, не слыхал, — покачал головой Балфур и, видя, что собеседник явно разочарован, добавил: — Конечно же, это ничего не значит. Я ж по судоходной части, я вам уже говорил; нынче я со старателями компанию не вожу. Я был в Данидине. Я был в Данидине три года, или около того. Но если ваш папочка составил состояние на золотых приисках, он, верно, в глубине острова старательствовал. Где-нибудь в нагорьях. Да мало ли куда его могло занести: на Туапеку, в Клайд — куда угодно! Но послушайте — к вопросу о делах насущных, мистер Мади, — вы не боитесь, что он за вами последует?

— Нет, — бесхитростно заверил Мади. — Я постарался создать впечатление, будто я тотчас же отбыл в Англию, в тот самый день, как мы с отцом расстались. В порту я повстречал человека, который собирался плыть в Ливерпуль. Я объяснил ему мои обстоятельства, и в результате недолгих переговоров мы обменялись документами. При покупке билета он назвал мое имя, а я — его. Если мой отец станет наводить справки на таможне, чиновники предоставят ему доказательства того, что я уже покинул острова и возвращаюсь домой.

— Но что, если отец ваш… а также и брат… при-

едут на побережье по собственному почину? На поиски золота?

— Этого я предвидеть не могу, — согласился Мади. — Но насколько я понимаю их текущее положение дел, они добыли достаточно золота в Отаго.

– *Достаточно* золота! — Балфур едва сдержал смех.

Мади пожал плечами.

— Ну что ж, — холодно проговорил он. — Если они вдруг появятся, я, конечно, загодя к их приезду подготовлюсь. Но я в него не верю.

— Конечно, конечно же нет. — Балфур потрепал Мади по рукаву своей громадной ручищей. — Давайте лучше поговорим о чем-нибудь более обнадеживающем. Скажите, а что вы собираетесь делать со своими деньжатами, как только накопится приличная сумма? Вернетесь в Шотландию, верно, — тратить свое состояние там?

— Я на это надеюсь, — подтвердил Мади. — Я слыхал, тут можно сколотить капитал месяца за четыре или даже меньше, а значит, я смогу уехать отсюда до того, как ударят зимние морозы. Разумно на это рассчитывать, как вам кажется?

— Еще как разумно, — согласился Балфур, с улыбкой глядя на уголья. — Разумно, да; дей-

ствительно, вполне ожидаемо. Так у вас, значит, приятелей в городе нет? Никто не встречал вас на пристани с распростертыми объятиями? Земляки, может быть?

— Никто, сэр, — заверил Мади в третий раз за вечер. — Я приехал сюда один, и, как уже говорил, я намерен сам составить себе состояние, без посторонней помощи.

— О да, составить себе состояние… взять свое, как сейчас говорят, — кивнул Балфур. — Но напарник старателя все равно что его тень — это тоже затвердить следует, — все равно что тень или жена…

При этом замечании по комнате тут и там прошелестели легкие смешки: не откровенный хохот, но тихие сдавленные выдохи сразу в нескольких местах. Мади оглянулся по сторонам. Он почувствовал, как по завершении его рассказа атмосфера словно разрядилась, ко всеобщему облегчению. Эти люди явно чего-то боялись, а его рассказ дал им повод отбросить страхи. Мади впервые задумался: а не связана ли, часом, их тревога с тем ужасом, свидетелем которого он стал на борту «Доброго пути»? Мысль эта была до странности неприятной. Ему не хотелось верить, будто его сокровенное воспоминание возможно

объяснить кому-то постороннему и, что еще хуже, кто-то посторонний окажется к нему причастен. (Страдание, как подумал он позже, лишает человека способности к сопереживанию, превращает его в эгоиста и заставляет презирать всех прочих страдальцев. Это открытие немало его удивило.)

Балфур расплылся в улыбке.

— Да-да, либо тень, либо жена, — повторил он, одобрительно кивая собеседнику, как если бы шутка принадлежала не ему, а Мади. Он несколько раз погладил бороду сложенной в горсть ладонью и коротко рассмеялся.

У него и впрямь словно камень с души свалился. Утраченное наследство, супружеская неверность, аристократка, вынужденная *работать*, — все эти предательства принадлежали совершенно иному миру, думал про себя Балфур, — миру гостиных, визитных карточек и вечерних платьев. Балфур находил очаровательным, что такого рода превратности судьбы могут считаться трагедиями, что юноша сообщает о них словно на исповеди, торжественно и сурово, борясь со смущением, — как человек, которого с рождения приучили верить в незыблемость своего положения. Говорить об этом здесь — на передовой цивилизованного мира! Хокитика

росла быстрее, чем Сан-Франциско, уверяли газеты, причем буквально из ничего… из древних гниющих джунглей… из приливно-отливных болот, из меняющих очертания оврагов и тумана… из обманчивых, богатых рудами вод. Эти люди не просто сами себя создали — они продолжают себя создавать, сидя на корточках в грязи и промывая ее дочиста. Балфур коснулся своего лацкана. Жалостная история Мади пробудила в нем снисходительные отцовские чувства: Балфур любил, когда ему напоминают о том, что сам-то он — человек современный (предприимчивый, не обремененный никакими связями), в то время как прочие все еще хромают в путах отжившей эпохи.

Такой вердикт, конечно же, меньше говорил о заключенном, нежели о судье. Железная сила воли Балфура не признавала никакой философии, кроме как самого что ни на есть надежного эмпирического свойства; его радушие не ведало отчаяния, которое в его глазах было подобно бездонной шахте, обладающей глубиной, но не шириной: в этом замкнутом пространстве царит духота, продвигаться возможно только на ощупь и любопытству поживиться нечем. Душа его не слишком-то занимала; в ней он видел лишь

причину более великих и полных жизни таинств веселости и приключения; о темных сторонах души он определенного мнения не составил. Он частенько говаривал, что единственная внутренняя опустошенность, которую он хоть сколько-то замечает, — это аппетит; и, хотя говаривал он это со смехом и с видом весьма довольным, верно и то, что его сочувствие редко распространялось на ситуации, в которых сочувствия ожидаешь. Он был снисходителен к пустотам в будущем ближнего, но нетерпим к зашторенным комнатам его прошлого.

— Как бы то ни было, — продолжал он, — запомните мой второй совет, мистер Мади: найдите себе друга. Тут вокруг есть немало артелей, что не отказались бы от лишней пары рук. Так уж тут заведено, видите ли, — найдите напарника, потом наберите артель. В жизни не видел, чтобы человек справлялся сам. У вас ведь есть подходящая одежда и скатка?

— Боюсь, в этом отношении я целиком во власти стихий, — посетовал Мади. — Мой дорожный сундук остался на борту корабля; погодные условия были слишком неблагоприятны, чтобы рискнуть преодолеть отмель сегодня вечером; мне сказали, что вещи доставят на таможню

завтра во второй половине дня. Меня-то самого на лихтере переправили: небольшая команда вышла в море на веслах — очень храбро с их стороны! — и забрала пассажиров.

— Да-да, — посерьезнел Балфур. — Только за последний месяц тут три корабля затонули на этой отмели. Рисковый бизнес, что и говорить. Зато прибыльный. Когда корабли идут сюда, людям терять нечего. А вот когда отсюда… когда отходят отсюда, на борту-то золото!

— Мне рассказывали, что высадка здесь, в Хокитике, чрезвычайно опасна: эта пристань недаром пользуется дурной славой.

— Дурной славой, именно! И ведь ничего тут не поделаешь, если судно подлиннее сотни футов будет. Тут выпускай пар не выпускай, никакого напора не хватит, чтобы с места стронуться, если уж сел на мель. То-то славный начинается фейерверк: сигнальные ракеты со всех сторон взлетают. Но с другой стороны, не только с пароходами тут беда. Не только с крупногабаритными судами. Отмель Хокитики, Уолтер, любой добыче рада. Этот песок и шхуну потопит как нечего делать.

— Охотно в это верю, — кивнул Мади. — Мы плыли на барке — не слишком габаритном, подвижном и маневренном, достаточно креп-

ком, чтобы противостоять самым страшным штормам, — и, однако же, капитан рисковать кораблем не стал. Он предпочел встать на рейде и дожидаться утра.

— Это «Ватерлоо», что ли? Регулярка до Чалмерса?

— Нет; вообще-то, частный чартер, — отозвался Мади. — Корабль называется «Добрый путь».

С тем же успехом он мог вытащить из кармана пистолет — это название прозвучало словно гром среди ясного неба. Мади оглянулся по сторонам (в лице его по-прежнему отражалась спокойная кротость) и отметил, что теперь к нему открыто приковано внимание всех собравшихся. Несколько человек отложили газеты; те, что якобы задремывали, открыли глаза; один из игроков в бильярд шагнул к нему, оказавшись в свете лампы.

При упоминании названия судна Балфур вздрогнул, но его серые глаза невозмутимо выдержали взгляд собеседника.

— Действительно, — промолвил он, разом утратив шумную развязность, что отличала его манеры вплоть до сего момента. — Сознаюсь, что название корабля мне не вовсе незнакомо, мистер Мади, — не вовсе незнакомо, но мне хоте-

лось бы уточнить также и имя капитана, если вы не возражаете.

Мади высматривал в его лице некую вполне конкретную черту, но, если бы его призвали к ответу, назвать ее вслух он бы постеснялся. Он пытался распознать панический страх. Он был уверен: если Балфур только вообразит или вспомнит тот сверхъестественный ужас, с которым сам Мади столкнулся на борту «Доброго пути», эффект проявится мгновенно. Но Балфур всего-навсего глядел настороженно — так человек, прослышавший о возвращении одного из своих кредиторов, начинает перебирать в уме оправдания и пути спасения, — вид у него был отнюдь не страдальческий и не перепуганный. Мади не сомневался: тот, кто стал свидетелем того же, что и он сам, несет на себе неизгладимый отпечаток пережитого. И все же Балфур неуловимо изменился: ощущалась в нем некая новообретенная проницательность и острота во взгляде. При виде этой перемены Мади заметно оживился. С замиранием сердца он осознал, что недооценил собеседника.

— Капитана, кажется, зовут Карвер, — медленно проговорил он. — Фрэнсис Карвер, если не ошибаюсь; это человек большой физической

силы, мрачного вида, с белым шрамом на щеке. Соответствует ли описание тому, кого вы имеете в виду?

— Соответствует, — кивнул Балфур, в свой черед придирчиво всматриваясь в лицо собеседника. — Мне было бы любопытно узнать, как именно вы с мистером Карвером познакомились, — промолвил он, выждав мгновение. — Если, конечно, вы потерпите подобную бесцеремонность.

— Простите, но мы с ним не знакомы, — отозвался Мади. — То есть я уверен, что при новой встрече он бы меня не узнал.

Мади твердо решил, в полном соответствии с избранной стратегией, отвечать на вопросы Балфура вежливо и без возражений, чтобы иметь право затем в свою очередь потребовать нужных ответов. В искусстве дипломатии Мади был настоящим гением. Еще ребенком он инстинктивно понимал, что всегда лучше добром выложить часть правды, нежели сказать всю правду с видом обиженно-вызывающим. Готовность к сотрудничеству дорогого стоит, уже хотя бы потому, что подразумевает взаимность: услуга за услугу! Больше Мади не оглядывался, но, не отводя глаз, с открытым лицом, обращал свою речь исключительно к Балфуру, словно одиннадцать человек

вокруг, неотрывно глядящие на него, нимало его не занимали.

— В таком случае, — промолвил Балфур, — я рискну предположить, что вы приобрели билет у помощника капитана.

— И деньги он положил в собственный карман, сэр.

— Вы с ним в частном порядке договаривались?

— Эту схему придумала команда с согласия капитана, — отвечал Мади. — Легкий способ заработать лишний шиллинг, надо думать. Никаких коек не предусмотрено: тебе отводят местечко под палубами и велят держать ухо востро и под ногами не путаться. Неидеальные условия, что и говорить, но обстоятельства вынуждали меня покинуть Данидин немедленно, как вы уже знаете, а в этот день к отплытию был назначен только «Добрый путь». С помощником я познакомился лишь в момент заключения сделки; ни пассажиров, ни команды я лично не знал.

— И сколько же пассажиров приплыло на таких условиях?

Мади невозмутимо выдержал взгляд Балфура.

— Восемь, — ответил он и вложил в рот сигару.

Балфур тут же уцепился за эту формулировку:

— То есть вы и еще семеро? Всего восемь человек?

Прямо отвечать на поставленный вопрос Мади не стал.

— Список пассажиров появится в газете в понедельник; вы, безусловно, сможете его просмотреть, — промолвил он, чуть скептически изогнув бровь и словно подразумевая, что необходимость в уточнении не только неуместна, но и неприлична. И добавил: — Мое настоящее имя в нем, конечно же, упомянуто не будет. Я путешествовал под именем Филиппа де Лейси: так звали человека, чьи документы я приобрел в Данидине. Уолтер Мади, согласно официальным данным, в настоящий момент находится где-то в южной части Тихого океана и плывет на восток, приближаясь, полагаю, к мысу Горн.

Лицо Балфура оставалось, как прежде, невозмутимым.

— Позвольте мне задать вам еще один вопрос, — промолвил он. — Мне всего лишь хотелось бы знать, есть ли у вас причины думать о нем хорошо или дурно. О мистере Карвере, я имею в виду.

— Не вполне уверен, что могу ответить вам с достаточной степенью объективности, на основании лишь слухов да собственных подо-

зрений, — отозвался Мади. — Мне кажется, что этот человек был понуждаем покинуть Данидин как можно скорее, поскольку он поторопился сняться с якоря, невзирая на штормовой прогноз, но относительно причины подобной спешки я остаюсь в полном неведении. Официально я не был ему представлен и в ходе плавания видел его только издалека, и то нечасто: бóльшую часть времени он проводил в собственной каюте. Так что, как видите, мое мнение немногого стоит. И все-таки…

— И все-таки? — подсказал Балфур, видя, что собеседник умолк. Он ждал.

— Буду с вами откровенен, сэр. — Мади повернулся к собеседнику лицом к лицу. — Находясь на борту, я обнаружил некоторые подробности касательно корабельного груза, заставившие меня усомниться в законности всего предприятия. Если я в чем и уверен, то только в одном: не хотелось бы мне приобрести в мистере Карвере врага, если в моих силах этого избежать.

Темноволосый незнакомец по левую руку от Мади заметно напрягся.

— Говорите, в грузе что-то обнаружили? — вмешался он, подавшись вперед.

«Ага! — подумал Мади и тут же: — Пора сыграть

на моем преимуществе!» И он обратился к новому собеседнику.

— Прошу меня простить, если я не стану вдаваться в подробности, — промолвил он. — Я ни в коей мере не хочу проявить к вам неуважение, но мы друг друга не знаем, или, скорее, *я* не знаю *вас*, поскольку мой сегодняшний разговор с мистером Балфуром достиг не одних только его ушей. Я в невыгодном положении, не столько в отношении себя самого, поскольку я-то представился со всей правдивостью, сколько в отношении вас, поскольку вы познакомились со мною, не будучи представлены, и выслушали мою историю без приглашения и никак на нее не отозвались. Мне скрывать нечего, касательно этого путешествия или любого другого, но должен признать, — тут он повернулся к Балфуру, — обидно, когда тебя допрашивают так придирчиво, а своих собственных целей не раскрывают.

Сформулировано это было несколько более агрессивно, нежели привычная Мади манера изъясняться, но говорил он спокойно, с достоинством, и знал, что правота — за ним. Не мигая, он глядел на Балфура и, широко распахнув кроткие глаза, ждал ответа. Балфур покосился на темноволосого незнакомца, который вклинился со

своим вопросом, и вновь перевел взгляд на Мади. Выдохнул. Поднялся с кресла, швырнул окурок сигары в огонь, протянул руку.

— У вас бокал опустел, мистер Мади, — негромко проговорил он. — Будьте так добры, позвольте мне.

В наступившей тишине он отошел к серванту в сопровождении темноволосого незнакомца, который, выпрямившись в полный рост, едва не задевал головою низкий потолок. Темноволосый наклонился к самому уху Балфура и принялся что-то настоятельно ему нашептывать. Балфур кивнул и ответил что-то вполголоса — вероятно, отдал какие-то указания, поскольку высокий брюнет отошел к бильярду, жестом поманил блондина и, понизив голос, передал ему, что велено. Тот в свою очередь немедленно и энергично закивал. Глядя на них, Мади чувствовал, как к нему возвращается его обычная живость. Бренди взбодрил его; он согрелся и просох; и ничто так не поднимало ему настроения, как предвкушение завлекательной истории.

Нередко случается, что измученная душа вынуждена обратиться к какому-то отдельному затруднению, которое человека совсем не касается; тогда эта вторая проблема оказывается для

первой все равно что целительным бальзамом. Примерно так чувствовал себя сейчас Мади. Впервые с тех пор, как высадился с лихтера, он обнаружил, что способен ясно помыслить о своем недавнем злоключении. В контексте этой новой тайны его сокровенное воспоминание словно бы обрело свободу. Он смог восстановить в сознании преследующую его картину: воскресший мертвец, его окровавленное горло, его крик — и счесть ее сногсшибательной и поразительной, по-прежнему жуткой, но гораздо более объяснимой. Вся эта история приобрела некую ценность: он мог обратить ее в прибыль в порядке обмена.

Он следил, как сообщение шепотом передается от одного человека к другому. В неразберихе незнакомых акцентов никаких имен собственных он не различал, но было очевидно, что предмет обсуждения касается всех присутствующих. Мади заставил себя обдумать ситуацию трезво и тщательно. В силу невнимательности он уже один раз за вечер неправильно оценил обстановку; ошибиться вторично ему никак нельзя. Намечалось ограбление, не иначе, или, может статься, эти люди объединились против кого-то — не исключено, что против мистера Карвера. Их было двенадцать, что навело Мади на мысль

о суде присяжных… но присутствие китайцев и туземца-маори исключало такую вероятность. Не прервал ли он, случайно, некий тайный совет? Но на каком таком совете соберется публика столь разношерстная, в том, что касается расовой и сословной принадлежности, а также и финансового статуса?

Надо ли говорить, что по лицу Мади невозможно было прочесть, о чем он думает. Он загодя придал ему выражение глубоко озадаченное и вместе с тем покаянное, словно давая понять: он отлично сознает, что причинил беспокойство, но взять не может в толк, в чем это беспокойство состоит; а что до дальнейших своих действий, так он готов послушаться кого угодно, только не себя самого.

Снаружи ветер поменял направление, мокрый шквал обрушился на трубу, так что угли, зашипев, полыхнули алым, и на мгновение Мади почудился соленый запах моря. Шевеление в очаге словно бы разбудило толстяка, сидевшего ближе прочих к огню. Он уперся в подлокотники, хрюкнув от натуги, поднялся из кресла и, дошаркав до серванта, присоединился к остальным. С его уходом Мади остался у очага наедине с незнакомцем в костюме из шеврона; тот подался вперед.

— Мне бы хотелось представиться, если не возражаете, — промолвил он, со щелчком открывая серебряный портсигар — впервые за вечер! — и выбирая сигарету. Говорил он с явственно французским акцентом, отрывисто и вместе с тем учтиво. — Меня зовут Обер Гаскуан. Надеюсь, вы извините меня за то, что ваше имя мне уже известно.

— Ну что ж, сдается мне, ваше имя мне тоже знакомо, — отозвался Мади с легким удивлением.

— Стало быть, это счастливая встреча, — отозвался Обер Гаскуан. Он искал спички; на мгновение он задержал руку в нагрудном кармане, как щеголеватый полковник, позирующий для этюда. — Но я положительно заинтригован. Откуда же вы меня знаете, мистер Мади?

— Сегодня вечером я прочел ваше обращение в пятничном номере «Уэст-Кост таймс» — я ведь не ошибаюсь? Если я правильно помню, вы выступили от имени магистратского суда.

Гаскуан с улыбкой вытащил коробок спичек:

— О, понимаю. Я — это вчерашние новости. — Он вытряхнул спичку из коробка, уперся ботинком в колено и чиркнул спичкой о подошву.

— Прошу меня простить, — начал было Мади, опасаясь, что обидел собеседника, но Гаскуан

покачал головой.

— Вы меня ничем не оскорбили, — промолвил он, прикуривая. — Итак. Вы приезжаете в незнакомый город, и каковы ваши первые действия? Вы находите вчерашнюю газету и прочитываете судебные сводки. Узнаете имена как правонарушителей, так и правоприменителей. Превосходная стратегия.

— Случайно получилось, — скромно отозвался Мади.

Имя Гаскуана было напечатано на третьей странице газеты, под краткой, не длиннее одного абзаца, проповедью, обличающей преступность. Обращению предшествовал список арестов, произведенных в течение последнего месяца. (Все эти имена Мади благополучно позабыл; по правде сказать, Гаскуана он вспомнил только потому, что его бывший преподаватель латыни звался Гаскоэн: знакомая фамилия привлекла его внимание.)

— Пусть так, — отозвался Гаскуан, — но тем не менее, ознакомившись с судебными сводками, вы проникли в самую суть нашего бедствия; эта тема у всех на устах вот уже две недели.

— Мелкие преступники? — нахмурился Мади.

— В частности, один.

— Мне попробовать догадаться? — беспечно осведомился Мади, не дождавшись продолжения.

Гаскуан пожал плечами:

— Это не важно. Я имею в виду одну конкретную шлюху.

Мади изогнул брови. Он попытался вспомнить список арестов… да, кажется, среди имен фигурировало и женское. Интересно, а что в Хокитике полагается говорить по поводу ареста шлюхи? Мгновение он подбирал слова для подобающего ответа, и, к его вящему изумлению, Гаскуан рассмеялся.

— Да я вас просто поддразниваю, — сообщил он. — Зря вы мне это позволяете. Разумеется, ее преступление не фигурировало в списке, но, если читать, призвав на помощь толику воображения, вы все разглядите между строк. Она именует себя Анной Уэдерелл.

— Не уверен, что умею читать с воображением.

Гаскуан вновь рассмеялся, резко выдохнув дым:

— Но вы же барристер, не так ли?

— Только по образованию. В коллегию адвокатов я пока еще не принят.

— Ну так вот, в обращении магистрата всегда содержится скрытый смысл, — пояснил Гаскуан. — «Джентльмены Уэстленда» — вот вам первая подсказка. «Постыдные преступления, свидетельствующие о моральной деградации» — вот вам вторая.

— Понимаю, — отозвался Мади, хотя на самом-то деле ровным счетом ничего не понимал. Глянув через плечо Гаскуана, он заметил, как толстяк подошел к двум китайцам и теперь торопливо царапал что-то для них в записной книжке. — Может статься, женщину обвинили несправедливо? Может статься, именно это и привлекло всеобщее внимание?

— О, да ее в тюрьму не за занятие проституцией упекли, — возразил Гаскуан. — Полиции на это дело плевать! Пока ведешь себя осмотрительно, они на все смотрят сквозь пальцы.

Мади ждал. Манера речи Гаскуана несколько сбивала с толку: говорил он одновременно сдержанно и доверительно. Мади чувствовал: тут надо держать ухо востро. Чиновнику было где-то под тридцать пять. Его светлые волосы уже чуть посеребрились над ушами; он носил светлые, зачесанные в стороны от центра усы. Его костюм из шеврона был пошит точно по фигуре.

— Да что вы, — добавил Гаскуан, помолчав мгновение, — сержант полиции сам заявление сделал на ее счет сразу после заключения под стражу.

— Заключения под стражу? — эхом повторил Мади, чувствуя себя крайне глупо.

Если бы собеседник изъяснялся не столь загадочно и чуть более пространно! Весь его облик дышал утонченностью (рядом с ним Томас Балфур казался туп как дверной косяк), но в утонченности этой ощущалась нота скорби. Он говорил как человек разочарованный, для которого идеал существует лишь в памяти, о нем сожалеют как о невосполнимой утрате.

— Ее судили за попытку покончить с собой, — пояснил Гаскуан. — Есть в этом некая симметрия, вы не находите? Она хотела свести счеты с жизнью — а ее в тюрьму свели.

Мади подумал, что соглашаться как-то неприлично, и в любом случае такой образ мыслей ему не импонировал. Так что он попытался сменить тему:

— А капитан моего корабля — мистер Карвер? Он с этой женщиной, выходит, как-то связан?

— О да, еще как связан, — кивнул Гаскуан. Он глянул на сигарету у себя в руке, внезапно

преисполнился к ней отвращения и швырнул в огонь. — Карвер убил собственное дитя.

Мади в ужасе отшатнулся:

— Прошу прощения?

— Доказать, разумеется, ничего невозможно, — мрачно заметил Гаскуан. — Но это просто зверь, а не человек. Вы совершенно правы: от таких лучше держаться подальше.

Мади глядел на него во все глаза, снова не найдясь с ответом.

— У каждого человека есть своя валюта, — добавил Гаскуан спустя мгновение. — Бывает, что золото; бывает, что женщины. Анна Уэдерелл, видите ли, была и тем и другим.

В этот момент с наполненным бокалом вернулся толстяк; он сел, поглядел сперва на Гаскуана, потом на Мади и, по-видимому, смутно осознал, что этикет велит представиться. Он подался вперед и протянул руку:

— Я — Дик Мэннеринг.

— Рад знакомству, — отозвался Мади машинально.

Он совсем запутался. Какая досада, что Гаскуана перебили в самый неподходящий момент; он бы мог подробнее расспросить его про эту шлюху. А теперь возобновлять тему как-то нетактично;

в любом случае Гаскуан уселся в кресло поглубже, и лицо его сделалось совершенно непроницаемым. Он снова завертел в руках портсигар.

— Опера «Принц Уэльский» — это, в сущности, я, — добавил Мэннеринг, снова откидываясь к спинке кресла.

— Великолепно, — отозвался Мади.

— Единственный театр в здешнем городишке. — Мэннеринг побарабанил по подлокотнику костяшками пальцев, прикидывая, как бы продолжить.

Мади искоса глянул на Гаскуана, но секретарь суда угрюмо созерцал собственные колени. Было очевидно, что возвращение толстяка его всерьез раздосадовало; было очевидно и то, что он не видит повода скрывать свое недовольство от Мэннеринга, чье лицо, как сконфуженно отметил Мади, приобрело темно-красный оттенок.

— Я весь вечер восхищаюсь вашей цепочкой для часов, — наконец произнес Мади. — Это золото из Хокитики?

— Славная штучка, верно? — откликнулся Мэннеринг, даже не скосив глаза на грудь и не шевельнув пальцем, чтобы дотронуться до предмета восхищения. Он вновь побарабанил по подлокотникам. — Вообще-то, это самородки с

Клуты. Я был на Кавараy, в Данстане и на Клуте тоже.

— Боюсь, эти названия мне ничего не говорят, — признался Мади. — Я так полагаю, это все отагские прииски?

Мэннеринг подтвердил, что да, отагские, и принялся распространяться о золотодобывающих предприятиях и ценности отвальных пород.

— Вы тут, выходит, все старатели? — спросил Мади, дослушав до конца, и нарисовал кончиками пальцев в воздухе небольшой кружок, давая понять, что имеет в виду всех собравшихся.

— Ни одного старателя тут нет, кроме разве китайцев, — отозвался Мэннеринг. — Мы, как говорится, маркитанты, хотя большинство из нас начинали на рудниках. На золотых приисках больше всего золота добывается где? В гостиницах. В кабаках. В борделях. Ребята как чего намоют, так сразу же и потратят. Я вам вот чего скажу: лучше начать собственное дело, чем вкалывать в холмах. Добудьте себе лицензию на торговлю спиртным — не прогадаете!

— Должно быть, это мудрый совет, раз вы сами ему последовали, — кивнул Мади.

Мэннеринг откинулся в кресле, очень довольный комплиментом. Да, с приисков он ушел и

теперь платит другим, чтобы мыли золото на его участках за процент с добычи; сам он родом из Сассекса; Хокитика, конечно, отменное местечко, вот только девчонок тут маловато для городка такого размера; он любит гармонию во всех ее проявлениях; свой оперный театр он создал по образцу «Аделфи» в Уэст-Энде[6]; он считает, что добрый старый принцип «песни и ужина» всегда актуален; он терпеть не может пабы, а от легкого пива ему делается нехорошо; половодья в Данстане ужасны — просто ужасны; дожди в Хокитике тоже не подарок; он уже говорил и повторит снова, что нет ничего лучше четырехголосной гармонии — голоса́ переплетаются, точно нити в шелковой ткани.

— Замечательно, — пробормотал Мади.

На протяжении всего этого монолога Гаскуан сидел неподвижно, лишь длинные бледные пальцы двигались с навязчивой ритмичностью. Мэннеринг, в свою очередь, секретаря решительно не замечал, а речь свою обращал к некой точке футах в трех над головой Мади, как если бы и присутствие Мади его не слишком-то занимало.

---

[6] Сноски: 6

«Аделфи» — театр в Уэст-Энде, в западной исторической части Лондона; поначалу на его сцене ставились главным образом мелодрамы и музыкальные комедии; сейчас славится постановками мюзиклов.

Наконец драматическое перешептывание на периферии приблизилось к некой развязке, и трескучая болтовня толстяка стихла. Вернулся темноволосый незнакомец и уселся на прежнее место слева от Мади; за ним пришел Балфур с двумя объемистыми порциями бренди. Один бокал он вручил Мади, отмахнувшись от его благодарностей, и присел сам.

— Я должен объясниться, — промолвил он, — по поводу того грубого допроса, которому только что подверг вас, мистер Мади, — не нужно возражать, это так. По правде сказать… по правде сказать… словом, правда заслуживает отдельного рассказа, сэр, и я буду по возможности краток.

— Если вы не возражаете против наших откровений, — добавил Гаскуан с другой стороны от Балфура с деланой вежливостью, что смотрелось довольно-таки неприятно.

Темноволосый незнакомец внезапно выпрямился в кресле и добавил:

— У кого-нибудь из присутствующих есть возражения?

Мади, моргая, оглянулся по сторонам, но все молчали.

Балфур кивнул, выждал еще мгновение, словно присовокупляя собственную предупредитель-

ность к учтивости остальных, и заговорил вновь:

— Скажу вам сразу: был убит человек. Этот ваш негодяй — Карвер, я имею в виду; не буду называть его капитаном — вот он и есть убийца, хотя черт меня подери, если я могу объяснить как или почему. Я просто знаю так же ясно, как вижу бокал в вашей руке. Если вы окажете мне честь и выслушаете часть истории этого злодея, тогда вы, возможно… ну, возможно, вы согласитесь нам помочь, при ваших-то обстоятельствах.

— Прошу меня простить, сэр, — отозвался Мади. При упоминании об убийстве сердце его неистово забилось; не исключено, что все это имело-таки некое отношение к призраку на «Добром пути». — И каковы же мои обстоятельства?

— Ваш дорожный сундук все еще на борту барка, он хочет сказать, — пояснил темноволосый незнакомец. — И завтра во второй половине дня вам нужно явиться в таможню.

Балфур, слегка поморщившись, махнул рукой.

— К этому мы еще вернемся, — промолвил он. — Для начала я прошу вас выслушать рассказ до конца.

— Разумеется, я его послушаю, — заверил Мади, ненавязчиво подчеркнув последнее слово: он

словно бы предостерегал собеседника, что ожидать или требовать большего не стоит.

По бледному лицу Гаскуана скользнула мимолетная усмешка, но в следующий миг оно вновь помрачнело.

— Безусловно, безусловно, — заверил Балфур, поймав намек. Он отставил бокал с бренди, сцепил пальцы, стильно захрустел костяшками. — Итак, я попытаюсь ознакомить вас, мистер Мади, с причиной, в силу которой мы все здесь собрались.

Юпитер в Стрельце

Глава, в которой обсуждаются преимущества богоугодных заведений; возникают сомнения насчет некой фамилии; Алистер Лодербек расстроен, а владелец судоходной компании вынужден прибегнуть ко лжи.

Повествование Балфура — неизбежно отклонявшееся от темы, поскольку грузоперевозчика то и дело перебивали, и в целом утяжелявшееся лиричным стилем речи — в пересказе оказалось путаным и сумбурным, и лишь несколько часов спустя Мади наконец-то со всей ясностью вник в последовательность событий, спровоцировавших тайный совет в курительной комнате гостиницы. Но надоедливые вставные реплики и околичная манера Балфура не заслуживают полного и подробного занесения в летопись его же собственными словами. Здесь мы удалим все изъяны и авторитарно приведем в порядок сбивчивую хронику блуждающих мыслей Балфура; мы замажем собственной известкой трещины и сколы суетных воспоминаний и возведем заново

здание, что в памяти отдельно взятого человека существует лишь в виде живописных развалин.

Мы начнем, заодно с Балфуром, с некой встречи, что имела место в Хокитике.

* * *

Еще до начала уэст-костской золотой лихорадки, когда Хокитика представляла собой не более чем бурое устье реки, впадающей в океан, а золото на ее побережье неярко поблескивало себе, до поры никем не замеченное, Томас Балфур жил в провинции Отаго и вел дела под сенью небольшого, крытого гонтом домика на данидинской набережной, под коленкоровой растяжкой с надписью «Судоперевозки: Балфур и Гарнетт» (с тех пор мистер Гарнетт вышел из совместного предприятия, в котором доля его составляла лишь одну треть; в настоящий момент он, удалившись от дел, вкушал заслуженный отдых в Окленде, подальше от отагских морозов и тумана, что растекался озерцами в долинах в знобкий предрассветный час). Выгодное местоположение компании — здание располагалось в самом центре пристани, с видом на дальние мысы, — обеспечивало высокопоставленную клиентуру, а среди многих заказчиков числился и бывший

управляющий Советом провинции[7] Кентербери, настоящий великан с ручищами как лопаты и репутацией человека твердых убеждений, больших запросов, усердного и ревностного.

Алистер Лодербек — так звали сего государственного мужа — карьеру делал с головокружительной скоростью, ни на миг не сбавляя темпа. Родился он в Лондоне, выучился на адвоката, в 1851 году переехал в Новую Зеландию, задавшись двумя целями: во-первых, составить состояние, во-вторых, удвоить его. Его устремления хорошо вписывались в политическую жизнь, тем более в политическую жизнь молодой страны. Лодербек пошел в гору — и быстро. В юридических кругах им немало восхищались как человеком, который, сосредоточившись на задаче, не успокоится, пока не доведет дело до конца; за столь превосходный характер он был вознагражден местом в Совете провинции Кентербери; ему предложили выставить свою кандидатуру на пост управляющего Советом; он был избран подавляющим

[7] Сноски: 7

С 1852 по 1876 г. в Новой Зеландии существовало шесть провинций как территориально-административных единиц: Окленд, Нью-Плимут, Веллингтон, Нельсон, Кентербери и Отаго. Совет провинции во главе с выборным управляющим осуществлял функции органов местного самоуправления. В 1876 г. провинции были упразднены и заменены на округа, а формой местного самоуправления стали Советы округов.

числом голосов. Пять лет спустя после того, как он впервые ступил на берег Новой Зеландии, его многочисленные связи распространились и до стаффордского министерства[8], включая самого премьера. К тому времени, как он впервые постучался в дверь Томаса Балфура, со свежим цветком кауваи[9] в петлице и стоячим воротничком, встопорщенные уголки которого (как подметил Балфур) накрахмалила явно женская рука, никто бы уже не назвал его первопоселенцем. Весь его облик излучал неизменность, и постоянство, и стабильную влиятельность.

В том, что касается внешности и манеры держаться, Лодербек был не столько красив, сколько внушителен. Его борода, пышная, лопатой, как у Балфура, выступала вперед почти горизонтально, придавая его лицу царственное выражение; под бровями посверкивали темные глаза. Он был очень высок, причем фигура его сужалась кверху, отчего он казался еще выше. Говорил он

---

[8] Сноски: 8

Эдвард Уильям Стаффорд (*Edward William Stafford*, 1819–1901) — выдающийся государственный деятель Новой Зеландии, трижды избирался на пост премьера (премьер-министра).

[9] Сноски: 9

Кауваи — распространенное новозеландское дерево с красивыми желтыми цветами в форме колокольчиков; этот цветок считается одним из национальных символов Новой Зеландии.

громко, заявлял о своих устремлениях и мнениях с откровенностью, что могла бы показаться наглостью (собеседнику скептически настроенному) или бесстрашием (всем прочим). Он был слегка туговат на ухо и потому, прислушиваясь, обычно наклонял голову и слегка горбился, создавая впечатление, столь полезное в политике, что внимает он вам сосредоточенно и вместе с тем благосклонно.

При первом же знакомстве Лодербек понравился Балфуру энергичной и уверенной манерой изъясняться. Его увлечения, как он не преминул сообщить Балфуру, политической сферой не ограничивались. Он был еще и судовладельцем, с мальчишеских лет храня в душе пылкую любовь к морю. Всего ему принадлежало четыре корабля: два клипера, шхуна и барк. Два судна нуждались в капитане. До сих пор Лодербек сдавал их в аренду на чартерной основе, но степень риска при таком положении дел была весьма высока, и он предпочел бы сдать корабли внаем какой-нибудь основательной судоходной компании, которая могла бы себе позволить разумный тариф страховой премии. Он отбарабанил названия кораблей на память, как отец перечисляет детей: клиперы «Добродетель» и «Южная Корона», шхуна «Коро-

лева бала» и барк «Добрый путь».

Так случилось, что компания «Балфур и Гарнетт» в тот момент испытывала острую нужду в клипере, размеры и возможности которого в точности соответствовали описанию Лодербека. От второго предложенного судна Балфур отказался: барк «Добрый путь» был слишком мал для его целей, но вот «Добродетель», по итогам осмотра и испытания, сможет благополучно совершать ежемесячные рейсы между Порт-Чалмерсом и Порт-Филлипом. Да, ответствовал он Лодербеку, он найдет капитана для «Добродетели». Он приобретет страховку с хорошим тарифом и возьмет корабль в ежегодно возобновляемую аренду.

По годам Лодербек приходился Балфуру ровесником, и, однако ж, с самой первой встречи последний считался с ним, почти как сын — с авторитетом отца, — возможно, не без толики тщеславия, ведь те черты в характере Лодербека, которыми Балфур более всего восхищался, он тщательно взращивал в себе самом. Между ними возникло что-то вроде дружбы (слишком, правда, восторженной со стороны Балфура, чтобы перерасти в отношения тесные и близкие), и на протяжении последующих двух лет «Добродетель» беспрепятственно курсировала между

Данидином и Мельбурном. К условию страхования, досконально продуманному и тщательно сформулированному, впредь ни разу не обращались.

В январе 1865 года Роберт Гарнетт заявил о своем намерении отойти от дел, продал свою долю партнеру и перебрался на север, где климат помягче. Балфур, сентиментальности, как всегда, чуждый, тотчас же отказался от недвижимости в центральной части гавани. Отагский бум шел на спад, и Балфур это знал. Долины уже изрыли вдоль и поперек, золотоносные россыпи рек скоро иссякнут. Он отплыл на побережье, приобрел голый участок земли в устье реки Хокитика, поставил палатку и принялся строить склад. Компания «Балфур и Гарнетт» превратилась в компанию «Судоперевозки Балфура», Балфур купил вышитый жилет и шляпу-котелок, и вокруг него начал постепенно расти город Хокитика.

Когда спустя несколько месяцев барк «Добрый путь» встал на рейде у Хокитики, Балфур вспомнил название судна и опознал в нем собственность Алистера Лодербека. Из вежливости он представился капитану корабля Фрэнсису Карверу и с этого момента общался с ним вполне учтиво — номинально их связывало наличие

общего знакомого, хотя Балфуру мистер Карвер показался сущим бандитом, и грузоперевозчик мысленно навесил на него ярлык мошенника. Это мнение не содержало в себе ни малейшего оттенка горечи. Балфур не испытывал благоговения перед силой воли — кроме как того типа, что демонстрировал Лодербек, перед этим притягательным сплавом личного обаяния и какой-то магии, — а проникнуться теплыми чувствами к негодяю он никак не мог. Слухи, что следовали за мистером Карвером по пятам, его не пугали, но и струну мальчишеского восхищения в душе не затрагивали. Карвер его просто-напросто не интересовал, и Балфур без лишних усилий взял и выбросил его из головы.

В конце 1865 года Балфур прочел в газете, что Алистер Лодербек собирается баллотироваться в парламент от округа Уэстленд. Несколькими неделями позже грузоперевозчик получил от него письмо с новой просьбой о содействии. Лодербек писал, что в ходе кампании по завоеванию Уэстленда ему хотелось бы предстать жителем этого округа. Он просил Балфура снять ему временное жилье в самом центре Хокитики, обставить комнаты подобающим образом и обеспечить перевозку дорожного сундука с

личными вещами: с книгами по юриспруденции, бумагами и тому подобным — всем, что для него принципиально важно в ходе избирательной кампании. Все пункты повестки дня были расписаны размашистым, цветистым почерком человека, который может себе позволить тратить чернила на причудливые завитушки. (При этой мысли Балфур улыбнулся: он любил прощать Лодербеку его разнообразные причуды.) Но сам Лодербек прибудет не на корабле. Вместо этого он приедет по суше, верхом преодолеет горы и торжественно явится в нижней части долины Арахуры. Он предстанет перед избирателями не изнеженным политиком, который путешествует со всеми удобствами в каюте первого класса, но человеком из народа, измученным многочасовой скачкой, забрызганным грязью, — работягой, что трудится в поте лица своего.

Балфур дословно выполнил все распоряжения. Он снял для Лодербека апартаменты с видом на береговую линию Хокитики и зарегистрировал его имя во всех клубах, рекламировавших крэпс и американскую игру в шары. В местном универсальном магазине он заказал груши, рассольный сыр и засахаренный ямайский имбирь; заручился услугами парикмахера; абонировал

ложу в оперном театре на февраль и март. Он сообщил редактору «Уэст-Кост таймс» о том, что Лодербек совершит переезд от Кентербери через альпийский перевал[10], и подсказал, что сочувственное упоминание об этом отважном дерзании превосходно зарекомендует газету в глазах будущей администрации Лодербека, если он победит на выборах и войдет в парламент представителем Уэстленда, а скорее всего, так и будет. Затем Балфур отослал письмо в Порт-Чалмерс с указаниями капитану «Добродетели» забрать дорожный сундук Лодербека, как только его пришлют из Литтелтона[11], и переправить его в Хокитику на клипере следующим же рейсом до побережья. Покончив со всеми этими делами, Балфур взял бутыль крепкого пива в гостинице «Гридирон», улегся, задрав ноги, и осушил ее до дна, размышляя, что политика ему все-таки нравится — и речи, и избирательная кампания, — да, пожалуй, все это ему весьма по душе.

Но волею судеб прибытие Алистера Лодербека в

---

[10] Сноски: 10

Южные Альпы — общее название горной цепи вдоль западного побережья Южного острова.

[11] Сноски: 11

Литтелтон — небольшой город-порт в Новой Зеландии на восточном побережье Южного острова, в одноименной бухте.

Хокитику не сопровождалось фанфарами, как политик задумывал, излагая свои планы в письме к Балфуру. Его переход через Альпы в самом деле привлек внимание старателей побережья, имя его действительно пропечатали на видном месте в каждой газете и в каждом бюллетене города, но в силу несколько иных причин, нежели он рассчитывал изначально.

История, записанная дежурным полицейским и опубликованная следующим же утром в «Уэст-Кост таймс», сводилась к следующему. До пункта назначения оставалось уже каких-нибудь два часа езды, когда Лодербек и его помощники повстречали на пути отшельническую хижину. Со времени их последней трапезы минуло много часов, и близилась ночь; так что отряд спешился, намереваясь попросить о фляге с водой и (если хозяин хижины будет так любезен) о горячем ужине. Путники постучались; ответа не последовало, но судя по свету лампы и дыму над трубой — в хижине явно кто-то был. Дверь оказалась не заперта; Лодербек вошел. Владелец хижины сидел, завалившись на кухонный стол; он был мертв — причем умер он так недавно, рассказывал Лодербек сержанту, что чайник на плите еще не выкипел. По-видимому, отшельник упился до

смерти. Одна его рука все еще обнимала почти пустую бутылку с чем-то спиртным, что стояла на столе напротив него; в комнате висел тяжелый дух алкогольных паров. Лодербек признал, что трое путников подкрепились-таки чаем и пресной лепешкой с плиты, прежде чем ехать дальше. Задержались они не дольше чем на полчаса: находиться в одной комнате с мертвецом не слишком-то уютно, хотя, по счастью, голову он уронил на руки, а глаза были закрыты.

На окраинах Хокитики маленький отряд столкнулся с новой задержкой. Уже в виду города они натолкнулись на бесчувственное тело: какая-то женщина лежала посреди улицы без сознания, промокшая насквозь. Жизнь в ней едва теплилась. Лодербек предположил, что ее чем-то опоили, но никакого внятного ответа от нее не добился, кроме стона. Он послал помощников за дежурным полицейским, вытащил несчастную из грязи и, дожидаясь возвращения своих спутников, размышлял о том, что начало его избирательной кампании положено довольно мрачное. Первые три знакомства, что он сведет в городе, будут судья, коронер и редактор «Уэст-Кост таймс». В течение двух недель после злополучного прибытия Лодербека избирательная кампания

не вызывала в Хокитике никакого интереса, — по-видимому, рядом с такими событиями, как смерть отшельника и злоключения шлюхи (как вскорости выяснилось, именно такова была профессия женщины, найденной на дороге), парламентские выборы вообще не котировались. О переходе Лодербека через горы в газете «Уэст-Кост таймс» упоминалось в двух словах, зато рассказу Лодербека о том, как он обнаружил тело, отвели целых два столбца. Лодербек оставался невозмутим. Он ожидал выборов с той же хладнокровной непринужденностью, с какой встречал все удары судьбы и все ее подарки. Он твердо вознамерился победить, а значит, так оно и будет.

Утром того дня, когда Уолтер Мади прибыл в Хокитику, — тем самым утром, с которого мы начинаем историю Балфура, — грузоперевозчик сидел со своим давним приятелем в обеденном зале гостиницы «Резиденция», рассуждая о корабельной оснастке. Лодербек был в суконном костюме светлого желтовато-коричневого оттенка, а такому цвету влага на пользу не идет. Брызги дождя на его плечах еще не просохли, так что казалось, будто пиджак украшен эполетами; отвороты потемнели и заворсились. Но Лодербек был не из тех, в чьем случае мелкий изъян

в одежде сказывается на общем впечатлении, скорее уж наоборот: во влажном костюме он смотрелся еще эффектнее. Руки он оттер с утра самым настоящим мылом, волосы умастил маслом; его кожаные гетры сияли, как начищенная медь; в петлице торчало какое-то местное растеньице — бледный, собранный в гроздь цветок, названия которому Балфур не знал. Недавний переезд через Южные Альпы окрасил щеки политика здоровым румянцем. В целом выглядел он превосходно.

Балфур смотрел на приятеля через стол, слушая лишь вполуха, как тот с жаром излагает свои доводы в защиту линейных кораблей: выставив ладони как грот и бизань, а солонка меж тем изображает фок-мачту. В любое другое время Балфур с головой погрузился бы в эту увлекательную дискуссию, но сейчас в лице грузоперевозчика читались сосредоточенность и тревога. Он постукивал бокалом о стол, он ерзал на стуле и каждые несколько минут резко дергал себя за нос. Ибо он знал, что весь этот разговор о кораблях очень скоро свернет на тему «Добродетели» и того ценного груза, что корабль должен был доставить на побережье.

Упаковочный ящик с дорожным сундуком Алистера Лодербека прибыл в Хокитику утром 12

января, двумя днями раньше его самого. Балфур лично проследил за тем, чтобы все таможенные формальности были улажены, и отдал распоряжения доставить груз с причала на его склад. Казалось бы, распоряжения эти были выполнены. Но волею злого случая (тем более злого, что Балфур питал к Лодербеку столь большое уважение) упаковочный ящик исчез бесследно.

Обнаружив недостачу, Балфур пришел в ужас. Он лично занялся поисками: обошел всю набережную из конца в конец, справляясь о пропаже у каждой двери и записывая показания каждого грузчика, носильщика, матроса и таможенного чиновника, — но все труды его ни к чему не привели. Ящик как сквозь землю провалился.

Лодербек и двух ночей подряд не провел в своих апартаментах на верхнем этаже гостиницы «Резиденция». В течение последних двух недель он разъезжал по лагерям и поселкам вдоль всего побережья, знакомясь с людьми: этот предвыборный тур завершился только нынче утром. Будучи крайне занят и полагая, что «Добродетель» еще не прибыла из Данидина, он до сих пор не спрашивал про свой багаж, но Балфур знал, что вопрос вот-вот прозвучит, а как только это произойдет, он будет вынужден открыть правду.

Он отхлебнул вина.

На столе между собеседниками громоздились остатки «перекуса» — этим словом Лодербек называл любую трапезу и любое блюдо, употребленное в неурочный час дня или ночи. Сам он наелся до отвала и уговаривал Балфура последовать его примеру, но грузоперевозчик снова и снова отклонял приглашение — ему кусок в горло не шел, в особенности же маринованный лук и жареная ягнячья печенка: от запаха этих двух блюд язык у него просто в трубочку сворачивался.

В качестве уступки приглашающей стороне, за чей счет он, собственно, обедал, он выпил целый кувшин вина и в придачу кружку пива — пьяным, как известно, море по колено, да только спиртное нимало не прибавило ему храбрости, зато накатила тошнота.

— Ну, еще кусочек печеночки, — предлагал Лодербек.

— Очень вкусно, — пробормотал Балфур. — Прямо во рту тает… но я уже наелся… моя комплекция не позволяет… уже наелся, благодарю вас.

— Это ж кентерберийская ягнятинка, — нахваливал Лодербек.

— Кентерберийская… да… превосходно!

— Икорка нагорий, Том!

— Благодарю вас, я уже сыт.

Лодербек на миг задержал взгляд на печенке.

— А ведь я бы мог сам пригнать стадо, — заметил он, меняя тему. — Вверх в горы и через перевал. Пять фунтов за голову, десять фунтов за голову… да я бы на этих продажах целое состояние составил! Сказали бы раньше, что в этом городе все мясо либо копченое, либо солонина, я б привел обедов на месяц! Мне б пару псов, я бы играючи справился.

— Да нет, это вам не в игрушки играть, — возразил Балфур.

— Уж я бы неплохой куш сорвал.

— Сбросьте со счета тех овец, что свернули себе шею на речных порогах, — фыркнул Балфур, — и тех, что потерялись, и тех, что уперлись и вперед идти не хотят. Да вы бы их часами пересчитывали, проклиная все на свете, да сгоняли вместе, да разыскивали по всем кустам. Благодарю покорно!

— Риск — благородное дело, — пожал плечами политик, — а путешествие и без того выдалось препаршивое. Уж хотя бы деньжат подзаработал по прибытии. Господь свидетель, меня бы, глядишь, радушнее встретили.

— Может, лучше коровы, — подсказал Балфур. — Коровье стадо куда послушнее.

— Лакомый кусочек по-прежнему вакантен, — напомнил Лодербек, пододвигая тарелку с печенкой к собеседнику.

— Никак не могу, — покачал головой Балфур. — Уже не лезет.

— Тогда ты забирай все, что осталось, Джок, старина, — обернулся Лодербек к помощнику. (Своих спутников он называл просто по имени, поскольку оба они носили одну и ту же фамилию Смит. Однако имена их отличались забавной асимметрией: один звался Джок, второй — Огастес.) — Заткни рот луковкой, и нам не придется больше слушать ерунду насчет этих твоих пропащих бригантин — так, Том? Заткнуть ему рот? — И Лодербек с улыбкой оборотился к Балфуру.

Балфур в очередной раз потянул себя за нос. Как это похоже на Лодербека, подумал он: этот человек заставляет согласиться с ним по самому пустячному поводу; требует единодушия там, где единодушие вообще неуместно, — и не успеешь оглянуться, как ты уже на его стороне и вовсю за него агитируешь.

— Луковкой, да, — кивнул Балфур и, уводя разговор от корабельной темы, заметил: — Во

вчерашнем «Таймс» упоминалось про эту вашу девчонку на дороге.

— Никакая она не моя! — возразил Лодербек. — Да и ссылка — не ссылка, одно название!

— Автору нахальства не занимать, — продолжал Балфур. — Почитаешь его, так выходит, что весь город заслуживает порицания из-за этой девки… как будто все вокруг виноваты.

— А кто к нему прислушается? — презрительно отмахнулся Лодербек. — Никчемный писака, жалкий клерк провинциального суда, которому на любимую мозоль наступили!

(Клерком, о котором Лодербек отзывался столь пренебрежительно, был, конечно же, Обер Гаскуан, чья краткая проповедь в «Уэст-Кост таймс» десятью часами спустя привлечет внимание Уолтера Мади.)

Балфур покачал головой:

— Он выставляет дело так, словно это *наша* ошибка — коллективная, так сказать. Словно мы *все* должны были вовремя одуматься и принять меры.

— Жалкий клерк, — повторил Лодербек. — Целыми днями напролет выписывает чеки на чужое имя. У таких обо всем на свете есть свое мнение, да только кому оно интересно-то?

— И все-таки…

— И все-таки ничего. Упоминание пустяковое, аргументация смехотворна; даже говорить не о чем. — Лодербек забарабанил костяшками пальцев по столу, как судья постукивает молотком, давая понять, что терпение его на исходе.

Балфур, отчаянно пытаясь помешать разговору вернуться к прежней теме, заговорил снова, опережая политика:

— Но вы с ней виделись?

— С кем — с той девчонкой, подобранной на дороге? — нахмурился Лодербек. — Со шлюхой-то? Нет, конечно; с того вечера — ни разу. Хотя я слыхал, она вроде оклемалась. Вы полагаете, мне стоит ее проведать? Вы ведь поэтому спросили?

— Нет, что вы, — покачал головой Балфур.

— Человек моего положения не может себе позволить…

— Конечно не может — ни в коем случае…

— Что, по-видимому, возвращает нас к пресловутой проповеди, — промолвил Лодербек на сей раз непривычно задумчивым тоном. — Именно об этом и вел речь наш клерк. До тех пор, пока не будут приняты определенные меры — пока не понастроят разных там богоугодных заведений, монастырей, домов призрения и так далее, — с

кого спрашивать за такого рода ситуацию? Кто отвечает за такую вот девицу — которая одна как перст в целом свете — в таком вот месте?

Вопрос задумывался как риторический, но Балфур, стремясь поддержать разговор, с ответом не замедлил:

— Да никто не отвечает.

— Никто, вот как! — Лодербек удивленно изогнул брови. — Где ж ваш христианский дух?

— Анна попыталась свести счеты с жизнью — покончить с собой, знаете ли! Никто не несет за это ответственности, кроме нее самой.

— Вы называете ее Анной! — укоризненно отозвался Лодербек. — Вы с ней, выходит, на «ты»; я бы предположил, что в таком случае доля ответственности за нее приходится и на вас!

— Называть кого-то по имени еще не значит снабжать ее опиумом!

— Вы бы захлопнули перед нею дверь, потому что она опиумозависима?

— Я ни перед кем дверей не захлопываю. Если бы я нашел ее на дороге, то поступил бы в точности как вы. Совершенно так же.

— То есть спасли бы ей жизнь?

— То есть сдал бы ее полиции!

Лодербек нетерпеливо отмахнулся от уточ-

нения.

— А что потом? — не отступался он. — Ночь в тюрьме, а потом? Кто защитит ее, когда она снова возьмется за свою трубку?

— Никто не может защитить человека от него самого — от его собственной руки, знаете ли! — досадливо парировал Балфур.

Ему такого рода дискуссии никогда не нравились; право же, они не намного лучше обсуждения сравнительных достоинств прямого и смешанного парусного вооружения. (Но с другой стороны, за прошедшие две недели Лодербек показал себя собеседником не из лучших: по тону — сущий деспот, то уклончив, то требователен. Балфур списывал это на расшатавшиеся нервы.)

— Духовное утешение — вот что он имеет в виду, — духовную поддержку, — встрял Джок Смит, пытаясь быть полезным, но Лодербек, вскинув ладонь, заставил его умолкнуть.

— Забудем про самоубийство — это отдельная тема, причем не из приятных, — промолвил он. — Но кто мог бы дать ей шанс, Томас? Вот в чем вопрос. Кто дал бы этой несчастной девушке возможность попробовать начать другую жизнь?

Балфур пожал плечами:

— Так уж вышло, что некоторым выпадают пло-

хие карты. Но глупо рассчитывать, что совесть заставит человека жить той жизнью, которая по душе вам. Обычно обходишься тем, что есть: пытаешься удержаться на плаву.

Этим замечанием грузоперевозчик продемонстрировал свою чуждую милосердию предвзятость, что утяжеленным противовесом скрывалась за внешней живой, искрометной снисходительностью: ведь, как большинство предприимчивых натур, он своими свободами весьма дорожил и от других ждал того же.

Лодербек откинулся к спинке стула и оценивающе поглядел на Балфура сверху вниз.

— Она шлюха, — подвел итог Лодербек. — Это вы хотите сказать, так? Она всего-навсего шлюха.

— Не поймите меня превратно: я ничего против шлюх не имею, — возразил Балфур. — Зато не слишком люблю богоугодные заведения, равно как и монастыри. Унылые это места.

— Да вы меня никак нарочно подначиваете! — воскликнул Лодербек. — Благосостояние — вот показатель цивилизации, воистину лучший из всех показателей! Если мы хотим цивилизовать этот город, если мы хотим прокладывать дороги и строить мосты, если мы хотим закладывать

основы будущего этой страны…

— Тогда неплохо бы дать нашим строителям дорог и мостов кой-чего для сугрева в постели ночами, — докончил за него Балфур. — Лопатить гравий — работенка не из легких!

Джок и Огастес рассмеялись, но Лодербек даже не улыбнулся:

— Шлюха — это морально-этическая проблема, Томас; давайте называть вещи своими именами. Тот, кто поставлен стражем на границе, обязан служить образцом! — (Это была прямая цитата из его недавнего предвыборного выступления.) — Шлюха — это морально-этическая проблема, и точка! Сточная канава для честно нажитого богатства!

— А ваше средство, — парировал Балфур, — хорошая дренажная труба для честно нажитого богатства, да богатство-то все равно утекает, а деньги — это деньги. Бросьте вы насчет богоугодных заведений, и давайте не будем постригать наших девчонок в монашки! Чертовски глупая затея, тем более что их тут явная недостача!

— И девчонок недостача, и с девчонками незадача, — фыркнул Лодербек.

— Ответственность за шлюх, скажете тоже! — воскликнул Балфур. — Чего доброго, они себе

потребуют места в парламенте!

Огастес Смит отпустил скабрезную шутку, все расхохотались.

Когда же смех поутих, Лодербек объявил:

— Давайте оставим эту тему. Мы тот день обсудили со всех сторон и во всех аспектах, и я, честно говоря, подустал. — Широким жестом он дал понять, что не прочь вернуться к предшествующему разговору. — Касательно корабельной оснастки. Я стою на том, что наше ви́дение преимуществ зависит исключительно от того, с какой стороны посмотреть. Джок говорит с точки зрения бывшего морского волка, я — с точки зрения судовладельца и джентльмена. Я мысленно вижу план парусности; он видит деготь, паклю и ветер.

Джок Смит откликнулся на подначку привычно, но вполне добродушно, и спор возобновился.

В душе Томаса Балфура вновь всколыхнулось раздражение. Он так славно сострил на тему богоугодных заведений — Лодербек похвалил его отповедь! — и он был бы не прочь продолжать этот разговор в надежде снова блеснуть остроумием. А по поводу корабельной оснастки и ее преимуществ он явно ничего пикантного не скажет, равно как и Джок с Огастесом, равно

как и сам Лодербек, угрюмо думал он. Но в обычае Лодербека было начинать и заканчивать диалог по собственной прихоти, перескакивая с одного предмета на другой только потому, что от какого-то вопроса он устал, или потому, что собеседник взял верх. За это утро политик трижды воспротивился смене темы, упрямо возвращаясь к трескучей болтовне о кораблях. Всякий раз, как Балфур заговаривал о местных новостях, политик заявлял, что ему до смерти надоели пустопорожние рассуждения об отшельнике и шлюхе, когда на самом-то деле, досадливо думал Балфур, ни одно из этих событий они так и не обсудили в подробностях и уж никоим образом — со всех сторон и во всех аспектах.

Эти внутренние переживания следовали определенному сценарию, пусть сам Балфур и не отдавал себе в этом отчета. Балфур так восхищался Лодербеком, что предпочитал скорее принижать себя, нежели критиковать своего кумира, даже в мыслях, когда эти двое расходились во мнениях; но на самоумаление всегда хочется возразить, а когда возражений не находится, накатывает раздраженная обидчивость. В течение последних двух недель Балфур не заговаривал о злополучной встрече Лодербека с покойником,

этим Кросби Уэллсом, хотя обстоятельства смерти отшельника будили в нем немалое любопытство; и он ни словом не упомянул Анну Уэдерелл, девицу легкого поведения, найденную на дороге. Он вел себя сообразно пожеланиям Лодербека и ждал, что Лодербек отблагодарит его той же монетой, однако на такое внимание к чувствам ближнего Лодербек способен не был, и до поры этого не произошло. Но Балфур не замечал этого недостатка в своем кумире, он просто ждал, сгорая от нетерпения, и начинал уже дуться.

(Мы примирительно добавим, что дулся он несерьезно, и одного доброго слова от Лодербека хватило бы, чтобы вновь привести его в доброе расположение духа.)

Балфур слегка отодвинулся от стола, с детской демонстративностью выставляя напоказ свое недовольство, и обвел глазами помещение.

Обеденный зал был почти пуст, учитывая неурочный час трапезы; сквозь раздаточное окошко Балфур видел, что повар снял передник и, положив локти на стол, сидит раскладывает пасьянс. Перед очагом, посасывая полоску вяленого мяса, устроился большеухий парень. Его, по-видимому, поставили там приглядывать за утюгами, что грелись на решетке над угольями,

потому что каждые полминуты или около того он, послюнив палец, подносил его к подставке, проверяя, горячо ли. За ближайшим столиком сидел священник — веснушчатый, нескладный, с курносым носом и отвисшей нижней губой, точно у слабоумного ребенка. Он уже позавтракал в одиночестве и теперь попивал кофе и почитывал какую-то брошюру, по-видимому репетируя проповедь на завтра, подумал Балфур, — читая, преподобный медленно кивал, словно отсчитывая ритм своего безмолвного выступления.

Большеухий парень в очередной раз послюнил палец и дотронулся до утюга; священник перелистнул страницу; повар подровнял карту точно по краю колоды для рубки мяса; Балфур вертел в руках вилку. Наконец Лодербек сделал паузу в своей обличительной речи, чтобы пригубить вина, и Балфур не упустил возможности вставить слово.

— А говоря о барках, — промолвил он (до сих пор речь шла о бригантинах), — я за последний год частенько видел ваш «Добрый путь» по эту сторону отмели. «Добрый путь» — это ведь ваше судно, не так ли?

К вящему удивлению Балфура, эта реплика была встречена гробовым молчанием. Лодербек

лишь наклонил голову, словно собеседник поставил перед ним серьезнейшую философскую проблему и ему хотелось поразмыслить над нею в одиночестве.

— Оснастка у него первоклассная, — похвалил Балфур. — Просто залюбуешься!

Помощники переглянулись.

— И это, безусловно, лишний раз подтверждает наш с вами довод, мистер Л., — промолвил Огастес Смит, нарушив наконец заколдованную тишину. — Даже барк маневреннее бригантины: половины команды хватает за глаза и суетни в два раза меньше. Не будет же он этого отрицать!

— Да, — отозвался Лодербек, словно очнувшись. И обернулся к Джоку. — Не будете же вы этого отрицать?

Джок усмехнулся с набитым ртом:

— Буду. У вас команда в два раза меньше, зато у меня — вполовину меньше снастей, так где, по-вашему, больше суетни? По мне, так ходкость куда важнее маневренности.

— Как насчет компромисса? — предложил Огастес. — Возьмем баркентину.

Джок покачал головой:

— Я уже говорил и повторю снова: из трех мачт одна точно лишняя.

— Зато скорость побольше, чем у барка. — Огастес тронул Лодербека за локоть. — Как насчет вашего «Полета фантазии»? У него ж косые паруса на грот-мачте, так?

Интуиция не подсказала Балфуру, что помощники стараются увести разговор от предложенной им темы; он подумал, что, вероятно, политик просто недослышал. Балфур возвысил голос и попытался снова:

— Так вот, я все о вашем «Добром пути». Этот барк здесь регулярно ходит. Оснастка, говорю, первоклассная. Я его частенько по эту сторону отмели вижу. Сдается мне, он и ходкий, и маневренный. Вот честное слово, кораблик что надо!

Алистер Лодербек вздохнул. Запрокинул голову, сощурился, глядя на балки; на губах его блуждала глупая улыбка — улыбка человека, к конфузу не привыкшего, позже понял Балфур. (Никогда прежде, вплоть до этого утра, ему не доводилось слышать, чтобы Лодербек признавался в какой-либо слабости.)

Наконец Лодербек проговорил, по-прежнему щурясь на потолок:

— Этот барк более не принадлежит мне. — Голос его звучал вымученно, словно из-за улыбки несколько истончился.

— Вот оно что! — подивился Балфур. — Махнулись никак — обменяли на посудину побольше?

— Нет, я его продал. Раз и навсегда.

— За золото?

Лодербек помолчал минуту и затем произнес:

— Да.

— Вот оно что! — повторил Балфур. — Вот просто взяли и продали. А покупатель кто?

— Капитан корабля.

— Ого-о! — весело выдохнул Балфур. — Здесь я вам не завидую. Про этого типа тут у нас разное рассказывают.

Лодербек не ответил ни слова. По-прежнему улыбаясь, он внимательно изучал оголенные балки потолка и зазоры между половицами этажом выше.

— Да уж, — повторил Балфур, откинувшись назад и заложив большие пальцы за отвороты пиджака. — Тут про него разное рассказывают. Фрэнсис Карвер! Вот уж кому не хотел бы я встать поперек дороги.

Лодербек изумленно воззрился на собеседника.

— Карвер? — повторил он, нахмурившись. — Вы хотите сказать Уэллс.

— Капитан «Доброго пути»?

— Ну да — разве что он перепродал судно.

— Дюжий такой здоровяк — темные брови, темные волосы, и нос сломан.

— Верно, — кивнул Лодербек. — Фрэнсис Уэллс.

— Не хочу с вами спорить, — заморгал Балфур. — Но этого человека зовут Карвер. Возможно, вы его путаете с тем парнем, который…

— Нет, — отрезал Лодербек.

— С отшельником…

— Нет.

— Ну, покойник наш — тот самый тип, которого вы обнаружили мертвым две недели назад, — не отступался Балфур. — Его звали Уэллс, видите ли. Кросби Уэллс.

– *Нет*, — в третий раз повторил Лодербек, чуть повышая голос. — Я ничего не путаю. Когда я подписывал договор о продаже, в документах фигурировало имя Уэллс. Всегда и везде — Уэллс.

Собеседники недоуменно глядели друг на друга.

— Ничего не понимаю, — произнес наконец Балфур. — И от души надеюсь, что вас не надули. Странное совпадение, не правда ли? Фрэнк Уэллс и Кросби Уэллс.

Лодербек замялся.

— Не то чтобы совпадение, — осторожно прого-

ворил он. — Я так понимаю, они братья.

— Кросби Уэллс и Фрэнк Карвер — братья? — расхохотался Балфур. — Даже вообразить такого не могу! Разве что через брак.

Лодербек вновь глупо заулыбался и принялся тыкать пальцем в какую-то крошку.

— Да кто вам такое сказал? — вопросил Балфур, так и не дождавшись ответа.

— Право, не знаю, — отозвался Лодербек.

— Или Карвер упомянул что-то подобное, подписывая бумаги?

— Может, и так.

— Да уж! Ну, если вы так утверждаете… но, глядя на них, вот ни за что бы не поверил! — промолвил Балфур. — Один — высокий, внушительный, второй — недоросток никчемный, жалкий бродяга и мот!

Лодербек вздрогнул; пальцы его непроизвольно дернулись и сжались, словно ухватив добычу.

— Кросби Уэллс был бродягой и мотом?

— Ну вы же его видели тогда, в хижине, — махнул рукой Балфур.

— Я видел его мертвым, но не при жизни, — возразил Лодербек. — Странное дело: никогда не знаешь, как человек выглядит на самом деле; это ведь душа вдыхает в нас жизнь.

— О, — отозвался Балфур. И принялся обдумывать эту мысль.

— Мертвец выглядит сотворенным, — продолжал Лодербек. — Так статуя — творение рук человеческих. Ты смотришь на безжизненное тело, дивясь мастерству замысла, и поневоле задумываешься о мастере. Кожа — такая гладкая, такая прозрачная. Как воск, как мрамор — и все-таки не совсем такая; она не задерживает в себе свет, в отличие от восковой фигуры, и не отражает его, как камень. Матированная, как скажет художник. Без глянца. — Внезапно Лодербек отчаянно смутился. И выкрутился из положения, грубовато спросив: — А вот вы когда-нибудь видели свежего покойничка?

Балфур попытался свести все к шутке («Опасный вопрос, на золотых-то приисках!»), но политик ждал ответа, и в конце концов Балфур вынужден был признать, что свежих покойников не видел.

— «Видел покойника» — не совсем та формулировка, — добавил словно про себя Лодербек. — Надо было сказать: «Доводилось ли вам засвидетельствовать факт смерти?»

— Джок тронул его за шею, верно, Джок? — вмешался Огастес Смит.

— Эге, — подтвердил тот.

— Как только мы вошли, — уточнил Огастес.

— Разбудить его хотел, — объяснил Джок. — Не знал, что он уже концы отдал. Думал, просто спит. Но вот в чем штука-то: воротник был влажным. От пота то есть — пот еще не просох. Мы прикинули, он не далее как полчаса назад помер.

Он хотел было продолжить, но Лодербек, резко дернув подбородком, заставил его умолкнуть.

— Ничего не понимаю! — недоумевал Балфур. — Подписывался как Уэллс — надо же!

— Мы, должно быть, разных людей имеем в виду, — отозвался Лодербек.

— У Карвера на щеке шрам, вот тут. Белый и по форме вроде… вроде серпа.

Лодербек поджал губы, покачал головой:

— Шрама не помню.

— Но он темноволосый? Крепко сложен? С виду — грубая скотина?

— Да.

— Ничего не понимаю! — повторил Балфур. — Зачем бы человеку менять фамилию? Да еще эти братья!.. Фрэнк Карвер — и Кросби Уэллс!

Усы Лодербека зашевелились, как если бы он жевал нижнюю губу.

— Вы его знали? — осведомился он уже совсем

другим голосом.

— Кросби Уэллса? Вовсе нет, — отозвался Балфур. Он откинулся на стуле, радуясь прямому вопросу. — Он строил лесопилку — далеко, на Арахуре; ну да вы ж видели хижину; вы там сами были. Он через меня грузы возил — оборудование, все такое прочее, — так что в лицо-то я его знал. Да покоится он с миром. У него в напарниках был туземец-маори. Они лесопилкой вместе занимались.

— Ну и как он вам — что за человек-то?

— В смысле, какой именно человек?

— Ну да, какого сорта? — Рука Лодербека вновь дернулась. Вспыхнув, он переформулировал вопрос: — Я хочу сказать, как он вам показался?

— Жаловаться не на что, — пожал плечами Балфур. — Занимался своим делом, в чужие не лез. По выговору вроде бы уроженец Лондона. — Он помолчал, затем заговорщицки наклонился вперед. — Конечно же, теперь, когда он умер, о нем чего только не рассказывают.

И вновь Лодербек не ответил ни словом. Как-то странно он себя ведет, отметил Балфур: красный от смущения и все больше отмалчивается. Он словно бы хотел услышать от Балфура ответ на какой-то конкретный вопрос — и одновременно

заставить его замолчать. Оба помощника, по-видимому, интерес к разговору утратили: Джок возил по тарелке кусок печенки, а Огастес, отвернувшись, наблюдал, как в окна хлещет дождь.

Балфур искоса следил за ними. Эти двое вращались вокруг Лодербека точно спутники вокруг планеты. Они спали в его комнате, подложив под голову по диванному валику, неотлучно следовали за ним повсюду и всегда говорили и действовали заодно, словно делили на двоих одну личность в придачу к имени. До сего дня Балфур считал их очень славными ребятами, компанейскими и понятливыми; он полагал, что их преданность Лодербеку весьма похвальна, пусть даже их вечное присутствие порою действовало ему на нервы. Но теперь? Он переводил взгляд с одного на другого и понимал, что уже не столь в этом уверен.

Лодербек почти ничего не рассказывал Балфуру о последнем этапе своего путешествия через Альпы двумя неделями раньше. Все, что Балфур знал о его ночном прибытии в Хокитику, он почерпнул главным образом из «Уэст-Кост таймс»: газета опубликовала сокращенную версию показаний, которые Лодербек в письменном виде предоставил полиции. Лодербека никто не по-

дозревал в причастности к двум смертям, одной — фактической, другой — предотвращенной: из протокола коронера недвусмысленно явствовало, что Кросби Уэллс скончался от вполне естественных причин, а врач сумел доказать, что опиум, от которого едва не погибла Анна Уэдерелл, принадлежал ей самой. Но теперь Балфур задумался: а много ли правды в газетном отчете?

Он наблюдал, как Джок Смит гоняет кусок печенки по тарелке туда-сюда. Как странно, что Лодербек ни с того ни с сего воспылал любопытством к характеру Кросби Уэллса при жизни, а еще удивительнее то, что Кросби Уэллс, человек тихий, заурядный, не пользующийся ни малейшим влиянием, внезапно оказался связан родственными узами — да какими бы то ни было узами! — со скандально известным Фрэнсисом Карвером. Балфуру в это не верилось. А теперь вот еще эта шлюха на дороге. Речь идет о простом совпадении, или это происшествие имеет какое-то отношение к безвременной смерти Кросби Уэллса? И с какой стати Лодербек так упорно уходил от разговора об этих двух встречах — вплоть до сего момента?

Отчасти чтобы поддержать разговор, отчасти чтобы обуздать воображение, которое так и но-

ровило голословно обвинить его друга во всех смертных грехах, Балфур проговорил:

— Итак, вы продали барк Карверу — думая, что зовут его Уэллс, — и он между прочим проболтался, что у него в загашнике припасен братец Кросби.

— Сейчас уже не помню, — отозвался Лодербек. — Это с год назад было. Давным-давно!

— Но вот вы год спустя столкнулись с братом этого человека — только что умершим, тело еще остыть не успело! — продолжал Балфур. — По другую сторону Альп, ни больше ни меньше… в месте, где вы отродясь не бывали! Поразительная случайность, вы не находите?

— Лишь немощный разум верит в совпадения, — напыщенно произнес Лодербек. Оказавшись в непростой ситуации, он имел обыкновение изображать надменную снисходительность.

Балфур пропустил афоризм мимо ушей.

— Так которое из имен вымышленное? — размышлял он вслух, не сводя с политика глаз. — Карвер? Или Уэллс?

— Я наполню кувшин, мистер Л.? — осведомился Огастес Смит.

Лодербек побарабанил по столу:

— Да, наливайте. Отлично.

— «Добрый путь» снялся с якоря недели две назад, — рассуждал Балфур. — Судно ходит туда-сюда от Кантона, верно? Чай возит? То есть мы Карвера еще долго здесь не увидим.

— Оставим эту тему, — заявил Лодербек. — Я перепутал фамилии. Наверняка перепутал. Не имеет значения.

— Минуточку! — воскликнул Балфур. Ему в голову пришла новая мысль.

— Что такое? — вскинулся Лодербек.

— Возможно, не все так просто. Учитывая, что продажа имущества покойного была обжалована. Для вдовы, вероятно, очень даже имеет значение, что у Кросби Уэллса где-то припрятан братец.

Лодербек вновь боязливо заулыбался:

— Для вдовы?

— Да-да, — многозначительно откликнулся Балфур и уже собирался было продолжать, но Лодербек поспешно его перебил:

— В хижине не было никаких следов жены — вообще никаких! По всей видимости, он — этот парень — жил один.

— В том-то и дело, — откликнулся Балфур.

Он уже хотел пояснить, но Лодербек снова вмешался:

— Вы говорите, что это важно — новости насчет

брата. Но деньги мужа всегда наследует жена, разве что в завещании говорится иначе. Таков закон! Не понимаю, при чем тут брат. Отказываюсь понимать! — И он набычился, вызывающе глядя на собеседника.

— Так завещания нет, — откликнулся Балфур. — В том-то и проблема. Кросби Уэллс никакого завещания не оставил. Никто вообще не знал, есть ли у него семья. Когда он умер, непонятно было даже, куда извещение посылать, — видите ли, наличествовало только его имя: ни домашнего адреса, ни свидетельства о рождении, ровным счетом ничего. Так что его земля и дом отошли Короне… и, разумеется, Корона имеет полное право пустить их в продажу, так что они немедленно оказались выставлены на рынок и на следующий же день были куплены. Здесь у нас на рынке товар не задерживается, это я вам со всей авторитетностью говорю. И тут, еще чернила на договоре купли-продажи не просохли, объявляется жена! Никто ни о какой жене и знать не знал вплоть до того дня — а у нее, понимаете ли, и свидетельство о браке в полном порядке, и сама она подписывается как Лидия Уэллс.

Лодербек вытаращил глаза. Вот теперь Томас Балфур полностью завладел его вниманием.

— Лидия Уэллс? — проговорил Лодербек еле слышным шепотом.

Огастес Смит глянул на Джока и тут же отвернулся.

— Это в четверг случилось, — покивал Балфур. — Суд не нашел в ее документах, к чему придраться; хотя, конечно же, в Данидин послали запрос на всякий случай. И все же что-то тут не так. Свалилась точно снег на голову, хочет прибрать к рукам землю и дом, а ведь Кросби о ней даже не упоминал никогда. И вот еще что сомнительно: дама, черт ее подери, — высший класс! Как Кросби Уэллса угораздило жениться на такой красотке — о-го-го! — дорого бы я дал, чтобы разгадать эту тайну!

— Вы ее видели? Лидия здесь? Она здесь?

Имя прозвучало в его устах знакомо и привычно. Итак, Лодербек с ней знаком, выходит, он наверняка и покойного знал, подумал про себя Балфур.

— Ну да, — вслух подтвердил он, стараясь не выдать своих подозрений. — Прибыла в четверг на почтовом пароходе. Разодета в пух и прах, такая вся цаца, а по трапу-то вниз сошла, как бывалая морячка. Платье узлом завязала да через плечо и панталончики рукой придерживает.

Все обручи да застежки на виду. Чтоб мне провалиться, если я знаю, как Кросби Уэллс заполучил такую штучку, — вот чтоб мне провалиться на этом самом месте!

Лодербек все еще никак не мог оправиться от потрясения:

— Лидия Уэллс — жена *Кросби* Уэллса!

— По крайней мере, так она утверждает. — Балфур вгляделся в лицо собеседника, а затем резко отставил бокал и подался вперед. — Послушайте, мистер Лодербек, — объявил он, хлопнув ладонью по столу между ними, — сдается мне, что-то мешает вам высказаться начистоту. Может, облегчите душу?

Эта простая просьба словно бы открыла шлюзы в сердце Алистера Лодербека. Подобно столь многим руководящим персонам, которые привыкли к постоянному сервису по высшему разряду и потому редко остаются одни, Лодербек был склонен воспринимать обслугу в чисто утилитарном ключе. Безусловно, Балфур очень славный парень: сметливый делец, шумный весельчак, склонный к излишествам, любитель посмеяться, — но его ценность как человека сводилось к ценности назначенной ему роли; в представлении Лодербека он был легкозаменяем. Что скрывалось за

самоочевидными качествами, политик не давал себе труда выяснить.

Когда властелин впервые прозревает в своем подданном человека — возможно, и не равного себе, но, по крайней мере, живое существо, цельное и умалению не подлежащее, со своими слабостями и увлечениями, с подлинным прошлым и неопределенным будущим, — это всегда момент глубоко личный. Сейчас Алистер Лодербек остро пережил это осознание — и устыдился. Он вдруг понял, что Балфур предлагал ему дружбу, — а он принимал лишь содействие; что Балфур дарил его великодушием, — а он ценил в нем лишь полезность. Лодербек обернулся к помощникам.

— Ребятки, — сказал он, — я хочу поговорить с Балфуром один на один. Оставьте нас ненадолго.

Огастес и Джок поднялись от стола (одержав победу над соперниками, Балфур с непривычным для него торжеством отметил, что оба явно расстроены) и молча вышли из зала. Едва они скрылись за дверью, Лодербек глубоко выдохнул. Он плеснул себе еще вина, но пить не стал — просто держал бокал в ладонях, неотрывно глядя на него.

— Том, вы скучаете по Англии? — спросил он.

— По Англии? — Балфур поднял брови. — Ноги

моей не было в солнечной Англии с тех пор, как… хм. С тех пор, как в волосах моих еще не пробилась седина!

— Да, конечно, — сконфуженно поправился Лодербек. — Вы же в Калифорнии старательствовали. Я и позабыл. — Он умолк, ругательски себя ругая.

— Здешний народ хлебом не корми, дай потолковать про дом родной, — промолвил Балфур. — Там лучше, где нас нет, как говорится.

— Да, — тихо произнес Лодербек. — Именно.

— Ба! — продолжал тот, ободренный согласием собеседника. — Ребята в большинстве своем так и живут, одной ногой уже на корабле. Намыли золотишка — и тотчас обратно. И что дальше? Обеспечит такой себя на всю жизнь, найдет девушку, хозяйством обзаведется — и о чем, как вы думаете, мечтает? Что во сне видит? Да золотые прииски! Грезит о тех временах, когда золотые «знаки» в руках держал! И все толковал о доме. О мамочке. О йоркширском пудинге и настоящем беконе. Вот так-то. — Балфур постучал бокалом о стол. — Англия — это Старый Свет, это наше отечество. По отечеству скучаешь — как же не скучать-то? Но возвращаться не возвращаешься.

Дожидаясь, чтобы политик наконец заговорил,

Балфур обвел глазами зал. Время близилось к одиннадцати, толпа желающих пообедать еще не начала просачиваться внутрь небольшими группками, но вскорости это произойдет: ведь была суббота, причем суббота, завершающая неделю проливного дождя. Парень, дежуривший у очага, ушел, прихватив с собою горячие утюги. Повар, отложив карты, рубил какую-то кость. Откуда-то из внутренних помещений вынырнули мальчишки-уборщики и теперь с шумом и тарарамом составляли тарелки. Священник за соседним столиком все еще сидел за своим давным-давно остывшим кофе, впиваясь глазами в брошюру и сосредоточенно поджав губы. Очевидно, что до соседей ему никакого дела не было, но Балфур на всякий случай пододвинул свой стул поближе к Лодербеку и понизил голос.

— Лидия Уэллс, — начал Лодербек, — хозяйка некоего заведения в Данидине, название которого я произнесу только единожды, и не больше, с вашего позволения. Это место зовется «Дом многих желаний» — звучит по-дурацки, на самом-то деле. Наверняка вам доводилось о нем слышать.

Балфур чуть наклонил голову, подразумевая, что с заведением близко незнаком, но и в полном неведении не пребывает. Речь шла об игорном

доме самого что ни на есть упаднического толка: он славился своими высокими ставками и своими танцовщицами.

— Лидия была… моей доброй приятельницей в стенах этого заведения, — продолжал Лодербек. — Деньги тут ни при чем. Никаких денег из рук в руки не переходило — зарубите себе на носу. Потому что это чистая правда. — Он попытался ожечь Балфура взглядом, но судовладелец не поднимал глаз. — Как бы то ни было, — продолжил Лодербек спустя мгновение, — всякий раз, будучи в Данидине, я наведывался к ней в гости.

Он подождал, словно приглашая собеседника высказаться, но Балфур упорно молчал. Через минуту Лодербек заговорил снова:

— Так вот, если помните, когда я впервые зашел к вам в контору, Том, мне требовался капитан для «Доброго пути». Вам корабль оказался без надобности; и в последующие месяцы я изрядно помучился, разыскивая надежного человека, чтобы заключить с ним контракт. На тот момент судно стояло на якоре в Данидине. «Королеву» надо было проконопатить, а я был на мели, как вы помните, — все потратил на ремонт «Добродетели». Счетов к оплате накопилось видимо-невидимо. В конце концов я принял

скоропалительное решение и в частном порядке сдал «Добрый путь» в аренду парню по имени Рэксуорти: он думал наладить регулярное сообщение между Австралией и приисками Отаго. Он в военном флоте служил. Теперь-то, понятное дело, в отставку вышел. Корветом командовал в Крымской войне, на Балтике, крест Виктории заработал. Он где только не побывал. Говаривал, что, если бы к нему веревку прицепили, он бы весь мир узлом обвязал. Уволился-то он из-за подагры — тяжелой достаточно, чтобы уйти в этот долгосрочный отпуск, который, кстати, ему в любом случае причитался, но недостаточно, чтобы окончательно распроститься с морем. «Добрый путь» подошел ему как нельзя лучше; он — моряк старой закалки, а суденышко-то у меня старомодное… После того я вернулся в Акароа и какое-то время о Рэксуорти ровным счетом ничего не слышал. Но я все мотался по острову из конца в конец, а когда в следующий раз завернул в Данидин, то влип в неприятности. Обнаружился муж. Лидия оказалась замужем. Пока меня не было, он вернулся домой.

— Кросби Уэллс? — сощурился Балфур.

Лодербек покачал головой:

— Нет, не он. Тот скот, которого вы знаете под

именем Карвера. Мне он назвался Уэллсом. Фрэнсисом Уэллсом.

Балфур задумчиво покивал:

— Но теперь та же самая женщина утверждает, что она была замужем за Кросби Уэллсом. Кто-то тут явно врет.

— Как бы то ни было…

— Врет либо насчет брака, либо насчет имени, — подвел итог Балфур.

— Как бы то ни было, — раздраженно бросил Лодербек, — это как раз не важно на данный момент. Нужно рассказывать все по порядку. Я ведь даже не знал, что Лидия замужем. В игорном доме она, видите ли, пользовалась девичьей фамилией: Лидия Гринуэй; я понятия не имел, что она — Лидия Уэллс. Разумеется, как только объявился муж, я осознал, что был не прав. Я тут же сдал позиции. Попытался уладить дело честь по чести. Но этот парень вроде как загнал меня в угол. Я был членом Совета, только что получил пост управляющего. Сам недавно женился. Под угрозой оказалась моя репутация.

Балфур кивнул:

— Итак, он предстал перед вами обманутым мужем. Попытался лишний фунт-другой на стороне сшибить.

Губы Лодербека дернулись.

— Все было не так просто.

— Да полно, этот трюк стар как мир, — неуклюже посочувствовал Балфур. — Каждому мужчине этот страх знаком, вот на нем-то и играют, так что в конце концов шантаж оборачивается прямо-таки облегчением. Плати, и больше обо мне никогда не услышишь, все такое. Девчонка, понятное дело, обычно в доле. Он небось соврал вам, что она залетела.

Лодербек покачал головой:

— Нет. — Он вновь уставился на бокал в руке. — Он повел себя куда умнее. Денег он вообще не требовал — вообще ничего не просил. По крайней мере, до поры до времени. Он сообщил мне, что он — убийца.

Каретные часы на каминной полке пробили без пятнадцати час. Священник за соседним столиком поднял глаза, похлопал себя по бедру, извлек часы из кармана брюк, чтобы сверить время. Завел механизм, покрутил колесико, протер салфеткой циферблат, вновь убрал их в карман. А затем вернулся к брошюре: прикрыл глаза козырьком ладони, чтобы сузить фокус, и снова погрузился в чтение.

— Он отлично владел собою, — продолжал Ло-

дербек. — И держался этак вежливо. Рассказал, что напарник убитого ему в затылок дышит. Кого он убил и почему, он не открыл: просто сказал, что его преследуют из-за этого убийства.

— А имен он не называл?

— Нет. Вообще никаких.

— А вы-то тут при чем? — нахмурился Балфур. — Я так понимаю, это чужая ссора. Или чужая бравада. Но в любом случае вас это не касается.

Лодербек наклонился ближе:

— Суть вот в чем. Он сказал, что меня засекли как его напарника или компаньона. Я «отмечен». Как только мститель его настигнет и заберет его жизнь… после того он придет за мною.

— «Отмечены»? — удивился Балфур. — Как именно «отмечены»?

Лодербек пожал плечами и откинулся назад:

— Не знаю в точности. Безусловно, я в игорном доме частенько бывал и с Лидией появлялся на людях, то там, то сям. Вероятно, за мной шпионили.

— Шпионить — это одно, — возразил Балфур. — Но метка… это ж вроде татуировки… как можно кого-то «отметить» без его ведома? Право, мистер Лодербек, вы чего-то недоговариваете! Выкладывайте уж все как есть!

Лодербек явно смутился:

— Ну так вот, вы про просверк слыхали?

— Что-что?

— Ну, просверк. Кусочек стекла, или осколок зеркала, или драгоценный камень, закрепленный на конце сигары. Курить он не мешает, а когда сигара во рту, вот так, заметить его невозможно. Аферисты этим пользуются. Игрок за игрою курит: вынимает сигару изо рта, вот так, и держит ее в руке, а в просверке отражаются чужие карты. Или можно партнеру свои карты показывать, если игра двое на двое. Способ жульничества такой.

Балфур оттопырил два пальца, придерживая воображаемую сигару, и вытянул руку через весь стол.

— Однако чертовски неудобное жульничество, — откомментировал он. — Столько всего может помешать! А что, если вы прижимаете карты к себе? Или кладете на стол рубашкой кверху? Смотрите: если я протяну руку через стол, вот так… вы карты пододвинете к себе, верно? Ну, право, вы ведь отдернетесь!

— Не в деталях дело, — отмахнулся Лодербек. — Суть в том, что…

— И риск совершенно дурацкий, — гнул свое

Балфур. — Как прикажете оправдать тот факт, что на конце сигары закреплено крохотное зеркальце?

— Суть в другом, — настаивал Лодербек. — Не в деталях дело. Суть в том, что этот Уэллс… ну то есть Карвер… сказал, будто держит меня под просверком.

Балфур все еще прогибал запястье и вскидывал локоть, щурясь на незримую сигару в пальцах. Теперь он наконец прекратил свое занятие и сжал кулак.

— То есть у него имеется какой-то способ подглядывать в ваши карты.

— Но я не знаю какой, — отозвался Лодербек. — По сей день не знаю. Это меня с ума сводит. — И он потянулся за кувшином с вином.

Балфур скептически изогнул брови. Это еще что за козырь такой? Туманное упоминание о какой-то там мести, никаких имен, никакого контекста и полная чушь насчет карточного жульничества? Для шантажа как-то маловато. Лодербек явно что-то скрывал. Балфур кивнул, давая понять, что собеседнику стоит наполнить бокал.

Лодербек отставил кувшин и продолжил:

— Перед уходом он попросил меня лишь об одном — всего-то навсего. В команде «Доброго пути»

не хватало матроса — Рэксуорти уже дал объявление в газетах, и Уэллс об этом прослышал.

— Карвер.

— Да. Карвер об этом прослышал. И попросил меня замолвить за него словечко. Поутру спозаранку он собирался в порт, наниматься на корабль. Он попросил меня об услуге — честно и откровенно.

— И вы выполнили его просьбу?

— Выполнил, — удрученно признал Лодербек.

— Вот вам, видимо, еще один просверк, — промолвил Балфур.

— Вы о чем?

— Ну как же, еще одна связующая ниточка между вами — корабль.

Мгновение Лодербек обдумывал его слова, с видом весьма подавленным.

— Да, — признал он. — Но что я мог поделать? Он связал меня по рукам и ногам.

Балфура вдруг захлестнуло сочувствие к собеседнику, и он пожалел о своей недавней сварливости.

— Верно, — согласился он мягче. — Вы и в самом деле были в его власти.

— После этого ничего больше не происходило, — продолжал Лодербек. — Ровным счетом

ничего. Я уехал обратно в Кентербери. И стал ждать. Я все ломал голову насчет этого треклятого просверка, аж сердце разрывалось. Признаюсь, я сколько-то надеялся, что Карвера убьют, что мститель до него таки доберется и я узнаю его имя прежде, чем он явится по мою душу. Я каждый день прочитывал «Отагского свидетеля» от корки до корки, надеясь увидеть имя негодяя в списке убитых, да простит меня Господь. Но нет, не дождался… Примерно год спустя — то есть около года назад, может, в феврале или марте прошлого года, — мне по почте приходит письмо. Годовой отчет о транзакциях от «Судоперевозок Данфорта», и заполнен он на мое имя.

— Данфорт? Джем Данфорт?

— Он самый, — кивнул Лодербек. — Я в жизни не пользовался услугами Данфорта — в том, что касается личной собственности, но, конечно же, я его знаю; он арендует часть грузового отсека «Доброго пути» для своих перевозок.

— И «Добродетель» тоже, время от времени.

— Да, время от времени еще и «Добродетель». Ладно, просматриваю годовой отчет. Вижу, снова и снова упоминается отправка транстасмановым маршрутом на «Добром пути», оформленная на имя Лодербека. На мое имя. Опять и опять, на

западных рейсах через Тасманово море, — собственно, на каждом таком рейсе одно и то же: грузоотправитель Данфорт, грузоперевозчик «Добрый путь», капитан Джеймс Рэксуорти, одна отправка частного груза, стандартный размер, оплачена полностью Алистером Лодербеком. То есть мною. У меня просто кровь в жилах застыла. Мое имя черным по белому и длинная колонка цифр… Сумма к оплате составляла ноль фунтов. Никаких задолженностей. Каждый месяц, как явствовало из документа, счет оплачивался наличными. Кто-то состряпал целый бизнес от моего лица и хорошие деньги к тому же за него платил. Я быстро просмотрел состояние своих собственных финансов: нет, никаких недостач и уж точно не в размере восьмидесяти-девяноста фунтов за доставки. Такого рода медленную утечку средств я бы непременно заметил, откуда бы уж она ни шла. Но нет. Что-то тут было нечисто… Я поехал в Данидин, как только смог, — чтобы самому во всем разобраться. Это было… в апреле, кажется. Может, в мае. Словом, ранней осенью[12]. Едва оказавшись в Данидине, я и на берег-то, почитай, не сходил, сразу помчался на «Добрый

[12] Сноски: 12

Осень в Новой Зеландии приходится на привычные нам весенние месяцы: март, апрель и май.

путь». Он стоял на якоре у самого причала, и трап был опущен. Я поднялся на борт; не встретил ни души. Я-то, понятное дело, собирался потолковать с Рэксуорти, но его нигде не было. А на полубаке я обнаружил Уэллса.

— Карвера.

— Ну да, Карвера. Он был один. В левой руке полицейский свисток, в правой — пистолет. И говорит мне: я ведь в любую минуту засвистеть могу. Контора начальника порта в пятидесяти ярдах от нас, и люк открыт настежь. Я молчу. Он говорит мне, что в грузовом отсеке «Доброго пути» стоит контейнер на мое имя и обширная документация связывает мое имя с такой вот отправкой за каждый месяц на протяжении всего последнего года. Все легально, все должным образом зарегистрировано. В глазах закона я плачу за эти отправки вот уже год, до Мельбурна и обратно, туда-сюда, туда-сюда, и, что бы я ни говорил, опровергнуть этот факт мне не удастся. «Ладно, а внутри-то чего?» — спрашиваю. Платья, говорит. Дамские моды. Целый ворох нарядов… «Платья-то зачем?» — говорю. Он ухмыляется гнусно так: «Ну право, мистер Лодербек, вы ж каждый месяц заказываете в Мельбурне модные тряпки вот уж целый год как! Вы вашу очаровательную

полюбовницу Лидию Уэллс просто балуете, и все, кстати, подробно записано. Всякий раз, как сундук прибывает в Мельбурн, его тотчас везут к модистке на Берк-стрит, самой лучшей, понятное дело, и всякий раз, как сундук отправляется в обратный путь, он доверху набит самыми что ни на есть шикарными и дорогущими одежками, что только можно достать за деньги в этой части мира. Вам, мистер Лодербек, в щедрости не откажешь».

Голос Лодербека помрачнел.

— «А как так вышло, что отправки зарегистрированы на мое имя?» — спрашиваю. Он так и покатился со смеху. Говорит, да каждая крыса в Данидине знает Лидию Уэллс как облупленную и чем она зарабатывает на хлеб насущный. Ей всего-то и надо было, что сказать старине Джему Данфорту, что я не жалею для нее ни бубенчиков, ни ленточек, но нельзя ли, пожалуйста, *ее* имени не упоминать — из уважения к моей бедной женушке? И Данфорт ей поверил. Оформлял все поставки на мое имя. Она платила наличными, говорила: это из моего кармана деньги; и никто мне ни словом не обмолвился! Деликатничали, понимаете ли; думали, мне добрую услугу оказывают, черт их дери, не судите-де — и не

судимы будете… Но это еще не все, далеко не все. Женские тряпки, чтоб им провалиться, — это так, цветочки. На сей раз, говорит он, в сундуке есть еще кое-что, кроме платьишек. «И что же?» — спрашиваю. «Целое состояние, — говорит, — краденое, все — самородное, высшей пробы». — «У кого украденное?» — спрашиваю. «Да у вашего покорного слуги, — отвечает, — притом моей собственной супружницей Лидией Уэллс», — и ну хохотать, потому что врет ведь как сивый мерин, они ж давно снюхались, эта парочка. Ладно, а у него-то откуда самородное золото в таком количестве, спрашиваю. Он говорит, у него участок есть по дороге на Данстан. «Задекларировано?» — спрашиваю. Он говорит: «Нет». А раз не задекларировано, стало быть, и налоги не уплачены, то есть эта отправка нарушает закон — или, по крайней мере, нарушит, как только «Добрый путь» выйдет в море назавтра с приливом, согласно расписанию… Там, на полубаке, Карвер дает мне поразмыслить обо всем об этом минуту-другую. Я думаю о том, как все это выглядит сверху. А выглядит все это так: я за спиною мужа вот уже давненько ухлестываю за его женой. Она — моя любовница, тому есть доказательства. Все выглядит так, как если бы я украл целое состояние у

злополучного мужа и теперь собираюсь вывезти золото в море. Выглядит все так, как если бы я организовал всю эту схему, чтобы разорить его и обанкротить. Налицо — прелюбодеяние, кража и даже преступный сговор. А главное — золото ведь не задекларировано. Меня того гляди обвинят в нарушении таможенных правил, уклонении от уплаты налогов, контрабанде, все такое. Мне светит пожизненное заключение, а у меня на остаток жизни совсем иные планы, Томас, совсем иные. Так что я спрашиваю его, что он хочет, и наконец он раскрывает карты. Ему нужен корабль.

— Он на тот момент — старший матрос?

— Да. Под началом у Рэксуорти, и теперь он хочет от Рэксуорти избавиться. Он все уже продумал: я, дескать, увольняю Рэксуорти нынче же вечером, расторгаю договор с командой и отписываю ему корабль забесплатно, безо всяких условий. Сами понимаете, это форменное оскорбление. Я смеюсь. Я говорю: нет. Но при нем этот треклятый свисток, и он за него уже вроде как берется, чтобы позвать начальника порта.

— А вы не потребовали показать вам золото в контейнере? — спросил Балфур. — Откуда вам было знать, что он не блефует?

— Конечно потребовал, — отозвался Лодер-

бек. — Именно так я и сделал. О, этот парень все продумал, не могу не отдать ему должное. В сундуке лежало пять платьев. Все до одного — по моде прошлого сезона, в полном соответствии с его байкой; уже готовые для мельбурнской модистки, сами понимаете. Но слушайте дальше! Золото не просто валялось в сундуке как попало, под платьями. Его зашили в швы этих самых платьев. Небось сама Лидия и расстаралась: она преловко управлялась с иголкой и ниткой. Вы бы ни о чем и не догадались, пока не вытащили бы платья и не почувствовали бы, какие они тяжелые. Но таможенному инспектору вытаскивать их и в голову бы не пришло, если, конечно, не подбросить ему наводку, чтобы знал, куда смотреть. А так, открываешь сундук, и сколь в нем ни шаришь — модные платья, и ничего больше. Да уж, план отличный.

— Дайте-ка мозгами пораскинуть, — промолвил Балфур. — А если бы корабль отплыл по расписанию…

— Тогда бы Карвер «случайно» обнаружил сундук в грузовом отсеке и притворился бы, что впервые его видит. Притащил бы его к Рэксуорти, изображая ярость, и горе, и все что угодно. В конце концов, это платья его жены, а в документах сто-

ит мое имя. Он бы потребовал возбудить против меня дело по обвинению в краже, и прелюбодеянии, и нарушении таможенных процедур, все вместе. «Добрый путь» не выпустили бы из гавани, завернули бы обратно на полпути к мысу. Тут-то полиция меня бы и сцапала, за ушко да на солнышко.

— Но ведь если бы такое произошло и вызвали бы полицию… вы могли бы просто-напросто все свалить на Лидию Уэллс, — предположил Балфур. — Она бы точно угодила в тюрьму…

— О да, разумеется, угодила бы, — оборвал его Лодербек. — Но я не собирался рисковать собственной свободой только для того, чтобы иметь удовольствие полюбоваться, как возмездие настигнет и ее тоже. Эти двое, конечно же, объединились бы против меня, если бы все это треклятое дело дошло до суда. И уж кому-кому, а ей бы все сочувствовали, сами понимаете: как же, прозрела, раскаялась, поддерживает законного мужа, и все такое прочее.

— Если он и впрямь ее законный муж, — указал Балфур. — Теперь вот выходит, что *Кросби* Уэллс…

— Ну да, ну да! — огрызнулся Лодербек. — Но тогда-то я этого не знал, верно? И не рассказывай-

те мне, как я должен был поступить и что должен был сделать. Терпеть этого не могу. Уж как карты легли, так легли.

— Прямо не знаю, что и думать. — И Балфур откинулся к спинке стула.

— Он меня в угол загнал. — Лодербек развел руками, признавая поражение. — Я отписал ему корабль.

Балфур на мгновение задумался.

— А где тем вечером был Рэксуорти?

— Да в треклятом игорном доме, — фыркнул Лодербек. — Небось повеселился на славу, и Лидия Уэллс тут же, под боком, ему на игральные кости дула!

— А он тоже втянут в заговор?

— Не думаю, — покачал головой Лодербек. — Тем вечером он ушел в увольнение на берег — там как раз какой-то флотский праздник приключился, вполне официальное событие. Ничего предосудительного. Да и впоследствии у меня никаких подозрений не зародилось.

— А чем он сейчас занимается?

— Рэксуорти? Водит треклятый «Дух Темзы» и скучает, как тигр в клетке. Этот человек пароходы терпеть не может. На меня зол как черт.

— А он знает, как все вышло?

— Я — лицо публичное! — возмутился Лодербек. — Если хоть кто-то что-то пронюхает, я погиб. Знает ли он? Разумеется, ни черта он не знает.

Собственная история внезапно вызвала у него всплеск раздражения, осознал Балфур. Подробный рассказ о том, как его одурачили, всколыхнул в душе жгучий стыд.

— Но продажа корабля — это общедоступная информация, — отметил Балфур спустя мгновение. — Об этом в газетах печатают.

Лодербек выругался.

— О да! — прорычал он. — Если верить газете, я продал треклятое судно за очень даже неплохую цену, причем в золоте. Разумеется, я из этой суммы ни единого пенни не видел. Золото осталось в том треклятом сундуке, а когда «Добрый путь» на следующий день отплыл в Мельбурн, на том конце груз забрали — как это происходило каждый месяц в течение прошлого года. И конечно же, сундук исчез. А я ничего тут не мог поделать, не навлекая на себя скандала. Одному Господу известно, где теперь это золото. А в придачу мерзавцу еще и корабль достался.

Лодербек сердито повертел в руках судок.

— А сколько, на ваш взгляд, на самом деле стоило то золото в сундуке?

— Я не старатель, — отозвался Лодербек, — но, судя по весу платьев, на пару тысяч по меньшей мере оно тянуло.

— И больше вы этого золота не видели.

— Нет.

— И ничего про него не слышали.

— Нет.

— А вы с этой девкой с тех пор виделись — ну, с Лидией Уэллс?

Лодербек хрипло рассмеялся:

— Лидия Уэллс — никакая не *девка*. Не знаю, что она такое, но не девка, Томас. Ни разу не девка.

Но на вопрос Балфура он не ответил.

— Вы же знаете, что она здесь, в Хокитике, — напомнил Балфур.

— Вы говорили, — сухо отозвался Лодербек, не прибавив к тому ни слова.

Что за непредсказуемый, норовистый скакун — низкопоклонство! В самый неподходящий момент он вскидывает голову и рвется из узды собственной работы! Благоговейное обожание Балфура, что так легко превратилось в раздражение, теперь стремительно перерождалось в презрение. Потерять так много — из-за *любовницы*! Из-за чужой жены!

Между тем презрение, при всей своей придир-

чивой критичности, — это эмоция, дарующая определенную ясность восприятия. Томас Балфур наблюдал, как его приятель осушил бокал, щелкнул пальцами, требуя подать еще вина, и преисполнился пренебрежения, а пренебрежение в свою очередь сменилось недоверием, а недоверие усилило проницательность. Отдельные детали в истории Лодербека упорно не состыковывались. Как насчет столь своевременной смерти Кросби Уэллса? Лодербеку еще предстояло отчитаться по поводу *этого* совпадения, а заодно и объяснить, почему он ни с того ни с сего так уверен, будто Карвер и Уэллс приходятся друг другу братьями! И как насчет Лидии Уэллс, что примчалась в Хокитику требовать свое законное наследство, причем почти сразу же после смерти Уэллса, так что начальник порта, отчасти в шутку, полюбопытствовал, уж не установили ли в почтовом отделении Хокитики телеграф. Балфур нимало не сомневался: собеседник не открыл ему всей правды; чего он не знал, так это причины подобного замалчивания. Кого Лодербек защищает? Только ли себя? Или кого-то еще?

Лодербек хищно нахмурился. Он подался вперед и ткнул в стол указательным пальцем.

— А знаете, мне тут мысль в голову пришла! —

воскликнул он. — Насчет Карвера. Если его в самом деле зовут Карвер, тогда сделка по продаже корабля недействительна. Нельзя подписывать документы чужим именем.

Балфур промолчал. Его внимание без остатка поглощали неожиданная переоценка собеседника и то критическое расстояние, что вдруг разверзлось пропастью сомнения между ними.

— И даже если он на самом деле Уэллс, — продолжал Лодербек, все больше оживляясь, — даже если это правда, Лидия не может быть замужем за обоими одновременно, так? Вы совершенно правильно сказали: все вранье либо насчет брака, либо насчет имени!

Мальчик-официант принес новый кувшин вина. Балфур наполнил бокалы.

— Разве что, — обронил он между делом, — она была замужем не за обоими одновременно. Может, она развелась с одним и вышла замуж за его брата.

Балфур употребил слово «брат» очень осторожно, но Лодербек, взволнованный этой вновь открывшейся возможностью, ничего не заметил.

— И даже в том случае, если Карвера действительно зовут Карвер, тогда подпись его подложная и сделка по продаже корабля не имеет

силы. Говорю вам, Томас: так или иначе, но он у нас в руках. Так или иначе. Мы Карвера поймали: он запутался в собственной лжи.

Накатившее облегчение явно вскружило ему голову.

— Итак, теперь уже вы собираетесь на него поохотиться? — осведомился Балфур.

Глаза Лодербека сияли.

— Я его разоблачу, — объявил он. — Я разоблачу Фрэнсиса Карвера и верну себе «Добрый путь».

— А как насчет мстителя? — напомнил Балфур.

— Кого-кого?

— Ну, того парня, который преследовал Карвера. Который нацелил просверк на вас.

— Вообще глухо, — заверил Лодербек. — Небось он все это выдумал.

— То есть никого он не убивал? — небрежно уточнил Балфур. — То есть никакой он не убийца?

— Он — мерзавец, вот кто он такой, — отрезал Лодербек, грохнув кулаком по столу. — Мерзавец и лжец! И вор! Но я его возьму с поличным! Он мне за все заплатит!

— А как же выборы? — напомнил Балфур. — Как же Кэролайн? — (Так звали жену Лодербека.)

— Так этим всем мне рисковать незачем, —

презрительно бросил Лодербек. — Я в неофициальном порядке с ним поквитаюсь. Поймаю его на той сделке. И пошантажирую — как он меня. Отплачу ему его же монетой.

Балфур, поглаживая бороду, не сводил с него взгляда:

— Ну что ж…

— Карвер наверняка уничтожил свой экземпляр купчей, если она — свидетельство мошенничества… пожалуй, надо бы мне свой собственный экземпляр нотариально заверить, на всякий случай.

— Ну что ж, — повторил Балфур. — Вероятно, нам стоит слегка сбавить темп.

Но Лодербек возбужденно подался вперед.

— Нужды нет — я могу прямо сию минуту приступать! — воскликнул он. — Я отлично знаю, где он, этот договор. В моем сундуке — в том упаковочном ящике, о котором я просил вас позаботиться.

В груди у Балфура стеснилось. К лицу прихлынула кровь. Он открыл было рот, чтобы ответить, и тут же малодушно закрыл снова.

— А «Добродетель» в порт уже заходила? — полюбопытствовал Лодербек. — Вы ее еще на прошлой неделе ждали, по-моему.

В ушах Балфура грохотал гром. Надо было рассказать о пропаже начистоту, как только они с Лодербеком остались наедине. «Дурак! — мысленно кричал он. — Дурак набитый!» Отчего бы просто-напросто не открыть Лодербеку правду? Никто не виноват в пропаже контейнера: это случайность, накладка с документами, скорее всего… груз найдется, рано или поздно, в самом неожиданном месте… может, слегка помятым, но не сильно пострадавшим. Наверняка же Лодербек все поймет! Если обо всем поведать спокойно, честно и откровенно… если признать свою вину… Но тут сердце его сбилось с ритма. А что, если сундук из истории Лодербека — тот самый, набитый дамскими нарядами, что весь год раз в месяц курсировал через Тасманово море, — и сундук с личными вещами Лодербека, включая жульнический договор, — тот, что недавно пропал с хокитикского причала, — как-то между собою связаны? Наверняка связь есть, ведь Балфур никогда прежде не терял грузовых контейнеров; за все его годы в бизнесе ни один не был украден! Сердце его забилось сильнее. В прошлом Фрэнсис Карвер уже шантажировал политика; что, если он снова за свое взялся? Что, если грузовой контейнер похитил Карвер? Ведь этот человек в

порту Хокитики знает все углы и закоулки…

Лодербек оглядел стол, высматривая ломтик холодной закуски. Перемены в поведении Балфура он не заметил; Балфур же обдумывал этот новый вероятный сценарий со всех сторон.

— Так она уже прибыла — ну, «Добродетель»? — переспросил Лодербек, не проявляя и тени нетерпения.

— Нет, — отозвался Балфур.

Зал словно сжался от этой *лжи*.

— До сих пор не здесь? — удивился Лодербек. Он заприметил на тарелке, оставленной Джоком Смитом, восковую луковку и кинул ее в рот. — То есть я собственный клипер обгоняю верхом! Ну надо же! Надеюсь, никого там бездонная пучина не поглотила?

К нему вновь вернулось хорошее настроение; более того — у него голова кругом шла. Надежда на месть превосходно тонизирует дух!

— Нет, — повторил Балфур.

— Говорите, корабль еще в пути?

— Да… еще в пути. Именно, — признал Балфур, помешкав долю секунды.

— Он идет на запад от Данидина, так? Или вверх, через пролив?

Балфур покрылся холодным потом. Некоторое

время он следил, как ходит ходуном челюсть жующего собеседника. И в конце концов выбрал маршрут более затяжной.

— Вверх, через пролив.

— Ну что ж. — Лодербек сглотнул. — Тут, полагаю, ничего не поделаешь. Таков уж он, судоходный бизнес. Но вы ведь меня известите, как только корабль войдет в гавань, — ладно?

— Да-да, разумеется. Конечно извещу.

— Буду ждать с нетерпением, — кивнул Лодербек. И, помявшись, добавил: — Послушайте… Том… вот еще что. Вы ведь понимаете… то, что я рассказал вам сегодня утром…

— Строжайшая конфиденциальность, — поспешно заверил Балфур. — Ни единой живой душе не проболтаюсь!

— Учитывая, что моя предвыборная кампания под угрозой…

— Да не нужно. — Балфур покачал головой. — Не нужно мне ничего объяснять. Я — молчок, ни гугу!

— Молодчага. — Лодербек отодвинулся вместе со стулом назад и хлопнул себя по коленям. — Итак, — объявил он. — Бедный Джок, бедный Огастес. Я был с ними вопиюще груб.

— Да, бедные, несчастные Джок с Огастесом, —

откликнулся Балфур, жестом давая понять, что Лодербек свободен уйти; но Лодербек, напевая что-то сквозь зубы, уже потянулся за верхней одеждой.

Сердце Томаса Балфура неистово колотилось в груди. Он был непривычен к гнетущему бремени лжи, когда врун вдруг осознает, что произнесенное вранье связало его по рукам и ногам, и теперь он вынужден продолжать лгать и громоздить на первый из обманов новые, помельче, и, замкнувшись в себе, одиноко размышлять о совершенной ошибке. Балфуру суждено было страдать в оковах собственной неправды, пока грузовой контейнер не отыщется. Необходимо найти его как можно скорее — и без ведома Лодербека, равно как и без его помощи.

— Мистер Лодербек, — промолвил Балфур, — думается, вам следует какое-то время поиграть в политика. Ну, сами знаете — больше бывайте на людях, пожимая руки тем и этим. Партия-другая в кости. В шары опять же. В театр сходите. А это все из головы выбросьте.

— А вы чем займетесь?

— Схожу на пристань, порасспрашиваю народ. Что там Карвер затевает, куда подался.

По лицу Лодербека скользнула тень тревоги.

— Вы вроде говорили, он в Кантон отбыл. Разве нет? Чай возит?

— Но надо бы лишний раз удостовериться, — отозвался Балфур. — Мы должны быть ко всему готовыми.

Про себя он размышлял о пропавшем контейнере и новой вероятности того, что украл его Фрэнсис Карвер. (Но зачем бы Карверу мстить Алистеру Лодербеку дважды, если первый раз шантаж прошел без сучка без задоринки?)

— Вы с расспросами поосторожнее там, — посоветовал Лодербек.

— Да без проблем! — заверил Балфур. — Ребята с набережной Гибсона меня знают, и, как вы помните, я на «Добром пути» немало грузов возил. В любом случае лучше расспрошу я, чем вы.

— Да, лучше так, — кивнул Лодербек. — Да. Очень хорошо. Займитесь же этим.

На самом деле Алистер Лодербек, как человек со средствами, раздавать такого рода поручения был привычен. Ему вовсе не казалось странным, что Балфур посвятит субботу улаживанию чужих дел. Он ни на миг не задался вопросом, а не повредит ли Балфур собственной репутации, впутываясь в историю прелюбодеяния, шантажа, убийства и мести; ему и в голову не приходила

мысль о том, как бы вознаградить Балфура за услугу. Все, что он чувствовал, — это невыразимое облегчение. Незримый миропорядок был восстановлен, — тот самый миропорядок, что гарантировал ему сваренное вкрутую яйцо на завтрак каждое утро и возможность не мыть посуду самому. Он потеребил узел галстука и поднялся от стола новым человеком.

— Вы только держитесь подальше от Лидии Уэллс, — небрежно обронил Балфур. — Просто потому, что…

— Конечно-конечно, безусловно, — заверил Лодербек. Он подхватил перчатки левой рукой, пожал Балфуру руку — правой. — Мы этого подонка сцапаем, верно?

Внезапно Балфура осенило: Лодербек отлично знает, с помощью какого именно просверка Фрэнк Карвер держит его в своей власти. Балфур не смог бы объяснить, откуда снизошло на него озарение: он просто вдруг это понял, и все.

— Да, — заверил он, крепко пожимая руку Лодербеку. — Мы подонка сцапаем — со временем.

Марс в Стрельце

Глава, в которой Коуэлл Девлин производит отнюдь не лучшее впечатление; Те Рау Тауфаре предлагает ценные сведения за сходную цену; Чарли Фрост что-то заподозрил, а мы узнаем, за какое преступление много лет назад был осужден Фрэнсис Карвер.

Когда неугомонному духу поручено, да еще и под влиянием алкоголя, разгадать загадку для кого-то другого, сперва он берется за дело охотно и ревностно. Но энергии Томаса Балфура хватало ненадолго, если предприятие, на которое он подписался, не было его собственной задумкой. Его воображение уступало место досаде, а оптимизм сменялся причудливой разновидностью нерадивости. Он хватался за новую идею и тут же ее отбрасывал, хотя бы потому, что новизну она уже утратила; он кидался в разные стороны одновременно. Это ни в коем случае не свидетельствовало о непостоянстве, но скорее уж о характере, привычном к энтузиазму искреннему и пытливому и подделок не признающем, — и

тем не менее успеху оно не способствовало.

Балфур уже собирался встать от стола и покинуть гостиницу «Резиденция», как вдруг ему пришло в голову, что жалко бросать просто так полкувшина преотличного вина. Он вылил все, что осталось, в свой бокал и уже поднес его к губам, как вдруг заметил поверх ободка, что священник за соседним столиком отложил свою брошюру и, скрестив на груди руки, неотрывно смотрит на него, Балфура.

Точно пойманный на краже ребенок, Балфур отставил бокал.

— Ваше преподобие, — промолвил он. (По зрелом размышлении, для того чтобы напиваться, час и впрямь был довольно ранний.)

— Доброе утро, — отозвался священник, и по его акценту Балфур безошибочно распознал ирландца.

Балфур тут же расслабился и позволил себе забыть о хороших манерах: вновь взялся за бокал и осушил его до дна.

— Вашему другу очень посчастливилось, сдается мне, — отметил священник.

До чего ж не повезло ему с лицом — было в нем нечто от вечного мальчишки: этот сжатый рот, эта оттопыренная нижняя губа, эти мелкие

зубы, как незрелые кукурузные зернышки. Его поневоле представляешь в шортиках и гольфах: жует хлеб со смальцем, тащит стопку учебников, перетянутых старым отцовским ремнем, стопка хлопает его по ноге. На самом-то деле ему все тридцать, может, даже сорок.

Балфур сощурился:

— Не припомню, чтобы мы вели разговор специально ради вас.

Незнакомец наклонил голову, словно признавая правоту собеседника:

— Безусловно, нет. И надеюсь, вообще не ради кого-либо стороннего.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что никому не пристало извлекать выгоду из подслушанных дурных вестей. Меньше всего — представителю священства.

— Дурные вести, говорите? Вы только что сказали, что ему посчастливилось.

— Посчастливилось, что у него есть вы, — отвечал священник, и Балфур вспыхнул.

— Знаете, только потому, что разговор был конфиденциальный, а вы его втихаря подслушали, на исповедь он ни разу не тянет! — сердито заявил он.

— Вы совершенно правильно проводите разли-

чие между тем и этим, — похвалил священник по-прежнему любезно. — Но я вас услышал неумышленно.

— Что до вашего умысла, нарочно там или не нарочно, — откуда нам знать доподлинно?

— Вы говорили очень громко.

— Откуда нам знать про ваш умысел, я имею в виду?

— В отношении моих намерений, боюсь, вам придется положиться на мое слово — или на одежду священнослужителя, если моего слова вам недостаточно.

— И в чем же я должен положиться на ваши слово и рясу? В чем их достаточность или недостаточность?

— В том, что я вовсе не собирался вас подслушивать, — терпеливо пояснил священник. — В том, что я умею хранить тайны, если меня попросить.

— Считайте, что уже попросили, — отозвался Балфур. — Я и прошу. И бросьте мне тут рассуждать о везении и дурных вестях. Это только домыслы — ничего подобного вы не слышали.

— Вы правы. Я приношу свои извинения.

— Вашего мнения, сами понимаете, никто не спрашивает. И никто им не интересуется.

— Приношу свои извинения. Я буду молчать.

Балфур погрозил ему пальцем:

— Но вы от нас отстаньте лишь потому, что я вас прошу, а не из-за правил исповеди. Потому что это была никакая не исповедь.

— Безусловно, нет; мы в этом уже сошлись. — И уже иным тоном он добавил: — В любом случае исповедь — это католическая практика.

— Но вы ж католик. — Внезапно Балфур осознал, что пьян вдребезги.

— Я принадлежу к Свободной методистской церкви, — поправил священник, ничуть не обидевшись, но с мягким упреком добавил: — О человеке не так уж много можно сказать по акценту, видите ли.

— Так акцент-то у вас ирландский! — сдуру ляпнул Балфур.

— Мой отец родом из Тирона[13]. До того как перебраться сюда, я служил в Данидине, а еще раньше — в Нью-Йорке.

— В Нью-Йорке — ну и местечко!

Священник покачал головой:

— Любое место зачем-нибудь да нужно.

Балфур замялся. После этого увещевания он отчего-то уже не мог продолжать тему Нью-Йор-

---

[13] Сноски: 13

Тирон — историческое графство на севере Ирландии; входит в состав провинции Ольстер.

ка, но других предметов для разговора не видел, кроме разве того, о котором запретил священнику даже упоминать. Он посидел немного, хмуря брови, и наконец спросил:

— Вы тут остановились?

— Вы имеете в виду, в этой гостинице?

— Ну да.

— Нет. Вообще-то, мою палатку затопило, так что я тут завтракаю под крышей, — объяснил священник. Он указал рукой на остатки трапезы, давным-давно остывшие. — Как видите, я не слишком тороплюсь, чтобы подольше посидеть в сухости.

— А церкви у вас, значит, нет, чтобы там от дождя укрыться?

Вопрос прозвучал довольно грубо, и ответ на него Балфур знал загодя: на тот момент в Хокитике было только три церкви. Но его не оставляло чувство, что священник каким-то непонятным образом одержал над ним верх, и Балфуру хотелось вновь стать хозяином положения — не то чтобы унизить собеседника, но поставить его на место.

Священник лишь улыбнулся, показав крохотные зубки:

— Пока еще нет.

— В жизни не слыхивал о свободных методистах. Это что-то новенькое, да?

— Новая практика, новая политика, — снова улыбнулся священник. — Учение-то старое.

Балфур решил про себя, что самодовольства этому человеку не занимать.

— Я так полагаю, вы приехали с миссией, — промолвил он. — Обращать язычников.

— Я заметил, вы очень любите строить предположения, — отозвался священник. — Вы еще ни одного вопроса не задали, не будучи заранее уверены в ответе.

Такого рода замечания Томас Балфур не жаловал: еще не хватало, чтобы его поучали, как именно следует выстраивать ход мыслей. Он отодвинулся от стола, давая понять, что ему пора идти.

— Удовлетворяя ваше любопытство, скажу, — продолжал священник, едва Балфур взялся за пальто. — Я назначен капелланом в новую тюрьму в Сивью. Но пока она строится… — он взял со стола брошюру и многозначительно похлопал ею по ладони, — я всего-навсего изучаю теологию.

— Теологию! — воскликнул Балфур, засовывая руки в рукава пальто. — Неплохо бы вам почитать чего-то повесомее! В чертовски непростой

приход вы попали, помяните мое слово!

— Даже если и так, все мы Божьи дети.

Балфур сдержанно кивнул и повернулся было уходить. Но тут его осенила новая мысль.

— Если вы сочли наш разговор «дурными вестями», — промолвил он, — держу пари, вы нас довольно долго слушали.

— Да, — смиренно признал капеллан. — Это так. Мое внимание привлекло одно имя…

— Карвер?

— Нет: Уэллс. Кросби Уэллс.

— А что вам до Кросби Уэллса? — сощурился Балфур.

Капеллан замешкался. Правда заключалась в том, что он вообще не был знаком с Кросби Уэллсом, — и, однако ж, в течение двух недель после его похорон священник думал главным образом о нем и размышлял об обстоятельствах его смерти. Помолчав немного, он признал, что ему досталась печальная обязанность вырыть Уэллсу могилу и совершить над опущенным в землю гробом последний обряд, — но такое объяснение отнюдь не удовлетворило Томаса Балфура. Грузоперевозчик по-прежнему глядел на нового знакомца с явным недоверием и хищно сощурился, когда капеллан (который обычно под испытующим взглядом дер-

жался вполне невозмутимо) внезапно дрогнул и опустил глаза.

Капеллана звали — как обнаружит Уолтер Мади каких-нибудь девять часов спустя — Коуэлл Девлин. Он прибыл в Хокитику на клипере «Добродетель», взятом в аренду «Судоперевозками Балфура»: корабль привез, помимо разношерстных пассажиров, еще и лес, железо, разный крепеж, множество банок с краской, разнообразные галантерейные товары, несколько клетей со скотиной и огромное количество ситцев, а также пропавший ныне без вести грузовой контейнер с сундуком Алистера Лодербека, внутри которого ехала копия договора о купле-продаже барка «Добрый путь». «Добродетель» прибыла в Хокитику двумя днями раньше самого Алистера Лодербека; тем самым преподобный Коуэлл Девлин впервые оказался в Хокитике за два дня до смерти Кросби Уэллса.

Едва высадившись, он доложил о своем прибытии в полицейском управлении, и начальник тюрьмы Джордж Шепард сей же миг приставил его к делу. К своим официальным обязанностям Девлину предстояло приступить не раньше, чем достроят новую хокитикскую тюрьму на высоком уступе Сивью; а тем временем Девлин мог

приносить посильную пользу в полицейском управлении как таковом и помогать в делах насущных работникам вре́менной тюрьмы, где на тот момент содержались две женщины и девятнадцать мужчин. Девлину полагалось изо дня в день внушать им страх Божий и насаждать в их заблудших сердцах подобающее уважение к железному заграждению закона — или, по крайней мере, тюремщик так выразился. (Очень скоро Девлин обнаружит, что их с Шепардом педагогические представления радикально расходятся.) Совершив ознакомительную экскурсию по полицейскому управлению и с одобрением отозвавшись о стиле его работы, Девлин осведомился, не позволят ли ему обосноваться прямо в тюрьме, чтобы каждую ночь спать под одной крышей с преступниками и делить с ними хлеб насущный. Тюремщик воспринял эту идею с глубоким отвращением. Он не то чтобы ответил решительное «нет», но помолчал, облизал губы бледным сухим языком и предположил, что Девлину лучше бы поселиться в одной из многих хокитикских гостиниц. Шепард также предостерег капеллана, что его ирландский акцент может навлечь на него разнообразные проявления политических чувств со стороны англичан,

а соотечественники-ирландцы будут ожидать увидеть в нем собрата по католической вере. Под конец Шепард посоветовал ему осмотрительно выбирать знакомства и еще более осторожно — слова; к этому финальному заявлению присовокупил «добро пожаловать в Хокитику!» — и тут же с гостем распрощался.

Но на то, чтобы оплатить проживание в отеле на несколько месяцев вперед, у Коуэлла Девлина средств недоставало; кроме того, не в его привычках было разделять чей бы то ни было пессимизм насчет проявлений политических симпатий. Советов Шепарда он не послушался и предостережениям его не внял. Он приобрел стандартную палатку старателя, разбил ее футах в пятидесяти от береговой линии Хокитики и утяжелил коленкоровые карманы камнями. А затем вернулся на Ревелл-стрит, взял себе кружку легкого пива в самой битком набитой гостинице, какую только смог отыскать, и принялся представляться и англичанам, и ирландцам без разбора.

Коуэлл Девлин был во всех отношениях человеком, который «сделал себя сам», — но, поскольку этот эпитет редко употребляют по отношению к представителям духовенства, необходимо его здесь пояснить. Этот священнослужитель прожи-

вал настоящий момент, постоянно представляя и рисуя в воображении безмятежную фигуру будущего себя — таким, каким он вознамерился стать в один прекрасный день. Его теология тоже укладывалась в эту схему: он верил и надеялся и многим своим ученикам говорил об утопическом будущем, о мире, где ни в чем нет нужды. Проповедуя, он свободно смешивал язык предзнаменований с языком грез: в сознании Коуэлла Девлина реальность, какой он желал ее видеть, отнюдь не вступала в конфликт с реальностью как таковой. В характере кого-то иного такую склонность, возможно, назвали бы честолюбием, но идеальное представление Девлина о себе самом было непоколебимо и даже окрашено в мистические тона, а он давным-давно про себя решил, что всякому честолюбию он чужд. Как можно ожидать, он был подвержен приступам самого что ни на есть умышленного неведения и частенько оставлял без внимания наиболее горькие истины о природе человеческой, предпочитая те, что можно романтизировать с помощью фантазии либо воображения. Что касается этих последних талантов, тут Девлин не знал себе равных. Он был превосходным рассказчиком, а следовательно, успешным проповедником.

Его вера, как и его представление о себе самом, отличалась цельностью, уравновешенностью и едва ли не всеведением в отдельных своих проявлениях — отчего, как уже отметил Балфур, он порою мог показаться чересчур самодовольным.

Четырнадцатого января в одиннадцать вечера — в день прибытия Алистера Лодербека в Хокитику — Коуэлл Девлин сидел по-турецки на полу хокитикской тюрьмы, беседуя с заключенными о святом Павле. Где-то ближе к закату полил дождь, и капеллан решил задержаться подольше в надежде, что ливень вот-вот стихнет: он в Хокитике еще не обжился и до поры не понимал упрямо-затяжного характера непогоды на побережье. Начальник тюрьмы работал в своем кабинете, его жена уже легла. Заключенные по большей части бодрствовали. Проповедь Девлина они слушали сперва вежливо, потом — с искренним интересом, а теперь, поощряемые капелланом, делились собственным опытом и философскими взглядами.

Девлин как раз гадал, не пора ли ему на боковую, и уже собирался с духом выйти на дождь, как вдруг с внутреннего двора донесся крик и в дверь громко постучали. Начальник тюрьмы, встряхнувшись, выбежал из кабинета в полот-

няном колпаке и с винтовкой в руках: такое сочетание должно было бы показаться смешным, но отчего-то не казалось. Девлин также поднялся и проследовал за Шепардом к двери. Они вгляделись в пелену дождя — и заметили у самой границы круга света, что ронял фонарь Шепарда, дежурного сержанта Эллиса Дрейка с женщиной на руках.

Шепард отворил дверь и пригласил сержанта заходить. Дрейк был жирным, гундосым парнем и звезд с неба не хватал; заслышав его имя, всяк представлял себе не столько героя морских сражений, сколько самого обычного селезня, на которого сержант изрядно смахивал. Он втащил арестованную внутрь самым что ни на есть вульгарным способом — «ношей пожарника», то есть закинув на плечи, и без особых церемоний сбросил на пол.

А затем гнусаво доложил, что шлюха совершила либо общественное преступление, либо преступление против Господа; ее нашли в состоянии столь жалком и бессознательном, что трудно установить, идет речь об острой интоксикации или об умышленном причинении себе вреда, но он надеется (он приподнял шляпу), что за несколько часов, проведенных в тюрьме, дело

прояснится. Сержант слегка подтолкнул бесчувственное тело носком сапога, словно подкрепляя тем самым свою мысль, и добавил, что инструментом ее преступления, по-видимому, послужил опий. Эта шлюха давно к нему пристрастилась; она частенько появлялась в общественных местах, будучи под явным его воздействием.

Начальник тюрьмы Шепард долго глядел на Анну Уэдерелл сверху вниз, следя, как пальцы ее сжимаются и хватают пустоту. Девлин, не желая нарушать здешние порядки каким-нибудь неуместным действием, ожидал вердикта тюремщика, хотя ему очень хотелось опуститься на колени и ощупать женщину, проверяя, сильно ли она пострадала. Священника крайне удручала мысль о попытке самоубийства: он считал, это самое страшное посягательство на душу, что только может совершить плоть. Трое мужчин неотрывно смотрели на шлюху, какое-то время все молчали. Затем Дрейк доверительно сообщил, что, если бы от него потребовали конкретного обвинения, он бы предположил, что девица попыталась совершить преступление более чудовищное из двух; пусть начальник дождется, чтобы она в себя пришла, и сам ее расспросит. Шепард приподнял бесчувственную мисс Уэдерелл, как ему под-

сказали, усадил, прислонив к стене, и заковал в наручники. Затем удостоверился, что она может дышать и дыхание ее не слишком затруднено; справился с карманными часами и отметил, что час уже поздний. Девлин намек понял и надел пальто и шляпу, хотя, покидая тюрьму, он сочувственно оглянулся через плечо. Он бы предпочел, чтобы девушку устроили поудобнее. Но начальник тюрьмы уже пожелал ему доброй ночи, а в следующий миг дверь захлопнулась и в замке повернулся ключ.

Когда Девлин возвратился в полицейское управление назавтра поутру, Анна Уэдерелл все еще была без сознания; ее голова бессильно свесилась набок, рот слегка приоткрылся. На виске обозначился сине-фиолетовый синяк, скула болезненно опухла; это результат падения — или ее ударили? Но выяснять, что случилось, или расспрашивать начальника тюрьмы об обстоятельствах ареста девушки Девлину было некогда: обнаружилось, что ночью умер человек, и Девлина попросили сопровождать врача в долину Арахуры, помочь забрать останки покойного и, возможно, прочесть молитву-другую над телом. Умершего, как сообщил Шепард, звали Кросби Уэллс. По сведениям Шепарда, умер он своей

смертью, от старости, немощи и пьянства; на данной стадии подозревать убийство причин не было. Уэллс, продолжал начальник тюрьмы, жил отшельником. Его запомнят как человека не злого и не доброго; знакомство с ним водили немногие, а родственников у него не осталось.

Капеллан и врач поднялись по взморью на север и, добравшись до устья реки Арахура, свернули вглубь острова. Хижина Кросби Уэллса, построенная в трех-четырех милях вверх по реке, самая что ни на есть простая по конструкции, представляла собою деревянную «коробку» под покатой крышей из кровельного железа, хотя Кросби Уэллс позволил себе немалую роскошь — в северной стене дома красовалось застекленное окно. Хижина хорошо просматривалась с Крайстчерчской дороги: она стояла на возвышении футов в двадцать над речным берегом, в окружении расчищенного участка земли.

В общем и целом жилище выглядело одиноким и заброшенным, тем более когда из комнаты вынесли завернутый в одеяла труп. Все поверхности были липкими, грязными, густо покрытыми пылью. Валик в изголовье — весь в желтых пятнах, подушка подернулась плесенью. С балки свисал свиной окорок, растрескавшийся, маслянисто-за-

сохший. По всему периметру выстроились пустые бутыли в оплетке. Бутылка на столе тоже стояла пустой; по-видимому, последнее, что покойный совершил в своей жизни, — это осушил сей сосуд, уронил голову на руки и уснул. В комнате нависал животный запах — запах одиночества, сочувственно подумал Девлин. Он опустился на колени перед плитой, выдвинул зольный ящик, намереваясь развести огонь и очистить комнату от запаха затхлости и тления, — и обнаружил лист бумаги, застрявший между решеткой и дном ящика.

По-видимому, кто-то (предположительно Уэллс) попытался сжечь документ, но закрыл дверцу плиты раньше, чем занялась бумага; лист лишь обуглился по краю, прежде чем провалиться сквозь щели колосника в нижний ящик, и почти не пострадал. Девлин вытащил его и обтряхнул пепел. Прочесть текст труда не составило.

> В одиннадцатый день октября 1865 года сумма в две тысячи фунтов должна быть передана МИСС АННЕ УЭДЕРЕЛЛ, урожен-

ке Нового Южного Уэльса[14], МИСТЕРОМ ЭМЕРИ СТЕЙНЗОМ, уроженцем Нового Южного Уэльса, свидетелем чему выступает МИСТЕР КРОСБИ УЭЛЛС.

Напротив имени Уэллса стояла корявая подпись, а вот напротив второго имени так и осталось пустое место. Девлин изогнул брови. Тем самым документ был недействителен: ведь свидетель расписался раньше принципала, а принципал не расписался вообще.

Девлин вспомнил имя Анны Уэдерелл: это была та самая шлюха, которую доставили в тюрьму прошлым вечером, одурманенную опием. Он мгновение помешкал, нахмурился и внезапно сложил документ пополам и засунул между пуговицами под рубашку. И продолжил разводить огонь. Вернулся врач (он выходил задать корму лошадям); они посидели за чашкой чая, глядя сквозь застекленное окно на реку и на одетые облаками горы за нею. Снаружи лошади громко хрупали содержимым торб и топотали копытами; на одеяле, накрывшем тело Уэллса, бисерным серебром поблескивала россыпь дождевых брызг.

---

[14] Сноски: 14
Новый Южный Уэльс — штат в восточной части Австралии.

Коуэлл Девлин не вполне понимал, что заставило его спрятать дарственную от врача, доктора Гиллиса. Может статься, на него так повлияла атмосфера безмолвия в доме умершего. Может статься, это сокрытие было своеобразным жестом уважения. А может, его любопытство пробудилось при виде имени Анны Уэдерелл — попытка самоубийства, найдена без сознания на Крайстчерчской дороге, — и он утаил документ из смутного желания защитить ее. Попивая чай, капеллан прокручивал в мыслях все эти вероятные сценарии. С доктором он так и не заговорил, тот тоже хранил молчание. Покончив с чаем, они помыли чашки, затушили огонь, закрыли дверь и вскарабкались в телегу, дабы доставить свой скорбный груз в полицейское управление Хокитики, где будет произведено вскрытие трупа.

Это было вполне в духе Коуэлла Девлина — не приписывать внятных мотивировок поступкам сомнительного характера, а вместо того пребывать в мечтательном замешательстве касательно своих побуждений в целом. Показательно было и то, что он не считал себя обязанным признаться в совершенном — ни тогда же, ни в течение последующих двух недель, потому что показал он похищенную дарственную лишь вечером 27

января, две недели спустя. Девлин считал себя человеком добродетельным, и эта самооценка оставалась перед лицом всех опровержений непоколебимой. Всякий раз, когда он поступал дурно или неблаговидно, он просто-напросто отмахивался от этого воспоминания и обращал мысли к чему-то другому. По дороге обратно в Хокитику он ладонью прижимал документ к груди. Он нарушил молчание лишь для того, чтобы отметить: шторм разыгрался не на шутку; белопенные буруны с грохотом накатывали на берег совсем рядом с ними. Врач вообще не проронил ни слова. По возвращении в полицейское управление, когда тело Кросби Уэллса занесли внутрь, Девлин нерешительно подумал было, а не рассказать ли о дарственной начальнику тюрьмы Шепарду, но его отвлекла внезапная суматоха, и возможность была упущена. Как оказалось, Анна Уэдерелл начала приходить в себя.

Ее глаза задергались под веками, язык заворочался во рту; она что-то невнятно пробормотала. Жар, похоже, спал; на лбу и на носу выступили крупные капли испарины, а оранжевый шелк платья побурел у воротника и в подмышках. Девлин опустился на колени рядом с нею. Сжал ее ладони в своих — такие мягкие и нежные и

совершенно ледяные на ощупь — и крикнул жене Шепарда принести воды.

Когда наконец девушка очнулась, казалось, она вырвалась из объятий смерти. Она запрокинула голову, завращала глазами, хрипло задышала. По-видимому, она сознавала, где находится, но остаточное действие опиума совсем ее измотало; у нее со всей очевидностью не осталось сил даже на то, чтобы удивиться. Она слабо попыталась высвободить руки; Девлин уступил. Он отметил, что ладони ее тотчас же легли на корсет, как если бы в животе у нее была колотая рана и она пыталась остановить кровь. Он заговорил, но девушка не ответила; вскоре она вновь закрыла глаза и погрузилась в сон. В другой части тюрьмы вспыхнула ссора, и Девлина призвали к исполнению его обязанностей; это и другие подобающие его сану дела поглощали его внимание вплоть до вечера.

В конце дня из здания суда явился секретарь — принять залог у тех злоумышленников, что смогли собрать нужную сумму. Заслышав новый голос, мисс Уэдерелл подняла темноволосую, взмокшую от жара голову и кивком подозвала чиновника.

(Секретарь тоже был новым лицом в городе:

стройный, франтоватый, именем Гаскуан.) Шлюха вытащила промеж жалких косточек корсета несколько монет и вложила их, одну за одной, в протянутую ладонь. Девушку била крупная дрожь, глядела она униженно. Залог был зарегистрирован как внесенный, и начальник тюрьмы Шепард был обязан освободить девушку, что и сделал немедленно. На слушание ее дела в магистратском суде на следующий же день Девлин не пошел: ему поручили вырыть могилу для отшельника Кросби Уэллса. Позже он слышал, что девушка от защиты отказалась и, не споря, заплатила наложенный на нее штраф.

В день после похорон в хижине Кросби Уэллса было обнаружено золота на четыре тысячи фунтов: эта сумма ровно в два раза превышала названную в обгоревшей дарственной, которую Девлин с тех пор спрятал между страницами Библии, там, где заканчивался Ветхий Завет и начинался Новый. Но священник по-прежнему никому в том не признался и ни одной живой душе документ не предъявил. Он говорил себе, что, как только Анна Уэдерелл окрепнет — как только эпизод с неудавшимся самоубийством благополучно канет в прошлое, — он покажет дарственную ей, а на тот момент ему казалось

разумным держать это знание при себе.

Теперь же, в обеденном зале гостиницы «Резиденция», Девлин положил руку на потрепанную кожаную обложку своей Библии, отмеченную лишь кентерберийским крестиком золотого тиснения. То был заградительный жест: пусть священник до поры и не знал, что вложенный внутрь документ, апокрифом втиснутый между Малахией и Матфеем[15], окажется столь важен для Томаса Балфура, равно как и для разных прочих людей, но он ощущал необходимость хранить его в тайне. Он знал, что лист этот — дарственная на дар, так и не врученный, дополнение к завещанию, так и не составленному, — имеет некую ценность, и отчаянно не хотел с ним расставаться до тех пор, пока не поймет, какую именно.

— Рытье могил, — промолвил Балфур, снимая с крючка котелок и проводя пальцами вдоль полей. — Вот вам о чем почитать бы.

— Не знаю ни одного трактата на эту тему, — отозвался Девлин.

— Ради вашего нового прихода, — продолжил Балфур, пропуская слова собеседника мимо ушей. — Очень пригодится.

---

[15] Сноски: 15

Т. е. между Книгой пророка Малахии (последней из Книг Ветхого Завета) и Евангелием от Матфея (первая из Книг Нового Завета).

Он надел шляпу, большим пальцем сдвинул ее со лба и повернулся уходить. У двери он замешкался:

— Не знаю вашего имени, преподобный…

— А я не знаю вашего, — парировал Девлин.

Повисла пауза — а в следующий миг Балфур рассмеялся, приподнял шляпу в знак уважения и вышел из залы.

* * *

Суббота в Хокитике была днем суматошно-деловым. Старатели толпами стекались в город, увеличивая общую численность населения почти до четырех тысяч человек, и шумливо и буйно заполоняли дешевые меблирашки и гостиницы по Ревелл-стрит. Клерков магистратского суда захлестывала волна мелких исков и претензий по поводу прав на разработку, на торговцев обрушивались бессчетные заказы от богачей и ходатайства о кредите от бедняков, а на маклеров — залоги и задатки. Набережная Гибсона бурлила как улей: казалось, каждый час к месту приколачивают какой-нибудь деревянный каркас, навешивают новую дверь и новый магазин разворачивает вывеску — и полоса ткани надувается и хлопает под тасманским ветром. В субботу на

колесе Фортуны можно было различить каждую спицу: люди поднимались все выше, выше, вот они уже достигли вершины, вот сорвались вниз, падают, упали, упокоились, — и тем вечером каждый старатель напивался либо от горя, либо от радости.

Сегодня, однако, проливной дождь разогнал с улиц почитай что всех: остались лишь самые стойкие, чьи дела не терпели отлагательств. Обычных толчеи и давки в Хокитике не наблюдалось. Несколько вымокших насквозь прохожих, что попались Балфуру по пути, жались под навесами гостиниц, прикрывая ладонями зажженные сигареты. Даже у лошадей вид был уныло-пораженческий. Они просто стояли, не двигаясь, во взболтанной жидкой грязи, с надетыми на морду отсыревшими кульками торб, и в полуприкрытых зазорах глаз не вспыхивало ни проблеска. Едва Балфур свернул на Ревелл-стрит, на него обрушился такой шквал дождя и ветра, что он вынужден был рукой прижать к голове шляпу. Согласно прогнозу погоды Саксби[16], чьи

[16] Сноски: 16

Стивен Мартин Саксби — изобретатель одноименной системы предсказания погоды в Викторианскую эпоху, практиковал разновидность метеорологической астрологии, или псевдометеорологию — прогнозирование погодных условий на основе астрологических факторов.

сомнительные прорицания ежедневно публиковались в «Уэст-Кост таймс», ливень должен был прекратиться через один-три дня — Саксби предсказывал с размахом и позволял себе щедрый допуск на погрешность в ту или иную сторону. На самом-то деле специфика его колонки редко менялась: проливной дождь был столь же неотделим от самой природы Хокитики, как морозы и зной от Отаго или красная пыль от Викторианских холмов. Балфур ускорил шаг, плотнее запахиваясь в пальто свободной рукой.

На крытой веранде Резервного банка собралось десятка полтора людей, разбившись на группки по трое и четверо. Окна позади них подернулись жемчужно-серой дымкой. Балфур, щурясь под дождем, всмотрелся в лица, но никого знакомого не увидел. Рваная струйка дыма привлекла его взгляд вниз, к одиноко сидящей фигуре: под свесом карниза, спиной к сваям, на корточках устроился туземец-маори с сигарой в зубах.

Татуировка на его лице напомнила Балфуру карту ветрового режима. Две крупные спирали придавали полноту его щекам, от бровей к линии волос отходили лучи. Благодаря паре густых и темных завитушек с каждой стороны от ноздрей нос обретал почти надменную резкость. Губы бы-

ли выкрашены в синий цвет. Одежда его состояла из сержевых брюк и твиловой рубашки апаш, расстегнутой на груди; на смуглой коже покоилась громадная подвеска — зеленый камень в форме лезвия топорика. Маори уже почти докурил свою сигару; при появлении Балфура он кинул окурок на улицу, тот покатился по уклону и застрял, все еще дымясь, у влажной кромки травы.

— Парень, да ты ж тот самый маори! — воскликнул Балфур. — Напарник Кросби Уэллса.

Туземец встретился взглядом с Балфуром, но не произнес ни слова.

— Как там, говоришь, тебя зовут? Звать тебя как?

– *Ko Te Rau Tauwhare toku ingoa*[17].

— Чтоб мне пропасть, — буркнул Балфур. — Ты просто имя скажи. — Он свел ладони, изображая малое количество. — Просто имя, и все.

— Те Рау Тауфаре.

— Этого мне тоже не выговорить. — Балфур покачал головой. — А друзья тебя как зовут — твои белые друзья? Вот Кросби как тебя звал?

— Те Рау.

— Еще того не лучше, — вздохнул Балфур. — Ду-

---

[17] Сноски: 17
Меня зовут Те Рау Тауфаре *(маори).*

раком я буду, если попытаюсь такое произнести. А что, если я стану звать тебя Тед? Отличное британское имя, я считаю. Сокращенное от «Теодор» или «Эдвард», выбирай, что нравится. Эдвард — славное имечко.

Тауфаре не ответил ни словом.

— Я — Томас, — произнес Балфур, кладя руку на сердце. — Ты — Тед.

Он наклонился и потрепал Тауфаре по макушке. Тот вздрогнул, и Балфур, к вящему своему удивлению, тут же отдернул руку и отпрянул назад. Чувствуя себя распоследним идиотом, он выставил вперед ногу и засунул руки в карманы жилета.

— Тамати, — произнес Тауфаре.

— Чего-чего?

— На моем языке твое имя звучит как Тамати.

— О, — с несказанным облегчением выдохнул Балфур. Он вытащил руки из карманов и, хлопнув в ладоши, скрестил их на груди. — Ты немножко говоришь по-английски — отлично!

— Я знаю очень много английских слов, — отозвался Тауфаре. — Мне говорили, я прекрасно владею вашим языком.

— Это Кросби тебя английскому подучил, Тед?

— Это я его учил, — возразил Тауфаре. — *Я* учил

его *korero Maori*![18] Ты говоришь «Томас» — я говорю «Тамати». Ты говоришь «Кросби» — я говорю *korero mai*![19]

Туземец усмехнулся, показав очень белые ровные зубы. По-видимому, это была шутка, так что Балфур на всякий случай улыбнулся в ответ.

— Языки мне никогда не давались, — заметил он, поплотнее кутаясь в пальто. — Мой старик всегда говорил: «Если это не английский, стало быть испанский». Тед, слушай: я страшно сожалею о твоем напарнике. О Кросби Уэллсе.

Тауфаре разом посерьезнел.

– *Hei maumaharatanga*[20], – промолвил он.

— Да, точно, — отозвался Балфур, проклиная про себя стремление собеседника говорить непременно на родном языке, — чертовски оно неприятно. А теперь еще вся эта заваруха — ну, суета вокруг наследства и все такое, и эта его жена. — И он выжидательно воззрился на Тауфаре сквозь дождь.

---

[18] Сноски: 18
Говорить на языке маори! *(маори)*

[19] Сноски: 19
Говори со мной! *(маори)*

[20] Сноски: 20
В памяти *(маори)*.

– *He pounamu kakano rua*[21], — промолвил Те Рау Тауфаре. Средним и указательным пальцем он дотронулся до подвески в виде топорика.

Видать, талисман какой-то, подумал Балфур; эти маори все с ними ходят. Кулон Тауфаре был размером почти с его ладонь и до блеска отполирован; сделанный из темно-зеленого камня со светло-зелеными разводами, он висел на шнурке, подогнанном так, чтобы узкая часть лезвия ложилась точно во впадину между ключицами.

— Слышь… — промолвил Балфур, тыкая пальцем в небо, — слышь, а где ты был, когда это случилось, Тед? Ты где был, когда Кросби умер?

(Может, этот парень подтолкнет его в нужном направлении; может, он чего-нибудь да знает. В городе с расспросами надо бы поаккуратнее, понятное дело, чтобы не возбудить лишних подозрений, но туземец-маори — вариант беспроигрышный; наверняка круг его знакомств очень и очень ограничен.)

Те Рау Тауфаре вскинул темные глаза на Балфура и придирчиво оглядел его с головы до ног.

— Ты вопрос понимаешь? — уточнил Балфур.

---

[21] Сноски: 21

Букв. «двуслойный нефрит»: это присловье из языка маори может употребляться по отношению к человеку, чье настроение переменчиво, либо к человеку двуличному и лицемерному.

— Я понимаю вопрос.

Тауфаре отлично понимал, что Балфур расспрашивает про смерть Кросби Уэллса, а сам даже на похороны не пошел — на это жалкое подобие похорон, думал про себя туземец, передергиваясь от гнева и отвращения. Он понимал, что Балфур лишь худо-бедно изображает сочувствие, а сам даже шляпы не снял. Он понимал, что Балфур рассчитывает на какую-то выгоду: взгляд у него сделался хищным — так смотрят люди, предвкушая возможность заполучить что-то, ничего не дав взамен. Да, сказал себе Тауфаре, вопрос он понял.

Те Рау Тауфаре еще не исполнилось тридцати. Мускулистый красавец, он держался с уверенностью и энергией юности, что бурлит и ищет выхода; пыль в глаза он не пускал, но всем своим видом давал понять, что поразить или запугать его никому не удастся. Ему было присуще тайное, глубоко личное высокомерие, надежная основа уверенности в себе, что не нуждается ни в доказательствах, ни в объяснении, ибо, хотя он снискал себе славу воина и уважение своего племени, его представление о себе самом складывалось не из собственных достижений. Он просто знал про себя, что его красота и сила не имеют равных,

знал, что превосходит многих других.

Такая самооценка Тауфаре изрядно тревожила: ему казалось, она свидетельствует о бездуховности. Он знал, что определенность самовосприятия — это признак ограниченности, а внешняя оценка вовсе не показатель подлинного достоинства, и, однако же, от самоуверенности избавиться не мог. Это его беспокоило. Тауфаре опасался, что он лишь декоративное украшение, скорлупка без ореха, пустая ракушка, что его мнение о себе самом — не что иное как тщеславие. Так что он приучил себя к жизни духовной. Он искал мудрости предков, чтобы усомниться наконец в себе. Как монах тщится преодолеть меньшие потребности плоти, так Те Рау Тауфаре тщился обуздать меньшие проявления воли — но невозможно подчинить себе волю, никак ее не изъявляя. Тауфаре так и не удалось достичь равновесия: научиться уступать своим порывам, одновременно борясь с ними.

Тауфаре принадлежал к племени поутинингаи-таху — народу, что некогда владел всем западным побережьем Южного острова, от отвесных скал южных фьордов до пальмовых и каменистых пляжей дальнего севера. Шесть лет назад Корона приобрела эту обширную полосу

земли за три сотни фунтов, оставив поутини-нгаи-таху лишь реку Арахура, несколько участков по ее берегам и небольшой земельный надел в Мафере[22], в устье реки Грей. На тот момент условия показались народу поутини-нгаи-таху несправедливыми; теперь, шесть лет спустя, маори знали твердо: сделка явилась откровенным грабежом. Тысячи и тысячи старателей с тех пор слетелись на побережье на поиски драгоценного металла, и каждый купил лицензию на добычу золота за фунт и землю по десять шиллингов за акр. Прибыль уже немалая, а что говорить о ценности самого золота, которое таилось в реках и смешивалось с песком, — его колоссальную совокупную стоимость пока еще даже и не исчислили! Всякий раз, как Тауфаре задумывался о богатстве, которое должно было бы достаться его народу, у него в груди вскипал гнев — гнев такой жгучий и невыносимый, что он давал о себе знать острой болью.

Так что Короне, а не поутини-нгаи-таху Кросби Уэллс заплатил свои пятьдесят фунтов, когда приобрел сто акров холмистой земли в восточном конце долины Арахуры — участок, густо

[22] Сноски: 22

Мафера (досл. «устье широкой реки») — маорийское название города Греймут в районе Уэст-Коста на западном побережье острова Южный.

заросший деревом тотара[23] (их мелкозернистая древесина хорошо поддавалась ножу и не разрушалась под воздействием соли и непогоды). Уэллс остался доволен покупкой. Две страсти, две любви подчиняли себе его жизнь: упорный труд и награда за таковой — виски, если удавалось его раздобыть, а если нет, то джин. Он поставил однокомнатную хижину с видом на реку, расчистил участок для сада и принялся строить лесопилку.

Те Рау Тауфаре частенько наведывался в долину Арахуры, ведь он промышлял добычей *pounamu*[24], а река Арахура была богата этим сокровищем — гладким молочно-серым камнем, что, будучи расколот, являл глазу стеклисто-зеленое, тверже стали нутро. Тауфаре считался опытным резчиком, иные даже говорили — превосходным, но вот отыскивать камень на дне реки умел воистину виртуозно: здесь ему равных не было. Снаружи *pounamu* выглядит настолько же тускло и заурядно, насколько ярко искрится внутри. Тауфаре, с его наметанным глазом, не нужно было ни скрести, ни раскалывать камни

---

[23] Сноски: 23

Подокарп тотара — новозеландское вечнозеленое хвойное дерево с красной древесиной.

[24] Сноски: 24

Зеленый камень, т. е. нефрит *(маори)*.

на речном берегу; он доставлял их в Маферу неприкосновенными — дабы благословить и разбить их, соблюдая торжественный ритуал.

Участок, приобретенный Кросби Уэллсом, граничил с землей поутини-нгаи-таху — или, правильнее будет сказать, примыкал к тому земельному наделу, что с недавнего времени стал для поутини-нгаи-таху последним оплотом. Как бы то ни было, очень скоро Те Рау Тауфаре столкнулся с Кросби Уэллсом, пойдя на стук топора, что звонким эхом прокатывался по долине из конца в конец: это Уэллс рубил дерево на растопку. Завязалось задушевное знакомство, и встречи участились; со временем Тауфаре стал навещать Кросби Уэллса в его хижине всякий раз, когда оказывался в тех краях. Как выяснилось, Уэллс увлеченно изучал жизнь и культуру маори — так что посещения Тауфаре стали традицией.

Те Рау Тауфаре не упускал возможности просветить других касательно тех качеств, что лучше всего его характеризовали, и уж тем более — когда аудитория принималась нахваливать те стороны его личности, в которых он втайне сомневался, а именно его *mauri*[25], его дух, его религию и его

[25] Сноски: 25
Природа, жизненный принцип *(маори).*

глубину. На протяжении многих месяцев Кросби Уэллс неустанно расспрашивал Тауфаре о его убеждениях и верованиях — как человека, и как маори, и как маори из племени нгаи-таху. Он признался, что Тауфаре — первый неевропеец, с которым ему довелось разговаривать; тем самым его любопытство было во всем сродни жажде. Тауфаре, надо отметить, за это время узнал о Кросби Уэллсе не так уж и много: тот редко заговаривал о своем прошлом, а Тауфаре не привык задавать много вопросов. Однако ж он видел в Кросби Уэллсе родственную душу и частенько это повторял, ибо, как все глубоко уверенные в себе люди, Тауфаре с удовольствием сравнивал себя с другими и такого рода сравнения воспринимал как самые что ни на есть искренние комплименты.

Наутро после смерти Кросби Уэллса Тауфаре явился в хижину со снедью в подарок: так уж у них повелось, туземец приносил пищу, Уэллс выставлял выпивку, и такая договоренность устраивала обоих. На расчищенном пространстве перед хижиной Уэллса он увидел отъезжающую телегу. Правил лошадьми хокитикский врач, доктор Гиллис, рядом сидел тюремный капеллан Коуэлл Девлин. Тауфаре никого из этих людей не знал, но вот взгляд его скользнул к телеге,

и он заметил знакомую пару сапог, а под сложенным вдвое одеялом распознал знакомую фигуру. Тауфаре вскрикнул, потрясенно выронил подарок на землю; капеллан, сжалившись над ним, предложил туземцу сопроводить останки друга обратно в Хокитику, где тело подготовят к погребению и предадут земле. Впереди, на месте возницы, Тауфаре уже не втиснется, но он может ехать на задке телеги, если не забудет вовремя подбирать ноги.

Хозяева гостиниц и владельцы лавок, стоя в дверях вдоль Ревелл-стрит, провожали глазами телегу, что с грохотом въехала в Хокитику и свернула на главную дорогу. Кто-то побежал следом, жадно разглядывая Те Рау Тауфаре, — а тот отрешенно, обмякнув всем телом, таращился по сторонам. Одной рукой он вяло обхватил Уэллса за лодыжку. Телега то и дело кренилась, труп перекатывался туда-сюда и подпрыгивал. Когда наконец показалось полицейское управление, Тауфаре не двинулся с места. Он так и остался сидеть, выжидая и по-прежнему придерживая Уэллса за лодыжку, пока остальные совещались.

Хокитикский бондарь согласился сколотить к похоронам сосновый гроб и соорудить круглое деревянное надгробие, на котором напишет

краской имя Кросби Уэллса и две даты, между которыми пролегла его жизнь. (Насчет точного года рождения никто не был уверен, но на чистом листе в начале его Библии чернилами было вписано «1809»: как дата рождения это число выглядело вполне убедительно — тем самым Кросби Уэллсу оказывалось пятьдесят семь лет; именно эту цифру бондарь намеревался увековечить на деревянном надгробии.) А до тех пор, пока эти два заказа не будут выполнены и пока не выроют могилу, начальник тюрьмы распорядился положить тело Кросби Уэллса на полу его личного кабинета в полицейском управлении, подстелив лишь миткалевую простыню.

Когда же тело было убрано, а руки крестом сложены на груди, тюремщик вывел всех из комнаты и закрыл дверь, и коридор мягко заколыхался. Внутренние стены тюрьмы были из узорчатого ситца, туго натянутого и приколоченного гвоздиками к каркасу здания, и, когда балки скрипели под ветром или смещались от чьих-то тяжелых шагов или громкого хлопанья двери, стены разом вздрагивали, шли рябью, точно водная гладь, — так что стоило им затрепетать, и на ум сразу приходил двухдюймовый зазор между двойной тканью, это мертвое пространство в

остове здания, забитое пылью и испещренное движущимися тенями тех, кто находится в соседней комнате.

Кому-то надо побыть с ним, настаивал Тауфаре. Нельзя же бросить Уэллса одного, на холодном полу, чтобы там и свечи не горело, чтобы никто над ним не дежурил, не касался его, не молился над ним, не молился за него, не пел. Тауфаре попытался объяснить принципы *tangi*[26], вот только это были не принципы, а обряды, слишком священные, чтобы их объяснять или оправдывать: то, как следует поступать, как поступать до́лжно. Пока тело не предано земле, дух еще не вполне его покинул, убеждал Тауфаре. Есть песни, есть молитвы… Начальник тюрьмы отчитал его, назвал язычником. Тауфаре разозлился. Кто-то должен побыть с ним до похорон, настаивал туземец. Я побуду. Кросби Уэллс был мне другом, был мне братом. Кросби Уэллс, парировал тюремщик, был белым, и, если только игра теней не ввела меня в заблуждение, никакой он тебе не брат. Похороны назначены на утро вторника; хочешь принести пользу, так помоги копать могилу.

Но Тауфаре остался. Он бдел на крыльце, а по-

---

[26] Сноски: 26
Оплакивание, погребальный обряд *(маори).*

том в саду, а потом в проулке между домиком начальника тюрьмы и полицейским управлением, и отовсюду его прогоняли. Наконец Шепард вышел из тюрьмы, сжимая в руке пистолет с удлиненной рукояткой. Он пригрозил, что пристрелит Тауфаре, если еще раз увидит его в пределах пятидесяти ярдов от управления в любой час дня и ночи до того, как останки Кросби Уэллса предадут земле, помоги ему Бог. Так что Тауфаре отошел на пятьдесят ярдов, отсчитывая шаги, и уселся перед деревянным фасадом банка «Грей энд Буллер». С этого расстояния он нес стражу над телом своего старого друга и говорил ему слова любви в ту, последнюю ночь, прежде чем отлетит его дух.

— Когда Кросби умер, я был на Арахуре, — промолвил Тауфаре.

— Ты был в долине? — уточнил Балфур. — Ты был там, когда он умер?

— Я ставил ловушку на кереру, — объяснил Тауфаре. — Ты кереру знаешь?

— Птица какая-то, да?

— Да, очень вкусная. На жарко́е хороша.

— Допустим.

С Балфурова котелка закапало. Он снял его, выбил о ногу. Костюм его уже потемнел от серого до промокшего угольно-черного. Сквозь полупро-

зрачную рубашку просвечивала розовая кожа.

— Я ставил ловушку на закате, чтобы птицы поймались утром, — рассказывал Тауфаре. — Сверху, с хребта, дом Кросби хорошо виден. Тем вечером туда заходили четверо.

— Четверо? — повторил Балфур, вновь надевая шляпу. — А не трое? Один — на черном жеребце, высокий такой, и с ним еще двое, пониже, оба на гнедых кобылах? Это ж Алистер Лодербек и с ним Джок и Огастес. Эти люди обнаружили тело и сообщили в полицию.

— Я видел троих верховых, да, — неспешно кивнул Тауфаре. — Но еще раньше я видел одного пешего.

— Одного пешего — так! Ты ведь не врешь, правда, Тед? — внезапно заволновался Балфур. — Да, ей-богу, не врешь!

— Я не встревожился, — продолжал Тауфаре, — потому что я ж думать не думал, что Кросби Уэллс умер той ночью. Я о его смерти только утром узнал.

— Какой-то человек вошел в хижину один! — воскликнул Балфур. Он принялся расхаживать туда-сюда. — Еще *до* Лодербека! *До* прибытия Лодербека!

— Ты хочешь знать имя?

Балфур крутнулся на одной ноге.

— А ты знаешь, кто это был? — Он едва не кричал. — Боже милосердный, ну конечно! Говори скорей!

— Сторгуемся, — тотчас же отозвался Тауфаре. — Я назначу свою цену, дальше слово за тобой. Один фунт.

— Ты торговаться вздумал? — удивился Балфур.

— Один фунт, — повторил Тауфаре.

— Минуточку! — возразил Балфур. — Ты видел, как в хижину Уэллса в день его смерти вошел какой-то человек — именно в день его смерти, две недели назад? Ты действительно кого-то видел? И ты знаешь — знаешь совершенно точно, — кто это был?

— Я знаю имя, — заверил Тауфаре. — Я знаю человека. Без обмана.

— Без обмана, — согласился Балфур. — Но прежде чем я заплачу, я хочу удостовериться, что ты его действительно знаешь. Хочу быть уверен, что ты меня не разыгрываешь. Крупный такой тип, да? Волосы темные?

Тауфаре скрестил руки.

— Играем по-честному, — промолвил он. — Без обмана.

— Конечно по-честному, — заверил Балфур. — А как же.

— Сторгуемся. Я назначил свою цену: один фунт. Слово за тобой.

— Плотный такой, коренастый — да? Крепко сбитый? Я просто проверяю, понимаешь. Хочу убедиться, что ты мне не врешь. А тогда и сторгуемся. А то, может, это *ты* меня за нос водишь.

— Один фунт, — упрямо повторил Тауфаре.

— Это ведь Фрэнсис Карвер был, верно, Тед? Правильно? Это был Фрэнсис Карвер, капитан корабля? Капитан Карвер?

Балфур, конечно же, сказал наугад, но, похоже, попал в цель. Тауфаре оскорбленно воззрился на него и шумно выдохнул.

— Я предупреждал: без обмана, — укоризненно промолвил он.

— Так я ж не обманывал, Тед, — оправдывался Балфур. — Я просто сам это знал, понимаешь. Я просто забыл. Конечно же, в тот день Карвер побывал в хижине Кросби Уэллса. Это ведь он был, правда? Капитан Карвер? Ты ведь его видел? Ну, говори же — это ведь никакой не секрет, раз я и без того знаю.

Балфур жадно вгляделся в лицо собеседника, ища подтверждения.

Крепко сжав зубы, Тауфаре пробормотал едва слышно:

— *Ki te tuohu koe, me maunga teitei*[27].

— Что ж, Тед, ты мне сослужил чертовски добрую службу, и я в долгу не останусь, — заверил Балфур. К тому времени он уже промок насквозь. — Сам знаешь, если ж мне что-то понадобится, я к тебе приду, ни к кому другому. Тогда и подзаработаешь.

Тауфаре вздернул подбородок.

— Тебе нужен маори, — проговорил он, и это прозвучало утверждением, не вопросом. — Понадобится маори, приходи ко мне. За поденную работу я не берусь. Но если тебе нужен язык, я тебя многому научу.

О своем таланте резчика Тауфаре не упомянул. Он в жизни не продавал *pounamu*. Не продавал и продавать не станет. Потому что нельзя назначить цену сокровищу, так же как нельзя за деньги купить *mana*[28] или торговаться с богами. Золото — не сокровище, это Тауфаре знал. Золото — оно

---

[27] Сноски: 27

Если тебе суждено споткнуться, так пусть о высокую гору (маорийская пословица).

[28] Сноски: 28

Духовная, сверхъестественная сила, заложенная в человеке, предмете или месте *(маори)*.

как любой капитал, памятью не обладает: оно течет все вперед и вперед, прочь от прошлого.

— Ладно, но руку-то ты мне пожмешь, нет? — Балфур сжал сухую ладонь туземца в своей влажной ручище и энергично ее потряс. — Вот и молодчина, Тед — молодчина!

Но Тауфаре по-прежнему глядел крайне недовольно и поспешил высвободить руку, как только смог. Балфур испытал легкий укол сожаления. Не стоит настраивать парня против себя — в этом деле еще столько всего непонятного, подумал он. Есть шанс, что свидетельства Тауфаре в один прекрасный день понадобятся; есть шанс, что он знает что-нибудь об отношениях между Кросби Уэллсом и Фрэнсисом Карвером, в чем бы уж они ни заключались, — или между этими двумя и Лодербеком, если уж на то пошло. Да, надо бы туземца задобрить. Балфур пошарил в карманах. Наверняка найдется мелочь, сувенир какой-нибудь. Маори обожают сувениры. Пальцы нащупали шиллинг и монету в шесть пенсов. Балфур достал шестипенсовик.

— Вот, — сказал он. — Получишь вот это, если скажешь мне что-нибудь на языке маори. Как ты Кросби Уэллса учил. Идет, Тед? И мы заключим сделку, как ты хотел. Хорошо? И будем друзьями.

Так что жаловаться тебе не придется.

Балфур вложил серебряную монетку в ладонь туземца. Тауфаре поглядел на нее.

— А теперь скажи… — Балфур потер руки. — А что значит… что значит «Хокитика»? Хокитика. Одно-единственное слово, все, о чем спрашиваю. Между прочим, цена хорошая, шесть пенсов за одно слово! По мне, так сплошная выгода!

Те Рау Тауфаре вздохнул. Хокитика. Он понимал смысл, но вот перевести — не мог. Между двумя языками, английским и маори, такое частенько случается: слова одного языка не находят идеального соответствия в другом; нет у белых людей в точности такой травки, как *puha*[29], нет у белых людей такого хлеба, что напомнил бы *rewena pararoa*[30]: при всей схожести аромата что-то всегда приближено, что-то выдумано, а что-то теряется. Вот Кросби Уэллс это сознавал. Те Рау Тауфаре учил его *korero Maori*, вообще не используя английского: им в помощь были пальцы и выражения лиц, а когда Те Рау говорил что-то, чего Кросби Уэллс не понимал, звуки омывали

---

[29] Сноски: 29

Осот *(Sonchus arvensis, Sonchus oleraceus) (маори).*

[30] Сноски: 30

Традиционный хлеб туземцев-маори, делается на картофельных дрожжах.

его, словно молитвы, пока их значение не прояснялось, и тогда он мог заглянуть внутрь слова.

— Хокитика, — повторил Балфур. Он вытер мокрое от дождя лицо. — Ну же, приятель.

Наконец Тауфаре поднял палец и нарисовал в воздухе кружок. Когда кончик ногтя вернулся к исходной точке, он резко ткнул пальцем, обозначая место возврата. Однако ж нельзя отметить какую-то определенную часть круга, подумал он; отметить часть круга — значит разорвать его, так что кругом он уже не будет.

— Понимай вот так, — проговорил он, сожалея, что вынужден произносить слова на английском и определять существительное столь приблизительно. — Вокруг. А потом назад, к началу.

* * *

По субботам в полдень в Резервном банке всегда было людно. Здесь толпились старатели, держа в горстях золото; равноплечные рычажные весы, позвякивая, поднимались и опускались, драгоценный металл взвешивали и учитывали; младшие служащие бегали в архивы и обратно, сверяясь с документами на участки, отмечая выплату налоговых сумм, принимая гонорары. Вдоль стены, что выходила на улицу, выстрои-

лись четыре огражденные решеткой кабинки, где сидели служащие банка; над ними висела черная доска в золоченой раме — на ней писали недельное количество добытой руды, с подытогами по округам и суммарным итогом по району Хокитики в целом. Всякий раз, когда покупалась или помещалась в банк сумма в необработанном золоте, меловые цифры стирались и подытоживались заново — обычно под одобрительный гул собравшихся в зале, а порою, если сумма оказывалась впечатляющей, то и под аплодисменты.

Когда Балфур вошел в банк, внимание толпы было сосредоточено не на доске с цифрами, но на длинном столе напротив, где скупщики золота, опознаваемые по ярким медным футлярам на поясе, придирчиво осматривали предложенную к продаже руду. Скупщик работал медленно и неспешно. Он взвешивал в руке каждый из самородков, царапал и проверял металл на наличие примесей и рассматривал сквозь ювелирную лупу. Если металл был просеян, скупщик фильтровал его через матерчатые сита, проверяя, не смешаны ли чешуйки с песком или гравием, а порою стряхивал блестящий порошок в емкости с ртутью, убеждаясь, что металлы взаимодействуют как надо. Когда скупщик наконец объявлял,

что золото чистое и подлежит оценке, старатель подходил поближе и называл свое имя. Тогда равноплечные весы бывали заново откалиброваны, так чтобы коромысло располагалось параллельно столу, и скупщик засыпал старательское золото в левую чашу. В правую чашу скупщик добавлял цилиндрические гирьки, одну за одной, пока наконец коромысло не начинало крениться, и вот чаша с золотом вздрагивала — и повисала в воздухе.

В то утро скупщик был только один — магнат с прилизанными волосами, в светло-зеленой охотничьей куртке и при желтом галстуке; это кричащее сочетание недвусмысленно выдавало бы в нем богача, даже если бы дела он вел один, безо всякой поддержки. Но тут же дежурил «золотой эскорт» Хокитики. Маленькая армия, одетая в мундиры инфантерия из десяти человек, надзирала за каждой куплей-продажей желтого металла. Позже они проследят за переносом слитков в бронированный фургон и обеспечат благополучную отправку золота с побережья. Охранники выстроились в ряд позади скупщика и по обе стороны от стола, за которым тот работал; каждый был вооружен массивной блестящей винтовкой «снайдер-энфилд» калибра 14,7 миллиметра и

самого современного дизайна. Заряжалась она патронами длиной с указательный палец, такая пуля способна разнести человеческую голову в кровавое месиво. Балфур повосхищался «снайдер-энфилдом», когда эту модель впервые завезли в город, но сейчас при виде десяти вооруженных человек в этом замкнутом пространстве неуютно поежился. Зал был битком набит; сомнительно, чтобы кто-то из охранников сумел бы в такой тесноте вскинуть винтовку к плечу, не говоря уже о том, чтобы выстрелить.

Балфур протолкался сквозь толпу старателей к кабинкам банковских служащих. Большинство собравшихся довольствовались ролью зрителей и охотно перед ним расступались; так что очень скоро Балфур уже стоял в зарешеченной кабинке лицом к лицу с молодым служащим в полосатой рубашке и аккуратно сколотом шейном платке.

— Доброе утро.

— Мне хотелось бы узнать, приобретал ли когда-либо некий Фрэнсис Карвер право на добычу золота в Новой Зеландии, — проговорил Балфур.

Он снял шляпу и пригладил назад влажные волосы — никакой ощутимой пользы этот жест не принес, потому что ладонь тоже была мокра насквозь.

— Фрэнсис Карвер, он же капитан Карвер?

— Он самый, — кивнул Балфур.

— Я вынужден поинтересоваться: кто вы такой и почему запрашиваете эти сведения?

Банковский служащий говорил спокойно и невозмутимо, негромким, мягким голосом.

— Этот человек — владелец корабля, а я занимаюсь судоперевозками, — отвечал Балфур без запинки, вновь надевая шляпу. — Мое имя Том Балфур. Я подумываю о том, чтобы основать дочернее предприятие — по торговле чаем, перевозки от Кантона и обратно. Пока оно все на стадии прикидок. Я хочу узнать о Карвере больше, прежде чем сделаю ему деловое предложение. Во что вложены его деньги. Не случалось ли ему обанкротиться. Такого рода подробности.

— Думаю, вам стоило бы спросить самого мистера Карвера, — произнес банковский служащий все тем же необидным тоном, так что замечание прозвучало не грубостью, но любезно-небрежным комментарием. С тем же успехом он мог пройти на улице мимо сломавшегося фургона и учтиво отметить, что починить ось — это пара пустяков.

Балфур объяснил, что в данный момент Карвер находится в плавании и связаться с ним никак

невозможно.

Чиновника это оправдание, по-видимому, не удовлетворило. Он внимательно изучил собеседника, тронул пальцем нижнюю губу. Но, вероятно, новых возражений к тому, чтобы выполнить запрос Балфура, не нашел. Он кивнул, пододвинул к себе гроссбух, сделал запись тонким четким почерком. Промокнул страницу (без особой необходимости, подумал про себя Балфур, ведь гроссбух остался открытым), вытер кончик пера кусочком мягкой кожи.

— Подождите здесь, пожалуйста, — попросил он. Нырнул в низкий дверной проем, за которым находилось что-то вроде прихожей, и вскоре вернулся с увесистой папкой в кожаном переплете и с буквой «К» на корешке.

Балфур побарабанил пальцами. Банковский служащий нажал на зажим и открыл папку. Посетитель между тем пристально разглядывал его сквозь прутья решетки.

Что за разительный контраст являл этот юнец по отношению к достопамятному туземцу-маори на улице! Возрастом эти двое не сильно отличались, но если Тауфаре был мускулист, напряжен и горд, то этот молодой человек — по-кошачьи томен; двигался он с изнеженной небрежностью,

как если бы не видел необходимости расходовать силы на скорость и проворство, да и сберегать их нужды не видел. Сложения он был худощавого, темно-русые длинные волосы чуть вились на концах; он стягивал их ленточкой на затылке на манер китобоя. Лицо у него было округлое, глаза широко посажены, губы полные, зубы кривые и довольно крупный нос. Эти черты совокупно выражали честность и одновременно беспечность, ну а беспечная небрежность, которая требует многого, но источник свой назвать отказывается, становится разновидностью элегантности. Именно так Балфур собеседника и воспринял: как юношу весьма элегантного.

— Вот смотрите, — промолвил наконец банковский служащий, указывая на нужную страницу. — Видите: Карсвелл. А дальше — Кассиди. Ваш человек здесь не значится.

— То есть у Фрэнсиса Карвера нет лицензии на золотодобычу.

— Нет, в Кентербери нет. — Банковский служащий с глухим стуком захлопнул папку.

— А как насчет отагского сертификата?

— Боюсь, для этого вам нужно будет съездить в Данидин.

Расспросы зашли в тупик. В истории Лодербека

золото из упаковочного ящика было (предположительно, конечно!) добыто в Данстане, а это отагский прииск.

— А на отагских золотоискателей вы, значит, документацией не располагаете? — разочарованно спросил Балфур.

— Нет.

— А если бы он приехал с отагскими документами? На таможне ведь была бы сделана соответствующая отметка — на момент его прибытия?

— На таможне — нет, — покачал головой банковский служащий. — Но если бы он намыл тут песка, ему бы пришлось его подсчитать и взвесить перед отъездом. Нельзя вывозить золото в другую провинцию или вообще из страны, не задекларировав его должным образом. Так что он пришел бы сюда. Мы бы попросили предъявить старательскую лицензию. И сделали бы пометку в этой самой книге, что он работает по документам Отаго, но на участке Хокитики. Однако никаких записей у нас нет, следовательно, как я только что сказал, можно с уверенностью предположить, что в здешних окрестностях он не старательствовал. А старательствовал ли в Отаго, я понятия не имею.

Банковский служащий говорил со сдержанной тревогой бюрократа, которого попросили объяснить какую-то рутинную подробность бюрократии, раз уж он ее рабочее колесико: он сдержан — поскольку чиновник всегда утешается доказательством собственной компетентности, а встревожен — поскольку необходимость в объяснении словно бы подрывала неким непостижимым образом систему, изначально наделившую его этой компетентностью.

— Ладно, — кивнул Балфур. — Тогда еще одно. Мне необходимо знать, не владеет ли Карвер долей в каком-либо золотодобывающем предприятии или, может быть, купил акции какого-нибудь частного участка.

В кротком лице чиновника промелькнула тень сомнения. Краткую долю секунды он молчал, и вновь показалось, будто он пытается измыслить повод отклонить просьбу Балфура, объявить ее неправомерной или выяснить, что за причина стоит за его расспросами. Он взирал на Балфура взглядом весьма проницательным, при всей его мягкости, — и Балфур, который всегда чувствовал себя неуютно под придирчивым осмотром, сердито хмурился. Но, как и в первый раз, банковский служащий взялся исполнить поставленную перед

ним задачу. Он сделал очередную запись в гроссбухе, промокнул ее и, вежливо извинившись, отправился разбираться с новым запросом.

Возвратился он с выписками по паям и акциям — и явно взволновавшись не на шутку.

— Фрэнсис Карвер в самом деле задействован в этой области, — сообщил чиновник. — Портфелем ценных бумаг это не назовешь; тут только один участок. Похоже на частное соглашение. Карвер ежеквартально получает доход в размере пятидесяти процентов чистой прибыли с данного прииска.

— Пятьдесят процентов! — охнул Балфур. — А участок только один: ну надо же какая самонадеянность! И когда же совершена покупка?

— Судя по нашим записям, в июле шестьдесят пятого года.

— Так давно! — (Полгода назад! Получается, уже после продажи «Доброго пути»?) — А участок-то чей? Кто там владелец?

— Прииск зовется «Аврора», — сообщил банковский служащий, очень четко проговаривая название. — Владелец и разработчик…

— Эмери Стейнз, — докончил за него Балфур, кивая. — Да, я знаю это место — по дороге на Каньер. Отличные новости! Стейнз — мой хоро-

ший друг. Я потолкую с ним лично. Большое вам спасибо, мистер… э-э-э?

— Фрост.

— Большое вам спасибо, мистер Фрост. Вы мне чрезвычайно помогли.

Но чиновник глядел на Балфура как-то странно.

— Мистер Балфур, — промолвил он, — вы, должно быть, еще не слышали…

— Что-то не так со Стейнзом?

— Да.

Балфур напрягся:

— Он мертв?

— Нет, — покачал головой Фрост. — Он пропал.

— Что? Когда?

— Две недели назад.

Глаза Балфура округлились.

— Мне страшно жаль сообщать вам дурную весть, *если* вы и впрямь с ним в близкой дружбе.

Интонационную подначку Балфур пропустил мимо ушей.

— Пропал две недели назад! — повторил он. — И никаких разговоров по этому поводу? Почему я ничего не слышал?

— Уверяю вас, разговоров предостаточно, — отозвался Фрост. — На этой неделе в рубрике

«Пропавшие без вести» сообщение каждый день печатают.

— Я частных объявлений никогда не читаю, — посетовал Балфур.

(Ну да, конечно; за последние две недели он неотлучно состоял при Лодербеке, разъезжал с ним по побережью вверх и вниз, помогая знакомиться с избирателями, и в «Коринфянина», где имел обыкновение посидеть вечерком за кружкой пива и обменяться местными новостями с прочими горожанами, не захаживал.)

— Может, он месторождение нашел, — предположил Балфур. — А что, глядишь, в этом-то и дело. Может, Стейнз наткнулся на богатую жилу где-нибудь в буше, и молчок — размечает втихаря участок.

— Может быть, — учтиво согласился банковский служащий, не прибавив к тому ни слова.

Балфур пожевал губу.

— Пропал! — повторил он. — Ничего не понимаю!

— Я склонен думать, что эта новость покажется весьма важной вашему партнеру, — отметил Фрост, разглаживая страницу гроссбуха ладонью.

— Какому еще моему партнеру? — осведомил-

ся Балфур встревоженно; ему подумалось, что чиновник имеет в виду Алистера Лодербека, чье имя он постарался не упоминать.

— Ну как же — мистеру Карверу, — заморгал Фрост. — Ваш предполагаемый партнер в будущем, как вы только что меня уведомили, сэр. Мистер Карвер и мистер Стейнз имели совместное капиталовложение. Так что если мистер Стейнз мертв… — Чиновник пожал плечами, не докончив фразы.

Балфур сощурился. Его собеседник, по-видимому, намекал, пусть и туманно, на то, что Карвер каким-то образом причастен к исчезновению Эмери Стейнза… причем доказательствами банковский служащий, конечно же, не располагал. В отношении Фроста к ситуации сомневаться не приходилось, и, однако ж, он не сказал ничего такого, за что его можно было бы призвать к ответу. Тон его голоса подразумевал, что Карвер ему не по душе, хотя на словах чиновник вроде бы выражал сочувствие насчет его возможных убытков. Балфур уже почти возмутился малодушностью этаких уверток, но вовремя вспомнил, что и сам притворяется. Он вовсе не собирался вступать с Карвером в партнерство, так что защищать его в споре нужды не было.

Но тут юный Фрост подавил улыбку, и Балфура захлестнула волна негодования: да молодой человек просто-напросто над ним насмехается! В его байку Фрост ни минуты не верил! Он отлично знал, что Балфур не собирается вести с Карвером никаких дел; знал, что эта ложь состряпана того ради, чтобы замаскировать собственную цель, а затем добавил к обидному разоблачению оскорбление пренебрежением, позабавился за его, Балфура, счет! Ему было досадно, что его видят насквозь, но насмешка казалась еще досаднее, тем паче со стороны человека, который целыми днями сидит в кабинке площадью три квадратных фута, подписывая чеки на чужое имя. (Эта последняя фраза принадлежала Лодербеку и смутно всплыла в памяти Балфура после утренней беседы, уже как собственная.) Внезапно вспылив, Балфур наклонился вперед и обхватил пальцами прутья решетки.

— Хорошо же, — тихо произнес он. — А теперь послушайте. Я точно так же не собираюсь иметь никаких общих дел с Карвером, как, скажем, вы. Я считаю этого типа бандитом и мошенником, и кем только не. Я играю против него, будь он проклят. Я не я буду, если не раздобуду на него просверк: что-нибудь, чем смогу воспользовать-

ся.

— Что такое «просверк»? — удивился банковский служащий.

— Ерунда, не задумывайтесь! — рявкнул Балфур. — Я его замести пытаюсь. Сдать его полиции. Я подозреваю, он прибрал к рукам целое состояние с чужого участка. На тысячи и тысячи фунтов. Но это лишь догадка, а мне нужны веские доказательства. Надо с чего-то начать. Понятно? Вся эта моя история насчет капиталовложений — пустой треп. Чушь собачья. — Он свирепо зыркнул на чиновника сквозь прутья решетки. — И что? — сказал он, выждав мгновение. — Что, если так?

— Да ничего, — пожал плечами Фрост. Он привел в порядок разбросанные по столу бумаги и загадочно улыбнулся, поджав губы. — Ваш бизнес — это ваше дело. Я вам могу только пожелать удачи, мистер Балфур.

* * *

Новость насчет Эмери Стейнза потрясла Балфура не на шутку. Грузовые контейнеры и шантаж — это одно дело, думал он, но пропавший без вести человек — совсем другое. Это дело темное. Эмери Стейнз — хороший старатель и слишком молод, чтобы умереть. Балфур постоял немного

перед зданием суда, тяжело дыша. Небольшая толпа возле банка рассосалась: все разошлись на ланч; ушел и туземец-маори. Дождь поутих до настырной мороси. Балфур оглядел улицу из конца в конец, не зная, куда податься. Он был глубоко удручен. Пропал, надо ж! Но люди просто так не пропадают! Парня наверняка убили. Других объяснений просто нет — если бедолагу вот уже две недели как не видно.

Эмери Стейнз был, вероятно, самым богатым человеком к югу от черных песков. Ему принадлежало больше дюжины участков, и на нескольких ствол шахты уходил на глубину тридцати футов по меньшей мере. Балфур, искренне восхищавшийся Стейнзом, лет ему дал бы навскидку двадцать три — двадцать четыре; он был не настолько юн, чтобы оказаться недостойным своего счастья, и не настолько стар, чтобы предположить, будто добился он этого счастья не вполне честными методами. Собственно, такая мысль в голову Балфура вообще не закрадывалась. Стейнз от природы был наделен совершенно простодушной, располагающей к себе красотой — такой красоте, пылкой, искренней, исполненной надежды, нет нужды кричать о себе на всех углах. Он был приветлив, жизнелюбив и восхитительно

смышлен. Даже просто вообразить себе, что он умер, — омерзительно! А уж допустить, что его убили, и того хуже.

В этот самый миг на Уэслейской церкви[31] колокол прозвонил половину первого, всполошив птиц: стая с гвалтом взвилась над кустарной колокольней и черными точками разлетелась по небу. Балфур повернулся на звук; висок вдруг запульсировал болью. Его притупленные чувства обострялись с каждой минутой — следствие поглощенных поутру спиртных напитков, — и бремя взятой на себя ответственности ложилось на плечи все тяжелее. Задавать вопросы в интересах Лодербека ему уже не хотелось.

Он запахнулся в пальто, повернулся на каблуках и зашагал к Хокитикской косе — к своему привычному прибежищу. Он любил постоять на песке в непогоду, кутаясь в пальто и глядя вдаль, за лес мачт стоящих на якоре кораблей, что всем скопом раскачиваются туда-сюда, колеблемые то стремительным течением реки, то прибоем, то ветром — завывающим тасманским ветром, который ободрал кору с деревьев вдоль береговой линии, а кустарник пригнул к земле и изувечил.

---

[31] Сноски: 31

Церковь уэслианских методистов: образована в 1835 г., названа по имени основателя методизма Дж. Уэсли.

Балфуру нравилось яростное равнодушие бури. Он любил пустынные места, потому что от одиночества никогда не страдал.

Пока он брел, оскальзываясь, по топкому берегу к причалу, ветер внезапно стих. Улыбаясь, Балфур вгляделся в туман. Дождь лишил широкое устье реки всякой надежды на переливчатый отблеск: вода казалась матово-серой, как оловянное блюдо. При отсутствии ветра ходившие ходуном мачты тоже присмирели, сбавили прыть и теперь тяжело колыхались туда-сюда, туда-сюда. Это размеренное колебание действовало на Балфура успокаивающе. Он дождался, чтобы мачты почти застыли недвижно, и только тогда пошел дальше.

Набережная выгибалась вокруг устья реки навстречу косе — узкому песчаному выступу; с одной стороны в него бился пенный прибой открытого океана, с другой — бестолково плескалась река, воды которой лишились золота, зато смешались с солью. Здесь, на подветренной стороне косы, от набережной протянулся небольшой причал. Балфур спрыгнул на него, приземлившись на всю стопу, и сооружение дрогнуло под его весом. Двое портовых грузчиков, тоже промокших до нитки, сидели на причале

метрах в двадцати; от толчка они встрепенулись и обернулись на звук.

— Порядок, ребята! — крикнул Балфур.

— Порядок, Том.

Один держал в руках отпорный крюк с медным наконечником: какое-то время назад он размахивал им, целя по чайкам, что пикировали за ужином на камни внизу; теперь он вновь взялся за свое праздное развлечение. Второй вел счет.

Балфур подошел поближе. Никто не проронил ни слова. Все наблюдали, как зачаленные суда подпрыгивают на волнах вверх-вниз, да, щурясь, вглядывались в даль сквозь завесу дождя.

— Знаете, в чем загвоздка? — обронил наконец Балфур. — Здесь любой может начать все с чистого листа. Создать себя заново. Что это вообще такое — второе «я»? Что значит имя? Его подбираешь, как самородок с земли. Назовем этого — Уэллс, а этого — *Карвер*…

Один из грузчиков заозирался по сторонам:

— Ты с Фрэнсисом Карвером, что ли, повздорил?

— Нет-нет, — покачал головой Балфур.

— Стало быть, повздорил с парнем по имени Уэллс?

Балфур вздохнул:

— Да нет же — никто ни с кем не ссорился. Я пытаюсь кое-что выяснить, вот и все. Но потихоньку, не привлекая внимания.

Вновь прилетели чайки; грузчик ударил крюком — и промахнулся.

— Почти забагрил — крыло зацепил, — возвестил второй. — Это пятая.

Балфур заметил, что внизу, на гальке, лежит квадратик печенья.

Грузчик, нарушивший молчание первым, кивнул Балфуру:

— Так ты хочешь ущучить Карвера или того, второго?

— Ни того ни другого, — отмахнулся Балфур. — Не заморачивайтесь. Выбросьте из головы! И запомните хорошенько: я с Фрэнсисом Карвером не ссорился.

— Запомню, — кивнул грузчик. — Однако ж я так скажу: если тебе нужна компра, и втихаря, так спроси тюремщика.

Чайка круг за кругом подбиралась ближе; Балфур не сводил с нее глаз.

— Тюремщика? Это Шепарда, что ли? С какой бы стати?

— А с такой, что Карвер мотал срок под началом у Шепарда, — сообщил грузчик. — На острове Ко-

кату[32]. Так все десять лет там и оттрубил. Карвер рыл котлован под сухой док — на каторжных работах, стало быть, вкалывал, — а Шепард приглядывал. Если тебе нужна компра на Карвера, так держу пари, начальник тюрьмы Шепард тебе ее добудет.

— На Кокату? — заинтересованно переспросил Балфур. — А я и не знал, что Шепард служил на Кокату.

— А вот служил. И в тот самый год, когда Карвер получил свободу, Шепарда перевели в Новую Зеландию — и он последовал за бывшим заключенным! Как вам такая невезуха?

— Да ваще мрак, — согласился второй грузчик.

— А ты откуда это знаешь? — спросил Балфур.

— Эту физиономию хочешь позабыть навсегда, тюремщикову то есть, за десять лет на нее насмотрелся, каждый день, мало не покажется, и вот стоило оказаться на свободе… — обращался грузчик к своему приятелю.

— Откуда ты это знаешь? — не отступался Балфур.

— Да я в подмастерьях ходил на тамошней вер-

---

[32] Сноски: 32

Остров Кокату — крупнейший остров в Сиднейской гавани, где находилась исправительная колония; ее заключенные работали на постройке верфи.

фи, — пояснил грузчик. — Эгей, да ты попал!

Крюк с размаху пришелся чайке по спине.

— А ты, часом, не знаешь, за что Карвер сел?

— За контрабанду, — не задержался с ответом грузчик.

— Контрабанду чего?

— Опиума.

— В смысле, в Китай? Или из Китая?

— Понятия не имею.

— Но кто его посадил? Не Корона же.

Грузчик на миг задумался и пожал плечами.

— На самом деле не знаю, — отозвался он. — Мне казалось, речь шла о махинациях с опиумом. Но может статься, это просто слухи.

Балфур распрощался с грузчиками и побрел вверх по косе. Оказавшись наконец в одиночестве, он широко расставил ноги, засунул руки в карманы и устремил взгляд вдаль, над пенным ревущим океаном, — за винтовые подъемники и промасленные катки, за деревянный маяк на дальнем конце косы, за темные корпуса кораблей, разбившихся на отмели.

— Ага, вот оно, значит, как! — пробормотал он себе под нос. — Это уже кое-что — кое-что, факт! Выходит, Карвер — это его настоящее имя! Он не может пользоваться вымышленным — только

не здесь, в Хокитике, под носом у тюремщика, под началом которого он каторжный срок отбывал! — Балфур пригладил усы большим и указательным пальцем. Однако ж вот вопрос. Что, ради всего святого, заставило его утверждать — притом оставляя письменное тому доказательство! — будто его зовут Фрэнсис Уэллс?

Сатурн в Весах

Глава, в которой Джозеф Притчард излагает свою теорию преступного сговора; Джордж Шепард делает взвешенное предложение, а Харальд Нильссен соглашается, пусть и неохотно, нанести визит А-Цю.

На этой стадии роль рассказчика у Балфура перехватили — и переход этот грузоперевозчиком был обозначен так: он зажег новую сигару, снова наполнил вином бокал и с энтузиазмом воскликнул:

— Поправьте меня, ребята, если я ошибаюсь!

Это воззвание было, по всей видимости, обращено к двум присутствующим: к Джозефу Притчарду, темноволосому джентльмену слева от Мади, чей сдержанный накал молчания, как Мади вскорости обнаружил, был вполне под стать сдержанному накалу его неторопливой речи, и еще к одному человеку, о чьем присутствии у нас не было повода упомянуть. Когда Мади впервые возник на пороге, этот второй играл в бильярд; теперь Балфур представил его, восхищенно ткнув

в его сторону сигарой, как Харальда Нильссена, уроженца Христиании[33], до недавнего времени проживавшего в Бате, непревзойденного игрока в трехкарточный покер и чертовски меткого стрелка, — к чему сам Нильссен добавил, спеша присовокупить свои собственные похвальбы, что у него дульнозарядный мушкет «энфилд», лучший во всей Британской империи, и ничего другого он даже и в руки не возьмет. Эти двое с превеликой охотой восприняли слова Балфура буквально: Нильссен — во имя тщеславия, ибо никак не мог допустить, чтобы ему отвели главную роль в сенсационной истории, а поактерствовать не дали; а Притчард — точности ради.

Так что мы оставим Томаса Балфура на причале: пусть так и стоит там, засунув руки в карманы, и щурится на дождь. Мы же обратим свой взгляд ярдов на двести севернее, к Аукционному двору на набережной Гибсона, где за помостом обнаруживается некрашеная дверь с надписью «Нильссен и К°, комиссионная торговля»: она ведет в личный кабинет.

Из почтения к гармонии вращающихся сфер времени мы продолжим наш рассказ в точности

---

[33] Сноски: 33

Христиания — название норвежского города Осло с 1624 по 1877 г. (дано в честь Кристиана IV, короля Дании и Норвегии с 1588 по 1648 г.).

с того момента, где прервался Балфур: итак, Хокитика, суббота 27 января, без пяти минут час дня.

* * *

По субботам в полдень Харальд Нильссен обычно сидел в своем офисе перед стопкой контрактов, завещаний и накладных, каждые десять минут или около того похлопывая себя по груди — проверяя по серебряным карманным часам, не пора ли ему на ланч, каковой он вкушал с медицинской регулярностью каждый день в «Нонпареле». Нильссен рекомендовал этот режим всем, кто соглашался слушать, и свято верил в целебные свойства темной подливки, сдобы и эля; вообще-то, он на рекомендации не скупился, а зачастую ставил в пример свои собственные привычки — на благо другим, менее прозорливым людям. Споры доставляли ему особое удовольствие, особенно споры нелепого, гипотетического свойства; он просто обожал выстраивать абсурдные отвлеченные теории на материале узкого, тщательно разработанного круга своих собственных предпочтений. Такой подход с любовью поддерживали его друзья, находившие его занятным и забавным, и высмеивали недоброжелатели, считавшие его напыщенным эгоистом, но голоса

последних в ушах Нильссена звучали довольно приглушенно, а сам он не слишком-то старался расслышать их получше.

Харальд Нильссен славился по всей Хокитике своей манерой броско одеваться. В тот день на нем был сюртук длиной до колена, с подбитыми угольно-черным шелком отворотами, темно-алый жилет, серый галстук-бабочка и кашемировые полосатые утренние брюки. Его шелковая шляпа, того же угольно-черного оттенка, что и сюртук, висела на стоячей вешалке рядом с его столом, а под ней притулилась трость с изогнутой ручкой и серебряным набалдашником. Завершающим штрихом к его костюму (ибо именно так воспринимал он свое повседневное платье: как костюм, нуждающийся в завершающем штрихе) была трубка: он курил толстый калабаш с обкусанным черенком, хотя его приверженность к этому приспособлению объяснялась не столько удовольствием от привычки, сколько возможностью эффектно порисоваться. Он частенько держал трубку в зубах, не зажигая, и говорил углом рта, точно комик, репетирующий замечание «в сторону», — это сравнение его вполне устраивало: если Нильссен гордился создаваемым им впечатлением, то лишь потому, что знал, сколь мастерски их

создает. Однако ж сегодня чаша красного дерева была тепла, и мундштук он посасывал, заметно разволновавшись. Час ланча минул, но Нильссен о своем желудке даже не вспоминал, равно как и о румяной буфетчице в «Нонпареле», которая звала его просто «Гарри» и всегда оставляла для него самые вкусные краешки корочки от пирога. Нахмурясь, он разглядывал желтый документ, лежавший перед ним на столе. Нильссен был не один. Со временем он извлек изо рта трубку, поднял голову и встретил взгляд человека, сидевшего напротив.

— Я ничего дурного не сделал. Ничего противозаконного, — тихо произнес он.

Его норвежский акцент почти не давал о себе знать: прожив тридцать лет в Бате, он сделался британцем практически во всем, даже в интонациях.

— Вопрос в том, кому это выгодно, — отозвался Джозеф Притчард. — Вот чем правосудие заинтересуется в первую очередь. Ты, похоже, очень неплохо заработал на смерти этого человека.

— На легальной продаже его собственности! И продажей этой я занялся уже *после* того, как тело легло в землю!

— Легло, да еще не остыло, сдается мне.

— Кросби Уэллс упился до смерти, — напомнил Нильссен. — Не было никакого повода для коронерского расследования, никаких таких неожиданностей. Он был пьяницей и отшельником, и, когда я получил эти документы, я полагал, что имущество его невелико. Я про клад понятия не имел!

— Ты говоришь, это просто удачная сделка.

— Я говорю, что ничего противозаконного не совершал!

— Но кто-то — совершил, — возразил Притчард. — *Кто-то* за всем этим стоит. Кто знал про клад? Кто дождался, чтобы Кросби Уэллса зарыли на глубину шести футов, а потом втихаря по-быстрому продал его землю — даже без аукциона? Кто документы подал? И кто подбросил ему под кровать мой пузырек с лауданумом?

— Ты говоришь «подбросил»?..

— Именно подбросил, — кивнул Притчард. — Я готов поклясться, что так. Я этому человеку ни драхмы[34] не продал. Я знаю своих покупателей в лицо, Харальд. Кросби Уэллсу я не продал ни единой драхмы.

— Ну так вот, пожалуйста! Ты же можешь это

---

[34] Сноски: 34

Драхма — $^1/_8$ унции в аптекарском весе.

доказать! Предъявить записи и квитанции…

— Не стоит сосредотачиваться на нашей с тобой роли в этой интриге — надо глубже смотреть! — возразил Притчард. Когда он, разволновавшись, начинал говорить с пеной у рта, он не повышал голоса, а, наоборот, понижал. — Мы *повязаны*. Проследите цепочку событий достаточно далеко в прошлое, и вы обнаружите виновника. Все это часть единого целого.

— Ты хочешь сказать, все это было спланировано заранее?

Притчард пожал плечами:

— По мне, так весьма смахивает на убийство.

— На сговор о совершении убийства, — поправил его Нильссен.

— А в чем разница?

— Разница в составе обвинения. Если речь идет о сговоре — нас осудят за преступный умысел, а не за преступные действия. Ведь Кросби никто не убивал, знаешь ли.

— Так нам сказали, — поправил Притчард. — Ты доверяешь коронеру, мистер Нильссен? Или возьмешь в руки лопату и откопаешь отшельника?

— Не говори таких ужасов.

— Я тебе больше скажу: ты в могиле найдешь

больше, чем одно тело!

— Не надо, прошу тебя!

— Эмери Стейнз, — безжалостно гнул свое Притчард. — Какого дьявола с ним случилось, если его не убили? Уж не испарился ли он, часом?

— Конечно нет.

— Уэллс умер, Стейнз исчез. Все происходит в пределах каких-то нескольких часов. Два дня спустя Уэллса хоронят… а где лучше всего спрятать тело, как не в чьей-то могиле?

Джозеф Притчард всегда искал скрытых мотивов и подспудных истин, заговоры его завораживали. Он формировал убеждения, как другие люди формируют зависимости, — вера для него была что жажда — и подпитывал их всем эротическим пылом добровольного конфирманта. Этот экстатический восторг распространялся и на самоуважение. Стоило потревожить подземные воды его мыслей, и он решительно нырял в поток и погружался все глубже мощными, целеустремленными рывками, как если бы мечтал прикоснуться к ископаемым глубинам своих собственных темных фантазий, как если бы задумал утопиться.

— Пустые домыслы, — отмахнулся Нильссен.

— Они похоронены вместе, — настаивал Прит-

чард. Он откинулся к спинке стула. — Жизнью ручаюсь.

— Да какая разница, что ты там себе навоображал, — что ты там ставишь на кон? — взорвался Нильссен. — *Ты* его не убивал. Ты вообще никого не укокошил. Эта смерть на чьей-то еще совести.

— Но кто-то явно хочет выставить виновным меня. И кто-то явно уже выставил *тебя* дураком набитым: ишь кинулся на наживку, а крючка-то и не заметил!

— Игра воображения!

— Суд очень заинтересуется этими играми.

— Да полно, — без особой уверенности возразил Нильссен. — Ты вправду думаешь, что суд…

— Понадобится? Не будь ослом. Эмери Стейнз здесь, в Хокитике, что принц крови. Как ни странно. Те, кто на процедуре опознания среди десятка пьяниц не разглядит комиссара полиции, и то знают Стейнза по имени. Разумеется, будет коронерское расследование. Да если бы он с лестницы свалился и сломал себе шею при дюжине свидетелей, все равно без расследования не обошлось бы. Нужен лишь какой-нибудь обрывок доказательства, чтобы увязать его пропажу с делом Кросби Уэллса, — вероятно, такой уликой послужит труп, как только его найдут, — и бац! — ты

уже впутался. Ты — соучастник. Ты под судом. И как ты тогда станешь защищаться?

— Скажу, что я не… что мы не… сговаривались.

Но тут его захлестнуло ощущение полной беспомощности, и продолжать он не стал.

Притчард тоже молчал: ел глазами владельца кабинета и ждал. Наконец Нильссен продолжил, стараясь, чтобы голос его звучал невозмутимо-практично:

— Нам ничего не следует скрывать. Нужно пойти в суд самим и…

— И самим подставиться под обвинение? — Притчард понизил голос до шепота. — Мы половины игроков не знаем, парень! Если Стейнз убит — слушай, даже если ты во всем остальном мне не веришь, ты должен признать, что совпадение чертовски странное: исчез он в самый неподходящий момент. Если его пришили — а предположим, что так, — кто-то в городе должен быть в курсе.

Нильссен надменно выпрямился:

— Лично я не собираюсь стоять и ждать с веревкой на шее…

— Так я и не предлагаю нам стоять и ждать.

Торговец-оптовик слегка обмяк:

— А что тогда?

Притчард усмехнулся:

— Ты говоришь, у тебя петля на шее. Ну так и славно — следуй за веревкой.

— В смысле, обратно к банковскому служащему?

— К Чарли Фросту? Может быть.

Нильссен скептически сощурился:

— Чарли — не обманщик. Когда вдруг «обнаружился клад», он удивился ничуть не меньше прочих.

— Удивление сымпровизировать легко. А что там насчет того парня, который землю купил? Некто Клинч, из гостиницы «Гридирон». Ему наверняка дали наводку.

— Поверить не могу, — покачал головой Нильссен.

— А ты попробуй.

— Как бы то ни было, — нахмурился Нильссен, — Клинч ни пенни не получит теперь, когда вдова о себе заявила. Вот о ком стоит задуматься-то.

Но насчет вдовы Притчард мнения пока не составил.

— Клинч ни пенни не получит: от Кросби Уэллса — пожалуй, — отозвался он. — Но поразмысли вот о чем. Стейнз сдает «Гридирон» Клинчу в

аренду, верно?

— К чему ты клонишь?

— Всего лишь напоминаю, что о смерти кредитора должник никогда не горюет.

Нильссен побагровел:

— Клинч никогда не покусился бы на чужую жизнь. Никто из них на такое не пойдет. Чарли Фрост? Да брось, Джо! Он тише мыши.

— Глядя на человека, никогда не скажешь, на что он способен. И уж конечно, не скажешь, что он уже совершил.

— Такого рода домыслы… — начал было Нильссен, но снова замолчал, поскольку не знал, в какую форму облечь возражения.

Пропавшего старателя Эмери Стейнза Нильссен знал не то чтобы хорошо, хотя, если бы его спросили, он бы принялся уверять в обратном: Нильссен всегда претендовал на близкое знакомство, ежели таковое ему льстило, а Стейнз был как раз таким человеком, с которым Нильссену очень бы хотелось завязать тесную дружбу. Нильссена слепил и завораживал яркий блеск, а уж тем более блеск личности человека, которым он искренне восхищался. Эмери Стейнз, обладающий и молодостью, и непоколебимой уверенностью в себе, естественным образом возбуждал зависть.

Вызвав в памяти его образ, Нильссен вынужден был согласиться с Притчардом: крайне маловероятно, что Стейнз уехал из Хокитики втайне, по своей воле, под покровом ночи. Его участки нуждались в постоянном присмотре и надзоре, на него работало более пятидесяти человек — что ж, его отсутствие обойдется в кругленькую сумму, подумал Нильссен, причем с каждым днем долг станет расти как снежный ком. Нет, Притчард был прав: Стейнза либо похитили, либо — что куда более вероятно — убили, а тело надежно спрятали.

На данный момент было известно, что Эмери Стейнза в последний раз видели где-то на закате дня 14 января: он шел на юг по Ревелл-стрит в направлении своего дома. Что случилось после, не знал никто. Его цирюльник явился на следующее утро к восьми и обнаружил дверь незапертой; он сообщил, что постель была смята, как если бы в ней спали, но очаг остыл. Ничего из ценных вещей не пропало.

Врагов у Эмери Стейнза не было, насколько знал Нильссен. Нравом он обладал живым, веселым и очень открытым, а еще наделен был редким даром: умел поступать великодушно, одновременно выказывая смирение и кротость.

Стейнз был очень богат, но в Хокитике богачей насчитывалось немало, в большинстве своем — куда более неприятных, нежели он. Безусловно, его нетипичная молодость вполне могла вызвать зависть в человеке постарше и более разочарованном, но зависть — слабый мотив для убийства, думал про себя Нильссен, если юношу действительно убили.

— Да кого бы угораздило поссориться со Стейнзом? — недоумевал Нильссен вслух. — Этот паренек просто излучает удачу; подобно царю Мидасу, он превращает в золото все, к чему прикасается.

— Удача — это не достоинство.

— То есть его из-за денег убили?..

— Оставим на минуту Стейнза. — Притчард подался вперед. — Тебе перепал изрядный кус состояния Кросби Уэллса.

— Ну да — я же сказал тебе, десять процентов, — подтвердил Нильссен, вновь обращая взгляд к желтой купчей на столе перед собою. — Комиссия с продажи его имущества, но теперь, когда завещание оспаривается, выплата недействительна. Мне придется вернуть эти деньги. Собственность продавать не следовало.

Нильссен тронул пальцем край документа.

Он подписал эту купчую и ее копию за этим самым столом каких-то две недели назад — как сжималось его сердце, когда он выводил свое имя! В Хокитике продажа имущества покойного никогда не была прибыльным делом, но его бизнес отнюдь не процветал, и Нильссен в отчаянии хватался за что попало. Стыд какой (думал он) — объехать полсвета только для того, чтобы убедиться: удача его оставила; только для того, чтобы подбирать крошки у стола богатых счастливцев. Имя на документе — Кросби Уэллс — ничего ему не говорило. Насколько он знал, Уэллс был нелюдимым одиночкой, жалким бедолагой, напивался до одури каждый вечер и снов не видел. Нильссен подписал купчую с горьким чувством, с опустошенной душой. Теперь ему придется нанять лошадь, пожертвовать целым рабочим днем, ехать — куда? — к Богом забытой Арахуре и рыться в вещах покойника, как бездомный бродяга шарит в канаве в поисках еды.

И тут… в банке из-под муки, в коробке из-под пороха, в ящике для мяса, в мехах, в растрескавшейся раковине старого умывальника — оно… все такое блестящее, тяжелое, мягкое. Его комиссионные составили чуть больше четырех сотен фунтов; впервые за всю свою жизнь он был

богат. Он мог бы собраться да уплыть в Сидней; он мог бы вернуться домой, мог бы начать все заново, мог бы жениться. Но воспользоваться своим шансом он не успел. В тот самый день, когда комиссию наконец-то выплатили, прибыла миссис Уэллс; в течение нескольких часов продажа имущества была обжалована, наследство оспорено, а на состояние наложил арест банк. Если апелляцию удовлетворят — а так, видимо, и случится, — Нильссену придется полностью вернуть комиссионные. Четыре сотни фунтов! Он столько за год не зарабатывал! Комиссионер провел пальцем по краю документа — и внезапно захлебнулся негодованием. Ему отчаянно захотелось, как хотелось уже столько раз за последнюю неделю, найти кого-то виноватого.

Но Притчард покачал головой: завещание покойника его не интересовало, равно как и его правовые последствия.

— Да выбрось ты это все из головы на минуту, — предложил он. — Давай вернемся к хижине. Ты видел клад своими глазами?

— Так я ж его и нашел, — не без гордости отозвался Нильссен. При этом воспоминании он слегка расслабился. — Эх, тебе б на такое взглянуть… кабы превратить это все в листовое золото,

я б целиком бильярдный стол им покрыл вместе с ножками. Тяжесть несусветная. А блеску-то, блеску!

Но Притчард даже не улыбнулся:

— Ты говоришь, это был не песок и не самородки. Я правильно понимаю?

Нильссен вздохнул:

— Да, точно; это были спрессованные бруски.

— Спеченное золото, — кивнул Притчард. — А для этого нужно специальное оборудование и навык. Так кто же поработал кузнецом? Уж никак не Уэллс.

Нильссен помолчал. Такая мысль в голову ему не приходила. Манера Притчарда выдвигать свои аргументы с самонадеянной уверенностью была ему неприятна, но он поневоле отдавал аптекарю должное: тот обнаружил ряд связей, которые он, Нильссен, упустил из виду. Он задумчиво посасывал трубку.

В тонкостях разработки золотых месторождений Нильссен разбирался неважно. Он как-то попробовал свои силы в старательстве и нашел, что труд это тяжкий и неблагодарный: таскаешь из реки воду ведро за ведром, промывая руду, да отбиваешься от москитов, что заползают под куртку, — пока совсем не обезумеешь и не запля-

шешь на месте. После у него ныла спина, жгло пальцы, а ноги распухли и отекли на много дней. А с щепоти песка, которую он унес домой, завязав в угол платка, взяли налог, и один и другой, и взвесили ее до малой частицы унции, и наконец дали за нее пять грязных шиллингов — невыразимое разочарование! — этой суммы едва достало, чтобы заплатить за наем лошади до ущелья и обратно. Больше Нильссен не пытал счастья. По своим природным задаткам и самоопределению он был человеком Возрождения: такие на любом избранном поприще привыкли ждать мгновенного успеха; если с первой же попытки навыком овладеть не удалось, то они от ремесла вообще откажутся. (К подобному подходу сам он относился не без юмора: он частенько рассказывал о своей неудаче в ущелье Хокитики, преувеличивая перенесенные неудобства, комично вышучивая деликатность своей конституции, — однако такое толкование он позволял только себе одному и заметно конфузился, если собеседник смотрел на дело с той же точки зрения или с ним соглашался.)

Теория, изложенная ему Джозефом Притчардом, в определенном смысле представлялась вполне логичной. Кто-то — возможно, что и

несколько человек — наверняка знал про клад, спрятанный в доме Кросби Уэллса. Состояние было слишком огромным, а продажа имущества произошла слишком скрытно и спешно, чтобы вовсе отрицать такую вероятность. Далее, склянка с лауданумом, обнаруженная в непосредственной близости от трупа, наводила на мысль, что кто-то — возможно, тот же самый кто-то — побывал в хижине либо непосредственно до смерти отшельника, либо сразу после, предположительно с недобрыми намерениями. Склянка была от Притчарда: куплена в его лавке, этикетка надписана его же рукой, значит тот, кто лекарство принес, явно был жителем Хокитики и ехал на север, а не чужаком, направлявшимся на юг. Тем самым политик и его спутники, первыми обнаружившие тело Кросби и сообщившие о его смерти в городе, полностью исключались.

В глубине души Нильссен полагал, что Притчард прав, подозревая покупателя имущества, Эдгара Клинча, а также и банковского служащего Фроста. Он, в отличие от Притчарда, конечно же, не думал, что эти двое причастны к убийству Эмери Стейнза, но похоже было на то, что Клинч и впрямь действовал по наводке, раз купил хижину и землю Кросби Уэллса так поспешно, — уж

в чем бы эта наводка ни состояла, Чарли Фрост наверняка о ней знал. Нильссен также признавал, что его собственное участие в деле, в которое он ввязался безо всякой задней мысли, наверняка покажется сомнительным беспристрастному стороннему наблюдателю, ведь он занес стеклянную склянку с лауданумом в свой регистр вместе со всем прочим (он составлял список вещей, подлежащих продаже), и он в результате этой сделки обогатился на четыреста фунтов.

Однако сверх этих допущений (а ведь, в конце концов, это только допущения, основанные на сомнениях и личных впечатлениях) Нильссен не знал, что и думать. Притчард убеждал, что исчезновение Эмери Стейнза никак нельзя считать совпадением, — а это гипотеза; он утверждал, что Стейнз был убит, — а это догадка; он вообразил, что труп его спрятан в могиле Уэллса, — а это предположение; он счел возможным, что юридическое фиаско в связи с собственностью Уэллса было спланировано заранее как своего рода западня, как приманка, — а это Нильссену казалось уже чистой воды фантазией. Объяснить, откуда взялась склянка с лауданумом, Притчард не смог; ни мотива, ни правдоподобного подозреваемого он не предоставил… и, однако ж, комиссионер не

находил в себе сил сбросить со счетов аргументы аптекаря, пусть манера их излагать ему весьма не нравилась.

Нильссен не разделял восторженной одержимости аптекаря сокровенными тайнами; искать правду он не стремился, в отличие от Притчарда. Тот становился сам не свой, когда заговаривал о собственных страстях: об эликсирах, которые составлял и пробовал под низким потолком своей лаборатории, о смолах и порошках, которые он покупал и продавал в непрозрачных банках. Ощущалось в нем что-то холодное и безжалостное, думал про себя Нильссен, возводя собственную неприязнь, как это часто за ним водилось, в принцип эстетического неприятия.

Наконец с недовольным видом — а он неизменно раздражался, когда аргументы собеседника доказывали несостоятельность его собственных, — Нильссен извлек изо рта трубку и изрек:

— Ну-с… может статься, у Уэллса были какие-то знакомства тут, в Резервном банке. Килларни, там, или кто-нибудь из представителей компании…

— Нет. — Притчард хлопнул по столу ладонью. Он давно ждал, чтобы Нильссен ошибся в своей догадке, и уже заготовил возражение: — Тут ки-

таеза замешан. Готов на что угодно поспорить. В кумирне на Каварау всегда было полным-полно ребят без лицензии — они права на разработку промеж себя делят. Их друг от друга не отличишь, да и имена чужого языка поди разбери! Они там все в Чайнатауне подработать не прочь. Будь тут замешана компания, все бы выглядело…

— Чище? — с надеждой спросил Нильссен.

— Наоборот. Если нужно следы заметать, если входить вынужден через черный ход, а не через вестибюль, как обычно, — вот тогда и начинаешь принимать меры, чем-то жертвовать. Понимаешь? Человек изнутри вынужден считаться с пешками — со всеми элементами системы. А человек снаружи волен договариваться с дьяволом напрямую.

Таких выражений Нильссен терпеть не мог. Он вновь опустил взгляд на купчую.

— «Чайнатаунская кузня», — гнул свое Притчард. — Помяни мое слово. Там при горне только один парень работает. Звать Цю.

— Ты с ним поговоришь? — вскинул глаза Нильссен.

— Вообще-то, я надеялся, что с ним поговоришь ты, — признался аптекарь. — У меня сейчас с азиатами небольшая проблемка.

— Могу ли я спросить, в чем дело?

— Ох, да просто бизнес не заладился. Коммерческие тайны. Опиум. — Притчард перевернул руку ладонью вверх и уронил ее на колени.

— Ты ввозишь опиум из *Китая*? — нахмурился Нильссен.

— Ох господи, нет, конечно, — запротестовал Притчард. — Из Бенгалии. — Он на мгновение замялся. — Тут, скорее, частная ссора. Из-за той шлюхи, что едва не померла.

— Анна, — кивнул Нильссен. — Анна Уэдерелл.

Притчард насупился: он не хотел озвучивать ее имя. Он отвернулся и некоторое время следил, как под козырьком подъемного окна скапливаются и набухают дождевые капли.

Повисла недолгая пауза. И не успел еще Притчард заговорить снова, как Нильссена вдруг осенило: а ведь аптекарь любит ее, эту проститутку Анну Уэдерелл. Он прикинул про себя такую возможность, наслаждаясь своим открытием. Девушка и впрямь задевала в душе тайные струны: она двигалась с этакой усталой смертоносной томностью, точно недовольный лебедь, но нравом отличалась несколько более ветреным, нежели Нильссен ценил в женщинах, а ее красота (впрочем, Нильссен не назвал бы ее

красивой: это слово он сберегал для непорочных девственниц и ангелических образов) выглядела чересчур искушенной, на его вкус. А еще она курила опиум; в силу этой привычки ее черты всегда казались слегка смазанными, а сама она — бесконечно изнуренной. Неподобающее пристрастие, что и говорить, а теперь она еще и едва руки на себя не наложила. Да, подумал Нильссен, именно на такую девицу Притчард с легкостью западет; они бы встречались в темноте, и эти лихорадочные сближения несли бы в себе печать обреченности.

Но тут комиссионер просчитался. Нильссеновы догадки подкрепляли сами себя: он отдавал предпочтение доказательствам, которые лучше всего подходили к его жизненным принципам, и держался тех принципов, что проще всего доказывались. Он частенько разглагольствовал о добродетели и производил впечатление характера жизнеутверждающего и оптимистичного, но его вера в добродетель была вверена господину менее гибкому, нежели оптимизм. Кредит доверия, если воспользоваться расхожим выражением, — это дар случайный, а Нильссен слишком гордился своим интеллектом, чтобы отказаться от способности строить гипотезы. В

его сознании кристаллические формы высоких абстракций покрывались защитной глазурью: он любил их разглядывать, дивиться их блеску, но ему никогда не приходило в голову снять их с каминной полочки резного дуба и пощупать, повертеть в руках. Он пришел к заключению, что Притчард влюблен, просто потому, что было так приятно обдумать и взвесить этот факт, придирчиво изучить субъекта и вернуться к своим неизменным убеждениям: что Притчард чудак каких мало, что Анна — погибшая женщина и что любить шлюх ни в коем случае не следует.

— Да, так вот, — продолжал между тем Притчард, — они прям взбеленились из-за этой истории, представляешь! Тот узкоглазый парень, что держит курильню в Каньере, — А-Су его звать, — он пошел к Тому Балфуру, после того как эта шлюха занемогла, прям весь такой расстроенный. Сказал Тому, что хочет посмотреть на мои экспедиторские отчеты и проверить последнюю поставку, что пришла мне на счет.

— А почему он не обратился к тебе напрямую? — удивился Нильссен.

Притчард пожал плечами:

— Небось думал, я какую-то пакость замыслил.

— Он решил, что ты ее отравил нарочно?

— Да. — Притчард снова отвел взгляд.

— Ну и что Том сказал? — подтолкнул его Нильссен.

— Он предъявил А-Су все мои учетные записи. Доказал, что там все чисто.

— То есть с документами все в порядке?

— Да, — коротко ответил Притчард.

Нильссен заметил, что задел гостя, и испытал злорадное удовольствие. Его понемногу начинало злить предположение, что они с Притчардом в равной степени окажутся замешаны в этом сговоре, если (или когда) обнаружится вероятное убийство Эмери Стейнза; ему казалось, что Притчард влип куда серьезнее, нежели он сам. Нильссен не имел никакого касательства к опиуму и иметь не желал. Опиум — это яд, истинное бедствие; он лишает людей разума.

— Послушай, — Притчард ткнул пальцем в поверхность стола, — тебе обязательно надо разговорить этого Цю. Я бы сам за дело взялся, если б мог, — я сунулся было в курильню, но Су меня на дух не переносит. Цю — дело другое. Он парень порядочный. Спроси его про клад — не его ли это золото, а если да, то как оно оказалось в доме Уэллса. Можешь сегодня же во второй половине дня туда наведаться.

Нильссена больно задело, что им помыкают как мальчишкой-рассыльным.

— Не вижу, отчего бы тебе самому не поговорить с Цю, если поцапался ты с совсем другим парнем.

— Я под ударом. Считай, что я на дно залег.

Про себя Нильссен назвал его поведение несколько иначе. А вслух с капризной раздражительностью (лучшая защита!) осведомился:

— С какой бы стати этому китаезе со мной откровенничать? — И отодвинул от себя желтую купчую.

— По крайней мере, ты для них — человек нейтральный, — отозвался Притчард. — Ты не давал им повода составить о себе то или иное мнение, верно?

— Это сынам Небесной империи-то? — Нильссен вновь затянулся; табачный лист почти весь превратился в пепел. — Нет, не давал.

— Перед именем нужно произносить «А» — «А-Цю». Это у них вроде как «мистер». — Притчард помолчал мгновение, не сводя глаз с собеседника, и наконец добавил: — Вот о чем еще подумай. Если *нас* подставили, то *его*, возможно, тоже.

При этих словах в дверь постучали. Конторский служащий явился с известием, что в приемной

ждет Джордж Шепард и просит его принять.

— Джордж Шепард, начальник тюрьмы? — переспросил Нильссен не без дрожи, искоса глянув на Притчарда. — Он не объяснил зачем?

— По обоюдовыгодному делу, так он сказал, — отозвался клерк. — Мне его ввести?

— Я ухожу, — тут же вскочил на ноги Притчард. — Так ты к нему наведаешься, к этому парню по имени Цю? Ну, скажи, что наведаешься.

— Это мне в Каньер тащиться, да? — вздохнул Нильссен, вспоминая про ланч и про буфетчицу в «Нонпареле».

— Да туда всего с час пути, — возразил Притчард. — Но только смотри не перепутай: тебе нужен такой тощий коротышка, чисто выбритый; ты его домишко узнаешь по торчащей трубе от кузни. Ну, жду известий. — И он вышел за дверь.

* * *

Кабинет Нильссена внезапно показался слишком тесным для тяжелого, негибкого поклона, что Джордж Шепард отвесил при входе. Комиссионер непроизвольно вжался в кресло, но тут же, чтобы сгладить впечатление, вскочил на ноги, протянул руку и воскликнул:

— Мистер Шепард — да-да, пожалуйста! Я до сих пор не имел чести ознакомиться с вашим делом, сэр… но надеюсь, что смогу оказаться вам небесполезен в ближайшем будущем… Присаживайтесь, будьте так добры.

— Я вас, конечно же, знаю, — отозвался Шепард, усаживаясь на предложенный ему стул.

Видя, что трубка Нильссена дымится, он извлек из кармана свою собственную. Нильссен передал через стол свой кисет и шведские спички. Повисла краткая пауза: Шепард набил чашечку табаком, умял его хорошенько, чиркнул спичкой. Трубка его была неглубокой, из корня вереска, с аккуратным янтарным колечком между мундштуком и черенком. Он пыхнул раз-другой, убедился, что табак занялся, и откинулся на стуле, оценивающе глянув налево, затем направо, словно пытаясь свыкнуться с планировкой помещения.

— Понаслышке, — добавил Шепард; он был из тех людей, что, дав ход мыслям, всегда доканчивают фразу. Набрав полный рот дыма, он разом выдохнул. — Тот парень, что как раз уходил. Как бишь его?

— Его зовут Джо Притчард, сэр, — Джозеф. У него аптека на Коллингвуд-стрит.

— Ах да.

Шепард помолчал, обдумывая в уме свое дело. Бледные лучи дня косо ложились на рабочий стол Нильссена и замораживали клубы табачного чада, нависавшие над его головой, — каждая спиралевидная прядь застывала в воздухе: так кварц сохраняет в себе извилистую золотую жилу и являет ее взгляду. Нильссен ждал. И думал про себя: «Если меня осудят, этот человек будет моим тюремщиком».

Назначение Джорджа Шепарда начальником хокитикской тюрьмы почти не встретило возражений у тех, кто жил и старательствовал в пределах его юрисдикции. Шепард был человеком спокойным, внушительным, двигался неспешно; эта его повадка словно бы постоянно подчеркивала ширину его плеч и весомость его рук; ходил он размашистым, размеренным шагом, а если и говорил (что случалось нечасто), то распевным, мощным, низким басом. Манеры его, напрочь лишенные и искры юмора, к себе не слишком-то располагали, но суровость в его профессии считалась достоинством, и его никогда в жизни не обвиняли в пристрастности либо предвзятости, что, как соглашались все избиратели, несомненно, делало ему честь.

Если Шепард и служил объектом досужих шуток, то разве что гипотетического плана, касавшихся главным образом его отношений с женой. Этот брак, по всей видимости, совершался в полном молчании, при мрачной решимости с его стороны и робкой пассивности — с ее. Женщина называла себя «миссис Джордж», и то еле слышным шепотом; у нее был растерянный, панически-испуганный вид истязаемой зверушки, что видит клетку там, где никакой клетки нет, и сжимается от любой неожиданности. Миссис Джордж почти не показывалась за пределами тюрьмы, разве что по редким торжественным случаям, когда, вся красная от смущения, семенила по Ревелл-стрит следом за начальником Шепардом. Они с мужем прожили в Хокитике четыре месяца, прежде чем хоть кто-то прознал, что у нее есть имя — Маргарет; хотя произнести его в присутствии бедняжки означало напугать ее до полусмерти: она тут же обращалась в бегство.

— Я пришел к вам по делу, мистер Нильссен, — начал Шепард, стискивая чашку трубки в кулаке и прижимая ее к груди. — Наше нынешнее здание тюрьмы ничуть не лучше загона для скота. Света мало, воздуха не хватает. Чтобы проветрить, мы приоткрываем дверь на цепочке, а я караулю

на пороге, с винтовкой на коленях. Помещение совершенно непригодно для жилья. У нас нет средств справляться с… более опытными преступниками. С более изощренными преступлениями. Как, скажем, убийство.

— Нету… то есть да, да, вы правы, — закивал Нильссен. — Безусловно.

Помолчав немного, Шепард продолжил:

— Простите мне мой пессимизм, но, мне сдается, в Хокитике наступают темные времена. Этот город стоит на грани. В холмах по-прежнему царит закон прииска, а здесь — что ж, мы все еще захолустье Кентербери, но вскорости станем лучшим украшением его короны. Уэстленд отделится, а Хокитику ждет процветание[35], но, прежде чем преуспеть, ей придется достичь примирения внутри себя.

— Достичь примирения?

— Примирить варварство и законность.

— Вы имеете в виду туземцев — племена маори?

В голосе Нильссена послышались восторженные нотки: он питал романтическую страсть

---

[35] Сноски: 35

Уэстленд — избирательный округ в пределах Уэст-Коста, но в 1873 г. он ненадолго стал самостоятельной провинцией со столицей в Хокитике.

к тому, что сам называл «родоплеменной жизнью». Когда маорийские каноэ поднимались по ущелью Буллер живым воплощением мощи и слепящего великолепия, он наблюдал за этим зрелищем издалека — во власти благоговейного восхищения. Воины казались ему могучими и грозными, их женщины — непостижными, их обычаи — первозданно-жуткими. В его завороженности было больше ужаса, нежели почтения, но к этому ужасу его тянуло возвращаться снова и снова. На самом деле, поехать в Новую Зеландию Нильссена впервые сподвигла случайная встреча с бывалым моряком в придорожной гостинице близ Саутгемптона, похвалявшимся (не слишком-то правдоподобно, как выяснилось позже) своим знакомством с первобытными племенами «Южных морей». Матрос был голландцем и куртку носил укороченную, выше бедер. Он обменивал железные гвозди на кокосовые орехи, он позволял островитянкам ласкать ладонями его белокожую грудь, а однажды подарил узел островному мальчишке. («Что за узел?» — взмолился Нильссен, подходя ближе; оказалось — турецкая оплетка. Нильссен не знал, что это такое, и моряк нарисовал в воздухе петли цветочного узора.)

Но в ответ на восклицание Нильссена Шепард

лишь покачал головой:

— Я не использую слово «варварский» применительно к коренному населению. Я имею в виду саму землю. Золотодобыча — дело грязное; человек начинает мыслить как вор. А здесь условия достаточно тяжкие, чтобы старатели дошли до крайности.

— Но ведь на рудниках можно создать условия более цивилизованные.

— Вероятно — когда реки окончательно истощатся. Когда старатели уступят место плотинам, и драгам, и золотодобывающим компаниям, когда вырубят леса… тогда — вероятно.

— Вы не верите в силу закона? — нахмурился Нильссен. — Уэстленд скоро получит место в парламенте, знаете ли.

— Вижу, я неясно выразился, — отозвался Шепард. — Вы мне позволите начать сначала?

— Сделайте одолжение!

Начальник тюрьмы тут же заговорил, не меняя ни позы, ни тона.

— Когда два свода законов существуют одновременно, — заявил он, — человек неизбежно воспользуется одним, чтобы поносить второй. А теперь представьте себе старателя, который считает, что правильно и справедливо подать

жалобу в магистратский суд на свою собственную потаскушку, ожидая, что закон будет соблюден, но сам он под него не подпадет. Ему отказали в справедливости, вероятно, даже обвинили в блудном сожительстве с девицей; и теперь он бранит и закон, и девицу. Закон не может отвечать за его старательские представления о том, что правильно, а что нет, так что он берет восстановление справедливости в собственные руки — и душит девицу. В былые дни он уладил бы свою ссору с помощью кулаков — таков был закон прииска. Вероятно, потаскушка бы погибла, а может, и выжила бы, но в любом случае он поступил бы так, как считал нужным. Но теперь — теперь он считает, что его святое право требовать справедливости оказалось под угрозой, и действует, исходя из этого. Он вдвойне зол — и ярость его проявляется вдвойне. И я вижу примеры тому всякий день.

Шепард, откинувшись назад, вновь вложил в рот трубку. Держался он невозмутимо, но светлые глаза так и буравили хозяина кабинета.

Нильссен никогда не упускал возможности выстроить гипотезу:

— Да, но, продолжая вашу логическую цепочку, вы же не отдаете предпочтения закону прииска?

— Закон прииска — филистерский и подлый, — спокойно возразил начальник тюрьмы Шепард. — Мы не дикари; мы — цивилизованные люди. Я не считаю закон несовершенным; я лишь хочу указать, что происходит, когда сталкиваются варварство и законность. Четыре месяца назад мои заключенные были пьяницы и карманники. А теперь я вижу пьяниц и карманников, которые исполнены негодования, помнят о своих правах и произносят праведные речи, как будто их судят несправедливо. Они в ярости.

— Но опять же, в завершение, — настаивал Нильссен. — После того, как потаскушку придушили, а ярость старателя иссякла. Разве гражданское право не вмешается и не приговорит этого человека? И конечно же, в итоге итогов он понесет справедливое наказание?

— Нет — если этот человек устроит целую кампанию в защиту своих старательских прав, — отозвался Шепард. — Никто не держится свода закона так ревностно, как тот, на чей свод закона покусились, мистер Нильссен, и что может быть свирепее орды разъяренных людей? Я прослужил тюремщиком шестнадцать лет.

Нильссен откинулся на стуле.

— Да, — промолвил он, — я понимаю вашу

мысль. Сумерки между старым миром и новым — вот что несет в себе опасность.

— Со старым миром до́лжно покончить раз и навсегда, — отрезал Шепард. — Я не потерплю шлюх и не потерплю тех, кто к ним таскается.

Автобиография Шепарда (если бы такой документ когда-либо был составлен, то оказался бы строг, назидателен и немногословен) не содержала в себе неизбежную главу, в которой юноша ведет разгульную жизнь и сбивается по молодости лет с пути истинного; с момента женитьбы его воображение не рисовало ничего, кроме квадратной фигуры миссис Джордж, чей образ действий был столь знаком и столь упорядочен, что он мог бы карманные часы выставлять по ее суточным ритмам. Его поведение оставалось неизменно безупречным, и, как следствие, его способность к сочувствию была невысока. Профессия Анны Уэдерелл его совершенно не завораживала; у него не сохранилось мальчишеских воспоминаний о нежности или смущении, чтобы он смягчился в отношении нюансов ее ремесла. Глядя на нее, он видел лишь перечень ошибок, ветреный ум и удручающее отсутствие каких-либо ценных задатков. То, что потаскушка попыталась наложить на себя руки, не казалось

ему ни событием из ряда вон выходящим, ни поводом для огорчения; в данном конкретном случае он даже счел бы смертельный исход наилучшим благом. Мисс Уэдерелл, в конце концов, жила под властью опийного дракона — наркотика, что служил мажордомом при слабоумном короле, и она ревниво хранила сей трон.

Справедливости ради стоит отметить, что из семи добродетелей начальник тюрьмы Шепард склонялся к четырем главным. Он был хорошо осведомлен о христианской доктрине прощения, но лишь как о принципе, который полагается изучать и которому до́лжно следовать. Мы вовсе не собираемся принижать его религию, напоминая: для того чтобы научиться дарить прощение, сперва до́лжно о нем попросить, а начальник тюрьмы Шепард в жизни никого ни о чем не просил. Он молился за душу мисс Уэдерелл, как за всех вверенных ему мужчин и женщин, но его молитвы были скорее продиктованы долгом, нежели надеждой. Он верил, что душа обитает в теле и, следовательно, осквернение тела — это насилие над душой; согласно этой весомой теологии участь обыкновенной шлюхи и впрямь была незавидна, а уж Анна Уэдерелл, истощенная жертва жестокого обращения, являла собою

зрелище воистину жалкое. Он вовсе не хотел видеть ее в аду, но про себя полагал, что спастись ей не дано.

Духовная судьба мисс Уэдерелл и способ, посредством которого девица попыталась определить ее раз и навсегда, Шепарда не занимали, равно как не интересовали и плотские ее прелести. Здесь Шепард расходился с большинством мужчин Хокитики, которые (как Гаскуан заметит Мади какими-то семью часами позже) вот уже две недели судачили главным образом об этом. Истощив первую тему, они возвращались ко второй, что позволяло длить беседу до бесконечности.

Трубка Нильссена догорела. Он выбил чашку о край стола, высыпал пепел и принялся набивать ее заново.

— Я так понимаю, Алистер Лодербек намерен все изменить к лучшему, — сообщил он, развязывая шнурки кисета свободной рукой. — Ну то есть если его все-таки изберут.

Шепард ответил не сразу.

— А вы следите за предвыборной кампанией?

Нильссен, возясь с кисетом, не заметил заминки. Когда тюремщик переступил порог кабинета, Нильссен испугался за себя и насторожился, но он обычно недолго пребывал в замешательстве.

Шепардова теория законности разбередила его интеллектуальные способности, несказанно его порадовала — и он снова взял себя в руки. Захватывающий ритуал набивания трубки — потрепанная истертость кожаных завязок, сухой пряный аромат табака — отчасти привел в порядок его чувства.

— Да, разумеется, — ответствовал он, не поднимая глаз. — Каждый день речи читаю, и с неослабным вниманием. Лодербек ведь сейчас здесь, в Хокитике, — верно?

— Здесь, — кивнул Шепард.

— Думаю, место он получит, — промолвил Нильссен, растирая щепоть табака между пальцами. — «Литтелтон таймс» его поддерживает.

— Вы его высоко ставите?

— Туннели и железные дороги, он ведь на них ставку делает? — откликнулся Нильссен. — Прогресс, цивилизация, все такое. Сдается мне, ваш образ мыслей очень даже созвучен Лодербековой кампании. — Он чиркнул спичкой.

Шепард собирался уже ответить, но замялся:

— Я обычно не говорю о политике в чужом кабинете, если меня о том не попросят, мистер Нильссен.

— О, будьте так добры, — вежливо откликнулся

Нильссен, резким движением загасив спичку.

— Но с вашего позволения, я скажу так. — Шепард кивнул массивной светловолосой головой. — Мне тоже кажется, что Лодербек получит и место в парламенте, и пост управляющего тоже. За ним — сила характера, и, конечно же, его связи с коллегией адвокатов и с Советом провинции наилучшим образом свидетельствуют о его репутации и опыте.

— Для него ведь это повторное избрание, — перебил Нильссен, который очень даже часто говорил о политике в чужих кабинетах и на минуточку позабыл, что дал гостю разрешение высказаться начистоту. — Его все знают.

— Знают — в его собственных кругах, — кивнул Шепард. — Он блюдет интересы Кентербери, и его туннели и железные дороги, цитируя вас же, — это Литтелтонский туннель и проект железнодорожного сообщения между Крайстчерчской дорогой и Данидином. Как управляющий Советом, он перераспределит средства, которые еще не вложены в этот туннель и эту дорогу, — а иначе он поступить и не может, надо же выполнять предвыборные обещания.

— Насчет управляющего вы, вероятно, правы, — отозвался Нильссен, — но, как член парламента,

он же будет *представлять* Уэстленд?..

— Лодербек — уэстлендец только по избирательному округу, — возразил Шепард. — Я его не виню — я сам отдам ему голос, мистер Нильссен, — но старательской жизни он не знает.

Нильссен собирался было перебить, так что Шепард энергично продолжил, чуть повысив голос:

— Так вот, я подхожу к делу, ради которого наша встреча и состоялась. Я получил разрешение комиссара полиции начать строительство новой тюрьмы — в стороне от полицейского управления, на террасе к северу от города. Вы ведь помните, что Хокитикскую дорогу расчищали заключенные? Я намерен и здесь поступить так же: использовать труд своих же заключенных на постройке тюрьмы в Сивью.

Такая перспектива показалась Нильссену весьма справедливым воздаянием; он улыбнулся.

— Однако ж, как вы уже отметили, — продолжал Шепард, — Алистер Лодербек делает упор на транспорт: в своем обращении к Совету он отстаивал необходимость использовать труд заключенных на постройке и ремонте Крайстчерчской дороги. Путь через Альпы все еще опасен: непригоден для всадника и уж тем более для кареты.

— То есть последнее слово в этом вопросе за управляющим? — уточнил Нильссен. — Разве вы не вправе воспользоваться услугами своих же собственных заключенных?

— Увы, — вздохнул Шепард. — Я поставлен держать их взаперти, и только.

Вошел клерк, неся кофе на деревянном подносе. Он был не на шутку взволнован: к Нильссену нечасто заглядывали посетители и уж тем более столь интригующие персоны, как Притчард (прославленный своим опиумом) и Шепард (прославленный своей женой). Клерк аккуратно расставил на подносе кофейник и блюдца и торжественно внес его, растопырив локти и выпрямив спину. Нильссен одобрительно кивнул: у них обычно не водилось, чтобы клерк прислуживал нанимателю, но Нильссен остался доволен впечатлением, по-видимому произведенным на гостя. Клерк опустил поднос на подсобный столик и принялся разливать кофе. Он надеялся, что собеседники возобновят разговор, пока он все еще в кабинете, и старался не торопиться, остро пожалев внезапно о плавающих на поверхности крупинках цикория: он добавил их в кофе из соображений экономии, и теперь эта неприятная зернистая пленочка словно бы укоряла его за

необоснованные претензии.

За его спиною Шепард проговорил:

— Кстати, мистер Нильссен, а что вам известно про Эмери Стейнза?

Повисла пауза.

— Я знаю, что он пропал, — отозвался Нильссен.

— Пропал, да, — кивнул Шепард. — Его вот уже две недели как не видели. Очень странный случай.

— Я не слишком хорошо его знаю, — поспешил уточнить Нильссен.

— Да что вы?

— Я с ним знаком, но не в дружбе.

— А.

Нильссен едва не закашлялся и наконец взорвался:

— Альберт, ты наконец закончил?

Клерк водрузил кофейник на стол:

— Вам оставить поднос, сэр?

— Да-да, и ступай уже, бога ради, — отозвался Нильссен.

Он качнулся к протянутой чашке, так что кофе выплеснулся в блюдце, и поставил ее с глухим стуком. Вторую чашку клерк подал Шепарду; тот к ней даже не прикоснулся — просто молча

указал на стол перед собою.

— Скажу вам прямо, как на духу, — объявил Шепард, едва за разочарованным клерком закрылась дверь. — Я намерен начать работы по возведению тюрьмы тотчас же, еще до выборов, чтобы, когда Лодербек вступит в должность, строительство уже шло полным ходом. Я отдаю себе отчет, что кому-то может показаться, будто я нарочно пытаюсь сорвать ему избирательную кампанию. Я пришел к вам, рассчитывая на ваше сотрудничество — и ваше благоразумие.

— И что же вам нужно? — осторожно осведомился Нильссен.

— Строительные материалы и, возможно, десять-двенадцать рабочих, начать копать траншеи под фундамент, — объяснил Шепард, извлекая из нагрудного кармана документы. — Я могу предложить вам комиссионные по вашим обычным ставкам. Место для застройки уже куплено и одобрено. Вот архитектурный эскиз.

— Это оригинал? Или копия? — Нильссен забрал бумаги из здоровенной ручищи Шепарда и развернул их.

— Оригинал. Никаких копий нет, — отозвался Шепард. — Я с этими документами, разумеется, не расстаюсь — всегда ношу при себе.

— Разумеется, — согласился Нильссен, потянувшись за очками.

— Я обратился к вам, — продолжал Шепард, — а не к Кохрану, или Моррисону, или к другому конкуренту, чей бизнес, уж простите, в настоящий момент развивается куда успешнее вашего… обратился к вам лишь отчасти благодаря вашей репутации человека энергичного и компетентного.

Нильссен вскинул глаза.

— Позвольте мне высказаться начистоту, — промолвил Шепард. — Вопрос этот щекотливый, я понимаю и постараюсь выразиться как можно деликатнее. Мне стало известно, что вы заработали комиссию в размере многих сотен фунтов на юридическом оформлении продажи имущества мистера Кросби Уэллса.

Нильссен вздрогнул, но Шепард, подняв руку, призвал его к молчанию.

— Не компрометируйте себя, заговорив прежде, чем дослушаете меня до конца, — предостерег он. — Я скажу вам в точности, что мне известно. Тело покойного, прежде чем его предали земле, побывало в полицейском управлении; поскольку у мистера Уэллса не было ни друзей, ни родных, мы сами отдали ему последний долг.

Мне выпала печальная обязанность осмотреть тело; я же присутствовал, когда врач осматривал жизненно важные органы в поисках признаков насильственной смерти. Доктор Гиллис пришел к заключению, что причиной смерти явился алкоголь; я небольшой специалист в данном вопросе, поэтому мог лишь согласиться с его вердиктом. Доктор Гиллис тщательно исследовал содержимое желудка и кишечника покойного, где обнаружились не только остатки еды и спирта, но и следы лауданума, хотя и в недостаточном количестве, чтобы возбудить подозрения. Я не верю, что причиной отравления Кросби Уэллса послужило что-либо, кроме алкоголя… Так вот, покойника не успели еще толком помянуть, а земля и лесопилка Уэллса были уже проданы. Землю, как вы знаете, востребовал банк — и ее практически тотчас же откупил некий мистер Эдгар Клинч; притом что сделка абсолютно законна, тем не менее любопытно, как быстро собственность перешла из рук в руки. Я так понимаю, вас затем пригласили очистить дом покойного и продать его вещи, причем ваш гонорар составлял определенный процент от их общей стоимости; вы взялись за этот заказ и вскорости обнаружили большое количество золота — где, говорите, оно

было спрятано, в банке из-под муки? — на сумму в четыре тысячи фунтов. По местному выражению, «билет домой». Так вот, мистер Нильссен, вам бы тогда и уйти со своими комиссионными, на тот момент составившими изрядный кус, однако ж все предприятие оказалось сорвано, когда сошла с корабля и заявила о себе вдова мистера Уэллса. Она на неделю опоздала к похоронам, но зато явилась как раз вовремя, чтобы оспорить продажу его имущества и любую сделку как следствие этой продажи… Как я сказал, я не верю, что Кросби Уэллса отравили, — продолжал Шепард. — Но я также не верю, что золотой клад принадлежал ему и уж тем более его вдове. Появление вдовицы Уэллс — та еще странность в истории и без того странной, на мой вкус. — Он помолчал. — Не сказал ли я чего-либо, что, как вам известно или как вам кажется, не соответствует истине? Можете не отвечать, если не хотите.

— Вы собираетесь меня шантажировать? — выдавил из себя Нильссен.

— Ничуть не бывало, — отозвался Шепард. — Но согласитесь, что это попахивает сговором.

— Соглашаюсь.

— Я не детектив, — промолвил Шепард, — и никакой склонности к этой сфере деятельности

не питаю. И мне дела нет до того, много ли вы знаете. Но мне нужна новая тюрьма, и я вижу шанс, выигрышный для нас обоих.

— Так назовите его, сэр.

— Вдова Уэллс подала апелляцию, оспаривая продажу имущества своего покойного мужа, — напомнил Шепард. — На рассмотрение апелляции, безусловно, уйдет не один месяц, как это водится в делах юридических, а тем временем деньги будут на депонировании в банке. В конце концов, полагаю, продажу аннулируют, и, если не обнаружится преступного сговора, вдовица заберет клад себе. Между прочим, я за последние месяцы несколько раз беседовал с Кросби Уэллсом, и он совершенно точно ни разу не упоминал о том, что женат, — ни при мне, ни при ком-либо из моих знакомых.

Нильссену представилась кошка, что треплет лапкой какого-то мелкого грызуна, втянув когти. Он ни в чем не провинился, ничего дурного не сделал и все же *чувствовал* себя виноватым; чувствовал, что скомпрометирован, как если бы во сне совершил какое-то страшное преступление и, проснувшись, обнаружил, что подушка запятнана кровью. Он не сомневался, что в любой момент тюремщик его уличит, но в каком преступлении,

он до поры не знал. Какое такое слово употребил Притчард? *Соучастник*. Да, он остро ощущал свою причастность.

Еще мальчишкой Нильссен утянул драгоценную пуговицу из шкатулки с «сокровищами» своего двоюродного брата. Пуговица была с обшлага военной куртки, латунно-желтая, с выгравированной на ней гибкой и грациозной лисой: лиса бежала, раскрыв пасть и прижав уши назад. Выпуклая и круглая, пуговица с одной стороны слегка потускнела, словно владелец то и дело поглаживал ее пальцем по краешку и со временем глянец поистерся. Двоюродный брат Магнус, кривоногий, рахитичный, одной ногою стоял в могиле; так что делиться игрушками его не заставляли. Но Нильссен так вожделел эту пуговицу, что однажды ночью, пока Магнус спал, прокрался к нему в комнату, отпер шкатулку и умыкнул сокровище; он походил немного по темной детской взад-вперед, вертя добычу в руках, чувствуя ее тяжесть, проводя пальцем по фигурке лисицы, ощущая, как металл согревается в его ладони, пока на него не накатило ну не то чтобы раскаяние, но забрезжившая усталость, опустошенность, и он возвратил пуговицу на место. Кузен Магнус так ничего и не узнал. Никто ниче-

го не узнал. Но на протяжении многих месяцев и лет, да что там, десятков лет, долгое время спустя после смерти Магнуса эта кража занозой сидела в его сердце. Всякий раз, произнося имя двоюродного брата, он, словно наяву, видел залитую лунным светом детскую; он заливался румянцем без видимой причины; он порою щипал себя или ругался сквозь зубы при этом воспоминании. Ибо хотя человека судят по поступкам его, по тому, что он сказал или сделал, сам человек судит себя по намерениям, по тому, что хотел бы предпринять, что мог бы сказать или сделать, — и суждение такое неизбежно затрудняют не только размах и масштаб фантазии индивида, но и его постоянно меняющиеся критерии сомнений и самоуважения.

— По моим оценкам, сделку окончательно аннулируют никак не раньше апреля, — объяснял Шепард с той же несокрушимой серьезностью. — Тем временем — в сущности, немедленно — я предлагаю вам вложить всю сумму вашей комиссии в строительство моей тюрьмы.

Нильссен изумленно поднял брови.

— Но эти деньги не мои, — второй раз за день повторил он. — Их уже отозвали де-юре, если не де-факто. Как только апелляционная жалоба

вдовы будет удовлетворена и сделку по продаже имущества признают недействительной, мне придется полностью вернуть комиссионное вознаграждение.

— Совет спонсирует вашу ссуду с прибавлением процентов, — отозвался Шепард. — В конце концов, постройка тюрьмы финансируется за счет бюджета; к тому времени, как ваше комиссионное вознаграждение затребуют обратно, я смогу привлечь средства из Резервного банка и заплатить вам. Мы составим контракт; вы вольны назвать свои условия. Вашим капиталовложениям гарантируется полная безопасность.

— Если в вашем распоряжении бюджетное финансирование, — возразил Нильссен, — тогда зачем вы вообще обращаетесь ко мне? На что вам сдались эти четыреста фунтов?

— У вас — наличные; речь идет о частной инвестиции, — объяснил Шепард. — Мое финансирование было одобрено Советом, но пока что не выплачено; если я стану сидеть сложа руки до тех пор, пока средства не выделят и не переведут на счет тюрьмы, мне придется ждать, пока три десятка работников банка перекладывают мой контракт по тридцати столам с одного на другой и обратно. Настанет март, а то и апрель, выборы

уже завершатся.

— И Лодербек получит своих заключенных, — кивнул Нильссен.

— Вот именно; и в придачу выкачает куда больше из бюджета округа.

— Хорошо же, — отозвался Нильссен. — Предположим, что я соглашаюсь и вы получаете свою тюрьму. Но вы сказали, что мы *оба* на этом выгадаем.

— Ну да, — сощурился Шепард. — Вы получаете неплохой заказ, мистер Нильссен. Комиссионное вознаграждение по вашим стандартным ставкам за рабочую силу, и железо, и древесину, и гвозди, и самые разные мелочи. Законную прибыль — вот что вы выгадаете.

Нильссен не видел, к чему тут придраться (спору нет, вот уже много недель он не получал заказов настолько выгодных), но от шепардовской манеры ведения дел чувствовал себя не в своей тарелке. Тюремщик произнес слово «убийство» и назвал это преступление «изощренным»; он дождался свидетеля в лице Альберта и в его присутствии спросил про Эмери Стейнза, а рассказывая про историю с Уэллсом, устроил целое представление, не позволяя Нильссену вставить хоть слово, чтобы торговец-оптовик себя

не скомпрометировал, заговорив слишком рано или сказав слишком много, — как будто у того и впрямь совесть была нечиста. Шепард обращался с владельцем кабинета как с преступником.

— А если я откажусь от вашего предложения, что тогда? — осведомился Нильссен.

Шепард растянул губы в редкой улыбке, впечатление от которой осталось довольно зловещее.

— Вы непременно хотите усмотреть в моем предложении шантаж, — отозвался он. — В толк не возьму почему.

Нильссен недолго выдерживал взгляд тюремщика.

— Я дам вам ссуду и предоставлю свои услуги на комиссионной основе, — наконец произнес он. Голос его звучал еле слышно. Он пододвинул к себе архитекторский эскиз. — Будьте так добры подождать минуту, я составлю список нужных вам материалов.

Шепард наклонил голову и наконец-то взял со стола быстро остывающую чашку кофе. Блюдце он придерживал с превеликой осторожностью; в его здоровенной ручище фарфор казался немыслимо хрупким: того и гляди кулак сожмется и одним движением раздавит его в пыль. Шепард осушил чашку и поставил ее в точности на преж-

нее место на Нильссеновом рабочем столе. А затем вновь вложил в рот трубку, скрестил руки и выжидающе замер. Тишину нарушало лишь прерывистое царапанье Нильссенова пера.

— Я выпишу вам чек в понедельник утром, — наконец произнес Нильссен, выводя окончательную сумму. — Мы можем дать заявку на подряд в понедельничном номере газеты — я немедленно пошлю записку Левенталю. Я бы посоветовал, чтобы рабочие пришли записываться сюда, на Аукционный двор, ровно в десять, — это даст людям шанс прочесть газету и всем рассказать о прочитанном. К полудню понедельника, если погода позволит, мы уже сможем начать работы на строительном участке.

Шепард сощурился.

— Вы сказали — Левенталь? Бен Левенталь — это который еврей?

— Ну да, — заморгал Нильссен. — А где и разместить объявление, как не в газете? Если хотите, можно, конечно, напечатать рекламные листки или бюллетени, но «Таймс» читают все.

— Надеюсь, мы договорились, что инвестиция вашего комиссионного вознаграждения — это строго конфиденциальное дело.

— Договорились, сэр. — Повисла пауза. — Чест-

ное слово, — добавил Нильссен и тут же пожалел о сказанном.

— Вероятно, нам стоило бы добавить в договор отдельную статью на этот счет, — небрежно обронил Шепард. — Для вящего спокойствия.

— Вы можете положиться на мое благоразумие, — отозвался Нильссен и снова вспыхнул до ушей.

— От души надеюсь, что и впрямь могу. — Шепард встал и протянул руку.

Поднялся на ноги и Нильссен; джентльмены обменялись рукопожатием.

— Мистер Шепард, — внезапно окликнул его Нильссен, когда гость уже собирался было уходить, — вот вы говорили про варварство и законность, мир старый и новый…

— Было дело. — Шепард невозмутимо глядел на него.

— Мне бы очень хотелось услышать, как такой образ мыслей применим ко всей этой истории — к имуществу, к «золотому кладу» и вдовице Уэллс.

Шепард надолго задумался.

— Золотой клад, «билет домой», — это возможность полного преображения, мистер Нильссен, — изрек он наконец. — Отыскав самородок, человек может выкупить собственную жизнь.

Таких обещаний в мире законности не дают.

После того как Шепард ушел, Нильссен еще долго сидел в своем офисе, снова и снова прокручивая в мыслях предложение тюремщика. В груди его зрели семена сомнения. Он чувствовал, что упустил какое-то связующее звено, — как если бы нашел в старой жилетке, в кармане для часов, завязанный узлом и скомканный носовой платок и, хоть убей, никак не мог вспомнить, что именно этот узел должен подсказать ему: что за поручение, что за обязанность, и где он вообще находился, когда завязал уголки и спрятал платок у самого сердца. Он побарабанил пальцами; он потеребил лацкан. В окна хлестал дождь. Серые тени в комнате сдвинулись: солнце садилось в тучи. Внезапно Нильссен встал, подошел к двери, чуть приоткрыл ее.

— Альберт! — крикнул он сквозь щель.

— Да, сэр! — откликнулся клерк из приемной.

— Кросби Уэллс — ну этот, покойник…

— Сэр?

— Кто нашел тело? Напомни мне.

— Группа людей, сэр, — отозвался Альберт.

— Ты помнишь эту историю?

— Ее в газетах пропечатали — могу найти, если надо.

— Просто расскажи, что знаешь.

— Маленький отряд остановился подкрепиться и обнаружил мистера Уэллса мертвым: он, как я понимаю, только-только испустил дух. Сидел себе за кухонным столом — так в газетах говорится.

— А как нашедшего звали? — Но Нильссен уже все понял. Он прижался лбом к дверному косяку: его затошнило.

— Да это тот самый парень, который за уэстлендское место борется, — отозвался Альберт. — Он сам из Кентербери. Вы с ним на прошлой недели встречались в «Звезде». Звать Алистер Лодербек.

* * *

Минут десять спустя Нильссен появился в дверях приемной и сдернул с вешалки цилиндр с таким громким треском, что клерк аж подпрыгнул на стуле. Нильссен сжимал в руке трость с видом весьма свирепым, перехватив ее посредине, словно дубину. И был бледен как полотно.

— Мне визитеров в «Нонпарель» отправлять? — крикнул Альберт вслед оптовому торговцу.

— Нет, оставь меня в покое! Скажи им, пусть подождут. Скажи, пусть приходят в понедельник! — рявкнул Нильссен с порога, не обернувшись.

Он вышел из проходной и решительно заша-

гал по набережной, но, дойдя до своей любимой пирожковой на углу, даже не задержался. Лишь поплотнее запахнулся в пальто и свернул прочь от моря, в направлении Каньера и золотых приисков.

Скорпион восходит в полночь

Глава, в которой аптекарь отправляется на поиски опиума, мы наконец-то знакомимся с Анной Уэдерелл, Притчард теряет терпение и звучат два выстрела.

Покинув офис Нильссена, Джозеф Притчард вернулся в свою лабораторию на Коллингвуд-стрит отнюдь не сразу. Вместо того он направился в «Гридирон», одну из шестидесяти или семидесяти гостиниц, выстроившихся вдоль Ревелл-стрит, на ее самом оживленном и людном участке. Это заведение, с его канареечно-желтой отделкой и «ложными» жалюзи, щеголявшее ярким фасадом даже в дождь, служило местом постоянного проживания мисс Анны Уэдерелл, и, хотя у нее было не в обычае принимать гостей в этот час дня, Притчард в свою очередь не привык вести дела, сообразуясь с чьим бы то ни было режимом, кроме своего собственного. Он протопал вверх по ступеням и потянул на себя тяжелую дверь, даже не кивнув старателям на веранде; те расселись рядком, закинув ноги в сапогах на по-

ручень, — кто резал по дереву, кто чистил ногти, кто сплевывал табак в грязь. Притчард мрачно проследовал в вестибюль; старатели проводили его взглядами, явно забавляясь про себя, и, едва за ним с глухим стуком захлопнулась дверь, отметили: вот человек, твердо намеренный разобраться, что к чему.

Притчард вот уже много недель не видел Анны. О ее попытке самоубийства он узнал лишь из третьих рук, от Дика Мэннеринга, который, в свою очередь, передал дальше вести, полученные от китайца А-Су, хозяина опиумной курильни в Каньере. Анна частенько занималась своим ремеслом в каньерском Чайнатауне, и по этой причине Анну в обиходе прозвали Китайская Энни, каковое прозвище повредило ее репутации в одних кругах и изрядно поспособствовало в других. Притчард не принадлежал ни к какому лагерю — он мало интересовался чужой личной жизнью, так что его и не раззадорило, и не оттолкнуло известие о том, что потаскушку особенно жалует А-Су и что, как позже сообщил Притчарду Мэннеринг, узнав о том, как она едва не погибла, китаец впал в истерику. (Мэннеринг не говорил на кантонском диалекте китайского языка, зато знал несколько иероглифов, включая «металл»,

«хотеть» и «умирать», — достаточно, чтобы вести пиктографическую беседу с помощью блокнота, уже так густо покрытого пометками и пятнами от долгого использования, что владелец мог выстраивать изощренные риторические фигуры, просто отлистав страницы назад и ткнув пальцем в старую ссору, былое соглашение или давнюю сделку купли-продажи.)

Притчарда рассердило, что Анна не обратилась к нему напрямую. В конце концов, он — аптекарь и к югу от реки Грей по крайней мере единственный поставщик опиума в курильни Уэст-Коста, эксперт в вопросе передоза. Анне следовало зайти к нему и спросить совета. Притчард ни на минуту не верил, что Анна пыталась покончить с собой, вот не верил — и все. Он не сомневался, что наркотик ей дали насильно — либо так, либо в дурман что-то добавили с целью повредить девушке. Притчард попытался изъять остаток партии из китайской курильни, чтобы исследовать вещество на предмет яда, но взбешенный А-Су в этой просьбе отказал, недвусмысленно возвестив (опять же через Мэннеринга) о своем твердом намерении никогда более не вести дел с аптекарем. Угроза Притчарда не испугала: в Хокитике у него была обширная клиентура, а продажа опиума

составляла лишь очень небольшой процент его дохода, — но его профессиональное любопытство удовлетворено не было. Так что теперь ему требовалось лично расспросить девицу.

Притчард вошел в вестибюль; хозяина гостиницы «Гридирон» на месте не оказалось, вокруг царила дребезжащая пустота. Но вот глаза Притчарда привыкли к темноте, и он разглядел слугу Клинча: прислонившись к конторке, тот читал старый номер «Лидера», одновременно проговаривая слова и водя пальцем от строчки к строчке. На стойке, там, где движение его пальца отполировало дерево до блеска, тускнело жирное пятно. Слуга поднял глаза и кивнул аптекарю. Притчард бросил ему шиллинг; тот ловко поймал монету и пришлепнул ею по тыльной стороне ладони. «Решка!» — крикнул паренек, и Притчард, уже двинувшись вверх по лестнице, фыркнул от смеха. Если задеть его чувства, Притчард разъярялся не на шутку; и прямо сейчас он действительно был разъярен. В коридоре царила тишина, но он на всякий случай приложил ухо к двери Анны Уэдерелл и на мгновение прислушался, прежде чем постучать.

Харальд Нильссен был прав в своих догадках: отношения Притчарда с Анной Уэдерелл

были несколько более надрывны, нежели его собственные, однако он ошибался, полагая, что аптекарь влюблен в девушку. На самом деле предпочтения Притчарда были насквозь традиционно-консервативны и даже инфантильны. Он бы скорее запал на молочницу, нежели на проститутку, сколь бы глупа и скучна ни была первая и эффектна — вторая. Притчард ценил чистоту и простодушие, скромное платьице, тихий голос, кроткий нрав и умеренность притязаний — иначе говоря, контраст. Его идеальная женщина должна была являть полную его противоположность: насквозь понятна там, где сам он непостижим, спокойна и сдержанна там, где сам он не таков. Она станет для него чем-то вроде якоря, свыше и извне, станет лучом света, утешением и благословением. Анна Уэдерелл, при всех ее крайностях и увлечениях, слишком походила на него. Не то чтобы Притчард ее за это ненавидел — но жалел.

В общем и целом, в том, что касалось прекрасного пола, Притчард был весьма сдержан. Он не любил болтать о женщинах с другими мужчинами: эта привычка, по его мнению, недалеко ушла от вульгарного паясничанья. Он помалкивал, и в результате приятели верили в его

многочисленные успехи, а женщины усматривали в нем глубокую, загадочную натуру. Он был по-своему хорош собой; дело его процветало; он считался бы весьма завидным женихом, если бы работал чуть меньше, а в обществе бывал чуть больше. Но Притчард терпеть не мог многолюдные разношерстные компании, где от каждого мужчины ждут, что он выступит как бы представителем своего пола и игриво представит все свои достоинства на тщательное рассмотрение присутствующих. В толпе он задыхался, делался раздражительным. Он предпочитал узкий круг немногих друзей, которым был безоглядно предан — как по-своему был предан Анне. Та доверительная близость, что он ощущал, будучи с ней, объяснялась главным образом тем, что мужчина не обязан обсуждать своих девок с другими; проститутка — дело личное, это блюдо полагается вкушать в одиночестве. Одиночества он в Анне и искал. Она дарила ему покой уединения; будучи с нею, он неизменно держал дистанцию.

По-настоящему Притчард любил один-единственный раз в жизни, однако уже шестнадцать лет минуло с тех пор, как Мэри Мензис стала Мэри Феркин и перебралась в Джорджию, к жизни среди хлопка, краснозема и (как навоображал

себе Притчард) мешкотной праздности — следствия богатства и безоблачных небес. Не умерла ли она, не опочил ли мистер Феркин, народились ли у нее дети и выжили или нет, сильно ли она постарела или выглядит моложе своих лет, Притчард понятия не имел. В его мыслях она так и осталась Мэри Мензис. Когда он видел ее в последний раз, ей шел двадцать шестой год, на ней было простенькое узорчатое муслиновое платьице, волосы собраны в локоны у висков, на запястьях и пальцах — никаких украшений. Они сидели у коробчатого окна — прощались.

«Джозеф, — сказала она тогда (а он позже занес ее слова в блокнот, чтобы запомнить навсегда), — Джозеф, сдается мне, ты с добром всегда в разладе. Хорошо, что ты за мной никогда не ухаживал. Так ты станешь тепло вспоминать меня. Ты бы не смог, сложись все иначе».

По ту сторону двери раздались быстрые шаги.

— О, это ты, — вот и все приветствие, которым удостоила его Анна.

Она была разочарована — верно, ждала кого-то другого. Притчард молча переступил порог и затворил за собою дверь. Анна вошла в поделенный начетверо прямоугольник света под окном.

Она была в трауре, но по старомодному покрою

платья (юбка колокол, лиф с мысиком) и выцветшей ткани Притчард догадался, что шилось оно не на нее, — видимо, чей-то подарок или, что еще более вероятно, подержанная вещь от старьевщика. Он заметил, что подол был выпущен: полоса у самого пола шириной в два дюйма выделялась более густо-черным цветом. Странно было видеть проститутку в трауре — все равно что прифрантившегося священника или ребенка с усами; прямо-таки с толку сбивает, подумал Притчард.

Ему вдруг пришло в голову, как редко он видел Анну иначе, нежели при свете лампы или при луне. Цвет ее лица был прозрачен до голубизны, а под глазами пролегали глубокие фиолетовые тени — словно ее портрет написали акварелью на бумаге, недостаточно плотной, чтобы удерживать в себе влагу, и краски растеклись. Ее черты, как сказала бы матушка Притчарда, были сплошь угловатые: очень прямой лоб, заостренный подбородок, узкий, геометрически четкий нос — скульптор изваял бы его четырьмя взмахами руки: по срезу с каждой стороны, один по переносице и вдавленная снизу ямочка. Губы у нее были тонкие, глаза — большие от природы, но приглядывалась она к миру подозрительно и нечасто

прибегала к их помощи обольщения ради. Щеки у нее были впалы, так что просматривалась линия челюсти — так просматривается обод барабана под туго натянутой мембраной кожи.

В прошлом году она забеременела, это состояние согрело восковую бледность ее щек и придало полноты жалостно-худым рукам, и такой она Притчарду очень нравилась: округлый живот и набухшие груди, спрятанные под бессчетными ярдами батиста и тюля — тканей, что смягчали ее облик и придавали ей живости. Но где-то после весеннего равноденствия, когда вечера сделались длиннее, а дни ярче и багряное солнце зависало совсем низко над Тасмановым морем на много часов, прежде чем наконец кануть в красные морские волны, ребенок погиб. Его тельце давно завернули в ситец и погребли в неглубокой могилке на уступе в Сивью. О смерти младенца Притчард с Анной не заговаривал. В ее номер он заглядывал очень нерегулярно, а когда заходил, то вопросов не задавал. Но, узнав эту новость, он оплакал ее наедине с собою. В Хокитике было так мало детей — трое-четверо, не больше. Им радовались, как радуются, заслышав знакомый акцент в речи или завидев у горизонта долгожданный корабль: они напоминали о доме.

Притчард ждал, чтобы Анна заговорила первой.

— Тебе нельзя здесь оставаться, — заявила она. — У меня деловая встреча.

— Я тебя не задержу. Просто про здоровье хотел спросить.

— О! — взорвалась она. — Мне этот вопрос осточертел — просто осточертел!

Притчард не на шутку удивился ее вспышке:

— Давненько я к тебе не захаживал.

— Да.

— Но я тебя на главной улице видел — сразу после Нового года.

— Городишко у нас маленький.

Он шагнул ближе:

— От тебя морем пахнет.

— Вовсе нет. Я вот уже много недель в море не купалась.

— Тогда, значит, штормом и бурей. Вроде как, когда на улице метель метет, входишь в дом — и вносишь с собой холод.

— Что это ты себе думаешь?

— Что я себе думаю?

— С какой стати ты заговорил поэтическим слогом?

— Поэтическим?

(У Притчарда была прескверная привычка в разговоре с женщинами отвечать на вопрос вопросом. Мэри Мензис как-то раз на нее пожаловалась — давным-давно.)

— Сентиментальным. Затейливым. Не знаю. Не важно. — Анна потеребила манжет платья. — Я уже выздоровела, — сообщила она. — И следующий свой вопрос можешь не задавать. Я вовсе не собиралась совершать ничего такого противного природе. Трубочку хотела выкурить, как всегда, а потом заснула, ничего больше не помню, проснулась в тюрьме.

Притчард положил шляпу на шкаф.

— И с тех пор тебя только и делают, что травят.

— Со свету сживают.

— Бедная ты.

— Сочувствие еще хуже.

— Ну что ж, тогда я сочувствовать не стану, а, напротив, проявлю жестокость, — промолвил Притчард.

— Мне все равно.

Казалось, говорит она с безразличным сожалением. Притчард разозлился было и собирался уже дать волю гневу, но вовремя напомнил себе, что он тут по делу.

— И кто же твой клиент? — осведомился гость,

чтобы ее поддеть.

Анна отошла было к окну — и теперь изумленно полуобернулась:

— Что?

— Ты сказала, у тебя деловая встреча. Кто же это?

— Да нет никакого клиента. Мы тут с одной дамой договорились пойти шляпки посмотреть.

Притчард хмыкнул:

— Я, знаешь ли, про кодекс чести проституток наслышан. Тебе нет необходимости лгать.

Анна изучающее рассмотрела его словно бы с огромного расстояния — словно для нее он был лишь пятнышком на горизонте, далекой тающей точкой. Наконец она заговорила — медленно, точно обращаясь к ребенку:

— Ну конечно, ты ж не знал. Я этим делом покамест больше не занимаюсь.

Притчард изогнул брови и, скрывая изумление, рассмеялся:

— То есть ты теперь честная женщина? Шляпки, цветочки в ящиках, все такое? Без перчаток на улицу не выходишь?

— Только пока я ношу траур.

При этом ответе, высказанном просто и тихо, Притчард осознал, как глупо выглядит со своим

нелепым смехом, и в груди у него стеснилось от досады.

— А Дик что по этому поводу говорит? — полюбопытствовал Притчард, имея в виду работодателя Анны мистера Мэннеринга.

Анна отвернулась.

— Он недоволен, — признала она.

— Да уж еще бы!

— Джо, я не хочу с тобой это обсуждать.

— Что ты имеешь в виду? — ощетинился Притчард.

— Я ничего не имею в виду. Ничего особенного. Просто я устала о нем думать.

— Он тебя обижает?

— Нет, — покачала головой Анна. — Не то чтобы.

Притчард хорошо разбирался в проститутках. Есть жеманницы, они изображают, будто до глубины души шокированы, манерничают, сюсюкают; есть дебелые, услужливые тетехи, они носят ниспадающие рукава до локтя в любую погоду и всех называют «мальчиками»; есть пьянчуги, плаксивые и жадные, с растрескавшимися, покрасневшими костяшками пальцев и слезящимися глазами; и, наконец, есть категория, к которой принадлежала и Анна, — непостижи-

мые натуры, то ясные и прозрачные, а то яркие, искрометные; их манера держаться говорит об утонченном страдании, о несчастье настолько законченном и совершенном, что оно заявляет о себе как о невозмутимом внутреннем достоинстве. Анна Уэдерелл была больше чем темная лошадка — она была сама тьма или плащ тьмы. Она была безмолвной прорицательницей, думал про себя Притчард, — жрицей, что знает не мудрость, но порок; какие бы жестокости ты ни совершил, ни сказал и ни наблюдал своими глазами, она явно повидала много чего похуже.

— А ко мне ты почему не пришла? — проговорил он наконец: ему хотелось обвинить собеседницу хоть в чем-нибудь.

— Когда?

— Когда тебе поплохело.

— Я была в тюрьме.

— Ну, после.

— И чем бы ты мне помог?

— Я бы, вероятно, избавил тебя от многих неприятностей, — коротко отозвался Притчард. — Я мог бы доказать, что в опиум подмешали яд, если бы ты позволила мне свидетельствовать в твою пользу.

— Ты знал, что опиум отравлен?

— Это всего лишь догадка. А как же иначе, Анна? Разве что…

Анна снова отошла от него, на сей раз к изголовью кровати, обхватила пальцами железную шишку. Стоило ей двинуться, и Притчард снова почувствовал ее запах — запах моря. Сила этого чувства его просто ошеломила. Ему пришлось сдержать порыв шагнуть к ней, последовать за нею, вдохнуть ее всей грудью. Ему чудился запах соли, и железа, и тяжелый, металлический привкус ненастья… низко нависшие облака, подумал он, и дождь. И не просто море: *корабль*. Запах просмоленных канатов, штормовая влажность выбеленного тикового дерева, промасленная парусина, свечной воск. У Притчарда слюнки потекли.

— Отравлен, значит. — Анна покосилась на гостя. — И кем же?

(Возможно, это сработала сенсорная память — всего-то-навсего случайное эхо, что вдруг растекается по всему телу, а затем так же мгновенно гаснет. Притчард прогнал докучную мысль.)

— Тебе наверняка приходила в голову такая возможность, — нахмурился он.

— Наверное. Ничего не помню.

— Вообще ничего?

— Помню, села с трубкой. Нагрела булавку. После — ничего.

— Я-то верил, что ты не самоубийца, что ты ничего дурного не замышляла. Я ни на минуту в этом не сомневался.

— Ну что ж поделаешь, — отозвалась Анна, — если некоторые от этой мысли отделаться никак не могут.

— Да, действительно — никак не могут, — быстро откликнулся Притчард. Он чувствовал, что над ним взяли верх, и на всякий случай отступил на полшага назад.

— Я ничего не знаю про яд, — заверила Анна.

— Если бы я мог подвергнуть проверке то, что осталось от порции, я бы сказал тебе, подмешано ли к веществу что-то еще, — объяснил Притчард. — За этим я и пришел. Хотел узнать, нельзя ли откупить у тебя обратно небольшое количество, чтоб глянуть, в чем там дело. А-Су со мной даже не здоровается.

Анна сощурилась:

— Ты хочешь подвергнуть его проверке — или подменить вещество?

— Ты это о чем еще?

— Может, ты следы заметаешь.

Притчард негодующе вспыхнул:

— Какие еще следы? — Анна промолчала, и он повторил вопрос: — Какие еще следы?

— А-Су считает, это *ты* подмешал туда яду, — наконец выговорила Анна, не сводя с гостя глаз.

— Ах, он так считает? Чертовски сложный обходной способ, признаться, если бы мне и впрямь хотелось лишить тебя жизни.

— Может, ты *его* хотел убить?

— И потерять клиента? — Притчард понизил голос. — Послушай, на братские чувства и все такое я не претендую, но с азиатами я не ссорился и ссориться не собираюсь. Ты слышишь? У меня нет причин желать кому-либо из них зла. Вообще никаких.

— Палатку на его участке снова изрезали. В прошлом месяце. И все его снадобья погибли.

— Уж не думаешь ли ты, что это сделал я?

— Нет, не думаю.

— Тогда в чем фокус? — не отступался Притчард. — Анна, выкладывай! Что происходит?

— Он думает, ты занимаешься рэкетом.

— Травлю узкоглазых? — фыркнул Притчард.

— Да, — кивнула Анна. — И это не такая уж глупая мысль, знаешь ли.

— Ах вот как! И ты с ним согласна, да?

— Я этого не говорила, — возразила девушка. —

Это не *я* так считаю…

— Ты считаешь меня сварливым старым пнем, — отозвался Притчард. — Я знаю. Анна, я и впрямь сварливый старый пень. Но я не убийца.

Убежденность проститутки развеялась так же быстро, как подчинила ее себе. Анна вновь отпрянула, шагнула в сторону, к окну, рука ее потянулась к плетеному кружеву воротника, затеребила его. Притчард тут же смягчился. Он узнал этот жест: это характерное движение, свойственное не ей одной, но любой девушке.

— Ну как бы то ни было, — проговорил он примирительно. — Как бы то ни было.

— Ты не так уж и стар, — сказала Анна.

Ему отчаянно хотелось к ней прикоснуться.

— А потом еще эта проблема лауданума — несчастный случай с Кросби Уэллсом, — промолвил он. — У меня эта история из головы не идет.

— Что еще за проблема лауданума?

— Под кроватью отшельника нашли флакон с лауданумом. Мой.

— Закупоренный или открытый?

— Закупоренный. Но наполовину пустой.

Анна явно заинтересовалась:

— Твой — в смысле, он принадлежал тебе лично или просто был куплен в твоей аптеке?

— Куплен, — объяснил Притчард. — И куплен не Кросби. Я этому человеку в жизни ни драхмы не продал.

Анна задумчиво прижала ладонь к щеке:

— Очень странно.

— Эх, старина Кросби Уэллс. — Притчард делано рассмеялся. — При его жизни никто и никогда о нем вообще не задумывался, а теперь вон как вышло.

— Кросби… — проговорила Анна и вдруг, нежданно-негаданно, расплакалась.

Причарду захотелось шагнуть к ней, раскрыть объятия, утешить девушку. Она пошарила в рукаве в поисках платка; Притчард ждал, сцепив за спиною руки. Она плакала не о Кросби Уэллсе. Она ж его даже не знала. Плакала она о себе.

Разумеется, думал Притчард, это неприятно — когда тебя судят за попытку самоубийства в суде по мелким искам, и травят все кто попало, и обсуждают в «Таймс» как какую-то диковину, и сплетничают о тебе за завтраком и между партиями в бильярд, словно душа человеческая — это общее достояние и база для судебного разбирательства. Притчард не сводил с Анны глаз: вот она высморкалась, тонкими пальцами неловко затолкала платок обратно в рукав. Нет, это не

просто усталость — это горе совсем иного рода. Она, похоже, не столько измотана и затравлена, сколько разрывается надвое.

— Ничего, пустяки, — наконец проговорила Анна, взяв себя в руки. — Не обращай на меня внимания.

— Если бы я только мог взглянуть хоть на кусочек, — гнул свое Притчард.

— Что?

— Ну, дурман — я б его у тебя откупил. Я вовсе не собираюсь ничего подменять; ты можешь дать мне совсем чуть-чуть, вся порция мне не нужна.

Девушка резко качнула головой, и Притчард внезапно понял, что в ней изменилось. Он шагнул вперед, за три стремительных шага преодолев разделяющее их расстояние, и схватил ее за рукав.

— Где вещество? — потребовал он. — Где смола?

Анна отдернула руку.

— Я ее съела, — заявила девушка. — Последние остатки доела вчера вечером, если хочешь знать.

— Нет, быть того не может!

Притчард последовал за ней, развернул ее за плечи лицом к себе. Большим пальцем приподнял ей подбородок, запрокинув голову, и

вгляделся в ее глаза.

— Ты врешь, — объявил он. — Ты чиста.

— Я его съела, — повторила Анна, рывком высвобождаясь.

— Ты опиум обратно А-Су отдала? Он его забрал?

— Еще раз повторяю: я его съела.

— Да брось ты! Анна, не лги мне!

— Я не лгу.

— Ты съела порцию отравленной смолы — и глаза у тебя ясные, как рассвет?

— А кто говорит, что опиум был отравлен? — сощурилась девушка.

— И даже если не был…

— Ты *знаешь* доподлинно, что опиум был отравлен? Ты *уверен*?

— Я ни черта не знаю об этом треклятом деле и тон твой мне не нравится! — рявкнул Притчард. — Да ради бога, я всего-навсего хочу получить назад кусочек той порции, чтобы ее проверить!

Анна вновь встрепенулась:

— И кто же, интересно, его отравил, а, Джо? Кто пытался меня убить? Твои предположения?

— А-Су, может статься, — взмахнул рукой Притчард.

— Обвинить обвинителя? — Анна рассмеялась. — Именно такую игру преступник и ведет!

— Я пытаюсь помочь тебе! — в бешенстве рявкнул Притчард. — Я *помочь* пытаюсь!

— Нечего тут помогать! — закричала Анна. — Помогать тут некому! В последний раз: это не попытка самоубийства, Джозеф, и — никакого — чертова — *яда*!

— Тогда объясни мне, как ты, полумертвая, оказалась посреди Крайстчерчской дороги?

— *Я не могу этого объяснить!*

Впервые за этот день Притчард прочел в ее лице подлинные чувства: страх и ярость.

— Ты тем вечером курила трубку — как всегда?

— Как всякий день после того, как внесла залог.

— А сегодня?

— Нет. Говорю же: вчера вечером я съела все, что осталось.

— В котором часу?

— Поздно. Может, в полночь.

Притчарду захотелось сплюнуть.

— Не делай из меня дурака. Я сколько раз видел тебя и под кайфом, и под отходняком. Прямо сейчас ты трезва, как монахиня.

Ее лицо исказилось.

— Если ты мне не веришь, уходи.

— Нет. Не уйду.

— Черт тебя подери, Джо Притчард.

— Черт подери *тебя*.

Анна снова расплакалась. Притчард отвернулся. Где она его прячет? Он шагнул к гардеробу, открыл, стал перетряхивать содержимое. Платья на вешалках. Нижние юбки. Кальсоны, по большей части изодранные и замызганные. Платки, шали, корсеты, чулки, ботинки на пуговках. Ничего! Он отошел к комоду, где на треснувшей фарфоровой тарелке стояла спиртовая лампа, — ее опиумная лампа, надо думать, и тут же — скомканная пара перчаток, расческа, подушечка для булавок, вскрытая упаковка мыла, разнообразные склянки с кремами и пудрой. Эти предметы он поочередно брал в руки и ставил на место; он задался целью перевернуть комнату вверх дном.

— Что ты делаешь? — вознегодовала Анна.

— Ты его прячешь и не говоришь мне почему!

— Это мои вещи.

Притчард расхохотался:

— Памятные подарочки, да? Ценные сувениры? Антиквариат?

Он рывком выдвинул ящик из комода и пере-

вернул его на пол. С грохотом посыпались мелочи и безделушки. Монеты, деревянные катушки ниток, ленты, обтянутые тканью пуговицы, портновские ножницы. Выкатились три пробки от шампанского. Мужская кисточка для бритья — она, верно, где-то ее стибрила. Спички, косточки для корсета. Билет, по которому она приехала в Новую Зеландию. Смятые клочки ткани. Зеркальце в посеребренной оправе. Притчард разгреб кучу. Вот Аннина трубка, и где-то должна быть от нее коробочка или, может, мешочек, а внутри — в вощеную бумагу завернута смола, точно магазинная ириска. Он выругался.

— Скотина, — произнесла Анна. — Ты омерзителен.

Не обращая на нее внимания, Притчард подобрал трубку.

Трубка оказалась китайской работы; сделанная из бамбука, она была длиной с Притчардово предплечье. Чашка располагалась дюймах в трех от конца, выдавалась вперед, как дверная ручка, и крепилась к дереву с помощью металлической скобы. Притчард взвесил трубку в руках, держа ее, как флейтист — флейту. Затем принюхался. По краю чашки загустел темный нагар, как если бы к трубке прикладывались, причем недавно.

— Ну, доволен? — спросила она.

— Придержи язык. Игла где?

— Здесь. — Она указала на кусок ткани среди жалкого мусора на полу, с воткнутой в него длинной шляпной булавкой, почерневшей на конце.

Притчард обнюхал и булавку. Затем вставил ее в отверстие в чашке и повращал, держась за кончик.

— Ты ее сломаешь.

— Значит, окажу тебе услугу.

(Притчарда удручало и шокировало Аннино пристрастие к наркотику — но почему бы? Он и сам частенько покуривал опиум. Обычно в Каньере, у А-Су, в маленькой хижине: Су завесил ее восточными тканями, обеспечивая неподвижность воздуха, чтобы его драгоценные лампы не мигали на сквозняке.)

Наконец Притчард отшвырнул трубку — небрежно, так что чашка со звоном ударилась о половицу.

— Скотина, — повторила Анна.

— Ах, скотина, значит?

Притчард бросился на нее, не то чтобы собираясь причинить ей боль, но просто схватить за плечи и потрясти хорошенько, пока не скажет правду. Но он был неуклюж, Анна вывернулась,

и в третий раз за день ноздри Притчарду защекотал густой солоноватый запах океана и, как ни странно, металлический привкус холода — как будто в лицо ему ударил ветер, как будто над его головой лопнул парус, как будто в воздухе повеяло штормом. Он дрогнул.

— Отвали! — приказала она. Она заслоняла лицо руками, неплотно сжав пальцы в кулаки. — Я серьезно, Джозеф. Я не потерплю, чтобы меня называли лгуньей. Отвали и убирайся.

— Я буду называть тебя лгуньей, если ты, черт тебя побери, лжешь.

— Отвали.

— Говори, где ты прячешь опиум.

– *Отвали!*

— И не подумаю, пока не скажешь! — заорал Притчард. — А ну говори, ты, шлюха непутевая!

В отчаянии он снова бросился на нее; глаза ее полыхнули огнем, и в следующее мгновение она запустила руку под корсаж и достала однозарядный дамский пистолет. Совсем крохотный, не длиннее Притчардова пальца, но с расстояния двух шагов такой вполне смог бы разнести ему грудь. Притчард инстинктивно вскинул руки. Оружие смотрело назад, дуло торчало вверх, едва не упираясь в Аннин подбородок, так что ей

пришлось развернуть пистолет, чтобы он лег ей в руку, — но тут одновременно произошло три события. Притчард отпрянул назад и споткнулся о край ротангового коврика; за его спиной распахнулась дверь и кто-то вскрикнул; и Анна, полуобернувшись на голос, подалась вперед — и выстрелила себе в грудь.

Выстрел из миниатюрного пистолета прозвучал глухо и даже неприметно, словно высоко над палубой топсель лопнул. Звук казался эхом самого себя: как если бы настоящий выстрел прогремел где-то очень далеко, а этот шум — не более чем отголосок. Притчард сдуру крутнулся на месте и развернулся к Анне спиной, чтобы оказаться лицом к лицу с новым участником событий. В голове у него помутилось; он отстраненно отметил, что вошедший — это Обер Гаскуан, новый секретарь магистратского суда. Притчард знал Гаскуана довольно поверхностно. Недели три назад клерк пришел к нему в лабораторию и попросил отпустить ему по рецепту лекарство от расстройства кишечника; как ни смешно, Притчард задумался об этом сейчас. Интересно, помогла ли его настойка пациенту, как он обещал?

На краткую долю секунды все застыли… а мо-

жет, времени не прошло вовсе. Гаскуан громко выругался, метнулся вперед, накинулся на проститутку, оттянул назад ее голову, пистолет со стуком отлетел в сторону, но на белизне шеи не обнаружилось ни царапины, крови не было — девушка дышала. Ладони ее взметнулись к горлу.

— Дура — что ты за дура! — заорал Гаскуан. В голосе его зазвенело рыдание. Он вцепился в ее истрепанный воротник обеими руками и рывком разорвал на ней платье. — Холостой заряд, да? Восковая пулька? Решила еще раз нас напугать? Да что за игру, черт тебя дери, ты затеяла?

Анна ощупывала грудь, пальцы ее смятенно теребили и мяли плоть. Глаза девушки расширились.

— Холостой, думаешь? — Притчард нагнулся и подобрал пистолет.

Ствол был горячим на ощупь, в воздухе висел запах пороха. Но стреляной гильзы нигде видно не было, равно как и отверстия. Стена за спиною Анны, ровно оштукатуренная, выглядела такой же, как секунду назад. Мужчины озирались по сторонам, переводя глаза со стен на пол, с пола на Анну. Проститутка смотрела вниз, на собственную грудь. Притчард протянул Гаскуану пистолет — тот нелепо покачивался, вися на указатель-

ном пальце. Гаскуан взял оружие в руки. Ловко отщелкнул ствол, заглянул в патронник. Затем обернулся к Анне:

— Кто заряжал пистолет?

— Я сама, — недоуменно отозвалась Анна. — Могу показать запасные патроны.

— Покажи. Давай их сюда.

Девушка с трудом поднялась на ноги и отошла к этажерке рядом с кроватью; спустя мгновение она вернулась с жестяной коробкой, в которой на клочке оберточной бумаги перекатывались семь патронов. Гаскуан потрогал их пальцем. Затем вручил пистолет проститутке:

— Заряди так, как заряжала прежде. Точно так же.

Анна безмолвно кивнула. Откинула ствол вбок, вложила патрон в патронник. Со щелчком аккуратно вернула ствол на прежнее место, взвела курок на полувзвод, передала заряженный пистолет обратно. Да она, похоже, перепугана до смерти, подумал про себя Притчард, — словно остолбенела, и двигается машинально. Гаскуан взял у нее пистолет, отошел на несколько шагов, прицелился и выстрелил в изголовье кровати. Выстрел прозвучал так же тихо, как и прежде, но на сей раз Притчард расслышал встревоженный

шум голосов этажом ниже и торопливые шаги. Все пригляделись к тому месту, куда он стрелял. В центре подушки зияла аккуратная дырочка, чуть потемневшая по краям от жара; от набивки взметнулись клубы пылевидного пуха и медленно осели туманной дымкой. Гаскуан шагнул вперед, отбросил подушку. Ощупал спинку кровати — точно так же как Анна ощупывала шею, ища рану, — и спустя мгновение удовлетворенно крякнул.

— Что, есть? — спросил Притчард.

— Да пустячная царапина, — отозвался Гаскуан, проверяя глубину отверстия пальцем. — От этих дамских пукалок толку чуть.

— Но где… — в замешательстве начал было Притчард. Его язык с трудом поворачивался во рту.

— Что случилось с первым? — эхом подхватил Гаскуан.

Оба уставились на второй патрон в его руке, вполне себе зримый и деформированный. Затем Гаскуан вскинул глаза на Анну, Анна — на Гаскуана, и Притчарду померещилось, будто эти двое обменялись понимающими взглядами.

До чего же это мерзко — когда твоя же девка переглядывается с другим мужчиной! Притчарду

хотелось презирать ее, но не получалось; накатила апатия, а вместе с нею — растерянность. В ушах звенело.

Анна повернулась к нему.

— Ты не сходишь вниз? — попросила она. — Скажи Эдгару, я играла с пистолетом или его чистила и он случайно выстрелил.

— Его нет за стойкой, — отозвался Притчард.

— Ну, слуге скажи. Сообщи об этом, так или иначе. Не хочу, чтобы кто-нибудь сюда поднимался, и шумихи никакой не хочу. Пожалуйста, сделай это.

— Хорошо, сделаю, — произнес Притчард. — А потом…

— А потом ты уйдешь, — отрезала Анна.

— Мне нужно то, за чем я пришел, — тихо проговорил Притчард, искоса глянув на Гаскуана, но тот тактично опустил глаза.

— Джозеф, я ничем не могу тебе помочь. У меня нет того, что тебе нужно. Пожалуйста, уходи.

Он вновь заглянул ей в глаза: зеленые, с широкой темной каймой по краю радужки, а вокруг зрачка лучиками поблескивали галечно-серые блики. Вот уже много месяцев он не видел цвета этих глаз, не видел этого зрачка как точку, как зернышко, а видел лишь размытый черный диск,

одурманенный сном. Теперь она была трезва — ни малейшего в том сомнения. Выходит, она лгунья, а может, еще и воровка; выходит, она его обманывает. А «деловая встреча» у нее назначена с этим Гаскуаном. Еще один секрет. Еще одна ложь. С дамой она идет шляпки посмотреть!

Но Притчард вдруг осознал, что гнев его иссяк. Ему было стыдно. Ему казалось, будто это он бесцеремонно ворвался без приглашения, это он нарушил интимное уединение Анны с Гаскуаном в ее же собственном номере. Устыдился же Притчард как-то безыскусно, по-детски: накатила горечь обиды и в горле застрял комок.

Наконец он повернулся на каблуках и направился к выходу. В дверях он взялся за ручку, чтобы закрыть за собою дверь, но потянул ее на себя очень неспешно, наблюдая за оставшимися сквозь сужающуюся щель.

Гаскуан стронулся с места еще до того, как дверь захлопнулась. Он кинулся к Анне, распахнул объятия, Анна рухнула ему на грудь, ее бледная щека легла в изгиб его шеи. Гаскуан крепко обнял ее за талию; тело девушки обмякло; он подхватил ее на руки, так что, тесно прильнув к нему, пола она чуть касалась пальцами ног; он наклонил голову и прижался щекой к ее волосам. Гаскуан

стиснул зубы, глаз не закрывал и шумно дышал через нос. Притчарда, подглядывавшего у двери, захлестнуло одиночество. Ему казалось, будто он никогда в жизни не любил и ни одна живая душа не любила его. Он как можно тише закрыл дверь и неслышно зашагал вниз по лестнице.

* * *

— Можно, я перебью? У меня есть вопрос.

— Да, пожалуйста.

— Вы не могли бы продемонстрировать мне в точности, как именно мисс Уэдерелл держала пистолет?

— Безусловно. Вот так — ее ладонь упиралась вот сюда. Я стоял к ней под углом, примерно так, как сейчас мистер Мэннеринг сидит по отношению ко мне, а она развернулась вполоборота, вот так.

— А если бы пистолет выстрелил, как ожидалось, какого типа ранение, скорее всего, получила бы мисс Уэдерелл?

— Если бы ей посчастливилось, то поверхностную рану в плечо. Если бы не посчастливилось, то, наверное, чуть ниже. Вероятно, в сердце. Левая часть тела, сами понимаете… Любопытное дело: даже будь это холостой заряд, она все рав-

но пострадала бы от стреляной гильзы или от порохового ожога, ну или ее хоть сколько-то бы опалило. Мы просто не знаем, что и думать.

— Большое спасибо. Прошу прощения, что прервал.

— Вы хотите чем-то с нами поделиться, мистер Мади?

— Поделюсь вскорости, как только дослушаю историю до конца.

— Не могу не отметить, сэр, вид у вас какой-то нездоровый.

— Со мной все в порядке. Пожалуйста, продолжайте.

* * *

Когда Притчард возвратился к себе в аптеку на Коллингвуд-стрит, полдень не так давно миновал, но самому ему казалось, что уже гораздо позже — что уже сгущаются сумерки, — иначе отчего бы он с ног валился от усталости? Он вошел через лавку и какое-то время занимался совсем уж дурацким делом: выравнивал ремни для правки бритв строго в уголках полок, а пузырьки расставлял в ряд один к другому по краю прилавка, но внезапно понял, что больше не выдержит. Он поставил в витрине табличку, оповещающую

покупателей, что до понедельника лавка закрыта, запер двери и уединился в лаборатории.

На столе лежало несколько рецептов на приготовление лекарства, но Притчард глядел на бланки, толком их не видя. Он снял куртку, повесил ее на крюк рядом со стеллажом. По привычке завязал на поясе фартук. И застыл на месте, глядя в никуда.

Фраза Мэри Мензис навеки определила его судьбу — стала его пророчеством и его проклятием. «Ты с добром всегда в разладе», — Притчард запомнил эти слова, записал их и тем самым заставил их сбыться. Он стал мужчиной, которого она отвергла, — потому что она его таки отвергла, потому что она уехала. А теперь ему тридцать восемь, и он никогда не влюблялся, а у других мужчин есть любовницы и жены. Длинным пальцем Притчард коснулся упаковки для рецептурного препарата, что стояла на столе перед ним. В его памяти эта девушка так и осталась Мэри Мензис. Ей по-прежнему девятнадцать.

Ему пришла на ум поговорка отца: дашь псу дурную кличку, таким он и вырастет. («Помни, Джозеф». Одной рукой он потрепал сына по плечу, другой — прижал к груди новорожденного щенка; на следующий день Притчард нарек звереныша

Кромвелем, и отец коротко кивнул.) Вспоминая те слова, Притчард думал: «Вот, значит, что я сделал с самим собою и со своей судьбой? Я — неудачно названный пес из отцовского афоризма?» Но это не было вопросом.

Он сел, положил руки ладонями вниз на лабораторный стол. Мысли его вновь обратились к Анне. По ее собственным заверениям, она вовсе не пыталась лишить себя жизни, и Притчард был склонен ей поверить. Жизнь Анне досталась тяжкая, но не вовсе лишенная удовольствий, и она была не из тех, кто бросается в крайности. Притчарду казалось, он хорошо ее знает. Он даже вообразить не мог, что девушка попытается покончить с собой. И однако ж — как она там сказала? Некоторые от этой мысли отделаться никак не могут. Да уж, тяжело вздохнул Притчард. Действительно, никак не могут.

Анна была опиофагом с большим стажем. Она принимала снадобье едва ли не каждый день и давно привыкла к его воздействию на тело и разум. На памяти Притчарда она никогда не теряла сознание так, чтобы ее невозможно было привести в чувство на протяжении более двенадцати часов. Он очень сомневался, что так вышло по чистой случайности. И если она действительно

не пыталась покончить с собой, как уверяет, остается лишь два варианта: либо ее одурманил кто-то другой, воспользовался ею в каких-то гнусных целях, а потом бросил на Крайстчерчской дороге, либо (Притчард медленно кивнул) она врет. Да. Она солгала насчет смолы; она вполне могла солгать и насчет передоза. Но чего ради? Кого она выгораживает? И зачем?

Хокитикский врач подтвердил, что Анна действительно приняла большую дозу опиума ночью 14 января; его свидетельство было напечатано в «Уэст-Кост таймс» на следующий день после суда над Анной. Могла Анна ввести врача в заблуждение или как-то убедить его поставить ложный диагноз? Притчард задумался. Анна провела в тюрьме больше двенадцати часов, и за это время ее кто только не щупал и не тыкал, да и просто свидетелей набралось бы в количестве. Вряд ли она сумела бы одурачить их всех. Подлинное беспамятство не сымитируешь, думал Притчард. Даже из шлюхи такой хорошей актрисы не получится.

Хорошо же; предположим, что дурман все-таки был отравлен. Притчард перевернул руки ладонями вверх и долго изучал узоры на подушечках пальцев: каждая рука казалась зеркальным отоб-

ражением второй. Когда он прижимал пальцы один к другому, получалось идеальное удвоенное отражение — так бывает, когда прижимаешься лбом к зеркалу. Сам он, разумеется, в снадобье ничего не добавлял и китайца в этом с трудом мог заподозрить. Су был к Анне очень привязан. Нет, невозможно, чтобы Су попытался причинить ей вред. Получается, что в опиум подмешали яд либо до того, как Притчард закупил оптовую партию, либо после того, как Анна купила небольшую порцию у А-Су для домашнего употребления.

Всевозможные опиаты Притчарду поставлял некто Фрэнсис Карвер. Кстати, а как насчет Карвера? В прошлом — каторжник, он, как следствие, пользовался дурной славой, однако с Притчардом всегда был вежлив и честен, и у Притчарда не было оснований полагать, будто Карвер желает повредить ему самому или его бизнесу. Не питает ли он неприязни к китайцам, Притчард понятия не имел, но напрямую Карвер с ними не торговал. Он продавал товар Притчарду, и никому другому.

Притчард впервые познакомился с Карвером в игорном доме на Ревелл-стрит. Притчард был азартным игроком и как раз подкреплялся в перерыве между партиями в крэпс, подсчитывая в

уме свои потери, когда к нему подсел незнакомец со шрамом на щеке. Притчард в порядке обмена любезностями осведомился, привержен ли тот к картам и что привело его в Хокитику; вскоре они разговорились. Когда в ходе беседы Притчард назвал свою профессию, Карвер явно насторожился. Отставил бокал и объяснил, что у него установлены давние деловые связи с бывшим представителем Ост-Индской компании, который владеет плантацией опиумного мака в Бенгалии. Карвер мог гарантировать неограниченную поставку продукта превосходного качества. На тот момент у Притчарда опиума в наличии не было, если не считать разбавленных настоек лауданума, купленных у знахаря; так что, недолго думая, Притчард поблагодарил Карвера, пожал ему руку и обещал вернуться на следующее утро, обсудить условия торгового договора.

С тех пор Карвер поставил ему в совокупности три фунта опиума. Однако он привозил лишь по одному фунту зараз, потому что (как он со всей откровенностью объяснил) предпочитал жестко контролировать свои поставки и не дать Притчарду возможности перепродавать товар оптом другим торговцам и получать тем самым посредническую прибыль. (Сбывая опиум А-Су,

Притчард, конечно же, именно это и делал, но Карвер оставался в неведении касательно сей дополнительной договоренности, поскольку в Хокитике бывал редко, а сознаваться Притчард, понятное дело, не собирался.) Смола поступала обернутой в бумагу, в жестяной коробке, что изрядно смахивала на чайницу.

Притчард взял со стола гвоздь и принялся вычищать грязь из-под ногтей, попутно отметив, что пора бы их уже и подстричь.

Дерзнет ли Карвер подмешать яду в наркотик, который продает оптом в аптечную лавку? Притчард вполне мог размельчить вещество в порошок и использовать для приготовления лауданума; мог продать его по частям любому количеству покупателей; мог, в конце концов, сам им воспользоваться. Правда и то, что у Карвера вышла неприятная история с Анной: он ей некогда причинил большое зло. Но даже если он рассчитывал убить ее с помощью передоза, никак нельзя было гарантировать, что порция отравленного опиума попадет именно в ее руки. Притчард скатал в пальцах комочек грязи. Нет, нелепо думать, будто кто-то затеет интригу, в которой столько всего неопределенного; Карвер, может, и скотина, но не дурак.

Отказавшись от этой своей теории, аптекарь принялся обдумывать вторую возможность: что, если опиум был отравлен уже после того, как Анна Уэдерелл взяла кусочек у А-Су и унесла домой? Возможно, кто-то тайком проник в ее номер в «Гридироне» и подмешал яду в смолу. Но опять-таки — зачем? Зачем вообще такие сложности? Отчего бы не убить шлюху более привычными средствами — скажем, удушить руками или подушкой или избить до смерти?

Обескураженный, Притчард обратился мыслями к тому, что инстинктивно почитал за истину. Он знал, что Анна Уэдерелл не рассказала всей правды о событиях 14 января. Он знал, что кто-то курил опиум из трубки, которую Анна прятала в своей комнате. Он знал, что Анна сама перестала принимать опиум; по ее глазам и ее движениям он мог с уверенностью сказать: она чиста — трезва как стеклышко. Эти несомненные факты, на взгляд Притчарда, позволяли сделать лишь один вывод.

— Черт подери, — прошептал он. — Она *лжет*… причем *лжет* в интересах кого-то другого.

День тянулся бесконечно.

Наконец Притчард собрал не готовые еще заказы и, за неимением более увлекательного

занятия, принялся за работу. Он совсем забыл о времени, но вот в дверь лаборатории тихо постучали, вернув его к действительности. Он обернулся, с легким удивлением отметив, что свет потускнел и уже сгущаются сумерки, и увидел, что в дверях топчется Альберт, Нильссенов младший клерк, — запыхавшийся и явно сконфуженный. Он принес записку.

— О, да это от Нильссена, — промолвил Притчард, выходя ему навстречу.

Он уже напрочь позабыл свой полуденный разговор с Нильссеном, равно как и свою к нему просьбу отыскать Цю и расспросить златокузнеца касательно спеченного золота, обнаруженного в доме у Кросби Уэллса. Он и Кросби Уэллса давно выбросил из головы, равно как и его состояние, и его вдову, и пропавшего мистера Стейнза. Как беззвучно вращается мир, если ты погружен в раздумья и одинок.

Притчард пошарил в переднике, ища шестипенсовик, но Альберт, вспыхнув до корней волос, пробормотал: «Нет, сэр» — и выставил напоказ ладони, давая понять, что ему вполне довольно высокой чести доставить послание.

На самом-то деле Альберт полагал, что такого волнующего дня ему за всю жизнь не выпадало.

За полчаса до того его наниматель вернулся из каньерского Чайнатауна в таких смятенных чувствах, что едва дверь с петель не сорвал. Он набросал записку, ныне доставленную Альбертом, с пылом и страстью композитора, творящего симфонию в союзе со своей музой. Он неловко запечатал письмо, капнул на себя воском, выругался и наконец сунул сложенный измятый листок Альберту, хрипло приказав: «Притчарду — отнеси Притчарду, да побыстрее». В уединении аптекарской приемной, перед тем как войти в лабораторию, Альберт совместил уголки письма, так что сложенный листок образовал что-то вроде трубки, и, вглядевшись в нее по всей длине, разобрал несколько слов, что, на его взгляд, отдавали самым что ни на есть махровым криминалом. У юнца просто дух захватило при мысли, что работодатель затевает недоброе.

— Хорошо, спасибо, — промолвил Притчард, забирая письмо из его рук. — Ответ нужен?

— Нет, сэр, ответ не требуется, — ответствовал юнец. — Но мне велено дождаться и пронаблюдать, чтобы вы его сожгли, дочитав до конца.

Притчард не сдержал смеха. Это было настолько в духе Нильссена: сперва он дуется, потом жалуется, что, дескать, не по нутру ему все это,

потом тянет время, потом пытается снять с себя всякую ответственность, но, как только он сделался участником, как только ощутил собственную значимость и важность, тут-то и начинается пантомима, роман плаща и шпаги; он просто-таки упивается происходящим. Притчард отошел на несколько шагов (юнец остался разочарован), сорвал печать пальцами, разгладил лист на лабораторном столе. Письмо гласило:

Джо!

Я зашел к Цю согласно твоей просьбе. Ты был прав насчет золота – это его работа, хотя он клянется, что понятия не имеет, как оно оказалось у Уэллса. Во всем замешана шлюха – возможно, ты уже знаешь, – хотя докопаться до сути никак не удается – «до инициатора», пользуясь твоим же выражением. Похоже, тут все затронуты так или иначе. Писать слишком долго. Предлагаю созвать совет. И азиатов тоже пригласить. Встречаемся в задней комнате «КОРОНЫ» на ЗАКАТЕ. Приму меры, чтоб нас не потревожили. Никому не говори, даже если им доверяешь и они тоже в это дело впутаны и в один прекрасный день того и гляди встанут с нами в один ряд как обвиняемые. Пожалуйста, уничтожь это письмо.

Х. Н.

Растущая Луна в Тельце

Глава, в которой у Чарли Фроста зарождаются подозрения; Дик Мэннеринг пристегивает кобуры, а мы отправляемся в рискованное путешествие вверх по реке к каньерским участкам.

Утренние расспросы Томаса Балфура в Новозеландском резервном банке разбередили любопытство банковского служащего в плане того, и другого, и третьего, и, как только грузоперевозчик покинул здание, мистер Фрост тотчас же вознамерился в свою очередь навести кое-какие справки. Он все еще держал в руках реестр акционеров золотого рудника «Аврора», владельцем и разработчиком которого являлся пропавший старатель Эмери Стейнз. «Аврора», размышлял про себя Фрост, постукивая по документу тощим пальцем. «Аврора». Он помнил, что совсем недавно где-то сталкивался с этим названием — но где? Спустя мгновение он отложил документ в сторону, слез с табуретки и неслышным шагом направился к шкафчику напротив

своей кабинки, где ряды кожаных корешков были помечены словами «Квартальные отчеты». Он выбрал подшивки за третий и четвертый квартал прошлого года и вернулся за рабочий стол просмотреть документацию по руднику.

Чарли Фрост широкой известностью не пользовался: ведь на известность нужно претендовать, а он был человеком тихим, одевался скромно, выглядел безобидно и спокойствие возмущать не любил, уж каков бы ни был повод. Говорил он неспешно, тщательно подбирая слова. На людях смеялся редко. И хотя в его манере держаться ощущалась некая расслабленная томность, он всегда был словно бы настороже, как будто постоянно помнил о некоем правиле этикета, что другие давно уже не соблюдали. Он предпочитал не заявлять о своих предпочтениях, не ораторствовать на публику; более того, в беседе он крайне неохотно провозглашал какую-либо повестку дня. Не то чтобы Фрост не строил никаких планов или что предпочтений за ним не водилось, на самом деле многие ритуалы его частной жизни были упорядочены до крайности, а амбиции весьма и весьма специфичны. Скорее, Фрост усвоил, как выгодно изображать непритязательность. Он по достоинству оценил тайное могущество

неизвестности (ведь неизвестность так будоражит любопытство!) и умело ею пользовался, но тщательно скрывал свой талант. Тем самым при первой встрече у людей посторонних о нем складывалось одно и то же впечатление: он — человек не столько действия, сколько противодействия; в бизнесе он довольствуется ролью подчиненного, в любви — соблазняемого и во всех своих развлечениях неизменно смирен и кроток.

Фросту исполнилось всего-то-навсего двадцать четыре; родился он в Новой Зеландии. Его отец занимал высокий пост в ныне не существующей Новозеландской компании. Высадившись в устье реки Хатт и обнаружив там изобилие равнинных земель под размежевание и на продажу, он тотчас же послал домой за женой. Местом своего рождения Фрост не то чтобы гордился; для белого человека такое гражданство было редкостью, и сам он видел в нем нечто унизительное. Он не рассказывал никаких историй о своем детстве, проведенном в заболоченной низине долины Хатт, где он читал и перечитывал захватанный отцовский экземпляр «Потерянного рая» — единственную книгу в семье, не считая Библии. (К восьми годам Фрост мог продекламировать наизусть любой монолог Бога Отца, и

Сына, и Адама, но не Сатаны — его Фрост находил неуживчивым драчуном — и не Евы — она казалась ему безвольной занудой.) Не то чтобы это было несчастливое детство, но, вспоминая о нем, Фрост чувствовал себя несчастным. Когда он заговаривал об Англии, казалось, он очень по ней скучает и дождаться не может возвращения.

С ликвидацией Новозеландской компании мистер Фрост-старший практически обанкротился, и репутация его погибла безвозвратно. Он обратился за помощью к единственному сыну. Чарли Фрост подыскал себе канцелярскую работу в Веллингтоне, а вскоре ему предложили место в одном из банков квартала Лэмбтон; теперь он зарабатывал достаточно, чтобы при его поддержке родители жили в добром здравии и относительном комфорте. Когда в Отаго обнаружили золото, Фрост перешел в один из банков Лоренса, обещая бóльшую часть заработков пересылать домой всякий месяц частной почтовой службой, — и обещания своего ни разу не нарушил. Однако ж он больше не возвращался домой в долину реки Хатт — и возвращаться не собирался. Чарли Фрост был склонен воспринимать все свои взаимоотношения с другими людьми в терминах прибыли и оборота и, единожды решив, что

долг свой исполнил, больше о других людях не вспоминал. Здесь, в Хокитике (а он последовал за золотой лихорадкой из Лоренса на побережье), он о своих родителях вообще не думал, кроме как раз в месяц, когда им писал. Задача была не из простых: краткие, отрывистые письма отца дышали обидой, а материнские, исполненные смятенных умолчаний, полнились чувствами, что удручали Чарли Фроста, хотя и ненадолго. Написав и отослав ответные послания, он рвал родительские эпистолы на жгуты для раскуривания сигар — по всей длине, чтобы изничтожить самую их суть и смысл, — а жгуты равнодушно сжигал.

Фрост пролистал папку с отчетами, пока не дошел до раздела по Каньеру и Хокитикскому ущелью. Документация подшивалась в алфавитном порядке, «Аврора» шла второй, сразу под заявкой на участок, названный, на диво уместно для Уэст-Коста, «Авантюрой». Фрост наклонился совсем близко, разбирая цифры, а в следующий момент изумленно хмыкнул.

В течение первого месяца после первичной покупки участок «Аврора» разрабатывался весьма успешно, давая почти сто фунтов прибыли; с августа, однако, доход с участка резко упал и наконец — Фрост поднял брови — практически

иссяк. Совокупная прибыль с «Авроры» за последний квартал составила всего-навсего двенадцать фунтов. По фунту в неделю! Очень странно для перспективного рудника такой глубины! Один фунт в неделю — да этого на покрытие издержек едва хватит, подумал Фрост. Он приблизил страницу к самым глазам. Согласно учетной записи на руднике работал только один старатель. Имя было китайским, дешевая рабочая сила, стало быть… но даже так, отметил про себя Фрост, старателю причитается поденная оплата.

Чарли Фрост нахмурился. Согласно реестру акционеров Эмери Стейнз принял во владение «Аврору» в конце осени прошлого года. По-видимому, несколько недель спустя после оформления покупки Стейнз продал пятьдесят процентов акций пресловутому Фрэнсису Карверу, однако сразу после заключения этой сделки, как явствует из учетных записей, рудник внезапно истощился. Либо «Аврора» нежданно-негаданно превратилась в выработанную шахту, не представляющую ровно никакой ценности, либо кто-то очень ловко создает такую видимость. Фрост закрыл папку и постоял мгновение, размышляя про себя. Обвел взглядом толпу: старатели в фетровых шляпах с широкими опущенными полями; инвесторы;

охранники с украшенными галуном эполетами. Внезапно Фрост вспомнил, где видел это название прежде.

Он повесил на кабинку табличку «Закрыто».

— Ты насовсем уходишь? — спросил один из сотрудников.

— Не исключено, — отозвался Фрост, сощурясь. — Не думал, что придется; собирался вернуться после ланча.

— Мы в два закроемся; сегодня больше никаких закупок не предвидится, как только с этой партией закончим, — отозвался банковский служащий. Он потянулся, похлопал себя по животу. — Так что до понедельника, Чарли, ты совершенно свободен.

— Что ж! — пробормотал Фрост, во все глаза глядя на тулью шляпы, как если бы не на шутку удивился, обнаружив сей предмет у себя в руках. — Очень любезно с твоей стороны. Премного обязан.

* * *

Дик Мэннеринг сидел один в своем кабинете, когда в дверь постучал Фрост. Заслышав этот стук, колли Мэннеринга вылетела из-под стола сгустком ликующего энтузиазма и радостно на-

прыгнула на Фроста, колотя хвостом по полу и разевая алую пасть.

— Чарли Фрост! Вот уж кого не ждал! — воскликнул Мэннеринг, отодвигая кресло от стола. — Заходи, заходи же — и дверь прикрой. Есть у меня подозрение, что, о чем бы уж ты ни пришел мне рассказать, для чужих ушей оно не предназначено.

— Лежать, девочка! — приказал Фрост собаке, стискивая ей морду, заглядывая ей в глаза, трепля уши; очень довольная, колли прянула назад, приземлившись на все четыре лапы, затрусила обратно к хозяину, развернулась, плюхнулась на пол, прикрыла нос лапами и скорбно воззрилась на Фроста из-под мохнатых бровей.

Фрост, как было велено, закрыл дверь.

— Как поживаешь, Дик?

— Как поживаю? — Мэннеринг развел руками. — Изнываю от любопытства, Чарли. Представляешь? В последнее время я только и делаю, что любопытствую. Насчет всего на свете. Ты ведь знаешь, Стейнз так и не объявился — исчез, как в воду канул. Мы с Холли ущелье обшарили из конца в конец, хотя какая из нее ищейка. Дали ей платок понюхать, она пулей прочь — и тут же обратно, ничего не нашла. Да-да, мне крайне

любопытно. От души надеюсь, ты принес какие-никакие новости или, может, скандальную сплетню-другую, если новостей не случилось. Право слово, эти две недели ужас что такое! Давай снимай пальто — да-да, — ох, забудь ты про дождь! Ну, подумаешь, водичка — Бог свидетель, нам пора бы уже к ней привыкнуть.

Невзирая на ободряющие слова, Фрост осторожно повесил пальто так, чтобы не задеть одежды хозяина и чтобы с него не капало на Мэннеринговы галоши, выставленные под вешалкой; каждая была снабжена распоркой для обуви и сияла глянцевой чернотой. Затем гость не без робости снял шляпу.

— Гнусный денек выдался, — промолвил он.

— Да ты присаживайся, присаживайся, — пригласил Мэннеринг. — Плеснуть тебе бренди?

— Если сам будешь, то и я выпью, — отозвался Фрост: такова была его неизменная стратегия в вопросах еды и питья. Он присел, уперся ладонями в колени, огляделся по сторонам.

Кабинет Мэннеринга располагался над фойе оперного театра «Принц Уэльский»; оттуда открывался роскошный вид поверх полосатого навеса на Ревелл-стрит, и дальше за нею — на открытый океан, что просматривался между

фасадами переднего ряда домов как сине-серая лента, порою отливающая зеленью, а сегодня, сквозь дождь, бело-желтая, — вода вобрала в себя цвета неба. Дизайн помещения задумывался как зримое свидетельство богатства хозяина, ведь Мэннеринг, будучи директором оперы, имел еще несколько источников дохода: как сутенер, и как шулер, и как акционер, и как магнат-золотопромышленник. Во всех этих «профессиях» он демонстрировал поразительную способность к извлечению прибыли — особенно же той, что плохо лежит, — мастерски наживаясь на чужих грешках. Об этом недвусмысленно возвещала меблировка кабинета. Стены были оклеены обоями, все комоды и шкафчики натерты маслом; на полу лежал плотный турецкий ковер; хмурый керамический бюст в римском стиле служил книгодержателем; под окном в стеклянном ящичке были выставлены три черные бабочки, каждая — размером с раскрытую ладонь ребенка.

За рабочим столом Мэннеринга висел роскошный акварельный пейзаж в золоченой раме: на картине были изображены высокий утес, косые лучи солнца, силуэт листвы лиловатого оттенка и, в туманной дали, бледный, размытый изгиб радуги из-за облака. Чарли Фрост считал картину

превосходным произведением искусства, несомненно делающим честь вкусу Мэннеринга. Он любил измыслить предлог зайти к старшему приятелю, чтобы посидеть в этом самом кресле, глядя на пейзаж снизу вверх и силою воображения переносясь в дальние, исполненные великолепия дали.

— Да уж, эти две недели выдались — врагу не пожелаешь, — сетовал между тем Мэннеринг. — А теперь еще моя лучшая шлюха взяла да и объявила, что у нее-де траур! Сплошная нервотрепка, говорю тебе. Начинаю думать, что она умом тронулась. Что за удар судьбы! Когда это твоя лучшая шлюха. Что за удар! А знаешь, она ведь была с Эмери в ту ночь, когда он исчез.

— Мисс Уэдерелл — и мистер Стейнз? — Фрост, накрыв ладонями резные подлокотники кресла, кончиками пальцев водил по углублениям узора.

Красота для Чарли Фроста была более или менее синонимична утонченности. В его представлении идеальная женщина посвящает себя самоусовершенствованию, она преуспела в женских искусствах вышивания, игры на фортепиано, высушивании цветов и листьев и тому подобном; она чудесно поет, тихо читает, от

констатации какого бы то ни было мнения воздерживается, она — очаровательный, бесценный коллекционный экземпляр, а превыше всего она любит быть любимой. Анна Уэдерелл не обладала ни одним из этих качеств, но признать, что Анна совершенно не походила на фантастический образ Фростова воображаемого идеала, отнюдь не означало утверждать, будто служащий банка не питал к ней никаких теплых чувств или не услаждал естество, подобно всем прочим. Теперь, вообразив Анну и Стейнза вместе, он почувствовал некоторую неловкость — почти отвращение.

— О да, — подтвердил Мэннеринг, извлекая хрустальную пробку из графина и взбалтывая жидкость. — Он купил ее на всю ночь — и еще не хватало, чтоб нагрянул констебль или еще кто-нибудь постучался! Он ее к себе домой забрал! Отели-бордели — это не для него, сами понимаете! А уж разборчив-то — подавайте ему только эту, и никакую другую, ни Кейт, ни Лиззи; Анну, говорит, и точка! А на следующее утро она — на пороге смерти, а он пропал бесследно. Прямо не знаю, что и думать, Чарли. От нее, понятное дело, никакой помощи. Говорит, ни черта не помнит до того момента, как пришла в себя в тюряге, и, судя по ее одурелому виду, я склонен ей поверить. Она

моя лучшая шлюха, Чарли, — вот только дьявол бы побрал этот ее дурман: вот право, побрал бы в собственное пользование! Сигару хочешь?

Фрост взял из ящика сигару, Мэннеринг, наклонившись, поднес бумажный жгут к углям, но жгут оказался коротким и вспыхнул слишком быстро: Мэннеринг обжег себе пальцы. Он с проклятьем выронил бумагу в камин. Пришлось скрутить еще один жгут из промокашки; лишь несколько мгновений спустя обе сигары были зажжены.

— И это не говоря уже о тех неприятностях, что выпали на *твою* долю, — добавил Мэннеринг, усаживаясь обратно в кресло.

Фрост страдальчески поморщился.

— Мои неприятности, как ты говоришь, под контролем, — заверил он.

— А я бы сказал, что нет, — покачал головой Мэннеринг. — Взять хоть эту вдовицу, что заявилась в четверг, — и теперь весь город гудит как пчелиный улей! Я тебе скажу, на что это все похоже с моей колокольни. Чертовски похоже на то, что ты знал о подброшенном в отшельникову хижину золоте и, как только он помер, сделал все, чтобы оформить сделку купли-продажи как можно скорее.

— Это неправда, — возразил банковский слу-

жащий.

— Похоже на то, что вы тут оба вместе замешаны, — продолжал Мэннеринг. — Ты и Клинч; вы ж вроде как партнеры не разлей вода. Теперь небось судью пригласят. Кого-нибудь из Высокого суда. Такие проблемы сами собою не рассасываются. И мы все окажемся втянуты: где мы были в ночь на четырнадцатое января, все такое. И надо бы с нашими показаниями разобраться еще до того, как это случится. Я тебя не обвиняю. Я просто описываю ситуацию со своей колокольни.

В Мэннеринговой манере изъясняться зачастую проскальзывали диктаторские ноты: его самовосприятие было непоколебимо, авторитарно и абсолютно. Мир он воспринимал лишь с позиций командования им, а еще он любил пафосные речи. В этом он составлял полную противоположность своему гостю: это различие у Мэннеринга вызывало некоторое раздражение, ибо, хотя он ценил почтительность в собеседнике, его нервировали те, кого он почитал недостойными своего внимания. К Чарли Фросту он всегда был щедр, угощал юношу дорогими напитками и сигарами, дарил ему билеты на балкон на все последние представления, но молчаливая сдержанность Фроста действовала ему на нервы. Мэннеринг

имел обыкновение присваивать своему окружению определенные роли, вешать ярлыки — так людей маркируют по профессии, обозначая «доктор» или «капрал»; его ярлыки, составленные про себя и никогда не озвучиваемые вслух, характеризовали людей исключительно по их с ним взаимоотношениям: именно так он и воспринимал всех своих знакомых — как отражения или даже частицу себя самого.

Мэннеринг, как уже отмечалось, был весьма тучен. В двадцать лет он отличался дородностью, в тридцать отрастил живот, а к сорока годам его торс приобрел почти сферические пропорции, и, к вящему своему ужасу, он уже не мог без посторонней помощи ни взгромоздиться верхом на лошадь, ни спешиться. Чем признать, что этакие габариты стали для него помехой в повседневной деятельности, Мэннеринг все списывал на подагру: этим заболеванием он никогда не страдал, зато звучало это солидно и аристократично. А ему очень хотелось сойти за аристократа; нередко даже и удавалось благодаря светлому цвету лица, бачкам и дорогой одежде. В тот день его шейный платок был сколот золотой булавкой, а жилет (пуговицы которого явно держались из последних сил) дополняли лацканы с разрезом.

— Мы ни в чем таком вместе не замешаны, — возразил Фрост. — Понятия не имею, о чем ты.

Мэннеринг покачал головой:

— Я вижу, ты угодил в переплет, Чарли, — невооруженным глазом вижу! Вы с Клинчем оба. Если дело дойдет до суда — а очень может быть, что и дойдет, — тебе придется объяснять, почему сделка купли-продажи на дом была проведена так быстро. И это — самый важный момент, насчет которого вам неплохо бы договориться. Я не предлагаю давать ложные показания — я лишь намекаю, что ваши истории должны сойтись. Зачем ты пришел — за помощью? Тебе нужно алиби?

— Алиби? — удивился Фрост. — Для чего бы?

— Да ладно тебе! — Мэннеринг отечески погрозил ему пальцем. — Только не говори, что ты на голубом глазу все это провернул. Сделку-то оформил со свистом!

Фрост пригубил бренди и сказал:

— Не следует обсуждать это дело в такой легкомысленной манере. Ведь в него вовлечены и другие люди.

(Такова была одна из его стратагем — неизменно давать понять, что ему не хотелось бы разглашать чужие тайны.)

— Да пропади они пропадом, эти другие люди! — рявкнул Мэннеринг. — Пропади они пропадом, эти твои «следует» и «не следует»! Ты мне расскажи всю подноготную! Ну, давай выкладывай!

— Хорошо, расскажу, но ничего криминального в том нет, — заверил Фрост не без удовольствия: ему, пожалуй, нравилось заявлять о собственной невиновности. — Сделка была абсолютно законна и совершенно правомерна.

— Тогда чем ты это объясняешь?

— Объясняю что?

— Как все вышло.

— Все легко объяснимо, — спокойно отозвался Фрост. — Когда Кросби Уэллс умер, Бен Левенталь узнал о том почти сразу же, так как взял интервью у приезжего политика, едва тот объявился в городе, — чтобы следующим же утром дать спецматериал в газету. А политик — Лодербек его фамилия, Алистер Лодербек, — так вот он только что побывал в хижине Уэллса, он-то и нашел труп. Естественно, он обо всем рассказал Левенталю.

— Ишь пронырливый иудей! — с наслаждением откомментировал Мэннеринг. — Этот всегда окажется в нужном месте в нужное время, так?

— Наверное, — отозвался Фрост; он предпочитал держать свое мнение при себе. — Но, как я уже говорил, Левенталь узнал о смерти Уэллса раньше всех прочих. Еще до прихода в хижину коронера.

— Но ему-то не пришло в голову тотчас же купить эту землю, — напомнил Мэннеринг.

— Нет. Но он знал, что Клинч как раз ищет, во что бы вложить деньги, так что он оказал Клинчу добрую услугу и поделился с ним новостью: сообщил, что собственность Уэллса очень скоро выставят на продажу. Следующим же утром Клинч пришел ко мне с задатком, готовый совершить покупку. Вот, собственно, и все.

— О нет, не все, — возразил Мэннеринг.

— Уверяю тебя, все, — стоял на своем Фрост.

— Я умею читать между строк, Чарли, — заверил Мэннеринг. — «Оказал добрую услугу»? Уж не по доброте ли сердечной? Только не он — только не Левенталь! Это называется наводка — наводка насчет того треклятого клада! Они спелись — Левенталь и Клинч! Ставлю мою шляпу, что спелись!

— Если и так, — пожал плечами Фрост, — то мне о том ровным счетом ничего не известно. Я говорю тебе, что продажа дома абсолютно законна.

— Законна, говорит мне работник банка! Но ты все еще не ответил на мой вопрос. Отчего все произошло так чертовски *скоропалительно*?

— Да просто потому, что никакой бюрократической возни с документами не потребовалось, — невозмутимо ответствовал Фрост. — У Кросби Уэллса не было ничего: ни долгов, ни страховки; никаких проблем не возникло. И никаких бумаг.

— Никаких бумаг?

— Во всяком случае, в его хижине ничего не нашли. Ни свидетельства о рождении, ни билета, ни лицензии. Вообще ничего.

Мэннеринг покатал в пальцах сигару.

— Никаких бумаг, — повторил он. — Что ты об этом думаешь?

— Не знаю. Может, он их потерял.

— А как теряют бумаги?

— Не знаю, — повторил Фрост. Ему не нравилось, когда его принуждали высказать свою точку зрения.

— Может, их сожгли? Кто-то решил от них избавиться?

— Кто бы? — слегка нахмурился Фрост.

— Ну, этот политик, например, — предположил Мэннеринг. — Лодербек. Он же первым оказался на месте событий. Может, как раз он

в этом деле и замешан. Может, он и сообщил Левенталю про спрятанный в хижине клад. Может, он его обнаружил и рассказал Левенталю, а Левенталь рассказал Клинчу! Нет, глупость какая-то, — добавил он, опровергая собственную гипотезу. — Ему-то с того никакой выгоды, верно? И для иудея никакой. Разве что всем по ходу дела перепадет какой-никакой откат…

— Никому никакой откат не перепадет, — возразил Фрост. — Золото помещено на хранение в банк. Никто не может на него посягнуть. По крайней мере, до тех пор, пока не решится вопрос со вдовой.

— О да — вдова! — с наслаждением протянул Мэннеринг. — Ишь ты, какой поворот событий-то! Что ты думаешь о *ней*? Я с ней знаком, знаешь ли, — да, знаком. В девичестве она звалась Гринуэй. Я никогда не знал ее как миссис Уэллс — для меня она всегда была мистрис Гринуэй. Как она тебе, Чарли?

Фрост пожал плечами:

— Документы на ее стороне. Если брачное свидетельство окажется подлинным, продажу аннулируют и состояние достанется ей. На данный момент оно в руках чиновников.

— Но как она сама тебе, я спрашиваю?

Фрост раздраженно поморщился.

— Видная женщина, — проговорил он. — Я нахожу, что она очень красива. — Он сдвинул сигару в уголок рта и сжал ее зубами, — казалось, он слегка морщится от боли.

— Еще бы не красива! — радостно подхватил Мэннеринг. — Красива, а то ж! Играет мужчиной, как иная на фортепьяно играет, — а репертуар-то каков! Думаю, именно это и случилось со стариной Кросби Уэллсом: им поиграли, как всеми прочими.

— Этот их брак у меня вообще в голове не укладывается, — признал Фрост. — Что мог предложить старик вроде Кросби Уэллса — хотя бы и дурнушке, не говоря уже о красавице? Не понимаю, что ее привлекло; хотя что привлекло его — могу себе вообразить.

— Ты забываешь о его состоянии, — погрозил пальцем Мэннеринг. — Сильнейший афродизиак, между прочим! Разумеется, она вышла замуж за старика Кросби ради его денег. Он же накопил целое состояние на черный день, а ей оставалось только дождаться, чтобы он помер. Какие еще тут возможны объяснения? Она ж объявилась сразу после его смерти — как если б сама ее спланировала, тебе не кажется? О, Лидия Уэллс себе на

уме! Высматривает пенни, нащупывает фунты. Такая если уж руку приложит, то к вящей своей выгоде.

Фрост ответил не сразу: рассуждения Мэннеринга заставили его вспомнить, зачем он пришел, и ему хотелось сперва собраться с мыслями, а потом уже объявлять о своем деле. Однако спустя мгновение Мэннеринг отрывисто рассмеялся и ударил кулаком по столу.

— Вот оно что! — воскликнул он в восторге. — Я так и знал! Знал, что ты во что-то да влип, знал, что выведу тебя на чистую воду! Ну, выкладывай, что там такое? В чем твое преступление? В чем загвоздка-то? Ты себя выдал, Чарли, — у тебя на лице все написано. Это что-то связанное с пресловутым кладом, да? Что-то насчет Кросби Уэллса?

Фрост потягивал бренди. Никакого преступления в прямом смысле слова он не совершал, но загвоздка действительно возникла, и да, связанная с кладом, и да, имеющая отношение до Кросби Уэллса. Его взгляд скользнул поверх плеча Мэннеринга к окну, и Фрост помешкал минуту, любуясь видом и подбирая нужную формулировку.

После того как обнаруженное в хижине Уэллса состояние было оценено банком, Эдгар Клинч сделал Фросту роскошный подарок, в благодарность

за то, что банковский служащий поспособствовал сделке, — вручил ему банковский билет в тридцать фунтов. Эта сумма произвела на Чарли Фроста мгновенный опьяняющий эффект, ведь доходы его шли главным образом на содержание родителей, с которыми он не виделся и которых не любил. В восторженном угаре, впервые за всю свою жизнь, Фрост твердо вознамерился промотать всю сумму, причем немедленно. О своей нежданной удаче он родителям не скажет, решил он, и потратит на себя все до последнего пенни. Он поменял билет на тридцать блестящих соверенов и купил на них шелковый жилет, ящик виски, комплект переплетенных в кожу исторических сочинений, рубиновую булавку на лацкан, коробку дорогих привозных сладостей и набор носовых платков с монограммой — с его собственными инициалами на фоне розы.

А несколько дней спустя после этого приступа мотовства в Хокитику явилась Лидия Уэллс. Сразу по прибытии она посетила Резервный банк, объявив о своем намерении аннулировать продажу дома и имущества своего покойного мужа. И если сделка в самом деле будет признана утратившей силу, Фрост знал: ему придется вернуть пресловутые тридцать фунтов. Но перепродать

жилет он уже не мог иначе как подержанную одежду; книги и булавку он сумел бы заложить, но за лишь ничтожную часть их стоимости; ящик виски он уже вскрыл; сласти были съедены; и какому олуху понадобятся платки с вышитыми чужими инициалами? В конечном счете ему очень повезет, если он вернет хотя бы половину потраченных денег. Он будет вынужден пойти к какому-нибудь из многих ростовщиков Хокитики и умолять его о ссуде; ему придется выплачивать этот долг в течение многих месяцев, а может быть, и лет; а хуже всего вот что: придется обо всем рассказать родителям. От такой перспективы его затошнило.

Но Фрост пришел к Мэннерингу не затем, чтобы признаваться, в какое унизительное положение попал.

— Ни во что я не влип, — коротко отрезал он, вновь обращая взгляд на хозяина, — но подозреваю, что здорово влип кто-то другой. Видишь ли, я не верю, что этот клад вообще принадлежал Кросби Уэллсу. Я подозреваю, что золото краденое. — Фрост нагнулся стряхнуть пепел с сигары и обнаружил, что она потухла.

— Так у кого же оно украдено? — осведомился Мэннеринг.

— Вот об этом мне и хотелось с тобою поговорить, — промолвил молодой служащий банка. В кармане его жилета были шведские спички; чтобы их достать, он переложил сигару в правую руку. — Мне не далее как нынче днем пришла в голову идея, и я решил с тобой посоветоваться. Насчет Эмери Стейнза.

— О, вот кто и впрямь во всем этом замешан, — согласился Мэннеринг, плюхаясь обратно в кресло; Фрост принялся снова зажигать сигару. — Он же исчез в тот же самый день! Вне всякого сомнения, он причастен к событиям. Не питаю я особых надежд насчет нашего друга Эмери, честно скажу. У нас на приисках поговорка есть: если слишком долго везет — не к добру это. Слыхал, нет? Так вот, Эмери Стейнзу везло, как никому другому на моей памяти. Из грязи в князи поднялся, причем без чьей-либо помощи. Бьюсь об заклад, его убили, Чарли. Убили на реке или на взморье — и тело вода унесла. Кому приятно видеть, как мальчишка нажил целое состояние! А ведь ему еще и тридцати нет! А уж тем более, если богатство добыто честным путем. Бьюсь об заклад, уж кто бы его ни грохнул, он на двадцать лет его старше душой. По меньшей мере на двадцать лет. Хочешь пари?

— Прошу меня простить, — чуть качнул головой Фрост.

— Ах да, — разочарованно протянул Мэннеринг. — Ты ведь на деньги не споришь! Ты — человек благоразумный. Деньгами если и бросаешься, то только в кошелек.

На это Фрост отвечать не стал, пристыженно вспомнив о тридцати фунтах, выкинутых на ветер совсем недавно. Спустя мгновение Мэннеринг воскликнул:

— Да ну же, не томи! — сконфуженный тем, что последнее его замечание прозвучало оскорбительнее, нежели ему бы хотелось. — Выкладывай все как есть! Что еще за идея?

Чарли Фрост рассказал обо всем, что узнал тем утром: что Фрэнк Карвер владеет половиной акций золотого рудника «Аврора» и что они с Эмери Стейнзом, в сущности, были компаньонами.

— Да, сдается мне, я что-то такое слышал, — туманно отозвался Мэннеринг. — Однако ж это долгая история; и это личное дело самого Стейнза. А почему ты об этом заговорил?

— Потому что заявка на «Аврору» связана с проблемой Кросби Уэллса.

— Это как еще? — нахмурился Мэннеринг.

— Сейчас расскажу.

— Рассказывай.

Фрост запыхтел сигарой.

— Клад Уэллса передан на хранение в банк, — сообщил он наконец. — И прошел через мои руки.

— И что?

Дик Мэннеринг не терпел, чтобы кто-то другой долго оставался в центре внимания, и имел привычку часто перебивать рассказчика, как правило, чтобы сподвигнуть его сделать собственный вывод сколь можно более быстро и точно.

Фрост, однако, торопиться не собирался.

— Так вот, — промолвил он, — есть одна любопытная подробность. Золото уже переплавили, причем не силами представителя компании. Судя по всему, это было сделано в частном порядке, негласно.

— Переплавили — уже! — воскликнул Мэннеринг. — Я об этом не слышал.

— Разумеется, не слышал, — кивнул Фрост. — Все золото, что оказывается у нас на прилавке, должно быть спрессовано, даже если это уже делалось. Это нужно для того, чтобы внутрь не попало никаких добавок и чтобы обеспечить однородное качество. Так что Килларни все про-

делал заново. Он расплавил Уэллсов клад, прежде чем его оценить, и к тому времени, как кто-либо его увидел, тот уже превратился в слитки с печатью Резервного банка. Никто из посторонних банку людей не может знать, что золото ранее уже прошло переплавку, — понятное дело, за исключением того, кто его спрятал. Ах да, и еще за исключением комиссионера, который обнаружил в доме клад и доставил его в банк.

— А кто это был — Кохран?

— Харальд Нильссен. Из «Нильссен и К°».

— Почему не Кохран? — нахмурился Мэннеринг.

Фрост помолчал, затянулся сигарой.

— Не знаю, — произнес наконец он.

— Зачем Клинчу вообще понадобилось втягивать кого-то в это дело? — недоумевал Мэннеринг. — Мог бы и сам имущество распродать. Зачем он еще и Харальда Нильссена впутал?

— Да говорю ж тебе, Клинч понятия не имел, что в доме есть что-то ценное, — настаивал Фрост. — Он был прямо фраппирован, когда обнаружился этот самый клад.

— Ах, фраппирован, значит?

— Да.

— Это твое словечко или его?

— Его.

– *Фраппирован*, ишь ты, — еще раз повторил Мэннеринг.

— Что ж, для Нильссена все сложилось лучше некуда. По условиям договора ему причитались десять процентов от общей стоимости движимого имущества, находящегося в доме. Удачный денек ему выпал. Ему перепало четыре сотни фунтов!

Мэннеринг по-прежнему глядел скептически.

— Ну-ну, продолжай, — промолвил он. — Переплавленное золото, говоришь. Итак, золото было переплавлено.

— И вот я пригляделся к нему поближе, — рассказывал Фрост. — Мы всегда составляем краткое описание руды: ну, там, в чешуйках золото или как, прежде чем металл расплавить. Если золото уже переплавлялось, мы все равно следуем заведенному порядку: записываем, как оно выглядело при поступлении. Из соображений… — Фрост замялся: он собирался сказать «безопасности», но особой логики в том не увидел. — Из соображений благоразумия, — неловко докончил он. — Как бы то ни было, я осмотрел бруски, прежде чем Килларни положил их в тигель, и обнаружил, что внизу каждого бруска переплавщик, уж кто бы он ни был, начертал некое слово.

Он умолк.

— Ну же, что за слово? — потребовал Мэннеринг.

— «Аврора», — отозвался Фрост.

— «Аврора».

— Вот именно.

Мэннеринг разом насторожился.

— Но после того бруски, все до единого, снова были переплавлены, — отметил он. — Этот ваш Килларни перелил их в слитки.

Фрост кивнул:

— А затем, в тот же самый день, золото заперли в сейфе, после того как комиссионер получил свою долю и был выплачен налог на имущество.

— То есть никаких свидетельств касательно этой надписи не осталось, — предположил Мэннеринг. — Я правильно понял? Названия больше нет. Оно сгинуло в переплавке.

— Да, так, — подтвердил Фрост. — Но я, безусловно, сделал о том соответствующую официальную запись. Внес описание в свой реестр, я же сказал.

Мэннеринг отставил бокал.

— Ладно, Чарли. Сколько надо, чтобы эта одна страница исчезла — или весь твой реестр, если на то пошло? Во сколько обойдется небольшая небрежность с твоей стороны? Малая толика

водицы или, может, огня?

— Я не понимаю, — удивился Фрост.

— Просто ответь на мой вопрос. Ты мог бы сделать так, чтобы эта страница исчезла?

— Мог бы, — отозвался Фрост, — но, понимаешь, я ведь не единственный, кто заметил надпись. Ее Килларни видел. И Мейхью. Видел один из скупщиков, кажется Джек Хармон. Сейчас он в Греймуте. И любой из них мог рассказать о надписи кому угодно еще. Прелюбопытная штука эта надпись. Такую не скоро забудешь.

— Черт! — воскликнул Мэннеринг. И с силой ударил по столу кулаком. — Черт, черт, черт!

— Ничего не понимаю, — повторил Фрост. — О чем вообще все это?

— Чарли, да что с тобой? — взорвался вдруг Мэннеринг. — Тебе понадобилось *две треклятых недели*, чтобы явиться ко мне насчет этого дела! Чем ты до сих пор занимался, сидел сложа руки? Чем, спрашиваю?

Фрост отпрянул.

— Я пришел к тебе сегодня, потому что подумал, эти сведения, возможно, помогут отыскать мистера Стейнза, — с достоинством произнес он. — Учитывая, что эти деньги со всей очевидностью принадлежат ему, а не Кросби Уэллсу!

— Чушь. Ты мог это сделать две недели назад. И в любой день после того.

— Но я обнаружил связь со Стейнзом только сегодня утром! Откуда мне было знать про «Аврору»? Я не веду учет финансов всех и каждого, равно как и за каждой патентной заявкой не слежу. У меня не было повода…

— Ты получил свою долю прибыли, — перебил его Мэннеринг. Он наставил палец на Фроста. — Ты получил свою прибыль с этого золота.

Фрост вспыхнул:

— Это к делу не относится.

— Так ты получил или не получил свою долю прибыли с состояния Кросби Уэллса?

— Ну, неофициально…

Мэннеринг выругался:

— Так что ты просто помалкивал себе в тряпочку, верно? — Он откинулся в кресле и одним брезгливым взмахом руки швырнул окурок сигары в огонь. — Пока не объявилась вдовица и ты не оказался загнан в угол. И только теперь ты раскрыл свои карты — якобы из самых добрых побуждений! Да будь я проклят, Чарли! Да будь я проклят!

Фрост уязвленно воззрился на собеседника.

— Нет, причина отнюдь не в этом, — возразил

он. — Просто я только сегодня утром собрал воедино все разрозненные кусочки. Вот честное слово. В банк пришел Том Балфур, и стал вешать мне лапшу на уши насчет Фрэнсиса Карвера, и попросил меня поднять его профиль акций, и я обнаружил…

— Что?

— Что Карвер купил акции «Авроры» вскорости после того, как рудник приобрел мистер Стейнз. Я только сегодня утром об этом узнал.

— Так что там насчет Тома Балфура?

— Когда мистер Балфур ушел, я поднял документы по «Авроре» и заметил, что прибыли «Авроры» стали падать сразу после того, как Карвер купил акции; тогда-то я и вспомнил про надпись на брусках и сложил все воедино. Честно.

— А что Тому Балфуру занадобилось от Фрэнсиса Карвера? — подал голос Мэннеринг.

— Хочет привлечь его к суду, — сообщил Фрост.

— На каком основании?

— Говорит, Карвер украл целое состояние с чужого участка, или что-то в этом духе. Но он отвечал уклончиво и начал со лжи.

— Хм, — буркнул магнат.

— Я с этим делом пришел прямиком к тебе, —

продолжал Фрост, все еще надеясь на похвалу. — Из банка пораньше отпросился и — сразу сюда. Как только свел воедино все детали.

— Все детали! — воскликнул Мэннеринг. — В твоем распоряжении, Чарли, далеко не *все* детали. Ты половины деталей в глаза не видел.

— Что это значит? — обиделся Фрост.

Но Мэннеринг не ответил.

— Джонни Цю, — проговорил он. — Джонни чертов Цю. — Он встал так резко, что кресло позади него опрокинулось и ударилось об стену; колли ликующе вскочила и запыхтела.

— Кто? — переспросил Чарли Фрост и тут же вспомнил, о ком идет речь.

Цю — так звался старатель, разрабатывающий «Аврору». Его имя значилось в учетных записях банка.

— Это моя китайская проблема, а теперь, боюсь, еще и твоя, — мрачно промолвил Мэннеринг. — Чарли, ты со мной или против меня?

Фрост скосил глаза на сигару.

— С тобой, конечно. Не понимаю, зачем ты задаешь такие вопросы.

Мэннеринг отошел в глубину комнаты. Открыл шкафчик, явил взгляду два карабина, богатую подборку пистолетов и огромный пояс с двумя

кобурами оленьей кожи и кожаной бахромой. И принялся застегивать этот довольно нелепый аксессуар на объемистом животе.

— Тебе бы тоже неплохо вооружиться — или ты уже?

Фрост слегка покраснел. Наклонился вперед, загасил сигару — неспешно, обстоятельно, трижды потыкав тупым концом в тарелку, а потом и еще раз, размалывая пепел в мелкую черную пыль. Мэннеринг топнул ногой:

— Эй, там! Ты, говорю, вооружен или нет?

— Нет, — отозвался Фрост, наконец-то выпуская окурок из рук. — Буду с тобой абсолютно честен, Дик, я в жизни ни из чего не стрелял.

— Да тут ничего сложного нет, — заверил Мэннеринг. — Просто, как дважды два. — Он вернулся к шкафчику и снял с полки два изящных капсюльных револьвера.

Фрост не спускал с него глаз.

— Секундант из меня выйдет никудышный, — предупредил он тут же, стараясь, чтобы голос не дрожал, — если я так и не узнаю причину вашей ссоры и не буду иметь возможности положить ей конец.

— Пустяки, пустяки, — пробормотал Мэннеринг, проверяя револьверы. — Я как раз хотел

сказать, что у меня тут есть для тебя армейский кольт, но если подумать… заряжать его чертовски долго, а с пулями и порохом ты ведь связываться не захочешь. В такой-то дождь! Тем более, если прежде ты этого никогда не делал. Обойдемся тем, что есть. Обойдемся.

Фрост скользнул взглядом по Мэннерингову поясу.

— Впечатляет, правда? — проговорил Мэннеринг без тени улыбки. Он засунул револьверы в кобуры, пересек комнату, подошел к гардеробу и снял с деревянной вешалки пальто. — Не беспокойся; смотри — как только я это надену и застегнусь на все пуговицы, никто ничего не заметит. Я просто в бешенстве, Чарли! Вот ведь дрянной китаеза! Я в бешенстве!

— Даже не представляю себе почему, — промолвил Фрост.

– *Он* представляет, — отозвался Мэннеринг.

— Погоди минуту, — проговорил Фрост. — Скажи мне… скажи мне одно. Что ты такое затеваешь?

— Мы зададим косоглазому страху! — отвечал магнат, засовывая руки в рукава пальто.

— Как именно? — осведомился Фрост, с трепетом душевным отмечая форму множественного

числа. — И по какому поводу?

— Да китаец на «Авроре» работает, — объяснил Мэннеринг. — Это его рук дело, Чарли, — слитки, про которые ты рассказывал.

— Но чем он тебя разобидел?

— Не то чтобы разобидел, скорее дал повод для недовольства.

— О! — внезапно осенило Фроста. — Ты ведь не думаешь, что это он убил мистера Стейнза?

Мэннеринг раздраженно буркнул что-то себе под нос, что прозвучало почти стоном. Сдернул пальто Фроста с вешалки и перебросил ему; тот поймать поймал, но надевать его не торопился.

— Идем, — торопил Мэннеринг. — Время не ждет.

— Да ради бога, — взорвался Фрост, — будь уже так любезен объясниться со мною начистоту. Мне необходимо внести в это дело ясность, если мы идем штурмовать треклятый Чайнатаун!

(Об этой своей фразе Фрост пожалел, еще не успев договорить до конца: ему совершенно не хотелось штурмовать Чайнатаун ни при каких условиях — внеся в дело ясность или не внеся.)

— Некогда, — отрезал Мэннеринг. — По пути расскажу. Одевайся давай.

— Нет, — возразил Чарли Фрост, обнаружив, к

вящему своему удивлению, что в силах проявить твердость и деликатно настоять на своем. — Ты не торопишься, ты просто возбужден. Расскажи сейчас.

Мэннеринг в смятении мял в руках шляпу.

— Этот китаец на меня работал, — наконец признался он. — Старательствовал на «Авроре» еще до того, как я продал ее Стейнзу.

— Так «Аврора» была твоей? — заморгал Фрост.

— А когда Стейнз ее откупил, — кивнул Мэннеринг, — китаеза остался, вкалывает там и по сей день. По контракту типа. Звать Джонни Цю.

— А я и не знал, что «Аврора» принадлежала тебе.

— Да половина земель между Хокитикой и рекой Грей принадлежала мне на том или ином этапе, — отозвался Мэннеринг, выпячивая грудь. — Но как бы то ни было. Пока не появился Стейнз, мы с Цю слегка поцапались. Нет, не то чтобы всерьез. У меня свои методы вести дела, вот и все; у узкоглазых — свои. Вот как оно вышло. Каждую неделю я брал все, что выработал Цю, — после того как золото замерили, разумеется, — и возвращал обратно на участок.

— Что?

— Возвращал обратно на участок.

— Ты «солил» собственный участок! — потрясенно воскликнул Фрост.

Чарли Фрост не был тонким наблюдателем человеческой природы и в результате часто переживал, что его якобы предали. В разговоре он нередко принимал такой вид, будто придерживается некой загадочной стратегии, и не то чтобы нарочно прикидывался, хотя и вполне сознавал, какое впечатление создает; это проистекало, скорее, из его полной невосприимчивости к любому стороннему опыту. Фрост не умел прислушаться к себе как к кому-то другому; не умел посмотреть на мир чужими глазами; не умел рассматривать натуру ближнего иначе, нежели сравнивая со своей собственной, будь то с завистью или с жалостью. Гедонист в душе, он постоянно закутывался в кокон собственных чувств и неизменно помнил о том, что́ у него уже есть и чего еще предстоит добиться; его субъективность отличалась всеобъемлющей полнотой. Он был чужд прямолинейности, никогда не заявлял о своих мотивах личного характера в общественной сфере и потому обычно сходил за человека беспристрастного и уравновешенного, способного мыслить в высшей степени объективно и непредвзято. Но истине это не соответствовало.

Его шокированный вид не был призван продемонстрировать праведное негодование, да на самом деле и неодобрения в себе не заключал. Фрост был просто-напросто сбит с толку — ведь он всегда воспринимал Мэннеринга не иначе как обладателя завидного дохода и прискорбно слабого здоровья, чьи сигары всегда отличаются наивысшим качеством, а декантер никогда не пустеет.

Мэннеринг пожал плечами:

— Я не первый, кто не прочь подзаработать, и уж всяко не последний.

— Стыд какой! — отозвался Фрост.

Но для Мэннеринга такая эмоция, как стыд, сопутствовала лишь провалу; он не испытывал никаких угрызений совести, если, на его собственный взгляд, неудачи он не потерпел.

— Ладно, свою точку зрения ты высказал. Так вот, как все вышло-то. Участок оказался никуда не годным. Ничем не лучше отвала. Как только я купил рудник, я закопал фунтов двадцать чистого золота в гравии, рассыпал тут и там, потом велел Цю начать разработку. Цю все благополучно отыскал. В конце недели пришел, как полагается, взвесить прибыль в пункт приема при лагере. Это еще до «золотого эскорта» было,

ну, помнишь. В те времена банковские работники обслуживали такие пункты вдоль по реке, а скупщики работали поодиночке. Доходит дело до моего участка, мое золотишко взвешивают, представители банка спрашивают, не хочу ли я им его сдать; я говорю: нет, не сейчас; я его с собой заберу как есть. Состряпал басню: я-де откладываю добытое для частного покупателя, который намерен все целиком зараз вывезти. Или что-то в этом духе, уже и не помню толком. Так вот, после того как прибыль взвесили и стоимость ее внесли в реестр, я золотишко забираю, под покровом темноты прокрадываюсь на участок и снова рассыпаю его по гравию.

— Ушам своим не верю, — откликнулся Фрост.

— Да хочешь верь, хочешь не верь, как тебе угодно, — пожал плечами Мэннеринг. — Надо отдать китайцу должное; это повторялось раз пять-шесть, и каждую неделю он являлся ровно с тем же количеством, более или менее. Все до крупинки подбирал, сколько я ни перемешивал гравий, сколь бы глубоко ни проседал песок, несмотря на погоду и все, что угодно. Рыл как крот. Китайцы, они такие: как дело доходит до доброй старой работенки, тут к ним не придерешься.

— Но ты ему так ничего и не рассказал?

— Конечно нет! — возмутился Мэннеринг. — В своих грехах каяться? Еще чего! Как бы то ни было. На сторонний взгляд, все выглядело так, словно «Аврора» дает по двадцать фунтов в месяц. Никто и не подозревал, что это одни и те же двадцать фунтов, снова и снова! Казалось, это надежный прибыльный участок.

Мэннеринг приступил к рассказу в состоянии изрядного раздражения, но его врожденная тяга к красочным живописаниям быстро взяла свое: ему доставляло удовольствие приводить доказательства собственной находчивости. Расслабившись, он с головой ушел в повествование, постукивая краем цилиндра по ноге.

— Но тут Цю что-то заподозрил. Небось подглядывал за мной или просто меня вычислил. И что же он, как ты думаешь, сделал? Хитрющая лиса! Он начал каждую неделю переплавлять золото в собственном маленьком тигле. И приносил на пункт приема уже в слитках, в фунтовых брусках вот примерно такого размера. *Их* среди камней не разбросаешь!.. Не важно, подумал я. У меня было много других участков на продажу, и остальные давали неплохое количество золотого песка. Я подумал, можно ж подменить одно на

другое. Так что я стал класть в банк бруски Цю как выручку с участка «Мечта об Англии» и каждую неделю «подсаливал» «Аврору», в точности как раньше, только использовал золотишко с «Мечты об Англии», а не с «Авроры», понимаешь? Ведь прежде на «Авроре» добывалось по двадцать фунтов в неделю; и надо было поддерживать тот же размер выработки, а не то покажется, будто прибыли с нее падают, — а тогда и я никакой прибыли не получу с ее продажи… Но Цю догадался и об этом, — продолжал Мэннеринг, возвысив голос на финальной каденции, — и треклятый гад начал вырезать на своих брусочках название участка — «Аврора». А я ж не могу их класть в банк как выручку с «Мечты об Англии», это ж неминуемо вопросы вызовет! Нет, ну представляешь? Наглость какая!

— Поверить не могу, — повторил Фрост, все еще не на шутку разобиженный предательством друга.

— Однако ж что есть, то есть, — отозвался Мэннеринг. — Вот такие пироги. И тут-то и появился Эмери.

— И?

— Что «и»?

— Ну что дальше-то было?

— Ты отлично знаешь что. Я продал ему «Аврору».

— Но ты ж сказал, участок ни на что не годен!

— Да, — кивнул Мэннеринг.

— Ты продал ему пустышку?

— Да.

— Но он же твой друг! — воскликнул Чарли Фрост и, еще не договорив, пожалел о своих словах.

Что за нелепая патетика — отчитывать человека вроде Мэннеринга по поводу *дружбы*! Жизнь Мэннеринга достигла своего апогея: он был богат, процветал, превосходно одевался, владел самым огромным и красивым особняком на Ревелл-стрит. На его цепочке от часов болтались золотые самородки. За каждой трапезой он ел мясо. У него перебывала сотня женщин — может, даже тысяча, а может, и еще больше. И на что ему сдались *друзья*? Фрост почувствовал, что краснеет.

Мэннеринг некоторое время разглядывал молодого человека и наконец сказал:

— Суть вот в чем, Чарли. Клад стоимостью в четыре тысячи фунтов — золото в слитках, причем на каждом бруске значится слово «Аврора», — обнаружен в доме покойного. Мы не знаем почему, не знаем как, но мы знаем кто, и этот «кто» — мой

старый приятель Цю из Каньера. Понял? Вот поэтому нам и надо прогуляться в Чайнатаун. Задать парню вопрос-другой.

Фрост чувствовал: Мэннеринг по-прежнему что-то от него скрывает.

— Но само состояние — как ты его объясняешь? — не отступался он. — Если «Аврора» в самом деле пустышка, тогда откуда взялось все это золото? А если «Аврора» *не* пустышка, тогда кто подделывает документацию, чтобы создать впечатление, будто участок ни на что не годен?

Магнат нахлобучил шляпу.

— Все, что я знаю, — промолвил он, проводя большим и указательным пальцем вдоль полей цилиндра и обратно, — так это то, что мне надо уладить кое-какие счеты. Никому не позволяется одурачить Дика Мэннеринга больше одного раза, а, как я понимаю, этот узкоглазый малый всерьез попытался. Ну, пошли. Или ты хвост поджал?

Никому не нравится, когда его называют трусом, — меньше всего тому, кто откровенно трусит.

— Ничего я не поджал, — холодно заверил Фрост.

— Вот и славно, — отозвался Мэннеринг. — Тогда без обид. Идем.

Фрост засунул руки в рукава.

— Надеюсь, до драки не дойдет, — предположил он.

— Поглядим, — промолвил Мэннеринг. — Поглядим. Пошли, Холли, — пошли, девочка! Вставай давай! Есть дело в Хокитикском ущелье!

* * *

Когда Фрост с Мэннерингом вышли из оперного театра «Принц Уэльский», надвинув шляпы пониже под проливным дождем, Томас Балфур как раз сворачивал на Уэлд-стрит, в трех кварталах южнее. Последние полтора часа Балфур провел в «Дойче гастхаусе» на Кэмп-стрит, где горка кислой капусты, сосиска и коричневый соус, местечко у огня и возможность поразмыслить некоторое время наедине с самим собою помогли ему вновь сосредоточиться на делах Алистера Лодербека. Он вышел из трактира освеженным и подкрепившимся и направился прямиком в «Уэст-Кост таймс».

Внутри коробчатого окна жалюзи были опущены, парадная дверь закрыта. Балфур подергал за ручку: заперто. Охваченный любопытством, он обогнул здание и подступился к небольшой квартирке, где жил издатель газеты Бенджамин

Левенталь. Прислушавшись под дверью и ничего не услышав, он осторожно повернул ручку.

Дверь с легкостью подалась, и Балфур оказался лицом к лицу с самим Левенталем: тот сидел за столом, сложив руки на коленях, — как если бы только и ждал, чтобы приход Балфура вывел его из транса. Он поспешно вскочил на ноги.

— Том, что такое? — воскликнул он. — Что-то случилось? Почему ты не постучал?

Сидел он, строго говоря, за лабораторным столом, поверхность которого, щербатую и потертую, испещрили пятна пролитых чернил и химикалиев, однако сегодня с него разгребли весь хлам, неразрывно связанный с Левенталевым ремеслом, и застелили вышитой скатертью. В центре красовалась тарелочка с толстой свечой; свеча горела.

— О, — отозвался Балфур. — Извини, Бен. Привет. Извини. Извини еще раз. Не хотел тебя потревожить — ну, то есть, ну да, никак не хотел тебя потревожить.

— Так добро пожаловать! — поприветствовал его Левенталь, видя, что Балфур явился не с дурными вестями, но просто заглянул поболтать. — Заходи, не стой на дожде.

— Не хотел нарушить твой…

— Да ничего ты не нарушил. Заходи-заходи — дверь только закрой!

— Вообще-то, я не то чтобы *по делу*, — покаянно признался Балфур, памятуя, что для Левенталя выходной день — это святое. — И не то чтоб *по работе*. Просто хотел кое-что с тобой обсудить.

— Побеседовать с тобой — это вообще никакая не работа, а сплошь удовольствие, — великодушно заверил Левенталь. И в четвертый раз повторил: — Но заходи же!

Наконец Балфур переступил порог и закрыл за собою дверь. Левенталь вновь сел и сложил руки:

— Я всегда считал, что для еврея лучшего занятия, чем газетный бизнес, не найти. Воскресных-то номеров не бывает, словно нарочно подгадали под Шаббат. Я прямо-таки сочувствую своим христианским конкурентам. Им приходится в воскресенье набирать следующий выпуск, с чернилами возиться, готовясь к понедельнику; им вообще отдохнуть некогда. Я как раз об этом размышлял, пока ты поднимался по дорожке. Да повесь уже пальто. И присаживайся.

— Я-то сам держусь англиканской церкви, — промолвил Балфур, который, как многие приверженцы этой религии, чувствовал себя весьма

неуютно при виде символов любой веры. На Левенталеву свечу он поглядывал настороженно, как если бы хозяин выложил напоказ власяницу или вериги.

— Что у тебя на уме, Том?

Бенджамин Левенталь ничуть не рассердился из-за того, что его еженедельный ритуал прервали: его религия отличалась самоуверенностью и не в его характере было усомниться в себе самом. Он частенько нарушал по мелочи обеты Шаббата и себя за это не порицал, ибо сознавал отличие между долгом, внушающим страх, и долгом, подсказанным любовью; он верил в собственную прозорливость и полагал, что если и преступает правила, то всякий раз — по веской причине. А еще ему (надо признать) после двухчасовой непрерывной молитвы уже не сиделось спокойно — Левенталь был человеком энергичным и нуждался во внешнем стимуле.

— Слушай, — объявил Балфур, упершись кончиками пальцев в поверхность стола между собою и собеседником. — Я тут только что узнал насчет Эмери Стейнза.

— А! — удивился Левенталь. — Только сейчас? Да ты никак голову в песке прятал!

— Я был занят, — отозвался Балфур, снова

устремляя взгляд на свечу: с самого детства он не мог усидеть со свечой рядом, не испытав искушения дотронуться до нее, поводить указательным пальцем сквозь пламя, пока тот не почернеет, помять подтаявший край, где воск еще теплый, погрузить кончики пальцев в лужицу расплавленного жара и быстро их отдернуть, так что жир образует на подушечках желтые нашлепки, которые, остывая, сжимаются и белеют.

— Так занят, что даже не до новостей? — поддразнил Левенталь.

— У меня тут в городе один клиент, в политику пробивается.

— Ах, ну да, достопочтенный Лодербек, — кивнул Левенталь, откидываясь в кресле. — Ну что ж, надеюсь, хотя бы он мою газету читает в отличие от тебя! Он ведь на страницах то и дело мелькает.

— Да уж, мелькает, — подтвердил Балфур. — Но послушай, Бен, я хотел тебе один вопрос задать. Я нынче утром заходил в банк и слыхал, будто кто-то давал объявления в газету. Насчет мистера Стейнза — его-де умоляют вернуться. Дозволено ли мне спросить, кто разместил эти объявления?

— Безусловно, — отозвался Левенталь. — Объявление — это дело общественное, и в любом

случае она дает внизу, под текстом, номер почтового ящика. Тебе достаточно наведаться на почту и просмотреть ящики, и ты обнаружишь ее имя.

— «Ее»?

— Да, ты удивишься, — подтвердил Левенталь. — Это одна из наших ночных бабочек! Угадаешь, которая?

— Лиззи? Ирландка Лиззи?

— Анна Уэдерелл.

— Анна? — переспросил Балфур.

— Ага! — расплылся в широкой улыбке Левенталь: он обладал чуткостью приобщенного к чужой тайне человека и всякий раз наслаждался от души, выступая в этой роли. — Ты бы сам ни за что не догадался, правда? Она пришла ко мне, когда с момента исчезновения мистера Стейнза еще двух дней не прошло. Я попытался убедить ее подождать какое-то время: по мне, так это чистой воды расточительство — давать объявление насчет пропажи человека, если его всего два дня как нет. Может, он просто в ущелье отправился, предположил я, или уехал вверх по взморью к реке Грей. Может, уже завтра вернется! Я ее уговариваю, а она — ни в какую. Говорит, никуда он не отбыл, он пропал. Вот так и сказала. Ровно в этих словах.

— Пропал, значит, — эхом откликнулся Балфур.

— И тем же утром бедняжка предстала перед судом, — вздохнул Левенталь. — До чего ж ей не везло весь последний год! Славная она девушка, Том, — очень, очень славная.

Балфур нахмурился: ему неприятно было слышать, как кто-то называет Анну Уэдерелл «славной девушкой».

— Даже представить себе не могу, — сказал он, помотав головой. — Вообще не представляю их вдвоем. Они ж совершенно разные, как мел и сыр.

— Как мел и сыр, — эхом подхватил Левенталь: ему нравились иноязычные идиомы. — А кто из них тогда мел? Стейнз, наверное, — раз карьеры разрабатывает!

Балфур пропустил его слова мимо ушей:

— А тебе Анна пояснила, по какой такой причине расспрашивает про Стейнза? Ну, то есть зачем…

— Да она пыталась с ним связаться, зачем бы еще? — отозвался Левенталь. — Но твой вопрос ведь не об этом, правда?

— Я всего-навсего имел в виду… — Балфур не стал доканчивать фразу.

— Чему ж тут удивляться, Том! — улыбнулся Левенталь. — Если этот парень выказал к ней хоть чуточку симпатии, хм…

— Что?

Издатель хмыкнул:

— Ну, ты должен признать: рядом с мистером Стейнзом мы с тобой довольно бесцветны.

Балфур насупился. Что значит «бесцветны»? Это Бен про седину? Седина облагораживает мужчину.

— Тогда второй вопрос, — произнес Балфур, меняя тему. — А что ты знаешь про некоего Фрэнсиса Карвера?

Левенталь изогнул брови.

— Не то чтобы много, — признался он. — Хотя историй наслушался, понятное дело. Про людей такого склада обычно чего только не рассказывают.

— Да, — подтвердил Балфур.

— Итак, что я знаю о Карвере? — размышлял вслух Левенталь, снова и снова прокручивая в уме заданный вопрос. — Ну, я знаю, что у него корни в Гонконге. Его отец был вроде как финансистом — что-то по линии оптовой торговли. Но они с отцом, по-видимому, разорвали отношения; с родительской фирмой он уже никак не связан.

Сам себе хозяин. У него торговое судно. Вероятно, они с отцом разошлись после того, как он угодил на каторгу.

— Но что ты о нем думаешь? — не отступался Балфур.

— Пожалуй, мое о нем впечатление не самое положительное. Он, во-первых, сын богача и, во-вторых, бывший каторжник, но первое и второе можно с легкостью поменять местами. Я так понимаю, он воплощает в себе все худшее от обоих миров. Он головорез и бандит, и при этом себе на уме. Или, иначе говоря, он живет шикарно, но подло.

(Такое резюме характера для Бенджамина Левенталя было весьма типично: в своих мыслях он всегда старался позиционировать себя как умудренное третье лицо между противостоящими силами. Давая оценку другим, Левенталь сперва выявлял в их характере ключевое несоответствие, а потом объяснял, как именно полюса этого несоответствия можно в принципе совместить с помощью его, Левенталя. Он был обречен прозревать врожденную двойственность во всем, даже в своей собственной оценке этой двойственности, и в результате ему пришлось принять жесткий личный кодекс категориче-

ских императивов — в качестве меры защиты от того, что сам он воспринимал как мир противоречивый и изменчивый. Этот личный кодекс основывался на невозмутимости, рефлексии и высоких принципах: таково было единственное надежно закрепленное сиденье, с которого он мог наблюдать за этими бесконечными проявлениями двойственности, и Левенталь целиком и полностью на него полагался. Он бывал нестрог в отношении своего распорядка дня, податлив в бизнесе, шутил о религии, но в том, что касается своих категорических императивов, он никак не мог ошибаться — и на уступки не шел.)

— Я из-за этого Карвера недавно здорово влип, — продолжал Левенталь. — Где-то недели две назад он снялся с якоря вне графика, притом среди ночи. Дело было в воскресенье, в субботнем выпуске уже опубликовали всю портовую информацию. Но поскольку, согласно расписанию, «Добрый путь» в тот день не должен был отплыть и поскольку корабль отбыл несколько часов спустя после заката, как-то так вышло, что в таможенном журнале соответствующей записи сделано не было. Ну и мне никто ничего об этом не сказал, так что и в газете о его отплытии ни словом не упоминалось. Как будто барк вообще

не покидал гавани! Начальник порта очень расстроился.

— Это в позапрошлое воскресенье, выходит? В тот самый день, когда Лодербек прибыл в город.

— Да, наверное. Четырнадцатого.

— Но той самой ночью Карвер был в долине Арахуры!

Левенталь резко вскинул глаза:

— Кто тебе сказал?

— Один туземец-маори. Тай, как бишь его. Моложавый такой, со здоровенным зеленым кулоном. Я с ним не далее как нынче утром на улице разговорился.

— А ему откуда знать?

Балфур объяснил, что Те Рау Тауфаре и Кросби Уэллс были близкими друзьями и Тауфаре видел, как Фрэнсис Карвер вошел в хижину в день смерти отшельника. Побывал Карвер в Уэллсовом доме до того, как хозяин скончался, или уже после, Балфур не знал, но Тауфаре уверял, будто Карвер явился туда *до* Лодербека, — а Лодербек, согласно его собственным показаниям, подъехал к хижине почти сразу после смерти отшельника, потому что на плите кипел чайник и вода еще не вся испарилась. Разумно было предположить, что Фрэнсис Карвер оказался в доме до того, как

Кросби Уэллс испустил дух, а может статься (по спине Балфура пробежал холодок), даже был свидетелем его последних минут.

Левенталь погладил усы.

— Чрезвычайно любопытные новости, — проговорил он. — «Добрый путь» отплыл поздним вечером, спустя несколько часов после заката. Получается, Карвер вернулся из долины Арахуры прямиком в Хокитику, тут же взошел на корабль и снялся с якоря еще до рассвета. Вот это я называю поспешным отъездом!

— По мне, как-то подозрительно оно выглядит, — кивнул Балфур, думая о своем пропавшем упаковочном ящике.

— А если вспомнить, что и Стейнз исчез примерно в это же время…

— И Анна, — перебил Балфур. — В ту самую ночь ее нашли без сознания, — собственно, Лодербек и нашел, помнишь, на дороге.

— Ага! — воскликнул Левенталь. — Еще одно совпадение.

– *Ты*, вероятно, скажешь, что в совпадения верят только глупцы, — промолвил Балфур, — но я на это отвечу… *я* отвечу, что цепочка совпадений — это уже не случайность. Целая цепочка!

— В самом деле, — сдержанно согласился Ле-

венталь.

Спустя минуту Балфур заметил:

— А насчет молодого Стейнза. Это ж стыд и срам, вот что это такое. И нечего тут сердобольничать, Бен, — давай называть вещи своими именами. Его, конечно же, убили. Человек так просто не исчезает бесследно. Неимущий бедняк — может быть. Но не человек со средствами.

— Мм, — пробормотал Левенталь; о Стейнзе он в тот момент не думал. — Хотел бы я знать, что Карверу понадобилось от Уэллса на Арахуре. И от чего он убегал, если на то пошло. Или к чему. — Издатель минуту подумал и вдруг воскликнул: — Слушай, а *Лодербек*, часом, с Карвером никак не завязан?

Балфур медленно выдохнул.

— Хороший вопрос, — проговорил он, словно бы скрепя сердце. — Но если я тебе скажу, я предам доверие Лодербека. Нарушу свое слово!

Балфур снова уставился на свечной фитиль, надеясь, что приятель станет уговаривать его продолжать.

Однако, к несчастью для Балфура, моральный кодекс Левенталя не допускал того нарушения, на которое был готов посмотреть сквозь пальцы Балфур. Смерив собеседника бесстрастным взгля-

дом, он откинулся на стуле и сменил тему.

— А ты знаешь, — бодрым тоном осведомился он, — ты ведь не первый, кто приходит ко мне в офис и спрашивает насчет того объявления в газете, ну про Эмери Стейнза.

Балфур поднял взгляд, он был одновременно разочарован и удивлен:

— Да ну — а кто еще?

— В середине недели заглянул один человек. В среду или, может, во вторник. Ирландец. Священник по профессии, но не католик — методист, кажется. Он займет должность капеллана в новой тюрьме.

— Он принадлежит к Свободной методистской церкви, — уточнил Балфур. — Я с ним утром познакомился. Он еще выглядит странновато. С зубами не повезло бедняге. Так, а у него-то какой интерес в этом деле?

— Я имени никак не вспомню, — пробормотал Левенталь, потеребив губу.

— С какой стати он интересовался Стейнзом? — вновь спросил Балфур. Имени капеллана он не знал и подсказать не мог.

Левенталь сложил руки на столе.

— Ну, все это как-то чудно вышло, — промолвил он. — Этот священник, по-видимому, сопровож-

дал коронера в хижину Кросби Уэллса, чтобы забрать останки.

— Да-да, а потом он же предал тело земле, — покивал Балфур. — Сам могилу вырыл.

— Девлин! — воскликнул Левенталь, ударив кулаком по столу. — Вот как его фамилия: Девлин. А имени все равно не помню. Сейчас, минутку…

— Так или иначе, — откликнулся Балфур, — я спрашиваю: ему-то что за дело до Стейнза?

— Я сам не вполне понимаю, — признался Левенталь. — Из нашего очень краткого разговора я так понял, ему требовалось срочно переговорить с мистером Стейнзом — либо насчет смерти Кросби Уэллса, либо о чем-то имеющем к ней отношение. Но ничего сверх этого добавить не могу. Я не спросил.

— Жаль, что не спросил, — посетовал Балфур. — Это ж лишняя ниточка, и непонятно, куда она ведет.

— Ба, Том! — просиял улыбкой Левенталь. — Да ты рассуждаешь прямо как детектив!

Балфур вспыхнул.

— Не то чтобы, — возразил он. — Просто пытаюсь кое-что выяснить.

— Кое-что выяснить — для своего доброго друга Лодербека, который обязал тебя молчать!

Балфур тут же вспомнил, что священник тем же утром нечаянно подслушал Лодербекову исповедь, и ощутил смутную тревогу. Вот где лишняя ниточка-то болтается неприкаянно! Ей-ей, Лодербеку следовало вести себя осторожнее и не болтать о делах частного характера в общественном месте!

— Ну так не странно ли оно? — ощетинился Балфур. — Этот парень, Девлин…

— Коуэлл Девлин! — воскликнул Левенталь. — Вот как его звать! Я знал, что вот-вот вспомню. Коуэлл Девлин. Да, с зубами ему не повезло.

— Уж кто бы он там ни был, лично я его прежде в глаза не видел, — промолвил Балфур. — Явился откуда ни возьмись, и туда же, волнуется за Эмери Стейнза! Тебе это не кажется подозрительным?

— Да, очень подозрительно, — согласился Левенталь, по-прежнему улыбаясь. — Чрезвычайно подозрительно. Но ты начинаешь злиться, Том.

Балфур и впрямь заметно раскраснелся.

— Это все Лодербек, — начал было он, но Левенталь покачал головой:

— Нет-нет, я ни в коем случае не заставлю тебя предавать доверие. Я просто поддразниваю. Давай сменим тему. Я не стану задавать вопросов.

Но Томасу Балфуру очень хотелось, чтобы

Левенталь вопрос задал. Он был вполне готов предать доверие Алистера Лодербека и от души надеялся, что, притворяясь, будто ни за что не станет разглашать тайны политика, он сподвигнет Левенталя поуговаривать его именно это и сделать. Но, по-видимому, Левенталь в эти игры не играл. (Либо не хотел, либо не знал, что можно попробовать.) Балфур чувствовал, что ему не хватает воздуха. Почему он с самого начала не сел и не рассказал откровенно и полностью о шантаже, жертвой которого стал Лодербек, и о намеченной мести? А теперь придется уйти, так толком ничего и не выяснив, — не может же он предложить поведать обо всем теперь, когда издатель заверил его, что не хочет ничего знать!

Заметим вскользь, что об этой самоцензуре можно только пожалеть: если бы Балфур и впрямь пересказал историю Лодербека полностью, 27 января события, вероятно, повернулись бы несколько иначе и для него, и для ряда других людей. Отдельные подробности воскресили бы в памяти Левенталя некое происшествие, вспомнить о котором у него не было повода вот уже много месяцев; а между тем воспоминание это весьма помогло бы Балфурову расследованию в том, что касается Карвера, и объяснило бы,

по крайней мере частично, тайну присвоения фамилии Уэллс.

Однако так уж вышло, что Балфур Лодербекову историю не пересказал и никаких интересных подробностей в памяти Левенталя не воскресло, и наконец Балфур, поднявшись от замызганного стола, вынужден был поблагодарить своего друга и распрощаться с ним, причем оба остались смутно разочарованы беседой, которая сперва пробудила надежды, но тут же их и развеяла. Левенталь вновь погрузился в безмолвное религиозное созерцание, а Балфур — в чавкающую слякоть Ревелл-стрит. Колокола отзвонили половину четвертого; день шел своим чередом.

Но неумолимо движется вперед и внешняя сфера — безграничное настоящее, вместившее в себя ограниченное прошлое. Эту самую историю, со множеством отсылок и нужных акцентов здесь и там, в данный момент излагают Уолтеру Мади; и Бенджамин Левенталь, который в курительной комнате гостиницы «Корона» тоже присутствует, отдельные ее фрагменты узнает впервые. Внезапно он вспоминает о событии, приключившемся за восемь месяцев до того. Левенталь выходит вперед, огибает бильярдный стол, поднимает руку, давая понять, что хотел бы кое-что добавить.

Балфур приглашает его выступить, и Левенталь начинает пересказывать воспоминание, только что всплывшее в его мыслях, приглушенно-торжественным голосом, под стать новостям столь важным.

Вот его повесть.

Однажды утром в июне месяце 1865 года некий темноволосый человек со шрамом на щеке переступил порог маленького офиса Левенталя на Уэлд-стрит и попросил разместить объявление в «Уэст-Кост таймс». Левенталь согласился, взял ручку, приготовился записывать. Посетитель сообщил, что потерял транспортный ящик, в котором содержались личные вещи, очень ценные для владельца. Он готов заплатить двадцать фунтов, если ящик ему вернут, и пятьдесят, если вернут невскрытым. Он не стал уточнять, что именно находилось в ящике, помимо того факта, что содержимое представляет для него большую ценность; изъяснялся он в грубовато-резкой, немногословной манере. Левенталь попросил его назвать свое имя; тот не ответил. Зато вытащил из кармана свидетельство о рождении и выложил его на стол. Левенталь скопировал имя — мистер Кросби Фрэнсис Уэллс — и осведомился, куда направлять откликнувшихся, если потерян-

ный ящик вдруг отыщется. Посетитель дал некий адрес на набережной Гибсона. Левенталь записал и его, заполнил квитанцию, принял оплату и попрощался с гостем.

Вы спросите (Мади, собственно, и спросил), а почему Левенталь так уверен насчет подробностей этого визита, учитывая, что вспомнил он о нем только что, почти восемь месяцев спустя, и не имел возможности уточнить отдельные детали. Как может Левенталь со всей убежденностью утверждать, во-первых, что человек, поместивший объявление, действительно имел шрам на щеке, во-вторых, что это произошло в июне прошлого года, и, в-третьих, что в свидетельстве о рождении вне всяких сомнений значилось имя Кросби Фрэнсис Уэллс?

Левенталь ответил учтиво, но несколько пространно. Он поведал Мади, что газета «Уэст-Кост таймс» была основана в мае 1865 года, примерно месяц спустя после того, как Левенталь высадился в Новой Зеландии. Первый ее выпуск составлял всего-навсего двадцать экземпляров, по одному на каждую из хокитикских гостиниц, один — для только что назначенного главы муниципалитета и один — для самого Левенталя. (Спустя месяц, благодаря приобретению парового

печатного станка, тираж увеличился до двухсот экземпляров; а теперь, в январе 1866 года, Левенталь печатает под тысячу экземпляров каждого выпуска и нанял двух помощников.) Дабы подписчики не забывали, что «Таймс» был самой первой хокитикской ежедневной газетой, Левенталь поместил самый первый номер под стекло в рамочку и повесил на стену в главном офисе. Так что он хорошо помнил точную дату основания газеты (29 мая 1865 года): ведь памятный экземпляр представал его взгляду каждое утро. А человек, о котором шла речь, пояснил Левенталь, со всей определенностью явился в какой-то из июньских дней, потому что паровой печатный станок доставили первого июля, а он отчетливо помнит, что печатал объявление посетителя со шрамом на старом ручном прессе.

А как так вышло, что его память сохранила все эти подробности? Так ведь, набирая текст, Левенталь обнаружил, что двух квадратных дюймов (стандартный размер для объявления в рекламной колонке, оплаченный человеком со шрамом) для данного сообщения недостаточно: одно последнее слово в колонку уже не влезает. Либо Левенталю пришлось бы перетасовать повторные уведомления и вообще поменять формат

газеты, либо он был бы вынужден создать верхнюю висячую строку, на жаргоне наборщиков — «вдовушку», то есть последнее слово объявления (а именно «Уэллс») некрасиво повисло бы вверху третьей колонки, сбивая читателя с толку. К тому времени, как это обнаружилось, человек со шрамом давным-давно ушел, и Левенталю совершенно не хотелось идти разыскивать его по всем улицам. Вместо того он прикинул, нельзя ли выкинуть какое-нибудь слово, и наконец решил сократить второе имя заказчика, Фрэнсис. Благодаря этому висячей строки не возникло и формат колонки не пострадал.

Очередной выпуск «Уэст-Кост таймс» вышел на следующий день ранним утром, а задолго до полудня уже объявился человек со шрамом. Он настоятельно потребовал — причин, впрочем, не приводя, — чтобы второе имя тоже фигурировало в объявлении; для него, дескать, это вопрос крайней важности. Он был возмущен тем, что Левенталь изменил текст без ведома заказчика, и выражал свое недовольство с той же резкой прямолинейностью, с какой впервые обратился к издателю за помощью. Левенталь, рассыпавшись в извинениях, напечатал текст снова — и еще пять раз после того, поскольку посетитель опла-

тил размещение объявления в течение недели, а в создавшихся обстоятельствах Левенталь счел оправданным предложить ему седьмую публикацию безвозмездно.

Так что, как Левенталь объяснил Мади, он абсолютно уверен и насчет даты визита, и насчет полного имени заказчика: звался тот Кросби Фрэнсис Уэллс. Это происшествие намертво отпечаталось в памяти газетчика: оглядываясь назад, к истокам своего дела, предприниматель хорошо помнит свою первую ошибку, а недовольство клиента забудешь не скоро, если принимаешь свой бизнес близко к сердцу.

Тем самым оставался открытым лишь вопрос внешности заказчика, потому что как Левенталь мог утверждать наверняка, что у загадочного визитера действительно шрам на щеке (ведь у бывшего каторжника, известного под именем Фрэнсис Карвер, шрам и впрямь наличествовал, зато у отшельника, известного как Кросби Уэллс, со всей определенностью нет)? Левенталь неохотно согласился, что насчет этой последней детали есть место сомнениям. Возможно, на воспоминание об объявлении наложилось другое, о человеке со шрамом. Но он счел нужным добавить, что обычно запоминает мельчайшие

подробности, а образ того человека стоит перед его внутренним взором как наяву; он помнил, что посетитель держал в руках цилиндр и в ходе беседы стискивал его между ладонями, точно намереваясь расплющить в фетровую лепешку. Уж эта-то подробность вряд ли вымысел! Левенталь объявил, что готов поспорить на приличную сумму денег: у запомнившегося ему человека на щеке *действительно* шрам в форме серпа, а в свидетельстве о рождении в самом деле значилось имя Кросби Фрэнсис Уэллс. Левенталь, однако, признал, что не был знаком с Кросби Уэллсом лично и вообразить его черты никак не мог, поскольку никаких набросков или портретов покойного не сохранилось.

Эти новые сведения, как легко можно представить, были встречены настоящей какофонией восклицаний и предположений в курительной комнате гостиницы «Корона», и прошло какое-то время, прежде чем рассказ возобновился. Но мы оставим этих людей в настоящем и устремимся вперед, в прошлое.

* * *

Паромная переправа между Каньером и устьем реки Хокитика из-за сложных погодных условий

не прервалась, но замедлилась: перевозчики, за отсутствием пассажиров и дел насущных, рассевшись тут и там на открытом складе, примыкающем к пристани, курили и играли в вист. Ничуть не обрадовавшись перспективе бросить игру и выйти под проливной дождь, они назвали цену, отражающую их недовольство как в зеркале. Но Мэннеринг тут же согласился, и паромщики волей-неволей отложили карты, загасили сигареты и потащили лодку по скату к воде.

Каньер находился в каких-нибудь четырех милях вверх по реке, это расстояние преодолевалось в мгновение ока на обратном пути, когда уже не приходилось грести против течения; а вот путь вглубь страны порою занимал целый час, в зависимости от уровня воды в реке, ветра и приливного потока. Старатели, что курсировали туда-сюда между Каньером и Хокитикой, обычно путешествовали в почтовой карете либо пешком, но карета к тому времени отбыла, а погода к пешим прогулкам не располагала.

Мэннеринг заплатил за проезд, и они с Фростом устроились на носу крашеной шлюпки (вообще-то, это была спасательная лодка, подобранная при кораблекрушении), а между ними втисну-

лась колли по кличке Холли. Гребцы по левому борту оттолкнулись от берега лопастями весел и поднатужились; очень скоро лодчонка уже шла вверх по реке.

Сидя спиной к носу, Фрост с Мэннерингом оказались лицом к лицу с гребцами — точно два габаритных, нарядных рулевых старшины; расстояние между ними сокращалось всякий раз, как гребцы наклонялись вперед и налегали на весла. Так что предстоящего им дела друзья не обсуждали, иначе им пришлось бы посвятить в свою тайну и гребцов. Вместо того Мэннеринг поддерживал неумолчную болтовню о погоде, обеих Америках, почве, стекле, завтраке, промывке на шлюзах, местной древесине, Балтийском театре военных действий и жизни на приисках. Фрост, подверженный морской болезни, вообще не двигался с места, вот разве что время от времени поднимал руку и стряхивал выступившие под полями шляпы капли. А на разглагольствования Мэннеринга отвечал лишь мычанием сквозь зубы в знак согласия.

По правде говоря, Фроста одолевал страх, причем одолевал все сильнее, по мере того как каждое движение весел несло лодку все ближе и ближе к ущелью. Да что, ради всего святого, на

него нашло? — черт его дернул уверять, будто он вовсе даже не поджал хвост, когда на самом-то деле еще как поджал! Он с легкостью мог притвориться, будто ему необходимо вернуться в банк! А теперь вот его швыряет туда-сюда, под ногами три дюйма грязной воды, он продрог насквозь, он безоружен и неподготовлен — неудачно выбранный секундант для чужой дуэли — и чего ради? У него-то что за распря с китайцем Цю? Он-то что за обиду затаил? Он этого человека в жизни не видел! Фрост в очередной раз обтер поля шляпы.

Река Хокитика петляла по гравийным равнинам, усыпанным одинаково круглыми, истертыми камешками. Берега реки обрамлял темный кустарник — зелень его потемнела от дождя еще больше; вдали над холмами клубились изменчивые тучи. При взгляде на них представлялось, что расстояние здесь измеряется отрезками: высокие деревья каикатиа[36] вздымались над кустарником, их силуэты зеленели на переднем плане, синели на среднем и, серые на гребне холмов, сливались с оттенком тумана. Альпы укрыла белесая пелена, но в ясный день (как отметил Мэннеринг) они выделялись вполне отчетливо,

[36] Сноски: 36

Каикатиа — высокое голосемянное новозеландское дерево с вечнозеленой листвой; ценный источник древесины.

зубчатым белым хребтом на фоне неба.

Лодка продвигалась все дальше. Мимо, вниз по реке, стремительно проскользила байдарка. В ней плыли бородатый землемер и двое проводников-маори: они приветливо приподняли шляпы, Мэннеринг поступил так же (Фрост рисковать не стал: каждое лишнее движение внушало ему страх). А после — вообще ничего; лишь берега плясали перед глазами, проносясь мимо, да дождь хлестал по волнам реки. Чайки, преследовавшие их от самого устья, утратили интерес и отстали. Так прошло минут двадцать, гребцы преодолели поворот — и внезапно, как если бы лампа осветила битком набитую народом комнату, повсюду вокруг вскипела и забурлила шумная жизнь.

Палаточный городок Каньер стоял на полпути между Хокитикой и удаленными от моря участками. Земля вокруг была по большей части равнинная, изрытая сквозным узором оврагов и ручьев, и все они несли камни и гравий с вершин Альп к морю; здесь не умолкали звуки текучей воды — как отдаленный рев, как шум, как плеск, как капель. Один из первых землемеров побережья заметил: где вода, там и золото, — а вода тут была повсюду, вода стекала с листьев папоротников, вода унизывала росинками ветви, вода

насыщала свисающие с деревьев мхи и, просачиваясь сквозь землю, заполняла отпечатки ног.

На взгляд Фроста, поселение в Каньере представляло собою унылое зрелище. Палатки старателей, выстроившиеся неровными ступенчатыми уступами, низко просели под тяжестью нескончаемого дождя, а несколько так и вовсе обрушились. Протянутые между ними тут и там веревки провисали под флагами и мокрым бельем. Отдельные палатки были укреплены самодельной облицовкой из шифера и глины и держались куда надежнее; какой-то предприимчивый субъект додумался растянуть второй лист между деревьями над палаткой в качестве дополнения к откидному клапану. К стволам деревьев были приколочены гвоздями раскрашенные щиты, рекламирующие все мыслимые развлечения и напитки. (Чтобы открыть на прииске кабак, достаточно было парусинового навеса да бутылки; хотя, если бы служители закона застали владельца на месте преступления, ему грозил бы штраф, а то и тюрьма; торговали там алкоголем, произведенным по большей части тут же, в лагере. Чарли Фрост однажды попробовал каньерское пойло и тут же с отвращением выплюнул: маслянистое, кислое на вкус, с какой-то густой взвесью

и воняет фотоэмульсией.)

Фрост дивился тому, что дождь не загнал золотодобытчиков под крышу, — похоже, ничто не могло охладить их пыл. Они толпились у реки: кто, по колено в воде, промывал золото на лотке, кто громыхал промывочными корытами, кто надраивал кастрюли, купался, замачивал белье, штопал дыры и плел веревку на берегу. Все были одеты, как водится среди старателей, в молескин, саржу и твил. Некоторые щеголяли в кушаках ярчайшего алого цвета по тогдашней пиратской моде, большинство носили мягкие шляпы с широкими опущенными полями. Работая, они перекликались между собою, дождя словно бы не замечая. Фоном для этих возгласов служил привычный приисковый гвалт: звенящие удары топора, смех, посвист. В воздухе клубился синий дым и неспешными толчками рассеивался над рекой. Из-под деревьев донесся звук аккордеона, и откуда-то издалека — гром аплодисментов.

— Тихо здесь, правда? — промолвил Мэннеринг. — Даже для субботы.

Фрост так не считал.

— И народу никого, — продолжил Мэннеринг.

Фрост видел вокруг десятки, если не сотни, людей.

Панорама, открывшаяся их взорам, стала для Чарли Фроста первым впечатлением от Каньера — да собственно говоря, первым впечатлением от окрестностей Хокитики в общем и целом, ведь за семь месяцев с тех пор, как он преодолел Хокитикскую отмель, он так ни разу и не выбрался вглубь страны, да и вдоль берега ни разу не ездил дальше верхней террасы Сивью. И хотя он частенько жаловался на недостаток средств, в глубине души он знал, что его натуре приключения противопоказаны. Теперь же, видя, как какой-то человек подтаскивает ветку к костерку у кромки воды и бросает ее целиком на темные угли, взметнув столп дыма, который обволакивает его черным облаком, так что старатель заходится в ужасном, раздирающем легкие кашле, наводящем на мысль, что бедняга на этом свете не жилец, Фрост решил, что его консерватизм целиком и полностью оправдан.

«Каньер, — сказал он себе, — мерзопакостное, Богом позабытое место».

Лодка вышла на мелководье, киль заскреб по камням. Носовые гребцы спрыгнули за борт и вытащили суденышко из воды, чтобы Мэннеринг с Фростом смогли сойти на берег, не замочив ботинок, — напрасная любезность, поскольку

ботинки их уже промокли насквозь. Колли скакнула через планширь и плюхнулась брюхом в воду.

— Фу-ты! — проворчал Мэннеринг, неуклюже перебираясь на камни и потягиваясь всем телом. — Надо было другие брюки надеть. Не тот денек, чтоб модничать, — э, Чарли? В такую погоду франт полным идиотом выглядит! Вот чес-слово!

Он уже понял, что Фрост не в духе, и пытался держаться бодрячком. Да, он искренне считал, что Фросту полезно своими глазами взглянуть на хорошую драку (в невозмутимом спокойствии Фроста ощущался привкус резонерства, что чрезвычайно раздражало Мэннеринга), однако упасть в глазах мальчишки ему совсем не хотелось. От природы склонный к соревновательности, среди прочих гипотетических призов, за которые он состязался всякий день, был и трофей с выгравированными на нем именами всех тех, с кем Мэннеринг когда-либо общался. Если бы ему пришлось вдруг выбирать между благом ближнего и уступчивостью ближнего, он бы в любом случае предпочел второе. Он Фросту послабления не даст, тот и без того слабак, и уж конечно, мальчишка должен знать свое место, но Мэннеринг не

настолько горд, чтобы не протянуть руку помощи там, где в помощи явно нуждаются.

Но Фрост не ответил ни словом. Он с ужасом созерцал ситцевую палатку А-образной конструкции, в которую едва уложишь бок о бок троих мужчин и на которой тем не менее красовалась начертанная от руки вывеска «Гостиница». В еще больший ужас пришел он при виде того, как какой-то старатель расстегнул ширинку и облегчился на глазах у своих сотоварищей на камни у воды. Фрост отшатнулся — и тут же не на шутку встревожился, заслышав смех. Двое золотодобытчиков устроились под деревянным каркасным навесом менее чем в десяти ярдах от причала паромной переправы и наблюдали за приближением спасательной шлюпки. Смятение Фроста их явно забавляло: один приподнял шляпу в знак приветствия, другой шутливо отсалютовал.

— Потаращиться на нас приехал?

— Да не, Боб, — одежонку постирать в реке. Вот только позабыл сперва ее испачкать!

Старатели вновь расхохотались; Фрост, красный как рак, отвернулся. Да, жизнь его ограничивалась двойными пределами привычки и долга; да, путешествовать он не путешествовал и на приисках вкалывать не хотел; да, пальто он

вычистил щеткой не далее как нынче утром и надел свежую рубашку. И стыдиться тут нечего! Но детство Фроста прошло в таком месте, где других детей не было, и поддразниваний он не понимал. Если кто-то его вышучивал, он знать не знал, как ответить. К лицу его приливала кровь, горло конвульсивно сжималось, и он мог лишь неестественно улыбаться.

Гребцы между тем уже вытащили шлюпку из воды. Они согласились перевезти обоих пассажиров обратно в Хокитику через два часа (*два часа*, подумал Фрост с замиранием сердца) и теперь бросили жребий, кому остаться при лодке. Неудачник разочарованно сел; остальные, позвякивая монетами, скрылись среди деревьев.

Двое старателей напротив все не унимались.

— Понюшку табаку у него попроси, — советовал один насмешник другому.

— Спроси, как часто он домой пишет — в свой Мейфэр![37]

— Спроси, умеет ли он рукава засучивать выше локтя.

— Спроси его про папочкины доходы. Это ему понравится.

---

[37] Сноски: 37

Мейфэр — фешенебельный район лондонского Уэст-Энда.

Что за жестокая несправедливость, думал про себя Фрост, — он в жизни не бывал в Мейфэре, у отца его ни гроша за душой, а сам он, между прочим, новозеландец! (Но такое самоназвание прозвучало глупо; никто ведь здесь не именует себя «англичанином».) У него у самого доход мизерный, если вспомнить, сколь громадную часть своего заработка он перекладывает в отцовский карман каждый месяц. Что до этого вот костюма, так он купил его на собственные деньги, а пальто нынче утром собственноручно вычистил! И да, засучивать рукава ему не внове. Манжеты у него на пуговицах, как и у старателей; рубашку он купил у хокитикского галантерейщика, точно так же как и они. Фросту очень хотелось все это озвучить, но вместо того он опустился на колени и вытянул руки ладонями вверх: колли тут же начала их вылизывать.

— Может, пойдем уже? — вполголоса намекнул Фрост Мэннерингу.

— Минутку.

Спрятав кошелек во внутренний карман, Мэннеринг возился с пуговицами пальто: никак не мог решить, оставить расстегнутыми все, кроме нижней, облегчая доступ к пистолетам, или все, кроме верхней, — тем самым надежно сокрыв

пистолеты от посторонних глаз.

Фрост боязливо заозирался, избегая взгляда старателей под навесом. От причала паромной переправы отходила дорожка и, разветвляясь надвое, петляла между деревьями: одна тропа уводила на восток, к озеру Каньер, другая — на юго-восток, к Хокитикскому ущелью. За южным берегом реки раскинулось настоящее лоскутное одеяло бессчетных участков и рудников, среди которых, между прочим, была и «Аврора». Фрост об этом не знал, — собственно, он не смог бы ткнуть пальцем в направлении севера, если бы его попросили. Он поискал глазами указатель на Чайнатаун, но не нашел. Китайцев в толпе явно не было.

— Нам туда. — Словно прочитав его мысли, Мэннеринг кивком указал на восток. — Вверх по реке. Недалеко.

Фрост, зажав собаку между колен, принялся валять и мять ее влажную шерсть, не столько чтобы приласкать колли, сколько чтобы успокоиться самому.

— Не договориться ли нам заранее о… о каком-нибудь плане? — предположил он, искоса глянув снизу вверх на собеседника.

— Незачем, — отрезал Мэннеринг, подтягивая

пояс повыше.

— План нам незачем?

— У Цю пистолета нет. У меня два. Такого плана мне более чем достаточно.

Заявление это Фроста отнюдь не утешило. Он выпустил Холли — собака стрелой метнулась прочь — и поднялся на ноги.

— Ты ведь не станешь стрелять в безоружного?

Мэннеринг наконец сделал выбор в пользу верхней пуговицы.

— Ну вот, — промолвил он. — Так лучше. — И довольно разгладил пальто по всей длине.

— Ты меня слышишь?

— Я тебя слышу. Чарли, хватит егозить. Ты только лишнее внимание к себе привлекаешь.

— Если ты хочешь, чтобы я перестал беспокоиться, то мог бы мне ответить! — откликнулся Фрост. Голос его едва не срывался на визг.

— Слушай сюда, — произнес Мэннеринг, наконец-то разворачиваясь лицом к собеседнику. — Вот уже пять лет, как я нанимаю китайцев работать на моих участках, и сказать могу одно. Они на дурман падки, как «шляпник» до шлюхи, — все до единого. К этому часу в субботу все желтолицые по эту сторону Альп валяются как пьяные, во власти опиумного дракона. Можно

войти в Чайнатаун и повязать их всех одной рукой. Понял? Грубая сила не понадобится. И пистолеты тоже. Это все так, вящего эффекта ради. Все работает на нас, Чарли. Если кто опиумом накачался, так он лужицей растекается. Помни об этом. Он беспомощен. Прям как ребенок.

Солнце в Козероге

Глава, в которой Гаскуан вспоминает о своем первом знакомстве со шлюхой; несколько швов вспороты ножом; усталость берет свое, а Анна Уэдерелл просит о помощи.

Подглядывая в щелку двери за Анной с Гаскуаном, Джозеф Притчард увидел лишь то, чего так страстно желал сам: любовь и искреннее сочувствие. Притчард был одинок, и, как большинству одиноких душ, ему везде мерещились счастливые пары. В тот момент — когда Анна всем телом прильнула к груди Гаскуана, а он обнял ее, оторвал от земли, прижался щекой к ее волосам — Притчард, чьи обмякшие пальцы обхватили холодный шар дверной ручки, вряд ли утешился бы, узнав, что Обер Гаскуан и Анна Уэдерелл просто-напросто и всего лишь друзья. Боль одиночества не смягчится при напоминании о том, что все познается в сравнении. Даже дружба показалась бы Притчарду пиршеством за чужим окном; даже от жалкого подаяния у него бы слюнки потекли — и он бы остро почувствовал

свою обделенность.

Предположения Притчарда насчет Гаскуана основывались на знакомстве самом что ни на есть шапочном — на одном-единственном разговоре, если на то пошло. Судя по Гаскуановой надменной манере держаться и по безупречному стилю в одежде, Притчард решил, будто тот занимает в магистратском суде пост весьма важный, но на самом-то деле секретарь мало за что отвечал. Главной его обязанностью было всякий день взыскивать залог в тюрьме при полицейском управлении. Сверх этого, Гаскуан целыми часами напролет заносил в реестр пошлины и сборы, вел учет квитанциям на разработку участков, рассматривал жалобы и время от времени выполнял распоряжения комиссара.

Скромная должность, что и говорить, но Гаскуан в городе объявился не так давно: он был доволен, что подыскал себе хоть такое место, и нимало не сомневался, что недолго ему суждено получать лакейское жалованье.

Гаскуан не пробыл в Хокитике и месяца, когда впервые увидел Анну Уэдерелл — закованную в кандалы, на полу тюрьмы Джорджа Шепарда. Она сидела, прислонившись спиной к стене, сложив руки перед собою. Широко открытые глаза

лихорадочно блестели. Влажные пряди волос, выбившись из-под заколки, липли к щеке. Гаскуан опустился перед ней на колени и, повинуясь внезапному порыву, подал руку. Она крепко ее стиснула, притянула молодого человека еще ближе, так чтобы он оказался вне поля зрения начальника тюрьмы, который сидел у двери с винтовкой на коленях.

— Я могу внести залог, — прошептала она, — могу собрать денег, но ты должен мне поверить. И вот ему нельзя говорить, откуда они.

— Кому? — переспросил Гаскуан, тоже понижая голос до шепота.

Не отводя от него глаз, девушка кивнула в сторону начальника тюрьмы Шепарда. Крепче сжала пальцы, поднесла его руку к своей груди. Секретарь вздрогнул, едва не вырвал руку, но тут же ощутил под ладонью то, о чем она пыталась ему сообщить. Что-то прощупывалось под тканью в области ребер. Гаскуан подумал было, это что-то вроде кольчуги, да только с кольчугами он в жизни не имел дела.

— Золото, — шепнула Анна. — Это золото. По всей длине корсетных косточек и под подкладкой, везде. — Ее темные глаза умоляюще вглядывались в его лицо. — Золото, — повторила

она. — Не знаю, как оно туда попало. Оно было там, когда я очнулась, — зашитое в платье.

Гаскуан недоуменно нахмурился:

— Ты хочешь внести залог золотом?

— Я не могу его достать, — зашептала она. — Только не здесь. Без ножа не получится. Оно ж все внутрь вшито.

Их лица почти соприкасались; Гаскуан чувствовал сладковатый душок опиума, точно сливовый привкус, в ее дыхании.

— Это твое золото? — тихо осведомился он.

Лицо ее исказилось отчаянием.

— Какая разница? Это ж деньги, нет?

— Эта шлюха вас задерживает, мистер Гаскуан? — донесся из угла гулкий голос Шепарда.

— Нет, что вы, — возразил Гаскуан.

Анна выпустила его руку, Гаскуан выпрямился, шагнул назад. С деловым видом извлек из кармана кошелек — словно так и надо. Взвесил его на ладони.

— Извольте напомнить мисс Уэдерелл, что мы не принимаем залог под обещание, — произнес Шепард. — Либо она вносит деньги здесь и сейчас, либо остается тут, пока кто-нибудь не соберет для нее необходимые средства.

Гаскуан внимательно пригляделся к Анне. У

него не было никаких причин прислушаться к просьбе этой женщины, равно как и поверить, что плотная прослойка, которая прощупывалась под корсетом, и в самом деле золото, как она уверяла. Он знал, что должен немедленно пожаловаться на нее начальнику тюрьмы, обвинить в попытке склонить его к нарушению служебного долга. Он должен вспороть ее корсет охотничьим ножом, что носил в сапоге, — ведь если она таскает на себе чистое золото, так явно не свое. Она — шлюха. Она задержана за пребывание в состоянии опьянения в общественном месте. Платье у нее в грязи. От нее разит опиумом, и под глазами залегли фиолетовые тени.

Но Гаскуан взирал на нее с состраданием. Его внутренний рыцарственный кодекс заставлял его глубоко сочувствовать людям, оказавшимся в отчаянной ситуации, и исполненный муки молящий взгляд огромных глаз всколыхнул в нем участие и любопытство. Гаскуан верил, что справедливость должна быть синонимом милосердия, а не его альтернативой. А еще он считал, что милосердный поступок диктуется внутренним чутьем прежде, чем каким-либо законом. В нежданном порыве жалости — а это чувство всегда захлестывало его потоком — Гаскуан ре-

шил выполнить просьбу девушки и защитить несчастную.

— Мисс Уэдерелл, — проговорил Гаскуан (он понятия не имел, как заключенную зовут, до того как начальник тюрьмы упомянул это имя), — сумма вашего залога определена в один фунт и один шиллинг.

Он держал кошель в левой руке, а реестр — в правой; теперь он, словно бы перекладывая реестр из одной руки в другую, воспользовался им как щитом, достал из кошелька две монеты и вложил их в ладонь. Затем вновь перехватил кошелек и реестр правой рукой, а левую протянул вперед, ладонью кверху, прижимая монеты большим пальцем.

— У вас наберется эта сумма из тех денег, что, как вы мне продемонстрировали, спрятаны у вас под корсетом? — проговорил Гаскуан громко и отчетливо, словно обращаясь к слабоумному или к ребенку.

В первое мгновение она не поняла. А затем кивнула, пошарила между косточками корсета, сделала вид, будто что-то вытащила. Поднесла сложенные щепотью пальцы к ладони Гаскуана; тот убрал большой палец, кивнул, словно остался вполне удовлетворен появившимися в его руке

монетами, и зарегистрировал внесенный залог в реестре. Затем со звяканьем опустил монеты в кошель и перешел к следующему заключенному.

Этот добрый поступок, столь нетипичный для тюрьмы Джорджа Шепарда, для Гаскуана был делом не то чтобы непривычным. Ему доставляло удовольствие завязывать дружбу с прислугой, с детьми, с нищими, с животными, с женщинами-дурнушками и мужчинами-изгоями. Его любезность неизменно распространялась на тех, кто на любезность не рассчитывал: он никогда не бывал груб с человеком ниже себя по положению. Однако с представителями высших классов он дистанцию не сокращал. Не то чтобы он держался неприветливо, но в манере его ощущалась пресыщенная удрученность и отсутствие какого-либо интереса; такая практика, даже не будучи продуманной стратегией в прямом смысле слова, снискала ему немалое уважение и обеспечила место среди наследников земель и состояния, как если бы он нарочно задался целью проникнуть в эти круги.

Вот так Обер Гаскуан, незаконнорожденный сын английской гувернантки, выросший в мансардах парижских сблокированных домов, вечно одетый в обноски, навсегда сосланный к ведерку

для угля, ребенок, которого то бранят, а то игнорируют, с течением времени приобрел вес как обладатель пусть и ограниченных, но приличных средств. Он возвысился над собственным прошлым, а между тем он не был ни честолюбив, ни вопиюще удачлив.

Облик Гаскуана представлял собою причудливый сплав разных классов, высших и низших. Гаскуан развивал свой ум с той же дотошной требовательностью, с какой ныне заботился о своем туалете, — то есть согласно продуманной, но несколько устаревшей системе. Он питал истинную страсть к книгам и книжной учености — такая страсть знакома лишь тем, кто сам работает над своим образованием; и страсть эта, изначально приватная и целомудренная, тяготела к благоговейному экстазу и к презрительной надменности. Характер его был исполнен глубокой ностальгии — не по собственному прошлому, но по ушедшим эпохам; он скептически взирал на настоящее, страшился будущего и бесконечно сожалел об упадке мира. В целом он напоминал хорошо сохранившегося престарелого джентльмена (на деле ему исполнилось лишь тридцать четыре), чья жизнь комфортно, но приметно клонится к закату; сам он отлично понимает,

что стал сдавать, и это либо забавляет его, либо погружает в меланхолию, в зависимости от настроения.

Ибо переменам настроения Гаскуан поддавался с чрезвычайной легкостью. Порыв сострадания, вынудивший его солгать ради Анны, развеялся, как только проститутку освободили; омрачился отчаянием при мысли о том, что его помощь, чего доброго, была напрасной — неуместной, неправильной, а хуже всего — своекорыстной. Больше всего на свете Гаскуан страшился эгоизма. Он ненавидел любые его проявления в себе самом, точно так же как честолюбец ненавидит все проявления слабости, что могут помешать ему в борьбе за свою эгоистичную цель. Этой чертой своей личности Гаскуан, однако ж, чрезвычайно гордился и обожал морализировать на ее тему; всякий раз, когда иррациональность всего этого слишком уж бросалась в глаза, на него накатывал самый что ни на есть эгоистичный приступ раздражительности.

Выйдя из тюрьмы, Анна последовала за ним; на улице Гаскуан предложил ей, едва ли не грубо, зайти к нему и объясниться наедине. Она покорно согласилась; они вместе зашагали сквозь дождь. Гаскуан уже не испытывал к ней жалости.

Его сострадание, быстро вспыхнувшее, сменилось тревогой и неуверенностью в себе: ведь она, в конце концов, обвиняется в неудавшемся покушении на самоубийство; как предупредил его начальник тюрьмы, подписывая документ об освобождении, она, возможно, психически неадекватна.

Теперь, две недели спустя, в гостинице «Гридирон» Гаскуан обнимал девушку, крепко распластав ладонь в прогибе ее спины, а она упиралась руками ему в грудь, и дыхание ее влажно щекотало ему ключицу — и мысли его вновь обращались к вероятности того, не пыталась ли Анна вторично покончить с собой. Но где тогда пуля, что должна была бы застрять в ее грудине? Знала ли она, что пистолет столь непостижимым образом даст осечку, когда наставляла дуло себе в горло и спускала курок? Откуда ей было о том знать?

«Все мужчины хотят, чтобы их девки были несчастны», — сказала Анна тем вечером, когда ее выпустили из тюрьмы и она проследовала за Гаскуаном к нему домой, и они вместе потрошили ее платье, расстелив его на кухонном столе, а дождь все лил и лил, и в свете керосиновой лампы сглаживались острые контуры углов. «Все мужчины хотят, чтобы их девки были несчаст-

ны», — а он что ответил? Ответил односложно и резко, надо думать. А теперь вот она попыталась застрелиться. После того как Притчард закрыл дверь, Гаскуан еще долго удерживал девушку в объятиях, крепко прижимая к себе, вдыхая солоноватый запах ее волос. Запах этот утешал и успокаивал: Гаскуан много лет провел на море.

А еще он некогда был женат. Агата Гаскуан, когда он впервые с ней познакомился, звалась Агатой Придо. Проказливая, остроумная насмешница, она болела чахоткой; делая предложение, Гаскуан уже знал об этом обстоятельстве, но оно тогда казалось несущественным, преодолимым, скорее свидетельством ее изысканной хрупкости, нежели предвестием грядущего зла. Но вылечить ее легкие так и не удалось. Супруги отправились на юг, уповая на целительную перемену климата; она умерла в открытом океане, где-то у берегов Индии, — ужасно, но он не знал в точности где. Ужасно, как изогнулось ее тело, ударившись о поверхность воды, — и этот глухой плеск. Она загодя взяла с него слово не заказывать и не подгонять по ней гроб, если она умрет, не добравшись до порта назначения. Если так случится, говорила она, пусть все будет по морскому обычаю: пусть ее зашьют в гамак двойным швом. А поскольку

это был ее гамак, сбрызнутый алым, что теперь потемнел до бурого, Гаскуан опустился на колени и поцеловал его, пусть в этом жесте и ощущалось нечто жуткое. После того Гаскуан плыл все дальше и дальше. И остановился, только когда закончились деньги.

Анна была тяжелее, чем некогда Агата, — более угловатая, более осязаемо-весомая, но, с другой стороны (подумал он), может статься, живые всегда кажутся осязаемо-весомыми тем, кто мысленно с умершими. Гаскуан провел рукою по спине девушки. Нащупал пальцами контур корсета, двойную прострочку дырочек, тесемочную шнуровку.

Выйдя из тюрьмы, они завернули в магистратский суд, чтобы Гаскуан оставил кошель для сбора залогов в депозитном боксе и подшил в папку залоговые квитанции: все подготовил к завтрашнему утру. Анна наблюдала за его манипуляциями терпеливо и без любопытства; она словно бы смирилась с тем, что Гаскуан оказал ей услугу, и, в свою очередь, готова была молча ему повиноваться. По привычке она не шла по улице с ним рядом, но, приотстав, следовала на расстоянии нескольких ярдов, чтобы Гаскуан мог утверждать, будто ее не знает, если к ним

протянется суровая рука закона.

Когда они дошли до Гаскуанова домика (а жил он в отдельном коттеджике, пусть и небольшом: однокомнатном, обшитом вагонкой, ярдах в ста от взморья), Гаскуан велел Анне подождать под навесом на крыльце, пока он во дворе не наколет щепок на растопку. Он быстро расправился с бревном, ощущая себя немного неловко под неотрывным взглядом темных Аннинах глаз. Пока сердцевинная древесина не отсырела на дожде, он собрал дрова в охапку и метнулся к двери. Анна посторонилась, пропуская его.

— Это, конечно, не дворец, — глупо ляпнул он, хотя по хокитикским стандартам жилье было и впрямь роскошное.

Анна, не отозвавшись ни словом, шагнула через порог в душный полумрак коттеджа. Гаскуан сбросил растопку в очаг и, отступив назад, закрыл дверь. Зажег керосиновую лампу на столе, опустился на колени, развел огонь — всей кожей ощущая, как Анна молча оценивает комнату с ее более чем скудной обстановкой. Единственным роскошным предметом мебели было вольтеровское «крылатое» кресло, обитое плотной розово-желтой полосатой тканью: этот подарок Гаскуан сделал себе сам, впервые вступив во

владение домом, и теперь оно красовалось на почетном месте в самом центре. Гаскуан гадал про себя, что за предположения она строит, что за картина складывается из этих скупых фрагментов его жизни. Узкий матрас, накрытый трижды сложенным одеялом. Миниатюрный портрет Агаты на гвозде над изголовьем кровати. Вдоль подоконника выложены рядком морские ракушки. Жестяной чайник на плите; Библия — страницы по большей части не разрезаны, за исключением Псалтыри и апостольских посланий; разрисованная под тартан жестянка из-под печенья, в которой Гаскуан хранил письма от матери, свои документы и ручки. Рядом с кроватью — ящик с поломанными свечами; восковые фрагменты скреплял вместе веревочный фитиль.

— У тебя очень чисто, — только и сказала она.

— Я живу один. — Гаскуан ткнул палкой в сторону сундука в изножье кровати. — Открой его.

Гостья открепила защелки и с трудом подняла тяжелую крышку. Гаскуан указал ей на сверток темной ткани; Анна его вытащила, и на колени к ней легло платье Агаты — то самое, черное, с плетеным кружевным воротником, так презираемое Гаскуаном.

(«Меня, чего доброго, за монашку примут, — ве-

село говаривала она, — но черный цвет — строгий, должно ж в гардеробе быть хоть одно строгое платье».

Ей нужно было скрыть пятна крови, мелкие брызги, припорошившие манжеты; он об этом знал, но не сказал. Просто согласился вслух, что без строгого платья — никак.)

— Надень, — предложил Гаскуан, глядя, как Анна расправляет ткань на коленях.

Агата была пониже ростом; подол надо будет отпустить. И даже так из-под юбки будут торчать лодыжки дюйма на три, а то и последний обруч кринолина. Ужас просто; ну да нищему выбирать не приходится, подумал Гаскуан, а Анна нынче — нищенка. Он обернулся к очагу и совком выгреб золу.

Это было последнее из Агатиных платьев, сохранившихся у Гаскуана по сю пору. Остальные, упакованные в пропитанный запахом камфоры ящик кедрового дерева, погибли, когда пароход сел на мель, — каюты сперва разграбили, затем внутрь хлынула вода, когда пароход наконец лег набок и волны сомкнулись над ним. Для Гаскуана утрата обернулась благом. У него осталась миниатюра с изображением Агаты — это все, что ему хотелось сберечь. Он отдаст подобающую дань ее

памяти, но он ведь еще молод и пылок. Он начнет все сначала.

К тому времени как Анна переоделась, в очаге уже пылал огонь. Гаскуан скосил глаза на платье. Оно сидело на проститутке так же плохо, как и на его покойной жене. Анна заметила его взгляд.

— Теперь я смогу носить траур, — промолвила она. — У меня никогда не было черного платья.

Гаскуан не стал спрашивать, кого она оплакивает и как давно этот человек умер. Он наполнил чайник, поставил его на плиту.

Обер Гаскуан предпочитал сам начинать разговор, а не подстраиваться под чужую тему и темп. В обществе он не возражал и помолчать, пока не ощутит настоятельную потребность высказаться. Анна Уэдерелл, с ее чутьем проститутки, по-видимому, распознала эту сторону его характера. Она не понуждала хозяина к беседе, не следила за ним взглядом и не ходила за ним по пятам, пока он занимался рутинными вечерними делами: зажигал свечи, пополнял портсигар, переобувался, сменив грязные сапоги на домашние туфли. Она подхватила в охапку подбитое золотом платье, пересекла комнату, расстелила его на столе. Какое тяжелое! Золото добавляло к весу ткани еще фунтов пять, прикинула Анна, пытаясь под-

считать его стоимость. Корона покупает чистый металл по расценкам примерно три соверена за унцию, а в фунте шестнадцать унций, а тут по меньшей мере фунтов пять. Сколько ж это всего-то будет? Анна попыталась нарисовать в уме столбец чисел, но цифры расплывались.

Пока Гаскуан сгребал угли, накрывая огонь на ночь, и ложкой засыпал чай в заварочное ситечко, Анна внимательно рассматривала платье. Тот, кто спрятал в нем золото, явно умел управляться с иголкой и ниткой — то есть это либо женщина, либо матрос. Уж больно аккуратно все прошито. Золото было проложено вдоль косточек корсета по всей длине, вшито в оборки и равномерно распределено по подолу: на этот дополнительный утяжелитель она сперва не обратила внимания, потому что сама частенько крепила свинцовые дробинки по краю кринолина, чтобы платье не задиралось на ветру.

Гаскуан подошел к ней сзади, достал свой длинный охотничий нож, начал было вспарывать корсет, но он подступился к делу как мясник, и Анна страдальчески вздохнула.

— Ты не умеешь, — промолвила она. — Пожалуйста, дай я.

Мгновение поколебавшись, Гаскуан протянул

ей нож и отступил на шаг, наблюдая. Анна трудилась медленно, пытаясь сохранить форму и вид платья, она сперва выпотрошила подол, затем стала продвигаться снизу вверх, вдоль каждой оборки, надрезая нитки кончиком ножа и вытряхивая золото из швов. Дойдя до корсета, Анна чуть подпарывала ткань снизу, а затем пальцами извлекала золото из вставок между косточками. Именно эти комковатые сверточки и напомнили Гаскуану кольчугу — там, в тюрьме.

Золото, добытое из складок, слепило взгляд. Анна бережно собрала его в кучку в центре стола, чтобы песок не сдуло на сквозняке. Всякий раз, добавляя еще горсть золотой пыли или очередной самородок, она накрывала груду ладонями — как будто грелась в ярком сиянии. Гаскуан наблюдал за нею и хмурился.

Наконец Анна закончила: золота в платье не осталось.

— Вот, — промолвила она, выбирая самородок размером примерно с последний сустав Гаскуанова большого пальца. И пододвинула его через весь стол к хозяину дома. — Один фунт один шиллинг. Я не забыла.

— Я к этому золоту даже не прикоснусь, — отрезал Гаскуан.

— И плюс цена траурного платья, — вспыхнула Анна. — В благотворительности я не нуждаюсь.

— Сейчас — нет, потом — кто знает, — отозвался Гаскуан.

Он присел на край кровати, нашарил в нагрудном кармане портсигар. Со щелчком откинул крышку, выбрал сигарету, аккуратно зажег ее и только после того, несколько раз затянувшись, вновь обернулся к гостье:

— На кого вы работаете, мисс Уэдерелл?

— В смысле, кто хозяин над девушками? Мэннеринг.

— Не знаю такого.

— Увидишь — узнаешь. Толстый такой. Ему принадлежит «Принц Уэльский».

— Толстяка я видел. — Гаскуан пососал сигарету. — Ну и какой из него работодатель?

— Характер у него не сахар, — признала Анна. — Но условия его по большей части справедливые.

— Это он дает тебе опиум?

— Нет.

— А он знает, что ты к опиуму привержена?

— Да.

— Так кто тебе его продает?

— А-Су, — сообщила Анна.

— Это кто еще?

— Да просто китаеза. «Шляпник». Держит курильню в Каньере.

— То есть этот китаец шляпы мастерит?

— Нет, — покачала головой Анна. — Это такое местное выражение. «Шляпник» — это одинокий старатель.

Гаскуан, прервав расспросы, затянулся сигаретой.

— А этот «шляпник»… — промолвил он спустя какое-то время. — Он держит опиумную курильню — в Каньере.

— Да.

— И ты к нему ходишь.

— Да, — сощурилась она.

— Одна. — Слово прозвучало укором.

— Чаще всего, — подтвердила Анна, покосившись на хозяина. — Иногда я покупаю чуть больше, чтоб дома тоже было.

— А он-то откуда берет опиум? Из Китая, верно.

Она покачала головой:

— Ему Джо Притчард продает. Он же аптекарь. У него аптека на Коллингвуд-стрит.

Гаскуан кивнул:

— Я знаю мистера Притчарда. Тогда в толк не могу взять: зачем связываться с китайцами, если

можно покупать дурман напрямую у мистера Притчарда?

Анна чуть вздернула подбородок, а может быть, просто поежилась — Гаскуан не вполне понял.

— Не знаю, — отвечала она.

— Не знаешь? — удивился Гаскуан.

— Нет.

— Каньер далеко, за глотком дыма туда не вот тебе набегаешься, сдается мне.

— Пожалуй.

— А лавка мистера Притчарда — чего там? — минутах в десяти ходьбы от «Гридирона». Быстрым шагом так и того меньше.

Она пожала плечами.

— Зачем вы ходите в каньерский Чайнатаун, мисс Уэдерелл? — ядовито осведомился Гаскуан; он полагал, что знает вероятный ответ на свой вопрос, и хотел, чтобы гостья произнесла эти слова вслух.

— Может, мне там нравится. — Лицо ее оставалось абсолютно непроницаемым.

— А! — кивнул он. — Может, тебе там нравится.

(Да ради всего святого! Что на него нашло? Какое ему дело, предлагает шлюха свои услуги китайцам или нет? Какое ему дело, ходит ли она

в Каньер одна или со спутниками? Она ж шлюха! Он только нынче вечером с ней впервые познакомился! Гаскуан просто не знал, что и думать, а в следующий миг накатил гнев. В замешательстве он взялся за сигарету.)

— Мэннеринг… — произнес он, выдохнув дым, — тот толстяк. Ты можешь от него уйти?

— Как только выплачу долг.

— И сколько ты должна?

— Сто фунтов, — отозвалась Анна. — Может, чуть больше.

Выпотрошенное платье лежало между ними, точно освежеванный труп.

Гаскуан посмотрел на сверкающую груду. Анна проследила его взгляд.

— Тебя, конечно же, будут судить, — произнес Гаскуан, не сводя глаз с золота.

— Я всего лишь появилась в нетрезвом виде в общественном месте, — отозвалась Анна. — Меня оштрафуют, и вся недолга.

— Тебя будут судить, — повторил Гаскуан. — За покушение на самоубийство. Начальник тюрьмы подтвердил.

— Покушение на *самоубийство*? — Анна уставилась на него во все глаза.

— Ты разве не пыталась свести счеты с жиз-

нью?

— Нет! — Она вскочила на ноги. — Кто это сказал?

— Дежурный сержант, который подобрал тебя прошлой ночью, — объяснил Гаскуан.

— Чушь какая!

— Боюсь, она занесена в протокол. Тебе придется оправдываться, так или иначе.

Минуту Анна молчала. А затем в сердцах воскликнула:

— Все мужчины хотят, чтобы их девки были несчастны, — все до единого!

Гаскуан выпустил тонкую струйку дыма.

— Девки в большинстве своем и впрямь несчастны, — промолвил он. — Прости, но это чистая правда.

— Как меня могут обвинять в покушении на самоубийство, не спросив сперва, неужели я?.. Как так можно? Где…

— Доказательства?

Гаскуан окинул ее сочувственным взглядом. Недавнее столкновение со смертью наложило свою печать на лицо Анны и на весь ее облик. Кожа бледная, словно воск; волосы тяжело обвисли и засалились. Девушка непроизвольно теребила рукава платья; на глазах у клерка по телу ее вол-

ной прошла крупная дрожь.

— Начальник тюрьмы опасается, что ты психически больна.

— За все те месяцы, что я провела в Хокитике, я с начальником тюрьмы Шепардом ни единым словом не обменялась! — возмутилась Анна. — Мы вообще незнакомы.

— Он упомянул, что ты недавно потеряла ребенка.

— Потеряла! — с отвращением выговорила Анна. — Потеряла! Отличное словечко!

— Ты бы предпочла другое?

— Да.

— У тебя забрали ребенка?

Лицо Анны посуровело.

— Ребенка выбили из моего чрева. Причем выбил не кто иной, как родной отец ребенка! Но об этом, полагаю, начальник тюрьмы Шепард тебе не рассказывал.

Гаскуан молчал. Сигарету он еще не докурил, но бросил, затушил тлеющий пепел каблуком, зажег другую. Анна снова села. Положила руки на разложенное по столу платье. Принялась поглаживать ткань. Гаскуан глядел вверх, на стропила, Анна — на золото.

Такого рода вспышек Анна обычно себе не

позволяла. Характер ее, наблюдательный и восприимчивый, демонстративным проявлениям был чужд; о себе она говорила редко. Ее профессия, как ни парадоксально это звучит, требовала строжайшей скромности. Ей приходилось выказывать ласковую нежность и проявлять сочувствие даже там, где сочувствие было неуместным, а нежность — незаслуженной. Мужчины, которые пользовались ее услугами, ни о чем ее не расспрашивали. Если они вообще вели какие-либо разговоры, то рассказывали о других женщинах — об утраченных возлюбленных, о брошенных женах, о матерях, сестрах, дочерях, воспитанницах. Этих женщин искали они в Анне, но лишь отчасти, потому что искали они еще и себя: она была отраженной тьмой и заимствованным светом. Ее несчастное убожество, как хорошо знала она сама, утешало и обнадеживало.

Анна тронула пальцем один из золотых самородков в груде. Она знала, что должна отблагодарить Гаскуана традиционным способом, ведь он заплатил за нее залог, он немало рисковал, солгав начальнику тюрьмы, сохранив ее тайну и пригласив ее к себе домой. Она чувствовала: Гаскуан чего-то ждет. Он сидел как на иголках.

Задавал вопросы резко и даже грубо — явный признак того, что его отвлекает надежда на вознаграждение, — а когда говорила она, он обжигал ее негодующим взглядом и тут же отводил глаза, словно ее ответы выводили его из себя. Анна подобрала самородок и покатала его по ладони. Ишь бугристый, комковатый и весь свищами изрыт, как будто металл частично расплавили в горне.

— Сдается мне, — наконец проговорил Гаскуан, — прошлой ночью кто-то ждал, чтобы ты выкурила трубку. Дождался, чтобы ты впала в беспамятство, и зашил золото в твое платье.

Анна нахмурилась, глядя не на Гаскуана, но на кусочек металла в руках:

— Зачем бы?

— Понятия не имею, — признал француз. — С кем вы были прошлой ночью, мисс Уэдерелл? И сколько был готов заплатить этот человек?

— Послушай, — отозвалась Анна, пропуская вопрос мимо ушей, — ты хочешь сказать, будто кто-то снял с меня платье, тщательно зашил в него весь этот золотой песок, затем снова зашнуровал на мне это самое платье, уже битком набитое золотом, — только для того, чтобы бросить меня посреди дороги?

— Звучит и впрямь малоправдоподобно, —

согласился Гаскуан. И тут же сменил тактику: — Хорошо, тогда ответь вот на какой вопрос. Как давно у тебя это платье?

— С прошлой весны, — отвечала Анна. — Я его купила подержанным у торговца с Танкред-стрит, он распродавал вещи, вывезенные с затонувшего корабля.

— А сколько у тебя всего платьев?

— Пять… нет, четыре, — отозвалась Анна. — Но остальные для моего ремесла не подходят. В этом я работаю, видишь, цвет подходящий. У меня еще было особое платье на время беременности, но оно погибло, когда… когда ребенок умер.

Между собеседниками вновь повисла тишина.

— Интересно, золото туда за один раз вшили? Или на это ушло какое-то время? — гадал Гаскуан. — Боюсь, теперь уже не узнаешь.

Анна не ответила. Спустя мгновение Гаскуан поднял глаза и встретился с ней взглядом.

— С кем вы были прошлой ночью, мисс Уэдерелл? — вновь спросил он, и на сей раз Анна проигнорировать вопрос не могла.

— Я была с мистером Стейнзом, — тихо проговорила она.

— Не знаю такого, — отозвался Гаскуан. — Он был с тобой в опиумной курильне?

— Нет! — воскликнула Анна, глубоко шокированная. — Я была не в курильне. Я была у него дома. В его… постели. Я ушла ночью выкурить трубку. Это последнее, что я помню.

— Ты ушла из его дома?

— Да, и вернулась в «Гридирон», я там живу, — объяснила Анна. — Странная выдалась ночь, я была сама не своя. Хотелось покурить. Помню, зажгла трубку. А следующее, что помню, — я в тюрьме, а на дворе белый день.

Она поежилась, внезапно обхватила себя руками. Рассказывала она, подумал Гаскуан, во власти упоительной истомы, что приходит с первым румянцем любви, когда собственное «я» теряет надежную опору и, захлебываясь, отдается во власть грозного потока. Но опиумная зависимость — это не любовь, и любовью быть не может. Гаскуан при всем желании не мог романтизировать фиолетовые тени под ее глазами, ее изможденное тело, ее мечтательную отрешенность, и все равно, думал он, жутко видеть, как опиумная отрава способна достоверно, словно в зеркале, отразить восторги любви.

— Ясно, — вслух сказал он. — То есть мужчину ты оставила спящим?

— Да, — кивнула Анна. — Он спал, когда я ухо-

дила… да.

— А на тебе было вот это платье. — Гаскуан указал на оранжевые лохмотья на столе.

— Это мое рабочее платье, — подтвердила Анна. — Я его всегда ношу.

— Всегда?

— Когда работаю, — уточнила она.

Гаскуан ничего не ответил, но чуть сощурился и поджал губы, давая понять, что в голове его крутится вполне определенный вопрос, да задать его приличия не позволяют. Анна вздохнула. И решила, что не будет выражать благодарность традиционным способом: она вернет сумму залога в деньгах и завтра же утром.

— Слушай, — сказала она, — все было так, как я говорю. Мы заснули, я проснулась, покурить захотелось, я вышла из его дома, пошла к себе, зажгла трубку — и это последнее, что я помню.

— А ты не заметила ничего странного в своем номере, когда вернулась? Скажем, какие-нибудь следы того, что там побывал чужой?

— Да нет, — покачала головой Анна. — Дверь была заперта, как всегда. Я открыла ее своим ключом, вошла, закрыла дверь, села, зажгла трубку — и это последнее, что я помню.

Ей уже надоело пересказывать все заново, а в

последующие дни надоест еще больше, как только обнаружится, что Эмери Стейнз ночью исчез и с тех пор его никто не видел. В связи с этим Анну Уэдерелл еще подвергнут допросу, и обычному и перекрестному, и заклеймят презрением, и поставят под сомнение каждое ее слово, и она станет повторять одно и то же до тех пор, пока история не зазвучит как чужая и она сама в себе не усомнится.

Гаскуан, который лишь недавно приехал в Хокитику, Стейнза не знал, но теперь, глядя на Анну, внезапно преисполнился любопытства в отношении этого человека.

— А мистер Стейнз мог желать тебе зла? — спросил он.

— Нет! — тут же откликнулась она.

— Ты ему доверяешь?

— Да, — тихо ответила Анна. — Доверяю так же, как…

Но сравнения она не докончила.

— Он твой возлюбленный? — спросил Гаскуан, помолчав.

Анна залилась краской.

— Он богаче всех в Хокитике, — отозвалась она. — Если ты о нем до сих пор не слышал, то вот-вот услышишь. Эмери Стейнз. Ему едва ли не

весь город принадлежит.

И вновь взгляд Гаскуана обратился к мерцающей груде золота на столе — на сей раз многозначительно: для первого богача Хокитики это, конечно же, ничтожное количество.

— Так он твой возлюбленный? — повторил Гаскуан. — Или клиент?

Анна замялась.

— Клиент, — выговорила она наконец слабым голосом.

Гаскуан почтительно наклонил голову, как если бы Анна только что сообщила о его безвременной смерти. А она торопливо затараторила:

— Он золотоискатель. Так и составил себе состояние. Но родом он из Нового Южного Уэльса, как я. На самом деле, мы на одном и том же корабле переплыли Тасманово море, когда сюда приехали, — на «Попутном ветре».

— Понятно, — кивнул Гаскуан. — Ну что ж, тогда, если он так богат, вероятно, это его золото.

— Нет, — встревоженно запротестовала Анна. — Он бы не стал…

— Не стал — чего? Не стал бы тебе лгать?

— Не стал бы…

— Не стал бы пользоваться тобой, как вьючной скотиной, чтобы переправить куда-то золото без

твоего ведома?

— Куда переправить-то? — возразила Анна. — Я никуда не уезжаю. Вообще никуда не собираюсь из города.

Гаскуан помолчал, затянулся сигаретой. И снова заговорил:

— Ты покинула его постель ночью — так?

— Я собиралась вернуться, — отозвалась Анна. — И тогда уже проспаться.

— Думается мне, ты ушла, ему не сказавшись.

— Но я же собиралась вернуться.

— И несмотря на то, что он наверняка снял тебя до утра.

— Да говорю ж тебе, я не собиралась отлучаться надолго!

— Но ты лишилась чувств, — напомнил Гаскуан.

— Может, просто обморок.

— Ты сама в это не веришь.

Анна закусила губу.

— Ох, бессмыслица какая-то! — воскликнула она спустя мгновение. — С золотом какая-то бессмыслица, с опиумом какая-то бессмыслица. Почему я оказалась там, посреди дороги? На холоде, одна-одинешенька, на полпути к Арахуре?

— Надо думать, многое из того, что происходит

под воздействием опиума, не имеет смысла.

— Да, — кивнула она. — Да, так.

— Но здесь я готов целиком положиться на тебя, поскольку сам наркотика никогда не пробовал, — промолвил Гаскуан.

Засвистел чайник. Гаскуан сдвинул сигарету в угол рта, обмотал руку лоскутом сержа, снял чайник с плиты. Заливая кипятком заварку, он поинтересовался:

— А этот твой китаеза? Он ведь прикасался к опиуму, так?

Анна потерла лицо — неловко, как заспанный ребенок.

— Прошлой ночью я А-Су не видела, — сказала она. — Говорю ж, я трубку дома раскурила.

— Трубку, набитую *его* опиумом! — Гаскуан поставил чайник на подставку над плитой.

— Да… наверное, — отозвалась Анна. — Но с тем же успехом можно сказать, что это опиум Джозефа Притчарда.

Гаскуан снова сел.

— Мистер Стейнз, надо думать, гадает, что с тобой случилось, раз ты так внезапно покинула его постель посреди ночи и не вернулась. Хотя я вижу, он не пришел сегодня заплатить за тебя залог — ни он, ни твой работодатель.

Он говорил в полный голос, чтобы пробудить Анну от ее сонливой истомы; расставляя блюдца, он громко брякнул тем, которое предназначалось для гостьи, и со скрежетом подвинул его через весь стол.

— Это мое дело, — отпарировала Анна. — Я пойду к нему и извинюсь, как только…

— Как только мы решим, что делать с этой грудой, — докончил за нее Гаскуан. — Да, это твоя прямая обязанность.

Настроение Гаскуана снова поменялось: его внезапно захлестнула волна раздражения. До сих пор он не получил никакого внятного объяснения тому, почему Аннино платье оказалось набито золотом, и как она очутилась на улице в бессознательном состоянии, и связаны ли как-нибудь эти два события между собой. Он злился, что ничего не понимает, и, чтобы унять дурное настроение, взял пренебрежительный тон: такая позиция давала ему хотя бы некоторое подобие контроля над ситуацией.

— А сколько оно может стоить? — осведомилась Анна, снова потянувшись к груде золота. — Ну хотя бы примерно. Я на глаз определять не умею.

Гаскуан затушил окурок о блюдце.

— Думаю, моя милая, тебе следовало бы задать

совсем иной вопрос: не «сколько», а «кто» и «почему». Чье это золото? С чьего участка? И куда его пытались переправить?

* * *

В тот первый вечер они договорились спрятать найденное золото. Решено было, что, если кто-нибудь спросит, с какой стати Анна сменила свое всегдашнее платье на новое, более темное, она честно ответит, что хотела бы с запозданием носить траур по своему нерожденному ребенку, а нужный предмет одежды добыла из сундука, выброшенного волнами на хокитикское взморье. Все это вполне соответствовало истине. Если кто-либо захочет взглянуть на старое платье или станет спрашивать, где оно хранится, Анне велено было тотчас же известить Гаскуана, ведь такой человек наверняка окажется осведомлен о золоте, зашитом в оборки, а также о его происхождении — и, вероятно, о том, куда драгоценный металл везли.

Выработав стратегию, Гаскуан опорожнил тартановую жестянку из-под печенья, и они вместе пересыпали туда золото, завернули коробку в одеяло и спрятали сверток в мешке с мукой. Гаскуан завязал мешок бечевкой и предложил хранить

его у себя под кроватью, вплоть до обнаружения новых сведений. Поначалу Анна сомневалась, но Гаскуан убедил ее, что в его доме золото в большей безопасности: гостей у него не бывало, днем коттедж заперт и ни у кого нет ни малейших оснований думать, будто клад доверен ему, — в конце концов, в городе он совсем недавно и еще не обзавелся ни врагами, ни друзьями.

Следующие две недели пронеслись в мгновение ока. Анна вернулась в дом Стейнза и обнаружила, что тот исчез бесследно; несколькими днями спустя она узнала о смерти Кросби Уэллса: оказалось, что и это событие произошло за те несколько часов, что сама она провела без сознания. Вскорости после того до нее дошел слух о громадном кладе (происхождение которого еще предстояло выяснить), обнаруженном в доме Кросби Уэллса, причем недвижимость к тому времени откупил отельер Эдгар Клинч, арендатор гостиницы «Гридирон», которая принадлежала Эмери Стейнзу и в которой в настоящий момент жила сама Анна.

Гаскуан не говорил с Анной напрямую о каком-либо из этих событий: тему Эмери Стейнза она обсуждать отказывалась и ничего не могла сказать насчет Кросби Уэллса, кроме разве того, что не была с ним знакома. Гаскуан чувствовал:

она горюет о пропаже Стейнза, но считает ли она его мертвым или верит, что он жив, Гаскуан судить не брался. Щадя ее чувства, Гаскуан к этому вопросу не возвращался; если они и беседовали, то о другом. Из высокого окна своего номера на верхнем этаже гостиницы «Гридирон» Анна наблюдала, как старатели бредут сквозь дождь в ту и другую сторону по Ревелл-стрит. Она почти не выходила из комнаты и каждый день надевала черное платье Агаты Гаскуан. Про перемену в одежде никто Анну не спрашивал; никто так и не дал ей понять, что знает про золото, некогда зашитое в корсет, а теперь надежно спрятанное под кроватью у Гаскуана. Причастные лица отчего-то никак не желали заявить о себе и открыть карты.

В день после похорон Кросби Уэллса Анна предстала перед судом малых сессий по обвинению в попытке самоубийства, как и предсказывал Гаскуан. От защиты она отказалась и в конце концов была оштрафована на пять фунтов за покушение на фелонию, а потом еще и строго отчитана за то, что господин мировой судья вынужден тратить на нее свое драгоценное время.

* * *

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Гаскуана, пока он стоял в гостинице «Гридирон», прижимая Анну Уэдерелл к груди, проводя пальцем по дырочкам корсета снизу вверх вдоль спины. Так он некогда обнимал Агату — в точности, совершенно так же, одну ладонь притиснув к ее лопатке, второй обняв ее округлое плечо; Агата же упиралась руками ему в грудь — всегда заслонялась ими, как щитом, в миг сближения. Как странно, что сейчас он о ней вспомнил. Можно познать тысячу женщин, подумал Гаскуан, можно на протяжении многих лет на каждую ночь снимать очередную девицу, но рано или поздно новые любовники будут всего-то-навсего вспоминать прежних и поневоле заплутают в рефлекторном лабиринте бесконечных сопоставлений, вечно разочаровываясь, вечно оглядываясь назад.

Анна все еще дрожала крупной дрожью, потрясенная несостоявшимся выстрелом. Гаскуан дождался, пока ее дыхание не выровняется, и, минуты три-четыре спустя после того, как шаги Притчарда затихли внизу лестницы, почувствовав, что к девушке отчасти вернулись силы,

прошептал:

— Да что, ради всего святого, на тебя нашло?

Но Анна лишь покачала головой и теснее прильнула к нему.

— Это был холостой заряд? Патрон-пустышка?

Она снова покачала головой.

— Или вы с аптекарем сговорились?

Это ее встряхнуло, она оттолкнула его ладонями и с омерзением в голосе воскликнула:

— С *Притчардом*?

Гаскуан с удовольствием отметил, как она оживилась, пусть даже под влиянием гнева.

— Ну а что тогда ему от тебя понадобилось?

Анна едва не рассказала ему всей правды, но вдруг устыдилась. За прошедшие две недели Гаскуан был к ней так добр; она не нашла в себе сил открыть ему, куда делся опиум. Не далее как вчера он так радовался, что она положила конец своей рабской зависимости от трубки, дивился ее силе воли, хвалил ее ясный взгляд, восхищался ею. У нее язык не повернулся вывести его из заблуждения — ни тогда, ни сейчас.

— Уж этот мне старина Джо Притчард, — проговорила она, отворачиваясь. — Ему сделалось одиноко, вот и все.

Гаскуан вытащил портсигар и внезапно осо-

знал, что тоже дрожит всем телом.

— У тебя бренди не осталось? — спросил он. — Мне б на минутку присесть, если ты не возражаешь. Надо взять себя в руки.

Он осторожно положил пистолет на этажерку рядом с Анниной кроватью.

— С тобой постоянно что-то происходит, — промолвил он. — Все то, чего ты объяснить не в силах. Все то, чего никто не в силах объяснить. Прямо даже и не знаю…

Гаскуан умолк на полуслове. Анна отошла к шкафу за бренди, а Гаскуан присел на кровать зажечь сигарету, и на краткий миг они застыли живой картиной — такие сцены изображаются на тарелках, которые продают на ярмарке как винтажные: он — руки на коленях, голова опущена, в пальцах сигарета; она — подбоченившись, выставив вперед ногу, наливает ему бокал. Но любовниками они не были, и комната эта им не принадлежала.

Гаскуан снова глубоко затянулся и прикрыл глаза.

— Так как насчет обещанного сюрприза, мистер Гаскуан? Я прямо предвкушаю, — произнесла Анна, пытаясь его подбодрить.

Ибо она ни словом не солгала Джозефу Прит-

чарду, сообщив, что у нее назначена деловая встреча: она собирается с одной дамой шляпки посмотреть. Гаскуан договорился с некой модницей о частной консультации, — по-видимому, за консультацию он заплатил из собственного кармана, хотя посвящать Анну в свой замысел отказался: пусть, дескать, детали договоренности и имя дамы станут для нее сюрпризом. Анне отродясь не обещали никаких сюрпризов; такая перспектива волновала ее и пугала. Однако ж она очень мило поблагодарила француза за заботу.

Гаскуан не ответил, и Анна подступилась снова:

— А эта твоя дама ждет внизу, да?

Гаскуан наконец-то стряхнул с себя задумчивость. И вздохнул:

— Нет, я должен сам отвести тебя к ней — в приватную гостиную в «Путнике», ну да десять минут она подождет. Собственно, десять минут она уже прождала. — Гаскуан провел рукой по лицу. — Подождут твои шляпки.

— Чего ты не знаешь?

— Прости?

— Ты сказал «Прямо даже и не знаю…», но фразы не докончил.

За последние две недели они привыкли дер-

жаться друг с другом запросто, как оно частенько случается после совместно пережитого тяжкого испытания, хотя Анна по-прежнему звала его мистером Гаскуаном и никогда — Обером. На большей фамильярности Гаскуан не настаивал: подчеркнутое соблюдение приличий ему скорее нравилось, а обращение по фамилии ласкало слух.

— Прямо даже и не знаю, что об этом всем думать, — наконец выговорил Гаскуан. Принял у нее бокал, но выпить не выпил; его внезапно захлестнула волна неизбывной печали.

Обер Гаскуан ощущал гнет тревоги куда острее прочих. Если уж его что-то обеспокоило, как, например, необъяснимая осечка Аннинога пистолета, он давал волю бурным выплескам эмоций — потрясению, отчаянию, гневу и горю; он цеплялся за эти эмоции, поскольку они позволяли тревоге излиться вовне и в каком-то смысле регулировали давление, что он ощущал изнутри. Он завоевал репутацию человека сильного и уравновешенного в момент кризиса — как, например, нынче днем, — зато разом сникал, как только кризис удавалось преодолеть или предотвратить. Его все еще бил озноб, причем эта дрожь возбуждения накатила, едва он выпустил

шлюху из объятий.

— Мне нужно кое-что с тобой обсудить, — проговорила Анна.

Гаскуан взболтнул бренди в бокале.

— Слушаю.

Анна вернулась к шкафу и налила бокал и себе.

— Я задолжала плату за номер. За три месяца. Нынче утром Эдгар прислал мне уведомление.

Она резко смолкла, обернулась, вскинула глаза на гостя.

Гаскуан в очередной раз затягивался сигаретой; он задержал вдох, набрав полную грудь дыма, и развел руки в характерном жесте, осведомляясь: *сколько*?

— Я плачу десять шиллингов в неделю, это вместе с питанием и ванной каждое воскресенье. — (Гаскуан выдохнул.) — За три месяца… это будет… не знаю… шесть фунтов.

— За три месяца, — эхом откликнулся Гаскуан.

— Этот штраф меня здорово подкосил, — проговорила Анна. — Пять фунтов судье. Это мой заработок за целый месяц. Я все дочиста выгребла.

Она ждала.

— А разве сутенер тебе жилье не оплачивает? —

переспросил Гаскуан.

— Нет, — покачала головой Анна. — Не оплачивает. Я сама отвечаю за все перед Эдгаром.

— Твой домовладелец?

— Да. Эдгар Клинч.

— Клинч? — Гаскуан поднял взгляд. — Это ведь он купил недвижимость Кросби Уэллса.

— Его хижину, да, — подтвердила Анна.

— Так на него ж только что свалилось баснословное богатство! Что ему до шести фунтов?

Анна пожала плечами:

— Однако ж он велит погасить долг. Немедленно.

— Может, он опасается, как там в суде дело повернется, — предположил Гаскуан. — Может, боится, что придется все отдать обратно, как только апелляционную жалобу удовлетворят.

— Он не объяснил почему, — отозвалась Анна. (Она еще не слышала о нежданном прибытии вдовы и не знала о том, что сделку по продаже имущества Кросби Уэллса того и гляди аннулируют.) — Но он ни разу не блефует, он настроен серьезно — вот так он мне и сказал.

— А ублажить его хоть как-нибудь ты не можешь? — спросил Гаскуан.

— Про «как-нибудь» забудь, — надменно от-

резала Анна. — Я в трауре. Мой ребенок мертв, я его оплакиваю. Я этим ремеслом больше не занимаюсь.

— Можно найти иной род занятий.

— Так ведь ничего другого нету. Все, что я умею, — это с иголкой управляться, а здесь на рукоделье спроса никакого. Слишком мало женщин.

— Как насчет починки одежды? Носки, там, пуговицы. Воротнички обтрепавшиеся. В лагере всегда найдется, чего подлатать да заштопать.

— За починку одежды гроши платят, — отозвалась Анна.

Она вновь воззрилась на гостя — выжидательно воззрилась, подумал Гаскуан и от этой мысли рассердился не на шутку. Он припал к спасительному бренди. Разве его вина, что у нее нет денег? Со времен той ночи, что она провела в тюрьме, Анна ни разу за две недели не выходила на улицу, а ведь проституция — ее источник дохода; разумеется, она на мели. А эта ее нелепая затея с трауром! Можно подумать, ее кто-то заставляет. Не то чтобы она убита горем: да ради всего святого, ребенок уже три месяца как умер. И платье, казалось бы, тоже не помеха. Она бы зарабатывала свой шиллинг-другой в Агатином черном

платье с той же легкостью, как и в привычном оранжевом: у нее же в Хокитике постоянные клиенты, а шлюх вдоль побережья — раз-два и обчелся. Да и вообще, думал про себя Гаскуан, какая разница-то? В темноте все кошки серы.

Вспышка раздражения была вызвана отнюдь не отсутствием сострадания. Гаскуан знавал нищету и со времен молодости не раз и не два оказывался в долгах. Он бы помог Анне, охотно бы помог, если бы она попросила его о помощи иначе. Но как большинство остро чувствующих ранимых людей, Гаскуан не выносил чувствительности в других: если ему задавали вопрос, он требовал честности и прямоты — требовал тем более настоятельно, ежели бывал раздражен. Гаскуан видел, что шлюха прибегла к некой стратегии, пытаясь чего-то от него добиться. Он злился, потому что стратегию распознал, а еще потому, что знал доподлинно, о чем Анна собирается попросить. Он выпустил струю дыма.

— Эдгар всегда был ко мне очень добр, — продолжила Анна, когда стало очевидно, что Гаскуан так и не заговорит первым. — Но в последнее время он здорово не в духе. Не знаю почему. Я уж его упрашивала, упрашивала, а он — ни в какую. — Анна помолчала. — Если бы мне только…

— Нет.

— Малая крупица — вот и все, что мне нужно, — увещевала Анна. — Всего-то-навсего один из самородков. Я скажу ему, что нашла его в реке или где-нибудь на дороге. Или совру, что мне заплатили золотом, — старатели иногда так и платят. Скажу, получила его от какого-нибудь иностранца. Мне врать не привыкать.

Гаскуан покачал головой:

— К этому золоту нельзя притрагиваться.

— Но до каких пор? — воскликнула Анна. — До каких пор?

— До тех пор, пока не выяснишь, кто именно зашил это золото в твой корсет! — рявкнул Гаскуан. — И ни минутой раньше!

— А что ж мне меж тем с арендной платой делать?

Гаскуан сурово воззрился на нее.

— Анна Уэдерелл, — проговорил он, — я тебе не опекун.

Это заставило ее умолкнуть, хотя темные глаза вспыхнули досадой. Анна оглянулась, ища, чем бы себя занять и к какому бы рутинному делу приложить руку. Наконец она опустилась на колени и принялась собирать свои безделушки, рассыпанные по полу Притчардом, она сердито

сгребала их к себе и яростно швыряла обратно в пустой ящик комода.

— Правда твоя, ты мне не опекун, — выговорила она наконец. — Но на это я скажу, что и золото не твое — чтоб ты его хранил и распоряжался им, как тебе угодно!

— Но и вам это золото не принадлежит, мисс Уэдерелл.

— Оно было в моем платье, — возражала девушка. — Оно было на мне. Я рисковала собой.

— Ты подвергнешь себя куда большему риску, если его потратишь.

— Так чего же мне делать? — воскликнула Анна. — Шлюха — навсегда шлюха. Это все, что мне остается, так?

Собеседники пепелили друг друга взглядами. «Я бы тебе золотой соверен заплатил, если б только ты со мной своим ремеслом занялась», — думал про себя Гаскуан. А вслух произнес:

— Сколько у тебя есть времени?

Анна яростно скомкала обрывок ленты:

— Он не сказал. Сказал, гони деньги или выметайся.

— Хочешь, я с ним поговорю? — предложил Гаскуан, подначивая девушку; он ведь знал: хочет она вовсе не этого.

— И что ты ему скажешь? — парировала Анна, кидая скомканную ленту в ящик. — Станешь умолять его оставить меня в покое еще на неделю? Или месяц? Или квартал? Какая разница? Мне ж все равно придется заплатить ему, рано или поздно.

— Боюсь, таковы суть и свойство долга, — ледяным тоном отозвался Гаскуан.

— Жаль, я две недели назад не знала, что и *ты* из таких кредиторов, — ядовито промолвила Анна. — Иначе я ни за что не приняла бы от тебя помощи.

— Тебя, по-видимому, память подводит, — не задержался с ответом Гаскуан. — Позволь тебе напомнить, что я помог тебе только потому, что ты об этом попросила.

— Это? Эта линялая тряпка? Это ты называешь «помощью»? Да я бы лучше отдала тебе обратно платье и оставила себе золото!

— Я вытащил тебя из тюрьмы, Анна Уэдерелл, подвергая себя немалому риску, а это платье принадлежало моей покойной жене, на случай, если ты не знаешь, — парировал Гаскуан.

Он бросил сигарету на пол и растер в прах каблуком. Анна уже открыла было рот, намереваясь ответить должным образом, но Гаскуан громко

возвестил:

— Боюсь, ты сейчас не в том состоянии, чтобы оценить мой сюрприз.

— Еще как в состоянии, благодарствую.

— Сюрприз, — продолжал Гаскуан, все повышая голос, — который я подготовил для тебя исключительно из милосердия и по доброте душевной…

— Мистер Гаскуан!..

— …Ибо мне казалось, тебе полезно было бы прогуляться и немного поразвлечься, — договорил Гаскуан. Он был бледен как полотно. — Я извещу даму, что ты не в настроении и не желаешь никого видеть.

— И вовсе я в настроении, — возразила Анна.

— А по-моему, нет, — отрезал Гаскуан. Он осушил бокал и отставил его на прикроватную тумбочку рядом с Аннииной подушкой, в центре которой все еще темнела одна-единственная обугленная дырочка. — А теперь я тебя оставлю. Мне очень жаль, что пистолет не выстрелил так, как тебе того хотелось, и мне очень жаль, что твой стиль жизни выходит за рамки твоих средств. Благодарю за бренди.

Зенит / Надир

Глава, в которой Гаскуан поднимает тему Анниного долга, а Эдгар Клинч не удостаивает его своим доверием.

Гаскуан уже пересекал вестибюль гостиницы «Гридирон», когда дверь рывком открылась и внутрь стремительно ворвался хозяин мистер Эдгар Клинч. Гаскуан замедлил шаг, чтобы им двоим не столкнуться ненароком, — что Клинч посчитал за нерешительность совсем иного рода. Он резко затормозил в дверном проеме, заградив Гаскуану выход. За его спиной с глухим стуком захлопнулась дверь.

— Я могу вам чем-то помочь? — осведомился Клинч.

— Благодарю вас, нет, — учтиво отозвался Гаскуан и замешкался на миг, дожидаясь, когда Клинч сдвинется с места, чтобы выйти, не задев последнего плечом.

Но на хлопанье дверью уже отозвался слуга.

— Эй… вы! — окликнул он Гаскуана, выходя ему навстречу из своей каморки под лестницей. —

Что там еще за история с пальбой из пистолета? Джо Притчард сошел вниз бледный как смерть. Точно привидение увидел.

— Произошло недоразумение, — коротко объяснил Гаскуан. — Недоразумение, и ничего больше.

— Пистолетная пальба? — насторожился Эдгар Клинч, который с порога так и не сдвинулся.

Клинч, высокий, рыжеватый сорокатрехлетний мужчина с располагающей внешностью, выглядел вполне безобидно. Его царственные усы, напомаженные на концах, — аксессуар воистину роскошный! — седели не так быстро, как волосы, тоже напомаженные, расчесанные на прямой пробор и подстриженные на уровне мочки уха. Прибавьте к этому щеки-яблоки, красноватый нос и скошенный профиль. Глаза его были так глубоко посажены, что словно бы закрывались сами собою, стоило Клинчу улыбнуться, а улыбался он часто, о чем свидетельствовали «гусиные лапки» морщин. Сейчас, однако, он грозно хмурился.

— Я тут за стойкой сидел, — объяснял слуга. — Этот человек, он был здесь, он все видел. Крики заслышал — и сразу рванул наверх; едва вошел — и тут же прогремел выстрел. А за ним еще один,

секунду спустя. Я как раз хотел подняться выяснить, в чем дело, а тут Джо Притчард спускается и говорит мне: не беспокойся, мол. Дескать, шлюха пистолет чистила, а он возьми да выпали; но это ж объясняет только первый выстрел.

Эдгар Клинч перевел взгляд на Гаскуана.

— Второй выстрел — мой, — объяснил Гаскуан с плохо скрываемым раздражением: ему не нравилось, что его задерживают против воли. — Я пальнул проверки ради, когда обнаружил, что первый раз пистолет дал осечку.

— А крик-то подняли с чего? — не отступался хозяин гостиницы.

— Ситуация уже разрешилась.

— Этот Джо Притчард ее избивал?

— Отсюда казалось, что так, — подтвердил слуга.

Гаскуан метнул на слугу уничтожающий взгляд и вновь обернулся к Клинчу.

— Никакого физического насилия по отношению к проститутке применено не было, — заверил он. — Она в полном порядке, и ситуация уже разрешилась, как я только что сообщил вам.

Клинч сощурился.

— Просто поразительно, до чего ж часто пистолетам случается ненароком выстрелить при

чистке, — проговорил он. — Просто поразительно, что проституткам вечно приходит в голову почистить пистолет, когда рядом джентльмены. Просто поразительно, сколько раз такое происходило в моей гостинице.

— Боюсь, что мне нечего сказать по этому поводу, — пожал плечами Гаскуан.

— А мне сдается, что есть, — возразил Эдгар Клинч. Он шире расставил ноги и скрестил руки на груди.

Гаскуан вздохнул. Вот только грубой демонстрации собственничества ему сейчас не хватало!

— Что случилось? — настаивал Клинч. — Что-то случилось с Анной?

— Почему бы вам не спросить у нее самой и не сэкономить ваше и мое время? Вам это труда не составит; она, знаете ли, наверху.

— Не люблю, когда меня выставляют идиотом в моей собственной гостинице.

— Я и не думал выставлять вас идиотом.

Усы Клинча опасно задергались.

— С кем у вас вышла ссора?

— Я не уверен, что вообще с кем-то ссорился, — покачал головой Гаскуан. — А у вас с кем?

— С Притчардом, — сплюнул он.

— А я-то здесь при чем? — удивился Гаскуан. —

Притчард мне не друг и не брат.

Он чувствовал себя словно в ловушке. Бесполезно пытаться урезонить человека, который для себя уже все твердо решил, а у Эдгара Клинча, по всему судя, руки чесались подраться.

— Это чистая правда, — встрял слуга, приходя Гаскуану на помощь. Он уже заметил, что хозяин не в духе.

Лицо Клинча раскраснелось, штанина подергивалась, как если бы он раскачивался с пятки на носок, — верный признак того, что он злится. Слуга успокаивающе объяснил, что Гаскуан всего лишь прервал спор между Притчардом и Анной, а нача́ла его так даже и не застал.

Клинч производил впечатление не то чтобы пугающе грозное, даже в боевой стойке, как вот сейчас; он выглядел сердитым, но не страшным. Осязаемая ярость превращала его в существо довольно беспомощное. Это чувство завладевало им полностью; он был слугой своего гнева, а не господином. При взгляде на Клинча Гаскуану представлялся скорее ребенок на грани истерики, нежели боксер в преддверии потасовки, — хотя, конечно же, первый типаж таил в себе опасность ничуть не меньшую, дай только повод. Клинч по-прежнему загораживал собою дверь. Было

понятно, что урезонить его не удастся, но, может статься, выйдет успокоить, подумал Гаскуан.

— Что вам такого сделал Притчард, мистер Клинч? — поинтересовался он, думая, что если даст собеседнику шанс высказаться, то ярость его, возможно, себя исчерпает и он поутихнет.

— Не мне — Анне! — сдавленно и невнятно прорычал Клинч. — Снабжает ее наркотиком, который ее убивает, — продает эту дрянь!

Такое объяснение Гаскуана не удовлетворило: наверняка ведь это не все!

— Да, но, если человек пьяница, трактирщика ли в том вина? — шутливо откликнулся он, задабривая собеседника.

Эту риторическую фигуру Клинч пропустил мимо ушей.

— Джозеф Притчард, — повторил он. — Он эту дрянь, кабы мог, ей бы как грудному младенцу скармливал; этот на все способен. Вот вы со мной согласны, мистер Гаскуан.

— А, так вы меня знаете! — облегченно выдохнул Гаскуан. И тут же удивленно переспросил: — Я — согласен?

— Это ваше обращение во вчерашнем выпуске «Таймс». Чертовски верно изложено, между прочим; чертовски недурная статья, — напом-

нил Клинч. Сделав комплимент, он словно бы подуспокоился, но затем лицо его снова омрачилось. — Вот ему недурно было бы с вашей проповедью ознакомиться. А вы знаете, где он ее берет? Эту свою дерьмовую пакость? Смолу то есть? Не знаете? Фрэнсис Карвер — вот кто поставщик-то!

Гаскуан пожал плечами; это имя ничего ему не говорило.

— Фрэнсис треклятый Карвер, который ударил ее ногой — ногой ударил, избил, — а ребенок-то его был! Его ребенок у нее во чреве! Убил собственную плоть и кровь!

Клинч почти кричал, а Гаскуан внезапно очень заинтересовался услышанным.

— Что вы такое сказали? — переспросил он, шагнув вперед.

Анна некогда призналась ему, что нерожденного ребенка убил его же собственный отец, — а теперь вот выясняется, что тот же самый человек имеет отношение к опиуму, от которого Анна едва не погибла!

Но Клинч уже набросился на своего слугу.

— Ты! — рявкнул он. — Если Притчард здесь снова объявится, а меня на месте не окажется, тебе поручено его выставить, понял?

Хозяин гостиницы себя не помнил от возмущения.

— А кто такой Фрэнсис Карвер? — осведомился Гаскуан.

Клинч отхаркнулся и сплюнул на пол.

— Кусок дерьма, — сообщил он. — Кровожадный кусок дерьма. Джо Притчард — он просто подлец. А Карвер — он сам дьявол, дьявол во плоти.

— Они друзья?

— Не друзья, — покачал головой Клинч. — Нет, не друзья. — Он ткнул пальцем в слугу. — Ты меня слышал? Если Джо Притчард только ступит на эту лестницу — на самую нижнюю ступеньку! — ты здесь больше не работаешь!

По-видимому, хозяин гостиницы больше не видел в Гаскуане угрозы: он отошел от дверного проема и сорвал с головы шляпу. Гаскуан был свободен уйти. Однако ж с места он не стронулся, он ждал разъяснений. Клинч загладил ладонью волосы назад, повесил шляпу на вешалку — и приступил к таковым.

— Фрэнсис Карвер торгует запрещенным товаром, — пояснил он. — Его корабль — «Добрый путь», вы его, верно, видели на якоре. Трехмачтовый барк.

— А что связывает Карвера с Притчардом?

— Опиум, конечно! — нетерпеливо отозвался Эдгар Клинч. Допрос явно не пришелся ему по душе; он снова хмуро воззрился на гостя, — похоже, его по новой захлестнуло недоверие. — А вы чего позабыли у Анны в номере?

— Я и не знал, что Анна Уэдерелл на вас работает, мистер Клинч, — произнес Гаскуан с вежливым удивлением.

— Она на моем попечении, — буркнул Клинч. Он снова пригладил волосы назад. — Она тут живет, это часть договоренности, а я имею право знать, что у нее за дела такие, если они происходят на моей территории, и притом пистолеты задействованы. Можешь идти, даю тебе десять минут. — Это уже относилось к слуге; тот опрометью кинулся в обеденный зал перекусить.

Гаскуан взялся за лацканы.

— Вы, наверное, считаете, ей очень повезло, раз она живет здесь под вашим присмотром, — предположил он.

— Вы ошибаетесь, — отозвался Клинч. — Я так не считаю.

Гаскуан удивленно помолчал. А затем деликатно осведомился:

— И много таких девушек у вас на попечении?

— Сейчас — только три, — признал Клинч. — Дик, он в них толк знает. Только самый высший сорт; и стандарта он не понижает: держит уровень. Хочешь шлюху за шиллинг, иди в дешевый притон, где того гляди трипак подцепишь. Здесь ты карманной мелочью не отделаешься. Счет идет на фунты. Это Дик вам Анну присоветовал?

По-видимому, речь шла о Дике Мэннеринге, хозяине Анны Уэдерелл. В ответ Гаскуан пробормотал что-то невнятное. Ему очень не хотелось делиться историей их с Анной знакомства.

— Ну так если вы не прочь с какой-нибудь из остальных трех поразвлечься, обращайтесь к Дику, — продолжал Клинч. — Кейт — пышечка, Сэл — кудряшка, а Лиззи — та, что с конопушками. С меня какой спрос? Я этими делами не занимаюсь — заказами и все такое. Девчонки просто спят здесь. — Он с запозданием осознал, что глагол выбрал не самый удачный, и добавил, развеивая сомнения собеседника: — И говоря «спят», я имею в виду сон; я не жеманничаю. Ночные гости ко мне не допускаются. Я ж лицензию потеряю. Хочешь девчонку на всю ночь — забираешь под свою ответственность к себе в комнату.

— Превосходное у вас заведение, — учтиво похвалил Гаскуан, обводя рукой вестибюль.

— Не мое, — презрительно сощурился Клинч. — Я только арендатор. По всей улице, из конца в конец, от Уэлда до Стаффорда, все сдается в аренду. Это здание принадлежит парню по имени Стейнз.

— Эмери Стейнз? — изумился Гаскуан.

— Странно это, — посетовал Клинч. — Странно арендовать недвижимость у человека в два раза меня младше. Ну да времена нынче новые: все с ног на голову, каждый за себя.

В словах Клинча Гаскуану почудилась некая принужденность: фразы были словно не его и звучали наигранно. Интонации сдержанные и даже опасливые… да он, похоже, оправдывался, стараясь не упасть в глазах Гаскуана, при всей безнадежности такой попытки! «Он мне не доверяет, — подумал Гаскуан, а в следующий миг осознал: — Что ж, я ему тоже не доверяю».

— Любопытно, а что станется с домом, если мистер Стейнз не вернется? — вслух осведомился он.

— Я тут останусь, — отозвался Клинч. — Может, смогу откупить. — Он пошарил в ящике стола, а затем вернулся к прежнему: — Послушайте, не сочтите меня занудой, но все-таки что вы делали в Аннинoй комнате?

Глядел он едва ли не умоляюще.

— Мы поговорили насчет денег, — объяснил Гаскуан. — У нее в кармане шаром покати. Ну да вы об этом и сами знаете.

— В кармане шаром покати! — фыркнул Клинч. — Скажете тоже! Да карманов у нее не один, уж здесь вы мне поверьте!

Уж не тайный ли это намек на золото, зашитое в Аннино платье? Или просто-напросто грубая отсылка на профессию девушки? Гаскуан внезапно насторожился.

— А с какой стати мне верить вам и не верить Анне? — спросил он. — По *ее* словам, у нее за душою ни пенни, а вы считаете себя вправе требовать от нее немедленной выплаты шести фунтов!

Клинч вытаращил глаза. Выходит, Анна рассказала ему про свою задолженность по арендной плате. Выходит, Анна на него, Клинча, жаловалась — и жаловалась горько, судя по враждебному тону француза. До чего ж обидно! Клинчу очень не понравилась мысль о том, что Анна, оказывается, обсуждает его с другими мужчинами.

— Это не ваше дело, — тихо произнес он.

— Напротив, — возразил Гаскуан. — Анна сама поделилась со мной своей проблемой. Она проси-

ла и умоляла меня.

— Но почему? — недоумевал Клинч. — Почему ж?

— Вероятно, потому, что она мне доверяет, — отозвался Гаскуан не без толики злорадства.

— Я хочу сказать, вас-то что толку молить?

— Очевидно, чтобы я ей помог.

— Но вас-то почему? — не отступался Клинч.

— То есть как это, почему *меня*?

— С какой стати Анна просила *вас*? — Клинч почти кричал.

Глаза Гаскуана вспыхнули.

— Я так понимаю, вы просите меня уточнить характер наших с Анной взаимоотношений.

— Да об этом мне и спрашивать незачем, — хрипло рассмеялся Клинч. — А то я сам не знаю!

В глазах Гаскуана потемнело от ярости.

— Вы наглец, мистер Клинч, — произнес он.

— Наглец! — повторил Клинч. — Это кто еще тут наглец? Девка в трауре — вот и все, и вы не станете этого отрицать!

— Из-за того, что она носит траур, она как раз и не в состоянии расплатиться с текущими долгами. А вы все равно ее тираните.

— Тираню — я?

— У меня сложилось впечатление, — холодно

произнес Гаскуан, — что Анна вас очень боится. — Правды в том, понятное дело, не было.

— Да не боится она меня! — возмущенно запротестовал хозяин гостиницы.

— И что вам эти шесть фунтов? Какая вам разница, заплатит Анна завтра или через год? На вас только что нежданно-негаданно свалилось целое состояние — «билет домой», как здесь говорят. У вас в банке тысячи и тысячи фунтов! А вы тут занудствуете насчет шлюхиной арендной платы, точно какой-нибудь спекулянт из Лаймхауса!

— Долг есть долг, — ощетинился Клинч.

— Чушь! — парировал Гаскуан. — Скорее, обида есть обида.

— Это вы на что намекаете?

— Еще не знаю, — отозвался Гаскуан. — Но начинаю думать, что ради Анны надо бы мне попытаться выяснить.

Клинч вновь побагровел.

— Не смейте так со мной разговаривать, — отозвался он. — Не смейте — в моей собственной гостинице!

— А вы говорите так, как будто вы при ней сторож! Но где вы были нынче днем, когда Анне грозила опасность? — осведомился Гаскуан, чувствуя, что его понемногу заносит. — Где вы были,

когда ее нашли полумертвой посреди Крайстчерчской дороги?

Но на сей раз Клинч не стушевался под градом упреков, как прежде. Напротив, он словно бы ожесточился. Стиснув зубы, он смерил Гаскуана взглядом.

— Вот только нотации мне читать насчет Анны не надо, — отрезал он. — Вы сами не знаете, что она для меня. И никаких нотаций я не потерплю!

Мужчины пепелили друг друга взглядами, словно бойцовые псы на противоположных концах арены, но вот наконец каждый, отдавая должное другому, молча признал, что встретил достойного противника. Ибо Гаскуан и Клинч не так уж сильно различались темпераментами и даже в своих расхождениях демонстрировали своего рода гармонию: Гаскуан — верхняя октава, звук более чистый и прозрачный, Клинч — гудящая басовая нота.

В характере Эдгара Клинча обнаруживалось нечто от замкнутого круга. Он был заботлив и вечно в себе сомневался — а эти свойства, противоположные друг другу, порождали в нем постоянную беспокойную смену настроений. Он обеспечивал тех, кого любил, требуя лишь

безоговорочного одобрения своей опеки, — а это требование в свою очередь пробуждало в нем стыд. Чуткий к нюансам своих поступков, Клинч сомневался в их ценности, в результате от требования он отказывался, заботу удваивал и все начинал сначала — только чтобы обнаружить, что его потребность в одобрении тоже выросла вдвое. Так он постоянно пребывал в движении — так в постоянном движении пребывает женщина, покорная лунным ритмам.

Именно так и начались его отношения с Анной Уэдерелл. Когда Анна впервые прибыла из Данидина, Клинч был прямо-таки сражен: ему казалось, создания столь необыкновенного и столь горестного он в жизни не видел; он дал клятву, что не знать ему покоя, пока она не почувствует себя любимой. Он отвел ей лучший номер; он баловал ее как мог и обиделся не на шутку, когда она так и не заметила его стараний, — а когда она и обиды не заметила, он разозлился. Гнев его был иррационален и бесплоден и не придавал ему сил, как иных порою подпитывает собственная ярость. Вместо того это чувство лишь ослабляло и опустошало его, тем самым делая еще более уязвимым для любви.

Анна прибыла в Хокитику уже беременной,

хотя живот ее еще не начал округляться и фигура до поры не выдавала ее тайны. Клинч повстречался с ней на набережной Гибсона, куда ее доставил лихтер, — барк «Добрый путь» встал на якорь ярдах в ста от берега. День выдался погожий и солнечный, подмораживало. Устье реки ярко искрилось, звенели трели птиц. Даже сейчас Клинчу казалось, что он помнит все до мельчайших подробностей. Словно наяву, он видел широкий нимб ее капора и концы ее лент, трепещущие на ветру, видел ее ботильоны, ее перчатки на пуговичках, ее ридикюль. Видел переливчатый багрянец платья — платье было взято напрокат, как впоследствии выяснилось, у антрепренера Дика Мэннеринга, которому Анна платила за него посуточно до тех пор, пока не сможет себе позволить купить собственный наряд. Кричаще-яркий цвет ей не шел: он придавал ее лицу землистый оттенок и выпивал жизнь из глаз. Эдгара Клинча она просто ослепила. Широко улыбаясь, он сжал ее хрупкую кисть в своих ладонях и энергично встряхнул. Сказал «добро пожаловать в Хокитику», предложил руку, пригласил пройтись; она согласилась. Приказав носильщикам доставить ее дорожный сундук в гостиницу «Гридирон», Клинч выпятил грудь

колесом и повел Анну Уэдерелл по Ревелл-стрит — ни дать ни взять принц-консорт, сопровождающий королеву.

К тому времени Эдгар Клинч еще не пробыл в Хокитике и месяца. Он не был знаком с Диком Мэннерингом, хотя имя слышал; в тот день он встречал Аннин корабль безо всякой предварительной договоренности ни с магнатом, ни с проституткой. (Мэннеринг задержался в Данидине и в Хокитике ожидался лишь на будущей неделе; в любом случае он предпочитал пароход паруснику.) В ясные дни Клинч частенько выходил на косу и приветствовал старателей, что высаживались на песчаный берег. Он пожимал им руки, улыбался, отдельно приглашал каждого остановиться в гостинице «Гридирон», как бы между делом замечая, что готов предложить хорошую скидку, но только тем, кто согласится в течение ближайшего получаса.

В ходе недолгой прогулки от набережной Гибсона Клинч всем своим существом ощущал легкое прикосновение Аннина руки к своему локтю; к тому времени как они достигли парадного входа в «Гридирон», Клинч понял, что без этого прикосновения ему жизнь не в жизнь. Он взмолился о разрешении угостить молодую жен-

щину вторым завтраком в обеденной зале; она согласилась, и в груди его всколыхнулась волна искупительных чувств, так что в результате он предложил ей свой самый лучший, самый просторный номер.

Анна заплатила за жилье долговой распиской от Дика Мэннеринга; Клинч, нежданно преисполнившись великодушия, принял расписку без вопросов. К тому времени как он осознал, что Анна, надо думать, представительница древнейшей профессии, сердце его уже было отдано необратимо и бесповоротно. Когда неделю спустя в Хокитику прибыл Мэннеринг, он представился Клинчу как Аннин работодатель и выговорил для своей подопечной следующие условия: за еженедельную плату Анне предоставлялась защита, ненавязчивый надзор, два раза в день — питание и раз в неделю — ванна. Этот последний пункт считался дорогостоящей роскошью, его можно будет отменить (доверительно пояснил Мэннеринг), как только девица обживется в городке. Однако ж в течение первых нескольких недель ее найма необходимо потворствовать ее вкусам и поддерживать ощущение шика и блеска.

Клинч был более чем счастлив каждое воскресенье наполнять медную ванну, пусть и

трудоемкая то была обязанность. Он с восторгом ждал, чтобы Анна промелькнула на лестничной площадке, с мокрыми волосами, вся — чистота и свежесть; он любил пройти мимо нее в обеденной зале воскресным вечером и вдохнуть молочный аромат мыла на ее коже. Ему нравилось выливать использованную, мутную от грязи воду в сточную канаву на краю дороги и надеяться, по мере того как белая пена утекала прочь, что Анна глядит на него сверху вниз из окна на верхнем этаже.

Любовные потуги Клинча неизменно оборачивались материнской заботливостью, ибо таково свойство человеческой природы — давать то, что мы больше всего хотели бы получить; а Эдгар Клинч отчаянно тосковал о матери — своей собственной матери он лишился во младенчестве, и с тех пор она воскресла в его сознании богиней, осиянной всеми достоинствами, — богиней, чье лицо оставалось неясно-размытым, точно маячило за окном в туманной ночи. Однако все усилия его любви были отмечены печатью обреченности, ибо требовали от объекта тонкой интуиции, которой не обладал сам Клинч. Эдгар Клинч был безнадежным романтиком, но во всех привычных смыслах этого слова — романтиком неудавшимся; невзирая на его ежедневные

заботы, Анна Уэдерелл оставалась в полном неведении того факта, что хозяин гостиницы любил ее со всем пылом одинокого, отчаявшегося сердца. Она обходилась с ним вежливо, поддерживала в номере порядок, но вот общества Клинча не искала, а беседы ограничивала темами самыми банальными. Надо ли говорить, что равнодушие Анны лишь распаляло угли Клинчевой страсти и нагромождало их все выше, так что горели они дольше и алели ярче. Когда спустя месяц Мэннеринг заявил, что такому расточительству, как еженедельная ванна, пора положить конец, Клинч просто-напросто перестал вписывать эту услугу отдельной позицией в Аннин ежемесячный счет. Каждое воскресенье он готовил медную ванну, и выкладывал полотенца, и наполнял ее водою, как и прежде.

В ходе этих первых нескольких месяцев казалось, будто ничто не способно притушить Клинчеву благоговейную любовь к Анне. Ее профессия его не отталкивала, хотя его весьма удручало, что она так часто подвергает себя опасности. Когда Клинч обнаружил, что Анна — опиоманка и принимает наркотик едва ли не каждый день, он опять-таки лишь глубоко огорчился и забеспокоился, но не преисполнился

отвращения. (Он рассуждал так: наркотик в большой моде, да, в конце концов, он и сам принимает лауданум всякий раз, как накатит бессонница; так велика ли разница между опиумом в растворе и опиумным дымом?) Наиболее неприятные стороны Анниной жизни, вместо того чтобы отвадить Клинча, будили в нем лишь глубокую печаль, и, как следствие, он все отчаяннее желал ей счастья.

Когда стало очевидно, что Анна ждет ребенка от другого мужчины, к печали Клинча подмешалась тревога. Он задумался, а не поведать ли теперь девушке о своих чувствах? Может, даже стоит предложить ей законный брак. А когда младенец появится на свет, он, глядишь, примет малыша как родного и станет о нем заботиться; глядишь, получится какая-никакая семья.

Как раз об этом Клинч размышлял однажды днем в середине зимы, когда услышал глухой стук и сдавленный вскрик на веранде гостиницы. Он открыл подъемное окно (он растапливал камины в верхних комнатах) и, глянув вниз, увидел Анну: она споткнулась на невысокой лестнице, что вела к парадному входу. На его глазах девушка медленно подняла руку и зашарила вокруг в поисках перил.

Клинч сбежал по ступеням, пересек вестибюль и открыл дверь впустить девушку: к тому времени Анна рывком выпрямилась и прошла через веранду. Клинч переступил порог, и Анна, уже потянувшаяся было к задвижке, рухнула на него и, чтобы не упасть, подалась вверх и обвила его отяжелевшими руками за шею. Уткнулась лицом ему в воротник, так что ее нос и губы прижались к его горлу, и вся словно бы обмякла. Клинч изумленно охнул — и застыл неподвижно. Ему казалось, что, стоит ему заговорить или порывисто двинуться, волшебство мгновения развеется и девушка обратится в бегство. Через ее плечо он глянул наружу. Стоял неяркий, ясный воскресный день, на улице не было ни души. Никто их не видел. Никто за ними не следил. Клинч обхватил Аннину талию ладонями, глубоко вдохнул, вдохнул еще раз, — а в следующий миг одним стремительным движением привлек Анну к себе, приподнял над полом, крепко прижался губами к ее щеке. И на бесконечно долгий миг замер так, не прерывая поцелуя. Затем подхватил ее на руки, отступил в вестибюль, захлопнул дверь, поддев ее ногой, провернул ключ в замке и понес девушку наверх. Аннина ванна была установлена в комнатке напротив лестничной площадки;

чугунные котлы с водой уже ждали на полке у огня, накрытые крышками. Клинч, по-прежнему не размыкая объятий, опустился на диван рядом с ванной. Сердце его неистово колотилось. Он чуть отстранился — поглядеть на нее. Глаза девушки были закрыты; руки и ноги ее бессильно обвисли, словно превратившись в желе.

Вот уже много месяцев прошло с тех пор, как Анна вернула Дику Мэннерингу взятое напрокат багряное платье, а вместо него приобрела несколько других, лучше сидевших по фигуре. Однако сегодня она щеголяла не в кричащем оранжевом наряде, посредством которого обычно заявляла о своем ремесле, — ибо хокитикские шлюхи на работе цвета носили яркие, а вне работы предпочитали приглушенные тона. На сей раз она надела кремовое муслиновое платье, лиф которого был скроен в стиле куртки для верховой езды и застегнут наглухо. Плечи ее окутывала синяя треугольная шаль. По этим приметам, а также по тому, что девушка пребывала в состоянии почти бессознательном под воздействием опиума, Эдгар Клинч заключил, что она только что из Чайнатауна: когда Анна наведывалась туда, она отправлялась инкогнито, одевшись по возможности неброско.

Трясущимися руками Клинч стянул с Анниных плеч шаль; она соскользнула на пол. Затем он развязал бант на спине ее платья и ослабил завязки корсета, продвигаясь медленно и постепенно. Пальцы его нащупывали потайные пуговки, одну за одной, и выпрастывали их из петель. Она казалась такой податливой в его объятиях; когда он попытался осторожно стянуть с нее платье, Анна послушно подняла вверх руки, точно ребенок. Затем Клинч открепил ее кринолин и вытащил свою подопечную из верхнего обруча, так что весь деревянный каркас со всеми его пряжками с грохотом лег на пол. Он вновь опустил девушку на диван — раздетую до комбинации — и накрыл ее шалью. А затем встал и принялся наполнять ванну. Анна лежала, подложив ладонь под щеку, неровно дыша во сне: грудь ее вздымалась и опадала. Приготовив воду, Клинч вернулся к ней, приговаривая что-то утешающее; через голову стянул с нее комбинацию, подхватил нагую девушку на руки, опустился на колени и мягко перенес ее в ванну.

Анна издала воркующий звук, едва тело ее коснулось воды, но глаз не открыла. Клинч устроил девушку так, чтобы затылок ее удобно лег на медный выступ на краю, не давая ей соскользнуть

и захлебнуться. Убрал с ее щеки прядь волос, провел большим пальцем по линии скулы. Погружая ее в воду, Клинч замочил рукава до самых плеч; теперь он шагнул назад, развел руки, стараясь не прижимать к себе пропитанную водой ткань, и воззрился на девушку. Он изнывал от одиночества и вместе с тем ощущал глубокое умиротворение.

Спустя мгновение хозяин гостиницы присел подобрать с пола муслиновое платье, намереваясь отряхнуть его и, сложив, повесить на спинку дивана. Платье оказалось тяжелее, чем ему представлялось, — и с чего бы? Это же всего-навсего муслин да нитки — теперь, когда открепили кринолин, сняли нижние юбки и прочие причиндалы! И чего ж оно такое увесистое-то? Клинч пощупал ткань — и ощутил между пальцами что-то странное. Он вывернул платье — а это что такое? — что-то массивное явно проложено между швами, вроде как ряд камешков. Он просунул палец под нитку, нитка порвалась, и он протолкнул указательный и большой палец под подогнутый и подшитый край. Может, тут набивка какая-нибудь? К вящему своему изумлению, вытащил он щепоть чистого золота.

Анна по-прежнему спала, прижавшись щекой

к краю ванны. С неистово колотящимся сердцем Клинч прощупал швы платья, от оборок юбки до лифа. В ткани были спрятаны многие унции, если не фунты. И все — самородное золото! Что, спрашивается, Анна делала в Чайнатауне, если вернулась одурманенная опиумом и в платье, нашпигованном ценным металлом? Она, верно, куда-то переправляла золотишко — контрабандой переправляла, по всей видимости. В Чайнатаун? Что за нелепость! Должно быть, она *из* Чайнатауна его несла. Вероятно, в обмен на опиум! Клинч лихорадочно размышлял. Он припомнил, что прятать золото в подкладке одежды — это расхожий способ уклониться от уплаты таможенных пошлин, хотя дело, конечно, опасное: если поймают — плати огромные штрафы, а не то и в тюрьму загремишь. Но сама Анна ни разу не старатель — ради всего святого, она ведь женщина! — золото наверняка не ее. Кто-то, по-видимому, Анне достаточно доверяет, чтобы спрятать это золото в ее одежде. И Анна достаточно доверяет этому человеку, чтобы пойти ради него на подобный риск.

И тут его осенило: *Мэннеринг*. Дик Мэннеринг был хозяином чуть ли не всех китайцев Каньера; они трудились на его участках за ничтожное

жалованье. А еще Мэннеринг был Аннины работодателем. Ну конечно же! Все знали, что Мэннеринг грязными делишками не брезгует, — да чего и ждать от сутенера? И не сам ли он повторял снова и снова, что Анна Уэдерелл — лучшая из шлюх?

Клинч вновь обернулся к Анне и вздрогнул, заметив, что глаза ее открыты и неотрывно глядят на него.

— Как водичка? — глупо спросил он, встряхивая платье, так чтобы скрыть щепоть золота в пальцах.

Она довольно замурлыкала, но скромности ради сдвинула колено и, скрестив руки, прикрыла грудь. Ее округлый живот являл собою идеальную сферу, что покоилась на белесоватой поверхности воды, словно яблоко в ведерке.

— Так ты пешком от самого Каньера шла? — спросил Клинч.

Вряд ли она только что отшагала четыре мили — она ж головы поднять не в силах! Она ж на ногах не держится!

Она снова мурлыкнула что-то, дробя ноту надвое, в знак отрицания.

— А как же? — не отступался Клинч.

— Дик как раз проезжал мимо, — пробормотала

она. Слова в ее устах были вязкими, как патока.

Клинч шагнул ближе:

— Дик Мэннеринг — проезжал через Чайна-таун?

— Мм. — Она вновь закрыла глаза.

— И подвез тебя, да?

Но Анна не ответила. Она опять заснула. Голова бессильно откинулась к краю ванны, скрещенные на груди руки упали, ушли под воду и снова всплыли на поверхность.

Клинч по-прежнему держал в пальцах щепоть золота. Он осторожно повесил платье на спинку стула, золото опустил в карман, потер указательный и большой палец друг о друга, стряхивая чешуйки, — словно жаркое солил.

— Что ж, ванна в твоем распоряжении, — проговорил он и вышел за дверь.

Но вместо того чтобы спуститься в вестибюль, он быстро прошагал по коридору до Аннино номера и с легкостью отпер замок хозяйским ключом. Вошел внутрь, направился к гардеробу, где девушка хранила одежду. У Анны было пять платьев, все — купленные подержанными: их в числе прочих вещей удалось спасти с грузового парохода, потерпевшего крушение на отмели. Сперва Клинч принялся за «рабочее» платье

проститутки. Проворно прощупал все до единого швы и обшарил изнутри турнюр. И этот наряд тоже, как и муслиновый, был просто-таки битком набит золотом! Клинч взялся за следующее платье, и за следующее, и еще за одно; и всякий раз повторялась та же история. Да в этих пяти платьях у Анны целое состояние сокрыто, подумал Клинч, быстро произведя в уме приблизительные подсчеты.

Он присел на кровать.

Анна никогда не надевала оранжевое платье, отправляясь в Чайнатаун, — Клинч знал об этом доподлинно, — и все-таки и оно тоже нашпиговано золотом, так же как и остальные. То есть речь идет не просто о договоренности с азиатами, как он сперва было подумал! Это махинация, выходящая далеко за границы Чайнатауна. Вероятно, даже за границы Хокитики. Кто-то замыслил грабеж с большим размахом, подумал Клинч.

Он прикинул альтернативы. Мог ли Мэннеринг использовать Анну как вьючную скотину, чтобы перевозить драгоценный металл из ущелья, *без* ее ведома? Ну да, размышлял Клинч, эта задача не из трудных: надо лишь снабдить ее трубкой с опиумом, дождаться, чтоб заснула, и тогда зашивай себе преспокойно золото в платье, по

щепоти зараз. Может статься… но нет: нелепо и думать, что Мэннеринг пойдет на такой риск, не заручившись согласием и поддержкой самой проститутки. Да ради всего святого, она ж на себе носит сотни фунтов — если не тысячи! Она просто не может о них не знать. Когда дело доходит до денег, Мэннеринг отнюдь не дурак. Он в жизни не доверил бы такое богатство самой обыкновенной шлюхе без поручительства. Анна наверняка предоставила ему гарантии — какой-нибудь долг, думал Клинч, какое-нибудь, там, обязательство. Но что такого она могла дать в качестве залога, когда речь идет о целом состоянии в самородном золоте?

Внезапно разъярившись, Клинч замолотил ладонями по стеганому одеялу. *Мэннеринг!* Нет, ну каков наглец — подстроить этакое жульничество, когда Анна живет под его, Клинча, кровом и ест его, Клинча, хлеб! Что, если нагрянет полиция, что, если обыщут ее комнату? Кто тогда понесет ответственность? Право, думал Клинч, ему причитается часть прибыли — его могли хотя бы в известность поставить! А китайцы, конечно же, в тайну посвящены, не вопрос. Как унизительно. Чего доброго, вся Хокитика знает. Клинч выругался. Чтоб тебе в аду гореть, Дик

Мэннеринг, мрачно подумал он.

В соседней комнате послышался плеск, — должно быть, Анна очнулась, и Клинч на миг задумался, а не следует ли ему конфисковать платья, висевшие в гардеробе? Пожалуй, он может удерживать их в качестве выкупа, как рычаг воздействия на Мэннеринга. Осталось дождаться, чтобы Анна пришла в себя, и допросить ее подробно. Глядишь, удастся вытянуть признание или хотя бы извинение. Но ему недостало мужества. Неприязнь всегда ставила Эдгара Клинча в тупик; он остро переживал в душе все свои обиды, но дальше этого обычно не шел. С тяжелым сердцем он вышел из Аннииного номера, вновь спустился и отпер дверь вестибюля.

— Пожалуйста, примите мои самые искренние извинения, — промолвил Гаскуан.

— За что это? — недоуменно заморгал Клинч.

— За все мои сомнения в том, что вы действуете исключительно в наилучших интересах мисс Уэдерелл.

— А, — кивнул Клинч. — Да. Ну, это, спасибо.

— До свидания, — попрощался Гаскуан.

Клинч остался разочарован. Он-то надеялся, что Гаскуан задержится еще на минутку — ну хотя бы до тех пор, пока слуга не вернется с обеда, — и

обговорит дело со всех сторон. Клинч всегда огорчался, обрывая разговор на не самой вежливой ноте, и, по правде сказать, он в самом деле хотел обсудить вопрос Аннинога долга с Гаскуаном, пусть поначалу и воспринял его вмешательство в штыки. Накануне он вовсе не собирался искать ссоры с Анной. Но она солгала ему — сказала, что у нее ни шиллинга за душой, в то время как у нее в платья зашиты сотни и даже тысячи! Наряды по-прежнему висели в гардеробе; Клинч время от времени проверял, на месте ли ценный металл. Так с какой стати ему оплачивать ее ежедневные расходы, если у девицы есть доступ к такому баснословному богатству? С какой стати ему утешать ее в беде, когда она в заговоре против него же и лжет ему в лицо? За месяцы вынужденного молчания он разобиделся не на шутку, а горечь обиды в одночасье переродилась в озлобленность.

Клинч шагнул вперед и даже протянул руку, рассчитывая задержать Гаскуана. Ему хотелось умолять гостя не уходить: внезапно ему отчаянно опротивело одиночество. Но какую причину привести, чтобы убедить Гаскуана остаться?

— А вы, собственно, куда направляетесь? — поинтересовался Клинч, пытаясь выиграть время.

Вопрос Гаскуана покоробил. Жить на фронтире — это ж тоска зеленая! От любого ждут, что он поделится всеми подробностями своей частной жизни; то ли дело Париж или Лондон, где на каждом углу можешь позволить себе роскошь оставаться чужим всем и каждому, где ты в самом деле наедине сам с собою.

— У меня важная встреча, — коротко бросил он.

— Встреча? А с кем? Что у вас за дела такие?

Гаскуан вздохнул. Как его утомляли подобные расспросы! Клинч глядел хмуро, как будто досадовал, что гость уходит! С чего бы, они ж и познакомились каких-то десять минут назад!

— Мы тут с одной дамой договорились пойти шляпки посмотреть, — отвечал он.

Истинный лунный узел в Деве

Глава, в которой Цю Луна трижды прерывают; Чарли Фрост стоит на своем, а Су Юншэн, ко всеобщему удивлению, называет подозреваемого.

В тот самый момент, когда Гаскуан, распрощавшись с Эдгаром Клинчем, довольно неучтиво хлопнул парадной дверью «Гридирона», Дик Мэннеринг и Чарли Фрост как раз сходили с парома на каменистый берег в Каньере. Комиссионер Харальд Нильссен стремительно приближался к тому же месту пешком; он только что миновал деревянный указатель, сообщающий, что до поселения осталось полмили; разом воодушевившись, он резко ускорил шаг, не забывая, впрочем, сбивать тростью мокрую траву вдоль обочины. Все трое, конечно же, направлялись в каньерский Чайнатаун, дабы побеседовать по душам с китайским златокузнецом Цю Луном — которого в этот самый момент застало врасплох (как вскорости застанет врасплох еще раз) появление совершенно нежданного гостя.

Название «Чайнатаун», присвоенное небольшому скоплению палаток и сложенных из камня лачуг в нескольких сотнях ярдов вверх по реке от каньерских участков, не вполне соответствовало истине: ведь, хотя почти все здешние жители происходили из провинции Гуандун и по большей части из Гуанчжоу, все вместе взятые они едва ли составляли целый город — на тот момент в так называемом Чайнатауне жило только пятнадцать китайцев. В этом крохотном поселеньице дом Цю Луна выделялся статной трубой из шамотной глины. Кирпичная печка, от которой отходила труба, была сконструирована как миниатюрный кузнечный горн, оснащенный чугунным тиглем и выступающей глиняной полкой, и стояла посреди единственной комнаты; на этой-то полке Цю Лун спал ночами, согреваясь на кирпичах, что все еще удерживали в себе тепло дневной плавки. Когда он плавил недельную выработку руды, он клал в топку древесный уголь: ведь, при всей его дороговизне, пылал он жарче кокса. Однако сегодня тигель и кузнечные мехи оставались не у дел, а в топке, сложенные решеткой, медленно горели дрова.

Цю Лун был широкогрудым здоровяком внушительных габаритов и недюжинной силы. Глаза

его, скругленные во внутренних уголках, сужались к щекам; лицо казалось почти квадратным. Улыбаясь, он демонстрировал очень неполный ряд зубов: недоставало двух резцов, а также и передних нижних моляров. Эта щербатая улыбка наводила на мысль о ребенке, у которого выпадают молочные зубы, — к такому сравнению вполне мог прибегнуть и сам Цю Лун, от природы наделенный критическим взглядом, живым умом и склонностью к едкой иронии, каковую тем более охотно обращал на себя самого. Всякий раз, заговаривая о себе, он рисовал портрет довольно-таки жалкий — и эта шутливая манера тем не менее представляла в ложном свете чрезвычайно уязвимую самооценку. Ибо Цю Лун все свои поступки оценивал, исходя из своего личного мерила совершенства, над которым непрестанно работал; как следствие, никакие предпринятые усилия его не удовлетворяли, равно как и результаты таковых, и в целом он тяготел к пораженчеству. Этих тонкостей его характера подданные Британской короны по достоинству оценить не могли: их общий с Цю Луном словарь насчитывал от силы восемьдесят или сто слов; однако среди своих соотечественников он был известен циничным юмором, меланхолическим

темпераментом и упрямым упорством в служении недостижимым идеалам.

В Новую Зеландию он приехал по контракту. В обмен на стоимость билета туда и обратно из Гуанчжоу Цю Лун согласился уступить львиную долю своих заработков на золотом прииске корпоративному фонду. По условиям контракта, жестким и немилосердным, Цю Лун получал сущие гроши, и однако ж, он продолжал трудиться не покладая рук. Его мечтой — увы, нереальной! — было вернуться в Гуанчжоу с семьюстами шестьюдесятью восьмью шиллингами в кармане; на это, решил Цю Лун, он будет жить до конца дней своих. (Точная сумма была выбрана им как доброе предзнаменование — на кантонском диалекте она звучала как «вечное богатство», — а также по причине личных пристрастий, ведь Цю Лун работал особенно хорошо, когда видел конкретную цель.)

Отец Цю Луна, Цю Чжуан, был в Гуанчжоу городским стражником. На протяжении всей своей трудовой жизни он расхаживал взад-вперед по городской стене, надзирал за тем, как отпирают и запирают ворота, и бдительно следил, чтоб носильщики сменяли друг друга в должной очередности. Работа у него была важная,

хоть и рутинная, и мальчишкой Цю Лун оправданно гордился положением отца. В торговых войнах последних лет, однако, относительная престижность должности Цю Чжуана сколько-то потускнела. Когда в 1841 году Гуанчжоу брали приступом, город понадеялся на свои укрепления — как выяснилось, зря. Британские солдаты заполонили бастионы, далеко превосходя численностью войска династии Цин, и китайская оборона пала. Британцы взяли город, Цю Чжуан, наряду с сотнями сотоварищей, угодил в плен — и все они были отпущены лишь при условии, что Гуанчжоу согласится открыть порт для торговли.

Вполне понятный стыд, что Цю Лун испытывал в связи с неоднократной капитуляцией города (ведь за последующие два десятка лет британские солдаты захватывали Гуанчжоу не менее четырех раз), стократно усугублялся жгучей обидой за отца. От пережитого позора Цю Чжуан так и не оправился. Старик умер вскорости по завершении второй войны, а до тех пор ему довелось трижды стоять под прицелом британской винтовки.

Цю Лун предпочитал не задумываться, что сказал бы отец, увидев его сейчас. Цю Чжуан отдал свою жизнь и честь, защищая Китай от непомер-

ных претензий Британии; со дня смерти его не прошло и восьми лет, а Цю Лун — вот он, здесь, в Новой Зеландии, наживается на том самом обстоятельстве, что его отец и его страна тщетно пытались предотвратить. Он спал на чужой земле, добывал золото (*золото*, не серебро!) и львиную долю своего ежедневного заработка отдавал британской компании, в которой никогда не сможет занять руководящего поста. Подводя итог этим предательствам, Цю Лун испытывал неловкость не столько из-за сыновнего стыда, сколько из-за всеобъемлющего чувства освобождения. Оглядываясь назад, на затянувшийся кризис собственной жизни (ибо именно так он жизнь и воспринимал, как если бы его самость всегда балансировала на острие выбора — но какого именно выбора, он не знал, эта неопределенность не имела начала как такового, равно как и зримого конца), Цю Лун ощущал лишь собственную отчужденность: от своей работы, от желаний отца, от обстоятельств, при которых его страна и его семья претерпели позор. Ему казалось, он просто не умеет чувствовать.

Но в одном Цю Лун оставался верен памяти отца. Он ни за что не притронулся бы к опиуму и не позволял употреблять его в своем присутствии

и тем, кого он любит. В этом наркотике Цю Лун видел символ вопиющего размаха западного варварства по отношению к его собственной цивилизации и пренебрежение жизнью китайца перед лицом мертвящих западных ценностей — прибыли и алчности. Опиум стал для Китая предостережением. Это теневая сторона западной экспансии, ее темная составляющая, как инь для ян. Цю Лун частенько говаривал, что человек, лишенный памяти, лишен и дара предвидения, и шутливо добавлял, что цитировал эту истину много раз и намерен продолжать цитировать, не меняя в ней ни слова. Любой китаец, берущий в руки трубку, в глазах Цю Луна был предателем и глупцом. Проходя мимо курильни опиума в Каньере, он отворачивался и сплевывал на землю.

Тем большей неожиданностью будет для нас опознать в нынешнем собеседнике Цю Луна не кого другого, как Су Юншэна, — именно он, хозяин каньерской опиумокурильни, продал Анне Уэдерелл порцию опиума, что едва не стала причиной ее смерти двумя неделями раньше. (Непререкаемый запрет Цю Луна на Анну Уэдерелл не распространялся: девушка частенько навещала его после курильни — тело ее под воздействием наркотика делалось мягким и по-

датливым, а связная речь уступала место стонам. Но Цю Лун никогда не видел орудий ее пагубной привычки, хотя немало наслаждался ее последствиями; если бы она хоть раз достала наркотик в его присутствии, он бы выбил смолу из ее руки. Во всяком случае, так он себе внушал. А за этим расплывчатым притязанием стояло еще одно, не выраженное словами, убеждение: за Анниным пагубным пристрастием стоит некая высшая справедливость.)

Су Юншэн и Цю Лун друзьями никогда не были. И когда нынче первый постучался к Цю Луну, моля соотечественника о помощи и гостеприимстве, тот впустил его не без внутреннего трепета. У них двоих, насколько мог судить Цю Лун, общего было не много: вот разве что место рождения, язык да пристрастие к западной шлюхе. Цю Лун предположил, что Су Юншэн хотел бы потолковать насчет третьего пункта, ибо за последние дни Анну Уэдерелл кто только не обсуждал и кто только не перемывал ей косточки. То-то Цю Лун удивился, когда гость объявил, что сведения он принес касательно двоих мужчин: некоего Фрэнсиса Карвера и Кросби Уэллса.

Су Юншэн был лет на десять моложе Цю Луна. Брови его, едва очерченные, характерным

образом приподнимались, выражая легкое удивление. Глаза были большие, нос широкий, а губы изящно изгибались купидоновым луком. Изъяснялся он с большим воодушевлением, зато, когда слушал, лицо его оставалось неподвижно-бесстрастным; в силу этой привычки он слыл человеком мудрым. И он тоже был гладко выбрит и носил косичку; хотя на самом-то деле Су Юншэн славился своими антиманьчжурскими настроениями и на империю Цин плевать хотел; его прическа была подсказана не политическими убеждениями, а привычкой, усвоенной с детства. Одет он был, опять-таки подобно хозяину дома, в серую хлопчатобумажную рубаху и немудрящие штаны, поверх которых обвязал вокруг пояса черную шерстяную куртку.

Цю Лун в жизни не слыхивал ни о Фрэнсисе Карвере, ни о Кросби Уэллсе, но понимающе покивал, шагнул в сторону и пригласил гостя в дом, настаивая, чтобы Су Юншэн уселся на почетное место у самого очага. Он подал на стол самые лучшие яства, что только нашлись в доме, наполнил чайник и извинился за скудость угощения. Торговец опиумом молча ждал, пока хозяин не завершит хлопоты. Затем он низко поклонился, восхвалил непревзойденную щедрость А-Цю и

отведал каждое из блюд, выставленных перед ним, одобрительно отозвавшись о каждом. Покончив с формальностями, Су Юншэн заговорил об истинной цели своего прихода, изъясняясь, как всегда, в живом, поэтически приподнятом стиле, щедро приправленном пословицами, суть которых была неизменно прекрасна, но не всегда вполне понятна.

Так, он начал с замечания, что на вековом дереве всегда найдутся сухие ветви, что лучшие солдаты воинственностью не отличаются и что даже самые отборные дрова могут испортить печку, — эти мысли, преподнесенные подряд одна за другой, вне какого бы то ни было упорядочивающего контекста, Цю Луна изрядно озадачили. Вынужденный напрячь ум, он довольно ядовито заметил, что к безмену всегда прилагаются гири, — давая понять с помощью очередной пословицы, что речам гостя недостает последовательности.

На сем мы вмешаемся и перескажем историю Су Юншэна, в точности воспроизведя события, о которых он желал поведать, но не стиль его повествования.

* * *

В Хокитику А-Су заглядывал нечасто. Он почти не покидал своей хижины в Каньере, что была обустроена как модный салон: диваны-кровати у каждой стены, повсюду подушки, стены задрапированы тканями, дабы удерживать и вбирать в себя тяжелый дым, кольцами поднимающийся над трубками, над жаровнями, над спиртовыми лампами и над печкой. Курильня опиума производила ощущение непоколебимой устойчивости, и впечатление это еще усиливалось благодаря духоте и теплу здешней спертой атмосферы; только здесь А-Су привык чувствовать себя вполне комфортно. Однако ж за последние две недели он съездил к устью реки никак не менее пяти раз.

Утром 14 января (где-то за двенадцать часов до того момента, когда Анна Уэдерелл едва не распростилась с жизнью) А-Су получил весточку от Джозефа Притчарда о том, что в аптеку только что доставлена на продажу долгожданная партия опиума. Собственные опиумные запасы А-Су почти иссякли. Он надел шляпу и тотчас же отправился в Хокитику.

В Притчардовой аптеке он приобрел полфунта смолы и заплатил золотом. Уже выйдя на улицу

— обернутый в бумагу брикет надежно покоился на дне наплечной сумы, — он ощутил прилив особого летнего настроения, каким хокитикское утро дарило его куда как нечасто. Сияло солнышко, ветер с Тасманова моря придавал воздуху солоноватую, пикантную остроту. В уличных толпах ощущалось что-то радостное и яркое; А-Су переступил через сточную канаву, и проходящий мимо старатель приподнял шляпу и улыбнулся ему. Воодушевленный этим случайным жестом, А-Су решил ненадолго отложить возвращение в Каньер. Он с часок пороется в ящиках старьевщиков, что торгуют грузом с затонувших кораблей, на Танкред-стрит — в качестве подарка себе, любимому. А после, пожалуй, можно в лавке купить шмат мяса: дома суп сварить.

Но на углу Танкред-стрит А-Су застыл как вкопанный: от его праздничного настроения не осталось и следа. В конце улицы стоял человек, которого А-Су уже больше десяти лет как не видел и кого, вплоть до этой минуты, увидеть вообще не надеялся.

Со времен последней встречи его старый знакомец очень сильно изменился. Годы обезобразили его надменное лицо, а за десять лет в тюрьме его грудь и руки нарастили внушительную мышеч-

ную массу. Зато поза осталась знакомой: он стоял, чуть развернув плечи и подбоченившись, как в добрые старые времена. (Как странно, размышлял А-Су позже, что жесты и мимика остаются прежними, в то время как тело меняется, ветшает и понемногу сдается старости: как будто жесты — это и есть подлинный сосуд, ваза для цветка-тела. Ибо то был Фрэнсис Карвер собственной персоной: красовался, чуть выдвинув бедра и ссутулившись, — в другом подобная осанка показалась бы расхлябанной. Но такова была сила личности Карвера и весь его облик, грозный, мрачный и внушительный, что он вполне мог позволить себе презреть предписанную манеру держаться, которая для иных, в силу их заурядности, обязательна.) Карвер, полуобернувшись, окинул взглядом улицу, и А-Су отскочил в сторону, за пределы его поля зрения. Прислонился к стене бакалеи, к грубо оструганным сосновым доскам, и подождал минуту, унимая неистовое сердцебиение.

Цю Лун до поры ничего не знал об истории взаимоотношений Су Юншэна и Фрэнсиса Карвера, но на тот момент А-Су в детали вдаваться не стал. Просто объяснил хозяину дома, что Фрэнсис Карвер — убийца, а он, Су Юншэн, поклялся в

отместку лишить Карвера жизни. Сообщил он об этом так беззаботно, как если бы давать клятву отомстить врагам было делом в высшей степени заурядным; на самом-то деле беспечность эта подсказывалась болью: он не любил распространяться о горьких подробностях приватного прошлого. А-Цю, чувствуя, что перебивать не время, только покивал, но относящиеся к делу факты сохранил в памяти на будущее.

А-Су продолжил рассказ.

Он постоял так несколько секунд, прижавшись лбом к шершавой обшивке стены бакалеи. Когда его дыхание выровнялось, он осторожно подобрался к углу дома посмотреть на Карвера еще раз — ибо наконец-то наяву увидеть лицо, которое силой воображения воскрешаешь в самых что ни на есть мстительных снах, это редчайшее, всепоглощающее наслаждение, а ведь Су Юншэну Карвер являлся во сне в течение почти пятнадцати лет. Ненависть китайца к недругу в возрождении не нуждалась, ведь он сам возрождал и оживлял ее каждую ночь, но теперь, при виде Карвера, А-Су внезапно захлестнула волна ярости, непривычной и неуправляемой: китаец в жизни не ненавидел этого человека так сильно, как сейчас. Будь при нем пистолет, он бы сей же

миг выстрелил негодяю в спину.

Карвер беседовал с молодым маори, хотя по их позам А-Су догадался, что эти двое близкими друзьями не являются: они стояли на некотором расстоянии один от другого, скорее как компаньоны, нежели приятели. Разговора как такового А-Су не слышал, но, судя по его быстрому и отрывистому стаккато, они торговались; туземец-маори решительно жестикулировал и то и дело отрицательно мотал головой. Наконец о цене, похоже, договорились: Карвер вытащил кошелек и отсчитал несколько монет в протянутую ладонь туземца. Он, по-видимому, купил некие сведения; теперь заговорил туземец-маори — и говорил долго, сопровождая речь утрированными телодвижениями. Карвер повторил услышанное, чтобы лучше запомнить. Маори согласно покивал и что-то добавил. Наконец они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны: туземец-маори — на восток, к горам, а Карвер — на запад, к устью реки и к причалам.

А-Су прикинул, не последовать ли за Карвером на безопасном расстоянии, но решил, что не стоит: ему не хотелось бы спровоцировать встречу с этим человеком, пока должным образом к ней не подготовится. В настоящий момент он

не при оружии, а у Карвера наверняка при себе нож найдется, а то и огнестрельное что-нибудь: глупо подступаться к врагу, будучи в невыгодном положении. Вместо того А-Су кинулся вдогонку за туземцем-маори — тот как раз направлялся обратно в долину Арахуры ставить ловушку на птиц, закупившись в хокитикской скобяной лавке несколькими ярдами крепкой лески, а заодно и галетами — раскрошить на приманку.

А-Су нагнал молодого человека в следующем квартале и схватил его за рукав. И принялся уговаривать пересказать ему содержание разговора с Карвером, даже монету достал, давая понять, что готов за это заплатить. Те Рау Тауфаре мгновение бесстрастно глядел на него, затем пожал плечами, взял монету и пустился в объяснения.

За много месяцев до нынешнего дня, поведал Тауфаре, Фрэнсис Карвер предложил ему денежное вознаграждение за любые известия о человеке по имени Кросби Уэллс. Вскоре после того Карвер возвратился в Данидин, а Тауфаре — в Греймут; дороги этих двоих больше не пересекались. Но случилось так, что Тауфаре действительно познакомился с тем самым человеком, которого разыскивал Карвер, и со временем Кросби Уэллс стал его близким другом. Мистер Уэллс, добавил

Тауфаре, живет в долине Арахуры; в прошлом старатель, с недавних пор он целиком отдался постройке лесопилки.

(Тауфаре медленно говорил и выразительно жестикулировал; он, по-видимому, привык общаться при помощи рук и мимики и после каждой фразы делал паузу — убедиться, что его правильно поняли. А-Су обнаружил, что и впрямь отлично воспринимает смысл, притом что английский язык для обоих не был родным. Он шепотом повторял про себя имена и названия: долина Арахуры, Те Рау Тауфаре, Кросби Уэллс.)

Тауфаре объяснил, что вплоть до нынешнего утра — утра четырнадцатого января — с Карвером вообще не виделся. Еще и получаса не минуло, как он углядел Карвера в хокитикском порту и, вспомнив о предложении, сделанном много месяцев назад, решил, что вот она — неплохая возможность подзаработать. Он подошел к Карверу и объявил, что может сообщить ему известия о Кросби Уэллсе за определенную цену, если давнее предложение по-прежнему в силе, — а по-видимому, так оно и было. Они сошлись в цене (два шиллинга), и, едва монеты перешли из рук в руки, Тауфаре рассказал собеседнику, где живет Кросби Уэллс.

В том, что А-Су смог понять из повествования Тауфаре, не обнаружилось ничего, что могло бы пригодиться китайцу прямо сейчас; тем не менее он преучтиво поблагодарил туземца за полученные сведения и распрощался с ним. А затем возвратился в Каньер, где на солнечном пятачке перед входной дверью его уже дожидалась Анна Уэдерелл. Внезапно проникшись к ней нежностью (а любое напоминание о невзгодах прошлого переполняло А-Су покаянными чувствами в отношении настоящего), он подарил девушке свежую порцию в пол-унции, отрезав ее от брикета смолы, приобретенного у Притчарда не далее как нынче утром. Она завернула подарок в обрывок марли и засунула за ленту шляпы. Тогда А-Су зажег лампу, и они легли вместе и проснулись лишь тогда, когда с наступлением сумерек в воздухе повеяло прохладой; на том Анна распрощалась, а А-Су задумался об ужине.

Златокузнец А-Цю, которому все это излагалось очень быстро, осознал, что его впечатление от гостя стремительно меняется. А-Цю никогда не питал к А-Су особого уважения: тот вечно драпировался в колдовские завесы своего вонючего дыма, избегал общества других людей, проматывал скудные доходы в игорном доме, где молча

бросал кости да неизящно плевал на пол. Сейчас, глядя на А-Су, А-Цю думал, что ошибался, столь решительно ставя крест на репутации «шляпника». Сидящий перед ним человек теперь казался — каким? Добродетельным? Принципиальным? Все не то. Говорил он пылко, и ощущалось в этом пыле некое милое очарование и едва ли не простодушие. А-Цю, к вящему своему изумлению, осознал, что неприязни к гостю вовсе не испытывает. Ему льстило, что А-Су нынче ищет его общества и его доверия, и это удовольствие побуждало его к отзывчивости; более того, А-Цю до поры не догадывался о цели его прихода, и потому услышанная повесть изрядно его заинтриговала. На некоторое время он позабыл о своем неодобрении в том, что касалось ремесла А-Су и тошнотворного запашка дыма, пропитавшего одежду и волосы гостя.

А-Су умолк и положил в рот ложку соевого творога. Еще раз похвалил блюдо и вернулся к рассказу.

Ночью 14 января, сразу после встречи Фрэнсиса Карвера с Кросби Уэллсом, «Добрый путь» снялся с якоря, о чем А-Су несколько дней пребывал в неведении. Он оставался в Каньере, планируя логистику своего грядущего преступления. Он

чтил этикет, и ему очень хотелось, чтобы смерть Карвера была должным образом обставлена; однако ж пистолета у А-Су не было, равно как и ни у кого из его соотечественников, насколько он знал. Придется его тайно приобрести и самостоятельно научиться им пользоваться. Он только что потратил всю сумму, вырученную за золотой песок, на опиум из Притчардовой аптеки, и других денег в его распоряжении не было. Не попросить ли кого-нибудь из приятелей о ссуде? А-Су как раз обдумывал этот вопрос со всех сторон, когда из Хокитики пришли новые нежданные новости: Анна Уэдерелл предприняла неудачную попытку покончить с собой.

При этом известии А-Су чрезвычайно расстроился, хотя по зрелом размышлении понял, что не верит услышанному. Он решил, что в последней партии Притчардова опиума наверняка содержался яд. Аннин организм давно привык к наркотику, и доли унции явно недостало бы, чтобы девушка потеряла сознание на много часов и ее невозможно было привести в чувство. А-Су вернулся в Хокитику следующим же утром и тотчас же обратился к судовому агенту Притчарда, Томасу Балфуру, прося разрешения срочно с ним переговорить.

Так уж вышло, что именно этим самым утром (16 января) Балфур обнаружил, что упаковочный ящик с личными вещами Алистера Лодербека пропал из хокитикского порта; в результате грузоперевозчик был немногословен и крайне рассеян. Да, у «Судоперевозок Балфура» есть договор с Притчардом, однако Балфур к его грузам никакого отношения не имеет. Пожалуй, А-Су стоит обратиться к поставщику Притчарда: это брутального вида здоровяк, коренастый, крепко сложенный, со шрамом на щеке и угрюмого нрава. Звать — Фрэнсис Карвер. Может, А-Су с ним знаком?

Потрясенный А-Су по возможности не выдал своих чувств. Он спросил, как давно Карвер и Притчард стали компаньонами в бизнесе? Балфур не знал, но — поскольку Карвер с весны прошлого года показывался в Хокитике нечасто — предполагал, что сотрудничество этих двоих продолжается по меньшей мере с того времени. Странно, продолжал Балфур, что А-Су никогда с Карвером не сталкивался, раз они друг с другом знакомы! (Ибо это наглядно явствовало из выражения лица А-Су.) С другой стороны, не так уж и странно, учитывая, как редко Карвер удалялся от побережья и как редко А-Су бывал в городе.

Неужто он знает Карвера еще со времен Кантона? Да? Ну что ж, в таком случае и впрямь досадно, что они опять разминулись! Да-да, разминулись; мистер Карвер только что снялся с якоря. Два дня назад, если на то пошло. Какая жалость! И ведь наверняка он в Кантон поплыл, а значит, не скоро в Хокитику вернется.

Когда А-Су дошел в своем рассказе до этого момента, закипел чайник. А-Цю снял его с печки и заварил чай. А-Су помолчал, наблюдая, как чаинки медленно опускаются на дно его чашки и скапливаются там. После долгой паузы он продолжил.

Принимая предположение Балфура как данность — что Карвер отбыл из Хокитики в Кантон и назад приплывет лишь через несколько месяцев, — А-Су возвратился в Каньер обдумывать свой следующий шаг. От туземца-маори Тауфаре он знал, что перед самым отплытием Фрэнсис Карвер допытывался о некоем Кросби Уэллсе. Пожалуй, стоит обратиться к этому Кросби Уэллсу и расспросить его. Из недолгой беседы с Тауфаре ему запомнилось, что Уэллс живет в долине Арахуры, в нескольких милях вверх по реке от побережья. Китаец отправился туда и обнаружил, к вящему своему разочарованию, что хижина

стоит пустая: отшельник умер.

На протяжении всей последующей недели А-Су внимательнейшим образом следил за новостями, касающимися Уэллсовой собственности, не без оснований полагая, что смерть отшельника каким-то образом связана с отплытием Карвера. Это занятие поглощало его в течение почти восьми дней, пока этим самым утром, 27 января, если быть точным, он не сделал два открытия, немало его удививших.

А-Су уже собирался было сообщить о причине своего визита, как вдруг прогремел выстрел, — китаец вздрогнул от неожиданности, и с расчищенного участка перед дверью А-Цю донеслись крики:

— А ну выходи, подлый китаеза! Выходи и держи ответ как мужчина!

А-Су отыскал взглядом А-Цю. «Кто?» — молча вопросил он, и А-Цю ущипнул себя за губу, изображая отвращение: «Мэннеринг». Но в глазах его плескался страх.

В следующее мгновение полог из мешковины рывком отдернули и в проеме воздвигся Мэннеринг с револьвером в руке.

— Ишь расселись у горна — козни строят, не иначе! Оба, значит, тут замешаны, да? О тебе-то

я был лучшего мнения, Джонни Су! Чтоб ты — да стал мараться в таком дерьме? Вот уж точно желтая угроза!

Он шагнул в хижину — несколько менее угрожающе, нежели ему бы хотелось, поскольку при такой низкой притолоке ему пришлось пригнуться, — одной мускулистой ручищей обхватил А-Цю за пояс и приставил дуло смит-вессона к его виску. А-Цю застыл неподвижно.

— Итак, — произнес Мэннеринг, — я слушаю. Что у тебя там за делишки с Кросби Уэллсом?

Мгновение А-Цю не двигался вовсе. Затем качнул головой — еле-еле, поскольку ощущал, как на висок давит револьверное дуло. О Кросби Уэллсе он не знал ничего, сверх того немногого, что услышал только что от А-Су, а именно что тот жил отшельником в долине Арахуры и недавно скончался. Следом за Мэннерингом в комнату проскользнул бледный как смерть Чарли Фрост, а минуту спустя ворвалась колли по кличке Холли, мокрая насквозь. Она обежала тесное помещение по периметру, шумно пыхтя, и пару раз хрипло гавкнула, но никто и не подумал на нее шикнуть.

— Хорошо же, — промолвил Мэннеринг, так и не дождавшись ответа. — Я тогда по-другому

спрошу, идет? Скажи мне вот что, Джонни Цю. А что Кросби Уэллс делал с четырьмя тысячами фунтов золота с «Авроры»?

А-Цю оторопело хмыкнул. Золото с «Авроры»? — недоумевал он. Никакого золота с «Авроры» не существует! «Аврора» — это же участок-пустышка! И уж кому о том знать, как не Мэннерингу!

— Вот-вот! В банке из-под муки — доверху! — прорычал Мэннеринг. — Втиснуто в мехи. И в заварочный чайник. И в ящик для мяса. Ты меня понял, да? Четыре тысячи фунтов чистого золота!

А-Цю сосредоточенно свел брови: английский он понимал постольку-поскольку, но знал слово «золото», и «Аврора», и «тысяча», и было совершенно ясно, что Мэннеринг стремится вернуть какую-то потерю. Должно быть, речь идет о золоте из Аннинх платьев, подумал А-Цю, — о том самом золоте, что он обнаружил однажды днем: приподнял оборку — а она тяжелая, битком набитая самородками; это золото он по-тихому «отсасывал» — неделя за неделей, выдергивая нитки, по одному шву зараз, пока девушка спала тут, на кирпичной полке этой самой печи: растущая полусфера ее беременности поднималась и опадала в лад дыханию; а если вдруг кончик

иголки ненароком задевал ее кожу, Анна бормотала что-то неразборчивое. На протяжении недель и месяцев, последовавших за этим неожиданным открытием, китаец переплавлял металл и каждый брусок помечал клеймом с названием участка, с которым был связан контрактом, — то есть «Авроры», — прежде чем нести его на приемный пункт в Каньере…

— Четыре тысячи фунтов! — бушевал Мэннеринг; Холли возбужденно залаяла. — Эта распроклятая «Аврора» — пустышка, распроклятый отвал, вот что она такое! Я об этом знаю! Стейнз об этом знает! Сплошь пустая порода эта ваша «Аврора»! А теперь говори как на духу. Ты напал на жилу на «Авроре»? Золотоносный пласт раскопал? Отыскал пласт, плавил себе втихую золотишко и прятал в хижине у Кросби Уэллса? Говори, черт тебя дери! Уймись, Холли! Уймись!

Именно к руднику «Аврора», и ни к какому другому, А-Цю был привязан контрактом: по его условиям китайцу дозволялось извлекать прибыль только из руды, добытой на этом участке. Переплавив золото, извлеченное из Аннинх платьев, и пометив каждый брусок словом «Аврора», он нес слитки на приемный пункт при лагере, дабы их взвесили и положили в банк.

Однако, когда на первой неделе января опубликовали квартальную отчетность по «Авроре», потрясенный А-Цю обнаружил, что золото так и не было помещено в банк как прибыль с участка. Кто-то обчистил сейф на приемном пункте.

Мэннеринг посильнее ткнул А-Цю револьвером в висок и вновь призвал китайца к ответу, изрыгнув несколько ругательств, слишком непристойных, чтобы увековечить их на бумаге.

А-Цю облизнул губы. Для того чтобы во всем признаться, ему недоставало знания английского; он с грехом пополам припомнил несколько известных ему английских слов.

— Беда, — выговорил он наконец. — Совсем беда.

— Это точно, что беда, черт тебя раздери! — заорал Мэннеринг. — А сейчас я тебе еще не такую беду устрою. — Он ударил А-Цю по щеке рукояткой револьвера и вновь приставил дуло к его виску, больно свернув ему голову на сторону. — Так что лучше поразмысли-ка хорошенько о своих бедах, Джонни Цю. И лучше подумай-ка, как беду отвратить. А то я ж тебя пристрелю. Я ж на глазах у двух свидетелей у тебя в голове дырку проделаю, даже не сомневайся.

Но Чарли Фрост, не на шутку разволновавшись,

счел нужным вмешаться.

— А ну, прекрати, — потребовал он.

— Чарли, заткнись.

— Не заткнусь, — отрезал он. — Опусти револьвер.

— Ни за что на свете.

— Ты его с толку сбиваешь!

— Чушь.

— Да точно!

— Я говорю на том единственном языке, который он способен понять.

— У тебя блокнот с собой!

Чарли, конечно же, был прав. Спустя мгновение, словно идя на уступку, Мэннеринг убрал револьвер от виска А-Цю. Но в кобуру не спрятал. Минуту помешкав и взвесив оружие в руке, он вновь навел револьвер, только на сей раз не на А-Цю, а на А-Су: из этих двоих А-Су владел английским не в пример лучше. Наставив дуло точно в лицо А-Су, Мэннеринг объявил:

— Я хочу знать, не обнаружилась ли, часом, на «Авроре» золотая жила, — и мне нужна правда. А ну, спроси его.

А-Су перевел соотечественнику вопрос Мэннеринга на кантонский диалект; тот пространно ответил. В подробностях пересказал историю

золотого прииска «Аврора»: поведал, как Мэннеринг «солил» участок, а впоследствии его откупил Стейнз; объяснил причину, по которой впервые стал переплавлять добытый за неделю металл, а потом и помечать бруски названием рудника, к которому был привязан контрактом; заверил А-Су, что «Аврора», насколько ему известно, вообще никакой ценности не представляет, — за последние полгода там и в россыпях-то руды было — кот наплакал. Мэннеринг переминался с ноги на ногу и смотрел волком. Все это время Холли кругами носилась по комнате, ухмыляясь во всю пасть и колотя по полу пышным хвостом. Чарли Фрост дал ей лизнуть руку.

— Самородок — нет, — перевел А-Су, как только А-Цю закончил рассказ. — Золотая жила — нет. А-Цю говорит, «Аврора» — пустышка.

— Значит, треклятый подонок врет и не краснеет, — объявил Мэннеринг.

— Дик! — возразил Фрост. — Ты ж сам говорил, что «Аврора» ни на что не годна!

— Именно что! — заорал Мэннеринг. — Тогда откуда, черт подери, все это золото — все, между прочим, переплавлено этим вот грязным язычником и в этой самой комнате! Или он в сговоре с Кросби Уэллсом? А ну, спроси его!

Он пригрозил А-Су револьвером, и тот, переспросив на всякий случай А-Цю, заверил:

— Он Кросби Уэллса не знать.

А-Су запросто поделился бы с Мэннерингом своими собственными сведениями — теми сведениями, из-за которых он и пришел нынче к А-Цю, ища его совета, — но метод Мэннеринга вести допрос китайцу чрезвычайно не понравился, и он решил, что магнат помощи не заслуживает.

— А как тогда насчет Стейнза? — спросил Мэннеринг у А-Су. В его ярости зазвенело безысходное отчаяние. — Как насчет Эмери Стейнза? Ага! — *это* имя тебе знакомо, Джонни Цю, — ну конечно знакомо! Давай выкладывай: где он?

Как и прежде, вопрос был донесен до А-Цю с помощью А-Су.

— Он не знать, — снова перевел А-Су, едва А-Цю договорил.

— Ах, он не знать? — вскипел Мэннеринг. — Он не знать? Что-то он много всего не знать, Джонни Су, ты не находишь?

— Так он ничего тебе не скажет! — воскликнул Фрост.

— Заткнись, Чарли, слышишь!

— Не заткнусь!

— Это не твое дело, черт раздери. Не мешайся

под ногами.

— Если прольется кровь, это будет еще какое мое дело, — возразил Фрост. — Опусти ствол.

Но Мэннеринг снова ткнул револьвером в А-Су.

— Ну? — прорычал он. — И спрячь этот глупый вид к себе в карман, а не то я сам его с твоей физиономии сотру. Я теперь *тебя* спрашиваю — не его, не Джонни Цю, — я *тебя* спрашиваю, Су. *Ты* что знаешь про Стейнза?

А-Цю переводил взгляд с одного гостя на другого.

— Мистер Стейнз очень милый человек, — любезно сообщил А-Су.

— Ах, милый, говоришь? А не будешь ли так добр поведать, и куда бы этот милый человек мог подеваться?

— Он уйти, — откликнулся А-Су.

— Да ну? — не отступался Мэннеринг. — Вот прямо так вот взял да и снялся с места? Бросил все свои участки? Кинул всех своих друзей-знакомых и никому не сказался?

— Да, — кивнул А-Су. — Так в газете было.

— А теперь объясни почему, — настаивал Мэннеринг. — С какой стати он такой фортель выкинул?

— Я не знать, — покачал головой А-Су.

— Да вы дурачками прикидываетесь, причем оба! — рявкнул Мэннеринг. — В последний раз спрашиваю — говорю медленно и четко, чтоб вы поняли. Речь идет об огромном состоянии. Его на днях обнаружили в хижине покойного. И все это золото — все, до последней чешуйки, — переплавлено в слитки, на которых стоит клеймо «Аврора». А это, между прочим, подпись моего доброго старого друга Цю, и, если он вздумает отрицать самоочевидное, пусть гниет в аду. Так вот что я хочу знать. Это золото действительно с «Авроры» или нет? Спроси-ка у него. Да или нет?

А-Су перевел вопрос для А-Цю, и тот решил, учитывая серьезность ситуации, отвечать правду. Да, он обнаружил золотую жилу, и нет, не на прииске «Аврора», хотя, переплавляя золото, действительно оттискивал на брусках это название, чтобы прибыль, хотя бы частично, вернулась к нему. Он объяснил, что, как ни странно, золото носила на себе Анна Уэдерелл — зашитым в швы платья. Он впервые сделал это открытие около полугода назад и, пораскинув мозгами, решил про себя, что Анна, по-видимому, незаконно переправляет драгоценный металл по чьему-то поручению. Он знал, что Анна Уэдерелл в числе прочих девок ра-

ботает на Мэннеринга, знал и то, что Мэннерингу уже случалось подделывать свои финансовые отчеты. Разумно было заключить, что Мэннеринг использует Анну Уэдерелл для перевозки золота из ущелья, чтобы не платить пошлину в банке.

— Что он говорит? — насторожился Мэннеринг. — Каков его ответ?

— Он рассказывает какую-то жутко длинную историю, — отозвался Фрост.

Так и было — и теперь уже А-Су себя не помнил от изумления. Анна Уэдерелл скрывала на себе целое состояние? Анна, которой Мэннеринг и кошелька бы не доверил, чтоб ненароком не украли? Да немыслимо!

А-Цю между тем продолжал.

Он не мог позабыть свою давнюю обиду на Дика Мэннеринга, ибо именно Мэннерингу, и никому другому, китаец был обязан тем, что поневоле оставался привязан к участку-пустышке. И вот он шанс одновременно отомстить и заработать себе свободу. А-Цю стал приглашать Анну Уэдерелл к себе каждую неделю, всякий раз — когда она уже была одурманена опиумом, ведь от А-Су она всегда выходила сонная и отупелая; как правило, она засыпала, едва переступив порог дома, убаюканная жаром печки. Это А-Цю вполне устра-

ивало. Как только Анна уютно укладывалась на кирпичном ложе этой самой печи, китаец принимался потрошить ее платье с помощью иголки и нитки. Крохотные самородки, зашитые по краю подола, он подменял кусочками свинца, чтобы, проснувшись, девушка не заметила, насколько легче сделалась ткань. Если гостья начинала ворочаться во сне, он подносил к ее губам чашку с горячительным напитком и заставлял выпить до дна. А-Цю попытался объяснить, как именно золото спрятали в оборках Аннинх платьев, но, поскольку железная хватка Мэннеринга так и не разжалась, дополнить описание жестами он никак не мог и прибег к метафоре, рассказывая, как драгоценный металл был вшит в ее корсет и в лиф, «точно доспехи», выразился он, — и А-Су, всегда питавший слабость к поэтическим оборотам, заулыбался. Всего у Анны было четыре платья, сообщил А-Цю, и в каждом, по его подсчетам, содержалось приблизительно на тысячу фунтов чистого золота. Так А-Цю трудился, пока не опустошил все платья, переплавил все до последней чешуйки в именные слитки и каждый из них пометил названием участка, к которому был привязан, как если бы добыл это золото законным и честным путем в гравийном карьере «Авроры».

Поначалу, добавил А-Цю, он себя не помнил от радости: как только удастся выплатить залог, он сможет наконец вернуться в Гуанчжоу, причем богатым человеком.

— Ну? — прикрикнул Мэннеринг на А-Су, нетерпеливо топнув ногой. — О чем речь-то? Что он такое болтает?

Но А-Су напрочь позабыл о своей переводческой роли. Он потрясенно глядел на А-Цю во все глаза. Что за невероятная история! Тысячи фунтов… На протяжении многих месяцев Анна носила на себе *тысячи* фунтов! Да такого богатства хватило бы на дюжину человек — чтоб отошли от дел да зажили в роскоши! На эту сумму Анна могла бы скупить всю набережную… и еще осталась бы при деньгах! Но где этот клад сейчас?

В следующее мгновение А-Су все понял.

– *Sei qin*, — выдохнул он.

Выходит, баснословное богатство, извлеченное А-Цю из Аннинх платьев, по какой-то прихоти судьбы или в силу ошибки, в итоге оказалось во владении отшельника Кросби Уэллса. Но что стоит за этой ошибкой — и кто виноват?

— Говори по-английски! — рявкнул Мэннеринг. — По-английски, дьявол тебя разрази!

Внезапно разволновавшись не на шутку, А-Су

спросил у А-Цю, как именно клад мог оказаться в хижине Уэллса. А-Цю с горечью заверил, что понятия не имеет. Вплоть до сегодняшнего дня он о Кросби Уэллсе слыхом не слыхивал. Насколько ему известно, последний, кто держал в руках злополучное переплавленное золото, — это нынешний владелец «Авроры» Эмери Стейнз, а Стейнз, сами видите, как сквозь землю провалился. А-Цю объяснил, что в конце каждого месяца именно Стейнз отвозил добытое на «Авроре» золото с приемного пункта при лагере в Резервный банк, — и, со всей очевидностью, эта обязанность исполнена не была.

— Все, что я слышу, — тарабарщина и чушь какая-то, — объявил Мэннеринг. — Если ты не скажешь мне, что, собственно, происходит, Джонни Су, — вот так и знай…

— Они договорили, — вмешался Фрост. — Погоди малость.

А-Су нахмурился. Неужто Эмери Стейнз в самом деле крал золото из собственного сейфа только для того, чтобы припрятать переплавленные слитки в отшельнической хижине, в двенадцати милях от пункта приемки? Где тут логика? Зачем Стейнзу воровать свое собственное добро, только чтобы подарить его другому человеку?

— Считаю до пяти! — рявкнул Мэннеринг, багровея. — Раз!

А-Су наконец вскинул глаза на Мэннеринга и вздохнул.

— Два!

— Я все скажу, — промолвил А-Су, поднимая руки.

Но рассказать-то надо так много… и как вместить объяснение в несколько знакомых ему слов? Он на мгновение задумался, пытаясь вспомнить английское слово «доспех», дабы сохранить поэтическую метафору А-Цю. Наконец он откашлялся и произнес:

— Золотая жила не с «Авроры». Анна носить тайком доспех, из золота сделан. Цю Лун найти секретный золотой доспех на Анне. Цю Лун пытаться положить в банк доспешное золото как будто с «Авроры». Тогда вор Стейнз красть у Цю Луна.

Дик Мэннеринг, естественно, понял все не так.

— То есть золото не с «Авроры», — повторил он. — Эмери где-то напал на золотую жилу, но хранил дело в тайне — пока ее не обнаружил наш Цю. Тогда Цю попытался положить в банк золото Эмери как прибыль с «Авроры», так что мистер Стейнз все забрал.

Ну и запутанная же история! А-Су быстро и взволнованно заговорил с А-Цю на кантонском диалекте, что Мэннеринг, по-видимому, расценил как подтверждение.

— А где мистер Стейнз сейчас? — осведомился он. — Больше ни о чем не спрашивай. Только об этом. Где сейчас мистер Стейнз?

А-Су послушно прервался и перевел вопрос. На сей раз в тоне А-Цю зазвенело неподдельное горе. Он отвечал, что в последний раз говорил с Эмери Стейнзом в декабре, но очень хотел бы увидеться с ним снова, ведь только после того, как в начале января был опубликован ежеквартальный отчет по «Авроре», он осознал, что его облапошили. Золото, найденное им в платьях Анны, так и не было положено в банк как прибыль с «Авроры», как он рассчитывал, и Цю Лун не сомневался, что в этой ошибке повинен мистер Стейнз. Однако к тому времени, как китаец это понял, мистер Стейнз исчез. А куда он мог подеваться, А-Цю понятия не имел.

А-Су обернулся к Мэннерингу и повторил еще раз:

— Он не знать.

— Дик, ты это слышал? — подхватил Чарли Фрост из своего угла. — Не знает он!

Мэннеринг пропустил его слова мимо ушей. По-прежнему целясь в лицо А-Су, он заявил:

— Скажи ему: если он со мной ведет нечестную игру, так я тебя убью. — Он поиграл оружием, давая понять, что не шутит. — Вот так ему и скажи: либо Джонни Цю заговорит, либо Джонни Су умрет. Скажи ему. Вот прямо сейчас скажи.

А-Су послушно перевел угрозу А-Цю, тот не ответил ни словом. Повисло молчание, — похоже, каждый ждал, что заговорит кто-то другой, — и тут внезапно Мэннеринг одним молниеносным движением правой руки толкнул А-Цю вперед, ухватил его за косичку и резко дернул его голову назад, по-прежнему целясь в А-Су. А-Цю не издал ни звука, но глаза его мгновенно наполнились слезами.

— По китайцу плакать никто не станет, — заявил Мэннеринг А-Су. — Тем паче в Хокитике. Интересно, и как этот твой приятель станет объясняться с комиссаром полиции? Небось запричитает: «Беда! Су помер — в долине беда». А что на это скажет комиссар полиции? — Мэннеринг больно дернул А-Цю за косичку. — Скажет: «Джонни Су? Этот „шляпник“, который дурманом балуется, так? Валяется едва не каждый вечер в отключке да драконов видит? Это который прода-

ет отравленную смолу китаезам да никчемным шлюхам? Помер, говорите? Ну а мне-то, ради всего святого, что за дело?»

Мэннеринг просто-таки брызгал ядом, вопреки обыкновению, — ведь они с А-Су всегда неплохо ладили, но, если А-Су и разозлился или обиделся, он ничем этого не выказал. Он глядел на Мэннеринга стеклянным взглядом, не моргая и не отводя глаз. А-Цю, с оттянутой назад головой, так что под кожей шеи обозначились мышцы, тоже застыл неподвижно.

— Не яд, — проговорил А-Су спустя мгновение. — Я Анну не травить.

— А я так тебе скажу: ты Анну каждый день травишь, — отрезал Мэннеринг.

— Дик, — взмолился Фрост, — сейчас ведь речь не об этом!..

— Не об этом?! — заорал Мэннеринг.

Он прицелился в точку где-то в футе от головы А-Су и спустил курок. Прогремел выстрел, А-Су испуганно вскрикнул и вскинул руки, от пробитого отверстия с дробным шорохом посыпался измельченный щебень.

— Речь вот о чем! — взревел Мэннеринг. — Анна Уэдерелл валяется в отключке в грязном притоне вот *этого* человека, — он ткнул револь-

вером в сторону А-Су, — шесть дней из семи. *Этот* человек, — Мэннеринг яростно рванул А-Цю за волосы, — называет Стейнза вором. Он, по-видимому, раскрыл какой-то секрет, имеющий отношение и к золотой жиле, и к кладу. Я знаю доподлинно, что Анна Уэдерелл была с Эмери Стейнзом в ту ночь, когда он исчез, — а это, между прочим, та же самая ночь, когда клад обнаружился в *весьма* неожиданном месте, а Анна, чтоб ее, потеряла рассудок! Дьявол тебя подери, Чарли, ты еще будешь мне указывать, о чем тут речь идет или не идет!

В следующее мгновение все четверо заговорили одновременно.

– *Li goh sih hai ngh wiuh…* — выдохнул А-Цю.

— Если ты так уверен насчет «Авроры»… — начал было Фрост.

— *'Ngor moh zou chor yeh…* — пробормотал А-Су.

— Ну кто-то же передал это золото Кросби Уэллсу! — промолвил Мэннеринг.

И тут из-за спины Чарли Фроста донесся новый голос:

— Что, ради всего святого, тут происходит?

Это подоспел комиссионер Харальд Нильссен. Он поднырнул под низкую притолоку и потрясенно обвел взглядом комнату. Колли метнулась

к нему и принялась обнюхивать полы его пиджака и манжеты. Нильссен, нагнувшись, ухватил собаку за загривок.

— Что происходит? — повторил он. — Да ради бога, Дик, — ты так орешь, что тебя за пятьдесят шагов слышно! Эти сыны Небесной империи аж все из окон повысовывались!

Мэннеринг крепче вцепился в косичку А-Цю.

— Харальд Нильссен! — воскликнул он. — Свидетель обвинения! Ты-то нам и нужен!

— А ну тихо! Лежать! — Нильссен заставил Холли лечь на пол и накрыл ладонью ее голову, успокаивая собаку. — Тихо! Того гляди полицейский на шум примчится. Что это ты тут вытворяешь?

— Ты ж побывал в хижине у Кросби, — продолжал Мэннеринг, даже не позаботившись понизить голос. — Ты ж видел, что золото было переплавлено, — видел, да? Этот желтый дьявол из нас тут дураков делает!

— Да, — кивнул Нильссен. И несколько неуклюже попытался стряхнуть с пальто капли дождя. — Я видел, что золото переплавлено. Собственно говоря, по этой самой причине я здесь. Но ты мог бы задать тот же вопрос спокойно, без лишнего шума. Мы тут, вообще-то, не одни.

— Видишь? — обернулся Мэннеринг к А-Цю. — Вот еще один человек пришел помочь развязать тебе язык! Еще один человек, чтобы взять тебя на прицел!

— Прошу прощения, — поправил Нильссен. — Я пришел вовсе не затем, чтобы брать кого-то на прицел. И я не поленюсь спросить снова: что это ты тут вытворяешь? Потому что при любом раскладе выглядит это все безобразно.

— Он доводам рассудка вообще не внемлет, — встрял Фрост, спеша отмежеваться от преслову-того безобразия.

— Пусть парень сам за себя скажет! — рявкнул Нильссен. — Что происходит?

Ответ Мэннеринга, повышенно эмоциональный и не вполне точный, мы опустим; опустим и последовавшие за ним дебаты, в ходе которых Мэннеринг и Нильссен обнаружили, что явились в Чайнатаун с одной и той же целью; а Фрост, безошибочно почуявший, что комиссионер питает на его счет некоторые подозрения в связи с куплей-продажей Уэллсовой недвижимости, угрюмо хранил молчание. Разбирательство заняло некоторое время, и лишь десять минут спустя разговор наконец-то вернулся к златокузнецу А-Цю, которого до сих пор держали за загривок в позе

крайне неудобной и унизительной. Мэннеринг предложил вообще оттяпать злополучную косичку, дабы донести до китайца всю серьезность происходящего; с этими словами он подергал А-Цю за волосы, так что голова бедняги мотнулась туда-сюда, — подергал с явным наслаждением, словно взвешивая добычу. Однако этический кодекс Нильссена не позволял унижать ближнего, так же как эстетические взгляды не допускали безобразия; он вновь озвучил свое недовольство, спровоцировав ссору с Мэннерингом, — что еще больше отдалило освобождение А-Цю, а Холли привело в состояние буйного, необузданного экстаза.

Наконец Чарли Фрост, на которого до сего момента благополучно не обращали внимания, предположил, что, возможно, китайцы просто не поняли логики расспросов Мэннеринга. Он подсказал, что надо бы снова задать А-Су те же самые вопросы, но на сей раз в письменной форме; так можно быть уверенными, что в ходе перевода ничего не потерялось. Нильссен счел идею разумной и всячески ее поддержал. Мэннеринг был разочарован, но он остался в меньшинстве, и потому ему пришлось согласиться. Он выпустил А-Цю, вернул револьвер в кобуру и извлек из кар-

мана жилета блокнот, дабы составить вопрос с помощью китайской письменности. Этим своим артефактом Мэннеринг заслуженно гордился. Страницы были скомпонованы на манер букваря: над китайскими иероглифами вписаны их английские значения; Мэннеринг придумал также специальный указатель, с помощью которого иероглифы можно было составлять вместе в слова более длинные. Фонетический перевод отсутствовал, и по этой причине блокнот порою порождал больше путаницы, нежели устранял, но в целом это был оригинальный и весьма полезный разговорник. Мэннеринг, высунув от усердия язык, как всегда при чтении или письме, принялся листать страницы.

Но прежде чем Мэннеринг отыскал нужный вопрос, А-Су уже на него ответил. «Шляпник» поднялся со своего места рядом с кузней — теперь, когда и он стоял на ногах, комната вдруг показалась совсем крошечной — и откашлялся.

— Я знать секрет Кросби Уэллса, — сообщил он.

Вот что он обнаружил в Каньере этим самым утром; вот что он пришел обсудить с А-Цю.

— Что такое? — насторожился Мэннеринг. — Ну же!

— Он был в Данстане, — сообщил А-Су. — На

Отагском прииске.

Мэннеринг разочарованно обмяк.

— И что с того? — огрызнулся он. — Тоже мне тайна! Кросби Уэллс — в Данстане! Ну и когда он был, этот Данстан? Два года назад, если не три. Да я сам был в Данстане! Да все жители в Хокитике в Данстане перебывали!

— А ты там с Уэллсом не встречался, часом? — поинтересовался Нильссен у Мэннеринга.

— Нет, — покачал головой Мэннеринг. — В глаза не видел. Зато я его жену знавал. Со времен Данидина.

— Ты был знаком с его женой? — удивился Нильссен. — Со вдовицей то есть?

— Да, — коротко отрезал Мэннеринг, не вдаваясь в подробности. И перелистнул страницу. — А вот с Кросби — не был. Они к тому времени разошлись. А теперь тихо, вы, все, а то с мыслями собраться не даете.

* * *

— Данстан, — повторил Уолтер Мади, пощипывая подбородок большим и указательным пальцем.

— Это Отагский прииск.

— В Центральном Отаго[38].

— Данстан уже не тот, что прежде. Сегодня там разве что бедные руды разрабатывают в промышленном масштабе. Но в свое время это было золотое дно.

— За сегодняшний вечер этот рудник упоминается уже второй раз, я прав? — уточнил Мади.

— Вы абсолютно правы, мистер Мади.

— Погодите, это с какой бы стати он прав?

— Золото, с помощью которого шантажировали мистера Лодербека, было с Данстанского прииска. Так Лодербек сказал.

— Именно, так сказал Лодербек, — кивнул Мади. — И меня гложут сомнения, а по чистой ли случайности мистер Лодербек столь небрежно упомянул название этого прииска в разговоре с мистером Балфуром нынче утром?

— Что вы хотите этим сказать, мистер Мади?

— Разве вы ему не доверяете — ну, Лодербеку?

— С моей стороны было бы в высшей степени неразумно не доверять мистеру Лодербеку, — возразил Мади, — учитывая, что я в жизни с этим человеком не сталкивался. Я прекрасно сознаю, что существенные подробности его истории

---

[38] Сноски: 38

Центральный Отаго — один из четырех округов региона Отаго.

мною получены из вторых, а в ряде случаев и из третьих рук. Вот взять, например, упоминание про Данстанский золотой прииск. Фрэнсис Карвер, по-видимому, назвал его мистеру Лодербеку, а тот в свою очередь поведал об этой встрече мистеру Балфуру, а тот в свой черед пересказал этот разговор *мне* — нынче вечером! Вы все согласитесь, что глуп я был бы, если бы принял слова мистера Балфура на веру.

Но Мади неверно судил о своей аудитории, подвергая сомнению такой деликатный предмет, как истину. Последовал взрыв негодования:

— Как — вы не доверяете человеку, который рассказывает свою собственную историю?

— Я ж все пересказал как есть, мистер Мади!

— А что еще он может вам поведать сверх того, что услышал сам?

Мади несколько опешил.

— Я вовсе не считаю, будто вы искажаете или замалчиваете какие-либо факты, — отвечал он, на сей раз осторожнее подбирая слова. Он переводил взгляд с одного лица на другое. — Мне только хотелось отметить, что не следует чужую правду принимать безоговорочно.

— Почему нет? — раздалось сразу несколько голосов.

Мади помолчал минуту, размышляя.

— В зале суда, — наконец произнес он, — свидетель дает клятву говорить правду, то есть свою собственную правду. Он соглашается на два условия. Его показания должны составлять *всю* правду, и его показания не должны быть *ничем*, кроме правды. Но лишь второе из условий действительно ограничивает. Первое, конечно же в известной степени, остается на усмотрение свидетеля. Под «всей правдой» мы подразумеваем все факты и впечатления, имеющие отношение к делу. А то, что не имеет отношения к делу, не только несущественно, но во многих случаях намеренно вводит в заблуждение. Джентльмены, — это собирательное обращение прозвучало странно, учитывая, сколь разношерстная компания собралась в комнате, — я стою на том, что не существует «всей правды», есть лишь правда, уместная в данном конкретном случае или неуместная, а уместность, согласитесь, всегда зависит от точки зрения. Я не думаю, что кто-то из вас сегодня в чем-то лжесвидетельствовал. Я верю, что вы говорили мне правду, и ничего, кроме правды. Но точек зрения существует великое множество, и прошу меня извинить, если я не смогу воспринять вашу повесть как некое

единое целое.

В комнате повисло молчание, и Мади понял, что задел чужие чувства.

— Безусловно, — добавил он уже тише, — я опережаю события; рассказ ведь еще не окончен. — Он обвел взглядом собравшихся. — Мне не следовало перебивать. Повторяю, что никого не хотел обидеть. Пожалуйста, продолжайте.

* * *

Чарли Фрост с любопытством воззрился на А-Су.

— А почему вы так сказали, мистер Су? — переспросил он. — Почему вы сказали, будто знаете секрет Кросби Уэллса?

А-Су смерил Фроста оценивающим взглядом.

— Кросби Уэллс нарыл залежь в Данстане, — отвечал он. — Много большущий самородок. Очень свезло ему.

— Кросби Уэллс напал на золотую жилу? — встрепенулся Нильссен.

Мэннеринг тоже поднял глаза:

— Что? Золотую жилу нашел? Насколько богатую?

— В Данстане, — повторил Су Юншэн, по-прежнему не сводя взгляда с Фроста. — Очень свезло

ему. Золотое дно. Большое богатство.

Нильссен шагнул вперед, что изрядно раздосадовало Фроста, ведь, в конце концов, не он ли подсказал эту новую линию допроса? Но и Нильссен, и Мэннеринг — оба словно напрочь позабыли о его существовании.

— Как давно? — расспрашивал Нильссен. — Когда?

— Два. — А-Су поднял два пальца.

— Два года назад! — ахнул Мэннеринг.

— Сколько? Сколько золотишка-то? — допытывался Нильссен.

— Много тысяч.

— Но сколько именно — четыре? — Нильссен поднял четыре пальца. — Четыре тысячи?

А-Су пожал плечами: он не знал.

— А вы как об этом проведали, мистер Су? — поинтересовался Фрост. — Откуда вам известно, что мистер Уэллс нарыл в Данстане «билет домой»?

— Я спросить эскорт, — объяснил А-Су.

— И банку не доверился! — воскликнул Мэннеринг. — Чарли, ты представляешь? Не доверился банку!

— А чей эскорт? «Гиллиганз»? Или «Грейсвуд и Спирз»? — полюбопытствовал Нильссен.

— «Грейсвуд и Спирз».

— Итак, Кросби Уэллс нашел в Данстане золотую жилу и нанял «Грейсвуд и Спирз», чтобы переправить добычу с прииска? — уточнил Фрост.

— Да, — кивнул А-Су. — Очень хорошо.

— То есть Уэллс все это время сидел на золотом дне! — покачал головой Нильссен. — И это действительно были его деньги! А мы-то никто не верили.

Мэннеринг указал пальцем на А-Цю.

— А как насчет вот этого? — спросил он. — Он все знал?

— Нет, — отозвался А-Су.

— Тогда нам-то что, черт подери, за дело до всей этой истории? Это ж его работа, помните — его работа, все то, что нашлось в хижине Кросби! Слитки, переплавленные Джонни Цю собственноручно!

— Может, они с Кросби Уэллсом стакнулись? — предположил Фрост.

— Это так? — переспросил Нильссен. Он указал на А-Цю и повторил: — Они с Кросби Уэллсом были заодно?

— Он не знать Кросби Уэллса, — отвечал А-Су.

— Ох, господи ты боже мой, — вздохнул Мэннеринг.

Харальд Нильссен переводил испытующий взгляд с одной китайской физиономии на другую, словно рассчитывая уличить этих двоих в тайном сговоре. Нильссен относился к китайцам с большим подозрением, поскольку ни с одним не был знаком лично; его убеждения на эмпирическом опыте не основывались, и, на самом-то деле, опыт зачастую безоговорочно доказывал их ошибочность, хотя никакие опровержения не способны были изменить его образ мыслей. Он давным-давно решил про себя, что китайцы — народ вероломный и двуличный, и только так их и воспринимал, какие бы уж доказательства обратного ни подбрасывала ему жизнь. Теперь, глядя на А-Цю, Нильссен вспомнил про теорию заговора, изложенную ему Джозефом Притчардом несколькими часами ранее. «Если *нас* подставили, то *его*, возможно, тоже».

— Кто-то за всем этим стоит, — проговорил Нильссен. — Кто-то еще тут задействован.

— Да, — кивнул А-Су.

— Кто же? — нетерпеливо воскликнул Нильссен.

— Да ты от него никакого толку не добьешься, — вмешался Мэннеринг. — Зря только время теряешь, точно тебе говорю.

Но «шляпник», вопреки ожиданиям, ответил, и слова его ошеломили всех присутствующих.

— Те Рау Тауфаре, — произнес он.

Венера в Козероге

Глава, в которой вдова делится своей философией удачи; надежды Гаскуана терпят крах, а мы узнаем нечто новое о Кросби Уэллсе.

Выйдя из «Гридирона», Обер Гаскуан направился прямиком в гостиницу «Путник», обозначенную раскрашенной вывеской, что болталась на двух коротких цепях на выступающем брусе. Никаких слов на вывеске не было, лишь нарисованный силуэт пешехода с высоко вздернутым подбородком, с оттопыренными локтями и узелком на плече — под стать Дику Уиттингтону[39]. По лихой развязности его позы разумно было предположить, что эти меблированные комнаты предназначены исключительно для мужчин; и действительно, заведение в целом словно бы

[39] Сноски: 39

Ричард Уиттингтон — английский средневековый купец, чья биография легла в основу известной народной сказки и одноименной пантомимы. Это история о бедном мальчике, который отправился из родной деревни в Лондон, чтобы заработать себе состояние, спустя некоторое время, отчаявшись, решил вернуться обратно, но его остановил звон колоколов: в нем прозвучало предсказание, что он станет трижды лорд-мэром Лондона.

подчеркнуто отмежевывалось от всего женского, о чем наглядно свидетельствовала медная плевательница на веранде, уборная под навесом во дворе и отсутствие штор. Но на самом-то деле то были признаки скорее экономии, нежели сознательной политики: гостиница «Путник» не проводила различия между полами и твердо придерживалась правила не задавать жильцам лишних вопросов, ничего им не обещать и взимать лишь самый низкий тариф за ночь. При таких условиях человек, разумеется, готов много с чем мириться; именно так и рассудила миссис Лидия Уэллс, проживающая ныне в гостинице, истинный гений по части бережливости.

Лидия Уэллс вечно принимала томные позы, чтобы со смехом встрепенуться, стоило кому-нибудь приблизиться. Гаскуан застал ее в гостиной «Путника»: Лидия возлежала на диване, покачивая пальцем ноги тапочку, вальяжно отведя одну руку и запрокинув голову на подушку; в другой руке она сжимала роман карманного формата, как если бы книга была необходимым аксессуаром обморока. Ее нарумяненные щеки и возбужденный вид были сфабрикованы за несколько секунд до появления Гаскуана, хотя он о том и не подозревал. Все это наводило его на

мысль, как Лидией и задумывалось, будто читает она нечто пикантно-непристойное.

Когда Гаскуан постучал в дверную раму (только из вежливости, ведь дверь была открыта), Лидия Уэллс словно очнулась, широко распахнула глаза и рассмеялась серебристым смехом. Она резко захлопнула книгу, а затем небрежно бросила ее на оттоманку, так, чтобы и обложка, и название предстали гостю во всей красе.

Гаскуан поклонился. Выпрямившись, он задержался взглядом на хозяйке, наслаждаясь зрелищем, ибо Лидия Уэллс была женщиной роскошной, истинной отрадой для глаз. Ей, вероятно, уже исполнилось сорок, хотя она сошла бы и за зрелую тридцатилетнюю, и за моложавую пятидесятилетнюю; точную цифру она скрывала. Она вступила в тот неопределенный средний возраст, что всегда словно бы привлекает внимание собственной неопределенностью, ибо, когда Лидия вела себя по-девчачьи, эта девичья непосредственность лишний раз подчеркивалась благодаря прожитым летам, а когда Лидия вела себя благоразумно, благоразумие это казалось тем более впечатляющим в существе столь юном. В ее чертах было что-то лисье: чуть раскосые глаза и вздернутый нос наводили на мысль о зверьке

чутком и любопытном. А еще — полные губы и зубы изящные и ровные, когда она их показывала. И волосы — как красная медь; такой цвет мужчины называют рыжим, а женщины — каштановым; он темнеет при движении, как пламя. Сейчас волосы были стянуты назад в замысловатый шиньон из сплетенных кос, он закрывал и затылок, и темя. На Лидии было полосатое платье из серого шелка: этот темный оттенок отчего-то не вполне подходил к траурному платью, точно так же как и выражение лица Лидии как-то не вязалось с образом зрелой женщины, равно как и юной девушки. Платье дополнялось высоким воротничком на пуговичках, собранным в сборки турнюром и рукавами типа «баранья лопатка» — пышными у плеча и узкими от локтя до запястья, — их раздутые округлости подчеркивали полную грудь Лидии и умаляли ее талию. На концах этих громадных рукавов ее руки — сейчас Лидия восторженно всплеснула ими, завидев Гаскуана в дверях, — казались совсем крохотными и очень хрупкими, точно у куклы.

— Мсье Гаскуан, — проговорила она, с наслаждением растягивая это имя, — но вы один!

— Позвольте передать вам ее глубокие сожаления, — отозвался Гаскуан.

— Вы передаете, а я испытываю. — И Лидия смерила его взглядом. — Дайте угадаю: мигрень?

Гаскуан покачал головой и пересказал сколь можно вкратце историю о том, как Аннин пистолет дал осечку в ее руках. Говорил он правду. Лидия встревоженно ойкала и забрасывала его вопросами; он отвечал подробно и исчерпывающе, но в полном изнеможении, так что в горле что-то вибрировало. Наконец хозяйка сжалилась над ним и предложила сесть и пропустить глоток; и то и другое он принял охотно и с облегчением.

— Боюсь, у меня только джин, — посетовала Лидия.

— Джин с водой мне в самый раз. — Гаскуан присел в кресло поближе к дивану.

— Вонючая дрянь — вот что оно такое, — с чувством откомментировала Лидия. — Придется вам изобразить мужественную улыбку и вытерпеть. Надо было мне привезти с собою из Данидина ящик чего-нибудь — эх, задним умом-то мы все крепки. Я в этом городишке ни глотка приличного спиртного не нашла.

— У Анны в комнате стоит бутылка испанского бренди.

— Испанского? — заинтересовалась Лидия.

— «Херес-де-ла-Фронтера», — кивнул Гаску-

ан. — Андалусия.

— Уж мне-то испанский бренди пришелся бы куда как по вкусу, — вздохнула Лидия Уэллс. — Интересно, где она раздобыла эту бутылку.

— Я очень сожалею, что она не смогла прийти сама и ответить на ваш вопрос, — машинально отозвался Гаскуан, но, едва Лидия вдела ножку в тапочку, приподняв юбки и явив взгляду пухленькие, затянутые в чулки лодыжки, гость прикинул про себя, что на самом-то деле не особенно и жалеет.

— Да, мы бы восхитительно провели время все вместе, — молвила Лидия. — Но поход наш совсем нетрудно перенести на другой день, а я ужас до чего люблю попредвкушать прогулку! Разве что вы захотите пройтись по магазинам вместо Анны? Может, вы питаете тайную страсть к женским шляпкам?

— Я могу убедительно притвориться, — заверил Гаскуан, и Лидия вновь рассмеялась.

— В страсти притворству места нет, — проникновенно проговорила она. Поднялась с дивана и отошла к буфету, где на деревянном подносе стояла неказистая бутыль и три стакана донцем вверх. — Я не удивлена, знаете ли, — добавила она, переворачивая два стакана, а третий оставив

как есть.

— Это вы насчет пистолета? Вы не удивлены, что она снова попыталась покончить с собой?

— Ох господи, нет… нет, конечно. — Лидия помолчала, держа бутылку на весу. — Я не удивлена, что вы пришли один.

Гаскуан вспыхнул.

— Я все сделал так, как вы просили, — заверил он. — Я не назвал вашего имени. Я сказал, это сюрприз. Мол, мы пойдем с одной дамой шляпки посмотреть. Она очень обрадовалась. Она бы пришла. Если бы не эта история с пистолетом. После такого потрясения она была не в себе.

Гаскуан поймал себя на том, что невнятно оправдывается. Что за роскошная женщина — вдова Уэллс! Как элегантно изогнут ее турнюр!

— Вы всегда были так добры и снисходительны к моим глупостям, — утешающее промолвила Лидия Уэллс. — Я вам так скажу: женщина в моем возрасте обожает время от времени играть добрую фею-крестную. Этак взмахнешь волшебной палочкой — и сотворишь магию, на благо молоденьких девушек. Нет-нет — я знаю, что сюрприза вы мне не портили. Просто у меня было предчувствие, что Анна не придет. У меня, Обер, часто бывают предчувствия.

Она подала Гаскуану стакан, распространяя вокруг облако пряного запаха свеженарезанных лимонов, — не далее как утром она отбеливала кожу и ногти лимонным соком.

— Я не предал вашего доверия, я же обещал, — повторил Гаскуан. В силу какой-то непонятной причины ему хотелось снова заслужить ее похвалу.

— Конечно, — согласилась Лидия. — Конечно! Вы — да никогда!

— Но я уверен, знай она, что речь идет о вас…

— Она бы тут же взбодрилась!

— Взбодрилась бы, да.

(Эта убежденность, которой Гаскуан слабо поддакнул, опиралась на неоднократные заверения Лидии, что они с Анной когда-то были лучшими подругами. На основании этих заверений Гаскуан согласился поддержать подготовленный Лидией «сюрприз», чтобы две женщины смогли воссоединиться и немедленно возобновить былую тесную дружбу, — а к таким предложениям Гаскуан был непривычен. Он не делал для других то, что они с легкостью сделали бы и сами, и светское манипулирование любого свойства обычно вселяло в него чувство неловкости: он предпочитал, чтобы манипулировали им, скорее чем действовать

самому. Но Гаскуан, как все, безусловно, уже догадались, был сколько-то влюблен в Лидию Уэллс, и это безрассудство набрало достаточную силу, чтобы не только сподвигнуть его поступать вопреки собственным склонностям, но даже изменить таковые.)

— Бедняжка Анна Уэдерелл, — вздохнула Лидия Уэллс. — Эта девушка — просто воплощенное невезение!

— Начальник тюрьмы Шепард считает, она в уме повредилась.

— Ах, начальник Шепард! — весело рассмеялась Лидия. — Ну, в этом вопросе он настоящий эксперт. Может, он и прав.

У Гаскуана не было своего мнения о начальнике тюрьмы Шепарде, которого он не знал близко, а также и о его малахольной жене, с которой он вообще не был знаком. Мысли его вновь обратились к Анне. Молодой человек уже сожалел о том, как резко разговаривал с ней только что, в ее комнате гостиницы «Гридирон». Гаскуан никогда не сердился подолгу; самой короткой передышки хватало, чтобы в нем пробудились угрызения совести.

— Бедняжка Анна, — согласился он вслух. — Вы правы: участь ее незавидна. Она не может внести

арендную плату, и хозяин ее того гляди выставит на улицу. Но она наотрез отказывается нарушить траур и вернуться к своему ремеслу. Отказывается предать память о своем бедном погибшем малыше — и, как видите, загнана в угол. Горестное зрелище, что и говорить.

Слова Гаскуана дышали восхищением и сочувствием.

Лидия порывисто вскочила.

— Ох, тогда она просто должна перебраться жить ко мне — должна, и все тут! — воскликнула она, словно вот уже какое-то время пыталась внушить Гаскуану эту мысль, а не высказала ее впервые. — Она может спать со мной на одной кровати, как сестра, — может быть, у нее даже есть сестра, где-то далеко; может, Анна по ней скучает. Ох, Обер, она должна переехать ко мне! Пожалуйста, уговорите ее.

— Думаете, она захочет?

— Бедняжка Анна меня просто обожает, — решительно заверила Лидия. — Мы — лучшие подруги. Мы прямо как две голубки, — по крайней мере, так было в Данидине в прошлом году. Но что такое время и расстояние перед лицом истинной привязанности? Мы снова обретем друг друга. Мы просто *должны* это устроить. Вы

должны уговорить ее прийти.

— Ваше великодушие делает вам честь, но, пожалуй, оно несколько излишне, — возразил Гаскуан, снисходительно улыбаясь ей. — Вы же знаете, каким ремеслом занимается Анна. И ремесло это она всенепременно притащит с собой, пусть лишь в виде своей запятнанной репутации. Кроме того, у нее нет денег.

— Ох, вздор! Денег всегда можно добыть, на золотом-то прииске! — отмахнулась Лидия Уэллс. — Она может работать на меня. Мне так нужна горничная! *Компаньонка*, как говорят дамы. Через три недели старатели и думать позабудут, что она когда-то торговала собой! Вы меня не переубедите, Обер, ни за что! Я могу быть ужасной упрямицей, если уж мне что-то взбрело в голову, — а сейчас мне в голову взбрело именно это!

— Ну что ж. — Гаскуан, опустив глаза, устало разглядывал свой стакан. — Мне вернуться через улицу и пригласить ее?

— Ничего подобного вы делать не станете, разве что вам искренне этого захочется, — промурлыкала Лидия. — Я сама к ней схожу. Сегодня же вечером.

— Но тогда никакого сюрприза не получится, —

возразил Гаскуан. — Вы же так мечтали устроить сюрприз!

Лидия погладила его по рукаву.

— Нет, — решительно объявила она. — Хватит с бедняжки сюрпризов. Давно пора дать ей возможность расслабиться; давно пора кому-то о ней позаботиться. Я возьму ее под свое крылышко. И стану ее баловать!

— А вы ко всем своим подопечным так добры? — заулыбался Гаскуан. — Что за дивное видение: дама со светильником в руке переходит от одной кровати больного к другой, даруя утешение и помощь…

— Как вы уместно произнесли это слово, — отозвалась Лидия.

— Утешение?

— Нет, видение. Ох, Обер, если я не поделюсь новостью, я того гляди лопну!

— Новостью насчет наследственного имущества? — переспросил Гаскуан. — Так быстро!

Гаскуан не вполне понимал природу отношений между Лидией Уэллс и ее покойным мужем Кросби. Французу казалось странным, что этих двоих разделяли многие сотни миль: Лидия жила в Данидине, а Кросби — в глуши долины Арахуры, где Лидия Уэллс так ни разу и не побы-

вала вплоть до настоящего времени, почти две недели спустя после мужниной смерти. Лишь из соблюдения внешних приличий Гаскуан не стал расспрашивать Лидию напрямую о ее браке, ибо его одолевало любопытство, а Лидия, по всей видимости, не слишком горевала о случившемся. Всякий раз, стоило упомянуть имя Кросби, она либо отвечала уклончиво, либо изображала дурочку.

— Нет-нет-нет! — покачала головой Лидия. — Речь вообще не об этом! Вы просто обязаны спросить меня, чем я занималась с тех пор, как мы виделись в последний раз, — чем я занималась не далее как сегодня утром, если на то пошло. Изнываю от нетерпения, жду, ну когда же вы спросите, ну когда же! Поверить не могу, что до сих пор не спросили.

— Ну так расскажите же.

Лидия выпрямилась и широко распахнула серые глаза, так что в них заплясали искорки.

— Я купила гостиницу, — призналась она.

— Гостиницу! — подивился Гаскуан. — И какую же?

— Да вот эту.

— Эту?..

— По-вашему, я вздорная причудница! — Она

захлопала в ладоши.

— По-моему, вы предприимчивая, храбрая и очень красивая женщина, — отозвался Гаскуан. — И еще тысячу определений подобрал бы я для вас. Так поведайте, зачем вам целая гостиница?

— А я собираюсь ее переоборудовать! — сообщила Лидия. — Вы же знаете, я женщина светская: у меня в Данидине был свой бизнес почти десять лет, а до того — в Сиднее. Из меня, Обер, предпринимательница хоть куда! Это вы меня в моей родной стихии не видели. А не то и впрямь оценили бы мою предприимчивость.

— И какие же переделки вы затеяли? — Гаскуан оглянулся по сторонам.

— Тут-то мы и дошли наконец до моих «видений», — отозвалась Лидия. И заговорщицки подалась вперед. — Вы ведь заметили в сегодняшней утренней газете объявление о спиритическом сеансе? О дате и месте проведения которого будет объявлено дополнительно?

— Ох, да полно вам — нет!

Лидия изогнула бровь:

— Полно, нет — что?

— Столоверчение и духи? — не сдержал улыбки Гаскуан. — Спиритический сеанс — забавная

чушь, но это ж совсем не бизнес! Даже и не пытайтесь извлечь прибыль из салонных трюков! Если люди заподозрят, что их одурачили, выманив у них законные денежки, они разозлятся не на шутку. Кроме того, — добавил Гаскуан, — Церковь таких вещей не одобряет.

— Вы говорите так, словно искусство уже и не искусство вовсе! Словно вся эта затея — чистой воды надувательство! — возразила Лидия Уэллс: неодобрение Церкви наводило на нее скуку смертную. — Область сверхъестественного — это никакой не трюк, Обер. Небеса существуют на самом деле, без обмана!

— Ну, полно, — повторил Гаскуан. — Вы ж имеете в виду зрелищное развлечение, а не прорицание; так стоит ли поминать область сверхъестественного?

— Да вы циник! — Лидия разочарованно вздохнула. — Вот никогда бы не подумала! Разочарованы — может быть; недоверчивы — сколько угодно, но — с чувствительной душой.

— Если я и циник, то проницательный, — с достоинством отозвался Гаскуан. — Мне случалось бывать на спиритических сеансах, миссис Уэллс; и если я отметаю их как глупое суеверие, то, уж поверьте, не просто так!

Она словно замялась, а в следующий миг ее пухлая ручка порывисто погладила его по рукаву.

— Но я позабыл об учтивости; эта тема вас завораживает, — промолвил Гаскуан, опомнившись.

— Не в том дело. — Лидия на мгновение задержала пальцы на его манжете и так же быстро отняла руку. — Вам недолго осталось называть меня миссис Уэллс.

Гаскуан коротко поклонился.

— Вы предпочли бы, чтобы к вам обращались по девичьей фамилии? — спросил он, думая про себя, что если так, то пожелание это граничит с неприличием.

— Нет-нет. — Лидия закусила губку, а затем наклонилась поближе и прошептала: — Я замуж выхожу.

— Замуж?

— Да-да, как только осмелюсь; но это секрет.

— Секрет — от меня?

— От всех на свете.

— И мне не суждено узнать имени вашего возлюбленного?

— Нет, ни вам и ни кому другому. Это мой тайный роман. — Лидия захихикала. — Вы только поглядите на меня — ни дать ни взять тринадцатилетняя девчонка собирается сбежать с

любимым! Я даже кольцо его носить не отваживаюсь, хотя кольцо, между прочим, роскошное: рубин из Данстана, оправленный в данстанское золото!

— Полагаю, мне следует вас поздравить, — проговорил Гаскуан со всей доступной учтивостью, но с новообретенной сдержанностью, ибо эта новость сколько-то разбила его надежды.

У него было такое чувство, словно завалили многообещающую шахту, словно погас свет, словно захлопнулась дверь. На самом деле, с тех самых пор как он впервые увидел эту женщину, Гаскуан предавался мечтам, что в один прекрасный день Лидия Уэллс его полюбит. Он представлял ее в своем коттеджике, фантазировал, как она распустит рыжие волосы у изголовья его кровати, мысленно наблюдал, как она, кутаясь в бумазейный халатик, растапливает его плиту поутру; воображал себе головокружительные дни начала ухаживания, постройку общего дома, течение лет. Гаскуан грезил обо всем об этом, не ощущая ни стыда, ни смущения и даже не сознавая толком, где блуждают его мысли. Все казалось таким простым и естественным: она — вдова, он — вдовец. Они оба — чужаки в незнакомом городе; межу ними завязалась сердечная

дружба. Так ли невозможно, что рано или поздно они полюбят друг друга?

Но теперь, узнав, что Лидия Уэллс помолвлена, Гаскуан был вынужден отказаться от своей фантазии, а чтобы от нее отказаться, должен был сперва ее признать и посчитать за глупость. Сперва он преисполнился жалости к самому себе, но как только задумался об этом своем горе, то обнаружил, что вполне способен посмеяться над его легковесностью.

— Я себя не помню от счастья! — ликовала вдова.

Гаскуан улыбнулся:

— И как же мне вас тогда называть, если не миссис Уэллс?

— Ох, Обер, — воскликнула вдовица, — мы же лучшие друзья! Вам и спрашивать не нужно. Конечно, вы должны звать меня просто Лидией.

(Небольшая поправка: Обер Гаскуан и Лидия Уэллс лучшими друзьями вовсе не были; на самом-то деле познакомились они всего только три дня назад. Гаскуан впервые увидел вдову в четверг после полудня, когда она явилась в магистратский суд справиться насчет состояния своего покойного мужа — состояния, которое уже обнаружили и поместили в банк другие люди.

Гаскуан подал от имени миссис Уэллс ходатайство об аннулировании купли-продажи хижины, и в процессе эти двое разговорились. В пятницу утром вдова снова вернулась в суд, и Гаскуан, расхрабрившись при виде явного интереса, с которым она на него поглядывала, смиренно пригласил Лидию отобедать вместе. Она, кокетливо изумившись, приняла приглашение, и Гаскуан, торжественно держа над нею зонтик от солнца, сопроводил свою даму через дорогу в столовую «У Максвелла», где заказал две тарелки перлового супа, хлеб — самый белый, что только нашелся, — и графинчик сухого хереса, а затем усадил ее на почетное место у окна.

Немедленно обнаружилось, что у Лидии Уэллс и Обера Гаскуана очень много общего и им есть о чем поговорить. Миссис Уэллс любопытствовала узнать обо всем, что случилось после смерти ее покойного супруга, а эта тема естественным образом подвела Гаскуана к упоминанию Анны Уэдерелл и того странного эпизода, когда она оказалась на волосок от смерти на Крайстчерчской дороге. Лидия Уэллс подивилась еще больше — она объяснила, что Анну Уэдерелл знает. В прошлом году девушка несколько недель прожила в ее меблированных комнатах в Данидине,

прежде чем надумала зарабатывать на жизнь на хокитикских приисках, и в течение этого периода женщины очень подружились. Как только разговор зашел об этом, Лидия и придумала свой «сюрприз». Сразу по завершении обеда, едва со стола убрали, она отправила Гаскуана в «Гридирон», где он сообщил Анне Уэдерелл, что дама, пожелавшая остаться неизвестной, приглашает ее пройтись по магазинам назавтра в два часа дня.)

— Если у вас есть жених и новое деловое предприятие, тогда, вероятно, я могу надеяться, что ваше пребывание в Хокитике продлится подольше?

— Надеяться всегда можно и нужно, — отозвалась Лидия Уэллс; у нее в запасе был богатый репертуар клишированных сентенций вроде этой, и изрекала она свои афоризмы, непременно выдержав драматическую паузу.

— Прав ли я, предполагая, что в вашем капиталовложении поучаствовал и ваш нареченный? Вероятно, он богат?

Но вдовица лишь рассмеялась в ответ.

— Обер, — пожурила она, — вы у меня ничего не выведаете!

— Мне казалось, вы ждете, что я попытаюсь.

— Да, но лишь *попытаетесь*, а не преуспеете, — возразила вдова.

— Полагаю, это чисто женская мотивация, — иронически отозвался Гаскуан.

— Очень может быть, — со смешком подтвердила вдова. — Но мы, женщины, так пристрастны — и, полагаю, видеть нас другими вы бы сами не захотели.

За этим последовал довольно слащавый обмен комплиментами — игра, в которой вдова и вдовец составили достойную пару. Чем дословно записывать этот сентиментальный диалог, мы лучше поговорим о нем и опишем гораздо подробнее то, что иначе сочли бы вопиющей слабохарактерностью со стороны француза.

Гаскуан был очарован Лидией Уэллс, восхищался утонченной экспансивностью ее манер и речи, но доверять этой женщине не доверял. Он не выдал секрета Анны Уэдерелл и, пересказывая ее историю Лидии, ни словом не упомянул про золото, что было обнаружено в Аннином оранжевом платье на прошлой неделе и теперь хранилось у него под кроватью, завернутое в мешок из-под муки. События 14 января Гаскуан описал так, словно полагал, будто Анна действительно попыталась покончить с собой, — он инстинктивно

чувствовал, что, пока лучшего объяснения не представится, разумно не привлекать лишнего внимания ко многим загадкам того вечера. Он отлично знал, что Анна понятия не имеет, куда, во имя всего святого, сгинули эти полуночные часы — или, перефразируя, кто, ради всего святого, их похитил, — и Гаскуану вовсе не хотелось подвергать девушку какой-либо опасности. Потому Гаскуан держался «официальной» версии: Анна-де пыталась совершить самоубийство и была обнаружена без сознания и в состоянии самом жалком на обочине дороги. Он принял эту позицию, когда обсуждал происшествие с другими мужчинами, и теперь повторить все то же самое ему труда не составило.

Мы не беремся утверждать, что Гаскуан был очарован Лидией Уэллс и потому ее бессчетные капризы и причуды не сразу его насторожили. Однако отметим, что влечение Гаскуана возникло еще до того, как ему стало известно, что за причина привела Лидию в суд, — строго говоря, еще до того, как вдова назвала свое имя. Но теперь Гаскуан знал, что Лидию с покойным супругом связывали отношения весьма загадочные; теперь он знал, что наследство — таинственный клад, обнаруженный в хижине покойного, — в

настоящий момент оспаривается. Он знал, что не должен доверять Лидии, как знал и то, что, когда он с нею, чистое, незамутненное обожание заполняет камеры его сердца. Куда доводам рассудка тягаться со страстью! — если страсть совершенно завладевает человеком, она становится сама по себе доводом. Лидия обладала редким обаянием Старого Света, и Гаскуан об этом знал, как если бы то был логически доказанный факт. Он знал, что ее по-кошачьи холеные черты изъяты в целости и сохранности из более древней и лучшей эпохи. Он знал, что ее запястья и лодыжки — несравненной формы, а ее голос…

Но мы уже все сказали; вернемся же на место действия.

Гаскуан отставил стакан.

— По мне, так очень хорошо, что вы выходите замуж, — промолвил он. — Для вдовы вы слишком очаровательны.

— Но может статься, — отозвалась Лидия Уэллс, — может статься, я слишком очаровательна, чтобы выйти замуж за другого?

— Ничуть не бывало, — не задержался с ответом Гаскуан. — Вы очаровательны ровно настолько, насколько полагается чужой жене; только благодаря таким, как вы, мужчины вообще женятся.

При взгляде на вас сама мысль о браке покажется вполне приемлемой.

— Обер, вы льстец, — усмехнулась она.

— Хотелось бы мне польстить вам еще, пригласив поговорить о вашем необычном искусстве, о котором я ненароком отозвался так уничижительно, — промолвил француз. — Ну же, Лидия, поведайте мне о ду́хах и о свойствах эфира, а я изо всех сил постараюсь посмотреть на дело с обнадеживающей наивностью и ни разу не скептически.

До чего же обворожительно она смотрелась в приглушенном послеполуденном свете, что драпировал ей плечи на манер покрывала! Как роскошно легла тень в эту ямочку под губой!

— Во-первых, — произнесла Лидия Уэллс, с достоинством выпрямившись, — вы ошибаетесь, полагая, что простецы не станут платить за гадание. Играя по-крупному, люди становятся ужасно суеверны, а золотой прииск — место особенное: здесь идут на огромный риск в ожидании огромных прибылей. Старатели выложат хорошие деньги за «подсказку» — да что там, слово «удача» у них едва ли не всякий день на устах! Они на что угодно пойдут в надежде склонить судьбу на свою сторону. В конце концов, что такое бир-

жевой спекулянт, если не тот же цыган, только одетый иначе?

Гаскуан рассмеялся.

— Не думаю, что многие биржевики оценили бы это сравнение, — промолвил он, — но да, я с вами согласен, мисс Лидия, люди всегда рады заплатить за совет. Но поверят ли они в действенность ваших советов — в их практическую действенность, я имею в виду? Боюсь, вы окажетесь в непростом положении — вам придется выстоять под бременем доказательств! Как вы можете гарантировать, что никого не введете в заблуждение?

— Что за невыносимо скучный вопрос, — вздохнула Лидия Уэллс. — Вы, по-видимому, сомневаетесь в моих профессиональных способностях?

Так оно и было, но Гаскуан предпочел слукавить во имя вежливости.

— Я в них не сомневаюсь, но я о них ничего не знаю, — промолвил он. — Я положительно заинтригован.

— Десять лет я держала игорный дом, — сообщила вдова. — И за все это время, сколько колесо рулетки ни вращалось, джекпот выпал лишь раз, и только потому, что ось заклинило: подшипник грязью забило. Я откалибровала колесо так, чтобы

стрелка всегда останавливалась на ближайшей к джекпоту цифре. А в качестве дополнительной меры предосторожности колышки по обе стороны от числа были смазаны жиром. В последний момент стрелка всегда проскальзывала мимо, но так дразняще-соблазнительно, что игроки наперебой выкладывали свои шиллинги, и колесо запускалось снова.

— Но, мисс Лидия, это же чертовски нечестно! — возмутился Гаскуан.

— Ничуть не бывало, — пожала плечами Лидия.

— Еще как нечестно! — настаивал француз. — Это же жульничество!

— Тогда ответьте мне вот на какой вопрос, — не растерялась Лидия. — А жульничает ли зеленщик, если откладывает самые отборные яблоки на дно тележки, так чтобы сначала раскупили те, что мятые и с червоточинками?

— Но это же совсем другое! — возразил Гаскуан.

— Чушь, это абсолютно то же самое, — отрезала вдова. — Зеленщик заботится о своем кошельке: ведь если он выложит лучшие яблоки наверх, поврежденные плоды не купят, а тем временем они сгниют и отправятся на помойку. Он обеспе-

чивает себе стабильный доход, предлагая своим покупателям довольствоваться товаром, который чуточку — ну самую малость! — с изъяном. Если я не хочу разориться, мне тоже должно позаботиться о своей прибыли: и я поступаю в точности так же. Когда игрок уходит домой с небольшим выигрышем, ну допустим с пятью фунтами, и ощущением, что он едва не сорвал грандиозный куш, — это как если бы он унес с собой яблочко с бочком. При нем — скромная прибыль, приятные воспоминания о чудесно проведенном вечере и убеждение, что он только что был буквально на волосок от чего-то совершенно невероятного. Он счастлив — более или менее. Да и я тоже.

Гаскуан снова рассмеялся.

— Но азартные игры — порочная практика, — возразил он. — А яблоко с бочком — нет. Простите, не хочу показаться занудой, но, сдается мне, ваш пример — точно так же как и ваше колесо рулетки — откалиброван в вашу пользу.

— Разумеется, азартные игры порочны, — насмешливо отозвалась вдова. — Разумеется, это страшный грех и общественное зло, гибель и разорение для многих, и все такое. А мне-то что за дело? Попробуйте сказать зеленщику, что не любите яблоки. «Ну и что? — отмахнется он. — На

свете полным-полно других людей, которые их просто обожают!»

Гаскуан по-военному отсалютовал ей:

— Я вполне убедился в вашей способности убеждать. Вы — сила, с которой нельзя не считаться, мисс Лидия! Жаль мне того беднягу, который выиграл джекпот и которому пришлось требовать у вас свой выигрыш!

— О да… Но я ничего не выплатила, — отвечала Лидия Уэллс.

Гаскуан не верил ушам своим:

— Вы — объявили дефолт и отказались выплачивать джекпот?

Она вскинула голову.

— Это кто еще объявил дефолт? Я лишь предоставила ему альтернативу. Я сказала, он может заполучить сто фунтов чистым золотом — или меня. Не в *шлюхи*, — уточнила она, видя, как Гаскуан изменился в лице. — В жены, глупенький. Это был Кросби. Он сделал свой выбор. И вы отлично знаете какой!

У Гаскуана просто челюсть отвисла.

— Кросби Уэллс!

— Да, — кивнула вдова. — Мы поженились в ту же ночь. Что такое, Обер? У меня, сами понимаете, лишних ста фунтов не было, чтобы ими

разбрасываться. Я ведь думать не думала, что выпадет джекпот, — я ж откалибровала колесо так, чтобы этого не произошло ни в коем случае! Я никак не могла выплатить выигрыш — я б в трубу вылетела. Я бы по миру пошла. Только не говорите, что вы шокированы!

— Признаться, есть немного, — отозвался Гаскуан, хотя к его шоку примешивалась изрядная доля восхищения. — Но… разве вы были с ним хоть сколько-то знакомы?

— Разумеется, нет, — пожала плечами Лидия. — Что еще за современные идеи!

Гаскуан вспыхнул.

— Я не об этом, — запротестовал он и поспешно добавил: — Разумеется, если вы пытались предотвратить собственное банкротство, как вы говорите…

— Мы, конечно же, совершенно не подходили друг другу, и не прошло и месяца, как мы уже на дух друг друга не переносили. Чего и следовало ожидать. Да, ничего другого в создавшихся обстоятельствах никто из нас и ожидать не мог.

Гаскуан недоумевал, почему эта пара не развелась, но задать такой вопрос не смел, не погрешив тем самым против приличий в глазах вдовы, и просто кивнул.

— Видите, в *этом* отношении я вполне современна, — добавила Лидия. — Согласитесь, разве я не осмотрительно себя повела — настояла на раздельном проживании, а не на разводе! Вы же сами были женаты, мистер Гаскуан!

Гаскуан отметил, как кокетливо Лидия обратилась к нему по фамилии, и улыбнулся ей.

— Да, — кивнул он. — Но не будем вспоминать о прошлом, давайте лучше поговорим о настоящем и будущем и обо всем, что ждет впереди. Расскажите, какую перепланировку вы наметили в этой гостинице?

Лидия была просто счастлива взять слово. Она вскочила на ноги и, сцепив руки в позе хористки, обошла оттоманку кругом. Круто развернулась, обвела взглядом гостиную: окно с многочастным переплетом, кое-как оштукатуренные стены; истрепанный «Юнион Джек» — британский национальный флаг, наверняка добытый с какого-нибудь затонувшего корабля и вертикально приколоченный гвоздями к стене напротив окна.

— Я конечно же сменю название, — сообщила Лидия. — Теперь гостиница будет называться не «Путник», а «Удача путника».

— Как музыкально.

Это Лидию ублажило. Она отошла на несколько шагов от дивана и развела руки:

— Я повешу портьеры — терпеть не могу комнаты без драпировок — и поставлю тахты в современном стиле. В гостиной отгорожу закуток за распашными дверями — вроде исповедальни или даже в точности как исповедальня. Передняя гостиная станет чем-то вроде приемной. Спиритические сеансы я, конечно же, буду проводить здесь. О, у меня столько идей! Стану предсказывать будущее, составлять гороскопы и гадать по картам Таро. На верхнем этаже… но что такое? Вы все еще скептически настроены, Обер?

— Я уже не скептик! Я отрекся от этой ереси, — заверил Гаскуан, потянувшись к ее руке.

Это движение было отчасти подсказано его стремлением подавить улыбку. (Он действительно был скептиком до мозга костей и не мог без смеха слышать ее раскатистого «р» в слове «Таро».) Сжав ее пальцы, он молвил:

— Я очень рассчитываю, что отречение мое будет должным образом вознаграждено.

— В этом вопросе я — эксперт, а вы — непрофессионал, — объявила Лидия Уэллс. — И извольте не забывать об этом, какого бы уж низкого мнения вы ни придерживались о вышних сферах.

Ее рука безвольно легла между ними — так дама протягивает для поцелуя унизанные кольцами пальцы, — и Гаскуан с трудом сдержал порыв схватить ее и расцеловать.

— Вы правы, — промолвил он, снова сжимая ее руку. — Вы совершенно правы.

Гаскуан выпустил руку Лидии, и женщина отошла к каминной полке.

— Я вознагражу вас некой данностью, — промолвила она, — но при условии, что вы меня воспримете совершенно серьезно — так же серьезно, как любого другого мужчину.

— Безусловно, — пробормотал Гаскуан с торжественным видом и выпрямился в кресле.

— Так вот, — объявила Лидия Уэллс, — следующий месяц будет безлунным.

— Бог ты мой! — воскликнул Гаскуан.

— Ну то есть я хочу сказать, что луна так и не станет полной. Февраль — короткий месяц. Полнолуние случится незадолго до первого числа, а следующее — сразу после двадцать восьмого; так что в феврале полнолуния не будет.

— Так случается каждый год, верно? — улыбнулся ей Гаскуан.

— Вовсе нет, — покачала головой Лидия. — Это очень редкое явление. — Она провела пальцем

по гипсовому литью.

— «Редкое» подразумевает «значимое», так? Или опасное?

— Так бывает только раз в двадцать лет, — продолжала Лидия, подводя дорожные часы.

— И что же он предвещает, мисс Лидия, этот безлунный месяц?

Лидия Уэллс развернулась к гостю, уперев руки в боки.

— Дайте шиллинг — скажу, — объявила она.

— Ну, не так вот сразу! — рассмеялся Гаскуан. — У меня еще нет никаких доказательств вашей компетентности. Придется вас испытать, прежде чем я расстанусь с деньгами или чем бы то ни было, что принадлежит к *этой* сфере. Сегодня обещают облачность, но я сверюсь с газетами в понедельник и посмотрю данные по приливам и отливам.

Вдова устремила на него непроницаемый взгляд.

— Я не ошибаюсь, — заверила она. — У меня есть астрономический ежегодник, и я отлично в нем разбираюсь. Сейчас, за пеленой облаков, луна прибывает. К ночи понедельника наступит полнолуние, а во вторник луна пойдет на убыль. Следующий месяц — безлунный.

Конъюнкции

Глава, в которой плохие впечатления подкрепляются, приглашения множатся, а прошлое волной докатывает до настоящего.

Преподобный Коуэлл Девлин оставался в обеденной зале гостиницы «Резиденция», пока не перевалило далеко за полдень, а к тому времени почувствовал, что голова у него тяжелая, соображает он туго и чтение уже не идет ему на пользу. Решив, что неплохо бы проветриться, он допил кофе, собрал брошюры, заплатил по счету, поднял воротник, спасаясь от дождя, и зашагал вдоль береговой линии в северном направлении. Послеполуденное солнце ярко сияло над тучей, одевая пейзаж серебристым заревом, что выпивало все краски у моря и вспышками белого света рассыпалось по песку. Даже дождинки переливались и мерцали в воздухе; знобкий ветер с океана нес с собою приятный запах ржавчины. Все это отчасти разогнало вялую апатию Девлина, и очень скоро он уже разрумянился и разулыбался, покрепче прижимая широкополую

шляпу к голове. Он решил нагуляться всласть и вернуться в Хокитику по верхней террасе Сивью — именно там предполагалось возвести будущую хокитикскую тюрьму и будущую резиденцию самого Девлина.

Поднявшись на гребень холма, он обернулся, слегка запыхавшись, и с удивлением обнаружил, что его догоняют. Молодой человек, одетый лишь в твиловую рубашку и штаны, мокро прилипшие к телу, стремительно шагал вверх по тропе к уступу. Он шел опустив голову, и опознать его удалось не сразу; Девлин понял, кто перед ним, только когда тот приблизился на расстояние двадцати ярдов. Да это же тот самый парень из долины Арахуры, подумал священник: туземец-маори, друг покойного Кросби Уэллса.

Коуэлл Девлин в миссионеры не готовился и приехал в Новую Зеландию отнюдь не за этим. Он изрядно изумился, обнаружив, что Новый Завет был переведен на язык маори лет за двадцать до его прибытия, и поразился еще больше, узнав, что перевод можно приобрести в магазине канцелярских товаров на Джордж-стрит в Данидине за вполне разумную цену. Листая страницы переведенного текста, Девлин гадал, насколько упростили благую весть и какой ценой. Незна-

комые слова, записанные буквами усеченного алфавита, звучали для него как-то инфантильно — сплошь повторяющиеся слоги и какая-то абракадабра, совершенно неузнаваемая, точно детская невнятица. Но в следующий миг Девлин отчитал себя: а что такое его собственная Библия, как не перевод, в свою очередь? Не до́лжно ему судить опрометчиво и свысока! Искупая невысказанные сомнения, он извлек записную книжку и тщательно скопировал несколько ключевых стихов из маорийского текста. *«He aroha te Atua. E Aroha ana tatou ki a ia, no te ea ko ia kua matua aroha ki a tatou. Ko Ahau te huarahi, te pono, te ora. Hone 14: 6»,* — записал он и, дивясь, добавил: «Из посланий *Paora*»[40]. Переводчик даже имена поменял.

Молодой маори поднял глаза, заметил Девлина выше по склону, остановился; они глядели друг на друга с расстояния в несколько ярдов, не говоря ни слова.

Налетевший порыв ветра пригнул к земле траву вокруг Девлина и заутюжил ему назад волосы на висках.

— День добрый! — крикнул Девлин.

— День добрый, — отозвался маори, слегка

---

[40] Сноски: 40
То есть святого Павла *(маори).*

сощурившись.

— Вижу, нас с вами непогода не пугает!

— Нет.

— Вот вид сегодня не из лучших; только и беды, — добавил Девлин, широким жестом указывая на одетую туманом панораму перед ними. — Когда облака сходят на гору, кажется, будто находишься неведомо где, — вы не согласны? Так и представляешь себе: пелена расступится, глядь, а вокруг места все незнакомые!

С террасы Сивью со столь уместным названием — Вид-на-море — открывалась замечательная панорама океана, который с этой высоты казался безликим пространством, раздольной одноцветной полосой, а небо — чуть светлее оттенком. Береговая линия с террасы была не видна — так круто обрывались утесы под нею, а край уступа резко переходил в каменистую, глинистую осыпь, и этот пустынный пейзаж, рассеченный натрое — землю, воду и небо, где никакие деревья не перечеркивали эту плоскость и никакие контуры не смягчали рельефа, — вселял в душу смутную тревогу, так что вскоре ты вынужден был развернуться к океану спиной, а лицом — к восточным горам, что сегодня тонули в зыбкой пелене белых облаков. Ниже террасы скопления

хокитикских крыш сменялись широкой бурой равниной реки Хокитика и серым изгибом косы; за рекой линия побережья уходила на юг и размывалась в дальней дали и дымке, пока совсем не исчезала в тумане.

— Тут хороший обзор, — отметил туземец-маори.

— Совершенно с вами согласен, хотя должен признать, что в этом краю я еще не видел ни одного пейзажа, который бы не пришелся мне по душе. — Девлин спустился на несколько шагов, протягивая руку. — Что ж, меня зовут Коуэлл Девлин. А вот вашего имени, боюсь, не помню.

— Те Рау Тауфаре.

— Те Рау Тауфаре, — очень серьезно повторил Девлин. — Как поживаете?

Этого выражения, что всего-то-навсего служит формулой приветствия, Тауфаре не знал. Пока маори ломал над ним голову, Девлин продолжил:

— Вы ведь были близким другом Кросби Уэллса, как я помню.

— Его единственным другом, — поправил Тауфаре.

— О, но если у человека есть хотя бы один близкий друг, он может почитать себя счастливцем.

Тауфаре ответил не сразу. Спустя мгновение он

промолвил:

— Я учил его *korero Maori.*

Девлин кивнул:

— Вы делились с ним своим языком. Вы делились историями своего народа. Из такого камня строится хорошая дружба.

— Да.

— Вы называли Кросби Уэллса своим братом, — продолжал Девлин. — Помню, вы произнесли это самое слово в ту ночь в полицейском управлении — в ночь накануне погребения.

— Это фигура речи.

— Да, так — но за ней стоят высокие чувства. Зачем вы это говорите, если просто-напросто не для того, чтобы сказать: вам дорог этот человек, вы его любите, как любили бы собственную плоть и кровь? «Брат» — синоним любви, думается мне. Любви, которую мы готовы подарить — и с радостью.

Тауфаре обдумал эти слова и наконец промолвил:

— Некоторых братьев не выбираешь.

— О, — кивнул Девлин. — Не выбираешь, верно. Мы не выбираем свою родню, так? Семью не выбираем. Да, вы тонко подметили разницу. Очень тонко.

— А в одной семье, — продолжил Тауфаре, ободренный похвалой, — два брата порою совершенно не похожи друг на друга.

Девлин рассмеялся.

— И снова вы правы, — кивнул он. — Братья бывают очень разными. Вот у меня, знаете ли, только сестры. Четыре сестры, и все — старшие. Как они меня баловали!

Девлин помолчал, давая Тауфаре возможность рассказать о своей собственной семье, но Тауфаре лишь повторил еще раз свое замечание о братьях, явно очень довольный собственной проницательностью.

— Послушайте, Те Рау, могу ли я спросить у вас кое-что о Кросби Уэллсе? — внезапно проговорил Девлин.

Ибо он не забыл случайно подслушанного этим утром разговора в обеденном зале отеля «Резиденция». Политик Алистер Лодербек в силу какой-то загадочной причины был убежден, что покойный Кросби Уэллс и шантажист Фрэнсис Карвер приходятся друг другу братьями, невзирая на то что фамилии, похоже, носят разные; однако Лодербек наотрез отказался объяснять, почему он так считает. Может, Тауфаре, как близкий друг Уэллса, что-нибудь об этом знает.

Тауфаре нахмурился.

— Не спрашивайте меня про клад, — отвечал он. — Про клад я ничего не знаю. Меня уже допрашивали мировой судья, и полиция, и смотритель тюрьмы тоже. Не хочу повторять свои ответы еще раз.

— О нет, клад меня не интересует, — покачал головой Девлин. — Мне хотелось расспросить вас про человека по имени Карвер. Фрэнсис Карвер.

— Почему? — заметно напрягся Тауфаре.

— Я слыхал, он давний знакомец мистера Уэллса. По-видимому, этих двоих связывало какое-то неоконченное дело. Что-то… противозаконное.

Тауфаре молча сощурился.

— Вы что-нибудь об этом знаете? — настаивал Девлин.

Когда утром 14 января Те Рау Тауфаре в обмен на два шиллинга сообщил Фрэнсису Карверу, где живет Кросби Уэллс, он думать не думал, что подвергает своего друга какой бы то ни было опасности. В самом предложении ничего необычного не было, равно как и в способе его подачи. За сведения о пропавших на приисках люди нередко предлагали вознаграждение, причем речь необязательно шла о братьях, но и об отцах, дядьях, сыновьях, компаньонах, должниках и

напарниках. В газете, безусловно, была рубрика «Пропавшие без вести», но не всякий старатель умел читать, и уж совсем немногие имели время и желание держаться в курсе ежедневных новостей. Предложить вознаграждение изустно было и дешевле, и порою куда действенней. Тауфаре радостно забрал два шиллинга, а когда тем же вечером он увидел, как Карвер подошел к хижине Уэллса, постучался и вошел, ему и в голову не пришло чего-либо заподозрить. Маори решил, что переночует на хребте рядом со своими силками, чтобы не помешать воссоединению Карвера с Уэллсом. Юноша предположил, что Карвер — давний сотоварищ Уэллса еще по данидинским временам, и, удовольствовавшись этим предположением, иных догадок не строил.

Однако на следующее утро Уэллса обнаружили мертвым; в день его похорон под кроватью нашли пузырек с лауданумом, а еще несколько дней спустя оказалось, что корабль Карвера «Добрый путь» снялся с якоря ночью 14 января, вне графика и под покровом тьмы. Тауфаре был в ужасе. Все свидетельства словно бы указывали на то, что Фрэнсис Карвер причастен к смерти отшельника, а если это правда, то не кто иной, как Те Рау Тауфаре, предоставил ему такую воз-

можность, недвусмысленно сообщив, где Уэллса искать! Что еще ужаснее, он взял плату за свое предательство.

Самообладание Тауфаре, как неотъемлемая часть его представления о себе самом, не позволяло ему поступать необдуманно. Осознание того, что он предал друга за деньги, жгло его стыдом, и стыд этот являл себя как пропитанная отвращением ярость, направленная одновременно внутрь себя и вовне. После похорон Уэллса маори целыми днями пребывал в настроении самом мрачном, скрипел зубами, дергал себя за вихор и проклинал Фрэнсиса Карвера на каждом шагу.

Расспросы Девлина вновь ввергли Тауфаре в дурное расположение духа. Он вздернул подбородок, сверкнул глазами.

— Если какое-то неоконченное дело промеж них и было, теперь оно окончено! — гневно отвечал он.

— Конечно-конечно, — отозвался Девлин, успокаивающе замахав руками. — Но понимаете, я где-то слыхал, будто они братья. Да, Кросби Уэллс и Карвер. Может, это просто фигура речи, как вы сами выразились, но мне хотелось уточнить.

Тауфаре был ошеломлен. Скрывая свое замешательство, он сердито зыркнул на капеллана.

— Вы что-нибудь об этом знаете?

— Нет, — сказал, как сплюнул, Тауфаре.

— Уэллс никогда не упоминал при вас имени Карвера?

— Нет.

Девлин, видя, как разом испортилось настроение собеседника, решил испробовать иной подход:

— А Кросби Уэллс далеко продвинулся в изучении языка маори?

— Не так, как я в английском, — покачал головой Тауфаре.

— В этом я ни минуты не сомневаюсь! Ваш английский превосходен.

Тауфаре вздернул подбородок:

— Я путешествовал с землемерами. Многих водил через горы.

Девлин улыбнулся:

— А знаете, мне сдается, я чувствую в вас нечто от родственной души, Те Рау. Думается, не такие уж мы и разные, вы и я, — мы делимся своими историями, своим языком, ищем в людях братьев. Нет, не такие уж мы и разные, если вдуматься.

Девлин говорил скорее по наитию, нежели с дальним расчетом. Годы священнического служения научили его, что разумно всегда начинать

с точек соприкосновения, а если их нет, то, значит, такую связь следует выдумать. Не то чтобы эту практику сочли бы нечестным приемом, но правда и то, что, будучи приперт к стене, Девлин затруднился бы описать это кажущееся сходство в деталях и отделался бы общими фразами.

— Я не человек Божий, — хмуро возразил Тауфаре.

— И однако ж, в вас есть многое от Бога, — отвечал Девлин. — Сдается мне, вы интуитивно склонны к молитве, Те Рау, раз пришли сюда сегодня. Отдать дань уважения вашему близкому другу на его могиле — в сущности, помолиться за него.

Тауфаре помотал головой:

— Я не молюсь за Кросби. Я его помню.

— Это хорошо, — отозвался Девлин. — Это правильно. Помнить — это прекрасное начало. — Чуть улыбнувшись, он соединил подушечки пальцев и наклонил руки вниз в традиционной священнической позе. — Молитвы нередко начинаются как воспоминания. Когда мы помним тех, кого любили, когда мы по ним скучаем, мы, конечно же, уповаем, что с ними все хорошо, что они счастливы, где бы они ни находились. Эта надежда претворяется в пожелание, а всякий раз,

как пожелание высказано, пусть и про себя, пусть без слов, оно превращается в моление. Возможно, мы сами не знаем, к кому обращаемся; возможно, мы просим еще до того, как узнаем доподлинно, кто нас слушает, и даже до того, как поверим, что такой слушатель есть. Но я нахожу, что это прекрасное начало — взять за правило помнить тех, кого мы любили. Когда мы вспоминаем о ближнем с любовью, мы желаем ему здоровья, и счастья, и всего самого доброго. Таковы молитвы христианина. Христианин смотрит вовне, Те Рау; он любит других превыше себя. Вот почему у христианина так много братьев. Похожих на него и непохожих. Ведь не такие уж мы и разные — вы не согласны? — если посмотреть в общем и целом.

(Мы, безусловно, понимаем, что если посмотреть в общем и целом, то у Те Рау Тауфаре и Коуэлла Девлина в самом деле очень много общего, однако нас в первую очередь занимает то, что оба держатся в тени и незамеченными. Ни один из них не любопытен настолько, чтобы потревожить горделивую невозмутимость другого или вытягивать из него секреты; им суждено навсегда остаться в непосредственном приближении: один — активное самовыражение, другой

— зримое свидетельство такового.)

— Разумеется, молитва — не всегда прошение, — добавил Девлин. — Иные молитвы — это выражение радости или благодарности. Но в любом добром чувстве всегда заключена надежда, Те Рау, даже в воспоминаниях о прошлом. Добрый человек — тот, кто молится и просит, — всегда оптимист. Молитвы ведь обнадеживают.

Тауфаре, с сомнением выслушавший эту проповедь, только кивнул.

— То мудрые слова, — добавил он, сжалившись над собеседником.

Вообще-то, представление Тауфаре о молитве сводилось к строго ритуализированному образчику риторики. Упорядоченная почтительность *whaikorero*[41] рождала в нем, как любой речевой и обрядовый ритуал, ощущение сосредоточенности и спокойствия, которого он не мог, да и не хотел добиться своими силами. Это чувство разительно отличалось от любви к семье, которая давала о себе знать тайным трепетом в груди; отличалось и от гордости собою самим, что ощущалась как сгусток возбуждения, как вос-

[41] Сноски: 41

Формализованные речи, включающие в себя ритуальные песнопения, обычно произносятся на торжественных встречах и на общественных мероприятиях.

торженная уверенность, что никто и никогда с ним не сравнится — и даже пытаться не дерзнет. Это чувство коренилось глубже, чем природная благостная доброта, с которой Тауфаре наблюдал, как его мать лущит на берегу мидии и складывает склизкие комочки в широкогорлую корзинку из льняного волокна, и знал про себя, глядя на мать, что любовь его — благая и незамутненно чиста; оно коренилось даже глубже похвальной усталости, что накатывает, если целый день наполняешь *rua kumara*[42], или трелюешь лес, или плетешь *harakeke*[43], пока исколотые кончики пальцев не распухнут. Те Рау Тауфаре был из тех, для кого проявление любви — это истинная религия, и алтарь этой религии никакие идолы заменить не смогут.

— Подойдем к могиле вместе? — предложил Девлин.

Деревянное надгробие на могиле Кросби Уэллса уже сдало позиции в неравной схватке с береговым климатом. Спустя каких-то две недели после

---

[42] Сноски: 42

Особые ямы для хранения сладкого картофеля, предназначенного для еды и на посадку в следующем сезоне.

[43] Сноски: 43

Новозеландское растение, волокна которого используются в ткачестве.

смерти отшельника древесина уже набухла, мемориальную доску испещрила черная плесень. Вырезанные бондарем буквы утратили четкость, тонкий налет краски поблек от белого до грязного желтовато-серого, создавая впечатление, будто покойный отошел в мир иной давным-давно: и даже указанный год смерти эту иллюзию не вполне развеивал. Земля еще не заросла ни травой, ни лишайником и, невзирая на дождь, выглядела бесплодным пустырем — как будто эту почву не ворошили лопаты еще совсем недавно, как будто она уже осела и заново ее больше не потревожат.

Самыми популярными эпитафиями здесь служили главным образом Заповеди блаженства из Евангелия от Матфея или часто цитируемые стихи из Псалтыри. Однако предписания покоиться в мире не слишком-то утешали, как могли бы в каком-нибудь уютном приходе с живыми изгородями и мощеными улочками в десяти тысячах миль отсюда. Кросби Уэллс уснул вечным сном в компании погибших и утопленников — надгробий на кладбище в Сивью было раз-два и обчелся, и те по большей части воздвигнуты в память о судах, потерпевших крушение или пропавших без вести в море. «Глазго», «Город

Данидин», «Новая Зеландия» — словно бы целые города и нации держали курс на побережье лишь для того, чтобы сесть на мель, или затонуть, или исчезнуть бесследно. Справа от отшельника высился памятник бригантине «Дуб», первому кораблю, затонувшему в устье реки Хокитика: этот факт был запечатлен резцом на зеленоватом камне как грозное предостережение. Слева от отшельника торчало деревянное надгробие, немногим больше мемориальной доски; имени на нем не значилось, только стих безо всякой ссылки: «В Твоей руке дни мои»[44]. Неподалеку от кладбища отвели место под постройку будущей тюрьмы Джорджа Шепарда: ее фундамент был уже замерен и размечен и вычерчен свинцовыми белилами прямо по земле.

Тауфаре впервые поднялся на Сивью после погребения Уэллса: тело предали земле на глазах у немногочисленных равнодушных зрителей и невзирая на проливной дождь. И в этом отношении, и в том, как торопливо были озвучены все причитающиеся молитвы, похороны Уэллса словно бы воплотили в себе все мыслимые неудобства и все мыслимое уныние. Само собою разумеется,

[44] Сноски: 44
Пс. 30: 16.

Те Рау Тауфаре к участию в обряде не пригласили; более того, Джордж Шепард отдельно приказал ему, зловеще погрозив пальцем с выпуклыми костяшками, придержать язык на протяжении всей церемонии, кроме разве когда капеллан произнесет «аминь»: к этому хору Тауфаре так и не добавил своего голоса, ибо благословение Девлина совершенно потонуло в шуме дождя. Однако маори разрешили помочь опускать гроб Уэллса в жидкую грязь на дне ямы и бросить поверх тридцать, сорок, пятьдесят лопат мокрой земли. Тауфаре предпочел бы все проделать сам и один, потому что общими усилиями яму засыпали в два счета, и маори показалось, что все закончилось уж слишком быстро. Люди подняли воротники, прикрывая уши, застегнулись на все пуговицы, собрали перепачканные в земле инструменты и гуськом побрели вниз по слякотному серпантину обратно к теплу и свету Хокитики как таковой, где сняли пальто, и досуха вытерли лица, и сменили насквозь промокшие сапоги на домашние тапочки.

Тауфаре молча подошел к могиле друга, Девлин — за ним, сложив руки, с безмятежным лицом. Тауфаре остановился в пяти-шести футах от деревянного надгробия и воззрился на могилу — так,

как если бы смотрел на смертный одр из дверного проема, опасаясь переступить порог и все-таки войти в комнату.

Тауфаре никогда не встречался с Кросби Уэллсом за пределами долины Арахуры. И уж конечно, никогда не сталкивался с ним здесь, на пустынном уступе под безжалостным небом. Не говорил ли он сам бессчетное количество раз, что хотел бы окончить дни свои в безлюдье Арахуры? Как бессмысленно, что его погребли здесь, среди людей, которые не приходились ему братьями, в земле, на которой он не трудился и которую не любил, — в то время как милая его сердцу старая хижина стоит пустой и заброшенной всего-то в дюжине миль отсюда! Тамошняя земля, и никакая иная, должна была поглотить его. Тамошняя земля должна была обратить его смерть в плодоносящую жизнь. На Арахуре, а не где-нибудь Кросби подобало обрести свое последнее пристанище, размышлял про себя Тауфаре. Скажем, на краю расчищенного участка… или рядом с крохотным садиком… или с северной стороны от хижины, на солнечном пятачке.

Те Рау Тауфаре подошел поближе — вступил в иллюзорную комнату, шагнул к подножию призрачной постели. Угрызения совести захлестнули

его. Не следует ли ему все-таки исповедаться капеллану — что он, Тауфаре, невольно послужил причиной смерти Кросби? Да, он признается; и Девлин помолится за него как за христианина. Тауфаре опустился на корточки, осторожно накрыл ладонью влажную землю в том месте, где под нею скрывалось сердце Кросби, и замер так.

— «Вечером водворяется плач, а на утро радость»[45], — промолвил Девлин.

– *Whatu ngarongaro he tangata, toitu he whenua*[46].

— Да хранит его Господь; да хранит Господь нас, тех, кто молится за него.

Ладонь Тауфаре оставила в земле отпечаток; заметив это, он чуть приподнял руку и кончиками пальцев разровнял почву.

* * *

В издательском офисе «Уэст-Кост таймс» (Уэлд-стрит) Бенджамин Левенталь уже заканчивал справлять Шаббат. Чарли Фрост обнаружил хозяина за столом в кухне: тот доедал ужин.

---

[45] Сноски: 45
Пс. 29: 6.

[46] Сноски: 46
Человек умирает, земля стоит вечно *(маори)*.

Левенталь обрадовался Фросту куда меньше, чем несколькими часами раньше — Балфуру, поскольку не без оснований полагал, что Фрост пришел поговорить о наследственном имуществе Кросби Уэллса, а эта тема издателя уже изрядно утомила. Однако он учтиво пригласил молодого банковского сотрудника в кухню и предложил присесть.

Фрост, в свою очередь, и не подумал извиниться за то, что нарушил религиозный обряд: ведь он был человеком неискушенным и обряда не распознал. Он уселся за изгвазданный чернилами стол, удивляясь про себя, что Левенталю взбрело в голову состряпать такой изысканный ужин для себя одного. По свече он лишь скользнул взглядом и списал на эксцентричность хозяина.

— Я насчет наследственного имущества, — начал он.

Левенталь вздохнул:

— Дурные новости, значит. Так я и думал.

Фрост вкратце рассказал о происшедшем в Чайнатауне нынче днем и подробно расписал былые обиды Мэннеринга на А-Цю.

— А где же дурные новости? — поинтересовался Левенталь, едва гость умолк.

— Боюсь, всплыло и ваше имя, — пояснил Фрост

сколь можно тактичнее.

— В каком контексте?

— Было высказано предположение, — Фрост был сама деликатность, — что, возможно, этот тип Лодербек воспользовался вами как пешкой в ту ночь четырнадцатого января. Ну то есть в ночь, когда умер отшельник, Лодербек направился прямиком к вам и все вам рассказал. Может статься — есть доля вероятности, — что Лодербек пришел к вам не просто так, а с дальним умыслом.

— Чушь какая, — фыркнул Левенталь. — Откуда бы Лодербеку знать, что я тут же отправлюсь к Эдгару Клинчу? Я со всей определенностью никогда не упоминал при нем имени Эдгара… и он ничего такого из ряда вон выходящего мне не рассказал.

Фрост развел руками:

— Мы, понимаете ли, составляем список подозреваемых, вот и все, и мистер Лодербек в нем значится.

— И кто там еще в этом вашем списке?

— Некто Фрэнсис Карвер.

— А, — кивнул Левенталь. — Еще?

— Конечно же вдова Уэллс.

— Разумеется. Еще?

— Мисс Уэдерелл, — продолжал Фрост, — и

мистер Стейнз.

По лицу Левенталя ничего невозможно было прочесть.

— Обширная подборка, — промолвил он. — Продолжайте.

Фрост объяснил, что нынче с наступлением ночи небольшая группа заинтересованных лиц соберется в гостинице «Корона», чтобы свести воедино все, что известно об этом деле, и обсудить его в подробностях. В группу войдут все, кто сегодня днем присутствовал в хижине Цю Луна, Эдгар Клинч, откупивший Уэллсову недвижимость, и Джозеф Притчард, чей лауданум был обнаружен в доме отшельника сразу после смерти хозяина. Харальд Нильссен поручился за Притчарда, а он, Фрост, — за Клинча.

— Вы поручились за Клинча? — переспросил Левенталь.

Фрост подтвердил, что да, и добавил, что будет рад поручиться и за Левенталя тоже, если тот захочет присоединиться к обсуждению. Левенталь отодвинулся от стола.

— Я приду, — объявил он, вставая, и потянулся за коробком спичек к полке у двери. — Но, сдается мне, на этой встрече необходимо присутствие еще одного человека.

— И кто же это? — встревоженно осведомился Фрост.

Левенталь вытащил спичку и чиркнул ею о дверной косяк.

— Томас Балфур, — проговорил он, наклоняя спичку и следя, как крохотный язычок пламени ползет вверх по черенку. — Мне кажется, его сведения могут оказаться весьма ценными для нашего грядущего обсуждения — если, конечно, он сочтет нужным ими поделиться. — Левенталь осторожно сунул спичку в настенное бра над столом.

— Томас Балфур, — повторил Фрост.

— Томас Балфур, грузоперевозчик, — подтвердил Левенталь.

Он подкрутил ручку, расширяя отверстие, раздалось шипение, и плафон вспыхнул оранжево-алым.

— Он к вам нынче утром заходил, так? Кажется, он упоминал, что виделся с вами в банке.

Фрост нахмурился.

— Заходил — что верно, то верно, — кивнул он. — Но он задавал престранные вопросы, и я, по правде сказать, не вполне понял, чего ему на самом деле надо.

— Вот именно, — отозвался Левенталь, резким

движением загасив спичку. — Во всем этом деле есть еще один аспект, о котором знает Том. Он мне сегодня рассказал, будто у Алистера Лодербека есть какой-то секрет — что-то очень важное. Он, конечно же, не захочет злоупотреблять чужим доверием (мне он ничего не выдал), но если я изложу ему дело в контексте этого собрания… что ж, пусть тогда решает сам. Выбор останется за ним. Может статься, как только все участники выскажутся начистоту, он тоже заговорит.

— Заговорит, — повторил Фрост. — Заговорит — это пожалуйста. Но можно ли ему доверять настолько, чтобы пустить послушать?

Левенталь помолчал, растирая обожженную спичку между двумя пальцами.

— Поправьте меня, будьте так добры, если я ошибаюсь, — холодно отозвался он, — но по вашему приглашению у меня сложилось впечатление, что на это собрание сойдутся ни в чем не повинные люди: не интриганы, не заговорщики и никоим образом не злоумышленники.

— Безусловно, — кивнул Фрост, — и все-таки…

— И однако ж, вы спрашиваете, можно ли доверять Тому настолько, чтобы говорить при нем, — продолжал Левенталь. — Я надеюсь, уж вы-то не владеете какими-либо сведениями, что

могли бы вас скомпрометировать? Уж вам-то ничего такого не известно, о чем вы не смогли бы сказать безбоязненно и вслух в присутствии ни в чем не повинных людей, объединенных общей целью?

— Разумеется, нет, — заверил Фрост, краснея. — И все же мы должны соблюдать осторожность…

— Осторожность? — удивился Левенталь. Он бросил спичку на поленницу и потер палец о палец. — Я начинаю сомневаться в вашей непредвзятости, мистер Фрост. Я поневоле задаюсь вопросом, а не заговор ли это в конечном итоге?

Собеседники долго глядели друг на друга, глаза в глаза, но что до силы воли, не Фросту было тягаться с Левенталем! Молодой работник банка потупился, вспыхнул и коротко кивнул.

— Вам в самом деле следует пригласить мистера Балфура, безусловно следует, — проговорил он.

Левенталь поцокал языком. Когда бывал задет его моральный кодекс, он вел себя в точности как школьный учитель; и его суровый выговор неизменно производил должный эффект. Теперь он взирал на юношу с выражением неизъяснимой скорби, так что Фрост залился румянцем еще более жгучим — словно школьник, которого застали за надругательством над книгой.

Пытаясь оправдаться, Фрост сгоряча ляпнул:

— И все-таки в том, что касается купли-продажи этой хижины, есть факты, достоянием гласности еще не ставшие, — ну то есть мистер Клинч не хотел бы их обнародовать.

Взгляд Левенталя просто-таки обжигал огнем.

— Позвольте мне внести ясность. Я доверяю вашему благоразумию, точно так же как вы доверяете моему, а мы оба доверяем благоразумию мистера Клинча. Но благоразумие далеко не то же самое, что скрытность, мистер Фрост. Возможность того, что кто-то из нас утаивает информацию в юридическом смысле, я даже не рассматриваю. А вы?

Делано-небрежным голосом Фрост обронил:

— Ну, полагаю, мы можем только надеяться, что мистер Клинч с вами согласен, — сдуру пытаясь улестить Левенталя похвалами его логике.

Но Левенталь лишь покачал головой.

— Мистер Фрост, — произнес он, — вы ведете себя неблагоразумно. Я вам этого не советую.

Бенджамин Левенталь родом был из города Ганновера, что со времен его отъезда из Европы оказался под властью Пруссии. (Левенталь, с его вислыми, моржовыми усами и глубокими залысинами, изрядно смахивал на Отто фон Бисмарка,

но сходство было ненамеренным: до внешнего подражательства Левенталь в жизни бы не опустился.) Он был старшим сыном торговца текстилем, чьи жизненные амбиции целиком сводились к тому, чтобы дать образование обоим своим мальчикам. Эта мечта, к безмерному удовольствию старика, исполнилась. Однако вскорости после того, как юноши завершили обучение, оба родителя слегли с инфлюэнцей. Умерли они, как впоследствии сообщили Левенталю, в тот самый день, когда Королевство Ганновер официально провозгласило эмансипацию евреев.

Это событие стало важной вехой в жизни юного Левенталя. Хотя он не был суеверен и, следовательно, не придавал особого значения тому, что эти два события совпали по времени, тем не менее в его сознании они неразрывно увязались друг с другом: он решительно отмежевывался от того и другого обстоятельства, поскольку произошли они в один и тот же день. В ту пору его как раз предложили взять учеником в редакцию газеты «Die Henne» в Ильменау (отец с матерью, конечно же, посоветовали бы ему не упускать такой возможности), но, поскольку Тюрингия до сих пор официально не приняла закона о

гражданском равенстве еврейского населения, Левенталю показалось, что согласиться — значит проявить неуважение к памяти родителей. Юноша разрывался надвое. Его одолевал навязчивый страх катастрофы; он был склонен к постоянному самоанализу и рефлексии; причин поступить так, а не иначе у него обычно насчитывалось великое множество, и все — в высшей степени логически обоснованные. Причины эти мы обойдем молчанием; отметим лишь, что Левенталь и в Ильменау не поехал, и в Ганновере не остался. Сразу после смерти своих родителей он навсегда покинул Европу. Его брат Генрих возглавил отцовский бизнес в Ганновере, а Бенджамин Левенталь, с дипломом в кармане, поплыл через Атлантику в Америку, где на протяжении месяцев, и лет, и десятилетий пересказывал себе эту историю снова и снова, в одних и тех же словах.

Повторение — надежнейшая защита. Со временем представление Левенталя о своем прошлом прочно зафиксировалось и (в силу своей фиксированности) обрело неуязвимость. Он утратил способность говорить о своей жизни в иных терминах, нежели те, что он сам себе предписал: он — высокоморальный человек, он — человек перед лицом парадокса; он — поступил пра-

вильно, поступает правильно и будет поступать правильно. Любой свой выбор он воспринимал как морально-этический. Он утратил способность различать между личным предпочтением и нравственным императивом и отказывался признавать, что такое различие вообще существует. В результате всего вышеописанного он так свободно и отчитывал сейчас Чарли Фроста.

— Я помню о благоразумии, — тихо отозвался Фрост, не поднимая глаз. — Вы за меня не беспокойтесь.

— Я сам пойду поговорю с Томом, — заявил Левенталь, двумя стремительными шагами пересек комнату и распахнул перед работником банка дверь, недвусмысленно его выпроваживая. — Спасибо за приглашение. Увидимся вечером в «Короне».

* * *

По возвращении из Каньера Дик Мэннеринг тотчас же поспешил в гостиницу «Гридирон», где и застал Эдгара Клинча в уединении его личного кабинета, за рабочим столом. Магнат без приглашения сел, рассказал о послеполуденных событиях и в двух словах описал намеченное на вечер совещание. Загодя было решено, осторож-

ности ради, сойтись на нейтральной территории, и курительная комната гостиницы «Корона», самое нерасполагающее к себе помещение в самом непопулярном заведении Хокитики, показалась вполне разумным выбором. Мэннеринг простотаки фонтанировал энтузиазмом: идея тайного совета радовала его несказанно — он ведь всегда мечтал быть членом какой-нибудь гильдии с темной, мистической предысторией, с феодальной иерархией и с уставом. Но очень скоро он осознал, что хозяин гостиницы, по-видимому, слушает его вполуха. Клинч упирался в стол обеими ладонями, словно сопротивляясь порыву ветра, и на протяжении всей пространной речи Мэннеринга ни разу не переменил позы, хотя взглядом встревоженно обшаривал комнату. Его обычно румяное лицо покрывала смертельная бледность, усы подергивались.

— Ну и видок у тебя, я скажу, — как будто камень на душе лежит, — отметил Мэннеринг наконец, и в тоне его явственно сквозило недовольство: ведь уж какая бы забота ни владела хозяином гостиницы, разумеется, она ни в какое сравнение не идет с его, Мэннеринга, приключениями в Чайнатауне или перспективой тайного совещания по поводу загадочной пропажи чрез-

вычайно богатого человека.

— Тут вдовица побывала, — глухо сообщил Эдгар Клинч. — Сказала, у нее дело к Анне. Поднялась наверх, и получаса не прошло, как гляжу — спускается и Анну за собой ведет.

— Лидия Уэллс?

— Лидия Уэллс, — эхом повторил Клинч. В его устах это имя прозвучало ругательством.

— Когда?

— Только что. Они ушли вместе, буквально за минуту до тебя. — И Клинч снова умолк.

— Вот только не заставляй вытягивать из себя рассказ капля по капле, — нетерпеливо фыркнул Мэннеринг.

— Они знакомы! — взорвался Клинч. — Они *знакомы* — Лидия и Анна! Они лучшие подруги!

Это откровение не явилось для Мэннеринга новостью: он частенько захаживал в «Дом многих желаний» в Данидине и видел там обеих женщин; собственно, именно в «Доме многих желаний» Мэннеринг и нанял Анну Уэдерелл в свой «штат». Он пожал плечами:

— Ну, допустим. И в чем проблема?

— Да их водой не разольешь — воровская порука в чистом виде! — удрученно проговорил Клинч. — И если я говорю «воровская», Дик, так

оно и есть.

— И кто же тут вор?

— Они одной веревкой повязаны! — крикнул Клинч.

Право, подумал Мэннеринг, Клинч совершенно невыносим, когда злится: его поди пойми! А вслух произнес:

— Это ты про вдовушкину апелляцию?

— Ты отлично понимаешь, о чем я, — отозвался Клинч. — Кому и знать, как не тебе.

— Что такое? — недоумевал Мэннеринг. — Или ты про клад? Да о чем ты?

— Я не про Уэллсов клад. Я про тот, второй.

— Какой такой второй клад?

— Сам знаешь какой!

— Напротив, понятия не имею.

— *Я про Аннины платья!*

Так Клинч впервые упомянул о золоте, обнаруженном в Аннином платье прошлой зимой, — когда он отнес девушку наверх, и уложил ее в ванну, и подобрал ее одежду, и нащупал вдоль швов что-то тяжелое, и надорвал подшитый край подола, и просунул туда пальцы, и извлек щепоть блестящего песка. Он так извелся под гнетом этой своей тайны, что в теперешней его вспышке ощущалось нечто от помешательства; он был

по-прежнему убежден, что магнат причастен к каким-то махинациям, хотя в чем именно эти махинации состоят, Клинч так в точности и не выяснил.

Но Мэннеринг лишь в замешательстве пялился на него:

— Что? Ты вообще о чем?

— Дурачка-то из себя не строй, — насупился Клинч.

— Прошу прощения, ничего подобного мне и в голову не приходило, — запротестовал Мэннеринг. — Эдгар, что ты такое несешь? При чем тут вообще потаскушкины наряды?

Внимательно разглядывая собеседника, Эдгар Клинч вдруг ощутил укол сомнения. Озадаченность Мэннеринга казалась вполне искренней. Он вел себя не так, как полагается разоблаченному злодею. Значит ли это, что ему неизвестно про золото, спрятанное в Аннинах платьях? Возможно ли, чтобы Анна вступила в сговор с кем-то еще — за спиною у Мэннеринга? Клинч был совершенно сбит с толку. И предпочел сменить тему.

— Да я про это ее траурное платье, — неловко вывернулся он. — Ну то, что с дурацким воротничком, — она вот уже две недели как в нем ходит.

— У нее просто приступ благочестия, — отмахнулся Мэннеринг. — Ишь выделывается. Перебесится, помяни мое слово.

— Я не был бы столь уверен, — покачал головой Клинч. — Понимаешь, на прошлой неделе я потребовал, чтобы она, прежде чем бросить это свое ремесло, расплатилась с долгами. Мы побранились, я, признаться, разозлился и пригрозил вышвырнуть ее из гостиницы.

— А Лидия Уэллс здесь при чем? — нетерпеливо осведомился Мэннеринг. — Итак, ты вышел из себя — и что? При чем тут все это?

— Лидия Уэллс только что погасила Аннин долг, — объяснил Клинч. Он наконец-то оторвал ладони от стола: под ними, чуть повлажневший от соприкосновения с потными руками, обнаружился хрустящий банковский билет на сумму в шесть фунтов. — Анна перебралась в гостиницу «Путник». На неопределенный срок. У нее теперь новая профессия, говорит. И в шлюхах она больше не числится.

Мэннеринг долго глядел на банкноту, не говоря ни слова.

— Но это ее долг тебе, — наконец произнес он. — Это всего-навсего арендная плата. А вот мне она должна сотню фунтов с лишним! Она

в долгах как в шелках — с головой увязла — и она подотчетна мне, черт подери! Не тебе и, уж конечно, не Лидии, дьявол ее побери, Уэллс! И что значит, в шлюхах больше не числится?

— Да то и значит, — отозвался Эдгар Клинч. — С проституцией она, мол, покончила. Вот так и сказала.

Лицо Мэннеринга налилось кровью.

— Нельзя просто так взять да и бросить свое ремесло! И плевать мне, шлюха ты, или мясник, или треклятый пекарь! Нельзя взять да и бросить — если долги не отданы!..

— Это ведь…

— В трауре она, видите ли! — заорал Мэннеринг, взвившись над стулом. — Временно, видите ли! Протяни девчонке палец, так она всю руку до плеча отхватит! Ну уж нет, со мной такие штуки не пройдут! Когда на ней висит долг в сотню фунтов! Еще чего удумала!

Клинч смерил магната холодным взглядом:

— Она велела передать вам, что деньги для вас хранятся у Обера Гаскуана. Спрятаны под его кроватью.

— Кто таков, черт его раздери, этот Обур Гасквон?

— Секретарь магистратского суда, — объяснил

Клинч. — Гаскуан подал от имени миссис Уэллс апелляцию по поводу наследства Кросби Уэллса.

— Ага! — воскликнул Мэннеринг. — То есть мы все-таки к этому вернулись, да? Да будь я проклят!..

— Есть еще кое-что, — продолжал Клинч. — Сегодня днем, когда мистер Гаскуан был в номере у Анны, там началась стрельба. Прозвучало два выстрела. После я расспросил его об этом деле, а он в ответ упомянул о долге. Я поднялся наверх посмотреть. В Анниной подушке зияла дырка. В самой середке. Аж набивка вылезла наружу.

— Две дырки?

— Только одна.

— И вдова все видела, — предположил Мэннеринг.

— Нет, — покачал головой Клинч. — Она пришла позже. Но Гаскуан, уходя, упомянул, что собирается переговорить с какой-то дамой… а два часа спустя объявилась Лидия.

— А что еще за второй клад? — внезапно спросил Мэннеринг. — Ты вроде сказал, есть какой-то еще.

— Я подумал… — Клинч опустил глаза. — Нет. Не важно. Я ошибся. Забудь.

Мэннеринг нахмурился.

— А с какой бы стати Лидии Уэллс выплачивать Аннины долги? — вслух размышлял он. — Ей-то какая с того выгода?

— Не знаю, — признал Клинч. — Но сегодня дело выглядело так, что эти две — самые что ни на есть задушевные подруги.

— Задушевная дружба — это не источник дохода.

— Прямо и не знаю, — повторил Клинч.

— Они шли обнявшись? В хорошем настроении? Как?

— Да, рука об руку, — подтвердил Клинч. — А когда вдова заговорила, Анна прижалась к ней теснее. — И он замолчал, заново переживая воспоминание.

— И ты ее отпустил?! — внезапно рявкнул Мэннеринг. — Ты дал ей уйти — не спросившись меня и меня даже не известив? Эдгар, это моя лучшая девчонка! Да ты и сам знаешь, не мне тебе объяснять! Остальные Анне в подметки не годятся!

— Не мог же я ее силой удерживать, — угрюмо возразил Клинч. — А что мне следовало сделать — запереть ее? В любом случае ты-то был в Каньере.

Мэннеринг вскочил со стула:

— Значит, Китайская Энни стала теперь Энни

Ничейная! — Он с досадой хлопнул шляпой по ноге. — Как у нее, однако, все просто! С проституцией она покончила! Как будто мы все вольны одним прекрасным утром проснуться и просто-напросто перерешить все заново!..

Но Эдгару Клинчу развивать этот риторический аргумент отнюдь не хотелось. Он с тоской думал, что завтра — воскресенье, первое воскресенье за вот уже много месяцев, когда ему не придется больше с нетерпением предвкушать, как он наполнит для Анны ванну. А вслух он сказал:

— Думаю, тебе стоит сходить к мистеру Гаскуану, поговорить насчет денег.

— Знаешь, Эдгар, что меня бесит? — отозвался Мэннеринг. — Сообщения, переданные через третьих лиц, — вот что бесит-то. Необходимость подтирать за другими — вот что бесит. То, что это все я услышал от тебя, — бесит не могу сказать как. Чего Анна от меня ждет? Чтоб я постучался в двери к человеку, которого я едва знаю? И что я скажу? «Прошу прощения, сэр, я так понимаю, под вашей кроватью спрятано много денег и Анна Уэдерелл задолжала эту сумму мне!» Это невежливо. Просто невежливо. Нет уж: что касается меня, эта девчонка все еще работает на меня. Она не кто иная, как шлюха, и ее долг мне ни разу

не выплачен.

Клинч кивнул. Его боевой задор уже иссяк, теперь ему просто хотелось остаться одному. Он подобрал банковский билет, свернул его и убрал в бумажник, поближе к сердцу.

— Во сколько, говоришь, нынче собрание?

— На закате, — отозвался Мэннеринг. — Только смотри приходи либо чуть раньше, либо чуть позже, чтоб мы не всей оравой туда ввалились. Ты обнаружишь, что чертова прорва народу вышла из этой истории с ощущением, что надо искать виноватого.

— Не могу сказать, что «Корона» мне по душе, — пробурчал Клинч под нос. — На стекле, похоже, экономят. Окна фасада надо бы пошире сделать и над крыльцом какой-никакой навес.

— Да ладно, там нас не потревожат, а это главное.

— Да.

Мэннеринг нахлобучил шляпу.

— Кабы меня спросили на прошлой неделе, кто повинен во всем этом сумасбродстве, я бы предположил, что жидюга. Кабы меня спросили вчера, я бы сказал: вдова. Нынче днем я бы ответил: китаезы. А теперь? Так вот, Эдгар, черт меня дери, если я не поставлю на эту шлюху. Попомни

мои слова: Анна Уэдерелл знает доподлинно, как деньги оказались в доме Кросби Уэллса, и ей известно в точности, что приключилось с Эмери Стейнзом — Господь упокой его душу, пусть и преждевременно так говорить. Покушение на самоубийство, ничего себе! Траурное платье, скажете тоже! Они с Лидией Уэллс одной веревкой повязаны — и вместе что-то замышляют.

* * *

Су Юншэн и Цю Лун бодро топали по Каньерской дороге к Хокитике, одетые в одинаковые широкополые фетровые шляпы, суконные плащи и парусиновые боты. Сгущались сумерки, температура резко падала, стоячая вода по обочинам меняла цвет с бурого на глянцево-синий. Дорога была почти пустынна: изредка проезжала телега или одинокий всадник поспешал к теплу и свету города, до которого оставалось еще две мили, хотя уже удавалось расслышать рев океана, размеренный и монотонный, и изредка на его фоне — крик какой-нибудь морской птицы, звук тонкий и невесомый, что парил над гулом дождя.

Путники беседовали на кантонском диалекте.

— Нету на «Авроре» никакого золота, — доказывал А-Цю.

— Ты уверен?

— Участок бесплоден. Как будто землю там уже всю перелопатили не единожды.

— Перекопанная земля таит немало сюрпризов, — отвечал А-Су. — Я знаю много тех, кто неплохо зарабатывает на отвалах.

— Ты знаешь много китайцев, которые неплохо зарабатывают на отвалах, — поправил А-Цю. — И то их того гляди изобьют, а то и жизни лишат те, чьи глаза не столь зорки.

— Деньги — тяжкое бремя, — заметил А-Су. Эту пословицу он цитировал на каждом шагу.

— И бедняки ощущают это бремя острее прочих, — подхватил А-Цю. И искоса глянул на собеседника. — У тебя вот торговля тоже в последнее время идет неходко.

— Верно, — безмятежно заметил А-Су.

— Шлюха утратила вкус к куреву.

— Да. Не могу понять почему.

— Может, другого поставщика нашла.

— Может.

— Ты сам в это не веришь.

— Я не знаю, чему верить.

— Ты подозреваешь аптекаря.

— Да, и не его одного.

А-Цю на мгновение задумался и затем прого-

ворил:

— Не думаю, что обнаруженное мною богатство когда-либо принадлежало самой Анне.

— Это вряд ли, — согласился А-Су. — В конце концов, покражи она так и не заметила.

А-Цю вскинул глаза:

— Ты считаешь мой поступок кражей?

— Я не желаю ставить под сомнение твою честь… — начал было А-Су и замялся.

— Но смысл твоих слов идет вразрез с твоим желанием, Су Юншэн.

А-Су понурил голову:

— Прости мне. Я невежествен, и невежество мое сияет ярче моего умысла.

— Даже невежды имеют свое мнение, — проговорил А-Цю. — Ну же, я в твоих глазах — вор?

— Воровство определяется стремлением к скрытности, — наконец неуклюже выразился «шляпник».

— Говоря так, ты ставишь под сомнение не только мою честь!

— Если я сказал неправду, я проглочу свои слова.

— Ты сказал неправду, — отрезал А-Цю. — Если старатель находит на золотом прииске самородок, он о нем не объявляет во всеуслышание. Он

прячет добычу и ни словом не упоминает о ней своим сотоварищам. Здесь, на золотых приисках, каждый стремится к скрытности. Лишь глупец трубит о своих находках на каждом шагу. Ты бы поступил точно так же, Су Юншэн, если бы набрел на богатое месторождение.

— Но золото, о котором ты говоришь, найдено не на прииске, — возразил А-Су. — Ты свой клад отыскал в кармане женщины; ты отнял золото у нее, а не подобрал с земли.

— Эта женщина понятия не имела, что носила на себе целое состояние! Она — все равно что старатель, который разбил лагерь у золотоносной реки, но ничего ровным счетом не видит и ни о чем не догадывается.

— Но золото в реке не принадлежит никому, и реке — тем более.

— Ты сам сказал, что золото никак не могло принадлежать Анне!

— Анне — нет, но как насчет прав портного? Что за цель преследовал портной, спрятав такую сумму в складках женского платья?

— Я знать не знаю никакого портного, — горячился А-Цю. — Найдя серебряный пенни, задаемся ли мы вопросом, кто его чеканил? Нет; мы лишь спрашиваем, в чьих руках монета побывала до

нас! Я не вор оттого, что подобрал потерянное.

— Потерянное?

– *Потерянное*, — твердо повторил А-Цю. — На это богатство никто не претендовал. Его украли до меня — и украли после.

— Прощения прошу, — покаялся А-Су. — Я был не прав.

— Шлюха — это не то же, что наложница, — заявил А-Цю, горячась все сильнее: он явно вознамерился оправдаться по всем статьям. — Шлюхе не дано обрести уважение. Шлюхе не дано обрести богатство. И престиж, и выгода — все принадлежит сутенеру, шлюхе — ничего. Да, единственный, кто получает прибыль от ее ремесла, — это мужчина, который стоит за ее спиною, в одной руке кошелек, в другой — пистолет. Я не крал у Анны. Что у нее можно украсть? У нее ровным счетом ничего нет. Это золото никогда ей не принадлежало.

Позади раздался цокот копыт; китайцы обернулись — двое всадников, низко пригнувшись в седле, легким галопом неслись по направлению к Хокитике; оба коня были в пене, а хлысты в руках у наездников так и ходили ходуном, заставляя скакунов мчаться еще быстрее. Китайцы отошли в сторону, уступая дорогу.

— Прощения прошу, — повторил А-Су, когда всадники скрылись из виду. — Я ошибся. Ты не вор, Цю Лун.

Путники зашагали дальше.

— Мистер Стейнз — вот кто настоящий вор, — промолвил златокузнец. — Он украл с умыслом — и без зазрения совести сбежал. Глуп я был, что ему доверился.

— Стейнз заодно с Фрэнсисом Карвером, — проговорил А-Су. — Это доказывают и учетные документы по «Авроре». Это их сотрудничество — уже повод, чтобы усомниться в порядочности Стейнза.

А-Цю искоса глянул на своего спутника.

— Я не знаю этого твоего Фрэнсиса Карвера, — промолвил он. — В жизни не слыхал этого имени вплоть до сегодняшнего дня.

— Он — владелец торгового судна, — произнес А-Су безо всякого выражения. — Я знавал его еще мальчишкой в Гуанчжоу. Он предал мою семью, и я поклялся забрать его жизнь.

— Об этом я уже знаю, — отозвался А-Су. — Мне бы хотелось знать больше.

— То жалостная история.

— Значит, я выслушаю ее с сочувствием. Предательство в отношении моего соотечественника

— это предательство в отношении меня.

— За предательство отомщу я сам, — нахмурился А-Су.

— Я лишь имел в виду, что мы должны помогать друг другу, Су Юншэн.

— Почему ты говоришь «должны»?

— Жизнь китайца в этой стране стоит дешево.

— На золотом прииске жизнь вообще дешева.

— Ошибаешься, — возразил А-Цю. — Сегодня ты видел, как человек бил меня, дергал за волосы, оскорблял, угрожал убить, вообще не беспокоясь о последствиях. Потому что никаких последствий и не будет. Все жители Хокитики до единого скорее встанут на сторону Мэннеринга, нежели на мою, а почему? Потому что я китаец, а он — нет. Ты и я *должны* помогать друг другу, А-Су. Должны. Закон объединился против нас; мы должны иметь средства объединиться против закона.

Таких речей А-Су в жизни не слыхивал; он какое-то время помолчал, осмысливая слова собеседника. А-Цю снял шляпу, похлопал по ней ладонью, вновь водрузил на голову. Где-то в кустах неподалеку голосисто завопил медосос-колокольчик[47], его крик подхватил еще один

[47] Сноски: 47

Медосос-колокольчик — желтовато-зеленая новозеландская птица, чье пение напоминает звук колокольчика.

и еще, и на мгновение деревья вокруг словно ожили и взбурлили песней.

Су Юншэн жил и работал один отнюдь не вынужденно, но по собственному выбору. Характер его вовсе не отличался угрюмой мрачностью, и на самом деле ему не составляло труда завязать дружбу, а раз завязав, позволить этой дружбе окрепнуть и обрести глубину; он просто предпочитал быть сам себе хозяином. Он терпеть не мог груза обязательств, тем более если от него этих обязательств ждали или принудительно ему их навязывали; а дружба, как подсказывал ему опыт, практически всегда сводилась к долгам, чувству вины и завышенным ожиданиям. В закадычные друзья он выбирал тех, кто ничего не требовал и многое давал; как следствие, в прошлом А-Су насчитывалось немало благотворителей и очень немного тех, кого он искренне любил. Он обладал идеологией социального авангарда: никаких привязок, голова битком набита убеждениями и никто его не понимает (по крайней мере, так ему казалось). Ощущению, что мир его вечно недооценивает, со временем суждено было переродиться в своего рода персональную демагогию; он ни минуты не сомневался во всеохватной полноте своих представлений и нечасто считал нужным

перед кем-то оправдываться. В целом его взгляды являлись проекциями некоего лучшего мира — мира более простого и чистого, где ему так нравилось жить в фантазиях, ибо он предпочитал безгрешную страстность собственного одиночества всем социальным обязательствам и даже в компаниях держался обособленно. Эту свою предрасположенность он вполне осознавал, при его-то склонности к рефлексии и к масштабному самоанализу самого что ни на есть скрупулезного и умозрительного толка. Но он исследовал свое сознание так же, как пророк — свои собственные причудливые видения, — то есть с благоговением и неизменно полагая, что ему судьбою назначено стать провозвестником некоего космического смысла, некоего вселенского плана.

— История моих отношений с Фрэнсисом Карвером — это повесть со многими началами, но уповаю, что финал будет только один.

— Я слушаю, — отозвался А-Цю.

* * *

Харальд Нильссен прикрыл дверь своего офиса у набережной, плюхнулся за рабочий стол и, не сняв ни шляпы, ни пальто, поспешно нацарапал записку к Джозефу Притчарду. Послание вышло

истерически-небрежным, но Нильссен ничего исправлять не стал. Даже не перечитав написанное, он промокнул страницу, сложил листок и тиснул по воску круглой печатью «Нильссен и К°». А затем позвал Альберта и велел мальчишке спешно доставить записку в аптеку Притчарда на Коллингвуд-стрит.

Как только Альберт ушел, Нильссен повесил шляпу, сбросил насквозь промокшее пальто и переоделся в сухой халат, потянулся к трубке — но, даже закурив, и усевшись поудобнее, и задрав ноги выше, и скрестив лодыжки, он не почувствовал себя спокойнее. Его била дрожь. Кожа казалась влажной на ощупь, сердце колотилось учащенно и замедляться не желало. Нильссен сдвинул трубку в уголок рта, по обыкновению, и сосредоточился на предмете своего беспокойства — на обещании, данном несколькими часами ранее Джорджу Шепарду, начальнику хокитикской тюрьмы.

Нильссен размышлял, до́лжно ли ему нарушить обет молчания и сообщить подробности предложения Шепарда всему собранию нынче же вечером. Этот вопрос, несомненно, имел прямое отношение к грядущему обсуждению, главным образом потому, что речь шла о проценте состоя-

ния Кросби Уэллса, но еще и в силу той причины, что Нильссен подозревал: глубокая неприязнь Шепарда к политику Лодербеку не сводится к проблеме тюрем, дорог и труда заключенных. Если вспомнить, что именно политик Алистер Лодербек первым обнаружил труп Кросби Уэллса, то, размышлял про себя Нильссен, ясно, что начальник Шепард так же увяз по уши в заговоре имени Кросби Уэллса, как и все прочие! Но много ли Шепарду известно и кому он служит, помимо собственных интересов? Знал ли он загодя про клад, спрятанный в хижине Кросби Уэллса? А если на то пошло, знал ли о нем Лодербек? Погруженный в раздумья, Нильссен поменял местами скрещенные ноги и сдвинул трубку во рту, придерживая чашечку между согнутым указательным пальцем и подушечкой большого. С какой стороны ни глянь, размышлял он, Джордж Шепард, конечно же, знает куда больше, чем признается.

Харальд Нильссен умел подчинять внимание общественности: свой авторитет он приобрел благодаря остроумию, красноречию и комичной манере себя подать. Он довольно быстро начинал скучать, если в силу какой-то причины поневоле оказывался на периферии битком набитого

людьми помещения. Его тщеславие требовало постоянной подпитки и постоянного подтверждения, что он сам контролирует непрерывный процесс творения своей личности. Сейчас он досадовал при мысли о том, что его обвели вокруг пальца как распоследнего идиота, и не потому, что он считал, будто такого обращения не заслуживает (Нильссен отлично знал, что он натура впечатлительная, и часто над этим своим свойством подшучивал), но потому, что взять не мог в толк, из каких побуждений Шепард так с ним обошелся.

Он попыхивал трубкой, вызывая в воображении будущее здание тюрьмы, и работный дом, и подмостки эшафота высоко над обрывом. Все это будет построено благодаря его участию и посредничеству — и с его разрешения. «Да к черту начальника Шепарда!» — внезапно подумал он. Он, Нильссен, совершенно не обязан хранить Шепардов секрет — да он даже не знает доподлинно, в чем этот секрет состоит! Нынче вечером он расскажет о просьбе Шепарда всему собранию, а заодно и поделится своими собственными подозрениями на его счет. Он держать язык за зубами официально не договаривался. Никакого документа своей подписью не заверял. Да в чем

вообще проблема? Тюрьма — это не частная собственность. Она принадлежит всей Хокитике. Здание тюрьмы возводится на средства и по заказу правительства — и ради законопослушных жителей.

Вскоре Нильссен услышал, как в приемной открылась и вновь затворилась дверь. Он вскочил на ноги. Это Альберт вернулся от Притчарда. Куртка его насквозь вымокла, вместе с ним в кабинет ворвался земляной запах дождя.

— Он сжег письмо? — обеспокоенно спросил Нильссен. — Ты видел, как он его сжег? Что это у тебя такое в руках?

— Ответ Притчарда, — отвечал Альберт, демонстрируя сложенный листок.

— Я сказал, ответ не нужен! Я же сказал!

— Ага, — кивнул Альберт, — так я и передал, но он все равно черкнул пару строк.

Нильссен буравил глазами документ в руках у Альберта:

— Но, по крайней мере, мое-то письмо он сжег?

— Да, — подтвердил Альберт и замялся.

— Что? Что такое?

— Ну, — признался Альберт, — когда я ему сказал, что записку надо сжечь, он прям расхохотался.

— И что же его так рассмешило? — сощурился Нильссен.

— Не знаю, — отозвался Альберт. — Но я подумал, надо сказать вам. Может, оно и не важно.

Под глазом Нильссена задергалась мышца.

— Он рассмеялся, пока читал письмо? Пока читал мои слова?

— Нет, — покачал головой Альберт. — До того, раньше. Когда я сказал, это надо сжечь.

— Его, значит, это позабавило?

— Ага, то, что вы велели сжечь записку, — покивал Альберт, вертя в руках письмо.

Ему отчаянно хотелось спросить хозяина, из-за чего весь сыр-бор-то, но он не знал, как бы этак изловчиться задать вопрос, чтобы не навлечь нагоняй. Вслух он произнес:

— Вы ответ-то читать будете?

Нильссен протянул руку.

— Давай, — приказал он. — Ты сам его не читал, я надеюсь?

— Не читал, — с уязвленным видом заверил Альберт. — Оно ж запечатано.

— Ах, ну да, ну да. — Нильссен забрал письмо из рук посыльного, перевернул и сломал печать. — Чего ждешь? — спросил он, еще не раскрыв письма. — Ты можешь идти.

— Домой? — с великим сожалением в голосе протянул Альберт.

— Да, домой, бестолочь. Ключ оставь на столе.

Но мальчишка не стронулся с места.

— По пути назад, как я шел мимо «Принца Уэльского», видел: нынче новую пьесу дают, да заграничную! Мистер Мэннеринг раздавал билеты забесплатно, потому что премьера ж! Так я и вам один взял. — Альберт выпалил все это на одном дыхании и, скорчив рожу, отвернулся.

— И что? — осведомился Нильссен. Притчардова письма он так и не развернул.

— «Дух Востока»! — гнул свое мальчишка. — Билет на галерку — первый ряд, в центре. Лучшее, что было. Я специально попросил.

— Ты билет себе оставь, — предложил Нильссен. — Сам сходи. Мне в театр не хочется. Ну, давай беги.

Мальчишка пошаркал ногою об пол.

— Да я себе тоже взял, — признался он. — Подумал — нынче ж суббота, а скачки перенесли…

Нильссен покачал головой:

— Мне сегодня не до театров.

— Ой, — пискнул Альберт. — А почему?

— Чувствую себя неважно.

— Тогда только на первое действие сходите, —

посоветовал мальчишка. — Там шампанское давать будут. Шампанское для самочувствия в самый раз.

— Позови с собой Генри Фуллера.

— Перед входом для господ актеров я дамочку с зонтиком видел.

— Говорю, возьми Генри.

— А дамочка-то — японка, — скорбно вещал Альберт. — На грим не похоже. Небось настоящая. А Генри Фуллер на взморье. А вы-то почему не идете?

— Я совсем расхворался.

— А по виду не скажешь. Вы ж курите.

— Ты наверняка найдешь себе компанию, — заверил Нильссен, с каждой минутой раздражаясь все больше. — Сходи в «Звезду», да поразмахивай там лишним билетом. Как тебе такая мысль?

Альберт какое-то время пялился на половицы, беззвучно шевеля губами. И наконец со вздохом вымолвил:

— Ну что ж, надеюсь, увижу вас в понедельник, мистер Нильссен.

— Да, надеюсь, что увидишь, Альберт.

— До свидания.

— До свидания. А про спектакль ты мне потом непременно расскажи. Ладно?

— Может, мы как-нибудь потом еще раз сходим, — предположил Альберт. — Просто билет-то на сегодня. Но может, еще как-нибудь, в другой раз.

— Да-да, — заверил Нильссен. — С вероятностью, на будущей неделе. Когда я поправлюсь.

Он дождался, чтобы разочарованный подчиненный, мягко ступая, вышел из кабинета и тихо прикрыл за собою дверь. А затем развернул Притчардово письмо и подошел к окну, на свет.

> Х. Подтверждаю. Но слушай: нынче днем у Анны произошло что-то странное. Стрельба из пистолетов и все такое. Подробнее при встрече объясню. Свидетель – секретарь суда О. Г. Раз уж играешь в детектива, может, тебе стоит с ним потолковать. Во что бы уж Анна ни вляпалась, наверняка О. Г. все знает. Ты ему доверяешь? Я – не то чтобы. У наших судей много затей, как гласит пословица. Уничтожь это письмо! – Дж. С. П.

* * *

Ближе к вечеру Томас Балфур вернулся в гостиницу «Резиденция», надеясь застать там Коуэлла

Девлина — капеллана, который не далее как нынче утром случайно подслушал его разговор с Лодербеком. Ему хотелось извиниться за допущенную невежливость, а заодно (и это куда более насущно важно!) выспросить у капеллана, что он знает о пропавшем старателе Эмери Стейнзе. Балфур ни минуты не сомневался, что наведение Девлином справок в редакции «Уэст-Кост таймс» как-то связано с делом Кросби Уэллса.

Однако в «Резиденции» Девлина не обнаружилось. Кухонный персонал сообщил Балфуру, что священник ушел из обеденной залы несколькими часами ранее. В палатке на берегу его тоже не было, равно как в тюрьме при полицейском управлении; равно как и ни в одной из церквей; его не было ни в магазинах, ни в бильярдных, ни на набережной. Балфур удрученно бродил по Хокитике вот уже несколько часов и как раз собирался сдаться и возвращаться домой, когда он наконец-то завидел предмет своих поисков. Капеллан шагал по Ревелл-стрит, его шляпа и пальто промокли насквозь, а рядом с ним шел человек куда выше и крупнее Девлина. Балфур перешел через улицу и уже поднял было руку, пытаясь привлечь внимание священника, как вдруг узнал и его спутника. Это был туземец-

маори, с которым Балфуру тоже довелось уже побеседовать в первой половине дня и с которым он повел себя непростительно грубо.

— Эй, привет! — крикнул он. — Преподобный Девлин! Глазам своим не верю! Вас-то я и искал! Здоро́во, Тед, рад тебя снова видеть.

Тауфаре здороваться не стал; Девлин же, напротив, заулыбался.

— Вижу, вы выяснили мою фамилию, — промолвил он. — Боюсь, вашей я по-прежнему не знаю.

Балфур протянул ладонь.

— Том Балфур, — сияя, представился он. Джентльмены обменялись рукопожатием. — Да, я заходил тут к Бену Левенталю в «Таймс», и там о вас речь зашла. К слову сказать, я вас вот уже несколько часов разыскиваю. Хочу кое-что спросить.

— Тогда наша встреча вдвойне благоприятна, — отозвался Девлин.

— Я насчет Эмери Стейнза, — перебил его Балфур. — Я, видите ли, слыхал, вы про него расспрашивали. Выясняли, кто объявление в газету давал насчет его возвращения. Бен сказал, вы у него побывали. Мне бы хотелось знать, почему вы им интересовались, Стейнзом то есть, и кем

этот человек вам приходится.

Коуэлл Девлин замялся. Правда, конечно же, заключалась в том, что имя Эмери Стейнза, наряду еще с двумя, фигурировало в дарственной, которую священник извлек из зольного ящика плиты в хижине Кросби Уэллса на следующий день после смерти отшельника. Однако капеллан никому не показал этого документа и был твердо намерен не делать этого до тех пор, пока не узнает больше об упомянутых в нем людях. Дóлжно ли ему солгать Балфуру? Девлин не любил обманывать, но, может статься, удалось бы ограничиться частью правды? Он закусил губу.

Балфур заметил, что собеседник колеблется, и ошибочно счел замешательство капеллана немым упреком. Он воздел руки.

— Хорош же я! — воскликнул он. — Пристаю с расспросами на улице, да еще по такой погоде — с каждой минутой мы все мокрее делаемся! Послушайте, как насчет поужинать вместе? Подкрепимся чем-нибудь горяченьким. Глупо разговоры разговаривать под открытым небом, когда по обе стороны от нас полным-полно теплых гостиниц и доброго угощения.

Девлин оглянулся на Тауфаре, который, невзирая на всю свою неприязнь к Балфуру, заметно

оживился в предвкушении трапезы.

Балфур откашлялся, затем, поморщившись, ударил себя кулаком в грудь:

— Я нынче утром сам не свой был, изрядно не в духе — сам был не свой, одно слово. Мне страшно неловко… и я хотел бы загладить свою вину… перед вами обоими. Я всех угощаю ужином, и давайте выпьем вместе — по-дружески. Ну же, дайте человеку извиниться, раз он просит.

Троица вскорости устроилась за угловым столиком «У Максвелла». Балфур, который всегда бывал рад сыграть роль щедрого хозяина, заказал три тарелки бульона, хлеба на всех, жирную кровяную колбасу, твердый сыр, сардины в масле, томленую морковь, горшок тушеных устриц и большую оплетенную бутыль крепкого пива. У него хватило предусмотрительности отложить все разговоры о Кросби Уэллсе и Эмери Стейнзе на потом, пока оба его гостя не насытятся едою и питьем, и вместо того он разглагольствовал о китобойном промысле: все трое представляли себе его в самом романтическом свете, и у всех троих нашлось что сказать на эту тему. Когда спустя три четверти часа их отыскал наконец Бенджамин Левенталь, вся компания веселилась от души.

— Бен! — крикнул Балфур, завидев приближа-

ющегося Левенталя. — А Шаббат как же?

Второй раз за день Балфур успел изрядно захмелеть.

— Шаббат заканчивается с появлением звезд, — коротко пояснил Левенталь. И вновь обернулся к Тауфаре. — Сдается мне, мы друг другу не представлены. Я — Бенджамин Левенталь, издатель «Уэст-Кост таймс».

— Те Рау Тауфаре, — отозвался маори, крепко пожимая протянутую руку.

— Еще можно просто Тед, — встрял Балфур. — Он — хороший приятель Кросби Уэллса.

— В самом деле? — обратился Левенталь к Тауфаре.

— Его лучший друг, — заверил Девлин.

— Ближе брата, — подхватил Балфур.

— Что ж, в таком случае мое дело касается всех вас троих, — отвечал Левенталь.

Бенджамин Левенталь не обладал полномочиями включить Девлина и Тауфаре в число приглашенных на совет в гостинице «Корона». Но, как мы уже отметили, Левенталь, стоило покуситься на его морально-этический кодекс, становился суров и непререкаем, а Чарли Фрост нынче задел его за живое, предположив, что собрание в «Короне» следует ограничить несколь-

кими избранными. Левенталь почувствовал необходимость исправить то, что посчитал этической ошибкой Фроста, и теперь пригласил в «Корону» Тауфаре и Девлина, косвенно выразив тем самым свое недовольство.

— Славно, — кивнул Балфур. — Давай подсаживайся к нам.

Левенталь присел, свел вместе ладони и вполголоса объяснил цель назначенного на вечер собрания. Балфур согласился тотчас же, Тауфаре — мрачно, Коуэлл Девлин — после долгой взвешенной паузы. Капеллан размышлял о дарственной, которую нашел в плите отшельника, а теперь хранил в Библии, между Ветхим Заветом и Новым. Он решил, что возьмет Библию с собой на совещание и предъявит документ, если будет к тому повод и момент окажется подходящим.

* * *

Над трубой Гаскуана курился дым; Мэннеринг постучал, дверь тут же открылась, и хозяин выглянул наружу. Он уже снял форменный пиджак и был одет по-домашнему: в шерстяную фуфайку поверх рубашки. В пальцах он держал только что зажженную сигарету.

— Да? — спросил он.

— Мне достоверно известно, что вам на хранение передана определенная денежная сумма, — начал Дик Мэннеринг. — Это мои деньги, я пришел забрать их.

Обер Гаскуан окинул его взглядом, поднес сигарету к губам, затянулся, выпустил струю дыма под дождь, поверх плеча Мэннеринга.

— А из какого же источника вам это достоверно известно? — мягко осведомился он.

— Мисс Анна Уэдерелл передала через мистера Эдгара Клинча, — объяснил Мэннеринг.

Гаскуан прислонился к дверному косяку:

— И каких же действий мисс Анна Уэдерелл от вас ждет, передав вам эту достоверную информацию через мистера Эдгара Клинча?

— Ты со мной не умничай, — нахмурился Мэннеринг. — Даже думать не смей. Заруби себе на носу — дважды повторять не стану! — умников я не жалую. Она сказала, деньги у тебя под кроватью спрятаны.

Гаскуан пожал плечами:

— Если я и храню Аннино состояние, так делаю это по обещанию и не вижу причин обещание нарушать и передавать деньги другому человеку только потому, что он уверяет, будто это его собственность. Анна со всей определенностью не

предупреждала меня о гостях.

— Это мои деньги.

— Как так?

— Это долг, — объяснил Мэннеринг. — Она мне должна.

— Долг — дело частное, — парировал Гаскуан.

— Долг нетрудно сделать достоянием гласности. Как вам понравится, если я пущу слух, будто у вас в доме хранится больше ста фунтов в чистом золоте? Так я вам скажу. К полуночи ваша дверь будет взломана, к рассвету вор окажется в пятидесяти милях отсюда, и завтра к этому часу вы отдадите Богу душу. Да делов-то! У вас тут никаких связей, и живете вы один.

Гаскуан разом помрачнел:

— Я — ответственный хранитель этого золота, и я никому не передам его без разрешения мисс Уэдерелл.

— Я принимаю ваши слова за признание вины, — усмехнулся Мэннеринг.

— А я принимаю ваши слова за доказательство вашей логической непоследовательности, — парировал Гаскуан. — Доброй вам ночи. Если Анне нужны ее деньги, пусть сама за ними зайдет.

Он попытался было закрыть дверь, но Мэннеринг, шагнув вперед и вытянув руку, ему

воспрепятствовал.

— Странно, не правда ли? — промолвил он.

— Что странно? — нахмурился Гаскуан.

— Странно, как у самой обыкновенной шлюхи внезапно оказывается достаточно золота, чтобы расплатиться со всеми долгами, — и прячет она всю сумму под кроватью у человека, который в Хокитике прожил так недолго, что едва успел узнать, как ее зовут.

— И в самом деле, чрезвычайно странно.

— Вероятно, мне стоит представиться.

— Я знаю, кто вы такой, — отозвался Гаскуан. — И знаю, на что вы способны.

Мэннеринг расстегнул пальто и продемонстрировал пистолеты:

— А знаете ли вы, что вот это такое? И на что способны эти штуки?

— Конечно, — невозмутимо кивнул Гаскуан. — Это скорострельные капсюльные револьверы, и каждый способен выпустить шесть зарядов аккурат за шесть секунд.

— Вообще-то, семь, — поправил Мэннеринг. — Смит-вессон второго выпуска. Семизарядный. Вот насчет шести секунд вы не ошиблись.

Гаскуан снова затянулся сигаретой.

Мэннеринг, усмехнувшись, накрыл ладонями

кобуры:

— Я вынужден просить вас пригласить меня к себе в дом, мистер Гаскуан.

Француз ничего не ответил, но спустя мгновение затушил сигарету о дверной косяк, отшвырнул ее прочь, шагнул в сторону и преувеличенно учтивым жестом поманил Мэннеринга заходить. Мэннеринг обшарил глазами все углы и многозначительно задержал взгляд на Гаскуановой кровати. Едва Гаскуан закрыл за гостем дверь, тот резко обрушился на него:

— Вы, вообще, за кого?

— Не уверен, что вполне понимаю ваш вопрос, — отозвался Гаскуан. — Вы хотите, чтобы я составил для вас список своих друзей?

Мэннеринг обжег его яростным взглядом.

— Вопрос мой таков, — рыкнул он. — Вы — за Анну?

— Да, — кивнул Гаскуан. — До известной степени, понятное дело. — Он опустился в полосатое кресло с подголовником, но гостю сесть не предложил.

Мэннеринг сцепил руки за спиной:

— То есть если бы вы знали, что она во что-то впуталась, вы бы мне не сказали.

— Безусловно, это от ситуации зависит, — от-

вечал Гаскуан. — «Во что-то впуталась» — это вы о чем?

— Вы врете в ее интересах?

— Я согласился спрятать крупную сумму денег в ее интересах, — поправил Гаскуан. — И храню ее под кроватью. Но об этом вы уже все знаете. Так что, полагаю, ответ мой — «нет».

— А почему вы за нее? До известной степени?

Запястья Гаскуана мягко покоились на подлокотниках кресла: он принял непринужденную позу, точно король на троне. Он объяснил, что заботился об Анне, когда ее две недели назад выпустили из тюрьмы, и с тех пор завоевал ее дружбу. Он жалел девушку — ему казалось, что ею воспользовались во зло, — но он не может сказать, что был с нею как-то особенно близок; он никогда не платил за ее общество. Черное платье, добавил Гаскуан, некогда принадлежало его покойной жене. Он отдал его проститутке из милосердия, поскольку ее «рабочий» наряд оказался безнадежно испорчен во время пребывания в тюрьме. Он совсем не ожидал, что девица, заполучив это платье, вздумает соблюдать траур, и, по правде сказать, остался таким развитием событий несколько разочарован, поскольку видел в Анне весьма завидный образчик прекрасного

пола и был бы очень не прочь поразвлечься с нею, как все прочие.

— Эта ваша история не объясняет спрятанного под кроватью золота, — указал Мэннеринг.

Гаскуан пожал плечами. Он слишком устал и слишком разозлился, чтобы лгать.

— На следующее утро после смерти Кросби Уэллса Анна очнулась в тюрьме, и ее платье было просто-таки нашпиговано золотом: металл заложили в швы корсета. Она понятия не имела, откуда при ней взялась такая сумма, и, естественно, очень испугалась. Она попросила меня о помощи. Я решил, разумнее всего будет спрятать находку; мы же не знали, кто зашил золото в ее платье и с какой целью. Оценку мы так и не произвели, но я бы предположил, что общая стоимость этого «клада» никак не меньше ста фунтов — и, по всей вероятности, куда больше. Вот вам, мистер Мэннеринг, вся правда как есть — во всяком случае, в том, что касается меня.

Мэннеринг молчал. Это объяснение в его глазах не имело ни малейшего смысла.

— Должен сказать, — добавил Гаскуан, — вы оказываете мне плохую услугу, вынося мне приговор еще до того, как допросили меня насчет моей невиновности. Меня крайне возмущает,

что вы вторгаетесь в мое частное пространство и злоупотребляете моим временем в такой агрессивной манере.

— Да бросьте вы, — буркнул Мэннеринг. — Агрессивно, скажете тоже! Я вам что, пистолетом в лицо тыкал? Угрожал физическим насилием?

— Нет — и однако ж, я был бы куда счастливее, если бы вы сняли пояс.

— Снять пояс? — презрительно откликнулся Мэннеринг. — Еще скажите положить его на середину стола, на равном расстоянии от нас обоих, — и, выбрав момент, вы к нему метнетесь, а я замешкаюсь! Нет уж, на эту удочку я не попадусь; знаем, плавали!

— Тогда я вынужден попросить вас ограничить ваше присутствие в моем доме сколь можно менее продолжительным сроком. Если у вас еще остались вопросы, задайте их сейчас, но я уже рассказал вам все, что знаю об этом золоте.

— Послушайте, — решительно проговорил Мэннеринг. (Он в толк не мог взять, как это он так быстро перестал быть хозяином положения.) — Я вовсе не хотел положить такое неудачное начало нашему разговору.

— Конечно хотели, — возразил Гаскуан. — Вероятно, сейчас вы уже об этом сожалеете, но,

конечно же, хотели.

Мэннеринг свирепо выругался.

— Ни о чем я не сожалею! — бушевал он. — Вообще ни о чем!

— Это, безусловно, объясняет вашу безмятежность.

— Так я вам вот что скажу… — начал было Мэннеринг, но резкий стук в дверь заставил его умолкнуть на полуслове.

Гаскуан тут же встал. Мэннеринг, внезапно встревожившись, отступил на несколько шагов назад и извлек из кобуры один из пистолетов. Держа его у бедра, вне поля зрения, он кивнул Гаскуану, и тот поднял щеколду.

На пороге, щегольски отставив трость чуть в сторону, с лихо сдвинутой на затылок шляпой, стоял Харальд Нильссен. Он поклонился и уже собирался представиться Гаскуану, как вдруг поверх его плеча углядел Дика Мэннеринга: тот застыл в неловкой позе, прижав руку к боку. Нильссен расхохотался.

— Ну надо ж! — воскликнул он. — Похоже, я от тебя на два шага отстал, Дик! Куда сегодня ни пойду — а ты уже там, первым успел! Здравствуйте, мистер Гаскуан. Меня зовут Харальд Нильссен. Очень рад знакомству. Надеюсь, я вам

не помешал.

Гаскуан учтиво поклонился, хотя глядел по-прежнему холодно.

— Ничуть не бывало, — заверил он. — Прошу вас, заходите.

— Я-то пришел насчет Анны Уэдерелл с вами поговорить, — весело сообщил Нильссен, вытирая ноги. — Но вижу, меня у самого финиша обошли.

— И что насчет Анны? — осведомился Гаскуан, закрывая дверь.

— А ты не зевай, мистер Нильссен, — одновременно подал голос Мэннеринг.

— Вообще-то, дело довольно необычное, — отвечал Нильссен Гаскуану. — Так что оно, наверное, не для всех ушей. Но послушайте: я не хотел вам помешать. Я и попозже могу зайти, когда вы освободитесь.

— Нет-нет, что вы, — запротестовал Гаскуан. — Мистер Мэннеринг уже уходит; ему пора, он сам только что мне сказал.

Мэннеринг не мог не подосадовать: его явно выпроваживали.

— Ну что там еще такое? — вопросил он у Нильссена.

Нильссен коротко поклонился:

— Ситуация довольно щекотливая, прошу меня извинить.

— Да чтоб ты провалился со своей щекотливой ситуацией! — взорвался Мэннеринг. — Бога ради, уж от меня-то тебе таиться незачем, мы тут оба влипли! Это ты насчет вдовицы? Или насчет золота?

Нильссен непонимающе захлопал глазами:

— Ты имеешь в виду Уэллсов клад? — Он обернулся к Гаскуану. — Вы, значит, к *этому* делу причастны?

Гаскуана внезапно разобрал смех.

— Похоже, меня допрашивают со всех сторон, — отозвался он. — А вы тоже вооружились пистолетами, мистер Нильссен? Признавайтесь, да или нет.

— Да нету при мне никаких пистолетов, — заверил Нильссен. Он оглянулся на Мэннеринга и заметил у него в руке револьвер. — А это еще зачем? Вы вообще чего затеяли?

Но Мэннеринг молчал, временно спасовав перед сложным выбором: что скрыть от Нильссена и что утаить от Гаскуана. Он мялся, уже жалея, что упомянул про вдову и золото.

— Мистер Мэннеринг мне как раз показывал свой смит-вессон второго выпуска, — непринуж-

денно пояснил Гаскуан. — По-видимому, этот барабан вмещает семь патронов.

— О, — откликнулся Нильссен. Глядел он подозрительно. — А зачем?

И снова объяснение застряло у Мэннеринга в горле. Ему совсем не хотелось, чтобы Нильссен прознал про золото, спрятанное под кроватью Гаскуана… равно как и не хотелось сообщать Гаскуану о проблеме с Кросби Уэллсом, об А-Цю, А-Су, и об опиуме, и обо всем о том, что предстояло обсудить в гостинице «Корона» нынче же вечером.

— Ситуация действительно щекотливая, — отозвался Гаскуан, выручая того из собеседников, что постарше. И заговорщицки наклонился к Нильссену. — Могу сообщить вам одно: мистер Мэннеринг имеет доступ к источнику достоверной информации в лице мисс Анны Уэдерелл, причем информация эта передается через мистера Эдгара Клинча.

— Ну, довольно с меня, — встрял Мэннеринг, вновь обретая дар речи. — Нильссен, что у тебя там за новости насчет Анны? Что у тебя за дело-то?

Но Нильссен неправильно истолковал намерения Мэннеринга, что вынуждал его заговорить на эту тему в присутствии Гаскуана. Комиссионер

вспомнил, что в письме Притчарда упоминались пистолеты, и Анна, и косвенно — Эдгар Клинч, ведь Притчард писал, что в номере Анны в отеле «Гридирон» произошло что-то странное не далее как нынче днем. Ну конечно же! — вдруг осенило Нильссена. Должно быть, речь идет об одной и той же «щекотливой ситуации»!

— Послушайте! — взмахнул он рукой. — Сдается мне, мы все-таки говорим об одном и том же. Если мистер Гаскуан посвящен в тайну, так чего бы нам не подождать, пока все не соберутся на совет, — вот тогда каждый своей историей и поделится. Не придется дважды рассказывать. Ну что, увидимся в «Короне»?

Мэннеринг шумно выдохнул.

— Боюсь, — наконец выговорил Гаскуан, — ни в какую тайну я не посвящен и на совет в «Короне» меня не звали.

Повисло молчание. Гаскуан переводил взгляд с Нильссена на Мэннеринга. Мэннеринг — с Гаскуана на Нильссена. Нильссен покаянно взирал на Мэннеринга.

— Ну и наделал ты дел! — буркнул магнат. Выругался, убрал пистолет, наставил на Гаскуана указательный палец. — Ладно, — сказал он. — Ничего уже не поделаешь… хотя черт меня раздери,

если вам там обрадуются, и, черт меня раздери, я с вас глаз не спущу до конца вечера, да и потом тоже. Надевайте пальто. Вы идете с нами.

Меркурий в Стрельце

Глава, в которой Уолтер Мади размышляет над актуальной для всех загадкой; мы узнаем, что именно произошло во время его плавания из Данидина, а гонец приносит нежданные вести.

В курительной комнате гостиницы «Корона» воцарилась тишина — казалось, что в тишине этой дыхание на миг замерло у всех на устах и недвижно застыли кольца дыма, что поднимались над трубками, сигаретами, черутами[48] и сигарами.

Полночь миновала. Темнота скруглила углы комнаты, и пучки лучей от спиртовых ламп, еще недавно тусклые и знобкие, теперь обрели силу и потеплели. С улицы доносились отголоски субботней ночи — аккордеон, отдаленные вопли, нечастые возгласы, цокот копыт. Дождь перестал, хотя небо еще не расчистилось, и серповидная луна в низком небе заявляла о себе лишь квад-

---

[48] Сноски: 48
Черуты — сигары с обрезанными концами.

ратным пятном света.

— Вот и все, — произнес Томас Балфур. — Вот и все. Вот до чего мы дошли.

Мади, заморгав, огляделся. Рассказ Балфура, при всей его обрывочной хаотичности, действительно объяснил, что здесь делает каждый из присутствующих. Вон там, у окна, — туземец-маори Те Рау Тауфаре, верный друг Кросби при жизни, пусть и невольно предавший его в конечном итоге. А вон в самом дальнем углу — Чарли Фрост, банковский служащий, оформивший куплю-продажу Уэллсова дома и участка, а напротив него — газетчик Бенджамин Левенталь, узнавший о смерти отшельника спустя каких-нибудь несколько часов. Эдгар Клинч, покупатель Уэллсовой недвижимости, устроился на диване рядом с бильярдным столом, расправляя двумя пальцами усы. У огня обосновался Дик Мэннеринг, сутенер, владелец театра и близкий приятель Эмери Стейнза, а за спиною магната — его недруг А-Цю. С кием в руках замер комиссионер Харальд Нильссен, нашедший в хижине Кросби Уэллса не только огромное состояние, но еще и закупоренную склянку с лауданумом, наполовину пустую, — из аптеки Джозефа Притчарда. Последний, конечно же, занял место рядом с Мади, а с

другой стороны — Томас Балфур, «подлипала» политика Лодербека, чей транспортный ящик с багажом не так давно исчез бесследно. В кресле с подголовником рядом с Балфуром восседал Обер Гаскуан, внесший залог за Анну и обнаруживший еще один клад, поменьше, спрятанный в ее оранжевом «рабочем» платье. Позади него маячил А-Су, торговец опиумом, содержатель притона в Каньере, бывший знакомец Фрэнсиса Карвера, не далее как нынче днем выяснивший, что Кросби Уэллс некогда был богачом. И наконец, к бильярдному столу прислонился, скрестив на груди руки, капеллан Коуэлл Девлин — тот, кто предал останки отшельника земле на террасе Сивью.

По мнению Мади, общество подобралось самое что ни на есть периферийное. Этих двенадцать человек объединяла лишь причастность к событиям 14 января: в ту ночь Анна Уэдерелл едва не умерла, Кросби Уэллс таки умер, Эмери Стейнз пропал, Фрэнсис Карвер снялся с якоря, а Алистер Лодербек прибыл в город. Мади вдруг осознал, что никого из этих людей на собрании не было. Отсутствовал и начальник тюрьмы Шепард, равно как и пронырливая вдовушка Лидия Уэллс.

В голову Мади пришла еще одна мысль: а ведь именно вечером 14 января сам он впервые ступил

на новозеландский берег. Сходя с почтово-пассажирского парохода, который доставил его из Ливерпуля в Данидин, он возвел глаза к небу и впервые ощутил, в каких странных местах оказался. Небеса словно опрокинулись, рисунок созвездий выглядел чужим и незнакомым, Полярная звезда была где-то под ногами, канула в никуда. Поначалу он сдуру все искал ее, надеясь определить широту с помощью вытянутой руки, как проделывал когда-то мальчишкой на другой стороне Земли. Он нашел перевернутый Орион — колчан под ним, а меч торчит от пояса вверх — и Большого Пса, он висел точно дохлая собака на крюке мясника. Что за грустное зрелище, подумал Мади. Как если бы древние узоры звезд не имели здесь никакого смысла. Наконец он высмотрел Южный Крест и попытался вспомнить, как определяется местонахождение полюса, — ведь здесь, в бесформенной черноте антиподов, где все вверх дном, аналогичной звезды-вехи не было. Используется поперечная перекладина или вертикальный столб? Мади напрочь позабыл. Есть ведь какая-то формула: что-то насчет длины сустава… какое-то уравнение. Вопрос дюймов. Ему не давало покоя, что нет здесь такой звезды, которая обозначала бы полюс.

Мади неотрывно глядел в огонь: угли уже давно догорели и рассыпались золой. Томас Балфур излагал свою повесть отнюдь не в хронологическом порядке, и повествование его запутывалось еще больше из-за заминок, разъяснений и поддакиваний, поскольку рассказчика то и дело перебивали: все вторили друг другу, ходя вокруг да около бесконечными кругами. Что за хаотическая картина — как трудно разглядеть ее во всей полноте! Мади вновь перебрал в уме все, что ему довелось услышать в течение вечера. И попытался расставить перечисленные события в нужной последовательности.

Где-то за девять месяцев до сегодняшнего дня бывший каторжник Фрэнсис Карвер преловко отжал у Алистера Лодербека его корабль «Добрый путь». В какой-то момент после того, при неизвестных обстоятельствах, он утратил грузовой контейнер, с помощью которого шантажировал политика. Внутри контейнера находился сундук, а в нем — чистого золота приблизительно на четыре тысячи фунтов; это состояние было тщательно зашито в подкладку пяти платьев. Иголкой поработала Лидия Уэллс, которая на тот момент выдавала себя за жену Фрэнсиса Карвера.

Четыре тысячи фунтов — огромная сумма; естественно, что Карверу очень хотелось ее вернуть, как только он обнаружил пропажу контейнера. Он отплыл в Хокитику, предположительно догадываясь, что груз доставили туда по ошибке, и дал объявление в «Уэст-Кост таймс», предлагая крупное вознаграждение за возврат контейнера в целости и сохранности. Это объявление он разместил от имени Кросби Фрэнсиса Уэллса, предъявив в качестве удостоверения личности свидетельство о рождении, — хотя он был известен и до и после того под именем Фрэнсис Карвер. Почему Карверу для шантажа Лодербека понадобилось (или захотелось) взять себе вымышленное имя, пока что оставалось невыясненным. Непонятно было также, почему свидетельство о рождении Кросби Уэллса (если, конечно, речь шла о подлинном документе) на тот момент оказалось в руках у Карвера.

Настоящий Кросби Уэллс (или, может статься, *какой-то другой* Кросби Уэллс, думал про себя Мади) жил отшельником в долине Арахуры, в нескольких милях к северу от Хокитики. Уэллс скандальной известностью не пользовался, знакомых у него было наперечет; при жизни в Хокитике его почти не знали, а те, кто знал,

даже не подозревали в нем человека богатого и влиятельного. Это А-Су, выясняя подробности его смерти, обнаружил, что несколькими годами ранее Уэллс напал на золотую жилу на приисках Данстана и добыл там целое состояние — не одну тысячу фунтов. По-видимому, Уэллс в силу каких-то причин желал сохранить это обстоятельство в тайне.

Фрэнсис Карвер дал объявление в «Таймс» в начале июня (точность датировки подтвердил Бенджамин Левенталь). Будучи в Хокитике, он в частном порядке предложил Те Рау Тауфаре вознаграждение за любые известия о человеке по имени Кросби Уэллс. Однако Тауфаре человека с таким именем и с такими приметами не знал, и контейнер так и не нашелся; Карвер вернулся в Данидин с пустыми руками.

Анна Уэдерелл также прибыла в Хокитику на «Добром пути», одетая в багряное «рабочее» платье, взятое напрокат у своего нового хозяина Дика Мэннеринга. Когда через несколько недель после прибытия она узнала, что с затонувшего судна удалось спасти сундук с женскими платьями, она купила все пять.

Разумно было бы предположить, что Анна понятия не имела о сокровище, зашитом в платьях,

равно как и не подозревала об их происхождении. Она никому ни словом не обмолвилась о спрятанном золоте и явно не пыталась как-то его извлечь. Мади задумался. Возможно ли такое абсолютное неведение? Пожалуй, опиоманка, в отличие от женщины в здравом рассудке, и впрямь могла не заметить, что таскает на себе какую-то дополнительную тяжесть. С другой стороны, как засвидетельствовал Гаскуан, она прежде приятельствовала с Лидией Уэллс и с вероятностью опознала бы вещи из ее гардероба. Как бы то ни было, решил Мади, с тех самых пор Анна носила на себе целое состояние — хорошо, некую его порцию зараз, — если не считать месячного периода в сентябре-октябре, когда на поздней стадии беременности она вынуждена была обзавестись платьем особого покроя, из тех, что предназначены для будущих матерей.

Когда хозяин гостиницы Эдгар Клинч обнаружил спрятанное в Аннинх платьях золото, он решил, что это, должно быть, сутенер Дик Мэннеринг использует Анну, дабы контрабандой вывозить драгоценный металл с приисков, не платя пошлину в банке. Мысль об этом тайном сговоре глубоко уязвила Клинча, но у него не было никаких оснований призывать к ответу

кого-либо из них, он и промолчал.

Но не один Клинч случайно нащупал в платьях Анны спрятанное сокровище, и не он один превратно истолковал увиденное. Старатель Цю Лун тоже проник в секреты, сокрытые в швах, — к слову сказать, примерно в то же самое время — и пришел к тем же самым скоропалительным выводам, что и Клинч. О том, что Мэннеринг вполне способен на мошенничество, А-Цю знал не понаслышке, ведь магнат уже оставил его в дураках один раз. А-Цю решил побить Мэннеринга его же оружием. Он начал понемногу потаскивать золото из Аннинх платьев, переплавлял песок в бруски и помечал их клеймом с названием рудника «Аврора» — чтобы прибыль поступала в банк как выручка с его участка, который к тому времени откупил молодой старатель по имени Эмери Стейнз.

Процесс изъятия золота из Аннино платья занял несколько месяцев. Всякий раз, как Анна навещала А-Цю в каньерском Чайнатауне, она бывала одурманена опиумом до потери разума; так что А-Цю спокойно и без ее ведома извлекал золото с помощью иголки и нитки, пока девушка спала. Оранжевое «рабочее» платье Анна в Чайнатаун не надевала. Вот почему оранжевое

платье оставалось битком набито золотом еще долго после того, как А-Цю выпотрошил остальные четыре.

Никто не знает как и почему, но переплавленное золото А-Цю было украдено из сейфа на лагерном приемном пункте. Наиболее вероятным подозреваемым, учитывая всю наличествующую информацию, был Стейнз, пропавший без вести старатель, — у которого, что характерно, недоставало мотивировки. Молодой человек был баснословно богат и, по крайней мере в глазах общественного мнения, баснословно удачлив. Зачем бы ему воровать у своего собственного, связанного договором, рабочего? И зачем бы ему прятать золото в чужой хижине, так далеко от своего участка? Ну что ж, какими бы причинами юноша ни руководствовался, думал про себя Мади, в одном сомневаться не приходится: Стейнз так и не положил добытое А-Цю в банк как выручку с «Авроры», что был юридически обязан сделать. Загадочно, одно слово; если бы переплавленное золото поступило в банк, рудник «Аврора» за ночь превратился бы из пустышки в «золотой билет домой».

А еще Эмери Стейнз оказался престранным образом впутан во все это дело посредством

дарственной, которую Коуэлл Девлин обнаружил в зольном ящике у Кросби Уэллса, — в ней значилось имя Стейнза, хотя и без подписи. Эта дарственная, по-видимому, подразумевала, что Эмери Стейнз и Кросби Уэллс были как-то друг с другом связаны и припрятанное состояние в силу какой-то причины предназначалось в дар Анне Уэдерелл от Эмери Стейнза. Что сбивало с толку еще больше: ведь, с какой стороны ни глянь, золото Стейнзу не принадлежало, чтобы вот так им разбрасываться!

Анна носила ребенка — ребенка Карвера — с тех самых пор, как приехала в Хокитику, и весной ее беременность наконец стала заметна. Однако до родов дело не дошло; в середине октября Карвер вернулся в Хокитику, столкнулся с Анной и жестоко избил ее. Нерожденный ребенок погиб. Впоследствии, когда Анна описывала эту сцену Эдгару Клинчу, она дала понять, что Карвер уничтожил дитя хладнокровно и намеренно.

И хотя о смерти ребенка упоминалось вскользь несколько раз за сегодняшний вечер, по-видимому, никто из присутствующих ничего не знал об этой роковой ссоре. Из врожденной деликатности Мади ни от кого не требовал дополнительных подробностей, но про себя размышлял, как именно

взаимоотношения Анны с Карвером встраиваются в канву истории в целом. Он гадал, в самом ли деле Фрэнсис Карвер преследовал цель убить ребенка, а если так, что могло послужить причиной преступления столь гнусного. Разумеется, никто из двенадцати участников совещания не мог ответить на этот вопрос с какой бы то ни было объективной достоверностью; они могли лишь пересказывать то, что им выдали за правду.

(До чего ж темны помыслы отсутствующих мужчин и женщин! И до чего ж труднораспознаваемы мотивации! Ведь Фрэнсис Карвер мог убить своего ребенка, бездушно от него отрекаясь, либо из ненависти, либо в качестве жестокой предупредительной меры, либо по чистой случайности; если не спросить его напрямую, так никогда и не узнаешь наверняка! Даже у Анны Уэдерелл, которая назвала Карвера убийцей, могут быть самые разные причины солгать.)

Поразмыслив обо всем об этом, Мади продолжил.

Те Рау Тауфаре, случайно повстречав Карвера утром 14 января, вспомнил о прошлогоднем предложении. За цену в два шиллинга Тауфаре был готов сообщить Карверу, где обретается Кросби Уэллс. Они ударили по рукам, Тауфаре объяснил,

как отшельника найти, и Карвер в тот же день отправился в долину Арахуры; и этой ночи Уэллс не пережил. Вероятно, Карвер стал свидетелем смерти отшельника, а может, ушел за несколько минут до того, как Уэллс испустил последний вздох, но в любом случае он явился в хижину со склянкой лауданума, следы которого позже были обнаружены в желудке Кросби Уэллса в ходе вскрытия. Сразу после этой встречи Карвер возвратился в Хокитику, отдал приказ команде «Доброго пути» подняться на борт, снялся с якоря и уплыл еще до рассвета. Из Хокитики Карвер отправился не в Кантон (как предполагал Балфур), но в Данидин; этот факт Мади мог подтвердить, поскольку он взошел на этот самый корабль двенадцатью днями позже в Порт-Чалмерсе.

Алистер Лодербек прибыл в хижину Уэллса вскоре после ухода Карвера и обнаружил отшельника мертвым: тот сидел за кухонным столом, уронив голову на руки. Лодербек доехал до Хокитики, где у него взял интервью редактор Бенджамин Левенталь: он собирался разместить внеочередную политическую статью в понедельничном выпуске «Таймс». Левенталь, узнав от Лодербека о смерти Кросби Уэллса, сделал вывод, что собственность отшельника вот-вот выставят

на продажу. На следующее утро он сообщил отельеру Эдгару Клинчу о такой возможности, зная, что Клинч хотел бы вложить капитал в землю. Клинч тотчас же внес в банк задаток, а банковский служащий Чарли Фрост посодействовал ему с покупкой Уэллсовой недвижимости.

Тогда Клинч уполномочил Харальда Нильссена освободить дом покойного и распродать его имущество. Так Нильссен и поступил — и, к вящему своему изумлению, обнаружил, что в хижине, в единственной комнате, во всех мыслимых потайных местах запрятано баснословное состояние. Золото, пройдя через банк, было оценено в четыре тысячи с лишним фунтов. Нильссену выплатили его десятипроцентную комиссию, после чего осталось чуть больше трех тысяч шестисот фунтов; из этого пришлось вычесть всевозможные налоги на наследство, пошлины, сборы и побочные расходы, включая подарок в тридцать фунтов банковскому служащему Чарли Фросту. Остаток — все еще вполне приличная сумма — в настоящий момент находился на условном депонировании в Резервном банке. Однако Клинчу, по-видимому, из этой суммы не достанется ни единого пенни: Лидия Уэллс, загадочным образом явившаяся из Данидина уже

через несколько дней после похорон отшельника, подала апелляцию, требуя объявить куплю-продажу недействительной на том основании, что движимое и недвижимое имущество покойного по закону принадлежит ей.

Безусловно, вся громадная сумма, поставленная на карту в этой игре, не сводилась только к золоту, найденному в хижине Кросби. А-Цю выпотрошил лишь четыре из пяти Аннинх платьев. Последняя порция, зашитая в складки Аннино оранжевого «рабочего» наряда, была обнаружена самой Анной Уэдерелл всего-то две недели назад, когда она очнулась в тюрьме после передозировки опиума. Она не без оснований предположила, что золото ей подбросили только сейчас: ведь она напрочь не помнила, что происходило в течение двенадцати часов, предшествующих ее аресту, и была сама не своя. Она попросила Гаскуана о помощи, вместе они извлекли драгоценный металл из оранжевого платья и спрятали его в мешке из-под муки под Гаскуановой кроватью.

Когда Анна возвратилась в гостиницу «Гридирон» в черном платье, что некогда принадлежало покойной жене Гаскуана, прежние подозрения Эдгара Клинча воскресли с новой силой. Он был уверен — и на сей раз не ошибался, — что Аннино

переодевание как-то связано со спрятанным золотом, и не без горечи отметил, что ее оранжевое «шлюшное» платье исчезло бесследно. Хотельера до глубины души возмутило, что Анна уверяла, будто не в состоянии заплатить ему свои долги, притом что он знал доподлинно: у нее золота куры не клюют. Дав выход раздражению, он сурово обрушился на Анну и предупредил, что выгонит ее из гостиницы за неуплату. Но угроза Клинча привела не к тем последствиям, которых он ждал. С тех пор Анна Уэдерелл полностью вернула ему долг, но не золотом, извлеченным из платьев, и не из законного заработка. Не далее как сегодня днем этот долг был заплачен из шестифунтовой ссуды, предоставленной Лидией Уэллс, вдовой Кросби; что до Аннинога долга Мэннерингу, составлявшего, по подсчетам магната, более ста фунтов, его вполне покроет золото, извлеченное ею с Гаскуаном из оранжевого платья. С тех пор Анна навсегда ушла из «Гридирона». Ее пригласили переселиться к Лидии Уэллс в «Удачу путника», где ей уже не придется заниматься проституцией.

Знала ли Лидия Уэллс, что пропавший грузовой контейнер Карвера очутился в Хокитике, что платья купила Анна и что клад из хижины

Кросби Уэллса и огромное богатство, с помощью которого Карвер шантажировал Лодербека месяцев десять назад, — это одно и то же? На этот вопрос могла ответить только Анна. Много ли Анна знала о своей собственной вовлеченности в это запутанное дело? И многое ли, если на то пошло, была готова открыть Лидии Уэллс? Очень может статься, Анна и впрямь не подозревала, что платья прежде были собственностью Лидии. В таком случае миссис Уэллс и дальше осталась бы в неведении, поскольку Анна все еще носила черное платье, некогда принадлежавшее покойной жене Гаскуана: она ведь дала обет какое-то время соблюдать траур. Разумеется, думал Мади, Анне стоит только открыть гардероб в ее номере, чтобы вдова наряды узнала… но, учитывая, что златокузнец Цю предусмотрительно подбил платья кусочками свинца, миссис Уэллс при первом взгляде и при первом прикосновении могла бы и не догадаться, что подлинное сокровище заменено никчемным муляжом. Этот фокус уже ввел в заблуждение Клинча. Не под эту ли фальшивую гарантию, спрашивал себя Мади, вдова заплатила Аннин долг нынче вечером?

Однако если Анна все-таки знала, что пять платьев некогда принадлежали Лидии Уэллс, то не

могла не знать и о спрятанном в них состоянии, а значит, и о том, как Лодербек, став жертвой шантажа, был вынужден продать «Добрый путь» за десять месяцев до того. В свете этого, подумал Мади, обстоятельства гибели Аннино ребенка внезапно оказываются напрямую связаны с нынешней тайной, ведь об отношениях Анны с Фрэнсисом Карвером, равно как и о ее отношениях с Лидией Уэллс, никому из присутствующих ровным счетом ничего не известно.

Мади рассеянно провел пальцем по кромке бокала. Должно же быть этому всему объяснение получше, нежели ненароком совпавшие обстоятельства. Как там сказал Балфур несколько часов назад? «Цепочка совпадений — это уже не случайность». А что такое совпадения, подумал Мади, как не остановившееся мгновение в последовательности, которую еще предстоит объяснить?

— По крайней мере, вот такова наша роль во всем в этом, — добавил Балфур, словно бы извиняясь. — Это, конечно, не ответ, мистер Мади, но хотя бы объяснение, зачем мы все сошлись здесь нынче вечером; повод, так сказать, для нашего собрания.

— Такого он небось и вообразить себе не мог, — подал голос Дик Мэннеринг.

— Так всегда и бывает, когда правду говорят, — отозвался Балфур.

Мади переводил взгляд с одного лица на другое. Никого из этих людей нельзя было назвать «виновным» в прямом смысле слова, но и «безгрешным» — тоже. Они — сообщники? Сопричастники? Они вместе впутаны в это дело? Мади нахмурился. Он чувствовал, что не находит нужного слова для описания их взаимодействия. Притчард, помнится, воспользовался словом «заговор»… но такой термин едва ли применим, если каждый оказался вовлечен в происходящее по чистой случайности и отношение каждого к обсуждаемым событиям настолько ощутимо разнится. Нет, настоящие зачинщики и настоящие заговорщики — это, конечно же, те мужчины и женщины, которых *нет* среди собравшихся, у них у каждого есть свой секрет, который он или она пытается скрыть!

Мади задумался об отсутствующих.

У Фрэнсиса Карвера, как этим вечером утверждали неоднократно, рыльце явно в пуху. По крайней мере, по словам Лодербека, Карвер — заядлый интриган и шантажом не брезгует; более того, он навестил Кросби Уэллса в день его смерти и, с вероятностью, стал ее свидетелем. Такую

репутацию не следует списывать со счетов, но и безоглядно на нее полагаться тоже не стоит, размышлял про себя Мади: не может же Карвер стоять за всеми событиями сразу и ему вряд ли удалось бы срежиссировать заговор такого масштаба и сложности, чтобы навлечь подозрение на двенадцать человек одновременно.

Затем есть еще Лидия Уэллс, предполагаемая супруга *и* Уэллса, *и* Карвера, некогда любовница Алистера Лодербека, а теперь — как она только что доверительно призналась Гаскуану — тайно помолвленная с кем-то неизвестным. Подобно Карверу, миссис Уэллс показала себя способной на самое бессовестное вымогательство и самую беззастенчивую ложь. В прошлом ей уже доводилось работать на пару с Карвером. Закон в должный срок установит, насколько правомерны ее притязания на собственность Кросби Уэллса… но, даже если они имеют силу, подумал Мади, добивается она своего с помощью методов, что в лучшем случае неделикатны и в худшем — абсолютно бездушны. Мади чувствовал, что не доверяет Лидии Уэллс куда сильнее, чем Фрэнсису Карверу, — хотя, конечно же, необоснованно, ведь он не был с нею знаком и в глаза ее не видел, знал лишь по рассказам, причем по рассказам

обрывочным и разноплановым.

Затем Мади обратился ко второй паре, к Анне Уэдерелл и к Эмери Стейнзу, — ведь они были вместе ночью 14 января, за несколько часов до того, как Анна впала в беспамятство, а Эмери исчез. Что в действительности произошло той ночью и какую роль они оба сыграли, умышленно или неумышленно, в деле Кросби Уэллса?

На первый взгляд могло показаться, что хотя Эмери Стейнз везением наделен в избытке, а Анна обделена вовсе, однако ж Анна, оказавшись на волосок от смерти, выжила, а Стейнз, по-видимому, нет. Мади вдруг пришло в голову, что все присутствующие, каждый по-своему, адски завидовали Стейнзу и адски ревновали Анну. Старательская удача Стейнза принадлежала только ему, и никому другому, а Анна, как приисковая шлюха, принадлежала всем и каждому.

Еще оставались политик и тюремный надзиратель. Мади рассматривал их вместе. Алистер Лодербек, как и его противник Джордж Шепард, передоверял ответственность: он был надежно защищен от последствий собственных поступков благодаря тому, что его прихоти частенько исполняли и воплощали в жизнь иные люди. Находились и другие параллели. Лодербеку вско-

рости предстояло баллотироваться в парламент от округа Уэстленд; Шепард вот-вот собирался приступить к строительству тюрьмы и работного дома на террасе Сивью. У Лодербека были какие-то личные связи с Лидией Уэллс, некогда его любовницей в игорном доме, точно так же как у Шепарда — с Фрэнсисом Карвером, некогда его заключенным в сиднейской тюрьме.

Мысленно Мади разбил этих отсутствующих персонажей на три пары: вдова и незаконный торговец, политик и тюремщик, старатель и шлюха. Такая систематизация ему понравилась: по складу ума Мади тяготел к упорядоченности и комфортнее всего чувствовал себя, имея дело со схемами. Забавы ради он прикинул, а какую роль играет сам в этом причудливом хитросплетении взаимосвязей, которое еще предстоит распутать. И нет ли у него двойника-противоположности? Может, Кросби Уэллс? То есть его антипод — покойник? Внезапно Мади вспомнил видение на борту барка «Добрый путь» и невольно поежился.

— О чем призадумались? — подал голос Харальд Нильссен, и Мади разом осознал, что собравшиеся в комнате вот уже некоторое время ждут от него хоть какого-то отклика.

Все неотрывно глядели на него примерно с одним и тем же выражением обнадеженного ожидания — каждый из участников, в зависимости от характера, это чувство подавлял, либо выставлял напоказ, либо выдавал ненароком. «Стало быть, мне предстоит стать отгадчиком, — подумал Мади. — Детектив — вот моя роль».

— Не торопите его, — добавил Харальд Нильссен, обращаясь ко всем присутствующим, хотя не кто иной, как он сам, побуждал Мади нарушить молчание. — Он заговорит, когда сочтет нужным.

Но Мади осознал, что заговорить не в силах. Он переводил взгляд от одного лица к другому, тщетно подбирая слова.

Спустя еще минуту Притчард, наклонившись, тронул длинным пальцем кресло Мади за подлокотник.

— Послушайте, — промолвил он, — вы говорили, будто обнаружили нечто среди корабельного груза «Доброго пути», мистер Мади, — что-то, что заставило вас усомниться в законности происходящего. Что это было?

— Может, грузовой контейнер? — предположил Балфур.

— Опиум? — подсказал Мэннеринг. — Или что-

то связанное с опиумом?

— Да не торопите его, — повторил Нильссен. — Дайте ему собраться с мыслями.

Тем вечером Уолтер Мади переступил порог курительной комнаты, вовсе не собираясь разглашать, что именно произошло в ходе его плавания из Данидина. Он с трудом сумел признать перед самим собою, что действительно стал свидетелем подобного ужаса, не говоря уже о том, чтобы донести смысл увиденного до других людей. Однако в контексте только что поведанной ему истории стало понятно, что его недавний опыт способен кое-что объяснить.

— Джентльмены, — произнес наконец Мади, — сегодня вечером вы почтили меня своим доверием, и я благодарю вас за ваш рассказ. Со своей стороны мне тоже есть что поведать. Сдается мне, в некоторых своих аспектах моя история окажется для вас небезынтересной, хотя боюсь, что я всего лишь подменю ваши нынешние вопросы новыми.

— Да-да, — подбодрил его Балфур. — Вам слово, мистер Мади; мы вас внимательно слушаем.

Мади послушно поднялся на ноги и развернулся спиною к огню; в следующее же мгновение он почувствовал себя полным идиотом и пожалел,

что не остался сидеть. Он сцепил руки за спиною, качнулся взад-вперед на каблуках и наконец заговорил:

— Прежде всего мне хотелось бы заявить, что, как мне кажется, у меня есть новости об Эмери Стейнзе.

— Хорошие или плохие? — тут же встрял Мэннеринг. — Он жив? Вы его видели?

Обер Гаскуан с каждой новой репликой Мэннеринга заметно мрачнел; он еще не простил магнату его недавнюю грубость, и прощать не собирался. Гаскуан не терпел оскорблений и мог надолго затаить обиду. При этом вмешательстве он громко и неодобрительно шикнул сквозь зубы.

— Не могу утверждать доподлинно, — отвечал Мади. — Я должен предупредить и вас, мистер Мэннеринг, и всех прочих, что в моем рассказе есть несколько деталей, которые — как бы это так выразиться? — не приводят меня к однозначно рациональным выводам. Надеюсь, вы мне простите, что я не рассказал в подробностях о своем путешествии ранее; признаюсь, я сам не знал, что об этом обо всем и думать.

В комнате повисла гробовая тишина.

— Вы, безусловно, помните, — начал Мади, —

что плыл я от Данидина до побережья в жуткий шторм; помните вы, надеюсь, и то, что купленный мною в спешке билет не предусматривал для меня койки как таковой, но всего-то навсего угол в трюме. Там было темно хоть глаз выколи, мерзко воняло, и для жилья это место было совершенно непригодно. Когда начался шторм, джентльмены, я находился на палубе, так же как и на протяжении почти всего пути… Поначалу казалось, что погода просто слегка испортилась, налетел ветер с дождем. Но буря набирала силу, и я с каждой минутой тревожился все сильнее. Меня предупреждали, что моря Уэст-Коста чрезвычайно опасны и что за каждый рейс на прииски Смерть играет в кости с госпожой Кошмар. К сердцу подступил страх… При мне был мой портфель. Я решил отнести его в грузовой отсек, чтобы, если меня смоет за борт, мои бумаги сохранились бы и меня отпели бы как подобает, под моим настоящим именем. Ведь матросам в порту я назвался иначе, как вы помните: я предъявил чужие документы. Мысль о том, что на похоронах прозвучит фиктивное имя…

— Чудовищно, — передернулся Клинч.

Мади поклонился:

— Вот вы меня понимаете. Ну что ж, я, спотыка-

ясь, пересек палубу, прижимая к груди портфель, с большим трудом открыл носовой люк: ветер налетал шквалами и судно ходило ходуном. Я наконец-то приподнял тяжелую крышку и швырнул портфель вниз… но я плохо прицелился. Застежка ударилась о закраину на палубе, портфель раскрылся, содержимое вывалилось наружу: мои вещи рассыпались по всему грузовому отсеку, и мне пришлось лезть за ними вниз по узкой лестнице… Спуск занял какое-то время. В трюме было темно; однако стоило качающемуся на волнах судну накрениться — и луч света, падая сквозь открытый люк, описывал круг по всему грузовому отсеку, точно блуждающий взгляд. Воняло там адски. Ящики поскрипывали, колотились о ремни и цепи с шумом поистине инфернальным. Стояло несколько клетей с гусями, и тут же ехало множество коз. Бедные животные блеяли, гоготали и выражали свое недовольство всеми возможными способами. Я принялся споро собирать свои вещи, поскольку не хотел задерживаться в этом месте ни одной лишней минуты. Однако сквозь всю эту какофонию я уловил новый звук… Изнутри ближайшего ко мне грузового контейнера послышался стук — стук яростный и достаточно громкий, чтобы расслышать его даже

сквозь общий гвалт и грохот.

Балфур тут же насторожился.

— Казалось, — продолжал Мади, — что внутри заперт человек и отчаянно колотит в стенки руками и ногами. Я окликнул его, пошатываясь подошел к ящику — корабль немилосердно раскачивало, а изнутри снова и снова доносилось одно и то же имя: «Магдалина, Магдалина, Магдалина». Я понял, что внутри в самом деле человек, а не крыса и не какое-нибудь иное животное. Я попытался вытащить гвозди из крышки и, торопясь изо всех сил, наконец взломал ящик. Думаю, это произошло где-то в два часа дня, — добавил Мади с легким нажимом. — То есть в любом случае за четыре-пять часов до того, как мы высадились в Хокитике.

— Магдалина, — протянул Мэннеринг. — Это ж Анна.

Гаскуан свирепо нахмурился.

Мади вскинул глаза на Мэннеринга.

— Простите, — промолвил он, — боюсь, я не вполне вас понимаю. Магдалина — это второе имя мисс Уэдерелл?

— Да так любую шлюху кличут, — отозвался Мэннеринг.

Мади покачал головой, показывая, что объяс-

нение его не удовлетворило.

— Ну, как любого пса назовут Бобиком, а любую корову — Буренкой.

— А… да, ясно, — отозвался Мади, думая про себя, что человек, который сам зарабатывает сутенерством, мог бы подобрать парочку более лестных примеров.

— Вероятно, — медленно проговорил Бенджамин Левенталь, — вероятно, мы можем утверждать, оставляя место для сомнения конечно же, что запертый внутри контейнера человек был Эмери Стейнзом.

— Он на Анну здорово запал, это точно, — согласился Мэннеринг.

— Стейнз исчез в тот самый день, как Карвер снялся с якоря! — резко выпрямился в кресле Балфур. — И в тот же самый день мы недосчитались моего грузового контейнера! Ну конечно же, вот так все и было! Стейнз влез в ящик — Карвер ящик крадет и уплывает прочь!

— Но с какой целью? — недоумевал Притчард.

— А вы, часом, на маркировку контейнера не посмотрели? На накладную?

— Нет, не посмотрел, — коротко отрезал Мади. Он еще не договорил, и он терпеть не мог, когда его прерывают на полуслове.

Но благоговейная аудитория в который раз за вечер превратилась в гомонящую толпу: каждый высказывал свои догадки и бурно удивлялся.

— Эмери Стейнз — на корабле Карвера! — восклицал Мэннеринг. — Остается понять, сам ли он спрятался и поехал зайцем, оказался ли на борту по чистой случайности, или Карвер захватил его силой и вполне умышленно замуровал в грузовом контейнере. Вот вам три варианта.

Нильссен покачал головой:

— Сказано ж, что крышка была гвоздями заколочена! Изнутри такого не проделаешь!

— Да это ж все равно что гроб! Дышать-то человеку как?

— Там щели между планками…

— Воздуха все равно недостаточно!

— Том, вот взять твой грузовой контейнер. Там внутри достаточно места для взрослого человека?

— А контейнеры, они вообще большие?

— Не забывайте, что Карвер со Стейнзом — деловые партнеры.

— Размером с телегу. Да вы их видели, они вдоль набережной штабелями составлены. Внутри человек лежа вполне удобно разместится.

— Деловые партнеры на выработанном участ-

ке!

— Странно, однако, что он едет в заколоченном контейнере *обратно* из Данидина. Скажете, не странно? По мне, так выходит, Карвер не подозревал о том, что Стейнз внутри.

— Давайте дослушаем мистера Мади до конца.

— Кто ж так с деловым партнером обращается — заколачивает в ящике на верную смерть!

Не присоединились к этому многоголосию догадок только двое китайцев, Цю Лун и Су Юншэн: они сидели выпрямившись, не сводя очень серьезных глаз с Мади, как и на протяжении всего вечера. Мади поймал взгляд А-Су, и, хотя выражение китайца не изменилось, Мади показалось, будто во взгляде этом промелькнуло сочувствие: А-Су словно бы хотел сказать, что хорошо понимает досадливое нетерпение Мади.

Незнание языка помешало А-Су в подробностях рассказать собравшимся тем вечером историю своих взаимоотношений с Фрэнсисом Карвером, и в результате англоговорящие участники так и не узнали деталей, сверх того что Карвер совершил убийство, а А-Су вознамерился отомстить за него. Мади разглядывал китайца, так и впившись светлыми глазами в темные зрачки А-Су. Интересно, что за предыстория связывает этих

двоих? А-Су признался лишь, что знавал Карвера еще мальчишкой; ничего больше он не открыл. Мади предполагал, что А-Су около сорока пяти лет, то есть родился он в начале двадцатых годов, — вероятно, они с Карвером сталкивались в ходе китайских войн.

— Мистер Мади, — промолвил Коуэлл Девлин, — позвольте задать вопрос вам. А вы сами полагаете, что человек в грузовом контейнере — это Эмери Стейнз?

Все разом умолкли.

— Я никогда не был знаком с мистером Стейнзом и не узнал бы его при встрече, — скованно отозвался Мади, — но да, мне так кажется.

Притчард произвел в уме некоторые подсчеты:

— Если Стейнз пробыл внутри этого ящика с тех самых пор, как Карвер отплыл в Данидин, то это получается тринадцать дней без воды и воздуха.

— Несчастливое число, — пробормотал кто-то, и Мади внезапно осознал, что в курительной комнате собралось именно тринадцать человек, и тринадцатый по счету — не кто иной, как он сам.

— А такое возможно — тринадцать дней? — усомнился Гаскуан.

— Без воды? Вряд ли. — Притчард пощипал

подбородок. — Но без воздуха, понятное дело… вообще немыслимо.

— Но что, если он вовсе не находился внутри все это время, с тех пор как покинул Хокитику? — предположил Балфур. — Может, его в ящик только в Данидине запихнули — либо силой, либо сам залез…

— Мой рассказ еще не окончен, — напомнил Мади.

— Да, точно, — подхватил Мэннеринг. — Он же еще не договорил. Придержите языки-то!

Поток предположений иссяк. Мади снова покачался на каблуках вперед-назад и спустя мгновение продолжил.

— Как только я понял, что внутри контейнера человек, — рассказывал Мади, — я помог ему выбраться — с трудом, ведь он был так изможден и дышал едва-едва. Он, по-видимому, совсем обессилел, колотя в стенки ящика. Я ослабил ему воротник — на нем был шейный платок, — и сей же миг на груди его проступила кровь.

— Вы его чем-то случайно поранили? — уточнил Нильссен.

На сей раз Мади не ответил; прикрыв глаза, он продолжал, словно в трансе:

— Кровь изливалась наружу… пузырилась и

булькала, словно насос работал; человек схватился за грудь, пытаясь остановить поток, и, захлебываясь рыданиями, снова и снова повторял это имя: «Магдалина, Магдалина…» Джентльмены, я глядел на него в ужасе. Я словно онемел. Столько крови…

— Он о ящик поцарапался? — настойчиво гнул свое Нильссен.

— Кровь так и била фонтаном из его груди, — отозвался Мади, открывая глаза. — Это со всей определенностью не была царапина, сэр. Я-то уж никак не мог его поцарапать, разве что ногтем, а я ногти очень коротко подстригаю, как вы, верно, заметили. И повторяю: кровь хлынула потоком уже после того, как он выбрался из ящика и уселся прямо. Я подумал, может, у него в шейном платке булавка торчала, но нет, никакой булавки. Платок был завязан бантом.

Притчард нахмурился.

— Значит, он был уже ранен, — предположил он. — До того, как вы вскрыли ящик. Может, порезался обо что-нибудь до того, как на сцене появились вы.

— Может, — без особой уверенности проговорил Мади. — Боюсь, я слабо понимаю…

— Что такое?

— Что ж, — промолвил Мади, беря себя в руки. — Скажем так: рана не показалась мне… чем-то естественным.

— Это как? — не понял Мэннеринг.

Мади смущенно потупился. Он верил в аналитические свойства разума: он верил в логику с той же спокойной убежденностью, с какой верил в свою способность распознать ее. Он считал, что истину можно довести до совершенства, а совершенная истина всегда абсолютно прекрасна и предельно ясна. Мы уже упоминали, что Мади не придерживался никакой религии и потому не прозревал истины в таинственном, в необъяснимом и необъясненном, в туманах, что застят научное познание точно так же, как вполне материальные тучи в этот самый час затемняли хокитикское небо.

— Понимаю, что прозвучит это странно, — проговорил он, — но я не вполне уверен, что человек из грузового контейнера принадлежал к миру живых. При тамошнем свете… в игре теней… — Мади умолк на полуслове и вновь заговорил, уже резче: — Скажем так. Я даже не уверен, что назвал бы его человеком.

— А что же такое это было-то? — не понял Балфур. — Что, если не человек?

— Призрак, — отозвался Мади. — Видение какое-то. Фантом. Звучит глупо, понимаю. Наверное, Лидия Уэллс смогла бы описать это лучше меня.

На краткое мгновение все голоса смолкли.

— Что было дальше? — промолвил Фрост.

Мади обратился к банковскому служащему:

— Боюсь, я поступил малодушно. Я развернулся, схватил портфель и проворно вскарабкался по лестнице. А его оставил там — всего в крови.

— Вы ведь к накладной на ящике не приглядывались? — вновь поинтересовался Балфур, но Мади отвечать не стал.

— Больше вы с этим человеком не встречались? — спросил Левенталь.

— Нет, — удрученно откликнулся Мади. — Я не нашел в себе храбрости спуститься в трюм еще раз… а когда мы прибыли в Хокитику, пассажиров перевезли на берег лихтером. Если этот человек был реален, если это и в самом деле Эмери Стейнз, тогда в настоящий момент он все еще на борту «Доброго пути»… разумеется, как и Фрэнсис Карвер. Они оба — на некотором расстоянии от берега, сразу за устьем реки, дожидаются прилива. Но может статься, я все это себе навоображал. Незнакомца, и кровь, и все прочее. Прежде

я никогда не страдал галлюцинациями, но… ну да вы сами видите, я не знаю, что и думать. На тот момент, однако, я был уверен, что мне явился призрак.

— Может, так оно и было, — отозвался Девлин.

— Может, и так, — кивнул Мади. — Я приму такое объяснение за истину, если найдутся веские доказательства. Но, прошу меня простить, мне оно представляется чем-то из области фантастики.

— Призрак там или не призрак, но к какому-то решению мы наконец пришли, — промолвил Левенталь с безмерно усталым видом. — Завтра утром, когда мистер Мади пойдет на пристань за дорожным сундуком…

Но Левенталь не договорил. Дверь курительной комнаты внезапно распахнулась и ударилась о стену с такой силой, что присутствующие разом вздрогнули. Все как по команде обернулись: на пороге стоял мальчишка Мэннеринга, тяжело дыша и хватаясь за бок — видать, под ложечкой закололо.

— Огни, — выдохнул он.

— Чего? — пробасил Мэннеринг, тяжело поднимаясь на ноги. — Какие еще огни? Что не так?

— Огни на косе, — отвечал мальчишка, по-

прежнему держась за бок и хватая ртом воздух.

— Ну, выкладывай!

— Не могу… — Мальчишка закашлялся.

— Что еще за беготня мне тут? — взревел Мэннеринг. — Ты, вообще-то, должен стоять снаружи! *Стоять*, а не носиться сломя голову, черт тебя дери! Я тебе плачу не за оздоровительный моцион, чтоб тебе пропасть!

— Это «Добрый путь», — выговорил наконец мальчишка.

В комнате разом воцарилась гробовая тишина.

— «Добрый путь»? — рявкнул Мэннеринг, выпучив глаза. — Что с ним такое? Да говори же, бестолочь!

— Навигационные огни на косе, — объяснил мальчишка. — Они погасли… под ветром… и… прилив…

— Что *случилось*-то?

— «Добрый путь» затонул. Налетел на отмель… накренился, десяти минут еще не прошло. — Мальчишка со всхлипом перевел дух. — Гротмачта сломалась, корабль опять завалился на борт… и тут волны хлынули в люки, и судно опрокинулось. Ему крышка, сэр. Крышка ему. Нету больше корабля.

Часть II
Пророчества

18 февраля 1866 года

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы

Гаскуан
Сун
Девчин
Инфернаре
Ордеен
Дегемин
Ланш
Оманерши
Ино
Кинесси
Пунтгард
Балдур

Эклиптика

Глава, в которой наши приверженности меняются, как явствует по нашим лицам.

Три недели минули с тех пор, как Уолтер Мади впервые ступил на прибрежный песок, с тех пор, как собрался тайный совет в «Короне», и с тех пор, как барк «Добрый путь» пополнил собою список кораблей, разбившихся на отмели. Теперь эти двенадцать человек здороваются друг с другом этак многозначительно — вот так вольный каменщик, встретив члена своей гильдии при свете дня, обменивается с ним красноречивым и серьезным взглядом. Дик Мэннеринг кивнул Коуэллу Девлину на Каньерской дороге; Харальд Нильссен дважды приподнимал шляпу, приветствуя Томаса Балфура; Чарли Фрост и Джозеф Притчард пожелали друг другу доброго утра в очереди на завтрак в шестипенсовой забегаловке. Любая тайна неизменно укрепляет только что завязавшуюся дружбу, равно как и коллективное ощущение, что виноват кто-то посторонний. Отметим, что участников собрания в «Короне»

объединили не столько общие убеждения, сколько общие подозрения — направленные главным образом вовне. В своих разнообразных оценках Алистера Лодербека, Джорджа Шепарда, Лидии Уэллс, Фрэнсиса Карвера, Анны Уэдерелл и Эмери Стейнза соумышленники из «Короны» приходили все к более знаменательным выводам, несмотря на то что ничего доказано не было, никого не допрашивали и никакой новой информации не обнаружилось. Их версии обретали все более фантастические очертания, их гипотезы все больше отрывались от земли, а советы звучали все менее уместно. Неподтвержденные подозрения имеют свойство постепенно перерождаться в злостные заблуждения, подверженные смене настроений, обретают все свойства банальных суеверий, — а участники собрания в «Короне», чьи клятвы верности, как ни крути, шиты яркой нитью времени и движения, как все прочие люди, куда как уязвимы для чужого влияния.

Ибо планеты сместились на фоне вращающегося звездного шатра. Солнце продвинулось на одну двенадцатую по наклонному колесу своего эклиптического пути, и с движением этим наступает новый миропорядок и меняется угол зрения. При Солнце в Козероге мы были замкнуты, взыс-

кательны, возвышенно-отстраненны. Обращаясь к человеку, мы пытались раз и навсегда дать ему определение; мы оплакивали его недостатки и оценивали его таланты. Мы и вообразить не могли, каким он стал бы, если б поддался искушению предать собственную природу — или, еще лучше, предал себя безо всякого искушения. Но истина бывает не иначе как относительной, и небесные взаимозависимости состоят из подвижных колесиков, колеблющихся осей и вращающихся дисков; эта точная, как часы, оркестровка с каждой минутой меняется, ни разу не повторяясь, ни на миг не прекращаясь. Мы уже не прячемся в уединенных воспоминаниях о прошлом. Мы глядим вовне, сквозь иллюзии собственных убеждений; мы видим мир таким, как желали бы его усовершенствовать, и воображаем, что живем в нем.

Овен в третьем доме

Глава, в которой Те Рау Тауфаре ищет работу, а предложения Левенталя встречают резкий отпор.

Дойдя до редакции газеты на Уэлд-стрит, Те Рау Тауфаре обнаружил, что дверь открыта и припёрта стоячей вешалкой, а изнутри доносится посвистывание. Он вошел, не стучась, и проследовал через цех в мастерскую в глубине здания, где издатель Бенджамин Левенталь за реалом набирал понедельничный выпуск «Уэст-Кост таймс».

В левой руке Левенталь держал стальную верстатку размером примерно со школьную линейку, правой рукой отбирал и ловко составлял вместе крохотные брусочки литер, нарезками вверх, вдоль нижней стенки верстатки, — чтобы справиться с этой задачей, ему приходилось читать не только справа налево, но и в обратном порядке, ведь набранный текст представал в зеркальном и перевернутом отображении. Набрав строку, он одним быстрым движением переставлял ее на наборную доску, плоскую стальную

форму размером чуть больше газетного листа; под каждой строкой, отделяя одну от другой, он вкладывал тонкие свинцовые пластинки и время от времени — рельефную медную линейку для жирного подчеркивания. Переставив последнюю строку текста на наборную доску, он прилаживал деревянные заключки по краям формы с помощью молоточка: ведь литеры должны сидеть плотно. Затем выравнивал поверхность набора с помощью доски два на четыре, чтобы каждая литера крепилась на одинаковой высоте. Наконец, он окунал ручной валик в чернила и покрывал весь набор тонкой глянцевито-черной пленкой — работал он быстро, чтобы чернила не успели высохнуть, — и клал поверх трепещущий газетный лист. Левенталь всегда печатал первую корректуру вручную, чтобы проверить текст на наличие ошибок, прежде чем «спустить» на машину, — хотя, будучи тем еще перфекционистом, редко допускал ошибки по невнимательности либо небрежности.

Издатель тепло поприветствовал гостя.

— Сдается мне, мистер Тауфаре, мы не виделись с той самой ночи, как потерпел крушение «Добрый путь», — промолвил он. — Может ли такое быть?

— Да, — равнодушно обронил Тауфаре. — Я был на севере.

Он скользнул взглядом по реалу: по наборной кассе со шрифтами, по бутылочкам с чернилами и щелоком, кистям, пинцетам, молоточкам, наборам свинцовых и медных литер, по вазе с крапчатыми яблоками и фруктовому ножу.

— Только вернулись, да?

— Нынче утром.

— Что ж, могу предположить почему.

— Как это вы можете предположить? — свел брови Тауфаре.

— Так ведь сегодня ж вдовицын спиритический сеанс! Я угадал?

Тауфаре помолчал минуту, по-прежнему супя брови. И наконец подозрительно осведомился:

— Что такое сеанс?

Левенталь усмехнулся. Отложил верстатку, пересек комнату, взял воскресный выпуск газеты, что лежал свернутым рядом с умывальником.

— Вот, — проговорил он. Развернул газету, ткнул перепачканным в чернилах пальцем в объявление, напечатанное на второй странице, передал номер Тауфаре. — Вы непременно приходите. Не на сам сеанс — туда по билетам пускают, — но на фуршет перед сеансом.

Объявление занимало две колонки. Напечатано оно было жирным парангоном[49] — кеглем, что Левенталь обычно использовал только для флаговых заголовков и важных рубрик, — и обведено броской черной рамочкой. Заведение «Удача путника», владеет и распоряжается которым миссис Лидия Уэллс, прежде проживавшая в Данидине, вдова Кросби, впервые откроется для публики нынче вечером. В честь этого события миссис Уэллс, знаменитый медиум, изволит устроить дебютный сеанс для избранной аудитории; билеты распределяются по принципу «первым пришел — первым обслужен»; однако сеанс предваряется «напитками и размышлениями» для людей широких взглядов: их всех призывают прийти, настроившись на объективное, непредвзятое восприятие.

Что до последнего — легче сказать, чем сделать! В газете говорилось, сеанс ставит целью уловить посредством чрезвычайно чувствительного инструмента (самой мисс Уэллс) некие вибрации духа, изучение которых открыло бы канал между нашим миром и иными сферами, тем самым

[49] Сноски: 49

Парангон (или двойной боргес) — типографский шрифт, кегль которого равен 18 пунктам (примерно 6,77 мм); используется для заголовков и титульных листов.

установив контакт с мертвыми. В пределах же широкой категории мертвецов миссис Уэллс выказала исключительную привередливость и исключительную самонадеянность в своем выборе: она замыслила призвать тень мистера Эмери Стейнза, который так и не возвратился в Хокитику и чье тело, спустя пять недель отсутствия, так и не отыскалось.

Вдова не уточнила, какие вопросы она собирается задать призраку мистера Стейнза, но все полагали, что она, по крайней мере, всенепременно спросит, какой именно смертью он умер. Любой медиум, который не зря свой хлеб ест, вам скажет: дух убитого обычно куда более словоохотлив, нежели дух, покинувший этот мир покойно и мирно, — а надо ли уточнять, что Лидия Уэллс хлебушек кушала не даром.

— Что такое сеанс? — повторил Тауфаре.

— Да чушь несусветная, — охотно пояснил Левенталь. — Лидия Уэллс раструбила по всей Хокитике, что собирается пообщаться с духом Эмери Стейнза, и больше половины города поверило ей на слово. Спиритический сеанс сам по себе — это просто-напросто спектакль. Она впадет в транс — как будто с нею припадок приключился или, там, истерика, — произнесет несколько слов мужским

голосом, или сделает так, чтобы шторы неожиданно заколыхались, или заплатит мальчишке пенни, чтоб влез по трубе и крикнул что-нибудь в дымоход. Это все дешевая театральщина. Но все, конечно же, разойдутся по домам, свято веря, что пообщались с призраком. Так где вы были-то?

— В Мафере, — отозвался Тауфаре. — В Грейму-те. — Он все еще хмуро взирал на газету.

— Там, полагаю, о мистере Стейнзе ничего не слышали?

— Нет.

— Вот и здесь тоже нет. Боюсь, надежды почти не осталось. Но может, нынче вечером какая-нибудь зацепка появится. Видите ли, настоящий повод для подозрений — это уверенность миссис Уэллс в том, что мистер Стейнз действительно мертв. Если она это знает — то откуда бы, и что еще ей известно? О, последние две недели люди только и делают, что языками чешут. Я этот фуршет ни за что на свете не пропущу. До чего ж досадно, что мне билета не досталось.

Ибо вдова сочла нужным ограничить доступ на свой сеанс лишь семью персонами: дескать, семь — это магическое число, с намеком на темные тайны; и Левенталь, явившись к «Удаче путника» поутру, где-то без пятнадцати девять, к вящему

своему сожалению, обнаружил, что эти семь мест уже заполнены. (Из соумышленников «Короны» только Чарли Фросту да Харальду Нильссену удалось разжиться билетами.) Левенталь, заодно с десятками других разочарованных, вынужден будет удовольствоваться «напитками и размышлениями» и уйти до официального начала сеанса. Он попытался перекупить билет за двойную цену у одного из счастливчиков, но безуспешно. Фрост и Нильссен — оба ответили решительным отказом, хотя Нильссен обещал впоследствии рассказать о событии сколь можно подробнее, а Фрост предложил Левенталю загодя помочь ему разработать стратегию рекогносцировки.

— Цена три шиллинга, оплата на входе, — сообщил Левенталь, на случай, если Тауфаре не умеет читать и скрывает это.

— Три шиллинга? — Тауфаре вскинул глаза. Развлечение на один вечер в жизни не стоило таких денег. — За что?

Левенталь пожал плечами:

— Вдовица знает, что может любую цену заломить, и ровно это и делает. Может, бренди эти деньги окупит, если пить по-быстрому; напитки там подаются без ограничений. Но вы правы: это сущий грабеж. И уж конечно, каждый второй

бьет копытом — как бы с Анной словечком перемолвиться. Вот кто гвоздь программы-то, вот где главная приманка! Вы же знаете, она вот уже три недели как сидит в «Путнике» почти безвылазно. Одному Господу ведомо, что там внутри происходит.

— Я желаю дать объявление в вашу газету, — объявил Тауфаре. И грубо бросил номер на реал, так что лист соскользнул на Левенталеву наборную доску.

— Безусловно, — откликнулся Левенталь с неодобрением, потянувшись за карандашом. — У вас текст уже заготовлен?

— «Проводник-маори с большим опытом, бегло говорит по-английски, хорошо знает местные края, предлагает свои услуги землемерам, старателям, геологоразведчикам и прочим. Успех и безопасность гарантируются».

— «…Землемерам, старателям, геологоразведчикам…», — повторил Левенталь, записывая со слуха. — «Успех и безопасность…». Так, очень хорошо. А теперь поставить ваше имя?

— Да.

— А еще мне понадобится адрес. Вы в городе остановились?

Тауфаре замялся. Он собирался вернуться в до-

лину Арахуры и заночевать в покинутой хижине Кросби Уэллса, однако ему совсем не хотелось сообщать о том Левенталю, учитывая его близкое знакомство с Эдгаром Клинчем, нынешним законным владельцем этого жилища.

Со времен собрания в гостинице «Корона» тремя неделями ранее мысли Тауфаре то и дело возвращались к Эдгару Клинчу, ведь, невзирая на все договоры и сделки между маори и *пакеха*[50], заключенные за последнее десятилетие, Те Рау Тауфаре по-прежнему смотрел на долину Арахуры как на свою собственность и приходил в ярость всякий раз, как какой-нибудь участок земли на Те-Таи-Поутини[51] покупали выгоды ради, а не в пользование. Насколько было известно Тауфаре, Клинч вообще не бывал на Арахуре до заключения сделки, а после покупки не потрудился даже обойти границу участка, что теперь принадлежал ему по закону. Так на что ему это приобретение сдалось-то? Клинч разве собирался там поселиться? Станет ли он пахать пашню? Валить местные деревья? Строить плотину на реке? Или, может, пробурит шахту и примется золото

[50] Сноски: 50
Белый человек, европеец *(маори).*

[51] Сноски: 51
Маорийское название новозеландского региона Уэст-Кост.

добывать? Вестимо, он ровным счетом ничего не сделал с хижиной Кросби, кроме как вынес из нее все, годное на продажу, — и то через посредника! Это пустое, бездушное капиталовложение не подразумевает ни умения, ни любви, ни многочасового терпеливого труда; такую прибыль можно лишь растратить впустую; ущербная по сути своей, она и обратится в никчемный мусор. Тауфаре никак не мог уважать человека, который обращается с землей точно с какой-то валютой. Землю нельзя перечеканить на монету! На земле нужно жить, землю нужно любить.

Здесь Те Рау Тауфаре нисколько не лицемерил. Он исходил и изъездил Уэст-Кост вдоль и поперек до последнего дюйма, пешком, в телеге, верхом, на каноэ. Он мог мысленно представить побережье по всей его протяженности, словно на богато иллюстрированной карте: на крайнем севере — Мохикинуи и Карамеа, где топорщатся тучные влажные мхи, где листва с восковым налетом, где кустятся непролазные, пахнущие землей заросли, где сброшенные пальмами-никау[52] резные листья устилают землю, громадные и тяжелые, точно хвостовые плавники кита; а дальше на

[52] Сноски: 52

Пальма-никау — единственная исконно новозеландская разновидность пальмы.

юг — бронзово-лакированная река Тарамакау, и зубчатые каменные башни в Пунакаики, и заболоченные низины к северу от Хокитики, над которыми непрестанно клубится туманное марево не-совсем-дождя; еще дальше — колыбели озер; безмолвные долины в густой зелени; извивы глетчеров, подернутые серо-голубой рябью; гребень высоких Альп; и, наконец, Окаху и Махитахи на крайнем юге — широкие галечные пляжи, замусоренные костяками могучих деревьев, где вечному аккумулятору прибоя вторит неумолчный рев ветра. За Окаху береговая линия становилась отвесна и непроходима. Тауфаре знал: по ту сторону лежат глубокие водные артерии южных фьордов, где солнце рано садится за крутые пики и поверхность воды приобретает оттенок потемневшего серебра, а тени стекаются в лужицы, как нефть. Тауфаре в жизни не видел Пиопиотахи, но был об этом фьорде наслышан и любил его за то, что он часть Те-Таи-Поутини.

Такова лента побережья, а в сердце всего этого река Арахура, *taonga, wahi tapu, he matahiapo i te iwi*![53] Если Арахура была для Тауфаре экватором и делила землю Те-Таи-Поутини надвое, то хижи-

---

[53] Сноски: 53

Святыня, священное место, почитаемое народом *(маори).*

на Кросби в долине, более или менее на полпути между горами и океаном, служила ему меридианом. И однако ж, ни Тауфаре, ни его *hapu*, ни его *iwi*[54] не могли предъявить на нее права. Еще до того, как останки Кросби Уэллса предали земле, эту сотню холмистых акров в долине Арахуры приобрел жадный до прибыли *пакеха*, который поклялся своей честью, что завладел землею без обмана; никакой грязной игры не велось, уверял он, и никаких законов он не нарушил.

— Может, гостиница? — подсказал Левенталь. — Или ночлежка? Хватит просто названия.

— У меня нет адреса, — покачал головой Тауфаре.

— Ну что ж, — пришел ему на помощь Левенталь. — Я напишу: «По всем вопросам обращаться в редакцию, Уэлд-стрит». Как вам такое? Вы сможете заглянуть ко мне на неделе и узнать, справлялся ли кто-нибудь о вас.

— Мне подходит, — кивнул Тауфаре.

Левенталь ожидал изъявлений благодарности, но их не последовало.

— Хорошо, — произнес он, выдержав паузу. Голос его звучал холодно. — Публикация на

---

[54] Сноски: 54

Хапу — нечто вроде клана, основная общественно-политическая единица народа маори. Несколько *хапу* составляли *иви*, то есть племя.

страницах нашей газеты в течение недели стоит шесть пенсов. Десять пенсов — за две недели; один шиллинг и шесть пенсов — за месяц. Оплата вперед, разумеется.

— Неделя, — произнес Тауфаре, осторожно вытряхивая содержимое своего кошелька на ладонь.

Жалкая горстка пенни и фартингов наглядно свидетельствовала, как ему нужна работа. Со времен достопамятного вечера в «Короне» Тауфаре всего-то и заработал что серебряный шиллинг — выиграл в состязании силы две недели назад. Как только он заплатит Левенталю за объявление, ему едва удастся наскрести на завтрашний обед.

Минуту Левенталь следил, как тот считает пенни, а затем произнес, уже добрее:

— Послушайте, мистер Тауфаре, если у вас с наличностью туго, может, вам на косу прогуляться? На набережной Гибсона объявляли, там рабочие руки требуются. Вы, верно, не слышали: колокол прозвонил с час назад. «Добрый путь» наконец-то вытащили на берег, нужны люди на разгрузке.

В течение минувших трех недель два больших буксира постепенно перетащили барк на мелководье; там корпус судна подняли на катки вровень с берегом; наконец нынче утром, при

отливе, с помощью упряжки клейдесдальских тяжеловозов и лебедки корабль вытянули из воды. Теперь остов обсыхал под солнцем — эта разбитая громадина походила не столько на выброшенное на берег морское животное, сколько на поверженное создание воздуха. Поутру Левенталь побывал на косе; ему примерещилось, будто корабль рухнул с огромной высоты и разбился вдребезги. Все три мачты сломались у основания; без парусов и такелажа судно выглядело ободранным как липка. Левенталь долго и неотрывно глядел на него, прежде чем продолжить путь. Как только корабль разгрузят и снимут с него все крепежные детали, его разберут на части и распродадут по кускам в ремонт и на лом.

— Раз уж я об этом заговорил, — продолжал Левенталь, — нам свой человек на разгрузке корабля и впрямь не помешает. Ну, памятуя о транспортном контейнере Тома, я хочу сказать… и уж чего бы там мистеру Мади ни примерещилось в трюме. Вы — наши глаза и уши, мистер Тауфаре. У вас превосходное оправдание, если вы на мели и хотите подзаработать честным трудом. Никто не станет приставать к вам с расспросами как и почему.

Но Тауфаре помотал головой. Про себя он дал

обет не вести больше никаких дел с Фрэнсисом Карвером — никогда, ни при каких обстоятельствах.

— Я за случайную подработку не берусь, — объявил он, выкладывая шесть пенсов на стол.

— Идите на «Добрый путь», — настаивал Левенталь. — Никто вас ни о чем не спросит. У вас отличный повод.

Но Тауфаре не любил следовать чужим советам, пусть и преподнесенным из самых лучших побуждений.

— Подожду маркшейдерской работы, — сказал он.

— Чего доброго, долго ждать придется.

Тауфаре пожал плечами:

— Подожду.

— Вы не понимаете, — гнул свое Левенталь, постепенно раздражаясь. — У вас есть шанс оказать нам всем добрую услугу, да и себе заодно. Вы ж не сможете пойти на вдовицын прием без билета и не сможете заплатить за билет, если кошелек пуст. Ступайте на набережную Гибсона, поработайте день, уж сделайте нам всем одолжение.

— Я не хочу на прием.

— С какой стати нет? — не поверил Левенталь.

— Вы сказали, это глупость. Театральщина.

Повисла пауза. Наконец Левенталь заговорил снова:

— А вы знаете, что уже судебного адвоката пригласили? Некоего мистера Джона Другана из греймутской полиции. Ему поручено разобраться с делом Кросби Уэллса.

Тауфаре пожал плечами.

— В этот самый момент он ведет расследование, — продолжал Левенталь, — пытаясь выяснить, есть ли необходимость в судебном следствии. Он представит отчет в Верховный суд. А Верховный суд — это дело об убийстве, мистер Тауфаре. Об убийстве!

— Я ни к какому убийству не причастен, — возразил Тауфаре.

— Может, и нет, но мы оба знаем, что вы так же замешаны в этом деле, как и любой из нас. Ну, право! Мистер Мади что-то такое видел в трюме «Доброго пути», и у вас есть отличная возможность выяснить, что это было.

Но Тауфаре плевать хотел на то, что там видел или не видел мистер Мади.

— Дождусь честной работы, — повторил он.

— Ну и где же вся ваша хваленая преданность?

— Я клятвы не нарушил! — вспыхнул Тауфаре.

Левенталь потянулся через реал, накрыл ладо-

нью кучку пенсов, смахнул их в карман фартука.

— Я не про ребят из «Короны», — возразил он. — Я имел в виду вашего доброго старого друга Уэллса. Речь идет о его вдове, в конце концов. О его вдове, о его наследстве, о его памяти. Вы, конечно, поступайте как знаете. Но на вашем месте я бы счел себя просто обязанным пойти на прием нынче вечером.

— Зачем? — презрительно бросил Тауфаре.

— «Зачем?» — повторил Левенталь, вновь берясь за верстатку. — Действительно, зачем бы хранить преданность вашему доброму другу Уэллсу? Мне просто подумалось, вы перед ним вроде как в долгу, после того как сдали его Фрэнсису Карверу.

Юпитер в Стрельце

Глава, в которой Томас Балфур забывает о необходимости держать язык за зубами; поднимаются старые темы, а Алистер Лодербек составляет письменную претензию.

Алистера Лодербека не было в Хокитике со среды, главным образом потому, что из своих апартаментов на верхнем этаже гостиницы «Резиденция» он наблюдал останки «Доброго пути» во всей красе, и зрелище это преисполнило его неизбывной горечи. Когда же ему предложили произнести речь в ратуше Греймута и перерезать ленточку на открытии шахты близ Кумары, он принял оба приглашения охотно и не раздумывая. В тот момент, когда к ним присоединились мы, — в момент, когда Тауфаре распрощался с Левенталем, — Лодербек стремительно шагал через кумарские болота, со спортивной винтовкой Шарпса на плече и патронной сумкой в руке. Сопровождал его Томас Балфур, сходным образом вооруженный и сходным образом раскрасневшийся от благородного усилия. Все утро они

охотились, а теперь возвращались к лошадям, привязанным на краю долины: издалека те казались крохотными белым и черным пятнышками на фоне неба.

— Чертовски славный денек выдался! — воскликнул Лодербек, обращаясь столь же к себе, сколько и к Балфуру. — Роскошный денек, одно слово! Тут и дождь, так и быть, простишь, когда в конце концов солнышко так рассияется!

Балфур рассмеялся.

— Простить, может, и смогу, но забыть — нет. Я такого не забываю.

— Великая и прекрасная у нас страна, — промолвил Лодербек. — Вы на краски посмотрите! Новозеландские краски, промытые новозеландским дождем.

— А мы — новозеландские патриоты, — откликнулся Балфур. — И вид целиком наш, мистер Лодербек. Любуйся — не хочу.

— Именно так, — кивнул Лодербек. — Мы — патриоты Природы!

— И никакого флага не нужно, — усмехнулся Балфур.

— Не счастливцы ли мы? — продолжал Лодербек. — Вы только подумайте, сколь немногим доводилось насладиться этим пейзажем. Вы

только подумайте, сколь немногие ступали на здешнюю землю!

— Да уж не столь немногие, как нам кажется, — возразил Балфур, — если птицы уже научились разлетаться во все стороны при виде нас.

— Вы им льстите, Том, — усмехнулся Лодербек. — Птицы — твари довольно тупые.

— Я припомню вам ваши слова в следующий раз, когда вы придете домой с парой уток и долгой историей о том, как вы их ловили.

— Да пожалуйста, историю-то вы все равно выслушаете, никуда не денетесь.

Эта добродушная пикировка Томасу Балфуру была что бальзам на душу. За последние три недели Лодербек сделался совершенно невыносим, и Балфур давным-давно устал от его капризных перепадов настроения, что колебалось между раздражением, гневом и недовольством. Всякий раз, когда надежды его терпели крах, Лодербек начинал вести себя совершенно по-детски, и гибель «Доброго пути» произвела в нем крайне неприятную перемену. Теперь он из кожи вон лез, стараясь окружить себя толпой; ему постоянно требовалось общество и внимание, он не желал оставаться один даже на краткий срок и возмущался, если такая необходимость возникала. Как

публичный деятель он нимало не изменился — с трибуны он вещал энергично и убедительно, но в личном общении характер его совершенно испортился. Он выходил из себя по малейшему поводу и обращался со своими двумя преданными ассистентами откровенно уничижительно, а те списывали эти приступы дурного настроения на тяготы политической кампании и до поры не протестовали. В то воскресенье им, так и быть, дали увольнительную — по причине нехватки винтовок и нежелания Лодербека делиться своей; вместо того им предстояло дожидаться босса в кумарской церкви, размышляя по велению Лодербека о своих грехах.

Алистер Лодербек был чрезвычайно суеверен, и теперь ему казалось, будто счастье отвернулось от него в ночь его прибытия в Хокитику, когда он неожиданно обнаружил труп отшельника Кросби Уэллса. Перебирая в уме пережитые с тех пор злоключения — в частности, гибель «Доброго пути», — он озлоблялся на весь Уэстленд, как если бы этот Богом забытый округ нарочно задался целью помешать его успеху и опрокинуть его замыслы. Крушение «Доброго пути», на его взгляд, лишний раз доказывало, что для него Уэстленд — про́клятое место. (Убеждение это

не так уж и противоречило здравому смыслу, как можно подумать, поскольку предательская изменчивость Хокитикской отмели объяснялась главным образом тем, что река Хокитика несла с расположенных выше по течению участков ил и гравий: они незримо забивали устье реки, и зыбкие эти намывы подчинялись лишь приливам и отливам; в сущности, «Добрый путь» встретил свой конец на отвалах тысячи участков, и потому можно утверждать, будто к кораблекрушению приложили руку все до одного жители Хокитики.)

Несколько дней спустя после гибели «Доброго пути» Томас Балфур признался Лодербеку, что грузовой контейнер с документами и личными вещами Лодербека исчез с набережной Гибсона из-за ошибки с накладной, за каковую ошибку, по-видимому, никто ответственности не несет. Лодербек воспринял это известие удрученно, но без особого интереса. Теперь, когда «Доброго пути» не стало, у него уже не было причин шантажировать Фрэнсиса Карвера: он-то всего-навсего хотел отобрать назад свой любимый корабль: купчая на судно, спрятанная в его сундуке среди прочего добра, уже не послужила бы ему козырем.

В последнее время Лодербек пристрастился к игре в кости по вечерам: азартные игры были его слабостью, которой он время от времени давал волю — всякий раз, когда испытывал стыд или злился на невезение. Естественно, он потребовал, чтобы Джок и Огастес Смиты пали жертвой того же порока, не мог же он сидеть за столом в одиночестве. Они покорно согласились, хотя ставки неизменно делали с исключительной осторожностью и рано спешили откланяться. Лодербек ставил деньги на кон с мрачной решимостью человека, для которого выигрыш значит очень много, и фишками не разбрасывался, так же как и виски; пил он медленно, чтобы растянуть вечер до рассвета.

— Вы ж назад не собирались сегодня вечером, я надеюсь? — спрашивал он в этот самый момент Балфура с особым упором, намекающим на сожаление.

— Собирался, — возразил Балфур. — То есть собираюсь. Надеюсь быть в Хокитике к вечернему чаю.

— Задержитесь на денек, — уговаривал Лодербек. — Вечером заглянем в «Гернси» на партию в крэпс. Ехать назад одному смысла нет. Мне-то утром ленточку резать, но я вернусь в Хокитику

к полудню. К полудню, никак не позже.

Но Балфур покачал головой:

— Не могу. У меня отгрузка спозаранку. Точнехонько в понедельник.

— Ну вам же не надо лично отгрузкой заниматься!

— Ох, так мне ж надо загодя бабки подбить, — усмехнулся Балфур. — Со среды я обеднел на двенадцать фунтов, а эти двенадцать фунтов ушли не куда-нибудь, а в ваш карман! По фунту на каждую грань кубика!

(Об истинной причине такой спешки Балфур умолчал: ему очень хотелось попасть на «напитки и размышления» в гостиной «Удачи путника» нынче же вечером. Он ни разу не сослался на Лидию Уэллс в разговорах с Лодербеком с тех пор, как политик исповедался ему в обеденном зале «Резиденции», рассудив, что разумнее будет, если тему эту Лодербек затронет сам, на своих условиях. Однако Лодербек тоже избегал любых упоминаний о вдове, хотя Балфуру казалось, будто в замалчивании этом ощущается нечто вымученное и даже надрывно-отчаянное, словно политик того и гляди сломается и выкрикнет ее имя.)

— Сразу школьные дни вспоминаются, — вздох-

нул Лодербек. — Нам доставалось по одному удару розгой за каждое очко на кубике — если попадешься с поличным. На одном кубике — двадцать одно очко. Этот любопытный факт я по гроб жизни запомнил.

— Если вы к тому, чтоб я тут задержался, пока не сброшу двадцать один фунт, то нетушки.

— Да ладно, оставайтесь, — не отступался Лодербек. — Всего-то на одну ночь. Право, останьтесь!

— Вы только гляньте, какой папоротник роскошный, — ушел от ответа Балфур, и действительно, посмотреть было на что: лист безупречной формы закручивался, как завиток скрипки. Балфур чуть тронул его дулом винтовки.

Недавняя смена настроения в Лодербеке нанесла серьезный ущерб его дружбе с Томасом Балфуром. Балфур был уверен: Лодербек так и не сказал ему всей правды о своих былых отношениях с Фрэнсисом Карвером и Кросби Уэллсом, и это замалчивание отбило у Балфура всякую охоту Лодербеку потворствовать. Когда Лодербек принимался ворчать и жаловаться на Уэстленд, и отмели, и мясное ассорти, и одноразовые воротнички, и подделки, и немецкую горчицу, и премьера, и костлявую рыбу, и показушниче-

ство, и плохо пошитые сапоги, и дождь, Балфур отвечал с заметно меньшим энтузиазмом и восхищением, нежели какой-нибудь месяц назад. Попросту говоря, Лодербек утратил свое преимущество, и оба это отлично понимали. Однако политику очень не хотелось признавать, что дружба их поостыла; он упрямо обращался к Балфуру в обычной своей манере, то есть порою надменно, всегда напыщенно и крайне редко — со смирением; Балфур же, которому и самому при желании надменности было не занимать, постоянно на него обижался.

Вскоре они уже вернулись к лошадям, заседлали их и неспешной рысью поскакали в Кумару. Но не проехали они и мили, как Лодербек снова взялся за свое.

— Мы, помнится, говорили о том, чтобы на обратном пути завернуть в Сивью, — промолвил он. — Поглядеть на фундамент будущей тюрьмы.

— Да, — кивнул Балфур. — Вы мне потом обязательно расскажите как и что.

— То есть, выходит, мне придется одному ехать.

— Одному — с Джоком и Огастесом! Один в компании из трех человек — скажете тоже!

Лодербек с недовольным видом поерзал в сед-

ле. И наконец спросил:

— Как, говорите, начальника тюрьмы звать — Шеффилд?

Балфур резко вскинул глаза:

— Шепард. Джордж Шепард.

— Шепард, точно. Интересно, а не в мировые судьи ли он метит? Он на бюджете полиции неплохо себя проявил — сдвинул дело с мертвой точки, колесики так и закрутились. Очень, очень неплохо.

— Да, наверное. А гляньте вот на этот! — Балфур указал концом хлыста на очередной веер папоротника, еще рыжее и пушистее прежнего. — Форма какая симпатичная! А двигается как — словно бы прямо в движении и застыл. Что за мысль!

Но Лодербек вовсе не собирался отвлекаться на симпатичную форму папоротников.

— Он, понятное дело, комиссаров ставленник, — продолжал он, по-прежнему имея в виду Джорджа Шепарда. — И, как я понимаю, старый друг мирового судьи.

— Может, они не прочь должность в семье сохранить.

— Амбициями попахивает. Вам не кажется? Я про тюрьму. Уж больно он радеет об этом проек-

те. Уж больно радеет обо всем этом деле. Очень хорошо себя на нем показал.

Лодербек, сам тот еще честолюбец, был куда как склонен заподозрить в честолюбии других. Балфур, однако, лишь фыркнул.

— Что такое? — насторожился Лодербек.

— Ничего, — откликнулся Балфур. (Очень даже чего, если на то пошло! Он терпеть не мог, когда с похвалой, пусть и сдержанной, отзываются о чьей-то добродетели, притом совершенно незаслуженно.)

— Что такое? — повторил Лодербек. — Вы вроде как голос подали.

— А вы подсчитайте сами, — предложил Балфур. — Дерево для опор. Железо для ограждения. Камень на фундамент. Два десятка чернорабочих на поденной оплате.

— И что?

— Бюджет полиции, чтоб мне провалиться! — возопил Балфур. — Да деньги наверняка поступают из другого кармана — из другого источника! Вы в уме подсчитайте!

Лодербек обернулся к собеседнику:

— Частная инвестиция? Вы об этом?

Балфур пожал плечами. Он отлично знал, что Джордж Шепард профинансировал строитель-

ство тюрьмы за счет комиссионных Харальда Нильссена с продажи имущества Кросби Уэллса, но он дал обет хранить тайну на совете в «Короне», а обещание, как ни крути, надо сдержать.

— Частная инвестиция, говорите? — настаивал Лодербек.

— Послушайте, — промолвил Балфур, — не хочу нарушать никаких клятв. Не хочу наступать кому-нибудь на мозоль. Но я вот что скажу: если завернете в Сивью, поразнюхайте там чуток. Вот и все, что я скажу. Поразнюхайте вокруг и, может, чего-нибудь и нароете.

— Так вы поэтому домой так торопитесь? — воскликнул Лодербек. — Чтоб с Шепардом не встречаться? Между вами двумя что-то произошло?

— Нет! — запротестовал Балфур. — Нет-нет. Мне дали наводку, вот и все.

— Наводку? Кто же?

— Не скажу.

— Да полно, Том. Нечего передо мною нос задирать. Что вы имели в виду?

Балфур на миг задумался, сощурившись, обвел взглядом дно долины вплоть до измятых склонов на востоке. Его конь был чуть поприземистее Лодербековой вороной кобылы, а поскольку он

и сам уступал Лодербеку в росте, его плечи казались на добрый фут ниже, сколько ни расправляй он их, вот как сейчас.

— Это ж чистой воды здравый смысл, так? — отозвался он. — Целых два десятка поденных рабочих фундамент кладут? За все стройматериалы наличными заплачено? Муниципальное финансирование так не работает, кому и знать, как не вам! Шепард, должно быть, звонкой монетой рассчитывается.

— Так это здравый смысл или наводка? Одно из двух? — уточнил Лодербек.

— Здравый смысл!

— То есть никакой наводки вам не давали.

— Хорошо, давали, — запальчиво отозвался Балфур. — Но я с тем же успехом и сам бы сообразил. Я, собственно, об этом: я бы и сам сообразил, что к чему, с тем же успехом.

— Тогда какой в том смысл?

— В чем?

— Подбрасывать вам наводку.

— Не понимаю, что вы такое говорите, — набычился Балфур. — Никакой логики в ваших словах не вижу.

Однако ж в словах Лодербека логика звучала несокрушимая, и Балфур это отлично понимал.

— В чем *я* не вижу логики, — промолвил он, — так в том, чтобы подбрасывать наводку насчет тюрьмы *вам*. Какое дело «Судоперевозкам Балфура» до бюджетного финансирования и до того, как оно расходуется? Вам-то какое дело до частных инвестиций — разве что за ними что-то еще стоит?

— Вы меня не так поняли, — покачал головой Балфур.

— Может, кто-то из уголовников тут замешан, — размышлял вслух Лодербек. — Частная инвестиция — в обмен на…

— Нет-нет, — замотал головой Балфур. — Ничего подобного.

— Тогда что же?

И, видя, что Балфур отвечать не торопится, Лодербек добавил:

— Послушайте: если речь идет о частном финансировании, к избирательной кампании оно имеет самое прямое отношение, и мне необходимо о том знать. На все, что в спешке решается через голову комиссара непосредственно перед выборами, стоит посмотреть повнимательнее — а этот парень Шепард на ходу подметки рвет. Похоже, тут какие-то политические интриги плетутся, но какие? Если это все — вопрос здравого

смысла, так просто расскажите мне, что знаете, а ежели ко мне кто подступится, я прикинусь, что сам сообразил, что к чему.

Балфур не мог не признать, что Лодербек говорит дело. Его теплые чувства к политику не вовсе развеялись за последний месяц, и Балфуру очень не хотелось утратить его доброе мнение, как бы уж там ни поменялось его собственное. Что в том вреда, если он и расскажет Лодербеку, откуда Шепард взял деньги, тем более если Лодербек притворится, что до всего дошел своим умом!

Кроме того, Балфура изрядно порадовала Лодербекова нежданная резкость и жадная настойчивость, с которой старший собеседник выпытывал нужные сведения. Лодербек подавленный и задумчивый ему не нравился; эта внезапная смена настроения напомнила Балфуру прежнего Лодербека — Лодербека времен Данидина, который отдавал приказы как генерал и держался как король; который составил себе состояние, а потом его удвоил; который был запанибрата с премьером и которому и в голову не пришло бы умолять своего спутника задержаться на ночь в Кумаре, чтобы ему не нести свои горести в игорный дом в одиночестве. Этому прежнему Лодербеку Балфур искренне сочувствовал, до сих пор питал к нему

слабость, и ему изрядно льстило, что политик смиренно выспрашивает у него новости.

Потому, выдержав долгую паузу, Балфур рассказал-таки своему старому приятелю обо всем, что знал насчет тюрьмы: о том, что строительство профинансировано за счет доли от того состояния, что обнаружилось в хижине Кросби Уэллса. Балфур не объяснил, почему и как возникла такая договоренность, и так и не признался, кто подбросил ему наводку. Зато сообщил, что деньги были вложены по инициативе Джорджа Шепарда, две недели спустя после смерти Кросби Уэллса, и что начальник тюрьмы постарался замолчать это дело.

Но недаром Лодербек учился на юриста: следователем он был въедливым, особенно если знал, что всей правды ему не сказали. Он спросил, о какой в точности сумме идет речь; Балфур отвечал, что капиталовложение составило чуть больше четырех сотен фунтов. Лодербек тут же поинтересовался, почему данное капиталовложение равняется десяти процентам от общей стоимости имущества, обнаруженного в хижине, а когда Балфур промолчал, то политик с еще более пугающей быстротой догадался: десять процентов — это же стандартная ставка комиссионного

вознаграждения и инвестиция эта — не иначе как гонорар комиссионера.

Балфур ужаснулся тому, как Лодербек в мгновение ока докопался до сути, и принялся уверять, что Харальд Нильссен ни в чем не виноват.

— Он согласился! Отдал свой гонорар как нечего делать! — расхохотался Лодербек.

— Шепард загнал его в угол. Нильссена нельзя винить. Его ж практически зашантажировали, как по нотам это дело разыграли — вот право слово! Не стоит вам раздувать скандала — не стоит, ради мистера Нильссена.

— Частная инвестиция, причем в последний момент! — воскликнул Лодербек. (Он был не слишком заинтересован в Харальде Нильссене, которого видел-то один-единственный раз в гостинице «Звезда» где-то с месяц назад. Нильссен показался ему нелепым провинциалом, чересчур привыкшим к преданной свите из трех-четырех человек и чересчур говорливым во хмелю. Лодербек тогда списал его со счетов как самодовольного зануду, который никогда ничего не добьется.) Он привстал в стременах. — Это все политика, Том, — политика как есть! Вы знаете, чего Шепард добивается? Пытается всеми силами продвинуть строительство тюрьмы до того, как

Уэстленд получит место в парламенте, и прибегает к частному капиталовложению, чтобы ускорить процесс. Ну и ну! Мне найдется что сказать на этот счет в «Таймс», уж будьте покойны!

Но Балфур о покое не помышлял. Он запротестовал, и после недолгих переговоров Лодербек согласился не упоминать имя Нильссена.

— Хотя Джорджу Шепарду я в сей любезности не откажу, — добавил он и снова расхохотался.

— Я так понимаю, вы его мировым судьей видеть не хотите, — предположил Балфур, гадая про себя, не претендует ли на эту высокопоставленную должность сам Лодербек.

— Да я на пост мирового судьи чихать хотел! — откликнулся Лодербек. — Дело в принципе; я за принцип стою.

— И что же это за принцип? — осведомился Балфур, на миг сбившись с мысли. Ведь Лодербеку пост мирового судьи отнюдь не безразличен. Политик упомянул о нем в самом начале разговора, и как сердито!

— Этот человек вор! — воскликнул Лодербек. — Состояние принадлежит Кросби Уэллсу, живому или мертвому. Джордж Шепард не имеет никакого права тратить чужие деньги по собственной прихоти, и плевать мне, на что!

Балфур молчал. Вплоть до сего момента Лодербек ни разу не упоминал про клад, спрятанный в хижине Уэллса, и не выказывал интереса к его дальнейшей судьбе. Не заговаривал он и о юридических проблемах, возникших в связи с притязанием вдовицы на собственность покойного мужа. Балфур предположил, что молчание это объясняется причастностью Лидии Уэллс, ведь Лодербек до сих пор избегал произносить ее имя, стыдясь былого бесчестья. Но теперь Лодербек грудью встал на защиту Кросби Уэллса. Похоже, вопрос о богатстве Кросби задевал политика за живое. Балфур вскинул глаза на спутника — и тут же отвернулся. Не догадался ли Лодербек, что сокровище, обнаруженное в Уэлссовой хижине, — это то самое золото, с помощью которого его зашантажировали годом ранее? Любопытство Балфура разыгралось не на шутку. Он попытался подначить собеседника.

— А какая, в сущности, разница? — небрежно обронил он. — Да наверняка состояние это украдено у кого-то еще; Кросби Уэллсу оно явно не принадлежало. Откуда бы у такого, как он, взяться четырем тысячам фунтов? Не секрет, что он был бродягой и мотом, а от бродяги и мота до воришки — один шаг.

— Доказательств нет, — начал было Лодербек, но Балфур перебил его на полуслове:

— Так какая разница, если кто-то и нагрел руки на этом золоте после того, как Кросби копыта откинул? Какая разница, я спрашиваю! С вероятностью, эти деньги с самого начала грязные.

— Что значит «какая разница»? — взорвался Лодербек. — Это принципиальный вопрос — говорю же, принципиальный! Нельзя раскрыть преступление, совершая новое. Украсть у вора — это все равно воровство, как ни крути! Не говорите чуши.

Итак, Лодербек теперь — заступник Кросби Уэллса, да какой пылкий, по всему судя! Это становится интересным.

— Но вы же получите богадельню, о которой так мечтали, — проговорил Балфур по-прежнему беспечно, как будто обсуждали они какой-нибудь пустяк. — Швырять деньги на ветер никто не собирается. Их потратят на гражданское строительство.

— Мне дела нету, набивает ли начальник тюрьмы Шепард свой собственный карман или строит алтарь, — огрызнулся Лодербек. — Это всего лишь отговорка — типа цель оправдывает средства. Я с такими аргументами дела иметь не желаю.

— И это не просто гражданское строительство, — продолжал Балфур, словно не слыша. — Вы получаете свой работный дом, если на то пошло! Ну полно, неужто вы не помните наш давний разговор в «Резиденции»? «Куда женщине пойти?», «Шанс начать другую жизнь» и все такое? Ну что ж, мы вскорости сможем предоставлять такой шанс! И все благодаря Джорджу Шепарду!

Лодербек был вне себя от ярости. Он отлично помнил, что наговорил три недели назад о ценности богоугодных заведений, но он терпеть не мог, когда ему цитировали его же собственные слова, разве что исключительно похвалы ради.

— Это неуважение к мертвым, — коротко отрезал он, — и продолжать эту тему я не желаю.

Но Балфур отступаться не собирался.

— Послушайте, — воскликнул он, словно эта мысль только что пришла ему в голову, — а ведь то золото, за счет которого Фрэнсис Карвер оттягал у вас «Добрый путь», — ну, зашитое под подкладку…

— И чего?

— А то, что вы его с тех пор в глаза не видели, верно? И ничего о нем не слышали. А тут та же самая сумма — ну приблизительно та же — обна-

руживается в хижине Кросби Уэллса, не прошло и года. Чуть больше четырех тысяч фунтов. Что, если это то же самое золото?

— Очень вероятно, — кивнул Лодербек.

— Интересно, как оно там оказалось? — размышлял вслух Балфур.

— Действительно интересно, — согласился Лодербек.

У «Золотого льва» их пути разошлись — Лодербек, по всей видимости, отказался от мысли уговорить Балфура остаться в Кумаре еще на день: он распрощался с приятелем коротко и без сожалений.

Балфур отправился назад в Хокитику, чувствуя себя крайне неловко. Он обещал сохранить рассказ Нильссена в секрете — от имени всех собравшихся в «Короне» — и обещание свое нарушил. А чего ради? Много ли он выиграл, изменив своей клятве и не сдержав слова? Преисполнившись отвращения к самому себе, Балфур пришпорил кобылу, посылая ее в легкий галоп, и не сбавлял темпа, пока не доскакал до реки Арахура, где вынужден был спешиться, провести лошадь вниз к воде, а затем, с большой осторожностью, — через мелководье, в том месте, где поток пресной воды разливался во все стороны по песку.

Лодербек даже не посмотрел вслед другу. Он уже начал составлять в уме письмо: губы его сосредоточенно поджались, лоб прочертила глубокая морщина. Он отвел коня в стойло, вложил шестипенсовик в руку конюха и тотчас же поднялся к себе. Едва оставшись один, политик запер дверь, подтащил бюро к ромбовидному пятну света под окном, сходил за стулом, сел, вытащил чистый лист бумаги, поразмыслил еще секунду-другую напоследок, прикусив кончик пера, отбросил назад манжет и принялся писать:

ПОСМЕРТНАЯ ИНВЕСТИЦИЯ? –

Письмо редактору «Уэст-Кост таймс»
18 февраля 1866 г.
Сэр!

Желательно, чтобы мистер Джордж Шеперд опубликовал на страницах этой газеты список лиц, занятых в строительстве хокитикской тюрьмы на террасе в Сивью, а также перечень работ, начатых согласно контракту; назвал суммы денег, оговоренные для проведения вышеозначенных работ, размер субсидий, предоставленных на сегодняшний день, и объем дополнительных средств (при

необходимости) для завершения работ или для повышения их эффективности.

Такая публикация помогла бы пролить свет на то, что нижеподписавшийся считает грубым нарушением со стороны мистера Шеперда, а именно: подготовительные работы по строительству хокитикской тюрьмы были профинансированы посредством частного вклада, сделанного без ведома Совета провинции, Уэстлендского комитета по общественным работам, муниципального правления, более того, без ведома самого вкладчика, поскольку капиталовложение было осуществлено спустя две недели после его смерти! Я имею в виду КРОСБИ УЭЛЛСА, чье наследственное имущество послужило поводом для различных предположений на этих страницах. Насколько я понимаю, данное пожертвование (если здесь уместно такое слово) было изъято из жилища мистера Уэллса после смерти владельца и позже использовано, втайне от общественности, в целях возведения будущей тюрьмы. Если такая интерпретация не соответствует истине, я охотно

признаю свою ошибку; между тем я требую от мистера Шеперда немедленных разъяснений.

Я считаю, что прозрачность действий мистера Шеперда в этом предприятии желательна, в частности в силу характера возводимого им учреждения и в силу происхождения денег, о которых идет речь, а также и по причине того, что финансовая прозрачность в управлении бюджетными средствами имеет первостепенное значение, учитывая, что данный неосвоенный регион нашей провинции так богат золотом и потому, к несчастью, особенно уязвим для коррупции, этого вульгарного соблазна.

Я питаю глубочайшее уважение к инициативам мистера Шеперда и т. д. в том, что касается осуществления этого проекта, поскольку не сомневаюсь, что он действует в интересах простого поселенца и с должным почтением к колониальным законам. Я лишь прошу подтвердить мою убежденность в том, что все частные инвестиции в гражданское строительство должны быть абсолютно прозрачны в

интересах всех и каждого, и заверить Вас, уважаемый сэр, и весь округ Уэстленд, что я остаюсь

искренне Ваш и т. д.,

мистер Алистер Лодербек,
член Совета провинции, член парламента

Откинувшись к спинке стула, Лодербек зачитал документ вслух, звенящим голосом, точно репетируя важное публичное выступление; затем, оставшись вполне доволен, он сложил лист, убрал в конверт и адресовал его издателю «Уэст-Кост таймс», сделав пометки «прочесть по получении» и «срочное». Запечатав послание, Лодербек пошарил в кармане жилета и сверился с часами: было уже почти два. Если Огастес Смит выедет в Хокитику прямо сейчас, то успеет к Левенталю до того, как будет отпечатан первый пробный оттиск понедельничного номера «Таймс». Лучше раньше, чем позже, подумал Лодербек, и пошел разыскивать своего помощника.

Меркурий в Козероге

Глава, в которой Гаскуан вновь излагает свои теории, а Мади рассуждает о смерти.

Уолтер Мади доедал второй завтрак в столовой «У Максвелла», когда получил известие о том, что груз с «Доброго пути» наконец-то прошел таможенную очистку и его дорожный сундук доставлен в «Корону», к нему в номер.

— Что ж! — воскликнул он, кинул посыльному двухпенсовую монетку, и мальчишка весело умчался. — Мы наконец можем поставить крест на моем так называемом призраке, верно? Если бы Эмери Стейнз находился на борту, его труп непременно бы обнаружили среди груза.

— Не думаю, что все так просто, — покачал головой Гаскуан.

— То есть про обнаруженный труп могли не сообщить?

— То есть трупа могли не обнаружить, — отозвался Гаскуан. — Человек — пусть и раненный — смог бы доползти до люка… а разбитое судно не вовсе ушло под воду. Думаю, куда вероятнее,

что труп просто смыло.

За последние три недели Мади сошелся с Обером Гаскуаном довольно близко, обнаружив, что от разговора к разговору характер последнего делается все приятнее: Гаскуан мастерски приспосабливался к любой ситуации общения и мог добиться чьего угодно расположения, если уж задался такой целью. Гаскуан твердо решил подружиться с Мади — знай тот о его непреклонной решимости, он, пожалуй, слегка встревожился бы; в любом случае Мади счел его человеком весьма эрудированным и был рад встретить ровню себе в интеллектуальном плане, с кем мог бы беседовать в свое удовольствие. Они едва ли не каждый день завтракали вместе и выкуривали по сигаре в «Звезде и подвязке» по вечерам, где на пару играли в вист.

— Вы настаиваете на своей изначальной версии, — заметил Мади. — Не пошел на дно вместе с судном, но смыт волной, так?

— Либо так, либо останки были уничтожены, — откликнулся Гаскуан. — Может, он позвал на помощь — и был убит; привязан к чему-нибудь тяжелому и сброшен в море. Карвер плавал на лодке к разбитому кораблю не раз и не два, как вы знаете, — у него было сколько угодно возмож-

ностей утопить парня.

— И такое вероятно, — согласился Мади, складывая полученную записку пополам, затем еще раз пополам и проводя ногтем большого пальца по каждому сгибу. — Но наша проблема в том, что мы не знаем доподлинно, как все произошло — так либо иначе; и ежели вы правы и Стейнз в самом деле утонул, то мы никогда не выясним, случайно это было или же по злому умыслу. Что за жалкое преступление — ни трупа, ни убийцы!

— Согласен, преступление жалкое, — кивнул Гаскуан.

— И жалкие же из нас детективы! — промолвил Мади, как бы подводя итог дискуссии, но Гаскуан как раз потянулся к соуснику и завершать разговор отнюдь не собирался.

— То-то глупо все мы будем выглядеть, — предположил он, поливая соусом остатки трапезы, — если Стейнза найдут на дне оврага со сломанной шеей — и никаких следов покушения на убийство!

Мади сдвинул нож чуть ближе к вилке.

— Боюсь, мы все сколько-то хотим, чтобы мистер Стейнз оказался убит, — даже вы и я, которые с ним вовсе не знакомы. Сломанной шеей мы явно не удовольствуемся.

Пиджак Мади висел на спинке стула. Мади знал — невежливо было бы обернуться и надеть его, пока приятель еще не покончил с завтраком… но теперь, когда выяснилось, что дорожный сундук наконец-то доставили, Мади не терпелось поспешить к нему. Он же не только ведать не ведал, не пострадали ли его вещи во время крушения, — он вот уже три недели ходил в одних и тех же брюках и пиджаке.

Гаскуан усмехнулся.

— Бедняжка мистер Стейнз, — согласился он. — А теперь еще миссис Уэллс над ним поиздевается всласть! Если бы мою тень призвали на спиритический сеанс за один шиллинг… да я был бы в ужасе, вот честное слово! Я бы просто не знал, как и принять этакое приглашение.

— Если бы призвали мой призрак, я был бы только счастлив, явился бы не раздумывая, — отозвался Мади. — Сдается мне, загробный мир — место довольно унылое.

— С чего вы взяли?

— Мы всю свою жизнь неотвязно думаем о смерти. Без этого развлечения мы, полагаю, ужас до чего соскучились бы. Судите сами: бояться нечего, упреждать нечего, любопытствовать не о чем. Время утратило бы всякое значение.

— Зато как забавно тайком подглядывать за живыми! — предположил Гаскуан.

— Напротив, я бы счел такую перспективу весьма безотрадной, — возразил Мади. — Смотришь вниз, на мир, но не можешь к нему прикоснуться, ничего в нем не в силах изменить, знаешь обо всем, что было, и обо всем, что есть.

Гаскуан посыпал содержимое тарелки солью.

— Говорят, по новозеландским поверьям, душа после смерти становится звездой.

— В жизни не слыхивал более убедительного довода в пользу того, чтобы перенять обычаи туземцев.

— Что, разрисуете лицо татуировкой и обрядитесь в юбочку из травы?

— Может, и так.

— Охотно бы на это полюбовался, — промолвил Гаскуан, снова берясь за вилку. — Еще охотнее, чем поглядел бы, как вы наденете мягкую шляпу с вислыми полями, сапоги до колен и приметесь шарить по заброшенным выработкам в поисках золотишка! Мне и в такое-то с трудом верится, сказать по правде.

Мади уже купил себе скатку, лоток для промывки песка и полный старательский костюм из молескина и сержа, но, если не считать несколь-

ких случайных вылазок в Каньер, он на самом-то деле не то чтобы всерьез настроился на мытье золота. Он еще не ощущал в себе готовности начать новую жизнь на ниве старательства и твердо вознамерился повременить до тех пор, пока дело Эмери Стейнза и Кросби Уэллса не будет окончательно закрыто, — это решение он принял, оправдываясь необходимостью, но в реальности ему ничего не оставалось, как только ждать новых сведений да, подобно Гаскуану, обдумывать информацию, которой уже располагал.

Мади уже дважды продлевал срок пребывания в «Короне» и ввечеру 18 февраля собирался сделать это в третий раз. Эдгар Клинч приглашал его перебраться в «Гридирон», всячески предлагая занять номер, некогда принадлежавший Анне Уэдерелл, а ныне пустующий. Роскошный вид поверх хокитикских крыш на одетые снегом вершины Альп на востоке не произведет впечатления на простого старателя, а Мади, будучи джентльменом, по достоинству оценит гармонию природы, по всей видимости недоступную прочим. Но Мади вежливо отказался: он уже успел полюбить «Корону», невзирая на всю ее обшарпанность, и, как бы то ни было, не хотел слишком сближаться с Эдгаром Клинчем, ведь

дело о припрятанном состоянии Кросби Уэллса того и гляди будет передано в суд, а в таком случае Клинч — заодно с Нильссеном, и Фростом, и разными другими людьми — непременно подвергнется допросу. Тринадцать человек поклялись, каждый своей честью, сохранить в секрете совет в гостинице «Корона», но Мади не любил полагаться на чужую честь, поскольку не слишком верил в людскую принципиальность, за исключением разве что своей собственной; он ожидал, что рано или поздно хотя бы один из оставшихся двенадцати нарушит слово, и твердо решил в преддверии этого события держаться от них на некотором расстоянии.

Мади уже представился Алистеру Лодербеку, обнаружив, что, благодаря полученному обоими юридическому образованию, у них есть несколько общих знакомых: адвокатов и судей в Лондоне, каковых Лодербек то превозносит, то порицает, то вообще списывает со счетов в самонадеянных тирадах, которые не допускали ни вмешательства, ни ответа. Мади учтиво внимал им, но впечатление у него сложилось нелестное, так что он покинул сцену их первого знакомства, не имея намерения таковое возобновлять. Он видел, что Лодербек — из тех людей, которые не

станут искать расположения человека, чьи связи не сулят ему никаких выгод.

Это шло совершенно вразрез с его ожиданиями, более того, Мади с превеликим изумлением обнаружил, что его подлинные симпатии скорее на стороне начальника тюрьмы Джорджа Шепарда, нежели на стороне политика Лодербека.

Мади видел Шепарда лишь мельком, на открытом собрании на Ревелл-стрит, но не мог не восхититься тюремщиком как человеком, который умеет держать себя в руках и неизменно вежлив, пусть от суровой вежливости этой и веяло холодом. На совете в «Короне» характер Шепарда получил оценку столь же критичную, сколь Лодербек — сочувственную; это лишний раз подтверждает, думал про себя Мади, что никогда не следует полагаться на чужие отзывы о третьем лице. Ведь нрав человеческий — это капризное сочетание восприятия и обстоятельств; только теперь Мади осознал, что столь же невозможно вычленить истинный образ Шепарда из Нильссенова рассказа о нем, сколь и истинный образ Нильссена — из его характеристики Шепарда.

— А знаете, — промолвил Мади, постукивая пальцем по сложенной вчетверо записке, — вплоть до сегодняшнего дня я наполовину верил,

что Стейнз все еще жив. Наверное, глупо с моей стороны… но я в самом деле думал, что он на борту разбитого корабля и что его непременно найдут.

— Ну да, — кивнул Гаскуан.

— А теперь похоже на то, что он со всей определенностью мертв. — Мади побарабанил по столу пальцами, напряженно размышляя. — И сгинул навсегда, сомневаться не приходится. До чего ж досадно ни черта не знать! Я бы любые деньги заплатил за место на сегодняшнем вдовицыном сеансе.

— И не только вдовицыном, — подхватил Гаскуан. — Не забывайте, что при ней будет ассистентка.

Мади покачал головой:

— Не думаю, что мисс Уэдерелл ко всей этой затее как-то причастна.

— Она упомянута в газете по имени, — напомнил Гаскуан. — И не только по имени; ее роль оговаривалась особо. Она будет ассистировать вдовушке.

— Что ж, ученичество ее оказалось на диво кратким, — отметил Мади не без ехидства. — Что заставляет усомниться либо в качестве обучения, либо в значимости предмета как такового.

— А разве древнейшая в мире профессия не восходит к тайным обрядам и практикам? — усмехнулся Гаскуан. — Может, она всю жизнь этому учится.

Такого рода разговоры всегда вгоняли Мади в краску.

— В ее бывшем ремесле есть свои секреты, согласен, — признал он, выпрямляясь, — но женские искусства совершенно естественны, это вам не мертвецов из могилы вызывать.

— О, я уверен, что в обеих профессиях используются примерно одни и те же фокусы, — возразил Гаскуан. — Шлюха — большая мастерица убеждать, так же как и прорицательница должна быть весьма убедительна, а то ей никто не поверит… и не забывайте, что красота и уверенность всегда убедительны, независимо от контекста. По мне, так Аннины обстоятельства не слишком-то и изменились. Можно по-прежнему звать ее Магдалиной!

— Мария Магдалина не была ясновидящей, — сухо возразил Мади.

— Не была, — подтвердил Гаскуан, по-прежнему усмехаясь, — но она первая пришла к отверстой гробнице. Она первая поклялась, что камень был отвален от двери гроба. Надо отметить, что весть

о Воскресении впервые прозвучала как свидетельство от женщины, и поначалу свидетельству этому не поверили.

— Ну что ж, нынче вечером Анна Уэдерелл принесет клятву на могиле совсем другого человека, — заметил Мади. — И нас там не будет, чтобы подвергнуть эту клятву сомнению.

Он сдвинул нож и вилку еще ровнее, мечтая про себя, чтобы пришел наконец официант и забрал его тарелку.

— Мы, конечно, всяко рассчитываем на фуршет перед сеансом, — промолвил Гаскуан, но в голосе его особой радости не прозвучало.

Он тоже не на шутку расстроился из-за того, что не был допущен на грядущий вдовицын сеанс общения с миром мертвых. То, что он не вошел в число избранных, задевало его куда сильнее, чем Мади; Гаскуану казалось, что, раз уж он первым во всей Хокитике протянул Лидии Уэллс руку дружбы, уж для него-то должны были бы оставить местечко. Но после 27 января Лидия Уэллс так ни разу его и не навестила и в гости к себе тоже не приглашала, даже к чаю.

Что до Мади, ни той ни другой женщине он официально представлен не был. Он видел мельком, как они развешивали шторы на окнах бывшей

гостиницы — темными силуэтами на фоне стекла, точно бумажные куклы. Заприметив их, Мади ощутил странный волнующий трепет — что было для него в диковинку, ибо он не привык завидовать женской дружбе, как, собственно, и задумываться о женщинах с мало-мальским интересом. Но, проходя мимо затененного фасада «Удачи путника» и видя, как две фигуры двигаются за искажающим очертания переплетом, он вдруг испытал острое желание услышать, о чем эти две женщины говорят. Любопытно, отчего Анна покраснела, и закусила губу, и коснулась ладонью скулы, словно проверяя, не горит ли лицо; любопытно, чему Лидия улыбнулась, отряхивая руки, и с какой стати отошла, а Анна осталась стоять с ворохом ткани в руках; перед ее платья был весь утыкан булавками.

— Думаю, вы правы, усомнившись насчет Анниной роли во всей этой истории или, по крайней мере, о ней задумавшись, — продолжал Гаскуан. — Когда я впервые заговорил с Анной о Стейнзе, у меня сложилось впечатление, что к юноше она относилась с явным пиететом; мне даже показалось, она к нему неровно дышит. А теперь вот, по всему судя, она собирается наживаться на его смерти!

— Мы ничего не знаем о степени причастности мисс Уэдерелл, — напомнил Мади. — Все зависит от того, известно ли ей про золото, спрятанное в платьях, и, следовательно, про вымогательство, которому подвергся мистер Лодербек.

— Про оранжевое платье никто с тех пор ни словом не упомянул, — промолвил Гаскуан. — Казалось бы, миссис Уэллс могла бы попытаться его вернуть, если бы Анна сказала ей, что платье спрятано у меня под кроватью.

— По-видимому, мисс Уэдерелл полагает, что золото было выплачено мистеру Мэннерингу, как она и велела.

— Да, по-видимому, — отозвался Гаскуан, — но не кажется ли вам, что в этом случае миссис Уэллс нанесла бы визит Мэннерингу и попыталась бы выцарапать свою собственность обратно? Уж они-то друг в дружке души не чают: она и Мэннеринг — добрые старые друзья еще со времен игорного дома. Нет, я думаю, куда более вероятно, что миссис Уэллс пребывает в полном неведении относительно оранжевого платья — и относительно всех остальных тоже.

Мади задумчиво хмыкнул.

— Мэннеринг к нему не притронется — побоится последствий, — продолжал Гаскуан, — а в банк

я его точно не понесу. Так что оно так и лежит, где лежало. Под моей кроватью.

— А вы, часом, не производили оценку этого золота?

— Да, пусть и неофициально: мистер Фрост заходил поглядеть. Говорит, так что-то около ста двадцати фунтов.

— Ну что ж, надеюсь, ради самой мисс Уэдерелл, что она не разоткровенничалась с миссис Уэллс, — промолвил Мади. — Боюсь и думать, как миссис Уэллс способна отреагировать на подобное признание за закрытыми дверями. Не сомневаюсь, что потерю огромного состояния она поставит в вину Анне, кому ж еще-то!

Внезапно Гаскуан отложил вилку.

— Мне только сейчас в голову пришло! — воскликнул он. — Деньги из платьев благополучно перекочевали в хижину, вот оно что! Так что если вдовицыну апелляцию удовлетворят и она получит клад в наследство от мужа, она все себе вернет — ну кроме золота из оранжевого платья, понятное дело. В конечном счете она придет к тому же, с чего начала.

— Как подсказывает мне опыт, люди редко довольствуются возвращением к тому, с чего начали, — возразил Мади. — Если я правильно

представляю себе Лидию Уэллс, думаю, она не на шутку разозлится из-за того, что эти платья побывали у Анны, и не важно, чем там руководствовалась девушка, и не важно, чем все закончилось.

— Но мы можем быть практически уверены, что Анна даже не знала про золото, которое носила на себе, — во всяком случае, вплоть до недавнего времени.

— Мистер Гаскуан, — поднял руку Мади, — невзирая на свою молодость, я обладаю определенным запасом познаний относительно прекрасного пола и скажу вам со всей категоричностью, что женщины терпеть не могут, когда другие женщины носят их платья без разрешения.

Гаскуан расхохотался. Шутка его развеселила, и он набросился на остатки завтрака с удвоенной энергией и в превосходном настроении. Вне зависимости от справедливости замечания Мади, надо признать, что его «запас познаний», как сам он выразился, носил эмпирический характер разве лишь в том, что основывался на внимательном наблюдении за его покойной матерью, его мачехой и двумя тетушками по материнской линии; иными словами, возлюбленной у Мади

никогда не было, и о женщинах он мало что ведал сверх того, как к ним должным образом обращаться и как их полагается обхаживать почтительному племяннику и сыну. Отнюдь не вопреки естественным склонностям юности охват его житейского опыта был не больше замочной скважины, сквозь которую наш герой, метафорически говоря, наблюдал лишь мимолетные проблески сумеречных покоев зрелости, находившихся по другую ее сторону. По правде сказать, ему представлялись немалые возможности расширить это отверстие и даже отпереть дверь и пройти сквозь нее в эту самую приватную и самую уединенную из комнат… но он отклонил эти возможности с тем же чувством неловкости и чопорной благопристойности, с какими сейчас отвечал на риторические подтрунивания Гаскуана.

Когда ему исполнился двадцать один год, ночной кутеж в Лондоне привел его, обычными путями и способами, на освещенное фонарями подворье неподалеку от Смитфилдского рынка. На этом подворье, по уверениям приятелей Мади по колледжу, «работали» самые дорогие проститутки — опознаваемые по красным «гарибальдийкам» с медными пуговицами: этот

последний крик парижской моды английские дамы восприняли с некоторой опаской. И хотя военный стиль рубашек придавал девицам вид нарочито развязный, они притворялись скромницами и отворачивались, чтобы поглазеть на мужчин через округлое плечико, они финтили, и хихикали, и тянули носочек. Мади, глядя на них, вдруг погрустнел. Он поневоле вспоминал отца — сколько раз в свои юные годы он обнаруживал родителя в каком-нибудь темном углу дома, с совершенно посторонней девчонкой на коленях! А та неестественно шумно дышала, или повизгивала, как поросенок, или же говорила писклявым, не своим голосом и всегда оставляла после себя один и тот же сальный мускусный запах — запах театра. Однокашники Мади складывали в общий котел свои соверены и тянули соломинки — кому выбирать первому; Мади молча ушел с подворья, подозвал двухколесный экипаж и отправился домой спать. Впоследствии он всегда гордился тем, что не последовал примеру отца, не стал жертвой отцовских пороков, что он — не таков, как отец. И однако, как это было бы просто: внести свой соверен, и вытянуть соломинку, и выбрать одну из девиц в красных блузах, и уединиться с нею вместе в мощеной нише с неосвещенной стороны

церкви! Приятели по колледжу дружно решили, что Мади нацелился на духовную карьеру. То-то они удивились несколько лет спустя, когда он поступил в «Иннер темпл» и принялся готовиться к адвокатуре.

Так что Мади в разговорах с Гаскуаном, и Клинчем, и Мэннерингом, и Притчардом, и всеми прочими тщательно скрывал свое невежество, когда речь заходила об Анне Уэдерелл и о том, как они ценят ее услуги. Мади своевременно вставлял «безусловно», и «конечно же», и «именно», что, в сочетании с общей чопорной скованностью всякий раз, как упоминалось имя Анны, давало этим людям понять всего-то-навсего, что Мади испытывает неловкость от откровенной прямоты в отношении человеческих слабостей и, как большинство людей высокого общественного положения, предпочитает эти приземленные подробности не афишировать. Отметим, что одно из ключевых свойств сдержанности как раз и сводится к тому, что она способна замаскировать невежество в отношении всего самого низменного и пошлого, а Уолтер Мади был в высшей степени сдержан. По правде сказать, он за всю свою жизнь и двумя словами не обменялся с женщиной Аннина профессии или образа жизни и

знать не знал, как к ней вообще подходить, буде возникнет необходимость.

— И разумеется, нам до́лжно порадоваться тому, что сундук Анны Уэдерелл не переехал вместе с ней в «Удачу путника», — заявил он теперь.

— А она его с собой не взяла? — удивился Гаскуан.

— Нет. Нашпигованные свинцом платья остались в «Гридироне» вместе с трубкой и опиумной лампой и прочими мелочами; она за ними так и не послала.

— А мистер Клинч этого вопроса не поднимал?

— Нет, — покачал головой Мади. — Что, сдается мне, обнадеживает: какую бы уж роль мисс Уэдерелл ни сыграла в исчезновении мистера Стейнза и какую бы уж роль ей ни предстоит сыграть в нелепом спиритическом сеансе сегодня вечером, мы, по крайней мере, можем быть относительно уверены, что девушка не во всем открылась миссис Уэллс. Меня это успокаивает.

Он поискал глазами официанта: Гаскуан уже покончил с завтраком, и Мади хотелось поскорее расплатиться по счету, возвратиться в «Корону» и распаковать наконец-то сундук.

— Вам невтерпеж уйти, — отметил Гаскуан, вытирая губы столовой салфеткой.

— Простите мою неучтивость, — промолвил Мади, — ваше общество мне нисколько не прискучило, но мне и впрямь не терпится воссоединиться со своим багажом. Я вот уже не первую неделю хожу в одном и том же пиджаке и по сей день знать не знаю, сильно ли пострадал от шторма мой дорожный сундук. Очень может быть, что вся моя одежда и все мои документы безвозвратно погибли.

— Тогда чего ж мы ждем? Пойдемте скорее! — воскликнул Гаскуан, для которого это объяснение не только прозвучало вполне убедительно, но еще и отчасти его успокоило.

Гаскуан всегда страшился показаться утомительным и немало беспокоился всякий раз, когда уважаемый им собеседник выказывал в его обществе признаки скуки. Он настоял на том, чтобы самому заплатить по счету, шикнув на Мади на манер снисходительной гувернантки; после чего друзья вышли в бурлящую суету Ревелл-стрит: мимо веселой толпой поспешали старатели. Позади них верховой землемер с громким воплем осадил лошадь; перекрывая гвалт, одинокий колокол на уэслейской церкви прозвонил один раз, затем второй. Пытаясь перекричать весь этот шум — скрип колес двуколки, хлопанье

парусины, смех, стук молотка, пронзительный голос какой-то женщины, окликающей мужчину, — приятели пожелали друг другу доброго дня, обменялись сердечным рукопожатием — и разошлись каждый своим путем.

Меньший злотворитель[55]

Глава, в которой оспаривается ряд ключевых фактов; Фрэнсис Карвер ведет себя неучтиво, а выведенный из себя Левенталь высказывается начистоту.

Всякий раз, как в редакцию «Уэст-Кост таймс» приходило письмо провокационно-обличительного характера, Левенталь, прежде чем отправить номер в печать, обычно связывался со всеми заинтересованными лицами. Он считал своим долгом загодя предупредить того, кого вот-вот разнесут в пух и прах; ибо суд общественного мнения в Хокитике приговоры выносил суровые, репутации гибли за одну ночь; любому, кто оказался под угрозой, издатель направлял приглашение написать ответ.

Многоречивое и довольно-таки путаное обращение Алистера Лодербека по поводу служебного

---

[55] Сноски: 55

Меньший злотворитель (Малое несчастье) — в средневековой астрологии эпитет планеты Марс (Большое несчастье — Сатурн). Марс и Сатурн традиционно считались злотворными планетами, приносящими несчастья.

проступка начальника тюрьмы Шепарда не было исключением из этого правила; дочитав его до конца, Левенталь тут же сел снимать с документа копию. Копию он отдаст в набор, оригинал отнесет в полицейское управление и предъявит надзирателю, ведь Шепард, конечно же, захочет себя обелить по ряду пунктов, а до конца рабочего дня еще далеко, так что его ответ, как реакцию на сообщение Лодербека, вполне можно будет включить в тот же понедельничный номер «Таймс».

Раскладывая письменные принадлежности, Левенталь удрученно хмурился. Он понимал, что информация о Шепардовой частной инвестиции могла просочиться только через кого-то из двенадцати участников собрания в «Короне», а значит, кто-то — как ни печально — нарушил обет молчания. Насколько было известно Левенталю, с Лодербеком знакомство водил только один человек — его друг Томас Балфур. С тяжелым сердцем издатель вытащил чистый лист бумаги, свинтил крышку чернильницы и окунул в нее перо. «Том, — думал он укоризненно. — Том». Вздохнув, он покачал головой.

Левенталь уже дошел до последнего абзаца Лодербекова письма, когда зазвонил колокольчик. Он тут же встал, отложил перо на пресс-папье и

прошел через цех; черты его лица уже понемногу смягчались в приветственной улыбке, но улыбка эта слегка заледенела на губах, когда издатель увидел, кто именно стоит в дверном проеме.

На вошедшем было длинное серое пальто с отделанными бархатом лацканами и отогнутыми бархатными манжетами; глянцевая, похожая на котиковый мех ткань плотного переплетения маслянисто поблескивала при каждом движении. Шейный платок завязывался под самым горлом, отвороты жилета с шалевым воротником загибались кверху, благодаря чему плечи казались шире, а шея — массивнее. В чертах лица ощущалось нечто тяжелое, как если бы их вырубили из камня — основательного, шероховатого, что шлифовке не поддается и вес имеет немалый. Рот был широкий, нос приплюснутый; выпяченные брови сходились под прямым углом. На левой щеке, от внешнего уголка глаза вниз, к челюсти, змеился тонкий серебристый шрам.

Замешательство Левенталя длилось не более секунды. В следующий же миг он поспешил навстречу вошедшему, вытирая ладони о фартук и широко улыбаясь; обтерев пальцы дочиста, он протянул гостю обе руки и воскликнул:

— Мистер Уэллс! Как приятно видеть вас снова!

Добро пожаловать в Хокитику!

Фрэнсис Карвер сощурился, но на крючок не попался.

— Хочу объявление разместить, — сказал он.

Границ личного пространства хозяина посетитель переступать не стал: остался стоять у двери, держа дистанцию футов в восемь.

— Конечно-конечно, — отозвался Левенталь. — И должен признаться, я немало польщен и обрадован тем, что вы сочли возможным обратиться к услугам моей газеты вторично. Мне было бы очень жаль утратить клиента из-за собственной оплошности.

И снова Карвер промолчал. Шляпы он не снял и, похоже, делать этого не собирался.

Издатель, нимало не смущаясь демонстративной наглостью гостя, просиял улыбкой:

— Но не будем вспоминать былые дни, мистер Уэллс, поговорим о дне сегодняшнем! Скажите, прошу вас, что я могу для вас сделать?

По лицу Карвера наконец-то скользнула тень раздражения.

— Карвер, — поправил он. — Меня зовут не Уэллс.

Добившись своего, Левенталь сложил на груди руки. Большой и указательный палец его правой

кисти были густо измазаны чернилами; теперь, при сцепленных в замок ладонях, это создавало любопытный эффект «полосатости», как если бы две руки принадлежали двум разным существам: одному — черному, другому — желтовато-коричневому.

— По-видимому, меня память подводит, — промолвил он, — но мне кажется, я вас отлично помню. Вы заходили где-то с год назад, разве нет? При вас было свидетельство о рождении. Вы дали объявление о потерявшемся транспортном ящике и даже какое-то вознаграждение за него предложили. С вашим именем еще некоторое недоразумение возникло. Я неправильно его напечатал — опустил ваше второе имя, и вы вернулись на следующее утро и указали мне на ошибку. Сдается мне, в вашем свидетельстве о рождении значилось «Кросби Фрэнсис Уэллс». Но может быть, я вас с кем-то путаю?

И снова Карвер не произнес ни слова.

— Мне всегда говорили, что память у меня на редкость цепкая, — добавил Левенталь, выждав минуту.

Издатель, конечно, играл с огнем, позволяя себе откровенную дерзость… но вдруг Карвер купится на подначку? Выражение лица Левенталя остава-

лось учтиво-безмятежным. Он ждал ответа.

Левенталь знал, что Карвер остановился в гостинице «Резиденция», откуда и отдавал распоряжения по вытягиванию остова злополучного «Доброго пути» на берег. Эти работы, безусловно, велись бы тихой сапой и со множеством ограничений, если бы Карверу надо было любой ценой скрыть находящийся на затонувшем корабле труп. Но по всем отзывам, в том числе и от грузоперевозчика Томаса Балфура, Карвер вел дело с максимальной прозрачностью. Он предоставил начальнику порта полную инвентарную опись груза, он пообщался с представителями всех хокитикских транспортных компаний и оплатил все счета и сам несколько раз плавал на лодке к разбитому судну в сопровождении корабельных плотников, старьевщиков, торгующих спасенным с корабля имуществом, и тому подобных людей.

— Меня звать не Уэллс, — наконец произнес Карвер. — Я для другого человека объявление давал. Сейчас это уже не важно.

— Прошу прощения, — любезно откликнулся Левенталь. — То есть это мистер Кросби Уэллс потерял транспортный ящик, а вы помогали ему в поисках.

Повисла пауза.

— Да.

— Ну что ж, от души надеюсь, что все закончилось хорошо! Полагаю, контейнер был ему в конце концов возвращен?

Карвер досадливо тряхнул головой.

— Это не важно, — буркнул он. — Я ж сказал.

— С моей стороны непростительно было бы не выразить вам свои соболезнования, мистер Карвер, — промолвил Левенталь.

Карвер буравил его взглядом.

— Известие о смерти мистера Уэллса глубоко меня опечалило, — продолжал Левенталь. — Я не имел удовольствия знать его лично, но по всем отзывам он был человеком весьма достойным. Ох… я надеюсь, не я первый сообщаю вам печальную новость… о том, что знакомый ваш ушел из жизни.

— Нет, — коротко отозвался Карвер.

— Вы меня успокоили. А как так вышло, что вы друг друга знали?

Тень раздражения вновь омрачила лицо гостя.

— Мы старые друзья.

— По Данидину, надо думать? Или с еще более давних пор?

С ответом Карвер не спешил, так что Левенталь

продолжал:

— Что ж, вам, верно, отрадно было узнать, что умер он хорошей смертью.

Губы Карвера дернулись.

— Что такое, по-вашему, *хорошая* смерть? — спустя мгновение взорвался он.

— Умереть во сне… в собственном доме?.. Смею предположить, это — лучшее, на что любой из нас может надеяться. — Левенталь понял, что продвинулся на шаг-другой. И добавил: — Хотя жалко, конечно, что в последние минуты с ним рядом не было супруги.

Карвер пожал плечами. Какое бы тайное пламя ни вызвало недавний выплеск эмоций, угасло оно так же внезапно, как и вспыхнуло.

— В чужие семейные дела нос совать нечего, — проговорил он.

— Абсолютно с вами согласен, — улыбнулся Левенталь. — А вы с миссис Уэллс знакомы?

Карвер пробурчал что-то невнятное.

— Я имел удовольствие с ней встречаться, но лишь мельком, — продолжал Левенталь, нимало не обескураженный. — Кстати, собираюсь нынче вечером в «Удачу путника» — как скептик, понятное дело, но — широких взглядов! Могу ли я рассчитывать вас там встретить?

— Нет, — отрезал Карвер. — Не можете.

— По-видимому, вы еще более скептически настроены по отношению к спиритическим сеансам, чем даже я!

— У меня вообще нет никакого мнения насчет сеансов, — буркнул Карвер. — Я там либо буду, либо нет.

— Так или иначе, полагаю, миссис Уэллс очень порадовалась вашему возвращению в Хокитику, — предположил Левенталь, чьи риторические маневры постепенно утрачивали убедительность. — Да, я уверен, она была просто счастлива узнать, что вы снова здесь!

Карвер уже не скрывал своего недовольства.

— Почему это? — спросил он.

— Почему? — откликнулся Левенталь. — Да из-за всей этой неразберихи с его наследством, разумеется! Потому что судебное производство приостановилось именно что из-за Уэллсова свидетельства о рождении! Оно как сквозь землю провалилось!

Голос Левенталя прозвучал несколько громче, чем входило в его планы, и издатель на миг забеспокоился, а не переусердствовал ли он. То, что он сказал, вполне соответствовало истине, более того — было известно всем и каждому: ходатайству

миссис Уэллс об аннулировании сделки по продаже Уэллсова имущества мировой суд еще не внял, поскольку не сохранилось никаких документов, подтверждающих личность покойного. Лидия Уэллс прибыла в Хокитику несколькими днями спустя после того, как останки ее покойного мужа предали земле, и потому тела не опознавала; похоже, за исключением эксгумации трупа (здесь мировой судья просил вдову покорно извинить его), не было способа доказать, что отшельник, умерший в долине Арахуры, и мистер Кросби Уэллс, чья подпись стояла на брачном свидетельстве миссис Уэллс, — это один и тот же человек. Учитывая значительные размеры наследства, мировой судья счел разумным отложить судебное разбирательство до тех пор, пока не удастся прийти к более определенному заключению, — за это решение миссис Уэллс прелюбезно его поблагодарила. И заверила, что женское терпение ее воистину несокрушимо и что она готова ждать столько, сколько нужно, пока невыплаченную задолженность перед нею (так она воспринимала наследство) наконец-то погасят.

Но Карвер не поддался на подначку; он лишь смерил издателя взглядом, а затем угрюмо-безразличным голосом заявил:

— Я хочу дать объявление в «Таймс».

— Да, разумеется, — отозвался Левенталь. Сердце его учащенно забилось. Пододвинув к посетителю лист бумаги, он осведомился: — Чего бы вы желали продать?

Карвер объяснил, что корпус «Доброго пути» в самое ближайшее время будет демонтирован, и в преддверии этого события он хотел бы продать отдельные детали на аукционе в пятницу через компанию по утилизации металлического лома «Глассон энд Роули». Карвер коротко изложил свои указания. Никакие части до аукциона проданы не будут. Никаких преимуществ и льгот не предоставляется; в переписку владелец не вступает. Все запросы направлять по почте мистеру Фрэнсису Карверу в гостиницу «Резиденция».

— Как видите, я все тщательно записываю, — промолвил Левенталь. — Уж на сей раз я прежней ошибки не совершу и ни одно из ваших имен не пропущу, не беспокойтесь! Послушайте, а вы с Кросби, часом, не в родстве?

Губы Карвера снова дернулись.

— Нет.

— По правде сказать, имя Фрэнсис и впрямь довольно распространенное, — кивнул Левенталь.

Записывая название Карверовой гостиницы,

он какое-то время не поднимал глаз; когда же он наконец оторвался от записей, обнаружилось, что Карвер заметно помрачнел.

— А тебя как звать? — осведомился Карвер, подчеркивая тот факт, что до сих пор не соизволил обратиться к хозяину по имени.

Левенталь ответил; Карвер медленно покивал, словно заучивая услышанное наизусть. А затем заявил:

— Пасть свою гребаную закрой.

Левенталь был глубоко шокирован. Он принял плату за объявление, молча выписал Карверу квитанцию — слова он выводил неспешно и тщательно, недрогнувшей рукой. Впервые в жизни его оскорбили в собственной конторе, и потрясенный издатель не сразу нашелся с ответом. Внутри его нарастало пьянящее возбуждение; набирал силу торжествующий рев; его словно распирало. Левенталь был из тех людей, что, подвергшись унижению, уподобляются гладиаторам на арене. В груди его вскипел боевой дух — победный и даже ликующий, как если бы где-то рядом прозвучал долгожданный призыв «К оружию!», но только он один расслышал его тайный отзвук, что эхом бился о ребра и пульсировал в крови.

Карвер уже забрал квитанцию. Он развернулся

и направился к выходу, даже не поблагодарив издателя и не попрощавшись с ним, — от такого хамства в глазах у Левенталя потемнело от ярости, и он, не сдержавшись, выкрикнул:

— Тебе тут за многое отвечать придется, раз уж ты сюда опять посмел сунуться!

Карвер, который уже взялся было за дверную ручку, застыл как вкопанный.

— После всего, что ты сделал с Анной! — бушевал Левенталь. — Это ведь я ее тогда нашел. Всю в крови. Нельзя так с женщиной обращаться! И мне все равно, кто она такая. Так с женщиной не обращаются — тем паче с беременной, тем паче на сносях!

Карвер не ответил ни словом.

— Ты хоть понимаешь, что ты на волосок отстоял от двойного убийства?

Гнев Левенталя нарастал до настоящего бешенства.

— А ты знаешь, как она выглядела? Ты ее видел, когда синяки сходить начали? Ты знаешь, что она две недели с тростью ковыляла? А без трости и двух шагов сделать не могла? Ты об этом знал?

— У нее у самой рыльце в пушку, — наконец выговорил Карвер.

Левенталь едва не расхохотался:

— Что? Это, значит, она тебя бросила лежать в луже крови? Это она тебя избила до бесчувствия? Как там записано — око за око?

— Я этого не говорил.

— Она убила твоего ребенка? Убила твоего ребенка — и ты в отместку убил ее дитя? — Левенталь почти кричал. — Ну же, так и скажи, я слушаю!

Но Карвер и бровью не повел.

— Я имею в виду, она вовсе не цветочек стыдливый.

— Ах, не *цветочек* стыдливый! Так ты теперь небось скажешь, что она сама на себя навлекла неприятности, что она сама во всем виновата!

— А как же, — кивнул Фрэнсис Карвер. — Она получила по заслугам.

— У вас, мистер Карвер, в Хокитике друзей — раз-два и обчелся, — проговорил Левенталь, наставив на гостя перемазанный в чернилах палец. — Анна Уэдерелл, может быть, всего-навсего шлюха, но ее высоко ценят столь многие мужчины этого города, что вам от них от всех не отбиться — что с оружием, что без; так и зарубите себе на носу! Если с Анной хоть что-то случится… я вас предупреждаю — если с ней случится хоть что-нибудь…

— Только не от моей руки, — проговорил Карвер. — Мне она на дух не сдалась. Все мои счеты сведены.

— «Счеты сведены!» — Левенталь сплюнул на пол. — Это вы про младенца? Ваш собственный ребенок — умер, не начав еще дышать! Это вы называете сведением счетов?

Как ни странно, эти слова Карвера явно позабавили.

— Мой собственный ребенок? — переспросил он.

— А я вам скажу, хоть вы и не спрашивали, — бушевал Левенталь. — Ваше дитя мертво. Вы меня слышите? Ваш собственный ребенок — умер, не начав дышать! И от вашей руки!

Карвер расхохотался — хрипло, словно пытаясь отхаркнуть какую-то гадость.

— Эта шлюха не моего ребенка носила, — промолвил он. — Кто вам такое сказал?

— Сама же Анна, — отозвался Левенталь, впервые ощутив смутную тревогу. — Вы будете отрицать?

Карвер снова рассмеялся.

— Я б к этой девке и багром не притронулся, — заявил он и, не успел Левенталь что-либо ответить, вышел за дверь.

Солнце в Водолее

Глава, в которой Су Юншэн наносит еще один нежданный визит; у Лидии Уэллс приключается приступ ясновидения, а Анна остается одна.

Со времен достопамятного 14 января Анна Уэдерелл не бывала больше в каньерской опиумной курильне. Пол-унции свежей смолы, подаренной Су Юншэном в тот день, при Анниной обычной норме хватило бы на две недели от силы. Но теперь прошло уже более месяца, а она так ни разу и не наведалась в Каньер раскурить трубку со своим старым приятелем либо пополнить свои запасы — и А-Су не находил тому убедительного объяснения.

«Шляпник» очень скучал по шлюхе. Каждый день он напрасно ждал, что она вот-вот появится на границе расчищенного участка за территорией каньерского Чайнатауна, с капором за спиною, — и каждый день его постигало разочарование. Китаец догадывался, что девушка, верно, вообще отказалась от опиума, — либо

так, либо решила покупать смолу напрямую у аптекаря. Вторая альтернатива должна была бы задеть А-Су гораздо больнее: он по сей день подозревал, что Джозеф Притчард как-то подстроил тот несчастный случай в ночь 14 января, когда Анна приняла смертельную дозу наркотика; он по-прежнему полагал, невзирая на бессчетные заверения в обратном, что Притчард в силу неведомой причины пытался убить Анну. Но на самом деле для А-Су куда труднее оказалось смириться с первым вариантом. Он просто-напросто отказывался верить — не желал верить! — что Анне удалось раз и навсегда избавиться от своего пагубного пристрастия.

А-Су был очень привязан к Анне и полагал, что девушка тоже питает к нему теплые чувства. Однако ж знал он и то, что их близость — это не столько единение, сколько совместное одиночество, ведь нет связи теснее и интимнее, нежели между наркоманом и его дурманом, и оба ощущали свое одиночество до боли остро. А-Су ненавидел свою кабальную зависимость от опиума, и чем больше ненавидел, тем больше алкал; и страсть эта обретала самые гнусные очертания в его разуме и сердце. И Анна тоже ненавидела в себе эту привычку. И возненавидела еще сильнее,

когда забеременела, и фигура ее начала округляться, и «работа» ее в Хокитике пошла на спад; целыми днями и неделями она грезила в сумеречном дыму, и делянка времени вокруг нее как бы размягчалась и размывалась по краям; но вот дитя погибло, и Аннина зависимость обернулась отчаянной безысходностью, которую даже А-Су не пытался понять. Он не знал, что случилось с ребенком, и спрашивать — не спрашивал.

В каньерской курильне никаких разговоров не велось — ни когда зажигали лампу, ни когда откидывались на подушки и ждали, чтобы смола размякла и забулькала в чаше. Порою Анна сначала набивала трубку для А-Су и подносила ему, придерживая, пока он вбирал в себя дым, вдыхал и выдыхал и погружался в забытье, — а пробудившись позже, обнаруживал, что она вытянулась рядом, податливая и гибкая, вся в холодном поту и влажные волосы ее прилипли к щеке. При раскуривании трубки важно было не произносить никаких слов, и А-Су радовался тому, что оба взяли это в привычку как нечто само собою разумеющееся, безо всяких договоренностей и просьб. Как о супружеской близости не принято говорить вслух по причинам и сакрального, и мирского характера, так ритуал опиумокурения

для этих двоих стал священным обрядом, невыразимым умерщвлением плоти и одновременно проявлением божественного экстаза; святость его заключалась в профанности, а профанность — в сакральной форме. Что за священная радость — немо ждать, пока смола плавится; изнемогать от желания, стыдного и дивного, пока сладковатый аромат не защекочет ноздри; воткнуть иголку в вязкую субстанцию; загасить пламя; откинуться на подушки и вбирать дым всем телом, ощущать, как он чудодейственным образом расходится по конечностям, до самых пальцев рук и ног, до макушки головы! И как же нежно глядел А-Су на девушку при пробуждении.

Днем накануне вдовицына сеанса (дело было в воскресенье — миссис Уэллс недаром запланировала его на это время, словно бросая вызов!) А-Су, устроившись в прямоугольнике солнечного света, что проникал сквозь открытую дверь хижины, надраивал чашу своей опиумной трубки, напевал что-то себе под нос и думал об Анне. За этим занятием он провел почти час; чаша давно сияла чистотой. Нож его уже не подцеплял красноватого порошка, осадка от сгоревшей опиумной смолы; в табачной камере ничего не осталось. Но лишняя работа была созвучна лишним мыслям,

что прокручивались в голове снова и снова, и служила своеобразным утешением.

– *Ah Quee faat sang me si aa?*

С противоположного конца поляны на него глядел Тун Вэй, гладколицый парень лет тридцати. А-Су не ответил. Он ведь дал слово никому не рассказывать о собрании в «Короне», равно как и о предшествующих ему событиях.

– *Keoi hai mai bei yan daa gip aa?* — настаивал парень.

Но А-Су по-прежнему не произнес ни слова, и Тун Вэй в конце концов сдался, недовольно буркнул что-то себе под нос и побрел в сторону реки.

После его ухода А-Су еще долго сидел неподвижно. Но вот он резко выпрямился, выругался, отложил нож. Что за ад — ждать ее целыми днями напролет, думать о ней, недоумевать, что случилось. Он этого дольше не вынесет. Он сегодня же отправится в Хокитику и повидается с ней. Вот прямо сейчас, немедленно. Он сложил инструменты и трубку, встал и пошел за курткой.

Из всего того, что обсуждалось в курительной комнате гостиницы «Корона» тремя неделями раньше, А-Су понял очень небольшую часть. Его соотечественник никак не мог вывести его из затруднения, ведь А-Цю владел английским еще

в меньшей степени, чем он сам, и уж конечно, от остальных участников тайного совета помощи было не дождаться: чтобы китаец да просил о разъяснении — ну какое терпение тут выдержит! Быструю и поэтически окрашенную речь Балфура иностранцу воспринять было непросто; так что и А-Су, и А-Цю покинули собрание, лишь частично уразумев, о чем, собственно, шла речь.

Самые важные моменты, оставшиеся непонятыми, сводились к следующему. А-Су не знал, что Анна Уэдерелл покинула свое жилье в «Гридироне» и перебралась к Лидии Уэллс. Не знал он и того, что Фрэнсис Карвер был владельцем корабля «Добрый путь», того самого, который затонул на Хокитикской отмели. Когда вскорости после полуночи тайный совет в «Короне» разошелся, А-Су не последовал за остальными на косу поглазеть на остов разбитого судна: кораблекрушения его не занимали и он предпочитал не бродить по хокитикским улицам после наступления темноты. Вместо того он вернулся в Каньер и с тех пор его не покидал. В результате он по-прежнему полагал, что Фрэнсис Карвер с месяц назад отплыл в Кантон и в Хокитику вернется нескоро. Балфур, который напрочь позабыл, что изначально предоставил А-Су неверные сведения, даже не

подумал вывести китайца из заблуждения.

К тому времени, как колокола прозвонили половину четвертого, А-Су уже поднимался по ступеням веранды «Гридирона». У стойки регистрации он попросил разрешения переговорить с Анной Уэдерелл, причем имя ее произнес с торжественной, самоуверенной серьезностью, так, словно встреча эта была назначена загодя за несколько месяцев. Он вытащил шиллинг, показывая, что готов заплатить за привилегию побеседовать со шлюхой, затем низко-низко поклонился в знак уважения. Эдгар Клинч запомнился ему по тайному совету; тогда китаец счел его человеком порядочным и разумным.

Однако Клинч лишь покачал головой. Он несколько раз указал жестом на свежеотдраенное здание «Удачи путника» на противоположной стороне Ревелл-стрит и заговорил быстро и сбивчиво; видя, что А-Су не понимает, Клинч под локоть вывел его за дверь, ткнул пальцем в гостиницу напротив и, уже медленнее, объяснил, что Анна теперь живет там. Наконец А-Су приметил за фасадным окном бывшей гостиницы какое-то движение и опознал в фигуре за стеклом Анну; очень довольный, он еще раз поклонился Клинчу, забрал шиллинг с его ладони и спрятал

в карман. А затем перешел оживленную улицу, поднялся по ступеням к веранде «Путника» и не без шика постучал в дверь.

Анна, верно, была в холле; не прошло и секунды, как дверь открылась. Девушка, как за нею повелось с недавних пор, предстала перед ним в отстраненной позе горничной при светской даме — воплощением раздражения и недовольства, упершись рукой в косяк, чтобы при необходимости тотчас же захлопнуть дверь. (За последние три недели у нее перебывало немало визитеров, по большей части тоскующие старатели, которым так не хватало ее вечерами в «Песке и самородке». Они уговаривали девушку пойти выпить с ними бокал шампанского, или бренди, или пивка и «язык почесать» в одном из ярко освещенных кабаков на Ревелл-стрит, но все их увещания терпели крах: Анна лишь качала головой и выпроваживала гостей восвояси.) Однако, завидев, кто стоит на пороге, она широко распахнула дверь и изумленно вскрикнула.

А-Су тоже изумился не на шутку: в первое мгновение он так и вытаращился на нее во все глаза. На протяжении стольких недель он вспоминал ее облик, и наконец — вот она! Неужто она и в самом деле так изменилась? Или память его

настолько несовершенна, что Анна, стоя в обрамлении дверного проема, кажется абсолютно иной женщиной, не той, с которой он провел столько роскошных вечеров, когда холодный зимний свет падал наискось сквозь квадрат окна, а дым спиралями обвивал их тела? На ней было новое платье: черное, строгого покроя. Но дело не только в новом платье, решил А-Су. Перед ним и впрямь совсем другая женщина.

Она была трезва. Щеки ее обрели новый глянец, глаза сделались ярче, и живее, и больше.

Исчезла приторная тягучесть движений, развеялась чуть сонная отрешенность, что вечно туманила ее черты, словно батистовая кисея. Ушла смутная полуулыбка, не подрагивал уголок губ, улеглась растерянная оторопь — как если бы Анна прежде всегда была причастна к некоему тайному переполоху, незримому для всех прочих. А в следующую минуту потрясение А-Су сменилось горькой обидой. Стало быть, это правда. Анна избавилась от власти опиумного дракона. Она исцелилась — в то время как сам он тщетно пытался это сделать вот уже десять лет, неизменно оставаясь рабом бесформенной твари.

Аннина рука чуть дернулась, пытаясь ухватиться за что-нибудь, как если бы девушка,

пошатнувшись, искала опору в дверной раме.

— Но тебе сюда нельзя — тебе сюда нельзя, А-Су, — шепотом запротестовала она.

А-Су выждал мгновение, прежде чем поклониться, — он всегда полагался на свои первые впечатления и хотел сохранить их сколь можно дольше. Со времени их последней встречи девушка заметно исхудала: резко обозначились кости запястья, щеки запали.

— Добрый день, — промолвил гость.

— Чего ты хочешь? — прошептала она. — Да, день добрый. Понимаешь, я больше не употребляю опиум. Ты не знал?

Китаец буравил ее взглядом.

— Три недели, — добавила она, словно бы пытаясь убедить его. — Я вот уже три недели к трубке не притрагивалась.

— Как так? — спросил А-Су.

Анна покачала головой:

— Ты должен понять: я не та, что прежде.

— Почему ты больше не ходить в Каньер? — спросил А-Су.

Он знать не знал, как объяснить, что он по ней скучает; что каждый вечер перед ее приходом он особым образом раскладывал подушки на кушетке, и прибирался в комнате, и переодевался в

чистое, и косичку заплетал аккуратно; что, глядя на нее спящую, он едва не задыхался от радости; что он порою протягивал руку и задерживал ее в каком-нибудь дюйме от Аннина груди, как будто мог ощутить нежную мягкость ее кожи в этом дымном промежутке между своей и ее плотью; что порою, после того как она выкурит трубку, он какое-то время выжидал, прежде чем последовать ее примеру, — чтобы всласть полюбоваться на девушку и прочно запечатлеть ее образ в памяти.

— Я больше не могу к тебе приходить, — промолвила Анна. — Тебе нельзя тут быть. Я не могу прийти.

А-Су горестно глядел на нее:

— Больше не куришь?

— Нет, — подтвердила Анна. — Больше не курю, и Каньера больше не будет.

— Почему?

— Я не могу объяснить — только не здесь. Я бросила, А-Су. Я насовсем бросила.

— Денег нет? — предположил А-Су, пытаясь понять.

Он знал, что на Анне лежит громадный долг. Она задолжала Дику Мэннерингу невесть сколько денег, и с каждым днем недоимка ее росла.

Наверное, ей за смолу заплатить нечем. Или, чего доброго, она не может выкроить и пары часов дойти до Каньера, чтоб покурить.

— Дело не в деньгах, — промолвила Анна.

Тут откуда-то из глубины лестничной клетки донесся властный женский голос: громко окликнув Анну по имени, он нетерпеливо-покровительственным тоном осведомился, как звать посетителя и что у него за дело.

Не сводя глаз с лица А-Су, Анна дернула подбородком.

— Просто китаец знакомый! — крикнула она в ответ. — Ничего такого.

— А чего он хочет-то?

— Ничего! — снова крикнула Анна. — Надеется продать мне кое-что.

Повисла тишина.

— Я нести — сюда? — предложил А-Су. Он сложил ладони ковшиком и протянул их к Анне, давая понять, что готов сам доставить ей опиум.

— Нет, — прошептала Анна. — Нет, нельзя. Незачем. Я просто… дело в том, что… я его больше не чувствую.

Этого А-Су понять не мог.

— Последний кусок, — проговорил он, разумея дозу в пол-унции, подаренную Анне в тот день,

когда девушка едва не погибла. — Последний кусок — неудачный?

— Нет, — начала было Анна, но не успела она договорить, как в коридоре послышались стремительные шаги, и в следующую секунду рядом с нею возникла другая женщина.

— Добрый день, — поздоровалась она. — И что же это вы продаете? Довольно, Анна.

И девушка послушно скользнула назад от порога.

А-Су тоже отступил на шаг, но скорее от потрясения, нежели из покорности, ведь он снова видел перед собою Лидию Гринуэй — впервые почти за тринадцать лет. В последний раз он глядел на нее — где же? — в Сиднейском суде, она — в зале, он — на скамье подсудимых; она, раскрасневшись, обмахивалась вышитым веером сандалового дерева; аромат этот плыл по воздуху, и, вдыхая его, А-Су, словно наяву, представлял принадлежавший их семье склад на набережной Гуанчжоу и сандаловые ящики, куда торговцы упаковывали отрезы шелка до начала войн. На Лидии было бледно-зеленое платье — это он хорошо помнил! — и отделанный кружевами капор; на протяжении всего заседания лицо ее оставалось абсолютно серьезным. Ее показания были кратки

и по существу. А-Су не понял ни слова; в какой-то момент она указала на него пальцем, по-видимому назвав по имени. Когда А-Су оправдали, сняв с него обвинение в убийстве, она, не выдавая своих чувств, молча встала и, ни разу не оглянувшись, покинула зал суда. С тех пор минуло больше двенадцати лет! Больше двенадцати лет — и однако ж, вот она! Чудовищно, невероятно, но она здесь; чудовищно, невероятно, но она нимало не изменилась! Волосы цвета меди по-прежнему ярко блестят и сияют; кожа — свежа, ни морщинки не разглядишь. Насколько Анна изможднена и худа, настолько Лидия — в теле и пышет здоровьем.

В следующее мгновение черты ее словно одрябли — странное дело, ведь Лидия всегда тщательно выверяла выражения лица и удивления выказывать не любила! — а глаза расширились.

— Я знаю этого человека, — потрясенно вымолвила она, схватившись рукою за горло. — Я его знаю.

Анна переводила взгляд с А-Су на миссис Уэллс и обратно:

— Но как? Не по Каньеру же!

На верхней губе А-Су выступила испарина. Однако он не произнес ни слова, а только поклонился; может, они решат, что он ничего не понял.

Китаец снова обернулся к Анне, опасаясь, что, если их с Лидией зрительный контакт продлится еще хоть мгновение, она, чего доброго, вспомнит, где они встречались раньше. Наблюдая за нею искоса, А-Су чувствовал: она настороже.

Анна тоже нахмурилась.

— Вы, верно, его за кого-то другого приняли, — обратилась она к миссис Уэллс. — Китайцы, они ж все на одно лицо.

— Да, вероятно, — отозвалась миссис Уэллс.

Она по-прежнему изучающе рассматривала А-Су. Узнала она его или нет — непонятно. Китаец гадал, с чем бы обратиться к Анне, но в голову ничего не приходило.

— Тебе чего надо, А-Су? — спросила Анна. Говорила она не то чтобы недоброжелательно, но с тоскою; в глазах ее читалась мольба и едва ли не страх.

— Как ты его назвала? — быстро переспросила старшая из женщин.

— А-Су, — повторила Анна. — Кажется, это то же, что мистер Су. Он торговец из Каньера.

— А! — Лидия так и впилась взглядом в собеседника. — Опиум!

Узнала, стало быть! Она его помнила. А-Су тут же сменил тактику. Он повернулся к Анне и

возвестил:

— Я тебя покупать. Самая высокая цена.

Вдова рассмеялась.

— Ох, — отозвалась Анна, покраснев до ушей. — Нет. Не получится. Тебе, наверное, никто не сказал. Я теперь собой не торгую. Я больше не шлюха. Меня нельзя купить. Я не продажная.

— А какая? — спросил А-Су.

— Мисс Уэдерелл — моя ассистентка, — пояснила миссис Уэллс, но А-Су не знал этого слова. — Она теперь здесь живет.

— Я теперь здесь живу, — эхом откликнулась Анна. — И к опиуму больше не притрагиваюсь. Понимаешь? Я больше не курю. Я… я бросила.

А-Су ошарашенно глядел на нее.

— Что ж, до свидания, — промолвила Анна. — Спасибо, что зашел.

Внезапно миссис Уэллс резко выбросила руку, ухватила А-Су за предплечье и крепко сжала молочно-белые пальчики.

— Вы просто должны прийти сегодня вечером на сеанс, — объявила она.

— У него билета нет, — напомнила Анна.

— Восточный колорит, — продолжала миссис Уэллс, не обращая на нее внимания. — Именно то, что нужно! Как, говоришь, его звать?

— А-Су, — промолвила Анна.

— Ах, ну да, — подхватила миссис Уэллс. — Ты только представь себе: азиат — на нашем спиритическом сеансе!

— А спиритизм разве азиатская практика? — с сомнением переспросила Анна.

А-Су не знал этого слова, но знал, что такое «азиат», и догадался, что речь идет о нем и, вероятно, это из-за него во взгляде Лидии внезапно блеснула алчность. Китаец не уставал дивиться: Лидия почти не изменилась за десять с лишним лет, в то время как Анна преобразилась до неузнаваемости всего-то за месяц. Опустив взгляд на ее руку, крепко стиснувшую его предплечье, он с изумлением обнаружил на пальце Лидии золотой ободок.

— Миссис Карвер, — промолвил он, указывая на кольцо.

Лидия улыбнулась — на сей раз шире.

— Похоже, в нем есть пророческая жилка, — заявила она Анне. — Нет, ну что за идея!

— Что ты имеешь в виду под «миссис Карвер»? — нахмурясь, переспросила Анна у А-Су.

— Жена Карвера, — отозвался А-Су, ничего тем самым не прояснив.

— Он думает, вы — жена Карвера, — «перевела»

Анна.

— Он просто гадает, — отмахнулась миссис Уэллс. А китайцу возразила: — Не миссис Карвер. Мой муж умер. Я теперь вдова.

— Не миссис Карвер?

— Миссис Уэллс.

Глаза А-Су расширились.

— Миссис *Уэллс*, — повторил он.

— Хорошо, что он английским почти не владеет, — непринужденно заметила вдова Анне. — Отвлекаться лишний раз не станет. Будет непоколебимо спокоен. А какой красавчик! Полагаю, нам он отлично подойдет.

— Он знает Карвера, — напомнила Анна.

— Да наверняка, — небрежно обронила миссис Уэллс. — У капитана Карвера обширные связи на Востоке. Небось у них тут, в Хокитике, какие-нибудь общие торговые дела. Заходите в гостиную, А-Су. — Лидия крепче стиснула пальцы. — Да заходите же! Всего на минутку. Да не ребячьтесь вы! Я вас не обижу. Ступайте в дом.

— Фрэнсис Карвер — в Гуандуне? — спросил А-Су.

— Вы хотите сказать, в Кантоне; да, очень вероятно, что так, — отозвалась миссис Уэллс, приняв вопрос собеседника за утверждение. — Капитан

Карвер одно время жил в Кантоне. Жил там много лет. Заходите в гостиную.

Она провела гостя в комнату и указала на дальний угол.

— Вы будете сидеть на подушке вон там, — велела она. — Будете наблюдать за лицами присутствующих и привносить в наш мистический сеанс холодную, рассудочную невозмутимость. Мы станем звать вас Азиатским Оракулом, или Живой Статуей Востока, или Династическим Духом, или что-нибудь в этом роде. Анна, а ты что предпочтешь? Статую или Оракула?

У Анны предпочтений не было. Она отлично понимала, что Лидия Уэллс и А-Су узнали друг друга и что их общее прошлое имеет какое-то отношение к Фрэнсису Карверу, причем вдова не желает говорить о нем вслух. Анна благоразумно не стала развивать эту тему и вместо того спросила:

— А какова его задача?

— Просто наблюдать за нами!

— Да, но для чего?

Вдовица махнула рукой:

— Ты разве не видела спектакля в «Принце Уэльском»? Билеты раскупаются как горячие пирожки, а все благодаря восточному колориту.

— Вообще-то, он в Хокитике довольно известен, — возразила Анна. — Его непременно узнают.

— Равно как и тебя! — напомнила миссис Уэллс. — Это как раз совершенно не важно.

— Не знаю, — протянула Анна. — Не уверена.

— Анна *Уэдерелл*! — воскликнула миссис Уэллс с деланым раздражением. — Вспомни, как в прошлый четверг я предложила повесить изображение Мага[56] наверху лестницы, а ты возражала, уверяя, что гравюра окажется в тени мансарды, а я все равно повесила, и свет падал просто идеально, как я и обещала.

— Да, — кивнула Анна.

— Ну вот! — рассмеялась миссис Уэллс.

Из этого всего А-Су не понял ни слова. Он обернулся к Анне и слегка нахмурился, давая понять, что нуждается в разъяснении.

— Ну *сеанс* же, — повторила Анна без всякого толку.

А-Су покачал головой. Этого слова он не знал.

— Давай-ка попробуем, — предложила миссис Уэллс. — Идите, идите сюда, в уголок. Анна, дай гостю подушку. Или, может, табуретка выглядит

---

[56] Сноски: 56

Маг (или Фокусник) — первая карта старших арканов колоды Таро.

более аскетично? Нет, все-таки подушка: тогда он усядется, скрестив ноги на восточный манер. Да, идите сюда — дальше, еще дальше. Вот так.

Она толкнула А-Су на подушку и проворно отступила на несколько шагов, чтобы оценить общее впечатление с противоположной стороны комнаты. И восхищенно закивала.

— Да, — объявила она. — Анна, видишь? Ну разве не чудо? Какой он внушительный! Интересно, а не попросить ли его покурить трубку какую-нибудь? Клубы дыма вокруг его головы смотрелись бы неплохо. Но когда курят в помещении, мне становится дурно.

— Он еще не дал согласия, — напомнила Анна.

Миссис Уэллс досадливо поморщилась, но спорить не стала. Она подошла к А-Су и, подбоченившись, воззрилась на него сверху вниз.

— Вы Эмери Стейнза знаете? — спросила она, произнося слова как можно четче. — Эмери Стейнза? Вы его знаете?

А-Су кивнул. Эмери Стейнза он знал.

— Ну так мы его сюда вызовем, — сообщила Лидия. — Нынче вечером. И поговорим с ним. Эмери Стейнз — тут. — Благоухающей лимоном ручкой она указала на доски пола.

В глазах А-Су блеснуло понимание. Замечатель-

но: старателя, по-видимому, наконец нашли — и нашли живым! Отличные новости.

— Очень хорошо, — промолвил китаец.

— Нынче вечером, — объясняла миссис Уэллс. — Здесь, в «Удаче путника». В этой самой комнате. Фуршет начнется в семь, сеанс — в десять.

— Нынче вечером, — повторил А-Су, не сводя с нее глаз.

— Совершенно верно. Вы будете здесь. Вы придете. Сядете, как вот сейчас. Да? Ох, Анна, он меня вообще понимает? Я прямо не уверена — у него лицо как у статуи. Это-то и навело меня на мысль — Живая Статуя как есть!

Анна медленно растолковала А-Су, что Лидия приглашает его поприсутствовать сегодня вечером на встрече с Эмери Стейнзом. Несколько раз она употребила слово «сеанс»; А-Су, у которого до сих пор не было повода его выучить, вывел из контекста, что имеется в виду какое-то заранее подготовленное собрание или встреча, на которую приглашен и Эмери Стейнз. Китаец покивал, давая понять, что все понял. Тогда Анна объяснила, что А-Су просят вернуться вечером и занять место на подушке в углу, в точности как сейчас. Приглашены и другие люди. Они сядут в круг, а

Эмери Стейнз будет стоять в центре комнаты.

— Он понимает? — беспокоилась миссис Уэллс. — Он что-нибудь понимает?

— Да, — заверил А-Су и добавил в подтверждение: — Сеанс с Эмери Стейнзом сегодня вечером.

– *Превосходно*, — выдохнула миссис Уэллс, улыбаясь ему так, как улыбаются одаренному ребенку, декламирующему наизусть сонет, — с восхищением отчасти напускным и слегка недоверчивым. — Шлюха в трауре и восточный мистик, — продолжала она. — Лучшего и желать нельзя; у меня при одной этой мысли мурашки по коже! И разумеется, спиритизм — никакая не азиатская традиция, — с запозданием ответила она на Аннин вопрос, — но не твержу ли я всякий день на протяжении вот уже двух недель, что в нашем деле атмосфера — это залог успеха? А-Су нам *прекрасно* подходит.

Глядя куда-то в сторону, Анна небрежно обронила:

— Ему, конечно же, следует заплатить.

Вдова устремила на Анну ледяной взгляд, который, впрочем, пропал втуне: ведь девушка стояла отвернувшись. В следующий миг лицо Лидии снова прояснилось.

— Безусловно! — весело заверила она. — Спро-

си-ка его, сколько, по его мнению, ему причитается за такую пустяковую работенку. Спроси ты, Анна; вы же с ним так *дружны*.

Анна спросила, объяснив А-Су, что вдова готова заплатить ему за его вклад в сегодняшний вечерний сеанс. А-Су, который до поры не понимал, что Эмери Стейнз будет присутствовать лишь в виде духа, предложению весьма порадовался. Однако отнесся к нему с вполне понятным недоверием и о таковом не умолчал. Последовали довольно бестолковые переговоры, в итоге которых А-Су согласился, скорее ради нее, чем ради себя, на гонорар размером в один шиллинг.

А-Су был отнюдь не дурак. Он отлично сознавал, что не вполне понимает, что произойдет нынче вечером. Его удивляло, зачем Анна так упорно подчеркивает, что Эмери Стейнз будет стоять в самом центре комнаты, а остальные расположатся вокруг него, и удивляло еще больше, что вдова готова заплатить ему, а делать ничего не придется. Он заключил, что ему предстоит сыграть роль в каком-то сценарии (и в этой своей догадке почти попал в яблочко), и рассудил, что, каким бы унижением спектакль для него ни обернулся, оно того стоит — ради возможности переговорить с мистером Стейнзом. Так что он

принял приглашение вдовы и согласился на обещанную плату, не сомневаясь, что все его сомнения со временем разрешатся.

На том переговоры завершились. А-Су обернулся к Анне; на мгновение глаза их встретились, неотрывный взгляд А-Су и Аннин взгляд — как могло показаться, холодно-отчужденный, — «шляпник» совершенно не узнавал его. Да полно, отчужденность ли это? Или китаец просто не привык к прозрачной ясности этого взгляда теперь, когда густая опиумная завеса не туманила ее лица? Как она изменилась! Не знай он девушку настолько хорошо, он мог бы заподозрить ее в надменности — как если бы она воображала себя на голову выше китайца теперь, когда перестала быть шлюхой.

А-Су решил усмотреть в ее холодности намек на то, что ему пора, и поднялся с подушки. Он уже рассчитал, что ему достанет времени дойти до Каньера и вернуться назад прежде, чем солнце сядет: ему хотелось сообщить своему земляку Цю Луну, что этим самым вечером в «Удаче путника» на Ревелл-стрит в числе присутствующих будет и Эмери Стейнз. Он знал, что А-Цю давно хотел побеседовать со Стейнзом, дабы расспросить молодого старателя насчет золота с «Авроры», —

то-то А-Цю обрадуется, узнав, что Стейнз жив!

А-Су поклонился вдове, потом — Анне. В ответ Анна присела в неглубоком реверансе, из тех, что не свидетельствуют ни о томлении, ни о сожалении, и тотчас же отворотилась поправить кружевное покрывало на подлокотнике дивана.

— Вы ведь вернетесь вечером — на сеанс. Сегодня вечером, — напомнила Лидия Уэллс. — Скажем, в шесть.

— В шесть, — эхом повторил А-Су и указал на подушку, с которой только что встал, давая понять, что все понимает.

Он в последний раз оглянулся на Анну; и тут Лидия Уэллс ухватила его за руку и вывела в холл. Протянув руку за его спиною, открыла дверь — и прихожую внезапно затопил свет дня.

— До свидания, — промолвил А-Су, переступая порог.

Но вдова, вопреки ожиданию, не закрыла за ним дверь, вместо того она взялась за шаль, набросила ее на плечи и последовала за А-Су на веранду. Анне же бросила:

— Я выйду ненадолго, вернусь через часок-другой.

Анна изумленно вскинула глаза. Но лицо ее тотчас же утратило всякое выражение. Она бес-

страстно кивнула, пересекла гостиную и подошла к двери — запереть ее за миссис Уэллс.

— Всего хорошего, миссис Уэллс, — промолвила она, держась рукою за косяк. — Всего хорошего, А-Су.

Эти двое спустились по ступеням на улицу и разошлись каждый своим путем: А-Су на юг, к реке, а Лидия Уэллс — на север. Пройдя несколько шагов, миссис Уэллс оглянулась через плечо, словно желая оценить здание со стороны улицы, и Анна поспешно захлопнула дверь.

Однако девушка по-прежнему держалась за ручку — и поворачивать ее не думала; спустя мгновение она снова приоткрыла дверь, очень осторожно и беззвучно, и прильнула к щели. Лидия ускорила шаг; вопреки ожиданиям Анны, она не развернулась и не устремилась за А-Су, чтобы переговорить с ним наедине. Анна приоткрыла дверь чуть шире. Может, вдова след запутывает? Ведь разве не для этого она ушла так внезапно — чтобы потолковать один на один с человеком, которого явно узнала? Но А-Су вскоре завернул за угол на набережной Гибсона и исчез, а Лидия Уэллс практически в тот же миг перешагнула через канаву сбоку от дороги и поднялась по ступеням… Анна сощурилась… что

же это за заведение? Двухэтажное здание, сразу за «Скобяными товарами Тайгрина». Может, таверна какая-нибудь? На крыльце явно кто-то стоял: Лидия Уэллс замешкалась на мгновение, обменялась несколькими словами, а затем открыла дверь и исчезла внутри; но, прежде чем дверь захлопнулась, Анна разглядела проблеск бледно-голубой краски — и узнала здание. Итак, Лидия Уэллс наносит светский визит. Но кому? Анна изумленно покачала головой. Что ж, кто бы это ни был, это в любом случае не заурядный старатель. Это наверняка человек влиятельный, раз проживает в гостинице «Резиденция».

Сатурн в Весах

Глава, в которой Харальд Нильссен нарушает договор; открыта Священная книга; Коуэлл Девлин поставлен в тупик, а Джордж Шепард измышляет план.

Харальд Нильссен, как обычно в четыре часа пополудни, только что заварил и настоял чаю и уже садился за стол с тарелкой обсахаренного печенья и книгой, как его срочно вызвали однопенсовым письмом. Письмо было от Джорджа Шепарда, с пометкой «срочно», хотя причину начальник тюрьмы не указал. Наверняка дело касалось какой-нибудь пустячной подробности, раздраженно подумал Нильссен: какой-нибудь камешек в основании будущей тюрьмы, капля кофе на чертеже здания. Вздохнув, он накрыл чайник стеганым чехлом, переоделся из свитера в пиджак и взялся за трость. Что за дурной тон — докучать человеку воскресным вечером! Да он же шесть дней из семи трудится не покладая рук. Уж один-то день отдыха он заслужил без того, чтобы Джордж Шепард надоедал ему

с расписками, зарплатными ведомостями или расценками на утиль. Дешевая почта усугубляла оскорбление: Шепард не потрудится даже пройти пять небольших кварталов от полицейского управления до набережной Гибсона; вместо того он требует, чтобы Нильссен явился к нему, точно вассал к сеньору! Чрезвычайно раздосадованный, Нильссен запер за собою дверь конторы и зашагал по Ревелл-стрит: шляпа сдвинута набок, фалды развеваются по ветру.

В полицейском управлении гостя встретила миссис Джордж. Она с разнесчастным видом провела Нильссена в гостиную, тут же обратилась в бегство, не успел тот произнести ни единой любезности, и захлопнула за собою дверь так резко, что ситцевые стены дрогнули и заходили ходуном, и Нильссену на миг померещилось, будто он на море.

Начальник тюрьмы восседал во главе стола и споро расправлялся с холодным обедом, состоящим из мясного студня, разнообразных пудингов однородной густоты и плотного хлеба какого-то темного крупнозернистого сорта. Шепард выпрямился, отложил вилку, но стула Нильссену не предложил.

— Итак, — промолвил Шепард, когда дверь

закрылась и он проглотил свой кусок, — вы все-таки разболтали о нашем соглашении; вы нарушили слово. Кому вы проговорились?

— Чего? — не понял Нильссен.

Шепард повторил вопрос; Нильссен, помолчав, снова выразил недоумение, на сей раз чуть повысив тон.

Шепард холодно взирал на него:

— Не лгите мне, мистер Нильссен. Завтра утром Алистер Лодербек опубликует в «Таймс» письмо и разнесет в пух и прах мою репутацию. Он утверждает, будто некая доля от суммы, обнаруженной в хижине Кросби Уэллса, была инвестирована в строительство хокитикской тюрьмы. Не знаю, откуда у него эти сведения, но очень хочу узнать. Сейчас же.

Нильссен замялся. Как так вышло, что *Алистеру Лодербеку* известно о его комиссионном вознаграждении? Должно быть, кто-то из участников совета в «Короне» не сдержал клятвы! Может, Балфур? Балфур и Лодербек, они ж друзья не разлей вода, а никого другого рядом с Лодербеком Нильссен никогда и не видел. Но зачем бы Балфуру предавать его? Нильссен в жизни не желал ему зла. А не Левенталь ли? Тоже вероятно — раз письмо напечатают на страницах газеты.

Однако Нильссену не верилось, что Левенталь способен нарушить слово, — равно как и Балфур. Он наблюдал, как Шепард подцепил вилкой кусок студня, мясного фарша и маринованный огурчик, и невесть почему (ведь Нильссен еще не успел проголодаться) у него прямо слюнки потекли.

— Кому вы рассказали? — настаивал Шепард. — И будьте так добры принять к сведению, что в эту самую минуту терпение мое на исходе; повторять свой вопрос я не стану. — Он положил в рот все то, что подцепил вилкой, вилку плавно извлек и принялся жевать.

Нильссен не знал, что и ответить. По правде говоря, рассказал он все как на духу не одному человеку, а двенадцати: Уолтеру Мади плюс еще одиннадцати собравшимся на совет в курительной комнате «Короны». Но мог ли он признаться в том, что растрепал секрет Шепарда целой дюжине? Не лучше ли притвориться, что он никому и ничего не говорил? Однако ж ясно как день, что кому-то он таки проболтался, раз Лодербек все знает! Мысли путались у него в голове.

— В толк взять не могу, как так вышло, — в отчаянии пролепетал он. — Вообще ничего не понимаю.

Шепард деловито набирал на вилку очередную

порцию.

— Вы сами ходили к Лодербеку? — осведомился он, не сводя глаз с тарелки. — Или вы пошли к кому-то еще, а он уж, в свой черед, к Лодербеку?

— Я с Лодербеком за всю свою жизнь пятью словами не перемолвился! — с жарким возмущением заверил Нильссен.

— Тогда кто ж? — Шепард вскинул глаза, балансируя в руке столовыми приборами.

Нильссен молчал. На лбу его выступила испарина.

— Вы, как вижу, старательскую честь блюдете, — неодобрительно промолвил Шепард. — Ну что ж, хоть кому-то вы преданы, мистер Нильссен.

Он вновь принялся за ужин и молчал, как показалось Нильссену, целую вечность. Одет был Шепард в черный воскресный костюм; фалды он свесил по обе стороны стула, чтобы ненароком не смять за едой. Брюки с завышенной талией и жилет без воротника имели неодобрительно-похоронный вид; широкий галстук сколько-то вышел из моды — чуть снисходительно отметил Нильссен (ведь его собственный галстук, узкий, свободно завязанный, вполне соответствовал моде дня) — и словно бы еще более подчерки-

вал исполненный укоризны облик тюремщика. Даже холодный ужин простотой своей являл умеренную сдержанность. Сам Нильссен отужинал половиной вареной курицы с пюре из репы с маслом и обильно политой белым соусом, в придачу он выпил полкувшина очень неплохого вина.

Где-то в доме часы пробили четверть часа. За зыбкими стенами из комнаты в комнату неслышно бродила миссис Джордж. Шепард целиком сосредоточился на еде. Нильссен ждал, пока Шепард не подберет с тарелки последнюю крошку, в надежде, что по завершении трапезы начальник тюрьмы наконец-то заговорит. Когда же стало понятно, что надежда тщетна, Нильссен чуть слышно вымолвил:

— Ну так что же вы собираетесь предпринять?

— Первое, что я сделаю, — отвечал Шепард, промокнув губы столовой салфеткой, — это отстраню вас от всех обязанностей, связанных с постройкой тюрьмы. Я не нуждаюсь в услугах человека, который нарушает слово.

— Но мой вклад мне вернут? — воззвал Нильссен.

— Отнюдь, — покачал головой Шепард. И швырнул салфетку на тарелку. — Напротив, я нахожу вас запрос в высшей степени необоснованным,

учитывая, что работы уже идут полным ходом.

Нильссен беззвучно пошевелил губами.

— Понятно, — наконец выговорил он.

— Вы отказываетесь нарушить старательский кодекс чести.

— Отказываюсь.

— Поразительно.

— Прошу меня простить.

Шепард, разом оживившись, отодвинул тарелку.

— Письмо мистера Лодербека будет опубликовано в завтрашнем номере «Таймс»; мне прислали сигнальный экземпляр.

Только тут Нильссен заметил, что на столе рядом с тарелкой лежит вскрытое письмо. Он шагнул вперед, протянул руку:

— Можно?..

Словно не замечая, Шепард продолжал, слегка повышая голос:

— В письме вы по имени не упомянуты. Вам должно узнать, что нынче же вечером я лично напишу издателю, дабы исправить это упущение. Мой ответ будет напечатан сразу под публикацией Лодербека в качестве официального разъяснения.

— Можно мне прочесть? — снова попытал сча-

стья Нильссен.

— Вы сможете прочесть его завтра в газете, равно как и любой житель Уэстленда, — заверил Шепард, зловеще подчеркивая эту фразу.

— Хорошо же, — кивнул Нильссен, отдергивая руку. — Я вас понял.

— Если, конечно, вы не хотите мне чего-нибудь сказать, — выдержав паузу, добавил Шепард.

— Да, — с тошнотворной обреченностью проговорил Нильссен.

— Да?

— Да, я действительно хочу вам кое-что сказать.

Бедняга Харальд Нильссен! Он-то думал, что вновь завоюет доверие тюремщика, согрешив вторично, как будто посредством второго предательства можно отменить первое! Когда-то он в панике уступил — Нильссен терял волю при одной мысли о том, что люди перестанут его уважать. Он и подумать боялся о том, что его невзлюбят, потому что на самом-то деле полагал, будто вызывать неприязнь и быть человеком неприятным — это одно и то же. Самозащиты ради Нильссен одевался по последней моде, изъяснялся напыщенно и претендовал на роль главного героя в любой истории; рассчитанный

на публику образ он возводил, как заслон, вокруг своей личности, потому что хорошо знал, насколько его личность уязвима.

— Я вас слушаю, — напомнил Шепард.

— Это все… — Нильссен лихорадочно пораскинул умом. — Это все миссис Уэллс.

— Вот как, — откликнулся Шепард. — При чем тут она?

— Она была любовницей Лодербека.

Шепард изогнул брови:

— Алистер Лодербек наставлял рога Кросби Уэллсу?

Нильссен задумался.

— Да, наверное, так. Ну то есть, конечно, в зависимости от того, когда именно Кросби и Лидия поженились.

— Продолжайте, — кивнул Шепард.

— Дело в том… дело в том, что… его шантажировали… ну, Лодербека то есть… и Кросби Уэллс забрал откупные. Это и есть состояние, найденное у него в хижине, вот.

— А как именно его шантажировали? И вы-то как об этом узнали?

Нильссен замялся. В лице тюремщика отразилось алчное нетерпение, особого доверия не внушающее.

— Как вы об этом узнали? — настаивал Шепард.

— Мне рассказали.

— Кто?

— Мистер Стейнз, — ляпнул Нильссен, остановив выбор на человеке, которому повредил бы меньше прочих, по крайней мере в ближайшей перспективе.

— Так Стейнз — это он и есть шантажист?

— Не знаю, — на миг смешался Нильссен. — Ну то есть да, наверное.

— Вы за него или против него?

— Я… я не знаю.

Шепард досадливо поморщился.

— Тогда что вы против него имеете? — осведомился он. — Уж верно, вы не просто так сомневаетесь, на чьей вы стороне.

— Нашлась дарственная, — с несчастным видом пролепетал Нильссен. — В зольном ящике в доме Кросби Уэллса — слегка обгоревшая, как будто ее пытались уничтожить. Ее капеллан нашел. Когда ездил в хижину забрать тело, на следующий день после смерти Кросби. Вам он про нее не сказал, просто себе забрал. Доктору Гиллису тоже — ни слова.

Шепард и бровью не повел.

— И что же за дарственная такая?

Нильссен вкратце пересказал содержание документа. Все это время он не сводил глаз с некой точки в трех футах слева от лица тюремщика и странно щурился — в груди его пузырем вздувалось отчаяние и давило на ребра. Он-то надеялся заверить начальника тюрьмы в своей преданности, выдав эту тайну, а теперь вдруг понял, что лишь подтвердил собственную лживость и никчемность. И однако ж, невзирая на все свои невзгоды, он испытал чудовищное облегчение, упомянув о заговорщиках из «Короны» вслух. Ему казалось, с плеч его падает тяжкое бремя, сменяясь пугающе-невесомой легкостью. Он искоса глянул на тюремщика и тут же вновь отвернулся.

— Значит, тут Девлин руку приложил? — уточнил Шепард. — Вы рассказали Девлину об этом капиталовложении, а он донес Лодербеку?

— Да, — кивнул Нильссен. — Верно. — (Да что он за жалкий человечишка — обвиняет *священника*! Но, в конце-то концов, это не столько ложь, сколько полуправда… и лучше обвинить одного, чем всех двенадцатерых.) — Ну то есть, — добавил он, — мне кажется, что он проболтался Лодербеку. Я не знаю. Я вообще ни о чем с Лодербеком не

говорил — я ж объяснил вам.

— Выходит, Девлин работает на Лодербека, — подвел итог Шепард.

— Не скажу наверняка, — отозвался Нильссен. — Я ничего об этом не знаю.

Шепард кивнул.

— Что ж, мистер Нильссен, — промолвил он, поднимаясь от стола, — думаю, на том наша беседа завершена.

Итак, его прогоняют? Нильссен запаниковал еще сильнее.

— А насчет дарственной… — промолвил он. — Просто видите ли… если вы собираетесь переговорить о ней с преподобным…

— Полагаю, что переговорю, да.

— А вы… не могли бы не упоминать моего имени? — попросил Нильссен с самым что ни на есть разнесчастным видом. — Вот что: я вам расскажу, где он ее прячет, ну дарственную, и вы сами ее сумеете обнаружить, а я как будто даже и ни при чем. Согласны?

Шепард сверлил его безжалостным взглядом:

— И где же он ее прячет?

— Не скажу, пока не пообещаете, — отозвался Нильссен.

— Ладно, — пожал плечами Шепард.

— Вы даете слово?

— Клянусь честью, что не назову вашего имени капеллану тюрьмы! — рявкнул Шепард. — Где он ее прячет?

— В своей Библии, — удрученно сообщил Нильссен. — В своей Библии, между Ветхим Заветом и Новым.

* * *

С тех пор как постройка тюрьмы пошла полным ходом, Коуэлл Девлин и Джордж Шепард почти не виделись, вот разве что по вечерам, когда Шепард возвращался со строительной площадки в Сивью и принимался за счета и письма. Девлин находил, что в отсутствие Шепарда атмосфера во временном полицейском управлении заметно улучшается; с начальником тюрьмы он так и не сошелся ближе. Если бы священника вынудили дать оценку характеру Шепарда, он, вероятно, выдержав долгую паузу, признал бы, что жесткая непреклонность Шепарда внушает ему жалость; что его печалит явное недовольство, с каким Шепард воспринимает окружающий мир; помолчав еще какое-то время, Девлин, вероятно, добавил бы, что желает Шепарду только добра, но не верит, что их взаимоотношения, которые на

настоящий момент носят строго профессиональный характер и особой теплотой не отличаются, разовьются далее.

Однако было воскресенье, и строительные работы на террасе приостановились до завтра. Шепард провел утро в церкви, а вторую половину дня — в своем кабинете в полицейском управлении, откуда Харальд Нильссен в настоящий момент отбывал весьма поспешно. Девлин, недавно возвратившийся из каньерского лагеря, во временном здании тюрьмы читал преступникам проповедь о необходимости молиться по памяти. Он взял с собою свою потрепанную Библию — он всегда носил ее при себе, — хотя, учитывая содержание сегодняшней проповеди, заглядывать в книгу капеллану было незачем. Когда в тюрьму вошел Шепард, Библия лежала закрытой на табуретке рядом с Девлином.

Шепард дождался, чтобы разговоры стихли, — его внушительное присутствие в комнате этому быстро поспособствовало. Девлин вопрошающе обернулся к нему.

— Добрый вечер, ваше преподобие. Будьте добры, одолжите мне вашу Библию.

— Мою Библию? — нахмурился Девлин.

— Если не возражаете.

Капеллан накрыл книгу ладонью.

— Может, вам проще спросить у меня, что бы вы уж там ни искали, — промолвил он. — Без ложной скромности замечу, что Священное Писание я знаю неплохо.

— Ничуть не сомневаюсь; и однако ж, мне всегда приятно самому полистать, — отозвался Шепард.

— Но у вас наверняка есть своя!

— Разумеется, — кивнул Шепард. — Однако в этот час моя жена на молитве, и мне не хотелось бы ее тревожить.

Девлин прикинул, не вытащить ли из книги похищенную дарственную, но обгорелый документ наверняка привлечет внимание тюремщика и вызовет расспросы; да и в любом случае тут сплошь преступники, куда же ему спрятать бумагу?

— А что именно вам нужно? — спросил священник. — Какой-то стих или аллюзия?..

— Для духовного лица вы больно неохотно Библией делитесь, — огрызнулся Шепард. — Да боже ж ты мой! Я ее только полистаю, и все! Или вы мне откажете в таком пустяке?

И Девлину ничего не оставалось делать, как уступить книгу. Поблагодарив капеллана, Ше-

пард унес книгу в свои частные покои и закрыл дверь.

По иронии судьбы проповедь Девлина о чтении молитв по памяти как нельзя лучше подходила к следующему получасу, ибо с ритуальной повторяемостью мысли его снова и снова возвращались к кабинету начальника тюрьмы, где тот, надо думать, устроившись за рабочим столом, здоровенными белыми ручищами листал тонкие страницы книги. Девлину и в голову не приходило, что Шепард может знать о дарственной, спрятанной между Заветами, ибо от природы не был подозрителен и, в отличие от иных, не находил удовольствия в том, чтобы почитать себя обманутым и преданным. Он надеялся, по мере того как текли бесконечные минуты, что Шепард ограничится чтением текстов более древних и что книга вернется к владельцу, а обгоревший документ останется где был, незамеченным. Девлин отлично знал, что суровая вера Шепарда — ярко выраженного догматично-левитского толка; потому разумно было предположить, что он ограничится пролистыванием Пятикнижия или Книгой Паралипоменон и Царствами. Второстепенных пророков он вряд ли жалует… а вот Евангелия — чтение традиционное, тем более

для воскресенья. К ним Шепард, скорее всего, обратится, каких бы уж религиозных убеждений ни придерживался, а в таком случае наверняка обнаружит спрятанный лист.

Наконец воскресная беседа закончилась, и Девлин, с замирающим сердцем, распрощался со своими духовными чадами из числа заключенных. Дежурный сержант кивнул ему на прощанье, сдерживая зевоту; Девлин вышел; в тюрьме воцарилась тишина. Он пересек внутренний двор, поднялся по ступенькам на крыльцо домика, где жил начальник тюрьмы, и постучал в дверь.

Изнутри донесся гулкий голос Шепарда, приглашая его войти; Девлин так и сделал: через задрапированную ситцем прихожую проследовал в кабинет хозяина. Дверь стояла открытой; Девлин еще с порога увидел, что его Библия лежит раскрытой на столе Шепарда, а обгоревший документ — сверху, на виду.

> В одиннадцатый день октября 1865 года сумма в две тысячи фунтов должна быть передана МИСС АННЕ УЭДЕРЕЛЛ, уроженке Нового Южного Уэльса, МИСТЕРОМ ЭМЕРИ СТЕЙНЗОМ, уроженцем Нового Южного Уэльса, свидетелем чему высту-

пает МИСТЕР КРОСБИ УЭЛЛС.

Шепард скрестил руки, дожидаясь, чтобы гость заговорил первым.

— Это я нашел, — признался Девлин. — Да только пользы от этого документа никакой.

— Никакой пользы? — любезно уточнил Шепард. — А почему вы так считаете?

— Документ недействителен, — объяснил Девлин. — Принципал не поставил свою подпись. Потому бумага не имеет юридической силы.

Коуэлл Девлин, как все, кто упрямо не признает за собою никакой вины, терпеть не мог каяться в ошибке перед кем-то еще. Если его упрекали в дурном поступке, он глядел снисходительно и преловко выкручивался.

— Действительно так, — согласился Шепард. — Юридической силы бумага не имеет.

— Ну то есть, я хотел сказать, не носит обязательного характера, — чуть нахмурившись, поправился Девлин. — Это не юридически обязывающий договор.

Шепард не моргнул и глазом.

— А обидно, не правда ли?

— Это еще почему?

— Если бы только Эмери Стейнз подписал бу-

магу, так половина состояния, обнаруженного в хижине Кросби Уэллса, отошла бы Анне Уэдерелл. Вот это был бы номер!

— Но состояние, найденное в хижине отшельника, Эмери Стейнзу никогда не принадлежало.

— Нет? — удивился Шепард. — Прошу прощения, но вы, похоже, уверены в этом куда больше меня.

Коуэлл Девлин отлично знал, что золото, хранимое в хижине Кросби Уэллса, было некогда извлечено из четырех платьев, куда его зашила Лидия Уэллс; платья купила Анна Уэдерелл, а златокузнец А-Цю понемножку изъял песок из швов и потом переплавил; Стейнз же украл слитки и в какой-то момент спрятал их в Уэллсовой хижине. Однако ничего из этого священник открыть Шепарду не мог. Вместо того он сказал лишь:

— Нет никаких оснований думать, будто состояние принадлежало мистеру Стейнзу.

— Кроме разве того факта, что мистер Стейнз исчез в день смерти мистера Уэллса, а мистер Уэллс отнюдь не имел репутации человека состоятельного. — Шепард ткнул в бумагу указательным пальцем. — К нашему делу, преподобный, вот это явно имеет самое прямое отношение. Документ, по всей видимости, свидетельствует, что золото

изначально было собственностью Стейнза и что Стейнз собирался отдать половину суммы — ровно половину! — самой обыкновенной проститутке. Я осмелюсь предположить, что Кросби Уэллс, как свидетель Стейнза, по его просьбе хранил состояние у себя на момент смерти.

Такое предположение звучало вполне разумно. Возможно, Шепард прав по последнему пункту, подумал про себя Девлин, хотя по первому пункту ошибается. Вслух он произнес:

— Вы совершенно справедливо заметили, что бумага непосредственно касается нашего дела; однако ж, как я уже говорил, дарственная недействительна. Мистер Стейнз не поставил свою подпись.

— Я так понимаю, вы обнаружили документ в хижине Кросби Уэллса в тот самый день, когда забирали его прах.

— Именно так, — кивнул Девлин.

— Если вы так бережно его хранили, — промолвил Шепард, — тогда рискну отметить, что вам приходило-таки в голову, насколько ценным он может оказаться. Для отдельных заинтересованных лиц. Для Анны Уэдерелл, например. В силу этой бумаги она того и гляди становится самой богатой женщиной по эту сторону Южных Альп!

— Не становится, — покачал головой Девлин. — Документ не подписан.

— Но если его подписать… — предположил Шепард.

— Эмери Стейнз мертв, — напомнил Девлин.

— Да неужто? — отозвался Шепард. — Вот так так! И снова я не разделяю вашей уверенности.

Но запугать Коуэлла Девлина было непросто.

— Надежда на большое богатство — вещь опасная, — промолвил он, скрестив руки на животе на священнический манер. — Это ни с чем не сравнимое искушение, поскольку искушают нас великой властью и великими возможностями, а не о том ли мечтаем мы все? Если мисс Уэдерелл сообщить об этом документе, она преисполнится ложных надежд. Она возмечтает о власти и возможностях; она уже не удовольствуется той жизнью, которую вела прежде. Этого я и боялся. Потому я решил сохранить документ в тайне, по крайней мере до тех пор, пока Эмери Стейнз не отыщется либо не подтвердится факт его смерти. Если окажется, что он действительно мертв, я уничтожу бумагу. Но если он жив, я пойду к нему, предъявлю ему соглашение и спрошу, намерен ли он подписать его. Выбор останется за ним.

— А что, если Стейнза так и не найдут? — осве-

домился начальник тюрьмы. — Что тогда?

— Мое решение подсказано состраданием, мистер Шепард, — твердо произнес Девлин. — Я всерьез опасался за участь мисс Уэдерелл в случае, если эта дарственная станет достоянием гласности или попадет в чужие руки. Допустим, что мистера Стейнза так и не найдут, — тогда ничьи надежды не будут разрушены, никакой крови не прольется, веру никто не потеряет. Я думаю, это уже немалое счастье. Вам так не кажется?

Бесцветные глаза Шепарда увлажнились: он напряженно размышлял.

— «Свидетелем чему выступает мистер Кросби Уэллс», — пробормотал он.

— В любом случае, — добавил Девлин, — вряд ли кто-то отдал бы такую баснословную сумму проститутке. Скорее всего, это шутка — или какое-то мошенничество.

Шепард с трудом сдержал усмешку:

— Вы сомневаетесь в талантах этой особы?

— Вы меня неправильно поняли, — невозмутимо отозвался Девлин. — Я лишь хотел сказать, что как-то с трудом верится, чтобы мужчина ни с того ни с сего взял да и вручил проститутке две тысячи фунтов. В подарок, я имею в виду, — да еще так вот сразу.

Шепард резко, с шумом, захлопнул Библию, зажав присвоенный документ между страницами. И протянул книгу законному владельцу, другой рукой уже берясь за перо, словно разом утратил всякий интерес к этому делу.

— Спасибо за Библию, — поблагодарил он и кивком дал понять, что Девлин свободен идти. А затем склонился над гроссбухом и принялся подсчитывать колонки цифр.

Девлин неуверенно потоптался на месте, сжимая Библию в руке. Обгоревший документ торчал с одного края, деля «профиль» книги на две неравные части.

— Но вам-то как кажется? — выговорил он наконец. — Что вы о ней думаете?

Шепард, как ни в чем не бывало, продолжал писать:

— О чем вы?

— О расписке!

— Полагаю, что вы правы: это наверняка шутка или какое-то мошенничество, — отозвался Шепард.

Пальцем он отметил нужное место на странице гроссбуха и, потянувшись к чернильнице, обмакнул в нее перо.

— О, — кивнул Девлин. — Да.

— Как вы верно заметили, дарственная недействительна, — непринужденно обронил Шепард, легонько постукивая кончиком пера по краю чернильницы.

— Да.

— Свидетель со всей очевидностью мертв, и, скорее всего, то же можно сказать и о принципале.

— Да.

— Но если вы хотите ответа из первых уст, тогда вам, пожалуй, стоит заглянуть нынче вечером в «Удачу путника» вместе со всеми прочими безбожниками.

— Чтобы переговорить с мистером Стейнзом?

— Чтобы переговорить с Анной, — поправил тюремщик подчеркнуто неодобрительно. — А теперь, прошу меня простить, ваше преподобие, у меня довольно много работы.

После того как за Девлином закрылась дверь, Шепард отложил перо, подошел к книжному шкафу, вытащил папку, из нее извлек лист бумаги — единственный экземпляр контракта, заключенного им три недели назад с Харальдом Нильссеном, по условиям которого комиссионер обещал никому не сообщать о своем капиталовложении в размере четырехсот фунтов. Шепард

чиркнул по стенке комода спичкой и поднес ее к листу, удерживая его на весу за уголок и наклоняя так и этак, пока документ не охватило пламя, уничтожая подписи. Когда огонь подобрался к самым пальцам, Шепард бросил бумагу на пол, дождался, чтобы она рассыпалась серой пылью, и носком сапога расшвырял пепел. А затем снова сел за стол, достал из-под гроссбуха чистый лист бумаги, взялся за перо, обмакнул кончик в чернила. И неспешно, уверенным почерком вывел:

ДАР ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА. –

Письмо редактору «Уэст-Кост таймс»
18 февраля 1866 г.
Сэр!

Вот мой ответ мистеру АЛИСТЕРУ ЛОДЕРБЕКУ, члену Совета провинции и члену парламента, бросающему тень на нижеподписавшегося и, следовательно, на всех его сподвижников, включая Уэстлендский комитет по общественным работам, муниципальный совет, комиссариат, исполнительный комитет Хокитики и т. д.

Я считаю своим долгом исправить ошибки мистера Лодербека, погрешивше-

го против истины, приличий и морали.

Действительно, строительству будущей тюрьмы Хокитики немало поспособствовало пожертвование от жителя Уэстленда, мистера Харальда Нильссена, владельца компании «Нильссен и К°»: он безвозмездно передал муниципалитету денежную сумму в размере около четырехсот фунтов, с указанием использовать ее на общественное благо. Означенная сумма является комиссионным вознаграждением, полученным им за честно выполненную работу. Как подтверждает сам мистер Лодербек, ее составил процент от имущества, обнаруженного в жилище мистера Кросби Уэллса, на законных основаниях причитавшийся мистеру Нильссену, комиссионеру, в качестве оплаты услуг, должным образом предоставленных. Мистеру Лодербеку следует вспомнить, что «пожертвование» в юридическом смысле отличается от «инвестиции» тем, что пожертвование не влечет за собою обязательств того типа, которые существуют в отношениях между должниками и кредиторами; говоря

простым языком, возмещать пожертвование необходимости нет. Исходя из того, что безвозмездная помощь мистера Нильссена является благотворительным поступком, исполненным самого благородного бескорыстия, мистер Лодербек также не может не признать, что никаких законов и предписаний нарушено не было.

Я свято верю, что самым долговечным и убедительным свидетельством прогресса цивилизации является строительство общественных сооружений, и с глубоким удовлетворением отмечаю, что будущая хокитикская тюрьма во всех отношениях отвечает этому определению. Если же эти разъяснения кажутся недостаточно прозрачными на вкус мистера Лодербека, я любезно приглашаю его сообщить избирателям то, что он до сих пор успешно скрывал: что он некогда состоял в интимной связи с миссис Лидией Уэллс, вдовой Кросби. В ожидании исчерпывающей информации от мистера Лодербека по этому поводу, я остаюсь

искренне Ваш и т. д.,

Джордж М. Шепард

Закончив, Шепард промокнул страницу, взял чистый лист и переписал письмо от начала и до конца, создав копию настолько точную, что варианты пришлось бы сличать долго и придирчиво, прежде чем удалось бы обнаружить ничтожную разницу. Затем он сложил оба листка, запечатал и аккуратно надписал два адреса. Как только воск затвердел, он позвонил в колокольчик, призывая миссис Джордж, и попросил ее кликнуть посыльного дешевой почты — во второй раз за день. Наказ его был тотчас же исполнен.

Явился письмоносец — веснушчатый мальчишка с копной золотистых локонов.

— Это для Левенталя из «Таймс», — приказал Шепард. — Его нужно доставить в первую очередь. А вот это — к Харальду Нильссену, на Аукционный двор, набережная Гибсона. Понял?

— На словах передать что-нибудь? — осведомился мальчишка, пряча однопенсовые письма в карман.

— Только мистеру Нильссену, — отвечал Шепард. — Скажи мистеру Нильссену, чтоб был на работе завтра с утра. Запомнишь? Скажи: ни-

каких претензий, без обид — и никаких к нему вопросов.

Марс в Козероге

Глава, в которой Гаскуан находит общий язык с Фрэнсисом Карвером; Су Юншэн совершает ошибку, а Цю Лун дает мстителю совет.

Обер Гаскуан любил корабли, если можно так выразиться, любовью флотского «салаги». За прошедшие три недели он несколько раз выбирался на Хокитикскую косу — поглазеть на разбитый остов «Доброго пути» и отследить его перемещение, по мере того как его мало-помалу сдвигали все ближе и ближе к берегу. Теперь, когда потерпевший крушение корабль наконец-то вытащили на песок, Гаскуану представилась гораздо лучшая возможность рассмотреть его хорошенько и «салажьим» взглядом оценить масштаб понесенного ущерба. Сюда-то он и пришел, распрощавшись с Мади, — чем еще заняться в воскресный день, он не видел, ведь газеты он уже перечитал, жажды не испытывал, а погода стояла такая ясная и солнечная, что так и тянуло на свежий воздух.

Вот уже несколько часов он просидел, присло-

нившись спиной к маяку, наблюдая за работами по спасению корабля и вертя в руках испещренный зелеными крапинками камушек; рядом с собою Гаскуан возвел миниатюрный замок, окружил его песчаными валами и понатыкал в них плоской гальки. Когда, где-то после пяти, нежданно сменился ветер, так что воротник прилип к шее, а по спине растеклась знобкая сырость, Гаскуан решил, что пора и домой. Он встал, отряхнулся и как раз прикидывал, развалить ему замок пинком или оставить как есть, как вдруг ярдах в пятидесяти заметил какого-то человека. Незнакомец стоял, широко расставив ноги и с неодобрительным видом скрестив на груди руки; в целом поза его излучала самую мрачную непримиримость, как и платье безрадостно-темного цвета. Он чуть повернул голову, и за долю секунды Гаскуан успел заметить, как глянцево блеснул шрам.

Гаскуан и Фрэнсис Карвер никогда не были официально представлены друг другу, хотя, разумеется, Гаскуан хорошо знал о репутации последнего, главным образом благодаря красочным обличениям Анны Уэдерелл месячной давности в связи с убийством ее нерожденного ребенка. Такой рассказ был более чем веским поводом

избегать бывшего капитана всеми доступными способами, но неприязнь Гаскуана стремилась скорее утвердиться в душе, нежели заявить о себе публично; молодому человеку очень нравилось думать, будто его отношение к людям — это лишь ему одному принадлежащий источник, родник, из которого он волен испить или замутить его по своему усмотрению и когда ему заблагорассудится.

Гаскуан подошел к Карверу, загодя приподняв шляпу:

— Простите, сэр, — вы капитан этого судна?

Фрэнсис Карвер окинул его испытывающим взглядом и, выждав мгновение, кивнул:

— Был прежде.

Белый шрам на щеке в одном конце присобрался в складки — так швея, закончив дневную работу, оставляет иголку в ткани; эта иллюзорная иголка почти касалась края губ и словно бы чуть оттягивала их кверху, безуспешно пытаясь вызвать на этом суровом лице улыбку.

— Позвольте представиться — Обер Гаскуан, — проговорил молодой человек, протягивая руку. — Я секретарь в магистратском суде.

— Секретарь? — Карвер вновь просверлил его взглядом. — И какого ж ранга?

— Да совсем невысокого, — признал Гаскуан безо всякого к себе снисхождения. — Секретарь по мелким делам — ничего серьезного — вот разве что изредка страховые иски подворачиваются. Взять хоть вон то судно, например. — Он указал на остов парохода, лежащий на боку у самого речного устья, ярдах в пятидесяти от них. — Мы по этому иску все до пенса выцарапали, хоть и с трудом. Владелец остался весьма доволен: на нем долг висел в пятьсот фунтов.

— Страхование, — кивнул Карвер.

— Да, помимо всего прочего. Я довольно близко знаком с предметом, — добавил Гаскуан, доставая портсигар. — Отец моей покойной жены был морским страховщиком.

— Какая фирма? — осведомился Карвер.

— «Ллойд» — ну, лондонский[57]. — Гаскуан со щелчком открыл серебряный портсигар. — Я отслеживаю продвижение «Доброго пути» последние несколько недель и рад отметить, что из полосы прибоя корабль наконец вытащили. Ну и работка, скажу я вам! Титанических усилий потребовала, не могу не отдать должное стараниям артели… и вашему труду, сэр, ведь это вы тут

[57] Сноски: 57

«Лондонский Ллойд» — ассоциация страховщиков, созданная в Лондоне в 1688 г.; занимается главным образом морским страхованием.

всем распоряжаетесь.

Мгновение Карвер буравил его взглядом, а затем отвернулся к палубе «Доброго пути». Не сводя глаз с разбитого судна, он буркнул:

— Чего вам надо-то?

— Ни в коем случае не обидеть вас, — заверил Гаскуан, небрежно сжимая сигарету в пальцах, и на миг умолк, повернув руки ладонями вверх. — Право, я вовсе не хотел лезть не в свое дело. Просто я наблюдал за спасением корабля, вот и все. Это редкая удача, полюбоваться на такое судно на твердой земле. Вполне его прочувствуешь, так сказать.

Карвер по-прежнему не сводил глаз с корабля:

— Я о чем: вы, никак, мне впарить что-то хотите?

Гаскуан зажег сигарету и помешкал мгновение, прежде чем ответить.

— Ничуть не бывало, — наконец произнес он, выдувая через плечо белое облачко дыма. — Я ни с какими страховыми агентствами не связан. Это, если угодно, личный интерес. Чистой воды любопытство.

Карвер промолчал.

— Люблю посидеть на берегу по воскресеньям, — добавил Гаскуан, — когда погода хоро-

шая. Но если мое любопытство вам неприятно, вы так и скажите, не стесняйтесь.

Карвер вскинул голову:

— Если нагрубил, не обессудьте.

Гаскуан от извинения отмахнулся:

— До чего ж досадно, когда такой ладный корабль терпит крушение.

— Ладный, это точно.

— Просто замечательный. Это ведь фрегат?

— Барк.

Гаскуан восхищенно прищелкнул языком:

— Британская работа?

Карвер кивнул:

— Вон, обшивка медная.

Гаскуан рассеянно покачал головой:

— Да-да, превосходное судно… Надеюсь, оно было застраховано.

— Без страховки ни в каком порту якоря не бросишь, — отозвался Карвер. — Правила едины для всех. Без страховки на берег просто не выпустят. Думал, вы это знаете, если хоть сколько-то в страховании разбираетесь.

Ровный голос Карвера звенел презрением: этого человека, похоже, не заботило, как его слова воспримутся, запомнятся или будут использованы.

— Безусловно, безусловно, — весело отозвался

Гаскуан. — Я всего лишь имел в виду, что рад за вас, раз вы не останетесь внакладе.

— Да мне в конечном счете это все в тысячу фунтов встанет, — фыркнул Карвер. — То, на что вы сейчас глазеете, денег стоит, а плачу я из своего кармана.

— А как же Пи-энд-Ай — защита и возмещение? — спросил Гаскуан, помолчав.

— Не знаю такого.

— Ну, расширенное страхование риска чрезвычайных ситуаций, — пояснил Гаскуан.

— Не знаю такого, — повторил Карвер.

— Так вы в ассоциации судовладельцев не состоите?

— Нет.

Гаскуан серьезно кивнул.

— А, — проговорил он. — Получается, за все это ответственность несете вы. — Широким жестом он обвел вытащенный на берег корабельный остов, домкраты, лошадей, буксиры, катки и лебедку.

— Да, — подтвердил Карвер, по-прежнему не выказывая никаких чувств. — За все, что вы видите. И я вынужден платить всем и каждому на гинею больше, чем они заслуживают, только за то, что они тут стоят шнурки завязывают да

развязывают и совещаются, совещаются, пока дыхалка не сядет, а я вынь да положь тысячу фунтов.

— Сочувствую, — вздохнул Гаскуан. — Сигарету хотите?

Карвер уставился на его серебряный портсигар.

— Не, — произнес он спустя мгновение. — Спасибо. Я их не жалую.

Гаскуан глубоко затянулся сам и постоял немного, размышляя.

— Вы явно нацелились мне что-то впарить, — повторил Карвер.

— Уж не сигарету ли? — рассмеялся Гаскуан. — Так я ее совершенно бесплатно предлагал.

— Сдается мне, если отказаться, так оно и вовсе ничего не стоит, — отозвался Карвер, и Гаскуан снова не сдержал смеха.

— Послушайте, а как давно вы купили этот корабль? — полюбопытствовал он.

— Больно много вы вопросов задаете, — нахмурился Карвер. — А вам-то что за дело?

— Да пожалуй, оно и впрямь не важно, — промолвил Гаскуан. — Вот если бы вы приобрели его меньше года назад… Ладно, пустое.

Но Карвер уже заинтересовался. Обернулся к

собеседнику и наконец вымолвил:

— Я владею кораблем десять месяцев. С мая.

— Ах, вот как! — откликнулся Гаскуан. — Что ж, это очень любопытно. Это может сработать в вашу пользу, знаете ли.

— Как же?

Гаскуан ответил не сразу. Вместо того он сощурился и изобразил напряженную работу мысли.

— А тот, кто вам продал корабль, — он передал вам традиционную страховку? Иначе говоря, вы получили уже существующий страховой полис или оформляли страхование сами?

— Никакого страхования я не оформлял, — буркнул Карвер.

— А ваш продавец — профессиональный судовладелец? У него были еще корабли, помимо «Доброго пути»?

— Да была парочка, — признал Карвер. — Клиперы. Внаем сдавались.

— Не пароходы?

— Парусники, — уточнил Карвер. — А что?

— И откуда, говорите, вы шли, когда сели на мель?

— Из Данидина. Так вы мне скажете или нет, к чему все эти расспросы?

— Всего-навсего из Данидина, — покивал Гас-

куан. — Да. А теперь, если вы в самый последний раз простите мне мою настырность, я бы полюбопытствовал насчет обстоятельств крушения. Надеюсь, судно затонуло не по чьей-нибудь халатности или что-то в этом роде?

Карвер покачал головой.

— Был отлив, но мы находились достаточно далеко от берега, — принялся рассказывать он. — Я потравил цепь до шестидесяти пяти футов, она легла на грунт, тогда я отдал два якоря и стравил цепь еще на двадцать футов. Решил, отстоюсь на рейде до утра; не успел оглянуться, а мы уж бортом на мель легли. Дождь шел, луну затянуло тучами. Ветер сигнальные огни позадувал. Тут уж ничего нельзя было поделать. Никакой халатности. Только не у меня под началом.

Для Карвера это была чрезвычайно длинная речь; в заключение он скрестил руки на груди, и лицо его вновь превратилось в каменную маску. Он хмуро зыркнул на Гаскуана.

— Слушайте, и с чего бы такой интерес? — проговорил он. — Выкладывайте-ка начистоту: я скользких дельцов не жалую.

Гаскуан помнил: этот человек убил собственное дитя. Эта мысль, как ни странно, щекотала нервы.

— Мне тут пришло в голову, как вам можно помочь, — небрежно обронил он.

Карвер сердито насупился:

— Кто сказал, что я нуждаюсь в помощи?

— Вы правы, я лезу не в свое дело, — покаялся Гаскуан.

— Однако ж говорите, чего там у вас.

— Ну так вот, — промолвил Гаскуан. — Как я уже упоминал, отец моей покойной жены занимался морским страхованием. Он специализировался на Пи-энд-Ай — защите и возмещении.

— Говорю ж, нет у меня такой страховки.

— Верно, — кивнул Гаскуан, — но велик шанс, что у человека, который продал вам этот корабль, — как бишь его?

— Лодербек, — отвечал Карвер.

Гаскуан умолк, изображая удивление:

— Неужто политик?

— Он самый.

— Алистер Лодербек? Но он же как раз сейчас в Хокитике — баллотируется в парламент от Уэстленда!

— Продолжайте про что начали. Про Пи-энд-Ай.

— Да-да. — Гаскуан покачал головой. — Так вот. Велик шанс, что мистер Лодербек, раз уж

он владел несколькими кораблями, состоял в какой-нибудь ассоциации судовладельцев. Велик шанс, что он платил ежегодный взнос во взаимный фонд под названием «Пи-энд-Ай» в качестве дополнительного страхования несколько иного характера, нежели мы с вами понимаем под традиционным страховым покрытием.

— Это для защиты груза, что ли?

— Нет, — покачал головой Гаскуан. — Пи-энд-Ай — это скорее взаимный фонд, в который все судовладельцы платят ежегодный взнос и откуда они затем могут выбирать средства, если однажды понесли ответственность за убытки, с которыми обычные страховщики иметь дело отказываются. Платежи вроде тех, с которыми вы столкнулись сейчас. К примеру, подъем затонувшего судна. Очень может быть, что «Добрый путь» остается по-прежнему защищен, даже если собственник поменялся.

— Это как так? — равнодушно осведомился Карвер.

— Ну, если Пи-энд-Ай был оформлен несколько лет назад, а это — первая серьезная катастрофа в истории данного конкретного судна, тогда, с вероятностью, у мистера Лодербека под «Добрый путь» может быть кредит. Понимаете, Пи-энд-Ай

работает не так, как обычная страховка: на самом деле, здесь нет ни акционеров, ни компании как таковой; никто не пытается нажиться за чужой счет. Напротив, это кооперативное общество, все члены которого — кораблевладельцы. Каждый из них ежегодно платит взносы, пока в общем фонде не скопится достаточно средств для страхового покрытия на них всех. После того корабли оказываются застрахованы, по крайней мере до тех пор, пока чего-нибудь не стрясется, а тогда кому-нибудь, в силу той или иной причины, приходится зачерпнуть из фонда. Пожалуй, понятие «кредитование» наиболее точно отражает происходящее.

— Это вроде как личный счет, — кивнул Карвер. — Счет «Доброго пути».

— Именно.

Карвер призадумался:

— А как бы мне об этом узнать?

Гаскуан пожал плечами:

— Да вы поспрашивайте. Ассоциация должна быть зарегистрирована, а судовладельцы, в ней состоящие, названы поименно. Ну то есть если допустить, что Лодербек действительно числится в таком сообществе, а я дерзнул бы утверждать, что, скорее всего, так оно и есть.

На поверку речь шла не о вероятности, а о доподлинном факте. Алистер Лодербек в самом деле имел Пи-энд-Ай — защиту и возмещение на все свои суда, каждый корабль был застрахован на сумму приблизительно в тысячу фунтов, и Карвер вполне мог на законных основаниях оплатить из этих средств подъем затонувшего судна с Хокитикской отмели, если бы оформил запрос до середины мая — то есть прежде, чем минует год с момента продажи корабля и правовые обязательства Лодербека в том, что касается «Доброго пути», утратят силу. Гаскуан знал обо всем об этом наверняка, поскольку лично навел справки, сперва в конторе «Судоперевозок Балфура», затем в архиве новостей «Таймс», затем в канцелярии начальника порта и, наконец, в Резервном банке. Он обнаружил, что Лодербек состоит в небольшом кооперативном обществе судовладельцев под названием «Группа Гаррити», поименованном в честь самого выдающегося его члена, Джона Хинчера Гаррити, который (как выяснил Гаскуан) был пламенным поборником Века паруса, невзирая на то что век этот неотвратимо клонился к закату, и который, как оказалось, являлся действующим членом парламента от избирательного округа Хиткот на

востоке и закадычным другом Лодербека.

Здесь следует пояснить, что Гаскуан наводил эти справки в ходе отдельного расследования, никоим образом не связанного ни с морским страхованием, ни с Джоном Хинчером Гаррити. Со времен ночи 27 января он долгие часы напролет просиживал в конторе начальника порта, тщательно изучая старые регистры и страницы старых сводок корабельных новостей; он работал на пару с Левенталем, просматривая все давние политические бюллетени в «Лидере», «Отагском свидетеле», «Ежедневном Южном Кресте» и «Литтелтон таймс»; он переворошил все архивы в здании суда, имеющие отношение к назначению Джорджа Шепарда, к временному полицейскому управлению и к будущей тюрьме. Он искал кое-что конкретное: хоть какую-нибудь ниточку, связывающую Шепарда с Лодербеком, или Лодербека с Кросби Уэллсом, или Кросби Уэллса с Шепардом или, может статься, способную связать всех троих. Гаскуан был уверен: по крайней мере одна из этих гипотетических привязок имеет отношение к насущной загадке. Однако до сих пор его изыскания никакой пользы не принесли.

Обнаружив, что «Добрый путь» был застрахован от убытков в случае чрезвычайных обсто-

ятельств, Гаскуан к цели опять-таки ни на шаг не приблизился, поскольку страховая история Лодербека никак не соотносилась с делом Кросби Уэллса и никак не касалась Джорджа Шепарда или строительства новой тюрьмы. Но у Гаскуана и впрямь имелся некоторый опыт в области морского страхования, как он сообщил Фрэнсису Карверу, и он ни словом не солгал, говоря, что этот предмет его занимает: в минувшие годы тот служил темой бесконечных разговоров в гостиной в силу профессии бывшего тестя. Принадлежность Лодербека к «Группе Гаррити» Гаскуан мысленно взял на заметку, чтобы подробнее изучить впоследствии.

Обер Гаскуан знал Фрэнсиса Карвера за грубую скотину и не искал его дружбы, однако ж ему казалось, что расположить к себе Карвера очень даже стоит; с этой целью он и вызвал капитана на разговор на прибрежной косе.

А Карвер все еще размышлял о защите и возмещении.

— Надо думать, мне согласие Лодербека потребуется, — предположил он. — Чтобы претендовать на это покрытие. Небось он должен подписать что-нибудь.

— Может, и потребуется, — отозвался Гаску-

ан, — но тот факт, что «Добрый путь» перешел из рук в руки всего-навсего десять месяцев назад, должен сработать вам на руку. Это наверняка удобная лазейка. — (Так оно и было.) — А тот факт, что вы унаследовали от Лодербека стандартный полис, пожалуй, тоже чего-нибудь да стоит: ведь если к вам перешло все в целом, то и отдельные составляющие тоже, разве нет? — (Безусловно, да.) И Гаскуан эффектно закончил: — Вы плыли в новозеландских водах, и если с вашей стороны, как вы говорите, не было допущено никакой оплошности, скорее всего, вы действительно имеете право воспользоваться этими средствами.

Надо отдать ему должное, Гаскуан превосходно изучил вопрос. Карвер кивнул, явно впечатленный.

— Как бы то ни было, — промолвил Гаскуан, почуяв, что семена любопытства упали на благодатную почву, — вы повыясняйте что и как. Глядишь, крупную сумму сэкономите. — Он повертел сигарету в руке, разглядывая тлеющий конец и давая Карверу возможность незаметно к себе приглядеться.

— А у вас-то какой в том интерес? — наконец осведомился Карвер.

— Ни малейшего, — пожал плечами Гаскуан. —

Как я вам говорил, я работаю в магистратском суде.

— Может, у вас какой приятель Пи-энд-Ай занимается.

— Нет, нету у меня таких приятелей, — возразил Гаскуан. — Я же объяснял — эта система работает совсем иначе. — И он бросил окурок на камни под маяком.

— То есть вы просто-напросто рассказываете ближнему про удобные лазейки?

— Получается, так, — отозвался Гаскуан.

— А потом берете да и уходите восвояси?

Гаскуан приподнял шляпу.

— Намек понят, — усмехнулся он. — Доброго вам дня, капитан…?

— Карвер, — откликнулся бывший капитан, пожимая Гаскуану руку, на сей раз очень крепко. — Меня Фрэнком Карвером звать.

— А я — Обер Гаскуан, — напомнил молодой человек, мило улыбаясь. — Если понадоблюсь, вы всегда найдете меня в здании суда. Ну что ж… удачи вам с «Добрым путем».

— Идет, — кивнул Карвер.

— Превосходный это корабль, что и говорить.

Гаскуан зашагал прочь, сам на себя дивясь. Он смотрел строго вперед и не оборачивался,

зная, что взгляд темных глаз Карвера неотрывно следует за ним по косе, вдоль края набережной и всю дорогу до южной оконечности Ревелл-стрит: там молодой человек завернул за угол и скрылся из виду.

* * *

В это же самое время Су Юншэн брел в Каньер посовещаться со своим соотечественником Цю Луном — брел, глубоко задумавшись, сцепив руки за спиной, устремив невидящий взгляд в землю перед собою. Он едва замечал фигуры на обочине дороги, равно как и груженые подводы, с грохотом проезжающие мимо, равно как и редких всадников, направляющихся в ущелье, — все с непокрытой головой, в одной рубашке, наслаждались бледным летним солнышком, которое, будучи гостем нечастым, изливало благостный, словно бы самим Провидением ниспосланный, свет. Настроение на Каньерской дороге царило радостно-оживленное, из-за деревьев временами доносились обрывки гимна, исполняемого без аккомпанемента или слаженным хором, из какой-нибудь церквушки-времянки в удаленном от моря лагере. А-Су все пропускал мимо ушей. Нежданная встреча днем с Лидией Гринуэй —

ныне Лидией Уэллс — глубоко его потрясла; и, пытаясь утишить смятение, он вновь и вновь прокручивал в голове свою собственную историю — пересказывал ту же самую повесть, которую поведал А-Цю тремя неделями ранее.

Когда Фрэнсис Карвер впервые познакомился с семьей Су, ему исполнился двадцать один год, и А-Су, на тот момент двенадцатилетний мальчишка, естественно, глядел на него снизу вверх. Карвер, юноша немногословный и мрачноватый, родился в Гонконге в семье британского торговца и вырос на море. Он бегло говорил на кантонском диалекте, хотя теплых чувств к Китаю не питал: он собирался покинуть эту страну, как только станет владельцем собственного корабля, — об этой своей честолюбивой мечте он твердил снова и снова. Он работал в Гуанчжоуском отделении торговой фирмы «Дент и К°», где отец его занимал высокий пост, и обеспечивал контроль за доставкой китайских товаров на экспортные склады по берегам Жемчужной реки. Один из таких складов принадлежал отцу Су Юншэна, Су Чжуньюэню.

Су Юншэн мало что понимал в финансовых операциях отцовского бизнеса. Он знал, что склад Су служил перевалочным пунктом для покупателей, большинство которых составляли

британские торговые компании. Он знал, что фирма «Дент и К°» была самой известной и самой влиятельной из них и что его отец очень гордился этим сотрудничеством. Он знал, что все отцовские клиенты платили за свои товары серебряной рудой, и в глазах Су Юншэна это было дополнительным поводом для гордости; знал он и то, как его отец ненавидит опиум, а императорский уполномоченный Линь Цзесюй[58] внушал ему глубочайшее уважение. А-Су не понимал смысла всех этих подробностей, но он был почтительным сыном и принимал отцовские убеждения безоговорочно, как свидетельства добродетели и мудрости.

В феврале 1839 года склад Су был выбран для императорского досмотра — процедура рутинная, но опасная, ведь по указу чрезвычайного уполномоченного Линя китайским торговцам, скрывавшим у себя опиум, грозила смертная казнь. Су Чжуньюэнь охотно распахнул перед имперскими солдатами двери склада, где они и обнаружили спрятанные среди чая тридцать,

---

[58] Сноски: 58

Линь Цзесюй (1785–1850) — китайский императорский чиновник, вел активную борьбу с опиумоторговлей; его действия по пресечению контрабанды опиума английскими торговцами в 1839 г. послужили одним из поводов к началу первой «опиумной войны».

не то сорок ящиков с опиумной смолой, каждый весом приблизительно под пятьдесят фунтов. Су Чжуньюэнь напрасно оправдывался — его казнили на месте без суда и следствия.

А-Су не знал, чему и верить. Его врожденная убежденность в отцовской кристальной честности подсказывала: отца не иначе как подставили, но врожденная убежденность в отцовской деловой сметке заставляла усомниться, что такое вообще возможно. Он разрывался надвое, но обдумать дело со всех сторон времени не было — не прошло и недели после казни, как в Гуанчжоу вспыхнула война. Опасаясь за собственную безопасность и за безопасность матери, которая едва с ума не сошла от горя, А-Су обратился к тому единственному человеку, которому привык доверять, — к молодому представителю «Дент и К°» Фрэнсису Карверу.

Выяснилось, что мистер Карвер был более чем счастлив взять в аренду семейный бизнес Су и принять на себя все тяготы по его организации и управлению им, — по крайней мере, пока не уляжется первое горе, говорил он, и пока гражданские войны не поутихнут либо не придут к какому ни есть концу. По доброте душевной Карвер даже предложил мальчику остаться

работать в экспортной торговле, из уважения к памяти покойного отца, пусть эта память ныне и запятнана. Если А-Су захочет, Карвер может подыскать ему место упаковщика товара — честный, достойный труд, хоть и неквалифицированный, что поможет ему продержаться на плаву до конца войны. Это предложение безмерно порадовало А-Су. Не прошло и нескольких часов после этого разговора, как он уже нанялся на работу к Фрэнсису Карверу.

На протяжении следующих пятнадцати лет А-Су запаковывал в мелко нарезанную солому фарфор и керамику, заворачивал в бумагу рулоны шелковых набивных тканей, штабелями укладывал в ящики коробочки чая, погружал и разгружал тюки и пакеты, заколачивал крышки транспортных контейнеров, клеил этикетки на картонки и составлял перечни тех изящно сработанных и бесполезных безделиц, что в товарных запасах фигурируют под общим названием «шинуазри» — «китайщина». Карвера за все это время он видел нечасто, тот постоянно где-то плавал, но при встрече общались они с неизменной сердечностью: они обычно шли посидеть на пристань за бутылочкой чего-нибудь крепкого и полюбоваться, как водная гладь в устье реки меняет

цвет с бурого на синий, с синего на серебряный и, наконец, на густо-черный; тогда Карвер вставал, хлопал А-Су по плечу, швырял пустую бутылку в реку и уходил прочь.

Летом 1854 года Карвер вернулся в Гуанчжоу после нескольких месяцев отсутствия и сообщил А-Су — которому к тому моменту уже было под тридцать, — что соглашение их в итоге подходит к концу. Мечта всей его жизни — стать однажды капитаном торгового судна — наконец-то исполнилась: «Дент и К°» вводили торговый рейс до Сиднея и к золотым приискам Виктории, и Карвер-старший специально для сына зафрахтовал великолепный клипер «Палмерстон». Завидное продвижение по службе, что и говорить; от такой возможности не отказываются. Так что Карвер пришел попрощаться с семьей Су и с целой эпохой своей жизни.

А-Су с грустью выслушал прощальное слово Карвера. К тому времени мать его уже умерла, а на смену «опиумным войнам» пришло восстание в Гуанчжоу — то самое, кровопролитное и жестокое: оно предвещало новую войну и, вероятно, даже падение империи. В воздухе веяло переменами. Как только Карвер уедет, склад продадут и связь с «Дент и К°» окажется разорвана, А-Су

навеки расстанется с прежней жизнью. Под влиянием внезапного порыва он взмолился, чтобы его взяли с собою. Он попытает счастья на золотых приисках Виктории, куда уже отплыли столь многие его соотечественники; может, он там построит для себя новую жизнь; у них получилось, получится и у него. В Китае для него ничего не осталось.

Карвер согласился без особого восторга. Пожалуй, А-Су и впрямь может поехать, хотя ему придется самому заплатить за билет и постараться не попадаться никому на глаза. «Палмерстону» предстоит сделать остановку в Сиднее: он простоит две недели на погрузке-разгрузке в Порт-Джексоне[59], прежде чем отправиться дальше, в Мельбурн на юге; в течение этих двух недель пусть А-Су занимает себя сам и никоим образом Карверу — отныне и впредь именуемому «капитаном» — не докучает. Когда же «Палмерстон» причалит в Порт-Филлипе, они полюбовно разойдутся в разные стороны, как чужие друг другу люди, ничего друг от друга не требуя и ничем друг другу не обязанные; и никогда уже

[59] Сноски: 59

Порт-Джексон — трехрукавный залив в юго-восточной части австралийского побережья; включает в себя протяженную Сиднейскую бухту.

больше не встретятся. А-Су согласился. Во внезапном лихорадочном угаре он избавился от того немногого, что ему принадлежало, обменял свои жалкие сбережения на фунты и купил стандартный билет в каюту самого высокого класса, что Карвер соглашался позволить ему занять (то есть третьего). Как вскоре выяснилось, на этом судне А-Су был единственным пассажиром.

Плавание до Сиднея прошло без каких бы то ни было происшествий; оглядываясь назад, А-Су вспоминал путешествие лишь как недвижную, тошнотворную пелену тумана, что постепенно редела и отступала, точно приступ мигрени. Когда же корабль начал свой долгий, неспешный заход в широкую, понижающуюся глотку гавани, А-Су, ослабевший, изголодавшийся за многие недели на море, с трудом сполз с койки и выкарабкался на среднюю палубу. Качество света показалось ему очень странным: в Китае свет был иным — тусклее, белее и чище. Австралийский свет сиял желтизной, и яркость его словно бы загустела, как если бы солнце всегда балансировало на грани заката, даже поутру или в полдень.

Причалив в гавани Дарлинг, капитан корабля не задержался ни на минуту, чтобы ноги, привыкшие к морской качке, вспомнили, как

ступать ровно и устойчиво; он сбежал по трапу «Палмерстона», зашагал вдоль набережной и, ни разу не обернувшись, нырнул в портовый бордель. Его команда поспешала следом за капитаном; так что очень скоро А-Су остался в полном одиночестве. Он сошел с судна, мысленно взял на заметку местоположение стоянки и торопливо зашагал прочь от моря, наивно решив поближе познакомиться со страной, в которой ему предстоит жить.

А-Су по-английски почти не говорил — в силу той простой причины, что они с Карвером всегда беседовали на кантонском диалекте, а других англоговорящих он не знал. Напрасно высматривал он в порту китайские лица; еще больше удалившись от моря, он часами блуждал по улицам, выискивая хоть какую-нибудь понятную ему рисованную вывеску, хоть один-единственный иероглиф. Ничего, ровным счетом. Наконец он рискнул заглянуть на таможню, где извлек одну из банкнот, засунутых за околыш шляпы, и помахал ею, — может статься, деньги заменят ему язык? Таможенный чиновник изогнул брови, но не успел он и слова вымолвить, как у А-Су вырвали шляпу из рук. Он стремительно развернулся на месте: босоногий мальчишка

улепетывал от него что есть мочи. С яростным воплем А-Су кинулся в погоню, но мальчишка оказался проворнее и знал лабиринт улиц как свои пять пальцев; минута-другая — и он сгинул бесследно.

А-Су проискал мальчишку до глубокой ночи. Когда он наконец сдался и вернулся на таможню, тамошние чиновники лишь качали головой, разводили руками, тыкали пальцем куда-то в противоположную морю сторону и разражались потоком слов. А-Су не понимал, на что они указывают и что говорят. В горле у него застрял комок. Под околышем шляпы хранились все его деньги, за исключением одной-единственной банкноты, которую он держал в другой руке; он разом утратил все свои сбережения.

Убитый горем, он снял ботинок, спрятал последнюю банкноту в истертую выемку под каблуком, надел ботинок и вернулся к «Палмерстону». В Сиднее, думал он, есть хотя бы один человек, говорящий на кантонском диалекте.

А-Су опасливо подошел к борделю. Изнутри доносились звуки фортепиано, тембр звучал незнакомо для его уха — уютно и обыденно. Китаец замешкался на пороге, гадая, постучать ли, как вдруг дверь рывком отворилась и в проеме

возник человек.

А-Су поклонился. И попытался объяснить как можно учтивее, что желает переговорить с неким Карвером, капитаном «Палмерстона». Человек в дверях отозвался потоком невразумительных звуков. А-Су настаивал, медленно и тщательно проговаривая имя Карвера. В ответ — то же самое. Тогда А-Су попытался изобразить ладонью, что ему желательно было бы обойти этого человека и попасть внутрь, чтобы побеседовать с Карвером самому. Это оказалось ошибкой. Здоровенной ручищей человек сграбастал А-Су за воротник рубашки, оторвал от земли и швырнул на улицу. Падая, А-Су больно ушиб запястье и бедро. Человек закатал рукава и сошел по ступеням. Затянулся напоследок сигарой, легким взмахом руки отбросил ее в сторону, на набережную. И, ухмыляясь, сжал кулаки. А-Су не на шутку встревожился. Он поднял руки, давая понять, что драться не хочет, и взмолился о пощаде. Незнакомец крикнул что-то через плечо — вероятно, какое-то распоряжение, — и секунду спустя в дверях появился еще один человек, с испитым лицом и горбатым носом. Этот второй забежал А-Су за спину, рывком поднял китайца на ноги и заломил ему руки за спину, оставляя незащищенными

его лицо и торс. Эти двое обменялись словами. А-Су барахтался и вырывался, но высвободить запястья не получалось. Первый незнакомец, подняв руки к лицу, переминался с ноги на ногу. Легким, танцующим шагом он то надвигался, то отступал — и наконец ринулся вперед и принялся дубасить А-Су кулаками, целя в лицо и в живот. Тот, что держал сзади, радостно завопил. Первый крякнул и отступил — и атаковал снова, в той же манере, обрушив на жертву новый град ударов. Очень скоро в борделе заслышали шум — и гуляки с радостным гомоном хлынули на улицу.

В дверях борделя появился Фрэнсис Карвер. Он давно снял пиджак и остался в измятой рубашке и при синем шейном платке, небрежно завязанном свободным узлом с двумя длинными концами. Подбоченившись, он с раздраженным видом наблюдал за дракой. А-Су поймал его взгляд.

– *Mh goi bong ngoh!* — закричал он, захлебываясь кровью. — *Mh goi bong ngoh!*

Фрэнсис Карвер смотрел сквозь него, словно не видя. Ни словом, ни жестом он не выдал, что понимает А-Су. Один из бражников сказал что-то, Карвер ответил по-английски и отвел глаза.

– *Pang yao! Ho pang yao!*

Но Карвер даже не взглянул в его сторону. Рядом

с ним в проеме возникла женщина с волосами цвета меди и скользнула ему под руку; он обнял ее за талию, притянул к себе. Зашептал что-то, уткнувшись ей в волосы. Она рассмеялась; вместе они вернулись в дом.

Очень скоро второй бражник уже не мог долее удерживать тяжесть бесчувственного тела А-Су и уронил его наземь, по-видимому пожаловавшись, что заляпал весь пиджак и манжеты кровью. Первый принялся молотить лежачего ногами, но, по-видимому, это выглядело менее зрелищно в отличие от предыдущей забавы, и вскоре толпа утратила всякий интерес и разошлась. Первый незнакомец напоследок пнул А-Су под ребра носком ботинка и тоже ушел внутрь. Едва он переступил порог борделя, раздался взрыв смеха и снова зазвучало фортепиано.

Избитый А-Су на четвереньках с трудом дотащился до ближайшего переулка, с глаз подальше. Он лежал в тени, чувствуя, как каждый вдох отдается резкой болью, и глядел на ходившие ходуном мачты кораблей. Выплыла луна. Спустя какое-то время на набережной раздались шаги фонарщика, и совсем рядом послышался глухой стук и шипение: зажегся газовый фонарь. Темнота посерела. А-Су опасался, что у него ни одного

целого ребра не осталось. Выше линии волос ощущалось что-то липкое и влажное, как губка. Левый глаз заплыл. Встать сил не было.

Но вот в борделе приоткрылась задняя дверь: на камни выплеснулся желтый свет. В переулке раздались стремительные шаги. А-Су услышал, как на булыжник мостовой со звяком поставили жестяную миску, а затем на лоб его легла прохладная рука. Он открыл правый глаз. Рядом с ним на колени опустилась молодая женщина с худым остреньким личиком и выступающими зубами. Бормоча слова, которых он никак не мог понять, женщина окунула тряпицу в теплую воду и принялась стирать кровь с его лица. Ее голос волной накатывал на А-Су; он не сопротивлялся. На незнакомке был крахмальный передник, как носят буфетчицы; она, должно быть, работает там, в борделе, предположил А-Су. Догадка подтвердилась, когда спустя минуту ее громко позвали изнутри и, буркнув что-то себе под нос, она отложила тряпицу и метнулась обратно.

Прошло несколько часов. Звуки фортепиано оборвались, шум внутри понемногу стихал. А-Су задремал ненадолго, а проснувшись, обнаружил, что вокруг все тихо, а буфетчица вернулась. На сей раз она принесла под мышкой коробку с ча-

ем, какие-то завернутые в ткань инструменты и спиртовой фонарь. Она опустилась на колени рядом с А-Су, осторожно поставила фонарь на мостовую и крутанула ручку, так что плафон вспыхнул изнутри белым светом. А-Су как можно осторожнее повернул голову и не без удивления заметил, что на чайной коробке значится его собственная фамилия, начертанная китайскими иероглифами. Он вздрогнул: женщина истолковала это странно — улыбнулась, кивнула и поднесла палец к губам, призывая к молчанию. Затем открыла коробку, пошарила среди чайных листьев и вытащила наружу крохотный квадратный пакетик, завернутый в бумагу. Она снова одарила китайца улыбкой — А-Су не знал, что и думать.

Он с трудом повернул голову вправо, чтобы разглядеть инструменты, извлеченные женщиной из тряпичного свертка, и увидел короткую тяжеловесную трубку, иголку, нож и жестяную миску. Он вновь вопросительно воззрился на незнакомку, но она была занята: поправляла в лампе фитиль, собирала трубку, готовила смолу. Когда опиум наконец закипел и из узкого отверстия в миске вырвалась спиралька белого дыма, она поднесла мундштук трубки к губам А-Су.

Слишком измученный, чтобы отказываться, он вдохнул дым в рот и задержал его там.

В груди его словно забрезжила заря — заплескался жидкий свет. По всему телу разлилось безмятежное спокойствие. Боль в голове и в теле вытекла наружу внезапно и легко — так вода сочится сквозь шелковый платок. Опиум, подумал он отрешенно. Опиум. Потрясающе. Снадобье — потрясающее. Это просто чудо, это исцеление. Женщина вновь подала ему трубку, и он жадно глотнул из нее — так нищий тянет к губам ложку. А-Су не помнил, как потерял сознание, но, когда он снова открыл глаза, стоял белый день, а буфетчицы рядом не было. Он лежал, втиснутый между двумя коробками с мусором на заднем дворе, укрытый одеялом, — второе одеяло подложили ему под щеку. Кто-то — вероятно, буфетчица? — оттащил его сюда. Или, может, он сам дошел? А-Су не помнил. Голова раскалывалась от боли, грудная клетка снова невыносимо ныла. Из здания доносился плеск воды и звяканье ножей.

И тут он вспомнил про пакетик с опиумом, спрятанный в чайной коробке. «Дент и К°» оплачивали свои товары *опиумом* — ведь у Британии серебра больше не было, а в золоте Китай не нуждался. Как он мог быть таким идиотом? Фрэнсис

Карвер контрабандой переправлял наркотик в Китай, используя семейный склад Су как канал связи. Фрэнсис Карвер предал его отца. Фрэнсис Карвер отвернулся от него и прикинулся, будто не понимает его криков. А-Су лежал на боку, не двигаясь, в узком переулке. В груди его зрела беспощадная решимость.

На протяжении всей следующей недели женщина с выступающими зубами приносила ему поесть-попить и успокаивала снадобьем. Днем она несколько раз забегала его проведать, всегда под каким-нибудь предлогом: то свинью покормить, то выплеснуть воду из-под грязной посуды, то постиранное белье развесить на веревке; с наступлением темноты она приходила с трубкой и давала ему покурить, пока боль не утихала и он не засыпал. Она ухаживала за своим подопечным молча, и А-Су тоже не произносил ни слова — просто глядел на нее и любопытствовал про себя. Однажды ночью она пришла с подбитым глазом. Он потянулся потрогать, но она нахмурилась и отвернулась.

Спустя несколько дней А-Су сумел подняться на ноги, хотя все тело отчаянно болело, а через неделю уже мог медленно передвигаться по двору. Он знал, что «Палмерстон» встал на стоянку в

Сиднее всего на две недели; вскоре корабль пойдет к золотым приискам Виктории на юге. А-Су уже не стремился плыть дальше, в Мельбурн. Ему хотелось одного: свести счеты с Карвером прежде, чем клипер снимется с якоря.

С тех пор как «Палмерстон» пришвартовался у причала, Карвер не провел на борту ни одной ночи; ночевал он в портовом борделе, у медноволосой женщины. Каждый вечер А-Су наблюдал его приход: видел, как тот вышагивает вдоль набережной, размахивая руками, и фалды развеваются за его спиной. Покидал он бордель уже после полудня; медноволосая женщина частенько провожала его до задней двери, чтобы попрощаться наедине. Дважды А-Су видел, как эта парочка прогуливалась в порту, когда солнце давно село. По разговору судя, они были на короткой ноге. Прислушиваясь к собеседнику, каждый норовил придвинуться как можно ближе, а рука женщины неизменно покоилась на сгибе локтя мужчины, легонько его пожимая.

Восьмая по счету ночь после нападения на А-Су пришлась на воскресенье; кутеж в борделе затих задолго до полуночи, согласно комендантскому часу. А-Су крадучись обогнул здание кругом и, встав напротив фасада, разглядел силуэт Карвера

в центральном окне верхнего этажа: облокотившись о перемычку, он глядел вниз, в темноту. А-Су наблюдал: вот сзади подошла рыжеволосая женщина, ухватила его за рукав, утянула назад, в глубину комнаты, за пределы видимости. Держась в тени, А-Су прокрался обратно к подъемному окну над кухонной разделочной доской, сдвинул вверх створку и пролез внутрь. Кухня была пуста. А-Су огляделся по сторонам в поисках какого-нибудь оружия и наконец выбрал с подставки над доской мясницкий нож с костяной ручкой. Он в жизни не поднимал оружия на человека, однако ж, ощущая в руке его тяжесть, А-Су чувствовал себя увереннее. В темноте он кое-как отыскал лестницу. Наверху обнаружились три двери, все — закрытые. А-Су приник ухом к одной (тишина), к другой (приглушенный шорох и возня) и к третьей — за ней послышался рокочущий мужской бас, скрип стула, а затем тихий женский голос. А-Су попытался оценить про себя расстояние от торца дома до верхнего окна, где он лишь несколькими минутами ранее заприметил Карвера. Возможно ли, чтобы эта третья дверь вела в центральную комнату, — все ли сходится? Да, он в десяти футах от края лестничной площадки, и если мысленно представить себе фасад, то

нужное окно запросто оказывается в двенадцати футах от торца здания. Вот разве что вторая дверь ведет в более обширную комнату, а эта, третья, — в маленькую. А-Су снова прислушался. Мужчина возвысил голос и произнес несколько слов по-английски — резко, отрывисто, словно рассердившись. Это наверняка Карвер, подумал А-Су. Кому и быть, как не Карверу. Света не взвидев от ярости, он рванул дверь на себя — но нет, это оказался не Карвер. А тот самый негодяй, избивший его чуть больше недели назад. У него на коленях сидела женщина с выступающими зубами; одной рукой он ухватил ее за шею, другой мял грудь. А-Су потрясенно шагнул назад — незнакомец, негодующе взревев, отшвырнул женщину с коленей и вскочил на ноги.

Он изрыгнул поток звуков, из которых А-Су ничего не понял, и потянулся к револьверу, что лежал на прикроватной тумбочке. В то же самое мгновение женщина с выступающими зубами выхватила из-за корсажа дамский пистолет. Незнакомец прицелился, нажал на курок — А-Су зажмурился, — но механизм заклинило: в патроннике застряла пустая гильза. Пока тот, поставив револьвер вертикально, пытался извлечь гильзу, женщина метнулась к нему и

ткнула его дулом пистолета в висок. Мужчина рассеянно оттолкнул ее, раздался хлопок — и он повалился на пол. А-Су словно прирос к месту. Женщина с выступающими зубами кинулась вперед, извлекла револьвер из руки мертвеца, вложив вместо него свой собственный дамский пистолет. А затем всучила массивный револьвер А-Су, сомкнула его пальцы на стволе и жестом велела уходить, и уходить быстро. Совершенно сбитый с толку, он развернулся на каблуках, в одной руке тесак, в другой — револьвер. Она ухватила китайца за плечи, рванула его назад и направила к черной лестнице в другом конце вестибюля, он опрометью скатился вниз и исчез, заслышав на парадной лестнице шаги и шум.

Оказавшись снаружи, А-Су швырнул оба оружия в воду; они камнем пошли на дно. Изнутри здания послышался визг и приглушенные крики. Китаец развернулся и побежал. Но, еще не достигнув конца набережной, он заслышал за спиною тяжелые шаги. Что-то ударило его в спину; он рухнул лицом вниз. Закряхтел от боли — ребра его еще не срослись толком; ему грубо заломили руки за спину и надели наручники. Он не протестовал; его рывком подняли на ноги, отвели к зданию конной почты и с помощью второй пары

наручников приковали к железному кольцу, где пленник и оставался до тех пор, пока не приехал полицейский фургон и не отвез его в тюрьму.

Допрашивали его по-английски; А-Су не понимал ни слова, и наконец следователи отчаялись. Переводчика ему не предоставили — еще чего! — а когда он произносил имя «Карвер», полицейские только головой качали. А-Су поместили в тесную камеру предварительного заключения вместе еще с пятью арестованными. В надлежащий срок его дело было рассмотрено; назначили судебное разбирательство — на дату приблизительно шесть недель спустя. К тому времени «Палмерстон» наверняка давно снялся с якоря, и Карвер, по всей вероятности, исчез навсегда. Последующие шесть недель А-Су провел во власти мучительной тревоги и уныния и в день суда проснулся, точно в преддверии казни. Разве есть у него надежда оправдаться? Ему вынесут обвинительный приговор и вздернут еще до конца месяца.

Слушание дела велось по-английски, и А-Су на скамье подсудимых почти ничего не понимал. Он крайне удивился, когда, после многочасовых речей и повторов присяги, на свидетельскую трибуну вывели закованного в наручники Фрэнсиса

Карвера. А-Су недоумевал, почему этот свидетель — единственный, кого взяли под стражу. Карвер шел к трибуне; А-Су поднялся и окликнул его по-кантонски. Взгляды их встретились — и во внезапно наступившей тишине А-Су спокойно и четко поклялся отомстить за смерть отца. Карвер, к вящему его позору, первым отвел глаза.

Лишь много позже А-Су узнал суть происходящего на судебном процессе. Человек, в убийстве которого китайца обвинили, как впоследствии выяснилось, звался Джереми Шепард, а женщина с выступающими зубами, вы́ходившая А-Су, была его женой Маргарет. Медноволосая красавица Лидия Гринуэй держала в гавани Дарлинг бордель, известный как салун «Белая лошадь». Пока шел суд, А-Су вообще никаких имен не знал; лишь на следующее утро после освобождения он разжился номером «Сиднейского вестника» и смог заплатить кантонскому торговцу, чтобы тот перевел отчет, приведенный в разделе судебных сводок, — каковой, в силу своей сенсационности, занимал аж три колонки, почти целую страницу.

Согласно «Сиднейскому вестнику», обвинение строилось на трех фактах: во-первых, у А-Су были веские основания затаить злобу на Дже-

реми Шепарда, учитывая, что последний избил подсудимого до полусмерти неделей раньше; во-вторых, А-Су задержали, когда он спасался бегством из салуна «Белая лошадь» вслед за тем, как прозвучал выстрел, что, естественно, делало его главным подозреваемым, и, в-третьих, китайцам в целом доверять нельзя, все они по определению имеют зуб против белых.

Защита, перед лицом таких обвинений, велась спустя рукава. Адвокат доказывал, что А-Су, далеко уступающий Шепарду в росте и весе, вряд ли сумел бы подобраться к недругу так близко, чтобы приставить ему пистолет к виску; в силу этой причины не следует исключать версию самоубийства. Вмешался обвинитель, утверждая, что, согласно заверениям всех друзей, самоубийство совершенно не в характере Джереми Шепарда; защитник дерзнул предположить, что нет в мире такого человека, который был бы вовсе не способен на самоубийство, — это допущение повлекло за собою строгий выговор со стороны судьи. Попросив у судьи извинения, адвокат закончил свою речь, подведя обобщающий итог: очень может быть, что Су Юншэн убежал из «Белой лошади» только потому, что испугался, — в конце концов, там только что прогремел выстрел. Когда

защитник наконец сел, обвинитель не сдержал самодовольной ухмылки, а судья во всеуслышание вздохнул.

Наконец обвинитель вызвал свидетельницу Маргарет Шепард, вдову Джереми Шепарда, — и тут судебное разбирательство приняло неожиданный оборот. Поднявшись на свидетельскую трибуну, Маргарет Шепард категорически отказалась поддержать линию обвинения. Она утверждала, что Су Юншэн не убивал ее мужа. Она знала это доподлинно в силу очень простой причины: Шепард на ее глазах покончил с собой.

Это ошеломляющее признание вызвало в зале суда такую бурю, что судья был вынужден призвать к порядку. А-Су, которому суть происходящего перевели лишь много времени спустя, на тот момент думать не думал, что эта женщина рискует собственной безопасностью, спасая ему жизнь. Когда стало возможным продолжить допрос Маргарет Шепард, обвинитель осведомился, почему она до сих пор утаивала сведения столь важные; на это Маргарет Шепард отвечала, что жила в постоянном страхе перед мужем, который жестоко с нею обращался и избивал всякий день, — это подтвердит не один свидетель. Ее дух был сломлен; она едва отважилась заговорить

о случившемся вслух. После этих душераздирающих показаний судебное разбирательство завершилось.

У судьи не было иного выбора, кроме как оправдать А-Су по обвинению в убийстве и освободить его. Суд постановил, что Джереми Шепард покончил с собою, да упокоит Господь его душу, — хотя с теологической точки зрения такая перспектива представлялась маловероятной.

Выйдя из тюрьмы, А-Су первым делом справился о Фрэнсисе Карвере. К вящему своему изумлению, он узнал, что несколькими неделями ранее «Палмерстон» был задержан в Сиднейском порту по результатам рутинного досмотра. Фрэнсису Карверу были предъявлены обвинения в провозе контрабанды, нарушении таможенных правил и уклонении от уплаты пошлин: как явствовало из протокола морской полиции, в корабельном трюме обнаружилось шестнадцать девушек из Гуанчжоу, все — в крайней степени истощения и напуганные до полусмерти. На корабль «Палмерстон» был наложен арест, девушек отправили обратно в Китай, Карвера поместили под стражу, все отношения Карвера с «Дент и К°» были официально расторгнуты. Его приговорили к десяти годам каторжных работ в

исправительном заведении на острове Кокату; приговор вступал в силу немедленно.

Ничего не оставалось делать, кроме как ждать, пока Карвер отбудет свой срок. А-Су уплыл в Викторию, поработал на рудниках, слегка подучил английский, освоил несколько ремесел и все это время мечтал и грезил, все отчетливее и ярче, о том, как отомстит за гибель отца, лишив Карвера жизни. В июле 1864 года он послал письменный запрос на остров Кокату, рассчитывая узнать, куда направился Карвер после освобождения. Три месяца спустя пришел ответ: в письме сообщалось, что Карвер отплыл в Данидин, в Новую Зеландию, на пароходе «Спарта». А-Су купил туда билет — а в Данидине след внезапно потерялся. Сколько он ни искал — все было тщетно. Наконец, отчаявшись, А-Су сдался и признал свое поражение. Он купил старательскую лицензию и билет в одну сторону до Западного побережья, где восемь месяцев спустя и столкнулся нежданно-негаданно со своим врагом: тот, как ни в чем не бывало, стоял посреди улицы — на лице новообретенный шрам, грудь раздалась паче прежнего — и отсчитывал монеты в ладонь Те Рау Тауфаре.

* * *

А-Су застал А-Цю за работой: тот сидел, скрестив ноги, на полоске гравия в нескольких футах от межевого колышка, обозначившего юго-восточный угол «Авроры». Обеими руками златокузнец держал лоток для промывки золота и ритмично его встряхивал, разворачивая запястья уверенными движениями человека, давно отработавшего один-единственный прием. В уголке его губ торчала зажженная сигарета, но он, похоже, не курил; пепел невесомо сыпался на его блузон, стоило китайцу пошевелиться. Перед ним стояла деревянная лохань с водой, а рядом — железный тигель со сплюснутым носиком.

Ритм следовал круговой схеме. Сперва А-Цю вытряхивал из лотка крупные камни и комья, не сбавляя темпа, так чтобы песок помельче постепенно проваливался вниз; затем, наклонившись вперед, он погружал противоположный край лотка в мутную воду, резким движением наклонял лоток обратно к себе и осторожно взбалтывал жидкость по часовой стрелке, чтобы образовалась воронка. Золото тяжелее камня — и оседает на дно; если аккуратно снять верхний слой мокрой гальки, останется чистый металл:

влажно поблескивающие крохотные искорки света на темном фоне. А-Цю пальцами выбирал эти сверкающие чешуйки и бережно переносил в тигель, затем снова наполнял лоток землей и камнями и повторял всю процедуру сначала, ничего в ней не меняя, до тех пор, пока солнце не скроется за верхушками деревьев на западе.

Рудник «Аврора» находился на приличном расстоянии и от реки, и от моря — это неудобство отчасти объясняло непопулярность этого участка. А-Цю приходилось каждое утро тащить сюда воду из реки самому; ведь без воды работать почитай что невозможно, а как только вода помутнеет от грязи и пыли, золота в ней уже не разглядишь, потому китайцу приходилось брести обратно к реке и вновь наполнять ведра. От реки Хокитика можно было бы отвести желоб или прорыть шахту под колодец, но владелец рудника недвусмысленно дал понять с самого начала, что никаких ресурсов на «Аврору» не выделит. Смысла нет: этот безлесный клочок каменистой земли площадью в два акра дохода почти не приносил. За спиной у А-Цю протянулся отвал, длинный и приземистый, зримое свидетельство многочасовых трудов в одиночестве, — ни дать ни взять могильник, только без покойника.

При появлении соотечественника А-Цю поднял глаза:

– *Neih hou.*

– *Neih hou, neih hou.*

Эти двое взирали друг на друга без враждебности и без приветливости, но долго, очень долго. Затем А-Цю вынул изо рта сигаретный окурок и отшвырнул его на камни.

— Добыча нынче невелика, — произнес он по-кантонски.

— От всего сердца соболезную, — отвечал А-Су, тоже переходя на родной язык.

— Добыча всякий день невелика.

— Ты заслуживаешь большего.

— Да ну? — раздраженно отозвался А-Цю.

— Конечно, — кивнул А-Су. — Усердие заслуживает награды.

— В каком соотношении? И в какой валюте? Это все пустые слова.

А-Су сложил руки ладонями вместе:

— Я принес добрые вести.

— Добрые вести и лесть, — отметил А-Цю.

«Шляпник» пропустил поправку мимо ушей.

— Эмери Стейнз вернулся, — возвестил он.

А-Цю напрягся.

— О, — отозвался он. — Ты его видел?

— Еще нет, — покачал головой А-Су. — Мне сказали, он нынче вечером будет в Хокитике, в гостинице на Ревелл-стрит: там устраивают праздник в честь его возвращения. Меня пригласили, и я в качестве жеста доброй воли передаю приглашение тебе.

— А кто принимающая сторона?

— Анна Уэдерелл и вдова покойного Кросби Уэллса.

— Две женщины, — скептически отметил А-Цю.

— Да, — сказал А-Су.

Немного помявшись, он признался в том, что обнаружил нынче днем: что вдова Кросби на самом деле та же самая женщина, которая заправляла в салуне «Белая лошадь» в гавани Дарлинг, которая свидетельствовала против А-Су на суде и которая когда-то была любовницей его врага, Фрэнсиса Карвера. Прежде она звалась Лидией Гринуэй, теперь ее имя — Лидия Уэллс.

А-Цю помолчал минуту, осмысливая услышанное.

— Это ловушка, — выговорил он наконец.

— Нет, — возразил А-Су. — Я сюда пришел по собственному своему желанию, а вовсе не по чьему-то поручению.

— Это для *тебя* ловушка, — уточнил А-Цю. — Я уверен, что так. Иначе почему бы тебя специально пригласили на праздник? Ты никак не связан с мистером Стейнзом. Чего ради ты понадобился на приеме в честь его возвращения?

— Мне отведена роль в спектакле. Я буду сидеть на подушке и притворяться статуей. — Прозвучало это глупостью несусветной даже для А-Су, и он поторопился объяснить: — Это что-то вроде театра. Мне заплатят за участие.

— Заплатят?

— Да, как артисту.

А-Цю смерил его взглядом:

— А что, если эта женщина Гринуэй по-прежнему в сговоре с Фрэнсисом Карвером? Они же когда-то были любовниками. Может, она уже послала ему весточку о том, что ты будешь на сегодняшнем празднике.

— Карвер в море.

— Даже если и так, она известит его, как только сможет.

— Когда это произойдет, я буду готов.

— И как же это ты будешь готов?

— Я буду готов, — упрямо повторил А-Су. — Пока это не важно. Карвер — в море.

— Эта женщина ему предана, а ты поклялся

отомстить ему, и она наверняка этого не забыла. Вряд ли она желает тебе добра.

— Я буду настороже.

А-Цю вздохнул. Он встал, отряхнулся — и тут же застыл на месте и резко вдохнул через нос. Шагнул вплотную к А-Су и схватил его за плечи.

— Ты весь пропах этой дрянью! — воскликнул он. — Ты на ногах не стоишь, Су Юншэн. Я чую эту вонь с двадцати шагов!

А-Су, что греха таить, в самом деле завернул по дороге в свою каньерскую курильню выкурить вечернюю трубочку, последствия чего прямо-таки бросались в глаза, но он терпеть не мог, когда его отчитывают. Он рывком высвободился и недовольно буркнул:

— Есть у меня такая слабость, чего уж там.

— Ах, слабость! — вознегодовал А-Цю, сплевывая на землю. — Это не слабость, а лицемерие. Тебе должно быть стыдно.

— Не смей говорить со мной как с ребенком.

— Мужчина-опиоман — все равно что ребенок.

— Значит, я — все равно что ребенок. Не твое дело.

— Очень даже мое дело, если я пойду с тобой сегодня вечером.

— Не нуждаюсь я в твоей защите.

— Если ты и впрямь так считаешь, то очень заблуждаешься, — пожал плечами А-Цю.

— Заблуждаюсь — и при этом лицемер! — с деланым изумлением воскликнул А-Су. — Два оскорбления подряд, а я-то был с тобой неизменно учтив!

— Оскорбления — по заслугам, — отозвался А-Цю. — Ты злоупотребляешь тем самым ядом, который убил твоего отца, и еще смеешь называть себя его защитником! Ты утверждаешь, что твоего отца предали, — и, однако же, сам предаешь его всякий раз, как зажигаешь эту свою лампу!

— Моего отца убил Фрэнсис Карвер, — проговорил А-Су, отпрянув на шаг.

— Твоего отца убил опиум, — отрезал А-Цю. — Ты только посмотри на себя! — (Ибо А-Су споткнулся о корень и едва не упал.) — Отменный из тебя мститель, Су Юншэн, который даже на ногах не в силах устоять!

Вне себя от ярости, А-Су выставил вперед руку, пытаясь удержать равновесие, усилием воли выпрямился — и набросился на А-Цю. Зрачки его были темны и влажны.

— Тебе известна моя история, — проговорил он. — В первый раз мне дали опиум как лекарство. Я не по своей воле его принял. Его власть

надо мною сильнее меня.

— У тебя было достаточно времени избавиться от зависимости, — возразил А-Цю. — До суда ты не одну неделю просидел в тюрьме, верно?

— Этого времени недостало, чтобы избавиться от пагубного пристрастия.

— Пристрастия, вот как! — презрительно бросил А-Цю. — Что за жалкое словечко. Неудивительно, что ему не нашлось места в твоем рассказе. Неудивительно, что ты предпочитаешь громкие слова, такие как «честь», и «долг», и «предательство», и «месть».

— Моя история…

— В твоей истории — так, как ты ее рассказываешь, — куда больше места отведено твоим собственным обидам, нежели позору, обрушившемуся на твою семью. Ответь мне вот что, Су Юншэн. Ты собираешься отомстить убийце своего отца — или человеку, который отказался прийти к тебе на помощь у дверей салуна «Белая лошадь»?

— Ты усомнился в моих побуждениях, — потрясенно проговорил А-Су.

— Твои побуждения тебе не принадлежат, — возразил А-Цю. — Они никак не твои! Посмотри на себя. Ты ж на ногах не держишься.

Повисло молчание. Из соседней долины донесся приглушенный звук выстрела, а затем отдаленный крик.

Наконец А-Су кивнул.

— До свидания, — обронил он.

— Ты почему со мной прощаешься?

— Ты высказался вполне недвусмысленно, — отозвался А-Су. — Ты меня не одобряешь; я внушаю тебе отвращение. Но я в любом случае пойду нынче вечером на вдовицын праздник.

Хотя А-Цю был по природе вспыльчив, ему совсем не хотелось играть роль злодея в каком бы то ни было споре. Он покачал головой, тяжело задышал через нос и наконец буркнул:

— Я иду с тобой. Мне надо поговорить с мистером Стейнзом.

— Знаю, — кивнул А-Су. — Я сюда пришел по велению души, Цю Лун.

Когда А-Цю заговорил снова, голос его звучал совсем тихо:

— Человеку самому ведомо, что у него на сердце. Я был не прав, усомнившись в твоих побуждениях.

А-Су на краткий миг прикрыл глаза.

— К тому времени, как мы доберемся до Хокитики, я протрезвею, — пообещал он, вновь их

открывая.

А-Цю кивнул:

— Тебе это понадобится.

Кардинальная земля

Глава, в которой Уолтер Мади делает сногсшибательное открытие; ряд недоразумений разъясняется и обнаруживается некая симметрия.

Уолтер Мади, распрощавшись с Гаскуаном, тотчас же вернулся в гостиницу «Корона», куда уже доставили его дорожный сундук. Он рванул на себя дверь, стремительно пересек вестибюль и, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся на верхнюю лестничную площадку; оказавшись перед своим номером, он потыкался ключом в замочную скважину — и выругался вслух. Его внезапно захлестнуло абсурдное нетерпение поскорее увидеть свои вещи — он чувствовал, что воссоединение с драгоценными предметами из прежней жизни каким-то образом поможет восстановить связь, которая после крушения «Доброго пути» вдруг показалась совершенно иллюзорной.

С недавних пор мысли Мади все чаще и чаще возвращались к встрече с отцом в Данидине.

Он обнаружил, что сожалеет о поспешности, с которой бежал со сцены в тот злополучный день. Да, отец его предал. Да, предателем оказался и брат. Но даже так, Уолтер мог бы проявить великодушие; он мог бы задержаться и выслушать историю Фредерика. В Данидине он с братом не свиделся: он бежал от отца прежде, чем Фредерика успели бы позвать, и не узнал, все ли у Фредерика в порядке, женат ли он, счастлив ли; не узнал, что Фредерик думает об Отаго и собирается ли он жить в Новой Зеландии до конца дней своих; не выяснил, трудятся ли отец и брат на приисках одной командой, или нашли себе других напарников, или старательствуют в одиночку. Всякий раз, как Мади размышлял об этих неизвестных ему подробностях, накатывала печаль. Нужно было попытаться поговорить с братом. Но желал ли того сам Фредерик? Мади не знал даже этого. С тех пор как он прибыл в Хокитику, он трижды садился за письмо брату, но, набросав приветствие и поставив число, застывал неподвижно.

Наконец ключ провернулся в замке. Мади толкнул дверь, вошел в номер — и замер.

Посреди комнаты действительно стоял дорожный сундук — однако ж этого сундука он в

жизни не видел. Его собственный был красным и прямоугольной формы. Этот оказался черным, схваченным железными обручами, с длинным квадратным накладным затвором, в который вдвигался запирающий горизонтальный стержень; крышка была куполообразная и планчатая, как уложенная набок бочка. На пузатой крышке красовалось несколько багажных бирок, на одной значилось «Саутгемптон», на другой «Литтелтон», и стандартная «В багаж». Мади с первого взгляда определил, что владелец сундука всегда путешествовал не иначе как первым классом.

Вместо того чтобы позвонить в звонок и сообщить горничной об ошибке, Мади закрыл за собою дверь, запер ее и опустился перед чужим сундуком на колени. Отодвинул затвор, поднял тяжелую крышку и обнаружил приклеенный изнутри бумажный ярлычок, на котором значилось:

ВЛАДЕЛЕЦ СЕГО МИСТЕР АЛИСТЕР ЛОДЕРБЕК, ЧЛЕН СОВЕТА ПРОВИНЦИИ, ЧЛЕН ПАРЛАМЕНТА

Мади резко выдохнул, откинулся назад, поудобнее уселся на пятках. Вот это недоразумение! Значит, Лодербеков багаж действительно находился

на борту «Доброго пути», как подозревал Балфур; погрузочный контейнер, видимо, забрали с хокитикского причала по ошибке. Сундук Мади, как и Лодербеков сундук, не был маркирован именем владельца, и никаких опознавательных знаков на нем не наличествовало, кроме как внутри: в подкладку крышки была вшита полоска кожи с оттиснутыми на ней именем и адресом. По-видимому, сундуки перепутали: багаж Мади доставили в апартаменты Лодербека в гостиницу «Резиденция», а багаж Лодербека — в гостиницу «Корона».

Мади призадумался. В настоящий момент Лодербека в Хокитике не было: если верить «Уэст-Кост таймс», он ведет агитационную кампанию на севере и вернется не раньше завтрашнего вечера. Внезапно решившись, Мади сбросил пиджак, привстав на коленях, наклонился вперед и принялся рыться в вещах Лодербека.

Уолтер Мади никогда не порицал себя за вторжения в чужое личное пространство — и не видел причины в них признаваться. Ум его был самого флегматичного свойства: невозмутимый в делах частных, острый и сверхрациональный. Однако ж имелся у Мади и недостаток, обычно присущий интеллектуалам, — недостаток этот сам

он воспринимал скорее как дар разума и своего рода карт-бланш: под покровительством этого верховного авторитета он, разумеется, никогда и ни при каких обстоятельствах не мог поступить дурно. Свои моральные обязательства он причислял к совершенно иной категории, нежели у людей заурядных, и потому редко испытывал стыд либо угрызения совести, кроме как самого общего характера.

Быстро и методично Мади обыскал Лодербеков сундук: он осматривал каждый предмет, а затем клал его в точности на прежнее место. Внутри обнаружились главным образом писчебумажные принадлежности: наборы для писем, печати, гроссбухи, книги по юриспруденции и прочие предметы, совершенно необходимые на рабочем столе члена парламента. Платье Лодербека и все его носильные вещи, вероятно, ехали в другом багаже; из предметов одежды в сундуке кедрового дерева обнаружился лишь шерстяной шарф, обернутый вокруг довольно безобразного пресс-папье в виде свиньи. От сундука пахло морем (этот солоноватый запах казался скорее кислым, нежели соленым), но содержимое почти не отсырело, — к счастью для Лодербека, багаж его, по-видимому, погружения в воду избежал.

На дне сундука покоился кожаный портфель. Мади открыл его и извлек ворох бумаг: сплошь контракты, расписки и закладные. Спустя несколько минут он отыскал договор купли-продажи на барк «Добрый путь» и вытащил документ из общей стопки — обращаясь с ним как можно осторожнее, чтобы официальная печать не раскрошилась и не отклеилась.

Договор был подписан неким мистером Фрэнсисом Уэллсом — в точности как Лодербек сообщил Балфуру тремя неделями ранее. Дата сделки тоже совпадала с рассказом политика: корабль сменил владельца в мае 1865 года, девять месяцев назад.

Мади повнимательнее присмотрелся к подписи покупателя. Фиктивное имя «Фрэнсис Уэллс» вписал с размахом: изобразил пышный росчерк завитушкой слева от заглавной «Ф» — такой громадный, что сошел бы за отдельную букву. Сощурившись, Мади посмотрел сбоку. А ведь и правда, подумал он: завиток вполне может быть буквой «К», без отрыва присоединенной к следующему слову. Он так и впился в подпись глазами. Надо же, между «К» и «Ф» даже чернильная точка стоит — точка, которую на поверхностный взгляд так легко принять за маленькую кляксу, — а между тем она наводит на мысль, что Карвер

намеренно привнес в имя некоторую двусмысленность, чтобы оно читалось либо как просто «Фрэнсис Уэллс», либо как «К. Фрэнсис Уэллс». Почерк был нетвердым, дрожащим: так случается, если писать очень медленно, имитируя чужую руку.

Мади нахмурился. В июне прошлого года в руках Фрэнсиса Карвера находилось свидетельство о рождении Кросби Уэллса: согласно этому документу (как сообщил Бенджамин Левенталь) второе имя Кросби Уэллса было Фрэнсис. Что ж, тогда все ясно, подумал Мади: Фрэнсис Карвер украл Уэллсово свидетельство о рождении с целью выдать себя за другого. Вот почему в этой купчей столько неясностей — это сделано нарочно, не иначе. Если бы Карвера привлекли к суду по обвинению в имперсонации, он стал бы отрицать, что вообще подписывал эту бумагу.

А общее имя Фрэнсис — это просто-напросто счастливая случайность? Или, может быть, Уэллсово свидетельство о рождении было задним числом подделано? Ведь второе имя так легко добавить в любой документ, думал Мади, нужно только взять чернила посветлее или как-нибудь высветлить написанное, маскируя более позднее добавление. Но зачем бы Карверу намеренно

фальсифицировать подпись, притворяясь другим человеком? Какая ему выгода в том, чтобы использовать чужое имя?

Мади суммировал в уме все, что знал об этом деле. Фрэнсис Карвер назвался Кросби Уэллсом в разговоре с Бенджамином Левенталем в издательстве «Уэст-Кост таймс» в июне… а вот месяцем раньше, шантажируя Лодербека, именем Кросби Уэллса он не воспользовался. Лодербеку он назвался Фрэнсисом Уэллсом… и затем поставил в купчей намеренно двусмысленную подпись. Памятуя о загадочной убежденности Лодербека в том, что Кросби Уэллс и Карвер приходятся друг другу братьями, Мади мог заключить лишь одно: Карвер в своих отношениях с Лодербеком выдавал себя за брата Кросби Уэллса. Однако зачем ему это понадобилось, Мади понятия не имел.

Он долго изучал купчую, стараясь запомнить все до единой подробности, а затем вновь убрал документ в портфель, уложил портфель обратно в сундук и методично продолжил обыск.

Наконец он убедился, что в сундуке никаких иных полезных для него улик не осталось, и жестом отчасти небрежным провел пальцами по краю крышки. И тут же удивленно охнул. Под коленкоровой подкладкой, подсунутый между

деревом и полотном, обнаружился тонкий сверток квадратной формы. Мади наклонился ближе, пальцы его нащупали в ткани разрез не шире ладони, аккуратно подшитый, чтобы края не махрились. Коленкор был в шотландскую клетку, и разрез искусно запрятали в одну из вертикальных полосок, что шла вровень с краем сундука. Мади просунул пальцы в дыру и извлек квадратный предмет — это оказалась перевязанная бечевкой пачка писем.

Писем насчитывалось всего около пятнадцати, каждое надписано разборчивым незатейливым почерком и адресовано Лодербеку. Мади помешкал мгновение, запоминая форму узла и длину свисающих концов бечевки. Затем он развязал сверток, отбросил бечевку в сторону и пристроил сложенные письма на коленях. По почтовым штемпелям было понятно, что письма рассортированы в обратном хронологическом порядке: сверху лежало самое недавнее письмо. Мади вытащил из-под низу пачки первое из полученных Лодербеком писем и углубился в чтение. А в следующую минуту сердце его чуть не выскочило из груди.

Данидин, март 1852 г.

Сэр Вы мой брат хоть мы и незнакомы. У Вашего отца приключился внебрачный ребенок так это я и есть. Я вырос КРОСБИ УЭЛЛСОМ, взял фамилию приходского священника, отца не знал, но знал, что я шлюхин сын. Детство мое прошло в ньюингтонском борделе «ГЕММА». Жил я скромно, как мог, на небольшие средства. Не страдал. Однако ж всегда мечтал поглядеть на отца – просто чтобы знать, как выглядит, голос его услышать. Мои молитвы не остались без ответа: я получил письмо от него самого. Он-де знал обо мне с самого начала. Он писал в преддверии смерти; каялся, что не назовет меня в своем завещании, чтобы не запятнать своего имени, но он вложил в конверт двадцать фунтов и свое благословение. Он не подписался, но я попытал слугу, который принес письмо, и проследил его карету, хотя и наемную, к ГЛЕН-ХАУСУ, дому Вашего отца и Вашему. Я купил пиджак, побрился, доехал на двуколке, но сэр позвонить так и не насмелился. Вернулся домой, весь расстроенный, разнесчастный, и тут сплошал: прочел в ко-

рабельных новостях, что юрист АЛАСТЕР ЛОДЕРБЕК отплывает в колонии со следующим приливом.

Я подумал, это мой отец. Я ж не знал, что у него сын есть, и мне и невдомек, что сын может носить то же имя. Этот корабль уже ушел, но я поспел на следующий. Я высадился в Данидине и начал наводить справки, насколько позволяли обстоятельства. Я был на Вашем публичном выступлении – на причале, под дождем, Вам еще начальник порта карманные часы подарил, то-то вы обрадовались. Как я Вас увидел, так сразу понял, что ошибался, и Вы не отец мне, а брат. Я тогда так расстроился, что с Вами и не заговорил, а теперь Вы в Литтелтоне, куда мне плыть не по карману. Сэр, пишу Вам со смиренною просьбой. Отцовские двадцать фунтов я потратил на то, чтоб сюда добраться, и на самое необходимое, и домой мне вернуться не на что. Я продал пиджак, но выручил едва ли половину стоимости, старьевщик никак не верил, что вещь хорошая. У меня за душой лишь несколько пенни осталось.

Вы сэр большой человек, сведущий в политике, философии да законах, Вам не обязательно со мною компанию водить, но умоляю Вас о милосердии как доброго христианина, потому как остаюсь неизменно

Ваш брат,

Кросби Уэллс

Ниже был приведен адрес для пересылки — абонентский почтовый ящик в Данидине.

С неистово бьющимся сердцем Мади отложил письмо. Значит, Лодербек приходится братом Кросби Уэллсу. Вот это поворот! Но Лодербек ни словом не обмолвился об этом родстве мировому судье, когда признал, что оказался у смертного одра Кросби Уэллса каких-нибудь полчаса спустя после того, как покойный испустил дух; да и приятелю своему, судовому агенту Томасу Балфуру, ничего не сказал. Что за причина заставила его умолчать о незаконнорожденном брате? Стыд, не иначе? Или что-то другое?

Мади взял пачку писем и перебрался к окну: там было посветлее. Он развернул следующее письмо и придвинул его к стеклу.

Данидин, сентябрь 1852 г.

Сэр прошло шесть месяцев с тех пор, как я Вам написал в первый раз, и боюсь раз Вы молчите, уж не оскорбил ли я Вас. Не помню в точности, как я выражался, но помню, что в последних строках я назвал себя Вашим братом, и, может статься, это Вас удручило. Вам, верно, больно сознавать, что Ваш отец был не безупречен. Вам, верно, хотелось бы, чтоб оно было иначе. Если так то прощения прошу. Сэр за эти последние месяцы мои дела шли совсем худо. Уверяю Вас, как шлюхин сын я не то чтоб непривычен нищенствовать, но попрошайничать у человека второй раз стыд-то какой. И однако ж пишу в отчаянии. Вы человек состоятельный, билет третьего класса вот все о чем прошу, и более вы обо мне не услышите. Здесь в Данидине я экономлю на всем, чем могу. Я попытал силы на прииске, да только не гожусь я для этого ремесла. Меня здорово подкосили и «ознобыши», и жар, и прочие напасти простудного толка. Так что работал я с перебоями, не так, как хотелось бы. Желания познакомиться с нашим отцом Аластером Лодербеком-старшим

у меня не поубавилось, а дни-то идут, не опоздать бы, я ж Вам рассказывал, он в письме признавался, что на пороге смерти. Мне бы с ним хоть разок поговорить до того, как случится прискорбное событие, просто чтоб мы поглядели друг на друга вживую да потолковали как мужчина с мужчиной. Сэр на коленях умоляю купите мне билет до дому. Вы больше обо мне не услышите я Вам клянусь. Я не более чем

благодарный Вам друг,

Кросби Уэллс

Мади, не мешкая, схватился за следующее письмо; свободной рукой он нащупал стул и плюхнулся на него, не отрывая глаз от неровных строк.

Данидин, январь 1853 г.

Сэр как мне понимать это Ваше молчание вот что меня мучит. Мне мнится, Вы мои письма получаете, но в силу какой-то принципиальной причины отвечать отказываетесь и ни капли милосердия не уделите бастарду Вашего отца. Эти письма написаны не под диктовку. Это

мой собственный почерк сэр и читать я тоже умею и хоть себе и польщу, но скажу Вам, что наш приходской священник отец Уэллс не раз говаривал: я-де на диво смышленый парнишка. Я все это пишу, чтоб Вы поняли – я не прохвост какой, пусть и из простых. Вам, может, нужны доказательства моего незаконного происхождения. Может, Вы думаете, это попытка мошенничества. Говорю как на духу: это не так. С тех пор как я писал Вам в последний раз, моя надобность и мои желания остались прежними. Я не хочу оставаться в этой стране сэр я никогда не стремился к такой жизни. На двадцать фунтов я вернусь в Англию и никогда более не произнесу Вашего имени.

Искренне Ваш,

Кросби Уэллс

Данидин, май 1853 г.

Сэр я знаю из местной газеты Вы заняли пост управляющего Советом гордой провинции Кентербери. Вы заняли этот пост и отдали Ваш гонорар на благотворительные нужды, благородный жест сэр, но мне от него печально. Я все гадаю, может Вы обо мне думали, раздаривая эти сто фунтов. У меня нет средств доехать до Литтелтона, где Вы сейчас обретаетесь, а уж до дома и подавно. В жизни не чувствовал себя таким одиноким как здесь в этой Богом забытой земле, Вы наверняка меня поймете как Вы сам британец. Тут в домах сыро и холодно, я по утрам просыпаюсь а ноги все в инее. Тяготы фронтира мне не по силам; я ежечастно скорблю о своей участи. Сэр за минувший год я скопил только два фунта десять шиллингов и четыре пенса, а теперь вот эти четыре пенса потратил на эту бумагу и на почтовую пересылку. Умоляю, помогите мне, нуждающемуся

Кросби Уэллсу.

Данидин, октябрь 1853 г.

Сэр пишу Вам в глубоком унынии. Те-

перь я понимаю, что Вы мне никогда не ответите, и пусть я шлюхин сын, у меня достанет гордости больше не попрошайничать. Я грешник под стать нашему отцу, ну да яблочко от яблони недалеко падает как говорится. Но в юности меня учили, что милосердие – главная добродетель, и наиболее уместна она там, где не заслужена. Вы сэр ведете себя не по-христиански. Я так думаю кабы мы поменялись местами, я бы не отмалчивался жестоко, как Вы со мною. Уж будьте уверены, я Вас о милости больше просить не стану но хочу, чтоб Вы поняли, как мне горько. Я слежу за Вашей карьерой на страницах «Отагского свидетеля» и знаю, что Вы человек с большими средствами и убеждениями. Я-то не могу похвастаться ни тем, ни другим, но несмотря на жалкое свое положение я с гордостью зовусь христианином, и кабы Вы сэр нуждались, я бы тотчас карманы вывернул, чтоб по-братски Вам помочь. Я уж не жду, что Вы мне ответите; чего доброго, помру скоро, и больше Вы обо мне не услышите. Но даже с вероятностью такого исхода имею

честь оставаться,
очень искренне Ваш,

Кросби Уэллс

Данидин, январь 1854 г.

Сэр я должен извиниться за последнее свое письмо, какое написал в обиде и с целью Вас оскорбить. Мать наставляла меня – никогда не берись за перо в порыве гнева, теперь-то я понял всю мудрость ее слов. Мою мать Вы, конечно же, не знали, но в свое время она была раскрасавицей. Сью Бутчер при жизни звалась, да упокоит Господь ее душу, хотя она и другими именами не брезговала, более подходящими для ее рода занятий, и любила придумывать новые для собственного удовольствия. Наш отец ее особенно жаловал среди прочих – за красивого цвета глаза, как сама она говорила. Я на нее не похож, вот разве что отдельными чертами. Она всегда уверяла, что я вылитая копия отца, хотя мой отец после моего рождения в публичный дом ни разу не возвращался и, как Вы знаете, я его никогда в жизни не видел. Мне говорили, что

проституция – это общественное зло, обусловленное с одной стороны беспутством мужчин, и с другой – непотребством женщин, и хотя я знаю, что такого же мнения придерживаются люди помудрее меня, однако ж оно просто не укладывается в голове, когда я вспоминаю мать. У нее был прекрасный голос, она любила петь по утрам всякие разные гимны; а уж мне-то как это нравилось.

По мне, так она была добрая, трудолюбивая, и хотя слыла за кокетку, хороша была на редкость. До чего ж странно, что матери у нас разные, а отец общий. Наверное, это значит, что мы похожи только наполовину. Но забудьте эти мои праздные размышления и пожалуйста примите мои извинения и заверения в том, что я остаюсь

Ваш,

Кросби Уэллс

Данидин, июнь 1854 г.

Сэр наверно Вы правы что не отвечаете. Вы поступаете так как только и пристало человеку столь высокого положения,

Вам же о репутации думать надо. Похоже, я, как ни странно, примирился с Вашим молчанием. Теперь у меня есть и скромный заработок и приличное жилье, потихоньку «обживаюсь», как тут говорят. Оказалось, в летние месяцы Данидин меняется до неузнаваемости. Солнышко ярко светит над холмами и водой, а бодрящая свежесть мне очень даже по душе пришлась. До чего ж странно, как это я оказался на обратной стороне земли. Сдается мне, меня занесло так далеко от Англии, что дальше уж и не бывает. Вы удивитесь, но домой я в конечном счете не еду. Я решил, пусть Новая Зеландия будет той землей, в которой меня похоронят. Вам небось невдомек, откуда такая перемена: так я Вам расскажу. Понимаете, в Новой Зеландии все оставили прежнюю жизнь позади и все в своем роде равны. Ясное дело, овцеводы Отаго здесь большие тузы, точно так же как в шотландских нагорьях были баронами, но для людей вроде меня тут есть шанс подняться. Это так радует. Здесь принято приподнимать шляпу друг перед другом

в знак приветствия, независимо от статуса. Для Вас это, верно, в порядке вещей, а для меня – диво дивное. По мне, так фронтир нас всех братьями делает, и, с этим замечанием, остаюсь

искренне Ваш,

Кросби Уэллс

Данидин, август 1854 г.

Сэр Вы надеюсь простите мне эти письма, мне ведь больше писать некому, а про Вас я целыми днями напролет думаю. Я тут прямо философом заделался, размышляя, а как бы оно все вышло, если бы Вы познакомились со мною раньше или я с Вами. Не знаю, сколько Вам лет, так что понятия не имею, кто из нас старший, Вы или я. Мне кажется, это важно; а раз уж я бастард, мне мнится, что младший – я, но, конечно, на самом-то деле совсем необязательно, что так. В борделе росли еще дети: несколько девочек, они стали шлюхами, и один мальчик, который помер от оспы, когда я еще под стол пешком ходил, но я-то всегда был старшим и мне всегда хотелось брата, которым я мог бы

восхищаться. Я все думаю с грустью о том, что ведать не ведаю, есть ли у Вас сестры и братья, родились ли у отца еще незаконнорожденные дети и рассказывал ли Вам отец про меня хоть что-нибудь. Будь я в Лондоне, я бы при любой возможности приходил бы к Глен-хаусу, заглядывал бы сквозь ограду и высматривал бы отца, которого, как Вы помните, никогда не видел. Я до сих пор храню его письмо, в котором он пишет, что знал обо мне, что не терял меня из виду, и все гадаю, а что он обо мне думал и как бы ему показалась та жизнь, которую я здесь веду. Но, наверное, его давно уже нет. Вы не желаете быть моим братом, Вы ясно дали это понять, но, наверное, Вы мне – как священник, а наша переписка что исповедь. Эта мысль меня обнадеживает и я с гордостью говорю, вот теперь я в самом деле прошел конфирмацию. Ну да Вы, надо думать, англиканин.

Ваш

Кросби Уэллс

Данидин, ноябрь 1854 г.

Сэр как думаете Вы бы меня узнали, угадали бы в толпе? Мне тут пришло в голову что мне-то Ваша внешность известна, а Вам моя нет. С виду мы не то чтобы несхожи, хотя, сдается мне, я худощавее буду, и волосы у меня потемнее, и люди небось скажут, что у Вас лицо подобрее, потому что я частенько хмурюсь. Любопытно, а Вы – думаете ли обо мне, гуляя по городу, выискиваете ли фрагменты моих черт в лицах и фигурах прохожих? Так я поступал всякий день, когда был юн и все грезил об отце, и пытался составить его портрет из всех известных мне лиц. До чего же отрадно размышлять обо всем о том что нас объединяет как братьев здесь, на краю света. Сегодня я все время думаю о Вас.

С уважением,

Кросби Уэллс

Следующее по счету письмо звучало куда бодрее, а чернила смотрелись заметно ярче. Мади посмотрел на дату и отметил, что со времен предыдущего послания Кросби Уэллса минуло почти десять лет.

Данидин, июнь 1862 г.

Сэр я возобновляю переписку чтоб сообщить Вам с законной гордостью, что пишу Вам как человек женатый. Ухажерство длилось недолго, хотя, я так понимаю, события развивались по стандартной схеме. В последние месяцы я старательствую в лощинах Лоренса, и хотя опыта, как говорится, поднабрался, на золотую жилу покамест не напал.

Миссис Уэллс, как мне ее теперь полагается называть, являет собою превосходный образчик женского пола, каковой я буду горд и рад вести под руку. Я так понимаю, она теперь Ваша сестра. Как бы узнать, есть ли у Вас уже сестры, или миссис Уэллс – первая. Теперь я нескоро Вам отпишу; мне необходимо вернуться в Данстан, чтобы обеспечить жену. Любопытно, а что Вы думаете о золотой лихорадке. Я недавно слышал выступление одного политика, так вот он назвал золото проклятием нашего времени. Это правда, что на приисках я видел много всего дурного, но это дурное возникало задолго до того, как начинали разраба-

тывать месторождение. Сдается мне, политиканы просто боятся, что такие как я вдруг да разбогатеют.

Сердечно Ваш,

Кросби Уэллс

Кавараu, ноябрь 1862 г.

Сэр я прочел в газетах что Вы недавно женились – мои искренние Вам поздравления. Портрета Вашей супруги – Кэролайн, урожденной Гоф, я не видел, но говорят, она – превосходная партия. Я так счастлив, думая что мы оба встретим Рождество как люди семейные. Я вернусь из Лоренса провести праздники с женой – она живет в Данидине и на прииски не приезжает, она не выносит грязи. Я ведь так и не привык праздновать Рождество летом; мне кажется, традиция как таковая куда лучше подходит холодным месяцам. Я, наверное, кощунствую, говоря про Рождество в таком ключе, но я так полагаю, многое утрачивает свое значение здесь, в Новой Зеландии, и кажется поблекшими останками далекого прошлого. Я вот все представляю как Вы

получите это письмо, усядетесь у очага, или скажем придвинетесь поближе к лампе, чтобы разобрать слова. Позвольте мне вообразить такого рода подробности, мне всегда в удовольствие думать о Вас, примите же мои уверения в том, что я остаюсь, издалека,

с искренним уважением,

Кросби Уэллс

Данстан, апрель 1863 г.

Сэр всю неделю я пребывал в глубоком унынии размышляя, действительно ли нашего отца Алистера Лодербека более нет среди живых как мне кажется. Теперь Лондон для меня что смутный сон. Я помню туман и чад – и не доверяю собственной памяти. На прошлой неделе я для эксперимента сел и попытался начертить на земле карту Саутуорка. Я очертания Темзы-то с трудом вспомнил, а из названий улиц – ни одного. Любопытно, а с Вами тоже так? Я не без удивления прочел в «Отагском свидетеле», что Вы теперь именуетесь гордым кентерберийцем. Я-то ощущаю себя англичанином до

мозга костей.

Ваш,

Кросби Уэллс

Кавараy, ноябрь 1863 г.

Сэр мне хотелось бы думать что Вам приятно получать от меня весточку-другую, но я готов смириться и с куда большей вероятностью того, что Вы их вообще не читаете. В любом случае писать мне в радость, оно и жизнь упорядочивает. Я с интересом прочел, что Вы сложили с себя обязанности управляющего Советом провинции. На приисках поговаривают, будто в Кентербери вот-вот начнется золотая лихорадка, раз уж в Отаго она сходит на нет; вот я и гадаю, а не пожалеете ли Вы о своем решении оставить столь высокий пост. За доходное месторождение тут награду предлагают, на приисках Кавараy многие на это дело купились. Склоны тут крутые, обрывистые, небо глаза так и слепит. Я столько раз обгорал под солнцем, что контур воротника в шею прямо впечатался; больно, конечно, но зимние месяцы пугают еще больше

– здесь в горном краю морозы ударят суровые. А если в Кентербери золото найдут, Вы будете снова баллотироваться на пост управляющего? Я не то чтобы к Вам с расспросами лезу, я просто любопытство выражаю насчет Вашего житья-бытья. В этом духе и подписываюсь,

искренне Ваш,

Кросби Уэллс

Кавараy, март 1864 г.

Сэр я к Вам с важными и прямо-таки поразительными новостями. В Данстане мне сказочно повезло: натолкнулся на участок, который золотишком так весь и искрится! Теперь я богач хотя еще ни единого пенни не потратил: насмотрелся я, как парни проматывают песок на шляпы да пиджаки, а потом несут все это добро в заклад, едва судьба снова переменится. Не назову точной цифры, а то вдруг письмо попадет в чужие руки, скажу лишь, что даже в сравнении с Вашим изрядным жалованьем сумма грандиозная; я так понимаю что теперь из нас двоих братьев я побогаче буду, по крайней мере

по наличным деньгам. Вот так номер! С этаким состоянием я мог бы вернуться в Лондон и открыть лавку, но я останусь тут старательствовать и дальше, сдается мне, я свою удачу еще не до конца исчерпал. Металл я еще не задекларировал, а с приисков перевезу с помощью частного эскорта, говорят так надежнее. Невзирая на перемену в своей судьбе, я, как всегда,

Ваш,

Кросби Уэллс

Западный Кентербери, июнь 1865 г.

Сэр Вы по почтовому штемпелю небось заметили, что я уже не живу в провинции Отаго, но «снялся с места», как говорится. У Вас, надо думать, не было повода заглянуть к западу от гор, так я Вам расскажу, что Западный Кентербери – это целый мир, совершенно отличный от южных пастбищ. Закат над побережьем – это алое чудо, а в снежных пиках запечатлены цвета неба. Буш сырой, непролазный; воды – кипенно-белы. Здесь пустынно, но не тихо: птицы поют не умолкая, и эти неумолчные трели слух куда как радуют.

Как Вы, верно, уже догадались, я оставил прежнюю жизнь позади. Я разошелся с женой. Должен признаться, я многое скрыл в своей переписке, опасаясь, что если Вы узнаете горькую правду о моем браке, то станете думать обо мне хуже. Не стану докучать Вам подробностями моего бегства в здешние края, это скверная история, и мне горько о ней вспоминать. Я, дважды обжегшись на молоке, трижды на воду подую, – хвалиться тут нечем, но урок свой я затвердил, что правда, то правда. Ну и довольно об этом, поговорю-ка лучше о настоящем и будущем. Больше я золото рыть не буду, хотя Западный Кентербери желтым металлом богат, люди за день целое состояние сколачивают. Нет уж хватит с меня старательствовать – того ради чтоб у меня снова мои деньги украли. А попытаю-ка я лучше силы в торговле лесом. Я тут хорошее знакомство свел – с одним маори, Теру Тау-Фарей. На его родном языке это имя означает «Сотенный Дом Лет» – какие же у нас, у британцев, жалкие имена в сравнении с этими! Оно ведь прямо как стихотворная

строка. Тау-Фарей – благородный дикарь как есть; мы с ним здорово сдружились. Признаюсь, меня это очень воодушевляет – снова вернуться к человеческому общению.

Ваш и т. д.,

Кросби Уэллс

Западный Кентербери, август 1865 г.

Сэр я прочел в газетах, что Уэстленд получит место в парламенте и что на это место баллотируетесь Вы. С гордостью сообщаю, что я теперь избиратель сэр потому что моя хижина в долине Арахуры не арендованное имущество, она принадлежит мне, а как Вы знаете, собственность на землю дает человеку право голосовать.

Я свой голос отдам Вам и выпью за Ваш успех. А тем временем я целыми днями валю тотары тысячами взмахов своего смиренного топора. Вы сэр землевладелец, у вас есть Глен-хаус в Лондоне и, как я понимаю, кандидатская жилая недвижимость в живописном Акароа. А у меня-то прежде ни клочка не было! Я прожил с

миссис Уэллс – номинально, если не на деле, – почти три года, но все это время я вкалывал на приисках и постоянного адреса не имел, а она оставалась в городе. И хотя мое теперешнее уединение мне очень по душе, к оседлой жизни я как-то непривычен. Может, мы могли бы повстречаться или повидаться, пока Вы в Хокитике с избирательной кампанией. Не бойтесь, что я причиню Вам вред или выдам тайну прегрешения нашего отца. Я никому о нем ни словом не обмолвился, одной только жене, с которой мы теперь живем раздельно, а ее характер таков, что если она не может извлечь выгоды из какого-то знания, она утрачивает к новости всякий интерес. Вам незачем меня бояться. Вам достаточно лишь послать мне листок с буквой X на этот обратный адрес, и по этому знаку я пойму, что встречаться Вы не хотите, и отойду в сторону, и писать перестану, и интересоваться Вами – тоже. Я охотно сделаю это и все, что угодно, о чем Вы меня попросите, потому что я

Ваш покорный слуга,

Кросби Уэллс

Западный Кентербери, октябрь 1865 г.

Сэр я не получил от Вас букву Х за что Вам спасибо. Теперь Ваше молчание меня обнадеживает, хотя прежде причиняло столько горя. Остаюсь, как всегда,

с уважением,

Кросби Уэллс

Западный Кентербери, декабрь 1865 г.

Сэр я прочел в «Уэст-Кост таймс» что Вы собираетесь приехать в Хокитику по суше, а значит, проедете через долину Арахуры, разве что намеренно выберете кружной путь. Я Ваш избиратель, и как таковой сочту за честь принять политика в своем жилище пусть и скромном. Я опишу его, а Вы уж сами решите заглянуть ли или объехать стороной, как сочтете нужным. Дом крыт железом и стоит в тридцати ярдах от берега Арахуры на южной стороне реки. Там расчищен небольшой участок, ярдов под тридцать с каждой стороны от хижины, а лесопилка – в двадцати ярдах к юго-востоку. Сам домик небольшой, с оконцем, на трубу пошел кирпич из обожженной глины. Облицовка самая обычная. Даже если Вы не остановитесь, может я увижу как Вы проедете мимо. Я не буду ни ждать ни надеяться, но желаю Вам приятного путешествия на запад и победы на выборах и заверяю Вас что остаюсь, исполненный глубочайшего восхищения,

Кросби Уэллс

Это письмо оказалось последним. Судя по дате, написано оно было два с лишним месяца назад, менее чем за месяц до смерти самого Уэллса.

Мади отложил страницу и минуту посидел неподвижно. Обычно он не курил в одиночестве и потому редко носил при себе табак, однако ж сейчас ему отчаянно хотелось занять себя каким-нибудь принудительно повторяющимся движением, и он задумался на мгновение, не позвонить ли в звонок и не потребовать ли сигарету или сигару. Но мысль о том, что придется с кем-то разговаривать, пусть даже просто-напросто отдавая распоряжение, показалась ему нестерпимой, и Мади довольствовался тем, что заново перетасовал письма и разложил их в прежнем порядке, так чтобы самое последнее оказалось сверху.

По многократным отсылкам Кросби Уэллса на молчание Лодербека было ясно: политик не ответил ни на одно письмо от своего незаконнорожденного брата, сына его отца от проститутки. Алистер Лодербек отмалчивался *тринадцать лет*! Мади покачал головой. Тринадцать лет! Когда в письмах Кросби звучало столько тоски и искренности; когда бедолага мечтал просто-напросто познакомиться с братом и увидеть его хотя бы раз. Ну что стоило Лодербеку — уважаемому

Лодербеку — набросать в ответ несколько слов? Послать банкноту и оплатить бедняку обратный билет? Какое вопиющее бессердечие — так ничего и не ответить! И однако ж (признавал Мади), Лодербек сохранил письма Уэллса — он их берег, читал и перечитывал, потому что самые первые, изрядно потертые, явно разворачивали и снова складывали не раз и не два. И ведь политик все-таки доехал до хижины Кросби Уэллса в долине реки Арахура — и опоздал на каких-то полчаса.

Но тут Мади вспомнил кое-что еще. Лодербек взял в любовницы Лидию Уэллс! Соблазнил жену собственного брата!

— Немыслимо, — вслух произнес Мади.

Он вскочил и принялся расхаживать по комнате взад-вперед. Вопиющее бессердечие! Нечеловеческая жестокость! Он произвел в уме приблизительные подсчеты. Кросби Уэллс трудился на приисках в Данстане и в Каварау… и все это время брат, с которым он так мечтал познакомиться, прохлаждался в Данидине, наставляя ему рога! Возможно ли, чтобы Лодербек в самом деле не подозревал об этой связи? Маловероятно, ведь Лидия Уэллс взяла фамилию мужа! Мади осекся. Нет, подумал он. Лодербек недвусмысленно сообщил Балфуру: на протяжении всего их романа

он понятия не имел, что Лидия Уэллс замужем. В общении с ним Лидия неизменно пользовалась своей девичьей фамилией Гринуэй. И лишь по возвращении из тюрьмы Фрэнсиса Карвера — который назвался Фрэнсисом Уэллсом — Лодербек обнаружил, что Лидия замужем, что на самом деле она зовется Лидией Уэллс и что он, Лодербек, наставлял рога ее мужу. Мади вновь порылся в пачке писем, пока не нашел то, что было датировано августом прошлого года. Да, Кросби Уэллс ясно дал понять, что поделился подробностями своего незаконного происхождения с женой. Стало быть, Лидия Уэллс знала про Лодербекова незаконнорожденного брата с самого начала этой любовной интрижки, более того, знала, что для Лодербека эта тема, по-видимому, является очень личной и очень болезненной, ведь он так и не ответил ни на одно из писем Кросби. Может статься, подумал Мади, она и Лодербека-то подцепила с одной-единственной целью — воспользоваться связью между ним и Кросби в своих интересах.

Да эта женщина — просто-напросто расчетливая интриганка! Обвести вокруг пальца обоих братьев — разорить их обоих! Ведь теперь стало совершенно ясно и другое: золотой клад, с помощью которого шантажировали Лодербека,

был добыт вовсе не на участке самого Карвера. Всю эту сумму украли у Кросби Уэллса: это ведь он напал на золотую жилу на приисках Данстана, как явствовало из его переписки! Выходит, Лидия Уэллс выдала тайну Уэллса Фрэнсису Карверу и с его помощью затем измыслила план ограбить Уэллса и зашантажировать Лодербека, так что в итоге они с Карвером разбогатели и в придачу стали гордыми владельцами барка «Добрый путь». Лодербек явно стыдился своего незаконного родственника, о чем миссис Уэллс, как его любовница, наверняка знала из первых рук; конечно же, именно она придумала способ использовать этот стыд как рычаг давления.

Внезапно у Мади екнуло сердце. Вот же он, просверк, — приватные сведения, посредством которых Фрэнсис Карвер шантажировал Лодербека и заручился его молчанием при продаже «Доброго пути». Ведь Карвер назвался Фрэнсисом Уэллсом, уверив Лодербека, что они с Кросби — братья: шлюхины дети, выросшие в одном борделе… вероятно, рожденные от одной матери! Фамилию свою Кросби Уэллс получил от человека стороннего, так что почему бы Кросби Уэллсу и не иметь других братьев и сестер со стороны матери, раз уж мать занималась проституцией? Какой от-

личный способ сыграть на симпатиях Лодербека и заставить его плясать под свою дудку!

Кросби Лодербек, внезапно подумал Мади, всей душой сочувствуя этому человеку. Он живо представил себе Уэллса мертвым в его хижине в долине Арахуры: одна рука обхватила основание пустой бутыли, щека покоится на столе, глаза сомкнуты. Как беспощадно вращаются колеса Фортуны! У Лодербека, верно, сердце из камня — как можно хранить молчание перед лицом столь пылких воззваний! И до чего ж грустно, что Кросби Уэллс следил за возвышением своего брата на протяжении десяти лет, от члена Совета провинции до палаты парламента, а сам между тем прозябал в холоде и сырости один-одинешенек.

И все же Мади не мог поставить на Лодербеке крест. Ведь в конце концов политик навестил-таки брата… хотя с какой целью — неведомо. Может, он собирался загладить свою вину за тринадцатилетнее молчание. Или хотел извиниться перед единокровным братом, или просто посмотреть на него, назвать по имени и пожать руку.

В глазах у Мади стояли слезы. Он выругался — хотя как-то неубедительно — и грубо провел тыльной стороной кисти по лицу, остро и горько ощущая сродство со злополучным отшельником,

человеком, которого он никогда в жизни не видел и никогда уже не узнает. Ведь положение Кросби Уэллса так пугающе походило на его собственное. От Кросби Уэллса отказался собственный отец — так же как и от Мади. Кросби Уэллса предал собственный брат — так же как и Мади. Кросби Уэллс перебрался в Южное полушарие следом за братом — так же как и Мади, — и там его с презрением отвергли и разорили, и век свой он доживал в одиночестве.

Мади выровнял стопку писем — аккуратно, край к краю. Ему следовало еще час назад позвонить горничной и потребовать, чтобы сундук из его номера убрали; если он помешкает еще немного, то неминуемо вызовет подозрения. Что же делать? Снять копии со всех писем времени нет. Вернуть ли пачку обратно под подкладку сундука? Или присвоить? И передать полномочным должностным лицам здесь, в Хокитике? Эта переписка, безусловно, имеет самое непосредственное отношение к делу, и, если процессом и впрямь займется судья Верховного суда, бумаги окажутся чрезвычайно ценны.

Мади пересек комнату и присел на край кровати, напряженно размышляя. Он может переслать эти письма Левенталю, с указанием опубли-

ковать их подряд и полностью на страницах «Уэст-Кост таймс». Он может вручить их Джорджу Шепарду, начальнику тюрьмы, и обратиться к нему за советом. Он может по секрету показать их своему приятелю Гаскуану. Он может созвать двенадцать участников тайного совета в «Короне» и спросить их мнение. Он может передать их комиссару золотых приисков или даже лучше мировому судье. Но чего ради? Что из этого выйдет? Кому с того будет польза? Он соединил пальцы домиком и вздохнул.

Наконец Мади снова взял в руки пачку писем, перевязал ее бечевкой в точности как было и убрал обратно под подкладку сундука. Задвинул затвор, протер крышку и отступил на шаг, чтобы убедиться: все выглядит именно так, как он обнаружил по прибытии. Затем он надел пиджак и шляпу, как будто только что вернулся домой из столовой «У Максвелла», и позвонил в звонок. В свой срок наверх протопала горничная; крайне раздраженным тоном Мади сообщил ей, что в номер доставили чужой багаж. Он позволил себе открыть сундук и прочесть имя, написанное изнутри: так вот, эта кладь принадлежит мистеру Алистеру Лодербеку, с которым лично он совершенно незнаком, который со всей опреде-

ленностью не проживает в гостинице «Корона» и чье имя не имеет с его собственным ничего общего. Надо думать, *его* багаж отослали в гостиницу мистера Лодербека — уж где бы это ни было. Он намерен провести вторую половину дня в бильярдной на Стаффорд-стрит и рассчитывает, что за время его отсутствия ошибку исправят: для него чрезвычайно важно воссоединиться со своим имуществом в самое ближайшее время, поскольку он собирается заглянуть к вдове на «напитки и размышления» в «Удачу путника», и желательно в приличном виде. И, уже выходя, подчеркнул, что крайне недоволен.

Безлунный месяц

Глава, в которой «Удача путника» наконец-то открывается для посетителей.

Вывеску над входом в «Удачу путника» подновили, так что развеселый бродяга с заплечным узелком на манер Дика Уиттингтона теперь шагал под звездным небом. Если звезды и складывались над головой нарисованного человечка в созвездия, Мэннеринг их не распознал. Он лишь скользнул взглядом по вывеске, поднимаясь по ступеням на веранду и отмечая по пути, что дверной молоток надраен, окна вымыты, половик у порога заменили, а на двери красуется новая табличка:

МИССИС ЛИДИЯ УЭЛЛС, МЕДИУМ, СПИРИТ.
ОТКРЫВАЕТ ТАЙНЫ, ПРОРИЦАЕТ БУДУЩЕЕ

Мэннеринг постучал; послышались женские голоса и стремительные шаги вверх по лестнице.

Он подождал, надеясь, что откроет ему Анна.

Звякнула отцепляемая цепочка. Мэннеринг поправил узел галстука и слегка выпрямился, глядя на свое смутное отражение в стекле.

Дверь отворилась.

— Дик Мэннеринг!

Мэннеринг постарался не выдать разочарования.

— Миссис Уэллс! — воскликнул он. — Самого доброго вам вечера.

— Надеюсь, так оно и будет, да только вечер еще не настал. — Она улыбнулась. — Казалось бы, кому и знать, как не вам, что приходить на вечеринку заранее — дурной тон. Как сказала бы моя матушка, какое варварство!

— Я разве рано? — с деланым удивлением воскликнул Мэннеринг, извлекая карманные часы. Он отлично знал, что пришел рано: он рассчитывал прибыть задолго до остальных гостей, чтобы иметь возможность переговорить с Анной наедине. — Ах да, ну надо же, — посетовал он, разглядывая циферблат. Он пожал плечами и снова затолкал часы в жилетный карман. — Должно быть, я их завести утром позабыл. Ну что ж, вот он я — и вот она вы. И разодеты по такому случаю в пух и прах. Роскошно. Просто роскошно.

На Лидии было траурное вдовье платье, но наряд «дополняли», как выразилась бы она сама, всевозможные мелочи, и дополнения эти сводили темные тона на нет. Черный лиф украшали вышитые блестящей нитью виноградные лозы и розы, так что узоры мерцали и переливались на ее груди; еще одна черная роза крепилась на черной ленте, обернутой на манер нарукавничка вокруг пухленькой белоснежной ручки, а третья черная роза красовалась в волосах, во впадинке за ухом.

— Ну и что же мне теперь делать? — продолжая улыбаться, вслух размышляла Лидия. — Вы меня ставите в ужасное положение, мистер Мэннеринг. Пригласить вас в дом я не могу. Иначе вы, чего доброго, всегда станете приходить заранее, причиняя неудобство людям светским, и дамам и джентльменам, по всему городу. Но и на улицу я вас выставить не могу: ведь тогда и вы, и я — оба выкажем себя варварами. Вы прослывете дерзким нахалом, я — негостеприимной хозяйкой.

— Пожалуй, есть и третий вариант, — подхватил Мэннеринг. — Позвольте мне простоять на крыльце весь вечер, пока вы обдумываете дело со всех сторон, а когда наконец решитесь — так я окажусь на месте как раз вовремя.

— И снова варварство, — нахмурилась миссис Уэллс. — Этот ваш ужасный характер!

— Да вы моего ужасного характера почитай что и не видели, миссис Уэллс.

— Да неужто?

— Никогда. С вами я — человек цивилизованный.

— Поневоле задумаешься, а с кем — нет?

— С кем — не важно, — отмахнулся Мэннеринг. — Важно — до какой степени.

Повисла недолгая пауза.

— А приятно, должно быть, почувствовать себя хозяином жизни, — наконец обронила миссис Уэллс.

— Когда это?

— Да вот сейчас. Когда вы это сказали. Очень эффектно прозвучало.

— Тонкая вы штучка, миссис Уэллс, а я и позабыл.

— Да полно вам!

— О да, куда как тонкая. — Мэннеринг пошарил в кармане. — Вот ваш тариф. Грабеж среди бела дня, между прочим. В Хокитике три шиллинга за вечернее представление не запрашивают — да хоть бы вы саму Елену Троянскую вызывали. Ребята такого не потерпят. Хотя зачем я вам советы

даю? С сегодняшнего дня мы с вами — прямые конкуренты. Не думайте, будто я не понимаю: теперь по субботам парни будут выворачивать карманы либо в «Принце Уэльском», либо в «Удаче путника», или — или. Я конкуренцию бдительно отслеживаю — так что вот, пришел и глаз с вас не спущу.

— Женщины любят, когда с них не спускают глаз, — улыбнулась миссис Уэллс. Приняла плату и распахнула дверь. — Как бы то ни было, а вы — бессовестный *лжец*, — добавила она, пропуская Мэннеринга в прихожую. — Если бы вы позабыли завести часы, так вы бы не заранее, вы бы с опозданием пришли.

Она закрыла за гостем дверь и навесила цепочку.

— Вы в черном, — отметил Мэннеринг.

— Естественно, — пожала плечами Лидия. — Я недавно овдовела и ношу траур.

— А между прочим, черный цвет для ду́хов неразличим — чистая правда, так и есть! — сообщил Мэннеринг. — Держу пари, вы этого не знали, верно? Вот поэтому на похороны мы приходим в черном: если бы мы оделись в цветное, мы бы привлекли внимание мертвецов. А пока мы в черном, они нас не видят.

— Какая прелесть, — обронила миссис Уэллс.

— А вы ведь понимаете, что это значит? Это значит, что мистер Стейнз вас не разглядит. В этом платье — ни за что. Вы останетесь для него невидимкой.

Лидия рассмеялась:

— Вот так так! Ну что ж, тут уж, наверное, ничего не поделаешь. Слишком поздно. Придется отменять всю программу.

— А Анна, она в чем сегодня будет? — полюбопытствовал Мэннеринг.

— Вообще-то, в черном, — отозвалась миссис Уэллс. — Она ведь тоже в трауре.

— Ну все, пиши пропало, провалилась вся ваша затея, — усмехнулся Мэннеринг. — И все из-за платьев. Какова палка в колесе, а? Прямо-таки платье мое — враг мой!

Миссис Уэллс уже не улыбалась.

— Вы непочтительны, — отметила она. — Дурно вышучивать дань памяти и скорби по невосполнимой утрате.

— Это справедливо в отношении нас обоих, миссис Уэллс.

Мгновение они глядели друг на друга, пытаясь прочесть выражение лица собеседника.

— Я глубоко уважаю мошенников, — наконец

проговорил Мэннеринг. — Еще бы нет — когда сам я из их числа! Но гадание да ворожба — это жалкое мошенничество, миссис Уэллс. Извините за прямоту, но уж что есть, то есть.

Глядя по-прежнему настороженно, она небрежно обронила:

— Это как так?

— Да это ж все ложь, — упрямо гнул свое Мэннеринг. — «А кто следующим против меня поставит?» «А пусть я выиграю эту партию в брэг»[60]. «А кто победит на скачках на следующей неделе?» Вы такого практиковать не станете, правда? Конечно не станете, потому что не можете.

— Вижу, вы привыкли во всем сомневаться, мистер Мэннеринг.

— Да я на таких играх собаку съел, дело-то в чем.

— Да, — подтвердила вдова, не сводя с него пристального взгляда. — Вы любите сомневаться.

— Назовите мне победителя на скачках будущей недели, и я больше никогда не усомнюсь.

— Не могу.

Мэннеринг развел руками:

— Ну вот видите.

---

[60] Сноски: 60

Брэг (brag) — английская карточная игра, предшественница покера.

— Не могу, потому что вы не судьбу предсказать просите. Вы просите дать вам неопровержимые подтверждения моих способностей. Этого-то я и не могу. Я — предсказательница, а не строгий логик.

— Плохая предсказательница, если не видит даже следующего воскресенья.

— Один из первых уроков, который необходимо усвоить в моем ремесле, таков: в будущем нет ничего непреложного, — возразила миссис Уэллс. — А причина проста: в ходе предсказания будущее непременно поменяется.

— И такой аргумент вам очень даже на руку.

Лидия чуть вздернула подбородок.

— Будь вы жокеем, которому предстоит выступать на следующих скачках, и приди вы ко мне спросить, повезет ли вам, — так это был бы совсем другой разговор. Если бы я возвестила, что удача от вас отвернется, вы бы, скорее всего, расстроились — и выступили хуже некуда; а вот если бы мое предсказание прозвучало обнадеживающе, вы бы преисполнились уверенности — и показали себя лучшим образом.

— Хорошо, я не жокей, — возразил Мэннеринг, — но я поставил пять фунтов на кобылу по кличке Ирландка — это чистая правда! — и я

прошу вас предсказать мне судьбу, к добру или к худу. Итак, что меня ждет?

Лидия улыбнулась:

— Сомневаюсь, что ваша судьба очень сильно поменяется от выигрыша или проигрыша пяти фунтов, мистер Мэннеринг; и в любом случае вы по-прежнему ищете доказательств. Проходите в гостиную.

Интерьер «Удачи путника» ничем не напоминал о грязном, замызганном заведении, в котором миссис Уэллс принимала Обера Гаскуана тремя неделями ранее. Вдова заказала портьеры, новую мебель и дюжину рулонов обоев с эффектным орнаментом из чертополоха и розы; развесила несколько экзотичных гравюр в рамках под стеклом; покрасила лестничный проем, отмыла окна, оклеила обоями обе гостиные. Нашла кафедру под свой альманах и расставила в разных местах гостиных бывшего отеля задрапированные шалями лампы, создавая особую мистическую атмосферу. Мэннеринг открыл было рот, чтобы откомментировать перемены, — и словно прирос к месту.

— Да это же мистер Су, — потрясенно выговорил он. — И мистер Цю!

Оба китайца воззрились на него. Они сидели,

скрестив ноги, по обе стороны от очага, с густо загримированными лицами.

— Вы знаете этих людей? — осведомилась Лидия.

— Знаю в лицо, не больше, — опомнился Мэннеринг. — У меня с китайцами свой бизнес, сами знаете, а эти ребятки в Каньере примелькались. Как поживаете, парни?

— Добрый вечер, — промолвил А-Су.

А-Цю промолчал. Лица их оставались совершенно непроницаемыми под плотным слоем грима, что утрировал черты лица, удлинял уголки глаз и подчеркивал округлость щек.

Мэннеринг обернулся к миссис Уэллс:

— А что, они тоже в сеансе участвуют? Вы их наняли?

— Этот зашел днем, — объяснила миссис Уэллс, указывая на А-Су, — и мне подумалось, его присутствие придаст изюминку вечернему сеансу. Он согласился вернуться и в итоге сделал больше обещанного: еще и друга привел. Вы должны признать, что двое — куда лучше, чем один. Мне нравится ось симметрии.

— Где Анна? — полюбопытствовал Мэннеринг.

— О, наверху, — откликнулась миссис Уэллс. — Вообще-то, это вы, мистер Мэннеринг, мне идею

подбросили. Этот ваш «Дух Востока». Билеты прямо разлетаются, а все благодаря восточному колориту! Я два раза спектакль смотрела — один раз с галерки, второй раз из партера.

— А когда же она спустится? — нахмурился Мэннеринг.

— Только к сеансу, — отрезала миссис Уэллс.

— Как — значит, на вечеринке ее не будет? — встрепенулся гость. — Вообще?

Миссис Уэллс, отвернувшись, расставляла бокалы на буфетной стойке.

— Нет.

— А почему, собственно, нет? — не отступался Мэннеринг. — Кому, как не вам, знать, что с десяток мужчин грызут удила и рвутся перемолвиться с ней хоть словечком. Они недельный заработок выложили за вход, и всё ради Анны. Держать ее наверху — это чистое безумие.

— Анна должна подготовиться к сеансу, ее внутреннее равновесие нельзя нарушать.

— Чушь! — фыркнул Мэннеринг.

— Простите? — обернулась миссис Уэллс.

— Чушь, говорю. Вы ее нарочно прячете.

— На что вы намекаете?

— Я в Анне Уэдерелл свою лучшую девку потерял, — заявил Мэннеринг. — Я три недели

держался на расстоянии, из уважения к бог знает чему, а теперь я хочу переговорить с ней. Никакого такого внутреннего равновесия не существует, и мы оба это знаем.

— Боюсь, я вынуждена вам напомнить, что в этой области вы некомпетентны.

— Некомпетентен, как же! — презрительно бросил Мэннеринг. — Да три недели назад Анна не отличила бы внутреннего равновесия от собственного локтя. Чушь это все, миссис Уэллс. Зовите ее вниз.

Миссис Уэллс с достоинством выпрямилась:

— Я также должна напомнить вам, мистер Мэннеринг, что вы гость в моем доме.

— Это не дом, это коммерческое предприятие. Я заплатил вам три шиллинга под гарантию, что здесь будет Анна.

— Строго говоря, никаких гарантий вам не предоставлялось.

— Да ну! — парировал Мэннеринг, начиная злиться не на шутку. — Я вам еще один совет подкину, миссис Уэллс, причем совершенно бесплатно: в шоу-бизнесе надо дать аудитории ровно то, за что она заплатила; не дадите — так огребете последствия, ибо беспорядков не избежать. В газете говорилось, что Анна будет здесь.

— В газете говорилось, что Анна будет присутствовать на сеансе в качестве моей ассистентки.

— Как вы ее заставили?

— Не понимаю, о чем вы.

— Почему она согласилась? Почему сидит наверху, одна-одинешенька и в темноте?

Миссис Уэллс пропустила вопрос мимо ушей.

— Мисс Уэдерелл учится раскладывать карты Таро, — сообщила она. — В этом искусстве у нее проявился недюжинный талант. Как только я удостоверюсь, что она в совершенстве овладела мастерством, она разрекламирует свои услуги в «Уэст-Кост таймс», и тогда — добро пожаловать! — и вы, и все жители Хокитики смогут в свое удовольствие договариваться с ней о приеме.

— И за привилегию эту я, конечно же, выложу кругленькую сумму, да?

— Разумеется, — пожала плечами миссис Уэллс. — Странно, что вы рассчитывали на иное.

А-Су переводил взгляд с миссис Уэллс на А-Цю, с А-Цю — на Мэннеринга.

— Это произвол, — буркнул Мэннеринг.

— Может быть, вам больше не угодно присутствовать на вечеринке? — осведомилась миссис Уэллс. — Если так, вы только скажите; я полностью верну вам деньги.

— Так какой в том смысл — держать ее наверху?

Вдова рассмеялась:

— Ну полно, мистер Мэннеринг! Мы с вами в одном бизнесе, как вы только что указали; мне незачем вам все по полочкам раскладывать.

— А вы разложите, — настаивал Мэннеринг. — Ну же. Разложите по полочкам.

Однако ничего объяснять миссис Уэллс не стала; минуту она буравила гостя взглядом, а затем произнесла:

— Так зачем вы сегодня сюда пришли?

— Поговорить с Анной. И оценить конкуренцию. То есть вас.

— Первая из ваших целей не осуществится, как я только что дала вам понять со всей определенностью, а второй вы наверняка уже достигли. При таком раскладе не вижу для вас смысла оставаться.

— Я остаюсь, — возразил Мэннеринг.

— Зачем?

— Чтобы не спускать с вас глаз, вот зачем.

— Понятно. — Миссис Уэллс так и впилась в него взглядом. — Сдается мне, есть еще причина, почему вы решили прийти сегодня на мой прием, — причина, которой вы со мной до сих пор не

поделились.

— Ах вот как? И что же это, по-вашему, за причина? — усмехнулся Мэннеринг.

— Боюсь, мне остается только гадать.

— Так валяйте, предсказывайте! Вы разве не этим занимаетесь? Напророчьте мне мою судьбу.

Лидия оценивающе склонила голову набок. А затем, с внезапной решимостью, объявила:

— Нет, на сей раз я, пожалуй, сохраню предсказание в тайне.

Мэннеринг дрогнул, а в следующее мгновение миссис Уэллс засмеялась своим серебристым смехом и выпрямилась, прижав руки к груди. И, извинившись, сослалась на необходимость уйти: она наняла двух буфетчиц из «Звезды и подвязки» обслуживать гостей нынче вечером, а девушек еще не ввели в курс дела, они покорно ждут в кухне, и ей не хочется испытывать их терпение и минутой дольше. Она предложила Мэннерингу плеснуть себе чего-нибудь из графинов, выставленных на буфетной стойке, и чувствовать себя как дома, и с этими словами выплыла из гостиной. Мэннеринг, растерянный, красный как рак, глядел ей вслед.

Как только за хозяйкой закрылась дверь, он

обрушился на А-Су:

— А ты что в свою пользу скажешь, а?

— Чтоб видать Эмери Стейнз, — объяснил А-Су.

— У тебя к нему вопрос-другой есть, а?

— Да.

— К живому или к мертвому, — промолвил Мэннеринг. — Одно из двух, верно, мистер Су? На данной стадии — одно из двух.

Тяжело ступая, он подошел к буфету и налил себе чего покрепче.

* * *

Миссис Уэллс наняла оркестр из двух человек — скрипку с флейтой — из «Общества друзей католиков» с Коллингвуд-стрит. Музыканты явились незадолго до семи, с завернутыми в бархат инструментами, и миссис Уэллс направила их в дальний конец прихожей, где загодя поставили два стула, развернув их к двери. Играть эти люди умели только джиги да хорнпайпы, но миссис Уэллс, не растерявшись, велела им исполнять свой репертуар вчетверо медленнее — или насколько позволит дыхание и координация, чтобы более или менее совпасть с атмосферой вечера. В заторможенном темпе джиги зазвучали зловеще, а хорнпайпы — печально; даже Мэннеринг, чье

дурное настроение не смогли развеять ни бренди на два пальца, ни приветливая услужливость буфетчиц из «Звезды и подвязки», вынужден был признать, что эффект получился ошеломляющий.

Когда в дверь постучались первые гости, как раз заиграли «Шестипенсовик» — протяжно и ноюще, наводя на мысль не о танцах и празднестве, но о похоронах, недугах и дурных новостях.

К восьми бывшая гостиница оказалась битком набита; в воздухе густо повисал табачный дым.

— А вы когда-нибудь наблюдали за рыночным фокусником? Видели, как ведут игру в «наперстки»? Так вот, тут все дело в отвлекающем маневре, мистер Фрост. Есть особые приемчики, чтобы заставить вас отвести взгляд, — с помощью шутки, или шума, или чего-то неожиданного; только вы отвернетесь — а наперстки уже поменялись местами, или заполнились, или опустели, или что угодно. Не мне вам объяснять, ничто так не отвлекает внимание, как женщина, а сегодня вам предстоит иметь дело с двумя.

Фрост опасливо зыркнул на Притчарда и отвел глаза: он слегка побаивался аптекаря и ему очень не нравилось, что Притчард над ним нависает — стоит так близко, что, едва открыв рот, обдает

собеседника горячим дыханием.

— Ну и как вы мне предлагаете не отвлекаться? — осведомился он.

— Не зевайте, смотрите в оба, — посоветовал Притчард. — Нильссен следит за Анной. А вы следите за вдовой. Уж вы вдвоем ничего не упустите, так? Что бы ни происходило, не спускайте глаз с Лидии Уэллс. Если она попросит вас закрыть глаза или посмотреть на что-нибудь — это их обычная уловка, знаете ли, — не делайте этого!

Фрост ощутил легкое раздражение. По какому это праву Джозеф Притчард распределяет обязанности по слежке и наблюдению на сеансе, на который у него даже приглашения нет? И с какой стати ему, Фросту, поручили вдову, а Анну — Нильссену? Жаловаться вслух он, впрочем, не стал: подошла буфетчица с графином на подносе. Мужчины наполнили бокалы, сказали «спасибо», и буфетчица скрылась в толпе.

Проводив ее взглядом, Притчард продолжил с прежней настойчивостью:

— Ну должен же Стейнз где-то быть, — доказывал он. — Человек бесследно не исчезает. Что нам известно доподлинно? Давайте подведем итог. Мы знаем, что Анна последней видела его живым. Знаем, что она солгала насчет опиума

— сказала, что сама съела эти пол-унции, когда я своими глазами видел: это откровенная ложь. А еще мы знаем, что теперь она собирается призвать его с того света.

Фрост вдруг заметил, что пиджак сидит на Притчарде кое-как, шейный платок не выглажен, а рубашка заношена едва ли не до дыр. Да и бритва, по-видимому, давно затупилась, раз выбрит он так неровно, проплешинами. Эта не высказанная вслух критика внезапно придала Фросту уверенности.

— Вы, похоже, Анне не слишком доверяете, не так ли, мистер Притчард? — осведомился он.

Притчард от такого предположения словно бы слегка опешил.

— Есть веские причины не доверять ей, — холодно заметил он. — Как я только что вам перечислил.

— Я о личном отношении, — возразил Фрост. — Как к женщине. Я так понимаю, вы невысокого мнения о ее порядочности.

— Порядочность шлюхи — да скажете тоже! — взорвался Притчард, но продолжать не стал.

— Мне любопытно, что вы о ней думаете. Вот и все, — промолвил Фрост, помолчав.

Притчард глядел на Фроста, словно не видя.

— Нет, — выговорил он наконец, — я не доверяю Анне. Ни на грош не доверяю. Я ее даже не люблю. Причем мне самому жаль, что все так. Занятно, не правда ли? Мне страшно жаль.

Фрост чувствовал себя крайне неуютно.

— Трех шиллингов оно ни разу не стоит, как по-вашему? — заявил он, имея в виду вечеринку. — По правде сказать, я ждал большего.

Притчард тоже сконфузился.

— Запомните накрепко, — наказал он, — во время сеанса глаз с миссис Уэллс не спускайте.

Собеседники отвернулись друг от друга, делая вид, что разглядывают людей в толпе, и на краткий миг в их лицах отразилось одно и то же отстраненное, слегка разочарованное выражение, присущее тому, кто сравнивает неприятную ему окружающую обстановку с иными сценами, настоящими и вымышленными, которые уже произошли либо происходят сейчас где-то в других местах.

* * *

— Мистер Балфур, не могли бы вы уделить мне минутку вашего времени?

Балфур поднял глаза: перед ним стоял Харальд Нильссен, который смотрелся подчеркнуто

щегольски в ярко-синем жилете. Глядел он с непоколебимой суровостью, как человек, твердо решившийся задать неприятный вопрос, и на душе у Балфура заскребли кошки.

— Разумеется, — отозвался он. — Разумеется, могу уделить… конечно могу! Безусловно и всенепременно!

Как же глупо ведут себя люди, когда понимают, что их сейчас за ушко да на солнышко, подумал он. И последовал за Нильссеном сквозь толпу.

Оказавшись вне гостиной, за пределами слышимости, Нильссен резко остановился.

— Я сразу к делу, — заявил он, разворачиваясь лицом к собеседнику.

— Да-да, — согласился Балфур, — давайте сразу к делу. Так и надо. Как вам вечеринка?

Из гостиной донесся взрыв смеха и негодующий женский вопль.

— Мне по душе, — отозвался Нильссен.

— Анны, однако ж, не видать.

— Нет.

— За три-то шиллинга, — промолвил Балфур. — Ну и цена! Ну да мы наши денежки выпивкой окупим, так? — Он глянул в зеркальце.

— Я сразу к делу, — повторил Нильссен.

— Да-да, пожалуйста, — пригласил Балфур.

— Каким-то образом мистер Лодербек узнал о моей комиссии, — начал Нильссен. — Завтра он опубликует в газете открытое письмо. Разнесет в пух и прах доброе имя Шепарда, и все такое. Я письма еще не видел.

— Вот те на, — посетовал Балфур. — Вот так так! Да, понимаю. Понимаю.

Он рьяно закивал, хотя и не Нильссену. Они стояли практически бок о бок, Нильссен обращал свою речь к заключенной в рамку гравюре на стене, а Балфур — к панельной обшивке.

— Начальник тюрьмы Шепард набросал ответ, — продолжал Нильссен, все еще адресуясь к гравюре, — который будет напечатан сразу под письмом Лодербека в завтрашней газете. Ответ я видел; сегодня днем Шепард прислал мне копию.

Он вкратце пересказал Шепардово опровержение — и озабоченность Балфура на миг отступила перед безграничным изумлением.

— Чтоб мне провалиться! — воскликнул он, впервые глядя в лицо собеседнику. — Вот ведь черт из тихого омута! Чтоб начальник Шепард — да до такого додумался! Сказать, что инициатива была вашей… Что ваше капиталовложение на самом деле — безвозмездное пожертвование! Чтоб

мне провалиться! Он вас в угол загнал, так? Экая самонадеянность! Вот ведь гадина ползучая!

— Это вы рассказали мистеру Лодербеку о моей комиссии? — осведомился Нильссен.

— Нет! — запротестовал Балфур.

— И даже не упоминали о ней — вскользь, случайно?

— Нет! — заверил Балфур. — Ни словом не упоминал!

— Ладно, — тяжко вздохнул Нильссен. — Спасибо. Извините, что побеспокоил. Значит, это кто-то из остальных.

— Кто-то из остальных? — встрепенулся Балфур. — Вы хотите сказать, кто-то из «Короны»?

— Да, — кивнул Нильссен. — Кто-то нарушил слово. Я, конечно же, ничего не говорил Лодербеку, и я уверен, что об этой инвестиции не знает никто, кроме двенадцати участников совета, принесших клятву.

Балфур панически заозирался:

— А этот ваш мальчишка?

— Он ничего не знает, — покачал головой Нильссен.

— Может, в банке кто-нибудь.

— Нет, это была частная договоренность — и единственный экземпляр контракта хранится

у Шепарда. — Нильссен вздохнул. — Послушайте, — промолвил он. — Простите, что вывалил это все на вас, ну то есть что стал расспрашивать и что в вас усомнился. Но я же знал, что вы близки к Лодербеку, и… ну словом, хотел удостовериться.

— Безусловно! Ну конечно же!

Нильссен мрачно кивнул. Глянул сквозь дверной проем гостиной на толпу гостей — на Притчарда, который был выше любого присутствующего на целую голову, на Девлина, увлеченного беседой с Клинчем, на Левенталя, что разговаривал с Фростом, на Мэннеринга, что наполнял бокал из графина и развязно хохотал над чьей-то шуткой.

— Погодите минуточку, — внезапно произнес Балфур. — Вы сказали, в Шепардовом опровержении упоминаются Лодербек и Лидия Уэллс.

— Да, — смущенно подтвердил Нильссен. — Он эту интрижку сделал фактически достоянием гласности, заявив, что Лодербек должен выложить все начистоту. В том-то и…

— Но откуда, ради всего святого, Шепард прознал об интрижке? Не думаю, что Лодербек стал бы…

— Я ему сказал, — выпалил Нильссен. — Я нарушил клятву. Ох, мистер Балфур, он загнал меня

в угол — он понял, что я что-то скрываю, а я и сломался. У вас есть все основания на меня злиться. Все основания. Вы абсолютно правы.

— Ничуть не бывало, — отозвался Балфур. Для него эта исповедь обернулась нежданным облегчением.

— Теперь Лодербек поймет, что вы предали его доверие, — убито продолжал Нильссен, — и к завтрашнему утру весь Уэстленд узнает, что миссис Уэллс была его любовницей, и он, чего доброго, потеряет место в парламенте, и все из-за меня. Мне так стыдно… честное слово, стыдно.

— Что еще вы ему рассказали? — осведомился Балфур. — Как насчет Анны… и шантажа… и платьев?

— Нет, что вы! — шокированно запротестовал Нильссен. — И про Карвера я ни словом не обмолвился. Упомянул лишь, что миссис Уэллс была любовницей Лодербека. Вот и все. А теперь начальник тюрьмы Шепард взял и разболтал об этом всему миру — на страницах газеты.

— Да ладно, ничего страшного, — утешил Балфур, хлопнув Нильссена по спине. — Все в порядке! Шепард мог об этом где угодно узнать. Если Лодербек спросит, я скажу ему, что за всю свою жизнь и парой слов с Шепардом не обме-

нялся, и это будет чистая правда.

— Мне страшно жаль, — понурился Нильссен.

— Ничего, — утешил Балфур, потрепав его по плечу. — Ничего-ничего.

— С вашей стороны очень великодушно так говорить, — вздохнул Нильссен.

— Рад помочь, — заверил Балфур.

— Все равно в толк не могу взять, кто же на самом деле продал меня Лодербеку, — промолвил Нильссен, помолчав. — Наверное, придется еще поспрашивать. — Он вздохнул и, обернувшись, вновь принялся разглядывать лица в толпе.

— Послушайте, мистер Нильссен, — начал было Балфур. — Мне тут кое-что вспомнилось. По поводу… по поводу… да нет, пустое. Так вот. В следующий раз, когда мне понадобится какая-нибудь работенка на комиссионной основе — если что-то подвернется, ну, знаете, как оно бывает, — я, пожалуй, к мистеру Кохрану обращаться не стану. Я, конечно, пользуюсь его услугами давным-давно, но тут вдруг задумался, а не настало ли время перемен. Держу пари, после всей этой истории любому из нас понадобится человек, на которого можно опереться. Тот, кому можно доверять. Так вот, говорю вам, что в будущем с полным правом рассчитывайте на мои заказы.

Не глядя на Нильссена, он принялся рыться в кармане пиджака в поисках сигары.

— Очень любезно с вашей стороны. — Нильссен задержал на собеседнике взгляд еще на секунду, а затем, медленно кивнув, отвернулся.

Балфур отыскал сигару, сдернул бумажное колечко, откусив кончик, зажал между зубами, чиркнул спичкой, наклонил ее, чтобы пламя разгорелось, и поднес к ровному срезу. Трижды затянулся, раздувая щеки, затем загасил спичку, извлек сигару изо рта и перевернул, проверяя, занялся ли табак.

* * *

— Мистер Клинч.

— Да, — отозвался Клинч. — Что такое?

— У меня вопрос, — промолвил Тауфаре.

— Ну так задавай.

— Почему вы купили хижину Кросби Уэллса?

Отельер застонал.

— Только не это, — взмолился он. — Давай не будем об этом. Не сегодня.

— Почему?

— Отвали, а? — рявкнул Клинч. — Я нынче не в духе. Не желаю я обсуждать треклятого Кросби Уэллса.

Он внимательно наблюдал за вдовой, что переходила от гостя к гостю. Ее кринолин был так широк, что хозяйка, куда бы она ни направилась, с легкостью раздвигала толпу, оставляя за собою широкий проход.

— У нее жестокое лицо, — отметил Тауфаре.

— Да, — кивнул Клинч. — Мне тоже так кажется.

— Она не друг маори.

— Да уж, полагаю, что ни разу не друг. Равно как и китайцам, как мы сами можем убедиться. Равно как и никому в этой комнате, держу пари. — Клинч осушил бокал. — Я не в духе, мистер Тауфаре, — повторил он. — А когда я не в духе, знаешь, что я люблю делать? Выпить люблю.

— Это хорошо, — кивнул Тауфаре.

Клинч взялся за графин:

— Еще плеснуть?

— Да.

Клинч наполнил оба бокала.

— Как бы то ни было, — проговорил он, ставя графин обратно на буфетную стойку, — апелляцию удовлетворят, сделку купли-продажи объявят недействительной, мне вернут задаток, да и дело с концом. И не будет у меня больше никакой хижины; хижина отойдет к миссис Уэллс.

— Зачем вы ее купили? — гнул свое Тауфаре.

Клинч тяжело выдохнул.

— Так это даже не моя идея была, — промолвил он. — Мне Чарли Фрост подсказал. Купи, говорит, какую-нибудь землю; тогда ни у кого вопросов не возникнет.

Тауфаре молчал, дожидаясь продолжения. И наконец дождался.

— Суть вот в чем, — объяснял Клинч. — Если земля принадлежит тебе самому, никакой лицензии тебе не надо, так? И если ты нашел золотой самородок на своей земле, он твой, верно? В этом и состояла идея — его идея, не моя. Я не мог оттащить платья в банк — не имея лицензии на золотодобычу. Меня бы спросили, откуда этот металл, тут-то я бы и вляпался. А вот если бы у меня собственный участок земли был, тогда никто ничего и спрашивать бы не стал. Понимаешь, я про Джонни Цю ведать не ведал. Думал, все платья золотишком набиты под завязку. Так что я скопил на задаток. Чарли сказал подождать либо имущества умершего лица, либо земельного раздела, либо одно, либо другое, говорит, чтоб уж все чисто было. Так что как только Уэллсов участок выставили на продажу, я его первым делом и купил, подумал… да прям и не знаю. Дураком

был. Подумал, может, поселюсь там с… не знаю. И конечно, на следующий же день Анна вернулась из тюрьмы в совсем другом платье, а потом, когда она ушла из гостиницы насовсем, я обнаружил, что остальные платья все уже выпотрошены. Это я кусочки свинца сквозь ткань нащупывал, а вовсе не золото. Весь план провалился, к чертям собачьим. Я остался с земельным участком, который мне ни на что не сдался, без гроша денег, и Анна… ну, про нее ты знаешь.

Тауфаре нахмурился.

— Арахура — священное место, — начал он.

— Да хорошо, хорошо, — отмахнулся Клинч, жестом заставляя его умолкнуть. — Закон есть закон. Если ты хочешь откупить хижину обратно, да на здоровье, но только не со мной тебе надо говорить. А вот с ней.

И оба поглядели через всю комнату на миссис Уэллс.

— Проблема с красивыми женщинами в том, что они всегда знают, что красивы, и оттого нос задирают, — наконец изрек Клинч. — Мне подавай женщину, которая собственной красоты не сознает.

— Это глупая женщина, — пожал плечами Тауфаре.

— Не глупая, — возразил Клинч. — Скромная. Непритязательная.

— Не знаю таких слов.

Клинч взмахнул рукой:

— Говорит мало. О себе не болтает. Знает, когда придержать язык, а когда высказаться.

— Хитрая? — предположил Тауфаре.

— Нет, не хитрая, — покачал головой Клинч. — И не хитрая, и не глупая. Просто — благоразумная и молчаливая. И добродетельная.

— Кто эта женщина? — лукаво осведомился Тауфаре.

— Это ненастоящая женщина, — насупился Клинч. — Ладно, не бери в голову.

— Привет, Эдгар. У тебя минутка найдется? — Сзади незаметно подошел Левенталь.

— Разумеется, — отозвался Клинч. — Прошу меня простить, мистер Тауфаре.

Левенталь, впервые заметив Тауфаре, сощурился.

— Вы, конечно же, побывали на разбитом корабле, — промолвил он. — Что-нибудь узнали?

Тауфаре не любил, когда к нему обращаются снисходительным тоном, как к низшему, и еще не простил Левенталя за давешнюю суровую отповедь.

— Нет, — презрительно бросил он. — Ничего.

— Жаль, — отозвался Левенталь, отворачиваясь.

— Бен, что у тебя на уме? — спросил Клинч, едва они остались одни.

— Боюсь, вопрос мой покажется нескромным, — промолвил Левенталь. — Я насчет Анниного ребенка — насчет того нерожденного младенца.

— Допустим, — настороженно отозвался Клинч.

— Помнишь ту ночь, когда я ее нашел, — после того, как ее избил Карвер?

— Помню, конечно.

— В ту ночь она призналась, что Карвер — отец ребенка.

— Да-да, точно.

— Вот хотел тебя спросить, а ты об этом уже знал или, как и я, впервые услышал это признание именно тогда? — поинтересовался Левенталь. — Ты уж прости мою бестактность и неприличие темы как таковой.

Клинч надолго замолчал.

— Нет, — наконец выговорил он. — Тогда Анна об этом впервые заговорила. А до той ночи все отмалчивалась.

— А у тебя были какие-нибудь подозрения на

этот счет? — настаивал Левенталь. — Идеи какие-нибудь? Тебе приходило в голову, что… э-э-э… отцом ребенка может быть Карвер?

Клинч явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Это кто-то со времен Данидина, — отозвался он. — Вот все, что я знал. Не житель Хокитики: по месяцам не совпадает.

— А Карвер знал Анну в Данидине.

— Она приехала сюда на «Добром пути», — коротко отрезал Клинч. — Сверх того ничего не могу тебе сказать. А к чему все это?

Левенталь рассказал, что произошло в офисе «Уэст-Кост таймс» несколькими часами раньше.

— Понимаешь, возможно, Анна солгала. Пыталась нас обдурить. И конечно, у нас не было повода сомневаться в ее словах — вплоть до сегодняшнего дня.

Клинч насупился:

— Но кому и быть, как не Карверу?

Левенталь поджал губы.

— Понятия не имею, — промолвил он. — Может быть кто угодно, полагаю. Не факт, что мы его вообще знаем.

— То есть у нас есть слово Карвера — против Аннино слова! — запальчиво воскликнул

Клинч. — Ты ведь не встал на сторону Карвера на основании одного-единственного заявления? Отрицать что угодно можно, согласись: это ни пенса не стоит — откреститься от чего бы то ни было!

— Я ни на чью сторону не встал — до поры до времени, — отрезал Левенталь. — Но я и впрямь считаю, что время для своего признания Анна выбрала не просто так. Вероятно, это важно.

Нахмурившись, Клинч провел рукою по лицу. При этом его движении Левенталь ощутил пряный аромат одеколона и осознал, что Клинч, по-видимому, заплатил цирюльнику за ароматический лосьон вместо пены для бритья ценой в один пенни, которой традиционно обходились в своем большинстве хокитикские мужчины. Эта догадка подтвердилась, когда Клинч убрал руку и Левенталь заметил красноватую сыпь раздражения на гладких щеках собеседника. Издатель незаметно окинул его взглядом. Пиджак Клинча был вычищен щеткой, воротник накрахмален, носки ботинок свеженачищены ваксой, рубашка ослепляла белизной. Ох ты ж, беда, сочувственно подумал Левенталь, он прифрантился ради Анны.

— То есть отца она назвала только после того, как ребенок умер, — выговорил наконец Клинч

резко и жестко. — Так диктует честь шлюхи, вот и все.

— Может статься, ты и прав, — отозвался Левенталь уже мягче. — Давай оставим эту тему.

* * *

— Мистер Уолтер Мади — миссис Лидия Уэллс, — представил Гаскуан. — Мистер Мади прибыл в Хокитику из Шотландии, миссис Уэллс, чтобы составить себе состояние на приисках; миссис Уэллс, как вам, безусловно, известно, мистер Мади, хозяйка этого заведения и большой энтузиаст вышних сфер.

Лидия очаровательно присела в реверансе; Мади коротко, почтительно поклонился. После того гость должным образом засвидетельствовал свое почтение хозяйке, прелюбезно поблагодарил ее за чудесный вечер и похвалил переделки, словно по волшебству преобразившие старый отель. Но невзирая на все его старания, комплименты прозвучали плоско: глядя на Лидию, Мади думал только о Лодербеке и Кросби Уэллсе.

Когда гость наконец умолк, вступила хозяйка:

— А вы интересуетесь оккультизмом, мистер Мади?

На этот вопрос Мади никак не мог ответить

честно без риска нанести обиду. Однако замешкался он лишь на мгновение.

— Есть многое на свете, миссис Уэллс, что до поры от меня сокрыто, а я надеюсь, любопытства мне не занимать; если меня и интересуют истины, доселе непознанные, так только того ради, чтобы со временем они стали объектом познания, или, проще говоря, чтобы со временем мне довелось их познать.

— Я вижу, вы преловко управляетесь с одним-единственным словом и его производными, — парировала вдова. — Мистер Мади, а что для вас такое — знать? Похоже, вы безоглядно доверяете знанию — по вашим словам судя.

— Что ж, я так полагаю, «знать» — это видеть предмет или явление со всех сторон.

— Видеть со всех сторон, — повторила вдова.

— Но сознаюсь, что вы застали меня врасплох; над определением я еще не поработал толком и не хотел бы, чтобы мне же в ответ его и цитировали, — по крайней мере не сейчас — сперва дайте толком обдумать, как мне его отстаивать.

— Вы правы, — согласилась вдова, — ваше определение оставляет желать лучшего. Ведь из этого правила есть столько исключений! Как, например, можно видеть со всех сторон — дух?

Немыслимо!

Мади снова коротко поклонился.

— Вы совершенно правы, назвав этот случай исключением, миссис Уэллс. Но, боюсь, я не верю, что дух вообще познаваем, для кого бы то ни было, и я со всей определенностью не верю, что дух возможно видеть. Я никоим образом не ставлю под сомнение ваши таланты, но что есть, то есть: в духов я решительно не верю.

— И однако ж, запрашивали билет на сегодняшний сеанс! — напомнила вдова.

— У меня любопытство разыгралось.

— Не иначе, благодаря одному конкретному духу?

— Вы про мистера Стейнза? — Мади пожал плечами. — Я с ним вообще незнаком. Я прибыл в Хокитику недели две спустя после его исчезновения. Но с тех пор я, конечно же, слыхал его имя не раз и не два.

— Мистер Гаскуан сказал, вы приехали в Хокитику, чтобы составить себе состояние.

— Да, очень на это надеюсь.

— И как же вы рассчитываете его составить?

— Посредством упорного труда и тщательного планирования, полагаю.

— Но ведь есть немало богачей, которые тру-

диться почти не трудятся, да и планов никаких не строят.

— Им очень повезло, — пожал плечами Мади.

— А вы не хотите, чтобы повезло и вам?

— Я хочу иметь возможность сказать, что заслужил свой жребий, — осторожно сформулировал Мади. — Везение по сути своей незаслуженно.

— Что за достойный ответ, — промолвила Лидия Уэллс.

— И правдивый, я надеюсь, — добавил Мади.

— Ага, — подхватила вдова. — Мы снова вернулись к понятию «правда».

Гаскуан между тем глаз не сводил с Лидии Уэллс.

— Вы видите, как напряженно работает ее ум, — заявил он Мади. — Сейчас она на вас как налетит — и разгромит ваши доводы в пух и прах. Готовьтесь.

— Воля ваша, не знаю, как готовиться к разгрому, — усмехнулся Мади.

Гаскуан не ошибся. Вдова вздернула подбородок:

— Мистер Мади, вы — человек верующий?

— Я — философ, — отвечал он. — Те аспекты веры, что подпадают под определение философии, меня чрезвычайно занимают; те, что нет, —

оставляют равнодушным.

— Понятно, — протянула Лидия Уэллс. — Боюсь, в моем случае все с точностью до наоборот: меня интересуют только те философские доктрины, что близки к вере.

Гаскуан расхохотался от души.

— Отлично сказано, — погрозил он пальцем. — Просто отлично.

Мади, вопреки себе, поулыбался вдовицыну остроумию, но твердо решился не дать ей одержать верх.

— Похоже, у нас очень мало общего, миссис Уэллс, — промолвил он. — Надеюсь, отсутствие общих взглядов не станет препятствием к дружбе.

— Мы расходимся в вопросе о существовании духов, это мы уже выяснили, — промолвила Лидия. — Но позвольте задать вам иной вопрос. А как насчет души — живой души? Вы считаете, что «знаете» человека живого, притом что никак не можете «знать» человека умершего?

Мади с усмешкой поразмыслил над ее словами. А вдова тут же продолжила:

— Вам кажется, вы в самом деле «знаете» вашего друга мистера Гаскуана, к примеру? Вы его видите со всех сторон?

Гаскуану очень не понравилось служить риторическим примером, и недовольство свое он озвучил вслух. Вдова шикнула на него и снова задала Мади тот же вопрос.

Мади окинул Гаскуана взглядом. По правде сказать, за три с чем-то недели их знакомства он проанализировал характер Гаскуана вплоть до мельчайших деталей. Ему казалось, он понимает масштабы и пределы его интеллекта, природу его чувств и суть и смысл его бессчетных выражений и привычек. Мади полагал, что в целом сумел бы отрезюмировать его характер довольно точно. Но он подозревал, что вдова загоняет его в ловушку, и в конце концов предпочел вежливо отговориться, повторив, что в Хокитику прибыл всего-то три недели назад и за столь краткое время никак не мог составить верное мнение о душе Гаскуана. Такой проект требует явно большего, чем три недели наблюдений.

— Мистер Мади был пассажиром мистера Карвера, — встрял Гаскуан. — Он прибыл на «Добром пути» той самой ночью, когда корабль потерпел крушение.

Это разоблачительное заявление заставило Мади неуютно поежиться. Оплачивая проезд на «Добром пути», он воспользовался чужим

именем, и ему совершенно не хотелось афишировать тот факт, что в Хокитику его доставил именно этот корабль, — памятуя о том, что ему довелось наблюдать, наяву или в воображении, за несколько часов до крушения судна. Он так и впился взглядом в лицо вдовы, высматривая тень сомнения или проблеск понимания — свидетельства того, что ей известно о кровавом призраке в трюме «Доброго пути».

Но Лидия Уэллс лишь заулыбалась.

— В самом деле? — промолвила она. — Тогда, боюсь, мистер Мади и в самом деле человек заурядный.

— Почему же? — чопорно отозвался Мади.

Вдова рассмеялась.

— Вы — везунчик, отрицающий само понятие везения, — объяснила она. — Боюсь, мистер Мади, таких, как вы, я встречала во множестве.

Но не успел Мади придумать достойный ответ, как она схватила серебряный колокольчик, резко в него позвонила и объявила хрипловатым полушепотом, который тем не менее разнесся по всему помещению: те, у кого нет билетов, должны немедленно покинуть гостиницу, поскольку сеанс вот-вот начнется.

Венера в Водолее

Глава, в которой Су Юншэн забывает про свой шиллинг; Лидия Уэллс впадает в истерику, а мы получаем ответ из царства мертвых.

Сколь разительно отличалось это собрание от тайного совета в гостинице «Корона» тремя неделями раньше! «Корона» приютила двенадцать человек, а с прибытием Мади их стало тринадцать; здесь, в гостиной «Удачи путника», одиннадцать участников сошлись призывать двенадцатого.

Чарли Фрост, следуя указаниям Джозефа Притчарда, не спускал глаз с Лидии Уэллс: вдова ввела семерых обладателей билетов в гостиную, где А-Су и А-Цю, с блестящими от грима лицами, восседали, скрестив ноги, по обе стороны от очага. Занавески на окнах задернули, керосиновые лампы погасили все, кроме одной, ронявшей красноватый отсвет. Над этой последней лампой на металлической подставке стояло оловянное блюдо с розовым маслом; жидкость, чуть подогреваемая пламенем, наполняла комнату сладким

ароматом роз.

Миссис Уэллс пригласила всех занять свои места: в перерыве, пока остальные гости расходились и, покидая «Удачу путника», исчезали в ночи, стулья расставили по кругу в центре комнаты. Отчаянно смущаясь и робея, семеро приглашенных наконец-то расселись. Один то и дело начинал визгливо хихикать, остальные ухмылялись и толкали соседей локтем под ребра. Миссис Уэллс этой возни словно не замечала. Она деловито расставила на тарелке пять свечей по контуру звезды и зажгла их одну за другой. Как только свечи загорелись, а бумажный жгут погас, Лидия Уэллс наконец-то заняла свое место и сообщила приглушенным, заговорщицким голосом, что Анна Уэдерелл все это время подготавливала сознание к предстоящему общению с мертвыми. Когда она войдет в гостиную, к ней нельзя будет обращаться, ибо любой пустяк способен потревожить ее внутреннее равновесие, а это, в свою очередь, помешает коммуникации самой вдовы. Согласно ли почтенное собрание игнорировать Анну?

Почтенное собрание согласилось.

Согласно ли почтенное собрание еще больше поспособствовать качеству коммуникации,

поддерживая в себе состояние ментальной восприимчивости на протяжении всего сеанса? Готов ли каждый из участников сохранять невозмутимость и открытость разума, дышать глубоко и ритмично и добиваться глубокой сосредоточенности, подобно монаху на молитве?

Все заверили, что да.

— Не могу сказать вам заранее, что произойдет в этой комнате нынче вечером, — продолжала вдова по-прежнему заговорщицким тоном. — Возможно, мебель задвигается. Возможно, мы ощутим колебания воздуха — дыхание нездешнего мира, как говорят иные, — когда нас окружат растревоженные духи. Возможно, мертвые заговорят устами живых. А возможно, явят себя посредством какого-нибудь знака.

— Это какого еще знака? — переспросил кто-то из старателей.

Лидия Уэллс устремила на говорящего невозмутимый взгляд.

— Иногда, — тихо пояснила она, — в силу неведомых нам причин, мертвые говорить не в состоянии. В таком случае они предпочитают общаться иными способами. Я такое наблюдала на сеансе в Сиднее.

— И что же там случилось?

Глаза миссис Уэллс словно остекленели.

— Женщина погибла в собственном доме при довольно таинственных обстоятельствах, и спустя несколько месяцев после ее смерти группа избранных спиритов собралась под ее кровом, чтобы установить с нею связь.

— Как же она погибла?

— Домашняя собака взбесилась — совершенно на нее не похоже! — напала на хозяйку и разодрала ей горло.

— Вот ужас-то!

— Просто жуть!

— Обстоятельства ее смерти выглядели подозрительно, — продолжала вдова, — в частности, еще и потому, что собаку пристрелили и судебная экспертиза проведена не была… Но дело закрыли, и муж женщины, обезумев от горя, покинул дом и уплыл прочь. Несколько месяцев спустя домашний слуга сообщил об этом происшествии медиуму. Мы решили провести сеанс в той самой комнате, где женщина погибла… У одного из джентльменов нашей группы — не медиума, но весьма известного спирита — тем вечером при себе обнаружились карманные часы. Часы лежали в жилетном кармане, цепочка крепилась на груди. Впоследствии он уверял нас, что завел

механизм до того, как прийти на встречу, и что часы всегда шли правильно. Так вот, тем вечером — во время сеанса — из жилетного кармана донесся странный стрекочущий звук. Мы все его слышали, хотя и не знали, что это. Джентльмен извлек часы на свет и, к вящему своему изумлению, обнаружил, что стрелки показывают три минуты второго. Он заверил нас, что завел часы в шесть, а сейчас не было и девяти. Сдвинуться сами стрелки никак не могли, да и случайно задеть заводную головку возможным не представлялось! Джентльмен ее подергал, — оказалось, заводную головку вообще заклинило. Она сломалась. Собственно, починить часы впоследствии так и не удалось.

— Но что это значило? — спросил кто-то. — Три минуты второго?

Вдова понизила голос:

— Мы могли только предполагать, что дух умершей пытается что-то сказать нам, причем очень настойчиво. Назвать время ее смерти? Или это предостережение? О том, что грядет новая смерть?

Чарли Фрост осознал, что дыхание его заметно участилось.

— Что же было дальше? — прошептал Нильс-

сен.

— Мы решили оставаться в гостиной до трех минут второго ночи, — поведала Лидия Уэллс. — Мы подумали, а что, если дух приглашает нас задержаться до этого времени? Вдруг именно тогда что-то произойдет? Мы ждали; часы пробили час; мы молча прождали еще минуту… две минуты… три… и в этот самый момент раздался ужасный грохот: с крюка на стене сорвалась картина. Мы все обернулись и увидели, что за картиной скрывалась дыра в штукатурке. Картину, видите ли, повесили, чтобы закрыть дыру… Присутствующие женщины, понятное дело, завизжали; поднялся шум и гам; можете себе вообразить всеобщее смятение. Кто-то отыскал нож, расковырял дыру — и подумать только! — в штукатурке обнаружилась застрявшая пуля.

Фрост и Нильссен быстро переглянулись. Рассказ вдовы напомнил им обоим о пуле, что исчезла из спальни Анны Уэдерелл в верхнем номере гостиницы «Гридирон».

— Так убийство в итоге удалось раскрыть? — спросил кто-то.

— О да, — кивнула вдова. — Не стану вдаваться в подробности — их слишком много, — но, если вам любопытно, поднимите старые газеты. Види-

те ли, женщину вовсе не собака загрызла. Ее убил собственный муж, а потом пристрелил собаку и располосовал жертве горло, чтобы скрыть следы преступления.

В комнате тут и там раздавались горестные восклицания.

— Да, — вздохнула Лидия Уэллс. — Трагическая история. Женщину звали Элизабет как-то там. Фамилию я забыла. Но хорошие новости таковы: когда дело возобновили, в помощь следствию было целых две улики: во-первых, женщину убили из армейского кольта… а во-вторых, точное время ее смерти было три минуты второго.

Вдова на мгновение умолкла и тут же рассмеялась:

— Но вы нынче вечером собрались здесь не для того, чтобы слушать мои байки! — Она поднялась со стула. Несколько гостей тоже порывались было из вежливости встать, но вдова жестом велела им оставаться на месте. — К моему сожалению, в мире очень много скептиков, — посетовала она, — и на каждого добросердечного человека найдется десять дурных. Возможно, среди вас есть те, кто станет все отрицать, что бы уж ни произошло нынче вечером; или те, кто попытается меня опорочить. Я призываю вас всех оглядеться по

сторонам и убедиться, что тут нет никаких хитростей, уловок и фокусов. Я знаю не хуже вас, что искусством предсказания балуется множество шарлатанов, но будьте уверены, я — не одна из них. — Лидия раскинула руки и молвила: — Вы своими глазами видите, что я ничего на себе не прячу. Не беспокойтесь — смотрите на здоровье.

При этих словах гости захихикали, зашаркали, заозирались по сторонам, обследуя потолок, стулья, керосиновую лампу на столе, свечи и даже коврик у двери. Чарли Фрост не сводил глаз с Лидии. Она нимало не напрягалась. Крутнулась на каблуках, демонстрируя, что под юбками у нее ничего нет, а затем непринужденно уселась, улыбаясь всем собравшимся. Подергала за торчащую на рукаве нитку и дождалась, чтобы все успокоились.

— Превосходно, — промолвила Лидия, когда всеобщее внимание вновь сосредоточилось на ней. — Теперь, когда мы все довольны и все готовы, я погашу свет — и будем ждать прихода Анны.

Лидия подалась вперед и потушила керосиновую лампу: комната погрузилась в полумрак, в котором тускло мерцали свечи. На несколько секунд повисла тишина; затем послышались три

удара в дверь позади собравшихся, и Лидия Уэллс, все еще суетясь над лампой, воскликнула:

— Войди же!

Дверь открылась; все семеро гостей обернулись как по команде. Фрост, на миг позабыв наставления Притчарда, оглянулся заодно с прочими.

В дверном проеме стояла Анна; на лице ее застыло призрачно-отрешенное выражение. На ней по-прежнему было траурное платье, некогда подаренное Обером Гаскуаном, но, если оно и раньше сидело плохо, сейчас оно смотрелось совсем жалко. Одеяние висело на ней как на вешалке. Талию явно перехватывал пояс, но и он болтался свободно; кружевной воротник прикрывал впалую грудь. Девушка была бледна и серьезна. На лица собравшихся она не глядела. Не сводя глаз с середины комнаты, она медленно вышла вперед и рухнула в свободное кресло напротив Лидии Уэллс.

Да она же недоедает, подумал Фрост, едва Анна села. Он оглянулся на Нильссена, пытаясь поймать его взгляд, но Нильссен, хмурясь, печально и недоуменно взирал на Анну. Слишком поздно Фрост вспомнил о своей собственной миссии и обернулся к вдове, которая за то краткое мгновение, когда все мужчины уставились на дверь,

что-то такое сделала. Да-да, она наверняка что-то сделала: она расправляла платье со смущенным, но очень довольным видом; она заметно оживилась. Что же это она такое провернула? Что поменяла? В полумраке не понять. Фрост в сердцах выругал себя за то, что отвернулся. Вот она, уловка-то, о которой предупреждал Притчард. Мысленно Фрост поклялся, что уж во второй раз не оплошает.

Углы комнаты целиком утонули во тьме. Единственным источником света служили подрагивающие огоньки свечей в центре группы: вблизи них одиннадцать лиц приобрели серый, призрачный вид. Не отрывая взгляда от лица вдовы, Фрост отметил, что на самом-то деле круг стульев представляет собою не правильную окружность, но скорее эллипс, расположенный так, чтобы его геометрическая ось указывала на дверь, Лидия же сидела в самой дальней точке. Расположив стулья по такой схеме, хозяйка добилась того, что все головы повернутся к двери — и отвернутся от нее самой — при появлении Анны. Ну что ж, подумал Фрост, по крайней мере китайцы должны были увидеть, что за фокус проделала Лидия в то краткое мгновение, когда Анна показалась в дверном проеме. Фрост мысленно взял на замет-

ку: надо расспросить китайцев после сеанса.

Собравшиеся между тем по указанию вдовы взялись за руки, и вот, в мерцающем свете свечей, Лидия Уэллс глубоко вздохнула, улыбнулась и закрыла глаза.

Ждать гостя из иного мира пришлось очень долго. Группа просидела в гробовой тишине минут двадцать: все старались не двигаться, размеренно дышали и ждали знака. Чарли Фрост не спускал глаз с миссис Уэллс. Наконец она издала негромкий гудящий звук — вибрирующий в самой глубине горла. Гудение нарастало, набирало высоту; скоро стало возможным разобрать слова, частично бессмысленные, частично узнаваемые разве что по форме и отдельным слогам. Слова в свою очередь загустевали, превращаясь во фразы, в мольбы, в повеления; наконец миссис Уэллс выгнулась всем телом и воззвала к миру мертвых, прося выпустить тень Эмери Стейнза.

Позже Фрост описывал последующую сцену как «припадок», «приступ» и «продолжительные конвульсии». Он знал, что все эти объяснения неполны, поскольку ни одно из них не передает в точности ни эффектной театральщины вдовицына спектакля, ни мучительного смущения Фроста при этом зрелище. Миссис Уэллс снова и снова

выкликала имя Стейнза, влюбленно, нараспев, с падением тона, — а когда ответа так и не последовало, она пришла в возбуждение. Забилась в судорогах. Принялась повторять отдельные слоги, словно неразумный ребенок. Голова ее бессильно упала на грудь, рывком запрокинулась, снова поникла. Но вот ее конвульсии достигли пика; она часто-часто задышала — и вдруг обмякла. Глаза ее разом открылись.

Чарли Фрост похолодел: Лидия Уэллс неотрывно глядела прямо на него — такого выражения лица он никогда у нее не видел: застывшее, бескровное, яростное. Но вот пламя свечей дрогнуло, заколебалось, и Фрост заметил, что Лидия смотрит вовсе не на него, а мимо, через его плечо, где в уголке, по-турецки скрестив ноги, восседал А-Су. Фрост не моргнул и не отвернулся. Лидия Уэллс издала странный звук. Глаза ее завращались. Мышцы шеи запульсировали. Губы неестественно задвигались, как будто она жевала воздух. А в следующий миг она заговорила — голосом, который явно принадлежал не ей:

– *Ngor yeu nei wai mut haak ngor dei gaa zuk ge ming sing tung wai waai ngor ge sing yu fu zaak. Mou leon nei hai bin, dang ngor co yun gaam cut lai, ngor yat ding wui wan dou nei. Ngor yeu wan nei bou sou…*

Тут она содрогнулась всем телом, завалилась набок и рухнула на пол. В ту же самую минуту (Фрост еще не одну неделю обсуждал этот необъяснимый факт с Нильссеном) керосиновая лампа на столе резко накренилась и опрокинулась на тарелку со свечами, стоявшую рядом. Навести порядок, казалось бы, труда не составляло, ведь стеклянный плафон не разбился и керосин не вытек, но тут гигантским столбом полыхнуло пламя, и круг собравшихся озарился ярким светом: вся поверхность стола была охвачена огнем.

А в следующий миг все ожили. Кто-то закричал, чтобы огонь чем-нибудь поскорее накрыли. Один из старателей оттащил вдову подальше от опасности, еще двое все посбрасывали с дивана; огонь загасили шалями и одеялами; лампу ненароком столкнули со стола; все заговорили одновременно. Чарли Фрост, обернувшись в наступившей темноте, заметил, что Анна не стронулась с места и выражение ее лица не изменилось. Внезапная вспышка пламени ее, похоже, нимало не потревожила.

Кто-то зажег лампу.

— Это оно и было? Ради этого все и затевалось?

— Что она сказала?

— Да расступитесь вы!

— Ну надо ж, как полыхнуло-то!

— Какое-то примитивное…

— Дайте ей воздуха.

— Должен признать, я никак не ожидал…

— Как думаете, это все что-то значило? То, что она сказала? Или нет?..

— Это не был Эмери Стейнз, клянусь чем угодно…

— Какой-то другой дух, да? Типа вклинился?

— А лампа-то, лампа — сама задвигалась!

— Надо узкоглазых спросить. Эй! Это ведь был китайский, да?

— А он вообще понимает?

— Это она по-китайски сейчас говорила?

Но А-Цю словно бы не понял вопроса. Один из старателей склонился над ним и похлопал его по плечу:

— Что это было, а? Что она такое сказала? Это она по-китайски, да? Или на каком-то другом языке?

А-Цю ответил непонимающим взглядом и не произнес ни слова. Ответ дал А-Су:

— Лидия Уэллс говорить по-кантонски.

— Да? — жадно переспросил Нильссен, стремительно развернувшись. — И что же она сказала?

А-Су оценивающе воззрился на него:

— «Однажды я вернусь и убью тебя. Ты убить человека. Он умирать — и ты умирать. Однажды я вернусь и убью тебя».

Глаза Нильссена расширились; следующий его вопрос так и не прозвучал. Он обернулся к Анне: та с легким недоумением глядела на А-Су. Чарли Фрост недовольно хмурился.

— А Стейнз тут вообще при чем? — возмутился один из старателей.

А-Су покачал головой.

— Не Стейнз, — тихо промолвил он. Он резко вскочил с подушки и, скрестив на груди руки, подошел к окну.

— Не Стейнз? — переспросил старатель. — А кто ж тогда?

— Фрэнсис Карвер, — ответствовал А-Су.

Поднялся возмущенный ропот.

— Фрэнсис Карвер? Тоже мне сеанс — он же даже не мертв! Да с Карвером я и сам поговорить могу — достаточно лишь в дверь к нему толкнуться!

— Но он же в «Резиденции», — возразил кто-то. — Это в пятидесяти ярдах от нас.

— Не в том дело.

— Ну то есть никак нельзя отрицать, что нечто странное…

— Я и сам мог бы с Карвером потолковать, — упрямо твердил свое старатель. — Для этого мне медиум без надобности.

— Да, а как насчет лампы? Лампу-то чем объяснить?

— Она через всю комнату проскакала!

— Она *левитировала*.

А-Су словно оцепенел.

— Фрэнсис Карвер, — произнес он, обращая вопрос к Харальду Нильссену, — в гостинице «Резиденция»?

Нильссен нахмурился — разве А-Су сам этого не знает?

— Да, Карвер остановился в «Резиденции», — подтвердил он. — На Ревелл-стрит. Здание с синим бордюром — сразу за скобяной лавкой.

— Давно? — не отступался А-Су.

Нильссен был явно сбит с толку.

— Да вот уж три недели, как он здесь, — отвечал он, понижая голос. — С той самой ночи… ну когда «Добрый путь» потерпел крушение.

Собравшиеся между тем продолжали спорить:

— Никакой это не сеанс; сеанс — это когда с покойниками разговариваешь.

— Ага, а как поговоришь с Карвером, то все, считай, ты покойник.

Все посмеялись шутке, и тут напарник старателя брякнул:

— По мне, охмуреж как есть. Нас, никак, надули?

Упрямый старатель уже готов был согласиться, но оглянулся на Лидию Уэллс. Вдова по-прежнему лежала без сознания, бледная как полотно. Рот ее приоткрылся, являя взгляду поблескивающий коренной зуб да пересохший язык; глаза слабо подрагивали под веками. Если она притворяется, подумал золотоискатель, то притворяется на диво талантливо. Но он-то заплатил за общение с Эмери Стейнзом. Он выложил свои кровные не за то, чтобы послушать китайскую тарабарщину, а потом полюбоваться, как баба в обморок грохнется. Да если на то пошло, как знать, что это действительно китайский? Может, она несла полную ахинею, а китайца загодя посвятила в тайну и заплатила ему, чтоб подыграл.

Но старатель был трусоват и вслух ничего этого не озвучил.

— Не берусь утверждать, — произнес он наконец, но глядел по-прежнему угрюмо.

— А спросим-ка ее саму, как только придет в себя.

— Разве Фрэнсис Карвер говорит по-китай-

ски? — недоверчиво поинтересовался кто-то.

— Так он же то и дело плавает в Кантон и обратно, нет?

— И родился в Гонконге.

— Да, но говорить на языке прям как эти!

— Прямо начинаешь по-другому думать о человеке.

В этот момент старатель, отправленный в кухню, вернулся со стаканом воды и выплеснул его в лицо Лидии. Задыхаясь, она пришла в себя. Гости тесно сгрудились вокруг нее, встревоженным хором расспрашивая ее о здоровье и самочувствии, так что ответить вдове удалось далеко не сразу. Лидия Уэллс недоуменно переводила взгляд с одного лица на другое; спустя мгновение она даже издала слабый смешок. Но в смехе этом не ощущалось обычной уверенности; рука ее, принявшая от рядом стоящего гостя бокал андалусийского бренди, заметно дрожала.

Лидия осушила бокал, а в следующую минуту на нее обрушился град вопросов: что она видела? Что помнит? Что за дух говорил ее устами? Удалось ли ей связаться с Эмери Стейнзом?

Ответы ее всех разочаровали. Она вообще ничего не помнила начиная с того момента, как впала в транс: Лидия сама недоумевала почему, ведь

обычно она отлично запоминала свои «видения». Гости наперебой ей подсказывали, но безуспешно: в памяти ее не сохранилось ровным счетом ничего. Когда Лидии сообщили, что говорила она на иностранном языке, вполне бегло и довольно долго, она озадаченно нахмурилась.

— Но я не знаю ни слова по-китайски, — запротестовала она. — Вы уверены? И узкоглазые его опознали? Прямо настоящий китайский? Вы в самом деле ручаетесь?

Все взволнованно и растерянно подтвердили, что да.

— А это еще что за беспорядок? — Лидия слабо указала на обожженный стол и следы огня.

— Лампа упала, — объяснил один из старателей. — Вот просто взяла и упала, сама собою.

— Да не просто упала: она *левитировала*!

Лидия задержала взгляд на керосиновой лампе и словно бы окончательно пришла в себя.

— Ну что ж! — Она чуть приподнялась на диване. — Значит, я вызвала дух какого-то китайца!

— Я не за помехи да ошибки платил, — заявил упрямый старатель.

— Нет, конечно, — успокаивающе заверила Лидия Уэллс, — нет-нет, что вы. Разумеется, мы

возместим стоимость всех ваших билетов… только скажите мне, что за слова я произнесла?

— Что-то насчет убийства, — отозвался Фрост, по-прежнему не сводя с вдовицы глаз. — Что-то насчет мести.

— Ну надо же! — потрясенно откликнулась миссис Уэллс.

— А-Су сказал, тут еще Фрэнсис Карвер замешан, — добавил Фрост.

Миссис Уэллс побледнела и подалась вперед:

— Вы можете повторить все дословно — повторить в точности?

Старатели заозирались, но в комнате обнаружился только А-Цю: он сидел с каменным выражением лица и хранил молчание.

— Он не знает английского.

— А второй где?

— Куда он делся?

За несколько минут до того А-Су отделился от группы и вышел из комнаты в прихожую так тихо, что никто даже не заметил его ухода. Известие о том, что Фрэнсис Карвер вернулся в Хокитику, что он прожил в Хокитике вот уже три недели, всколыхнуло в его груди волну тайных чувств, и ему вдруг захотелось побыть одному.

Опершись на перила крыльца, А-Су выглянул

наружу, скользнул глазами по длинному рукаву Ревелл-стрит, уводящему к набережной. Протяженный ряд висячих фонарей образовывал двойной «шов» света, что сходился воедино в желтой дымке ярдах в двухстах южнее: они сияли так ярко, что можно было подумать, на возвышении улиц царит полдень, и по контрасту тем чернее казались тени в переулках. Мимо, пошатываясь, брела парочка пьяниц, поддерживая друг друга за талию. Навстречу им, высоко подобрав юбку, шла шлюха. Она с любопытством оглядела китайца; А-Су не сразу понял, в чем дело, но тут вспомнил, что лицо его по-прежнему покрыто толстым слоем грима, уголки глаз подведены сурьмой, а щеки кажутся круглее благодаря белилам. Девица окликнула его, А-Су покачал головой, и она зашагала дальше. Где-то поблизости раздался взрыв хохота и аплодисменты.

А-Су задумчиво мусолил губы. Итак, Фрэнсис Карвер снова вернулся в Хокитику. Он наверняка не подозревает, что его давний знакомец обосновался в Каньере менее чем в пяти милях от города! Карвер не из тех, кто смирится с риском, если в его силах устранить угрозу раз и навсегда. В таком случае, размышлял китаец, пожалуй, преимущество за ним, за А-Су. Он снова закусил

губу и спустя мгновение покачал головой: нет, Лидия Уэллс узнала его не далее как нынче днем. И разумеется, она тотчас же известила Карвера.

В доме разговор вновь вернулся к теме керосиновой лампы — этот фокус А-Су сразу же списал со счетов. Лидия Уэллс просто-напросто набросила петлю из нитки на регулятор лампы, когда ее гасила. Нитка была того же цвета, что и платье Лидии, и второй ее конец крепился к внутренней стороне ее запястья. Одно резкое движение правой руки — и лампа упадет на свечи. Столик со свечами был натерт парафиновым маслом, субстанцией без цвета и запаха, так что, на сторонний взгляд, поверхность казалась просто-напросто чистой, но при первом же соприкосновении с открытым огнем столик ярко вспыхнет.

Все это только фарс, чистой воды мошенничество. Ни с каким миром мертвых миссис Уэллс в общение не вступала, и произнесенные ею слова не были словами умершего. А-Су отлично это знал, потому что слова принадлежали ему.

Шлюха замешкалась на главной улице, вот она окликнула мужчин с противоположной веранды и поддернула оборки юбки чуть повыше. Мужчины прокричали что-то в ответ, один аж

подскочил и запрыгал на месте. А-Су отстраненно наблюдал за ними, удивляясь странному могуществу женской истерики, — как Лидия Уэллс умудрилась сберечь в памяти его речь слово в слово на протяжении стольких лет? Она же не говорит по-кантонски. Как ей удалось воспроизвести и фразы, и интонации настолько точно? Вот где загадка-то! По этому «видению» ее вполне можно было бы счесть уроженкой Кантона.

На улице мужчины сбрасывались в складчину, подсчитывая шиллинги; проститутка ждала поодаль. Со стороны причала донесся резкий свист и предостерегающий окрик дежурного полицейского, затем — топот бегущих ног. Мужчины так и брызнули наутек.

А-Су проводил их взглядом: в голове его уже созрело решение.

Нынче же вечером он вернется в Каньер, заберет из хижины все свои вещи и уйдет в холмы. Там он примется без устали лопатить землю, довольствоваться будет малым и станет откладывать каждую золотую чешуйку, пока не скопит пять унций. К опиуму даже не притронется, пока пять унций не лягут в его ладонь; не будет ни пить, ни играть, питаться будет самой дешевой и простой пищей. Но как только он достигнет цели,

он вернется в Хокитику. Он обменяет золото в банке «Грей энд Буллер». Перейдет через улицу и направится прямиком к «Скобяным товарам Тайгрина». Выложит на прилавок свою банкноту. Купит запас пуль, банку черного пороха и пистолет. Оттуда пойдет в гостиницу «Резиденция», поднимется по лестнице, откроет дверь в номер Карвера — и заберет его жизнь. А дальше что? А-Су снова выдохнул. А дальше — ничего. После того круг его жизни завершится и он наконец-то сможет обрести покой.

Часть III
Дом саморазрушения

20 марта 1866 года

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы

Гаскуан
Сч
Девин
Интерпр
Весн
Телемин
Ланг
Инженерн
Ино
Инвесен
Притчард
Балдур

Меркурий в Водолее

Глава, в которой Мади сообщает ценные сведения, а Су Юншэн вручает ему подарок.

Утром 20 марта Уолтер Мади поднялся до зари, позвонил, веля подать горячей воды, и умылся под окном, оглядывая сверху крыши, в то время как темно-синее предрассветное небо померкло до серого, затем до бледно-голубого, а потом засияло роскошной желтизной свежего яичного желтка, — к тому времени он, уже одетый, спускался по лестнице, громко требуя, чтобы гренки намазали маслом, а яйца сварили вкрутую. По пути к столовой он задержался в коридоре, прижавшись ухом к двери запертой комнаты у подножия лестницы. Вслушавшись, он уловил раскатистый ритмичный звук и двинулся дальше, удостоверившись, что жилец комнаты все еще крепко спит.

В столовой «Короны» не было ни души, если не считать повара, который то исчезал, то появлялся: подавляя зевоту, он сперва принес постояльцу чайник с чаем, затем — утренний номер «Уэст-

Кост таймс», страницы которого слегка отсырели от ночной прохлады. За завтраком Мади пролистал газету. Первая страница пестрела главным образом повторными объявлениями. Банки-конкуренты мерились процентными ставками, и каждый обещал лучшую цену на золото. Владельцы гостиниц превозносили разнообразные преимущества своих заведений. Бакалейщики и оптовые торговцы публиковали подробные перечни своих товаров, а в корабельных новостях приводились имена новоприбывших либо только что отбывших пассажиров. Всю вторую страницу занимала пространная и довольно-таки ядовитая рецензия на последний спектакль в «Принце Уэльском» («такой никудышный, что никакой критики не выдерживает, поскольку ниже всякой критики») и несколько многоречивых писем за авторством спекулянтов золотыми приисками с севера. Доедая второе яйцо, Мади обратился к колонке светских новостей, и глаза его задержались на паре знакомых имен. Церемония затевается скромная. Дата еще не назначена. Медового месяца не будет. Открытки и прочие поздравления просьба адресовать будущему жениху, каковой ночует в гостинице «Резиденция».

Нахмурившись, Мади свернул газету, вытер

губы и поднялся из-за стола, но по пути наверх за пальто и шляпой его мысли занимала отнюдь не помолвка как таковая и не объявление о ней. А адрес пересылки.

Ибо Мади отлично знал, что в гостинице «Резиденция» Фрэнсис Карвер больше не проживает. Его номер в «Резиденции» по-прежнему числился за ним, в гардеробе висел его сюртук, дорожный сундук притулился у изножья кровати, а постель стояла разобранной и смятой. Каждое утро Карвер, как всегда, завтракал в обеденной зале «Резиденции» и пил виски в гостиной «Резиденции» по вечерам. Он исправно вносил хозяину «Резиденции» еженедельную плату — и тот, как Мади удалось выяснить, даже не подозревал, что его скандально известный постоялец выкладывает по два фунта в неделю за комнату, в которой не живет. О том, что Карвер еженощно перебирается в другое место, знали немногие, и, если бы не случайное стечение обстоятельств, Мади, пожалуй, тоже ведать бы не ведал, что Карвер со времен вдовицына сеанса на ночь уходил в крохотную комнатушку в «Короне», рядом с кухней, откуда хорошо просматривалась по всей длине разъезженная дорога на Каньер.

К семи тридцати Мади, одетый в желтые мо-

лескиновые брюки, кожаные сапоги до колен, темное шерстяное пальто поверх серой сержевой рубашки и серую мягкую шляпу, уже шагал на восток вдоль набережной Гибсона. Ныне он облачался в этот костюм шесть дней из семи, к вящей потехе Гаскуана, который то и дело спрашивал, с какой стати Мади отказался от красного пиратского кушака, — отличный получился бы завершающий штрих для всего ансамбля.

Мади застолбил участок совсем близко к Хокитике и по-прежнему жил в гостинице «Корона». Такое положение дел поглощало изрядную часть его недельного заработка, но Мади был готов платить, лишь бы не спать в палатке под открытым небом: он попробовал такое один лишь раз, к вящему своему неудобству. От Хокитики до своего участка он доходил пешком за час двадцать минут; и каждое утро, еще до того, как часы пробьют девять, он уже стоял у ручья с лотком для промывки золота, черпал воду ведрами и, насвистывая, лопатил грунт.

По правде сказать, старатель из Мади получился не ахти какой: он скорее рассчитывал найти самородок-другой, нежели намыть золотого песка. Слишком часто рудосодержащий грунт проскальзывал сквозь сетку в дне лотка и вымы-

вался водой; случалось, Мади опоражнивал лоток дважды подряд, не найдя ни единой чешуйки. Работал он, как говорят старатели, «на прожиток», то есть общая сумма его еженедельного заработка приблизительно равнялась общей сумме его еженедельных расходов, но вечно так продолжаться не могло. Мади знал, что надо бы прислушаться к расхожему совету и найти себе напарника, а то и к артели примкнуть. Вероятность напасть на золотую жилу в партнерстве вырастает вдвое, а в артели из пяти, семи или девяти человек повышается еще больше. Но ему препятствовала гордость. Мади упорно и настойчиво трудился в одиночестве, всякий час рисуя в воображении самородок, которым он оплатит свое будущее. Ночные сны его полнились искристым сиянием; он начал видеть проблески света в самых неподходящих местах — приходилось посмотреть еще раз, сощурившись, либо закрыть глаза.

Перешагнув через ручеек, вдоль которого шла северная граница участка, Мади с удивлением разглядел сквозь кустарник бледный силуэт палатки, а рядом — кострище. Что-то тут не сходилось. Хокитикские старатели обычно проводили выходные в городе и возвращались на прииск в понедельник часам к девяти, не раньше.

С какой стати этот золотодобытчик отбился от приятелей? И что он делает на чужом участке?

— Эй, там, привет! — подал голос Мади, надеясь разбудить обитателя палатки. — Привет, говорю.

В палатке закряхтели и шумно заерзали.

— Простите, — проговорил кто-то. — Ох, простите, ох, простите…

В проеме палатки возникла заспанная физиономия китайца.

— Без проблем, — заверил он. — Ох, простите.

— Мистер Су? — переспросил Мади.

А-Су, сощурившись, вгляделся в гостя.

— Я Уолтер Мади, — представился тот, поднося руку к сердцу. — Вы не… о, вы меня помните?

— Да, да. — А-Су протер глаза кулаком.

— Замечательно! — воскликнул Мади. — Видите ли, это мой участок: от вот этого ручья до вон тех желтых колышков на южной стороне.

— Ох, простите, — повторил А-Су. — Не хотел плохо.

— Ничего, все в порядке, — успокоил Мади. — В любом случае, А-Су, я очень рад вас видеть. Ваше исчезновение из Каньера встревожило очень многих. Меня, например. Я очень, очень рад вас видеть и совершенно не сержусь. Мы боялись, с вами что-нибудь случилось.

— Без проблем, — повторил «шляпник». — Только палатка. Без проблем. — И он вновь скрылся внутри.

— Я отлично вижу, что никаких проблем вы мне не создаете, — заверил Мади. — Ничего страшного, мистер Су; я вовсе не возражаю, что вы встали здесь лагерем! Совершенно не возражаю.

А-Су выкарабкался из палатки, на ходу одергивая рубаху.

— Я уйду, — пообещал он. — Пять минут. — Он выставил пять пальцев.

— Да все хорошо, — успокоил Мади. — Спите здесь, если хотите; мне вы не мешаете.

— Только прошлая ночь, — сказал А-Су.

— Да, но, если вы останетесь здесь с палаткой и на эту ночь, я возражать не стану, — промолвил Мади. Его манера варьировалась между грубовато-добродушной приветливостью и неуклюжей снисходительностью, как если бы он обращался к чужому ребенку.

— Не на ночь, — возразил А-Су и принялся сворачивать лагерь.

Сдернув парусиновое полотнище, еще мокрое от росы, с веревки, на которой оно крепилось, он открыл взгляду выровненный квадрат земли, на котором спал: шерстяное одеяло, смятое и

придавленное там, где обозначился неровный контур тела; котелок с песком; кожаный кошель; лоток для промывки золота; мешок на шнурке с чаем и мукой и несколько сморщенных картофелин; самое обычное одеяло-скатка. При виде этих скудных пожитков Мади отчего-то растрогался.

— Послушайте, — проговорил он, — а где вы были все это время, мистер Су? Со времен сеанса прошел целый месяц, а от вас ни слуху ни духу!

— Золото мыть, — объяснил А-Су; он разглаживал и выравнивал парусиновое полотнище, прижимая его к груди.

— Вы исчезли сразу после сеанса, — продолжал Мади, — мы уж подумали, вы пошли по стопам бедолаги мистера Стейнза! До сих пор никто ничего понять не может; вот и вы точно так же пропали.

А-Су, деловито складывающий парусину вчетверо, внезапно насторожился:

— Мистер Стейнз вернуться?

— Боюсь, нет, — покачал головой Мади. — Он по-прежнему числится пропавшим без вести.

— А Фрэнсис Карвер?

— Карвер все еще в Хокитике.

А-Су кивнул:

— «Резиденция».

— Вообще-то, на самом деле нет, — отозвался Мади, радуясь возможности посекретничать. — С некоторых пор он ночует в гостинице «Корона». Втайне. Никто не знает, что он там: он притворяется, будто по-прежнему живет в «Резиденции», исправно вносит плату и сохраняет номер за собою, как раньше. Но на ночь он всякий раз уходит в «Корону». Заявляется в глубокой ночи, а покидает гостиницу ранним утром. Я знаю об этом только потому, что снимаю комнату прямо над ним.

А-Су так и впился в него взглядом:

— Где?

— Номер Карвера? Или мой?

— Карвера.

— Он ночует в комнате сразу за кухней, на первом этаже, — объяснил Мади. — С окнами на восток. Совсем рядом с курительной, где мы с вами впервые познакомились.

— Дешевый номер, — промолвил А-Су.

— Очень дешевый, — подтвердил Мади. — Зато оттуда вся дорога на Каньер просматривается. Карвер настороже, понимаете. Все вас высматривает.

О прошлом А-Су, связанном с Фрэнсисом Карвером, Уолтер Мади почти ничего не знал, ведь в

«Короне» А-Су не дали возможности рассказать свою историю в деталях, а с тех пор китайца больше не видели, если не считать его появления в «Удаче путника» месяц назад. Мади очень хотелось узнать подробности, но, несмотря на все его старания по части наблюдений и расспросов — а в том, чтобы незаметно свернуть праздный разговор на щекотливые темы, Мади равных не было, — его осведомленность не продвинулась дальше того, что он услышал в курительной «Короны», а именно что в истории этой фигурируют опиум, убийство и клятва мести. А-Су поведал все как есть одному лишь А-Цю, а у того, увы, недоставало познаний в языке, чтобы поделиться с кем-либо англоговорящим.

— Каждую ночь «Корона», — промолвил А-Су. — Сегодня?

— Да, он и сегодня ночью придет, — подтвердил Мади. — Но только когда совсем стемнеет, я же сказал.

— Не «Резиденция».

— Нет, не «Резиденция», — кивнул Мади. — Он сменил гостиницу.

— Да, — серьезно отозвался А-Су. — Я понял. — И он принялся отвязывать растяжку от развилки дерева.

— Кто он был? — спросил Мади. — Ну, убитый.

— Мой отец, — отвечал А-Су.

— Ваш *отец,* — повторил Мади. И, помолчав минуту, осведомился: — А как его убили? То есть… простите мне, но… что с ним случилось?

— Давно, — отозвался А-Су. — До войны.

— «Опиумные войны», — подсказал Мади.

— Да, — кивнул А-Су, но продолжать не стал. А начал сматывать растяжку на руку.

— Так что случилось? — не отступался Мади.

— Прибыль, — коротко объяснил А-Су.

— Прибыль с чего?

А-Су явно посчитал вопрос глупостью несусветной, так что Мади поспешил задать другой:

— Я хотел сказать, ваш отец был связан с торговлей опиумом, как вы?

А-Су промолчал. Он снял смотанную бухту с руки, свернул ее восьмеркой и приладил к скатке. Закрепив ее хорошенько, он присел на корточки, мгновение невозмутимо глядел на Мади, а потом нагнулся и демонстративно сплюнул в пыль.

Мади отпрянул.

— Простите, — пробормотал он. — Мне не следовало лезть не в свое дело.

Уолтер Мади никому не рассказал о том, что Кросби Уэллс — незаконнорожденный брат по-

литика Лодербека. После своего открытия он размышлял не один час и решил, что это не его тайна и нельзя делиться ею направо и налево. Причины к такому замалчиванию он глубоко прочувствовал, но с трудом облек бы в слова. Человек за свою семью не отвечает. Крайне дурно обнародовать чью-то личную переписку без согласия владельца. Мади совсем не хотелось самому выступать в роли разоблачителя. Но все эти доводы, даже вместе взятые, не отражали всей правды, а правда заключалась в том, что за последний месяц Мади то и дело сравнивал себя с обоими братьями и ощущал себя сродни им, хотя и по-разному: он хорошо понимал и отчаяние внебрачного сына, и гордость политика. Над этим двойным сравнением он привычно размышлял всякий день, пока стоял в холодной воде и разминал в руках комья земли с вкраплениями металла.

А-Су запихнул в скатку последние пожитки и присел завязать шнурки.

Мади не выдержал.

— Вы же знаете, что вас повесят! — воскликнул он. — Если вы лишите жизни Карвера, висеть вам на виселице. Они убьют вас, мистер Су, если вы убьете его, независимо от ваших мотивов.

— Да, — кивнул А-Су. — Понимаю.

— И справедливого суда не будет — только не для вас.

— Нет, — согласился А-Су.

Такая перспектива его, похоже, нимало не огорчала. Он опустился на колени у костра, подобрал ветку и пошевелил влажную землю, которой присыпал угли накануне вечером. Под слоем почвы угли были еще теплыми — темные, как свернувшаяся кровь.

— И что вы собираетесь делать? — спросил Мади, не сводя с него глаз. — Застрелите Карвера?

— Да, — кивнул А-Су.

— Когда?

— Сегодня, — отозвался китаец. — В «Корона».

Он, похоже, пытался выкопать что-то из-под углей. Наконец ветка наткнулась на нечто твердое. Орудуя веткой как рычагом, он подцепил и выбросил на траву черную от сажи жестянку из-под чая. Коробка, по-видимому, еще не остыла: прежде чем за нее браться, китаец обмотал кисть рукавом.

— Покажите оружие, — потребовал Мади.

А-Су вскинул глаза.

— Оружие покажите, говорю, — повторил Мади, внезапно раскрасневшись. — Пистолеты

разные бывают, мистер Су; как говаривал мой отец, пороху понюхать надо.

Он нечасто цитировал отца на людях: любимые выражения Адриана Мади для учтивой беседы не слишком-то подходили, а упоминать об отце Уолтер Мади не любил.

— Я купить пистолет, — сообщил А-Су.

— Превосходно, — отозвался Мади. — Где же он?

— Еще нет.

— То есть вы его еще не купили?

— Сегодня, — заверил А-Су.

Он открыл чайную коробочку и высыпал в горсть золотые чешуйки. Мади понял: китаец, по-видимому, закопал жестянку под кострищем, чтобы за ночь его не ограбили.

— Какой пистолет вы собираетесь купить?

— «Тайгрин». — Свободной рукой он потянулся за кошелем.

— Нет, я спрашиваю, какой марки. Какого типа.

— «Тайгрин», — повторил А-Су. Одной рукой он открыл кошель — пересыпать туда золото.

— «Тайгрин» — это магазин, — возразил Мади. — Какого *типа* пистолет вы хотите купить? Вы в оружии вообще разбираетесь?

— Убить Фрэнсиса Карвера, — пояснил А-Су.

— «Тайгрин» вам не подходит, — покачал головой Мади. — Там можно охотничье ружье купить… винтовку какую-нибудь… но не пистолет. Вам нужно боевое оружие. Видите ли, не всяким выстрелом можно человека убить, а вы же хотите дело до конца довести. Господи милосердный, мистер Су! Пистолет — это вам не просто железяка, так же как лошадь не просто… средство передвижения, — довольно неловко завершил сравнение он.

А-Су не ответил. Он выбрал «Скобяные товары Тайгрина» в силу двух причин: во-первых, лавка находилась рядом с гостиницей «Резиденция», а во-вторых, ее владелец сочувственно относился к китайцам. Первое соображение, безусловно, отпало, а вот второе важности не утратило: А-Су собирался попросить мистера Тайгрина зарядить ему оружие прямо там же, в лавке, чтобы в тот же день и исполнить задуманное. Китаец в жизни не стрелял из пистолета. Однако, как действует это устройство, А-Су в общих чертах представлял и полагал, что для обращения с ним особой подготовки не требуется.

— Ступайте к поставщикам на Кэмп-стрит, — посоветовал Мади. — Сразу за «Дойче гастхаус».

Тот дом, где конек крыши над декоративным фасадом торчит. Вывеску еще не нарисовали, но владельцами там — Брантон, Соломон и Барнз; у них должно быть открыто. Как придете, попросите револьвер Керра. Ни на что другое не соглашайтесь: это британский пистолет военного образца, очень надежный; для ваших целей в самый раз. Револьвер Керра стоит ровно пять фунтов. Больше пяти фунтов — это форменный грабеж.

— Пять фунтов?

А-Су воззрился на золото в кошельке. Ему и в голову не приходило, что пистолет можно купить так недорого! Ведь ему называли суммы в два раза больше.

— Револьвер Керра, — повторил китаец, чтобы лучше запомнить. — Кэмп-стрит. Спасибо, мистер Мади.

— А что вы собираетесь делать, когда свершите задуманное? — спросил Мади. — Когда Карвер будет мертв? Вы сдадитесь? Или попытаетесь скрыться? — Внезапно он осознал, что разволновался не на шутку, — что за нелепость!

Но А-Су лишь покачал головой. Он закрыл кошелек и туго замотал его в тряпицу. Поднялся на ноги, перекинул скатку за спину, аккуратно

затолкал узелок в карман.

— Этот участок, — промолвил китаец, делая широкий жест рукой. — На прожиток только. Золота чуть.

— Да, знаю, — отмахнулся Мади.

— Небогато, — пояснил А-Су.

— Да, тут на «билет домой» не наскребешь, — кивнул Мади. — Можете не объяснять, мистер Су; я сам знаю, что так.

А-Су впился в него взглядом.

— Надо на север, — посоветовал он. — Черные пески. На севере повезет. Тут самородков нет. Слишком близко к городу.

— Чарльстон, — отозвался Мади. — Да. Там, в Чарльстоне, можно целое состояние составить.

А-Су кивнул.

— Черные пески, — повторил он.

А-Су шагнул вперед, и Мади заметил, что в обеих руках китаец сжимает почерневшую от сажи чайную коробочку. Он протянул ее Мади, и тот удивленно подставил ладони. Но А-Су не сразу расстался с подарком: прежде чем выпустить жестянку из рук, он отвесил низкий поклон, и Мади, подражая ему, поклонился в свой черед.

– *Juk neih houwahn*, — промолвил А-Су, но переводить не стал, а Мади не переспросил; он

выпрямился с жестянкой в руке и проводил уходящего «шляпника» взглядом.

Солнце в Рыбах

Глава, в которой Анна Уэдерелл дважды удивилась; Коуэлл Девлин сделался подозрителен, а дарственная обрела новый смысл.

Все то, что в Водолее удалось рассмотреть лишь краешком глаза: что было предопределено, предсказано, напророчено, все то, что дало пищу вере, сомнению и предостережению, — в Рыбах явило себя со всей наглядностью. Те разрозненные видения, что еще месяц назад были уделом лишь одинокого мечтателя, теперь обретут форму и осязаемую плоть реальности. Мы сами себя творим — и в нас все завершится.

А после Рыб? Из чрева — кровавое рождение. Мы этим путем не последуем: невозможно двигаться вспять, от конца к началу. Овен не признает коллективного мнения, а Телец не поступится субъективностью. Близнецы — единственные в своем роде. Рак ищет первопричину, Лев — цель, а Деве нужен план, но над воплощением этих замыслов работают в одиночку. Лишь во второй половине зодиакального пояса мы начнем прояв-

ляться: в Весах — как понятие, в Скорпионе — как качество, в Стрельце — как голос. В Козероге к нам вернется память, в Водолее мы прозреем, и только в Рыбах, последнем и древнейшем из зодиакальных знаков, мы обретем самость и некую целостность. Но две рыбы этого созвездия, отраженное чрево личности и самосознания, — это Уроборос разума, воля рока, она же роковая воля; а дом самоуничтожения не что иное, как тюрьма, которую строят сами же узники, — без воздуха, без дверей, зацементированная изнутри.

Эти перемены настигают нас столь же неизбежно, как стрелки часов подходят к нужной цифре.

* * *

Лидия Уэллс сеансов больше не устраивала. Ей был хорошо известен девиз шарлатана: никогда не повторять один и тот же трюк перед теми же зрителями: но когда ее в связи с этим саму заклеймили шарлатанкой, она только рассмеялась. В открытом письме на страницах «Уэст-Кост таймс» она признала, что ее попытка установить контакт с духом мистера Стейнза успехом не увенчалась. Эта неудача в ее профессиональной практике — случай беспрецедентный, сообщала она; аномалия, наводящая на мысль, что загроб-

ный мир не столько не желал, сколько не смог предоставить дух мистера Стейнза. Остается только заключить, писала вдова, что мистер Стейнз вовсе не мертв; в последних строках она выражала уверенность в том, что молодой человек рано или поздно вернется.

Это заявление изрядно сбило с толку заговорщиков из «Короны», однако возымело нужный эффект — придало значимости ее предприятию (как все вдовицыны стратегии): дела в «Удаче путника» после публикации пошли как нельзя лучше. Заведение открывалось каждый вечер с семи до десяти, предлагая бренди по сниженной цене и беседы умозрительного характера. Гадание происходило во второй половине дня, и только по предварительной записи; Анна Уэдерелл, в продолжение прежней политики, на глаза не показывалась.

Анна покидала «Удачу путника» лишь раз в день, подышать свежим воздухом, причем ее неизменно сопровождала миссис Уэллс, которая, ценя бессчетные преимущества ежедневных прогулок, частенько говаривала, что просто обожает пройтись пешочком. Вместе, рука об руку, эти две женщины каждое утро дефилировали по Ревелл-стрит из конца в конец: брали направление на

север, а возвращались с другой стороны. По пути они разглядывали приоконные ящики с цветами, покупали молоко и сахар, если то и другое было в наличии, и равнодушно-любезно здоровались с хокитикскими завсегдатаями.

Тем утром они вышли из дому раньше обычного: Лидии Уэллс нужно было к девяти явиться в Хокитикский суд. Ее вызвали к судье по какому-то юридическому вопросу, связанному с наследством ее покойного мужа Кросби Уэллса, а формулировка извещения наводила на мысль о том, что новости, скорее всего, хорошие. Без десяти девять парадная дверь «Удачи путника» распахнулась, и Лидия Уэллс ступила в солнечный свет: ее медно-рыжие волосы эффектно сияли на фоне темно-синего платья.

Коуэлл Девлин проводил миссис Уэллс взглядом: вот она вышла из гостиницы и спустилась по ступенькам на улицу, зябко кутаясь в шаль и улыбаясь встречным мужчинам, которые, позабыв о делах насущных, пялились на нее во все глаза. Священник дождался, чтобы она затерялась в бурлящей толпе, и на всякий случай помешкал еще минут пять. Затем пересек улицу, поднялся на веранду «Удачи путника» и, оглянувшись на невыразительный фасад здания суда, постучал в

дверь, прижимая к груди потрепанную Библию.

Дверь тут же распахнулась.

— Мисс Уэдерелл, позвольте представиться, — промолвил Девлин, свободной рукой снимая шляпу. — Меня зовут Коуэлл Девлин, я — капеллан хокитикской тюрьмы, проживаю по месту службы. Мне в руки попал документ, который, как мне кажется, представляет для вас большой интерес, и мне бы хотелось обсудить его с вами в частном порядке.

— Я вас помню, — кивнула Анна. — Вы были рядом, когда я пришла в себя в тюрьме после того провала в памяти.

— Верно, — кивнул Девлин.

— Вы молились за меня.

— И с тех пор не устаю за вас молиться.

— Правда? — удивилась она.

— От всей души, — заверил капеллан.

— Так что, говорите, вам нужно?

Девлин повторил свою просьбу.

— Это какой такой документ?

— Я бы предпочел не показывать его здесь. Можно мне войти?

Анна замялась:

— Миссис Уэллс дома нет.

— Да, знаю, — отвечал Девлин. — Собственно,

я видел, как она только что зашла в здание суда, и поспешил сюда в надежде, что мне удастся застать вас одну. Признаюсь, что этой возможности я жду уже какое-то время. Так можно мне войти?

— Мне не разрешается принимать гостей в ее отсутствие.

— Мне необходимо обсудить с вами всего-то-навсего один деловой вопрос, — спокойно возразил Девлин, — а я — священник, и на дворе — белый день, время вполне респектабельное. Неужели ваша хозяйка откажет вам в такой малости?

Аннина хозяйка, безусловно, отказала бы ей в такой малости и много в чем еще: не в привычках вдовы было допускать исключения из правил, по минутной прихоти ею установленных. Но, поколебавшись мгновение, Анна решила рискнуть.

— Заходите в кухню, — пригласила она. — Я заварю нам чаю.

— Вы очень добры.

Девлин проследовал за нею по коридору на кухню в глубине дома и, не присаживаясь, подождал, пока Анна не наполнит чайник и не поставит его на плиту. Девушка необычайно исхудала. Щеки запали, кожа покрылась блестящим восковым налетом; вся ее изможденная фигура свидетельствовала о недоедании, двигалась Анна

неуверенно, словно бы из последних сил, — как если бы за много недель ни разу плотно не подкрепилась. Девлин быстро обвел взглядом кухню. На стиральной доске сохла помытая после завтрака посуда, и гость насчитал всех приборов по две штуки, включая две керамические пашотницы с выпуклым узором в виде ежевичных ягод. Или Лидия Уэллс спозаранку принимала гостя — что маловероятно, — или Анна по крайней мере позавтракала. На доске для резки хлеба лежала половина буханки, завернутая в льняную тряпицу, рядом притулилась забытая на столе масленка.

— Вам печенья к чаю дать?

— Вы очень добры, — повторил Девлин и тут же, устыдившись повторенной банальности, выпалил: — Мне было отрадно узнать, мисс Уэдерелл, что вы преодолели свое пристрастие к китайскому зелью.

— Миссис Уэллс не потерпит опиума в своем доме, — промолвила Анна, отбрасывая с лица прядь волос. И достала с полки буфета коробку печенья.

— Похвальная строгость с ее стороны, — одобрил Девлин, — но поздравлять следует вас. Вы проявили завидную стойкость, избавляясь от

своей зависимости. Я знавал мужчин, которым такой подвиг оказался не по силам.

Всякий раз, когда Девлин нервничал, речь его звучала подчеркнуто правильно и официально.

— Я просто бросила, — пожала плечами Анна.

— Верно, — кивнул Девлин, — единственный способ — это отказаться от опиума раз и навсегда. Но вам, должно быть, пришлось бороться с искушением еще много дней и недель.

— Нет, — покачала головой Анна. — Просто я в зелье больше не нуждалась.

— Вы слишком скромны.

— Я не жеманничаю, — возразила Анна. — Я какое-то время продолжала, пока порция не закончилась. Я все съела. Просто я больше ничего не чувствовала.

Девлин окинул девушку оценивающим взглядом:

— Вы находите, что ваше здоровье заметно поправилось после того, как вы отказались от опиума?

— Наверное, да, — отозвалась Анна, раскладывая печенья полукружьем на тарелке. — Я вполне хорошо себя чувствую.

— Мне не хотелось бы вам противоречить, мисс Уэдерелл, но по вашему виду этого не скажешь.

— То есть я исхудала.

— Вы очень исхудали, дорогая моя.

— Я мерзну, — пожаловалась Анна. — Мне сейчас все время зябко.

— Наверное, это потому, что вы так исхудали.

— Да, — кивнула девушка. — Мне тоже так кажется.

— Я подметил, — проговорил Девлин, помолчав, — что у людей, которые совсем пали духом, особенно у тех, кто помышляет о самоубийстве, потеря аппетита довольно частый симптом.

— У меня есть аппетит, — возразила Анна. — Я ем! Просто отчего-то вес не набираю.

— И вы каждый день едите?

— По три раза, — подтвердила она, — и два раза — горячее. Я ж сама на нас обеих готовлю.

— Миссис Уэллс вам наверняка очень признательна, — промолвил Девлин, причем по тону его явствовало, что девушке он не вполне верит.

— Да, — уклончиво отозвалась она. И отвернулась снять чашки и блюдца с подставки над стиральной доской.

— А после замужества миссис Уэллс вы останетесь на прежнем положении? — спросил Девлин.

— Наверное, да.

— Я так понимаю, мистер Карвер обоснуется

здесь.

— Да, кажется.

— Об их помолвке было объявлено в «Уэст-Кост таймс» нынче утром. Очень скромное объявление, я бы даже сказал, сдержанное. Но свадьба — это всегда счастливое событие.

— Я люблю свадьбы, — откликнулась Анна.

— Да, — кивнул Девлин. — Всегда счастливое событие — уж каковы бы ни были обстоятельства.

После скандала, спровоцированного письмом Джорджа Шепарда в редакцию «Уэст-Кост таймс» месяц назад, предполагалось, что только новый брак способен отчасти исправить вред, нанесенный репутации вдовицы. Притязания миссис Уэллс на наследие Кросби Уэллса выглядели менее обоснованными теперь, когда стало известно, что она наставляла мужу рога в течение нескольких лет до его смерти; позиции вдовы пошатнулись еще больше благодаря чистосердечному признанию Алистера Лодербека. В открытом ответном письме Джорджу Шепарду Лодербек признавал, что действительно сокрыл факт этой любовной связи от избирателей, — за что искренне просит прощения. Лодербек писал, что ему бесконечно за себя стыдно, что он принимает всю ответственность за последствия и

что до конца дней своих будет горько сожалеть о том, что прибыл в хижину мистера Уэллса, опоздав на каких-то полчаса, и не успел вымолить у него прощение. Признание произвело желаемый эффект: судя по бурным излияниям сочувствия и восхищения, похоже было на то, что репутация Лодербека только укрепилась.

Анна закончила расставлять блюдца.

— Пойдемте в гостиную, — пригласила она. — Когда чайник закипит, я услышу.

Оставив поднос, она неслышно прошла по коридору в гостиную, обустроенную для вдовицыных гаданий во второй половине дня: там, сдвинутые совсем близко, стояли два огромных кресла, а шторы были задернуты. Девлин подождал, чтобы Анна присела, прежде чем опустился в кресло сам, и только тогда открыл Библию и извлек на свет обгоревшую дарственную. Не говоря ни слова, он вручил документ девушке.

> В одиннадцатый день октября 1865 года сумма в две тысячи фунтов должна быть передана МИСС АННЕ УЭДЕРЕЛЛ, уроженке Нового Южного Уэльса, МИСТЕРОМ ЭМЕРИ СТЕЙНЗОМ, уроженцем Нового Южного Уэльса, свидетелем чему высту-

пает МИСТЕР КРОСБИ УЭЛЛС.

Анна с растерянным видом взяла из его рук дарственную — она была почти неграмотна и не надеялась с первого же взгляда понять смысл слов. Девушка знала алфавит и могла разобрать напечатанную строчку, если трудилась над нею очень медленно и при хорошем освещении. Однако задача эта давалась ей с трудом, и ошибкам не было числа. Но внезапно девушка так и вцепилась в бумагу и, потрясенно охнув, поднесла ее к самым глазам.

— Я могу это прочесть, — прошептала она еле слышно.

Девлин не знал, что Анна читать не обучена, и заявлению ее не удивился.

— Я нашел этот документ в плите Кросби Уэллса на следующий день после его смерти, — сообщил священник. — Как видите, речь идет об огромной сумме, тем более что это завещательный дар, и, признаюсь, я не вполне понимаю, что с этим делать. Должен сразу предупредить вас, что с юридической точки зрения документ не имеет силы. Мистер Стейнз не скрепил его своей подписью, что, в свою очередь, делает подпись мистера Уэллса недействительной. Свидетель не

расписывается прежде принципала.

Анна молчала и не отводила глаз от дарственной.

— Вы видели этот документ прежде?

— Нет, — отозвалась девушка.

— Вы знали о его существовании?

— Нет!

Девлин встревожился: голос Анны сорвался на крик.

— Что не так? — спросил он.

— Я просто… — Она поднесла руку к горлу. — Можно у вас кое-что спросить?

— Конечно.

— А вы когда-нибудь… ну то есть на своем опыте… — Анна прервалась на полуслове, закусила губу и начала снова: — Вы не знаете, почему я могу это прочесть?

Священник заглянул ей в глаза:

— Боюсь, я не вполне понимаю.

— Я толком не умею читать, — объяснила Анна. — Ну то есть, я могу разобрать последовательность букв, я распознаю этикетки и вывески, но скорее по памяти, я ж их каждый день вижу. Газету от начала до конца мне ни за что не прочесть. У меня на это невесть сколько часов уйдет. Но вот это… я прочитываю. Без малейших усилий.

В мгновение ока.

— Тогда прочтите вслух.

Анна без запинки зачитала дарственную.

Девлин нахмурился:

— Вы уверены, что прежде этого документа не видели?

— Совершенно уверена, — подтвердила Анна.

— Вы знали, что мистер Стейнз намеревался подарить вам две тысячи фунтов?

— Нет, — покачала головой она.

— А как насчет мистера Уэллса? Вы с мистером Уэллсом об этом не говорили?

— Нет, — заверила Анна. — Повторяю: я эту бумагу впервые вижу.

— Может быть, если вам о ней упоминали, но вы просто позабыли… — предположил Девлин.

— Такой чертовой прорвы деньжищ я не позабыла бы, — возразила Анна.

Девлин помолчал, не сводя с Анны глаз. А затем промолвил:

— Есть много историй о детях, у которых были няни-иностранки и которые, проснувшись в один прекрасный день, начинали бегло говорить по-голландски, или по-французски, или по-немецки, или как угодно еще.

— У меня никогда не было няни.

— …Но я в жизни не слыхивал, чтобы у человека внезапно прорезалось умение читать, — докончил он. — Это в высшей степени необычно.

В голосе священника звучали скептические нотки.

— У меня никогда не было няни, — повторила Анна.

Девлин выпрямился в кресле.

— Мисс Уэдерелл, — промолвил он, — ваше имя фигурирует во множестве нераскрытых преступлений, включая возможное убийство, и мне наверняка нет нужды напоминать вам, что разбирательство в Верховном суде — это дело серьезное. Давайте поговорим доверительно и со всей откровенностью.

Он указал на документ в Аннином руке:

— Эта дарственная была написана за три месяца до исчезновения мистера Стейнза. Она составляет ровно половину наследства Уэллса. Мистер Уэллс умер в тот же самый день, как мистер Стейнз пропал бесследно, и наутро после его смерти я обнаружил бумагу в его плите. Все эти события явно как-то связаны, и законовед, в отличие от меня, сможет докопаться до сути. Если вы оказались в затруднительном положении, может быть, я сумел бы вам помочь, но как я вам

помогу, если вы чего-то недоговариваете? Прошу вас, доверьтесь мне и расскажите все, что знаете.

Анна нахмурилась.

— В бумаге ничего не сказано про наследство Уэллса, — промолвила она. — Тут же речь идет о деньгах Эмери, а не Кросби.

— Вы правы, но вряд ли золото, обнаруженное в хижине мистера Уэллса, действительно принадлежало мистеру Уэллсу, — объяснил Девлин. — Понимаете, там нашли не самородное золото, металл был переплавлен и отлит в такие вот брусочки. Все они помечены клеймом, и по клейму банк отследил происхождение золота: оно было добыто на руднике, принадлежащем мистеру Стейнзу. На «Авроре».

— Как-как? — не поняла Анна.

— На «Авроре», — повторил Девлин. — Так рудник называется.

— Ох, — вздохнула она.

Девушка была явно сбита с толку; преисполнившись жалости, Девлин объяснил все сначала, на этот раз медленнее. На сей раз Анна поняла:

— То есть состояние на самом деле принадлежало Эмери?

— Вероятно, — осторожно отозвался Девлин.

— И он намеревался отдать мне ровно поло-

вину!

— Из этого документа вроде бы со всей очевидностью следует, что мистер Стейнз намеревался отдать вам две тысячи фунтов и что мистер Уэллс в ночь на одиннадцатое октября знал об этом его намерении и, по-видимому, даже его одобрил. Но, как я уже вам сказал, дарственная недействительна: мистер Стейнз ее так и не подписал.

— А что, если бы подписал?

— До тех пор, пока мистер Стейнз не отыщется, боюсь, поделать тут ничего нельзя, — отозвался Девлин. С минуту он глядел на девушку и наконец выговорил: — Я принес вам этот документ далеко не сразу, и за это, мисс Уэдерелл, я прошу у вас прощения. Причина же просто-напросто в том, что я ждал возможности переговорить с вами наедине, а как вы сами знаете, такую возможность найти куда как непросто.

— Кто еще знает об этой бумаге? — внезапно спросила Анна. — Кроме вас и меня.

Девлин замялся.

— Начальник тюрьмы Шепард, — ответил он, решившись говорить правду, но не всю. — Я обсудил с ним это дело где-то с месяц назад.

— Что он сказал?

— Он решил, это какая-то шутка.

— Шутка? — убито переспросила она. — Что за шутка такая?

Девлин потянулся к ее руке, слегка сжал ей пальцы в знак сочувствия:

— Не печальтесь, милая. Блаженны нищие духом, и каждого из нас ждет наследство куда более великое, нежели любой подарок в золоте.

Из кухни донесся резкий посвист и шипение: кипяток фонтанировал из носика на чугунную плиту.

— А вот и наш чайник, — улыбнулся ей Девлин.

— Ваше преподобие, — промолвила Анна, отнимая руку, — а можно вас попросить налить чаю? Я как-то странно себя чувствую, мне бы минутку побыть одной…

— Разумеется, — учтиво отозвался Коуэлл Девлин и вышел из комнаты.

Как только тот переступил порог, Анна вскочила и за два стремительных шага пересекла гостиную, по-прежнему сжимая в руке обгоревшую дарственную. Сердце ее неистово билось. Она на миг застыла неподвижно, собираясь с духом, а затем одним плавно-текучим движением скользнула к вдовицыну письменному столу, положила документ, схватила перо миссис Уэллс,

обмакнула кончик в чернильницу, наклонилась поближе и начертала:

Эмери Стейнз

Анна в жизни не видела подписи Эмери Стейнза, но знала доподлинно, что воспроизвела ее в точности. Буквы фамилии «Стейнз» непринужденно убывали в размере, а буквы имени отличались легкомысленной неразборчивостью; этот самоуверенно-неряшливый росчерк своей подчеркнутой небрежностью словно бы говорил, что воспроизводили его множество раз и мелкие вариации достоверности ему не убавят. Перед «Э» красовалась двойная завитушка — этакий индивидуальный штрих, а «С» казалась слегка сплющенной.

— Что вы наделали?

Девлин стоял в дверях с чайным подносом в руках и с выражением сурового упрека на лице. Он с грохотом отставил поднос на буфет и шагнул к девушке, вытянув руку. Анна безмолвно вручила ему документ; священник нетерпеливо его выхватил. В первое мгновение он словно онемел от ярости, затем овладел собою и очень тихо произнес:

— Это мошенничество.

— Может статься, — отозвалась Анна.

– *Что?* — взревел Девлин, внезапно рассвирепев не на шутку. И обрушился на Анну: — *Что* вы такое сказали?

Он ждал, что девушка съежится от страха, но — ничего подобного.

— Это его подпись, — заявила Анна. — Дарственная действительна.

— Это не его подпись, — возразил Девлин.

— Его, — настаивала девушка.

— Это подлог! — рявкнул Девлин. — Вы только что совершили подлог.

— Может статься, я вообще не понимаю, о чем вы, — отозвалась Анна.

— Дерзость вам не к лицу, — покачал головой Девлин. — Вы добавите к мошенничеству еще и лжесвидетельство?

— Может статься, я понятия не имею ни о каком мошенничестве.

— Правда выйдет на свет, — настаивал Девлин. — Существуют эксперты, мисс Уэдерелл, они сразу отличат подделку.

— Только не эту, — возразила Анна.

— Не обманывайте сами себя, — увещевал Девлин. — Вам должно быть стыдно.

Но Анна ни на минуту не обманывалась и ни

малейшего стыда не испытывала; на самом деле все чувства ее словно обострились — впервые за много месяцев. Теперь, когда на дарственной стояла подпись Эмери Стейнза, документ обрел силу. Согласно этой бумаге мистер Эмери Стейнз обязался подарить мисс Анне Уэдерелл две тысячи фунтов; акт был подписан и заверен, и подпись дарителя выглядела вполне убедительно. Кто придерется к ее словам, если один из подписавших документ пропал без вести, а второй — мертв?

— Можно мне еще раз взглянуть? — попросила она, и Девлин, багровый от гнева, вновь протянул ей дарственную.

Схватив документ, Анна метнулась в сторону, ослабила шнуровку на платье Агаты Гаскуан и засунула бумагу между пуговицами, под ткань. Накрыв ладонями лиф, она застыла, тяжело дыша и не сводя глаз с Девлина. Тот не двинулся с места. Их разделяло расстояние в десять футов.

— Как вам не стыдно, — тихо упрекнул Девлин. — Объяснитесь, будьте добры.

— Мне хотелось бы услышать мнение третьей, незаинтересованной стороны, вот и все.

— Вы только что подделали документ, мисс Уэдерелл.

— Этого никто не докажет.

— Я подтвержу под присягой, что подделали.

— Что помешает мне под присягой опровергнуть ваши слова?

— Это будет обман, — отозвался Девлин. — Причем злоумышленный обман, если вы дадите ложную клятву в суде, а вас несомненно заставят дать клятву. Не глупите.

— Мне нужно мнение третьей стороны, — повторила она. — Я пойду в суд и спрошу.

— Мисс Уэдерелл, — увещевал Девлин, — успокойтесь. Подумайте сами: многого ли стоит слово шлюхи против слова священника?

— Я больше не шлюха.

— Хорошо, слово бывшей шлюхи, — поправился Девлин. — Простите, но это так.

Он шагнул к девушке, Анна отступила назад, по-прежнему прикрывая ладонью грудь:

— Если вы приблизитесь еще на шаг, я закричу, разорву лиф и скажу, что это вы сделали. Меня услышат с улицы. Люди тотчас сбегутся.

Девлину никто и никогда не угрожал в таком ключе.

— Я не собираюсь к вам приближаться, — с достоинством проговорил он. — Более того, я отойду подальше, и немедленно.

Он вернулся к своему креслу и сел.

— Я не намерен с вами скандалить, — проговорил он уже спокойнее. — Однако мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

— Валяйте, — отозвалась Анна, все еще тяжело дыша. — Спрашивайте.

Девлин решил не ходить вокруг да около:

— А вы знали, что платья, которые вы приобрели прошлой зимой у старьевщика, торгующего имуществом с затонувших кораблей, некогда принадлежали Лидии Уэллс?

Анна изумленно воззрилась на него.

— Будьте так добры, ответьте на мой вопрос, — настаивал Девлин. — Я имею в виду те пять платьев, с помощью которых миссис Уэллс шантажировала мистера Алистера Лодербека при пособничестве Фрэнсиса Карвера.

— Что?

— Платья, в каждом из которых содержалось изрядное количество самородного золота, зашитого под подкладку, в швы лифа и по подолу, — продолжал Девлин. — Одно из платьев — оранжевого шелка, остальные четыре — муслиновые: кремовое, серое, бледно-голубое и розовое в полоску. Эти четыре в настоящий момент хранятся в коробке под лестницей в гостинице «Гридирон»;

оранжевое платье находится у мистера Обера Гаскуана в его частном доме.

Вот теперь он полностью завладел ее вниманием.

— Откуда вы знаете? — прошептала девушка.

— Я задался целью узнать о вас как можно больше, — отозвался Девлин. — А теперь отвечайте на вопрос.

От лица Анны отхлынули все краски.

— Золото было только в оранжевом, — промолвила она. — В остальных четырех — просто кусочки свинца.

— Вы знали, что эти платья некогда принадлежали Лидии Уэллс?

— Нет, — покачала головой Анна. — Не наверняка.

— Но вы об этом подозревали.

— Я… я слышала что-то такое краем уха. Несколько месяцев назад.

— А когда вы впервые обнаружили содержимое платьев?

— В ночь после исчезновения Эмери.

— После того, как вас арестовали за попытку самоубийства.

— Да.

— И мистер Гаскуан заплатил за вас залог под

честное слово; и в его коттедже на Ревелл-стрит вы вместе распороли оранжевое платье и потом спрятали лохмотья под кровать.

— Откуда?.. — в ужасе прошептала девушка.

— По-видимому, вернувшись в «Гридирон» тем же вечером, вы первым делом заглянули в гардероб и проверили четыре оставшихся платья, — продолжал Девлин, не прерывая обличительной речи.

— Да, — кивнула Анна. — Но я их не распарывала. Я только прощупала швы. Я не знала, что там свинец; я думала, еще золото.

— В таком случае, — подвел итог Девлин, — вы, должно быть, решили, что нежданно-негаданно баснословно разбогатели.

— Да.

— Но вы не стали распарывать подолы платьев, чтобы этим золотом выплатить свой долг Эдгару Клинчу.

— Позже я так и сделала, — возразила Анна. — На следующей неделе. Тут-то я и обнаружила свинец.

— Но даже тогда вы не рассказали мистеру Гаскуану о своих догадках, — продолжал Девлин. — Вместо того вы изображали беспомощность и полное неведение, уверяли, что у вас нет

ни гроша, и умоляли его о помощи!

— Откуда вы все это знаете? — прошептала Анна.

— Вопросы здесь задаю я, спасибо, — отрезал Девлин. — Почему вы тотчас же не выпотрошили остальные четыре платья?

— Мне хотелось сохранить золото на черный день, — объяснила Анна. — А спрятать металл мне негде. Я думала, спрошу Эмери. Никому больше я не доверяю. Но он к тому времени пропал.

— А как насчет Лидии Уэллс? — спросил Девлин. — Как насчет Лидии Уэллс, которая в тот же день пришла в «Гридирон», и заплатила ваш долг мистеру Клинчу, и приютила вас, и с тех пор окружает вас такой добротой и заботой?

— Нет, — еле слышно отозвалась Анна.

— Вы ей так и не рассказали про платья?

— Не рассказала.

— Поскольку подозревали, что платья некогда принадлежали ей.

— Я что-то такое слышала, — пролепетала Анна. — Я не знала… не знала наверняка, но знала: что-то такое было… и она хочет заполучить их назад.

Девлин скрестил руки на груди. Анна явно напугана тем, как много он знает о ее ситуа-

ции, а главное — не поймет откуда. Эта мысль причиняла священнику боль, но, учитывая обстоятельства, он полагал, что страх этот только на пользу — и поумерит ее дерзкую самоуверенность. Еще не хватало, чтобы Анна похвалялась направо и налево этой подделанной подписью.

— Где мистер Стейнз? — задал он следующий вопрос.

— Не знаю.

— А мне кажется, знаете.

— Не знаю, — повторила она.

— Я вынужден вам напомнить, что вы совершили крупное мошенничество, подделав подпись покойного.

— Он жив.

Девлин кивнул: он и надеялся на определенный ответ.

— Откуда вы знаете?

Анна не ответила, и Девлин повторил уже резче:

— Откуда вы знаете, мисс Уэдерелл?

— Мне вести бывают, — наконец выговорила Анна.

— От мистера Стейнза?

— Да.

— Какие именно вести?

— Это личное.

— Как он их передает?

— Не словами, — призналась Анна.

— Тогда как же?

— Я просто его чувствую.

— Вы его чувствуете?

— В моей голове.

Девлин резко выдохнул.

— Вы, наверное, теперь мне не верите, — промолвила Анна.

— Со всей определенностью не верю, — подтвердил Девлин. — Боюсь, мошенникам обычно веры нет.

Анна хлопнула рукой по бумаге, запрятанной у нее на груди.

— Вы за этот документ уж больно долго держались, — парировала она.

Девлин испепелил ее взглядом. Он открыл было рот, чтобы ответить должным образом, но не успел он подобрать нужные слова, как на крыльце послышались быстрые шаги, звякнул замок, донесся шум с улицы — это дверь распахнулась внутрь — и кто-то вошел. Девушка испуганно вскинула глаза на Девлина. Вдова возвратилась из здания суда — и звала Анну по имени.

Сатурн в Деве

Глава, в которой Джордж Шепард не назначает себе заместителя; Цю Луна принимают за другого, а Дик Мэннеринг ставит точку.

Джордж Шепард провел утро 20 марта, надзирая за доставкой разнообразных стройматериалов и оборудования к месту возведения будущей тюрьмы в Сивью, которая, два месяца спустя после начала строительства, с каждым днем выглядела все внушительнее. Уже выросли стены, уже выложили кирпичом дымовые трубы, а внутри основного помещения подогнали и навесили в стальных рамах все бронированные двери. Предстояло еще уладить много всего по мелочи: не завезли лампы, в тюремной кухне по-прежнему недоставало плиты, окна флигеля тюремного надзирателя покамест не остеклили и яму под виселицей не вырыли, — но в общем и целом дело продвигалось на диво быстро благодаря четырехсотфунтовому «пожертвованию» Харальда Нильссена и наконец-то поступившему дополнительному финансированию от Уэстлендского

комитета по общественным работам, от Хокитикского совета и муниципального правления. Шепард предрекал, что заключенных удастся перевести из старого помещения еще до конца апреля, а кое-кто из них уже и ночевал в Сивью под надзором Шепарда, который теперь, когда тюрьму почти отстроили, предпочитал тоже спать там, обходясь холодным ужином.

Когда колокол на уэслейской церкви прозвонил полдень, Шепард копал еще одну выгребную яму в будущем работном доме. Гулкий звон плыл снизу, из города; бригадир крикнул заключенным: «Перерыв!» Шепард отставил лопату, утер лоб рукавом и выкарабкался из ямы, заметив между тем, что по другую сторону стальных ворот мыкается рыжеволосый юнец, заглядывая сквозь прутья и явно дожидаясь возможности поговорить.

— Мистер Эверард, — поприветствовал его Шепард, выступая вперед.

— Начальник Шепард.

— Что привело вас нынче утром в Сивью? Полагаю, не пустое любопытство.

— Я рассчитывал побеседовать с вами, сэр.

— Надеюсь, вам не пришлось долго ждать.

— Отнюдь.

— Не хотите ли войти? Я прикажу, чтобы отперли ворота.

После трудов праведных Шепард изрядно вспотел: он снова вытер лоб рукавом.

— Ничего-ничего, — покачал головой гость. — Я лишь с сообщением.

— Так выкладывайте, — велел Шепард, подбоченившись.

— Я пришел от имени мистера Барнза. От имени Брантона, Соломона и Барнза.

— Я никого из них не знаю.

— Это поставщики разного снаряжения. У них новый торговый склад на Кэмп-стрит, — объяснил Эверард. — Вот только вывеску еще не нарисовали… сэр… — поспешно добавил он.

— Продолжайте, — поощрил Шепард, по-прежнему подпирая руками бока.

— Пару месяцев назад вы дали понять, что хорошо бы не спускать глаз с одного китайца.

Лицо Шепарда сей же миг посуровело.

— Совершенно верно.

— Спешу доложить, что нынче утром некий китаец приобрел пистолет, — сообщил юнец.

— Я так понимаю, в магазине мистера Барнза.

— Так точно, сэр.

— И где этот китаец сейчас?

— Не могу сказать, — отвечал Эверард. — Я только что от Барнза: он сказал, что нынче утром продал китайцу револьвер Керра, и я тотчас же побежал к вам. Не знаю, ваш это китаец или нет… но я подумал, в любом случае надо бы вас упредить.

Шепард не удостоил его ни похвалой, ни благодарностью:

— Как давно совершилась купля-продажа?

— Часа два назад по меньшей мере. Может, еще раньше. Барнз сказал, этот парень явно пришел по наводке: он ни за что не соглашался выложить за Керр больше пяти фунтов. Твердил как заведенный: «Ровно пять фунтов», словно с чьей-то подачи. Знал цену на товар.

— А чем он заплатил?

— Бумажной банкнотой.

— Еще что-нибудь?

— Да, — кивнул Эверард. — Револьвер ему зарядили прямо в магазине.

— Кто зарядил?

— Барнз. По просьбе китайца.

Шепард кивнул:

— Очень хорошо. Так вот. Слушайте меня внимательно. Ступайте обратно в Хокитику, мистер Эверард, и расскажите всем и каждому, что

Джордж Шепард ищет китайца по имени Су. Раструбите повсюду, что если кто-то увидит сегодня в городе Джонни Су, не важно почему и не важно где, то пусть пошлют за мною безотлагательно.

— Вы предложите награду за его поимку?

— Про награду ничего не говорите, но и не отрицайте, если кто спросит.

Юнец напыжился:

— То есть я — ваш заместитель?

Шепард ответил не сразу.

— Если вы обнаружите Джонни Су, — проговорил он наконец, — и найдете способ задержать его без лишнего шума, я взгляну сквозь пальцы на ваш метод захвата, каков бы он ни был. Больше я ничего не скажу.

— Я вас понял, сэр.

— Вы можете еще кое-что для меня сделать, — добавил Шепард. — Вы знаете в лицо такого Фрэнсиса Карвера?

— У него шрам на щеке.

— Да, — кивнул Шепард. — Передайте ему от меня сообщение. Вы найдете его в гостинице «Резиденция».

— И что же мне ему передать, сэр?

— Расскажите ему в точности все то же, что рассказали мне, — велел Шепард. — И пусть по-

надежнее пристегнет кобуру.

Эверард заметно сник:

— То есть это он — ваш заместитель?

— У меня нет заместителя, — отрезал Шепард. — Теперь ступайте. Поговорим потом.

— Ладно.

Шепард, взявшись за прутья решетки, проводил юнца глазами. И вдруг окликнул:

— Мистер Эверард!

Юнец остановился и обернулся:

— Да, сэр.

— Вы хотите стать полицейским?

— Очень надеюсь, сэр, — просиял тот.

— Лучший полицейский — тот, кто способен обеспечить соблюдение закона безо всякой бляхи, — заявил Шепард, невозмутимо глядя на него сквозь решетку. — Помните об этом.

* * *

Эмери Стейнз числился пропавшим без вести вот уже больше восьми недель, и мировой судья посчитал этот срок достаточным, чтобы аннулировать право собственности на все его золотоносные прииски. Постановлением мирового судьи все рудники и участки, принадлежавшие мистеру Стейнзу, возвращались в ведение Коро-

ны, и передача имущественных прав вступила в силу в пятницу на прошедшей неделе. Разумеется, в числе прочих «бесхозных» участков оказалась и «Аврора», и в результате этой передачи Цю Лун наконец-то освободился от своих бессмысленных обязательств по отношению к этому бесплодному клочку земли. С утра в понедельник он первым делом отправился в Хокитику, дабы выяснить, где ему теперь предстоит работать по контракту и на кого.

А-Цю очень не любил бывать в офисе компании, ведь там с ним обходились неучтиво и всегда заставляли ждать. Однако насмешки служащих он сносил невозмутимо: сидел себе на стуле, делая вид, будто не замечает, как младшие клерки обстреливают его шариками из жеваной бумаги и зажимают нос, проходя мимо. Наконец его подозвали к окошку регистратуры изложить свое дело чиновнику. После очередной долгой задержки, объяснить причину которой никто не удосужился, ему определили новый участок в Каньере, выдали справку о переводе на другое место и отправили восвояси — а к тому времени рыжеволосый мистер Эверард добрался до Хокитики и пересказывал направо и налево распоряжения Джорджа Шепарда.

А-Цю вышел из офиса компании на Уэлд-стрит, сжимая в руке документальное подтверждение своего контракта, — и тут кто-то завопил благим матом. Китаец недоуменно поднял глаза и, к вящей своей тревоге, обнаружил, что на него бегут с двух сторон. Он вскрикнул, вскинул руку. А в следующий миг он уже лежал на земле.

— Где пистолет, Джонни Су?

— Пистолет где?

— Проверь за поясом.

Чьи-то руки зашарили по его телу, похлопывая и ощупывая. Кто-то пнул китайца под ребра; тот аж задохнулся.

— Сныкал небось.

— А это у тебя что такое? Ксива китаезная?

У китайца вырвали из рук контракт, проглядели и отшвырнули в сторону.

— А теперь чего?

— Ну что скажешь в свою защиту, Джонни Су?

— А-Цю, — наконец-то сумел выговорить бедолага.

— Ага, так язык у него все-таки есть!

— Или говори по-английски, или вообще заткнись.

Новый удар по ребрам. А-Цю охнул от боли и сложился пополам.

— Да это ж не тот, — буркнул один из нападавших.

— Какая разница? — отмахнулся другой. — Все равно ж китаеза. Все равно ж вонючий.

— При нем нет пистолета, — указал первый.

— Он сдаст нам Су. Они все одним миром мазаны.

А-Цю снова пнули, на сей раз в зад; носок ботинка пришелся в аккурат по копчику, и позвоночник пронзила резкая боль, докатившись до самой челюсти.

— Ты Джонни Су знаешь?

— Ты Джонни Су знаешь?

— Ты его видел?

— Нам надо поговорить с Джонни Су.

А-Цю крякнул, попытался было подняться на четвереньки — и рухнул навзничь.

— Ишь молчит, как воды в рот набрал, — заметил первый.

— Ну-ка, отойди чуток…

Второй нападающий танцующей походкой отбежал в сторону и ринулся на А-Цю, точно подающий мяч футболист. В последний момент почувствовав его приближение, А-Цю проворно перекатился ему навстречу, пытаясь смягчить удар. Ребра отозвались невыносимой болью.

Вдохнуть удалось лишь самой верхней частью легкого. Нападавшие хохотали. Голоса угасали, сливались в невнятный гомон. И тут над улицей прогремел новый голос:

— Друзья, вы не того сцапали.

Нападающие обернулись. В дверях кофейни на Уэлд-стрит, скрестив на груди руки, возвышался магнат Дик Мэннеринг. Его габаритная фигура заполняла весь проем; он являл собою внушительное зрелище, даже будучи безоружным; при виде его двое нападавших тут же оставили Цю Луна в покое.

— Нам поручено задержать китайца по имени Джонни Су, — объяснил первый, по-мальчишески пряча руки в карманы.

— Этого парня зовут Джонни Цю, — сообщил Мэннеринг.

— Так мы ж не знали, верно, ребята? — отозвался второй, тоже засовывая руки в карманы.

— Начальник тюрьмы распорядился, — подхватил первый.

— Все ловят китаезу по прозванью Джонни Су, — пояснил второй.

— У него пистолет.

— Он вооружен и очень опасен.

— Так вот, вы не того сцапали, — повторил Мэн-

нерinг, сходя по ступеням на улицу. — Теперь вы это знаете, потому что я так говорю, а говорю я в последний раз. Этого парня зовут Джонни Цю.

Неумолимо надвигающийся Мэннеринг внушал еще больше страха, и при его приближении драчуны наконец-то сдались.

— Мы ж ничего плохого не хотели, — буркнул первый. — Убедиться-то надо.

— Ишь любитель желтопузых выискался, — пробормотал второй, но так тихо, что Мэннеринг не расслышал.

Мэннеринг дождался, пока те не уйдут, и только тогда опустил взгляд на А-Цю, который перекатился на бок, проверил, целы ли ребра, с трудом поднялся, подобрав при этом затоптанный контракт, и стряхнул с него пыль. В горле у бедняги стоял комок.

— Спасибо, — выговорил он, наконец отдышавшись.

Мэннеринга, похоже, слово благодарности лишь раздосадовало. Он смерил А-Цю хмурым взглядом:

— Что это еще за история насчет Джонни Су с пистолетом?

— Не знаю, — прошептал А-Цю.

— Где он?

— Не знаю.

— Ты его видел? Хоть где-нибудь?

А-Цю не видел соотечественника вот уже месяц, со времен вечернего сеанса у вдовы; вернувшись поздно ночью из «Удачи путника», он обнаружил, что А-Су пакует свой скудный скарб и с деловитой непреклонностью исчезает в шелестящей ночи.

— Нет, — повторил он.

Мэннеринг вздохнул.

— Тебя, надо думать, перевели на другой участок, теперь, когда «Аврора» отошла банку, — промолвил он, помолчав. — Что у тебя там в бумаженции? Посмотрим, куда тебя назначили. Дай-ка сюда. — И Мэннеринг протянул руку.

Документ был краток и составлен без участия А-Цю: там значился «предполагаемый возраст» вместо фактического, порт приписки судна, на котором он прибыл, вместо Кантона как места рождения, и краткий список его рабочих характеристик. Тут же красовалась цифра 5, возвещая, что срок действия его контракта — пять лет, и печать компании. Мэннеринг скользнул взглядом по странице сверху вниз. В графе «настоящее место работы» название «Аврора» было вычеркнуто, а вместо него вписано: «Английская мечта».

— Вот уж не везет тебе, парень, так не везет! —

вздохнул Мэннеринг. — Это мой участок! Один из моих. Мой участок-то! — Он постучал себя в грудь. — Ты снова вкалываешь на меня, Джонни Цю. Как в добрые старые времена. Когда ты нарезал вокруг меня круги со своим треклятым тиглем да доил из Анны Магдалины песочек.

— Вы, — произнес А-Цю, массируя ребра.

— Снова вместе, — мрачно подвел итог Мэннеринг. — «Английская мечта», скажут тоже! Скорее «Английский кошмар».

— Беда, — вздохнул А-Цю.

— Для тебя или для меня?

А-Цю промолчал, потому что вопроса не понял. Внезапно Мэннеринг расхохотался, встряхнув головой:

— Боюсь, это в природе контракта: поставив подпись, ты как бы отказываешься от своей удачи в чью-то пользу. Отказываешься от любого счастливого шанса. Так любой договор устроен. А договор-то надо выполнять, понимаешь; рано или поздно он вернется к отправной точке. Я всегда говорил, везунчик — тот, кому один раз повезло, и после того он смекнул, куда стоит вкладываться. Удача приходит лишь однажды, и всегда — по чистой случайности. А контракты вечно возвращаются на круги своя. Контракты

— это капиталовложения, и обязательства, и всякая канцелярщина; это бизнес. Я тебе еще одну умную вещь скажу. Если хочешь разбогатеть, никогда не ставь подпись на бумаге, которую не ты сам составил. Я этому правилу свято следую, Джонни Цю, я в жизни не подписал ни одного договора, состряпанного не мною самим.

— Очень хорошо, — похвалил А-Цю.

Мэннеринг обжег его свирепым взглядом:

— Надеюсь, у тебя хватит ума не пытаться надуть меня еще раз. Ты уже дважды играл против меня: один раз с «Авророй», второй раз с Анной. А я считать-то умею.

— Очень хорошо, — повторил А-Цю.

Мэннеринг вернул ему документ:

— Ну что ж, ты, верно, будешь только рад распрощаться с «Авророй». А насчет «Английской мечты» не тревожься — участок в полном порядке.

— Не пустышка? — хитро переспросил А-Цю.

— Нет, этот — нет, — заверил Мэннеринг. — Слово даю. На «Английской мечте» тебе понравится. Самородки с участка, конечно, выгребли подчистую, но отвалы песочком богаты. Для такого, как ты, — самое оно. У тебя ж глаз — алмаз. Разбогатеть ты там не разбогатеешь, Джонни Цю, ну да

кому из ваших это удавалось?

А-Цю кивнул.

— Ступай обратно в Каньер, — посоветовал Мэннеринг наконец и вернулся в кафе.

Венера в Рыбах

Глава, в которой капеллан теряет терпение, а вдова – компаньонку.

— И кто ж это у нас такой? — промолвила Лидия Уэллс. — Никак, духовное лицо?

Она стояла в дверях, улыбаясь краем губ, и, подергивая за кончики каждого из пальцев по очереди, стягивала перчатки. Анна и Девлин глядели на нее в немом ужасе, как будто бы их застали за совершением блудодейства, — хотя Анна замерла у окна, по-прежнему прижимая ладонь к груди, а Девлин, мирно сидевший на диване, порывисто вскочил на ноги, красный как рак.

— Вот те на, — протянула Лидия Уэллс, высвободив молочно-белую ручку, и, зажав одну перчатку под мышкой, принялась стягивать вторую. — Прямо пара невинных овечек!

— Добрый день, миссис Уэллс, — поздоровался Девлин, вновь обретая дар речи. — Меня зовут Коуэлл Девлин. Я — капеллан будущей тюрьмы в Сивью.

— Очаровательная рекомендация, — обронила

Лидия Уэллс. — А что вы делаете в моей гостиной?

— Мы беседовали на… богословские темы, — отозвался Девлин. — За чаем.

— Кажется, про чай вы позабыли.

— Он еще заваривается, — промолвила Анна.

— И в самом деле, — согласилась Лидия Уэллс, даже не глянув на поднос. — Ну что ж, в таком случае я очень вовремя. Анна, сбегай принеси еще чашку. Я к вам присоединюсь. Обожаю богословские споры.

Бросив отчаянный взгляд на Девлина, Анна кивнула, пригнулась и выскользнула из комнаты.

— Миссис Уэллс, — быстро прошептал Девлин, едва шаги Анны стихли в конце коридора, — можно задать вам очень странный вопрос, пока мы одни?

— Я зарабатываю на хлеб тем, что отвечаю на странные вопросы, — улыбнулась Лидия Уэллс. — И кому и знать, как не вам, что мы — не одни.

— Да, конечно, — согласился Девлин, чувствуя себя крайне неловко. — Но вопрос мой таков. Умеет ли мисс Уэдерелл читать?

Лидия Уэллс изогнула брови.

— Вопрос и в самом деле странный, — отозва-

лась она, — хотя и не из-за ответа. Любопытно, чем он подсказан.

Анна вернулась с чашкой и блюдцем и поставила их на поднос рядом с прочими.

— И каков же ответ? — негромко осведомился Девлин.

— Анна, ты тут похозяйничай, — бросила Лидия Уэллс. — Присядьте, ваше преподобие. Вот так. Как это мило — священник к чаю! Прямо чувствуешь себя в цивилизованном мире. Мне с печеньицем, пожалуйста, и с сахаром.

Девлин присел.

— Насколько мне известно, ответ — нет, — промолвила вдова, тоже опускаясь в кресло. — А теперь я в свою очередь задам странный вопрос. Когда служитель Божий говорит неправду, это какая-то особая разновидность лжи или нет?

— Я не понимаю, что стоит за вашим вопросом, — попытался увильнуть Девлин.

— Но, ваше преподобие, так нечестно, — запротестовала вдова. — Я ответила на *ваш* вопрос, не спрашивая о причинах; почему бы вам не сделать того же самого для меня?

— Что за вопрос он задал? — вклинилась Анна, озираясь по сторонам, но ее проигнорировали.

— Я спрашиваю, это какая-то особая разно-

видность лжи или нет, если лжец — служитель Божий?

Девлин вздохнул:

— Это особая разновидность лжи, только если священник использует свою духовную власть во зло. Пока ложь не имеет отношения к его сану, никакой разницы нет. Мы все равны в глазах Господа.

— Ах вот как, — отозвалась вдова. — Благодарю. Итак, вы только что сказали, что беседовали на богословские темы, ваше преподобие. А можно и мне поучаствовать?

Девлин вспыхнул. Открыл было рот — и замялся: никакого алиби у него наготове не нашлось.

— Когда я очнулась в тюрьме, преподобный Девлин был рядом, — пришла к нему на помощь Анна. — Он молился за меня, и молится с тех самых пор.

— То есть вы говорили о молитве? — не отступалась вдова, по-прежнему обращаясь к Девлину.

Но к капеллану уже вернулось самообладание.

— Помимо всего прочего, — подтвердил он. — Еще мы обсуждали Божий промысел и нежданные Дары.

— Восхитительно, — обронила Лидия Уэллс. — И часто ли вы, ваше преподобие, навещаете юных

девиц в отсутствие их опекунов, дабы обсудить тет-а-тет теологические проблемы?

— Вы едва ли являетесь опекуншей мисс Уэдерелл, — возразил Девлин, оскорбленный подобным обвинением. — Она жила самостоятельно не один месяц еще до того, как вы прибыли в Хокитику; что за внезапная нужда у нее в опеке?

— Насколько я могу судить, нужда эта и впрямь велика, — парировала Лидия Уэллс, — учитывая, как бессовестно ее прежде использовали в этом городе.

— Не могу не подивиться выбранному вами наречию, миссис Уэллс! То есть вы хотите сказать, что сейчас ее не используют?

Лидия Уэллс заметно напряглась.

— Возможно, вы не находите повода для радости в том, что эта молодая женщина больше не торгует еженощно своим телом, то и дело подвергаясь риску физического насилия и ежедневно одурманивая себя презренным наркотиком, — холодно проговорила она. — Возможно, вы бы предпочли, чтобы она вернулась к прежней жизни.

— Хватит с меня этих ваших «возможно»! — вспыхнул Девлин. — Что за дешевая риторика! Это все равно что запугивание, а запугать себя я

не позволю. Не позволю, и все тут.

— Ваше обвинение меня глубоко озадачивает, — пожала плечами Лидия Уэллс. — И кого же это я запугиваю?

— Да ради всего святого, девушка вообще лишена свободы! Она здесь оказалась против воли, и вы держите ее на немыслимо коротком поводке!

— Анна, — проговорила Лидия Уэллс, по-прежнему обращаясь к Девлину, — ты пришла в «Удачу путника» против воли?

— Нет, мэм, — отвечала Анна.

— Почему ты пришла и поселилась здесь?

— Потому что вы мне предложили, и я согласилась.

— Что именно я тебе предложила?

— Вы предложили авансом заплатить мой долг мистеру Клинчу и сказали, что я могу поселиться у вас в качестве вашей компаньонки, если стану помогать вам в вашем бизнесе.

— Я свои договоренности выполнила?

— Да, — убито признала Анна.

— Спасибо, — отозвалась вдова. Она не сводила глаз с Девлина, а к чаю так и не притронулась. — Что до длины поводка, меня крайне удивляет, что вы протестуете против жизни добродетельной и аскетичной и ратуете за — как вы сказали? — за

«свободу». Какую именно свободу, уточните, пожалуйста. Свободу якшаться с теми самыми мужчинами, что некогда развращали ее и дурно с нею обращались? Свободу обкуриваться до одурения в каком-нибудь китайском притоне?

— Но почему вы сделали ей такое предложение, миссис Уэллс? — не удержался от подначки Девлин. — Почему вы предложили заплатить долги мисс Уэдерелл?

— Из жалости к девушке, естественно.

— Чушь, — фыркнул Девлин.

— Прошу прощения, но Аннино благополучие меня весьма заботит, — возразила Лидия Уэллс.

— Да вы на нее посмотрите! За минувший месяц от бедняжки только тень и осталась. Она голодает. Вы ее голодом морите.

— Анна, — промолвила Лидия Уэллс, словно выплюнув это имя, — я морю тебя голодом?

— Нет, — отвечала Анна.

— По-твоему, ты голодаешь?

— Нет, — повторила Анна.

— Избавьте меня от этой пантомимы, — заявил Девлин, разозлившись не на шутку. — Вам никакого дела до этой девочки нет. Вы ее жалеете ничуть не больше, чем кого бы то ни было, а насколько я о вас наслышан, жалости в вас ни

на грош.

— Еще одно чудовищное обвинение, — вздохнула Лидия Уэллс. — И от кого же? От тюремного капеллана! Полагаю, мне следует очистить свое доброе имя. Анна, расскажи его преподобию, чем ты занималась в Данидине.

Повисла пауза. Девлин искоса глянул на Анну: уверенности у него слегка поубавилось.

— Говори, что ты сделала, — настаивала Лидия Уэллс.

— Я повела себя в вашем доме как змея подколодная.

— А именно? Расскажи ему в точности, что ты сделала.

— Я спала с вашим мужем.

— Верно, — подтвердила Лидия Уэллс. — Ты соблазнила моего мужа мистера Уэллса. А теперь расскажи его преподобию вот что. Как поступила в отместку я?

— Вы меня отослали, — отвечала Анна. — В Хокитику.

— В каком положении?

— Беременную.

— Беременную от кого, будь так добра?

— От вашего мужа, — прошептала Анна. — От Кросби.

Девлин потрясенно слушал.

— Итак, я отослала тебя прочь, — покивала вдова. — И я по-прежнему считаю, что поступила правильно?

— Нет, — покачала головой Анна. — Вы раскаялись. Вы попросили у меня прощения. Не единожды.

— Ты точно уверена? — с деланым изумлением переспросила миссис Уэллс. — А то вот его преподобие утверждает, что мне никакого дела нет до благополучия ближних, тем более, надо полагать, тех, кто играет роль искусительницы под моим же собственным кровом! Ты точно уверена, что я способна попросить у тебя прощения?

— Довольно! — воскликнул Девлин, воздевая руки. — Довольно.

— Это правда, — заявила Анна. — Это правда, что она просила у меня прощения.

– *Довольно*.

— А теперь, когда вы оскорбили мою порядочность всеми мыслимыми способами, — проговорила вдова, наконец-то берясь за чашку, — может быть, вы мне все-таки скажете, на сей раз без обмана, что вы делаете в моей гостиной?

— Я доставил мисс Уэдерелл сообщение личного характера, — признался Девлин.

Вдова обернулась к Анне:

— Что такое?

— Вы не обязаны ей отвечать, — быстро произнес Девлин. — Если не хотите, то не обязаны. Ни единым словом.

— Анна, — угрожающе произнесла Лидия Уэллс, — что еще за сообщение?

— Его преподобие показал мне некий документ, — объяснила Анна, — в силу которого половина состояния, найденного в хижине Кросби, принадлежит мне.

— Ах вот как, — обронила Лидия Уэллс. И хотя голос ее звучал невозмутимо, Девлину показалось, что в глазах ее мелькнула паника. — А кому же принадлежит вторая половина?

— Мистеру Эмери Стейнзу, — отвечала Анна.

— Где этот документ?

— Я его спрятала.

— Ну так пойди принеси! — рявкнула Лидия.

— Не делайте этого, — быстро вмешался Девлин.

— Не пойду, — отозвалась Анна, даже не притрагиваясь к лифу.

— Вы могли бы, по крайней мере, оказать мне любезность и рассказать всю правду как есть, — упрекнула Лидия. — Вы оба.

— Боюсь, для нас это невозможно, — промолвил Девлин, прежде чем Анна успела открыть рот. — Понимаете, эти сведения имеют отношение к преступлению, до сих пор не раскрытому. Помимо всего прочего, речь идет о попытке шантажировать некоего мистера Алистера Лодербека.

— Простите? — переспросила вдова.

— Что? — удивилась Анна.

— Боюсь, ничего больше я вам сообщить не могу, — отозвался Девлин, отмечая, к вящему своему удовлетворению, что вдова побледнела как полотно. — Анна, если вы хотите идти в суд немедленно, я сам вас туда провожу.

— Правда? — покосилась на него Анна.

— Да, — подтвердил Девлин.

— И что тебе вдруг понадобилось в суде? — осведомилась Лидия Уэллс.

— Мне нужна помощь адвоката, — объяснила Анна. — Это мое гражданское право.

Миссис Уэллс устремила на Анну непроницаемый взгляд.

— Нелучшим же образом ты отплатила мне за доброту, — негромко произнесла она наконец.

Анна подошла к Девлину и взяла его под руку.

— Миссис Уэллс, — проговорила она, — я не за

доброту вашу отплатить собираюсь.

Юпитер в Козероге

Глава, в которой Обер Гаскуан веселится от души; Коуэлл Девлин снимает с себя ответственность, а Анна Уэдерелл совершает ошибку.

В Хокитикском дворце правосудия, прибежище магистратского суда, процесс велся по-простецки, без особых церемоний. Зал заседаний был обтянут веревками — ни дать ни взять загон для стрижки овец. Чиновники округа сидели позади ряда рабочих столов, отгородившись таким образом от мятущейся толпы; во время судебной сессии эти столы создавали своего рода баррикаду между должностными лицами и общественностью, каковой полагалось стоять. Место судьи, на данный момент пустовавшее, представляло собою просто-напросто капитанское кресло на помосте, правда для большей представительности задрапированное овечьими шкурами. Тут же торчал огромный флаг Соединенного Королевства, закрепленный на древке, чересчур коротком для полотнища такого размера. Ткань

легла бы складками на землю, если бы какая-то предприимчивая душа не догадалась подставить под древко пустую винную бочку, — эта подробность скорее подрывала, нежели усиливала впечатление от штандарта.

Утро в суде малых сессий выдалось хлопотливое. Апелляционную жалобу миссис Уэллс об аннулировании сделки по продаже имущества Кросби Уэллса наконец-то удовлетворили, а это означало, что состояние Уэллса, прежде помещенное на хранение в Резервный банк, перешло в фонд мирового судьи. Комиссионные Харальда Нильссена в размере четырехсот фунтов назад не потребовали по двум причинам: во-первых, эта сумма явилась законным вознаграждением за честно выполненную работу; во-вторых, за это время она была полностью пожертвована на строительство новой тюрьмы в Сивью. Не подобает, заявил судья, отзывать благотворительный дар, тем более такой щедрый и бескорыстный, и похвалил Нильссена, в его отсутствие, за оказанное городу благодеяние.

Теперь еще предстояло детализировать разнообразные судебные расходы, по большей части отражавшие многочасовые попытки судебных чиновников отыскать свидетельство о рождении

покойного мистера Уэллса. Эти расходы тоже возместят из наследства миссис Уэллс, каковое, за вычетом налогов и сборов и после всех бессчетных корректив, ныне составляло чуть больше трех с половиной тысяч фунтов. Эта сумма будет выплачена миссис Уэллс в любой валюте по ее желанию, как только Резервный банк произведет все необходимые расчеты. У миссис Уэллс есть что сказать? Нет, нету, — но, выплывая из здания суда, она одарила Обера Гаскуана широкой улыбкой, и глаза ее сияли.

— Эй, Гаскуан!

Гаскуан, завороженно уставившийся в пространство, заморгал:

— Да?

В дверях стоял его сослуживец Берк, с пухлым бумажным конвертом в руках.

— Джимми Шоу говорит, ты в морском страховании здорово разбираешься.

— Точно, — подтвердил Гаскуан.

— Ты не возьмешь на себя еще одну работенку? Только что поступила.

Гаскуан, нахмурившись, воззрился на конверт:

— Что еще за «работенка» такая?

— Письмо от некоего Джона Хинчера Гаррити, — объяснил Берк, потрясая конвертом. —

Касательно очередного кораблекрушения на отмели. Судно «Добрый путь» зовется.

Гаскуан протянул руку:

— Давай гляну.

— Вот спасибо!

Конверт со штемпелем Веллингтона был уже вскрыт. Гаскуан вытащил содержимое. Первый из обнаруженных документов оказался лаконичным письмом от Джона Хинчера Гаррити, члена парламента от избирательного округа Хиткот, в Кентербери. Политик уполномочивал представителя Хокитикского суда от его имени списать средства с частного счета «Группы Гаррити» в Новозеландском банке. Он выражал уверенность, что вложенные документы послужат достаточным объяснением, и заранее благодарил работника банка за труд. Гаскуан отложил бумагу в сторону и обратился к следующей. Это тоже оказалось письмо — на имя «Группы Гаррити», перенаправленное Гаррити в банк.

Хокитика, 25 февраля 66 г.

Господа,

настоящим имею сообщить вам о прискорбном факте крушения барка «Добрый путь», что вплоть до последнего време-

ни находился в моем управлении, на опасной Хокитикской отмели. Владелец корабля мистер Кросби Ф. Уэллс недавно скончался; я улаживаю дела как его доверенное лицо. Насколько мне известно, приобретя «Добрый путь», Кросби Ф. Уэллс унаследовал также и все существующие страховые полисы от предыдущего владельца А. Лодербека, члена «Группы Гаррити», и, следовательно, поскольку на судно «Добрый путь» распространяется защита и возмещение в рамках данной ассоциации, я бы хотел выбрать все средства, определенные мистером Лодербеком для этой цели, дабы оплатить подъем затонувшего судна. Прилагаю полный перечень всех понесенных расходов, договоры купли-продажи, квитанции, сметы, описи и т. д. и остаюсь,

искренне ваш,

Фрэнсис У. Р. Карвер

Гаскуан нахмурился. Что это еще Карвер затеял? Кросби Уэллс со всей определенностью не покупал «Доброго пути»; судно приобрел сам Карвер под именем Уэллса. Гаскуан пролистал

оставшиеся страницы, по-видимому присланные Карвером мистеру Гаррити в доказательство законности своих притязаний: заключение начальника порта о крушении судна, сводный баланс по долговым обязательствам, разнообразные расписки и свидетельства. Наконец, в самом низу стопки обнаружился экземпляр купчей на судно «Добрый путь», по-видимому принадлежавший лично Карверу. Гаскуан вытащил листок из пачки и присмотрелся к подписи. На документе значилось «Фрэнсис Уэллс»! Что за игру ведет Карвер? Однако, вглядевшись внимательнее, Гаскуан обнаружил, что эффектный росчерк рядом с буквой «Ф» вполне может сойти за «К»… да, действительно! Между «К» и «Ф» даже чернильная точка очень удачно втиснулась. Чем дольше Гаскуан изучал бумагу, тем больше убеждался в ее неоднозначности: Карвер, должно быть, поставил фиктивное имя с далекоидущей целью. Гаскуан встряхнул головой, а затем рассмеялся.

— Что это тебя так позабавило? — вскинул глаза Берк.

— Да так, пустяки, — отмахнулся Гаскуан.

— Ты ж только что смеялся, — не отставал Берк. — В чем шутка-то?

— Никакой шутки нет, — заверил Гаскуан. —

Это я в знак одобрения, вот и все.

— И чего ты такое одобряешь?

— Хорошо выполненную работу.

Гаскуан вновь вложил бумаги в конверт и встал, намереваясь немедленно отнести авторизационное письмо Джона Хинчера Гаррити в банк, — как вдруг дверь фойе открылась и вошел Алистер Лодербек. За ним по пятам следовали Джок и Огастес Смиты.

— Ага! — воскликнул Лодербек, заметив в Гаскуановой руке письмо. — Я, выходит, как раз вовремя. Да-да, я утром получил весточку от самого Гаррити. Тут путаница возникла, так я пришел внести ясность.

— Мистер Лодербек, я полагаю, — сухо отозвался Гаскуан.

— Мне нужно побеседовать с глазу на глаз с судьей, — промолвил Лодербек. — И срочно.

— В настоящий момент судья обедает.

— Где он обедает?

— Боюсь, что не знаю, — отозвался Гаскуан. — Дневное заседание начнется в два; вы можете до тех пор подождать. Прошу прощения, джентльмены.

— А ну стойте-ка, — заявил Лодербек, едва Гаскуан, поклонившись, направился к выходу. —

Куда это вы направились с этим письмом?

— В банк, — отвечал Гаскуан, он терпеть не мог грубой назойливости, каковую только что продемонстрировал Лодербек. — Мистер Гаррити уполномочил меня произвести от его имени некую финансовую операцию. Прошу меня извинить. — И он снова попытался уйти.

— Погодите! — воззвал Лодербек. — Да погодите вы минуточку! Я ведь по этому самому делу к судье и явился; ни в какой банк вы не пойдете, пока я не выложу все как есть!

Гаскуан смерил его холодным взглядом. Лодербек, по-видимому, понял, что стоит сбавить обороты, и попросил:

— Выслушайте меня, пожалуйста! Как ваше имя?

— Гаскуан.

— Гаскуан, значит? Да, я так и понял, что вы француз.

Лодербек протянул руку; Гаскуан ее пожал.

— Я тогда с вами поговорю, — заявил Лодербек. — Раз уж судью заполучить не могу.

— Я полагаю, вы предпочтете побеседовать при закрытых дверях, — произнес Гаскуан без особой теплоты.

— Да, идет. — Лодербек обернулся к помощ-

никам. — Вы ждите тут, — велел он. — Я через десять минут вернусь.

Гаскуан провел его в кабинет судьи и затворил за собою дверь. Оба уселись в виндзорские кресла, лицом к судейскому рабочему столу.

— Так вот, мистер Гаскуан, — тотчас же заявил Лодербек, подаваясь вперед, — в двух словах: это не что иное, как подстава. Я не продавал «Доброго пути» Кросби Уэллсу. Я продал его человеку, который назвался Фрэнсисом Уэллсом. Но это вымышленное имя. Я тогда этого не знал. Вот этот человек. Ну Фрэнсис Карвер. Это был он. Он взял себе вымышленное имя — Фрэнсис Уэллс, и ему-то под этим именем я и продал корабль. Понимаете, имя как таковое он сохранил. Только фамилию сменил. Суть в том, что он подписал купчую фиктивным именем, а это противозаконно!

— Позвольте, правильно ли я вас понял? — переспросил Гаскуан, притворяясь, будто сбит с толку. — Фрэнсис Карвер утверждает, что «Добрый путь» приобрел Кросби Уэллс… а вы утверждаете, что это ложь.

— Да, ложь! — подтвердил Лодербек. — Это вопиющая махинация! Я продал корабль человеку по имени Фрэнсис Уэллс.

— Которого не существует.

— Это вымышленное имя, — повторил Лодербек. — А настоящее — Карвер. А мне он сказал, что Уэллс.

– *Фрэнсис* Уэллс, — уточнил Гаскуан, — а Фрэнсис — второе имя Кросби Уэллса, и Кросби Уэллс вполне существует или, по крайней мере, существовал. Так что вы, вероятно, ошиблись в отношении личности покупателя. Я нахожу, что разница между «Фрэнсис Уэллс» и «К. Фрэнсис Уэллс» не так уж и велика.

— А что там еще за «К»? — насторожился Лодербек.

— Я внимательно изучил направленный мне экземпляр документа о купле-продаже, — объяснил Гаскуан. — Он подписан К. Фрэнсисом Уэллсом.

— Ничего подобного!

— Боюсь, что именно так, — отозвался Гаскуан.

— Значит, документ был подделан, — настаивал Лодербек. — Был подделан уже позже.

Гаскуан открыл конверт и извлек оттуда купчую:

— При первом рассмотрении мне показалось, что здесь значится просто «Фрэнсис Уэллс». И лишь приглядевшись внимательнее, я заметил и

вторую букву: она написана слитно с «Ф».

Лодербек скользнул глазами по документу, нахмурился, присмотрелся ближе — и щеки его и шея вспыхнули густым румянцем.

— «К» там или не «К», но эту купчую подписал мерзавец Фрэнсис Карвер. На моих глазах, между прочим!

— Сделка была заверена подписью свидетеля?

Лодербек промолчал.

— Если нет, то у нас будет ваше слово против его слова, мистер Лодербек.

— То есть правда против лжи!

На это Гаскуан предпочел не отвечать. Он вновь вложил документ в конверт и разгладил его на колене.

— Это подстава! — негодовал Лодербек. — Я на него в суд подам. Я с него шкуру спущу!

— По какому обвинению?

— По обвинению в мошенничестве, ясное дело. Тут и имперсонация, и подлог.

— Боюсь, свидетельства окажутся против вас.

— Ах вот как, да?

— У закона нет оснований усомниться в подписи, — промолвил Гаскуан, снова разглаживая конверт, — поскольку никаких других документов, официальных или нет, что могли бы

послужить образцом почерка, от мистера Кросби Уэллса не сохранилось.

Лодербек открыл было рот, словно собираясь что-то сказать, но тут же закрыл и покачал головой.

— Это была подстава, — повторил он. — Подстава как есть!

— А почему, как вы думаете, мистеру Карверу в общении с вами понадобилось брать вымышленное имя?

Ответ политика прозвучал неожиданно.

— Я тут нарыл на Карвера кой-какой компромат, — сообщил он. — Его отец занимал видный пост в одной из британских торговых фирм — в «Дент и К°». Может, вы о нем даже слышали. Уильям Рошфор Карвер. Нет? Ну, ладно. Где-то в начале пятидесятых он доверил сыну клипер «Палмерстон», и сын начал возить китайские товары из Кантона туда-сюда под флагом «Дент и К°». Карвер был еще совсем мальчишкой. Его, конечно, здорово избаловали, в столь юном возрасте доверив ему корабль. Ну так вот что мне удалось найти. Весной пятьдесят четвертого года «Палмерстон» обыскали перед выходом из Сиднейской гавани — рутинный досмотр, ничего особенного, — и выяснилось, что Карвер

преступил закон сразу по нескольким статьям. Уклонение от уплаты налогов, нарушение таможенных правил и множество прочих мелких правонарушений. На каждое из них, отдельно взятое, судья мог бы посмотреть сквозь пальцы, но, когда их накопилось так много, закону пришлось принять меры. Карверу дали десять лет на Кокату — десять лет каторжных работ, не шутка! Великое бесчестье. Отец был вне себя от ярости. Он отобрал корабль, лишил сына наследства и, в качестве последнего штриха, постарался очернить имя сына во всех портах и на всех верфях в южной части Тихого океана. К тому времени, как Карвер вышел из тюрьмы, репутация у него была под стать капитану Кидду, по крайней мере среди мореплавателей. Никто из судовладельцев не сдал бы ему в аренду корабль, и ни в какую команду его бы не приняли.

— Так что он взял себе вымышленное имя.

— Точно, — подтвердил Лодербек, откидываясь назад.

— Любопытно, почему он назвался вымышленным именем только вам, — небрежно обронил Гаскуан. — Кажется, ни в каком другом контексте он фамилией Уэллс не пользовался — только при покупке вашего корабля. Мне, например, он

представился как мистер Фрэнсис Карвер.

Лодербек свирепо воззрился на него.

— Вы ж газеты читаете, — упрекнул он. — Или я должен вам все разжевать да в рот положить? Я один раз уже приносил публичные извинения, больше не стану.

Гаскуан наклонил голову.

— А, — обронил он. — Карвер назвался вымышленным именем, то есть Фрэнсисом Уэллсом, чтобы воспользоваться вашей былой связью с миссис Уэллс.

— Именно, — кивнул Лодербек. — Он назвался братом Кросби. Сказал, что сводит счеты за Кросби — за то, что я его жену сбил с пути истинного. Карвер прибег к тактике запугивания, и она сработала.

— Ясно, — кивнул Гаскуан, недоумевая, почему Лодербек не предоставил столь же убедительного объяснения Томасу Балфуру двумя месяцами раньше.

— Послушайте, — сказал Лодербек, — я с вами не лукавлю, мистер Гаскуан, и говорю вам, что закон на моей стороне. О разрыве Карвера с отцом широко известно. У него найдется тысяча поводов взять себе вымышленное имя. Да я, если что, могу его отца попросить дать показания. Как

это Карверу понравится?

— Полагаю, не слишком.

— Вот-вот! — воскликнул Лодербек. — Совсем не понравится!

Гаскуана этот спор начинал понемногу раздражать.

— Что ж, удачи вам, мистер Лодербек. Надеюсь, вы сумеете привлечь мистера Карвера к ответственности, — промолвил он.

— Избавьте меня от банальностей! — рявкнул Лодербек. — Говорите прямо.

— Как скажете, — пожал плечами Гаскуан. — Вы и без меня знаете, что наличие повода — это еще не доказательство. Нельзя осудить человека только за то, что возможно подтвердить, будто у него была веская причина совершить данное преступление.

— Вы мне не верите? — ощетинился Лодербек.

— Ну что вы, — возразил Гаскуан.

— Вам просто кажется, что дело мое проигрышное. Что все мои доводы не выдерживают критики.

— Да. Я считаю, что обращаться с этим делом в суд крайне неразумно, — кивнул Гаскуан. — Простите за резкость. Я, безусловно, сочувствую вашим неприятностям.

По правде говоря, Алистер Лодербек не вызывал у Гаскуана ни тени сочувствия. Сострадать он умел лишь тем, кто стоял на общественной лестнице ниже его, и хотя он признавал, что Лодербек угодил в положение самое что ни на есть незавидное, тем не менее богатство и высокое положение политика служили в глазах Гаскуана достаточным утешением в любых неприятностях, с какими тому предстояло столкнуться в ближайшее время. Более того, малая толика несправедливости пойдет Лодербеку даже на пользу! Глядишь, еще усовершенствуется как политик, думал Гаскуан, — натура довольно-таки деспотичная, по крайней мере в частных своих суждениях.

— Я дождусь судьи, — буркнул Лодербек. — Он-то разберется, что к чему.

Гаскуан засунул конверт в карман пиджака, туда же, где сигареты.

— Я так понимаю, что в настоящий момент Карвер пытается выбрать средства из вашей страховки на условиях «защита и возмещение», чтобы выплатить кредиты, которые брал в ходе работ по подъему затонувшего судна.

— Именно так.

— А вы желаете закрыть ему доступ к деньгам.

— Правильно.

— На каких основаниях?

Лодербек побагровел.

— На каких основаниях? — вскричал он. — Этот мерзавец меня облапошил, мистер Гаскуан! Он все это с самого начала спланировал! Вы дурак, если считаете, что я сдамся без боя! Или это вы мне и советуете? Сдаться без боя?

— Мистер Лодербек, — парировал Гаскуан, — я не дерзну давать вам какие бы то ни было советы. Я лишь отмечаю, что нарушений закона не вижу. В своем письме к мистеру Гаррити мистер Карвер ясно дал понять, что действует от имени мистера Уэллса, поскольку мистер Уэллс, как вы знаете, мертв. На сторонний взгляд, Карвер поступает как нельзя благороднее, улаживая дела от имени судовладельца, поскольку сам судовладелец заняться ими не может. И я не вижу, как вам удалось бы это опровергнуть.

— Но это неправда! — взорвался Лодербек. — Кросби Уэллс не покупал корабля! Фрэнсис Карвер подписал треклятый документ за другого человека! Это подлог чистой воды!

— Боюсь, доказать это будет непросто, — возразил Гаскуан.

— Почему? — недоумевал Лодербек.

— Потому что, как я вам уже объяснил, образцов настоящей подписи Кросби Уэллса у нас нет, — пояснил Гаскуан. — В хижине не обнаружили никаких документов, а его свидетельство о рождении и лицензия на золотодобычу пропали бесследно.

Лодербек открыл было рот, чтобы возразить, — и снова отчего-то передумал.

— О! — внезапно воскликнул Гаскуан. — Мне тут в голову пришло…

— Что? — встрепенулся Лодербек.

— Его брачное свидетельство. Там должна быть его подпись, верно?

— А, — кивнул Лодербек. — Да.

— Но нет, — тут же передумал Гаскуан, — этого недостаточно. Чтобы доказать, будто подпись покойного подделана, одного образчика почерка мало.

— А сколько надо? — осведомился Лодербек.

— Я юридических подробностей не знаю, — пожал плечами Гаскуан. — Но предполагаю, что для подтверждения несоответствий поддельной подписи потребуется несколько образчиков настоящей.

— Несколько образчиков, — эхом откликнулся Лодербек.

— Ну что ж, — промолвил Гаскуан, вставая. — Ради вас надеюсь, мистер Лодербек, что вы чего-нибудь да отыщете, но между тем, боюсь, закон вменяет мне в обязанность выполнить поручение мистера Гаррити и отнести эти документы в банк.

* * *

Выйдя из «Удачи путника», капеллан не сразу проводил Анну Уэдерелл в суд. Вместо того он отвел девушку в гостиницу «Голова Гаррика», где заказал порцию рыбного пирога — тамошнее круглогодичное фирменное блюдо — и стакан подслащенного лимонного напитка. Затем усадил Анну за стол, поставил перед нею тарелку с едой и велел подкрепиться; она молча послушалась. Как только тарелка опустела, Девлин пододвинул ей через стол напиток и спросил:

— Где мистер Стейнз?

Анну вопрос, похоже, не удивил. Она взялась за стакан, пригубила, поморщилась — слишком сладко! — и помолчала немного, не сводя глаз с собеседника.

— Вдали от моря, — наконец выговорила она. — Где-то в глубине страны. Не знаю доподлинно где.

— К северу или к югу отсюда?

— Не знаю.

— Его удерживают насильственно?

— Не знаю.

— А по-моему, знаете, — возразил Девлин.

— Не знаю, — запротестовала Анна. — Я его не видела с января, и я понятия не имею, почему он вот так пропал бесследно. Я только знаю, что он жив и что он где-то на суше.

— Потому что вам бывают вести. В вашей голове.

— Вести — не совсем то слово, — промолвила Анна. — Я не так сказала. Это скорее… впечатление. Вроде как пытаешься вспомнить недавний сон, помнишь общие очертания и само от него ощущение, но никаких подробностей, ничего в точности. И чем сильнее напрягаешь память, тем больше расплывается картина.

— То есть у вас «ощущение» такое, — нахмурился Девлин.

— Да, — кивнула Анна.

— У вас такое ощущение, что мистер Стейнз жив и находится где-то вдали от моря.

— Да, — подтвердила Анна. — Но подробностей сообщить не могу. Я знаю, что это какое-то заболоченное, слякотное место. Или густо заросшее.

Где-то у воды, только не на взморье. Вода текучая, быстрая. По камням журчит… Понимаете, как только я пытаюсь облечь впечатление в слова, оно ускользает.

— Все это звучит слишком туманно, милая.

— Не туманно, — возразила Анна. — Я вполне уверена. Так бываешь уверен, что видел сон… ты *знаешь*, что видел сон… но подробностей не помнишь.

— И как давно у вас эти «ощущения»? То есть сны?

— Только с тех пор, как я отказалась от прежнего ремесла, — отвечала Анна. — Со времен того провала в памяти.

— Иначе говоря, с тех пор, как пропал Стейнз.

— С четырнадцатого января, — кивнула Анна. — С этого самого числа.

— И образы всегда повторяются — вода, жидкая грязь? Сон всегда один и тот же?

— Нет.

Пояснять девушка не стала.

— Ну же, что еще? — не отступался Девлин.

— Ох, — смущенно промолвила она. — На самом деле просто обрывки впечатлений. Переживания. Образы.

— Образы чего?

Она смущенно отвернулась:

— Образы меня.

— Боюсь, я не вполне понимаю.

Она перевернула руку ладонью вверх:

— Его мысли обо мне. Мистера Стейнза то есть. О чем он грезит, когда меня представляет.

— То есть вы видите себя, но его глазами.

— Да, — обрадовалась Анна. — Именно.

— Должен ли я предположить, что мистер Стейнз относится к вам с большим уважением?

— Он любит меня, — произнесла Анна и, помолчав мгновение, повторила: — Он меня любит.

Девлин критически оглядел ее.

— Понятно, — проговорил он. — А мистер Стейнз признавался вам в любви?

— Нет, — покачала головой Анна. — В том нет нужды. Я ж все равно об этом знаю.

— И часто у вас бывают такие ощущения?

— Очень часто, — подтвердила она. — Он обо мне все время думает.

Девлин кивнул. Вот теперь ситуация наконец-то прояснилась, и по мере того, как приходило понимание, у священника сжималось сердце.

— Вы влюблены в мистера Стейнза, мисс Уэдерелл?

— Мы об этом говорили, — призналась она. —

В ту ночь, когда он исчез. Мы болтали всякую ерунду, и я ляпнула какую-то глупость про безответную любовь, и тут он посерьезнел, заставил меня умолкнуть и сказал, что безответной любви не бывает, тогда это и не любовь вовсе. Сказал, что любовь — свободный дар, а любящие, соединившись, становятся равными половинками единого целого.

— В этих словах много страсти, — отметил Девлин.

Это ей, по-видимому, понравилось.

— Да, — подтвердила Анна.

— Но даже после всего этого он не объяснился вам в любви?

— Он не давал никаких клятв. Я же сказала.

— И вы тоже не давали.

— Мне случая не представилось, — посетовала девушка. — В ту же ночь он исчез.

Коуэлл Девлин вздохнул. Да, он наконец-то понял Анну Уэдерелл, но понимание это его не обрадовало. Девлин знавал немало несчастных женщин с ограниченными средствами: только полет на крыльях фантазии позволял им вырваться из убогой клетки жалкого существования. Такого рода фантазии неизбежно приправлялись волшебством: покровительство ангелов, при-

глашение в рай, — и история Анны, при всей ее трогательности, казалась столь же невероятной. Да это же мучительно ясно как день! Единственный перспективный холостяк в кругу Анниных знакомых пылает любовью настолько глубокой и чистой, что все различия между ними уже не важны? Он не мертв — он просто пропал бесследно? Он посылает ей «вести», доказывающие силу его чувства, — и слышать их дано только ей? Все это — чистой воды фантазии, думал про себя Девлин. Бедная девочка сама себе все напридумывала. Юноша, конечно же, мертв.

— Вам хочется, чтобы мистер Стейнз любил вас всем сердцем, да, мисс Уэдерелл?

Анну намек явно обидел:

— Он вправду меня любит.

— Но я не об этом спрашивал.

Девушка сощурилась:

— Всем хочется, чтобы их любили.

— Это правда, — печально подтвердил Девлин. — Мы все хотим быть любимы и нуждаемся в любви, сдается мне. Без любви мы — никто.

— Здесь вы единодушны с мистером Стейнзом.

— В самом деле?

— Да, — подтвердила Анна. — Он сказал бы в точности то же самое.

— Ваш мистер Стейнз прирожденный философ, мисс Уэдерелл.

— Право, ваше преподобие, вы только что сказали комплимент самому себе, — внезапно улыбнулась Анна.

Какое-то время оба молчали. Анна потягивала свой подслащенный напиток, Девлин угрюмо озирал обеденную залу гостиницы. Но вот Аннина рука легла на грудь, где под тканью по-прежнему таилась подделанная дарственная.

Девлин вскинул глаза.

— У вас достаточно времени, чтобы пересмотреть свое намерение, — промолвил он.

— Я просто хочу посоветоваться с юристом.

— Вы уже посоветовались со священником.

— Ага, — кивнула Анна. — «Блаженны кроткие».

Девушка тут же пожалела о своей дерзости: ее лицо и шея вспыхнули жарким румянцем, и она отвернулась.

Внезапно Девлину расхотелось иметь с нею дело. Он отодвинулся от стола и сложил руки на коленях.

— Я провожу вас до здания суда, но не дальше, — объявил он. — Как вы распорядитесь документом, что у вас в руках, меня не касается.

Знайте, что лгать, выгораживая вас, я не стану. И уж конечно, не стану лгать в суде. Если меня спросят, я без колебаний скажу правду: что вы подделали подпись своей собственной рукой.

— Хорошо, — отозвалась Анна, вставая. — Большое спасибо за пирог. И за напиток. И спасибо за все, что вы сказали миссис Уэллс.

Девлин тоже поднялся.

— Вам не следует меня благодарить, — промолвил он. — Боюсь, я вышел из себя. Я повел себя нелучшим образом.

— Вы были великолепны, — заверила Анна, шагнула вперед, положила ладони ему на плечи и деликатно поцеловала в щеку.

* * *

К тому времени, как Анна Уэдерелл явилась в Хокитикский суд, Обер Гаскуан уже отбыл в Резервный банк, надежно затолкав конверт от Джона Хинчера Гаррити во внутренний карман пиджака. Алистер Лодербек также давно покинул здание. Анну принял незнакомый ей краснолицый адвокат по фамилии Друган. Он проводил посетительницу к нише в дальнем конце зала, где оба уселись по разные стороны стола, грубо сколоченного из сосновых досок. Не говоря ни

слова, Анна протянула адвокату обгоревший документ. Юрист положил его на стол, выровнял точно по краю и, сложив ладони козырьком у глаз, погрузился в чтение.

— Где вы это взяли? — спросил Друган наконец, поднимая глаза.

— Мне этот документ передали, — объяснила Анна. — Анонимно.

— Когда?

— Нынче утром.

— Как именно передали?

— Кто-то подсунул его под дверь, — солгала Анна. — Пока миссис Уэллс была здесь, в здании суда.

— Была здесь, в здании суда, где ей сообщили, что по ее апелляции сделку наконец-то аннулировали, — скептически отметил Друган. И вновь вернулся к дарственной. — Кросби Уэллс… и Стейнз — тот самый парень, о котором ни слуху ни духу… а мисс Уэдерелл — это вы. Странно. Есть мысли насчет того, кто мог подбросить вам документ?

— Нет.

— Или зачем?

— Нет, — повторила Анна. — Наверное, кто-то захотел оказать мне добрую услугу.

— И вы совсем не представляете кто? Даже не догадываетесь?

— Нет, — помотала головой Анна. — Мне всего лишь хотелось бы знать, правильная ли это дарственная.

— Вроде бы с ней все в порядке, — заверил Друган, придирчиво изучая документ. — Но это вам не чек на определенную сумму, верно? Тем более в настоящей ситуации — когда уже восемь недель прошло, а мистер Стейнз так и не отыскался.

— Не понимаю.

— Так вот. Даже *если* дарственная действительна, у нашего общего друга мистера Стейнза больше нет в наличии двух тысяч фунтов. Все его имущество было изъято по причине его отсутствия. Решение суда вступило в силу в прошлую пятницу. Парню очень повезет, если он сумеет наскрести несколько сотен из того, что осталось.

— Но ведь дарственная обязательна для исполнения, — настаивала Анна. — В любом случае.

Юрист покачал головой:

— Я же объясняю, милая девушка, наш мистер Стейнз не может отдать вам две тысячи фунтов, разве что каким-то чудом отыщется живым, а при нем — куча наличности. Его участки перешли в другие руки. Их перекупили.

— Но ведь дарственная обязательна для исполнения, — повторила Анна. — А как же.

Мистер Друган улыбнулся:

— Боюсь, закон работает не совсем так. Представьте себе вот что. Я могу прямо сейчас выписать вам чек на миллион фунтов, но это не значит, что вы разбогатеете на миллион, если у меня в кармане ни монеты и никто за меня не поручится, так? Деньги всегда берутся из чьего-то кармана, а если карманы пусты у всех… что ж, ничего не попишешь, кто бы на что ни притязал.

— Но у мистера Стейнза есть две тысячи фунтов, — настаивала Анна.

— Что ж, в таком случае и разговор был бы другим.

— Говорю вам, у мистера Стейнза две тысячи фунтов есть, — повторила Анна.

— Как так?

— Золото из хижины Кросби Уэллса принадлежало ему.

Друган умолк. Несколько секунд он смотрел на посетительницу во все глаза, а затем, совсем другим тоном, произнес:

— Это доказуемо?

Анна повторила все то, что утром рассказал ей Девлин: что золото найдено переплавленным в

слитки и каждый отмечен клеймом, подтверждающим происхождение металла.

— Что за прииск?

— Не помню названия, — призналась Анна.

— Откуда у вас эти сведения?

Девушка замялась:

— Я предпочла бы не говорить.

Друган явно заинтересовался:

— Мы можем проверить, так ли это. В конце концов, это золото — одна из составляющих наследственного имущества Уэллса, так что в банке должна найтись соответствующая запись. Мне прямо даже любопытно, почему вопрос этот не вставал раньше. Кто-то в банке замалчивает информацию, надо думать.

— Если окажется, что это правда, тогда, значит, клад мой, так? Две тысячи фунтов из него принадлежат мне. В силу вот этой бумаги.

— Мисс Уэдерелл, — вздохнул Друган, — такие деньги не переходят из рук в руки как нечего делать. Боюсь, это посложнее, чем выписать чек. Но скажу вам, что вы пришли как раз вовремя. Апелляцию миссис Уэллс только что удовлетворили, и причитающаяся ей сумма — в процессе передачи. Я могу с легкостью наложить арест на эти средства, пока мы выясняем, что делать с

вашей бумагой.

— Да, — кивнула Анна. — Вы этим займетесь?

— Если вы согласитесь нанять меня своим адвокатом, я сделаю все возможное, чтобы вам помочь, — заверил Друган, откидываясь назад. — Мой гонорар составляет два фунта в неделю плюс расходы. Выплачивается авансом, разумеется.

Она покачала головой:

— Я не могу заплатить вам заранее. У меня вообще денег нет.

— Вероятно, вы могли бы взять кредит, — тактично предположил Друган, отводя взгляд. — Боюсь, что в финансовых вопросах я строг: я ни для кого не делаю исключений и под честное слово не работаю. Ничего личного, профессия такая.

— Я не могу заплатить вам авансом, — повторила Анна, — но, если вы возьметесь за это дело, я выплачу вам гонорар в тройном размере, как только получу деньги.

— В тройном размере? — Друган мягко улыбнулся. — Судебные процессы зачастую затягиваются на неопределенный срок, мисс Уэдерелл, а порою заканчиваются ничем; нет никакой гарантии, что деньги вообще поступят. Апелляция миссис Уэллс разбиралась два месяца, и, как вы сами только что доказали, это далеко не конец!

— В тройном размере, потолок — сто фунтов, — решительно произнесла Анна. — Но если благодаря вам средства мне выплатят в пределах двух недель, я плачу вам двести фунтов наличными.

Друган изогнул брови.

— Боже правый, — промолвил он. — Сказано смело!

— Профессия такая, — усмехнулась Анна.

Это был ложный шаг. Глаза мистера Другана расширились, он отпрянул. Да она же *шлюха*, подумал он, — и тут он все вспомнил. Это та самая шлюха, которая пыталась покончить с собой на Каньерской дороге в день смерти Уэллса, когда Стейнз пропал без вести! Друган в Хокитику приехал недавно, Анну Уэдерелл в лицо не знал и имя ее соотнес с событиями не сразу. Лишь после ее бесстыдной реплики юрист внезапно понял, кто перед ним.

Но Анна приняла его замешательство за обычную нерешительность:

— Так вы согласны на мои условия, мистер Друган?

Друган смерил ее взглядом.

— Я наведу справки в Резервном банке касательно предполагаемой переплавки, — промолвил

он холодно. — Если слухи, пересказанные вами, подтвердятся, мы заключим контракт; если нет, боюсь, я ничем не смогу вам помочь.

— Вы очень добры, — поблагодарила Анна.

— Ничего подобного, — грубо буркнул Друган. — Где мне вас найти, скажем, часа через три?

Анна замялась. В «Удачу путника» она вернуться не могла. Денег у нее при себе не было, но, может, какой-нибудь старый приятель угостит ее стаканчиком в одном из баров на Ревелл-стрит.

— Я просто вернусь, — пообещала она. — Я вернусь к вам сюда.

— Как угодно, — отозвался Друган. — Давайте перестрахуемся и скажем, допустим, в пять.

— В пять, — подтвердила Анна.

Она протянула руку, чтобы забрать обгоревший документ, но Друган уже открыл бумажник и спрятал туда бумагу.

— Пусть пока у меня побудет, — промолвил он.

Луна в Овне, неполная

Глава, в которой Те Рау Тауфаре делает поразительное открытие.

Те Рау Тауфаре, очень собою довольный, перепрыгивал с камня на камень на отмели Арахуры, спускаясь по течению реки к берегу. Весь прошлый месяц он провел с отрядом землемеров в долине Десепшн, и кошелек его был туго набит; в придачу нынче утром ему попался роскошный кус *kahurangi pounamu*[61], и под весом камня наплечная сума хлопала добытчика по спине при каждом шаге.

А в Мафере между тем уже пришла пора копать сладкий картофель *kumara*. Тауфаре знал об этом, поскольку в северном небе низко над горизонтом появилась звезда *Whanui*[62]: она сияла далеко за полночь и заходила задолго до рассвета. Его

[61] Сноски: 61

Самая прозрачная, ярко-зеленая разновидность нефрита, считается наиболее ценной.

[62] Сноски: 62

Название звезды Вега у маори.

народ называл этот месяц *Pou-tu-te-rangi*[63] — «столп, подпирающий небо», — ведь ночами *Te Ikaroa*[64] повисал молочно-белой аркой от севера к югу в черном куполе небес, между *Whanui* на севере и *Autahi*[65] на юге, и пролегал точно через алый драгоценный камень *Rehua*[66] прямо над головой. Каждую ночь на мгновение небо превращалось в идеальный компас с пылевидной полоской звезд вместо иглы. С восходом *Whanui* урожай начнут выкапывать из земли; после того настанет *Paenga-wha-wha*[67], когда клубни складывают по краю полей, сортируют и пересчитывают, а потом засыпают на хранение в ямы и амбары, про запас на грядущие зимние месяцы. После *Paenga-wha-wha* год приблизится к концу, или, как говорит *tohunga*[68], «к новой смерти».

---

[63] Сноски: 63
Десятый лунный месяц (март-апрель).

[64] Сноски: 64
Название Млечного Пути у маори.

[65] Сноски: 65
Название Канопуса, самой яркой звезды в созвездии Киль, у маори.

[66] Сноски: 66
Название Антареса у маори.

[67] Сноски: 67
Одиннадцатый лунный месяц (апрель-май).

[68] Сноски: 68
В культуре новозеландских маори *tohunga* — это мастер, овладевший

каким-либо искусством либо знанием религиозного или мирского характера (жрецы, целители, резчики, строители, советники и т. д.).

Тауфаре обогнул излучину, выбрался с мелководья и вскарабкался на берег. С каждым днем хижина Кросби Уэллса выглядела все более жалко. Железная крыша проржавела до пламенеюще-оранжевого оттенка, известка из белой сделалась ярко-зеленой; крохотный садик, заботливо взращиваемый Уэллсом, давно пришел в запустение. Тауфаре прошелся по тропе, с прискорбием отмечая все эти приметы упадка, — и вдруг замер как вкопанный.

Внутри кто-то был.

Тауфаре медленно подкрался поближе и заглянул сквозь открытую дверь внутрь, в полумрак комнаты. На полу скорчился человек — не то мертвый, не то просто спал. Он лежал на боку, подтянув колени к самой груди и отвернувшись от двери. Тауфаре подошел еще ближе. Рассмотрел, что незнакомец одет в брюки и пиджак, а не в старательский молескин. Заметил, что ткань над ребрами чуть колышется, поднимается и опускается в лад дыханию. Спит, стало быть.

Тауфаре переступил порог, стараясь, чтобы его тень не упала на спящего и не разбудила его. Неслышно пробравшись вдоль стены, он наконец смог разглядеть лицо незнакомца. Тот был совсем юн. Спутанные волосы потемнели от грязи и

жира; кожа лица по контрасту казалась совсем белой. Он мог бы показаться красивым, если бы не пережитые лишения. Веки его пестрели багровыми крапинками, под глазами пролегли глубокие тени. Дышал он неровно, рывками. Тауфаре оглядел юношу с ног до головы. Платье его, что, похоже, много недель подряд носили не снимая, густо пропиталось грязью и пылью всех мыслимых разновидностей и истрепалось до лохмотьев. Однако пиджак некогда выглядел нарядно — это сразу бросалось в глаза! — а шейный платок, одеревеневший от грязи, отличался модным покроем.

— Мистер Стейнз? — прошептал Тауфаре.

Юноша открыл глаза.

— Привет, — промолвил он. — Эй, привет.

— Мистер Стейнз?

— Да, это я, — подтвердил юноша. Его высокий голос звучал звонко и живо. Он приподнял голову. — Простите меня. Простите. Это территория маори?

— Нет, — заверил Тауфаре. — Как долго ты тут пробыл?

— Так здесь не территория маори?

— Нет.

— Мне надо на территорию маори, — встрепе-

нулся юноша, с трудом приподнимаясь в сидячее положение. Левую руку он неловко держал у груди.

— Зачем? — спросил Тауфаре.

— Я кое-что закопал, — объяснил Стейнз. — Под деревом. Но деревья, они все друг на друга похожи, так что я малость запутался. Слава богу, вы подоспели — я жутко признателен.

— Ты исчез, — напомнил Тауфаре.

— На каких-нибудь три дня, — промолвил юноша, снова опрокидываясь навзничь. — Кажется, три дня назад все случилось. У меня в голове все дни смешались; никак в них не разберусь. В одиночестве часов не считаешь. Послушайте, вы вот на это не глянете, будьте так добры?

Он оттянул горловину рубашки, и Тауфаре увидел, что темная грязь на шейном платке — это на самом деле липкая и вязкая застарелая кровь. Прямо над ключицей зияла рана — и даже с расстояния в несколько футов Тауфаре видел, что дело обстоит хуже некуда. Рана уже загноилась, почернела в середке, от нее лучами расходились алые росчерки. На белизне груди темнели черные крапинки пороха; из чего маори заключил, что ранение, конечно же, пулевое. По-видимому, какое-то время назад в Эмери Стейнза выстрелили

с очень близкого расстояния.

— Тебе нужно лекарство, — промолвил он.

— Точно, — подтвердил Стейнз. — Именно так. Вы не принесете? Я буду вам бесконечно признателен. Но я боюсь, имени вашего я не знаю.

— Меня зовут Те Рау Тауфаре.

— Да вы маори! — заморгал Стейнз, словно впервые разглядев собеседника. Взгляд его скользнул куда-то в сторону, затем снова сфокусировался. — Так это территория маори?

Тауфаре указал на восток.

— Земля маори там, — промолвил он.

— Там? — Стейнз посмотрел в указанном направлении. — Тогда почему вы тут, если ваш участок там?

— Это дом моего друга, — пояснил Тауфаре. — Кросби Уэллса.

— Кросби, Кросби, — повторил Стейнз, закрывая глаза. — Его облапошили, верно? Господи, ну и пьет же он. Бездонная бочка как есть. А куда он подевался-то? Золотишко ищет?

— Он мертв, — сообщил Тауфаре.

— Мне бесконечно жаль это слышать, — пробормотал Стейнз. — Какой страшный удар. А вы ведь его друг… его близкий друг! И Анна… Примите мои соболезнования, прошу вас… Но я уже

позабыл ваше имя.

— Те Рау, — напомнил Тауфаре.

— Да, точно, — подтвердил Стейнз. — Точно. — Он обессиленно помолчал мгновение, а затем выговорил: — Вы ведь меня туда отведете, правда, дружище? Вам ведь ничего не стоит, правда?

— Куда?

— На территорию маори, — объяснил Стейнз, снова закрывая глаза. — Понимаете, я закопал на территории маори кучу золота, и, если вы мне поможете, я и вам не пожалею щепотки. Отсыплю вам сколько скажете. Сколько душе угодно. Место я помню в точности: там еще дерево растет. А под деревом золото закопано. — Он вновь открыл глаза и устремил на Тауфаре умоляющий, затуманенный взгляд.

Тауфаре попытался подступиться еще раз:

— Так где же вы были, мистер Стейнз?

— Искал свой золотой клад, — выдохнул юноша. — Я знаю, он на территории маори… но территория маори никак не обозначена, верно? Никаких заборов вдоль границы. Если верить поговорке, на Западном побережье невозможно заблудиться: с одной стороны горы, с другой — океан… но я, кажется, малость запутался, Те Рау. Вас ведь зовут Те Рау, правильно? Да. Да, я

заблудился.

Тауфаре шагнул вперед и опустился на колени. Вблизи рана юноши выглядела еще хуже. В центре черного пятна образовалась плотная корка, сквозь которую проглядывала желтизна. Маори протянул руку и коснулся щеки Стейнза, проверяя температуру.

— Да ты весь в жару, — промолвил он. — Рана очень плоха.

— Вот уж не думал не гадал, — проговорил Стейнз, глядя на собеседника широко раскрытыми глазами. — Я ж только с корабля был, совсем зеленый. А ничто так не бросается в глаза, как зелень. Вообще не гадал не думал. Господи, до чего ж я рад вас видеть, прямо услада для усталых глаз! Мне страшно неловко за всю эту путаницу. И страшно жаль этого вашего приятеля Кросби, жаль, вот честно. А что у вас с собой за лекарство, вы сказали?

— Я принесу, — пообещал Тауфаре. — Ты здесь жди.

Особых надежд маори не питал. Мальчишка бредит, до Хокитики на своих двоих он не дойдет, слишком слаб; его нужно переправить туда на телеге либо на носилках, а Тауфаре достаточно насмотрелся на хокитикскую больницу, чтобы

понимать: люди приходят туда умирать, а не выздоравливать. Стены там были сколочены из самых обычных обшивочных досок, натянутая парусина заменяла потолок, пронизывающий тасманский ветер задувал в щели, и с каждым его порывом поднималась новая какофония кашля и хрипов. Там разило грязью и хворью: еще бы — ни свежей воды, ни чистого белья и только одна палата! Больным приходилось спать бок о бок, а порою даже в одной постели.

— Поделим пополам, — бормотал юноша. — По мне, очень даже справедливо. Половина вам, половина мне. Как вам такой расклад? Будем напарниками.

Тауфаре прикидывал в уме расстояние. Он может по-быстрому сбегать в Хокитику, предупредить доктора, нанять телегу или бричку какую-нибудь и вернуться самое раннее через три часа… но не поздно ли будет? Продержится ли парень? Сестра Тауфаре умерла от лихорадки и в последние свои дни очень походила на Стейнза сейчас: глаза яркие, оживлена — и вместе с тем слаба и безостановочно болтает невнятицу. Если он уйдет, малый, чего доброго, умрет. Но что он может сделать, даже если останется? Внезапно решившись, Тауфаре наклонил голову и произ-

нес *karakia*[69] о выздоровлении недужного.

– *Tutakina i te iwi,* — нараспев читал он, — *tutakina i te toto. Tutakina i te iko. Tutakina i te uaua. Tutakina kia u. Tutakina kia mau. Tenei te rangi ka tutaki. Tenei te rangi ka ruruku. Tenei te papa ka wheuka. E rangi e, awhitia. E papa e, awhitia. Nau ka awhi, ka awhi*[70].

Тауфаре поднял голову.

— Это стихи такие? — спросил Стейнз, глядя на него во все глаза. — Что они значат?

— Я попросил, чтобы твоя рана зажила, — промолвил Тауфаре. — А теперь я схожу за лекарством. — Он снял наплечную суму, достал оттуда флягу и вложил ее в руки юноши.

— Это курево? — спросил раненый. Его бил легкий озноб. — Я-то к зелью в жизни не притрагивался, но оно вцепляется всеми когтями… точно в каждом пальце — по шипу, а сердце стянула удавка… и ты их все время чувствуешь. Зудят… зудят! Вы ведь не пожалеете для меня

---

[69] Сноски: 69

Заклинания и молитвы маори, произносимые с целью обрести духовное наставление и защиту.

[70] Сноски: 70

Да будут связаны кости. Да будет связана кровь. Да будет связана плоть. Да будут связаны жилы. Да будут связаны прочно. Да будут связаны накрепко. Небо соединяет. Небо связует вместе. Земля укрепляет и дарует поддержку. Небо да объемлет нас. Земля да объемлет нас. Что вами объято, объято воистину *(маори)*.

глотка дыма. Знаю, что не пожалеете. Вы славный парень.

Тауфаре сбросил с плеч шерстяное пальто и укутал раненому ноги.

— Вот подождите, я отыщу то дерево на земле маори, — настаивал юноша. — Отсыплю вам столько унций, сколько душе угодно. Вот только мне бы зелья… А вы к аптекарю пойдете? У меня у Притчарда счет открыт. Притчард — парень что надо. Вы его спросите. Я в жизни к трубке не притрагивался.

— Здесь вода, — промолвил Тауфаре, указывая на фляжку. — Попей.

— Вы чрезвычайно добры, — пробормотал юноша, снова закрывая глаза.

— Будь здесь, — твердо наказал Тауфаре, вставая. — Я пойду в Хокитику и расскажу, где ты. Я очень скоро вернусь.

— Мне б зелья малость, — прошептал Стейнз вслед уходящему. Глаза его оставались закрыты. — А как только вы вернетесь, мы пойдем поищем то золото. Или с курева начнем — да. Чтоб все как полагается. Эта жажда — как безответная любовь! Но разве любовь бывает безответной? Господи милосердный. Он сказал, лекарство. А еще маори!

Марс в Водолее

Глава, в которой Су Юншэн навещает старую приятельницу, а Фрэнсис Карвер дает совет.

Су Юншэн, совершив свою пятифунтовую покупку в лавке Брантона, Соломона и Барнза, тотчас же залег на дно. Хозяин лавки, зарядивший для него оружие, явно что-то заподозрил, хотя банкноту принял безропотно. Он проводил покупателя до двери; шагая прочь, А-Су дважды оглянулся через плечо: тот все еще стоял на пороге, набычившись и скрестив руки на груди. Китаец покупает револьвер за наличные, выкладывает разом всю сумму, отказывается заплатить больше, чем ровно пять фунтов, да еще просит, чтоб оружие тут же зарядили? Такие подозрения при себе не держат. А-Су отлично понимал, что не успеет он дойти до угла Уэлд– и Танкред-стрит, как слухи стремительно распространятся по всей округе. Надо было где-то схорониться до заката, а потом, под покровом ночи, он проберется к самой дальней спальне на первом этаже гостиницы

«Корона».

Но в Хокитике не было никого, кому бы А-Су доверял настолько, чтобы попросить о помощи. Уж конечно, не Анне, теперь — нет. И не Мэннерингу. И не Притчарду. А с прочими участниками тайного совета в «Короне» он даже знаком не был, кроме как с А-Цю, который, конечно же, сейчас в Каньере, землю лопатит. Китаец прикинул, не снять ли комнатушку в какой-нибудь сомнительной харчевне в восточной части города и, скажем, даже заплатить за неделю вперед, чтобы скрыть свои истинные намерения… но даже тогда анонимности ему никто не гарантирует; не факт, что хозяева не пойдут чесать языками. Его присутствие в Хокитике в понедельник утром не прошло незамеченным, даже если не брать в расчет сплетни и толки. На чужую сдержанность лучше не полагаться, решил китаец. Он надумал пойти с револьвером в переулок, что вел параллельно между Ревелл-стрит и Танкред-стрит: этот изрытый колеями проход соединял участки на задворках складов и гостиниц Ревелл-стрит, что выходили на запад, и участки на задворках хижин на Танкред-стрит, что смотрели на восток. Там удалось бы с легкостью спрятаться от посторонних глаз, причем переулок находился

практически в центре города и войти и выйти в него можно было с любой стороны. И, что самое замечательное, заглядывали туда разве что торговцы да почтальоны, обслуживающие гостиницы.

На задворках склада вина и крепких спиртных напитков А-Су нашел неплохое укрытие. К уборной был прислонен лист рифленого железа, образующий что-то вроде односкатного навеса, открытого с обоих концов. Со стороны переулка его заграждал пышный куст новозеландского льна, а со стороны заднего фасада торгового склада — насос для откачки. А-Су забрался в треугольную «нору» и устроился там, скрестив ноги. Три часа спустя он все еще сидел в той же позе, когда по Ревелл-стрит пробежал мистер Эверард, громко извещая глашатаев о том, что Джордж Шепард выдал ордер на арест некоего китайца.

При этих словах А-Су задрожал всем телом. Теперь не приходилось сомневаться, что Фрэнсис Карвер предупрежден. Но у А-Су было преимущество, о котором Карвер, конечно же, не подозревал: благодаря откровенности Уолтера Мади он знал доподлинно, где искать Карвера и когда. Ордер там или не ордер, но Джордж Шепард пока что его не арестовал! А-Су прислушивался

до тех пор, пока крики на Ревелл-стрит не стихли, а затем, улыбаясь краем губ, закрыл глаза.

— Ты чего тут забыл?

А-Су вздрогнул.

Прямо над ним, упершись ладонью в дверь уборной, нависал неопрятный юнец лет двадцати пяти, в просторном пиджаке и рубашке без воротника.

— Тут тебе не ночлежка, знаешь ли, — нахмурился юнец. — Это частная территория. Принадлежит мистеру Чесни. Тут нельзя отсиживаться как у себя дома.

— Ты с кем разговариваешь, Эд? — донесся голос со склада.

— Тут китаеза какой-то — просто сидит себе. Рядом с уборной.

— Кто-кто?

— Да китаец.

— Ему сортир, что ли, занадобился?

— Да нет! — крикнул юнец. — Просто сидит рядышком.

— Ну так скажи ему, чтоб сматывался.

— Давай, пошел отсюда, — приказал юнец, слегка подтолкнув А-Су носком ботинка. — Убирайся. Тебе нельзя здесь быть.

— Так чего он там делает, Эд? — снова донесся

голос со склада.

— Да ничего! — крикнул в ответ юнец. — Просто сидит. С револьвером.

— Что-что?

— У него револьвер, говорю.

— И что он с ним делает?

— Ничего. Не шумит, не буянит, как я вижу.

Пауза. Затем:

— Ну, он ушел уже?

— Убирайся, — повторил Эд, обращаясь к А-Су и подкрепляя свои слова жестом. — Давай-давай, убирайся отсюда.

А-Су наконец-то встрепенулся, выскользнул из-под железного листа и бросился бежать, спиной ощущая озадаченный взгляд юнца. Он нырнул под бельевую веревку и шмыгнул в пахнувшую овсом конюшню позади гостиницы «Империал», пригнувшись и крепко прижимая к груди оружие. За топотом и ржанием лошадей он слышал, как те двое все еще перекликаются друг с другом, обсуждая его. А-Су знал: погоня ждать не заставит, нужно спрятаться, и побыстрее, пока не подняли тревогу. Он кинулся вдоль стойл к дальней стене конюшни и осторожно выглянул за половинчатую дверцу. Его глазам открылся ряд участков, кухни-пристройки с односкатной

крышей, завешенные сукном двери для торговцев, уборные, мусорные ямы. Где схорониться? Китаец задержал взгляд на скоплении строений, составлявших полицейское управление, и среди них — на деревянном домике, где жил Джордж Шепард. Сердце у А-Су екнуло. «А почему бы нет? — подумал он, внезапно расхрабрившись. — Здесь меня станут искать в последнюю очередь».

Он перебежал по тропке от конюшни к ограде полицейского управления, подошел к двери черного хода Шепардова дома и резко постучал. Дожидаясь ответа, он украдкой озирался по сторонам, но переулок был пуст; во дворах и справа и слева — ни души. Если только за А-Су не следили из окна какой-нибудь гостиницы (а как знать наверняка, если сквозь подернутое рябью стекло внутрь не заглянешь?), значит никто не приметит его здесь, с револьвером в руке, в тени Шепардова навеса.

— Кто здесь? — спросил из-за двери женский голос. — Кто здесь?

— К Маргарет, — промолвил Су Юншэн, приблизив губы к деревянной поверхности.

— Кто?

— К Маргарет Шепард.

— Но кто это? Кто ее спрашивает?

Кажется, она тоже приникла губами почти вплотную к дереву — наверное, прижалась к двери с другой стороны.

— Су Юншэн, — отозвался он. И в наступившей тишине добавил: — Пожалуйста.

Дверь открылась; на пороге стояла она.

— Маргарет, — промолвил А-Су. И от избытка чувств поклонился.

Лишь выпрямившись, А-Су позволил себе окинуть ее оценивающим взглядом. Подобно Лидии Уэллс, она почти не изменилась со времен их последней встречи в Сиднейском суде, где дала показания — ложные показания! — спасшие ему жизнь. Волосы ее, отмеченные серебристой дорожкой вдоль пробора, сделались хрупкими и ломкими; несколько прядей, выбившись из-под сеточки для волос, легкой дымкой вились вокруг головы. Если бы не эти мелкие признаки зрелого возраста, черты ее практически не изменились: те же испуганные, бесцветные глаза, те же выступающие зубы, тот же перебитый нос с широкой переносицей, те же смазанные губы; те же боязливая пришибленность и настороженность во всем ее облике. Как легко пробуждается память при виде знакомого лица! Словно наяву, А-Су видел, как она усаживается на свидетельское

место, чинно складывает на коленях затянутые в перчатки руки, щурится на обвинителя, дважды откашливается в клочок батиста, прячет его под манжету платья, снова скрещивает руки на коленях. Лжесвидетельствует ради спасения его жизни.

Она уставилась на гостя во все глаза. Затем прошипела:

— Что ж такое-то?.. — и не то икнула, не то рассмеялась. — Мистер Су… что ж… что ж такое-то? На твой арест ордер выдан… ты не знал? Джордж выдал ордер!

— Можно я войти? — промолвил А-Су. Он прижимал револьвер к бедру и стоял вполоборота, так чтобы заслонить оружие собою; Маргарет его еще не заметила.

В открытую дверь ворвался ветер, внутренние стены домика дрогнули и заходили ходуном. Туго натянутый ситец пошел волнами.

— Быстро! — приказала она. — Ну же, быстрее!

Она втянула гостя внутрь и захлопнула дверь.

— Зачем ты пришел? — прошептала она.

— Ты очень добрая женщина, Маргарет.

Лицо ее сморщилось.

— Нет, — запротестовала она. — Нет.

А-Су кивнул:

— Ты очень добрая.

— Ты ставишь меня в ужасное положение, — прошептала она. — Кто сказал, что я не сообщу Джорджу? Я должна! Ведь ордер на арест выдан, а я вплоть до нынешнего утра думать не думала, мистер Су, вообще не подозревала, что ты здесь. Зачем ты пришел?

А-Су медленно вытащил из-за спины револьвер.

Она в ужасе закрыла рот ладонью.

— Ты меня прятать, — попросил А-Су.

— Не могу, — возразила миссис Шепард, по-прежнему не отнимая руки от губ. Она потрясенно глядела на револьвер. — Ты сам не знаешь, о чем просишь, мистер Су.

— Ты меня прятать до темноты, — настаивал А-Су. — Пожалуйста.

Маргарет чуть пошевелила губами, точно обгладывая собственную ладонь, но тут же резко отдернула руку:

— Куда ты пойдешь, когда стемнеет?

— Взять жизнь Карвера, — объяснил А-Су.

— Карвера…

Она застонала, стремительно отпрянула, замахала рукой, словно веля убрать оружие с глаз долой.

А-Су не стронулся с места:

— Маргарет, пожалуйста.

— Я думать не думала, что когда-либо с тобой свижусь, — промолвила она. — Думать не думала…

Ее прервали на полуслове. В дверь резко постучали: на сей раз в парадную, в дальней части дома.

У Маргарет Шепард перехватило дыхание; на мгновение А-Су испугался, что ее стошнит. А в следующее мгновение она набросилась на него и обеими руками уперлась ему в грудь.

— Ступай, — лихорадочно зашептала она. — В спальню. Прячься под кровать. Чтоб тебя не видно и не слышно было. Ступай. Ступай. Ступай же!

Маргарет втолкнула гостя в их с тюремщиком супружескую спальню. В опрятной, чисто прибранной комнате стояли два комода и кровать со стальной рамой, над ее изголовьем висел вышитый текст из Священного Писания. Но А-Су некогда было оглядываться по сторонам. Опустившись на колени, он заполз под кровать, по-прежнему сжимая в руке револьвер. Дверь затворилась; в комнате сделалось темно. В коридоре послышались шаги, звякнула отодвигаемая задвижка. А-Су перекатился на бок.

Сквозь ситцевую стену было видно, как квадрат света расширился, а затем в него шагнула темная тень — в самую середку. А-Су поежился: повеяло стылым ветром.

— Добрый день, миссис Шепард. Мне нужен ваш муж. Он дома?

А-Су оцепенел. Этот голос был ему хорошо знаком.

По-видимому, Маргарет Шепард покачала головой, потому что Фрэнсис Карвер осведомился:

— А не подскажете, где его искать?

— На стройке, сэр. — Слова ее звучали не громче шепота.

— В Сивью, да?

— Да, сэр.

А-Су баюкал в ладонях револьвер Керра. Выползти из-под кровати, подняться на ноги, поднести дуло к стене — что может быть легче? Пуля пробьет ситцевое полотно как нечего делать. Но как бы не задеть миссис Шепард? Китаец вглядывался в темное пятно на полу, пытаясь понять, где заканчивается тень Карвера и где начинается тень Маргарет.

— Тревогу подняли, — рассказывал Карвер. — Шепард только что выписал ордер на арест. Наш старый приятель Су объявился в городе. Он во-

оружен и на свободе.

Жена тюремщика не отозвалась ни словом. А-Су начал осторожно выбираться из-под кровати.

— Это он по мою душу явился, — сообщил Карвер.

Ответа не последовало, — наверное, Маргарет просто кивнула.

— Так вот, ваш муж оказал мне добрую услугу: предостерег вовремя, — продолжал Карвер. — Передайте ему мою благодарность.

— Передам.

Но уходить Карвер не спешил.

— По слухам, он в Хокитике аж с конца прошлого года, — рассказывал он. — Ну, наш общий друг. Вы с ним, наверное, виделись?

— Нет, — прошептала она.

— Так-таки не виделись? Или вообще про него не знали?

— Не знала, — отозвалась она. — Вплоть до… до сегодняшнего утра.

В спальне, по-прежнему держа револьвер наведенным на тень за ситцевым полотном, А-Су поднялся на колени, затем встал на ноги. И двинулся к стене. Если дуло отвести чуть в сторону, если стрелять вкось, а не в лоб…

— Словом, Джордж мне помог, — продолжал

Карвер. — Он-то про китаезу уже давно знал. Глаз с него не спускал. А вам он, значит, ничего не говорил?

— Нет, — прошептала миссис Джордж.

Снова повисла пауза.

— Что ж, не удивляюсь, — обронил Карвер.

А-Су уже подобрался к деревянной раме дверного проема. От квадрата света — парадной двери — его отделяли каких-нибудь шесть футов; двойное ситцевое полотно — вот и все, что находится между ним и Карвером. А вооружен ли Карвер? Узнать можно только одним способом: распахнуть дверь и оказаться с ним лицом к лицу, но тогда А-Су потеряет драгоценные секунды и не застанет противника врасплох. И все-таки китаец не смел выстрелить, опасаясь ранить миссис Шепард. Он всматривался в тени на ткани, пытаясь понять, где именно стоит Маргарет. А дверь открывается влево или вправо?

Черное пятно на ситце словно бы слегка сгустилось.

— Вы всю жизнь за это расплачиваетесь, — промолвил Карвер. — Так?

Молчание.

— А ему все равно мало.

Молчание.

— Ему не нужно ваше раскаяние, — объяснял Карвер. — Зарубите это себе на носу, миссис Шепард. Он не раскаяния от вас добивается. Ему нужно то, что принадлежало бы ему, и никому другому. Джордж Шепард мечтает о мести.

Миссис Шепард наконец-то нарушила молчание:

— Джорджу отвратительна сама мысль о мести. Он считает, это зверство. Говорит, месть подсказана ревностью, а не справедливостью.

— Он прав, — кивнул Карвер. — Но всем нам ревность не чужда.

Темная полоса на пороге поблекла, растаяла; шаги Карвера удалялись. Входная дверь закрылась, звякнул металл — миссис Шепард задвинула засов и набросила цепочку. Послышалась легкая поступь, дверь в спальню распахнулась. Миссис Шепард оторопело переводила взгляд с А-Су на револьвер в его руке.

— Идиот! — воскликнула она. — Среди бела дня! И сержант полиции — в пяти шагах!

А-Су промолчал. Миссис Джордж снова икнула. Голос ее поднялся на октаву выше, зазвучал между шепотом и визгом:

— Да ты вообще в своем уме? Как ты думаешь, что станется со мною — со мною! — если ты этого

человека застрелишь у меня на пороге? Как ты можешь… о чем ты думаешь… тут в пяти шагах дежурный сержант… без… и Джордж! Да что ж такое-то!

А-Су устыдился.

— Прости, — пробормотал он, уронив руки.

— Меня вздернут, — сетовала Маргарет Шепард. — Точно вздернут. Уж Джордж об этом позаботится.

— Не хотел плохо, — промолвил А-Су.

Истерика Маргарет тут же сменилась ожесточением.

— Не хотел плохо, — передразнила она.

— Страшно жаль, Маргарет.

Ему и впрямь было страшно жаль. Чего доброго, он упустил свой шанс. Чего доброго, она сейчас выставит его на улицу или позвонит в колокольчик и позовет мужа или сержанта кликнет… и его схватят, и Карвер останется безнаказанным.

Маргарет шагнула вперед и осторожно вытащила револьвер из его пальцев. Мгновение подержала в руке — и опасливо отложила на этажерку, дулом к стене. Нерешительно помялась на месте, не глядя на гостя. Несколько раз вдохнула поглубже. А-Су ждал.

— Побудь здесь до темноты, — выговорила

она наконец еле слышно. На собеседника она по-прежнему не глядела. — Спрячься под кроватью, пока опасность не минует, а когда стемнеет, уйдешь.

— Маргарет, — промолвил А-Су.

— Что? — прошептала она, отпрянув и бросив быстрый взгляд сперва на крепление для лампы, затем на спинку кровати. — Что?

— Спасибо, — поблагодарил А-Су.

Миссис Шепард покосилась на него и тут же быстро опустила глаза на его грудь и живот.

— Тебя в этой рубахе за милю узнают, — пробормотала она. — Ты ж китаец до мозга костей. Подожди здесь.

Десять минут спустя она вернулась, неся на руке пиджак и брюки и в придачу мягкую шляпу.

— Примерь-ка, — предложила она. — Брюки я ушью по размеру, а рубашку в тюрьме одолжишь. Ты отсюда выйдешь англичанином, мистер Су, или не выйдешь вовсе.

Nga potiki a rehua[71] / Дети Антареса

Глава, в которой мистер Стейнз чудом избегает смерти, а мисс Уэдерелл, напротив, падает замертво.

Те Рау Тауфаре добрался до Притчардовой аптеки к половине четвертого; когда же пробило четыре, они с Притчардом уже сидели в наемной бричке, запряженной парой лошадей, и мчались на север так быстро, насколько позволяла повозка. Притчард, с непокрытой головой, привстав, отчаянно нахлестывал взмыленных скакунов. В оттопыренном кармане его пиджака покоилась склянка с лауданумом, вязко плещущаяся жидкость ржавого цвета маслянисто растекалась внутри по стеклу: эта пленка то истончалась, то уплотнялась всякий раз, как под колеса брички попадался камень.

Тауфаре обеими руками вцепился в спинку сиденья, борясь с подступающей тошнотой.

— Он сказал, ему нужен я! — в восторге твердил

---

[71] Сноски: 71
Дети Антареса *(маори).*

себе под нос Притчард. — Не врач, а *я*!

* * *

Чарли Фрост, будучи допрошен юристом мистером Друганом, сказал правду. Да, золото, обнаруженное в доме Кросби Уэллса, было уже в слитках. Переплавкой занимался златокузнец-китаец Цю Лун, который вплоть до нынешнего утра был единственным наемным рабочим, старательствующим на «Авроре», руднике мистера Стейнза. Мистер Друган занес эти факты в свою записную книжку и весьма учтиво поблагодарил молодого банковского служащего за помощь. Затем он извлек на свет обгоревшую дарственную, полученную от Анны Уэдерелл, и, не говоря ни слова, протянул ее собеседнику через стол.

Фрост потрясенно воззрился на документ.

— Тут подпись! — воскликнул он.

— Что такое? — насторожился Друган.

— Эмери Стейнз подписал этот документ в какой-то момент в пределах последних двух месяцев, не раньше, — твердо заявил Фрост. — Разве что подпись поддельная… но я знаю его почерк: это его рука. Когда я видел бумагу в последний раз, напротив этого имени зиял пробел. Никакой подписи там не стояло.

— То есть он жив? — промолвил юрист.

* * *

Свернув на Коллингвуд-стрит, Бенджамин Левенталь с удивлением обнаружил, что аптека Притчарда заперта и в окне магазина красуется табличка «Закрыто». Он обошел здание кругом и на задней веранде обнаружил Притчардова подручного, мальчишку по имени Джайлз. Тот мирно читал газету.

— Где мистер Притчард? — осведомился Левенталь.

— Вышел, — отозвался мальчишка. — А вам чего надо?

— Таблетки для печени.

— Повторный рецепт?

— Да.

— Я вам отпущу. Заходите через черный ход.

Мальчишка отложил газету, и Левенталь последовал за ним внутрь, через Притчардову лабораторию и в лавку.

— Чтобы Джо да бросил заведение в понедельник в разгар рабочего дня — в жизни того не бывало! — размышлял вслух Левенталь, пока мальчишка занимался его заказом.

— Он уехал с туземцем.

— С Тауфаре?

— Понятия не имею, как его звать, — пожал плечами мальчишка. — Туземец вбежал как не в себе. Двух часов не прошло. Сообщил что-то мистеру Притчарду, мистер Притчард тотчас же послал меня нанять для них обоих бричку, и они сразу же рванули в Арахуру — ни дать ни взять ночные всадники.

— Ах вот как, — заинтересовался Левенталь. — А ты не знаешь зачем?

— Нет, — покачал головой мальчишка. — Но мистер Притчард взял с собою целую склянку лауданума и еще полный карман порошка. Туземец сказал: «Ему нужно лекарство», я своими ушами слышал. А кому нужно — не сказал. И мистер Притчард все твердил что-то, чего я не понял.

— И что же он такое твердил? — уточнил Левенталь.

— «Шлюхина пуля», — произнес мальчишка.

* * *

— Ба! Анна Уэдерелл!

Судя по его тону, Клинч был не столько удивлен, сколько потрясен до глубины души.

— Привет, Эдгар.

— Что ты тут делаешь? Милости просим!.. Я

очень рад, что ты пришла… но что ты тут делаешь? — И он поспешил из-за стойки навстречу гостье.

— Мне нужно где-то подождать до пяти, — объяснила девушка. — Могу я злоупотребить твоим гостеприимством на несколько часов?

— Злоупотребить — да скажешь тоже! Никакого злоупотребления! — воскликнул Клинч, беря ее руки в свои. — Ну да, конечно же, разумеется! Проходи ко мне в кабинет. Чайку попьем? С печеньем? До чего ж приятно тебя видеть. Просто замечательно! А хозяйка твоя где? И куда это ты к пяти собралась?

— У меня назначена встреча в суде, — объяснила Анна Уэдерелл, вежливо высвобождая руки и отступая на шаг.

Улыбка Клинча разом погасла.

— Тебя вызвали в суд? — встревоженно переспросил он. — Допрашивать будут?

— Да нет, не в том дело. Я наняла адвоката, вот и все. Наняла по собственной воле.

— Адвоката!

— Да, — подтвердила Анна. — Я собираюсь оспорить притязания вдовы.

Клинч себя не помнил от изумления.

— Вот те на! — промолвил он, снова заулыбав-

шись в попытке скрыть свое замешательство. — Вот те на! Ты должна рассказать мне все как есть, Анна, — так что от чая не отвертишься. Я так счастлив, что ты пришла.

— Я рада это слышать, — промолвила Анна. — Я боялась, ты на меня разозлился.

— Как я могу на тебя разозлиться? — воскликнул Клинч. — Я ни за что бы… но почему? — А в следующее мгновение он все понял. — Ты собираешься оспорить притязания вдовы на тот золотой клад.

Анна кивнула:

— Существует документ, в котором наследницей названа я.

— Правда? — вздрогнул Клинч. — Подписанный, как полагается?

— В плите нашелся. У Кросби Уэллса в плите. Кто-то пытался его сжечь.

— Но документ подписан?

— Две тысячи фунтов, — рассказывала Анна. — Ох, Эдгар, ты всегда был мне вместо отца — скажу тебе как на духу. Он мне в подарок их хотел отдать. Две тысячи фунтов в подарок, все сразу. Он меня любит. Он все это время меня любил!

— Кто? — угрюмо переспросил Эдгар Клинч, но ответ он знал и так.

* * *

Уже возвращаясь к себе на Уэлд-стрит, Левенталь услышал, как его окликнули по имени. Он обернулся: к нему решительно шагал Дик Мэннеринг, с газетой под мышкой.

— У меня тут для тебя пикантная новость, Бен, — сообщил Мэннеринг. — Хотя, возможно, ты ее уже слышал. Хочешь пикантную новость?

Левенталь недоуменно нахмурился:

— Что такое?

— По слухам, начальник тюрьмы Шепард выписал ордер на арест мистера Су. Якобы мистер Су нынче утром объявился в Хокитике и выложил наличные за армейский револьвер! Как тебе такое?

— И мистер Су намерен им воспользоваться?

— А зачем покупать оружие, если не для того, чтобы им воспользоваться? — весело откликнулся Мэннеринг. — Помяни мое слово, того гляди посреди города перестрелка начнется. Перестрелка — в американском стиле!

— У меня тоже новости есть, — сообщил Левенталь, едва оба свернули на Ревелл-стрит и зашагали на юг. — Тоже слухи — и не менее пикантные, чем твои.

— Насчет нашего мистера Су?

— Насчет нашего мистера Стейнза, — отозвался Левенталь.

* * *

Цю Лун шинковал овощи на суп в своей хижине в Чайнатауне, когда послышался приближающийся цокот копыт, а затем донесся громкий оклик. Китаец подошел к двери и одной рукой отдернул полог из мешковины.

— Эй, ты, там, — заявил незваный гость, выходя из двуколки. — Тебя вызывают на допрос. Я отвезу тебя в Хокитикский суд.

Цю Лун воздел руки.

— Не А-Су, — объяснил он. — А-Цю.

— А то я не знаю, кто ты такой! — рявкнул незнакомец. — Именно тебя-то и надо! А ну пошли, живо! Двуколка ждет. Пошли.

— А-Цю, — повторил китаец.

— Да знаю я тебя. Это насчет того золота, что ты намыл на «Авроре».

— Арахура? — не расслышал А-Цю.

— Вот-вот, — кивнул незнакомец. — А теперь пошевеливайся. Тебя вызывает мистер Джон Друган, от имени и по поручению магистратского суда.

* * *

Выйдя из Резервного банка, мистер Друган навестил Харальда Нильссена, в конторе «Нильссен и К°». Комиссионер обнаружился у себя в кабинете, где составлял балансовый отчет для Джорджа Шепарда. Занятие было муторное, и Нильссен порадовался возможности отвлечься — то есть радовался он до тех пор, пока юрист не предъявил ему обгоревшую дарственную с подписями Эмери Стейнза и Кросби Уэллса. От лица Нильссена разом отхлынули все краски.

— Вы видели этот документ прежде? — осведомился Друган.

Но Нильссен был из тех, кто учится на собственных ошибках.

— Прежде чем я вам отвечу, — осторожно отозвался он, — мне бы хотелось узнать, кто послал вас и что у вас за дело ко мне.

Юрист кивнул.

— Справедливо, — признал он. — Девчонка Уэдерелл нынче утром получила этот документ из анонимного источника. Бумагу подсунули под дверь, пока ее хозяйка была в отлучке. Речь идет о кругленькой сумме, и, по всему судя, деньги эти девица имеет полное право положить в свой

карман, как вы сами видите. Но уж больно на подставу смахивает. Мы ж не знаем, кто прислал ей дарственную — и зачем.

Один раз Нильссен уже предал Коуэлла Девлина, и дважды предавать его не собирался.

— Ясно, — произнес он с невозмутимым лицом. — То есть вы на мисс Уэдерелл работаете.

— Я со шлюхами не якшаюсь, — резко отозвался Друган. — Я всего лишь пытаюсь разобраться, что к чему. Прощупываю почву, так сказать.

— Безусловно, — пробормотал Нильссен. — Прошу меня простить.

— Это ведь вы занимались распродажей имущества покойного Кросби Уэллса, — продолжал Друган. — Я всего лишь хочу знать, был ли этот документ найден среди его вещей, когда вы явились составлять опись.

— Нет, не был, — чистосердечно заверил Нильссен. — А мы обшарили хижину сверху донизу, уж можете мне поверить.

— Понятно, — кивнул Друган. — Спасибо.

Он встал; Нильссен тоже поднялся на ноги. В этот самый момент колокол на уэслейской церкви прозвонил без четверти пять.

— К слову сказать, какой благородный поступок — это ваше безвозмездное пожертвование, —

промолвил Друган, уже уходя. — Ну, в поддержку новой тюрьмы в Сивью. Очень великодушно с вашей стороны.

— Благодарю вас, — язвительно отвечал Нильссен.

— В наши дни и в нашу эпоху нечасто встретишь настоящего филантропа, — похвалил юрист. — Я вами от всего сердца восхищаюсь.

* * *

— Мистер Стейнз?

Ресницы юноши затрепетали, глаза открылись, помутневший взгляд сфокусировался — и остановился на Джозефе Притчарде, что склонился над раненым.

— Ой, да это ж Притчард, — проговорил он. — Аптекарь.

Притчард осторожно протянул руку и сдвинул воротник Стейнзовой рубашки, открыв взгляду почерневшую рану. Юноша не протестовал. Пока аптекарь осматривал рану, Стейнз умоляюще вглядывался в лицо Притчарда.

— Вам удалось кусочек наскрести? — прошептал он.

— Кусочек чего? — посуровел Притчард.

— Смолы кусочек, — объяснил юноша. — Вы ж

сказали, что уделите мне малость.

— Я принес кое-что, от чего вам полегче сделается, — коротко отозвался Притчард. — Вы, никак, к опиуму пристрастились? Рана ваша в ужасном состоянии.

— Страсть, она как шип, я ж говорил, — забормотал юноша. — Я выстрела даже не слышал, представляете? Я тогда в гробу лежал.

— Как давно вы здесь? Когда вы в последний раз ели?

— Три дня, — промолвил юноша. — Три дня, да? Как мило с вашей стороны. Вы чрезвычайно добры. Кажется, дело было в полночь. Меня потянуло пройтись.

— Он бредит, — промолвил Притчард.

— Да, — кивнул Тауфаре. — Он умрет?

— Он не выглядит слишком уж изможденным, — отметил Притчард, тронув щеку и лоб раненого тыльной стороной ладони. — Кто-то его, по крайней мере, кормил… или, может, он какими-нибудь отбросами перебивался, уж где бы ни пропадал. Господи! Восемь недель. Этот явно жив не одной только молитвой.

Взгляд Стейнза скользнул поверх Притчардова плеча к Тауфаре, что стоял за спиною аптекаря.

— Маори — самые лучшие проводники, — за-

улыбался юноша. — Вы преотлично справитесь.

— Послушайте, — промолвил Притчард Стейнзу, вновь прикрывая воротником его рану, — надо перенести вас в двуколку. Мы отвезем вас обратно в Хокитику, чтобы доктор Гиллис извлек из вашего плеча пулю. Как только вы окажетесь в двуколке, я дам вам кое-что, отчего вам полегчает. Идет?

Юноша уронил голову на грудь.

— Хокитика, — пробормотал он. — Анна Магдалина.

— Анна в Хокитике, она ждет вас, — заверил Притчард. — Пойдемте же. Чем скорее, тем лучше. Мы доставим вас в город еще до темноты.

— Он написал для нее арию, — сообщил юноша. — В подарок. А я так и не дал обета.

Притчард взялся за здоровую руку Стейнза, перекинул ее себе за плечо и встал. Тауфаре подхватил юношу за пояс, и так, вдвоем, они вынесли раненого из хижины и погрузили в двуколку. Юноша по-прежнему бормотал что-то невразумительное. Он весь горел, кожа его лоснилась от пота. Его разместили на сиденье двуколки так, чтобы Притчард и Тауфаре, устроившись по обе стороны, не позволяли ему рухнуть вперед, а Тауфаре еще и укутал ноги раненого своим

шерстяным пальто. Наконец Притчард извлек из кармана и откупорил склянку с лауданумом.

— Боюсь, лекарство очень горькое, но вам тут же полегчает, — пообещал он и поднес флакон к губам юноши, поддерживая свободной ладонью его затылок. — Вот так, — приговаривал он. — Вот так. Легко пьется, правда? Еще глоточек. Вот так. А теперь откиньтесь назад, мистер Стейнз, и закройте глаза. Вы сразу уснете.

* * *

Покинув Хокитикский суд, Алистер Лодербек устремился прямиком в офис судового агента Томаса Балфура. Он шмякнул своим экземпляром купчей на «Добрый путь» о Балфуров рабочий стол, уселся без приглашения и заорал:

— Том, он все никак не уймется! Этот Фрэнсис Карвер опять за свое! Он станет вымогать у меня деньги, пока я, черт возьми, не сдохну!

Балфуру потребовалось немало времени, чтобы осмыслить эту драматическую тираду, разобраться в подробностях страхования по схеме «защита и возмещение», что распространялась на «Добрый путь», и отважиться наконец предположить, что, вероятно, Лодербеку следует признать свое поражение, по крайней мере в этом раунде.

Похоже, Фрэнсис Карвер все-таки взял над ним верх. Неоднозначная подпись — это, безусловно, мастерский ход; оспорить ее Лодербеку будет непросто, а что касается договора страхования на «Добрый путь», так Карвер действительно имеет законное право на эти средства и мистер Гаррити уже санкционировал выплату. Но политик не желал внять разумному совету: он упорно вздыхал, рвал на себе волосы и проклинал Фрэнсиса Карвера. К пяти часам терпение Балфура окончательно иссякло.

— Вы не по адресу обратились, — заявил он наконец. — Я ж в юридических тонкостях ни шиша не смыслю. Вам не со мной надо говорить.

— А с кем же?

— Ступайте потолкуйте с комиссаром полиции.

— Его нет в городе.

— Как насчет мирового судьи?

— Накануне выборов? Да вы с ума сошли!

— Тогда с Шепардом. Ступайте к Джорджу Шепарду, спросите, что он думает по этому поводу.

— Мы с мистером Шепардом не в ладах, — признался Лодербек.

— Ну, допустим, — раздраженно парировал Балфур, — но не забывайте, что Шепард не в ла-

дах и с Карвером! Так что очень может быть, что он поддержит вас.

— А чего Шепард не поделил с Карвером? — спросил Лодербек.

Балфур неодобрительно нахмурился.

— Карвер срок отбывал под началом у Шепарда, — объяснил он. — На каторге. Шепард был сержантом исправительной колонии на острове Кокату, в Порт-Джексоне, а Карвер отбывал там срок.

— Во как! — удивился Лодербек.

— А вы разве не знали?

— Нет, — покачал головой Лодербек. — Откуда бы?

— Я думал, вы в курсе, — отозвался Балфур.

— Да я Джорджа Шепарда в двух шагах не узнаю, — твердо заявил Лодербек.

* * *

Обер Гаскуан покончил со своим делом в Резервном банке ближе к вечеру; когда часы пробили пять, он уже вернулся в здание суда и теперь составлял отчет по судебным заседаниям за прошедший день для «Уэст-Кост таймс». То-то он удивился, когда вдруг открылась входная дверь и вошла Анна Уэдерелл.

Девушка небрежно с ним поздоровалась, спеша обменяться рукопожатием с мистером Друганом. Они перебросились несколькими словами (Гаскуан ничего не расслышал), а затем юрист жестом пригласил ее в отдельный кабинет и закрыл за собою дверь.

— Что там у Анны за дела с Друганом? — осведомился Гаскуан у своего коллеги Берка.

— Без малейшего понятия, — отозвался Берк. — Она уже заходила, пока ты в банке был. Хотела поговорить с юристом по личному вопросу.

— А мне почему не сказал?

— Тоже мне новости! — фыркнул Берк. — Ого, а вот и начальник тюрьмы Шепард.

Джордж Шепард направлялся через вестибюль прямиком к ним.

— Добрый день, мистер Гаскуан, добрый день, мистер Берк, — поздоровался он.

— Добрый день.

— Я пришел за ордером на арест китайца.

— Все готово, сэр.

Берк побежал за ордером. Шепард ждал, сдерживая нетерпение, — подбоченившись и барабаня пальцами. Гаскуан ел взглядом закрытую дверь кабинета. Внезапно за ней послышался глухой стук — как если бы кто-то упал с лестницы, — а в

следующий миг раздался вопль Другана:

— Помогите нам — помогите кто-нибудь!

Гаскуан кинулся к кабинету и распахнул дверь. Анна Уэдерелл лежала на полу ничком, смежив веки, полуоткрыв рот; юрист Друган стоял перед ней на коленях, тряся ее за руку.

— Ни с того ни с сего взяла и вырубилась, — недоумевал Друган. — Прямо вот так и рухнула. Качнулась вперед — и бух на стол! — Он умоляюще обернулся к Гаскуану. — Я ничего такого не делал! Пальцем ее не тронул!

Сзади подошел тюремщик:

— Что тут происходит?

Гаскуан опустился на колени и склонился над девушкой.

— Она дышит, — сообщил секретарь. — Давайте ее приподымем.

И он привел девушку в сидячее положение, дивясь, как она исхудала и исчахла. Голова ее бессильно откинулась назад; Гаскуан поддержал ее, подставив согнутую руку:

— Она головой ударилась?

— Да ничего подобного, — заверил Друган с перепуганным видом. — Просто завалилась набок. Похоже, пьяная. Но когда она вошла, казалось — у нее ни в одном глазу. Я клянусь, что пальцем

ее не тронул.

— Может, просто обморок.

— Вы, оба, головой подумайте, — вмешался Шепард. — Я аж отсюда лауданум чую.

Гаскуан тоже чувствовал густой горьковатый запах. Пальцем он разжал Анне челюсти.

— Рот не запачкан, — сообщил он. — От лауданума язык бы побурел, верно? И зубы окрасились бы.

— Отведите ее в тюрьму, — приказал Шепард.

— Вы хотите сказать, в больницу… — нахмурился Гаскуан.

— В тюрьму, — отрезал Шепард. — Мне осточертела эта шлюха вместе с ее клоунадой. Отведите ее в полицейское управление — и пусть ее прикуют цепью к поручню. Да усадят прямо, чтоб дышать могла.

Друган все качал головой.

— В толк не могу взять, что произошло, — сетовал он. — Она ж пришла трезва как стеклышко, а в следующий миг вдруг вся обмякла и тут же…

Входная дверь снова распахнулась.

— Мистер Цю к мистеру Другану, — возгласили от входа.

Сзади подошел Берк:

— Простите, мистер Шепард, вот ваш ордер на

арест мистера Су.

— Мистер Цю? — удивленно обернулся Гаскуан. — Он-то тут что делает?

— Заберите шлюху, — приказал тюремщик.

* * *

Су Юншэн, скорчившись на голых досках под кроватью Джорджа Шепарда, слушал, как колокол на уэслейской церкви вызванивает половину шестого, — как вдруг в дверь коттеджа снова постучали. Повернув голову набок, он ловил отзвук шагов Маргарет Шепард. Вот она дошла до конца коридора, приподняла щеколду, отодвинула засов, а затем квадрат света на ситцевой стенке снова расширился, и китаец ощутил знобкое дыхание свежего воздуха. На сей раз свет сделался голубее и мягче, а тень в дверном проеме потускнела до приглушенно-серого оттенка.

— Миссис Шепард, я полагаю.

— Да.

— Нельзя ли мне перемолвиться словом с вашим мужем? Он дома?

— Нет, — во второй раз за день ответила Маргарет Шепард. — Он ушел по делам в суд.

— Какая досада. Можно мне его подождать?

— Лучше договоритесь о встрече заранее.

— Я так понимаю, он вряд ли вернется.

— Он часто ночует в Сивью, — объяснила Маргарет. — А иногда задерживается в городе поиграть в бильярд.

— Понятно.

Су Юншэн не мог узнать Лодербека по голосу, однако по интонациям и громкости сразу догадался, что этот человек обладает какой-никакой властью.

— Простите за беспокойство, — продолжал Лодербек. — Вы не откажетесь передать вашему мужу, что я заходил?

— Да, конечно.

— Вы знаете, кто я такой, не так ли?

— Вы мистер Лодербек, — прошептала она.

— Очень хорошо. Передайте мужу, что мне хотелось бы потолковать с ним об одном общем знакомом. По имени Фрэнсис Карвер.

— Я ему скажу.

«Этот человек не доживет до утра», — подумал Су Юншэн.

Дверь снова закрылась, спальня погрузилась в сумрак.

* * *

Коуэлл Девлин отвел Анне Уэдерелл местечко в углу тюрьмы полицейского управления, думая про себя, что бедняжка выглядит куда более жалко, чем двумя месяцами раньше, после попытки самоубийства. Ее не лихорадило, как тогда, она не металась во сне и не бормотала себе под нос, но являла собою картину не в пример горестнее — уснувшая мирным сном, в своем черном траурном платье. До чего же она исхудала! Девлин заковал ее в кандалы с сокрушенным сердцем — и по возможности не туго. А потом попросил миссис Шепард принести девушке одеяло под голову. Та молча повиновалась.

— Как это вообще понимать? — спросил священник Гаскуана, складывая одеяло на колене. — Я Анну не далее как сегодня утром видел. Я сам проводил ее до здания суда! Она что, пошла прямиком к Притчарду и купила склянку этого зелья?

— У Притчарда закрыто, — возразил Гаскуан. — Закрыто весь день.

Девлин подложил руку Анне под голову и подсунул ей вместо подушки свернутое одеяло.

— Так где ж она, ради всего святого, разжилась

лауданумом?

— Может, с собой принесла.

— Нет, — покачал головой Девлин. — Когда она сегодня уходила из «Удачи путника», у нее в руках не было ни дамской сумочки, ни ридикюля. Да и денег при себе не было, насколько мне известно. По-видимому, кто-то снабдил ее зельем. Но зачем?

Гаскуану отчаянно хотелось узнать, за какой такой надобностью Коуэлл Девлин заходил нынче утром в «Удачу путника» и что там такое произошло, но, пока он ломал голову, как бы повежливее задать вопрос, послышался грохот и перестук приближающейся двуколки, а затем — голос Притчарда:

— Эй, вы, там! Это Джо Притчард, с Эмери Стейнзом!

Потрясенная физиономия Девлина смотрелась прямо-таки комично. К тому времени, как священник поднялся на ноги, Гаскуан уже выбежал наружу; капеллан кинулся следом за ним во двор — где Джозеф Притчард уже слез с сиденья возницы и повел лошадей к коновязи у тюрьмы. Тауфаре, устроившись на сиденье двуколки, обеими руками придерживал бледного как смерть юношу с запавшими глазами. Девлин во все глаза

уставился на раненого. И это — Эмери Стейнз? Это безвольное, жалкое создание? Раненый оказался гораздо моложе, чем ему представлялось. Да ему всего-то двадцать один год, а то и меньше. Сущий ребенок, одним словом.

— Тауфаре нашел его в хижине Кросби, — коротко объяснил Притчард. — Он очень болен, как вы сами видите. Помогите нам спустить его наземь.

— Вы ж не в тюрьму его привезли! — возмутился Девлин.

— Конечно нет, — заверил Притчард. — Его в больницу надо. Чтоб доктор Гиллис его срочно осмотрел.

— Не вздумайте, — предостерег Гаскуан.

— Что? — не понял Притчард.

— Там, в больнице, он и часа не протянет, — объяснил Гаскуан.

— Ну, к нему домой мы его тоже доставить не можем, — возразил Притчард.

— Так подыщите ему гостиницу. Снимите ему номер где-нибудь. Все лучше, чем в больнице.

— Помогите же нам, — снова попросил Притчард. — И кто-нибудь, пока суд да дело, пошлите за доктором Гиллисом. Последнее слово за ним.

Эмери Стейнзу помогли спуститься с двуколки.

— Мистер Стейнз, — промолвил Притчард, — вы сознаете, где вы находитесь?

— Анна Магдалина, — пробормотал раненый. — Где Анна?

— Анна здесь, — заверил Коуэлл Девлин. — Здесь, внутри.

Глаза юноши распахнулись.

— Я хочу ее видеть.

— Он бредит, — объяснил Притчард. — Он сам не знает что несет.

— Мне нужна Анна, — проговорил юноша, сознание его словно бы прояснилось. — Где она? Я хочу ее видеть.

— По-моему, он говорит вполне внятно, — возразил Гаскуан.

— Внесите его внутрь, — велел Девлин. — Хотя бы до прибытия доктора. Ну же, он ведь сам этого требует. Внесите его в тюрьму.

Больший злотворитель[72]

Глава, в которой А-Су подслушивает начало разговора.

А-Су затаился на задворках гостиницы «Корона»: присел на корточки, прислонившись спиной к дощатой стене здания и баюкая в ладонях револьвер Керра. Сейчас он совершенно не походил на того человека, который приобрел оружие поутру. Маргарет Шепард отстригла ему косичку, затенила ваксой подбородок и горло, а заодно и брови подвела, нашла ему поношенный пиджак, тюремную твиловую рубашку и красный шейный платок. Стоило ему опустить поля шляпы и поднять воротник пиджака — и китайца в нем не признал бы никто. Он отшагал расстояние в три сотни ярдов от полицейского управления до «Короны», вообще не привлекая к себе внимания, а теперь, в темноте, скорчившись на задворках, он сделался и вовсе невидимым.

В гостинице разговаривали двое: мужчина и

---

[72] Сноски: 72

Больший злотворитель (Большее несчастье) — в средневековой астрологии эпитет планеты Сатурн (Меньший злотворитель — Марс).

женщина. Сквозь щель между оконным ставнем и рамой их голоса доносились до А-Су со всей отчетливостью.

— Похоже, дело выгорит, — рассказывал мужчина. — Кораблик и защищен, и возмещен.

— Но тебя по-прежнему что-то гнетет, — промолвила женщина.

— Ага.

— В чем ты сомневаешься? Деньги, почитай, у тебя в руках!

— Знаешь, не доверяю я темным лошадкам без знакомств и связей. Мне так ничего и не удалось раскопать про этого Гаскуана. Он приехал в Хокитику незадолго до Рождества. Как нечего делать получил место в суде. Живет один. Друзей — никаких. Ты скажешь, легкомысленный щеголь и ничего больше. А я так скажу: откуда мне знать, что он не подсадная утка Лодербека?

— Ну, вообще-то, один знакомый у него есть. На открытие «Удачи путника» он привел друга, как я помню. Явно аристократических кровей.

— А как его звать-то? Ну, этого друга.

— Уолтер Мади его имя.

— Неужто сынок Адриана Мади?

— Вот я тоже сразу так и подумала. У него явно шотландский акцент.

— Ну вот, наверняка они родственники.

Послышался звон сдвигаемых бокалов.

— Я с ним виделся как раз перед отплытием из Данидина, — продолжал мужчина. — С Адрианом то есть. Пьян был вдрызг.

— И крови жаждал небось, — подхватила женщина.

— Не люблю, когда мужик настолько собой не владеет.

— Еще бы, — согласилась женщина. — А такие, как Мади, хуже всего: обожают обижаться, чтобы иметь возможность сорвать свое дурное настроение, а то и сорвать-то его не на ком. Так-то он ничего себе, когда трезвый.

— Как бы то ни было, — продолжал мужчина, — если этот паренек Гаскуан водит дружбу с кем-то из семейки Мади, так он нам отлично подойдет. Наверняка совет его по делу.

— Семейное сходство почти не заметно. Должно быть, материнские черты взяли верх.

Мужчина рассмеялся:

— Тебя, Гринуэй, хлебом не корми, дай высказать свое личное мнение. Уж ты-то за мнением в карман не полезешь.

Снова повисла пауза. Наконец женщина промолвила:

— Кстати, он на «Добром пути» приплыл.

— Мади?

— Ага.

— Нет, быть того не может.

— Фрэнсис! Перестань мне противоречить. Он мне сам сказал тем вечером.

— Нет, — настаивал мужчина. — На борту не было никого с таким именем. Я вез всего-то навсего восемь человек; я потом специально проглядел список пассажиров в газете. Эту фамилию я бы запомнил.

— Может, просто внимания не обратил, — предположила женщина. — Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда мне противоречат. Давай не будем спорить.

— Как я мог не обратить внимания на фамилию Мади? Это ж все равно что не заметить фамилию Ганновер или… или Плантагенет!

Женщина рассмеялась:

— Я бы не приравнивала Адриана Мади к особам королевской крови!

А-Су расслышал, как заскрипело кресло, как под сместившимся весом прогнулись половицы.

— Я лишь хотел сказать, что узнал бы его. Вот ты разве пропустила бы имя Карвер?

Женщина издала неопределенный горловой

звук.

— Он совершенно точно сказал, что прибыл на судне «Добрый путь», — настаивала она. — Я отчетливо это помню. Мы еще обменялись несколькими словами на эту тему.

— Что-то не сходится, — недоумевал мужчина.

— А у тебя есть список пассажиров? Наверняка же найдется экземпляр «Таймс» — от того дня, когда корабль прибыл в гавань. Пошел бы проверил.

— Да, ты права. Подожди минутку, пойду поищу в курительной комнате. Там на секретере лежит целая кипа старых номеров.

Дверь открылась и затворилась снова.

* * *

В соседней комнате зажглась лампа, озарив один из уголков заднего двора приглушенным желтым светом. Карвер находился в курительной комнате гостиницы «Корона» — наконец-то не рядом с Лидией Уэллс. А-Су чуть приподнялся над землей. Он видел сквозь окно, как Карвер, прислонившись спиною к двери, пролистывал стопку газет на секретере. Насколько китаец мог разглядеть, никого больше в комнате не было. В спальне Лидия Уэллс замурлыкала себе под нос

игривую песенку.

А-Су поднялся на ноги. Прижимая револьвер Керра к бедру и двигаясь как можно тише в своих старательских сапогах, он обогнул здание сзади и прокрался к черному ходу. Свернул было в переулок — и застыл как вкопанный.

— Бросай оружие.

В дальнем конце переулка, сжимая в руке пистолет с удлиненной рукояткой, стоял начальник тюрьмы Джордж Шепард. Черты его оставалось в тени. А-Су словно окаменел. Он скосил глаза на Шепардов пистолет и вновь перевел взгляд на его лицо.

— Бросай, иначе стреляю, — повторил Шепард. — Брось эту штуку.

А-Су по-прежнему не отозвался ни словом и с места не сдвинулся.

— Встань на колени и положи револьвер на землю, — велел Шепард. — Делай, что говорю, или умрешь. На колени.

А-Су опустился на колени, но револьвера Керра не выпустил. Палец его теснее прильнул к курку.

— Я пристрелю тебя раньше, чем ты успеешь взвести курок и прицелиться, — пригрозил Шепард. — Даже не надейся. Брось оружие.

— Маргарет, — проговорил А-Су.

— Да, — кивнул Шепард. — Она послала мне записку.

А-Су покачал головой: он ушам своим не верил.

— Она мне жена, — коротко пояснил Шепард. — А до меня была замужем за моим братом. Ты ведь помнишь моего брата, я надеюсь. Наверняка помнишь.

— Нет. — Палец А-Су на курке снова напрягся.

— Ты его не помнишь? Или не считаешь нужным помнить?

— Нет, — упрямо повторил А-Су.

— Давай я освежу твою память, — предложил Шепард. — Мой брат умер в салуне «Белая лошадь» в гавани Дарлинг; его убили выстрелом в висок с близкого расстояния. Теперь вспомнил? Джереми Шепард его звали.

— Я помнить.

— Хорошо, — похвалил Шепард. — И я тоже помню.

— Я его не убивать.

— Вижу, ты опять завел старую песню.

— Маргарет, — произнес Су Юншэн, не вставая с колен.

* * *

– *Фрэнсис!*

— Тише. Помолчи минутку.

— К чему ты прислушиваешься?

— Тише.

— Я ничего не слышу.

— Вот и я тоже. Это хорошо.

— Совсем рядом прозвучало.

— Бедная моя овечка. Ты испугалась?

— Немножко. Я подумала…

— Не бери в голову. Наверняка просто случайность. Кто-то оружие чистил.

— Я тут же навоображала себе этого мерзкого китайца.

— Да ничего он мне не сделает. Он побежит прямиком в «Резиденцию», там-то его и сцапают еще до рассвета.

— Ты ж его так боялся, Фрэнсис.

— Иди сюда.

— Ладно-ладно. Я уже оклемалась. Давай глянем, что ты там нашел.

— Вот. — Зашелестели газетные листы. — Смотри. Маккитчен, Морли, Парриш. Видишь? Всего восемь — и Уолтер Мади нигде не упомянут.

Повисла недолгая тишина — Лидия просматри-

вала газету и сличала дату.

— Убейте, не понимаю, чего ради ему понадобилось лгать на этот счет. Тем более если спустя несколько недель из ниоткуда является его приятель и треплется со мной про страховку. Я, говорит, просто-напросто рассказываю людям про удобные лазейки.

— Выходит, одно из этих имен — фиктивное. Если пассажиров у тебя было действительно восемь и Уолтер Мади в самом деле входил в их число.

— Восемь — все посчитаны. Тем же вечером их доставили на берег лихтером — за шесть-семь часов до того, как судно опрокинулось.

— Значит, он и впрямь плыл под фиктивным именем.

— Но зачем бы?

— Или, может быть, он солгал. Насчет того, что прибыл на «Добром пути».

— Опять-таки, а зачем бы?

По-видимому, Лидия Уэллс и здесь не нашлась с ответом, потому что спустя мгновение спросила:

— Фрэнсис, что думаешь?

— Думаю черкнуть письмо моему старому другу Адриану.

— Да, напиши, — согласилась миссис Уэллс. — Я тоже порасспрашиваю тут и там.

— Но страховое возмещение мы таки выбили. Гаскуан не солгал.

— Давай-ка уже ложиться, — промолвила она, помолчав.

— Тяжелый денек у тебя выдался.

— Не то слово какой тяжелый.

— Все в конце концов закончится хорошо.

— Она получит, что заслужила, — кивнула миссис Уэллс. — И я тоже не прочь получить то, что заслужила, Фрэнсис.

— Ожидание тебя измучило.

— Чудовищно.

— Мм.

— А ты разве не устал ждать?

— Ну… Я не могу похваляться тобою на улицах, как мне бы того хотелось.

— И как же ты намерен мною похваляться?

На это Карвер ничего не ответил. А выдержав небольшую паузу, прошептал:

— Скоро ты станешь миссис Карвер.

— Прямо сплю и вижу, — отозвалась Лидия Уэллс, и после этого к разговорам они вернулись очень нескоро.

Равноденствие

Глава, в которой влюбленные спят мирным сном среди всеобщей суматохи.

Джордж Шепард распорядился, чтобы тело Су Юншэна доставили в его личный кабинет в полицейском управлении и уложили на пол. Черные следы ваксы на подбородке и шее в смерти смотрелись тем более жутко; когда труп внесли в дом, миссис Джордж вдохнула поглубже, словно внутренне укрепляясь против шквала ветра. Коуэлл Девлин, явившийся прямиком из тюрьмы полицейского управления, потрясенно глядел на покойного. «Шляпник» как две капли воды походил на отшельника Кросби Уэллса, который вот так же лежал на этих самых досках два месяца назад — собственно говоря, на той же самой миткалевой простыне, — губы его чуть приоткрылись, один глаз белесо проблескивал сквозь неплотно сомкнутые веки. Лишь спустя мгновение Девлин осознал, кого перед собою видит.

— Это я стрелял, — невозмутимо объяснил Шепард. — Он целился в Карвера. Задумал застре-

лить его в спину через окно. Я как раз вовремя подоспел.

Девлин наконец-то вновь обрел дар речи:

— А вы разве не могли… разоружить его?

— Нет, — отрезал Шепард. — В тот момент — нет. Либо его жизнь, либо жизнь Карвера — выбора не было.

Маргарет Шепард всхлипнула.

— Все равно не понимаю, — промолвил Девлин, скользнув взглядом по ней и вновь оборачиваясь к Шепарду. — С какой бы это стати он целился в Карвера?

— Может быть, ты прояснишь недоумение капеллана, Маргарет? — обратился Джордж Шепард к жене; та снова всхлипнула. — Преподобный, я вам поручу выкопать еще одну могилу.

— Разве не следует отослать прах родне покойного? — нахмурился Девлин.

— У этого никакой родни нет, — возразил Шепард.

— Откуда вы знаете? — не поверил Девлин.

— И снова вам, вероятно, стоило бы спросить мою супругу.

— Миссис Шепард? — неуверенно воззвал Девлин.

Маргарет Шепард задохнулась, закрыла лицо

руками. Шепард обернулся к ней.

— Успокойся! — приказал он. — Ты ведешь себя как ребенок.

Женщина тотчас же отняла ладони от лица.

— Простите мне, преподобный отец, — прошептала она, отводя глаза. Лицо ее было белее мела.

— Да что вы, я все понимаю, — нахмурился Девлин. — Для вас это сильный шок. Наверное, вам стоит прилечь.

— Джордж, — прошептала она.

— Я считаю, сегодня ты сделала нравственный выбор, — проговорил тюремщик, буравя ее взглядом. — Я выношу тебе благодарность.

При этих словах лицо миссис Шепард сморщилось. Она закрыла рот ладонями и выбежала из комнаты.

— Примите мои извинения, — обратился тюремщик к Девлину. — Моя жена чрезвычайно неуравновешенна, как вы сами видите.

— Я ее не виню, — отозвался Девлин. Отношения между Шепардом и его женой очень беспокоили священника, но у него хватало ума не высказывать свои опасения вслух. — Это только естественно — испытывать глубокое потрясение в присутствии смерти. Тем более если был лично знаком с покойным.

Шепард неотрывно глядел на недвижное тело Су Юншэна.

— Девлин, — проговорил он спустя какое-то время, поднимая глаза, — вы со мной не выпьете?

Девлин удивился: подобное приглашение от тюремщика он слышал впервые.

— Почту за честь, — осторожно подбирая слова, проговорил он. — Но может быть, нам пройти в гостиную… или на крыльцо, чтобы не беспокоить миссис Шепард.

— Да. — Шепард отошел к бару. — Вы предпочитаете бренди или виски? У меня есть и то и другое.

— Что ж, — промолвил Девлин, изумляясь все больше, — я уж забыл, когда в последний раз пробовал виски. Чуточка будет в самый раз.

— У меня «Керклистон» есть, — сообщил Шепард, выбирая бутылку и демонстрируя ее гостю. — Вполне сносный.

Он составил вместе две стопки, ухватил их своей широкой лапищей и жестом велел Девлину открыть дверь.

Внутренний двор полицейского управления пустовал; в темноте сделалось зябко. В окнах домов напротив все ставни были опущены; жители уже спали; на закате ветер стих, и воцарилось

полное безмолвие — недвижное, как гладь пруда. Ни звука, ни шелеста — только мошки бьются о стеклянный плафон, закрепленный рядом с дверью коттеджа. Всякий раз, как мошка по спирали снижалась прямо в пламя, с шипеньем вспыхивала искра — и тут же разливался пыльный, едкий запах: насекомое сгорало.

Шепард поставил стопки на перила и плеснул обоим виски.

— Маргарет была женой моего брата, — сообщил он, вручая одну из стопок Девлину и залпом осушая вторую. — Моего старшего брата, Джереми. Я женился на ней после его смерти.

— Благодарю вас, — пробормотал Девлин, принимая стопку и поднося ее к носу.

Тюремщик поскромничал: напиток был не просто сносный. В Хокитике бутылка «Керклистона» стоила восемнадцать шиллингов, а когда спиртное бывало в дефиците, то и двойную цену выкладывали.

— Салун «Белая лошадь», — рассказывал тюремщик. — Вот как это место называлось. Портовая таверна в гавани Дарлинг. Там его убили выстрелом в висок.

Девлин пригубил виски. Напиток отдавал дымком и немного затхлостью, наводя на мысль о

солонине, и новых книгах, и скотном дворе, и гвоздике.

— Так что я женился на его жене, — продолжал Шепард, подливая себе еще. — Как велит моральный долг. Я, преподобный отец, совсем не похож на брата, ни по характеру, ни по склонностям. Он был распутник и пьяница. Я не пытаюсь польстить себе в сравнении с ним, но разницу между нами отмечали очень многие. Еще с тех пор, как мы были детьми. О его браке с Маргарет я почти ничего не знал. Она работала за стойкой в баре. Далеко не красавица, как вы знаете. Но я на ней женился. Поступил как должно. Я женился на ней, я ее обеспечил и поддержал в ее утрате; так, вместе, мы ждали суда.

Девлин молча кивнул, неотрывно глядя на виски и вертя стопку в руке. Он думал о Су Юншэне, чье остывшее тело лежало на дощатом полу внутри, — подбородок и шея выпачканы ваксой, брови вычернены, как у клоуна.

— Бедный грубиян Джереми, — вздохнул Шепард. — Я им отнюдь не восхищался, и, насколько мне известно, он отнюдь не восхищался мною. Буян был тот еще. Я так и думал, что какая-нибудь драка рано или поздно обернется для него погибелью, а в драки он ввязывался то и дело.

Когда я впервые узнал, что брат мой убит, я не слишком-то удивился.

Шепард снова осушил стакан и еще раз его наполнил. Девлин ждал продолжения.

— Это было дело рук некоего китайца. Джереми избил его на улице и, надо думать, унизил. Узкоглазый вернулся мстить. Обнаружил моего брата в съемном номере над таверной: тот дрых пьяным сном. Схватил с туалетного столика пистолет Маргарет, приставил дуло к виску спящего — и готово! Китаеза, понятное дело, попытался сбежать, да сглупил. Добрался только до конца набережной. Сержант полиции сбил его с ног и препроводил в тюрьму той же ночью. Судебное разбирательство назначили на дату шестью неделями позже.

Шепард снова осушил стопку до дна. Девлин глазам своим не верил: он никогда не видел, чтобы начальник тюрьмы пил, — вот разве за трапезой или в медицинских целях. Видимо, смерть А-Су выбила его из колеи.

— Суду полагалось пройти как по нотам, — продолжал тюремщик, наливая себе четвертую стопку. Лицо его заметно раскраснелось. — Во-первых, подозреваемый был китаеза, понятное дело. Во-вторых, он имел веский повод желать

зла моему брату. В-третьих, он не знал ни слова по-английски и не мог защищаться. Ни у кого не осталось ни тени сомнения в том, что китаеза виновен. Все слышали выстрел. Все видели, как он ударился в бегство. Но тут на свидетельскую трибуну поднимается Маргарет Шепард. С недавних пор моя жена, прошу не забывать. Мы были женаты меньше месяца. Она садится — и заявляет вот что. Говорит, китаец ее мужа не убивал. Ее муж-де сам покончил с собою, а она-де об этом знает, потому что своими глазами видела, как он свел счеты с жизнью.

Девлин задумался, а не подслушивает ли Маргарет Шепард из-за двери.

— Ни слова правды в том не было, — рассказывал тюремщик. — Все — чистой воды выдумка. Она солгала. Под присягой. Она опорочила память покойного мужа — память моего покойного брата! — назвав его самоубийцей… и все того ради, чтобы спасти дрянного китаезу от заслуженной кары. Его бы точно вздернули. Ему полагалось качаться в петле. Он совершил преступление — и ушел безнаказанным.

— Почему вы считаете, что ваша жена сказала неправду? — осведомился Девлин.

— Почему я так считаю? — Шепард снова по-

тянулся к бутылке. — Мой брат не из тех, кто способен наложить на себя руки. Вот почему. Еще плеснуть?

— Будьте так добры, — согласился Девлин, подставляя стопку. Отведать виски ему доводилось нечасто.

— Вижу, преподобный, что вы сомневаетесь, — промолвил Шепард, наливая. — Но иначе просто не скажешь. Джереми не из тех, кто способен наложить на себя руки. Не больше, чем я.

— Но с какой стати миссис Шепард лгать под присягой?

— Она в него втюрилась, — коротко пояснил Шепард.

— В этого китайца, — уточнил Девлин.

— Да, — подтвердил Шепард. — В покойного мистера Су. У них в прошлом что-то такое было. Сами понимаете, я ничего подобного не ждал. Но к тому времени, как я это выяснил, мы уже были женаты.

Девлин снова пригубил виски. Собеседники надолго замолчали, вглядываясь в призрачные силуэты домов напротив.

Наконец священник обронил:

— Вы не упомянули Фрэнсиса Карвера.

— А… Карвер, — откликнулся Шепард, взбалты-

вая содержимое бокала. — Да.

— Он-то как связан с мистером Су? — подсказал Девлин.

— У них в прошлом вышла какая-то ссора. В торговле чего-то не поделили.

Все это Девлин уже знал.

— Да?

— Я приглядывал за Су со времен той истории в гавани Дарлинг. Нынче утром мне сообщили, что он купил револьвер у поставщиков на Кэмп-стрит, и я тотчас же запросил ордер на его арест.

— Вы готовы арестовать человека только за то, что он купил револьвер?

— Да, если знаю, что он собирается с этим револьвером сделать. Су поклялся убить Карвера. Клятву дал, говорю. Я понимал, что, когда он наконец-то настигнет Карвера, смертоубийства не избежать. Как только мне стало известно про револьвер, я поднял тревогу. Я установил слежку за гостиницей «Резиденция». Запиской заранее предупредил Карвера. Отдал распоряжение глашатаям с колокольчиками, чтобы объявляли о преступнике по всем дорогам. Я отставал от китайца буквально на один шаг — вплоть до конца.

— А под конец? — осведомился Девлин, выждав

мгновение.

Шепард смерил его холодным взглядом:

— Я вам рассказал, как все случилось.

— Либо его жизнь, либо жизнь Карвера — выбора не было, — повторил Девлин.

— Я действовал в рамках закона, — отрезал Шепард.

— Я уверен, что так, — кивнул Девлин.

— У меня был ордер на его арест.

— Я не сомневаюсь.

— Месть, — твердо заявил Шепард, — подсказана ревностью, а не справедливостью. Это эгоистическое искажение закона.

— Месть по определению эгоистична, — согласился Девлин, — но очень сомневаюсь, что она имеет хоть какое-то отношение к закону.

Он допил виски; Шепард после долгой паузы последовал его примеру.

— Мне страшно жаль, что так вышло с вашим братом, мистер Шепард, — промолвил Девлин, ставя стопку на перила.

— Ну да ничего не поделаешь, с тех пор уж много лет минуло. Все прошло и быльем поросло.

— Проходит отнюдь не все, — возразил капеллан. — Мы не забываем тех, кого любили. Не в наших силах их позабыть.

Шепард вскинул глаза на собеседника:

— Вы говорите словно бы на основании личного опыта.

Девлин ответил не сразу. Помолчав, он промолвил:

— Если я что и затвердил на собственном опыте, так только одно: как невероятно сложно понять ситуацию с чужой точки зрения.

Шепард только буркнул что-то себе под нос. Девлин сошел по ступеням в сумрак внутреннего двора; тюремщик проводил его глазами. У коновязи капеллан обернулся и пообещал:

— Я завтра спозаранку пойду в Сивью и начну рыть могилу.

Шепард не двинулся с места:

— Доброй ночи, Коуэлл.

— Доброй ночи, мистер Шепард.

Он дождался, чтобы Девлин завернул за угол тюрьмы, и только тогда подцепил пустые стопки большим и указательным пальцем, забрал бутылку и вошел внутрь.

* * *

Дверь тюрьмы стояла чуть приоткрытой, дежурный сержант устроился у самого входа, с винтовкой на коленях. Он вопросительно

приподнял брови, осведомляясь, намерен ли капеллан войти.

— Боюсь, все уже спят, — тихо предупредил сержант.

— Ничего, — также шепотом ответил Девлин. — Я только на минуточку.

Пулю из Стейнзова плеча извлекли, рану зашили. Грязную одежду срезали с тела, вымыли лицо и волосы, переодели юношу в молескиновые брюки и просторную твиловую рубаху, взятые в «Скобяных товарах Тайгрина» под честное слово заплатить на следующий день. Пока ему оказывали первую помощь, Эмери то приходил в себя, то снова терял сознание, бормоча имя Анны; однако, едва он осознал, что врач намерен поместить его в гостиницу «Критерион», напротив полицейского управления, он разом открыл глаза. Он не оставит Анну. Без Анны он никуда не пойдет. Больной так разволновался, что врач наконец согласился ублажить его. Для Стейнза соорудили спальное место в тюрьме, рядом с Анниным; было решено заковать его в наручники, чтоб тот не выбивался на общем фоне. Юноша беспрекословно согласился, лег, протянул руку, коснулся Аннина щеки. Спустя какое-то время глаза его закрылись и он заснул.

С тех пор он так ни разу и не просыпался. Они с Анной лежали лицом друг к другу, Стейнз — на левом боку, Анна — на правом, оба — поджав колени к груди, Стейнз — подложив руку под забинтованное плечо, Анна — под щеку. Она, верно, повернулась к нему уже ночью: ее левая рука с вытянутыми пальцами, ладонью вниз, была откинута в сторону.

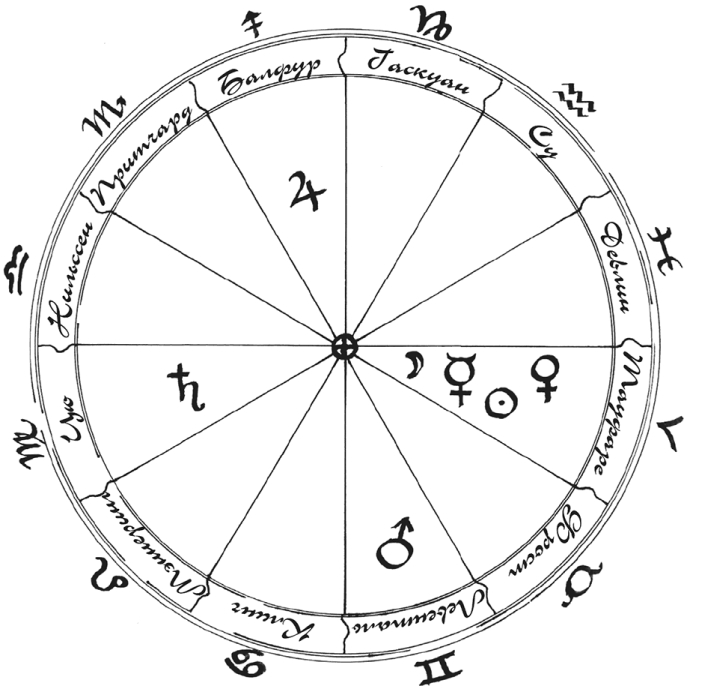
Девлин подошел ближе. Странное чувство, не вполне поддающееся описанию, захлестнуло его. От виски Джорджа Шепарда сделалось тепло в груди и в желудке, в голове ощущалась некая размытая скованность, но рассказ тюремщика удручил и даже расстроил Девлина. Да он того гляди расплачется. Поплакать так приятно. Ну и денек выдался. Он изнемог и телом, и душою. Священник опустил глаза на спящих: позы их зеркально отображали друг друга, и даже дышали он и она в лад.

Так они любовники, подумал он, глядя на Анну и Эмери. Так они все-таки любовники. Священник понял это по тому, как они спали.

Часть IV
Paenga-wha-wha

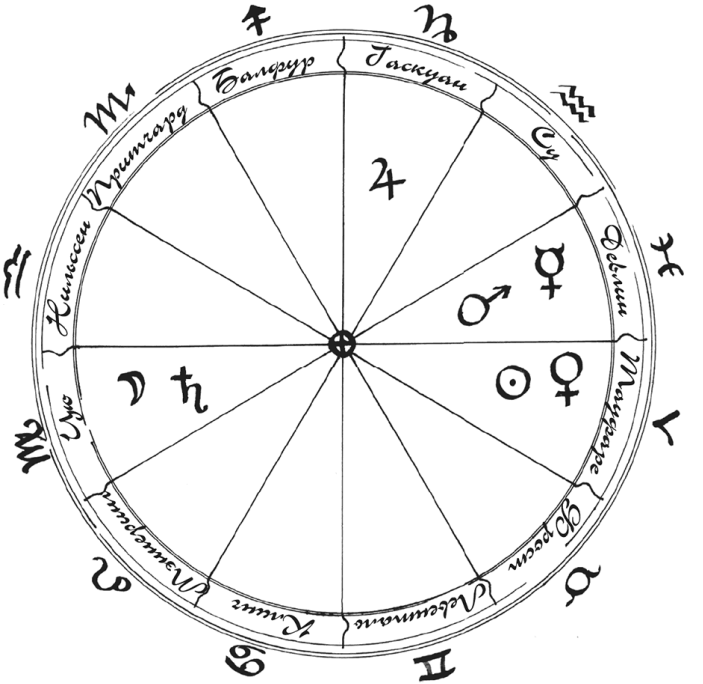
27 апреля 1866 года

45° 52′ 0″ южной широты / 170° 30′ 0″ восточной долготы Данидин

27 апреля 1866 г.

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы Хокитика

Первый градус Овна

Глава, в которой пароход прибывает в Порт-Чалмерс из Сиднея, а двое пассажиров поднялись раньше всех прочих.

Глазам Анны Уэдерелл Новая Зеландия впервые предстала в виде каменистых мысов полуострова Отаго: крапчатые утесы отвесно обрывались в пенные волны, а над ними простерся измятый плащ разнотравья, колеблемого ветром. Только-только рассвело. Над океаном поднимался белесый туман, застилая дальний конец гавани, где холмы приобретали синий, а затем и фиолетовый оттенок, по мере того как морской залив сужался до схождения в одной точке. Солнце еще висело на востоке совсем низко, роняя на воду полосу желтого света и окрашивая в оранжевые тона скалы на западном берегу. Город Данидин пока не обозначился: он прятался за крутым изгибом гавани; на этом участке побережья глаз не различал ни человеческого жилья, ни пасущейся скотины. Сиротливое узкое русло гавани, ясное небо и изрезанный берег, людьми не обжитый

и промышленностью не затронутый, — таковы были первые впечатления Анны.

Впервые земля показалась в серых предрассветных сумерках, так что Анна не видела, как размытая клякса на горизонте росла и загустевала, приобретая очертания полуострова по мере того, как пароход подходил все ближе. Несколько часов спустя девушку разбудила странная какофония незнакомых птичьих голосов, из чего Анна справедливо заключила, что до берега уже недалеко. Она осторожно спустилась с койки, стараясь не потревожить других женщин, в темноте привела в порядок волосы, натянула чулки. К тому времени, как Анна вскарабкалась по железному трапу, кутаясь в шаль, «Попутный ветер» уже огибал внешние мысы гавани, а полуостров был повсюду вокруг — нежданное, невероятное облегчение после стольких недель в открытом море.

— Великолепные, правда?

Анна обернулась. К поручню левого борта прислонился светловолосый юноша в фетровой кепке. Он указал на скалы, и Анна увидела птиц, недобрые крики которых потревожили ее сон: они облаком нависали над обрывом, кружили, разворачивались, ныряли в поток света. Девушка подошла к поручню. Птицы напомнили ей очень

крупных чаек: с крыльями, черными сверху на концах и белыми снизу, чисто-белыми головами и крепкими светлыми клювами. На глазах у Анны одна пролетела перед кораблем совсем низко, чиркнув концами крыльев по поверхности воды.

— Красивые, — промолвила она. — Это буревестники или, может, бакланы?

— Это же альбатросы! — широко улыбнулся юноша. — Самые настоящие альбатросы! Погодите, вот еще вон тот красавец вернется. Сейчас прилетит: он вот уже какое-то время над кораблем кружит. Господи, как это, должно быть, здорово — *летать*! Вы представляете?

Анна улыбнулась. Альбатрос заскользил прочь, развернулся и начал набирать высоту в воздушном потоке; она проводила его взглядом.

— Альбатросы, они столько удачи приносят! — рассказывал юноша. — А как летают — это что-то невероятное! Рассказывают, что они следуют за кораблем многие месяцы, в любую погоду — порою на другой конец света. Одному только Господу ведомо, где побывали эти — и чего насмотрелись, если на то пошло.

Альбатрос развернулся боком и сделался почти невидимым: белой стрелкой, бледной на фоне

неба.

— Очень немногие птицы по-настоящему мифологичны, — продолжал юноша, по-прежнему не сводя глаз с альбатроса. — Ну да, наверное, во́роны и, пожалуй, голуби тоже символичны… но не более чем совы или орлы. То ли дело альбатрос. Ему присущ особый вес… особая знаковость. Существо того же порядка, что и ангелы; от одного названия сердце замирает. Я так рад, что их увидел. Прямо растрогался. Как же чудесно, что они охраняют вход в гавань! Как вам такое знаменье — для города золотоискателей! Я услышал их крики — они-то меня и разбудили — и вышел на палубу, потому что никак не мог понять, что за звуки такие. Сперва подумал, свиньи.

Анна искоса глянула на него. Парень, никак, в друзья набивается? Он говорил так, словно они — близкие приятели, хотя за все время путешествия из Сиднея они на самом-то деле разве что мимолетно здоровались друг с другом: Анна по большей части держалась на женской половине, а юноша — на мужской. Имени его девушка не знала. Разумеется, она видела его издали, но никакого впечатления он на нее не произвел, ни хорошего, ни плохого. А теперь вот оказывается, он — чудак тот еще.

— Я тоже проснулась от птичьих криков, — отозвалась Анна и тут же добавила: — Наверное, мне следует сходить разбудить остальных. Такое дивное зрелище никак нельзя пропустить.

— Не надо, — попросил юноша. — Ох, не надо, пожалуйста. Не выношу столпотворения. Только не в этот час. Кто-нибудь непременно ляпнет: «…И мертвый Альбатрос на мне висит взамен креста…» или «…Старик Моряк, он одного из трех сдержал рукой…»[73] — и весь остаток пути все будут спорить с пеной у рта, пытаясь восстановить поэму от начала и до конца, и перессорятся, выясняя, что за чем идет, лишь бы обставить соседа, кичась собственной памятливостью. Давайте просто полюбуемся сами — вы и я. Рассвет — время глубоко личное, вы не находите? Располагающее к одиночеству. Обычно так говорят про полночь, но мне кажется, что полночь — пора самая что ни на есть компанейская: все спят в темноте бок о бок.

— Боюсь, я нарушаю ваше уединение, — промолвила Анна.

— Нет-нет, что вы, — возразил юноша. — Уединением лучше наслаждаться в компании. — Он

---

[73] Сноски: 73

Из поэмы С. Т. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе». Первая цитата приводится в переводе В. Левика, вторая — в переводе Н. Гумилева.

одарил ее быстрой усмешкой, Анна улыбнулась в ответ. — Особенно в компании одной-единственной родственной души, — добавил он, вновь отворачиваясь к морю. — Это ужасно — чувствовать себя одиноким наедине с самим собою. Я люблю это ощущение, но только когда я не один. Глядите, глядите, какой красавец! Сейчас опишет круг — и вернется.

— Птицы всегда напоминают мне корабли, — промолвила Анна.

Юноша обернулся и жадно воззрился на нее:

– *Правда?*

Анна зарумянилась под его пристальным взглядом. Глаза у юноши были темно-карие, брови густые, губы очень полные. Голову его венчала фетровая кепка с плоским козырьком; из-под нее выбивались темно-золотые пряди: они буйно вились у висков и над ушами. По всей видимости, юноша коротко остригся несколько месяцев назад и с тех пор к парикмахеру не заглядывал.

— Да вот просто придумалось, — промолвила Анна, вдруг застеснявшись.

— Так договаривайте же, — попросил юноша. — Обязательно! Расскажите.

— Большие корабли в воде такие грациозные, — проговорила наконец Анна, отвернувшись. — Ну

то есть в сравнении с легкими суденышками. Если лодочка слишком легкая — если она прыгает на волнах, как поплавок, — движения ее лишены всякой грации. Вот и с птицами так же, мне кажется. Крупных птиц ветер не швыряет из стороны в сторону. В воздухе они выглядят так царственно. Взять хоть вон того. Смотришь, как он летит, и словно бы видишь, как большой корабль взрезает волну.

Они глядели, как альбатрос, описав круг, снова спикировал к кораблю. Анна украдкой покосилась на башмаки собеседника. Коричневой кожи, туго зашнурованные, не слишком блестящие, но и не слишком изношенные — они ровным счетом ничего не говорили о происхождении владельца. По всей вероятности, он рассчитывает сколотить состояние на отагских золотых приисках, как и все остальные пассажиры.

— Вы совершенно правы, — воскликнул юноша, — так и есть! Это вам не за воробышком наблюдать, верно? Он весомый — ну в точности как корабль, один в один!

— Хотела бы я посмотреть на него в бурю, — промолвила Анна.

— Какое необычное желание, — восхитился юноша. — Но да, теперь, когда вы так сказали,

кажется, я разделяю ваши чувства. Я бы тоже не прочь полюбоваться на него в бурю.

Они замолчали. Анна ждала, чтобы юноша представился, но тот не произнес больше ни слова; со временем уединение их было нарушено появлением других пассажиров. Юноша приподнял кепку, Анна присела в реверансе, а в следующий миг он исчез. Девушка вновь устремила взгляд на море. Птичья колония осталась позади, пронзительные крики и всхрапывание альбатросов стихли, потонули в низком гудении парохода и необъятном глухом рокоте моря.

Меркурий в Рыбах; Сатурн в соединении с Луной

Глава, в которой Коуэлл Девлин обращается с просьбой; Уолтер Мади демонстрирует, на что способен, а Джорджа Шепарда ждет неприятный сюрприз.

С ночи осеннего равноденствия и Анна Уэдерелл, и Эмери Стейнз так и содержались в тюрьме полицейского управления. Сумму залога ей определили в восемь фунтов — баснословные деньги, заплатить которые без посторонней помощи она даже не надеялась. На сей раз, понятное дело, в одежде ее не было зашито никакого золота, что могло бы послужить поручительством; не было и работодателя, что согласился бы заплатить ее долг. Эмери Стейнз, верно, снабдил бы ее деньгами, да только он сам находился под стражей: на следующее утро после возвращения его арестовали по обвинению в мошенничестве, присвоении чужих денег и неисполнении обязанности. Его залог определили в один фунт и один шиллинг — стандартная сумма, — но платить он не захо-

тел, а предпочел оставаться с Анной в ожидании вызова в магистратский суд.

После их воссоединения здоровье Анны тотчас же пошло на поправку. Ее запястья и предплечья округлились, лицо утратило заморенный, изголодавшийся вид, щеки вновь зарумянились. Врач, доктор Гиллис, с удовлетворением отметил эти улучшения: на протяжении нескольких недель после равноденствия он заходил в тюрьму полицейского управления едва ли не каждый день. Он очень строго поговорил с Анной об опасности опиума и от всего сердца выразил надежду, что ее недавний обморок послужил достаточным уроком и что больше она к трубке не притронется: ей повезло дважды, но третий раз может и не посчастливиться. «Удача, — заявил он, — рано или поздно заканчивается, милая». Врач прописал ей уменьшающуюся дозировку лауданума как средство, призванное постепенно избавить ее от опиумной зависимости.

Эмери Стейнзу врач назначил в точности то же самое: по пять драхм лауданума ежедневно, с уменьшением на одну драхму каждые две недели, до тех пор, пока его плечо окончательно не заживет. Рана, будучи зашита и перевязана, выглядела гораздо лучше, и, хотя сустав по-преж-

нему оставался почти обездвижен и больной не мог поднять руку над головой, он быстро выздоравливал. Каждый вечер Коуэлл Девлин приносил в тюрьму полицейского управления склянку с лауданумом — и юноша алчно следил, как капеллан разливает ржавого цвета жидкость по двум оловянным чашкам. Стейнз никак не мог объяснить эту неожиданную и неутолимую тягу к снадобью; напротив, Анна от ежедневной дозы ни малейшего удовольствия, похоже, не получала и даже морщилась от неприятного запаха. Девлин смешивал лауданум с сахаром, а иногда со сладким хересом, чтобы смягчить горький вкус раствора, и, повинуясь строгому наказу врача, бдительно ждал тут же, пока двое заключенных выпивали равное количество лекарства. Обычно опиат действовал почти сразу: спустя минуту-другую Анна и Эмери глубоко вздыхали, начинали задремывать и погружались в зыбкое лунное царство странного, подцвеченного багрянцем сна.

В течение последующих недель они проспали множество великих перемен, постигших Хокитику. Первого апреля Алистер Лодербек был избран членом парламента от вновь образованного избирательного округа Уэстленд, выиграв

с победоносным отрывом в три сотни голосов. В своей инаугурационной речи он восхвалил Хокитику до небес, назвал ее «новозеландским самородком», выразил свое безмерное сожаление в связи с необходимостью покинуть город так скоро, заверил избирателей, что не позабудет о насущных интересах рядового старателя в новой столице, куда отправится уже в следующем месяце исполнять свои обязанности в парламенте, как подобает честному уэстлендцу. После этой речи мировой судья горячо пожал Лодербеку руку, а комиссар полиции провозгласил троекратное «ура».

Двенадцатого апреля стены Джордж-Шепардовой тюрьмы и работного дома наконец-то были возведены. Заключенных, в том числе Анну и Эмери, перевели из временного помещения в полицейском управлении в новое здание на террасе Сивью, где миссис Джордж уже вступила в должность смотрительницы. Со времен смерти А-Су она не покладая рук подрубала одеяла, шила тюремные робы, стряпала, подсчитывала запасы и отмеряла еженедельные рационы табака и соли. На людях она появлялась еще реже, чем прежде, — если такое возможно. Вечера она проводила на кладбище Сивью, а ночи — дома,

в одиночестве.

Шестнадцатого числа наконец-то сочетались браком Фрэнсис Карвер и Лидия Уэллс — на глазах у толпы, которая, как гласила светская хроника «Уэст-Кост таймс», «платьем, численностью и поведением приличествовала свадебной церемонии с участием овдовевшей невесты». На следующий день после счастливого события новобрачный получил крупную сумму наличными от «Группы Гаррити» и с ее помощью полностью расплатился с кредиторами; с корпуса «Доброго пути» отодрали последние остатки медной обшивки, а костяк корабля наконец-то отправили в утиль. Карвер съехал из гостиницы «Резиденция» и ныне обосновался вместе с женою в «Удаче путника».

За это время великое множество людей протопало вверх по извилистой тропке к террасе Сивью, надеясь переговорить с Эмери Стейнзом. Коуэлл Девлин, выполняя строгий наказ Шепарда, всем давал от ворот поворот — заверяя всех и каждого, что да, Стейнз жив, и да, поправляется после тяжелой болезни, и да, в свой срок он будет освобожден из-под стражи, нужно лишь дождаться решения магистратского суда. Единственное исключение капеллан сделал для Те Рау Тауфаре,

к которому Стейнз за последний месяц необыкновенно привязался. Тауфаре в тюрьме подолгу, как правило, не задерживался, но его посещения столь благотворно воздействовали на здоровье и настроение Стейнза, что Девлин вскорости тоже стал предвкушать их с нетерпением.

Стейнз, как обнаружил Девлин, был мягкосердечным, доверчивым пареньком, солнечно-улыбчивым и исполненным наивной симпатии к недостаткам и слабостям окружающего мира. О своем долгом отсутствии он почти не рассказывал: твердил лишь, что ему сильно нездоровилось и что он очень рад вернуться. Когда же Девлин осторожно полюбопытствовал, помнит ли Эмери встречу с Уолтером Мади на борту «Доброго пути», тот лишь нахмурился и покачал головой. Его воспоминания об этом периоде были крайне обрывочны и составлены, насколько мог судить Девлин, из похожих на сон впечатлений, ощущений и проблесков света. Он напрочь позабыл, как оказался на борту судна, и кораблекрушение тоже не запечатлелось в его мозгу, хотя он вроде бы сознавал, как его вынесло волною на берег и как он выкашливал соленую воду, крепко обнимая обеими руками бочонок с солониной. Сознавал, как добрался до хижины Кросби Уэллса, как ми-

новал группу старателей, рассевшихся вокруг костра; помнил густые заросли и текучую воду; помнил сгнивший корпус брошенного каноэ, и ущелье с отвесными склонами, и красный глаз пастушка-уэка[74]; он помнил, как каждую ночь ему снились расклады Таро, и подбитые золотом корсеты, и целое состояние в мешке из-под муки, спрятанное под кроватью.

— Все как в тумане, — объяснял юноша. — Должно быть, я вышел в ночь и сам не знаю, как заплутал в буше… а потом не сыскал дороги обратно. Какой же молодчина старина Те Рау, что меня нашел!

— Однако ж очень жаль, что он не нашел вас раньше, — осторожно подбирая слова, проговорил Девлин. — Если бы вы вернулись всего-то на три дня раньше, ваши участки не конфисковали бы. Вы потеряли все свое имущество, мистер Стейнз.

Стейнза, похоже, это нимало не заботило.

— Да золотишка всегда можно еще промыслить, — отмахнулся он. — Деньги — это ж только деньги, а остаться без гроша в кармане иногда даже полезно. Как бы то ни было, у меня запас

---

[74] Сноски: 74

Пастушка-уэка — новозеландская нелетающая птица.

на черный день припрятан — там, в долине Арахуры. Тысячи и тысячи фунтов. Как только поправлюсь, так сразу пойду и откопаю.

Понятное дело, для того, чтобы все расставить по своим местам, времени потребовалось немало.

На третьей неделе апреля в «Уэст-Кост таймс» было опубликовано расписание малых сессий суда.

> Мистеру Эмери Стейнзу предъявлены следующие обвинения: во-первых, фальсификация ежеквартального отчета за январь 1866 года; во-вторых, хищение золота, на законном основании депонированного мистером Джоном Лун Цю как прибыль с золотого рудника «Аврора» и с тех пор обнаруженного во владении покойного мистера Кросби Уэллса из долины Арахуры; в-третьих, невыполнение обязанностей по отношению к участкам, рудникам и прочим находящимся в его ведении объектам, учитывая, что отсутствовал он свыше восьми недель. Слушание дела назначено на четверг 27 апреля в местном магистратском суде, на

час дня, перед лицом достопочтенного господина судьи Кемпа.

Девлин, прочитав этот пассаж за утренним кофе в субботу, тотчас же кинулся в «Корону».

— Да, я это видел, — сообщил Мади, завтракавший копченой селедкой с гренками.

— Вы не можете не понимать всю серьезность выдвинутых обвинений.

— Разумеется. Надеюсь, как, вероятно, и многие другие, что слушание не займет много времени. — Мади налил гостю кофе, откинулся назад и вежливо подождал, пока Девлин не сочтет нужным сообщить об истинной причине своего прихода.

Капеллан положил руку на стол ладонью вверх.

— У вас юридическое образование, мистер Мади, — промолвил он, — и, насколько я успел понять ваш характер, вы наделены врожденным чувством справедливости: иначе говоря, вы не пристрастны ни к тем, ни к другим. Вы изучили обстоятельства этого дела лучше любого адвоката — я имею в виду, со всех сторон.

Мади нахмурился:

— Да, действительно. То есть я отлично знаю,

что золото, обнаруженное в хижине мистера Уэллса, никогда не было добыто на прииске «Аврора», если уж на то пошло. Оно не принадлежит мистеру Стейнзу, как ни крути. Вы ведь не просите меня выступить в суде, ваше преподобие.

— Именно об этом я и прошу, — настаивал Девлин. — Адвокатов в Хокитике раз-два и обчелся, а вы — поумнее многих.

Мади ушам своим не верил.

— Это же гражданский суд, — промолвил он. — И вы воображаете, что я торжественно обнародую всю эту историю, втянув в нее всех вас до единого, не говоря уже о Лодербеке, и Шепарде, и Карвере, и Лидии Уэллс?

— Теперь ее следует называть Лидией Карвер.

— Не говоря уже о Лидии Карвер, прошу прощения, — поправился Мади. — Ваше преподобие, я не вижу, какой от меня вообще может быть толк на суде малых сессий. И не понимаю, кому послужит во благо беспощадное разоблачение всей интриги, включая золото, зашитое в платьях, и шантаж, и частную жизнь Лодербека — словом, все, как есть.

На самом-то деле он думал о бастарде Кросби Уэллсе.

— Я не ратую за беспощадное разоблачение всех

и вся, — возразил капеллан. — Я просто прошу вас по возможности выступить представителем мисс Уэдерелл в суде.

— А мне казалось, мисс Уэдерелл уже наняла адвоката, — удивился Мади.

— Боюсь, мистер Друган оказался не столь дружелюбен, как явствует из его имени, — пожал плечами Девлин. — Он заявил, что за дело Анны не возьмется — после того эксцесса с лауданумом в здании суда месяц назад.

— Он озвучил причину?

— По всей видимости, он опасается, что его оштрафуют за взяточничество. Анна предложила заплатить ему предварительный гонорар из той самой суммы, на которую пытается заявить права, — не самый разумный поступок, учитывая все обстоятельства.

— А разве тут нет дежурного юрисконсульта? — нахмурился Мади.

— Есть, конечно, некий мистер Хэррингтон, но он, по всем отзывам, марионетка мирового судьи. Если мы хотим спасти Анну от разбирательства в Верховном суде, он не подойдет.

— Разбирательство в Верховном суде? Да вы шутите, — удивился Мади. — Дело решится в суде малых сессий, и очень быстро, я уверен. Я не

пытаюсь умничать за ваш счет, ваше преподобие, но между гражданским и уголовным правом — огромная разница.

Девлин посмотрел на него как-то странно:

— А вы прочли расписание судебных сессий в утреннем номере?

— Да, безусловно.

— От начала до конца?

— Казалось бы.

— Наверное, вам стоит проглядеть его еще раз.

Нахмурившись, Мади развернул газету на третьей странице, разгладил на столе и снова вчитался в расписание. Там, в самом низу столбца, значилось:

> Против мисс Анны Уэдерелл выдвинуты следующие обвинения: во-первых, подлог; во-вторых, пребывание в состоянии опьянения в общественном месте и нарушение общественного порядка; в-третьих, нападение с причинением тяжкого телесного повреждения. Слушание дела назначено на четверг 27 апреля в местном магистратском суде, на девять часов утра, перед лицом достопочтенного господина судьи Кемпа.

— Нападение? — поразился Мади.

— Доктор Гиллис подтвердил, что пуля, застрявшая в плече Стейнза, выпущена из дамского пистолета, — объяснил Девлин. — Боюсь, он проболтался об этом обстоятельстве в присутствии слуги из гостиницы «Гридирон», а тот вспомнил о выстрелах, прогремевших в Аннином номере в январе, и состряпал целую историю. В «Гридирон» тотчас же послали, и мистер Клинч был вынужден предъявить Аннин пистолет в качестве вещественного доказательства. Уже установлено, что патрон в точности соответствует оружию.

— Но ведь не мистер же Стейнз выдвинул против нее такое обвинение! — возразил Мади.

— Нет, не он, — подтвердил Девлин.

— Тогда кто же за этим стоит?

Девлин откашлялся.

— К сожалению, та злополучная дарственная — документ, по которому мистер Стейнз передает Анне две тысячи фунтов, засвидетельствованный Кросби Уэллсом, — все еще находится в руках мистера Другана. С тех пор он показал бумагу начальнику тюрьмы Шепарду, который, как вы помните, впервые видел ее еще не подписанной. Шепард потребовал от меня правдивого ответа… и я вынужден был признать, что подпись Стейнза

на самом деле подделана — подделана самой Анной.

— Вот так так!

— Ее загнали в угол, — рассказывал Девлин. — Если она признает себя виновной в вооруженном нападении, суд постановит, что это было покушение на убийство: ведь дарственная послужит доказательством того, что у Анны был веский повод устранить Стейнза, понимаете?

— А если она не признает себя виновной?

— Тогда ее засудят по обвинению в подлоге, а если она и это станет отрицать, ее признают помешанной — как все мы знаем, Шепард уже давно держит в рукаве этот козырь. Боюсь, Шепард с Друганом объединились против нее.

— Но мистер Стейнз станет свидетельствовать в ее защиту.

Девлин поморщился.

— Будет, — согласился он, — но я боюсь, он не сознает всей серьезности ситуации. Он мягкосердечный, добрый юноша, но уж больно дурашлив. Так, например, когда я поднял вопрос о сумасшествии мисс Уэдерелл, он пришел в восторг от самой идеи. Сказал, такой она ему еще больше нравится.

— А каково ваше мнение? Девушка в здравом

уме?

— Душевное здоровье человека — это вряд ли вопрос личного мнения, — преловко отговорился Девлин.

— Боюсь, что напротив, — возразил Мади. — Вменяемость подсудимого определяется на основании свидетельских показаний. Вы попросили врача подготовить отчет?

— Я надеялся, это сделаете вы, — признался Девлин.

— Хммм… — протянул Мади, вновь уткнувшись в газету. — Если я соглашусь выступить представителем мисс Уэдерелл в суде, мне понадобится переговорить и с мистером Стейнзом.

— Это легко устроить: они неразлучны.

— Наедине — и в течение длительного времени.

— Вам предоставят все, что нужно.

Мади побарабанил пальцами по столу. И наконец заявил:

— В первую очередь необходимо сделать так, чтобы две версии событий нигде не вступали в противоречие.

* * *

Утро 27 апреля в Хокитике выдалось погожим и ясным. Уолтер Мади поднялся с рассветом и бесконечно долго приводил себя в порядок. Он побрился, причесался, напомадил волосы и надушился за ушами. Горничная «Короны» уже выставила его свеженачищенные ботинки перед дверью, на этажерке разложила винного цвета жилет, серый шейный платок и стоячий воротник с расширяющимися концами. Она загодя вычистила и отутюжила сюртук постояльца и повесила его на окне, чтобы не измялся за ночь. Мади оделся с особой тщательностью: к завтраку он спустился не раньше, чем колокол церкви прозвонил восемь, — а по дороге ощупывал карманы жилета, проверяя, должным ли образом закреплена цепочка часов. Полчаса спустя он уже шагал на север по Ревелл-стрит, надвинув на лоб цилиндр и с кожаным чемоданчиком в руке.

На подходе к Дворцу правосудия Мади показалось, что к утренним сессиям сошлась вся Хокитика: очередь желающих попасть в здание растянулась до середины улицы, а те, что уже столпились на крыльце, глядели по сторонам с видом нетерпеливо-запыхавшимся. Мади

присоединился к медленно ползущей череде жаждущих, и в свой срок двое мрачных дежурных сержантов провели его внутрь и сурово наказали руками ничего не трогать, заговаривать только в том случае, если к нему обратятся, и не забыть снять шляпу с началом судебного заседания. Мади, крепко прижимая к груди чемоданчик, протолкался через всю галерею, шагнул за веревочное заграждение и занял место на скамье адвокатов рядом с обвинителями.

Как адвокат защиты, Мади за три дня до суда получил список свидетелей, вызванных истцом. Перечислялись они в том порядке, в каком предполагалось их допрашивать: мистер Джозеф Притчард, мистер Обер Гаскуан, преподобный Коуэлл Девлин и начальник тюрьмы Джордж Шепард — эта последовательность дала Мади довольно четкое представление о том, какой линии адвокат истца намерен держаться в деле против Анны. Список свидетелей для дневной сессии оказался куда длиннее: в деле «Округ Уэстленд против мистера Эмери Стейнза» истец затребовал показания мистера Ричарда Мэннеринга, мистера Джона Лун Цю, мистера Бенджамина Левенталя, мистера Эдгара Клинча, мистера Харальда Нильссена, мистера Чарльза

Фроста, миссис Лидии Карвер и капитана Фрэнсиса Карвера. Получив эти предварительные документы, Мади тотчас же сел дорабатывать свою двусоставную стратегию: он отлично знал, что впечатление, созданное утром, во многом повлияет на приговор, выносимый днем.

Наконец часы пробили девять; сидящих попросили встать. Толпа смолкла при появлении достопочтенного судьи Кемпа: он поднялся по ступенькам на возвышение, тяжело опустился в кресло, взмахом руки велел членам суда также занять свои места и без долгих церемоний покончил с необходимыми формальностями. Судья был краснолиц, чисто выбрит, с толстыми пальцами; копна его жестких, как проволока, волос, чудно́ подстриженная, пышно вспучивалась над ушами и гладко прилегала к макушке.

— В качестве защитника обвиняемой выступает мистер Уолтер Мади, — возгласил он, зачитывая имена по лежащему перед ним блокноту, — и мистер Лоренс Брохэм в качестве адвоката истца, при содействии мистера Роджера Хэррингтона и мистера Джона Другана, представителя магистратского суда. Мистер Мади и мистер Брохэм… — Судья устремил взгляд поверх очков на скамью адвокатов. — Прежде чем мы начнем,

мне хотелось бы сказать две вещи. Первое: я отлично понимаю, что многолюдная толпа в этом зале собралась отнюдь не из любви к закону, но мы призваны блюсти справедливость, а не потакать грубым инстинктам, не важно, кто оказался на скамье подсудимых и по какому обвинению. Я буду признателен вам обоим, если в ходе допроса мисс Уэдерелл и всех ее знакомых вы ограничитесь темами, непосредственно относящимися к делу. При описании прежнего рода занятий мисс Уэдерелл вы вольны выбирать между формулировками «публичная женщина», «ночная бабочка» или «представительница древнейшей профессии». Я понятно выразился?

Юристы пробормотали, что согласны.

— Превосходно, — промолвил судья Кемп. — Второй вопрос я уже обсуждал с каждым из вас с глазу на глаз, но для общественности я повторюсь. Шесть обвинений, о которых сегодня пойдет речь, — подлог, пребывание в состоянии опьянения и нападение в случае мисс Уэдерелл, на утренней сессии, и фальсификация, хищение и невыполнение обязанностей в случае мистера Стейнза, на дневном заседании, — во многом взаимообусловлены, как уже понял любой грамотный житель Уэстленда, я полагаю. Учитывая

эту взаимозависимость, я нахожу разумным отложить вынесение приговора мисс Уэдерелл до тех пор, пока не будет заслушано дело мистера Стейнза, чтобы каждое разбирательство рассматривалось, так сказать, в свете второго. Всем все ясно? Отлично. — И судья кивнул судебному приставу. — Введите обвиняемую.

Под громкие перешептывания Анну вывели из камеры. Мади обернулся проследить за появлением своей клиентки — и произведенным ею впечатлением остался вполне доволен. Девушка уже не выглядела заморенной и изголодавшейся; теперь ее худоба казалась просто женственной: зримым свидетельством скорее хрупкого изящества, чем недоедания. На Анне по-прежнему было черное платье, некогда принадлежавшее покойной жене Обера Гаскуана; аккуратно зачесанные волосы стягивались в простой узел на затылке. Пристав проводил ее к импровизированной свидетельской трибуне, она шагнула вперед, положила руку на Библию, принесла присягу — тихим голосом, не выказывая ни малейшего волнения, — а затем обернулась к судье. Лицо ее было лишено всякого выражения, руки свободно сложены одна к другой.

— Мисс Анна Уэдерелл, — промолвил су-

дья, — вы явились в суд, чтобы дать ответ на три обвинения. Во-первых, подделка подписи на дарственной. Вы признаете себя виновной?

— Нет, сэр.

— Во-вторых, пребывание в состоянии опьянения в общественном месте и нарушение общественного порядка вечером двадцатого марта сего года. Вы признаете себя виновной?

— Нет, сэр.

— И в-третьих, нападение на мистера Эмери Стейнза с причинением тяжкого телесного повреждения. Вы признаете себя виновной?

— Нет, сэр.

Судья сделал необходимые пометки и заговорил снова:

— Вы, безусловно, сознаете, мисс Уэдерелл, что данный суд не уполномочен рассматривать уголовные дела.

— Да, сэр.

— Третье из предъявленных вам обвинений может быть сочтено основанием для передачи дела в суд вышестоящей инстанции. В таком случае вы останетесь под арестом до тех пор, пока не представится возможность задействовать судью и присяжных Верховного суда. Вы это понимаете?

— Да, сэр. Понимаю.

— Хорошо. Садитесь.

Девушка села.

— Мистер Брохэм, — провозгласил судья Кемп, — суд готов вас заслушать.

— Благодарю вас, сэр.

Брохэм был худощав, с рыжеватыми усами и колючими бесцветными глазками. Он поднялся и разложил свои бумаги вровень с краем стола.

— Господин судья Кемп, члены суда и мои коллеги, леди и джентльмены, — начал он. — То, что маковый дым — это наркотик, заключающий в себе искушения самые грубые, разрушительный в своем воздействии, предосудительный во всех своих проявлениях и в социальном, и в историческом контексте, для всех порядочных граждан должно быть самоочевидно. Сегодня мы рассматриваем дело крайне удручающее как наглядную тому иллюстрацию: дело молодой женщины, чье пагубное пристрастие к этому зелью бросает тень не только на репутацию Хокитики в глазах общественности, но и на репутацию нашего недавно провозглашенного округа Уэстленд в целом…

Брохэм заготовил длинную речь. Он напомнил членам суда, что Анна уже однажды пыталась свести счеты с жизнью, и провел параллель

между тогдашним неудачным покушением и ее обмороком вечером 20 марта («Можно только порадоваться, что оба случая привлекли внимание широкой общественности», — не без цинизма добавил он). Брохэм долго и пространно распространялся о подделанной ею подписи Стейнза на дарственной, ставя под сомнение легитимность документа как такового и подчеркивая, как много выигрывает Анна, сфальсифицировав эту бумагу. Перейдя к обвинению в нападении, Брохэм принялся рассуждать в общем и целом об опасном, непредсказуемом поведении опиомана, а затем описал огнестрельную рану Стейнза в таких натуралистических подробностях, что какую-то женщину с галереи пришлось вывести из здания. В заключение он призвал всех присутствующих задуматься, сколько опиума возможно купить на две тысячи фунтов, а затем задал риторический вопрос — согласна ли общественность вложить такое количество наркотика в руки столь сомнительной и ущербной особы, как Анна Уэдерелл, бывшая ночная бабочка.

— Мистер Мади, — объявил судья, когда Брохэм наконец-то сел, — слово предоставляется защите.

Мади тут же поднялся.

— Благодарю вас, сэр, — обратился он к судье. — Я буду краток.

Руки у него дрожали; Мади крепко уперся ладонями в стол, пытаясь успокоиться, и, вложив в голос куда больше уверенности, нежели ощущал внутри себя, заговорил:

— Для начала я напомню мистеру Брохэму, что мисс Уэдерелл на самом-то деле избавилась от своей пагубной привычки, — и эта ее победа вызывает мое глубочайшее восхищение и уважение. Безусловно, как нам с удовольствием описал мистер Брохэм, мисс Уэдерелл предрасположена к бессчетным искушениям опиумной зависимости. Лично я никогда не пробовал макового дыма, и мистер Брохэм то же самое утверждает о себе; и я дерзну предположить, что одной из причин нашей обоюдной воздержанности является страх: мы боимся, что наркотик, чего доброго, обретет над нами власть; мы боимся, что он вызовет привыкание; мы боимся того, что можем увидеть и натворить, поддавшись его воздействию. Я отмечаю это, дабы подчеркнуть тот факт, что подобная слабость мисс Уэдерелл присуща отнюдь не только ей одной, и повторюсь, что ее искреннее стремление исправиться заслуживает самой высокой похвалы… Но — чего бы уж ни

внушал вам мистер Брохэм — мы здесь собрались не для того, чтобы осудить темперамент мисс Уэдерелл или вынести приговор ее характеру. Мы здесь для того, чтобы осуществить правосудие в отношении трех обвинений: в подлоге, в нарушении общественного порядка и в нападении. Я вполне согласен с мнением мистера Брохэма, что подлог — это серьезное преступление; не стану оспаривать и то его утверждение, что вооруженное нападение сродни умышленному убийству; однако, как я вскорости докажу, мисс Уэдерелл ни в одном из этих злодеяний не повинна. Она не совершала подлога; она никоим образом не пыталась напасть на мистера Эмери Стейнза, и ее обморок вечером двадцатого марта едва ли можно назвать нарушением общественного порядка — не больше чем в случае той дамы, которую вывели из этого самого зала десять минут назад. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что показания свидетелей подтвердят невиновность моей подзащитной, причем очень скоро. В ожидании этого благоприятного исхода, господин судья и многоуважаемые члены суда, дамы и джентльмены, я без колебаний передаю дело в честные руки служителей правосудия.

Мади сел, сердце его неистово колотилось. Он

поднял глаза на судью, надеясь на какой-нибудь знак подтверждения, но достопочтенный Кемп, склонившись над блокнотом, делал пометки. Брохэм со своего места злобно покосился на Мади. Друган, сидящий с ним бок о бок, нагнулся и зашептал что-то соседу на ухо; спустя мгновение тот заулыбался и шепнул что-то в ответ.

— Благодарю вас, мистер Мади, — наконец произнес судья, цветисто подчеркнув написанное и откладывая перо. — Обвиняемая, встаньте. Мистер Брохэм, вам слово.

Брохэм поднялся и снова поблагодарил судью.

— Мисс Уэдерелл, — промолвил он, обращаясь к подсудимой, — чем вы зарабатывали на жизнь вплоть до ночи четырнадцатого января?

— Мистер Брохэм! — тут же вскинулся судья. — Я о чем только что предупреждал? Мисс Уэдерелл — представительница древнейшей профессии. И довольно об этом.

— Да, сэр, — кивнул Брохэм. И начал сначала: — Мисс Уэдерелл. Ночью четырнадцатого января вы приняли решение касательно вашего прежнего занятия. Это так?

— Да.

— И что же это было за решение?

— Я бросила.

— Что вы имеете в виду, говоря «я бросила»?

— Я бросила шляться.

Судья вздохнул.

— Продолжайте, — обреченно проговорил он.

— Вы сразу же подыскали себе иное занятие? — продолжал Брохэм.

— Не сразу, — покачала головой Анна. — Но когда в город приехала миссис Уэллс, она забрала меня в «Удачу путника». Я стала учить Таро и астрологические таблицы: предполагалось, что я стану помогать ей в предсказаниях. Я думала, смогу зарабатывать на хлеб в качестве ее ассистентки.

— На тот момент, когда вы бросили свое прежнее занятие, вы уже имели в виду такую возможность?

— Нет, — отвечала Анна. — О том, что миссис Уэллс приезжает в Хокитику, я заранее не знала.

— Тогда на что же вы рассчитывали жить в то время, пока миссис Уэллс еще не приехала?

— У меня не было никаких планов, — призналась Анна.

— Вообще никаких планов?

— Вообще никаких, сэр.

— Возможно, у вас был отложен какой-то запас на черный день? Или еще какие-то гарантии?

— Нет, сэр.

— В таком случае, вы сделали решительный шаг, — любезно откомментировал Брохэм.

— Мистер Брохэм! — рявкнул судья.

— Да, сэр?

— Объясните, что вы имеете в виду.

— С удовольствием. Вот эта дарственная, — Брохэм продемонстрировал ее собравшимся, — называет вас, мисс Уэдерелл, счастливой наследницей *двух тысяч* фунтов. Она датирована одиннадцатым октября прошлого года. Даритель мистер Эмери Стейнз исчез бесследно четырнадцатого января — в тот самый день, когда вы, везучая получательница этой баснословной суммы, решили не заниматься больше проституцией и встать на путь исправления, причем решение это было принято просто так, безо всякого повода и без какого-либо плана на будущее. И вот…

— Протестую, — поднялся Мади. — Мистер Брохэм не доказал, что у мисс Уэдерелл не было повода изменить свой род занятий.

Судья принял протест, и уязвленному Брохэму пришлось задать Анне новый вопрос:

— Был ли у вас повод, мисс Уэдерелл, отказаться от занятия проституцией?

— Да, — отвечала Анна.

Она вновь подняла глаза на Мади. Тот еле заметно кивнул, ободряя девушку. Она вдохнула поглубже и призналась:

— Я полюбила. Мистера Стейнза. Четырнадцатого января мы впервые провели ночь вместе, и… ну, после этого мне шляться уже не хотелось.

Брохэм нахмурился:

— Той же самой ночью вас арестовали за покушение на самоубийство, верно?

— Да, — подтвердила Анна. — Я думала, он меня не любит… не может полюбить… я не могла этого вынести… и совершила ужасное.

— То есть вы признаете, что в ту ночь пытались наложить на себя руки?

— Мне хотелось вырубиться, — промолвила Анна, — но я не думала причинить себе серьезный вред.

— Когда вас судили за покушение на самоубийство — в этом самом зале! — вы не стали отвечать на предъявленное обвинение. Отчего вы сейчас запели на другой лад?

К такому вопросу Мади с Анной не подготовились, и на мгновение он было забеспокоился, что девушка запнется. Но она ответила спокойно и правдиво.

— В ту пору мистер Стейнз все еще числился

без вести пропавшим, — объяснила она. — Я думала, он, может, вверх по реке поднялся или в ущелье отправился, а значит, прочтет новости в хокитикской газете. Мне не хотелось сказать ничего такого, что он прочел бы и стал думать обо мне хуже.

Брохэм сухо откашлялся в кулак.

— Будьте так добры, опишите, что произошло вечером четырнадцатого января, — попросил он, — по порядку и своими собственными словами.

Анна кивнула:

— Я встретила мистера Стейнза в «Песке и самородке» около семи. Мы вместе выпили, и он проводил меня к себе домой на Ревелл-стрит. Где-то в десять я вернулась в «Гридирон» и зажгла трубку. Я чувствовала себя как-то странно, я же рассказывала, — и я выкурила чуть больше, чем обычно. Наверное, я вышла из «Гридирона» как была, под кайфом, потому что следующее, что я помню, — как я очнулась в тюрьме.

— Что вы имеете в виду, говоря, что чувствовали себя странно?

— О, — вздохнула она, — просто мне взгрустнулось, и еще я была очень счастлива и, однако же, безутешна — все вперемешку. Не могу описать

точнее.

— Той же самой ночью мистер Стейнз пропал, — промолвил Брохэм. — Вы знаете, куда он направился?

— Нет, — покачала головой Анна. — Последний раз я его видела в его собственном доме на Ревелл-стрит. Он спал. Должно быть, он исчез в какой-то момент после того, как я ушла.

— Иными словами, где-то после десяти часов.

— Да, — подтвердила Анна. — Я ждала, чтобы он вернулся, — но нет; дни шли, а о нем ни слуху ни духу. Когда миссис Уэллс предложила мне кров и стол в «Удаче путника», я подумала, надо соглашаться. Хотя бы на время. Все твердили, он наверняка мертв.

— Виделись ли вы с мистером Стейнзом между четырнадцатым января и двадцатым марта?

— Нет, сэр.

— Может быть, переписывались?

— Нет, сэр.

— А где, как вы думаете, он находился все это время?

Анна открыла было рот, чтобы ответить, но Мади, поспешно поднявшись, заявил:

— Возражаю, моя подзащитная не обязана строить домыслы.

И снова судья принял возражение, и Брохэму велели продолжать.

— Когда мистера Стейнза нашли во второй половине дня двадцатого марта, оказалось, что в его плече застряла пуля, — сообщил он. — Был ли мистер Стейнз ранен на момент вашего рандеву четырнадцатого января?

— Нет, — отозвалась Анна.

— Его ранили в тот вечер?

— Я не знаю, — промолвила Анна. — Когда я в последний раз его видела, с ним все было в порядке. Он спал.

Брохэм взял со стола адвокатов дамский пистолет.

— Вы узнаете это оружие, мисс Уэдерелл?

— Да, — подтвердила Анна, приглядевшись. — Это мое.

— Вы носите этот пистолет при себе?

— Носила, когда работала. Я его держала за корсажем.

— Он был при вас ночью четырнадцатого января?

— Нет, я его оставила в «Гридироне». Под подушкой.

— Но ведь ночью четырнадцатого января вы работали, разве нет?

— Я была с мистером Стейнзом, — поправила Анна.

— Мой вопрос не об этом, — гнул свое Брохэм. — Вы работали ночью четырнадцатого января?

— Да, — кивнула Анна.

— И все-таки, как вы утверждаете, вы оставили пистолет дома.

— Да.

— Почему?

— Я не думала, что он мне понадобится, — объяснила Анна.

— То есть вы отклонились от вашей обычной практики: как правило, вы пистолет с собой брали.

— Да.

— Кто-нибудь может подтвердить, где в тот вечер находился пистолет?

— Нет, — покачала головой Анна. — Разве что кто-то заглядывал ко мне под подушку.

— Пуля, обнаруженная в плече мистера Стейнза, выпущена из пистолета этого типа, — продолжал Брохэм. — Это вы в него стреляли?

— Нет.

— Вы знаете, кто в него стрелял?

— Нет, сэр.

Брохэм снова откашлялся в кулак.

— В ночь четырнадцатого января вам была известна чистая стоимость активов мистера Стейнза как золотодобытчика?

— Я знала, что он богат, — отозвалась Анна. — Об этом весь город знал.

— Вы обсуждали с мистером Стейнзом золотой клад, обнаруженный в хижине мистера Кросби Уэллса, будь то в ту ночь или в любую другую?

— Нет. О деньгах мы не говорили никогда.

— Никогда? — изогнул бровь Брохэм.

— Мистер Брохэм, — устало напомнил судья.

Брохэм наклонил голову.

— Когда вы впервые узнали о намерениях мистера Стейнза, изложенных в этой дарственной?

— Утром двадцатого марта, — отвечала Анна. Она слегка расслабилась: этот пассаж она затвердила наизусть. — Тюремный капеллан принес бумагу в «Удачу путника», показать ее мне, а я пошла с ней прямиком в суд, выяснить, что все это значит. Я переговорила с мистером Друганом, и он подтвердил, что дарственная подлинная и обладает юридической силой. Он сказал, из этого может что-нибудь выйти — ну то есть что я могу предъявить права на золотой клад. Он согласился отнести документ в банк от моего имени.

— Что случилось после того?

— Он велел вернуться сюда, в суд, к пяти часам. Так что я пришла к пяти; мы снова сели посовещаться, как и в прошлый раз. И тут я упала в обморок.

— Чем был вызван этот обморок?

— Я не знаю.

— Вы находились в тот момент под воздействием наркотика или алкоголя?

— Нет, — заверила Анна. — Я была трезва как стеклышко.

— Кто-нибудь может подтвердить, что вы были трезвы?

— Утром со мной был преподобный Девлин, — промолвила Анна, — а остаток дня я провела в обществе мистера Клинча в «Гридироне».

— В своем докладе мировому судье начальник тюрьмы Шепард пишет, что на момент вашего обморока в воздухе чувствовался сильный запах лауданума.

— Он, вероятно, ошибся, — предположила Анна.

— Вы страдаете зависимостью от опиатов, так?

— Я раз и навсегда отказалась от трубки еще до того, как переселилась к миссис Уэллс, — твердо заявила Анна. — Я не притрагивалась к зелью с тех пор, как ношу траур: с того самого дня, как

вышла из тюрьмы.

— Позвольте мне внести ясность: вы уверяете, что не принимали опиум в каком бы то ни было виде с тех самых пор, как отравились слишком большой дозой четырнадцатого января?

— Да, — отозвалась Анна. — Именно так.

— И миссис Карвер может это подтвердить?

— Да.

— Вы можете рассказать суду, что именно произошло днем двадцать седьмого января за несколько часов до того, как в гостиницу «Гридирон» явилась миссис Карвер?

— Я находилась в своем номере, беседовала с мистером Притчардом, — отбарабанила, как затверженный урок, Анна. — Пистолет у меня был за корсажем, как всегда. В дверь вошел мистер Гаскуан, так неожиданно, что я испугалась, выхватила пистолет, и он случайно выстрелил. Никто из нас так и не понял, что не так. Мистер Гаскуан подумал, он сломан, велел мне перезарядить его и пальнул второй раз в подушку, проверяя, исправен ли он. Затем он вернул пистолет мне, и я убрала его обратно в выдвижной ящик; с тех пор я к нему не прикасалась.

— Иначе говоря, в тот день прозвучало два выстрела.

— Да.

— Вторая пуля засела в подушке, — проговорил юрист. — А что случилось с первой?

— Она исчезла, — отозвалась Анна.

— Исчезла? — изогнул брови Брохэм.

— Да, — подтвердила Анна. — Пуля нигде не застряла.

— Может статься, окно было открыто?

— Нет, — покачала головой Анна. — Шел дождь. Я не знаю, куда делась эта пуля. Никто из нас так и не понял.

— Она просто… исчезла, — подвел итог Брохэм.

— Именно так, — подтвердила Анна.

Вопросы у Брохэма закончились. Он сел, самодовольно усмехаясь краем губ, и судья пригласил Мади к перекрестному допросу.

— Благодарю вас, сэр, — промолвил Мади. — Мисс Уэдерелл, все три сегодняшних обвинения выдвинуты против вас мистером Джорджем Шепардом, начальником хокитикской тюрьмы. Вы с ним знакомы лично?

Этот диалог они отрабатывали по многу раз. Анна без колебаний ответила:

— Совсем нет.

— И тем не менее, в придачу к выдвинутым против вас сегодня обвинениям, начальник тюрьмы

Шепард неоднократно позволял себе усомниться в вашем психическом здоровье.

— Да, он говорит, я не в себе.

— Вам когда-либо доводилось беседовать с начальником тюрьмы Шепардом в течение продолжительного времени?

— Нет.

— Вы когда-нибудь вели совместно с ним какие-либо деловые операции?

— Нет.

— Как вы считаете, есть ли у начальника тюрьмы Шепарда повод питать к вам неприязнь?

— Нет, — промолвила девушка. — Я ему ничего не сделала.

— Однако, насколько мне известно, у вас есть общий знакомый, — проговорил Мади. — Это так?

— Да, — подтвердила Анна. — Китаец А-Су. Он держал опиумокурильню в Каньере; он был моим близким другом. Начальник тюрьмы Шепард застрелил его двадцатого марта.

Брохэм вскочил с протестом.

— У начальника тюрьмы Шепарда был ордер на арест этого человека, — заявил он. — В той ситуации мистер Шепард действовал в качестве полицейского. Мистер Мади пытается очернить

его.

— Я знаю об ордере, мистер Брохэм, — возразил Мади. — Я затронул этот вопрос, поскольку нахожу, что общий знакомый — важное связующее звено между истцом и ответчицей.

— Продолжайте, мистер Мади, — нахмурился судья; Брохэм сел.

— Что связывает начальника тюрьмы Шепарда с мистером Су? — спросил у Анны Мади.

— А-Су был обвинен в убийстве брата мистера Шепарда, — звонко и отчетливо проговорила Анна. — В Сиднее. Пятнадцать лет назад.

В зале суда разом воцарилось гробовое молчание.

— И чем же закончилось судебное разбирательство? — спросил Мади.

— В последнюю минуту А-Су оправдали, — сообщила Анна. — Он был отпущен на свободу.

— Мистер Су сам вам рассказывал об этом деле? — осведомился Мади.

— Он не очень хорошо говорил по-английски, — объяснила Анна, — но он часто произносил слова «месть» и «убийство». Иногда он разговаривал во сне. Тогда я не понимала, о чем он.

— А как бы вы описали мистера Су в такие моменты? — уточнил Мади.

— Он казался обеспокоенным, — отвечала Анна. — Наверное, даже испуганным. Тогда-то я не придавала этому значения. Про брата мистера Шепарда я только потом узнала — уже после того, как А-Су был убит.

Мади продемонстрировал судье некую бумагу.

— Защита представляет на рассмотрение суда протокол судебного разбирательства, опубликованный в «Сиднейском вестнике» от девятого июля тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года. С оригиналом можно ознакомиться в Антиподном архиве на Верфь-стрит, где он в настоящее время хранится; между тем я передаю суду заверенную копию.

Он пустил бумагу по рукам вдоль всей скамьи адвокатов, дождался, чтобы она достигла судьи, а затем вновь обернулся к Анне:

— Знал ли начальник тюрьмы Шепард о том, что вы с мистером Су близкие друзья?

— Это никакой не секрет, — отозвалась Анна. — Я ж чуть не каждый день пропадала в курильне, а это единственная курильня в Каньере. Я бы предположила, об этом весь город знал.

— Ваши посещения курильни даже прозвище вам снискали, так?

— Да, — кивнула Анна. — Меня прозвали Ки-

тайская Энни.

— Благодарю вас, мисс Уэдерелл, у меня все, — произнес Мади. Он поклонился судье, который уже проглядывал судебный протокол из «Сиднейского вестника», и сел.

Брохэм, для которого эта инсинуация стала крайне неожиданным сюрпризом, обратился с просьбой о повторном допросе Анны на тему, только что поднятую защитой. Судья Кемп, однако, просьбу отклонил.

— Нынче утром нам предстоит рассмотреть три обвинения, — заявил он, аккуратно отодвигая материалы по оправдательному приговору А-Су в сторону и складывая перед собою руки. — Во-первых, подлог; во-вторых, пребывание в состоянии опьянения в общественном месте и нарушение общественного порядка; в-третьих, вооруженное нападение. Я отметил себе тот факт, что общение мисс Уэдерелл с мистером Су затрагивает личные интересы истца, но я не считаю, что эти новые обстоятельства служат основанием для повторного допроса. В конце концов, мы тут собрались рассмотреть мотивации не истца, а мисс Уэдерелл.

Брохэм с убитым видом глядел в пол; Мади, поймав взгляд Анны, коротко улыбнулся ей; она ответила тем же. Это была победа.

Первым свидетелем вызвали Джозефа Притчарда; будучи допрошен Брохэмом, он в точности повторил рассказ Анны о том, что произошло 27 января в гостинице «Гридирон»: пистолет случайно выстрелил, первая пуля исчезла неведомо куда; вторую, проверки ради, выпустил в Аннину подушку Обер Гаскуан.

— Мистер Притчард, — спросил Мади, начиная перекрестный допрос, — с какой целью вы искали встречи с мисс Уэдерелл днем двадцать седьмого января?

— Мне пришло в голову, что за ее попыткой самоубийства стоит что-то совсем другое, — рассказал Притчард. — Я подумал, может, ее запас опиума отравлен или туда чего-нибудь подмешали, и хотел его исследовать.

— Вы осмотрели Аннин инвентарь, как собирались?

— Да.

— И что вы обнаружили?

— Едва взглянув на трубку, я понял, что ею кто-то воспользовался совсем недавно, — рассказал Притчард. — Кто-то, но только не Анна. В тот день она была трезва как монахиня. Я это по ее глазам видел: она вот уже много дней к зелью не прикасалась. Может, даже со времени передоза.

— А как насчет самого опиума? Вы изучили ее запас?

— Я его не нашел, — признался Притчард. — Весь ящик перевернул в поисках, но кусок исчез.

Мади изогнул брови:

— Кусок исчез?

— Да, — подтвердил Притчард.

— Благодарю вас, мистер Притчард, — произнес Мади. — У меня все.

Хэррингтон, склонившись над блокнотом, лихорадочно что-то царапал. Вот он вырвал исписанную страницу и передал через скамью своему коллеге. Брохэм, как отметил про себя Мади, утратил все свое былое самодовольство.

— Вызовите следующего свидетеля, — пригласил судья, не отрываясь от собственных записей.

Следующим свидетелем был Обер Гаскуан: его показания подтвердили, что пистолет выстрелил случайно, пуля исчезла, а второй выстрел был сделан намеренно, в изголовье Анниной кровати. Будучи допрошен Брохэмом, он признал, что даже не подозревал, что Эмери Стейнз мог присутствовать в гостинице «Гридирон» днем 27 января; будучи допрошен Мади, он согласился, что такое вполне возможно. Он вернулся на свое место под возвышением, сел, и судья тут же вы-

звал тюремного капеллана Коуэлла Девлина.

— Преподобный Девлин, — воззвал Брохэм, потрясая дарственной, как только священник принес присягу, — как этот документ оказался в вашем ведении?

— Я обнаружил бумагу в хижине Кросби Уэллса наутро после его смерти, — рассказал Девлин. — Мистер Лодербек привез в Хокитику известия о кончине мистера Уэллса, и начальник тюрьмы Шепард поручил мне съездить в хижину и помочь забрать останки.

— Где именно вы нашли документ?

— Я нашел его в зольном ящике на дне плиты, — объяснил Девлин. — В доме стоял нехороший дух, день выдался сырой и промозглый; я решил развести огонь. Выдвинул ящик — и обнаружил этот документ на решетке.

— И что же вы сделали?

— Я его конфисковал, — признался Девлин.

— Почему?

— В документе шла речь о крупной сумме денег, — спокойно пояснил капеллан, — и я посчитал благоразумным не обнародовать эти сведения до тех пор, пока здоровье мисс Уэдерелл не поправится: накануне ночью ее доставили в полицейское управление по подозрению в *felo*

de se[75], и было совершенно ясно, что в Аннином состоянии сюрпризы ни к чему.

— Это была единственная причина для конфискации документа?

— Нет, — продолжил Девлин. — Как я впоследствии объяснял начальнику тюрьмы Шепарду, предъявлять документ в полицию не имело смысла: на тот момент он был недействителен.

— Почему он был недействителен?

— Мистер Стейнз не заверил дарственную своей подписью, — объяснил Девлин.

— И однако, на документе, который я держу в руках, подпись мистера Стейнза стоит, — промолвил Брохэм. — Будьте так добры, объясните суду, как именно бумага оказалась подписана.

— Боюсь, я не могу этого сделать, — покачал головой Девлин. — Я не видел своими глазами, как это произошло.

Брохэм запнулся:

— Когда вы впервые осознали, что дарственная подписана?

— Утром двадцатого марта, когда я отнес дарственную Анне Уэдерелл в «Удачу путника». Мы обсуждали другие темы, и в ходе разговора я

---

[75] Сноски: 75
Самоубийство *(лат.)*; архаичный юридический термин.

впервые заметил, что на документе появилась подпись.

— Вы видели, как мисс Уэдерелл подписывала эту дарственную?

— Нет, не видел.

Брохэм был явно сбит с толку; пытаясь вернуть самообладание, он спросил:

— Что именно вы обсуждали?

— Содержание нашего разговора тем утром носило конфиденциальный характер, обусловленный моим священническим статусом, — промолвил Девлин. — Я не могу ни повторять его в присутствии третьих лиц, ни свидетельствовать против мисс Уэдерелл.

Брохэм себя не помнил от изумления. Однако Девлин был в своем праве, и после бессчетных возражений и протестов Брохэм с крайне удрученным видом уступил своего свидетеля Мади. Мади воспользовался моментом, чтобы привести в порядок разложенные перед ним бумаги, и только тогда начал.

— Преподобный Девлин, — промолвил он, — вы показали эту дарственную начальнику тюрьмы Шепарду сразу после того, как ее обнаружили?

— Нет, не сразу, — отвечал Девлин.

— Тогда как же начальник тюрьмы Шепард

узнал о ее существовании?

— По чистой случайности, — ответствовал Девлин. — Я хранил документ в своей Библии, чтобы не измять ненароком, а начальник тюрьмы Шепард увидел его, пролистывая Священное Писание. Это случилось где-то спустя месяц после смерти мистера Уэллса.

Мади кивнул:

— Когда мистер Шепард случайно обнаружил дарственную, он был один?

— Да.

— Что он сделал?

— Он посоветовал мне показать документ мисс Уэдерелл; так я и поступил.

— Тотчас же?

— Нет, я прождал несколько недель. Мне хотелось переговорить с нею наедине, без ведома миссис Карвер, а возможности все не представлялось, учитывая, что обе женщины жили под одним кровом и крайне редко разлучались.

— А почему вы хотели, чтобы ваш разговор с мисс Уэдерелл состоялся без ведома миссис Карвер?

— На тот момент я полагал, что миссис Карвер — законная наследница состояния, обнаруженного в хижине мистера Уэллса, — объяснил

Девлин. — Мне не хотелось вбивать клин между нею и мисс Уэдерелл из-за документа, который — как знать? — вполне мог оказаться чьей-то глупой шуткой. Поутру двадцатого марта, как вы помните, миссис Карвер вызвали в суд. Я прочел о вызове в утренней газете и тотчас же поспешил в «Удачу путника».

Мади кивнул:

— А до того дарственная так и хранилась в вашей Библии?

— Да, — подтвердил Девлин.

— После того как начальник тюрьмы Шепард впервые обнаружил дарственную, имел ли он доступ к вашей Библии, когда никого другого рядом не было?

— Да постоянно, — заверил Девлин. — Я беру Библию с собой в полицейское управление каждое утро и частенько оставляю ее в тюремной канцелярии, пока занимаюсь другими делами.

Мади помолчал немного, дожидаясь, пока все не осознают скрытый смысл его слов. И продолжил, внезапно поменяв тему:

— Как давно вы знаете мисс Уэдерелл, ваше преподобие?

— Я не был знаком с нею лично вплоть до двадцатого марта, когда я навестил ее в «Удаче

путника». Однако с того самого дня она находится под моим наблюдением в тюрьме полицейского управления и я вижусь с ней каждый день.

— В течение этого периода вам представлялась возможность понаблюдать за нею и поговорить с ней?

— Сколько угодно!

— Вы можете описать в общих чертах, какое впечатление у вас составилось о ее характере?

— Самое положительное, — заверил Девлин. — Безусловно, она жертва обстоятельств, и, безусловно, у нее в прошлом бывало всякое, но для того, чтобы исправиться и начать новую жизнь, требуется немалое мужество, и ее старания меня очень радуют. Для начала она избавилась от своей пагубной зависимости и твердо решила никогда больше не торговать своим телом. И то и другое достойно всяческих похвал.

— А что вы думаете о ее душевном здоровье?

— О, она абсолютно в здравом уме, — заморгал Девлин. — Я в этом ни минуты не сомневаюсь.

— Благодарю вас, ваше преподобие, — промолвил Мади и, обернувшись к судье, повторил: — Благодарю вас, сэр.

Далее заслушали экспертное заключение доктора Гиллиса, некоего доктора Сэндерса, вы-

званного из Кумары, чтобы представить второе медицинское мнение касательно психического состояния Анны, и некоего мистера Уолшема, инспектора греймутской полиции.

Последним был вызван истец, Джордж Шепард.

Как Мади и ожидал, Шепард долго распространялся о дурной репутации Анны Уэдерелл, ссылаясь на ее опиумную зависимость, ее сомнительную профессию и ее былую попытку самоубийства как на доказательства того, сколь низко она пала. Он в подробностях объяснил, как именно из-за ее поведения впустую тратятся полицейские ресурсы и ниспровергаются морально-этические стандарты, и настоятельно порекомендовал определить ее в только что отстроенный работный дом в Сивью. Но Мади мастерски спланировал защиту: после разоблачений, касающихся А-Су, и показаний Девлина Шепардовы нападки звучали злобно и даже мелочно. Мади мысленно поздравил себя с тем, что затронул вопрос о возможном помешательстве Анны раньше, чем такая возможность представилась истцу.

Когда Брохэм наконец сел, судья, прищурив глаз, оглядел скамью адвокатов и объявил:

— Свидетель — ваш, мистер Мади.

— Благодарю вас, сэр, — откликнулся Мади. И обернулся к тюремщику. — Господин начальник тюрьмы Шепард, на ваш взгляд, подпись Эмери Стейнза на этой дарственной — это очевидная подделка?

Шепард вздернул подбородок:

— Я бы назвал ее довольно неплохой копией.

— Простите, сэр, почему «довольно неплохой»?

— Это хорошая копия, — раздраженно поправился Шепард.

— Можно ли назвать ее *точной* копией подписи мистера Стейнза?

— Это решать экспертам, — пожал плечами Шепард. — Я не специалист по профессиональному мошенничеству.

— Господин начальник тюрьмы Шепард, — продолжал Мади, — а вам удалось усмотреть какое-либо различие между этой подписью и другими документами, подписанными мистером Стейнзом, каковыми Резервный банк располагает в огромном количестве, причем подлинность их доступна проверке?

— Нет, не удалось, — отвечал Шепард.

— Тогда на каком основании вы заявляете, что подпись поддельная?

— Я видел пресловутую дарственную в феврале, и на тот момент она не была подписана, — объяснил Шепард. — Мисс Уэдерелл принесла тот же самый документ в суд во второй половине дня двадцатого марта, и подпись на нем стояла. Возможны только два объяснения. Или она сама подделала подпись — а я убежден, что так и есть, — или она действовала в сговоре с мистером Стейнзом во время его отсутствия, и в таком случае она дала ложное показание под присягой.

— На самом деле есть и третье объяснение, — промолвил Мади. — Если подпись действительно подделана, как вы с пеной у рта доказываете, подписать документ мог кто-то, помимо Анны. Кто-то, кто знал, что дарственная находится у капеллана, и кому очень хотелось — в силу каких бы то ни было причин — предать мисс Уэдерелл суду.

— Ваш намек оскорбителен, мистер Мади, — с каменным лицом заявил Шепард.

Мади извлек из портмоне бумажный листок.

— Здесь у меня долговая расписка, — проговорил он, — датированная июнем прошлого года и предоставленная мистером Ричардом Мэннерингом; она заверена самой мисс Уэдерелл. Вы замечаете что-нибудь необычное в подписи мисс

Уэдерелл, господин начальник тюрьмы?

Шепард повертел в руках записку.

— Она поставила крест вместо подписи, — наконец сообщил он.

— Вот именно: она поставила крест вместо подписи, — повторил Мади. — Если мисс Уэдерелл не может даже свое собственное имя написать, с чего, ради всего святого, вы взяли, господин начальник тюрьмы Шепард, что она способна в точности воспроизвести чужую подпись?

Все взгляды были устремлены на Шепарда. Он не поднимал глаз от долговой расписки.

— Благодарю вас, сэр, — обратился Мади к судье. — У меня больше нет вопросов.

— Хорошо, мистер Мади, — отозвался судья, в голосе его звучало не то неодобрение, не то сдерживаемый смех. — Вы можете сесть.

Венера – утренняя звезда

Глава, в которой искушение являет себя под маской.

Как только «Попутный ветер» причалил в Порт-Чалмерсе, Анне вместе с другими женщинами пришлось встать в очередь на медицинский осмотр. Из карантинного изолятора она проследовала на таможню, где у нее проверили и проштамповали въездные документы. После всех собеседований ее направили в багажное отделение забрать чемодан (совсем маленький, немногим больше шляпной картонки; такой, в сущности, можно нести и под мышкой); там она столкнулась с очередной проволóчкой — ее кладь по ошибке загрузили в экипаж какой-то другой дамы. К тому времени, как ошибку исправили и багаж ей вернули, полдень давно миновал. Выйдя наконец-то на улицу, Анна с надеждой оглянулась по сторонам, высматривая златокудрого юношу, с которым так чудесно поболтала утром на палубе, но вокруг были сплошь чужие лица: ее попутчики давно исчезли в городском

столпотворении. Девушка поставила чемодан на землю и принялась поправлять перчатки.

— Прошу прощения, мисс, — прозвучал чей-то голос. Анна обернулась: к ней приближалась медноволосая женщина, пухленькая, с безупречным цветом лица, разодетая в элегантное платье из зеленой парчи. — Прошу прощения, — повторила она, — но вы ведь, наверное, только что прибыли?

— Да, мэм, — подтвердила Анна. — Только что — этим самым утром.

— А на каком судне, не подскажете?

— На «Попутном ветре», мэм.

— Да, — проговорила дама, — да, в таком случае вы, вероятно, сможете мне помочь. Я встречаю молодую женщину по имени Элизабет Маккей. Она примерно одних лет с вами, хрупкая, неприметная, одета как гувернантка, путешествует одна…

— Боюсь, я ее не видала, — промолвила Анна.

— В августе ей исполнится девятнадцать, — продолжала дама. — Она мне дальняя родственница; я ее никогда не знала лично, но, по всем отзывам, она выглядит очень ухоженно и довольно хорошенькая. Элизабет Маккей ее зовут. Вы ее точно не встречали?

— Мне очень жаль, мэм.

— Как, говорите, называлось ваше судно — «Попутный ветер»?

— Да, так.

— А где вы сели?

— В Порт-Джексоне.

— Да, — подтвердила дама. — Все правильно. «Попутный ветер», идет из Сиднея.

— Сожалею, но на борту «Попутного ветра» не было юных девушек, — промолвила Анна, чуть сощурившись. — Была миссис Патерсон, она ехала с мужем, и еще миссис Мадер, и миссис Юверс, и миссис Кук, но я бы сказала, всем им сильно за сорок. Никто из пассажирок не сошел бы за девятнадцатилетнюю.

— Вот те на! — посетовала незнакомка, закусив губу. — Ох ты боже мой!

— Что-то не так, мэм?

— Ох, — промолвила незнакомка, пожимая Анне руку, — какая вы лапушка, что спросили. Видите ли, я здесь, в Данидине, держу пансион для молодых девушек. Несколько недель тому назад я получила письмо от мисс Маккей: она представилась, заплатила за комнату заранее и обещала, что прибудет сегодня! Вот, смотрите. — Дама извлекла откуда-то смятое письмо. — Сами

видите: дата правильная.

Анна письма не взяла.

— Извините, — промолвила она, покачав головой. — Я уверена, что никакой ошибки нет.

— Ох, это я прошу прощения, — заволновалась дама. — Вы не умеете читать.

— Очень плохо умею, — покраснела Анна.

— Ну ничего, ничего, — утешила дама, заталкивая письмо обратно в рукав. — Ох, я так расстроилась из-за моей бедняжки мисс Маккей. Просто ужасно расстроилась! Что же все это значит — она обещала прибыть сегодня, на этом самом судне, — и все-таки, как вы утверждаете, на борт она вообще не поднималась? Вы в этом твердо уверены? Вы твердо уверены, что молодых девушек на корабле не было?

— Наверняка есть какое-то очень простое объяснение, — предположила Анна. — Может, она в последнюю минуту заболела. Или послала вам письмо с извинениями, а оно не дошло.

— Какая вы добрая, что меня утешаете, — растрогалась дама, снова пожимая Анне руку. — Вы ведь совершенно правы: надо бы мне образумиться и не выдумывать бог весть чего. Я просто места себе не нахожу, думая, а вдруг с ней что-то случилось.

— Уверена, все будет хорошо, — промолвила Анна.

— Ах, милое дитя, — проговорила дама, потрепав ее по руке. — До чего ж я рада свести знакомство с такой доброй, очаровательной девушкой. Меня зовут миссис Уэллс, миссис Лидия Уэллс.

— Мисс Анна Уэдерелл, — присела в реверансе Анна.

— Ай-яй-яй, как мне только не стыдно, я тут разволновалась об одной девушке, путешествующей в одиночку, в то время как разговариваю-то с другой в таком же точно положении! — промолвила миссис Уэллс, наконец-то заулыбавшись. — Как так вышло, что вы странствуете одна-одинешенька, без компаньонки, мисс Уэдерелл? Вы, наверное, помолвлены с каким-нибудь старателем!

— Я не помолвлена, — покачала головой Анна.

— Так вы, значит, к кому-то приехали! Ваш отец или другой какой-нибудь родственник уже здесь и послал за вами…

Анна покачала головой:

— Я приехала, чтобы все начать сначала.

— Ну что ж, тогда вы совершенно правильно выбрали место, — похвалила миссис Уэллс. — В

этой стране все начинают с чистого листа — другого способа просто нет! Так вы совсем одна?

— Совсем одна, да.

— Какая вы храбрая, мисс Уэдерелл, — чудо какая храбрая! Мне отрадно узнать, что на корабле у вас в женском обществе недостатка не было, но теперь расскажите мне сей же миг, где вы рассчитываете остановиться здесь, в Данидине. В городе полным-полно гостиниц с весьма сомнительной репутацией. Такая хорошенькая девушка, как вы, крайне нуждается в добром совете из надежного источника.

— Спасибо вам, вы так заботливы, — поблагодарила Анна. — Я собиралась остановиться у миссис Пеннистон: туда-то я и направляюсь.

— У миссис *Пеннистон*! — ужаснулась дама.

— Мне ее рекомендовали, — нахмурилась Анна. — А вы, значит, не рекомендуете?

— Увы, нет, никак не могу, — посетовала миссис Уэллс. — Если бы вы только назвали любые другие меблированные комнаты в этом городе, но — только не у миссис Пеннистон! Это очень дурная женщина, мисс Уэдерелл. Очень дурная. От таких, как она, вам лучше держаться подальше.

— О, — смущенно пролепетала Анна.

— А расскажите мне, зачем вы приехали в Дани-

дин, — попросила миссис Уэллс с подкупающей теплотою в голосе.

— Да из-за золотой лихорадки, — объяснила Анна. — Все говорят, тут, в палаточных лагерях, золота больше, чем в земле. Я подумала, а поработаю-ка на приисках.

— Вы собираетесь подыскать себе постоянное занятие — может быть, официанткой в баре?

— Я умею работать за стойкой, — заверила Анна. — И в гостинице работала. У меня в руках все спорится; кроме того, я девушка честная.

— А рекомендации у вас есть?

— Есть, мэм, и превосходные. Из гостиницы «Империя» на Юнион-стрит в Сиднее.

— Великолепно, — похвалила миссис Уэллс. Она оглядела Анну с ног до головы, улыбаясь про себя.

— Если вы не одобряете меблированные комнаты у миссис Пеннистон… — начала было Анна, но миссис Уэллс тут же ее перебила.

— О! — воскликнула она. — Я придумала отличный выход, как решить и вашу проблему, и мою — обе! Меня только что осенило! Моя мисс Маккей заранее оплатила недельный пансион, а сама не приехала и, значит, комнату не займет. Так пусть эта комната достанется вам. Поживите

у меня: вы будете моей мисс Маккей до тех пор, пока мы не найдем вам работу и не поставим вас на ноги.

— Вы очень добры, миссис Уэллс, — промолвила Анна, отпрянув назад, — но я никак не могу принять такой щедрый подарок… я не могу злоупотреблять вашим великодушием.

— Ах, да полно вам! — запротестовала миссис Уэллс, подхватывая Анну под локоть. — Когда мы с вами станем подругами не разлей вода, мисс Уэдерелл, мы вспомним этот день и скажем, что нас свел вместе не иначе как счастливый случай. Я всем сердцем верю в счастливые случайности — и много во что еще. Но что это я разболталась, не унять? Вы же, наверное, с голоду умираете и просто мечтаете о горячей ванне. Пойдемте со мной. Я о вас позабочусь как до́лжно, а как только вы отдохнете, подыщу вам какую-нибудь подходящую работу.

— Я попрошайничать не привыкла, — засмущалась Анна. — Не стану я попрошайничать.

— Так вы ни о чем и не просили, — возразила Лидия Уэллс. — Что вы за милое дитя… эй, носильщик!

Подбежал курносый мальчишка.

— Позаботьтесь, чтобы багаж мисс Уэдерелл до-

ставили по адресу: Камберленд-стрит, тридцать пять, — приказала миссис Уэллс.

Курносый мальчишка широко ухмыльнулся, обернулся к Анне, смерил ее взглядом и с карикатурной учтивостью дернул себя за вихор. Лидия Уэллс эту дерзость никак не откомментировала, но строго воззрилась на нахала, вручая ему шестипенсовик из кошелька. А затем обняла Анну за плечи и, улыбаясь, увела ее с собой.

Экзальтация в Овне

Глава, в которой обвиняемый пускается в философствования; мистер Мади одерживает верх; Лодербек произносит речь, а Карверов уличают во лжи.

Дневная сессия суда началась ровно в час.

— Мистер Стейнз, — произнес судья после того, как юноша принес присягу. — Против вас выдвинуты три обвинения: во-первых, фальсификация ежеквартального отчета за январь тысяча восемьсот шестьдесят шестого года. Вы признаете себя виновным?

— Признаю, сэр.

— Во-вторых, присвоение золота, на законном основании депонированного вашим наемным рабочим мистером Джоном Лун Цю как прибыль с золотого рудника «Аврора» и с тех пор обнаруженного в жилище, принадлежавшем покойному мистеру Кросби Уэллсу из долины Арахуры. Вы признаете себя виновным?

— Признаю, сэр.

— И наконец, невыполнение обязанностей по

отношению к участкам и рудникам, требующим ежедневного поддержания и обеспечения, в период вашего отсутствия, продлившегося свыше восьми недель. Вы признаете себя виновным?

— Признаю, сэр.

— Виновен по всем статьям, — подвел итог судья, откидываясь назад. — Хорошо же. Вы можете ненадолго присесть, мистер Стейнз. В качестве защитника обвиняемого снова выступит мистер Уолтер Мади, и мистер Лоренс Брохэм — в качестве адвоката истца, при содействии мистера Роджера Хэррингтона и мистера Джона Другана, представителя магистратского суда. Мистер Брохэм, вам слово.

Как и прежде, речь Брохэма преследовала целью дискредитировать подсудимого и, как и прежде, затянулась до бесконечности. Он перечислил постатейно все неприятности и беды, порожденные отсутствием Стейнза, в частности представив вдову Уэллса трагической фигурой, напрасно обнадеженной обещанием нежданного наследства, которое она ошибочно (хотя и резонно) полагала частью имущества своего покойного супруга. Он порассуждал о том, как развращает душу богатство, и назвал подлог и хищение «преступлениями, совершаемыми

хладнокровно и расчетливо». Речь Мади, когда настала его очередь, сводилась к тому, что Стейнз сознает, сколько беспокойства причинил своим продолжительным отсутствием, и готов оплатить все убытки и долги, возникшие по его вине.

— Мистер Брохэм, — произнес судья Кемп, когда тот закончил, — свидетель — ваш.

Брохэм поднялся.

— Мистер Стейнз! — Адвокат картинно взмахнул листком бумаги, словно потрясая ордером на арест, и заявил: — Вот тут у меня документ, предоставленный фирмой «Нильссен и К°, комиссионная торговля», с описью имущества покойного мистера Кросби Уэллса. Имущество, согласно отчету мистера Нильссена, включает в себя большое количество самородного золота, с тех пор оцененного банком в четыре тысячи девяносто шесть фунтов. Что вы можете мне сказать об этом кладе?

— Золото было добыто на участке под названием «Аврора», — без колебаний ответил Стейнз, — который, вплоть до недавнего времени, принадлежал мне. Его намыл мой наемный рабочий мистер Цю в середине прошлого года. Мистер Цю переплавил металл в бруски по своему обыкновению, а затем передал их мне

как законный доход с участка. Получив золотой клад, я не депонировал его в банк как выручку с «Авроры», вопреки закону. Вместо того я зашил золото в мешок, отвез в долину Арахуры и закопал в землю.

Юноша рассказывал спокойно, безо всякого самодовольства.

— А почему именно в долине Арахуры? — уточнил Брохэм.

— Потому что на земле маори разведывать месторождения золота нельзя, а долина Арахуры по большей части принадлежит маори, — объяснил Стейнз. — Я подумал, там мой клад в безопасности, по крайней мере до тех пор, пока я не приду и не откопаю его снова.

— Что вы намеревались сделать с золотым кладом?

— Я собирался поделить его пополам, — объяснил Стейнз, — и половину оставить себе. А вторую половину я хотел подарить мисс Уэдерелл.

— Зачем?

Юноша озадаченно нахмурился:

— Боюсь, мне непонятен ваш вопрос, сэр.

— Чего вы рассчитывали добиться, мистер Стейнз, подарив мисс Уэдерелл эту сумму денег?

— Ровным счетом ничего, — отвечал юноша.

— Вы ровным счетом ничего не добивались?

— Вот именно, — подтвердил Стейнз, слегка оживляясь. — Иначе это не было бы подарком, верно?

— Это золото, — проговорил Брохэм громче, заглушая раздавшиеся тут и там взрывы смеха, — позже было обнаружено в хижине, принадлежавшей покойному Кросби Уэллсу. Как произошло это перемещение?

— Не могу сказать наверняка. Полагаю, Кросби его выкопал и забрал себе.

— Если это правда, тогда почему, как вы думаете, мистер Уэллс не сдал золото в банк?

— А разве не понятно? — удивился Стейнз.

— Боюсь, что нет, — отозвался Брохэм.

— Да потому, что золото — переплавленное, вот в чем дело, — объяснил Стейнз. — И на каждом из брусков значится слово «Аврора» — вырезанное по металлу моим мистером Цю! Кросби никак не мог притвориться, будто добыл его из земли.

— А вы почему не депонировали золото в банк как прибыль с «Авроры», согласно закону?

— Пятьдесят процентов акций «Авроры» принадлежат мистеру Фрэнсису Карверу, — объяснил Стейнз. — Я очень низкого мнения об этом человеке, и я не хотел, чтобы он получил прибыль.

Брохэм нахмурился:

— Вы забрали золото с «Авроры», потому что не хотели платить пятьдесят процентов дивидендов, которые по закону причитаются мистеру Карверу. Однако вы собирались те же самые пятьдесят процентов отдать мисс Анне Уэдерелл. Правильно?

— Да, именно так.

— Простите, но ваши намерения кажутся мне не вполне логичными, мистер Стейнз.

— Что же тут нелогичного? — удивился юноша. — Мне хотелось, чтобы Анне досталась доля Карвера.

— По какой причине?

— Да потому, что она заслуживала ее получить, а он заслуживал ее потерять, — объяснил Эмери Стейнз.

Снова раздался смех, на сей раз распространяясь все шире. Мади забеспокоился: он загодя предупреждал Стейнза, чтобы тот изъяснялся не слишком причудливо и поумерил бы дерзость.

Когда все наконец стихло, судья изрек:

— Я не считаю, мистер Стейнз, что вы обладаете исключительным правом судить, кто и чего заслуживает или не заслуживает. Будьте так добры в будущем ограничиваться только изложением

фактов.

Стейнз разом посерьезнел.

— Понимаю, сэр, — проговорил он.

Судья кивнул:

— Продолжайте, мистер Брохэм.

Брохэм внезапно сменил тему.

— Вы отсутствовали в Хокитике свыше двух месяцев, — промолвил он. — Чем ваше отсутствие было вызвано?

— Стыдно признаться, но я пребывал под воздействием опиума, сэр, — сообщил Стейнз. — Я едва поверил ушам своим, узнав по возвращении, что прошло более двух месяцев.

— И где же вы находились?

— Сдается мне, бóльшую часть этого времени я провел в опиумной курильне в каньерском Чайнатауне, — отвечал Стейнз. — Но наверняка сказать не могу.

Брохэм помолчал.

— В опиумной курильне, — повторил он.

— Да, сэр, — подтвердил Стейнз. — Ее хозяина звали Су. А-Су.

К теме А-Су Брохэму возвращаться не хотелось.

— Двадцатого марта вас обнаружили в хижине, которая прежде принадлежала Кросби Уэллсу. Что вы там делали?

— Наверное, свой золотой клад искал, — предположил Стейнз. — Только у меня в голове все смешалось… мне нездоровилось… и я не мог вспомнить, где его зарыл.

— Когда у вас впервые возникла опиумная зависимость, мистер Стейнз?

— Впервые я попробовал наркотик ночью четырнадцатого января.

— Иначе говоря, той самой ночью, когда умер Кросби Уэллс.

— Так мне сказали.

— Любопытное совпадение, вы не находите?

— Смерть мистера Уэллса наступила от естественных причин, — тут же выступил с возражением Мади. — Не понимаю, почему совпадение с событием естественного характера воспринимается как важное.

— На самом деле, — напомнил Брохэм, — вскрытие показало наличие в желудке мистера Уэллса небольшого количества лауданума.

— Небольшого количества, — повторил Мади.

— Продолжайте допрос, мистер Брохэм, — велел судья. — Мистер Мади, сядьте.

— Благодарю вас, сэр, — обратился Брохэм к судье. И снова повернулся к Стейнзу. — Мистер Стейнз, как вы думаете, зачем мистер Уэллс вы-

пил некое количество лауданума — не важно какое! — вместе с большим количеством виски?

— Возможно, чтобы заглушить боль.

— Боль какого рода?

— Это лишь предположение, — промолвил Стейнз. — Боюсь, я могу только гадать. Я не настолько хорошо знал привычки покойного, и в тот вечер меня с ним не было. Я просто хочу сказать, что лауданум часто принимают как болеутоляющее или как снотворное.

— Но только не в придачу к целой бутылке виски.

— Сам бы я, безусловно, не стал прибегать к подобному сочетанию. Но за мистера Уэллса я не отвечаю.

— Вы принимаете лауданум, мистер Стейнз?

— Только по предписанию врача, отнюдь не в силу привычки.

— И на настоящий момент такое предписание есть?

— На настоящий момент — да, — подтвердил Стейнз. — Но лауданум мне назначили совсем недавно.

— Как недавно, будьте так добры?

— Впервые мне прописали лауданум двадцатого марта, — сообщил Стейнз, — в качестве

болеутоляющего и как средство для постепенного избавления от опиумной зависимости.

— Доводилось ли вам до двадцатого марта когда-либо покупать или приобретать иным способом склянку лауданума в аптеке Притчарда на Коллингвуд-стрит?

— Нет.

— В хижине Кросби Уэллса несколько дней спустя после его смерти был обнаружен пузырек с лауданумом, — сообщил Брохэм. — Вам известно, как он туда попал?

— Нет.

— Вы не знаете, страдал ли мистер Уэллс зависимостью от опиатов?

— Он был пьяница. Это все, что я знаю, — отвечал Стейнз.

Брохэм изучающе воззрился на него:

— Будьте так добры, расскажите суду, как вы провели ночь четырнадцатого января, по порядку и своими словами.

— Я встретился с Анной Уэдерелл в «Песке и самородке» около семи, — рассказал Стейнз. — Мы вместе выпили и после того вернулись ко мне домой на Ревелл-стрит. Я уснул, а когда проснулся — около половины одиннадцатого, наверное, — она исчезла. Я взять не мог в толк, почему она

убежала так внезапно, и отправился ее искать. Пришел в «Гридирон». За стойкой никого не было, на лестничной площадке — тоже, дверь ее номера наверху оказалась незапертой. Вошел, вижу — она на полу лежит, а вокруг нее расставлены трубка, лампа и смола. Ну вот, добудиться ее я не смог, а пока ждал, чтобы она очнулась, я опустился на колени рассмотреть приспособления. Прежде я к опиуму не притрагивался, но всегда мечтал попробовать. Есть в нем некая мистика, понимаете, и дым такой густой, такой красивый. Ее трубка еще не остыла, лампа все еще горела, и все казалось… ну, самой судьбой подготовлено специально для меня. Я подумал, дай-ка отведаю. Анна казалась такой невыразимо счастливой, даже улыбалась во сне.

— Что было дальше? — спросил Брохэм, едва Стейнз умолк.

— Я вырубился, ясное дело, — сообщил Стейнз. — Это было божественно.

Брохэм раздраженно поморщился:

— А после того?

— Ну, я знатно приложился к ее трубке, а потом прилег на ее кровать и поспал немножко, а может, я не спал, а грезил — это был не совсем сон. Когда же я снова пришел в себя, лампа остыла,

чашечка трубки опустела, а Анна куда-то делась. Стыдно сказать, но о ней я даже не вспомнил. Мне хотелось лишь одного — еще раз вкусить зелья. Я просто изнывал от жажды, понимаете; с первого же глотка я подпал под власть этих чар. Я понимал, что мне не знать покоя до тех пор, пока я не отведаю наркотик еще раз.

— И это с первой же попытки, — скептически обронил Брохэм.

— Да, — подтвердил Стейнз.

— Что же вы сделали?

— Сей же миг кинулся в Чайнатаунскую курильню. Стояло раннее утро — только-только рассвело. По дороге я не встретил ни души.

— Как долго вы оставались в каньерском Чайнатауне?

— Наверное, недели две… но точнее сказать не могу: все дни слились друг с другом. А-Су был ко мне так добр. Приютил меня, кормил, следил, чтоб я не переедал. Вел счет моим долгам мелом на доске.

— Вы за это время с кем-нибудь виделись?

— Нет, — заверил Стейнз, — но на самом-то деле я почти ничего не помню.

— А что следующее вы помните?

— Однажды я проснулся, и А-Су рядом не было.

Я очень расстроился. Он забрал опиум с собой — он всегда его забирал, уходя из курильни, — и я весь дом перевернул вверх дном, пока искал, прямо-таки дошел до ручки. И тут я вспомнил про запас мисс Уэдерелл… Я тотчас же побежал в Хокитику — я словно обезумел. В то утро шел проливной дождь, народу почти не было, я добрался до Хокитики, не встретив никого из знакомых. Вошел в «Гридирон» через заднюю дверь, поднялся по черной лестнице в глубине дома. Дождался, чтобы Анна ушла обедать, проскользнул в ее комнату, отыскал в выдвижном ящике смолу и все ее приспособления. Но я оказался в ловушке: в коридоре кто-то затеял разговор, совсем рядом с дверью, и выйти я уже не мог. А потом Анна вернулась с обеда: я услышал ее шаги, снова запаниковал и спрятался за портьерой.

— За портьерой?

— Да, — подтвердил Стейнз, — там-то я и прятался, когда в меня попала пуля из Аннинога пистолета.

— И как долго вы прятались за портьерой? — медленно багровея, вопросил Брохэм.

— Несколько часов, — отозвался Стейнз. — Навскидку скажу, где-то с двенадцати до трех. Но это очень приблизительно.

— А мисс Уэдерелл знала, что вы в тот день находились в ее комнате?

— Нет.

— Как насчет мистера Гаскуана или мистера Притчарда?

— Нет, они тоже не знали, — заверил Стейнз. — Я сидел тихо, не шевелясь, затаив дыхание. Я уверен, никто из них даже не подозревал о моем присутствии.

Друган настойчиво зашептал что-то Хэррингтону на ухо.

— Что произошло после того, как в вас выстрелили? — спросил Брохэм.

— Я сидел тихо, не шевелясь, — повторил Стейнз.

— Вы сидели тихо?

— Да.

— Мистер Стейнз, — укоризненным тоном промолвил Брохэм, — вы пытаетесь убедить суд, что в вас выстрелили, совершенно неожиданно и с очень близкого расстояния, а вы даже не вскрикнули, не дернулись, не издали ни звука — словом, ничем не обнаружили своего присутствия перед *тремя свидетелями*?

— Верно, — кивнул Стейнз.

— Как же так вышло, что вы не вскрикнули?

— Так ведь у меня бы смолу отобрали, — объяснил Стейнз.

Брохэм устремил на него испытывающий взгляд; в наступившей тишине Хэррингтон передал коллеге записку, Брохэм пробежал по ней глазами, поднял голову и вопросил:

— Мистер Стейнз, допускаете ли вы возможность, что мисс Уэдерелл могла знать о вашем присутствии днем двадцать седьмого января и *намеренно* выстрелила в направлении портьеры, с целью причинить вам вред?

— Нет, — отрезал Стейнз. — Такой возможности я не допускаю.

В зале суда повисла мертвая тишина.

— Почему нет?

— Потому что я доверяю Анне, — объяснил Стейнз.

— Я спрашиваю о возможности, а не о степени вероятности, — уточнил Брохэм.

— Вопрос мне понятен. Мой ответ остается прежним.

— Что понуждает вас доверять мисс Уэдерелл?

— Доверие понуждению не подвластно! — взорвался юноша. — Доверием можно только подарить — подарить по доброй воле! И как мне прикажете отвечать?

— Я упрощу вопрос, — отозвался юрист. — Почему вы доверяете мисс Уэдерелл?

— Я ей доверяю, потому что я ее люблю, — объяснил Стейнз.

— А как так вышло, что вы ее полюбили?

— Так я же ей доверяю, понятное дело!

— Это логический круг.

— Да, — вскричал юноша, — а как же иначе! Истинное чувство всегда либо логический круг, либо парадокс, просто потому, что его причина и его проявление — две половинки единого целого! Любовь невозможно свести к списку причин, а список причин в любовь не сложится! Тот, кто со мной не согласен, никогда не любил по-настоящему!

Воцарилась гробовая тишина. В дальнем конце зала кто-то тихо присвистнул, в ответ раздался приглушенный смешок.

Брохэм явно разозлился не на шутку:

— Простите, мистер Стейнз, но не могу не отметить, что воровать опиаты у той, кого якобы любишь, обычно как-то не принято.

— Это очень дурно, я знаю, — покаялся Стейнз. — Мне бесконечно стыдно.

— Кто-нибудь может подтвердить ваши перемещения в течение последних двух месяцев?

— За меня мог бы поручиться А-Су.

— Мистер Су мертв. Еще кто-нибудь?

Стейнз на мгновение задумался, затем покачал головой:

— Никто другой не приходит в голову.

— У меня вопросов больше нет, — коротко отозвался Брохэм. — Благодарю вас, господин судья.

— Свидетель — ваш, мистер Мади, — объявил судья.

Мади в свой черед поблагодарил его. Минуту он приводил в порядок свои записи, выжидая, пока в зале не станет потише, и наконец заговорил:

— Мистер Стейнз, вы утверждаете, что очень низкого мнения о мистере Карвере. А чем вызвано подобное отношение?

— Он избил Анну, избил хладнокровно, — объяснил Стейнз. — Он набросился на нее с кулаками, а она была беременна. Ребенок погиб.

Все перешептывания разом смолкли.

— Когда произошло это нападение? — спросил Мади.

— Одиннадцатого октября прошлого года, во второй половине дня.

— Одиннадцатого октября, — эхом повторил Мади. — Вы были тому свидетелем?

— Нет, не был.

— Откуда же вы узнали об этом происшествии?

— От мистера Левенталя вечером того же дня. Именно он и нашел Анну на дороге — всю избитую, в крови. Он может подтвердить, в каком состоянии ее обнаружил.

— Зачем вы встречались с мистером Левенталем в тот день?

— По делу совершенно постороннему, — отозвался Стейнз. — Я к нему зашел, чтобы дать объявление в газету.

— Касательно чего?..

— Хотел купить контейнер «длинных томов»[76].

— Когда вы услышали про избиение мисс Уэдерелл, вас удивила эта новость?

— Нет, — покачал головой Стейнз. — К тому времени я уже знал, что Карвер — сущее чудовище, и десять раз пожалел о нашем сотрудничестве. Он предложил мне денежную поддержку, когда я впервые приехал в Данидин, — вот так мы,

---

[76] Сноски: 76

«Длинный том» — усовершенствованный промывочный лоток пятнадцатифутовой длины: один его конец представлял собою решето над деревянной ванной с нарезным дном. В устройство пропускали поток воды, двое мужчин с лопатами бросали туда золотосодержащий гравий, а третий его перемешивал. Вода уносила песок, а на дне ванны оставалось золото.

собственно, и познакомились, я только-только с корабля сошел, в тот же самый день. Я был совсем зеленый новичок, ничего дурного не заподозрил. Мы ударили по рукам, сказано — сделано; но очень скоро до меня стали доходить неприятные слухи о нем — и о миссис Карвер тоже; они ведь всегда работают на пару. Когда я узнал, как они обошлись с мистером Уэллсом, я просто ужаснулся. Подумал, я связался с отпетым мошенником.

Юноша, увлекшись, опережал события. Мади покашлял, напоминая ему об условленной промеж них последовательности изложения, и промолвил:

— Давайте вернемся к ночи одиннадцатого октября. Как вы поступили, когда мистер Левенталь сообщил вам об избиении мисс Уэдерелл?

— Я поспешил прямиком в долину Арахуры, чтобы известить о случившемся мистера Уэллса.

— А почему вы сочли, что мистеру Уэллсу важна эта информация?

— Потому что он приходился отцом ребенку, которого носила мисс Уэдерелл, и я подумал, ему следует знать о том, что его дитя убили.

К тому времени в зале воцарилась тишина настолько глубокая, что Мади мог расслышать отдаленный шум с улицы.

— И как же мистер Уэллс повел себя, услышав, что его нерожденный ребенок погиб?

— Он разом притих, — рассказал Стейнз. — Почитай что ни словом не обмолвился. Мы вместе выпили, посидели. Я оставался с ним допоздна.

— Вы в тот вечер обсуждали с мистером Уэллсом еще что-нибудь?

— Я рассказал ему про клад, который зарыл неподалеку от его хижины. Сказал, что, если Анна выживет — а она пострадала серьезно, — я отдам ей долю Карвера.

— Той же ночью вы закрепили свое намерение в письменном виде?

— Уэллс составил документ, — подтвердил Стейнз, — но я его не подписал.

— Почему нет?

— Да я в точности не помню, почему нет, — отозвался Стейнз. — Я много выпил, а потом стало совсем поздно. Может, разговор перешел на другое, а может, я собирался, да позабыл. Как бы то ни было, я задремал ненадолго, а потом рано поутру вернулся в Хокитику узнать, не стало ли мисс Уэдерелл лучше. Больше я мистера Уэллса не видел.

— Вы рассказали мистеру Уэллсу, где закопано золото?

— Да, — кивнул Стейнз. — Я в общих чертах описал ему это место.

После того магистратский суд заслушал показания Мэннеринга, Цю, Левенталя, Клинча, Нильссена и Фроста: все они подробно описали, как золото было обнаружено в хижине Кросби Уэллса и что с ним сталось, — так, словно переплавленный металл в самом деле добывался на «Авроре». Мэннеринг засвидетельствовал, на каких условиях «Аврора» была продана, а Цю — то, что металл действительно подвергся переплавке. Левенталь в деталях пересказал свой разговор с Алистером Лодербеком ночью 14 января, в ходе которого узнал о смерти Кросби Уэллса. Клинч показал, что приобрел участок следующим же утром. Нильссен поведал, где именно клад был спрятан в хижине Кросби Уэллса, а Фрост подтвердил его стоимость. Никто ни словом не упомянул ни об Аннинах платьях, ни о затонувшем барке «Добрый путь», ни о сомнениях и разоблачениях, повлекших за собою тайный совет в «Короне» тремя месяцами раньше. Допрос их прошел гладко, как по маслу, и очень скоро на свидетельскую трибуну уже вызвали миссис Лидию Карвер.

На Лидии было темно-серое шелковое платье в полоску, а поверх — шикарный черный жакет

для верховой езды с рукавами, пышными у плеча и узкими от локтя до запястья. Ее медного цвета волосы, яркие и блестящие, высоко зачесанные и собранные в шиньон, подхватывала черная бархатная лента. Дама величаво прошествовала мимо скамьи адвокатов, и Мади уловил аромат камфоры, лимона и аниса: этот волнующий терпкий запах тут же напомнил ему вечеринку в «Удаче путника» перед спиритическим сеансом.

Миссис Карвер стремительно поднялась по ступенькам на свидетельскую трибуну — можно сказать, взлетела! — но, увидев сидящего за ограждением Эмери Стейнза, словно бы запнулась на месте. Замешательство ее длилось только краткий миг: она тут же овладела собой. Лидия повернулась спиной к Стейнзу, поулыбалась судебному приставу, подняла молочно-белую ручку и принесла присягу.

— Миссис Карвер, — промолвил Брохэм, как только пристав отошел в сторону, — вы знакомы с подсудимым, мистером Эмери Стейнзом?

— Боюсь, никакого мистера Стейнза я не имею чести знать, — отвечала миссис Карвер.

Мади, оглянувшись на юношу, с изумлением отметил, что тот покраснел.

— Однако, насколько мне известно, вечером

восемнадцатого февраля вы устроили спиритический сеанс с целью установить с ним связь, — продолжал Брохэм.

— Это так.

— Почему вы выбрали именно мистера Стейнза?

— Боюсь, из соображений довольно меркантильного свойства, — отвечала миссис Карвер, улыбнувшись краем губ. — На тот момент весь город толковал о его исчезновении, и я подумала, это имя поможет собрать побольше народу. Вот и все.

— Знали ли вы, давая объявление об этом спиритическом сеансе, что золото, обнаруженное в хижине вашего покойного мужа, было добыто на руднике «Аврора»?

— Нет, не знала, — заверила миссис Карвер.

— Были ли у вас основания полагать, что мистер Стейнз как-то связан с вашим покойным мужем?

— Ровным счетом никаких оснований. Для меня это было просто имя; все, что я о нем знала, — это что он пропал без следа и что после него осталось немалое имущество.

— А вы знали, что ваш муж мистер Карвер имеет долю в руднике мистера Стейнза?

— О, я с Фрэнсисом капиталовложения не обсуждаю, — запротестовала она.

— Когда вы впервые узнали о том, где было изначально добыто это золото?

— Когда в конце марта Резервный банк опубликовал в газете сообщение о том, что золото обнаружено уже переплавленным в слитки и, значит, происхождение его возможно отследить.

Брохэм обернулся к судье:

— Довожу до сведения суда, что это объявление было напечатано в «Уэст-Кост таймс» двадцать третьего марта сего года.

— К сведению принято, мистер Брохэм.

Брохэм вновь обратился к миссис Карвер.

— Вы впервые приехали в Хокитику в четверг двадцать пятого января тысяча восемьсот шестьдесят шестого года на пароходе «Ваикато», — проговорил он. — Сразу по высадке вы записались на прием в суд, чтобы оспорить продажу хижины и земельного участка, принадлежавших вашему покойному мужу. Все верно?

— Да, все верно.

— Как вы узнали о смерти мистера Уэллса?

— Мистер Карвер лично сообщил мне эту новость, — отвечала миссис Карвер. — Естественно, я тут же, ни минуты не мешкая, поспешила в

Хокитику. Мне хотелось присутствовать на похоронах, но, к сожалению, я опоздала.

— Знали ли вы на момент отъезда из Данидина, что наследственное имущество мистера Уэллса включает в себя огромное состояние неизвестного происхождения?

— Нет, я прочла подробный отчет в «Уэст-Кост таймс» только по приезде в Хокитику.

— Однако, насколько я понимаю, перед отъездом вы продали и свое дело, и дом в Данидине.

— Да, продала, — кивнула миссис Карвер. — Однако это был не такой уж радикальный шаг, как вам могло бы показаться. Мой бизнес относится к индустрии развлечений, а в Данидине народу за последнее время заметно поубавилось. Я вот уже много месяцев размышляла, не переехать ли в Уэст-Кост, и «Уэст-Кост таймс» штудировала от корки до корки, с прицелом на будущее. Когда я узнала о смерти Кросби, мне подумалось, что вот он, мой шанс, лучшего и желать нечего. Я смогу начать все сначала в месте, где бизнес наверняка пойдет в гору, и, кроме того, окажусь рядом с могилой мужа, чего мне очень хотелось. До его смерти помириться нам не случилось, а нашу размолвку я воспринимала крайне болезненно.

— Вы с мистером Уэллсом жили врозь на мо-

мент его смерти, так?

— Да.

— А как давно вы жили врозь?

— Наверное, уже где-то девять месяцев.

— Что послужило причиной вашего разрыва?

— Мистер Уэллс предал мое доверие.

Продолжать она не стала, и Брохэм, нервно оглянувшись на судью, промолвил:

— Не могли бы вы пояснить подробнее, будьте так добры?

Миссис Карвер тряхнула головой:

— Под моей опекой находилась молодая девушка, и мистер Уэллс поступил с нею просто отвратительно. Мы с Кросби ужасно из-за нее поругались, а вскоре после нашей размолвки он уехал из Данидина. Я не знала куда и вестей от него не получала. И лишь когда мистер Карвер привез сообщение о его смерти, наконец выяснилось, где он.

— Молодая женщина, о которой идет речь…

— Это мисс Анна Уэдерелл, — жестко объявила миссис Карвер. — Я обошлась с ней по-доброму, приняла ее в свой дом, за что она, по ее же собственным словам, была крайне признательна. Мистер Уэллс свел мою доброту на нет, а она моей добротой злоупотребила.

— Возобновилось ли общение между мисс Уэдерелл и мистером Уэллсом после того, как оба переселились в Хокитику?

— Понятия не имею, — заверила миссис Карвер.

— Благодарю вас, миссис Карвер. У меня больше нет вопросов.

— И вам спасибо, мистер Брохэм, — безмятежно отозвалась Лидия.

В ожидании, когда судья даст ему слово, Мади нетерпеливо заерзал на стуле.

— Миссис Карвер, — сей же миг проговорил он, едва разрешение было даровано, — в марте месяце шестьдесят четвертого года ваш покойный супруг Кросби Уэллс напал на золотую жилу в долине Данстана, верно?

Вопрос явно удивил миссис Карвер, но, замявшись лишь на краткое мгновение, она подтвердила:

— Да, верно.

— Но мистер Уэллс не депонировал добытое богатство в банке, так?

— Да, так, — снова кивнула миссис Карвер.

— Вместо того он нанял частный эскорт, чтобы доставить золото из Данстана домой, в Данидин, где груз приняли вы, его жена.

По лицу миссис Карвер скользнула тень тревоги.

— Да, — осторожно промолвила она.

— Будьте добры, опишите, как драгоценный металл был упакован и затем переправлен с прииска?

Лидия замялась, но последовательность вопросов явно застала ее врасплох, и придумать себе алиби она не успела.

— Золото поместили в офисный сейф, — наконец выговорила она. — Сейф погрузили в повозку, и вооруженный отряд сопроводил ее до Данидина. В Данидине я забрала сейф, заплатила эскорту и тотчас же написала мистеру Уэллсу, что груз благополучно доставлен. Тогда он прислал ключ.

— А «золотой эскорт» нанимали вы или мистер Уэллс?

— Мистер Уэллс всем распоряжался сам, — отвечала миссис Карвер. — Очень надежные люди. Вообще никаких хлопот с ними не было. Частная компания, «Грейсвуд и сыновья», или что-то в этом роде.

— «Грейсвуд и Спирз», — поправил Мади. — С тех пор компания переехала в Каньер.

— Да неужто? — обронила миссис Карвер.

— Что вы сделали с грузом, когда его к вам бла-

гополучно доставили?

— Золото оставалось в сейфе. Я приказала перенести сейф в наш особняк на Камберленд-стрит, там он и стоял.

— А почему вы не сдали драгоценный металл в банк?

— Цены на золото колебались день ото дня, рынок был крайне непредсказуем, — объяснила миссис Карвер. — Мы подумали, сейчас продавать не стоит, надо подождать лучших времен.

— Учитывая, какую предусмотрительность вы проявили, я бы предположил, что стоимость добытого золота была довольно высока.

— Да, — подтвердила Лидия. — Несколько тысяч, по нашим прикидкам. Но оценку мы так и не произвели.

— А после того мистер Уэллс так и продолжал работать на прииске?

— Да, он старательствовал еще с год, вплоть до следующей весны. Окрыленный успехом, он надеялся, ему и во второй раз повезет, но нет, не вышло.

— А где сейчас это золото? — спросил Мади.

Лидия снова замялась — и наконец выговорила:

— Его украли.

— Мои соболезнования, — откликнулся Мади. — Должно быть, эта потеря явилась для вас тяжким ударом.

— Да, для нас обоих, — подтвердила миссис Карвер.

— Вы, несомненно, говорите за себя и за мистера Уэллса.

— Разумеется.

Мади выдержал паузу, а затем предположил:

— По-видимому, вор каким-то образом получил доступ к ключу.

— Может быть, — согласилась миссис Карвер, — или, может быть, замок оказался ненадежным. Это был сейф усовершенствованной модели, а как мы все знаем, новая техника не всегда надежна. Также не исключаю вероятности, что был сделан дубликат ключа — без нашего ведома.

— А у вас есть какие-либо предположения насчет того, кто мог совершить эту кражу?

— Вообще никаких.

— Вы согласитесь, что, скорее всего, это был кто-то из числа ваших близких знакомых?

— Вовсе не обязательно, — тряхнула головой миссис Карвер. — С тем же успехом я бы заподозрила кого-нибудь из числа «золотого эскорта». Они-то знали доподлинно, что в доме номер

тридцать пять по Камберленд-стрит хранится целое состояние в чистом золоте; кроме того, они видели, где установлен сейф. Вором мог оказаться кто угодно.

— А вы регулярно открывали сейф и проверяли его содержимое?

— Нет, не регулярно.

— Когда вы впервые обнаружили, что золото исчезло?

— В следующем году, когда Кросби вернулся.

— Будьте добры, опишите, что произошло, когда вы обнаружили пропажу.

— Мистер Уэллс вернулся с приисков, мы сели подсчитать наши доходы. Он открыл сейф, глядь — а там пусто. Вы себе не представляете, как он рассвирепел, да и я тоже.

— В каком месяце это случилось?

— Ой, да не помню, — внезапно смешалась миссис Карвер. — Может, в апреле. Или в мае.

— В апреле-мае шестьдесят пятого. То есть в прошлом году.

— Да, — подтвердила она.

— Благодарю вас, миссис Карвер, — проговорил Мади и, повернувшись к судье, повторил: — Благодарю вас, сэр.

Усаживаясь, он чувствовал, что атмосфера в

зале суда накаляется. Хэррингтон и Друган уже не перешептывались; судья отложил свои записи. Под прицелом всех глаз миссис Карвер спустилась по ступенькам со свидетельской трибуны и вернулась на свое место.

— Суд вызывает мистера Фрэнсиса Карвера.

В своем темно-зеленом пиджаке и сколотом булавкой шейном платке Карвер выглядел настоящим красавцем. Он принес присягу — голос его, как обычно, звучал отрывисто и резко, — а затем невозмутимо обернулся к скамье адвокатов.

Брохэм оторвался от своих записей.

— Мистер Карвер, — попросил он, — будьте так добры, расскажите суду, как вы впервые познакомились с мистером Стейнзом.

— Я с ним повстречался в Данидине, — начал Карвер, — в прошлом году, примерно в это же время. Он прибыл из Сиднея, только-только сошел с корабля, старательством заняться думал. Я предложил помочь ему деньгами, он согласился.

— И что же подразумевала эта помощь для вас обоих?

— Я ссудил ему достаточно денег, чтобы он обзавелся всем необходимым для золотоискателя, а он со своей стороны обязался отчислять мне половину прибыли со своего первого предприятия,

на бессрочной основе.

— Оцените вашу помощь в точном денежном эквиваленте, пожалуйста.

— Я купил ему одеяло-скатку и запас провизии. Оплатил ему билет до побережья. В Данидине он наделал карточных долгов — я заплатил и их.

— И сколько же это составило в общем и целом?

— Наверное, фунтов восемь. Что-то около восьми фунтов. Он получил краткосрочную ссуду, я — долгосрочную выплату. В этом-то и смысл.

— Каким же было первое предприятие мистера Стейнза?

— Он приобрел два акра земли на расстоянии мили от Каньера, участок под названием «Аврора», — объяснил Карвер. — Как только он совершил покупку, он написал мне из Хокитики и переслал все банковские документы.

— Как именно вам выплачивались дивиденды с «Авроры»?

— Денежным переводом, через Резервный банк.

— И как часто производились выплаты?

— Раз в квартал.

— Какую сумму вы получили в качестве дивидендов в октябре шестьдесят пятого года?

— Восемь фунтов с мелочью.

— А сколько вам выплатили в январе шестьдесят шестого?

— Ровно шесть фунтов.

— То есть за два последних квартала прошлого года вам начислили дивидендов на сумму около четырнадцати фунтов.

— Все правильно.

— В таком случае чистая прибыль с «Авроры» в совокупности должна составлять приблизительно двадцать восемь фунтов за полугодовой период.

— Да.

— Мистер Стейнз когда-нибудь упоминал вам про то, что китаец Джон Цю обнаружил на руднике «Аврора» золотую жилу?

— Нет.

— На тот момент, когда мистер Стейнз сфальсифицировал квартальный отчет по «Авроре», вы об этом знали?

— Нет.

— А когда вам впервые стало известно, что золотой клад из хижины покойного мистера Уэллса на самом деле добыт на руднике «Аврора»?

— Тогда же, когда и всем, — отвечал Карвер. — Когда банк опубликовал в газете подробный

отчет, в котором говорилось, будто золото найдено уже переплавленным, а на слитках стоит печать.

Брохэм покивал, откашлялся и сменил тему:

— Мистер Стейнз утверждает, что крайне низкого о вас мнения, мистер Карвер.

— Может, и так, — отозвался тот, — да только он мне об этом ни разу ни словом не обмолвился.

— Вы действительно напали на мисс Уэдерелл одиннадцатого октября, как утверждает мистер Стейнз?

— Я ударил ее по лицу, — отвечал Карвер. — Вот и все.

Мади ясно расслышал, как с галереи донесся возмущенный ропот.

— Что вас заставило ударить ее по лицу? — спросил Брохэм.

— Она нагло себя вела.

— Вы не могли бы пояснить?

— Я спросил у нее, как проехать, а она надо мной посмеялась; ну я и отвесил ей пощечину. Это был один-единственный раз, когда я поднял на нее руку.

— Будьте добры, опишите эту встречу так, как она вам запомнилась.

— Я приехал в Хокитику по делу, — рассказал

Карвер, — и подумал, а скатаюсь-ка в Каньер, погляжу на «Аврору» своими глазами: только что поступил квартальный отчет, я видел, что песочку с участка — кот наплакал, ну и решил разобраться, что к чему. Завидел на обочине дороги Анну Уэдерелл. По уши в опиуме и несет полную чушь. Я от нее так ничего и не добился, снова сел в седло и поскакал дальше.

— Мистер Стейнз показал, что у мисс Уэдерелл в тот же день приключился выкидыш.

— Ничего об этом не знаю, — пожал плечами Карвер. — Последнее, что я видел, — она хохотала как сумасшедшая и на ногах едва стояла. Может, с ней какая беда приключилась уже после того, как я уехал.

— А вы помните, о чем ее в тот вечер спрашивали?

— Да. Я искал мистера Уэллса, — сообщил Карвер.

— Зачем вам понадобился мистер Уэллс?

— Мне нужно было обсудить с ним одно частное дельце, — объяснил Карвер. — Я его с мая не видел и не знал, где его искать и кого спросить. Как уже рассказала Лидия, однажды ночью он взял да и скрылся из Данидина. И никому не сообщил, куда едет.

— Известила ли вас мисс Уэдерелл о местонахождении мистера Уэллса на тот момент?

— Нет, — покачал головой Карвер. — Она только хохотала без удержу. Потому я ее и ударил.

— Вы полагаете, мисс Уэдерелл знала, где живет мистер Уэллс, и намеренно скрыла от вас эти сведения?

Карвер призадумался и помотал головой:

— Не знаю. Не берусь ничего утверждать.

— Дело какого свойства вы желали обсудить с мистером Уэллсом?

— Страховку.

— В каком смысле «страховку»?

Карвер пожал плечами, давая понять, что ответ не суть важен.

— Барк «Добрый путь» принадлежал мистеру Уэллсу, а я ходил на нем капитаном, — объяснил он. — Дело было несрочное. Просто хотелось кое-что обговорить.

— Вы с мистером Уэллсом были в хороших отношениях?

— Ничего себе, — кивнул Карвер. — Я так скажу: ничего себе. Ни для кого не секрет, что я неровно дышал к его жене, и, только он помер, уж я своего шанса не упустил, но чтоб становиться между ним и Лидией — такого не было. Я с Уэллсом иг-

рал по-честному, и Уэллс со мною по-честному.

— Благодарю вас, сэр, — обратился Брохэм к судье. — Благодарю вас, мистер Карвер.

— Мистер Мади, свидетель — ваш.

Мади вскочил.

— Мистер Карвер, — промолвил он, — когда вы познакомились с миссис Карвер?

— Мы знаем друг друга вот уже лет двадцать, — сообщил Карвер.

— Иными словами, включая все то время, что она была замужем за покойным мистером Уэллсом.

— Да.

— Вы не могли бы рассказать о том, как помолвились с миссис Карвер?

— Я знал Лидию еще зеленым юнцом, — признался Карвер, — и мы всегда думали, что поженимся. Но тут я на десять лет загремел на Кокату, а она тем временем сошлась с Уэллсом. Я вышел на свободу — а они уже женаты. Я ее не виню. Десять лет — срок долгий, поди дождись. Его я тоже не виню. Уж кому, как не мне, знать, что за роскошная она женщина. Но я сказал себе: если когда-нибудь этому браку придет конец, так я следующий на очереди.

— Вы поженились вскорости после смерти ми-

стера Уэллса, верно?

Карвер уставился на защитника:

— Никакого неуважения тут нету.

Мади наклонил голову.

— Безусловно, нет, — подтвердил он. — Прошу прощения, если я неудачно выразился. Давайте вернемся немного назад. Когда вы вышли из тюрьмы?

— В июне шестьдесят четвертого года, — отвечал Карвер. — Вот уже почти два года будет.

— Чем вы занимались после того, как покинули остров Кокату?

— Поехал в Данидин, — рассказал Карвер. — Нашел себе работенку на корабле, который совершал транстасмановые рейсы. На «Добром пути», стало быть.

— Вы на нем капитаном были?

— Матросом, — поправил Карвер. — Но на следующий год и впрямь дослужился до капитана.

— А мистер Уэллс в это время старательствовал на Данстанском прииске, так?

— Да, — поколебавшись, признал Карвер.

— А миссис Карвер — на тот момент жена мистера Уэллса — проживала в Данидине.

— Верно.

— Часто ли вы виделись с миссис Уэллс в тече-

ние этого периода?

— Я иногда заходил к ней пропустить стаканчик, — отвечал Карвер. — Она держала таверну на Камберленд-стрит. Но бóльшую часть времени я был в плавании.

— В мае шестьдесят пятого Кросби Уэллс вернулся в Данидин, — промолвил Мади. — Насколько я понимаю, тогда-то он и совершил покупку.

Карвер отлично понимал, что его заманивают в ловушку, но был бессилен этому помешать.

— Да, — коротко подтвердил свидетель. — Он купил «Добрый путь».

— Вот это приобретение! — покивал Мади. — Все произошло так быстро и так неожиданно! И с чего бы это мистер Уэллс вдруг решил вложить деньги в корабль? Интересно, а прежде мистер Уэллс мореплаванием интересовался?

— Не могу утверждать доподлинно, — отвечал Карвер. — Наверное, да, раз совершил эту покупку.

Мади выдержал паузу и обронил:

— Я правильно понимаю, что купчая на корабль в настоящий момент находится в ваших руках?

— Да.

— А как она у вас оказалась?

— Мне ее передал на хранение сам мистер

Уэллс, — отвечал Карвер.

— Когда он вручил вам документ?

— Да сразу после купли-продажи, — промолвил Карвер.

— А именно?..

— В мае, — уточнил Карвер. — В мае прошлого года.

— Иными словами, непосредственно перед тем, как мистер Уэллс покинул Данидин и переселился в долину Арахуры.

Возражать Карвер не стал.

— Да, — кивнул он.

— А с какой целью мистер Уэллс препоручил эту купчую вам? — спросил Мади.

— Чтобы я мог при необходимости выступить его доверенным лицом, — объяснил Карвер.

— То есть в случае нездоровья или смерти, — уточнил Мади.

— Да, — подтвердил Карвер.

— Ага, — кивнул Мади. — Позвольте, правильно ли я понял, мистер Карвер? В начале прошлого года мистер Уэллс на законных основаниях владел золотом на сумму в несколько тысяч фунтов, добытым с участка в Данстанской долине. Золото хранилось в сейфе в его данидинском особняке, где проживала его жена — ваша давняя

приятельница, очень к вам расположенная. В мае мистер Уэллс вернулся домой в Данидин с данстанских приисков и, не поставив в известность жену, опустошил сейф. И тут же потратил все деньги на покупку барка «Добрый путь», доверил корабль и управление им — вам, а сам поспешно бежал в Хокитику, никому не сообщив ни о своих намерениях, ни о конечной цели… Безусловно, — добавил Мади, — я лишь исхожу из предположения, что именно мистер Уэллс забрал золото из сейфа, а не, допустим, какое-либо другое лицо… ведь как иначе он смог бы приобрести «Добрый путь»? Никаких акций либо ценных бумаг у него не было — мы это знаем доподлинно, — а в передаче прав собственности, опубликованной в «Отагском свидетеле» четырнадцатого мая сего года, черным по белому прописано, что за корабль заплачено золотом.

Карвер мрачно насупился.

— Вы про шлюху позабыли, — напомнил он. — Это из-за нее Уэллс покинул Данидин. Это из-за нее он поцапался с Лидией.

— Может, и так, но я обязан вас поправить, указав, что на тот момент мисс Уэдерелл еще не была представительницей древнейшей профессии, — промолвил Мади. — В долговой расписке,

составленной мистером Ричардом Мэннерингом, которую я представил суду нынче утром, недвусмысленно говорится о необходимости снабдить мисс Уэдерелл соответствующим платьем, дамским пистолетом, духами, нижними юбками и всеми прочими предметами, «которых ей в настоящий момент недостает». Расписка датирована июнем прошлого года.

Карвер промолчал.

— Прошу прощения, — продолжил Мади спустя минуту, — но я вынужден отметить, что события, приключившиеся в Данидине в прошлом мае, мистеру Уэллсу выгоды принесли немного. А вот вы, напротив, остались в большом выигрыше.

Судья Кемп дождался, чтобы Карвер вновь уселся рядом с женой, и властно призвал зал к порядку.

— Хорошо же, мистер Мади, — произнес он, скрещивая руки на груди. — Я ясно вижу, к чему вы ведете, и я разрешаю вам продолжать вашу линию допроса, хотя не могу не отметить, что от обозначенного в утреннем бюллетене распорядка мы изрядно отклонились. Итак, вы представили имена двух свидетелей со стороны защиты.

— Да, сэр, — поклонился Мади.

— Мистер Мади будет вести прямой допрос

свидетелей защиты, а мистер Брохэм — перекрестный, — объявил судья.

Он сверился с блокнотом, затем поднял глаза, посмотрел поверх очков и возвестил:

— Мистер Томас Балфур.

Томаса Балфура должным образом препроводили к свидетельской трибуне.

— Мистер Балфур, — обратился к нему Мади, как только тот принес присягу, — вы ведь занимаетесь судоперевозками?

— Вот уже почти двенадцать лет как, мистер Мади.

— Я правильно понимаю, что у мистера Лодербека открыт частный счет в вашей компании?

— Правильно понимаете, — с удовольствием подтвердил Балфур. — Я сотрудничаю с мистером Лодербеком с зимы шестьдесят первого года.

— Вы не могли бы рассказать о самом последнем случае взаимодействия между мистером Лодербеком и «Судоперевозками Балфура»?

— Еще как мог бы, — заверил Балфур. — Когда мистер Лодербек впервые прибыл в Хокитику в январе, он, как вы помните, перевалил через Альпы. А его дорожный сундук и разный прочий багаж плыли морем. Он отправил упаковочный ящик из Литтелтона в Порт-Чалмерс, а я рас-

порядился, чтобы «Добродетель» — это один из моих кораблей — забрала его и доставила на побережье. Так вот, «Добродетель» благополучно добралась до места с ящиком на борту. Бросила якорь в порту двенадцатого января, за два дня до прибытия самого мистера Лодербека. На следующий день ящик выгрузили — выставили на причал вместе со всем остальным судовым грузом, я расписался в документах, договорившись, чтобы его доставили на мой склад, где мистер Лодербек заберет свою собственность по прибытии. Но этого не произошло: ящик украли. До склада он так и не доехал.

— А была ли снаружи на ящике какая-либо пометка о том, что он принадлежит мистеру Лодербеку?

— О да, — заверил Балфур. — Вы наверняка видели такие ящики, составленные в ряд вдоль причала, — их один от другого ни за что не отличишь, если бы не накладные. В накладной всегда указано, кто является владельцем груза, кто — грузоотправитель, и все такое прочее.

— Что произошло, когда вы обнаружили, что ящик пропал?

— Уж будьте уверены, я с ног сбился, повсюду его разыскивая; я вообще не понимал, куда он

мог запропаститься. Ну так вот, две недели спустя «Добрый путь» потерпел крушение на отмели; судно разгрузили — и тут-то Лодербеков ящик и отыскался! Похоже, его доставили на «Добрый путь», когда корабль в последний раз покидал хокитикский порт.

— Иными словами, спозаранку пятнадцатого января.

— Точно.

— Что произошло, когда сундук Лодербека наконец нашелся?

— Я малость поразнюхал тут и там, — отвечал Балфур. — Команду порасспрашивал; матросы мне и рассказали, что ошибка вышла. А получилось вот как. Кто-то углядел накладную — «Владелец — мистер Лодербек» — и вспомнил, что их капитан, то есть Карвер, в прошлом году обыскался ящика с такой пометкой. Увидели они этот ящик на пристани вечером четырнадцатого числа и подумали: вот он, наш шанс угодить хозяину… Они вскрыли ящик — просто из любопытства. Внутри обнаружились сундук и пара ковровых саквояжей, вот, почитай, и все. На первый взгляд — ничего ценного, но матросы подумали, чем черт не шутит. Поискали капитана Карвера, но тот как сквозь землю провалился. Ни

в гостиничном номере его не нашли, ни в одном из баров, нигде. Решили отложить дело до утра — и разошлись баиньки. И тут прибегает Карвер, сам не свой, всех вытряхивает из подвесных коек и объявляет, что «Добрый путь» выходит в море с первым рассветным лучом — через несколько часов, стало быть. А почему — не говорит. Ну, матросам и пришлось решать по-быстрому. Крышку приколотили на место, ящик затащили на борт, и, когда еще до зари «Добрый путь» снялся с якоря, находка уже покоилась в трюме.

— А капитану Карверу сообщили об этом добавочном грузе?

— О да, — разулыбался Балфур. — Матросы были рады-радешеньки: они-то рассчитывали на вознаграждение. И вот дождались они, чтоб корабль поднял паруса, и зовут капитана вниз, в трюм. Карвер только глянул на накладную и сразу понял, что ребята сваляли дурака. «„Судоперевозки Балфура“? — ревет он. — На потерянном мною ящике черным по белому значилось „Судоперевозки Данфорта“! Вы не то притащили, черт вас дери, — и теперь на борту у нас краденый товар!»

— Можно ли из этого заключить, — промолвил Мади, — что капитан Карвер потерял упаковоч-

ный ящик, содержащий нечто весьма для него ценное, помеченный как собственность Алистера Лодербека и отправленный через «Судоперевозки Данфорта»?

— На то похоже, — подтвердил Балфур.

— Благодарю вас за то, что уделили нам время, мистер Балфур.

— Рад был помочь, мистер Мади.

Брохэм, со всей очевидностью не понимая, что за линию защиты Мади выстраивает, отказался от своего права на перекрестный допрос, и судья, сделав соответствующую пометку, вызвал второго свидетеля:

— Достопочтенный мистер Алистер Лодербек.

Алистер Лодербек пересек зал суда за пять стремительных шагов.

— Мистер Лодербек, — заговорил Мади, едва тот принес присягу, — вы — бывший владелец барка «Добрый путь», так?

— Да, так, — подтвердил Лодербек.

— Согласно купчей вы продали корабль двенадцатого мая шестьдесят пятого года.

— Верно.

— Присутствует ли сегодня в зале суда тот, кому вы продали корабль?

— Присутствует.

— Вы не могли бы его опознать? — попросил Мади.

Лодербек взмахнул рукою и наставил указующий перст точно на Карвера.

— Вот этот человек, — объявил свидетель, обращаясь к Мади. — Вот он, здесь.

— Вы не могли ошибиться? — спросил Мади. — Я вижу, что купчая, представленная суду самим мистером Карвером, подписана неким «К. Фрэнсисом Уэллсом».

— Это гнусный подлог, — заявил Лодербек, все еще указывая на Карвера. — Он сказал мне, что его зовут Кросби Уэллс, и подписался как Кросби Уэллс, и я продал ему корабль, пребывая в убеждении, что покупает его человек по имени Кросби Уэллс. И лишь восемь или девять месяцев спустя я осознал, что меня одурачили.

Мади избегал встречаться глазами с Карвером: тот слегка напрягся, услышав заведомую ложь. Краем глаза Мади заметил, как миссис Карвер, выпростав молочно-белую ручку, удержала мужа на месте: пухлые пальчики сомкнулись на его запястье.

— Вы не могли бы описать, как все было? — попросил Мади.

— Он прикинулся обманутым мужем, — рас-

сказал Лодербек. — Он знал, что я встречаюсь с Лидией, — все, кто здесь есть, об этом тоже знают, я публично признался в своих грехах на страницах «Таймс», — и решил нажиться на моей слабости. Он сказал, что его зовут Кросби Уэллс и я-де кручу амуры с его женой. Мне и в голову не могло прийти, что он бессовестно лжет. Я думал, я поступил неправедно по отношению к этому человеку и сбил его жену с пути истинного.

Карверы словно окаменели. По-прежнему не глядя в их сторону, Мади спросил:

— Чего он от вас хотел?

— Корабль он хотел, — отвечал Лодербек. — Хотел — и получил. Но он меня зашантажировал. Я продал судно под принуждением — отнюдь не добровольно.

— Объясните, пожалуйста, как именно вас шантажировали.

— Пока длился наш роман, я одевал Лидию по самой последней моде, — объяснил Лодербек. — Каждый месяц посылал ее старые платья на перешивку в Мельбурн и получал обратно с франтовскими оборочками, рюшами, и все такое. Этот груз на мое имя курсировал через Тасманово море туда-сюда, а перевозчиком служил «Добрый путь», понятное дело. Ну так вот, Карвер,

стало быть, его перехватил. Вскрыл сундук, достал платья, подложил под них немного золота. Напоминаю, на сундуке значилось мое имя и с мельбурнской модисткой все дела вел я. Если бы драгоценный металл вывезли в открытое море, я бы погиб: согласно документам я нарушал закон по всем статьям — тут и воровство, и уклонение от уплаты пошлин, и что угодно. Я понял, что угодил в ловушку; я знал, что тут ничего уже не поделаешь. Пришлось отдавать корабль. Что ж, мы по-мужски пожали друг другу руки, я еще раз извинился — и, продолжая притворяться не тем, кто он есть, он подписал договор именем «Уэллс».

— А после этой встречи вы получали какие-либо известия от мистера Карвера, именуемого также Уэллсом?

— Ни словечка.

— И сундука этого вы больше никогда не видели?

— Никогда.

— Кстати говоря, а какой транспортной компанией вы пользовались для пересылки платьев миссис Карвер к мельбурнской модистке и обратно?

— «Судоперевозки Данфорта», — тут же от-

кликнулся Лодербек. — Я пользовался услугами Джема Данфорта.

Мади выдержал паузу, чтобы толпа на галерее успела полностью осмыслить услышанное, а затем продолжил:

— Когда вы поняли, что мистер Карвер — не тот, за кого себя выдает?

— В декабре, — отвечал Лодербек. — Мистер Уэллс — настоящий мистер Уэллс, я имею в виду, — написал мне незадолго до смерти. Ничего особенного, избиратель захотел отрекомендоваться политику, вот и все. Но по этому письму я сразу понял, что он вообще не в курсе дела насчет нас с Лидией, и, сложив вместе два и два, догадался, что меня провели.

— Письмо мистера Уэллса у вас с собой?

— Да. — Лодербек пошарил в нагрудном кармане и достал сложенный листок бумаги.

— Довожу до сведения суда, что документ, находящийся в собственности мистера Лодербека, проштемпелеван семнадцатого декабря тысяча восемьсот шестьдесят пятого года, — промолвил Мади.

— К сведению принято, мистер Мади.

Мади вновь обернулся к Лодербеку:

— Не могли бы вы зачитать нам это письмо

вслух?

— Безусловно. — Лодербек поднес листок ближе к глазам, откашлялся и прочел:

Западный Кентербери, декабрь 1865 г.

Сэр я прочел в «Уэст-Кост таймс» что Вы собираетесь приехать в Хокитику по суше, а значит, проедете через долину Арахуры, разве что намеренно выберете кружной путь. Я Ваш избиратель, и как таковой сочту за честь принять политика в своем жилище пусть и скромном. Я опишу его, а Вы уж сами решите заглянуть ли или объехать стороной, как сочтете нужным. Дом крыт железом и стоит в тридцати ярдах от берега Арахуры на южной стороне реки. Там расчищен небольшой участок, ярдов под тридцать с каждой стороны от хижины, а лесопилка – в двадцати ярдах к юго-востоку. Сам домик небольшой, с оконцем, на трубу пошел кирпич из обожженной глины. Облицовка самая обычная. Даже если Вы не остановитесь, может я увижу как Вы проедете мимо. Я не буду ни ждать ни надеяться, но желаю Вам приятного путе-

шествия на запад и победы на выборах и заверяю Вас что остаюсь,

исполненный глубочайшего восхищения,

Кросби Уэллс

Мади поблагодарил свидетеля. И обернулся к судье:

— Довожу до сведения суда, что подпись на личном письме мистеру Лодербеку в точности соответствует подписи на дарственной, составленной и засвидетельствованной мистером Кросби Уэллсом одиннадцатого октября шестьдесят пятого года, по которой мистер Эмери Стейнз вручает мисс Анне Уэдерелл сумму в две тысячи фунтов; она же в точности соответствует подписи на брачном свидетельстве мистера Уэллса, переданном миссис Лидией Карвер, в прошлом миссис Уэллс, магистратскому суду два месяца назад. Также довожу до сведения суда, что эти две подписи никоим образом не сходны с подписью, которой скреплена купчая на барк, предоставленная суду мистером Фрэнсисом Карвером. Этого достаточно для подтверждения того факта, что подпись на купчей действительно подделана.

Брохэм вытаращился на Мади, открыв рот.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Мади? — осведомился судья.

— Всего-навсего то, что мистер Карвер приобрел барк «Добрый путь» посредством таких методов, как вымогательство, имперсонация и подлог, — объяснил Мади. — Прибегнув к той же самой тактике, он украл у мистера Уэллса целое состояние в размере нескольких тысяч фунтов в мае прошлого года — и кражу эту предположительно совершил с помощью миссис Карвер, учитывая, что в итоге она стала его женой.

Брохэм, который вот уже пять минут тщетно пытался упорядочить события прошлого в своей голове, запросил перерыва, но слова его потонули в шуме и суматохе, что поднялись на галерее. Судья Кемп, возвысив голос до крика, потребовал, чтобы мистер Брохэм и мистер Мади — оба немедленно проследовали за ним в его личный кабинет, распорядился, чтобы всех свидетелей взяли под стражу, и объявил перерыв в заседании.

«Дом многих желаний»

Глава, в которой Лидия Уэллс верна своему слову; Анна Уэдерелл принимает нежданного гостя, а мы узнаем всю правду об Элизабет Маккей.

Дом номер 35 по Камберленд-стрит поворотился к улице фасадом на диво безликим: белесая дощатая обшивка внахлестку, витринное окно с многочастным переплетом, заклеенное оберточной крафт-бумагой, пара занавешенных подъемных окон на верхнем этаже — вот и все. Заведения по обе стороны: обувная мастерская под номером 37 и под номером 22 транспортное агентство — подступали совсем близко, не давая оценить с улицы настоящих размеров внутреннего помещения. Случайный прохожий вполне мог бы счесть, что в здании никто не живет, — над дверью не было ни вывески, ни надписи, на крыльце тоже никаких примет и никакой дощечки с фамилией над дверным молотком.

Миссис Уэллс отперла входную дверь собственным ключом. Она увлекла Анну за собою

по пустынному коридору вглубь дома, к узкой лестнице, уводящей на второй этаж. На верхней площадке, такой же опрятной и безликой, как ее двойник внизу, хозяйка извлекла из ридикюля второй ключ, открыла вторую дверь и, улыбнувшись, жестом пригласила Анну заходить.

Особа более искушенная, нежели Анна, тотчас же пришла бы к нужному выводу при виде таких декораций: тут и тяжелые тюлевые занавеси, и чрезмерно пышная обивка, и густой запах спиртного и духов; расшитая бисером портьера, сейчас подхваченная шнурами, позволяла разглядеть сквозь дверной проем тускло освещенную спальню. Но Анна, простая душа, если и удивилась зрелищу столь благоуханной, сибаритской роскоши в пансионе для девушек, то вслух ничего не сказала. По пути от пристани до Камберленд-стрит миссис Уэллс выказала такую утонченность и разборчивость в том, что касалось ее пристрастий и вкусов, что к тому времени, как дамы дошли до места, Анна была просто счастлива подписаться под каждым ее словом: собственные взгляды девушки вдруг показались на этом фоне пустыми и никчемными.

— Как видите, я хорошо забочусь о своих подопечных, — промолвила хозяйка.

Анна заметила, что спальня очень красивая; воодушевившись, миссис Уэллс предложила гостье обойти комнату кругом и на каждом шагу указывала Анне на особенно удачные находки в плане отделки и размещения, так чтобы похвалы девушки обрели бóльшую конкретику.

Аннин чемоданчик уже доставили, как обещали, и водрузили в изножье кровати: гостья сочла это знаком того, что кровать отведена ей. Передняя спинка смотрелась очень эффектно; деревянная рама почти полностью терялась за грудой белоснежных подушек, уложенных в стопки по три штуки; это роскошное ложе было куда шире и выше, нежели скромная раскладушка, на которой Анна привыкла спать дома. Девушка задумалась, а не придется ли ей разделять постель с кем-то еще: уж больно она велика для одного человека. Напротив кровати стояла высокобортная медная ванна, завешенная полотенцами, а рядом — массивная сонетка с кисточкой. Миссис Уэллс дернула за шнурок; где-то на нижнем этаже приглушенно звякнул колокольчик. Появилась горничная; миссис Уэллс распорядилась, чтобы из кухни принесли горячей воды, а затем — второй завтрак. Горничная на Анну и не взглянула; за что девушка была ей крайне признательна и

выдохнула с облегчением, когда та ушла греть воду на кухонной плите. Как только горничная исчезла, Лидия Уэллс обернулась к Анне и с улыбкой принялась извиняться за то, что вынуждена ее покинуть:

— У меня дела в городе, которые я никак не могу отменить, но я вернусь к ужину и надеюсь вкусить его в вашем обществе. Что бы вам ни понадобилось, обращайтесь к Люси. Она в лепешку расшибется, а все, что нужно, для вас найдет. Наслаждайтесь ванной столько, сколько хотите, и пользуйтесь на здоровье всем, что вам приглянется на туалетном столике. Умоляю, чувствуйте себя *совершенно* как дома.

Так Анна Уэдерелл и поступила. Вымыла голову лавандовым лосьоном, намылилась с ног до головы покупным мылом и нежилась в воде почти с час. Снова оделась, вывернув чулки чистой стороной наружу, — и долго еще причесывалась перед зеркалом. На умывальном столике стояло несколько флаконов с духами; девушка перенюхала их все, вернулась к первому и чуть-чуть надушилась — за ушами и на запястьях.

Горничная оставила накрытую тряпицей тарелку с холодным завтраком на столе под окном. Анна сдернула тряпицу и обнаружила горку

тонко нарезанной ветчины, толстый ломоть горохового пудинга, явно поджаренного, золотистую булочку с маслом и джемом и два маринованных яйца. Девушка села, схватилась за нож и вилку, для нее приготовленные, и набросилась на угощение, наслаждаясь вкусом и запахом, после стольких пресных трапез в море.

Опустошив тарелку, Анна гадала минуту-другую, не позвонить ли и не попросить ли убрать прибор и что более невежливо — позвонить или не позвонить? Не стоит никого звать, наконец решила она. Встала от стола, подошла к окну, отдернула занавески и, довольная и умиротворенная, постояла немного, наблюдая за уличным движением. Часы пробили три, когда она заслышала внизу какой-то шум: нежданные голоса в коридоре, шаги вверх по лестнице, а затем в дверь коротко постучали двумя костяшками пальцев.

Гостья едва успела подняться, как дверь распахнулась и в комнату вошел высокий, чумазый незнакомец в желтых молескиновых брюках и выцветшей куртке. Завидев Анну, он застыл как вкопанный.

— Вот те на! — сказал он. — Я прошу прощения.

— Добрый день, — поздоровалась Анна.

— Ты, верно, одна из девушек Лидии?

— Да.

— Новенькая?

— Только сегодня приехала.

— Вот и я тоже, — отозвался незнакомец. У него были рыжеватые волосы и слегка недовольный вид. — И тебе доброго дня.

— Чем я могу вам помочь?

Незнакомец ухмыльнулся.

— Там видно будет, — ответствовал он. — Я хозяйку ищу. Она дома?

— У нее дела в городе.

— А вернется когда?

— Сказала, к ужину, — отвечала Анна.

— Ладненько, а у тебя до того какие-то дела есть?

— Нет, — покачала головой Анна.

— Вот и славно, — откликнулся незнакомец. — Тогда следующий танец за мной, идет?

Анна понятия не имела, что на это отвечать.

— Боюсь, мне не должно принимать гостей в отсутствие миссис Уэллс.

— «Миссис Уэллс», — со смехом передразнил незнакомец. — А что, так оно звучит почти респектабельно. — Он протянул назад руку и закрыл за собою дверь. — Меня Кросби зовут.

А тебя?

— Мисс Анна Уэдерелл, — прошептала девушка, встревожившись не на шутку.

А незнакомец уже шагнул к буфету:

— Выпьешь чего-нибудь, мисс Анна Уэдерелл?

— Нет, благодарю вас.

Он выбрал бутылку и качнул ею в сторону девушки:

— Нет, потому что не любишь спиртное, или нет чисто из вежливости?

— Я только что приехала.

— Ты об этом уже упоминала, девочка моя, и в любом случае это не ответ на мой вопрос.

— Мне бы не хотелось злоупотреблять гостеприимством миссис Уэллс, — отвечала Анна с легким неодобрением в голосе, словно бы давая понять, что и ему не следует.

Кросби откупорил бутылку, понюхал, снова заткнул ее пробкой.

— О, гостеприимство — это звук пустой, — заверил он, ставя бутылку на место и выбирая другую. — С тебя взыщут за все, к чему ты прикоснешься в этой комнате, ты и глазом моргнуть не успеешь. Попомни мои слова.

— Нет, — покачала головой Анна. — За все уже заплачено. А миссис Уэллс такая добрая. Она сама

пригласила меня пожить у нее.

Кросби широко усмехнулся:

— Да неужто? Вы с нею прямо как родные? Давние подруги, никак?

Анна нахмурилась:

— Мы познакомились на пристани сегодня днем.

— По чистой случайности, полагаю.

— Да. Одна молодая девушка, мисс Маккей, отчего-то не приехала. Ее дальняя родственница. Ну вот, мисс Маккей не явилась, и миссис Уэллс пригласила меня занять ее место. За комнату и стол заплачено заранее.

— Ого! — откликнулся гость, наливая себе до краев.

— А вы только что с приисков? — спросила Анна, пытаясь потянуть время.

— Точно, — кивнул Кросби. — С нагорий. Нынче утром вернулся. — Он выпил, резко выдохнул и промолвил: — Нет. Дурно это, ничего тебе не сказать. Тебя развели.

— Меня — что?

— Развели.

— Я не знаю, что это значит, мистер Кросби.

Он улыбнулся ошибке девушки, но поправлять не стал.

— С мисс Маккей — это ее обычный трюк, — объяснил Кросби. — Эту байку она всем травит. Так что ты ей веришь, идешь к ней домой, и не успеешь оглянуться, как ты уже по уши в долгах. Ну, сама посуди. Она предоставила тебе сытный завтрак и горячую ванну, фу-ты ну-ты, сплошное прекраснодушие, а чем ты ей заплатила? О, чем заплатить — найдется, мисс Анна Уэдерелл. — Он погрозил ей пальцем. — У тебя найдется чем ей заплатить. — Кросби словно бы почувствовал тревогу девушки, потому что добавил уже мягче: — Ты вот что крепко запомни. В городе на золотых приисках благотворительности места нету. Если что-то смахивает на благотворительность, внимательно посмотри еще раз.

— Ох, — выдохнула Анна.

Кросби осушил стакан и отставил его в сторону:

— Так тебе плеснуть или нет?

— Не сегодня, благодарю вас.

Кросби пошарил в кармане, достал что-то и вытянул сжатый кулак.

— Угадай, что там? — предложил он.

— Не знаю.

— Ну же, угадывай.

— Монетка?

— Лучше, чем монетка. Попробуй еще раз.

— Ничего не приходит в голову, — в панике пролепетала она.

Кросби разжал кулак — на ладони лежал золотой самородок, размером и формой смахивающий на каштан. Он снова рассмеялся выражению лица девушки и перебросил камешек ей. Анна поймала его в горсть.

— Этого золота хватит, чтоб скупить все бутылки в этом буфете, и еще не один фунт сверху останется, — проговорил он. — Самородок твой, если ты составишь мне компанию до возвращения хозяйки. Ну как, согласна? Ты ж в долгах по уши увязнешь, как только счет пойдет!

— Я золота отродясь в руках не держала, — промолвила Анна, вертя в пальцах самородок.

Он оказался тяжелее, чем она ожидала, и както проще и весомее. В ее ладони он словно бы потускнел.

— Иди сюда, — велел Кросби. Он отнес бутылку бренди на низкий диванчик, сел, похлопал рукою рядом с собой. — Выпей с парнем, девочка моя. Я шел пешком две недели, глотка пересохла как сто чертей, и хочется на чем-нибудь приглядном глаз остановить. Иди сюда. Я расскажу все, что тебе надо знать про миссис Лидию Уэллс.

Южный Крест

Глава, в которой вынесены два приговора, а судья подбирает наказание сообразно преступлению.

Ни на утреннем, ни на дневном заседании Те Рау Тауфаре в свидетели не вызвали. Он наблюдал за отправлением правосудия с последнего ряда, прислонившись к стене, с мрачным, хмурым видом. Когда судья Кемп объявил заключительный перерыв и распорядился, чтобы всех свидетелей, выступавших на сегодняшнем процессе, взяли под стражу, Тауфаре вышел из здания вместе с толпой. Снаружи он увидел бронированную повозку, в которой преступников должны были доставить обратно в тюрьму, и подошел поздороваться с дежурным сержантом, ожидающим тут же.

— Здрасть, мистер Тауфаре, — поприветствовал его сержант.

— Здрасте.

— Как там ваш приятель Стейнз поживает? Все томится в ожидании?

— Да, — кивнул Тауфаре.

— Я сунулся было внутрь, да ничего толком не расслышал. Развлекаловка что надо, верно?

— Очень, — подтвердил Тауфаре.

— А знатно начальнику Шепарду нынче по рукам надавали, что?

— Да.

— Эх, жаль, я не видел, — посетовал сержант.

В это самое мгновение открылась задняя дверь здания суда и в проеме возник пристав.

— Дрейк! — прикрикнул он.

— Да, сэр, — вытянулся в струнку сержант.

— Судья распорядился, чтобы Фрэнсиса Карвера доставили в Сивью, — объявил пристав. — Особый приказ. Отвези его на холм и тут же возвращайся обратно.

Дрейк кинулся открывать двери повозки:

— Только Карвера?

— Только Карвера, — подтвердил пристав. — Да смотри не опоздай к вынесению приговора. Едешь прямиком в Сивью — и тут же назад.

— Будет исполнено.

— Не мешкай там — вот он идет.

Фрэнсиса Карвера со скованными за спиной руками вывели во двор и впихнули в повозку. Забравшись внутрь, Дрейк снял с пояса вторую

пару наручников и присоединил кандалы на запястьях Карвера к кольцу, вделанному в стену за сиденьем возницы.

— Ну все, эта штука никуда не денется, — весело заявил он, побряцав кольцом в подтверждение своих слов. — Между вами и миром, мистер Карвер, железо толщиной в дюйм! О-го-го! И чего ж вы такого натворили, что вас со всеми прочими не оставили? Когда я последний раз в зал заглядывал, вы свидетелем выступали на этой чертовой трибуне; минуты не прошло, а вы уж в наручниках!

Карвер не отозвался ни словом.

— В твоем распоряжении час, — напомнил пристав и вернулся внутрь.

Дрейк выпрыгнул из повозки и закрыл двери.

— Хей, мистер Тауфаре, — позвал он, задвигая запор, — как насчет прокатиться вверх по холму и назад? Как раз к приговору успеете.

Тауфаре замялся.

— Что скажете? — не унимался сержант. — Роскошный денек для прогулки, а по дороге вниз разгонимся с ветерком!

Но Тауфаре все еще колебался. И не сводил глаз с запора на дверцах.

— Ну что?

— Нет, — наконец выговорил Тауфаре.

— Как знаете, — пожал плечами Дрейк.

Он вскарабкался на сиденье возницы, взял в руки поводья и хлестнул лошадей; повозка с грохотом покатилась прочь.

* * *

— Мистер Эмери Стейнз, вы признаете себя виновным в том, что сфальсифицировали отчеты по золотому руднику «Аврора» с целью уклониться от уплаты дивидендов, причитающихся мистеру Фрэнсису Карверу в размере пятидесяти процентов от чистой прибыли за год, а также от выплаты премии Джону Лун Цю в неуказанном размере. Вы признаете себя виновным в присвоении значительного количества самородного золота, добытого Джоном Лун Цю на «Авроре» и с тех пор оцененного в сумму четыре тысячи девяносто шесть фунтов. Вы не отрицаете, что украли это золото с «Авроры» и закопали в долине Арахуры с целью его сокрытия. Также вы признаете себя виновным в невыполнении своих обязанностей и утверждаете, что в течение последних двух месяцев пребывали недееспособным вследствие чрезмерного и продолжительного употребления опиума.

Судья отложил в сторону записи и скрестил руки:

— Ваш защитник, мистер Стейнз, сегодня прекрасно справился со своей задачей, представив мистера Карвера в крайне неприглядном свете. Однако, невзирая на его выступление, факт остается фактом: повод нарушить закон не является разрешением нарушить закон. Ваше низкое мнение о мистере Карвере не дает вам права решать, чего он заслуживает и чего не заслуживает… Вы не были очевидцем нападения на мисс Уэдерелл, как, по-видимому, не был и никто другой; потому вы не можете утверждать доподлинно, действительно ли мистер Карвер повинен в этом нападении и вообще имело ли оно место. Безусловно, гибель ребенка — это трагедия, а обстоятельства не в силах умерить горе, но, вынося приговор по вашему делу, мистер Стейнз, мы должны абстрагироваться от трагичности сего события и рассматривать его лишь как провокацию (косвенную провокацию, должен отметить) к совершению вами заранее обдуманных и преднамеренных преступлений, как то: хищение и подлог, в качестве ответной меры. Да, у вас был повод не любить мистера Карвера, не терпеть мистера Карвера и даже

презирать его; но, сдается мне, я не погрешу против очевидности, если скажу, что вам следовало довести свое недовольство до сведения хокитикской полиции и тем самым избавить всех нас от многих хлопот… То, что вы признали себя виновным, делает вам честь. Также не могу не отметить, что сегодня вы отвечали на все вопросы суда с должной учтивостью и смирением. Все это наводит на мысль об искреннем раскаянии и уважении к закону. Тем не менее обвинения, против вас выдвинутые, свидетельствуют об эгоистичном пренебрежении контрактными обязательствами, о характере вздорном и своенравном и о неисполнении долга не только по отношению к вашим участкам и приискам, но и по отношению к вашим ближним. Ваше низкое мнение о мистере Карвере, сколь бы оно ни было оправданно, подтолкнуло вас к попытке осуществить самосуд, причем неоднократно и во многих отношениях. В свете этого я нахожу, что вам пойдет весьма на пользу на время отложить в сторону ваши высокие принципы и поучиться ставить себя на место другого… Мистер Карвер являлся акционером «Авроры» на протяжении девяти месяцев. Он исполнил свои договорные обязательства по отношению к вам, а вы дурно

его вознаградили. Эмери Стейнз, я приговариваю вас к девяти месяцам принудительных работ.

Стейнз не изменился в лице.

— Да, сэр.

Судья повернулся к Анне.

— Мисс Анна Уэдерелл, — промолвил он, — вы не признали себя виновной ни по одному из выдвинутых против вас обвинений, а в цивилизованном суде мы придерживаемся того принципа, что человек невиновен до тех пор, пока вина его не доказана. Я вполне отдаю себе отчет, что нелицеприятные предположения мистера Мади в отношении начальника тюрьмы Шепарда — это предположения, и не более; тем не менее суд принял их к сведению и, вероятно, воспользуется ими в будущем, в ходе расследования по делу начальника тюрьмы Шепарда и прочих. Между тем для подтверждения вашей вины доказательств явно недостаточно. Вы оправданы по всем статьям. С этой самой минуты вы освобождаетесь из тюрьмы. Надеюсь, что отныне и впредь вы не свернете с пути трезвости, целомудрия и прочих добродетелей цивилизованного общества; само собою разумеется, мне бы крайне не хотелось вновь увидеть вас в этом зале на скамье подсудимых, менее всего — по обвинению в нарушении

общественного порядка. Я понятно изъясняюсь?

— Да, сэр.

— Превосходно. — Судья повернулся к скамье адвокатов. — Итак… — очень серьезно начал он, но договорить не успел: с улицы донеслись крики, оглушительный грохот, пронзительное ржание перепуганных лошадей, а затем раздался глухой стук в дверь здания суда, как если бы кто-то ударился об нее всем телом. — Что происходит? — нахмурился судья.

Мади уже вскочил на ноги; он услышал громкие голоса на крыльце, топот и гвалт.

— Кто-нибудь, откройте дверь! — приказал судья. — Посмотрите, что там.

Дверь распахнулась.

— Сержант Дрейк! — воскликнул судья. — В чем дело?

Сержант обвел зал блуждающим взглядом.

— Это Карвер! — воскликнул он.

— Что с ним такое?

— Он мертв!

— Что?!

— Где-то по дороге к Сивью… кто-то, должно быть, проник внутрь… а я ничего не заметил. Я ж лошадьми правил. Открываю двери, чтобы его выгрузить, а он там… мертвый!

Мади стремительно развернулся, опасаясь, что миссис Карвер упала в обморок, — но нет, ничуть не бывало. Побледнев как полотно, она неотрывно смотрела на Дрейка. Мади быстро оглядел знакомые лица вокруг нее. Все свидетели в течение перерыва оставались под стражей, включая и тех, кто давал показания утром; никто из них не покидал здания суда. Тут были и Шепард, и Лодербек, и Фрост, и Левенталь, и Клинч, и Мэннеринг, и Цю, и Нильссен, и Притчард, и Балфур, и Гаскуан, и Девлин. Кого же не хватает?

— Он там, снаружи! — вскричал Дрейк, взмахнув рукой. — Его тело… я сразу вернулся… не смог… не было…

— Он покончил с собой? — громко вопросил судья, перекрывая общий гвалт.

— Вряд ли, — возразил Дрейк. Голос его сорвался на всхлип: — Вряд ли!

Толпа хлынула мимо него к дверям, люди спешили протиснуться наружу.

— Сержант Дрейк! — заорал судья. — Как, ради всего святого, умер Фрэнсис Карвер?

Дрейка уже поглотило людское море. Донесся только голос:

— Кто-то размозжил ему голову!

— Кто? — багровея, взревел судья. — Кто это

сделал?

— *Говорю же: не знаю!*

С улицы долетел пронзительный вопль, затем все разом загомонили, зал суда опустел. Последние несколько человек едва не застряли в дверном проеме; миссис Карвер, зажав рот ладонями, глядела им вслед.

Сожжение[77]

Глава, в которой у миссис Уэллс складывается ложное впечатление, а Фрэнсис Карвер приносит важные вести.

Пока Анна Уэдерелл развлекала «мистера Кросби» в «Доме многих желаний» на Камберленд-стрит, Лидия Уэллс развлекалась сама. Во второй половине дня она, по обыкновению своему, приходила в гостиницу «Боярышник» на Джордж-стрит вместе со своими звездными картами и альманахами: там, в уголке обеденной залы, она, обосновавшись за столиком, предлагала погадать новоприбывшим старателям и путешественникам. В тот раз ее единственным клиентом был златокудрый парнишка в фетровой кепке, который, как оказалось, тоже прибыл на пароходе «Попутный ветер». Юнец попался разговорчивый, мистические таланты миссис

---

[77] Сноски: 77

Сожжение — в данном случае — астрологический термин, означающий, что планета находится на расстоянии от 3° до 8° 30′ дуги от точного соединения с Солнцем, будучи расположена в том же знаке, что и Солнце.

Уэллс явно и восхищали его, и завораживали, так что на пророчества она не поскупилась. К тому времени, как его натальная карта была составлена, прошлое и настоящее проработаны, а будущее предсказано, время уже близилось к четырем.

Миссис Уэллс подняла глаза — через гостиную к ней направлялся Фрэнсис Карвер.

— Эдвард, — обратилась она к златокудрому пареньку, — будьте лапушкой, попросите официанта завернуть мне пирог из теста на топленом сале! Скажите, пусть запишет на мой счет; это мне домой, к ужину.

Юноша был рад услужить.

— Есть хорошие новости, — сообщил Карвер, едва паренек отошел.

— Что такое?

— Лодербек едет.

— Ага! — воскликнула Лидия Уэллс.

— Небось наконец-то увидал квитанцию от Данфорта. Билли Брюс сообщает: Лодербек купил билет на «Неистовый», отплывает из Акароа. Прибудет двенадцатого мая — и загодя прислал распоряжение, чтобы «Добрый путь» до его приезда с якоря не снимался.

— Это еще три недели ждать.

— Он у нас в руках, Гринуэй. Мы его поймали.

Подцепили, как рыбку на крючок.

— Бедный мистер Лодербек, — рассеянно отозвалась миссис Уэллс.

— А загляни-ка на неделе в морской клуб, подбрось мальчикам какое-нибудь предложеньице. Ночь бесплатного крэпса, или двойной джекпот, или девица в придачу при каждом вращении колеса. Что-то такое, что выманит Рэксуорти с корабля тем вечером: мне нужно застать Лодербека одного.

— Я зайду в клуб с утра, — пообещала миссис Уэллс, прибирая книги и карты. — Бедный мистер Лодербек, — повторила она.

— Он сам виноват: говорят же — как постелешь, так и поспишь, — заявил Карвер, не сводя с собеседницы глаз.

— Он и постелил, а мы с тобой ему простыни согрели.

— Трус сочувствия не стоит, — отрезал Карвер. — Тем паче трус с большими деньгами.

— Мне его жаль.

— Почему? Из-за бастарда? Да я бы скорее бастарду пособолезновал. Лодербеку всю жизнь баснословно везло, от и до. Он человек состоятельный.

— Да, и все же он жалок, — возразила миссис

Уэллс. — Ему так совестно, Фрэнсис. Он стыдится Кросби, стыдится отца, стыдится самого себя. Не могу не пожалеть человека, который со стыда сгорает.

— А Уэллс, часом, не объявится нежданно-негаданно, как думаешь?

— Ты говоришь так, словно мы с ним живем душа в душу, — огрызнулась миссис Уэллс. — Я за него не отвечаю и, уж конечно, не могу контролировать каждый его шаг.

— А он давно из города уехал?

— Вот уж много месяцев как.

— Он тебе обычно пишет о том, что приезжает?

— Господи милосердный! — вздохнула миссис Уэллс. — Нет, не пишет.

— А ты сумеешь, если что, как-нибудь убрать его с дороги? Еще не хватало, чтоб в самый неподходящий момент он столкнулся нос к носу с Лодербеком.

— Его всегда можно соблазнить выпивкой — и в подходящий момент, и в неподходящий.

Карвер широко ухмыльнулся:

— Может, послать ему по почте сборный ящик всякого-разного выпивона? Или засадить в «Старательский герб» и выдать неограниченный

кредит?

— Идея, кстати, неплохая. — Завидев паренька, выходящего из кухни с завернутым в бумагу пирогом, Лидия поднялась от стола. — Мне пора идти. Наведаюсь к тебе завтра.

— Я буду ждать, — промолвил Карвер.

— Спасибо, Эдвард, — поблагодарила миссис Уэллс юношу, забирая пирог. — И до свидания. Я бы пожелала вам удачи, да только зачем зря желание тратить?

Паренек рассмеялся.

Карвер тоже заулыбался:

— Так ты ему судьбу предсказала?

— О да, — кивнула миссис Уэллс. — Он скоро разбогатеет.

— В самом деле? Как все прочие?

— Нет, не как все прочие. Он *баснословно* разбогатеет. До свидания, Фрэнсис.

— Увидимся, — кивнул Карвер.

— До свидания, миссис Уэллс, — попрощался юноша.

Лидия выплыла из залы; мужчины завороженно глядели ей вслед. Вот она скрылась из виду, и Карвер вскинул глаза на юношу:

— Вас зовут Эдвард?

— Вообще-то, нет, не Эдвард, — отозвался паре-

нек чуть пристыженно. — Я решил надеть маску, как говорится. Мой отец всегда наставлял меня: никогда не называй своего настоящего имени шлюхам и гадалкам.

— Разумно, — кивнул Карвер.

— Про шлюх не скажу, не знаю, — продолжал юноша. — Мне всегда было горько думать, что отец пользуется их услугами, — меня при одной мысли с души воротит, из любви к матери наверное. Но про гадалок мне понравилось. Называешь чужое имя — и аж сердце замирает. Чувствуешь себя невидимкой. Или как будто двойником обзавелся — словно меня поделили надвое.

Карвер скользнул по нему взглядом, а в следующее мгновение протянул руку:

— Меня Фрэнсис Карвер зовут.

— Эмери Стейнз, — представился паренек.

Закат Меркурия

Глава, в которой на Хокитикском взморье объявляется незнакомец; золотой клад поделен на всех, а Уолтер Мади наконец-то покидает гостиницу «Корона».

Даже в лучшем своем костюме, с расчесанными и напомаженными волосами, в начищенных ботинках и с надушенным платком, мистер Адриан Мади был и вполовину не так хорош собою, как его младший сын. Весь его облик нес на себе неизгладимый след многолетнего пристрастия к спиртному — под глазами мешки, нос опухший, лицо неизменно раскрасневшееся, — а в движениях его не было никакой плавности, никакой грации. Ковылял он тяжело и неуклюже, на негнущихся ногах; озирался по сторонам беспокойно и настороженно; пальцы, все в желтых пятнах от курева, либо шарились в карманах, либо нервно теребили лацканы.

Выбравшись из лодки, что доставила его с парохода на берег, Мади-старший постоял минуту, потянулся, разминая затекшие, ноющие мыш-

цы, похлопал себя по всему телу. Велел отнести багаж в гостиницу на Кэмп-стрит, обменялся рукопожатием со стоящим тут же таможенным офицером, грубовато поблагодарил гребцов за труды и наконец, сцепив руки за спиной, зашагал по Ревелл-стрит. Он прошелся по улице из конца в конец, сперва по одной стороне, затем по другой, хмуро заглядывая в каждое окно, внимательно изучая лица прохожих и никому не улыбаясь. К тому времени толпа, собравшаяся перед зданием суда, уже рассеялась, а бронированная повозка с телом Фрэнсиса Карвера вернулась в Сивью; двойные двери были не только закрыты, но и заперты. Проходя мимо, Мади-старший едва удостоил Дворец правосудия взглядом.

Наконец он поднялся по ступеням хокитикской почты и, оказавшись внутри, встал в очередь к окошку. А пока ждал, достал из бумажника сложенный листок и развернул его одной рукой на груди.

— Мне нужно, чтобы вот это дошло до некоего мистера Уолтера Мади, — заявил Мади-старший, когда подошла его очередь.

— Обязательно, — пообещал почтовый работник. — Вы знаете, где он остановился?

При этих словах колокол на уэслейской церкви

прозвонил пять часов.

— Мне известно только то, что он в Хокитике уже несколько месяцев, — отвечал Мади-старший.

— В городе? Или на приисках?

— В городе.

— В гостинице? Или палатку разбил?

— Я бы предположил, что в гостинице, но наверняка не скажу. Уолтер Мади его звать.

— Никак, ваш напарник?

— Нет, сын.

— Я поручу курьеру его отыскать, а заплатите уже по доставке, как только адресат обнаружится, — проговорил почтовый работник, черкнув на бумаге имя. — Вам придется оставить залог в размере шиллинга, но, если мы найдем его уже завтра, мы вернем вам шесть пенсов.

— Отлично.

— Вам конверт или просто запечатать?

— Конверт, — попросил Мади-старший, — но погодите минутку: я хочу еще раз перечитать письмо.

— Тогда отойдите в сторонку и возвращайтесь, как будете готовы. Через полчаса окошко закрывается.

Адриан Мади так и сделал. Разгладил листок на

стойке и пальцем пододвинул ближе к свету.

Хокитика, 27 апр. 66 г.

Уолтер, умоляю, прежде чем возьмешься судить меня, дочитай письмо до конца. По почтовому штемпелю ты поймешь, что я в Хокитике, как и ты. Я остановлюсь в ГОСТИНИЦЕ «ТРЕЗВОСТЬ» на Кэмп-стрит; адрес тебя, конечно же, удивит.

Ты давно знаешь меня за эпикурейца. Так вот, теперь я еще и стоик. Я поклялся, что в этой жизни больше ни капли в рот не возьму, и с тех пор ни разу своего обета не нарушил. Во власти раскаяния, я кратко изложу здесь подлинные свои намерения, каковые моя приверженность к зеленому змию свела на нет или даже исказила за последние годы.

Я покинул Британские острова по причине долгов, и только долгов. У твоего брата Фредерика был знакомый на прииске в Лоренсе, в Отаго, и, судя по его рассказам, золото там гребли лопатой; Фредерик решил к нему присоединиться. Ты на тот момент находился в Риме и собирался перезимовать на континенте.

Я решил уехать тайно, в надежде, что вернусь богачом еще до конца года. Признаюсь, к решению этому меня подтолкнула позорная причина: в Лондоне, да и в Ливерпуле, жило несколько человек, от которых я предпочел бы скрыться. Перед отъездом я назначил моей жене сумму в двадцать фунтов – все, что осталось от моих сбережений. Много позже я узнал, что это обеспечение к ней так и не попало: деньги украли, причем тот самый человек, который должен был их доставить (мерзавец ПИРЗ ХАУЛЕНД, да живет он в ничтожестве и да сдохнет в сточной канаве). К тому времени, как это выяснилось, я уже был в Отаго, на другом конце света; более того, я никак не мог с ней связаться: ведь, чего доброго, меня стали бы преследовать, а то и засудили бы за многочисленные оставшиеся безнаказанными преступления и невыплаченные долги. И я так ничего и не предпринял. Я смирился с тем, что жену, в сущности, бросил, помолился Господу, чтоб простил меня, и продолжал вкалывать на руднике вместе с Фредериком.

В первый наш год жизни в Отаго мы добывали золота только «на прожиток». Я слыхал, людям из богатого сословия на приисках фатально не везет: они не приучены терпеть лишения в отличие от низших классов. Мы вкалывали как проклятые и частенько отчаивались. Но продолжали упорствовать, и семь месяцев спустя твой брат нашел самородок размером с табакерку: он застрял между двумя валунами на излучине реки. Этот-то самородок и лег наконец-то в основу нашего богатства.

Ты спросишь, почему мы не отослали самородок домой с извинениями и благословениями; что ж, хороший вопрос! Твой брат Фредерик давно порывался тебе написать. Он настаивал, чтобы я связался с моей покинутой женой и даже позвал ее к нам сюда, но я все противился. Противился я и его увещеваниям бросить пить и исправиться. На эту тему мы постоянно спорили и наконец расстались отнюдь не друзьями. К сожалению, я не знаю, где Фредерик сейчас.

Ты, Уолтер, всегда был в нашей семье

человеком ученым. Я много чего стыжусь в своей жизни, но тебя не стыдился никогда. Дав обет трезвости, я заглянул себе в душу. Я увидел себя в истинном свете: я человек слабый, я трус, вместилище всевозможных грехов и пороков. Но если я чем и горжусь, то тем, что в этом прискорбном отношении мои сыновья на меня не похожи. Для отца это и горько, и радостно – сказать о сыне: «Он лучший человек, чем я». Поверь, эту горькую радость я испытал дважды.

Мне ничего не остается, кроме как попросить у тебя прощения – и у Фредерика тоже – и пообещать, что следующая наша встреча, если ты мне ее даруешь, пройдет «всухую». Удачи тебе, Уолтер. Знай же, что я заглянул себе в душу и что это письмо написано трезвенником. Знай также, что даже несколько ответных строчек прольют бальзам утешения на сердце твоего отца,

Адриана Мади.

Он дважды перечел письмо, сложил, убрал в конверт и заглавными буквами вывел спереди

имя сына. Он закрыл колпачком перьевую ручку, пальцы его дрожали.

* * *

— К мистеру Стейнзу — мистер Фрост.

— Впустите, — разрешил Девлин.

Чарли Фрост вошел с листком бумаги в руках.

— Расходы, — с виноватым видом пояснил он.

— Присаживайтесь, — пригласил Девлин.

— Велик ли ущерб, мистер Фрост? — осведомился Стейнз. Выглядел он очень усталым.

— Боюсь, весьма масштабен, — проговорил Фрост, выдвигая стул. — Судья Кемп постановил, что дивиденды Фрэнсиса Карвера в размере двух тысяч сорока восьми фунтов должны быть выплачены. Тут своя тонкость есть: «Группе Гаррити» полностью компенсируют изъятую со счета сумму страховки «Доброго пути», но все остальное отходит миссис Карвер, как Карверовой вдове.

— Как она? — спросил Девлин.

— Пьет успокоительное, — рассказал Фрост. — За ней, кажется, приглядывают доктор Гиллис и мистер Притчард; ее отвели обратно в «Удачу путника», и с тех пор я ее не видел. — Он вновь обернулся к Стейнзу и разложил лист бумаги на столе. — Я вкратце перечислю расходы, можно?

— Да.

— Поскольку вас признали виновным, все судебные издержки ложатся на вас, в том числе и оплата услуг мистера Другана за последние месяцы, а также комиссионное вознаграждение мистеру Нильссену, с тех пор вложенное в постройку тюрьмы Сивью, — как вы помните, судья вынес решение, что благотворительное пожертвование отзыву не подлежит. В общем и целом все это составляет чуть больше пяти сотен фунтов.

— Сокращаем вдвое и еще вдвое, — вздохнул Стейнз.

— Да, боюсь, с судебными издержками всегда так. Но дальше — больше. Многие старатели предъявили вам иск о возмещении ущерба, как с каньерских приисков, так и из Хокитикского ущелья. Точную сумму пока назвать не могу, но, боюсь, счет пойдет на десятки фунтов, а может, и на сотни.

— Это все?

— Что до официальных расходов — да, — отозвался Фрост. — Но есть несколько вопросов, которые мне хотелось бы обсудить неофициально. У нас есть время?

— У нас есть время? — обратился Стейнз к

Девлину.

— Сколько-то есть, пока повозка не приехала, — отозвался Девлин.

— Я буду краток, — пообещал Фрост. — Как вы, возможно, знаете, золото, извлеченное из Аннино оранжевого платья, до сих пор хранится под кроватью в доме мистера Гаскуана. Анна должна мистеру Мэннерингу что-то около ста двадцати фунтов, и она думала расчесться с ним из этого запаса. Однако мне пришло в голову, что, возможно, *вы* захотите взять на себя ее долг мистеру Мэннерингу и распорядитесь, чтобы мистеру Мэннерингу заплатили из вашей доли клада, по отдельной статье расходов. Понимаете, так у Анны будет на что жить, пока вы в тюрьме.

— Отлично, — согласился Стейнз. — Да, так и сделайте. Все как вы сказали.

Фрост черкнул себе пометку.

— Второй вопрос, — промолвил он, — это премия мистеру Цю. Понимаете, нам надо поддержать видимость, будто золото добыто на «Авроре», а ведь тому, кто напал на золотую жилу, положена награда.

— Конечно, — согласился Стейнз. — Премия так премия.

— Мне дали понять, что по истечении свое-

го контракта с компанией мистер Цю желает возвратиться в Китай; более того, он желает возвратиться, имея на руках ровно семьсот шестьдесят восемь шиллингов. По словам мистера Мэннеринга, тот давно задался целью скопить именно такую сумму. Я полагаю, эта цифра исполнена в его глазах какого-то духовного или глубоко личного смысла.

В любое другое время Эмери Стейнза изрядно позабавил бы этакий курьез. Но сейчас он даже не улыбнулся. Вместо него отозвался Девлин:

— Семьсот шестьдесят восемь шиллингов?

— Да, — подтвердил Фрост.

— Вы подумайте, какая дотошность, — промолвил Девлин. — А что это за символ такой, вы не знаете?

— Боюсь, что не знаю, — покачал головой Фрост. — Но да будет мне позволено предположить, — он вновь повернулся к Стейнзу, — что вашей премиальной выплаты, наверное, должно бы хватить на то, чтобы мистер Цю смог наконец осуществить свою мечту.

— А в фунтах это сколько будет?

— Тридцать восемь фунтов восемь шиллингов, — не задержался с ответом Фрост. — Приблизительно один процент от четырех тысяч, а

один процент — разумное вознаграждение для золотых приисков, тем более что мистер Цю — китаец. В качестве жеста доброй воли вы также, вероятно, захотите рассмотреть возможность освободить его от обязательств по контракту и поспособствовать его возвращению домой.

Стейнз покачал головой:

— А ведь я о нем вообще не подумал.

— О ком? — не понял Фрост.

— О мистере Цю, — объяснил Стейнз. — Просто-напросто о нем и не вспомнил.

— Что ж, нынче днем он сделал нам всем большое одолжение, сохранив нашу тайну, а теперь у нас есть возможность оказать ему ответную услугу. Я уже переговорил с мистером Мэннерингом. Он согласен на досрочное расторжение контракта мистера Цю и по моей просьбе назначил сумму компенсации. Если вы заплатите мистеру Цю премию в шестьдесят четыре фунта, это покроет все расходы.

Стейнз потерся щекой о плечо и вздохнул.

— Хорошо, идет, — согласился он.

— И вот еще третий финансовый вопрос. — Фрост негромко откашлялся. — Когда мы впервые… э-э-э… обнаружили золото, еще в январе, мистер Клинч вручил мне тридцать фунтов в по-

дарок. Боюсь, я их потратил, и у меня нет средств выплатить ни пенни. Не мог бы я воззвать к вашему великодушию и попросить внести эти тридцать фунтов в статью «банковские расходы»? — сбивчиво проговорил он и тут же добавил: — В качестве ссуды, разумеется; к моменту вашего освобождения я возмещу вам эту сумму.

— Повозка приехала, — сообщил Девлин, поднимаясь.

— Хорошо, конечно, — обернулся Стейнз к Фросту. — Заплатите, как вы сказали. Это все не важно.

Фрост облегченно выдохнул:

— Спасибо вам большое, мистер Стейнз.

Девлин вывел Стейнза из камеры; Фрост проводил их взглядом. Когда те миновали дверной проем, Фрост крикнул им вслед:

— Завтра пришлю вам постатейную расписку — с утра, первым делом!

* * *

Колокол церкви прозвонил семь часов, когда Уолтер Мади упаковал последний из своих выходных костюмов в сундук, захлопнул крышку и задвинул запор. Поднялся, проверил, в порядке ли ширинка желтых молескиновых брюк, потуже

подтянул пояс, поправил на шее красный платок и, наконец, взялся за пальто — простое, шерстяное, длиной почти до колен, и шляпу — тяжелую, с мягкой тульей и широкими навощенными полями. Надел и то и другое, перебросил на спину скатку и вышел из номера, вытащив из замка ключ.

На время его отсутствия сундуку предстояло переехать на склад Кларка по набережной Гибсона; туда же станут пересылать личную корреспонденцию, буде таковая случится. На оплату этого перемещения Мади оставил на стойке регистрации «Короны», вместе с ключом, три серебряных шиллинга. Четвертый шиллинг он вложил в руку гостиничной горничной, сжал в ладонях ее желтую ручку и тепло поблагодарил за все ее услуги и гостеприимство в течение трех последних месяцев. Выйдя из «Короны», он свернул на узкую тропку, уводящую к взморью, и зашагал прямо на север: содержимое скатки звякало у него за спиной, а свернутая палатка хлопала сзади по ногам при каждом шаге.

Не отошел он от Хокитики и на две мили, когда заметил, что шагах в десяти позади него бредет человек, одетый сходным образом, как принято среди старателей. Мади обернулся через плечо, и

оба кивнули друг другу.

— Привет, — поздоровался незнакомец. — Ты на север?

— Точно.

— На побережье небось? К Чарльстону?

— Надеюсь, что так. Не в одно ли место лежит наш путь?

— На то похоже, — откликнулся незнакомец. — Можно, я пойду рядом?

— Конечно, я компании только рад, — заверил Мади. — Уолтер Мади меня звать. Просто Уолтер.

— Пэдди Райан, — представился тот. — У тебя шотландский выговор, Уолтер Мади.

— Отрицать не стану, — улыбнулся Мади.

— Я против шотландцев ничего не имею.

— А я с ирландцами в жизни не ссорился.

— Да брось заливать-то! — широко усмехнулся Пэдди Райан. — Но что правда, то правда: я против шотландцев ничего не имею.

— Очень тому рад.

Некоторое время попутчики шли молча.

— А далеко нас обоих от дома-то занесло! — наконец обронил Пэдди Райан.

— Да, до моей родины очень, очень далеко, — согласился Мади, вглядываясь за линию прибоя в открытое море.

— Что ж, если место, где ты родился, не может быть домом, значит дом там, куда ты надумал податься.

— Отличный девиз, — улыбнулся Мади.

Пэдди Райан довольно кивнул:

— Стало быть, Уолтер, ты тут навсегда поселиться думаешь? После того, как перелопатишь участок да зашибешь деньгу?

— Ну, здесь пусть за меня удача решает.

— А что такое удача? Вот скажи, по-твоему, счастливчик — тот, кто останется, или тот, кто уедет?

— По мне, так счастливчик тот, кто может выбрать, — отозвался Мади, к вящему своему удивлению, потому что еще три месяца назад он бы такого ответа не дал.

Пэдди Райан искоса глянул на него:

— Как насчет рассказать друг другу свою историю? Глядишь, путь-дорогу скоротаем.

— Свою историю? То есть историю своей жизни?

— Ага — или, может, историю, где-то услышанную, или чего угодно.

— Хорошо, — суховато согласился Мади. — Ты начнешь первым или мне начать?

— Давай ты, — предложил Пэдди Райан. — Заво-

ди-ка рассказ, да подлиннее, да позаковыристее, чтоб мы позабыли про усталые ноги и даже не замечали, что куда-то шагаем.

Мади помолчал немного, собираясь с мыслями.

— Я пытаюсь сделать выбор между вариантами «вся правда» и «ничего, кроме правды», — признался он наконец. — Боюсь, история моя такова, что либо одно, либо другое.

— Эй, а правда-то нам зачем? — удивился Пэдди Райан. — Кто правды-то требует? Уолтер Мади, ты в этой стране свободный человек. Расскажи мне любую байку, и если сумеешь растянуть ее до того момента, как мы дойдем до развилки в Кумаре, так я первый заявлю, что рассказ отменный.

Конъюнкция Солнца с Луной (новолуние)

Глава, в которой миссис Уэллс делает два чрезвычайно интересных открытия.

Когда после семи Лидия Уэллс вернулась в «Дом многих желаний», горничная сообщила ей, что Анна Уэдерелл в отсутствие хозяйки принимала гостя, мистера Кросби Уэллса: тот нежданно-негаданно возвратился с отагских нагорий после многомесячного отсутствия. В тот вечер у мистера Уэллса были какие-то дела на Джордж-стрит, рассказала горничная, но он ушел, заверив, что вернется на следующее утро в надежде непременно переговорить с женой.

Миссис Уэллс задумчиво выслушала новость:

— И как долго, говоришь, он тут пробыл, Люси?

— Два часа, мэм.

— С которого часа по который?

— С трех до пяти.

— А мисс Уэдерелл?..

— Я ее не беспокоила, — отвечала Люси. — С момента его ухода она не звонила, а пока они

были вдвоем, я не хотела им мешать.

— Умница, — похвалила миссис Уэллс. — Так вот, если Кросби и впрямь вернется завтра, а меня по какой-то причине здесь не случится, проводи его снова в комнату мисс Уэдерелл.

— Да, мэм.

— А завтра первым делом сделай заказ винотор-говцу. Сборный ящик нам в самый раз придется.

— Да, мэм.

— Вот пирог нам на ужин. Подогрей его хорошенько и подай наверх. Пожалуй, мы сядем за стол в восемь.

— Как скажете, мэм.

Лидия Уэллс разобрала принесенные альманахи и звездные карты, придирчиво оглядела себя в зеркале, висящем на стене в прихожей, и поднялась по лестнице в Аннину комнату. Коротко постучала — и открыла дверь, не дожидаясь ответа.

— Не правда ли, так оно лучше — когда накормлена, и в сухости, и в чистоте? — вместо приветствия проговорила она.

Анна сидела в оконной нише. При появлении миссис Уэллс она порывисто вскочила, густо покраснела и пролепетала:

— Гораздо лучше, мэм. Вы слишком добры.

— Слишком много доброты не бывает, — отмахнулась миссис Уэллс, складывая книги на стол рядом с кушеткой. Она бросила быстрый взгляд на сервант, мысленно пересчитала бутылки, а затем вновь обернулась к Анне и просияла улыбкой. — А у меня на сегодняшний вечер припасено замечательное развлечение! Я хочу построить вашу натальную карту.

Анна кивнула. Щеки ее по-прежнему горели огнем.

— Я составляю натальную карту всем своим новым знакомым, — продолжала миссис Уэллс. — Мы с приятностью проведем время, выясняя, что вас ждет. А еще я пирог к ужину принесла: вкуснее во всем Данидине не сыщешь. Ну разве не чудесно?

— Очень, — подтвердила Анна, глядя в пол.

Миссис Уэллс словно не замечала смущения девушки.

— Итак, — начала она, усаживаясь на кушетку и пододвигая к себе самый увесистый том. — Назовите дату своего рождения, дорогая моя.

Анна не задержалась с ответом.

Миссис Уэллс отпрянула и схватилась за сердце.

— Нет! — воскликнула она.

— Что?

— До чего странно!

— Что странно? — испуганно спросила Анна.

— Вы родились день в день с одним молодым человеком, которому я только что… — Лидия Уэллс умолкла на полуслове, а затем внезапно спросила: — А сколько вам лет, мисс Уэдерелл?

— Двадцать один.

— Двадцать один! И вы родились в Сиднее?

— Да, мэм.

— В самом городе?

— Да.

В лице Лидии Уэллс отразилась целая гамма чувств.

— А вы, случайно, не знаете точного часа своего рождения?

— Кажется, я родилась ночью, — отозвалась Анна, снова заливаясь краской. — Так мне мама рассказывала. Но точного часа я не знаю.

— Потрясающе! — воскликнула миссис Уэллс. — Я просто потрясена! Рождены в одно и то же время! И видимо, под одними и теми же небесами!

— Я ничего не понимаю, — пролепетала Анна.

Заговорщицки понизив голос, Лидия Уэллс принялась объяснять. Вторую половину дня она

обычно проводила в гостинице на Джордж-стрит, где за небольшую плату предсказывала судьбу по звездам. Ее клиентами по большей части были молодые искатели удачи, мечтающие сколотить состояние на золотых приисках. Сегодня — пока Анна нежилась в ванне — она, Лидия, как раз составляла гороскоп одному из таких юношей. Вопрошающему (именно так назвала его Лидия) *тоже* исполнился двадцать один год, и он *тоже* родился в Сиднее, в тот же самый день, что и Анна!

Анна никак не могла взять в толк, отчего Лидия так возбуждена.

— И что это значит? — недоумевала девушка.

— Что это значит? — Голос Лидии Уэллс понизился до шепота: — Это значит, что у вас, мисс Уэдерелл, возможно, общая судьба с другою душой.

— О, — откликнулась Анна.

— У вас, по-видимому, есть астральный двойник, чей жизненный путь, как в зеркале, отражает ваш собственный!

Вопреки ожиданиям миссис Уэллс, на Анну эти слова особого впечатления не произвели.

— О, — обронила она снова.

— Это чрезвычайно редкое явление, — уточни-

ла миссис Уэллс.

— А вот взять моего двоюродного брата, он родился в один день со мной, — возразила Анна, — но общей судьбы у нас быть не может, потому что он умер.

— Общего дня рождения недостаточно, — объяснила миссис Уэллс. — Вы должны родиться в одну и ту же минуту и на одной и той же широте и долготе, то есть под теми же самыми небесами. Тогда, и только тогда совпадут ваши натальные карты. Понимаете, ведь даже близнецы рождаются с разницей в несколько минут, а за этот временной промежуток звезды слегка сдвинутся и потенциальные возможности поменяются.

— Но я не знаю точной минуты своего рождения, — нахмурилась Анна.

— Он тоже не знал, — утешила миссис Уэллс, — но я готова об заклад побиться, что ваши натальные карты идентичны, — ведь мы уже знаем, что у вас обоих есть нечто общее.

— Что же?

– *Я!* — торжествующе возвестила миссис Уэллс. — Двадцать седьмого апреля тысяча восемьсот шестьдесят пятого года вы оба прибыли в Данидин и вам обоим миссис Кросби Уэллс построила натальную карту!

Анна схватилась за горло.

— Что? — прошептала она. — Миссис… как вы сказали?

— Есть и другие соответствия! — с неменьшим воодушевлением продолжала Лидия Уэллс. — Он путешествовал в одиночку, как и вы, и, как и вы, высадился на берег нынче утром. Возможно, он, в силу какой-нибудь счастливой случайности, даже другом обзавелся — в точности как вы, когда меня повстречали.

Судя по Аннину виду, к горлу девушки подступала тошнота.

— Его Эдвард зовут. Эдвард Салливан. Ох, почему же я его с собой не привела — если бы только знать заранее! Вы ведь, наверное, уже умираете от желания с ним познакомиться, правда?

— Да, мэм, — прошептала девушка.

— До чего необычно! — восклицала Лидия Уэллс, не сводя глаз с Анны. — На диво необычно, просто на диво! Любопытно, что произойдет, если вы все-таки встретитесь.

Часть V
Груз и злато

12 мая 1865 года

45° 52′ 0″ южной широты / 170° 30′ 0″ восточной долготы

Гаскуан
Сич
Фейли
Инфаре
Ярсен
Дебитин
Ланг
Дзинерин
Сио
Жиссен
Иритгард
Балгрур

Серебро

Глава, в которой Кросби Уэллс обращается с просьбой; Лидия Уэллс ведет себя неблагоразумно, а Анна Уэдерелл становится свидетельницей довольно безобразной сцены.

Горькое унижение, которое испытала Анна Уэдерелл, узнав, что человек, которого она развлекала в день своего прибытия в Данидин, на самом деле хозяин дома, лишь усиливалось с каждой последующей неделей. Теперь Кросби Уэллс прочно водворился в спальне в глубине дома номер тридцать пять по Камберленд-стрит, так что они виделись каждый день.

Анна Уэдерелл постоянно и очень болезненно переживала из-за производимого ею впечатления; в результате этого непреходящего чувства неловкости ее самоуважение было настолько низким, что граничило с вымыслом. Ее мучило вечное ощущение, будто что-то такое угадывается в ее характере, чего она сама не видит, и эту тревожность не могли утишить ни увещевания, ни доказательства, ни комплименты. В ходе любой

беседы Анна не сомневалась, что окружающие осуждают ее про себя, и вполне заслуженно, а поскольку ее стыд перед лицом воображаемого осуждения был вполне реален, тем упорнее она пыталась завоевать доброе расположение всех, с кем сводила ее судьба, неизменно думая, что даже здесь ее умысел виден всем и каждому.

Будучи свято уверена, что все, как один, ее критикуют, Анна крайне бы удивилась, узнав, что в действительности производит на людей впечатление очень и очень разное. Бесхитростная наивность ее речей одних настораживала — у такой, чего доброго, по любому вопросу есть собственное мнение, которое она не стесняется со всей откровенностью высказывать, а это столь неженственно! — другим же ее трогательная безыскусность казалась такой живительной, такой бодрящей! Так же и ее манера щуриться одних наводила на мысль о робости, других — о расчетливости. В глазах Кросби Уэллса она была просто-напросто милой простушкой; ее вечная конфузливость немало его забавляла — и он не уставал это повторять.

— На приисках тебе самое место, девочка моя, — говаривал он. — Ты словно глоток свежего воздуха. Ты неиспорченная. Нет хуже женщины,

которая за словом в карман не лезет. Нет хуже женщины, которая разучилась краснеть.

Лидия Уэллс — которая и в карман за словами отродясь не лазила, и краснела раз в год по обещанию — после нежданного возвращения мужа в доме номер тридцать пять по Камберленд-стрит почти не показывалась. Она уходила поздним утром и зачастую возвращалась только в сумерках, когда в преддверии ночи открывалось игорное заведение. В ее отсутствие Уэллс почти не покидал будуара на втором этаже, где графины на серванте ежедневно наполнялись доверху. От спиртного он заметно мягчел. Анна обнаружила, что больше всего он ей нравится во второй половине дня, когда после трех-четырех бокалов виски он становился задумчив, но пока еще не печален.

Уэллс, как выяснилось, возвращаться на данстанские прииски не собирался. Анна узнала, что в прошлом году он напал на довольно богатую золотую жилу и теперь ему захотелось пустить свое богатство в оборот: он рассматривал разные возможности вложения денег, как в Данидине, так и за его пределами, и часами изучал местные газеты, сравнивая цены на золото и отслеживая повышение и понижение курса тех или иных

акций.

— А кем я тебе больше понравлюсь — овцеводом или крепильщиком, мисс Уэдерелл? — спрашивал Кросби и откровенно хохотал над ее смущением.

Замечала ли миссис Уэллс Аннину неловкость и понимала ли ее причину, Анна не знала. Хозяйка дома относилась к ней с той же теплотой и беседовала с той же интимной задушевностью, как и в день первой их встречи, но Анне казалось, будто в манере Лидии теперь ощущалась некоторая холодность — как будто та внутренне настраивалась на неминуемый разрыв в их отношениях. С мужем она держалась так же отстраненно. Всякий раз, как Уэллс о чем-либо заговаривал, она просто молча глядела на него без тени улыбки, а затем переводила разговор на другое. Анну эти неявные знаки неудовольствия просто сокрушали, и в результате она еще отчаяннее пыталась заслужить доброе мнение госпожи. К тому времени девушка уже убедилась, что ее, по выражению Кросби Уэллса, «развели», но все душевные силы, которые помогли бы ей призвать хозяйку к ответу по поводу вымышленной мисс Маккей (о которой впредь ни словом не упоминалось), ушли на немилосердное самоуничижение

и внутреннюю убежденность, что только она одна может искупить их с Кросби вину.

В деятельность «Дома многих желаний» Анну посвящали осторожно, мало-помалу. Наутро после прибытия девушки в Данидин миссис Уэллс показала ей гостиную нижнего этажа, и Анна в нее сразу же влюбилась: и в обитые бархатом ниши с диванчиками, и в зеленые стеклянные бутылки за барной стойкой, и в карточные столы, и в колесо рулетки, и в крохотную «исповедальню» с двойными створчатыми дверцами, где миссис Уэллс порою предсказывала судьбу за отдельную плату. При свете дня комната казалась нетронутой: пылинки, угодившие в ловушку солнечных лучей, что падали сквозь высокие окна, смотрелись взвешенно и впечатляюще. Анна благоговейно притихла. По приглашению хозяйки она шагнула на возвышение, крутнула колесо — и завороженно следила, как каучуковая стрелка, пощелкивая, скользит по направлению к джекпоту и с последним щелчком все-таки промахивается.

Миссис Уэллс не сразу стала приглашать девушку на вечерние сборища. Из окна своей спальни Анна наблюдала, как мужчины съезжаются, выходят из карет, снимают перчатки, проходят

по дорожке и стучатся в дверь; вскоре после того сигарный дым начинал просачиваться сквозь половицы в ее комнату, приправляя воздух едким пряным привкусом и окрашивая свет лампы в серые тона. К девяти гул голосов сгущался до гомона и гвалта, перемежающихся взрывами смеха и аплодисментами. Анна слышала только то, что доносилось до нее снизу, хотя всякий раз, когда кто-нибудь открывал дверь на лестницу первого этажа, шум усиливался и девушке даже удавалось разобрать отдельные голоса. Ее любопытство понемногу обращалось в отчаяние, и спустя несколько дней она спросила у миссис Уэллс — очень робко, с бесчисленными извинениями, — не позволят ли ей поработать в баре. Теперь она вставала за стойку каждый вечер, хотя миссис Уэллс установила два правила: посетителям не разрешалось заговаривать с ней напрямую и танцевать ей запрещалось.

— Это она тебе цену набивает, — объяснил Кросби. — Чем дольше им придется ждать, тем больше за тебя удастся выручить, когда придет время выставить тебя на торги.

— Да полно, Кросби, — огрызнулась миссис Уэллс. — Какие такие торги? Не мели чуши.

— Сельское хозяйство — вот где золотое дно, —

усмехнулся Уэллс. — А ведь я мог быть фермером, а ты моей фермершей. — Он обернулся к Анне. — Ничего страшного. Вот и моя мама была шлюхой, Господь упокой ее душу.

— Да он вас просто стращает, — запротестовала миссис Уэллс. — Не слушайте его.

— Мне ничуточки не страшно, — заверила Анна.

— Ей не страшно, — подтвердил Уэллс.

— А чего пугаться-то? — подхватила миссис Уэллс.

Действительно, Анна от души восхищалась девушками-танцовщицами. А тем дела до нее не было: если они к Анне когда и обращались, то: «Эй ты, Сидней!» или «Порт-Джексон», но та обижаться и не думала; она даже пыталась про себя подражать их усталому безразличию. Они приносили от джентльменов, играющих в карты, заказы на напитки и ждали, пока Анна не наполнит бокалы. Виски с содовой они называли «вискарь разбодяженный», а неразбавленный виски — «чистоган». Поднос с напитками они сдвигали к бедру или высоко поднимали над головою и шествовали назад сквозь толпу, распространяя вокруг себя облако пудры и приторный аромат грима и духов.

Двенадцатого мая обитатели дома номер тридцать пять по Камберленд-стрит поднялись спозаранку. В «Доме многих желаний» устраивалась вечеринка в честь морских офицеров и «джентльменов, имеющих отношение к морю», и к этому великому событию предстояло должным образом подготовиться. Миссис Уэллс наняла скрипача и заказала лимоны, хвойный джин, ром и несколько сотен ярдов бечевки: ее предполагалось порезать на куски, сплести и украсить каждый столик замысловатым венком.

— Первый я сплету сама — как образец, — говорила Лидия Анне, — а ты днем навертишь остальные. Я покажу тебе, как это делается, шаг за шагом, и научу закреплять концы.

— Еще не хватало — хороший манильский трос зазря переводить! — буркнул Уэллс.

Миссис Уэллс, словно не расслышав, продолжила:

— Венки всегда эффектно смотрятся, сдается мне; для тематического вечера в самый раз. Если бечевки сколько-то останется, мы еще и над барной стойкой ее навесим.

Завтракали все вместе, что случалось нечасто: Уэллс редко поднимался до полудня, а к тому времени, как просыпалась Анна, миссис Уэллс

обычно уже уходила из дому. Сегодня миссис Уэллс заметно нервничала — наверное, волновалась за успех вечеринки.

— Очень красиво получится, — заверила девушка.

— Что ты еще придумаешь? — Уэллс был явно не в духе. — Вечеринка для старателей, по футляру от винтовки на каждом столике и отводящий желоб до самого бара? Или вот: «Вечеринка в честь простого человека. Для ничем не примечательных джентльменов безо всякого положения и связей». По мне, отличная тема.

— Анна, еще гренку? — спросила миссис Уэллс.

— Спасибо, мэм, нет, — отвечала девушка.

— В числе сегодняшних гостей даже один орденоносец будет! — всплеснула руками миссис Уэллс, меняя тему. — Ты представляешь? Я, кажется, в первый раз в жизни принимаю у себя самого настоящего героя морских сражений. Ой, мы его вопросами замучаем — правда, Анна?

— Да, — кивнула девушка.

— Это капитан Рэксуорти. Он награжден крестом Виктории[78], — надеюсь, он его наденет. Передай масло, пожалуйста.

---

[78] Сноски: 78

Крест Виктории — высший военный орден; им награждаются за боевые подвиги. Учрежден королевой Викторией в 1856 г.

Уэллс послушно исполнил ее просьбу. И спустя минуту осведомился:

— Ты сегодняшнего «Свидетеля» получала?

— Да, и уже прочла; там ничего интересного, — заверила миссис Уэллс. — В пятничных газетах новостей обычно раз-два и обчелся.

— А где газета-то? — не отступался Уэллс.

— Ох, да я ее сожгла, — промолвила миссис Уэллс.

Кросби удивленно воззрился на нее.

— Так ведь еще ж утро, — удивился он.

— Кросби, я и без тебя знаю, что еще утро! — со смешком отозвалась Лидия. — Мне понадобилось растопить камин в моей спальне, вот и все.

— Сейчас только девять! — возмутился Уэллс. — В девять утра свежую газету не сжигают. Тем более если я ее еще не читал. Теперь придется пойти купить еще один экземпляр.

— Сэкономь шестипенсовик, — посоветовала миссис Уэллс. — Там одни сплетни. Даже рассказать не о чем, я ж говорю.

Она вскинула глаза на каретные часы — второй раз за последние две минуты, отметила про себя Анна.

— А я люблю сплетни, — заупрямился Уэллс. — Кроме того, ты же знаешь, я ищу, куда вложить

деньги. И как мне прикажешь следить за рынком ценных бумаг, без газеты-то?

— Ну что ж, сделанного не воротишь, придется тебе подождать до завтрашнего утра. Анна, еще гренку?

Анна слегка нахмурилась: этот вопрос миссис Уэллс ей уже задавала.

— Спасибо, мэм, нет.

— Хорошо же. — Миссис Уэллс притопнула ножкой. — Ах, как мы сегодня славно поразвлечемся! До чего люблю вечеринки! Моряки, они такие бравые ребята. И отличные рассказчики — прямо заслушаешься!

Уэллс по-прежнему дулся:

— Ты же знаешь, я по утрам всегда газету читаю. Каждый день!

— Ну, полистай «Лидера», — предложила миссис Уэллс. — Или «Литтелтон таймс» за прошлую неделю– возьми на моем письменном столе.

— Почему же ты их не сожгла?

— Ох, Кросби, да не знаю я! — огрызнулась миссис Уэллс. — Займись чем-нибудь еще, тебе только на пользу пойдет. Почитай вон «Руководство для колониста», у меня их внизу полный шкаф.

Уэллс допил кофе и с грохотом отставил чаш-

ку.

— Мне нужен ключ от сейфа, — объявил он.

Анне померещилось, будто миссис Уэллс слегка напряглась. Не глядя на мужа, она сосредоточенно намазывала маслом гренку; спустя мгновение она осведомилась:

— Это зачем еще?

— Что значит зачем? Хочу на свое золотишко полюбоваться.

— Мы же договорились подождать с продажей до более благоприятных времен, — напомнила миссис Уэллс.

— Я ничего не собираюсь продавать. Просто надумал в делах разобраться. Прикинуть общую сумму, документы проглядеть.

— «Документы», скажешь тоже! — со смешком обронила миссис Уэллс.

— А что ж это такое, по-твоему?

— О, да просто уж больно громко звучит!

— Там моя лицензия на добычу золота. А это документ.

— Ну и зачем тебе ни с того ни с сего понадобилась лицензия?

— Это что еще такое, допрос с пристрастием? — нахмурился Уэллс.

— Конечно нет!

— Документы, они и есть документы, — отрезал Уэллс. — И еще там письмо лежит, я его перечитать хочу.

— Кросби, да полно тебе! — отмахнулась миссис Уэллс. — Ты ж его уже тысячу раз перечитывал. Даже я каждую фразу наизусть помню! «Милый мой мальчик, ты меня не знаешь…»

Уэллс с размаху ударил по столу кулаком, так что даже посуда подпрыгнула.

— Заткнись! — рявкнул он.

— Кросби! — шокированно отозвалась миссис Уэллс.

— Шути, да знай меру, — заявил Кросби. — Прямо сейчас ты границу перешла.

Мгновение казалось, что миссис Уэллс сейчас возразит, но она передумала. Она промокнула губы салфеткой и взяла себя в руки.

— Прости меня, пожалуйста, — проговорила она.

— Прощение тут ни при чем. Ключ давай.

Лидия снова делано рассмеялась:

— Ну право, Кросби, какой ты неподходящий день выбрал. Сегодня ж флотская вечеринка, столько всего еще организовать нужно. Давай до завтра отложим. А тогда уж спокойно сядем вместе, ты и я…

— Никаких «завтра», — твердо заявил Уэллс. — Ключ давай.

Лидия поднялась от стола.

— Боюсь, ты мое последнее слово слышал, — отрезала она. — Прошу меня извинить.

— Прошу извинить *меня*, но, боюсь, *я* последнего слова еще не сказал, — возразил Уэллс. Он отодвинул от стола стул и тоже поднялся. — Где он — у тебя на шее?

Лидия медленно отступала от него, огибая стол.

— На самом деле ключ хранится в банковском сейфе, — заверила она. — Дома я его не держу. Если ты подождешь чуть-чуть…

— Чушь, — отрезал Уэллс. — Ключ у тебя на шее.

Лидия сделала еще шаг назад. Кажется, только сейчас она встревожилась по-настоящему.

— Кросби, пожалуйста, не надо сцен.

— Давай ключ. — Он надвинулся на жену.

Лидия попыталась улыбнуться, но губы у нее дрожали.

— Кросби, не глупи, — проговорила она. — Мы…

— Дай сюда.

— Не устраивай скандала.

— Я еще не такой скандал устрою. Давай сюда.

Лидия метнулась к двери, но Кросби оказался проворнее: успел ее схватить. Она попыталась вывернуться, минуту они боролись — и тут Уэллс, запустив руку ей под лиф, нашел что искал: на тонкой серебряной цепочке болтался увесистый серебряный ключ. Он вытащил ключ из-под платья, зажал в кулаке и попытался разорвать цепочку. Цепочка врезалась в шею и рваться никак не желала; Лидия вскрикнула. Кросби попытался еще раз, резче. Она замолотила кулачками по его груди. Крякнув, он попытался обуздать Лидию и снова дернул цепочку, по-прежнему обмотанную вокруг его кулака.

— Кросби, — задохнулась она. — Кросби…

Наконец звенья распались, и ключ остался в его руке; Лидия всхлипнула. Не говоря ни слова, слегка запыхавшийся Кросби развернулся и направился прямиком к сейфу. Вставил ключ в замок, громыхнул ручкой несколько раз, прежде чем механизм щелкнул и тяжелая дверца распахнулась.

Сейф был пуст.

— Где мои деньги? — закричал Кросби Уэллс.

Миссис Уэллс пошатнулась, обеими руками схватилась за шею. Глаза ее наполнились сле-

зами.

— Если ты хоть на минуточку успокоишься, я все объясню, — пролепетала она.

— На что мне оно сдалось, это спокойствие? — негодовал Уэллс. — Я задал простой вопрос, вот и все. Где мое золото?

— Кросби, послушай, — увещевала миссис Уэллс. — Я все верну на место — все твое состояние. Я просто на время спрятала золото в надежное место. Я все тебе верну, но только завтра. Ладно? Сегодня в гости звано столько именитых джентльменов, у меня нет времени… времени сходить… ну, словом, туда, где я спрятала золото.

— Где мои документы? — настаивал Уэллс. — Моя старательская лицензия. Мое свидетельство о рождении. Письмо от отца.

— Они все там же, где и золото.

— Да неужто. И где же?

— Не могу тебе сказать.

— Почему нет, миссис Уэллс?

— Все слишком сложно, — пролепетала она.

— Да уж не сомневаюсь!

— Я завтра все тебе отдам.

— Ах вот как?

— Завтра. После вечеринки.

— Почему не сегодня? Почему не нынче утром?

— Хватит уже меня запугивать! — вспыхнула она. — Сегодня я не успеваю, и весь сказ. Придется тебе подождать до завтра.

— Ты тянешь время, — догадался Уэллс. — Хотелось бы мне знать зачем.

— Кросби, вечеринка, — напомнила она.

Уэллс уставил на нее долгий испытующий взгляд. А затем пересек комнату и резко дернул за сонетку. Горничная Люси не заставила себя ждать.

— Люси, — велел Уэллс, — сходи на Джордж-стрит и добудь мне экземпляр сегодняшнего «Отагского свидетеля». Миссис Уэллс, кажется, по ошибке сожгла наш.

Золото

Глава, в которой Фрэнсис Карвер получает известие, а Стейнз остается один.

Благодушно-сумасбродное настроение, подтолкнувшее Эмери Стейнза по прибытии в Данидин заказать свою натальную карту у миссис Лидии Уэллс, медиума и спирита, в результате предсказания только усилилось: безоговорочно благоприятный прогноз настроил юношу на такой развеселый лад, что ему захотелось праздника. На следующее утро он проснулся с адской головной болью и с виноватым ощущением задолженности; воззвав к хозяину гостиницы, он, к вящей своей тревоге, убедился, что и впрямь задолжал заведению целых восемь фунтов, поставив двухнедельное содержание на кон за партией в брэг и проиграв все до последнего пенни и еще пять фунтов сверху. Обстоятельства, при которых он влез в такие долги, вспоминались юноше весьма смутно. Он попросил хозяина налить ему в кредит чашку кофе: хотелось посидеть-подумать, что же делать дальше. В просьбе

ему не отказали; три четверти часа спустя Стейнз все еще предавался размышлениям в баре, когда явился Фрэнсис Карвер с договором о финансовой помощи в руках.

Карвер не стал ходить вокруг да около, а сразу изложил свое дело, коротко и по существу. Он предоставит Стейнзу средства, необходимые для покупки старательской лицензии, скатки и билета до ближайшего доходного прииска; вскользь он добавил, что готов оплатить любые долги, какие Стейнз мог наделать в Данидине с момента своего прибытия днем раньше. Со своей стороны, Стейнз должен согласиться передать Карверу половину прибылей со своего первого участка в качестве дивидендов на бессрочной основе; эти деньги будут поступать на счет Карвера в Данидине через частную почтовую службу.

Эмери Стейнз тотчас же понял, что его одурачили. Он достаточно отчетливо помнил начало вчерашнего вечера, когда Карвер окружал его такой заботой и приглядывал, чтобы ставки его всенепременно удваивались, компания вокруг подбиралась развеселая, а бокал не пустел. Еще ему смутно мерещилось, что карточный долг на него навесили обманом: ведь его слабость к азартным играм носила самый заурядный,

жизнеутверждающий характер и он в жизни не швырял на ветер таких сумм в течение одного вечера. Но то, как его облапошили в самом начале его приключений, юношу изрядно позабавило, вследствие чего он преисполнился к Карверу своеобразной симпатией: так проникаешься теплыми чувствами к сильному противнику за партией в шахматы. Он решил считать случившееся ценным опытом, согласился на условия Карвера с характерным добродушием, но про себя взял на заметку в будущем ушами не хлопать. Один раз лопухнуться — смешно, но юноша пообещал себе, что второй раз на удочку не попадется.

Стейнз не слишком-то хорошо разбирался в людях. Он легко подпадал под чужое обаяние, так что его нередко привлекали личности, в чьей манере держаться ощущался привкус трагедии, романтики или мифа. Если он и заподозрил в Карвере негодяя, то скорее в эффектно-пиратском духе, а попытайся он проанализировать свое восприятие, обнаружил бы лишь, что в восторге от этого образа. Карвер — дюжий, мускулистый и смуглый — был старше хрупкого и светлокудрого Стейнза больше чем на двадцать лет. Карвер всем своим видом просто-таки излучал скрытую

угрозу, разговаривал грубо и резко и почти не улыбался. Что за удивительный человек! — думал Стейнз.

Как только договор был подписан, Карвер повел себя еще резче. Золотые прииски Отаго уже не те, что прежде, заявил он. Лучше бы Стейнзу отправиться в только что построенный городок Хокитика на западе, где, если верить слухам, можно за день сколотить целое состояние. Однако высадка в Хокитике заведомо опасна, уже два парохода потерпели крушение на тамошней отмели; потому Карвер настаивал, чтобы Стейнз плыл к Уэст-Косту на парусном судне. Если Стейнз будет так добр пойти вместе с ним сперва на таможню, затем к поставщику снаряжения на Принсис-стрит и, наконец, в Резервный банк, все формальности окажутся улажены еще до полудня. Стейнз был так добр и спустя три часа уже обзавелся и старательской лицензией, и скаткой, и билетом до Хокитики на шхуне «Бланш», которой предстояло отплыть из Порт-Чалмерса только утром 13 мая.

На протяжении последующих двух недель Стейнз и Карвер виделись довольно часто. Карвера отправили в увольнение на целый месяц: барк, на котором он плавал, стоял на ремонте, его пе-

реоборудовали и заново конопатили. Карвер, как и Стейнз, поселился в гостинице «Боярышник» на Джордж-стрит. Они часто завтракали вместе; Стейнз порою сопровождал Карвера по городу, когда тот выходил по делам или на очередную встречу. Юноша болтал без умолку, и Карвер ему не препятствовал; сам о себе он говорил мало, сверх того, что ощущалась в нем затаенная, непреходящая тревога, — и Стейнз тешил себя надеждой, что его общество собеседнику приятно и в кои-то веки позволяет ему отвлечься от забот.

Эмери Стейнз отлично знал, что производит на людей впечатление весьма своеобразное. С годами он привык именно этого от собеседников и ждать; в результате его эксцентричность еще больше бросалась в глаза. Его манера держаться представляла собою причудливую смесь душевного томления и восторженности, то есть восторги его всегда окрашивались грустью, а тоска бурлила восторгом. Его несказанно радовало все невероятное и непрактичное: и то и другое он выискивал с чистосердечной радостью играющего ребенка. Речь его всегда отличалась экстравагантностью и звенела идеалистическим надрывом, не вызывая улыбки разве что у самых строгих критиков; когда же он молчал, при взгля-

де на него мерещилось, будто воображение его не бездействует: он то вздыхал, то кивал, словно соглашаясь с незримым собеседником.

Казалось, его солнечную жизнерадостность ничто не в состоянии поколебать; и однако ж, такое отношение к жизни сформировалось не на основе какого-либо морального кодекса. В общем и целом, его убеждения были скорее интуитивны, нежели тщательно выверены, и в выборе знакомств он проявлял изрядную неразборчивость, интуитивно же чувствуя, что долг каждого мыслящего человека — познакомиться с самыми разными персонажами, ситуациями и точками зрения. Стейнз был очень начитан, и, хотя больше всего чтил поэтов-романтиков и мог до бесконечности рассуждать о категории возвышенного, он отнюдь не был строгим приверженцем именно этой школы или любой другой. Одинокое, безнадзорное детство, проведенное по большей части в отцовской библиотеке, подготовило Эмери Стейнза к бессчетному количеству гипотетических жизней, причем ни одной из них он не отдавал предпочтения. Он с одинаковой легкостью мог в домашнем платье обсуждать Цицерона и Сенеку и в сапогах и шерстяных брюках карабкаться на гору в поисках красивого вида, и в обоих случаях

наслаждался от души.

Когда Эмери исполнился двадцать один год, его спросили, в каком из уголков мира ему хотелось бы побывать, на что он тут же ответил: «В Отаго», памятуя, что золотая лихорадка в Виктории поутихла, а его уже давно манила жизнь старателя: он воспринимал ее сквозь призму донкихотства и алхимии. Он воображал себе блестящий металл — невидимый, ненайденный, на пустынном взморье какой-нибудь неизведанной земли; он видел, как над открытым морем встает полная желтая луна; он представлял себе, как скачет верхом по отмели горной речки, спит под открытым небом, промывает грунт на деревянном лотке и облепляет тестом палочку, чтобы испечь на угольях «старательский хлебец». Ну до чего же здорово иметь возможность сказать, что твое богатство старше всех, вместе взятых, эпох человечества и истории, что ты случайно на него наткнулся и добыл из земли сам, голыми руками! — так думал про себя Стейнз.

Просьба его была исполнена: ему купили билет на пароход «Попутный ветер», идущий в Порт-Чалмерс. В день отплытия отец посоветовал Эмери не терять головы, помогать ближнему и возвращаться домой, как только он достаточ-

но повидает мир и осознает свое место в нем. Заграничные путешествия — это самое лучшее образование, — приговаривал он; прямой долг джентльмена — посмотреть и понять мир. Отец и сын пожали друг другу руки; Стейнз-старший вручил Стейнзу-младшему конверт, набитый банкнотами, велел не тратить всего сразу и попрощался с ним так, словно сын всего лишь отправлялся прогуляться и вернется к обеду.

— А чем ваш отец на жизнь зарабатывает? — полюбопытствовал Карвер.

— Он мировой судья, — отозвался Стейнз.

— Дельный?

Юноша вздохнул, запрокинул голову:

— О… да, наверное, он в своем деле хорош. Как же мне описать отца? Он начитан, пользуется уважением в своей области, но при этом тот еще эксцентрик. Так, например, он говорит, что в наследство я получу только его скрипку и бритву, — дескать, для того, чтобы преуспеть в жизни, человеку всего-то и нужно что чисто выбритый подбородок да музыка. Кажется, именно так он в завещании и написал, а все остальное отказал моей матери. Он — человек своеобразный.

— Хммм, — протянул Карвер.

Карвер и Стейнз в последний раз завтракали

вместе в гостинице «Боярышник». На следующее утро шхуна «Бланш» отплывала из Хокитики, а барк «Добрый путь», откопаченный и заново оснащенный, несколькими часами позже уходил в Мельбурн.

— Представляете, — добавил Стейнз, очищая от скорлупы яйцо, — за все время моего пребывания в Данидине вы первый, кто поинтересовался у меня, чем зарабатывает мой отец; зато меня не меньше дюжины раз спросили, на чем я надеюсь разбогатеть, предлагали всевозможную финансовую поддержку, и уж и не вспомню, как часто люди любопытствовали, что я собираюсь сделать со своим золотом, как только сколочу капиталец. «Капиталец» — забавное словечко, правда? Звучит прямо-таки уничижительно.

— Ага, — подтвердил Карвер, не отрываясь от «Отагского свидетеля».

— Вы кого-то ждете? — спросил Стейнз.

— Что? — откликнулся Карвер, не поднимая головы.

— Просто вы корабельные новости перечитываете вот уже десять минут как, — объяснил Стейнз, — а к завтраку почитай что и не притронулись.

— Я никого не жду, — отрезал Карвер. Он пе-

ревернул газетный лист и принялся изучать колонки приисковой переписки.

Повисла долгая пауза. Карвер не отрывал глаз от газеты; Стейнз доедал яйцо. Юноша уже собирался подняться от стола и распрощаться, как вдруг входная дверь распахнулась и вошел почтальон с однопенсовым письмом.

— Мистер Фрэнсис Карвер! — окликнул он.

— Это я, — поднял руку Карвер.

Он вскрыл конверт и быстро проглядел записку. Сквозь тонкий листок Стейнз видел, что послание сводится к одной-единственной строчке.

— Надеюсь, это не дурные вести, — промолвил он.

Карвер долго сидел недвижно, а затем смял листок в кулаке и швырнул в огонь. Он нашарил в кармане пенни, а как только почтальон скрылся за дверью, обернулся к Стейнзу и заявил:

— Вот золотой соверен — что вы скажете?

— Вообще-то я никогда прежде с соверенами не разговаривал, — отозвался Стейнз.

Карвер непонимающе вытаращился на него.

— Вам помощь нужна? — сжалился над ним Стейнз.

— Да. Ступайте со мной.

Стейнз поднялся за своим спонсором по лест-

нице. Подождал, пока Карвер не отопрет дверь своего номера, и вошел в комнату вслед за ним. Юноше еще не доводилось бывать в Карверовом обиталище. Номер оказался попросторней его собственного, но меблированным примерно так же. Постельное белье сбилось в комок поверх матраса, в воздухе все еще ощущался кисловатый наспанный запах. Посреди комнаты стоял окованный железом сундук. К крышке была приклеена желтая накладная:

ВЛАДЕЛЕЦ: АЛИСТЕР ЛОДЕРБЕК
ГРУЗООТПРАВИТЕЛЬ:
«СУДОПЕРЕВОЗКИ ДАНФОРТА»
ГРУЗОПЕРЕВОЗЧИК: «ДОБРЫЙ ПУТЬ»

— Мне нужно, чтобы вы покараулили вот это, — велел Карвер.

— А что там внутри?

— Что внутри, вас не касается. Мне просто нужно, чтобы вы его покараулили, пока я не вернусь. Часа два. Может, три. У меня в городе дела. Получите соверен.

— Целый соверен — только за то, чтобы покараулить три часа сундук? — изогнул брови Стейнз. — Это зачем еще?

— Вы окажете мне услугу, — отвечал Карвер. —

А я услуг не забываю.

— Должно быть, очень ценный сундук, — заметил Стейнз.

— Для меня — да, — кивнул Карвер. — Вы беретесь за эту работу?

— Ну что ж, пожалуй, — улыбнулся Стейнз. — В качестве дружеской услуги — с удовольствием.

— Вот вам пистолет на всякий случай, — посоветовал Карвер, направляясь к комоду.

Стейнз, до глубины души потрясенный, не сдержал смеха.

— Пистолет? — повторил он.

Карвер отыскал в комоде револьвер одинарного действия, отщелкнул барабан, заглянул в патронник. Кивнул, защелкнул барабан и вручил оружие Стейнзу.

— Велика ли вероятность, что мне придется им воспользоваться? — спросил Стейнз, вертя в руках револьвер.

— Нет, — покачал головой Карвер. — Просто помахайте им, если кто-нибудь войдет.

— Просто помахать?

— Да.

— А кто должен войти?

— Никто, — отрезал Карвер. — Никто сюда не войдет.

— Так что там внутри? — не отступался Стейнз. — По-моему, мне следует знать. Я умею хранить тайны.

Карвер покачал головой:

— Чем меньше вы знаете, тем оно лучше.

— Как же я могу знать меньше или больше, я ж вообще ничего не знаю! Вы меня, никак, в сообщники вербуете? Честное слово, мистер Карвер, я тайны хранить умею.

— И еще одно, — продолжал Карвер, словно не слыша. — Сегодня меня зовут не Карвер. А Уэллс. Фрэнсис Уэллс. Если кто-нибудь спросит, я — Фрэнсис Уэллс. И не ваше дело почему.

— Боже милостивый! — вздохнул юноша.

— Что такое?

— Да просто вы сегодня ужасно загадочны!

Карвер резко обернулся к юноше:

— Если сбежите, вы тем самым нарушите наш договор. И я не премину взыскать с вас ущерб — так, как сочту нужным.

— Да не сбегу я, — заверил юноша.

— Приглядывайте за сундуком до моего возвращения — и вы уйдете отсюда, став богаче на целый фунт. Как меня звать?

— Мистер Уэллс, — послушно повторил Стейнз.

— Вот так и зарубите себе на носу. Я вернусь через три часа.

Как только Карвер ушел, Стейнз отложил пистолет на комод, дулом к стене, и, опустившись на колени, осмотрел сундук со всех сторон. Он был заперт на висячий замок. Юноша его приподнял, внимательно изучил замочную скважину и, к вящему своему удовольствию, отметил, что механизм совсем простой. Внезапно улыбнувшись, Стейнз извлек складной нож, открыл его, вставил острием в замок, с минуту в нем ковырялся — и наконец раздался долгожданный щелчок.

Медь

Глава, в которой Уэллс укрепляется в своих подозрениях; Анна встревожена, а в «Дом многих желаний» приносят посылку на имя миссис Уэллс.

В гробовой тишине Кросби Уэллс прочел «Отагского свидетеля» от корки до корки. Закончив, он встряхнул газетой, с хрустом сложил ее по сгибу и встал со стула. Миссис Уэллс, с холодным лицом, сидела напротив. Кросби шагнул к ней, швырнул газету ей на колени — она чуть вздрогнула — и, подбоченившись, смерил ее взглядом.

— Меня список прибывающих пассажиров заинтересовал, — обронил он.

Лидия не отозвалась ни словом.

— Одно имя в особенности. Пароход под названием «Неистовый». Прибывает при высшей точке прилива. Это у нас когда? На закате.

Миссис Уэллс по-прежнему молчала.

— Странно, что ты мне не сказала, — промолвил Уэллс. — Я ждал всего-то — сколько там? — каких-то двенадцать лет? Двенадцать лет ждал:

и ни ответа ни привета. Все эти годы я провел в нагорьях — золото мыл. И вот теперь этот человек прибывает в город, а ты об этом знала и ни словечка мне не сказала. Нет, это даже хуже, чем замалчивание. Ты меня надуть задумала. Ты сожгла газету в треклятой плите. Это гнусный обман, миссис Уэллс. Хладнокровный, подлый обман.

Лидия и бровью не повела.

— Ты совершенно прав, — отозвалась она. — Мне не следовало тебя обманывать.

— Зачем ты сожгла газету?

— Мне не хотелось, чтобы эта новость испортила вечеринку, — объяснила она. — Если бы ты узнал, что он приезжает сегодня вечером, ты бы, чего доброго, пошел бы на пристань, и вдруг он тебя оттолкнул бы, а ты бы расстроился.

— Так ведь как раз это меня и смущает, миссис Уэллс.

— Что именно?

— Вечеринка.

— Это всего лишь вечеринка.

— Так ли?

— Кросби, не глупи, — отрезала она. — Если ты везде ищешь заговор, так ты его найдешь. Это просто вечеринка, вот и все.

— «Джентльмены, имеющие отношение к морю», — процитировал Уэллс. — Флотские типа. И на что тебе эти флотские сдались?

— Еще как сдались, потому что это люди высокопоставленные и влиятельные и еще потому, что я радею о своем бизнесе, а вечеринка пойдет заведению куда как на пользу. Тематические вечера всегда имеют успех. У них совершенно особая атмосфера.

— Любопытно, а мистер Алистер Лодербек приглашен?

— Конечно нет, — запротестовала миссис Уэллс. — Его-то мне с какой стати приглашать? Я его в жизни не видела. И в любом случае — я же тебе сказала — я и газету-то сожгла только потому, что не хотела тебя огорчать. Ты абсолютно прав: мне не следовало этого делать. И мне страшно жаль, что я тебя обманула. Но вечеринка — это просто-напросто вечеринка, уверяю тебя.

— А как насчет золота? — не отступался Уэллс. — И моих документов? Они-то тут при чем?

— Боюсь, что совсем ни при чем, — пожала плечами миссис Уэллс.

— Я вот подумываю, не пройтись ли в Порт-Чалмерс? — обронил Уэллс. — Где-нибудь на

закате. Чудесный вечер для прогулки. Малость зябко, правда.

— Ни в чем себе не отказывай, — отозвалась миссис Уэллс.

— Вечеринку я, конечно, пропущу.

— Какая жалость.

— Да неужто?

Лидия вздохнула:

— Кросби, ты ведешь себя глупее некуда.

Он придвинулся ближе:

— Где мои деньги, миссис Уэллс?

— В сейфе в Резервном банке.

— Врешь. Где они?

— В сейфе в Резервном банке.

— Где они?

— В сейфе в Резервном банке.

— Лгунья.

— Оскорблениями ты ничего не… — начала было миссис Уэллс.

Кросби с силой ударил ее по лицу.

— Ты подлая лгунья, — заявил он, — ты грязная воровка, и я еще не так тебя обзову, прежде чем с тобой разберусь.

Воцарилась мертвая тишина. Миссис Уэллс даже за щеку не схватилась: она словно окаменела. Уэллс раздосадованно отвернулся, пересек

комнату, подошел к серебряному подносу с графинами и бутылками. Наполнил стакан, залпом осушил его, налил еще. Анна не отрывала взгляда от веревочного венка, что под ее трясущимися пальцами утрачивал всякую форму. Поднять глаза на миссис Уэллс она не смела.

В эту самую минуту во входную дверь коротко постучали, а затем сквозь щель для писем донесся голос:

— Пакет для миссис Лидии Уэллс.

Миссис Уэллс попыталась встать, но Кросби Уэллс рявкнул:

— Нет! Сиди где сидишь. — Он раскраснелся не на шутку. Рукой со стаканом он указал на Анну. — Ты. Пойди узнай.

Анна послушалась. Посыльный вручил ей пинтовую бутыль, завернутую в коричневую бумагу со штампом аптеки на Джордж-стрит.

— Ну, что там? — крикнул Уэллс с площадки верхнего этажа.

— Пакет из аптеки, — отозвалась Анна.

Повисла пауза, а затем миссис Уэллс отчетливо произнесла:

— О, я знаю, что это. Это тоник для волос. Я его на прошлой неделе заказывала.

С пакетом в руках Анна вновь поднялась на-

верх.

— Тоник, значит, для волос, — повторил Уэллс.

— Право, Кросби, у тебя паранойя начинается, — промолвила миссис Уэллс. И обернулась к Анне. — Отнеси в мою комнату, будь так добра. На прикроватную тумбочку поставишь.

Уэллс по-прежнему пепелил жену взглядом.

— Никуда ты не пойдешь, — объявил он. — Пока не скажешь мне всей правды. Так и будешь здесь сидеть под моим присмотром.

— В таком случае меня ждет чрезвычайно скучный день, — пожала плечами миссис Уэллс.

Кросби Уэллс с гневным ответом не задержался, и перебранка продолжилась. Анна, радуясь поводу уйти, понесла завернутую в бумагу бутыль через прихожую в немой полумрак спальни миссис Уэллс. Девушка уже собиралась поставить пакет на тумбочку, когда что-то привлекло ее внимание: флакон тоника для волос, вполовину меньше той емкости, что она держала в руке, и совсем другой формы. Нахмурившись, она внимательно рассмотрела посылку, а затем, повинуясь безотчетному порыву, поддела пальцем бумагу и сняла упаковку. Этикетки на бутыли не обнаружилось; пробка была запечатана свечным воском. Девушка поднесла флакон к свету. Внут-

ри плескалась густая, вязкая жидкость ржавого цвета.

— Лауданум, — прошептала Анна.

У-Син[79]

Глава, в которой Эмери Стейнз выполняет наказ Карвера и А-Су оказывается успешно обманут.

Стейнз, недоумевая, поднес платье к свету. Платьев было пять: одно оранжевого шелка, остальные муслиновые, а больше ничего в сундуке не обнаружилось. Что бы это все значило? Вероятно, эти наряды дороги сердцу Карвера как память?.. Но если так, зачем он снабдил Стейнза револьвером? Может, это краденый товар? Хотя платья, судя по их виду, особой ценности не представляют… или, может статься, Карвер сходит с ума? При этой мысли юноша развеселился, фыркнул от смеха и, покачав головой, убрал платья обратно в сундук.

В дверь резко постучали.

— Кто там? — спросил Стейнз.

Ответа не последовало, но спустя мгновение

---

[79] Сноски: 79

У-Син — одна из основных категорий китайской философии: пятичленная структура (пять элементов, пять стихий, пять действий, пять состояний и т. д.), определяющая основные параметры мироздания.

стук раздался снова.

— Кто там? — повторил Стейнз.

Стук прозвучал в третий раз, еще более требовательно. Сердце Стейнза заколотилось чаще. Он шагнул к комоду, взял револьвер. Прижал его к бедру, подошел к двери, отпер ее и чуть-чуть приоткрыл.

— Да? — спросил он.

В коридоре стоял китаец лет сорока, в рубахе вроде туники и шерстяном плаще.

— Фрэнсис Карвер, — проговорил он.

Стейнз отлично помнил наказ Карвера.

— Боюсь, тут нет человека с таким именем, — отвечал он. — Может быть, вам нужен мистер Уэллс — Фрэнсис Уэллс?

Китаец покачал головой.

— Карвер, — повторил он. Достал из нагрудного кармана бумажный листок и протянул его юноше.

Стейнз с любопытством взял его в руки. Это оказалось письмо из исправительного заведения на острове Кокату: мистера Юншэна благодарили за его запрос и сообщали, что по освобождении из тюрьмы мистер Фрэнсис Карвер отплыл на пароходе «Спарта» в Новую Зеландию, в город Данидин. Внизу письма кто-то дописал гораздо

более темными чернилами: «гостиница „Боярышник“». Стейнз долго глядел на листок во все глаза. Он и не знал, что Карвер — бывший заключенный; новость потрясла его, но, хорошенько поразмыслив, юноша решил, что чего-то подобного следовало ожидать. Наконец он с превеликой неохотой покачал головой.

— Мне очень жаль, — промолвил Стейнз, возвращая письмо китайцу и сконфуженно улыбаясь. — Здесь нет никакого Фрэнсиса Карвера.

Железо

Глава, в которой Кросби Уэллс соображает, что к чему.

В доме номер тридцать пять по Камберленд-стрит день тянулся бесконечно. Анна и миссис Уэллс вместе сплели пятнадцать венков и украсили ими гостиную на первом этаже — под присмотром Уэллса, который пил как губка и молчал. За возвышением они соорудили «гротовый парус» из весла и белой простыни, которую зарифили бечевкой, а за барной стойкой навесили флаги морского министерства. Как только с венками было покончено, они расставили лимоны и хвойный джин, установили свечи, протерли бокалы, наполнили спиртовые лампы, повсюду вытерли пыль, растягивая каждое дело как можно дольше и пользуясь любым предлогом, чтобы сбегать наверх или в кухню, спасаясь от неприятного общества разобиженного молчуна.

Где-то после четырех их отвлек отрывистый стук во входную дверь.

— Кто бы это мог быть? — нахмурилась миссис

Уэллс. — Девочки придут только к семи. В это время дня я никого не принимаю.

— Пойду открою, — вызвался Уэллс.

На пороге стоял китаец в рубахе и шерстяном плаще.

— И кто же это у нас тут такой? — удивился Уэллс. — Ты-то явно не морской офицер.

— Добрый день, — поздоровался китаец. — Я искать Фрэнсиса Карвера.

— Чего? — не понял Кросби Уэллс.

— Я искать Фрэнсиса Карвера.

— Карвера, говоришь?

— Да.

— В жизни о нем не слыхивал.

— Он тут жить, — настаивал китаец.

— Боюсь, приятель, ты ошибаешься. Этот дом принадлежит миссис Лидии Уэллс. Я ее счастливый супруг. Меня Кросби звать.

— Не Карвер?

— Я не знаю никакого Карвера.

— Фрэнсис Карвер, — уточнил китаец.

— Прости, ничем тебе помочь не могу.

Китаец нахмурился. Пошарил в кармане, достал то же самое письмо, которое показывал Эмери Стейнзу двумя часами ранее, и вручил его Уэллсу. Слова «гостиница „Боярышник“» были

зачеркнуты, под ними, уже другим почерком, кто-то вписал: «„Дом многих желаний“, Камб-д-стр.».

— Кто-то дал тебе этот адрес? — спросил Уэллс.

— Да, — кивнул китаец.

— Кто же? — поинтересовался Уэллс.

— Начальник порта, — объяснил китаец.

— Боюсь, начальник порта направил тебя по ложному адресу, приятель, — проговорил Уэллс, возвращая ему письмо. — В этом доме человек с таким именем не проживает. А на что он тебе сдался?

— Предать суду, — заявил китаец.

— Суду, говоришь, — усмехнулся Уэллс. — Ладно. Надеюсь, он этого заслуживает. Удачи тебе!

Уэллс закрыл дверь и вдруг застыл как вкопанный, опершись рукою о косяк. Внезапно он развернулся и, перепрыгивая через две ступеньки, поспешил наверх, в будуар, где на комоде так и лежал сложенным «Отагский свидетель». Кросби схватил газету. Несколько минут он внимательно изучал колонки и наконец в списке судов, назначенных к отплытию на следующий день, прочел:

Причал № 4: «Добрый путь», пункт назначения: Порт-Филлип. Экипаж: ДЖ.

РЭКСУОРТИ (капитан), П. ЛОУГАН (помощник капитана), Г. ПИТЕРСЕН (второй помощник капитана), ДЖ. ДРАФФИН (стюард), М. ДЬЮИ (кок), У. КОЛЛИНЗ (боцман), Э. КОУЛ, М. ДЖЕРИСОН, К. СОУЛБЕРГ, Ф. КАРВЕР (матросы).

— Кто там приходил? — Наверх поднялась Анна, в каждой руке она держала по латунному подсвечнику. — Это Люси из лавки вернулась? Миссис Уэллс ее требует.

— Да нет, китаец какой-то.

— Чего он хотел?

— Искал одного человека.

— Кого?

Уэллс остановил на девушке испытующий взгляд:

— Ты, случайно, никого не знаешь, кто бы отбывал срок на острове Кокату?

— Нет.

— Вот и я не знаю.

— Это ж каторжный труд, — промолвила Анна. — На Кокату тяжко приходится.

— Да уж, это место не для слабых духом.

— Так кого же он искал?

Уэллс замялся было, но в конце концов спро-

сил:

— Ты когда-нибудь слышала про Фрэнсиса Карвера?

— Нет.

— А бывшего заключенного когда-нибудь видела?

— Да как бы я его узнала?

— Ты бы, пожалуй, и впрямь не узнала, — согласился Уэллс.

Повисла пауза.

— Мне рассказать миссис Уэллс? — наконец спросила девушка.

— Нет, — покачал головой Кросби. — Погоди-ка минутку.

— Да я ж только вот за ними пришла, — возразила Анна, демонстрируя подсвечники. — Меня ждут внизу.

Уэллс скатал «Отагского свидетеля» в трубочку.

— Анна, у нее вообще сердца нет. Ни тени истинного чувства в душе миссис Лидии Уэллс не сыщешь: у нее либо прибыль, либо ничего — третьего не дано. Она украла мои деньги; она отберет и твои, и оба мы считай что пропали. Мы пропали!

— Да, — убито кивнула Анна. — Я знаю.

Кросби встряхнул свернутой газетой:

— Знаешь, что тут говорится? Некто Карвер значится в списке матросов на частном чартере. Корабль отплывает завтра, с приливом. Вот вам, пожалуйста, — джентльмен, имеющий отношение к морю.

— Тогда, наверное, он будет на вечеринке, — предположила Анна.

— И еще одно: капитаном на том корабле — Рэксуорти.

— Миссис Уэллс упоминала о нем за завтраком, — напомнила Анна.

— И в самом деле так, — отозвался Уэллс, похлопывая газетой по ноге. — Все понемногу сходится. Вот только полной картины я пока не вижу.

— Что сходится?

— Весь день я ломаю голову: на кой черт ей мои документы-то занадобились? — объяснил Кросби. — Моя старательская лицензия. Мое свидетельство о рождении. Я ни минуты не сомневаюсь, что она-то их и уворовала, так же как и мое золото, но она в жизни не станет возиться с тем, что ей не нужно, а на что ей сдались документы старого хрыча? Вообще незачем, думаю. Значит, она как-то ими распорядилась. Кому-то их передала. Но кому? Какому такому парню мо-

гут понадобиться чужие документы? И тут меня осенило. А такому, который бежит от своего прошлого! Человеку, чье имя запятнано, кто хочет начать с чистого листа. Кто пытается зачеркнуть какую-то главу своей биографии.

Анна, нахмурясь, ждала продолжения.

— Провалиться мне на этом самом месте, если я не прав, — заявил Уэллс, потрясая свернутой газетой, точно скипетром. — Не знаю как, не знаю почему и зачем, но вот что я скажу тебе, малышка Анна: нынче вечером я сведу знакомство с мистером Фрэнсисом Карвером.

Олово

Глава, в которой Карвер берет чужое имя, а Лодербек ставит свою подпись.

— Уэллс, — выдохнул Лодербек, застывая как вкопанный.

— Добрый вечер, — поздоровался Фрэнсис Карвер.

Он сидел на табуретке лицом к трапу. И поигрывал пистолетом.

— Что происходит? — осведомился Лодербек.

— Да вы заходите.

— Что происходит? — повторил он.

— Разговор намечается, — промолвил Карвер.

— О чем еще?

— Я вам советую проследовать в каюту, мистер Лодербек.

— Зачем?

Карвер промолчал, но дуло пистолета чуть дернулось.

— Я ее в глаза не видел со времен последнего нашего разговора, — заверил Лодербек. — Честью клянусь. Вы мне сказали оставить ее в покое,

мистер Уэллс, я и оставил. Я последние девять месяцев в Акароа был. Только сегодня прибыл — вот только что, сию минуту. Я держался подальше, как вы велели.

— Скажете тоже! — фыркнул Карвер.

— Да, так и скажу! Вы сомневаетесь в моих словах?

— Нет.

— Тогда что вы имеете в виду?

— Да просто на бумаге значится совсем другое.

Лодербек замялся.

— Понятия не имею, о какой вы бумаге говорите, — выдавил он из себя спустя какое-то время. — Однако рискну предположить, что вы подразумеваете квитанцию от Данфорта.

— Точно, — кивнул Карвер.

Быстро оглянувшись через плечо, Лодербек вошел в каюту и закрыл за собою люк.

— Ладно, — заявил он, оказавшись внутри. — Вижу, грязное дельце тут стряпается. Или уже обстряпано?

— Ага, — подтвердил Карвер.

— Это из-за Кросби, да? — спросил Лодербек. — Тут Кросби как-то замешан?

— Знаете, что-то беспокоюсь я за старину Кросби.

Продолжать он не стал. Спустя мгновение Лодербек боязливо осведомился:

— Беспокоитесь?

— Еще как, — кивнул Карвер. — Бедняга не сегодня завтра упьется до смерти.

На лбу Лодербека выступил холодный пот.

— Где Рэксуорти? — спросил он.

— Надирается на Камберленд-стрит, полагаю.

— А Данфорт?

— Там же, — заверил Карвер.

— Они у вас в руках, так?

— Они — нет, — покачал головой Карвер. — А вот вы — да.

Деготь

Глава, в которой Карвер возвращается довершить задуманное; Кросби Уэллс наносит ответный удар, а лауданум начинает действовать.

Когда двумя часами позже Фрэнсис Карвер постучался в дверь дома номер тридцать пять по Камберленд-стрит, флотская вечеринка шла полным ходом: слышно было, как народ хлопает в ладоши в такт музыке, притопывает и хрипло хохочет. Карвер постучал еще раз, резче. После четвертого удара появилась горничная Люси; убедившись, что это Карвер, она впустила его и побежала звать миссис Уэллс.

— Ох, Фрэнсис, — выдохнула Лидия при виде его. — Слава богу.

— Получилось! — объявил Карвер. Он похлопал себя по груди: там, во внутреннем кармане, покоилась аккуратно сложенная купчая. — Все подписано, сделка вступает в силу немедленно. Я приставил мальчишку приглядывать за Лодербеком до утра. Но не думаю, что он станет трепать

языком.

— Ты не причинил ему вреда, правда?

— Нет; ему себя до слез жалко, только и всего. А тут как дела?

Лидия понизила голос до шепота:

— Так вот, после того безобразного скандала утром и унылого дня нам баснословно повезло! Кросби глянулась моя новая девица. Может, это он мне надеялся насолить, затащив ее в постель… но я и мечтать не могла о такой удаче — избавиться на вечер от них от обоих. Как только они остались вдвоем, я велела Люси отнести наверх полнехонький графин.

— С добавкой?

— А как же.

— Много подмешала?

— Полбутыли извела.

— Сработало?

— С тех пор ни звука, ни шороха не слышала, — заверила Лидия.

— Отлично, — кивнул Карвер. — Я иду наверх. Мне минут пятнадцать надо.

— Он страшно рассержен. Ему известно про золото — я же тебе говорила! — и он дознался, что Лодербек приезжает. Ты там поосторожнее.

— А чего осторожничать, если он пьян?

— Ты ведь его не пристрелишь, правда, Фрэнсис?

— Не забивай себе голову.

— Я должна знать.

— Стукну по башке, да и вся недолга, — заверил Карвер.

— Только не здесь!

— Нет, конечно не здесь. Заберу его куда-нибудь.

— Девчонка все еще там, наверху. Может, они из постели так и не вылезли, не знаю.

— Я с ней разберусь. Велю уйти, пока чего не случилось. Не беспокойся.

— А мне чего делать?

— А ты возвращайся к гостям. Налей Рэксуорти еще бокал.

* * *

Карвер приложил ухо к двери: тишина. Он тихонько повернул ручку: дверь беззвучно открылась. В спальне было темно, но в соседней комнате горел светильник. В постели кто-то лежал: одеяло взбугрилось, по подушке разметались черные волосы. Держа руку у бедра, Карвер медленно двинулся вперед, в глубину комнаты.

Он успел услышать, как в воздухе просвистело

что-то тяжелое, почти обернулся — но тут его с силой огрели по затылку, и он рухнул на колени. Он крутнулся на месте, пальцы уже обхватили рукоять револьвера — но Кросби Уэллс снова размахнулся кочергой, хряснул его по костяшкам и тут же двинул в челюсть. Карвер отшатнулся, вскрикнув от боли. Инстинктивно поднял руки, защищая лицо. Четвертый удар пришелся по локтю, пятый — чуть выше виска. Карвер, внезапно обессилев, завалился вбок на пол.

Уэллс кинулся к нему и попытался свободной рукой вытащить револьвер у него из-за пояса. Карвер перехватил его руку, ненадолго завязалась борьба, но вот Уэллс снова обрушил кочергу на голову противника. Карвер ослабил хватку и опрокинулся на спину. Наконец-то Уэллс добрался до револьвера и вырвал его у владельца; едва оружие оказалось в его руках, он взвел курок, прицелился прямо в лоб Карверу и постоял так мгновение, тяжело дыша. Карвер закряхтел, закрыл руками лицо. Перед глазами у него плыло, свет в комнате словно пульсировал.

— Ты кто?

Карвер покосился на него. Разбитые губы сочились кровью.

Уэллс держал револьвер в левой руке, кочергу

— в правой. Он приподнял кочергу, грозя ударить еще раз.

— Ты — Фрэнсис Карвер? Говори, или застрелю. Тебя Карвером звать?

— Звали прежде.

— А сейчас как зовут?

Карвер широко ухмыльнулся, продемонстрировав заляпанные кровью зубы.

— Кросби Уэллс, — сообщил он.

Уэллс подошел ближе.

— Я тебя убью! — пригрозил он.

— Валяй, убивай, — отозвался Карвер, закрывая глаза.

Уэллс снова занес кочергу:

— Где мое золото?

— Нету.

— Где оно, спрашиваю?

— Уже за пределами морской границы.

— Кто его вывез? Ты?

Карвер открыл глаза:

— Не-а, ты.

Уэллс с размаху опустил кочергу. Она скользнула по второму виску раненого — и Карвер потерял сознание. Уэллс выждал мгновение, проверяя, не прикидывается ли тот, но обморок был явно непритворным: глаза закатились, одна рука су-

дорожно подергивалась.

Уэллс отложил кочергу в сторону, подальше от Карвера. Перебросил револьвер в правую руку. Для пробы приставил дуло к Карверовой щеке и слегка надавил. Голова бессильно откинулась назад.

— Он мертв? — спросила Анна от двери. В лице девушки не было ни кровинки.

— Нет. Дышит.

Левой рукой Уэллс достал из-за голенища длинный охотничий нож и обнажил лезвие.

— Ты его убьешь? — прошептала Анна.

— Нет.

— Что ты затеял?

Уэллс не ответил. Подпирая револьвером голову раненого, он воткнул острие ножа чуть ниже внешнего уголка Карверова левого глаза. Брызнула кровь и поползла по щеке вязкой струйкой. Легким движением запястья Уэллс крутнул нож, резанул лезвием от глаза к челюсти и проворно отпрыгнул — но Карвер так и не очнулся, лишь в горле у него забулькало. Теперь кровь заливала всю щеку, сбегала по скуле и впитывалась в воротник.

— «С» значит «сволочь», — тихо проговорил Уэллс, не сводя с него глаз. — Теперь, Фрэнсис

Карвер, тебя легко запомнить. Ты — человек со шрамом.

Уэллс поднял голову — и поймал Аннин взгляд. Девушка в ужасе закрывала рот руками. Он качнул подбородком в сторону графина на серванте.

— Выпей, — посоветовал он. — Сразу заснешь. Только смотри, по-быстрому.

Анна покосилась на графин. От подмешанного лауданума виски слегка потемнел, приобрел медно-красный оттенок.

— Сколько надо выпить? — спросила девушка.

— Столько, сколько сможешь, — отозвался Уэллс. — А потом ложись на бок, но не на спину. А то захлебнешься.

— А подействует сразу?

— Тотчас же, — заверил Кросби Уэллс.

Он вытер нож о ковер, убрал его в ножны и встал, собираясь уходить.

— Погоди. — Анна убежала в спальню. Минутой позже она вернулась с золотым самородком, что Кросби подарил ей в день их первой встречи. — Вот, держи, — сказала она, вкладывая самородок ему в руку. — Забирай. Это поможет тебе бежать.

Довески

Глава, в которой Кросби Уэллс просит о помощи, а таможенный контролер выходит из себя и аннулирует накладную.

— Тсс! Билл!

Таможенник оторвался от газеты:

— Кто там?

— Это я, Уэллс. Кросби Уэллс.

— Выходи на свет.

— Вот он я. — Кросби, подняв руки, вышел на освещенное место.

— Ну и что ты там делаешь? Чего шныряешь в потемках?

Кросби сделал еще шаг вперед. И, не опуская рук, признался:

— Мне помощь нужна.

— Вот как?

— Мне надо с первым светом на корабль сесть.

— И куда ж ты наладился? — сощурился таможенник.

— Не важно, — отозвался Уэллс. — Куда угодно. Мне бы только смыться по-тихому.

— А я тут при чем?

Уэллс разжал левый кулак: на ладони лежал самородок, возвращенный ему Анной. Таможенник мысленно прикинул его стоимость и осведомился:

— А что там с законом?

— Да я на стороне закона, — заверил Уэллс.

— А кто ж тебе на пятки наступает?

— Некий Карвер, — объяснил Уэллс.

— И что он против тебя имеет?

— У него мои документы, — рассказал Уэллс. — И мое золото. Он украл у меня из сейфа все мое состояние.

— Это когда ж ты целое состояние составил?

— В Данстане, — объяснил Уэллс. — Может, с год назад. Пятнадцать месяцев тому как.

— И никому ни словечка?

— Конечно нет! Я ни единой живой душе ничего не сказал, кроме только Лидии.

— Это была твоя первая ошибка! — рассмеялся таможенник.

— Нет, — покачал головой Уэллс. — Последняя.

Они поглядели друг на друга.

— Пожалуй, оно того не стоит, — заявил наконец Билл. — Для меня то есть.

— Я поднимусь на борт нынче ж ночью, спря-

чусь, а утром поминай как звали. Тебе перепадет самородок, а я останусь в живых. Вот и все. Тебе даже не понадобится меня на борт провожать — просто скажи, какой корабль готов к отплытию, и сделай вид, будто меня не заметил, когда я мимо пройду.

Таможенник сдался. Он отложил газету и наклонился вперед, сверяясь с пришпиленным над столом расписанием.

— Есть одна шхуна, «Бланш», она на рассвете в Хокитику отходит, — сообщил он спустя минуту.

— Скажи, где она стоит на якоре, — взмолился Уэллс. — Дай мне лазейку. Билл, это все, о чем я прошу.

Таможенник задумчиво поджал губы. Обернулся к расписанию, словно надеясь вычитать там, как лучше поступить. Но тут взгляд его посуровел.

— Погодь-ка… Уэллс! — воскликнул он.

— Что?

— Тут в инвентарной описи твой груз упоминается.

Нахмурясь, Уэллс шагнул вперед:

— Дай-ка взглянуть.

Но Билл рывком придвинул регистр к себе, подальше от Уэллса.

— Упаковочный ящик, один, пункт назначения — Мельбурн, — сообщил он, проглядывая запись. — Погружен на «Добрый путь». А ты за него расписался. — Не на шутку рассерженный, таможенник поднял глаза. — Это еще что такое?

— Не знаю, — заверил Уэллс. — Можно посмотреть?

— Что ты мне тут турусы разводишь? — негодовал Билл.

— Ничего подобного, — защищался Уэллс. — Я никаких чертовых бумаг не подписывал.

— В ящике небось твои денежки, — догадался Билл. — Ты вывозишь золото морем, сам удираешь в Хокитику, чтобы замести следы, а как только все устаканится, переплывешь Тасманово море да обустроишься на новом месте как ни в чем не бывало — и налогов никаких платить не надо!

— Нет же, — помотал головой Уэллс. — Это не я!

Таможенник с отвращением махнул рукой:

— На, забирай свой треклятый самородок. Я ни в каких махинациях участвовать не стану.

Уэллс молча глядел какое-то время на темные силуэты стоящих на якоре кораблей, на изломанные острые лучи света на воде, на подвесные

фонари, поскрипывающие на ветру. И наконец, взвешивая каждое слово, выговорил:

— Это не я подписал.

— Вот только не начинай все сначала, — набычился Билл. — Ты меня что, за дурачка держишь?

— Мои документы, — снова принялся объяснять Уэллс. — Моя старательская лицензия, мои бумаги — все, что было. Все они хранились в сейфе на Камберленд-стрит, клянусь тебе. Этот тип Карвер. Он бывший заключенный. Отбывал срок на Кокату. Он все забрал. У меня ничего, кроме этой вот рубашки на теле, не осталось, Билл. Фрэнсис Карвер использует мое имя.

Билл покачал головой.

— Нет уж, — заявил он. — Этот ящик границы не пересечет. Я сниму его с перевозки — утром, первым делом.

— Сними его сейчас, — попросил Уэллс. — Я заберу ящик с собой в Хокитику. И морской границы он не пересечет, верно? Так все по закону выйдет.

Таможенник перевел взгляд с описи на Уэллса:

— Вот только не надо меня ни во что впутывать.

— Ты ничего дурного не делаешь, — уговаривал

Уэллс. — Вообще ничего. Вот если ты отошлешь ящик за пределы морской границы, тогда речь и впрямь пойдет об уклонении от уплаты пошлин. Я за него распишусь. Я распишусь где скажешь.

Билл надолго замолчал. Уэллс видел: таможенник обдумывает, что делать.

— Я не могу переправить ящик на «Бланш», — сказал он наконец. — Шхуна отплывает с первым светом, и Пэрриш уже принял груз. Времени нету.

— Тогда отошли ящик позже. Я прямо сейчас за транспортировку распишусь. Умоляю тебя.

— Вот умолять незачем, — буркнул Билл.

Уэллс шагнул вперед и выложил самородок на стол. Камешек словно бы вздрогнул и завибрировал, как игла компаса.

Билл долго разглядывал самородок. А потом поднял глаза и заявил:

— Нет. Оставь самородок себе, Кросби Уэллс. Не надо меня никуда впутывать.

Часть VI
«Вдовушка» и платьишки

18 июня 1865 года

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы

Гаскуан
Сук
Девиш
Шатфарре
Ведеш
Дебемиле
Кинг
Шаллерет
Ило
Жиссеш
Притгард
Балфур

Неподвижная земля

Глава, в которой Эмери Стейнз сдает свое золото в банк; Кросби Уэллс предлагает пойти на хитрость, а Стейнз начинает сомневаться в правильности первых впечатлений – но слишком поздно.

Эмери Стейнзу еще только предстояло напасть в Хокитике на золотую жилу. Ему еще не подвернулся участок земли, который захотелось бы застолбить, и не повстречалась компания, к которой его потянуло бы присоединиться. Он сколотил небольшой «капиталец» в золотом песке, но намыл тот песок в местах самых разных: и на взморье к северу и к югу от реки, и в распадках на противоположной стороне Хокитикского ущелья, — доход был непостоянный, и значительную его часть Стейнз уже успел потратить. Юноша был склонен к расточительности — там, где речь шла о его собственном времени и деньгах; он предпочитал спать и есть в приятном обществе, а не в одиночестве и не в палатке под звездами: первый же опыт отвратил его от походной роман-

тики. К суровым зимам Западного Кентербери он был не готов; дождь частенько загонял его под крышу; оправдываясь непогодой, он распивал вино, закусывал солониной и играл в карты каждый вечер, а поутру снова отправлялся набивать песочком платочек. Если бы не его договоренность с Фрэнсисом Карвером, он бы, пожалуй, так и жил этой беспорядочной жизнью до бесконечности, но он помнил об условиях спонсорства и понимал, что очень скоро ему придется «бросить якорь», как говорят старатели, и во что-нибудь да вложиться.

Утром 18 июня Стейнз проснулся спозаранку. Ночь он провел в каньерской ночлежке — длинной, приземистой, обшитой вагонкой хибаре с кухней-пристройкой и подвесными койками в несколько рядов. В воздухе нависала промозглая сырость; пока юноша одевался, дыхание его клубилось у губ белым облачком. Выйдя за дверь, он заплатил полпенса за тарелку овсянки, которую ему зачерпнули прямо из дымящегося котла, и поел стоя, задумчиво глядя на восток, туда, где высокие хребты Альп вырисовывались ломким силуэтом на фоне зимнего неба. Очистив тарелку, Стейнз вернул ее в окошечко, приподнял шляпу, прощаясь с приятелями, и отправился в Хокити-

ку, где намеревался пообщаться со скупщиком золота, прежде чем приобрести наконец участок.

Обогнув реку и выйдя на косу, юноша увидел, как в устье гавани величаво вплывает корабль: он плавно прошел на рейд и словно бы застыл, развернувшись бортом к реке, на глубинной воде по ту сторону отмели. Шагая по длинному изгибу набережной, Стейнз не сводил восхищенного взгляда с прибывшего судна. То был роскошный трехмачтовик, среднего размера, с носовой фигурой в форме орла: клекочущий клюв широко раскрыт, крыла распахнуты. У поручня левого борта стояла какая-то женщина — с такого расстояния Стейнз не мог рассмотреть лица, и уж тем более его выражения, но ему показалось, что незнакомка погружена в задумчивость: она замерла неподвижно, обеими руками вцепившись в поручень, ветер трепал ее юбки, а завязки капора хлестали ее по груди. Юноша гадал, что владеет ее мыслями: воспоминание ли, какой-то воскресший перед внутренним взором эпизод, или она размышляет о будущем, вся во власти тайной мечты или страха?

В Резервном банке он предъявил лайковый мешочек с песком и по просьбе служащего передал содержимое на анализ и взвешивание. Оценка

заняла какое-то время, но в итоге цену предложили хорошую, и Стейнз вышел из здания с чеком на двадцать фунтов — в жилетном кармане, у самого сердца.

— Постой, парень!

Стейнз обернулся. Со ступеней банка чуть привстал рыжеватый незнакомец лет пятидесяти, с очень обветренной кожей и очень красным носом. На щеках и подбородке топорщилась совершенно седая, недельной давности щетина.

— Чем я могу вам помочь? — осведомился Стейнз.

— Вы можете на пару вопросов ответить, — отозвался незнакомец. — Мой первый вопрос: вы на компанию работаете?

— Нет, я на компанию не работаю.

— Ладно. Вот мой второй вопрос: честность или верность?

— Простите?

— Честность или верность, — повторил незнакомец. — Что вы ставите выше?

— Это шутка какая-то?

— Я серьезно спрашиваю. Если не возражаете.

— Что ж, — чуть нахмурился Стейнз, — трудно судить, что ценнее. Честность или верность. С определенной точки зрения можно сказать, что

честность — это своего рода верность: верность истине… хотя верность разновидностью честности вряд ли назовешь! Наверное, в конечном счете, если бы мне пришлось выбирать между бесчестной верностью или неверной честностью, я бы скорее стоял за своих близких, или за свою страну, или за свою семью, нежели за правду. Так что, наверное, я отвечу, что выше ценю верность… в себе самом. А вот в других… насчет других у меня совсем иные ощущения. Я всячески предпочту честного друга — другу, который мне всего-навсего верен; и я бы охотнее хранил верность честному другу, а не подхалиму. Скажем так — мой ответ условен: в себе я ценю верность, в других — честность.

— Это хорошо, — похвалил незнакомец. — Очень, очень хорошо.

— Да ну? — улыбнулся Стейнз. — Я что, какое-то испытание выдержал?

— Почти, — кивнул незнакомец. — Я попрошу об услуге. По совести и на ваших собственных условиях. Гляньте-ка сюда.

Он пошарил в кармане и достал самородок размером с короткую сигару. Продемонстрировал его со всех сторон, повернул к свету:

— Красавец, правда?

— Очень красивый, — подтвердил Стейнз, но уже без улыбки.

А незнакомец между тем продолжал:

— Я его в долине Клуты нашел. Близ Отаго. Таскаю его с собой вот уж месяц — что там, два месяца, но я хочу его в землю обратить, понимаете, уже присмотрел себе участочек, но агент по продаже принимает только бумажные деньги. В том-то и проблема. Меня ограбили. У меня не осталось никаких документов, удостоверяющих личность. Мои бумаги, моя старательская лицензия — все пропало. Так что я не могу сам сдать этот самородок в банк.

— А-а-а, — отозвался Стейнз.

— Так вот я прошу об услуге. Сдайте этот самородок в банк за меня. Скажите, он ваш; скажите, вы его сами нашли, на землях Короны. Обменяйте мне его на банкноты. У вас это все и получаса не займет. А цену сами назначьте.

— Понимаю, — неуверенно протянул Стейнз. Он немного помялся и предположил: — Но вы же наверняка можете просто-напросто объяснить свою ситуацию работникам банка. Вы можете сказать им, что вас ограбили, — как только что сказали мне.

— Не могу я этого сделать, — вздохнул незна-

комец.

— Но ведь есть архивы и учетные записи, — настаивал Стейнз. — Даже если документов при вас нет, существуют и другие способы выяснить, кто вы такой. Сводки корабельных новостей, например, и тому подобное.

Незнакомец покачал головой.

— Я значился в отагском сертификате, — объяснил он, — а по прибытии я через таможню не проходил. Здесь обо мне вообще никаких сведений нет.

— О, — обронил Стейнз, чувствуя себя крайне неловко.

Незнакомец шагнул вперед:

— Я чистую правду говорю, парень. Это мой самородок. Я его сам нашел в долине Клуты. Я вам место точно укажу. Треклятую карту нарисую, если надо. Я не вру.

Стейнз снова задержал взгляд на самородке.

— За вас может кто-нибудь поручиться? — спросил он.

— Да я не то чтобы им хвастаюсь направо и налево! — огрызнулся незнакомец, потрясая кулаком. — Я разве похож на идиота? Один раз меня уже ограбили; второй раз я себя ограбить не дам. Кроме меня, к этому камешку прикаса-

лась одна-единственная живая душа. Молодая девушка по имени Анна Уэдерелл. Вот она бы подтвердила, что я вам чистую правду говорю; да только она в Данидине, вот оно как, а слоняться здесь в ожидании почты мне несподручно.

Имя Анны Уэдерелл Стейнзу ничего не говорило, да он его сейчас толком и не расслышал, пока прикидывал, как бы половчее выпутаться из ситуации. Рассказ незнакомца звучал крайне неубедительно (Стейнз не сомневался, что самородок украден, а вор, страшась поимки, теперь пытается замести следы и, воспользовавшись помощью наивного простака, обратить улику в безликую наличность), а внешность так и вовсе доверия не вызывала. Да это же пьяница пропащий, судя по изможденному виду и налитым кровью глазам; даже с расстояния нескольких шагов от его одежды и дыхания разило перегаром.

— Агент по продаже земельных участков, говорите? — решил потянуть время Стейнз.

Незнакомец кивнул.

— Я себе участок приглядел, близ Арахуры. Лес — дело прибыльное. Хватит мне за золотом гоняться. Древесиной торговать — это честный бизнес.

— Как вас зовут?

— Кросби Уэллс, — отвечал незнакомец.

— Уэллс? — переспросил Стейнз, помолчав.

— Ну да, — подтвердил незнакомец. И внезапно набычился. — Вам-то что до этого?

Стейнзу вдруг вспомнился странный наказ, полученный от Фрэнсиса Карвера в гостинице «Боярышник» на Джордж-стрит месяцем раньше. «Сегодня меня зовут Уэллс, — заявил тот. — Фрэнсис Уэллс».

– *Кросби* Уэллс, — повторил Стейнз.

— Точно так, — подтвердил Уэллс, по-прежнему хмурясь. — Никаких тебе средних имен, никаких прозвищ и кличек, просто старина Кросби Уэллс, и все, — так я зовусь с того самого дня, как на свет появился. Доказать, понятное дело, ничего не могу. Ни черта не могу доказать без документов.

Поколебавшись немного, Стейнз протянул руку и представился:

— Эмери Стейнз.

Уэллс переложил самородок из одного кулака в другой — и мужчины обменялись рукопожатием.

— Может, назовете свою цену, мистер Стейнз? Буду очень признателен.

— Послушайте, — внезапно промолвил Стейнз, — а вы, случайно, не знакомы… Ну, то

есть, простите мне, но… вы, часом, не знакомы с неким Фрэнсисом Карвером?

Юноша по сей день знал далеко не все о случившемся накануне его отъезда из Данидина — куда уходил Карвер в тот день, зачем ему понадобилось назваться чужим именем и почему небольшой сундук, в котором не было ничего, кроме пяти самых обыкновенных, ничем не примечательных платьев, обладал в глазах Карвера такой ценностью.

Уэллс заметно напрягся.

— А что? — спросил он разом посуровевшим голосом.

— Вы меня простите, — промолвил Стейнз. — Может, оно несущественно, я просто спрашиваю, потому что… ну, в общем, месяц назад мистер Карвер взял ваше имя… на один только день… и так и не сказал мне зачем и почему.

Уэллс сжал кулаки:

— А этот Карвер, он вам кто?

— Я его почти не знаю, — отозвался Стейнз, отступая на шаг. — Он ссудил мне денег, вот и все.

— Что еще за деньги? Сколько?

— Восемь фунтов, — не утаил Стейнз.

— Что?

— Восемь. Восемь фунтов, — повторил юноша.

Уэллс надвинулся на него:

— Он вам друг, что ли?

— Вовсе нет, — заверил Стейнз, снова отступая. — Позже я выяснил, что он бывший заключенный, что он на каторге отбыл десять лет… да только поздно. Я все уже подписал.

— Что подписали?

— Договор о финансовой помощи, — объяснил Стейнз.

— А он небось *мое* имя поставил.

— Нет. — Стейнз поднял руки. — Он просто им назвался — вашим именем, в смысле… но я не знаю зачем. Послушайте, мне страшно жаль, что я вас так расстроил…

— Это был он, — объяснил Кросби Уэллс. — Это он украл мои документы. Обманом присвоил все мое состояние в чистом золоте. Настроил против меня мою законную жену. Он отнял мое имя и мои деньги и жизнь тоже попытался отнять — да только фокус не сработал, так? Я выкарабкался. И вот я здесь. Работаю за гроши, с хлеба на воду перебиваюсь, да еще то и дело через плечо оглядываюсь, удара из-за угла боюсь — того гляди с ума сойду. Вот это, — он указал на самородок, — все, что у меня осталось.

— А почему вы не обратитесь в полицию? —

спросил Стейнз. — Судя по вашему рассказу, оснований у вас достаточно.

Уэллс надолго умолк. А затем спросил:

— А где он?

— Думаю, что по-прежнему в Данидине.

— Вы уверены?

— Ну, сколько-то, — отвечал Стейнз. — У меня его адрес есть; я должен написать ему, как только обзаведусь своим первым предприятием.

— Вы его партнер! — сплюнул Уэллс.

— Нет. Я ему обязан, вот и все. Он дал мне восемь фунтов, а я в свою очередь должен приумножить его вложение.

— Вы его партнер. Вы на него работаете.

— Послушайте, — запротестовал Стейнз, вновь не на шутку встревожившись, — какое бы зло мистер Карвер вам ни причинил, мистер Уэллс, мне о том ничего не ведомо, равно как и о причинах. Честно. Да если бы я хоть что-то знал, я б ни за что не стал упоминать при вас его имя, верно? Я бы придержал язык за зубами.

Уэллс не ответил ни словом. Некоторое время собеседники внимательно изучали друг друга. Наконец Стейнз объявил:

— Я сделаю, что вы просите. Я отнесу ваш самородок в банк.

Марс в Раке

Глава, в которой Карвер приступает к поискам Кросби Уэллса; Эдгар Клинч предлагает свои услуги, а Анна Уэдерелл укрепляется в своем намерении.

«Добрый путь» переправился через Хокитикскую отмель на высшей точке прилива. Капитану Карверу потребовалось около часа, чтобы провести корабль в устье реки: сразу несколько судов снялись с якоря, и, чтобы подойти к пристани, ему пришлось дожидаться сигнала с набережной Гибсона. У Анны Уэдерелл, одиноко стоящей на палубе, было достаточно времени, чтобы рассмотреть панораму во всех подробностях. Хокитика оказалась не так велика, как ей представлялось, и куда более открыта. В сравнении с Данидином, который запрятался в самом низу длинного рукава Отагской гавани, со всех сторон окруженный холмами, от близости Хокитики к океану просто дух захватывало. Дома́ в глазах Анны выглядели уныло и заброшенно, и даже гирлянды красных и желтых флажков,

натянутые тут и там между крышами и под козырьками прибрежных гостиниц, смотрелись довольно жалко.

Резкое звяканье привлекло внимание девушки к набережной: на причале стоял рыжий усатый детина, размахивая медным ручным колоколом, и кричал что-то на ветер. Он явно рекламировал, но распевный перечень преимуществ совершенно тонул в трезвоне колокола, широкий купол которого легко вместил бы буханку, а язык брякал внутри, массивный и утолщенный, как брусок металла, рождая протяжный, скорбный звук, заглушаемый ветром и расстоянием.

Плавание от Данидина стало для «Доброго пути» первым рейсом под командованием Фрэнсиса Карвера: тот был настолько выведен из строя в результате многочисленных телесных повреждений, нанесенных ему ночью 12 мая, что не смог, согласно расписанию, плыть на «Добром пути» в Мельбурн на следующий день и в результате упустил возможность сообщить капитану Рэксуорти, что судно сменило владельца. Рэксуорти отличался крайней пунктуальностью и не потерпел бы, чтобы судно задержалось с отплытием из-за опоздания какого-то матроса; он вышел в море строго по графику, невзирая на собственную адскую

головную боль, а после того, как «Добрый путь» снялся с якоря в Порт-Чалмерсе, Карверу ничего не оставалось делать, кроме как дожидаться его возвращения. Следующие четыре недели он приходил в себя под заботливым присмотром миссис Уэллс, которая на его обезображенное лицо без слез смотреть не могла. Рану зашили; с тех пор швы уже сняли; теперь щеку пересекал уродливый розоватый рубец, толщиной с прядь волокна агавы и сморщенный с обоих концов. Карвер то и дело трогал шрам пальцами и взял в привычку прикрывать его ладонью при разговоре.

По возвращении «Доброго пути» из Порт-Филлипа 14 июня Карвер повстречался с Джеймсом Рэксуорти и сообщил ему, что его пребывание в должности капитана закончилось. Барк продан, и по распоряжению нового владельца, некоего мистера Уэллса, капитаном становится сам Карвер, что дает ему право распустить команду Рэксуорти и набрать свою. Встреча Карвера с его бывшим капитаном затянулась надолго и особой сердечностью не отличалась; отношения накалились еще больше, когда Карвер обнаружил, что из грузовой описи «Доброго пути» удалили некую позицию. Карвер призвал Рэксуорти к ответу; тот только пожимал плечами, — на его

взгляд, никакого нарушения правил и протокола в том, что сундук с судна сняли, не было. Ярость Карвера уступила место отчаянию. Он обратился в таможню, и во все транспортные компании на набережной, и во все бордели и ночлежки в портовом районе. Но расспросы ни к чему не привели. Позже тем же вечером, изучив колонку корабельных новостей в «Отагском свидетеле», Карвер обнаружил, что 13 мая, помимо «Доброго пути», порт покинуло только одно судно: шхуна «Бланш», направлявшаяся в Хокитику.

— Это даже не ниточка, — объяснял он миссис Уэллс, — но я просто не в силах сидеть сложа руки. Если я ничего не предприму, я просто с ума сойду. В конце концов, у меня на руках его свидетельство о рождении и его старательская лицензия. Я представлюсь Кросби Уэллсом и скажу, что потерял грузовой ящик. Предложу вознаграждение за его возвращение.

— Но как насчет самого Кросби? — беспокоилась миссис Уэллс. — Есть шанс, что…

— Увижу — убью! — пригрозил Карвер.

— Фрэнсис…

— Я убью его.

— Он ожидает, что ты станешь его преследовать. Ты его второй раз врасплох не застанешь.

— Он меня тоже.

В день накануне отплытия «Доброго пути» Анну Уэдерелл позвали в гостиную первого этажа, где ее дожидалась миссис Уэллс.

— Теперь, когда мистер Карвер окончательно поправился, — объявила миссис Уэллс, — я могу заняться делами менее насущно важными, как, например, вопрос вашего будущего. Вы не останетесь в моем доме и минутой дольше, мисс Уэдерелл, и вы отлично знаете почему.

— Да, мэм, — прошептала Анна.

— Я могла бы закрыть глаза на ваше предательство и страдать молча, ибо таков женский удел, — продолжала миссис Уэллс, — но насилия, учиненного над мистером Карвером, я простить не могу. Ваша связь с моим мужем перешла из области безнравственности в область самого черного злодейства. Мистер Карвер обезображен на всю жизнь. Более того, ему повезло, что он в живых остался, учитывая тяжесть нанесенных ему телесных повреждений. С этим шрамом ему ходить до самой могилы.

— Я спала, — запротестовала Анна. — Я ничего не видела.

— Где мистер Уэллс сейчас?

— Я не знаю.

— Вы говорите правду, мисс Уэдерелл?

— Да, — кивнула девушка. — Клянусь.

Миссис Уэллс с достоинством выпрямилась.

— Завтра, как вам известно, мистер Карвер отплывает к Уэст-Косту, — сообщила она, меняя тему, — и волею судеб у меня в Хокитике есть хороший знакомый. Его зовут Дик Мэннеринг. Он поможет вам устроиться в Хокитике так, как сочтет нужным; вы станете работать на прииске, как собирались с самого начала, и наши дороги больше никогда не пересекутся. Я взяла на себя смелость подсчитать все ваши расходы за последние два месяца и передала право взимания долга ему. Вижу, вы удивлены. Может статься, вы полагаете, что спиртные напитки растут на деревьях. Полагаете, а?

— Нет, мэм, — прошептала Анна.

— Тогда для вас не явится сюрпризом, что ваша привычка пить в одиночестве за минувший месяц обошлась мне отнюдь не в несколько пенни.

— Да, мэм.

— По всей видимости, вы далеко не так глупы, как порочны, — заявила миссис Уэллс, — хотя, учитывая масштаб и размах вашей порочности, это вряд ли можно счесть интеллектуальным достижением. Я должна поставить вас в извест-

ность, что мистер Мэннеринг не женат, так что у вас не будет возможности опозорить его дом так, как вы опозорили мой.

Анна задохнулась; говорить она не могла. Едва миссис Уэллс дозволила ей уйти, девушка побежала в будуар, метнулась к комоду, вытащила пробку из графина с приправленным лауданумом виски и отхлебнула прямо из горлышка — двумя отчаянными, паническими глотками. А затем бросилась на постель и рыдала до тех пор, пока опиат не начал действовать.

Анна отлично понимала, что ждет ее в Хокитике, но чувство вины и угрызения совести истерзали ее настолько, что она, сжав зубы, приготовилась к любой судьбе — как встречаешь всем телом порыв ветра. Она могла бы не согласиться с распоряжениями миссис Уэллс, полностью или частично; она могла бы сбежать под покровом ночи или придумать какой-то свой план. Но у нее уже не оставалось никаких сомнений относительно своего положения, и Анна знала, что очень скоро по ней все станет видно. Ей необходимо было покинуть дом миссис Уэллс как можно скорее, пока другие женщины не догадались о ее тайне, и она намеревалась сделать это первым же подвернувшимся способом.

Чайка спикировала по длинной дуге к набережной Гибсона и, едва достигнув косы, развернулась и начала подниматься в восходящем потоке воздуха, кругами возвращаясь на прежнюю высоту, чтобы снова устремиться вниз. Анна поплотнее закуталась в шаль. К тому времени «Добрый путь» уже получил разрешение встать на якорь. На берег бросили трос, паруса убрали и зарифили по приказу Карвера; барк медленно заскользил к причалу. На помощь подоспела орава грузчиков; Анна, внезапно заморгав, увидела, что некоторые указывают на нее и перешептываются, прикрывая рот ладонью. Заметив, что девушка смотрит в их сторону, они картинно сняли шляпы, раскланялись, расхохотались, подтягивая штаны за пряжки поясов. Анна вспыхнула. Борясь с накатившим отчаянием, она отошла к поручню правого борта, вцепилась в него обеими руками и, дыша всей грудью, глядела на высокий уступ косы, где над пенным прибоем повисала белесая дымка, размывая линию горизонта. Девушка оставалась там, пока Карвер отрывистым окликом не велел ей спускаться на причал; некий мистер Эдгар Клинч, управляющий гостиницей «Гридирон», предложил ей номер, а Карвер от ее имени ответил согласием.

Te-ra-o-tainui[80]

Глава, в которой Кросби Уэллс отправляется в долину Арахуры, а пароход «Титания» терпит крушение на отмели.

За Уэллсов самородок, сданный Стейнзом в банк, дали больше ста фунтов наличными. Пока скупщик заканчивал оценку, а работник банка делал необходимые записи, Стейнза со всех сторон расспрашивали о происхождении сокровища. Юноша отвечал уклончиво, указывал рукой куда-то в восточном направлении и называл вехи самого общего свойства, такие как «одна лощинка» и «этакий вот холм», но все его попытки умалить значение своей находки успеха не имели. Когда стоимость самородка вписали мелом на доске над конторкой скупщика, представитель банка зааплодировал, подавая пример остальным, а старатели дружно принялись скандировать имя добытчика.

---

[80] Сноски: 80

Дословно — «парус тайнуи»; имеется в виду скопление звезд в виде корабля, где Орион — киль корабля, Плеяды — нос, Гиады собственно парус, а Южный Крест — якорь.

— Если хотите, мы снимем с него копию перед тем, как отправить в переплавку, — предложил банковский служащий по фамилии Фрост, когда Стейнз уже собрался уходить. — Вы сможете покрасить ее золотой краской и оставить на память или послать домой невесте как сувенир. Самородок-то роскошный!

— Мне копия не нужна, — заверил Стейнз. — Но все равно спасибо.

— Вдруг потом захочется вспомнить, — настаивал Фрост. — Это же ваш самый счастливый день.

— Надеюсь, мой самый счастливый день еще впереди, — отозвался Стейнз, вызвав новый шквал аплодисментов и восторгов; с полдюжины старателей тут же засыпали его предложениями «пойти в напарники».

К тому времени, как юноше удалось протолкаться сквозь толпу и выбраться наружу, он был раздражен не на шутку.

— Меня объявили первым везунчиком во всей Хокитике, — пожаловался он, вручая Кросби Уэллсу конверт. — Мне посоветовали держаться своей удачи, и делиться своей удачей, и выдать секрет своей удачи, и уж не знаю чего еще. Похоже, вы мне всей правды не сказали, мистер

Уэллс; вы просто знали, что случается с тем, кто по собственной глупости войдет в Резервный банк с самородком такого размера в этот час.

— Первый везунчик во всей Хокитике, — ухмыльнулся Уэллс. — Хорошее описание. Надеюсь, вы его оправдаете.

— Изо всех сил постараюсь, — заверил юноша.

— Что ж, я вам очень обязан, — проговорил Уэллс, быстро пролистав банкноты и пряча конверт под рубашку. — Участок я присмотрел в долине Арахуры. Милях в десяти к северу. Там река пересекает взморье — не пропу́стите. Я буду вам рад в любое время и по любому поводу.

— Я запомню, — кивнул Стейнз.

Уэллс помолчал.

— Вы по-прежнему не вполне верите моей истории, правда, мистер Стейнз?

— Боюсь, что так, мистер Уэллс.

— Вы, чего доброго, проболтаетесь этому вашему Карверу.

— Никакой он не мой.

— Но вы, может, имя мое упомянете. Так, вскользь. Из чистого любопытства.

— Я этого не сделаю.

— Это будет все равно что убийство, мистер Стейнз. Он спит и видит, как бы свести со мною

счеты. Он не успокоится, пока меня не порешит.

— Я умею хранить тайну, — заверил Стейнз. — Я никому не скажу.

— Верю, — кивнул Уэллс. Он протянул руку. — Удачи.

— Да, удачи.

— Может, еще свидимся.

— Может.

Стейнз задержался на ступенях Резервного банка и оставался там еще долго после того, как Кросби Уэллс спустился на улицу. Юноша видел, как тот пробился сквозь толпу к конторе по продаже земельных участков, поднялся на крыльцо, снял шляпу и, не оглянувшись, вошел внутрь. Прошло пятнадцать минут. Опершись локтями о перила, Стейнз наблюдал и ждал.

— Крушение, крушение, крушение на отмели!

— Что за судно? — крикнул юноша, едва глашатай с колокольчиком подошел ближе.

— «Титания», — отозвался глашатай. — Пароход. На мель сел.

Стейнз ни о какой «Титании» в жизни не слышал.

— А откуда он?

— Из Данидина, через Окленд, — отвечал глашатай. Стейнз кивнул — дескать, вопросов больше

нет, — и тот зашагал дальше, выкрикивая: — Крушение, крушение, крушение на отмели!

Спустя довольно много времени дверь конторы наконец-то распахнулась и наружу вышли двое: Кросби Уэллс и, по-видимому, агент по продаже, на ходу надевающий пальто. Они постояли на крыльце несколько минут, беседуя промеж себя; но вот раздалось цоканье копыт, из-за угла дома выехал небольшой, запряженный парой лошадей экипажик, притормозил у ступеней — и Уэллс с агентом сели в него. Дверцы захлопнулись, возница прикрикнул на лошадей, и экипажик, погромыхивая, покатил на север.

Акцидентальное достоинство

Глава, в которой двое случайных знакомых воссоединяются, а Эдгар Клинч не слишком этому рад.

Эдгар Клинч оказался замечательным гидом — и заботливым, и дотошным. За время короткой прогулки от набережной Гибсона он неумолчно и в живописных подробностях комментировал все, что встречалось по пути: каждую магазинную витрину, каждый склад, каждого торговца, каждую лошадь, каждую двуколку, каждую наклеенную афишу. Анна отвечала коротко и еле слышно; однако, когда они приблизились к Резервному банку, девушка внезапно перебила его удивленным восклицанием.

— Что такое? — встревожился Клинч.

Там, прислонившись к перилам крыльца, стоял тот самый златокудрый юноша с «Попутного ветра» и глядел на нее, точно так же не веря глазам своим.

— Это вы! — воскликнул он.

— Да, — прошептала Анна. — Да.

— Альбатросы!

— Я помню.

Они застенчиво оглядели друг друга.

— Как приятно снова вас увидеть, — промолвила Анна спустя мгновение.

— Это в высшей степени счастливая случайность, — отозвался юноша, сбегая по ступенькам на улицу. — Ну и ну — мы повстречались во второй раз! Конечно, мне этого хотелось — очень, очень хотелось! — да только все сводилось к благим пожеланиям, ну, вы знаете, когда сидишь себе сложа руки да в мечтах себе представляешь, как оно было бы славно. Я в точности помню, что вы сказали, когда мы огибали мысы гавани, — тогда, на рассвете. «Хотела бы я посмотреть на альбатроса в бурю» — вот что вы сказали. Я с тех пор постоянно вспоминаю ваши слова: это была наивосхитительнейшая, оригинальнейшая речь.

Анна покраснела: никто и никогда не называл ее оригинальной; более того, девушке в жизни не пришло бы в голову, что ее реплики заслуживают названия «речи».

— Да просто подумалось так, — пролепетала она.

Клинч откашлялся; он все ждал, когда его представят.

— А вы давно в Хокитике? — полюбопытствовал юноша.

— Сегодня утром приехала. Собственно, вот только что: мы якорь бросили меньше часа назад.

— Так недавно! — Юноша, похоже, поразился еще сильнее, словно благодаря ее недавнему прибытию их случайная встреча обрела в его глазах еще большую значимость.

— А вы? — спросила Анна. — Вы тут давно?

— Да где-то с месяц, — отвечал юноша. Внезапно он просиял улыбкой. — До чего приятно вас встретить — до чего ж чудесно! Я, кажется, уже сто лет как знакомого лица не видал!

— А вы… вы тут на прииске обосновались? — спросила Анна, снова краснея.

— Да, приехал искать удачу или, может, случайно на нее наткнусь — по правде сказать, особой разницы я не вижу. Ох! — Юноша поспешно сорвал с головы шляпу. — Что за вопиющая невежливость с моей стороны! Я не представился. Меня зовут Стейнз. Эмери Стейнз.

Клинч не упустил возможности вклиниться:

— И как вам нравится в Хокитике, мистер Стейнз?

— Право, очень нравится, — заверил юноша. —

Это прямо-таки улей, бурлящий противоречиями! Тут есть газета, но нет кофейни, где бы можно было ее почитать; тут есть аптекарь, выписывающий рецепты, а вот доктора днем с огнем не сыщешь, да и больница едва ли заслуживает этого названия. В лавке то и дело заканчиваются либо сапоги, либо носки, но не то и другое одновременно; и все гостиницы на Ревелл-стрит подают только завтрак, зато — в любое время дня!

Анна заулыбалась. Открыла было рот, чтобы ответить, но Клинч ее перебил.

— В «Гридироне» подают горячий ужин, — сообщил он. — Есть тарелка за три пенни и тарелка за шесть пенни; к шестипенсовой добавляется кружка пива.

— А «Гридирон» — это где? — осведомился Стейнз.

— Ревелл-стрит, — пояснил Клинч, как будто улицы в качестве адреса было вполне достаточно.

Стейнз снова обернулся к Анне.

— А что вас привело на побережье? — спросил он. — Вы приехали по чьей-то просьбе? Вы на прииске работать будете? Вы ведь здесь останетесь, правда?

Анне не хотелось упоминать имени Мэнне-

ринга.

— Я собираюсь остаться, — осторожно проговорила она. — Я остановлюсь в гостинице «Гридирон» — мистер Клинч любезно предложил мне номер.

— Это я, — встрял Клинч, протягивая руку. — Клинч. Можно просто Эдгар.

— Счастлив познакомиться, — отвечал Стейнз, обмениваясь коротким рукопожатием. И тут же, повернувшись к Анне, промолвил: — А вашего имени я до сих пор не знаю… но, наверное, мне не следует спрашивать — до поры до времени. Хотите сохранить его в секрете — так, чтобы мне пришлось расспрашивать всех и каждого, прежде чем я все-таки отыщу вас?

— Ее зовут Анна Уэдерелл, — вмешался Клинч.

— О, — отозвался юноша.

В лице его отразилось глубочайшее изумление; он с любопытством воззрился на Анну, как будто ее имя было исполнено тайного смысла, но смысл этот он, в силу какой-то причины, не мог облечь в слова.

— Мы, пожалуй, пойдем, — буркнул Клинч.

Юноша проворно отскочил в сторону:

— О да, разумеется. Конечно, вам пора. Хорошего вам обоим дня.

— Как приятно было снова увидеться, — промолвила Анна.

— Можно мне будет навестить вас? — спросил Стейнз. — Как только вы обустроитесь на новом месте?

Анна удивленно поблагодарила юношу; возможно, она сказала бы и больше, но Клинч уже увлек ее прочь, крепко вцепившись в руку девушки, просунутую ему под локоть, и еще теснее прижав ее к груди.

Овен, управляемый Марсом

Глава, в которой Фрэнсис Карвер обращается к Те Рау Тауфаре за сведениями, но Тауфаре, который еще не успел свести знакомство с мистером Кросби Уэллсом, ничем не может ему помочь.

Туземец-маори носил у бедра нефритовую дубинку, засунув ее за пояс на манер хлыста или пистолета. Дубинка была вырезана в форме весла и отполирована до блеска; оливково-зеленый, с разводами, камень тут и там вспыхивал изнутри желтым, как будто крохотные гирлянды цветков-колокольчиков дерева кауваи сперва расплавили, а затем вдавили в стекло.

Изложив свое дело, Карвер собирался уже распрощаться, как вдруг на камень упал луч света и нефрит словно бы засиял. Карвер с любопытством ткнул в него пальцем:

— Это что такое — весло?

– *Patu pounamu*[81], — отвечал Тауфаре.

---

[81] Сноски: 81
Нефритовая дубинка *(маори)*.

— Дай-ка посмотреть, — попросил Карвер, протягивая руку. — Подержать дай.

Тауфаре вытащил дубинку из-за пояса, но собеседнику не отдал. Он замер неподвижно, не сводя с Карвера глаз; дубинка свободно лежала в его руке. Внезапно маори прыгнул вперед, изобразил, будто тыкает Карвера в горло, затем в грудь, и наконец занес дубинку высоко над головой и медленно повел вниз, задержав у самого Карверова виска.

— Крепче стали, — заверил Тауфаре.

— Да ну? — отозвался Карвер, даже не вздрогнув. — Крепче стали, говоришь?

Тауфаре пожал плечами. Шагнул назад, вновь засунул дубинку за пояс, смерил Карвера долгим взглядом, вздернул подбородок, стиснул зубы, а затем холодно улыбнулся и отвернулся.

Солнце в Близнецах

Глава, в которой Бенджамин Левенталь обнаруживает погрешность, а Стейнз действует под влиянием внезапного порыва.

— Черт! — выругался Левенталь, хмуро воззрившись на наборную доску и читая текст как справа налево, так и в обратном направлении, поскольку шрифт был набран в зеркальном отображении и выворотно. — Тут «вдовушка».

— Что такое? — переспросил Стейнз, входя в мастерскую.

— «Вдовушка» — это типографский термин такой. У меня одно слово лишнее, в колонку не входит; оно повисает отдельно — это и есть «вдовушка». Черт, черт, черт. Я утром ужасно замотался — взял у человека плату за объявление в два квадратных дюйма, а буквы не посчитал; так его текст в двухдюймовый квадрат не влезает. Ох! Придется его на время отложить, а позже взглянуть свежим взглядом; когда все напутал, ничего другого не остается. Чем я могу вам служить, мистер Стейнз? — Левенталь отложил наборную

доску, улыбаясь, взялся за тряпку и принялся вытирать перепачканные чернилами пальцы.

Стейнз объяснил, что нынче утром внес в банк свой «капиталец», обменяв золото на наличность.

— Я думал вложиться в участок, — объяснил он, — но пока что-то не хочется. Я все еще… все еще никак не решусь. Мне бы хотелось узнать, а какие еще на прииске есть предложения. Гостиницы, закусочные, складские помещения, лавки… что вообще продается-то?

— Сейчас поглядим, — отозвался Левенталь. Он отошел к шкафу, открыл верхний ящик и принялся пролистывать подшивки бумаг, наконец он вытащил какой-то документ и вручил его Стейнзу. — Вот.

Стейнз пробежал бумагу глазами. Дочитав до конца, он словно бы слегка расслабился и удивленно поднял взгляд.

— «Гридирон», — произнес он.

Левенталь развел руками.

— Предприятие ничем не хуже других, — сообщил он. — Нынешний его собственник — мистер Максвелл, а управляет гостиницей мистер Клинч. Оба — очень достойные люди.

— Я его беру, — заявил Стейнз.

— Да? — откликнулся Левенталь. — Мне сообщить мистеру Максвеллу, что вы хотели бы осмотреть заведение?

— Я не хочу ничего осматривать, — возразил Стейнз. — Я хочу его купить, причем немедленно.

Скорпион, управляемый Марсом

Глава, в которой Фрэнсис Карвер завязывает новое знакомство в гостинице «Резиденция».

Карвер почти не надеялся на то, что объявление, размещенное им в «Уэст-Кост таймс», принесет какие-то плоды. Он очень сомневался, что у кого-то хватит глупости отдать разыскиваемый сундук, даже не заглянув внутрь, тем более если за его возвращение предлагают пятьдесят фунтов. Самое большее, на что Карвер мог уповать, — это на то, что сундук вскроют, содержимое просмотрят, но решат, что платья дороги сердцу владельца как память, и только, и в этом случае нашедший или нашедшая, возможно, возвратит сундук — если только прочтет «Таймс» и узнает про обещанное вознаграждение. Но такая перспектива, сама по себе маловероятная, основывалась на еще менее вероятном предположении, что ящик действительно отправили не куда-нибудь, а в Западный Кентербери! Нет; то, что ночью 12 мая груз изъяли из трюма «Доброго пути», могло означать лишь одно: кто-то знал о

баснословном богатстве, в сундук запрятанном. Иначе зачем бы снимать его с корабля перед самым отплытием и отправлять неизвестно куда, наудачу? Если сундук в последний момент забрал Кросби Уэллс — а пока эта версия казалась наиболее правдоподобной, — значит он наверняка поспешил убраться из страны, с помощью золота подкупив таможенников или, может быть, заплатив кому-то за документы и фальшивое имя. Словом, клад пропал безвозвратно. Карвер выругался вслух и, давая выход разочарованию, с силой шваркнул бокалом о стойку.

— Аминь, — отозвался сидящий рядом незнакомец.

Карвер свирепо воззрился на него, но тот как ни в чем не бывало подозвал бармена.

— Плесните этому человеку еще, — велел он. — Мы оба выпьем по второму. За мой счет.

Бармен откупорил бутылку бренди и вновь наполнил бокал Карвера.

— Меня Притчард зовут, — представился незнакомец, наблюдая за движениями бармена.

Карвер зыркнул на него.

— Карвер, — буркнул он.

— Я вас за матроса принял, — промолвил Притчард. — У вас куртка солью пропитана.

— Я капитан, — отрезал Карвер.

— Капитан, — повторил Притчард. — Что ж, неплохо! Я вот море никогда не любил. А то бы, наверное, давно домой вернулся; меня одна только мысль об этом путешествии и останавливает: лучше сразу умереть, чем пережить такой кошмар еще раз. Ж**а мира, а?

Карвер проворчал что-то себе под нос; оба выпили.

— Капитан, однако ж, — наконец проговорил Притчард. — Капитан — это хорошо.

— А вы? — осведомился Карвер.

— Аптекарь.

— Аптекарь? — поразился Карвер.

— Единственный в городе, — кивнул Притчард. — Большой оригинал, значится.

Какое-то время они сидели молча. Когда бокалы их опустели, Притчард снова поманил бармена, и тот опять их наполнил, в точности как в первый раз. Внезапно Карвер обернулся к нему:

— А насчет опиума у вас как? Запас есть?

— Боюсь, ничем вам помочь не могу, — покачал головой Притчард. — У меня в наличии только раствор, ничего больше, да и тот нелучшего качества. Послабей, чем виски, зато головной боли — вдвое. К югу от реки Грей вы ничего не найдете.

Тем паче если вы до этого дела падки. На север езжайте.

— Я не насчет покупки, — отозвался Карвер.

Часть VII
Обитель

28 июля 1865 года

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы

Таскуаи
Су
Фебиин
Инфернаре
Дорсен
Деземнаи
Ланге
Инмеррии
Суо
Инносси
Ирнитарр
Балфур

Рак и Луна

Глава, в которой Эдгар Клинч пытается поставить на своем, придя к выводу, что Аннино здоровье ухудшается на глазах из-за новообретенной зависимости, поддерживаемой и поощряемой ее работодателем Мэннерингом, а Анна Уэдерелл, чье упрямство под стать Клинчевому, подчиняться не желает.

— Я против китайцев ничего не имею, — заявил Клинч. — Но мне не нравится, как оно выглядит, вот и все.

— Какая разница, как оно выглядит?

— Меня оно настораживает. Вот я к чему. Вся ситуация.

Анна расправила подол платья — муслинового, с кремовой юбкой и вышитым тамбуром корсажем, — одного из тех пяти, что она купила у старьевщиков после крушения «Титании» несколько недель назад. Два платья были тронуты черной плесенью: ее никакая стирка не берет. Все пять весили немало, видимо за счет корсетов, укрепленных чем-то жестким, что Анна

сочла пережитком былой, более чопорной эпохи. Старьевщик, заворачивая покупки в бумагу, рассказал, что, как ни странно, на «Титании» в день крушения ни одной женщины в числе пассажиров не ехало; что еще более загадочно, владелец багажа так и не заявил о себе после того, как груз с затонувшего корабля перевезли на берег. Ни одна транспортная компания об этом сундуке, похоже, слыхом не слыхивала. Накладная от соленой воды сделалась совсем нечитаемой, а в судовом журнале ящик отдельной строкой, под чьим-либо именем, не значился. Вот уж тайна из тайн, вздыхал старьевщик. Он искренне надеялся, что у девушки с этими платьями никаких затруднений не возникнет.

А Клинч между тем гнул свое:

— Ну и как тебе не натворить глупостей, когда ты в отключке? Как ты сможешь защитить себя, если… если… ну, в общем, если случится что-нибудь… неприятное?

Анна вздохнула:

— Не твое дело.

— Еще какое мое, если я вижу ясно как день, что этот человек забирает над тобою власть и пользуется ею тебе во зло.

— Он всегда будет иметь надо мною власть,

мистер Клинч.

Клинч распереживался не на шутку:

— Да откуда она вообще — эта твоя зависимость? Ну же, отвечай! Ты всего лишь разок приложилась к трубке, да? И этого хватило? Зачем ты это сделала, если не сам Мэннеринг тебя заставил? Он отлично понимает, чего от тебя хочет: чтоб тебе и податься некуда было, вот оно как. Я уж на эти его уловки насмотрелся, поверь! Другие девчонки к этой дряни ни за что не притронутся. Он об этом знает. А вот на тебе он ее опробовал — и сработало. Он тебя в ловушку заманил. Это он тебя подбил.

— Эдгар…

— Что? — воскликнул Клинч. — Что?

— Пожалуйста, оставь меня, — попросила Анна. — У меня сил больше нет.

Солнце, управитель Льва

Глава, в которой Эмери Стейнз засиделся за обедом с магнатом Мэннерингом, каковой вот уже месяц упорно набивается к нему в друзья, и ведет себя по-хозяйски, по своему обыкновению, как будто он на прииске – царь и бог.

— Вы, мистер Стейнз, свою удачу как знамя несете, — промолвил Мэннеринг. — Мне такие знаменосцы по душе.

— Боюсь, мое везение изрядно преувеличено, — отозвался Стейнз.

— Это в вас скромность говорит. Находка первоклассная этот ваш самородок. Я читал банковский отчет. Сколько вам за него дали — фунтов сто?

— Около того, — неуютно подтвердил Стейнз.

— Говорите, вы его в ущелье нашли?

— Поблизости от ущелья, — уточнил Стейнз. — Места в точности не помню.

— Что ж, в любом случае вам здорово повезло, — подвел итог Мэннеринг. — Вы будете доедать мидии или перейдем к сыру?

— Давайте перейдем.

— Сто фунтов! — повторил Мэннеринг, давая знак официанту убрать тарелки. — Это ж до черта денег, не в пример больше, чем стоимость «Гридирона», уж сколько б вы ни заплатили за право собственности. А вы, кстати, сколько заплатили-то?

— За «Гридирон»? — поморщился Стейнз.

— Двадцать фунтов небось?

Притворяться было бесполезно.

— Двадцать пять, — уточнил юноша.

Мэннеринг хлопнул ладонью по столу:

— Вот вам пожалуйста! Вы сидите на груде наличных денег — и за четыре недели ни пенса не потратили. Почему? Что это еще за история?

Стейнз ответил не сразу.

— Мне всегда казалось, что между своим секретом и чужим — большая разница, — наконец проговорил он. — Настолько большая, что хотелось бы мне, чтобы в языке было два слова: одно означало бы, что ты хранишь свой собственный секрет, а второе — что чужой: ты ему, может статься, и не рад, и не искал его, но хранить все равно обещался. То же о любви: есть огромная разница между любовью, которой даришь или стремишься подарить, и любовью, которую же-

лаешь и получаешь.

Какое-то время оба молчали. Наконец Мэннеринг грубовато буркнул:

— Вы пытаетесь мне сказать, что картина неполна.

— А в том, что касается удачи, всей полноты картины никто никогда не видит, — отозвался Стейнз.

Водолей и Сатурн

Глава, в которой Су Юншэн, недавно обосновавшийся в каньерском Чайнатауне, отправляется в Хокитику прикупить разные необходимые в хозяйстве вещи, – и там его замечает начальник тюрьмы Джордж Шепард, известный китайцу как брат человека, в убийстве которого Юншэна когда-то обвинили, а также как муж настоящей убийцы, Маргарет.

Маргарет Шепард дожидалась в дверях скобяной лавки, пока муж не оплатит покупки, а Су Юншэна, который стоял в каких-нибудь восьми футах, загораживал от нее шкаф с галантерейным товаром. Шепард, обогнув шкаф, увидел китайца первым. Он словно прирос к месту, лицо его посуровело. Однако же голос его прозвучал вполне обыденно:

— Маргарет.

— Да, сэр, — прошептала она.

— Ступай обратно в управление, — велел Шепард, не отводя глаз от Су Юншэна. — Сейчас же.

Она даже не спросила о причине, но молча развернулась и обратилась в бегство. Когда дверь с грохотом за нею захлопнулась, правая рука Шепарда очень медленно легла на кобуру. В левой руке он держал бумажный пакет с рулоном бумаги, двумя навесными петлями, мотком бечевки и коробкой гвоздей с рожковой головкой. Су Юншэн стоял на коленях у канистр с керосином и что-то подсчитывал на пальцах, сложив покупки тут же, на полу.

Шепард смутно почувствовал, что в лавке повисла напряженная тишина. Откуда-то из-за его спины спросили:

— Что-то не так, сэр?

Шепард ответил не сразу. Помолчав немного, он заявил:

— Я возьму вот это.

Он поднял повыше бумажный пакет и выжидательно застыл. Спустя мгновение послышались перешептывания, опасливые шаги — и вот пакет забрали из его рук. Прошло больше минуты. Су Юншэн продолжал считать: глаз он так и не поднял. Тот же самый голос еле слышно произнес:

— С вас шиллинг и шесть пенсов, сэр.

— Запишите на счет тюрьмы, — велел Шепард.

Долгое правление Юпитера

Глава, в которой Алистер Лодербек, считавший, что его единокровный брат Кросби Уэллс приходится единоутробным братом, то есть братом по матери, негодяю Фрэнсису Карверу, и, как следствие, полагавший, что Кросби Уэллс каким-то образом причастен к шантажу, в результате которого ему, Лодербеку, пришлось уступить свой ненаглядный барк «Добрый путь», немало озадачен, получив письмо со штемпелем Хокитики, причем из содержания письма явствует, что подозрения его беспочвенны. Это открытие побуждает его, после долгих и тягостных раздумий, в свою очередь написать письмо.

Было бы преувеличением думать, будто Алистер Лодербек решил выдвинуть свою кандидатуру в парламент от Уэстленда только потому, что вновь получил письмо от мистера Кросби Уэллса; однако ж не приходится отрицать, что сие послание склонило чашу весов в пользу именно этого округа. Лодербек перечитал письмо шесть

раз и наконец со вздохом бросил его на стол и зажег трубку.

Западный Кентербери, июнь 1865 г.

Сэр Вы по почтовому штемпелю небось заметили, что я уже не живу в провинции Отаго, но «снялся с места», как говорится. У Вас, надо думать, не было повода заглянуть к западу от гор, так я Вам расскажу, что Западный Кентербери – это целый мир, совершенно отличный от южных пастбищ. Закат над побережьем – это алое чудо, а в снежных пиках запечатлены цвета неба. Буш сырой, непролазный; воды – кипенно-белы. Здесь пустынно, но не тихо: птицы поют не умолкая, и эти неумолчные трели слух куда как радуют. Как Вы, верно, уже догадались, я оставил прежнюю жизнь позади. Я разошелся с женой. Должен признаться, я многое скрыл в своей переписке, опасаясь, что если Вы узнаете горькую правду о моем браке, то станете думать обо мне хуже. Не стану докучать Вам подробностями моего бегства в здешние края, это скверная история, и мне горько о ней вспоминать.

Я, дважды обжегшись на молоке, трижды на воду подую, – хвалиться тут нечем, но урок свой я затвердил, что правда, то правда. Ну и довольно об этом, поговорю-ка лучше о настоящем и будущем. Больше я золото рыть не буду, хотя Западный Кентербери желтым металлом богат, люди за день целое состояние сколачивают. Нет уж хватит с меня старательствовать – того ради чтоб у меня снова мои деньги украли. А попытаю-ка я лучше силы в торговле лесом. Я тут хорошее знакомство свел – с одним маори, Теру Тау-Фарей. На его родном языке это имя означает «Сотенный Дом Лет» – какие же у нас, у британцев, жалкие имена в сравнении с этими! Оно ведь прямо как стихотворная строка. Тау-Фарей – благородный дикарь как есть; мы с ним здорово сдружились. Признаюсь, меня это очень воодушевляет – снова вернуться к человеческому общению.

Ваш и т. д.,

Кросби Уэллс

Эссенциальное достоинство

Глава, в которой Эмери Стейнз навещает Анну Уэдерелл в гостинице «Гридирон», где после некоторой преамбулы умоляет ее рассказать о том, как Кросби Уэллсу удалось бежать, и Анна, удивленная настойчивостью и прямотой его просьбы, не видит причин к умолчанию и рассказывает все как есть.

В платье, которое было на Анне, Эмери Стейнз не узнал одно из тех пяти, которые ему поручили охранять с револьвером в руке в гостинице «Боярышник» 12 мая. Однако при первом же взгляде на девушку его поразило, насколько плохо одежда на ней сидит, — этот наряд был явно пошит на фигуру куда более пышную; впрочем, эту мысль юноша тотчас же выбросил из головы. Они поздоровались друг с другом сердечно, но с некоторой неуверенностью; после неловкой паузы Анна пригласила Стейнза в гостиную, и оба сели на стулья с прямыми спинками лицом к камину.

— Мисс Уэдерелл, — тотчас же приступил к делу Стейнз, — мне хотелось бы задать вам один

вопрос — вопрос чертовски нескромный, и вы можете сразу сказать мне «нет», если… если отвечать не хотите… если не хотите исполнить эту мою просьбу по какой бы то ни было причине.

— О, — обронила Анна, вдохнула поглубже, словно собираясь с духом, и отвернулась.

— Что такое? — отпрянул Стейнз.

Девушка резко встала, пересекла комнату и постояла немного, глубоко дыша и глядя в стену.

— Глупо, — проговорила она чуть слышно. — Ужасно глупо. Не обращайте на меня внимания. Сейчас мне станет лучше.

Потрясенный Стейнз тоже встал.

— Я вас обидел? — спросил он. — Я тысячу раз прошу прощения, если так… но в чем дело? Что я такого сказал?

Анна утерла ладонью лоб.

— Ничего, пустяки, — отозвалась она, по-прежнему не оборачиваясь. — Меня застало врасплох, вот и все, — глупо было с моей стороны думать иначе. Вы ни в чем не виноваты.

— Что вас застало врасплох? — недоумевал Стейнз. — И что такое «иначе»?

— Просто что вы…

— Да? Пожалуйста, объясните мне, чтобы я все исправил. Ну, пожалуйста.

Девушка наконец-то успокоилась и обернулась к гостю.

— Задавайте свой вопрос, — промолвила она с вымученной улыбкой.

— Вы точно в порядке?

— Совершенно точно, — заверила Анна. — Спрашивайте, будьте добры.

— Ну хорошо, — отозвался Стейнз. — Так вот. Речь пойдет о человеке по имени Кросби Уэллс.

Несчастное выражение в лице Анны сменилось неподдельным изумлением.

— *Кросби Уэллс?*

— Я так понимаю, он наш с вами общий друг. По крайней мере… иными словами, я на его стороне. У меня сложилось впечатление, что и вы тоже.

Девушка ничего не ответила; сощурясь, она некоторое время вглядывалась в собеседника и наконец спросила:

— Откуда вы его знаете?

— Я не могу вам всего рассказать, — отвечал Стейнз. — Уэллс велел мне хранить тайну — в смысле, никому не говорить о его местонахождении и об обстоятельствах нашего знакомства. Но он упомянул ваше имя в связи с одним золотым самородком, и человеком по имени Фрэнсис Карвер, и каким-то там ограблением; и, если вы

не сочтете меня чересчур дерзким — а я дерзок, я знаю, что дерзок! — мне бы очень хотелось услышать всю историю как есть. Не буду говорить, что это вопрос жизни и смерти, потому что это не так, и не буду говорить, что многое зависит от моей осведомленности на этот счет, потому что на самом-то деле не зависит вообще ничего; просто я вступил с мистером Карвером в своего рода партнерство — дурак я был, что ввязался, теперь я это понимаю, — и есть у меня ощущение… есть страшное подозрение, что я заблуждался на его счет: пожалуй, он все-таки негодяй.

— Он здесь? — спросила девушка. — Кросби. Он в Хокитике?

— Боюсь, я не могу вам ответить, — покачал головой Стейнз.

Ладони Анны легли на ее живот.

— Не говорите мне, где он, — промолвила девушка. — Но я вас попрошу передать ему кое-что на словах. Кое-что очень важное — от меня.

Асцендент

Глава, в которой Те Рау Тауфаре предпочитает не называть имени Фрэнсиса Карвера Кросби Уэллсу, равно как и рассказывать ему об обстоятельствах их с Карвером недолгого взаимодействия месяц назад; каковое умолчание в равной степени объясняется глубокой скрытностью его натуры и изрядной хитростью в том, что касается денежной выгоды: Тауфаре прикидывает, что, когда он повстречается с Фрэнсисом Карвером в следующий раз, он с легкостью сшибет шиллинг, а то и два.

Кросби Уэллс купил четыре оконных стекла для четырехчастного окна, теперь оставалось лишь прорезать дыру и установить подоконник; пока же стекла стояли прислоненными к стене, тускло отражая мерцающий отблеск лампы и квадратную решетку плиты.

— Знавал я одного парня, он руку потерял во время наводнения в Данстане, — рассказывал Уэллс. Он устроился на подушке, с бутылкой

на груди; Тауфаре сидел напротив, попивая из второй бутылки. — Его течением понесло, а рука застряла, не смогли спасти. Как-то его совсем по-простецки звали, не то Смит, не то Стоун, или вроде того. Ладно, я к чему веду-то: он потом рассказывал об этом происшествии и говорил, что больше всего горюет вот о чем: на оторванной руке татуировка была. Корабль с полным парусным вооружением — это он сам себе подарок сделал, после того как мыс Горн обогнул, — и его эта потеря ужасно угнетала. Отчего-то мне его история запала в память. Потерять татуировку — ну надо же! Я его спрашивал, а почему бы просто-напросто не повторить татуировку на второй руке, но он как-то чудно́ себя повел. Никогда, говорит, такого не сделаю, никогда и ни за что!

— Это больно, — отозвался Тауфаре. — Тамоко[82].

Уэллс покосился на собеседника.

— А ведь увидеть себя самого — потрясение то еще, — задумчиво проговорил он. — Я имею в виду, когда давно зеркала под рукой не было. Забываешь что и как, верно?

— Нет, — возразил Тауфаре. — Никогда. — Лицо

---

[82] Сноски: 82

Та-моко — татуировка, наносимая на лицо и тело с помощью специального зубила: одна из древнейших культурных традиций маори.

его оставалось в тени; в отсвете лампы линии вокруг его губ обозначились еще более отчетливо, отчего лицо выглядело по-ястребиному хищным и мрачным.

— А я бы, наверное, забыл.

— У нас есть присловье, — промолвил Тауфаре. — *Taia a moko hei hoa matenga mou*[83].

— Я изрезал лицо человека ножом, — рассказал Уэллс, по-прежнему не отрывая глаз от собеседника. — Шрам остался. Вот тут. От глаза до губ. Кровищи вытекло — страсть сколько. А ваши сильно кровят?

— Сильно.

— Тауфаре, а тебе доводилось убить человека?

— Нет.

— Нет, — повторил Уэллс, вновь присасываясь к бутылке. — Вот и мне нет.

---

[83] Сноски: 83

«Надпиши» себя, чтобы у тебя был друг в смерти *(маори).*

Часть VIII
Правда об «Авроре»

22 августа 1865 года

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы

Гаскуан
Сы
Девин
Инфернэ
Ярсен
Дельфин
Книт
Змееруки
Ухо
Хиссен
Цитгард
Балгрур
♃
♂ ♄ ☿
☾ ☉
♀

Сатурн в Деве

Глава, в которой Цю Лун подает жалобу, а Джордж Шепард, чья личная ненависть к Су Юншэну со временем распространилась на всех китайцев без исключения, отказывается ее принять, причем по поводу совершенной несправедливости Шепард не испытывает ни малейших угрызений совести, ни тогда, ни впоследствии.

— Не понимаю, что вы такое говорите.

А-Цю вздохнул. В третий раз указал на свой экземпляр контракта, лежащий на столе между ними. В графе «настоящее место работы» значилось: «Аврора».

— Пустышка, — объяснил он. — «Аврора» — участок-пустышка.

— «Аврора» — участок-пустышка, и вы работаете на «Авроре». Да, это я понял.

— Мэннеринг, — продолжал А-Цю. — Мэннеринг делать пустышка не пустышка.

— «Мэннеринг делать пустышка не пустышка», — повторил Шепард.

— Очень хорошо, — закивал А-Цю. — Он поступать очень плохо.

— Так он поступает очень хорошо или очень плохо?

А-Цю нахмурился. И наконец выговорил:

— Очень плохой человек.

— И как же он делает пустышку — не пустышкой? Как? *Как*, я вас спрашиваю?

А-Цю достал кошелек, поднял его повыше. Очень неспешно, чтобы смысл происходящего непременно дошел до Шепарда, он извлек серебряный пенни и переложил его в левый карман. Подождал немного, затем вытащил пенни из кармана и вернул обратно в кошелек.

Шепард вздохнул.

— Мистер Цю, — проговорил он, — я вижу, что срок вашего контракта истекает не раньше чем через несколько лет, однако ж запас моего терпения истек несколько минут назад. Я не располагаю ни временем, ни средствами для того, чтобы начать расследование финансовой деятельности мистера Мэннеринга на основе невнятной наводки. Предлагаю вам вернуться в Арахуру и благодарить судьбу за то, что у вас хоть какая-то работа есть.

Юпитер в Стрельце

Глава, в которой Алистер Лодербек, официально объявив о своих намерениях баллотироваться в новозеландский парламент IV созыва от округа Уэстленд – каковой честолюбивый замысел не только поспособствует его и без того блистательной политической карьере, но и в ближайшие несколько месяцев уведет его через Альпы в Уэстленд, на встречу с незаконнорожденным братом, о которой последний так долго мечтал, – ныне задумывается о вопросах чисто практических или, точнее, просит давнего знакомого позаботиться о чисто практических вопросах от его, Лодербекова, имени.

Акароа, 22 августа

Мой дорогой Том,

Вы, должно быть, уже знаете о моем намерении баллотироваться в парламент от округа Уэстленд, но если это известие окажется для Вас сюрпризом, то я вкладываю вырезку из «Литтелтон таймс»,

объясняющую и саму эту новость, и причины, меня сподвигшие, на подробное изложение которых здесь времени у меня нет. Разумеется, мне не терпится увидеть великолепные достопримечательности Западного Кентербери своими глазами. Я планирую прибыть в Хокитику пятнадцатого января, с поправкой на погоду, поскольку приехать собираюсь по суше, а не морем, дабы заодно проинспектировать будущую Крайстчерчскую дорогу. Поеду налегке, сами понимаете: я распорядился, чтобы мой дорожный сундук с личными вещами переправили из Литтелтона в конце декабря. Может ли «Добродетель», отплывающая десятого января, забрать багаж в Данидине и доставить его на побережье? Как человек в Западном Кентербери чужой, я полагаюсь на Ваш опыт в том, что касается хокитикских гостиниц, ресторанов, найма экипажей, членства в клубах и т. д.

Я полностью доверяю Вашему вкусу и деловой сметке, и на сем остаюсь,

искренне Ваш и т. д.,

Алистер Лодербек

Луна во Льве, новолуние

Глава, в которой Мэннеринг, везя Анну Уэдерелл в Каньер, подмечает в ней новое качество: внутреннюю жесткость, своего рода отчужденность; это наблюдение пробуждает в нем жалость к девушке, однако когда он наконец нарушает молчание – через несколько миль после того, как впервые пришло это осознание, – то не затем, чтобы утешить, ибо за минувшую часть дороги сам внутренне ожесточился.

— Вот только нытья не надо. Нытье никакому бизнесу не на пользу. На него не поставишь — и против него тоже, а наше дело такое — либо то, либо это. Поняла?

— Да, — кивнула Анна. — Понимаю.

Мэннеринг вез девушку в Чайнатаун, где уже ждал А-Су со смолою и с трубкой.

— Я в жизни не приказывал девицу укокошить и избить не приказывал, — заявил он.

— Я знаю, — кивнула Анна.

— Так что можешь мне доверять, — подвел итог

Мэннеринг.

Солнце во Льве

Глава, в которой Стейнз доверяется Мэннерингу настолько, что делится своими сожалениями касательно заключенного с мистером Фрэнсисом Карвером договора о спонсорстве, объясняя, что первоначальное впечатление, составленное им, Стейнзом, о характере и биографии Карвера, было и есть прискорбно ошибочное, ибо теперь он считает, что Карвер – первостатейный негодяй и удачи совершенно не заслуживает, на что Мэннеринг, посмеиваясь про себя, предлагает жульническое решение, от которого просто дух захватывает.

— На золотых приисках есть только одно по-настоящему тяжкое преступление, — заявил Мэннеринг Стейнзу, продираясь вместе с ним через подлесок к южной границе участка «Аврора». — Убийство, воровство, государственная измена — это все чепуха. Мошенничество — вот величайшее из преступлений. Это ж издевательство над надеждами старателя, а у старателя

ничего больше и нету, кроме надежд. Приисковое мошенничество бывает двух видов. «Солить» участок — это первое. Предложить для продажи пустышку — второе.

— А что считается серьезнее?

— Смотря что понимать под словом «серьезный», — отозвался Мэннеринг, отбрасывая с пути лиану. — Если вы «присаливаете» участок и вас застукают, вас, чего доброго, зарежут в собственной постели, а вот если выставите на продажу пустышку и вас уличат, то, скорее всего, линчуют. Хладнокровное убийство — или убийство в состоянии аффекта. Выбор за вами.

Стейнз улыбнулся:

— То есть мне предстоит вести дело с человеком хладнокровным?

— Сами решайте, — объявил Мэннеринг, делая широкий жест. — Вот она — «Аврора».

— Ага. — Стейнз тоже остановился. Оба слегка запыхались от быстрой ходьбы. — Что ж, неплохо.

Вместе они оглядели участок. Ярдах в тридцати Стейнз заприметил китайца: тот сидел на корточках, покачивая промывочным лотком.

— А как будет «билет домой» наоборот? — полюбопытствовал Мэннеринг спустя какое-то

время. — «Домой-невозвращалец»? «Подавись-мистер-Карвер»?

— Кто это? — спросил Стейнз.

— Да Цю, — отозвался Мэннеринг. — Он тут останется.

— А он знает? — понизив голос, осведомился Стейнз.

Мэннеринг расхохотался:

— Знает ли он? А о чем я вам только что твердил? Я вовсе не горю желанием, чтоб меня зарезали в собственной постели, спасибочки!

— Он, должно быть, считает участок ужасно маловыгодным.

— Понятия не имею, чего уж он там считает, — презрительно бросил Мэннеринг.

Иной рассвет

Глава, в которой А-Цю, обняв ладонями закованные в броню округлости Аннинога лифа, делает удивительное открытие, истинное значение которого оценит лишь восемь дней спустя, когда, перевидав все четыре Анниных муслиновых платья по очереди, сумеет подсчитать в уме объем содержащегося в них богатства – понятное дело, за исключением золотого песка, зашитого в оранжевое шелковое платье, которое Анна в Каньер никогда не надевает.

Анна лежала совершенно неподвижно, закрыв глаза, пока А-Цю водил ладонями по ее платью. Он исследовал ее корсет до последнего дюйма, прощупал каждую оборку, он подобрал утяжеленный подол и пропустил ткань сквозь пальцы. Его методичные прикосновения словно бы укореняли ее во времени и пространстве: ей казалось насущно важным, чтобы он познал каждую деталь ее одежды, прежде чем дотронуться до нее, и эта уверенность наполняла ее прозрачно-яр-

ким, властным спокойствием. Когда он просунул руку ей под плечи, чтобы перевернуть ее, Анна беззвучно покорилась, поднеся обмякшие руки ко рту, как младенец, и уткнулась лицом ему в грудь.

Часть IX
Мутабельная земля

20 сентября 1865 года

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы

Гаскуаи
Сч
Девин
Мидгард
Фрейя
Лебединое
Кинг
Олимпийцы
Хиссеи
Цзю
Цритгард
Балдур

Луна в Деве, неполная

Глава, в которой А-Цю наполняет топку углем, намереваясь расплавить последнюю порцию золотого песка, извлеченного из Аннино платья, и пометить слитки словом «Аврора» – названием участка, к которому прикреплен по условиям договора; Анна же горестно постанывает во сне и прижимает ладонь к щеке, словно пытаясь унять кровь из раны.

Когда Анна проснулась, было уже утро. А-Цю перенес ее в угол хижины. А еще подложил ей под щеку сложенное одеяло и накрыл шерстяным плащом — своим собственным. Пробудившись, она сразу поняла, что разговаривала во сне, — она чувствовала себя совершенно разбитой, кровь прилила к лицу, было жарко, волосы повлажнели. А-Цю до поры не заметил, что девушка открыла глаза. Она лежала неподвижно и наблюдала, как китаец хлопочет над завтраком, изучает свои ногти, кивает, мурлычет что-то себе под нос и наклоняется поворошить угли.

Солнце в Деве

Глава, в которой Эмери Стейнз, которому Кросби Уэллс уже успел рассказать в подробностях историю о том, сколько претерпел от руки вероломного Фрэнсиса Карвера, – и оба прониклись друг к другу доверием и приязнью – внезапно решает сфальсифицировать ежеквартальный отчет и удалить все упоминания о золотом кладе из приисковых реестров; но, осуществляя задуманное, он совершенно забывает про неутомимого труженика Цю, который, согласно протоколу и невзирая на условия своего контракта, тем не менее заслуживает премии.

Явившись на пункт приема при лагере, Эмери Стейнз с удивлением обнаружил, что сейф «Авроры» отмечен флажком: это означало, что добытое золото уже сдано. Он попросил «золотой эскорт» отпереть сейф. Внутри обнаружилась аккуратная стопка переплавленных золотых слитков. Стейнз взял один из них в руку:

— А если бы я попросил вас на минутку отвер-

нуться, пока я перекладываю содержимое сейфа в другое место, какую цену вы бы запросили?

Охранник на мгновение задумался, скользя пальцами вверх-вниз по стволу винтовки.

— Я согласен на двадцать фунтов, — заявил он. — В фунтах стерлингов, не в песке.

— Я дам вам пятьдесят, — отозвался Стейнз.

Частичное затмение солнца

Глава, в которой Эмери Стейнз направляется в долину Арахуры с мешком в руке, с целью закопать золотой клад до поры до времени в безопасном месте, на территории, отведенной в пользование маори, – и даже не предполагает, что Фрэнсис Карвер очень скоро вернется в Хокитику и примется выяснять, почему рудник «Аврора», такое многообещающее капиталовложение, превратился в сущую пустышку.

В зарослях новозеландского льна за плечом Стейнза птичка туи склонила набок головку и издала дребезжащий крик — юноше показалось, будто провели палкой по штакетнику под пронзительную мелодию свистка. До чего же небывало странный звук! Стейнз протянул руку, коснулся узких, словно вощеных листов льна, любуясь яркими красками: фиолетовый оттенок у основания словно таял, перетекая в белесо-зеленую полосу в самой середке.

Туи упорхнул прочь; все стихло. Стейнз на-

клонился, подобрал с земли слитки. Аккуратно сложил штабелем на дне выкопанной ямы. Забросав яму землей, положил сверху несколько плоских камней — в определенном, узнаваемом порядке, — а потом затоптал собственные следы.

Papa-tu-a-nuku[84]

Глава, в которой, где-то в полумиле ниже по реке от того места, где только что было зарыто золото, Кросби Уэллс и Тауфаре собираются отобедать ханги, то есть едой, приготовленной в земляной печи: яму засыпают, а после откапывают, снимают листья, которыми снедь обернута, – внутри же обнаруживается вкуснейшее блюдо, сочное, благоухающее дымом, дубильными веществами и густыми глинистыми запахами почвы.

— А я говорю, ничего тут такого нет. У вас — нефрит, у нас — золото. А могло бы и наоборот сложиться. И мы бы говорили: нефритовая лихорадка. Или зеленая лихорадка.

Тауфаре, неутомимо работая челюстями, обдумал эти слова со всех сторон. И наконец сглотнул и покачал головой.

— Нет, — возразил он.

— Да разницы-то никакой нет, — настаивал

---

[84] Сноски: 84

Папатуануку — мать-земля, упоминаемая в легенде о Сотворении мира в мифологии маори.

Уэллс, потянувшись за очередным куском мяса. — Тебе оно, может, и не по душе, но ты должен признать — разницы тут никакой. Минерал, он минерал и есть, что тот, что этот. Горная порода, одно слово.

— Нет, — повторил Тауфаре. Он заметно разозлился. — Это не одно и то же.

Часть X
Вопросы наследования

11 октября 1865 года

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы

Ласкуги
Су
Девици
Мајстори
Вести
Девети
Кући
Очинерди
Стрелац
Јарцу
Водолији
Рибама
Овну
Телецу
Близанцима
Раку
Лаву
Девици
Вагу
Шкорпији
Стрелцу
Јарцу
Водолији
Рибама
Овну
Телецу
Близанцима
Раку
Лаву
Девици
Вагу
Шкорпији
Стрелцу
Јарцу
Водолији
Рибама

Изгнание

Глава, в которой Анна Уэдерелл, с душераздирающей, тошнотворной отчетливостью помня драку в будуаре «Дома многих желаний» в Данидине ночью 12 мая и денно и нощно мучась этим воспоминанием (причем от сознания, что ее пособничество, пусть и тайное, помогло невинному человеку избегнуть неминуемой гибели, легче ей не становится), нежданно-негаданно видит перед собою обезображенного злоумышленника собственной персоной и в момент слабости забывает о себе.

Фрэнсис Карвер ехал верхом по Каньерской дороге прочь от моря, когда завидел на обочине знакомую фигуру. Он натянул поводья, спешился, подошел к девушке, отмечая про себя, что на ногах она стоит нетвердо, а лицо раскраснелось. На губах ее играла улыбка.

— Он спасся, — пробормотала она. — Я помогла ему.

Карвер подошел ближе. Пальцем приподнял ей

подбородок, развернул лицом к себе:

— Кому?

— Кросби.

Карвер ощутимо напрягся.

— Уэллс! — прорычал он. — Где он?

Девушка икнула; внезапно в глазах ее отразился страх.

— Где? — Карвер отступил на шаг и с размаху ударил ее по лицу. — Отвечай. Он здесь?

— Нет!

— В Отаго? В Кентербери? Где?

В отчаянии она бросилась бежать. Карвер схватил ее за плечо, рванул назад — и тут где-то неподалеку прогремел выстрел…

— Тпру! — заорал Карвер, стремительно разворачиваясь.

Испуганная лошадь взвилась на дыбы…

Падение

Глава, в которой Анна Уэдерелл говорит неправду, чтобы защитить Кросби Уэллса, пытаясь этим запоздалым проявлением верности искупить недавнее предательство, невнятное воспоминание о котором туманится, и тает, и утрачивает определенность, ибо разум девушки был одурманен трижды: опиумным дымом, и физической расправой, и, наконец, опиатом, примененным доктором Гиллисом в преддверии крайне прискорбной операции, в ходе которой Анна всхлипывала, стонала и царапала себя так, что доктор Гиллис был вынужден попросить помощников подержать пациентку, а Левенталь, обычно проявляющий немалую силу духа в минуту жизни трудную, перед лицом потрясений и травм, зарыдал, отводя ее руки.

Когда Анна открыла глаза, над ней склонялся Левенталь, с белой тряпицей в одной руке и флаконом лауданума в другой. Рядом стоял бледный как смерть Эдгар Клинч.

— Она очнулась, — промолвил Клинч.

— Анна, — позвал Левенталь. — Анна, милая.

— Мм, — отозвалась она.

— Расскажи, что произошло. Расскажи, кто это сделал.

— Карвер, — глухо выговорила она.

— Да? — Левенталь наклонился ближе.

Нельзя, никак нельзя выдавать Кросби Уэллса! Она же поклялась хранить его тайну. Никак нельзя называть его имени.

— Карвер… — вновь повторила она. Мысли ее то прояснялись, то снова путались.

— Да?..

— …Он отец, — прошептала Анна.

Десцендент

Глава, в которой Эмери Стейнз, узнав об избиении Анны от Бенджамина Левенталя, тотчас же седлает коня и мчится в долину Арахуры, стиснув зубы и не сдерживая жгучих слез; таковы внешние проявления глубоко эмоционального потрясения, истинную причину которого он отказывается признавать даже про себя и, уж конечно, не пытается облечь ее в слова – ибо страдающее сердце не в силах мгновенно распознать и объяснить сильное чувство, – а Стейнза в данном случае так расстроил откровенный рассказ Левенталя о нанесенных девушке телесных повреждениях, равно как и вид его фартука, заляпанный кровью сверху донизу, что юноша позабыл в конюшне и бумажник, и шляпу и, выезжая, едва не сбил Харальда Нильссена, когда тот выходил из «Скобяных товаров Тайгрина», с бумажным пакетом под мышкой.

Уэллс отворил дверь. На пороге, согнувшись

вдвое, стоял Эмери Стейнз.

— Ребенок погиб, — прорыдал он. — Твой ребенок погиб.

Уэллс помог юноше войти и выслушал его рассказ. Затем вынес бутылку бренди, налил себе и ему по стакану, осушил свой до дна, налил обоим еще, выпил, налил по третьему.

Когда бутылка опустела, Стейнз заявил:

— Я отдам ей половину. Поделюсь с нею. У меня есть целое состояние — тсс, это секрет! — я его закопал. Но теперь откопаю.

Уэллс уставился на него во все глаза. И, помолчав какое-то время, уточнил:

— Половина — это сколько?

— Ну, — пробормотал Стейнз, — наверное, тысячи две. — Юноша положил голову на стол и смежил веки.

Уэллс снял с полки жестяную коробку, открыл ее, достал чистый лист бумаги и перьевую ручку. И написал:

> В одиннадцатый день октября 1865 года сумма в две тысячи фунтов должна быть передана МИСС АННЕ УЭДЕРЕЛЛ, уроженке Нового Южного Уэльса, МИСТЕРОМ ЭМЕРИ СТЕЙНЗОМ, уроженцем Нового

Южного Уэльса, свидетелем чему выступает МИСТЕР КРОСБИ УЭЛЛС.

— Вот, — произнес Уэллс. Он начертал свое имя и пододвинул листок к Стейнзу. — Подписывай.

Но юноша уже крепко спал.

Часть XI
Закат Ориона, восход Скорпиона

3 декабря 1865 года

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы

Гаскуан
Сич
Фейт
Инфернале
Ярем
Деспине
Ярем
Инмеренне
Уно
Инвосси
Трентагод
Балфур

Луна в Тельце (предел Ориона)

Глава, в которой Анна Уэдерелл в глубоком раздумье подытоживает свои обязательства, каковое занятие повергает ее в такое беспросветное отчаяние, что разум, так сказать, отводит взгляд, и высматривает тему повеселее, и неизбежно обращается к улыбчивому, ясноглазому образу Эмери Стейнза, чье доброе расположение она с некоторых пор стремилась завоевать упорнее, нежели чье бы то ни было еще, но стремление это подавляется так же часто, как находит выход, ведь девушка знает, что он стои́т куда выше ее, его виды на будущее столь же блестящи и многообразны, сколь ее собственные – темны и ограниченны, и полагает, соответственно, что он на нее смотрит совсем иначе, нежели она на него, какового убеждения она и держится, невзирая на то, что Эмери Стейнз трижды наведывался к ней в гости после ее выздоровления, а недавно еще и подарил бутылку андалусийского бренди, последнюю во всей Хокитике, хотя, как только девушка

приняла ее из его рук, он внезапно смешался и попросил разрешения забрать бутылку и вернуться с другим, более подходящим подарком, на что она честно ответила, что ей чрезвычайно лестно получить подарок, который не пытается даже казаться подходящим, и в любом случае это последняя такая бутылка во всей Хокитике, а значит, вещь куда более необыкновенная и редкая, нежели все когда-либо полученные ею сувениры и побрякушки.

Аннин долг Мэннерингу за последний месяц удвоился. Сто фунтов! Ей такую сумму и за десять лет не выплатить, учитывая ростовщические проценты, и стоимость опиума, и тот факт, что ее собственная ценность с годами будет неизбежно падать. Уголок окна затуманился под ее дыханием: она потянулась протереть стекло. В голове вертелась какая-то фраза или присловье: «У женщины, которая пала, нет будущего, у мужчины, который сумел подняться, нет прошлого». Она это где-то слышала? Или сама придумала?

Солнце в Скорпионе

Глава, в которой Эмери Стейнз в глубоком раздумье сомневается в собственных своих намерениях, ибо его врожденная честность с готовностью приняла как данность его влечение, и его восторг, и ту легкость, с которой возможно получить желаемое, и ни малейшего стыда по поводу всей этой гаммы чувств он не испытывает и тем не менее мешкает в нерешительности – ибо, при всем различии в их положении, он ощущает некую близость с Анной Уэдерелл, связь, в силу которой он чувствует в себе некую незавершенность, в том смысле, что ее природа, полная противоположность его собственной и при этом на диво ей созвучная, словно бы проливает свет на те внутренние грани его характера, которые внешнее его поведение не может и не станет демонстрировать миру, так что он словно бы умаляется вдвое или вдвое вырастает, то есть, иными словами, вырастает в присутствии Анны и умаляется, когда ее нет; и в результате он внезапно начинает сомне-

ваться в таких своих качествах, как честность и добродушное любопытство, которыми он в обычном случае и руководствовался бы, безо всяких сомнений и проволочек; в эти раздумья то и дело вклинивается замечание Джозефа Притчарда – «если бы не ее долги и если бы не ее зависимость, у нее бы от предложений отбою не было», – и фраза эта снова и снова неуютно всплывает в памяти Стейнза как есть, не меняясь.

А что, если купить ее на ночь? А с утра он свозит ее к Арахуре и покажет закопанный клад. И объяснит, что намерен отдать ей ровно половину. Но не обесценится ли подарок, если Стейнз уже заплатит за удовольствие побыть в ее обществе? Может, и так. Но сумеет ли он смириться с мыслью, что другие мужчины познали ее так, как он, Стейнз, не познал? Непонятно. Юноша смял в ладони лист, а затем поднес руку к самому носу и вдохнул запах сока.

Часть XII
Старая Луна в объятиях новой Луны

14 января 1866 года

42° 43′ 0″ южной широты / 170° 58′ 0″ восточной долготы

Гаскуан
Сч
Девица
Мичфарре
Водрем
Близнецы
Рыбы
Стрелец
Уно
Женсен
Цритгард
Балдруз

Светила

Глава, в которой Анну Уэдерелл покупают на ночь; Алистер Лодербек едет верхом на встречу со своим незаконнорожденным братом; Фрэнсис Карвер по наводке отправляется в долину Арахуры; Уолтер Мади высаживается на новозеландский берег; Лидия Уэллс крутит колесо Фортуны; Джордж Шепард дежурит в тюрьме, с винтовкой на коленях; грузовой контейнер на набережной Гибсона вскрыт; влюбленные разделяют ложе; Карвер откупоривает пузырек с лауданумом; Мади обращает лицо к незнакомым небесам; влюбленные засыпают; Лодербек загодя проговаривает про себя извинения; Карвер находит выкопанный клад; Лидия снова крутит колесо; Эмери Стейнз просыпается в постели один; Анна Уэдерелл, отчаянно нуждаясь в утешении, зажигает трубку; Стейнз падает и ударяется головой; Анна оглушена; одурманенный, плохо понимая, что делает, Стейнз уходит в ночь; оглушенная, плохо понимая, что делает, Анна уходит в ночь; с верши-

ны горного хребта Лодербек видит хижину брата; Кросби Уэллс выпивает полпузырька; Мади вписывается в гостиницу; Стейнз, оступившись на набережной Гибсона, падает; Анна, оступившись на Крайстчерчской дороге, падает; крышка контейнера заколочена гвоздями; Карвер бросает в печь листок бумаги; Лидия Уэллс смеется долгим заливистым смехом; Шепард задувает фонарь; дух отшельника легко и плавно отделяется от тела и начинает свое одинокое восхождение, чтобы навсегда упокоиться среди звезд.

— Нынешняя ночь станет началом начал.

— Так было?

— Так будет. Для меня.

— А для меня началом стали альбатросы.

— Это хорошее начало; я рад, что оно досталось тебе. А мое — нынешняя ночь.

— А у нас непременно должны быть разные начала?

— Разные начала? Думаю, обязательно.

— И будут еще?

— Причем великое множество. У тебя глаза закрыты?

— Да. А у тебя?

— Тоже. Хотя в такой темноте никакой разницы нет.

— Я чувствую себя… больше чем самой собою.

— Я чувствую… как будто в моем сердце открылась новая дверь.

— Слушай!

— Что это?

— Дождь.

Благодарности

Я благодарю за поддержку и помощь Новозеландский фонд искусств, Фонд наследственного имущества Луиса Джонсона, агентство «Творческая Новая Зеландия», Новозеландское общество писателей, семью Тейлор-Чехак, семью Шульц, Фонд искусств Айовы, кафедру английского языка Кентерберийского университета, писательский центр имени Майкла Кинга, кафедру английского языка Оклендского университета, факультет художественного творчества Технологического института Манукау и моих коллег и наставников с писательского семинара Айовы. Мне очень повезло обрести дом родной в издательствах «Гранта» (Великобритания), «Литтл, Браун» (США) и «Виктория юниверсити пресс» (Новая Зеландия).

Эта книга — никоим образом не фактологическое исследование; однако вдохновением я обязана рассказу Колина Таунзенда о тюрьме Сивью под названием «Холм скорби» (Colin Townsend, *Misery Hill*) и исторической монографии Стивана Элдред-Григга «Старатели, „шляпники“,

шлюхи» (Stevan Eldred-Grigg, *Diggers, Hatters and Whores*). Также я очень многим обязана газетному фонду Национальной библиотеки Новой Зеландии (paperspast.natlib.govt.nz); обширному и порою уморительно-смешному астрологическому сайту (www.astro.com) и трудам астрологов Стеллы Старски и Квина Кокса. Для расчета положения планет и звезд я пользовалась интерактивной картой звездного неба на сайте www.starandtelescope.com, а также приложением «Stellarium» для «макинтоша».

Приношу сердечную благодарность Максу Портеру, Саре Холлоуэй и Фергюсу Барроумену; Филипу Гвину Джоунсу и Рейган Артур; Кэролайн Дони, Оливии Хант, Джессике Крейг, Линде Шонесси, Саре Тикетт, Зоуи Росс и Софи Скард; и, конечно же, Эмме Борджес-Скотт, Джастину Торресу, Эвану Джеймсу, Кейти Пэрри и Томасу Фоксу Пэрри — ведь дружба и разговоры с ними во многом способствовали написанию этой книги. Также выражаю искреннюю признательность Сюйчун Джуди Гуань, которая перевела отдельные фрагменты этой книги на кантонский диалект и транскрибировала их с помощью букв латинского алфавита. Спасибо Кристине Лоу, Саре Банс, Илоне Ясиевич и Анне Медоуз, которые

помогли отредактировать рукопись; и Барбаре Хиллиам, которая так красиво нарисовала карты; и Филипу Каттону, который объяснил мне все про звезды, планеты и золотое сечение; и Джоан Оукли, которая посылала мне корабельные новости из-за моря.

И наконец, самое главное — спасибо Стивену Туссену, который был рядом при каждой конъюнкции, при каждом противостоянии и на каждой заре; и в апогее, и в перигее; который верил в неразрывность связи — и разделил эту веру со мной. Я не в силах оценить твое влияние. Просто спасибо — от меня к тебе.